Ларри
НИВЕН
Джерри
ПУРНЕЛЛ

ЗЕНИЦЕ
ПОДНЕЙ

Ларри
НИВЕН
Джерри
ПУРНЕЛЛ

МОШКА
В ЗЕНИЦЕ ГОСПОДНЕЙ

Ларри
НИВЕН
Джерри
ПУРНЕЛЛ

Ларри
НИВЕН
Джерри
ПУРНЕЛЛ

МОШКА В ЗЕНИЦЕ ГОСПОДНЕЙ

•

ХВАТАТЕЛЬНАЯ РУКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Н60

Larry Niven
Jerry Pournelle
THE MOTE IN GOD'S EYE
THE GRIPPING HAND

Перевод с английского А. Корженевского (1 часть) и О. Колесникова (2–4 части) («Мошка в зенице господней»), С. Сергеева и О. Колесникова («Хватательная рука»)

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств Ralph M. Vicinanza Ltd. и Andrew Nurnberg.

Нивен, Л.

Н60 Мошка в зенице Господней. Хватательная рука : [фантаст. романы : пер. с англ.] / Ларри Нивен, Джерри Пурнелл. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 957, [3] с.

ISBN 978-5-17-042485-6 (ООО «Изд-во АСТ») (С.: Под Дозоры)
ISBN 978-5-9713-5449-9 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-2726-2 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)
Серийное оформление А. Кудрявцева
Компьютерный дизайн С. Шумилина

ISBN 978-5-17-042486-3 (ООО «Изд-во АСТ») (С.: БМФ)
ISBN 978-5-9713-5448-2 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-2727-9 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)
Компьютерный дизайн С. Шумилина

Впервые за долгие века люди встретились наконец с «братьями по разуму» — гуманоидными обитателями далекой звездной системы.

Однако эта встреча принесла землянам новые проблемы...

Что делать с цивилизацией, агрессивной уже в самой своей основе, самим фактом своего существования угрожающей существованию человечества?

Вступить с потенциальным врагом в войну — или вести с ним переговоры?

Надеяться на лучшее — или готовиться к худшему?

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Larry Niven and Jerry Pournelle, 1974, 1993
© Перевод. А. Корженевский, 2003
© Перевод. О. Колесников, 2003
© Перевод. С. Сергеев, 2004
© Перевод. О. Колесников, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2007

Хронология

1969	Нил Армстронг ступает на поверхность Луны.
1990	Серия договоров между Соединенными Штатами и Советским Союзом приводит к образованию СоВладения.
2008	Первый успех в испытаниях двигателя для межзвездных перелетов. Создание Движителя Олдерсона.
2020	Первые колонии в других звездных системах. Начало Великого Исхода.
2040	Бюро Переселения начинает массовую отправку заключенных СоВладения за пределы Солнечной системы. Колонизация Спарты и Св. Екатерины.
2079	Сергей Лермонтов становится гранд-адмиралом Объединенных Военных Космических Сил.
2103	Начало Великих Патриотических войн. Конец СоВладения. Исход Флота.
2110	Коронация Лисандра I на планете Спарта. Флот присягает на верность Спартанскому трону. Династический брак приводит к союзу Спарты и Св. Екатерины.
2111	Начало Формационных войн.
2250	Леонидас II провозглашает Империю Человека.
2250—2600	Империя Человека устанавливает и поддерживает мир между мирами.
2450	Джаспер Мурчисон исследует район за пределами Угольного Мешка. Изменение климата и освоение Новой Шотландии.
2609	Начало Сепаратистских войн. Появление сауронских суперменов. Св. Екатерина почти полностью уничтожена.
2640	Сепаратистские войны продолжаются. Наступление Темных Веков для многих звездных систем. Истребление сауронских суперменов.
2800	Прекращение межзвездной торговли. Пиратство и разбой. Темные Века.
2862	Когерентный световой луч от Мошки достигает Новой Шотландии.

2870	Конец Сепаратистских войн.
2882	Ховард Гроут Литлмид создает на Новой Шотландии церковь Его Имени.
2902	Когерентный луч от Мошки внезапно пропадает.
2903	Леонидас IV провозглашает Вторую Империю Человека. Произнесение Клятвы Возрождения Единства.
3016	Мятеж на Нью-Чикаго.
3017	ПЕРВЫЙ КОНТАКТ.

Свет Мошки

Прошлой ночью в это же время он вышел посмотреть на звезды. Но в дверях его встретил яростный белый свет, словно взорвалось солнце. Когда он снова обрел способность видеть, на границе темной полусферы, накрывшей университет, в кукурузном поле поднимался огненный гриб. Потом пришел звук, раскатистый грохот, пронесшийся по полям и сотрясший дома.

Перепуганная Элис, боясь, что сбылись ее худшие опасения, выбежала из дома, крича:

— Неужели твоя наука стоит того, чтобы нас всех тут убили?

В ответ он промолчал, потому что вопрос был обычным для жены астронома и потому что в тот вечер его наука никуда не продвинулась. Система управления главным телескопом была повреждена — непоправимо, поскольку сам телескоп размещался на маленькой луне Новой Шотландии. В последнее время по ночам межпланетное пространство озарял необычайный свет незатихающих войн, атмосфера светилась от ионизации, радиоактивных лучей, ударных волн, термоядерных взрывов... Он молча ушел в дом.

И вот сегодня, опять-таки поздним вечером 27-часового новошотландского дня, Таддеус Поттер, доктор наук, вышел на ночной воздух прогуляться.

Ночь отлично подходила для наблюдений. Межпланетные войны превратили небеса в ад, и рассмотреть что бы то ни было не представлялось возможным; но этим вечером Новая Ирландия не бомбила. Имперский Военный Флот одержал победу.

Поттер пропустил новости мимо ушей, однако последствия победы его интересовали. Может статься, сегодня вечером война не помешает его работе. Он сделал тридцать шагов вперед и повернул там, где крыша его дома уже не закрывала Угольный Мешок. Это зрелище никогда ему не надоедало.

Угольный Мешок был межзвездным скоплением газа и пыли, небольшим, по меркам таких образований, — восемь-десять парсеков протяженностью, — но довольно плотным, и располагался достаточно близко к Новой Каледонии, чтобы закрывать собой четверть неба. Где-то по другую сторону Мешка находились Земля и столица Империи, Спарта, обе безнадежно невидимые. Угольный Мешок за-

слонял большую часть Империи, но служил отличным бархатным фоном для пары близких и ярких, как бриллианты, звезд. Одна из которых весьма существенно преобразилась.

Лицо Поттера тоже преобразилось. Глаза полезли из орбит. Тяжелая челюсть отвисла до предела. Он дурак дураком уставился в небо, словно видел его в первый раз. Потом, внезапно повернувшись, бросился в дом.

Когда Элис вошла в спальню, он звонил Эдвардсу.

— Что случилось? — воскликнула жена. — Они пробили защиту?

— Нет, — бросил Поттер через плечо. И неохотно добавил: — Что-то случилось с Мошкой.

— О Господи!

Элис разозлилась не на шутку, Поттер не мог этого не видеть.

— Цивилизация рушится прямо нам на голову, а он носится со своими звездами!

Элис не любила звезды.

Эдвардс ответил. Он появился на экране голый по пояс, взъерошенные кудри напоминали разоренное птичье гнездо.

— Какого черта... Тэд. Я мог бы догадаться. Тэд, ты хоть знаешь, который час?

— Знаю. Выйди на улицу, — приказным тоном сказал Поттер. — Погляди на Мошку.

— На Мошку? На Мошку?

— Да. Она стала сверхновой! — заорал Поттер.

Эдвардс застонал, потом вдруг сообразил. Не дав отбоя, он бросился прочь от экрана. Поттер протянул руку и нажатием кнопки сделал окно спальни прозрачным. Мошка была на месте.

Даже без такого превосходного фона, как Угольный Мешок, Глаз Мурчисона был бы самым ярким объектом на небосклоне. Поднявшись над горизонтом, Угольный Мешок напоминал силуэт человека в капюшоне: голова и плечи; смещенный от центра красный сверхгигант казался внимательным и злобным глазом. Университет вырос из обсерватории, основанной для изучения этого сверхгиганта.

В глазу была мошка — маленький желтый сосед-карлик, крошечный и тусклый, малоинтересный. Во Вселенной полно желтых карликов.

Но нынче ночью Мошка превратилась в ярчайшую зелено-голубую точку. Ее яркость почти сравнялась с яркостью Глаза Мурчисона, и она горела чистым сильным светом. Глаз Мурчисона был белым с явственным красным оттенком, а вот Мошка теперь стала сине-зеленой — бескомпромиссно, просто невероятно зеленой.

Эдвардс вернулся к телефону.

— Тэд, это не сверхновая. Ничего подобного никогда не бывало. Тэд, нам нужно добраться до обсерватории!

— Знаю. Жду тебя там.

— Я хочу поработать со спектроскопом.

— Отлично.

— Господи! Надеюсь, это не завершится слишком быстро! Думаешь, нам удастся сегодня прорваться?

— Если перестанешь болтать, мы скоро это узнаем.

— Что? Ах да.

Эдвардс дал отбой.

Бомбардировка началась, когда Поттер садился на мотоцикл. В небе появились огненные полосы, словно следы очень больших падающих звезд; но эти полоски не гасли, а тянулись до самого горизонта. В стратосфере образовывались и исчезали облака, очерчивая ударную волну. У горизонта долго висело свечение, потом постепенно померкло.

— Черт, — шепотом, но с чувством выругался Поттер.

Он завел мотор. Война почти не коснулась профессора — вот только у него не стало новоирландских студентов. Он даже скучал по некоторым из них. Например, по тому парню из Кохана, который...

Целая пригоршня звезд упала, словно взрывающиеся огни салюта. Над головой горело нечто похожее на новую звезду. Падающие звезды мигнули и погасли, но новые и новые огни продолжали вспыхивать, быстро меняя цвет, уже после того, как пропали облака, отмечавшие фронты ударных волн. Ночь прояснилась, и Поттер увидел, что стало с луной.

Что Новая Ирландия могла обстреливать на новошотландской луне?

Поттер мигом это понял.

— Сволочи! — выкрикнул он в небо. — Сволочи и жалкие предатели!

Последнее пятно света рдело, угасая.

С ревом огибая угол Эдвардсова дома, Поттер кричал:

— Предатели разбомбили главный телескоп! Ты видишь? Весь наш труд!..

Он забыл о телескопе на заднем дворе Эдвардса.

Это был хороший телескоп, и он влетел Эдвардсу в копеечку, хотя весил всего четыре килограмма. Телескоп был портативный. «В особенности, — любил добавить Эдвардс, — если сравнивать с главным телескопом».

Купить телескоп Эдвардсу пришлось после того, как у него треснуло четвертое самодельное зеркало и его жена, ныне покойная, выступила с ультиматумом: ей-де надоело вычищать из ковра «Новая жизнь» полировочный порошок «Карбо-200».

Сейчас Эдвардс повернул голову от окуляров со словами:

— Смотреть там особенно не на что.

И не обманул. Ничего примечательного. Глазам Поттера предстал чистый аквамариновый круг.

— А вот это стоит увидеть, — продолжил Эдвардс. — Ну-ка подвинься...

Он поместил перед окуляром листок чистой бумаги, а потом пустил луч через прозрачную призму.

Призма разложила луч и бросила на бумагу веер радуги. Но радуга была едва видной, блеклой и исчезала в единой полоске аквамарина; зато эта последняя сияла вовсю.

— Одна линия, — хмыкнул Поттер. — Монохромный свет?

— Я говорил тебе, что это не сверхновая.

— Сам вижу. Тогда что это? Луч лазера? Но такое может быть только искусственным. Господи! Что за необычная технология!

— Ох, прекрати, — прервал Эдвардс его монолог. — Я сомневаюсь в искусственном происхождении. Свечение слишком сильное.

Голос у него был довольный.

— Мы наткнулись на нечто новое. Мошка каким-то образом начала испускать когерентный свет.

— Это невозможно...

Эдвардс разозлился. К тому же это был его телескоп.

— Тогда что это, по-твоему? Какие-то типы просят о помощи? Но если у них в руках такая мощь, почему они не отправили корабль? Он прилетел бы на тридцать пять лет раньше!

— Да ведь из Новой Каледонии к Мошке нет трековой линии! Даже теоретически такой возможности нет. Единственная линия к Мошке начинается внутри Глаза. Забыл, что Мурчисон специально искал другую трековую линию, но так и не нашел? Мошка в полной изоляции.

— А тогда откуда там взялась колония? — с торжеством спросил Эдвардс. — Рассуждай логически, Тэд. У нас тут природный феномен, нечто новое в звездных процессах.

— Но вдруг это чей-то призыв?

— Будем надеяться, что нет. Все равно мы не сможем им помочь, даже если бы трековая линия нам была известна! В системе Новой Каледонии нет межзвездных кораблей, и вряд ли они появятся до тех пор, пока не кончится война.

Эдвардс поглядел на небо. Луна была маленьким неровным полудиском; на темной половине ало дотлевал кратер. В вышине пламенела яркая фиолетовая полоска. Фиолетовое свечение стало раскаленным, засияло белизной, затем исчезло. Где-то в космосе погиб военный корабль.

— Да ладно, — проговорил Эдвардс. — Если кто-то зовет нас оттуда, он готов ждать до опупения. Если хочешь, можем поискать

модуляции в луче. Если луч не модулированный, ты наконец успокоишься? Да или нет?

— Успокоюсь, — пообещал Поттер.

В 2862 году по эту сторону Угольного Мешка не было межзвездных кораблей. На другой стороне, в окрестностях Круциса и Столицы, по трековым линиям между звездами к управляемым Спартой мирам курсировал небольшой флот. С каждым годом лояльных кораблей и миров убавлялось. Лето 2862-го для Новой Шотландии выдалось печальным. День ото дня все меньше народу выбиралось за темный купол, защищающий город; к ночи жители неизменно возвращались. Лишь считанные единицы наблюдали восход Угольного Мешка.

Восход Человека в Капюшоне был загадочным и зловещим; силуэт, чрезвычайно напоминающий человека, прикрывшего голову капюшоном, отмечала единственная яркая искра двуцветного глаза. Сейчас Мошка горела так же ярко, как Глаз Мурчисона. Но кто сегодня станет слушать Эдвардса и Поттера и их бредовые рассказы о Мошке? Ночное небо стало полем боя, смотреть на него было попросту опасно.

Война шла уже не за Империю. В системе Новой Каледонии война продолжалась потому, что никак не могла остановиться. Понятия «лоялист» и «повстанец» утратили смысл, но это мало кого волновало, покуда с неба продолжали падать бомбы и подбитые корабли. Астрономический факультет университета по-прежнему возглавлял Генри Моррисси. Он пытался уговорить Поттера и Эдвардса вернуться под защиту Поля Лэнгстона. Однако декан преуспел единственно в том, что Поттер согласился отправить туда жену и двух сыновей. У Эдвардса родственников не было. В итоге двинуться отсюда отказались оба. Моррисси согласился с ними — с Мошкой что-то происходит, — но не верил, что причину можно определить человеческим глазом.

Поттер славился своим маниакальным энтузиазмом. Факультет предоставил им с Эдвардсом оборудование. В основном это были временные, импровизированные приспособления, тем не менее позволяющие получить кое-какие данные. Со стороны Мошки бил лазерный луч невероятной мощности. Создание источника такой энергии представляло собой чудовищно сложную задачу, и пойти на это могли с единственной целью: передать сообщение.

Но самого сообщения почему-то не было. Луч не был модулированным. Луч не менял цвет, не мигал, не менял интенсивности — ничего. Это был чудесный, ровный, невероятно мощный луч когерентного света.

Поттер надеялся, что свечение расширится до какого-то контура, и часами смотрел в телескоп. Эдвардс ничем не мог ему помочь. Его настроение менялось от злорадного, хоть и вежливого, торжест-

ва (удалось доказать свою точку зрения!) до проклятий, которые он бормотал, пытаясь исследовать новый «звездный процесс» при помощи непригодного для этой цели оборудования. Сходились астрономы в одном: опубликовать их исследования необходимо, но невозможно.

Однажды ночью ракета взорвалась у самой границы черного купола. Поле Лэнгстона, защищавшее университет, вобрало всю обрушившуюся на него энергию и уберегло город от испепеляющего огня, однако чтобы окончательно распределить адскую ярость по Полю и изгнать, требовалось время. Инженеры отчаянно старались отвести энергию от щита наружу, но генератор перегрелся и превратился в слиток металла.

Инженеры выполнили свою задачу, и все же избежать прорыва энергии не удалось: генератор отключился. Сработали реле, и Новая Каледония осталась беззащитной перед враждебными небесами. Пока Космофлот восстанавливал Поле, миллионное население города увидело восход Угольного Мешка.

— Я должен извиниться, — сказал на следующее утро Моррисси, заглянув к Поттеру. — С Мошкой творится что-то чертовски странное. У вас есть какие-нибудь результаты?

Декан выслушал Поттера и Эдвардса и остановил вспыхнувший ожесточенный спор. Теперь, с появлением слушателя, оба ученых готовы были вести жаркие споры. Моррисси пообещал прислать им дополнительное оборудование и попросил вернуться под защиту Поля, когда его восстановят. В свое время он тоже был астрономом. Он знал, что им нужно.

Недели переросли в месяцы. Война продолжалась, истощая силы Новой Шотландии, приканчивая ее ресурсы. Поттер и Эдвардс продолжали работать, но ничего не достигли, лишь яростно спорили друг с другом, выкрикивая проклятия в адрес предателей из Новой Ирландии.

Лучше бы они оставались под прикрытием щита. Мошка сияла когерентным светом изумительной чистоты. Через четыре месяца после того, как Мошка зажглась, мощность луча вдруг скакнула и осталась на новом, более высоком уровне. Через пять месяцев мощность луча снова возросла. Еще через пять месяцев мощность луча увеличилась еще раз, но Поттер и Эдвардс этого уже не увидели. В ту ночь с неба упал новоирландский корабль; его щит фиолетово светился от трения. Почти над самой землей в щите произошла перегрузка, и он разрушился, высвободив накопленную энергию в едином яростном взрыве.

На равнины и поля за чертой города обрушилась лавина гамма-излучения и фотонов. Поттера и Эдвардса обеспокоенные студенты отвезли в больницу. Поттер умер через три дня. Эдвардс остаток своих дней ходил с ранцем: переносной системой жизнеобеспечения.

В мирах, где часы еще шли, был год 2870, когда на Новой Шотландии случилось чудо. На планету упал переделанный когда-то из торгового межпланетный военный корабль с неповрежденным Полем Лэнгстона и полным боекомплектом торпед. Корабль был подбит в последней схватке, но и восстание на Новой Ирландии в ту пору уже закончилось. Вся система Новой Каледонии присягнула на верность Империи; но Империи же не существовало.

Университет убрал защитное поле. К тому времени многие успели забыть, что Мошка когда-то была маленькой желто-белой точкой.

Большинству было все равно. Вокруг лежал мир, который нужно было покорить; этот мир недавно прошел полное терраформирование, но не более того. Хрупкая привезенная биосфера была почти полностью уничтожена, и от населения планеты требовались все знания и умения, чтобы сохранить Новую Шотландию пригодной для обитания.

Население планеты одержало победу, поскольку иного выхода не оставалось. Вывозить уцелевших было не на чем. Война уничтожила верфи, межзвездных кораблей не стало. Новые шотландцы были одни по эту сторону Угольного Мешка.

Годы шли, Мошка еще более разгоралась. Теперь она походила скорее на бриллиант, чем на звезду, но на Новой Шотландии перевелись астрономы, которым было бы до этого дело. В 2891 году Угольный Мешок казался темным профилем человека в капюшоне. У человека был один ужасный, яркий, сине-зеленый глаз, рядом с которым располагалось небольшое красное пятнышко.

В одну из ночей, когда в небе Новой Шотландии взошел Угольный Мешок, фермеру по имени Ховард Грот Литтлмид было откровение. Он вдруг понял, что Угольный Мешок есть Бог и что теперь его долг рассказать об этом всем и каждому.

Традиционно считалось, что с Новой Каледонии можно увидеть лик Господа; и у Литтлмида был зычный голос. Несмотря на протесты Имперской ортодоксальной церкви, несмотря на протесты вице-короля и мрачные лица университетских ученых, его вероучение распространилось на Новой Шотландии и постепенно вошло в силу. Эта церковь никогда не была многочисленной, но ее члены отличались фанатичной преданностью; у них было чудо, произошедшее с Мошкой, которое не мог объяснить ни один ученый. В 2895 году к Церкви Его Имени принадлежали почти все фермеры Новой Шотландии, хотя в городах у нее было не много прихожан. К слову сказать, в полях трудилась половина населения. Кухни-конверторы давно сломались. В 2900 Новая Шотландия располагала двумя ис-

правными космическими кораблями, один из которых мог совершать посадки на поверхность планеты. Все генераторы Поля Лэнгстона вышли из строя. Времена настали такие, что если устройство, использующее технологии Империи, ломалось, оно ломалось навсегда. Ремонт был никому не под силу. Новая Шотландия катилась к примитивной жизни.

Мошка становилась ярче еще сорок лет. Дети отказывались верить, что когда-то эту звезду называли Мошкой. Взрослые знали, что так было, но не помнили почему. Они называли двойную звезду Глазом Мурчисона, и считалось, что у красного гиганта нет собственного имени. Исторические записи могли бы внести ясность, но университетские архивы не давали достоверной информации: записи в хранилище библиотеки были повреждены мощными электромагнитными импульсами в годы осады. В том, что сохранилось, зияли большие пробелы.

В 2902 Мошка погасла.

За несколько часов ее зеленый свет почти полностью угас; но это могли бы заметить только наблюдатели на другой стороне планеты. Когда Угольный Мешок взошел в эту ночь над университетским городком, с неба на землю глядел слепец.

В течение следующего года ушли из жизни почти все последователи Церкви Его Имени. Пригоршня снотворных таблеток помогла Ховарду Гроту Литтлмиду поспешить на встречу с его Богом... возможно, чтобы потребовать у Него объяснений.

Астрономия тоже умерла. Осталось совсем мало астрономов и еще меньше астрономических инструментов; объяснить исчезновение Мошки никто не сумел. Когда, спустя годы, телескопы обратились к сиявшей прежде Мошке, там был лишь желтый карлик, в котором не было ничего примечательного.

Люди перестали думать о звездах. Им нужно было спасать свой мир. Мошку же, желтый карлик типа G-2, крохотную точку возле Глаза Мурчисона, отделяло от них тридцать пять световых лет. Так продолжалось почти столетие. За это время вокруг Спарты выросла — и вновь явилась на Новую Каледонию — Вторая Империя. Астрономы прочли давнишние, неполные научные записи и возобновили изучение красного сверхгиганта под названием Глаз Мурчисона, но к тому времени мало кого интересовала Мошка. В течение следующих полутора веков эта звезда вела себя вполне обычно.

В тридцати пяти световых годах от Новой Каледонии обитатели Мошки-1 отправили в путешествие космический корабль со световым парусом, используя батареи лазерных пушек, достаточно мощные, чтобы затмить свет соседнего красного сверхгиганта.

Почему и зачем мошкиты сделали это и что у них при этом, Господи помилуй, творилось — мы расскажем дальше.

Рефлекс

Умереть за свою страну способен любой дурак.
Генерал Джордж С. Патон

3017 год н. э.

Военный крейсер «Дерзкий» Объединенной республики почти неподвижно висел в пространстве в полумиллиарде километров от беты Гортензии. Корабль медленно вращался вокруг своей продольной оси. Мимо неторопливой чередой плыли звезды, словно «Дерзкий» бесконечно падал во Вселенную. Капитан Герб Колвин видел в звездах карту сражения, таящую в себе неизмеримые опасности. На огромном смотровом экране «Дерзкий» висел над его головой, громада корабля грозила в любой миг упасть на капитана и раздавить, но Колвин, бывалый астронавт, обращал на это мало внимания. «Дерзкий», построенный второпях и брошенный в космос с вооружением межзвездного крейсера, но без массивных движителей Олдерсона, способных перемещать корабль между звездами, защищал подступы к Нью-Чикаго от налетов Империи. Основной республиканский флот находился по другую сторону беты Гортензии, ожидая неминуемого нападения из той области космоса. Участок, вверенный «Дерзкому», простирался от звезды — красного карлика — на четыре десятых светового года. Карту зоны охранения никто никогда не составлял. Лишь немногие в правительстве Нью-Чикаго придерживались мнения, что Империя сможет добраться до этого сектора, и считанные единицы полагали, что она станет это делать.

Колвин пересек каюту и подошел к буфету из полированной стали. Капитан был высоким (почти два метра) и тощим (почти изможденным), а его аристократическому носу могли позавидовать многие имперские лорды. Светлые, соломенные волосы с трудом поддавались расческе, но капитан носил фуражку только в обязывающих к тому случаях. Его подбородок украшала довольно заметная борода. Двадцать четыре недели назад, когда «Дерзкий» начал свое патрулирование, капитан Колвин был чисто выбрит. Когда-то

он уже отращивал бороду, вдруг решил, что борода ему не нравится, и сбрил ее, но потом взялся отращивать снова. Теперь он радовался, что не прошел ежегодную депиляцию. Уход за бородой был одним из немногих развлечений, доступных мужчинам во время скуки бесконечного патруля.

Открыв буфет, капитан взял из держателей стакан и бутылку и перенес на письменный стол. Виртуозно учитывая эффект Кориолиса, Колвин наполнил стакан, не расплескав на ковер ни капли спиртного. Поставив виски на стол, повернулся к смотровому экрану.

Сказать по совести, смотреть было не на что. Отсюда не видно было даже центра его вселенной, Нью-Чикаго! Дабы поддержать патриотический настрой Комитета государственной безопасности, Нью-Чикаго теперь именовали Союзом. Капитану Гербу Колвину никак не удавалось это запомнить, и Джерри, офицеру по политической части, доставляло немалое удовольствие поправлять его каждый, черт подери, раз. Союз был центром всего, источником скуки и подспудного беспокойства, но отсюда его нельзя было разглядеть даже в телескопы: мешало солнце. Красный карлик, до того близкий, что лишал бету Гортензии ее кометного гало, — и тот казался отсюда лишь тусклой красной искрой. Первый сигнал об атаке появится на экранах мостика задолго до того, как взгляд Колвина найдет точку, черную на черном, которая может оказаться военным кораблем Империи.

Патрулировать «Дерзкому» предстояло шесть месяцев, и все это время в голове Колвина будет гвоздем сидеть вопрос: «Нападет ли Империя?»

Сепаратистская война, положившая конец Первой Империи Человека, распалась на тысячу малых войн, которые в свою очередь распались на бесконечную череду боевых столкновений. В заселенном людьми космосе осталось множество планет, где цивилизация уже погибла; многие другие утратили возможность совершать космические полеты.

Даже Спарта понесла урон. Она лишилась флота, но корабли, погибнув, защитили свою столицу. Когда Спарта начала новое восхождение, оно было стремительным. В освоенном человеком космосе вновь овладели искусством межзвездных перелетов. Технология Поля Лэнгстона сохранилась в записях многих имперских библиотек — факт важный, поскольку открыли Поле благодаря немыслимой череде трагедий в различных сферах человеческой деятельности. Технология Поля не должна была кануть в лету.

Благодаря Полю Лэнгстона и Движителю Олдерсона из пепла Первой Империи восстала Вторая. Правительство знало, что недостатки Первой Империи привели к войне и что эта война не должна

повториться. На этот раз надлежало объединить *все* человечество: пусть не останется планеты вне имперского союза и пусть не будет среди этих планет такой, что могла бы бросить вызов императору и сенату. Если ради обретения человечеством мира несколько планет должны погибнуть, да будет так.

Клятва была дана, и, в то время как другие миры строили торговые суда, Спарта восстановила военный флот и отправила его в космос. Началось объединение человечества силами фанатиков — молодых женщин и мужчин. Империя распространила свое влияние в окрестностях Круциса и вновь проникла за Угольный Мешок, действуя убеждением, обманом, захватом, а порой карательными мерами, где это требовалось.

Нью-Чикаго одним из первых примкнул к Империи Человека. Мятеж и последовавший переворот явились большой неожиданностью. И вот теперь капитан Объединенной республики Герб Колвин, начальник патрульного заградительного крейсера, ждал ответных действий Империи. В неотвратимости кары он не сомневался и уповать мог единственно на то, что «Дерзкий» будет к этому готов.

Усевшись в просторное кожаное кресло перед своим столом, капитан крутил в стакане питье и посматривал то на фото жены, то на экран. Кресло было трофейное, из захваченного дворца верховного губернатора Нью-Чикаго. (За Союз!) Такое кресло, сделанное из импортной кожи, могло принести небольшое состояние, если расстараться и найти хорошего покупателя. Комитет государственной безопасности не понимал ценности такого предмета обстановки.

Колвин оторвал взгляд от фотографии Грейс и, воззрившись на розовую звезду, плывущую в смотровом экране, задумался об имперских кораблях. Когда Империя нагрянет, появятся ли ее корабли *здесь*? В том, что Империя приближается, сомневаться не стоило.

С момента отбытия от Нью-Чикаго «Дерзкий» в целом значительно улучшил свои качества. Корабельные инженеры полностью автоматизировали техническое обслуживание корабля — ведь звездоплавателям Республики не пристало выполнять работу, которую можно поручить роботам. Подобно нью-чикагским кораблям и части кораблей Империи, «Дерзкий» был автоматизирован по типу торгового судна. Колвин задумался. Корабли-торговцы — суда не военные и в сражениях не участвуют. Капитану торгового корабля не нужно беспокоиться о том, что в корпусе его судна появится пробоина. Капитану «торговца», если честно, незачем волноваться из-за того, что в любой миг ту или иную часть его оборудования могут вывести из строя. Торговцу не приходится делать мгновенный выбор, от которого зависит, будет его корабль сражаться дальше или сгинет во вспышке слепящего жара.

Однако ни один робот не мог справиться со сложным комплексом проблем системы контроля повреждений, и даже если бы такого

робота можно было сделать, ничто, в общем-то, не мешало ему погибнуть в бою первым. В свое время Колвин водил торговое судно и тогда еще не видел причин оспаривать политику Республиканского флота, а теперь, имея опыт командования крейсером, начинал понимать, почему Империя не спешила полностью автоматизировать свои корабли и загружала команды рутинными задачами: мытьем коридоров и заменой воздушных фильтров, выскабливанием котлов на кухне и осмотром внешнего корпуса. Команды имперских военных кораблей брюзгливо сетовали на бесконечность мелких дел во время вахты, зато никогда не сидели сложа руки. За шесть месяцев полета «Дерзкий» стал гораздо лучше, чем был, когда покидал причал с командой бойцов, готовых выполнить свою миссию. Кто они теперь? Колвин откинулся в удобном кресле и обвел взглядом каюту. Чересчур уютная. Даже капитану — в особенности капитану! — сейчас оставалось лишь заниматься обустройством своего жилища, и Колвин уже сделал в этом плане все, о чем только можно мечтать.

С командой дело обстояло и того хуже. Матросы устраивали драки, гнали в укромных местах самогон, играли и делали ставки. Тот, кто не мог себе этого позволить, умирал со скуки. Все это отражалось на дисциплине. Взысканий в виде внеочередных нарядов не было, никого не заставляли драить медь или чистить котлы, как могли бы поступить со своими провинившимися матросами имперские шкиперы.

Колвин задумался о второй порции виски, но зазвенел сигнал тревоги.

— Капитан слушает, — отозвался Колвин.

На экране появилось раскрасневшееся лицо.

— Корабль, сэр! — доложил офицер связи. — Пока не могу указать размеры, но он определенно идет от красной звезды.

Во рту у Колвина мгновенно пересохло. Все эти месяцы ожидания он не ошибался... но от сознания собственной правоты легче не становилось.

— Хорошо. Дайте сигнал «К бою!». Всю команду по боевым постам. Идем на перехват.

Лейтенант Сусаск повернулся к кому-то на мостике, и капитан на секунду замолчал. На «Дерзком» зазвенели сигналы тревоги.

— Лейтенант, отправьте сообщение флоту.

— Есть, сэр.

Когда Колвин выскочил из своей каюты, сирены трезвонили уже по всему кораблю. Матросы — диковинные силуэты в боевом снаряжении — шныряли по стальным коридорам. Корабль прекратил вращение и теперь менял курс для погони за пришельцем. Сила тяжести упала и постоянно менялась. Колвин, хватаясь за стенные поручни, словно обезьяна, стал пробираться к рубке.

Команда уже дожидалась его.

— Капитан на мостике! — выкрикнул дежурный офицер. Подчиненные помогли Колвину надеть скафандр и закрепили шлем. Не успел капитан пристегнуться ремнями к креслу, как динамики ожили:

— ВСЕМ ПРИГОТОВИТЬСЯ К УСКОРЕНИЮ. ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ ПЕРЕД УСКОРЕНИЕМ.

— Идем на перехват, — скомандовал Колвин. Компьютер опознал его голос и исполнил команду.

Стрелка указателя силы тяжести подскочила до верхней отметки, и тяжесть вдавила капитана в кресло. Стрелка двинулась обратно и стабилизировалась на отметке три g.

На мостике было полно народу. Удобное противоперегрузочное ложе Колвина возвышалось посреди просторного помещения мостика. Впереди, у отключенных сейчас пультов, сидели трое рулевых, готовые принять управление кораблем, если вдруг откажет главный боевой компьютер. По бокам от рулевых сидели двое впередсмотрящих. Позади — посыльные и связисты, готовые исполнить волю капитана, когда он того от них потребует.

И еще один человек.

Он сидел у Колвина за спиной и не был его подчиненным. «Дерзкий» принадлежал капитану Колвину. И команда принадлежала Колвину, но эту власть он делил с политофицером Джерри. Присутствие политофицера намекало на сомнения в верности Колвина политике Республики. Джерри отрицал это, как отрицал это и Комитет государственной безопасности, но они были не в силах разубедить Герба Колвина.

— Готовы к схватке с врагом, капитан? — спросил Джерри.

Тонкие черты вечно улыбающегося лица Джерри сейчас были расплющены ускорением.

— Да. Сейчас приступим, — ответил Колвин.

А что ему оставалось? Вопрос Джерри наверняка предназначался для записи.

— Какого класса вражеский корабль?

— Возмущения гиперпространства как раз только сейчас начали достигать наших приборов, мистер Джерри.

Колвин изучил экраны. Вместо космоса, на фоне которого вражеский корабль оставался черным невидимым пятном среди звезд, на экране виднелись колонки цифр и графики, скорее всего оценочные данные, менявшиеся на глазах.

— Думаю, это крейсер примерно того же класса, что и мы, — сказал Колвин.

— Точь-в-точь?

— Не совсем, — ответил Колвин. — Он оснащен межзвездными двигателями. Зато у нас больше места для водорода. Неприятель

тяжелее нас, следовательно, нагрузка на его двигатели выше, а еще у «Дерзкого» больше топлива. К тому же они вряд ли вооружены лучше нас. — Капитан изучил оценочные графики и кивнул. — Да, похоже на то. Это у них называется «линкор планетарного класса».

— Сколько до начала атаки? — пропыхтел Джерри.

Из-за ускорения каждое слово давалось ему с трудом.

— От нескольких минут до часа. Они только что легли на курс после отключения гипердрайва. Жаль, черт возьми, что он так далеко, выскочи они поближе, мы бы давно их накрыли.

— А почему мы сами не подошли ближе? — спросил Джерри.

— Потому что нам неизвестно, где трековая линия, — ответил Колвин.

«И потому, что мои слова записывают». Лучше говорить внятно и четко и убрать из голоса сарказм.

— Я запрашивал оборудование для сканирования, но ничего доступного не оказалось. Поэтому нам приходится определять точку Олдерсона, полагаясь исключительно на оптические наблюдения. С таким оборудованием, как у нас, вряд ли кто-то сумел бы лучше рассчитать точку выхода.

— Понятно, — отозвался Джерри.

С трудом двинув рукой, политофицер прикоснулся к выключателю, соединившему его с сетью главного интеркома.

— Звездоплаватели Республики, командование приветствует вас! Свобода!

— Свобода! — крикнули в ответ.

По оценке Колвина, откликнулась от силы половина команды, но судить наверняка было трудно.

— Вы знаете, как важен предстоящий бой, — продолжал Джерри. — Мы защищаем тылы нашей Республики, и на этом рубеже мы одни. Многие полагают, что нам не следовало лететь сюда, что Империя никогда не попытается пройти этим путем к нашему дому. Однако появление вражеского корабля в очередной раз подтверждает мудрость нашего правительства.

«Не забыл подлизаться?» — усмехнулся про себя Колвин. Джерри явно рассчитывал на то, что, если удастся пережить эту баталию, его ждет повышение по службе.

— Империи не поработить нас! Наши намерения чисты, наше желание — сохранить независимость! Империя хочет захватить нашу родину. Империя хочет править всей Вселенной вечно. Космофлотцы, мы сражаемся за независимость!

Колвин взглянул через мостик на впередсмотрящего и поднял бровь. Тот в ответ пожал плечами. Герб кивнул. Трудно сказать, какое действие возымела речь политофицера. Предполагалось, что Джерри хороший оратор. Красноречие принесло ему место в млад-

шей лиге союза Комитета государственной безопасности, управляющего Республикой.

Над самым ухом у Колвина раздался тихий сигнал. На корме размещалась рубка старшего помощника капитана и вспомогательный пульт управления, на случай, если что-нибудь приключится с главным мостиком.

Согласно приказу Республики, политофицеру во время атаки полагалось слышать все распоряжения капитана и все донесения, но Джерри знал корабль недостаточно хорошо. Командор Грегори Халлек, заместитель Колвина, внес изменения в систему интеркома. И теперь голос помощника (ровный, с чуть гнусавым выговором уроженца Чикаго) звучал по прямой связи:

— Шкипер, посоветуйте ему заткнуться и дать нам возможность драться.

— Все переговоры записываются, Грег, — напомнил Колвин.

— Шкипер, пусть он оставит свои речи для горожан, — отозвался Халлек. — Лучше скажите, какие у нас против них шансы?

— В этом бою? Вполне есть шанс.

— Отлично. Нам бы такую же уверенность в исходе всей войны...

— Страшно, Грег?

— Есть немного. Сможем ли одолеть такую силу?

— Мы сумеем одолеть Империю, — ответил Колвин.

— Ну это вряд ли, ведь они могут согнать сюда весь свой флот. Хотя, если мы одержим верх в паре-другой стычек, Империя, возможно, и оставит нас в покое. Они не смогут отозвать корабли со всех фронтов. У них чересчур много врагов. Время работает на нас... только бы удалось продержаться сколько нужно.

— Да, полностью согласен. Надеюсь, наши старания не пропадут даром. Ну, поехали.

«Уж точно мы будем не зря стараться, — подумал Колвин. — Зачем всему человечеству *одно* правительство?

Ведь настанет день, и к власти придет плохой император. Или сразу три императора окажутся претендентами на один трон. Лучше сейчас не допустить этого, чем оставлять внукам в наследство сложности».

В наушниках снова послышался сигнал прямой связи.

— Вам следует взглянуть на это, шкипер, — доложил Халлек. — По-моему, у нас проблема.

На экране появились новые данные. Колвин нажал на подлокотнике очередную кнопку. На экране возникло лицо лейтенанта Сусака.

— Передайте флоту, — приказал Колвин. — Эта штуковина больше, чем мы думали. Бой предстоит тяжелый.

— Есть, — отозвался Сусак. — Но мы выстоим!

— А как же, — отозвался Колвин.

Он прочел новые данные на экране и нахмурился.

— В чем дело, капитан? — спросил Джерри. — Что вас встревожило?

— Есть причина, — ответил Колвин. — Мистер Джерри, это имперский военный линкор. Первого класса, я бы сказал.

После этих слов, обращенных к политофицеру, Колвин ощутил холод в животе.

— Ну и что?

— А то, что это один из лучших их кораблей, — объяснил Колвин. — Маневренность не меньше нашей. Вооружения, брони, топлива — больше. Нам придется драться всерьез.

— Выпустить челноки слежения. Приготовиться к атаке, — приказал Колвин.

Он был уверен (хотя видеть этого не мог), что на имперском корабле происходит то же самое. Челноки слежения были вооружены довольно скромно, но в случае огневого столкновения становились бесценными выносными наблюдательными пунктами.

— Не слышу в вашем голосе уверенности, — заметил Джерри.

Колвин проверил положение переключателя интеркома. Никто, кроме Джерри, его не слышал.

— Да, уверенности у меня нет, — ответил он. — Послушайте, понимаете вы это или нет, но преимущество у неприятеля. Его команда наверняка уже оправилась от полета в гиперпространстве.

«Ах, если бы нам необходимое оборудование... Но сейчас бессмысленно думать об этом».

— Что же будет, если этот корабль справится с нами?

— Найдутся корабли, которые сумеют их остановить, в особенности если нам удастся его потрепать. Но в нашем флоте нет ни одного корабля, способного драться с линкором один на один и победить.

Он помолчал, чтобы сказанное было усвоено.

— И мы тут не исключение?

— Не исключение. Мне и в голову не приходило, что за Угольным Мешком объявится военный корабль такого класса.

— Любопытное замечание, — хмыкнул Джерри.

— Совершенно верно. Империя направила сюда один из лучших своих кораблей. Более того, они не поленились отыскать проход в тылу. Нашли новый олдерсоновский маршрут. От красного карлика к нам, и к карлику тоже надо было как-то попасть.

— Похоже, они хорошо подготовились, — заметил Джерри. — Когда мы улетали, Комитет как раз разрабатывал систему планетарной обороны.

— Пожалуй, она им понадобится. Прошу прощения... — Колвин прервал связь и сосредоточился на экране боевых действий.

Главный компьютер предлагал ряд стратегических маневров; каждый из них при благоприятном стечении обстоятельств мог дать хороший результат. Конечно, вероятность, определяемая компьютером, была всего лишь оценкой. На борту имперского корабля опытный капитан; он сделает все, чтобы свести успех стратегии противника к нулю. Колвин тем временем будет занят тем же самым. Теория игр и компьютерная стратегия редко учитывали все уловки, какие в силах изобрести человеческий разум. По мнению компьютера, единственным шансом «Дерзкого» было отступить, пожертвовав всеми челноками слежения. Колвин изучил на экране поле битвы.

— Сближение для атаки! — приказал он.

Компьютер убрал все прочие траектории и предложил несколько новых вариантов. Колвин подтвердил свой выбор. Компьютер снова предложил несколько вариантов, и так до тех пор, пока корабельный мозг в точности не уразумел, чего именно хочет его хозяин-человек. Но для корабля диалог завершился намного раньше — торпеды покинули шахты, водородные бомбы по случайным траекториям уклонения были отправлены в сторону противника. Тонкие лучи лазеров протянулись к неприятельским торпедам, наполнив космос мерцающими нитями яркого света. «Дерзкий» бросился на врага. Фотонные пушки корабля открыли огонь, окатывая имперский линкор огненными энергетическими потоками.

«Не сбавлять темпа, не сбавлять», — твердил себе капитан.

Если удастся ослепить врага, уничтожить его внешние антенны, оставив имперское судно внутри своего Поля Лэнгстона, непроницаемого для его команды, тем самым лишив его шанса засечь «Дерзкий», сражение можно считать выигранным.

В наушниках раздался гнусавый голос Халлека:

— Похоже, все идет отлично, босс.

— Точно.

Яростная атака корабля меньшего класса застала вражеский линкор врасплох. Но и надежда была только только на эффект внезапности...

Вспышка белого света окатила «Дерзкий», залив его экраны оранжевым огнем, который в несколько мгновений рывками изменился на желтый. В тот же миг все сенсоры «Дерзкого» за пределами Поля Лэнгстона превратились в пар, и он ослеп — как и его противник. Однако челноки слежения «Дерзкого» были еще целы и передавали на борт данные о положении неприятельского корабля, продолжая направлять торпеды.

— Мостик, это контроль повреждений.

— Слушаю, Грег.

— Попадание в район базы данных. Я уже занялся заменой элементов, но вам лучше некоторое время пользоваться вспомогательным компьютером.

— Уже переключился.

— Отлично. У нас еще парочка повреждений, но, думаю, с ними я справлюсь.

— Не подкачай.

Экраны вновь ожили. За границы Поля Лэнгстона на антеннах были вынесены новые сенсоры. Колвин нажал кнопку на подлокотнике своего кресла.

— Связь. Задействовать челнок номер три.

— Есть!

Имперский корабль начал маневр уклонения. Линкор первого класса на секунду сбросил ускорение и изменил курс, потом снова включил двигатели, теперь непрерывно меняя тягу. Колвин покачал головой.

— У них железная команда, — шепнул он Халлеку. — От такой тряски кишки должны повываливаться.

Новый удар сотряс «Дерзкий». Торпеда прошла сквозь заградительный огонь республиканского крейсера и взорвалась почти у самого корпуса. Поле Лэнгстона, опалесцируя от радиации, сумело вобрать в себя энергию взрыва и распределить ее по всему объему, но дорогой ценой: в месте бомбового удара возникла перегрузка, сила взрыва прогнула обшивку корабля. Поле Лэнгстона было истинной броней. Внешняя оболочка крейсера была из обычного металла, предназначенного лишь для того, чтобы сдерживать атмосферное давление. Если по нему хорошенько ударить, то...

— Новое попадание — в кормовой торпедный отсек номер два, — доложил Халлек. — Повреждения небольшие, но полностью разнесло продовольственный сектор кают-компании. Придется какое-то время питаться исключительно протокарбом.

— Если нам это вообще понадобится...

Почему больше нет попаданий во врага? На своем экране Колвин видел имперский корабль, передача велась с челнока номер два. Поле имперского крейсера налилось оранжевым светом, по нему проходили желтые волны и образовалось три ярких зеленоватых пятна: возможно, там Поле было пробито. Но неизвестно, что на корабле империи располагалось в этих областях. Нечто жизненно важное, хотелось надеяться Колвину...

Поле его собственного корабля было желтым с зелеными разводами. Между двумя сражающимися звездолетами метались полосы бледного света. Когда все закончится, будет время вспомнить, до чего красиво иногда космическое сражение. Экраны залил свет, и шансы Колвина на успех снова упали... впрочем, неизвестно еще, насколько можно доверять компьютеру. Он потерял челнок номер три, номер один тоже замолчал.

«Дерзкий» вновь поразил цель, и Поле имперского линкора налилось пурпуром. Последовало еще одно попадание. Защита импер-

ских озарилась желтым, потом зеленым; пока неприятель остывал, а цвет смещался в сторону красного, новое попадание превратило зеленое свечение в голубое.

— Торпеды! — выкрикнул Колвин, но главный компьютер уже засек вражеские ракеты. Стая небольших снарядов устремилась в сторону ослепленного врага.

— Непрерывный огонь! — крикнул Колвин. — Выпустить все, что есть!

Если удастся не дать врагу прозреть и засечь положение «Дерзкого», они получат возможность безостановочно поражать неприятельское Поле зарядами, накачивая его энергией, пока одна из торпед не прорвется к корпусу. Если торпед хватит, дело выгорит.

— Непрерывный огонь!

Свечение, закрывающее имперский линкор, налилось синевой; цвет этого сияния постепенно менялся на фиолетовый.

— Господи, мы сейчас их одолеем! — вскрикнул Колвин.

Враг снова предпринял маневр уклонения, но лазеры наведения «Дерзкого» неотвязно следовали за ним, высвечивая среди звезд раскаленное Поле имперского корабля. Потом экраны погасли.

Колвин в ярости заколотил по клавишам. Тщетно. «Дерзкий» ослеп.

— Глаза! Куда он нам попал?

— Не знаю, — голос Сусака дрожал от страха. — Шкипер, есть проблемы с сенсорами. Я отправил ремонтников наружу, но они не отзываются...

Халлек подал голос:

— Один из имперских челноков подобрался к нам и ударил торпедами.

Ослеплены.

Колвин смотрел на индикатор цвета защиты. Ярко-оранжевый и желтый, зелень тоже присутствует. Колвин приказал начать последовательность маневров случайного уклонения, и по коридорам разнесся сигнал, оповещающий о резких ускорениях. Неприятель наверняка тоже ничего не видит. Теперь весь вопрос в том, кто прозреет первым.

— Мне нужны глаза, немедленно! — распорядился Колвин.

И сам поразился спокойствию своего голоса.

— Я работаю над этим, — ответил Халлек. — Здесь у меня есть минимальная возможность для наблюдений. Я постараюсь определить местонахождение врага.

— Найди их и нацель пушки, — скомандовал Колвин. — Что с компьютером?

— У меня нет никаких данных о тяжести повреждений автоматики, — ответил Халлек. — Мои ребята восстанавливают внутрен-

нюю связь, еще один отряд я отправил на корпус, разобраться с антеннами, — но никому неохота вылезать наружу и работать там.

— Что значит «неохота»? — взревел Колвин.

Кого волнует, чего хотят и чего не хотят матросы? Ведь корабль в опасности!

«Дерзкий» продолжал идти курсом случайного уклонения; ускорение, торможение и невесомость непрерывно чередовались. Рывок, ускорение, остановка, поворот, рывок...

— По нам снова попали. — Сусак был перепуган не на шутку.

— Грег! — крикнул Колвин.

— Больше маневрировать не могу. Принимайте управление, шкипер.

Смертоносный огонь не прекращался и настигал «Дерзкий» после каждого маневра, хотя крейсер вертелся словно жук на булавке. Отчет о повреждениях звучал как некролог.

— Частичная пробоина, поврежден вспомогательный двигательный отсек. Три пробоины в районе пятого бака с горючим, утечка водорода в космос. Пробоина в районе комнаты отдыха.

Когда Поле запылало невыносимо голубым огнем, компьютер заглушил двигатели. «Дерзкий» мертвым грузом повис в пространстве. Корабль продолжал двигаться со скоростью более ста километров в секунду, но маневры и ускорение теперь были ему недоступны.

— Что-нибудь видите? — спросил Колвин.

— Секундочку, — ответил Халлек. — Вот. Ай-яй-яй. Антенна не продержалась и полсекунды. Имперский весь желтый. Он у нас за кормой, на четверть румба, и продолжает обстрел. Хотите, повернусь к нему главным двигателем? Можно попробовать ударить по ним реактивной струей.

Колвин окинул взглядом экраны.

— Нет. Нужно беречь энергию.

Капитан еще секунду рассматривал экраны, потом провел рукой по ряду кнопок. Все системы «Дерзкого», не имеющие жизненно важного значения, были отключены. Для поддержания Поля Лэнгстона необходима была энергия, и чем больше энергии Поле поглотило извне, тем больше энергии требовалось изнутри для предотвращения распада Поля с излучением всего накопленного. Местные перегрузки приводили к прожогам, локальному исчезновению Поля, в результате чего пучки высокоэнергетических фотонов выжигали дыры в корпусе. Само Поле было близко к полному разрушению, а в этом случае накопленной в нем энергии сейчас хватит, чтобы испарить «Дерзкий». В космосе полное поражение означает мгновенную легкую смерть. На экранах полыхало темно-синее зарево, а у «Дерзкого» не оставалось энергии на то, чтобы вести ответный огонь или запустить двигатели. Каждый эрг был необходим для элементарного выживания.

— Нам придется сдаться, — объявил Колвин. — Подготовьте сообщение.

— Я запрещаю!

Да, Колвин на несколько минут забыл о политофицере.

— Я запрещаю! — снова крикнул Джерри. — Капитан, вы отстранены от командования. Командор Халлек, приготовьтесь к атаке! Мы не позволим неприятелю ступить на нашу территорию!

— Я не могу выполнить ваш приказ, сэр, — осторожно ответил Халлек.

После, при расшифровке записи, помощника капитана обвинят в предательстве — а сам Колвин стал изменником в тот миг, когда отдал приказ сдаться.

— Вам придется атаковать, капитан, — тихо сказал Джерри. — Посмотрите на меня, Колвин.

Герб Колвин повернулся и увидел в руке Джерри оружие.

Пистолет, но не ультразвуковой и не стреляющий отравленными стрелками, как у тюремной охраны. Ничем таким боевую броню не взять. Это было пулевое оружие. Похожее на небольшой ракетомет, но скорее всего пулевое. Замечательно подходящее для условий космоса.

— Подготовьте сообщение о сдаче, — повторил Колвин.

И указал на Джерри. Политофицер обернулся, но было поздно — старшина-рулевой прижал его руку с оружием к боку. Старшина-посыльный при мостике одним прыжком перемахнул через кресло и выхватил из руки политофицера пистолет.

— Да я вас расстреляю! — завизжал Джерри. — Вы предали все. Наши дома, наши семьи...

— Предпочитаю быть расстрелянным за сдачу корабля, — ответил Колвин. — Кроме того, имперские, скорее всего, шлепнут нас обоих. Как предводителей предателей, сами понимаете. Но у меня есть возможность спасти команду.

Джерри промолчал.

— Мы все равно что мертвы, Джерри. Единственная причина, по которой имперские еще не добили нас, такова: мы до того беспомощны, что их капитан больше не хочет тратить на нас торпеды, а дает шанс сдаться. У него ведь есть возможность уничтожить нас в любую секунду.

— Но можно же повредить их корабль. Можно забрать его с собой или сделать так, чтобы его добил наш флот.

— Я бы это сделал, будь оно возможно. Но мы не способны стрелять. Не знаю, быть может, наши торпеды прорвались, а может, и нет. В любом случае, их оказалось недостаточно, поскольку имперские продолжают нас обстреливать. Теперь у них времени сколько угодно, черт подери! А нам нечем дать ответный залп, у нас нет энергии, чтобы запустить двигатели, и посмотрите на экраны!

Фиолетовый цвет! Вы что, не понимаете, болван? Нас загнали в угол! Еще чуть-чуть, неверный расчет имперских — и, если Поле где-нибудь ослабнет, нас мигом не станет.

Джерри трясло от ярости.

— Может, вы и правы.

— Я знаю, что я прав. Как успехи, Сусак?

— Сообщение отправлено, — отрапортовал офицер-связист. — Нас пока не прикончили.

— Хорошо.

Что тут еще скажешь...

Корабль в обстоятельствах «Дерзкого» — с экранами, ослепшими из-за перегрузки, под непрерывным градом торпед врага, чье положение невозможно определить, — совершенно беспомощен; вдобавок «Дерзкий» получил тяжелые повреждения. Располагая временем, можно было бы постепенно излучить энергию Поля в космос. Крейсер мог бы выдвинуть новые антенны и определить дислокацию противника. Экраны остыли бы, и к «Дерзкому» вернулась бы способность двигаться и вести огонь. Крейсер Республики уже получил серьезные повреждения, но неприятель этого не знал.

Сдача в плен — дело сложное и требует соблюдения особого щепетильного ритуала. Как и все связанное с подачей сигнала о готовности к сдаче, сама процедура была абсолютно надуманной: природа не наделила человека рефлексом сдачи в плен, у этого биологического вида не заложена в сознании информация о том, что спасение от смерти после неизбежного поражения все-таки возможно. Среди высших форм жизни человек в этом отношении стоит особняком. Олени-самцы никогда не дерутся до смерти. Едва один олень начинает проигрывать, он сдается, и противник позволяет побежденному оставить поле боя. Самцы трехшиповой колюшки, рыбки семейства карповых, воюют за самок, но видят, когда противник готов сдаться. Сиамские бойцовые рыбки никогда не преследуют неприятеля после того, как тот перестает растопыривать жабры.

Но человек развивался как животное вооруженное. В отличие от эволюции других видов, эволюция человека была тесно связана с использованием орудий труда и оружия; оружие позволяет убивать на гораздо большем расстоянии, за пределами досягаемости. В руках поверженного противника оно по-прежнему способно таить опасность. Как говорят шотландцы, первым делом отбрось подальше меч врага, ведь он может выхватить его, даже стоя на коленях.

«Дерзкий» выдвинул единственную антенну, простейшую, способную передавать только радиосигнал. Появление любых других

сенсоров могло быть воспринято как проявление враждебности и повлечь за собой полное уничтожение. Имперский капитан проследил за действиями «Дерзкого» и передал инструкции.

Между тем последнюю волну торпед перенаправили мимо «Дерзкого». Колвин торпед не видел. Но понял, что те отозваны, когда пришло сообщение следующего содержания: имперский корабль высылает офицера принять командование.

Колвин почувствовал, что напряжение отпускает его. Не найдись у них доброволец на эту роль, «Дерзкий» могли уничтожить.

Что-то массивное ударило в корпус. Шлюз уже был подготовлен к встрече посланника. Вошедший офицер держал в руках увесистый предмет — бомбу.

— Гардемарин Хорст Стейли, имперский военный линкор «Макартур», — доложил офицер, появившись на мостике. Колвин увидел голубые глаза, светлые волосы, юное застывшее лицо — маску спокойствия: его обладатель не доверял себе и опасался проявления каких-либо эмоций. — Я принимаю командование этим кораблем, сэр.

Капитан Колвин кивнул.

— Передаю вам корабль. Вам понадобится вот это. — Он протянул мальчишке микрофон. — Благодарю за то, что пришли к нам.

— Да, сэр.

Стейли громко сглотнул и вытянулся по стойке «смирно», словно его капитан мог его видеть.

— Докладывает гардемарин Стейли, сэр. Нахожусь на мостике, неприятель сдается.

Парень несколько секунд слушал ответ, потом повернулся к Колвину.

— Могу я попросить, чтобы мы остались на мостике вдвоем, сэр, а все остальные ушли? Прошу передать экипажу, сэр, что, если кто-нибудь появится на мостике, прежде чем наша морская пехота займет посты по всему кораблю, я взорву эту бомбу. Вы готовы исполнить мой приказ?

Колвин снова кивнул.

— Старшина, уведите мистера Джерри. Остальные тоже свободны. Очистить мостик.

Старшина-рулевой повел Джерри к дверям мостика. Внезапно политофицер вырвался и кинулся на Стейли. Заломив гардемарину руку за спину, политофицер заорал:

— Скорей, заберите у него бомбу! Да шевелитесь же! Капитан, я держу его, освобождайте корабль!

Стейли, выдираясь из рук политофицера, тянулся к кнопке взрывателя, но никак не мог ее достать. Микрофон выпал из его рук. Гардемарин кричал, но его не было слышно.

Колвин осторожно взял бомбу из прижатых к бокам рук Хорста.

— Тебе это не понадобится, сынок, — сказал капитан. — Старшина, заберите арестованного и уведите его, наконец, с мостика.

На губах капитана замерла, словно примерзла, улыбка — резкий контраст с потрясенным и разгневанным выражением лица гардемарина и торжествующим — Джерри.

Матросы оттащили политофицера, и Хорст Стейли освободился, но сбежать отсюда возможности не было, и он просто повис в пространстве. Внезапно он понял, что старшина держит напавшего на него политофицера, а тот вопит во все горло...

— Мы сдаемся, мистер Стейли, — медленно повторил Колвин. — Теперь всем тут командуете вы. Вот, держите вашу бомбу... только она вам не понадобится.

МОШКА В ЗЕНИЦЕ ГОСПОДНЕЙ

Мерилин и Роберте, приютившим нас,
пока мы работали над этой книгой,
а также Луртону и Джинни,
снова и снова заставлявшим нас делать эту работу

Действующие лица

РОДЕРИК ГАРОЛЬД, лорд Блейн, командор, Имперский Военный Космический Флот.

ЭРКЛИ КЕЛЛИ, канонир Имперских десантных войск, слуга семейства Блейнов.

АДМИРАЛ СЭР ВЛАДИМИР РИЧАРД ДЖОРДЖ ПЛЕХАНОВ, вице-адмирал Имперских космических сил Нью-Чикаго и исполняющий обязанности генерал-губернатора Нью-Чикаго.

КАПИТАН БРУНО СЦИЛЛЕР, Имперский Военный Космический Флот, командующий ИКК «Макартур».

КОМАНДОР ДЖОН КАРГИЛЛ, ИВКФ, старший помощник капитана «Макартура».

ГАРДЕМАРИН ХОРСТ СТЕЙЛИ, ИВКФ, старший гардемарин на борту ИКК «Макартур».

КОМАНДОР ДЖОК (СЭНДИ) СИНКЛЕР, ИВКФ, старший механик «Макартура».

ГАРДЕМАРИН ДЖОНАТОН УИТБРИД, ИВКФ.

ЛЕЙТЕНАНТ КЕВИН РЕННЕР, навигатор-инструктор, резерв ИВКФ.

ЛЕДИ САНДРА ЛИДДЕЛЛ ЛЕОНОВНА БРАЙТ ФАУЛЕР, бакалавр искусствоведения, магистр естественных наук, кандидат в доктора антропологии, Имперский университет Спарты.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ГОРАЦИЙ ХУСЕЙН БЕРИ, торговец и магнат, председатель правления компании «Империал Автонетикс».

ГАРДЕМАРИН ГЭВИН ПОТТЕР, ИВКФ.

АДМИРАЛ ФЛОТА ХАУЛЕНД КРАНСТОН, Верховный главнокомандующий силами его величества в Трансугольном секторе.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО РИЧАРД СТЕФАН МЕРРИЛЛ, вице-король Владений Его Величества в Трансугольном секторе.

ДОКТОР ЭНТОНИ ХОРВАТ, министр естественных наук Трансугольного сектора.

ДОКТОР ДЖЕКОБ БАКМАН, астрофизик.

ОТЕЦ ДЭВИД ХАРДИ, капеллан, капитан, резерв ИВКФ.

АДМИРАЛ ЛАВРЕНТИЙ КУТУЗОВ, вице-адмирал, командующий экспедицией его величества к Глазу Мурчисона.

СЕНАТОР БЕНДЖАМИН БРАЙТ ФАУЛЕР, лидер большинства в Парламенте и член Тайного Совета.

ДОКТОР ЗИГМУНД ГОРОВИЦ, профессор ксенобиологии, Университет Новой Шотландии.

ГЕРБЕРТ КОЛВИН, бывший капитан Республиканских космических сил Союза, бывший капитан крейсера «Дерзкий».

И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?

Евангелие от Матфея, 7:3

Пролог

За истекшее тысячелетие мы привыкли считать, что Движитель Олдерсона — это, конечно же, благо, ибо без сверхсветовых скоростей, которые стали доступны нам благодаря открытию Олдерсона, человечество оказалось бы запертым в тесной темнице Солнечной системы, когда Великие Патриотические войны уничтожили СоВладение на Земле. Мы же, напротив, заселили к тому времени уже более двухсот миров.

Да, это благо. Если бы не Движитель Олдерсона, мы бы уже вымерли. Но только ли благо? Ведь те же открытия, что позволили нам колонизировать звезды, те же межзвездные контакты, положившие начало Первой Империи, принесли нам и межзвездные войны. Миры, разрушенные за двести лет Сепаратистских войн, и заселялись, и уничтожались кораблями, использовавшими Движитель Олдерсона.

С этим Движителем у нас никогда не возникало необходимости присмотреться к пространству между звездами. Поскольку перемещение от одной звездной системы к другой происходит мгновенно, нашим кораблям приходится преодолевать традиционным способом лишь незначительные межпланетные расстояния. Мы говорим, что Второй Империи Человека принадлежит две сотни миров и все пространство между ними, более пятнадцати миллионов кубических парсеков...

Но так ли это? Представьте себе мириады крошечных пузырьков, плывущих на огром-

ном удалении друг от друга сквозь безграничное черное море. Некоторые из этих пузырьков принадлежат нам. О водах между ними мы не знаем ничего...»

Из выступления доктора Энтони Хорвата в Институте Блейна, 3029 г. н.э.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЗОНД БЕЗУМНОГО ЭДДИ

1. Приказ (3017 г. н.э.)

— Адмирал приветствует вас и предлагает незамедлительно явиться к нему в штаб! — объявил гардемарин Стейли.

Командор Родерик Блейн затравленно оглядел мостик, где, словно врачи, ассистирующие при сложной операции, негромко отдавали приказания его офицеры, руководящие ремонтом. В сером стальном отсеке кипела бурная деятельность, и хотя каждый занимался своим делом, общее впечатление создавалось одно — хаос. Экраны над одним из штурманских пультов показывали планету внизу и корабли, расположенные рядом с «Макартуром» на орбите, но все другие консоли стояли без крышек, из их внутренностей торчали щупы тестовой аппаратуры, и техники с охапками разноцветных интегральных панелей в руках заменяли все, что вызывало даже малейшие сомнения. Откуда-то с кормы, где латала корпус ремонтная бригада, доносились глухие удары и визг разрезаемого металла.

Повсюду еще оставались следы сражения — безобразные ожоги, полученные кораблем в тех местах, где на миг не выдержало перегрузки защитное Поле Лэнгстона. В одной из консолей зияла неровная выжженная дыра размером с кулак, и двое техников, казалось, навечно застыли там, запутавшись в паутине проводов. Род Блейн взглянул на черные пятна, покрывающие его боевое обмундирование. В ноздрях еще стоял запах испарившегося металла и обгорелой плоти — или ему это только чудится? — а память снова и снова возвращала его к тому мгновению, когда выплеснувшаяся из корпуса струя огня и расплавленного металла полоснула его по левому боку. Левую руку до сих пор придерживала у груди эластичная повязка, и всю его деятельность за прошедшую неделю можно было проследить по оставшимся на повязке пятнам.

«Я ведь всего час на борту! — подумал Род. — Капитан внизу, а тут черт-те что творится... оставить корабль в такое время...»

Он повернулся к гардемарину.

— Прямо сейчас?

— Да, сэр. Сообщение поступило с пометкой «срочно».

Ничего не поделаешь, придется пережить еще и взбучку от капитана, когда тот вернется. Старший помощник Каргилл и судовой механик Синклер — люди, безусловно, компетентные, но сейчас старший офицер на корабле он, Род, и ему отвечать за ликвидацию повреждений — пусть даже его не было на борту, когда «Макартур» получил большинство из них.

Ординарец Рода негромко кашлянул и указал на запятнанную форму.

— Сэр, у нас есть время, чтобы переодеться во что-то более приличное.

— Хорошая мысль. — Род сверился с информационным экраном, указывающим положение корабля над планетой. Да, полчаса еще есть. Отправляться сразу не имело смысла: раньше он в штаб все равно не попадет. И будет неплохо скинуть с себя наконец эту форму: он не раздевался с тех самых пор, как его ранило.

Однако чтобы раздеться, пришлось послать за помощником хирурга.

— Не дергайтесь, сэр... Надо ж как вам ее поджарило... — бормотал медик, срезая армированную ткань, присохшую к раненой левой руке Рода. Затем укоризненно добавил: — Нужно было еще неделю назад обратиться в лазарет.

— Увы, — только и ответил Род.

Неделю назад «Макартур» вел бой с мятежным военным кораблем. В конце концов мятежники сдались, но им явно следовало сделать это раньше: «Макартур» буквально изрешетил их судно. После победы Род возглавлял работу конфискационной команды на вражеском корабле, но там не было ни оборудования, ни медикаментов, необходимых для лечения. Армированная ткань постепенно отставала от обожженной кожи, и Род почувствовал неприятный запах. Не только недельный пот, хуже. Возможно, первые признаки гангрены.

— Да уж. — Врач срезал еще несколько прочных как сталь синтетических нитей. — Теперь дело за операцией, командор. Прежде чем применять стимуляторы регенерации, нужно удалить поврежденные ткани, и, кстати, пока будете у нас, мы можем заодно и нос исправить.

— Меня он вполне устраивает, — холодно ответил Род и потрогал свой чуть искривленный нос, вспоминая сражение, в котором сломал переносицу. Так, ему казалось, он выглядит старше, а это немаловажно, когда тебе всего двадцать четыре стандартных года, своего рода свидетельство по праву заслуженного — не унаследованного — успеха. Род гордился славным прошлым своего семейства, но доброе имя Блейнов и ему порой казалось тяжелой ношей.

Наконец бронеткань срезали и смазали рану намбитолом. Стюарды помогли ему надеть зеленовато-голубую форму, красный шарф, золотые шнуры и эполеты. Все сморщенное и мятое, но уж

во всяком случае лучше, чем «доспехи» из моноволокна. Жесткий китель бередил рану, даже несмотря на обезболивание, но потом Род обнаружил, что может опереть локоть на рукоять пистолета.

Одевшись, он направился в ангар «Макартура» и сел в посадочный шлюп. Пилот направил его через большие двери подъемника, даже не остановив вращение корабля: опасный маневр, но здорово экономит время. Тут же заработали двигатели, и маленький крылатый флаер нырнул в атмосферу.

НЬЮ-ЧИКАГО. Населенный мир в секторе за пределами Угольного Мешка, примерно в двадцати парсеках от столицы сектора. Планета вращается вокруг желтой звезды класса G9, которую обычно называют бета Гортензии.

Атмосфера почти соответствует земной, фильтры для дыхания не требуются. Сила тяжести — 1,08 земного стандарта. Радиус планеты — 1,05, масса — 1,21 земного стандарта, то есть средняя плотность несколько выше, чем у Земли. Ось вращения Нью-Чикаго имеет наклон в 41 градус, среднее расстояние до светила — 1,06 а.е., орбита умеренно эксцентрическая. Из-за сильных сезонных изменений температуры заселена лишь относительно узкая полоса в южной зоне умеренного климата.

Планета имеет один спутник, который обычно называют Эванстон. Расстояние от поверхности планеты — стандартное. Происхождение названия неизвестно.

Семьдесят процентов поверхности Нью-Чикаго покрыто водой. Значительную часть суши занимают горы, сохраняющие высокую вулканическую активность. За период Сепаратистских войн развитая тяжелая индустрия времен Первой Империи была почти полностью уничтожена, но после присоединения Нью-Чикаго ко Второй Империи Человека в 2940 году н.э. на планете успешно ведется восстановление промышленности.

Большая часть населения проживает в единственном городе, носящем то же название, что и планета. Остальные населенные центры расположены далеко друг от друга, и ни в одном из них число жителей не превышает 45 тысяч человек. В горах находятся несколько рудодобывающих и сталеплавильных поселений городского типа, имеются также сельскохозяйственные центры, занимающиеся экстенсивным земледелием. Продуктами питания планета обеспечивает себя лишь наполовину.

Нью-Чикаго владеет растущим торговым флотом, а удачное расположение делает планету своего рода центром межзвездной торговли в секторе за пределами Угольного Мешка.

Управляется Нью-Чикаго генерал-губернатором и Советом, который назначает вице-король сектора за пределами Угольного Мешка; имеется также выборная Ассамблея, и два делегата от планеты участвуют в работе Имперского Парламента.

Род Блейн, хмурясь, читал слова, бегущие по экрану его карманного компьютера. Физические параметры планеты остались прежними, но все остальное безнадежно устарело. Мятежники изменили даже название планеты, переименовав ее в Госпожу-Свободу. Правительству придется строить все заново. Планета наверняка потеряет свои два места в Парламенте и, возможно, утратит право на выборную Ассамблею.

Он отложил компьютер и посмотрел вниз. Челнок летел над гористой местностью, и нигде не было видно следов войны. Ковровых бомбардировок здесь, слава богу, не проводили.

Хотя иногда это случалось: с помощью спутниковой системы планетарной защиты город-крепость может держаться очень долго, а у Космофлота просто нет времени для продолжительной осады. Имперская политика в подобных случаях такова: покончить с мятежниками возможно меньшей кровью, но все-таки покончить.

И тогда упорствующую мятежную планету превращают в поле сверкающей лавы, где не выживает никто — остаются лишь несколько городов, накрытых черными куполами Поля Лэнгстона. Что же дальше? Кораблей, чтобы доставлять продукты через межзвездные расстояния, не хватает, и вскоре на планете начинается голод, а затем эпидемии.

«Однако иного пути нет», — подумалось Роду. Поступая на службу в Космофлот, он принес присягу. Человечество должно объединиться под властью единого правительства — по своей воле или под давлением силы. Только тогда будет гарантия, что столетия Сепаратистских войн никогда более не повторятся. Каждому имперскому офицеру доводилось видеть ужасные последствия тех войн — и именно поэтому академии разместили не в столице, а на Земле.

На подлете к городу он увидел первые признаки сражения: кольцо выжженной земли, развалины наружных укрепленных постов, разрушенные бетонные ленты транспортной системы. А затем сам город — практически невредимый в пределах идеально круглой зоны защитного Поля Лэнгстона. Лишь кое-где городу был причинен незначительный ущерб: едва Поле отключили, серьезное сопротивление прекратилось. Только немногочисленные фанатики сражались до конца против Имперского Космического Флота.

Они пролетели над руинами высотного здания, разрушенного упавшей посадочной шлюпкой. Видимо, кто-то ее сбил, и пилот постарался продать свою жизнь подороже...

Флаер обогнул город и снизил скорость, чтобы подойти к посадочным докам, не выбив в округе все стекла. Здания здесь были старой постройки, в основном выращенные с использованием углеводородной технологии, сообразил Род, и впоследствии их целыми кварталами заменяли на более современные. Новый город мало чем напоминал город Первой Империи, который некогда стоял на этом месте.

Когда они спустились на крышу Дома Правительства, Род понял, что можно было и не тормозить: все равно целых окон в городе почти не осталось. По улицам толпами двигались люди, но, кроме колонн военных машин, не было видно никакого транспорта. Жители города либо праздно стояли на тротуарах, либо метались по магазинам. За электрифицированной изгородью, возведенной вокруг Дома Правительства, несли дежурство охранники в серых мундирах Имперского десантного корпуса.

Флаер сел, и Рода без проволочек доставили лифтом вниз, на этаж, где размещалась приемная генерал-губернатора. Сейчас во всем здании не было ни одной женщины, с тоской отметил Род, хотя обычно в имперских правительственных учреждениях их полным-полно. Видимо, он слишком много времени провел в космосе... Род назвал свое имя прямому как шомпол офицеру, сидевшему за столом секретаря-референта, и приготовился ждать.

Ничего хорошего от предстоящей встречи он не ожидал, и коротал время, разглядывая пустые стены. Картины, объемная звездная карта с имперскими флагами, парящими над провинциями, и прочие привычные для приемной генерал-губернатора планеты первого класса украшения исчезли, оставив после себя безобразные светлые пятна на стенах.

Наконец дежурный пригласил Рода в кабинет. За столом генерал-губернатора сидел адмирал сэр Владимир Ричард Джордж Плеханов, вице-адмирал сектора, кавалер орденов Св. Михаила и Св. Георгия. Его превосходительства мистера Гаруна нигде не было видно, и на мгновение Роду подумалось, что адмирал один. Затем он заметил стоявшего у окна капитана Сциллера, своего непосредственного начальника на «Макартуре». Система прозрачности на окнах не работала, на деревянных панелях обшивки стен зияли глубокие царапины. Стеллажи и прочая мебель куда-то исчезли. Исчезла со своего места над дюрапластовым столом даже Большая печать с изображением короны, космического корабля, орла и серпа с молотом. Да и вообще, Род никогда раньше не видел в кабинете генерал-губернатора дюрапластового стола.

— Командор Блейн прибыл по вашему приказанию, сэр.

Плеханов небрежно отсалютовал, а Сциллер даже не повернулся от окна. Пока адмирал внимательно разглядывал его, Род стоял по стойке «смирно».

Наконец адмирал произнес:

— Доброе утро, командор.

— Доброе утро, сэр.

— Ну не такое уж оно и доброе на самом деле... Кажется, со времени моего последнего визита ко двору на Круцисе мы не виделись? Как поживает маркиз?

— Когда я последний раз был дома, сэр, он чувствовал себя хорошо.

Не сводя с Блейна оценивающего взгляда, адмирал кивнул, и Роду подумалось, что он ничуть не изменился. Весьма образованный человек, которому приходилось бороться со склонностью к полноте при помощи физических упражнений в условиях повышенной силы тяжести. Космофлот всегда посылал Плеханова, когда ожидалось жестокое сражение. Он не давал спуску нерадивым офицерам и, по слухам, когда его величество служил гардемарином на «Платее», даже разложил бывшего кронпринца — ныне императора — на столе в кают-компании и всыпал ему по первое число ракеткой для спатбола.

— У меня здесь ваш рапорт, Блейн. Вам пришлось пробиваться к генератору Поля Лэнгстона, и вы потеряли роту десантников.

— Так точно, сэр. — Генераторную станцию защищали как раз фанатики, и бой был жарким.

— А за каким дьяволом вы ввязались в наземные боевые действия? — требовательно спросил адмирал. — Сциллер дал вам захваченный крейсер и приказал сопровождать наш десантный транспорт. У вас был приказ спускаться вниз на шлюпах?

— Нет, сэр.

— Может, вы думаете, что на аристократов требования воинской дисциплины не распространяются?

— Разумеется, я так не думаю, сэр.

Плеханов не обратил на его слова никакого внимания.

— Затем еще эта ваша сделка с предводителем мятежников... Как его там?.. — Плеханов заглянул в бумаги. — Стоун. Джонас Стоун. Освобождение из-под ареста и возвращение всего имущества! Черт побери, по-вашему, каждый офицер Космофлота вправе вести переговоры с мятежниками? Или на вас возложена какая-то дипломатическая миссия, о которой мне ничего не известно, командор?

— Нет, сэр. — Род плотно сжал губы. Ему хотелось кричать, но он промолчал. «К черту все эти традиции Космофлота! — лишь подумал он. — Так или иначе, но я выиграл эту проклятую войну!»

— У вас есть какое-то объяснение своим действиям? — не унимался адмирал.

— Да, сэр.

— Я слушаю.

Преодолевая волнение, от которого буквально сдавливало горло, Род заговорил:

— Командуя захваченным «Непокорным», сэр, я получил сообщение из мятежного города. В это время городское Поле Лэнгстона еще не работало, капитан Сциллер на «Макартуре» занимался орбитальной оборонительной системой, а основные силы флота вступили в бой с войсками мятежников... Сообщение было подписано предводителем мятежников. Мистер Стоун предлагал впустить силы флота в город — при условии, что ему будет гарантирована неприкосновенность и он сохранит всю свою личную собственность. Он дал нам час на размышления и потребовал, чтобы в качестве гаранта выступал член аристократической семьи. Весьма заманчивое предложение, ибо таким образом мы могли закончить сражение, едва наши силы овладеют генераторной станцией. Не имея возможности посоветоваться с высшим руководством, я сам повел отряд на поверхность планеты и дал мистеру Стоуну слово.

Плеханов нахмурился.

— Свое слово, слово лорда Блейна, а не офицера космического флота.

— Ни на что другое он не соглашался, адмирал.

— Понимаю.

Плеханов задумался. Если он нарушит данное Блейном обещание, с Родом будет покончено и в Космофлоте, и в правительстве, и вообще везде. С другой стороны, адмиралу придется давать объяснения перед палатой пэров...

— Почему вы решили, что это не ловушка?

— Сообщение было закодировано имперским шифром, сэр, и подписано также офицером военной разведки.

— И вы рискнули своим кораблем...

— ...ради возможности закончить войну без уничтожения планеты. Да, сэр. Должен добавить, что в послании мистера Стоуна было описание лагеря, где содержались имперские офицеры и гражданские лица.

— Понимаю. — Плеханов раздраженно взмахнул руками. — Я не выношу предателей, даже если они нам помогают, но я признаю вашу сделку, а это означает, что я должен официально одобрить принятое вами решение спуститься на поверхность планеты. Тем не менее сделка мне не нравится, совсем не нравится, Блейн. И вообще, это совершенно идиотская выходка!

«Которая все же сработала», — подумал Род. Он продолжал стоять по стойке «смирно», но уже чувствовал, как ослабевает тугой узел у него в животе.

Адмирал хмыкнул.

— Ваш отец тоже был склонен к риску. Нас обоих едва не прикончили в свое время на Таните. Просто чудо, что история вашей семьи насчитывает уже одиннадцать маркизов, но еще большим чу-

дом будет, если вы останетесь в живых и станете двенадцатым. Ладно, садитесь.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Род вежливо, но холодно и остался стоять.

Выражение лица адмирала немного смягчилось.

— Я когда-нибудь рассказывал вам, как ваш отец был моим командиром на Таните? — спросил он добродушно.

— Нет, сэр. Но мне рассказывал отец. — Голос Рода оставался таким же холодным.

— Кроме того, командор, он был моим лучшим другом. Другого такого человека я не встречал. Кстати, не без его влияния я получил эту должность, и он специально просил, чтобы вы служили под моим командованием.

— Да, сэр. — Род знал это, но не понимал, зачем отец так поступил.

— Теперь, командор, вы, очевидно, хотите спросить, чего же я от вас ожидал, так?

От неожиданности Род вздрогнул.

— Да, сэр, хочу.

— Скажите, что произошло бы, если бы послание Стоуна и в самом деле оказалось ловушкой?

— Мятежники могли бы уничтожить всех моих людей.

— Верно. — Голос Плеханова был предельно спокоен. — Но вы решили рискнуть, поскольку появилась возможность закончить сражение малой кровью с обеих сторон. Так?

— Да, сэр.

— Но если бы они уничтожили весь десант, что, по-вашему, оставалось бы моему флоту? — Адмирал грохнул обоими кулаками по столу. — У меня не было бы никакого выбора! — рявкнул он. — Каждая неделя, что флот проводит здесь, это еще одна возможность для отступников нанести удар по нашим планетам! У меня просто не осталось бы времени посылать за новым штурмовым транспортом и десантниками. Если бы вы потеряли свою группу, я бы всю эту планету с землей сровнял, Блейн. Аристократ вы или нет, не смейте — ни при каких обстоятельствах! — ставить кого бы то ни было в подобное положение! Ясно вам?

— Да, сэр...

Адмирал, безусловно, прав. Но... Какой толк в десантниках, если городское Поле Лэнгстона действует? Плечи Рода поникли. Возможно, он сумел бы что-нибудь предпринять, но что?..

— Впрочем, все закончилось благополучно, — холодным тоном произнес Плеханов. — Может быть, вы были правы. Может быть, нет. Но если вы еще раз выкинете такой фокус, я отберу у вас шпагу. Понятно? — Он взял со стола распечатку послужного списка Рода. — «Макартур» готов к выходу в космос?

— Сэр? — Вопрос был произнесен тем же тоном, что и угроза, и на мгновение это сбило Рода с толку. — Выйти в космос готов, сэр. Но не участвовать в сражениях. И мне бы не хотелось, чтобы он отправлялся без капитального ремонта слишком далеко.

За тот суматошный час, что Род провел на борту, ему удалось осмотреть корабль полностью — отчасти поэтому он не успел даже побриться. Но теперь его охватило недоумение. Капитан «Макартура» стоит у окна и явно следит за разговором, но до сих пор он не проронил ни слова. Почему адмирал не задаст этот вопрос ему самому?

Пока Род терялся в догадках, Плеханов принял какое-то решение.

— Ну так как, Бруно? Теперь вы командуете флотом. Ваши соображения?

Бруно Сциллер повернулся от окна, и Род даже вздрогнул от удивления: вместо маленького серебряного значка с изображением «Макартура» на груди капитана сияла комета в обрамлении расходящихся солнечных лучей — эмблема штаба Космофлота, а на рукаве были широкие адмиральские нашивки.

— Как дела на корабле, капитан? Справляетесь? — спросил Сциллер официальным тоном, затем усмехнулся; эту кривую усмешку хорошо знали на «Макартуре». — Вы неплохо, я смотрю, выглядите. По крайней мере с правой стороны... Итак, вы пробыли на борту около часа. Велики ли повреждения?

Немного сбивчиво Род доложил о состоянии «Макартура» и о том, какие работы он распорядился начать. Сциллер кивал, задавал вопросы и наконец подытожил:

— Короче, вы считаете, что корабль может выйти в космос, но к боевым операциям не готов. Так?

— Да, сэр. Во всяком случае, против линейного корабля ему не выстоять.

— Согласен. Мои рекомендации таковы, адмирал: командор Блейн заслуживает повышения, и мы вполне можем доверить ему «Макартур», чтобы он отвел его на Новую Шотландию для ремонта, а затем привел к Столице. С ним же, кстати, можно будет отправить и племянницу сенатора Фаулера.

«Макартур»? Ему? Слова доносились до него будто откуда-то издалека. Род ушам своим не верил... однако вот шанс доказать Плеханову и всем остальным, что он чего-то стоит.

— Блейн, конечно, еще молод, и назначение вряд ли утвердят, — заметил Плеханов. — Но это, наверно, будет самым разумным решением. Перелет до Спарты через Новую Каледонию пройдет, скорее всего, без неожиданностей. В общем, корабль ваш, капитан.

Род ошарашенно молчал, и Плеханов рявкнул:

— Блейн! Очнитесь. Я произвожу вас в капитаны и отдаю под ваше командование «Макартур». Через полчаса мой секретарь подготовит все необходимые документы.

На лице Сциллера вновь появилась косая улыбка.

— Ну скажите же что-нибудь, Блейн.

— Благодарю вас, сэр. Я... мне казалось, вы не одобряете моих действий.

— А я до сих пор не уверен, — ответил Плеханов. — Будь у меня выбор, вы бы так и остались помощником капитана. Возможно, вы станете неплохим маркизом, но для Космофлота у вас слишком бурный темперамент. Хотя это, наверно, уже не имеет значения: вас в любом случае ждет другая карьера.

— Теперь — да, сэр, — сдержанно ответил Род.

Боль утраты все еще не утихла. Его старший брат, Большой Джордж, который с двенадцати лет занимался гантелями и к шестнадцати выглядел уже настоящим силачом, погиб в одном из сражений на другом краю Империи. Род, случалось, задумывался о будущем или вспоминал с грустью родной дом, и в памяти сразу всплывал образ Джорджа — словно укол в самое сердце. Джордж... и вдруг погиб... Не верилось.

И поместье, и титулы должны были перейти к Джорджу. Род же мечтал лишь о карьере офицера Космофлота. Как знать, может, он и стал бы когда-нибудь гранд-адмиралом?.. А теперь... Лет десять пройдет, и ему придется занять свое место в Парламенте.

— У вас будут два пассажира, — сказал Сциллер. — С одним из них вы уже знакомы. Вы ведь встречались с леди Сандрой Брайт Фаулер, верно? С племянницей сенатора Фаулера?

— Да, сэр. Мы не виделись много лет, но ее дядя довольно часто бывает на званых обедах при дворе на Круцисе... А здесь я нашел ее в лагере для пленных. Как она?

— Не очень, — ответил Сциллер, и его улыбка погасла. — Но мы подготовили ее к отлету. Она будет с вами до Новой Шотландии, а если пожелает, то и до самой Спарты. Это ей решать. Второй же ваш пассажир... тут совсем другое дело.

Род бросил на него вопросительный взгляд. Сциллер посмотрел на Плеханова. Тот кивнул, и Сциллер продолжил:

— Второй пассажир — это его превосходительство Гораций Хусейн Бери, магнат, председатель правления компании «Империал Автонетикс» и далеко не последний человек в Имперской Торговой Ассоциации. Он остается с вами до Спарты. Я подчеркиваю: он *все время* остается на борту корабля, понятно?

— Не совсем, сэр, — ответил Род.

Плеханов сердито засопел.

— Сциллер изложил все достаточно ясно. Мы считаем, что Бери стоял за спинами мятежников, но у нас не хватает доказательств, чтобы арестовать его. В этом случае он просто обратится к самому императору. Что ж, мы и отправим его на Спарту, пусть обращается. Отправим с почетом, на военном корабле. Но вы же понимаете,

Блейн, его не с каждым можно послать. У этого человека горы денег! Много ли найдется людей, которые откажутся от взятки в виде целой планеты? А Бери способен предложить и такое.

— Э-э-э... да, сэр.

— И не разыгрывайте мне тут оскорбленное достоинство! — повысил голос Плеханов. — Я не подозреваю никого из своих офицеров в продажности, но вы, как ни крути, богаче Бери. Ему просто нечем вас соблазнить. И отчасти по этой причине я передаю вам командование «Макартуром»: так мне не нужно будет беспокоиться, как бы наш богатый друг чего не выкинул.

— Ясно, сэр. В любом случае, благодарю, — сказал Род, подумав: «И я докажу, что мне можно доверять».

Плеханов кивнул, словно прочел его мысли.

— Из вас мог бы выйти неплохой офицер, так что вот вам возможность доказать это. Сциллер нужен мне здесь, чтобы помочь в управлении планетой... Эти мерзавцы убили генерал-губернатора.

— Убили мистера Гаруна? — Известие буквально ошеломило Рода. Он прекрасно помнил старика с глубокими морщинами на лице. Когда тот навещал их поместье в последний раз, Гаруну уже перевалило за сто... — Он был давним другом моего отца.

— И не одного его они убили. А затем насадили отрубленные головы на колья и расставили вокруг Дома Правительства. Кто-то, видимо, решил, что это зрелище заставит людей сражаться дольше, что они побоятся сдаваться. Что ж, теперь у них действительно есть чего бояться... Однако вернемся к вашей сделке со Стоуном. Были там еще какие-то условия?

— Да, сэр. Он теряет неприкосновенность, если откажется сотрудничать с нашей разведкой. Он должен назвать всех заговорщиков.

Плеханов бросил на Сциллера многозначительный взгляд.

— Пусть ваши люди немедленно этим займутся. Для начала... Ладно, Блейн, отлаживайте свой корабль — и в путь. — Адмирал встал. Беседа закончилась. — У вас много дел, капитан. За работу.

2. Пассажиры

Гораций Хусейн Шамун аль Шамлан Бери отдал последние распоряжения насчет вещей, которые он возьмет с собой, и отпустил прислугу, прекрасно понимая, что они будут ждать за дверями номера. Ждать, чтобы поделить добро, которое он оставляет. Но ему нравилось заставлять их ждать: пусть поволнуются, так краденое доставит больше удовольствия.

Когда комната опустела, он налил себе большой бокал вина. Вино было неважное, его завезли после прорыва блокады, но сейчас

он не обращал на это внимания. На Леванте вино запрещалось законом, поэтому орды торговцев нередко сбывали покупателям — даже таким богатым, как Бери, — всякую дрянь, лишь бы это было спиртное. Гораций Бери в общем-то не любил и не ценил дорогие напитки. Он покупал их, но только для того, чтобы показать свое богатство. Или для гостей. Его же самого устраивало любое вино. Вот кофе — это совсем другое дело!

Роста он был небольшого, как и почти все население Леванта. Резко очерченное смуглое лицо, торчащий нос, темные горящие глаза, стремительные жесты. Бери бывал порой крут, вспыльчив, но об этом знали только его близкие и кое-кто из друзей. Оставшись в одиночестве, он позволил себе нахмуриться. На столе лежала распечатка послания из секретариата адмирала Плеханова, и Бери не составило труда догадаться, что кроется за внешне почтительным предложением покинуть Нью-Чикаго. Сожалеем, мол, но гражданского корабля предоставить не можем. У Космофлота возникли подозрения. Даже вино не ослабило у Бери накал лютой всепоглощающей ненависти, но он ничем не проявил своих чувств. Бери продолжал сидеть за столом и, обдумывая ситуацию, неторопливо загибал пальцы.

Что может быть на него у Космофлота? Разведуправление, конечно же, его подозревает. Плюс традиционная неприязнь левантийцев. Но никаких твердых доказательств у них наверняка нет, иначе ему не предложили бы отправиться в Столицу на «Макартуре». Будь это не так, его давно заковали бы в кандалы. Значит, Джонас Стоун пока молчит.

Должен молчать. Бери заплатил ему сто тысяч крон и пообещал столько же. Но верить Стоуну, конечно же, нельзя. Поэтому двумя днями раньше Бери разыскал этих людей с Костюшко-стрит и заплатил им пятьдесят тысяч. Скоро, очень скоро Стоун умолкнет навсегда. Могила — самый надежный сейф для секретов.

Что-нибудь еще? Бери задумался. Нет, пожалуй. Теперь что будет, то будет, и слава Аллаху... Бери поморщился. Подобные мысли возникали непроизвольно, просто в силу привычки, и он всегда презирал себя за то, что не может избавиться от этих глупых суеверий. Пусть отец восхваляет Аллаха за свои достижения; на самом деле судьба благосклонна лишь к тем, кто ничего не оставляет на волю случая, и за свои девяносто стандартных лет Бери очень редко не доводил что-то до конца.

Империя пришла на Левант, когда Бери исполнилось десять, и поначалу ее влияние почти не ощущалось. В те дни имперская политика была иной, и планета вошла в состав Империи практически на равных с другими более развитыми мирами. Довольно скоро отец Бери понял, что объединение с Империей сулит большие деньги. Проникнув в ряды тех, кого Империя использовала для управления

планетой, он сумел накопить огромное состояние: он продавал аудиенции у губернатора и торговал правосудием, как капустой на базаре. Но всегда осторожно, с оглядкой — гнев дотошных сотрудников имперской службы безопасности всегда обрушивался на кого-то другого.

Отец очень мудро вложил деньги и, воспользовавшись своим влиянием, добился, чтобы Гораций Хусейн получил образование на Спарте. Он даже дал ему имя, которое подсказал один офицер Космофлота. Правда, позже они узнали, что имя это в Империи используется редко и порой вызывает насмешки.

Бери выпил еще один бокал вина, стараясь заглушить воспоминания о тех днях, что он провел в столичных колледжах. Ничего, он выучился! Теперь он ворочает и деньгами отца, и своими собственными. И теперь никто не смеет смеяться над Горацием Бери. Ему потребовалось тридцать лет, чтобы с помощью своих агентов выследить того офицера, который присоветовал отцу имя Гораций. Стереозапись его предсмертных мук хранилась в надежном месте у него дома, на Леванте. Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Теперь Бери покупал и продавал всех, кто осмеливался смеяться над ним. Он покупал голоса в Парламенте, покупал космические корабли и чуть не купил с потрохами всю планету Нью-Чикаго.

«Но клянусь Пророком — черт! — дьяволом клянусь, дьяволом, — подумал Бери, — я ее еще куплю». Контроль над Нью-Чикаго дал бы его семье возможность контролировать ситуацию во всем секторе за пределами Угольного Мешка: Империя тут не так сильна, а новые планеты открывают едва ли не каждый месяц. Огромные возможности. Неограниченные!

От этих фантазий на душе полегчало, и Бери пригласил наконец своих агентов — людей, которые будут блюсти его интересы на этой планете, — и Набила, который полетит с ним в качестве слуги на военном корабле. Ростом слуга был даже меньше Бери. Щуплый и гораздо старше своих лет на вид, лицом он напоминал хорька, но когда нужно, лицо буквально преображалось, и перед вами появлялся другой человек. Кроме того, он отлично владел кинжалом и прекрасно разбирался в ядах, освоив и то и другое на добром десятке планет. Гораций Хусейн Бери улыбнулся. Значит, Космофлот решил заточить его на военном корабле... Что ж, пускай себе тешатся — пока нет корабля на Левант. Но когда они окажутся в оживленном порту, удержать его под стражей будет очень непросто.

Уже три дня Род работал на «Макартуре». Протекающие баки, сгоревшая аппаратура — все нужно было менять. Запасных частей не хватало, и команда «Макартура» долгие часы проводила в откры-

том космосе, разбирая останки кораблей Союза на орбите вокруг Нью-Чикаго в поисках чего-нибудь годного и полезного.

И постепенно «Макартур» возвращался в свое прежнее, боеспособное состояние. Блейн работал с Джоном Каргиллом, старшим помощником на «Макартуре», теперь его помощником, и командором Джоком Синклером, старшим механиком корабля. Как и многие судовые механики в Космофлоте, Синклер был родом с Новой Шотландии; говорил он с тем же жутким акцентом, что и другие шотландцы, разбросанные по огромной Империи. Как национальную святыню они сохранили эту свою манеру говорить и во время Сепаратистских войн, и позже — даже на планетах, где гаэльский язык давно забыли. Род, правда, подозревал, что шотландцы специально учат язык в свободное от вахт время — для того только, чтобы остальные не понимали, о чем они говорят.

Пробоины заваривали огромными плитами броневой обшивки, снятыми с кораблей Союза и с трудом установленными на место. Синклер творил чудеса, монтируя на «Макартуре» произведенное на Нью-Чикаго оборудование — получалось что-то вроде лоскутного одеяла, и, понятное дело, ничего общего с первоначальными чертежами корабля новые системы не имели. Штурманский состав дни и ночи напролет объяснял изменения главному корабельному компьютеру.

Иногда у Синклера с Каргиллом чуть не до драки доходило. Старший помощник упирал на то, что главное — подготовить корабль к рейсу, а старший помощник злился и кричал, что уже никогда не сможет организовать оперативный ремонт в боевой обстановке, потому что, мол, теперь даже самому Богу неизвестно, что сделали с кораблем.

— Богохульствуешь! Слушать тебя не желаю! — как раз говорил Синклер, когда Род оказался неподалеку. — По-моему, если я знаю, что мы сделали, этого уже достаточно.

— Ну, если ты еще и готовить на весь экипаж собираешься, тогда конечно, жестянщик чокнутый! Сегодня утром повар офицерской кают-компании даже кофеварку не мог включить! Один из твоих умельцев вытащил оттуда микроволновый нагреватель. Так что, будь добр, верни его обратно, или, клянусь Богом...

— Непременно. Я вытащу его из третьего топливного бака, как только ты найдешь мне запчасти для насоса, которые этот нагреватель заменяет. И что тебе все не слава богу? Корабль может наконец сражаться! Или кофе для тебя важнее?

Каргилл сделал глубокий вдох и начал снова, словно ребенку, объяснять Синклеру прописные истины:

— Корабль может сражаться, пока кто-нибудь не сделает в нем дырку. После чего корабль нужно ремонтировать. Ну, предположим, я должен отремонтировать вот это. — Он положил руку на некий

механизм, который, Род почти не сомневался, был когда-то регенератором воздуха. — Эта чертовщина наполовину оплавлена. Откуда я знаю, что тут повреждено? И было ли повреждено вообще? А предположим...

— Знаешь, у тебя не будет никаких проблем, если ты не будешь лезть в мое... — парировал Синклер с таким жутким акцентом, что Каргилл не выдержал.

— Да прекратишь ты когда-нибудь или нет? Ты можешь говорить совершенно нормально, когда забываешь про свой шотландский выговор!

— *Это наглая ложь!* — закричал Синклер уже безо всякого акцента.

Тут Род решил, что пора подойти ближе, чтобы спорщики его заметили. В конце концов он отправил старшего механика на корму, а Каргилла — в его часть корабля, на мостик. Похоже было, что споры эти не прекратятся до тех пор, пока корабль не пройдет переоснастку на верфях Новой Шотландии.

По распоряжению лейтенанта медслужбы Род провел одну ночь в лазарете. Когда его выпустили оттуда, рука покоилась в огромной шине с мягкой подкладкой на перевязи — издалека могло показаться, что он таскает с собой подушку. Первые несколько дней Род злился и настороженно прислушивался, не смеется ли кто, однако никто и не думал смеяться, во всяком случае при нем.

На третий день своего капитанства Блейн устроил генеральную инспекцию. Все работы были остановлены, кораблю задали вращение, и они с Каргиллом обошли его от носа до кормы.

Роду очень хотелось воспользоваться своим опытом, приобретенным в должности помощника капитана «Макартура»: он отлично знал, где нерадивый офицер может схитрить, сделав работу кое-как. Но в должности капитана он проводил инспекцию впервые, да и ремонт еще не закончен, а кроме того, Каргилл слишком хорошо знал свое хозяйство, чтобы он мог тут что-нибудь добавить. Короче, Блейн не спеша осмотрел корабль, уделяя внимание лишь главным установкам, а в остальном положился на Каргилла, позволив ему водить капитана по кораблю словно на экскурсии. Однако про себя он решил не делать из этого случая прецедента: когда у него будет больше времени, он прочешет весь корабль и разберется с каждой мелочью.

Космопорт Нью-Чикаго охраняла целая рота десантников. После того как имперские войска захватили генератор Поля Лэнгстона, сопротивление прекратилось, и большинство горожан даже приветствовали победу имперских сил — город словно вздохнул, устало и облегченно, что убеждало больше, чем всякие парады в честь побе-

дителей и ликование на улицах. Однако мятеж на Нью-Чикаго оказался для Империи полной неожиданностью, и теперь никто бы не удивился, если бы восстание вспыхнуло вновь.

Поэтому десантники по-прежнему патрулировали порт и охраняли имперские корабли, и, двигаясь со своими слугами под яркими лучами солнца к высящемуся впереди челноку, Салли Фаулер чувствовала на себе их взгляды. Впрочем, это ее не беспокоило. Племянница сенатора Фаулера давно привыкла, что на нее обращают внимание.

«До чего хороша, — подумал один из охранников. — Только лицо какое-то застывшее. Вроде бы должна радоваться, что ее вытащили из этого вонючего лагеря, но по ней и не скажешь». По ребрам у охранника непрерывно сбегали капельки пота, и у него вдруг возникла новая мысль: «Надо же, на ней ни капли пота. Ну прямо ледяная статуя, вырублена искуснейшим скульптором всех времен...»

Большой челночный корабль оказался заполненным лишь на треть. Салли сразу заметила двоих черноволосых мужчин небольшого роста — Бери и его слугу, причем, кто есть кто, не спутаешь — и четверых молодых парней, отмеченных печатью нью-чикагского провинциализма, — эти буквально излучали и страх, и восторг, и ожидание перемен. Рекруты, догадалась она.

Не желая ни с кем разговаривать, Салли села в последнем ряду. Адам и Энни встревоженно посмотрели на свою госпожу, но сели через проход. Они знали, когда ее лучше не беспокоить.

— Слава богу, мы отсюда улетаем, — произнесла Энни.

Салли промолчала. Отлет не вызывал у нее никаких чувств.

В таком состоянии она находилась еще с тех пор, как в лагерь ворвались десантники. Потом была и хорошая пища, и горячая ванна, и чистая одежда, и почтение со стороны окружающих, но ее ничто не трогало. Она не испытывала ровным счетом никаких эмоций. Эти месяцы за колючей проволокой словно дотла выжгли что-то в ее душе. Может быть, навсегда, думала она. Но и это ее почти не беспокоило.

Когда Салли Фаулер окончила Имперский университет на Спарте и получила степень магистра антропологии, ей удалось убедить дядюшку, что будет гораздо лучше, если вместо учебы в аспирантуре она отправится путешествовать по Империи, чтобы своими глазами увидеть, как развиваются вновь завоеванные провинции и что происходит с их примитивными культурами. «Может быть, — заявила она, — я даже напишу книгу».

— Ну чему я могу научиться здесь? — настаивала Салли. — Там, за пределами Угольного Мешка, от меня действительно будет какая-то польза.

Мысленно она уже видела свое триумфальное возвращение, публикации, статьи в академических журналах... Собственным трудом добиться уважения в научном мире казалось ей куда как увлекательнее, чем сидеть и ждать, когда ее выдадут замуж за какого-нибудь молодого аристократа. Нет, она, конечно, выйдет замуж, но не раньше, чем добьется чего-то сама. Ей хотелось стать *кем-то*, а не просто наследницей знатного рода, хотелось служить Империи, не только рожая для нее сыновей, которые вырастут и, возможно, погибнут потом в каких-нибудь космических битвах.

Как ни странно, дядюшка согласился. Если бы Салли разбиралась в людях не только на уровне академической психологии, она бы поняла почему. Бенджамин Брайт Фаулер, младший брат ее отца, не унаследовал от семьи ничего и добился положения лидера большинства в сенате исключительно своими способностями. Детей у него не было, и к Салли, единственной, кто остался в живых из семьи его брата, он относился как к дочери. Слишком много ему доводилось видеть девушек, чье единственное достоинство — это родственники и их деньги. Поэтому Салли и ее подруга со студенческих лет без долгих разговоров отправились изучать примитивные культуры в провинциях, взяв с собой только слуг Салли, Адама и Энни. Космофлот то и дело находил новые планеты — кое-где корабли Империи не садились уже более трехсот лет, и войны настолько сократили население, что некоторые планеты просто впали в варварство.

На одну из таких примитивных колоний они как раз и направлялись и должны были остановиться на Нью-Чикаго только для того, чтобы пересесть на другой корабль, но тут разразился мятеж. В тот день подруга Салли, Дороти, выехала за город, и никто ее больше не видел. Гвардейцы Союза из Комитета государственной безопасности вытащили Салли из ее гостиничного номера, разворовали все, что было у нее ценного, и бросили ее в концентрационный лагерь.

В первые дни в лагере сохранялся порядок. Имперская знать, гражданские лица из имперских служащих и бывшие солдаты Империи делали лагерь куда безопаснее улиц Нью-Чикаго. Но аристократов и правительственных чиновников с каждым днем становилось все меньше — их увозили группами, и больше они не возвращались, — а в лагерь тем временем свозили самых обыкновенных уголовников. Каким-то чудом ее отыскали в лагере Адам и Энни, и, по счастью, все остальные, кто жил в одной с ней палатке, оказались не преступниками, а имперскими гражданами. Так она пережила первые дни, дальше счет пошел на недели, а затем потянулись месяцы бесконечного заключения под черным куполом Поля Лэнгстона.

Поначалу это воспринималось как приключение — пугающее, неприятное, но не более того. Затем им срезали пайки, затем еще раз, начался голод. Ближе к концу исчезли последние признаки по-

рядка. Никто уже не соблюдал даже санитарных норм. Трупы умерших от истощения по нескольку дней лежали штабелями у ворот, ожидая приезда похоронных команд.

Приключение превратилось в бесконечный кошмар. Вскоре у ворот вывесили объявление о розыске Салли: она вдруг понадобилась Комитету государственной безопасности. Но заключенные, которые ее знали, заявили, что Салли Фаулер умерла, и, поскольку охрана редко заходила на территорию лагеря, Салли удалось избежать судьбы, постигшей других членов аристократических семей.

По мере того как в лагере становилось все хуже и хуже, Салли находила в себе все новые и новые силы, стараясь быть примером для остальных. В ней видели лидера, а Адам был у нее за премьер-министра. Если ей случалось заплакать, всем становилось страшно. Девушка двадцати одного года от роду со спутанными волосами и огрубевшими грязными руками, в изодранной перепачканной одежде даже не могла позволить себе забиться в угол и расплакаться. Ей оставалось только терпеть этот кошмар.

Иногда в кошмарную действительность проникали слухи — о том, например, что над черным куполом появились имперские боевые корабли, или о том, что заключенных уничтожат раньше, чем имперские войска пробьются в город. Салли улыбалась и делала вид, будто не верит, что это может произойти. Впрочем, только ли делала вид? Уже и сам кошмар казался ей чем-то выдуманным, ненастоящим...

А затем в лагерь прорвались десантники и впереди всех — высокий молодой офицер в залитой кровью форме и с рукой на перевязи, хотя, едва его увидев, Салли сразу догадалась, что ему случалось бывать при дворе. Кошмар закончился, и вроде бы пора проснуться. Ее отмыли, накормили, одели — почему же не кончается этот сон? Почему душа словно обложена толстыми слоями ваты?..

Ускорение вдавило ее в кресло. Тени в пассажирском салоне обрели резкие очертания. Рекруты с Нью-Чикаго прилипли к иллюминаторам и возбужденно затараторили. Должно быть, челнок уже вышел за пределы атмосферы.

Адам и Энни не сводят с нее настороженных глаз... До Нью-Чикаго ее слуги выглядели упитанными, даже полными. Теперь же — кожа да кости. Салли понимала, что они отдавали ей часть своих пайков, и тем не менее ей казалось, что испытание они перенесли легче.

«Так хочется расплакаться, но и этого я не могу, — думала она. — Даже вспоминая Дороти. Я так ждала, что вот сейчас придут и скажут, что ее нашли... Но нет. Исчезла, растворилась... как во сне...»

Из динамиков донесся записанный голос, но Салли даже не пыталась разобрать, что говорят.

Затем тяжесть исчезла, и наступила невесомость.

Да, в самом деле невесомость...

Неужели она все-таки спаслась?

Салли резко повернулась к иллюминатору. Под кораблем светилась планета Нью-Чикаго — из космоса почти такая же, как Земля: все смазано, размыто, яркие моря и контуры материков, переливы голубого и синего — все в белом инее облаков. Планета удалялась, становясь все меньше и меньше, а Салли все смотрела в иллюминатор, пряча лицо, чтобы никто не видел исказившей его черты ненависти: в эту минуту она, не задумываясь, приказала бы выжечь всю планету дотла.

После инспекции Род провел на ангарной палубе богослужение. Они едва допели последний гимн, когда вахтенный доложил, что пассажиры вот-вот будут готовы перейти на борт. Команда разошлась по своим рабочим местам. Все понимали: до тех пор, пока корабль не приведен в боевую готовность, никаких выходных не будет, чтобы там ни говорили о воскресеньях на орбите — традиции Космофлота. Наблюдая, как его люди расходятся, Блейн внимательно прислушивался к разговорам: вдруг команда недовольна? Но нет, до него доносились лишь какие-то пустые фразы, и ворчали не больше, чем можно было ожидать...

— ...ладно, я знаю, что такое сучок, — говорил Стокер Джексон своему напарнику, — и я еще могу понять, если сучок попадет в глаз. Но как, черт побери, может попасть в глаз бревно? Нет, ну скажи, как может человек не почувствовать бревно в глазу? Чепуха какая-то!

— Тут ты прав, конечно. Только... что такое бревно?

— Бревно? А-а! Ты ведь со Столешницы, да? Бревно это... ну, в общем, длинный кусок древесины. От дерева. А дерево — это такое большое, высокое...

Голоса затихли вдали, и Блейн быстро вернулся на мостик. Будь Салли Фаулер одна, он с радостью встретил бы ее на ангарной палубе, но Роду хотелось сразу дать этому Бери понять, как он к нему относится: нечего ему думать, будто капитан корабля его величества торопится встретить какого-то там торговца.

Экраны на мостике показывали, как клинообразный челнок поравнялся с «Макартуром», а затем его втянули внутрь между двумя распахнутыми крыльями огромных прямоугольных створов шлюзовой камеры. Не самая простая операция — на протяжении всего маневра Род настороженно держал руку у переключателя интеркома.

Пассажиров встретил гардемарин Уитбрид. Первым вышел Бери, за ним — небольшого роста темноволосый человек, которого Бери даже не счел нужным представить. Оба были одеты соответст-

венно случаю: удобные для невесомости широкие брюки с плотными застежками у лодыжек и подпоясанные рубахи с закрытыми на молнии и «липучки» карманами. Бери из-за чего-то злился и честил своего слугу. Уитбрид старательно записывал все его высказывания, чтобы позже пропустить их через корабельный компьютер. Отправив торговца вперед со старшиной, гардемарин остался ждать мисс Фаулер: в свое время он видел ее фотографии.

Бери устроили в каюте капеллана, а Салли — в каюте старшего помощника. Самую большую каюту ей выделили главным образом потому, что Энни, ее служанка, должна была остаться с хозяйкой. Слуг-мужчин можно разместить в кубрике с командой, но женщину, даже такую немолодую, как Энни, следовало поселить подальше от кубриков: когда мужчины проводят так много времени в космосе, у них складываются несколько иные представления о красоте и привлекательности. К племяннице сенатора они бы ни за что приставать не стали, а вот ее экономка — это совсем другое дело. Короче, тут во всем была своя логика, и хотя каюта старшего помощника соседствовала с жилищем капитана, а каюта священника размещалась палубой ниже и на три отсека дальше к корме, никому не пришло в голову возразить.

— Пассажиры на борту, — доложил гардемарин Уитбрид.

— Отлично. Они довольны каютами?

— Мисс Фаулер — да, сэр. А торговца провожал до его каюты старшина Эллот...

— Что ж, хорошо. — Блейн сел в капитанское кресло.

Когда он увидел ее в лагере, леди Сандра — нет, вспомнилось ему, она предпочитала, чтобы ее звали по имени, Салли, — Салли выглядела, мягко говоря, неважно. Но судя по словам Уитбрида, сейчас она пришла в себя. Тогда, в лагере, она вышла из палатки ему навстречу, и, узнав ее, Род едва не провалился сквозь землю от смущения: он весь был в грязи и крови. Затем она подошла ближе — величественно, как и подобает придворной даме, но, боже, как она выглядела... Худая, оголодавшая, большие темные круги под глазами. И сами глаза... Полная отрешенность... Что ж, может быть, за эти две недели она немного ожила, а Нью-Чикаго теперь навсегда в прошлом.

— Надо полагать, вы покажете мисс Фаулер, как пользоваться противоперегрузочной койкой? — спросил Род.

— Да, сэр, — ответил Уитбрид, подумав про себя: «И что делать в невесомости, я бы ей тоже показал».

Блейн взглянул на гардемарина с улыбкой, без труда догадавшись, о чем тот думает. Ну-ну, пусть потешит себя фантазиями, однако у старшего по званию есть определенные преимущества. И, кроме того, они уже знакомы — встречались, когда Салли было десять лет.

— На связи Дом Правительства, сэр, — доложил вахтенный.

И тут же зазвучал бодрый, беззаботный голос Сциллера:

— Блейн? Приветствую! Готовы к отлету? — Командующий флотом развалился в кресле, попыхивая своей знаменитой огромной трубкой.

— Да, сэр. — Род хотел добавить еще кое-что, но сдержался.

— Пассажиров разместили? Все в порядке?

Род готов был поклясться, что его бывший капитан посмеивается над ним.

— Да, сэр.

— А как команда? Жалоб нет?

— Вы прекрасно знаете, черт побери... Можете не сомневаться, мы справимся, сэр. — Блейн погасил в себе вспышку раздражения. Грех на него злиться, после того как он отдал ему свой корабль, но... черт бы его побрал все равно! — У нас тут, скажем так, не тесно, но до места дойдем.

— Поймите, Блейн, я отобрал у вас людей не без причины. Нам здесь катастрофически не хватает управленцев, а вы получите пополнение раньше нас всех. Кстати, я направил к вам еще двадцать рекрутов, молодых парней из местных, которые думают, что им понравится в космосе. Может быть, и понравится... Мне в свое время понравилось.

Совсем зеленые еще парни, которые ничего не знают и которых всему придется учить, но это уже забота старшин. А двадцать человек лишними не будут... Род почувствовал некоторое облегчение.

Сциллер покопался в бумагах, затем добавил:

— И я верну на «Макартур» два взвода десантников, хотя на Новой Шотландии вам вряд ли предстоит сражаться.

— Хорошо, сэр. Спасибо, что оставили мне хотя бы Уитбрида и Стейли.

Плеханов и Сциллер перевели в Нью-Чикаго всех гардемаринов, кроме этих двоих, и многих опытных старшин, но самых опытных все же оставили, так что пока они справятся. Корабль жив, но кое-где койки пустуют, как после большого сражения.

— Не за что. Это отличный корабль, Блейн, берегите его. Возможно, в Адмиралтействе ваше назначение не утвердят, но, может быть, вам повезет. Мне же придется руководить планетой буквально с пустыми руками. Тут даже денег теперь нет! Только временные республиканские купоны! Мятежники отобрали у населения имперские кроны и напечатали огромное количество цветных бумажек. Ну как, черт побери, вводить теперь настоящие деньги в обращение?

— Да, я понимаю, сэр.

Теоретически Род имел то же звание, что и Сциллер. Присвоение Сциллеру адмиральского звания было, строго говоря, необходимой формальностью, чтобы капитаны более высокого ранга испол-

няли приказы нового командующего флотом без смущения. Что же касается Блейна, то Совет Адмиралтейства должен еще утвердить его неожиданное назначение, и поскольку он довольно молод, ему есть о чем беспокоиться. Не исключено, что шесть недель спустя он снова станет командором.

— И еще... — добавил Сциллер. — Я только что сказал, что на планете нет денег, но это не совсем так. Здесь есть *очень* богатые люди, и один из них — Джонас Стоун, тот самый, что впустил ваших десантников в город. Утверждает, что сумел скрыть деньги от мятежников. Может быть, и так. Он, в конце концов, тоже был в числе заговорщиков. Но недавно наш патруль нашел мертвецки пьяного горняка, и у него обнаружилось целое состояние в имперских кронах. Где взял, не признается, но мы подозреваем, что деньги получены от Бери.

— Да, сэр.

— Так что приглядывайте за его превосходительством. Однако ладно. Ваши инструкции и новые члены экипажа будут на борту в течение часа. — Сциллер бросил взгляд на экран своего компьютера. — Точнее, через сорок три минуты. Можете отправляться, как только они прибудут. — Сциллер сунул компьютер в карман и принялся снова набивать трубку. — Макферсона на Верфях увидите — передавайте от меня поклон, и вот еще что: если на Верфях будут затягивать с ремонтом — а это обязательно случится, — не вздумайте посылать докладные записки адмиралу. Макферсон от этого только разозлится. Что вполне понятно. Лучше пригласите Джейми на борт и выпейте с ним шотландского виски. Перепить его вам все равно не удастся, но честная попытка продвинет работы лучше всяких докладных записок.

— Понял, сэр, — неуверенно ответил Род. Он вдруг осознал, насколько еще не готов командовать «Макартуром». Да, он хорошо знает техническую сторону, может быть, даже лучше Сциллера, но сколько же предстоит постичь всего такого, что приходит только с годами и опытом...

Сциллер будто читал его мысли — в чем его нередко подозревали служившие на «Макартуре» офицеры.

— Успокойтесь, капитан. Вас в любом случае не снимут с должности, пока вы не доберетесь до Столицы, а до тех пор у вас будет достаточно времени, чтобы изучить старину «Макартура» вдоль и поперек. Кстати, не тратьте это время на подготовку к адмиралтейскому экзамену, толку все равно никакого не будет. — Сциллер затянулся и выпустил изо рта струю густого дыма. — Ладно. У вас полно дел, так что я не стану вас задерживать. Но когда окажетесь на Новой Шотландии, найдите время и обязательно взгляните ночью на Угольный Мешок. В Галактике мало что может сравниться с этим зрелищем. Некоторые называют его Лик Господа.

Изображение Сциллера померкло и растаяло, только косая улыбка, казалось, задержалась на экране, будто улыбка Чеширского Кота.

3. Обед в кают-компании

«Макартур» удалялся от Нью-Чикаго со стандартным — под земную силу тяжести — ускорением. Во всех отсеках кипела работа, экипаж буквально переделывал корабль: на орбите сила тяжести создавалась вращением вокруг продольной оси, и «низом» служила наружная обшивка корабля, теперь же «Макартур» двигался с ускорением и «низ» переместился в сторону кормы. В отличие от торговых кораблей, которые нередко добираются от обитаемых планет до «прыжковых» точек Олдерсона не торопясь, по инерции, военные корабли почти всегда движутся с ускорением.

Через два дня после отлета Род решил устроить в офицерской кают-компании торжественный обед.

На длинном столе расстелили скатерть, расставили канделябры, тяжелую серебряную посуду и гравированные хрустальные бокалы, созданные мастерами-умельцами на полудюжине различных планет, — все эти сокровища принадлежали даже не Блейну, а «Макартуру». Мебель уже стояла на месте; за два дня команда успела перенести все со стены и смонтировать на поперечной переборке, ставшей полом, — все, кроме большого стола, теперь утопленного в цилиндрической стене.

Этот изогнутый стол нервировал Салли с самого начала. Она видела его два дня назад, когда сила тяжести на «Макартуре» еще создавалась вращением, а палубой служила цилиндрическая стена корабля, и Блейн заметил, как она облегченно вздохнула, спустившись в кают-компанию по лестнице и увидев нормальный плоский стол.

Заметил он и то, что у Бери подобных проблем не возникало. Тот вел себя приветливо, непринужденно и явно был доволен собой. Видимо, решил Род, Бери немало времени провел в космосе, может быть, даже больше, чем он сам.

Для Блейна обед стал первой встречей с пассажирами в официальной обстановке. Сидя во главе стола и наблюдая за стюардами в безукоризненно белых кителях, которые готовились подавать первое блюдо, он с трудом сдерживал улыбку. На «Макартуре» всего было вдоволь — кроме нормальной пищи.

— Боюсь, обед окажется несколько хуже сервировки, — сказал он Салли. — Но посмотрим, что нам приготовили.

Келли и стюарды полдня совещались с новым шеф-поваром — прежде тот готовил для старшин, — но на чудеса Род не рассчитывал.

Продуктов на корабле, разумеется, хватало, но никаких изысков, обычная корабельная кормежка: биопласт, белковые бифштексы, зерно с Нью-Вашингтона. Род так и не успел сделать на Нью-Чикаго какие-нибудь запасы для себя, а прежние погибли, когда они прорывали орбитальную оборону мятежников. Все, что у Сциллера было, он, конечно же, забрал с собой. Кроме того, он ухитрился перевести на планету прежнего шеф-повара и канонира с орудия номер три, который по совместительству служил личным поваром капитана.

Было внесено огромное блюдо с тяжелой крышкой — по виду из кованого золота. По низу крышки гонялись друг за другом золотые драконы, а над ними парили «счастливые» гексаграммы из книги «И цзин». Изготовленные на Ксанаду, блюдо и крышка стоили не меньше, чем один из посадочных шлюпов «Макартура». Канонир Келли в ослепительно белом кителе с красным поясом стоял за спиной Рода, изображая идеального мажордома. Трудно было поверить, что это тот же самый сержант, который своими безжалостными нотациями доводил рекрутов до обмороков, или что совсем недавно он вел десантников «Макартура» в бой против гвардейцев Союза. Плавным отработанным движением Келли снял крышку.

— Бесподобно! — воскликнула Салли.

Даже если она сделала это просто из вежливости, в возгласе прозвучал искренний восторг, и Келли просиял. Крышка скрывала огромный пирог в виде «Макартура» и черного купола крепости, с которой сражался корабль, причем каждая деталь была выполнена не менее тщательно, чем на произведениях искусства из сокровищницы императорского дворца. Другие блюда ничем не отличались от этого, и пусть, кроме белкового теста и прочих банальных продуктов, там ничего не было, все равно создавалось ощущение праздничного банкета. Род забыл о своих заботах и от души наслаждался обедом.

— И что же вы собираетесь делать дальше, милая леди? — спросил Синклер своим жутким архаичным говором. — Вы уже бывали на Новой Шотландии?

— Нет. Отправляясь в путешествие, я планировала работать по специальности, командор Синклер. Вашей родной планете вряд ли бы польстил мой визит в этом качестве. — Она улыбнулась, но глаза ее оставались мертвы, как безбрежная космическая пустота.

— И почему же моей планете не польстит такой визит? В Империи нет такой планеты, что не сочла бы за честь принимать вас.

— Благодарю... Но дело в том, что моя специальность — антропология, причем я занимаюсь примитивными культурами. Новая Шотландия никак не вписывается в сферу моих профессиональных интересов, — заверила она Синклера.

Однако его странный акцент вызвал у нее как раз профессиональный интерес. Неужели на Новой Шотландии и в самом деле все

говорят вот так? Речь Синклера вызывала в памяти исторические романы еще доимперского периода... Стараясь не выдать свои мысли, она отвела взгляд в сторону: Синклер явно гордится своими корнями и может обидеться.

— Отлично сказано! — Бери зааплодировал. — Последнее время я часто встречаю антропологов. Это что, новая специальность?

— Да. И жаль, что раньше нас было так мало. Столько хорошего уже уничтожено и забыто на множестве миров, включенных в состав Империи. Остается только надеяться, что мы не повторим больше старых ошибок.

— Должно быть, для культуры не проходит бесследно, когда планету неожиданно, часто силой, присоединяют к Империи, — заметил Род. — Даже если при этом не возникает никаких других проблем. Может быть, вам следовало остаться на Нью-Чикаго. Капитан Сциллер говорил, что едва управляется там.

— Я не могла. — Салли задумчиво поглядела в тарелку, затем подняла голову и вымученно улыбнулась. — Наше главное правило гласит, что мы должны относиться с симпатией к тем людям, которых изучаем. А я ненавижу Нью-Чикаго! — закончила она откровенно враждебно, чувствуя, как согревают ее эмоции. Даже ненависть лучше пустоты в душе.

— Да уж, — согласился Синклер, — любой возненавидит, если его продержать в концлагере несколько месяцев.

— Это еще не самое страшное, командор. Дороти — девушка, которая прилетела вместе со мной, — просто исчезла. Исчезла, как будто ее и не было. — За столом воцарилось неловкое молчание, и Салли смутилась. — Пожалуйста, не позволяйте мне портить наш праздник.

Блейн безуспешно пытался придумать новую тему для разговора, и тут ему на помощь невольно пришел Уитбрид. Род заметил, как младший гардемарин опустил руки за край стола и что-то там делает... Интересно что? Да, в самом деле, щупает скатерть и проверяет ее на прочность. А до этого внимательно разглядывал хрусталь.

— Да, мистер Уитбрид, — сказал Род. — Все невероятно прочное.

Уитбрид поднял взгляд, покраснел, но Род вовсе не собирался вгонять его в краску.

— Скатерть, приборы, тарелки, блюда, хрусталь — все должно быть очень прочное и долговечное, — сказал он, обращаясь ко всем сразу. — Обычное стекло не пережило бы и первого сражения. А наш хрусталь — это не просто хрусталь. Бокалы вырезаны из носового обзорного колпака разбитого посадочного шлюпа времен Первой Империи. Так мне, во всяком случае, когда-то говорили. Сейчас мы не умеем производить такие материалы. Скатерть тоже не из натурального полотна, это искусственное волокно и тоже на-

следие Первой Империи. Крышки на блюдах — из монокристаллического железа, а сверху действительно кованое золото.

— Я первым делом обратил внимание на хрусталь, — робко произнес Уитбрид.

— Я тоже, несколько лет назад. — Род улыбнулся гардемаринам: офицеры, но все еще мальчишки. Он прекрасно помнил, как сам начинал службу.

Подали первые блюда, разговор оживился. Говорили в основном о делах, но не очень напирали на техническую сторону, чтобы пассажиры понимали, о чем речь. Келли руководил обедом, как дирижер оркестром. Наконец все лишнее со стола убрали, оставив только кофе и вина.

— За здоровье вице-короля! — торжественно произнес Род.

Уитбрид, который был моложе Стейли на три недели, поднял свой бокал.

— Капитан, прекрасная леди... За здоровье его императорского величества!

Офицеры подняли бокалы за своего монарха, как делалось на флоте — и на морях, и в космосе — уже две тысячи лет подряд.

— Вы позволите мне показать вам мою планету? — озабоченно спросил Синклер.

— С удовольствием. И я заранее благодарна, только не знаю, как долго мы там пробудем. — Салли бросила вопросительный взгляд на Блейна.

— Увы, я тоже. Нас должны поставить на капитальный ремонт, а как долго это протянется, зависит от них.

— Что ж, если это не надолго, я останусь с вами. А скажите, командор, от Новой Шотландии корабли часто летают к Столице?

— Чаще, чем с большинства миров по эту сторону Угольного Мешка, хотя на самом деле и это не бог весть какой оживленный маршрут. А кораблей с приличными пассажирскими каютами совсем мало. Может быть, мистер Бери скажет точнее: его корабли бывают на Новой Шотландии.

— Но, как вы заметили, не для того, чтобы перевозить пассажиров. Наша главная цель — подрыв межзвездной торговли. — Бери заметил удивленные взгляды и продолжил: — «Империал Автонетикс» занимается производством и транспортировкой автоматических фабрик. Если производство товара обходится на планете дешевле, чем доставка, мы строим там свои фабрики. Одним словом, наши основные конкуренты — это чисто торговые компании.

Бери налил себе еще вина, намеренно выбрав то, про которое Блейн сказал, что его осталось совсем мало. («Должно быть, неплохое вино, иначе это не беспокоило бы капитана».)

— И именно поэтому я оказался на Нью-Чикаго, когда начался мятеж.

Синклер и Салли Фаулер кивнули; Блейн не шевельнулся, на лице — ничего, но слишком уж спокоен; Уитбрид толкнул Стейли локтем: подожди, мол, я тебе позже расскажу. Бери все это отметил и понял, что был прав. Ничего у них на него нет. Одни подозрения, но никаких доказательств.

— У вас на редкость увлекательная профессия, — обратился Бери к Салли, чтобы молчание не затягивалось. — Может быть, расскажете нам что-нибудь? Много вам довелось увидеть примитивных миров?

— Ни одного, — расстроенно ответила она. — Так что я знаю о них только по книгам. Мы собирались на Арлекин, но тут этот мятеж...

— Я однажды был на Макассаре, — сказал Блейн.

Салли мгновенно оживилась.

— Я о нем читала целую главу. Очень отсталая планета была, да?

— Она и сейчас такая же осталась. Там и раньше-то не было большой колонии. Всю промышленность уничтожили еще во время Сепаратистских войн, и никто не посещал планету около четырехсот лет. Когда их обнаружили, они там жили на уровне «железного века». Мечи, кольчуги. Деревянные парусные суда.

— А люди? Какие там люди? — с интересом спросила Салли. — Как они живут?

Род смущенно пожал плечами.

— Я провел на планете всего несколько дней. Этого явно недостаточно, чтобы прочувствовать мир. Да и лет мне тогда было примерно столько же, сколько Стейли. Помню, меня больше таверны интересовали. — «Я ведь не антрополог, в конце концов», — хотел добавить Род, но сдержался.

Разговор шел своим чередом. Род понял, что здорово устал, и начал искать подходящий предлог, чтобы закончить обед. Но все остальные, казалось, приросли к стульям.

— Значит, вы изучаете эволюцию культуры, — увлеченно продолжал Синклер. — Что ж, это нужное дело. Но почему никого не интересует биологическая эволюция человека? Первая Империя занимала огромную территорию, и заселенные планеты отстояли далеко друг от друга, так что места там для всего хватало. Не исключено, что когда-нибудь, в каком-нибудь Богом забытом уголке старой Империи мы найдем целую планету суперменов, а?

Оба гардемарина заинтересованно вскинули головы, а Бери спросил:

— К чему ведет биологическая эволюция человека, как по-вашему, милая леди?

— Нас в свое время учили, что эволюция разумных существ невозможна, — сказала Салли. — Развитое общество защищает тех, кто слабее. Цивилизованные народы начинают производить инва-

лидные кресла, очки и слуховые аппараты, едва для этого появляется материальная база. А когда такие общества начинают войны, мужчины нередко должны проходить проверку здоровья, прежде чем им разрешат рисковать своей жизнью. Видимо, это помогает побеждать в войне, — Салли улыбнулась, — но при таком подходе совсем не остается места для естественного отбора.

— Но предположим... — вступил в разговор Уитбрид, — предположим, что цивилизация отброшена назад еще дальше, чем на Макассаре. Скажем, к полному варварству. На уровне дубины и огня. Тогда снова могут начаться эволюционные процессы, так ведь?

Три бокала вина помогли Салли справиться с ее тоской, и она с удовольствием рассуждала о том, в чем хорошо разбиралась. Дядя частенько замечал ей, что для молодой леди она говорит слишком много, и Салли старалась сдерживать себя, но вино всегда оказывало на нее такое действие... Вино и внимательные собеседники. Да и вообще, после стольких недель пустоты в душе она чувствовала себя на удивление хорошо.

— Да, конечно, — ответила Салли, — но только до тех пор, пока не возникнет общество как таковое. Естественный отбор будет действовать, пока люди не объединятся, чтобы вместе защищаться от сил природы. Но в случае затерянных планет это все равно слишком маленький срок. Я читала, например, про одну из таких планет, мистер Уитбрид: там практикуют ритуальное детоубийство. Старейшины оценивают детей и убивают тех, кто не соответствует их представлениям о совершенстве. Это, строго говоря, не эволюция, но определенных результатов можно добиться и таким путем, только опять же нужно гораздо больше времени.

— Но люди успешно занимаются селекцией лошадей. И собак, — заметил Род.

— Верно. Но никому никогда не удавалось вывести новый вид. А общества не могут придерживаться жестких правил достаточно долго, чтобы человечество претерпело какие-то заметные изменения. На это требуются миллионы лет... Хотя, конечно, были целенаправленные попытки вырастить суперменов. Как в системе Саурон.

— Настоящие звери, — проворчал Синклер и сплюнул. — Это они начали Сепаратистские войны и чуть не прикончили всех нас...

Гардемарин Уитбрид закашлялся, и Синклер неожиданно замолчал. Но тут паузу заполнила Салли:

— Вот еще одна планетная система, которую я не выношу. Даже при том, что сейчас они преданны Империи... — Салли оборвала себя и огляделась.

Все как-то странно, натянуто молчали. Синклер опустил глаза и прятался за бокалом вина. Угловатое лицо Хорста Стейли застыло, словно каменное изваяние.

— Я что-нибудь не то сказала? — спросила Салли.

Спустя несколько секунд неловкое молчание нарушил Уитбрид:

— Дело в том, леди, что мистер Стейли родился в системе Саурон.

— О, простите меня, ради Бога, — пробормотала Салли. — Похоже, я действительно ляпнула что-то не то. Мистер Стейли, я, честное слово...

— Если наши юные друзья будут обижаться из-за таких мелочей, я еще подумаю, служить им на этом корабле или нет, — сказал Род. — И вы не единственная, кто сегодня «ляпнул». — Он бросил на Синклера многозначительный взгляд. — А потом, мы не судим людей за то, что творилось на их мирах сотни лет назад. — «Черт! Что-то уж слишком казенно получилось». — Кажется, вы говорили об эволюции?

— Да... В общем, для разумных существ эволюция практически невозможна, — продолжила Салли. — Биологический вид эволюционирует в борьбе с окружающим миром, а разумные существа изменяют сам окружающий мир, подлаживают его под себя. Как только вид становится разумным, эволюция просто прекращается.

— Жаль, что нам не с кем себя сравнить, — добродушно заметил Бери. — Разве что с выдуманными расами из книг.

Он рассказал анекдот про разумного осьминога и кентавра, и все рассмеялись.

— Что ж, капитан, обед явно удался, — подытожил Бери.

— Пожалуй.

Род встал из-за стола и предложил Салли руку. Все поспешно поднялись. По дороге к каюте она снова притихла, ушла в себя и на прощание лишь вежливо, сдержанно поблагодарила Рода. После он отправился на мостик. Нужно было распланировать и записать в корабельный компьютер оставшиеся ремонтные операции.

4. Экстренное сообщение

Путешествие через гиперпространство может и удивить, и разочаровать одновременно.

На сам Прыжок между звездными системами уходит неизмеримо малая доля времени, но между парами звезд существует лишь одна линия передвижения, или, как говорят специалисты, одни «рельсы», — это не совсем прямая линия, но для простоты можно представить и так. Конечные пункты этих линий, «прыжковые» точки, располагаются, как правило, далеко от центров гравитационных искажений пространства, то есть от звезд и крупных планет. А посему межзвездные корабли большую часть времени просто ползут в обычном пространстве от одной прыжковой точки к другой.

Хуже того, не каждая пара звезд связана «рельсами». Эти межзвездные туннели существуют лишь вдоль линий эквипотенциаль-

ных термоядерных потоков, и присутствие в обычном пространстве других звезд иногда просто уничтожает линии возможного передвижения. Те же, которые существуют, далеко не всегда отмечены на картах: их не так-то просто отыскать.

Вскоре пассажиры «Макартура» поняли, что путешествие на борту имперского военного корабля немногим отличается от тюремного заключения. У команды хватало дел, и даже после вахты каждому находилась работа: ремонт корабля не прекращался даже в полете. А пассажирам оставалось довольствоваться обществом друг друга и изредка, когда позволял график дежурств, общением с офицерами. Никаких других развлечений, что можно найти на борту комфортабельного пассажирского лайнера, на «Макартуре» не было.

Одним словом, скукота. К тому времени, когда «Макартур» приготовился к последнему Прыжку, прибытие в Новую Каледонию уже воспринималось пассажирами как освобождение из тюрьмы.

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ. Звездная система, расположенная за Угольным Мешком. Центральное светило класса F8 известно также под названием Мурчисон-А. Парная звезда, Мурчисон-Б, расположена на значительном удалении и не входит в систему Новой Каледонии. Мурчисон-А имеет шесть планет на пяти орбитах — четыре внутренние планеты, далее довольно широкий пояс обломков несформировавшегся небесного тела и две внешние планеты на «троянской» орбите. Четыре внутренние планеты называются Конхобар, Новая Ирландия, Новая Шотландия и Фомор — именно в таком порядке они расположены по отношению к центральному светилу, которое называют Калед, Старый Калед или просто Солнце. Две средние планеты обитаемы, и обе были терраформированы специалистами Первой Империи после того, как Джаспер Мурчисон, находившийся в родстве с Александром IV, убедил Совет, что Новая Каледония — самое подходящее место для Имперского университета. Теперь стало известно, что на самом деле Мурчисону просто хотелось иметь обитаемую планету по соседству с красным супергигантом, известным как Глаз Мурчисона, а поскольку его не устраивал климат Новой Ирландии, он потребовал терраформировать и Новую Шотландию.

Фомор — относительно небольшая планета, практически лишенная атмосферы и ничем особым не знаменита. Однако там были обнаружены некоторые виды грибков, родственные видам, что распространены в других системах сектора за пределами Угольного Мешка, и, поскольку никаких иных форм жизни в Новой Каледонии никогда не существовало, загадка их появления на Фоморе породила бесконечные дискуссии на

страницах «Журнала Имперского ксенобиологического общества».

Две внешние планеты расположены на одной орбите и называются — в соответствии с принятыми в системе традициями кельтской мифологии — Дагда и Мидер. Дагда является газовым гигантом, и Империя построила на обоих спутниках планеты, Ангусе и Бригите, заправочные станции. Торговым судам следует учитывать, что база на Бригите — чисто военный объект и гражданским судам запрещено приближаться к спутнику без особого разрешения.

Мидер — холодный металлический шар, где ведется интенсивная добыча руды. Космогонисты до сих пор не могут разгадать тайну рождения этого небесного тела: существование Мидера не укладывается ни в одну из существующих теорий возникновения планет.

Обитаемые ныне планеты Новая Шотландия и Новая Ирландия, когда их открыли, обладали атмосферами из водяного пара и метана, но без свободного кислорода. Массированный сброс биокомплектов превратил планеты в обитаемые миры, однако оба проекта оказались весьма дорогостоящими. Еще до завершения работ Мурчисон потерял свое влияние на Совет, но вложенные средства были столь велики, что Совету пришлось довести терраформирование до конца. Спустя всего сотню лет напряженной работы купольные поселения превратились в колонии под открытым небом — что само по себе является одним из наиболее значительных достижений Первой Империи.

Обе планеты потеряли во время Сепаратистских войн часть своего населения: Новая Ирландия присоединилась к мятежникам, тогда как Новая Шотландия осталась верна Империи. Когда нарушились межзвездные связи, Новая Шотландия продолжала вести войну самостоятельно — до тех, пор пока ее не нашли корабли Второй Империи. Сейчас Новая Шотландия является столицей сектора за пределами Угольного Мешка.

«Макартур» содрогнулся и вынырнул в нормальное пространство за орбитой Дагды. Какое-то время члены экипажа оставались на своих местах, борясь со смятением и путаницей в мыслях, которые всегда наступают после мгновенного гиперпространственного Прыжка.

Почему это случается? Одна группа ученых-физиков из Имперского университета на Сигизмунде придерживается мнения, что перенос в гиперпространстве происходит не за нулевое время, а за какой-то бесконечно малый его промежуток, и именно это вызывает путаницу в мыслях у людей и неполадки в компьютерах. Сторонни-

ки других теорий считают, что Прыжок сопровождается растяжением или сжатием пространства в локальных масштабах, а это, мол, одинаково влияет и на нервные клетки, и на микросхемы; или что не все части корабля возникают в точке входа строго одновременно; или что после перехода инерция и масса на субатомном уровне не остаются той же самой. Никто не знает, как тут все на самом деле, но эффект вполне реален и ощутим.

— Штурман, — пробормотал Блейн. Зрение постепенно прояснялось, и он увидел перед собой контрольные экраны.

— Здесь, сэр, — невнятно и словно в оцепенении отозвался штурман. Однако отозвался. Дисциплина.

— Курс на Дагду. Вперед.

— Есть, сэр.

Когда человечество только осваивало перемещение в гиперпространстве, корабельные компьютеры включали ускорение сразу после Прыжка, но довольно скоро стало понятно, что на компьютеры мгновенный переход действует даже сильнее, чем на людей. Теперь всю автоматику перед Прыжком отключают.

На пульте перед Блейном постепенно зажигались зеленые огни: экипаж реактивировал «Макартур» и проверял системы.

— Садиться будем на Бригите, мистер Реннер, — продолжал распоряжаться Род. — Рассчитайте скорость маневра. Мистер Стейли, вы будете помогать навигатору.

— Слушаюсь, сэр.

Мостик оживал. Члены экипажа приходили в себя и включались в работу. Когда вернулась сила тяжести, стюарды принесли кофе. Люди покидали посты, отведенные им для гиперпространственного Прыжка, и занимали свои рабочие места в соответствии с полетным расписанием, а искусственные глаза «Макартура» ощупывали тем временем окружающее пространство в поисках противника. Вскоре все посты доложили о нормальной работе, и статус-экран засветился ровным зеленым светом.

Блейн удовлетворенно кивнул и отхлебнул кофе. Каждый раз то же самое ощущение; ему уже сотни раз приходилось совершать прыжки, но оно не ослабевало. Было в мгновенном перемещении через пространство что-то глубоко неестественное, это «что-то» не давало покоя и воспринималось не на уровне разума, а скорее в душе. Но привычка к дисциплине помогала людям справиться с собой — привычка, тоже, кстати, впитанная не на сознательном уровне, а гораздо глубже.

— Мистер Уитбрид, передайте старшему офицеру связи, чтобы сообщил о нашем прибытии в штаб флота на Новой Шотландии. Узнайте у Стейли курс и скорость и дайте им знать, что мы на подходе. Да, и сообщите командованию флота о последней точке нашего маршрута.

— Слушаюсь, сэр. Сигнал через десять минут?

— Да.

Уитбрид отстегнул пряжку кресла, стоящего чуть позади капитанского, и, пошатываясь, словно пьяный, направился к штурманскому пульту.

— Хорст, через десять минут мне нужны будут все сто процентов мощности энергоустановки. — И, уже почти полностью придя в себя, он сошел с мостика. У молодых это обычно проходит быстрее, что, кстати, тоже довод в пользу молодых офицеров на командных должностях.

— ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! — объявил Стейли по системе оповещения на весь корабль. — ВНИМАНИЕ! ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ УСКОРЕНИЕ ОТКЛЮЧАЕТСЯ! ПОВТОРЯЮ: ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ НАСТУПИТ КОРОТКИЙ ПЕРИОД НЕВЕСОМОСТИ!

— А это зачем? — услышал Блейн.

Он поднял голову и увидел у входа на мостик Салли Фаулер. Еще в самом начале перелета он пригласил пассажиров заглядывать, когда на борту все спокойно, на мостик, и вышло как нельзя лучше: Бери приглашением почти не пользовался.

— Почему невесомость так скоро? — переспросила Салли.

— Энергия нужна, чтобы отправить сообщение, — объяснил Род. — На таком расстоянии связь лазерным лучом съедает значительную долю мощности нашей энергоустановки. Можно, конечно, поставить ее на форсаж, но обычно, когда нет большой спешки, для передачи сообщений просто отключают двигатели.

— Понятно... — Салли села в пустующее кресло, Род оказался лицом к ней и в который раз уже пожалел, что до сих пор никто не придумал для девушек такую одежду, которую можно носить в невесомости и которая не скрывала бы ноги. Впрочем, если вернется мода на короткие шорты, будет тоже неплохо... На Спарте теперь носят юбки чуть не до лодыжек, а провинции берут пример со Столицы. На кораблях же все носят что-то вроде широких панталон — удобная одежда, спору нет, но очень уж бесформенная...

— Когда мы будем на Новой Шотландии? — спросила Салли.

— Все зависит от того, как долго мы простоим на Дагде. Пока корабль будет на базе, Синклер хочет провести кое-какие работы снаружи. — Род достал из кармана свой компьютер и принялся быстро писать на экране соединенным с ним световым карандашом. — Вот смотрите, сейчас до Новой Шотландии полтора миллиарда километров — это... ну, скажем, сто часов до разворота перед торможением. Всего около двухсот часов полета, плюс то время, что мы проведем на Дагде. Ну, и конечно, время, чтобы долететь до Дагды; это не так далеко, часов двадцать потребуется.

— Короче, в сумме получается никак не меньше двух недель, — прикинула Салли. — А я-то надеялась, что мы, как только доберем-

ся, так сразу... — Она рассмеялась. — Глупо, конечно. Но почему никто не изобретет что-нибудь, чтобы прыгать внутри системы? Ведь просто смешно получается: пять светолет мы преодолели мгновенно, а теперь будем тащиться до Новой Шотландии две недели!

— Мы вам уже надоели?.. В действительности ситуация еще смешнее. Чтобы совершить Прыжок, водорода требуется самая малость... Ну ладно, не такая уж это и малость, но все равно ерунда по сравнению с тем, сколько нужно, чтобы добраться до Новой Шотландии. У меня на борту просто не хватит топлива, чтобы лететь туда прямиком — во всяком случае, чтобы долететь раньше чем через год, — но вполне достаточно для прыжка; тут нужно совсем немного энергии, только чтобы нырнуть в гиперпространство.

Салли остановила проходившего мимо стюарда и взяла с подноса чашку кофе. Постепенно она привыкала к кофе по-космофлотски — не то чтобы плохой кофе, но, во всяком случае, такой вряд ли где еще попробуешь.

— Что ж, остается только ждать.

— Боюсь, да. Мне, правда, доводилось совершать рейсы, когда выходило быстрее добраться до соседней точки Олдерсона, чтобы прыгнуть куда-нибудь еще, и так несколько раз, пока не вернешься в ту же систему, но уже в другом месте. Мороки много, но все равно получается быстрее, чем добираться через всю систему в нормальном пространстве. Сейчас, однако, этот трюк не сработает: не то расположение планет.

— Жаль. — Салли снова рассмеялась. — А то бы мы за ту же цену увидели гораздо больший кусок Вселенной.

Хотя она и не жаловалась на скуку, Род догадывался, что ей уже надоело на корабле, но сделать он все равно ничего не мог: не так уж часто ему удавалось выкроить для нее время, а смотреть на боевом корабле особенно не на что.

— ВНИМАНИЕ! ПРИГОТОВИТЬСЯ К НЕВЕСОМОСТИ!

Салли едва успела пристегнуть ремень, как двигатели отключились и сила тяжести исчезла.

Старший офицер связи Лад Шаттак, прищурясь, глядел в прицел наводящей трубы телескопа. Его узловатые и, казалось бы, неловкие пальцы на удивление легко справлялись с тонкой настройкой. Повинуясь их движениям, телескоп на корпусе «Макартура» выискивал в черном небе крохотную светящуюся точку. Еще несколько почти незаметных глазу поправок — и точка застыла в перекрестье прицела. Шаттак удовлетворенно хмыкнул и ткнул кнопку переключателя. Мазерная антенна нацелилась в ту же точку, а корабельный компьютер тем временем подсчитал, где она окажется к моменту прибытия сигнала. Плавно сматываясь с катушки, поползла

лента с закодированным сообщением. Кормовая энергоустановка «Макартура» по-прежнему синтезировала гелий из водорода, но теперь энергетический поток, промодулированный тонкой лентой в каюте Шаттака, устремился с антенны в сторону Новой Шотландии.

Когда поступил ответ, Род обедал в своей каюте. Дежурный связист только взглянул на «шапку» сообщения и тут же позвал Шаттака. Спустя четыре минуты гардемарин Уитбрид уже стучал в дверь капитанской каюты.

— Да! — раздраженно отозвался Род.

— Сообщение от адмирала флота Кранстона, сэр.

Род бросил на него недовольный взгляд. Ему не хотелось обедать одному, но сегодня Салли Фаулер пригласили в офицерскую кают-компанию — подошла их очередь, — и если бы туда явился Блейн, вполне возможно, пришел бы и мистер Бери... А теперь, похоже, ему не дадут спокойно закончить даже этот тоскливый обед наедине с самим собой.

— Это что, срочно?

— Сообщение с пометкой «Экстренное», сэр.

— «Экстренное»? Нам? — Блейн резко встал, мгновенно забыв о белковом заливном. — Читайте, мистер Уитбрид.

— Слушаюсь, сэр. МАКАРТУРУ ИМПЕРСКИЙ ФЛОТ НОВАЯ ШОТЛАНДИЯ ЭКС 8175...

— Коды можете пропустить, гардемарин. Я полагаю, вы уже проверили их подлинность?

— Да, сэр. Э-э-э... Дальше идет дата, опять код... НАЧАЛО СООБЩЕНИЯ ВАМ НАДЛЕЖИТ С МАКСИМАЛЬНОЙ ПОСПЕШНОСТЬЮ ПОВТОРЯЮ С МАКСИМАЛЬНОЙ ПОСПЕШНОСТЬЮ ПОСЛЕДОВАТЬ К БРИГИТЕ ДЛЯ ДОЗАПРАВКИ С ПРИОРИТЕТНЫМ СТАТУСОМ ДВА А ОДИН ТОЧКА НА ЗАПРАВКУ ОТВОДИТСЯ МИНИМАЛЬНОЕ ВРЕМЯ ТОЧКА АБЗАЦ

ОТТУДА МАКАРТУР ПРОСЛЕДУЕТ К ТОЧКЕ — сэр, здесь указаны координаты какой-то точки в системе Новой Каледонии — ИЛИ ЛЮБЫМ МАРШРУТОМ ПО ВАШЕМУ УСМОТРЕНИЮ ЧТОБЫ ПЕРЕХВАТИТЬ И ОБСЛЕДОВАТЬ НЕОПОЗНАННЫЙ ОБЪЕКТ ВХОДЯЩИЙ В СИСТЕМУ НОВОЙ КАЛЕДОНИИ ИЗ НОРМАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОВТОРЯЮ ИЗ НОРМАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОВТОРЯЮ ИЗ НОРМАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ТОЧКА ОБЪЕКТ ДВИЖЕТСЯ ВДОЛЬ ГАЛАКТИЧЕСКОГО ВЕКТОРА — э-э-э... здесь указан курс откуда-то из Угольного Мешка, сэр — СО СКОРОСТЬЮ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО В СЕМЬ ПРОЦЕНТОВ ОТ СКОРОСТИ СВЕТА ТОЧКА ОБЪЕКТ БЫСТРО ТОРМОЗИТ ТОЧКА АСТРОНОМЫ ИМПЕРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА УТВЕРЖДАЮТ ЧТО СПЕКТР ИЗЛУЧЕНИЯ ПРИШЕЛЬЦА СООТВЕТСТВУЕТ СПЕКТРУ СОЛНЦА НОВОЙ КАЛЕДОНИИ СО СМЕЩЕНИЕМ В ФИОЛЕТОВУЮ ОБЛАСТЬ ТОЧКА ОЧЕВИДЕН ВЫВОД ЧТО

ОБЪЕКТ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ С ПОМОЩЬЮ СОЛНЕЧНОГО ПАРУСА ТОЧКА АБЗАЦ

АСТРОНОМЫ ИМПЕРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА УБЕЖДЕНЫ ЧТО ЭТО ИСКУССТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ СОЗДАННЫЙ РАЗУМНЫМИ СУЩЕСТВАМИ ТОЧКА СООБЩАЕМ ЧТО В ТОМ НАПРАВЛЕНИИ ОТКУДА ПО ВСЕЙ ВИДИМОСТИ ВЫЛЕТЕЛ ОБЪЕКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НЕ ОБНАРУЖЕНО ТОЧКА АБЗАЦ

В ПОМОЩЬ ВАМ НАПРАВЛЯЕТСЯ КРЕЙСЕР ЛЕРМОНТОВ НО ОН СМОЖЕТ ПОДОЙТИ К ПРИШЕЛЬЦУ В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ НА СЕМЬДЕСЯТ ОДИН ЧАС ПОЗЖЕ МАКАРТУРА ТОЧКА ДЕЙСТВУЙТЕ ОСТОРОЖНО ТОЧКА ПОКА НЕ ПОЛУЧИТЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ОБРАТНОГО ИСХОДИТЕ ИЗ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ЧТО ПРИШЕЛЕЦ ИМЕЕТ ВРАЖДЕБНЫЕ НАМЕРЕНИЯ ТОЧКА ПРИКАЗЫВАЮ ДЕЙСТВОВАТЬ ОСМОТРИТЕЛЬНО И НЕ НАЧИНАТЬ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПЕРВЫМИ ПОВТОРЯЮ НЕ НАЧИНАТЬ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПЕРВЫМИ ТОЧКА

ПРОБЕЛ ПРОБЕЛ ДАВАЙ СЦИЛЛЕР ХВАТАЙ ЕГО ТОЧКА ЖАЛЬ ЧТО МЕНЯ ТАМ НЕТ ТОЧКА БОГ В ПОМОЩЬ ТОЧКА КРАНСТОН ПРОБЕЛ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ ПОДЛИННОСТЬ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ — э-э-э... больше ничего нет, сэр, — закончил Уитбрид и шумно вздохнул.

— Вам мало, мистер Уитбрид? — Блейн тронул пальцем клавишу интеркома. — Кают-компанию.

— Кают-компания слушает, капитан, — ответил гардемарин Стейли.

— Дайте мне Каргилла.

В голосе старшего помощника чувствовалась сдержанная обида: вот, мол, выбрал капитан время. Род едва сдержал довольную улыбку.

— Джон, срочно на мостик и гони! Мне нужен предельно короткий курс до Бригиты. Предельно! Можешь опустошить все баки, но мы должны быть там как можно скорее.

— Слушаюсь, сэр. Но пассажирам это не понравится.

— Пропади они... э-э-э... в общем, передай пассажирам мои извинения, но это боевая тревога. Извини, что пришлось прервать твой обед, однако нужно немедленно разместить пассажиров по гидравлическим койкам и разгоняться. Я буду на мостике через минуту.

— Хорошо, сэр. — Интерком на несколько секунд замолчал, а затем по всему кораблю разнесся голос Стейли: — ВНИМАНИЕ! ВСЕМ ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМУ УСКОРЕНИЮ СВЫШЕ ДВУХ G! РУКОВОДИТЕЛЯМ СЛУЖБ ДОЛОЖИТЬ О ГОТОВНОСТИ К УВЕЛИЧЕНИЮ УСКОРЕНИЯ!

— Отлично. — Блейн повернулся к Уитбриду. — Введите-ка этот чертов вектор в компьютер. Посмотрим, откуда, черт побери, взялся пришелец. — Он вдруг понял, что несколько раз подряд чертыхнулся, и заставил себя успокоиться. Но пришельцы! Может

быть, это чужаки? Боже, какая удача! Оказаться на корабле, который первым вступит в контакт с чужаками! Сейчас вот только узнаем, откуда они...

Уитбрид подошел к компьютерной консоли на столе Рода. Экран дернулся, затем на нем вспыхнули цифры.

— А, чтоб тебя! Уитбрид, я ведь не математик! Сделайте картинку!

— Извините, сэр. — Пальцы Уитбрида забегали по клавишам.

По экрану разлилась чернота, заполненная цветными пятнами и линиями: звезды изображались пятнами, причем каждому типу звезды соответствовал определенный цвет, векторы скорости обозначались тонкими зелеными линиями, векторы ускорения — лиловыми, траектории движения красными. А длинная зеленая полоса...

Род недоверчиво посмотрел на экран и провел пальцем по сломанной переносице.

— Они идут от самой Мошки! Чтоб я сдох! От Мошки — и в нормальном пространстве!

До сих пор никому не удавалось найти гиперпространственный путь к звезде пришельцев, к Мошке, и поэтому она находилась как бы в изоляции — маленькое желтое пятнышко рядом с гигантским Глазом Мурчисона. Роду вдруг представились похожие на осьминогов твари...

«А что, если у них враждебные намерения?» — подумал он. Если «Макартуру» придется сражаться с кораблем чужаков, нужно прямо сейчас довести до конца кое-какие работы. Те самые, что они отложили на потом, потому что их лучше проводить на орбите или в доках. Теперь придется работать при двойной силе тяжести... Но встретить пришельцев выпало «Макартуру». И ему, Роду. Они просто обязаны справиться.

5. Лик Господа

Блейн быстро добрался до мостика, сел в свое кресло, пристегнул ремни и протянул руку к интеркому. С экрана на него взглянул гардемарин Уитбрид, оставшийся в капитанской каюте.

— Читайте вслух, Уитбрид, — уверенно сказал Род.

— Сэр?

— У вас в руках устав, и он раскрыт на положении о контактах с другими расами разумных существ, верно? Вот и сделайте одолжение, зачитайте его вслух. — В свое время — давно уже — Род проглядывал этот документ — из любопытства, как и большинство кадетов.

— Слушаюсь, сэр. — По лицу Уитбрида нетрудно было догадаться, о чем он думает: может, капитан и в самом деле мысли чита-

ет? Потом он, видимо, решил, что капитану положено. Об этом случае еще легенды будут рассказывать. — Раздел 4500. Первый контакт с разумными существами неземного происхождения. Примечание: разумными существами считаются существа, использующие орудия труда и осуществляющие обмен информацией для целенаправленной деятельности. Однако офицерам Космофлота следует применять данное определение с учетом конкретной обстановки. Ульевые крысы Макассара, например, используют при ремонте и строительстве своих гнезд и орудия труда, и обмен информацией, но разумными не являются. Пункт 1. При встрече с разумными существами неземного происхождения офицеры Космофлота обязаны немедленно сообщить об этом в ближайший командный пункт флота. Любые другие директивы отходят в данном случае на второй план. Пункт 2. После выполнения директивы по пункту 1 офицеры обязаны попытаться установить контакт с представителями другой расы разумных существ — не подвергая при этом риску своих подчиненных, если иное не предусмотрено распоряжениями руководства. Офицеры Космофлота не имеют права первыми начинать боевые действия, однако обязаны считаться с тем, что разумные существа неземного происхождения могут оказаться враждебно настроены. Пункт 3...

Тут Уитбрида заглушил последний предстартовый сигнал. Блейн кивнул гардемарину и откинулся в противоперегрузочном кресле. Уставные положения о контакте ему вряд ли здесь помогут. Они больше относятся к ситуации, когда контакта никто не ожидает, а в данном случае штаб флота сам послал «Макартур» на перехват.

Сила тяжести нарастала, но медленно, чтобы команда успела приготовиться к максимальной перегрузке. Тем не менее уже спустя минуту их вес утроился. Блейн чувствовал, как вдавливает его в кресло целых двести шестьдесят килограммов. Людям по всему кораблю приходилось двигаться осторожно, словно у каждого на плечах огромный груз, но, в принципе, три g не такое уж страшное ускорение. Во всяком случае для тех, кто помоложе. Вот Бери придется туго, но и с ним все будет в порядке, если он останется в своей противоперегрузочной койке.

А уж в контурном капитанском кресле такая перегрузка и вовсе нипочем. Тут все предусмотрено: есть подголовник, и все приборы управления расположены в подлокотниках, прямо под рукой; панель компьютера у пояса; автоматика поворачивает кресло в любую сторону, так что можно видеть весь мостик; есть даже индивидуальные санитарные удобства в виде гибкого шланга... Военные корабли проектируют как раз с учетом длительных перелетов при высоких ускорениях.

Блейн нажал несколько кнопок, и у него над головой засветился трехмерный экран с графиками. Затем он подключил защиту — так

никто из подчиненных не мог увидеть, что выведено у него на экран. На мостике все занимались своим делом: Каргилл и Реннер проверяли курс у навигационной консоли, гардемарин Стейли сидел рядом со штурманом — помочь, если что, но главное, он должен был учиться управлять кораблем... Длинные пальцы Рода забегали по клавишам.

Зеленая линия скорости и короткая лиловая стрелка в противоположном направлении, маленький белый шарик между ними... Значит, пришелец вылетел со стороны Сучка и тормозил, двигаясь прямо в центр системы Новой Каледонии... Только диаметром он больше, чем земная Луна. Объект размером с корабль выглядел бы на экране крохотной точкой.

Хорошо еще, что Уитбрид не обратил на это внимания, а то поползли бы по кораблю слухи... Чего доброго, новобранцы перепугаются, запаникуют. Роду и самому было не по себе, в душу невольно закрадывался страх. С ума можно сойти, какой он огромный!

Впрочем, такой корабль и должен быть большим, подумалось Роду. Тридцать пять световых лет и все в нормальном пространстве! Ни одна из планет, заселенных человечеством, на подобное не отважилась. Перехватить и обследовать!.. Интересно, как это представляют себе в Адмиралтействе? Высадиться туда с десантом? И что это за чертовщина такая — солнечный парус?

— Курс на Бригиту готов, сэр, — доложил навигатор Реннер.

Блейн очнулся от раздумий и прикоснулся к пульту. На экране появились колонки цифр, а ниже — траектория движения.

— Одобрено, — с трудом произнес Род и вернул на экран изображение огромного корабля. Затем вдруг потянулся за карманным компьютером и принялся быстро-быстро писать что-то световым пером. По экрану побежали слова, цифры, и наконец Род кивнул.

Ну конечно же, давление солнечного ветра можно использовать для передвижения в межзвездном пространстве. Строго говоря, «Макартур» работал по такому же принципу, используя атомы водорода в реакции термоядерного синтеза, чтобы генерировать фотоны и выбрасывать их огромным конусом позади корабля. Зеркало, отражающее свет внешнего источника, тоже неплохая идея, и, кстати, это в два раза эффективнее. Разумеется, зеркало должно иметь огромные размеры, весить как можно меньше и, в идеальном случае, отражать излучение любой длины.

Блейн невольно улыбнулся. Хорош! Уже приготовился брать на абордаж целую бродячую планету, да еще на корабле, который ремонтировать и ремонтировать. А тут... Конечно же, компьютер изобразил объект такого размера в виде сферы, а на самом деле там скорее всего полотнище в несколько тысяч километров диаметром и стропы, тянущиеся к самому кораблю, очевидно, совсем небольшому.

С таким альбедо... Блейн быстро набросал несколько уравнений. Солнечный парус должен быть около восьми миллионов квадратных километров площадью. Если он круглый, то это примерно три тысячи километров в диаметре...

Для передвижения они используют свет, значит... Род вызвал на экран значение ускорения, соотнес с отражаемым светом, поделил и... Масса паруса и полезной нагрузки составляла всего около 450 000 килограммов.

Тут-то уж точно нечего опасаться.

В общем-то этого было даже мало для космического корабля, во всяком случае, для такого, который пересек расстояние в тридцать пять светолет. Экипаж просто с ума сойдет в таком крошечном корабле... Хотя, может быть, они совсем маленькие, или любят замкнутое пространство, или последние несколько сотен лет жили в тонкостенных надувных баллонах, которые почти ничего не весят... Впрочем, к чему гадать? Он слишком мало сейчас знает. Тут дашь волю фантазии, и... С другой стороны, делать все равно больше нечего. Род задумчиво потер переносицу.

Он уже собрался выключить экран, но вдруг передумал и вместо этого дал максимальное увеличение. Затем долго смотрел на результат и наконец тихо выругался.

Чужак падал прямо на солнце.

Снижая скорость при трех g, «Макартур» вписался в орбиту вокруг Бригиты и сразу пошел на посадку в защитное Поле Лэнгстона, раскинувшееся над базой, — маленькая черная иголка, падающая на огромную черную подушку, и нестерпимо яркая белая нить между ними. Без Поля, которое поглощало энергию двигателей, «Макартур» оставил бы на поверхности ледяного спутника огромный кратер.

Заправочная команда, не тратя ни одной лишней секунды, принялась за дело. В баки «Макартура» потек жидкий водород: его получали электролизом из рыхлого льда Бригиты и очищали сразу после сжижения. Синклер тут же послал своих людей заканчивать наружные работы, и команда облепила корпус «Макартура», словно муравьи кусок сахара: не упускать же такую возможность — корабль в доке, но силы тяжести, считай, никакой. Боцманы орали на местных интендантов, и постепенно запасные части со складов Бригиты перекочевывали на «Макартур».

— Командор Френзи просит разрешения подняться на борт, сэр, — доложил вахтенный.

Род поморщился.

— Пропустите, — сказал он и снова повернулся к Салли Фаулер, сидевшей на краешке кресла дежурного гардемарина. — Вы же понимаете, что мы пойдем на перехват с максимальным ускорением,

и теперь вам уже известно, что это такое. Кроме того, нам, возможно, придется сражаться.

— Да, но вам приказали доставить меня на Новую Шотландию, — обиженно напомнила Салли. — Насколько я понимаю, от этого ледяного шарика до Новой Шотландии еще далеко.

— Это лишь общие указания. Если бы Сциллер знал, что нам придется вести боевые действия, он ни за что не отправил бы вас на «Макартуре». Но сейчас я командую кораблем, мне принимать решение, и я не собираюсь рисковать жизнью племянницы сенатора Фаулера.

— Вот, значит, как! — Салли на секунду задумалась. Прямой подход результата не дал. — Но послушайте, Род, пожалуйста. Я понимаю, для вас это... по меньшей мере незабываемое приключение, такое случается раз в жизни. А что, по-вашему, испытываю сейчас я? Кто бы ни были эти пришельцы — чужаки или просто давно потерянные колонисты, пытающиеся установить связь с Империей, меня это касается самым непосредственным образом. Меня к этому специально готовили, и я единственный антрополог на борту. Без меня вам просто не обойтись!

— Не думаю. И опять же, это слишком опасно.

— Но вы ведь позволили остаться на борту мистеру Бери.

— Не «позволил». Адмирал Плеханов *приказал* мне держать Бери на корабле. Меня мало заботит его безопасность, а вот вы и ваши слуги — это совсем другое дело...

— Если вы так беспокоитесь об Адаме и Энни, мы оставим их здесь. Они, кстати, и в самом деле плохо переносят перегрузки. Но я могу выдержать все, что под силу вам, капитан Родерик Блейн. Я видела вас после гиперпространственного Прыжка, когда вы еще ничего не соображали. А я, между прочим, смогла подняться и дойти до мостика! Так что не надо рассказывать мне, какая я беспомощная! Возьмите меня с собой, или я...

— Или что?

— М-м-м... да ничего, конечно. Я понимаю, что не могу вас заставить. Но... пожалуйста, Род. — Теперь она испробовала все, даже глазки начала строить, да так активно, что Род не выдержал и рассмеялся.

— Командор Френзи, сэр, — объявил охранник из десантного взвода, дежуривший у входа на мостик.

— Входите, Ромео, входите, — произнес Род дружеским тоном, хотя на самом деле относился к этому человеку, мягко говоря, сдержанно. Френзи было тридцать пять, на добрых десять лет больше, чем ему, и в свое время Род прослужил под его началом целых три месяца, которые оставили у него довольно неприятное впечатление. Френзи неплохо справлялся с обязанностями администратора, но как офицер флота никуда не годился.

Поднявшись на мостик, Френзи выпятил челюсть и огляделся.

— Здравствуйте, Блейн. А где капитан Сциллер?

— На Нью-Чикаго, — добродушно ответил Род и повернулся в кресле, чтобы Френзи видел четыре кольца на его рукаве. — Теперь я командую «Макартуром».

Лицо Френзи застыло, уголки губ поползли вниз.

— Поздравляю, — сказал он, затем добавил: — Сэр.

— Спасибо, Ромео. Я еще и сам не привык.

— Ладно. Я, пожалуй, пойду скажу, чтобы не очень торопились с заправкой. — Френзи собрался идти.

— Что значит «не торопились»? Какого дьявола? У меня приоритетный статус «АА-1». Хотите взглянуть на приказ?

— Я его видел. Штаб передал приказ через мою базу, Блейн... э-э-э... капитан. Но судя по сообщению, адмирал Кранстон считает, что «Макартуром» по-прежнему командует Сциллер. При всем моем уважении, сэр, он не послал бы на перехват пришельца этот корабль, если бы знал, что им командует только что назначенный молодой офицер. Сэр.

Прежде чем Блейн успел ответить, вмешалась Салли:

— Я видела приказ, командор, и он адресован не Сциллеру, а «Макартуру». И приоритетный статус тоже назначен именно кораблю.

Френзи смерил ее холодным взглядом.

— Я думаю, «Лермонтов» вполне способен справиться с перехватом. Прошу прощения, капитан, но мне нужно вернуться на базу. — Он снова бросил взгляд на Салли. — И я не знал, что теперь в качестве гардемаринов принимают на службу женщин, которые даже не считают нужным носить форму.

— К вашему сведению, командор, я племянница сенатора Фаулера и нахожусь на борту по распоряжению Адмиралтейства, — строго произнесла Салли. — Меня просто поражает отсутствие у вас хороших манер. В моей семье не привыкли к подобному обращению, и, видимо, мои друзья при дворе будут не менее поражены, узнав, что имперский офицер может быть настолько груб.

Френзи залился краской, глаза его забегали.

— Прошу прощения, леди... поверьте, у меня и в мыслях не было вас обидеть... по правде сказать, я был весьма удивлен... не так часто случается встретить на борту военного корабля девушек... тем более таких привлекательных молодых леди... еще раз прошу прощения... — Не переставая бормотать, Френзи удалился с мостика.

— И почему вы сами не поставили его на место? — вслух удивилась Салли.

Род улыбнулся ей и вскочил из кресла.

— Так! Он непременно доложит Кранстону, что «Макартуром» командую я, но у нас есть... час, пока сообщение дойдет до Новой

Шотландии, и час на ответ. — Род ткнул клавишу интеркома. — ВНИМАНИЕ! ГОВОРИТ КАПИТАН. СТАРТ ЧЕРЕЗ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ! ПОВТОРЯЮ: СТАРТ ЧЕРЕЗ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ! ТЕ, КТО НЕ УСПЕЕТ ВЕРНУТЬСЯ НА БОРТ, ОСТАНУТСЯ НА БРИГИТЕ.

— Совсем другое дело! — воскликнула Салли одобрительно. Пока Блейн говорил в интерком, она успела спуститься с мостика, решив, что будет лучше просто спрятаться у себя в каюте и не попадаться ему на глаза. — Пусть докладывает!

Род снова повернулся к интеркому.

— Командор Синклер, если будут какие-то задержки, немедленно сообщите мне.

Если Френзи попытается задержать «Макартур», можно будет отдать его под трибунал. Расстрелять не расстреляют, но попытаться стоит... Еще в те времена, когда Род служил под его началом, он с удовольствием представлял Френзи у стенки...

Вскоре начали поступать доклады. Каргилл вернулся на мостик со стопкой переводных листов и очень довольный собой: боцманы «Макартура», вооружившись копиями приказа с приоритетным статусом, выбирали самых лучших специалистов на Бригите.

И новые и старые члены экипажа лихорадочно готовились к старту — вытаскивали блоки поврежденного оборудования, торопливо затаскивали новые со складов Бригиты, тут же тестировали и неслись делать что-то еще. Часть нового оборудования просто складывали в отсеках, чтобы позже заменить полуоплавленные самодельные конструкции, которые Синклер и его люди понаделали еще на орбите у Нью-Чикаго, — если только кто-нибудь сообразит, как это сделать на ходу. Брали все подряд; иногда и не разберешь, что во всех этих стандартных черных ящиках. Род случайно заметил микроволновый нагреватель и велел отнести его в кают-компанию — Каргилл будет доволен.

Когда заправка уже подходила к концу, Род надел скафандр и вышел наружу. Не то чтобы кого-то нужно было проверять или погонять, но, когда экипаж знает, что «Старик» рядом, это тоже не лишнее... Отойдя немного от корабля, Род задрал голову и попытался отыскать на небе пришельца.

Сверху, из глубины пространства на него глядел Лик Господа.

Угольный Мешок представляет собой газово-пылевую туманность, по сравнению с прочими подобными образованиями небольшую — от двадцати четырех до тридцати светолет шириной, — но плотную, и расположена она так близко к Новой Каледонии, что закрывает четверть неба. Отсюда никогда нельзя было увидеть ни Землю, ни столицу Империи, Спарту. Расползшаяся по небу чернота скрывала от взгляда почти всю Империю, но на ее бархатистом фоне отчетливо видны две близкие яркие звезды.

Впрочем, и без всякого фона Глаз Мурчисона выделялся как самая яркая звезда в небе — огромный красный гигант на расстоянии тридцати пяти световых лет от Новой Каледонии. А светлое пятно на краю гиганта — парная желтая звезда-карлик, маленькая, тусклая и совсем не интересная; одним словом, Мошка. С Новой Каледонии Угольный Мешок смотрелся как человек в капюшоне — голова и плечи, во всяком случае, угадывались безошибочно, — а смещенный в сторону красный гигант напоминал бдительное недоброе око.

Лик Господа. Вся Империя знала, какой удивительный вид открывается с Новой Каледонии на Угольный Мешок, — по снимкам. Но когда стоишь один под холодными колючими звездами, впечатление совершенно особенное. На снимке это Угольный Мешок. Здесь же — действительно Лик Господа.

И что-то — пока еще невидимое — приближается к ним от самой Мошки в глазу Господа.

6. Солнечный парус

Ускорение — одно g. Неприятные ощущения возникали, лишь когда «Макартур» корректировал траекторию, чтобы взять курс на перехват. Всего несколько минут при силе тяжести, едва отличающейся от нормальной. Застегивая ремни противоперегрузочного кресла, Род подумал, что очень скоро от этих минут останутся только воспоминания, причем теплые воспоминания.

Прежде чем стать навигатором-инструктором на «Макартуре», Кевин Реннер служил помощником капитана на торговом звездолете. Худой, с вытянутым лицом, он был лет на десять старше Рода. Пока тот пристегивался и подкатывал свое кресло ближе, Реннер подбирал оптимальную траекторию для «Макартура», сравнивая ее с траекторией пришельца на экране, причем с такой довольной улыбкой, что на офицера Космофлота он в эти минуты походил меньше всего.

— Лейтенант Реннер, вы уже выбрали курс?

— Да, сэр. Прямо на солнце с ускорением в четыре g, — явно наслаждаясь собой, ответил навигатор.

Род поддался искушению и сделал вид, что принимает ответ за чистую монету.

— Тогда вперед.

По всему «Макартуру» зазвучал предупреждающий сигнал, и корабль начал ускоряться. Команда и пассажиры чувствовали, как их все сильнее и сильнее вдавливает в противоперегрузочные кресла и койки, и обреченно готовились терпеть эту пытку несколько дней подряд.

— Вы что это, всерьез? — спросил Блейн.

Навигатор бросил на него насмешливый взгляд.

— Вы ведь в курсе, что мы идем на перехват корабля с солнечным парусом, сэр?

— Разумеется.

— Тогда взгляните сюда. — Ловкие пальцы Реннера вызвали на экран зеленый график, параболу, резко уходящую в правой части вверх. — Количество света на квадратный сантиметр поверхности солнечного паруса уменьшается пропорционально квадрату расстояния от звезды. А ускорение корабля зависит от количества отраженного парусом света линейно.

— Это понятно, Реннер. К чему вы клоните?

Реннер вывел на экран еще одну параболу, очень похожую на первую, но синюю.

— Солнечный ветер тоже может толкать парус. Тяга изменяется примерно так же. Но разница в том, что солнечный ветер — это заряженные частицы, ядра атомов. Попадая в парус, они остаются на нем и передают ему свой импульс, причем всегда в радиальном направлении от солнца.

— То есть при солнечном ветре нельзя лавировать! — догадался Род. — Давление света можно использовать для этого, просто поворачивая парус, а солнечный ветер в любом случае гонит корабль прочь от солнца.

— Верно. Теперь представьте, капитан, что вы входите в систему со скоростью около семи процентов от скорости света — не дай бог, конечно, чтобы это случилось когда-нибудь на самом деле, — и хотите остановиться. Ваши действия?

— Облегчить судно, насколько это возможно... — Блейн задумался. — Хм... В общем-то не вижу здесь никаких сложностей. Очевидно, они и запускали корабль таким же образом.

— Не думаю. Слишком быстро чужак движется. Но сейчас это не имеет значения. Важно лишь то, что корабль действительно летит слишком быстро и может остановиться, лишь подойдя очень близко к солнцу, очень-очень близко. Чужак буквально ныряет в солнечную корону. Возможно, что в самое последнее мгновение, уже значительно сбросив скорость, он резко свернет — если, конечно, не расплавится и не порвет парус. Тут расчет на секунды, но у них просто нет выбора.

— М-да...

— И едва ли тут нужно напоминать, — добавил Реннер, — что, выйдя на их курс, мы тоже будем падать прямо на солнце...

— При семи процентах скорости света?

— При шести. К тому времени, когда мы с ним поравняемся, пришелец несколько снизит скорость. При четырех g нам потребуется для этого сто двадцать пять часов, и лишь в самом конце маневра можно будет немного притормозить.

— Лихо нам всем придется, — сказал Блейн и вдруг вспомнил, что даже не проследил, покинула ли Салли Фаулер корабль. — Особенно пассажирам... А полегче режим вы не можете выбрать?

— Могу, — сразу ответил Реннер. — При двух с половиной g мы можем перехватить пришельца спустя сто семьдесят часов и даже сэкономим немного горючего, потому что у чужака тоже будет больше времени на торможение. Курс, которым мы идем сейчас, приведет нас к Новой Ирландии с пустыми баками — это если придется брать пришельца на буксир.

— С пустыми баками?.. Но вам этот курс нравится больше? Почему? — Рода все больше и больше раздражал и сам Реннер, и эта его улыбочка, намекающая на то, что капитан упускает что-то важное и совершенно очевидное.

— У пришельца могут быть враждебные намерения.

— И что же?

— Если мы поравняемся с ним и он выведет из строя наш двигатель...

— Мы упадем на солнце со скоростью в шесть процентов от световой. Согласен. И вы решили перехватить его как можно дальше от Каледа, чтобы в случае чего оставалось время изменить курс.

— Да, сэр. Именно.

— Хорошо. Похоже, все это доставляет вам огромное удовольствие, мистер Реннер?

— Еще бы! А вам?

— Ладно, держите курс, мистер Реннер.

Род повернул кресло к другому экрану и принялся проверять выбранный курс, чтобы перед самым перехватом у команды остался час при нормальной силе тяжести — прийти в себя и немного отдохнуть. Реннер все с тем же неистребимым энтузиазмом согласился и окунулся в расчеты.

Капитан Сциллер не раз говорил своим гардемаринам: «Без друзей на корабле очень трудно, но я, не задумываясь, отдам их всех за одного опытного навигатора». Реннер, безусловно, опытен. Иногда, правда, он бывает совершенно невыносим, но лучше терпеть. Оно того стоит. Рода вполне устраивал невыносимый, но опытный навигатор.

При четырех g никто уже не ходил по кораблю. Черные ящики с новым оборудованием так и остались в отсеках, куда их сложили при погрузке, а «Макартур» обходился все теми же «временными приспособлениями», что собрали на скорую руку люди Синклера. Большая часть экипажа работала в противоперегрузочных койках, в передвижных креслах — либо не работала вообще.

Рядовые в кубриках развлекались изощренными играми «в слова», рассуждали о предстоящей встрече с чужаками и травили байки. На половине экранов по всему кораблю застыло одно и то же изображение: диск, похожий на солнце, а за ним Глаз Мурчисона на фоне Угольного Мешка.

Датчик, связанный с каютой Салли, показывал, что кислород там расходуется. Род долго чертыхался про себя и уже собрался связаться с ней по интеркому, но передумал и вместо этого набрал код Бери.

Тот лежал в заполненной противоперегрузочной ванне, поверхность которой закрывала тонкая эластичная пленка — над пленкой торчали только голова и руки. Кожа на лице обвисла, и выглядел он примерно на столько, сколько ему и было на самом деле.

— Капитан, вы решили не высаживать меня на Бригите и взять гражданское лицо с собой, хотя вам, возможно, предстоят военные действия. Могу я узнать почему?

— Конечно, мистер Бери. Я подумал, что вам вряд ли захочется остаться на этом ледяном шарике, когда нет никакой гарантии, что удастся скоро улететь. Может быть, я ошибся.

Бери улыбнулся — во всяком случае, попытался. Сила тяжести, превышающая нормальную в четыре раза, так вытягивает кожу на лице, что и молодые кажутся чуть не в два раза старше. Бери улыбался с таким трудом, словно поднимал при этом штангу.

— Нет, капитан, не ошиблись. Я видел полученный вами приказ в кают-компании. Выходит, мы идем на встречу с кораблем чужой расы?

— Да, именно.

— Возможно, у них найдется чем торговать: ведь это совершенно другая цивилизация. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Если вас не затруднит, капитан, держите меня в курсе всего, что происходит.

— Подозреваю, что у меня не будет для этого времени, — сказал Блейн, выбрав из всего, что ему пришло в голову, ответ помягче.

— О, я не имел в виду вас лично, только возможность получать оперативную информацию. В моем возрасте было бы опасно выбираться из этого резинового корыта до конца полета. Кстати, как долго мы будем идти при четырех g?

— Сто двадцать пять часов. Нет, уже сто двадцать четыре.

— Спасибо, капитан. — Изображение Бери погасло.

Род задумчиво потер переносицу. Знает ли Бери о своем статусе на борту «Макартура»? Впрочем, не важно... Он снова включил интерком и связался с каютой Салли.

— Приветствую! — сказал Блейн. — Не жалеете, что остались?

— Я же говорила, что могу вынести все, что можете вы, — спокойно ответила она и, оперевшись на подлокотники кресла, встала.

Затем подняла руки и расставила в стороны, демонстрируя, на что она способна.

— Осторожнее! — предупредил Род, стараясь не выдавать голосом волнения. — Не делайте резких движений. Колени не сгибайте. При таком ускорении можно сломать позвоночник, просто садясь в кресло. Так что держитесь прямо... теперь протяните руки назад, к подлокотникам. Не сгибайтесь в поясе, пока не возьметесь за подлокотники...

Она не верила, что это и в самом деле так опасно, — но только до тех пор, пока не начала садиться. Мышцы рук напряглись от боли, в глазах мелькнула паника, и она села все-таки слишком резко, словно искусственная сила тяжести на «Макартуре» не притянула, а присосала ее к креслу.

— Не больно?

— Нет, — ответила она. — Но это будет мне уроком.

— Надеюсь, черт побери. Вы видели, чтобы я вставал? Нет. И не увидите.

— Хорошо, хорошо. — Салли повертела головой из стороны в сторону: она явно еще не пришла в себя после того, как ее шмякнуло о кресло.

— Слуг вы высадили?

— Да, но пришлось их обмануть: они не хотели уходить без моего багажа. — Салли рассмеялась хриплым старушечьим смехом. — Так что у меня теперь осталось только то, что на мне. Придется терпеть до Новой Шотландии.

— Обманули, значит? Так же, как и меня. Надо было поручить Келли, чтобы он *лично* вас высадил. — В голосе Рода слышалась досада. Он знал, что выглядит в два раза старше своих лет, да и кресло это... Как инвалид. — Однако ладно, теперь вы на борту, и высаживать вас уже поздно.

— Но, может быть, я еще пригожусь. Я ведь антрополог. — При мысли о том, что придется еще раз вставать, Салли невольно поморщилась. — Могу я связаться с вами сама?

— Вам ответит вахтенный. Если действительно нужно будет поговорить со мной, скажите ему. Он соединит. Только, Салли... Помните, что это военный корабль и чужаки могут оказаться агрессивными. Во время боя у моих офицеров не будет времени для научных дискуссий.

— Я понимаю. Не считайте меня полной идиоткой. — Салли попыталась улыбнуться. — Даже если я не знала, что при четырех g вставать не следует.

— Ладно. Но сделайте мне одолжение: забирайтесь-ка вы в противоперегрузочную ванну.

— А раздеваться для этого нужно?

Блейн не покраснел только потому, что вся кровь отлила от лица.

— Не помешает. Особенно если на одежде есть пуговицы и пряжки. Вы можете отключить видеоканал интеркома.

— Хорошо.

— И будьте осторожны. Я могу прислать кого-нибудь из женатых старшин, чтобы помогли.

— Нет, спасибо.

— Тогда лучше подождите немного. Время от времени у нас будут перерывы с низкой силой тяжести. Не вздумайте выбираться из кресла при четырех g.

Судя по ее виду, у нее и мысли об этом не было: одного эксперимента оказалось достаточно.

— «Лермонтов» на связи, — доложил Уитбрид.

— Не отвечайте.

— Слушаюсь, сэр. Не отвечать.

Род прекрасно понимал, чего хотят на «Лермонтове». Капитан крейсера надеялся взять пришельца первым. Но «Лермонтов» был еще далеко, а когда он сможет перехватить чужака, оба корабля окажутся слишком близко к солнцу. «Макартур» мог перехватить его раньше, и у них еще останется время для маневра.

Род, во всяком случае, надеялся. А что касается вызова с «Лермонтова», тут Уитбриду и связистам можно доверять: никаких записей о сигнале с крейсера в бортжурнале не будет.

Три с половиной дня. Каждые четыре часа по две минуты при полутора g — сменить вахтенных, взять что-то, что забыл раньше, переменить позу, — а затем предупреждающая сирена, толчок, и снова наваливается чудовищная тяжесть.

Поначалу нос «Макартура» указывал градусов на шестьдесят в сторону от Каледа: им нужно было выйти на траекторию, параллельную курсу пришельца. Сделав это, «Макартур» повернул, и теперь его нос смотрел на самую яркую в небе звезду.

Калед начал расти. Кроме того, он менял цвет, но едва-едва: без приборов фиолетовое смещение никто пока заметить не мог. А вот то, что самая яркая звезда на экранах превратилась в диск и растет с каждым часом, заметили все.

Ярче она не становилась — экраны отфильтровывали избыточный свет, но крохотный диск рос с угрожающей быстротой и, самое главное, оставался прямо по курсу. Позади светился еще один диск, тем же белым светом звезды типа F8. И он тоже с каждым часом увеличивался. «Макартур» завис, как между молотом и наковальней, на пути двух сталкивающихся солнц.

На второй день Стейли привел на мостик гардемарина-новичка — оба приехали в самодвижущихся противоперегрузочных креслах. На Бригите Род успел поговорить с ним всего несколько минут. Гэвин

Поттер родился на Новой Шотландии, и не так давно ему исполнилось шестнадцать. Он был довольно высок для своих лет и постоянно горбился, словно боялся, что на него обратят внимание.

Блейн решил, что Стейли просто показывает новичку корабль, и это могло оказаться совсем не лишним: если пришелец откроет огонь, парню, возможно, придется передвигаться по «Макартуру» самостоятельно — не исключено, что в темноте и при переменной силе тяжести — так что пусть заранее узнает, где что.

Стейли, однако, думал не только об этом. Блейн понял, что они стараются привлечь его внимание.

— Я вас слушаю, мистер Стейли.

— Это гардемарин Гэвин Поттер, сэр, — сказал Стейли. — Он мне кое-что рассказал, и я подумал, вас это тоже заинтересует.

— Что ж, давайте послушаем. — Род даже обрадовался этой возможности поговорить и хоть ненадолго забыть о перегрузке.

— Э-э-э... на нашей улице, сэр, была церковь... В небольшом городке на Новой Шотландии. — Низкий голос Поттера звучал мягко, и при этом чувствовалось, что он следит за своим произношением; Род уловил лишь легкий намек на архаичный акцент, который так выделял речь Синклера.

— Церковь? — сказал он, подбадривая новичка. — Надо понимать, не ортодоксальная?

— Нет, сэр. Церковь Его Имени. У них не так много прихожан. Мы с другом как-то пробрались в храм — так, от нечего делать.

— Вас что, поймали?

— Я знаю, что рассказчик из меня неважный, сэр. Но дело в том... там была увеличенная копия старой голограммы Глаза Мурчисона на фоне Угольного Мешка, сэр. Лик Господа, как на открытках. Только на этом снимке Глаз светился гораздо ярче, чем сейчас, и он был не красный, а иссиня-зеленый. Красной оставалась только маленькая точка на краю.

— Возможно, это не снимок, а картина, — предположил Род, затем достал свой карманный компьютер и, написав на экране: «Церковь Его Имени», затребовал информацию. Компьютер сразу же связался с корабельной библиотекой, и по экрану побежали строки. — Тут сказано, что Церковь Его Имени считает, будто Угольный Мешок с этим красным глазом и в самом деле Лик Господа. Может быть, они просто подретушировали глаз, чтобы голограмма производила более сильное впечатление.

Род все еще делал вид, что ему интересно: пусть закончат, отчитать их за то, что тратят время капитана попусту, он всегда успеет. Если действительно попусту...

— Но... — начал было Поттер.

— Сэр... — перебил его Стейли, наклоняясь слишком далеко вперед.

— Давайте по очереди. Мистер Стейли?

— Я не только Поттера спрашивал, сэр. У командора Синклера я тоже поинтересовался. Он говорит, что дед ему когда-то рассказывал, будто раньше Мошка была даже ярче Глаза Мурчисона, причем светился он ярко-зеленым светом. А судя по тому, как Гэвин описывает эту голограмму... Короче, звезды не могут светиться строго одним цветом, сэр. Поэтому...

— Еще один довод в пользу того, что голограмму подретушировали. Однако странно, что пришелец идет именно от Мошки...

— Свет, — твердо сказал Поттер.

Рода вдруг осенило.

— Солнечный парус! — воскликнул он. — Молодцы, парни!

Все дежурившие на мостике обернулись в их сторону.

— Реннер! Вы, кажется, говорили, что пришелец движется быстрее, чем должен?

— Да, сэр, — ответил Реннер с противоположного конца мостика. — Если, конечно, он запущен с обитаемой планеты из системы Мошки.

— А могли они использовать батарею лазерных пушек?

— Конечно, почему же нет? — Реннер перегнал свое кресло к капитану. — Такой корабль можно запустить даже одной пушкой, а затем, по мере того как он удаляется, добавлять новые. Это чертовски удобно! Если лазерная пушка вдруг выйдет из строя, она все равно здесь, в своей солнечной системе, где ее легко отремонтировать.

— Точно! Это... как оставить мотор дома и все равно двигаться! — не удержался Поттер.

— Тут есть, конечно, вопрос эффективности. Все зависит от того, насколько узкий получится луч, — добавил Реннер. — Жаль, его нельзя использовать и для торможения. Но вы мне вот что лучше скажите...

Гардемарины принялись рассказывать навигатору о переменах в излучении Мошки, а Род погрузился в свои мысли. Мошка его мало интересовала. Гораздо важнее было, как поведет себя пришелец теперь.

Когда до встречи с чужаком оставалось двадцать часов, Реннер подкатил в своем кресле к консоли Рода и попросил разрешения воспользоваться его экранами. Видимо, он просто не умел объясняться без компьютерной графики: один только голос для него — как для немого руки.

— Взгляните, капитан, — сказал он и вывел на экран схему расположения окрестных звезд. — Чужак идет отсюда. Те, кто его запустил, использовали лазерную пушку или батарею пушек — может быть, тысячи пушек, расположенных на астероидах, — в течение сорока пяти лет, чтобы корабль с солнечным парусом постоянно двигался по лучу с ускорением. И луч, и пришелец идут из системы Мошки.

— Но ведь должны были сохраниться какие-то записи, — ответил Род. — Здесь не могли не заметить, что Мошка испускает когерентное световое излучение.

Реннер пожал плечами.

— А насколько можно верить архивам Новой Шотландии?

— Сейчас узнаем. — Спустя всего несколько секунд они выяснили, что данные астрономических наблюдений с Новой Шотландии считаются недостаточно достоверными, и поэтому в библиотеке «Макартура» их нет. — Ну, хорошо. Допустим, вы правы.

— В том-то и дело, что я ошибался. Потому что развернуться в межзвездном пространстве может даже корабль с солнечным парусом. Вот что им следовало сделать...

От Мошки протянулась новая траектория, под небольшим углом к первой.

— В этом случае они также большую часть пути летят по инерции. Вот здесь... — Реннер указал точку далеко за пределами Новой Каледонии. — Здесь мы заряжаем корабль до десяти миллионов вольт, фоновое магнитное поле Галактики его разворачивает, и он подходит к Новой Каледонии с противоположной стороны. Луч отключен в течение ста пятидесяти лет. Теперь он снова включается, и зонд использует его для торможения.

— Вы уверены, что магнитное поле в данном случае сработает?

— Это же школьный курс физики! А межзвездные магнитные поля давно и довольно точно закартографированы.

— Почему же они не воспользовались этим методом?

— Хотел бы я знать! — расстроенно ответил Реннер. — Может быть, не додумались. Может, просто не доверяли тем, кто остался в системе Мошки. Мы слишком мало о них знаем, капитан.

— Об этом можно и не напоминать. Но к чему столько переживаний, Реннер? Если нам повезет, мы скоро спросим у них самих.

Медленно, словно нехотя, губы Реннера изогнулись в улыбке.

— Но это неспортивно!

— Идите-ка лучше отдохните.

Рода разбудил голос из системы оповещения:

— ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ СМЕНА УСКОРЕНИЯ! ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПЕРЕХОДУ НА НОРМАЛЬНУЮ СИЛУ ТЯЖЕСТИ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ!

Блейн улыбнулся — нормальная сила тяжести! — но улыбка тут же сошла на нет. За один час они должны поравняться с пришельцем. Он включил экраны: на обоих — впереди корабля и позади — горели нестерпимо яркие солнца. «Макартур» оказался точно между ними. Калед теперь выглядел таким же большим, как земное Солнце с Венеры, но гораздо ярче, поскольку сама звезда горячее. Прише-

лец был меньше, но светился даже ярче Каледа: солнечный парус, как вогнутое зеркало, собирал свет и отбрасывал вперед.

Род с трудом дотянулся до интеркома.

— Синклер.

— Синклер слушает, капитан. — Старший механик лежал на гидравлической койке.

— Как Поле, Сэнди? Держит?

— Отлично держит, капитан. У нас стабильная температура.

— Спасибо.

Род остался доволен: Поле Лэнгстона исправно поглощало энергию, для чего оно, собственно, и предназначалось. Оно могло поглощать даже энергию взрывающегося газа и радиоактивных частиц — с эффективностью, пропорциональной кубу скорости приближающихся микрообъектов. Во время сражений Поле рассеивало, поглощало и сдерживало и адскую ярость термоядерных торпед, и концентрированную энергию лазерных лучей, но по мере нарастания энергетической нагрузки оно начинало светиться и из абсолютно черного становилось сначала красным, затем оранжевым, желтым, и так далее, переходя через все цвета спектра до фиолетового.

Главный недостаток Поля Лэнгстона заключается в том, что энергию нужно сбрасывать, излучать. А если Поле перегрузить, оно делает это само — и наружу, и внутрь — в одно короткое мгновение ослепительно белой вспышки. Чтобы такого не случилось, корабль должен расходовать свои энергетические запасы, но и эта энергия добавляется к хранимой и сдерживаемой Полем. Когда Поле перегружается, корабли погибают. Практически мгновенно.

Военный корабль может подобраться чертовски близко к звезде, оставаясь при этом в полной безопасности: Поле становится чуть горячее, чем сама звезда, и то лишь за счет энергии, которую корабль тратит на поддержание защиты. Но когда одно солнце спереди, а другое сзади, Поле Лэнгстона может излучать избыточную энергию только в сторону, причем за этим процессом нужно внимательно следить, иначе «Макартур» получит боковое ускорение и сойдет с траектории. С ходом времени боковые поверхности становятся все уже, а Поле — все горячее... На экранах Рода уже появилось легкое красное свечение: до катастрофы еще далеко, но настораживает...

Вскоре вернулась нормальная сила тяжести. Род подошел к консоли и кивнул вахтенному гардемарину.

— Боевая тревога. Всем занять посты по боевому расписанию.

На «Макартуре» снова завыли сирены.

За сто двадцать четыре часа полета пришелец никак не показал, что знает о приближении «Макартура». Никаких изменений не было и сейчас, когда корабли оказались почти рядом.

Солнечный парус выглядел на экране заднего обзора бескрайним полем ослепительной белизны, но вскоре Реннер обнаружил на нем маленькую черную точку. Он поймал ее в перекрестье навигационного телескопа, и радар тут же сообщил, что объект находится на удалении четырех тысяч километров от самого паруса.

— Видимо, это то, что нас интересует, сэр, — объявил Реннер. — Похоже, они разместили все необходимое в одном зонде. Один-единственный груз, к которому сходятся все ванты, но этого вполне достаточно, чтобы удерживать парус раскрытым.

— Отлично. Подведите «Макартур» к нему поближе, мистер Реннер. Мистер Уитбрид! Передайте старшему офицеру связи, что я хочу послать сообщение открытым текстом. На всех частотах, на какие способна наша аппаратура, но с невысоким уровнем мощности.

— Слушаюсь, сэр. Записываю.

— Имперский корабль «Макартур» вызывает корабль с солнечным парусом... Здесь вставьте наш опознавательный сигнал... Добро пожаловать в систему Новой Каледонии и в Империю Человека. Просим отозваться. Передайте это на английском, русском, французском, китайском и еще каких-нибудь языках — сами подберите. Если это потомки землян, они могут быть откуда угодно.

Пятнадцать минут до встречи. Ускорение подскочило, потом снова упало: Реннер принялся перегонять «Макартур» ближе к самому зонду. У Блейна появилось несколько секунд, чтобы ответить на вызов Салли.

— Только, Салли, пожалуйста, коротко. Боевое расписание.

— Я понимаю, Род. Можно мне подняться на мостик?

— Боюсь, нет. Все места заняты.

— Понятно. Я только хотела вам кое-что напомнить. Не считайте их глупцами.

— В смысле?

— Поскольку у них нет Движителя Олдерсона, вы, очевидно, считаете их примитивной расой. Так вот: этого делать не следует. И даже если они действительно примитивная раса, «примитивный» не означает «простой». Их традиции и образ мышления могут оказаться очень сложными.

— Буду иметь это в виду. Что-нибудь еще?.. Тогда я прощаюсь. Уитбрид, если у вас выдастся свободная минута, дайте мисс Фаулер знать, что происходит. — Решив, что вопрос исчерпан, Род перевел взгляд на экран заднего обзора, и как раз в эту секунду Стейли вскрикнул.

Парус пришельца подернулся рябью. Отраженный свет бежал по нему огромными неторопливыми волнами. Род моргнул, но это не помогло: истинную форму искривленного зеркала разглядеть не так-то легко.

— Должно быть, ответ на наш сигнал, — сказал Род. — Они используют зеркало, чтобы...

Сияние стало ослепительным, а затем все экраны заднего обзора погасли.

Камеры на носу корабля, однако, продолжали в это время работать и исправно записывали все происходящее. На экранах светился широкий белый диск, звезда Новая Каледония — уже близко и с каждой секундой все ближе: «Макартур» падал прямо на солнце со скоростью в шесть процентов от скорости света. Разумеется, экраны отфильтровывали большую часть излучения Каледа.

За какое-то мгновение на фоне белизны промелькнули несколько странных черных силуэтов. Никто их не заметил, потому что именно в этот миг ослепительная вспышка сожгла камеры заднего обзора, а спустя долю секунды силуэты исчезли.

Все ошарашенно молчали, и только Реннер ворчливо прокомментировал:

— Вовсе не обязательно было отвечать так громко.

— Ценное замечание, мистер Реннер, — язвительно заметил Род. — Может быть, у вас есть другие, более конструктивные мысли?

«Макартур» то и дело дергался из стороны в сторону, пытаясь выйти из конуса света, но солнечный парус точно отслеживал все его маневры.

— Да, сэр, — ответил Реннер. — Нам лучше уйти из фокуса.

— Оценка живучести корабля, сэр, — доложил Каргилл со своего поста на корме. — Поле поглощает много энергии. Слишком много и чертовски быстро, причем она никуда не уходит. Если бы луч был лучше сфокусирован, нас бы давно уже прожгло насквозь. Сейчас конус света просто поливает Поле Лэнгстона, но и так мы продержимся от силы десять минут.

— Капитан, давайте обогнем парус и встанем позади, — предложил Реннер. — У нас по крайней мере остались носовые камеры, и я отлично помню, где находится сам зонд...

— Отставить. Назад, прямо сквозь парус.

— Но мы же не знаем...

— Это приказ, мистер Реннер, и вы на военном корабле.

— Слушаюсь, сэр.

Поле налилось красно-кирпичным цветом и становилось все ярче. Серьезная опасность пока не угрожала. Но это «пока».

Реннер тем временем ввел в компьютер корректировку, и Род вполне обыденным тоном спросил:

— Вы, очевидно, предполагаете, что чужаки использовали для паруса необычайно прочный материал, так?

— Надо учитывать и такую возможность, сэр.

«Макартур» дернулся и пошел на парус кормой вперед. Реннер сжался, словно ждал чудовищного удара.

— Однако чем крепче материал, мистер Реннер, тем тоньше они могли сделать парус, чтобы собрать максимальное количество света при минимальной массе. Если волокно у них очень прочное, тогда логично предположить, что они сделают очень тонкую ткань и при той же массе получат несколько лишних квадратных километров паруса, согласны? Даже если позже метеориты понаделают в нем дыр — пусть это будут те же несколько квадратных километров, — создатели паруса все равно в выигрыше. Так что они наверняка сделали его с очень небольшим запасом прочности.

— Согласен, сэр, — почти пропел Реннер.

Он гнал корабль при четырех g прочь от Каледа, улыбался, как мошенник после удачной операции, и уже ничего не боялся.

«Что ж, его я убедил...» — подумал Род и сжался, ожидая неминуемого столкновения.

Поле Лэнгстона тем временем пожелтело.

А затем вдруг все экраны обращенных к солнцу камер заполнила чернота — только чуть светилось зеленым собственное защитное поле «Макартура» да сверкал вдали неровный белый шрам проделанной кораблем дыры в парусе.

— Черт! Мы даже ничего не почувствовали! — Род рассмеялся. — Мистер Реннер, как долго нам осталось до столкновения с Каледом?

— Если мы не будем действовать, то сорок пять минут, сэр.

— Всему свое время, мистер Реннер. Держите нас прямо за парусом и на прежнем курсе. — Род нажал еще одну клавишу интеркома и соединился со старшим канониром. — Кроуфорд! Направьте на парус свет и попробуйте отыскать, где крепятся к парусу ванты. А затем отрежьте им этот парашют, пока они не подпалили нас еще раз.

— Слушаюсь, сэр. — Кроуфорд, похоже, даже обрадовался.

Оказалось, вантов всего тридцать два: двадцать четыре по краю зеркала и еще восемь, расположенных по кругу, ближе к центру. Места крепления легко угадывались по коническим провалам в черной поверхности паруса.

Несколько точечных ударов из носовой лазерной батареи, и... парус затрепетал, подернулся рябью и поплыл навстречу «Макартуру». Корабль снова прорвал зеркало, словно это многокилометровое полотнище было не прочнее туалетной бумаги...

Зонд чужаков стремительно падал к солнцу.

— Тридцать пять минут до столкновения, — доложил Реннер, хотя его никто об этом не спрашивал.

— Спасибо, мистер Реннер. Командор Каргилл, принимайте управление. Вы должны взять зонд на борт, — приказал Род и, заметив, как вытянулась физиономия Реннера, едва не рассмеялся в голос.

7. Зонд Безумного Эдди

— Но... — Не находя слов, Реннер ткнул пальцем в распухающий на экране диск Каледа, однако прежде чем он успел что-нибудь добавить, «Макартур» безо всякого перехода рванул вперед при шести g. Стрелки датчиков перегрузки дико качнулись вправо, и корабль вновь устремился к солнцу.

— Капитан? — Сквозь гул крови в ушах до Блейна донесся голос помощника с кормового мостика. — Капитан, какие допускаются повреждения?

Превозмогая себя, Род прохрипел:

— Любые. Лишь бы мы потом добрались домой.

— Понял. — По интеркому зазвучали распоряжения Каргилла. — Мистер Поттер! Ангарная палуба готова для разгерметизации? Все посадочные шлюпы закреплены?

— Да, сэр.

В боевых условиях это уже не имело значения, но Каргилл любил порядок.

— Открыть двери ангара! — приказал он. — Капитан, возможно, мы выведем из строя шлюзовые створы.

— К дьяволу створы!

— Времени уравнять скорости у нас не будет, и я введу зонд очень быстро. У нас будут серьезные повреждения.

— Операция поручена вам. Выполняйте приказ.

Мостик заволокло красным туманом. Род моргнул, но ничего не изменилось, туман появился не в воздухе, а в сетчатке его глаз. Шесть g далеко не каждый в состоянии выдержать долго. Кто-то, может быть, даже потеряет сознание — что ж, пропустит самое интересное...

— Келли! — хрипло выкрикнул Род. — Когда корабль развернется, ведите десантников на корму и будьте готовы на случай, если из зонда кто-нибудь выберется. Поторапливайтесь: Каргилл не станет поддерживать ровное ускорение.

— Слушаюсь, сэр. — Шесть g, а голос у Келли все такой же — как скрежет гравия.

До зонда оставалось три тысячи километров. Даже самый зоркий глаз не мог бы его разглядеть, но на экранах черная точка уже увеличивалась — только медленно, слишком медленно, при том как быстро рос и без того огромный белый диск Каледа.

Четыре минуты при шести g. Четыре минуты мучительной пытки. И наконец — вой сирен. Блаженный миг облегчения. По коридорам посыпались десантники во главе с Келли. «Макартур» разворачивался, меняя силу тяжести, и десантники порой просто ныряли, пролетая по коридорам почти в невесомости. Там, где они займут оборону у ангарной палубы, не будет никаких противоперегрузочных коек, лишь эластичные сети, чтобы держаться у стен в коридорах и на самой ангарной палубе — как мухи в паутине, но с оружием наготове. Только против кого?

Снова вой сирены, и снова стрелки датчиков перегрузки рвутся вправо: «Макартур» тормозил для подхода к зонду. Род с трудом переключил селектор экрана. Ангарная палуба, темная и холодная, через открытые шлюзовые створы видна абсолютно черная внутренняя поверхность защитного поля корабля. Хорошо. Хорошо, что черная. Значит, Поле не перегружено, и, если потребуется погасить вращательную энергию зонда, оно смягчит удар... Восемь минут при шести g — почти предел для экипажа... И вот уже чужак ушел с экранов переднего обзора: «Макартур» развернулся и придвинулся к нему боком. Конец ускорения, затем легкий боковой толчок — это Каргилл притормозил боковыми дюзами, чтобы замедлить их сближение с чужаком.

Зонд оказался цилиндром с одним закругленным концом. Его по-прежнему крутило, и когда зонд повернулся, Род заметил на другом конце множество выступов — тридцать два? Правда, от них должны были тянуться многокилометровые ванты, но они куда-то исчезли.

Чужак приближался слишком быстро, и казалось, он просто не влезет в шлюз. Масса тоже, наверное, слишком велика... И нечем тормозить, кроме крохотных боковых двигателей.

Вот он, почти рядом. Камера на ангарной палубе показывала, как тускло поблескивающий металлом скругленный конец чужого корабля протиснулся в Поле Лэнгстона, замедлился. Вращение прекратилось, но он приближается, приближается... Крейсер снова дернулся вбок, врезались в тело ремни... Скругленный нос зонда стал еще ближе, еще... БДУМ-М-М-М!!!

Род затряс головой, пытаясь прогнать вновь накативший красный туман.

— Уходим! Мистер Реннер, принимайте управление!

Стрелки датчиков дернулись даже раньше, чем взревели сирены. Очевидно, Реннер заранее запрограммировал курс и ударил по клавишам на консоли, едва услышал приказ. Вглядываясь сквозь малиновую дымку в показания приборов, Род с удовлетворением отметил, что Реннер не выдумывал на этот раз никаких изощренных маневров — просто рванул в сторону от прежнего курса. Тяготение солнца само развернет корабль... Знать бы только, как «Макартур»

ускоряется, в плоскости эклиптики или нет?.. А то ведь надо еще состыковаться с «Лермонтовым» и дозаправиться водородом. Если не удастся с первого раза, баки опустеют... Едва соображая, Блейн дотянулся до пульта и вывел на экран запрограммированный курс. Да, Реннер все сделал верно. И главное, быстро.

Незачем его в общем-то контролировать, подумал Род. Реннер достаточно компетентен и гораздо лучше разбирается в навигации... но пора узнать, что с кораблем... Что произошло, когда мы взяли эту штуковину на борт?..

Однако ни один экран из тех, что связаны с ангарной палубой, не светился. Видимо, камеры либо сгорели, либо разбились. Наружный обзор тоже был не лучше.

— Летите вслепую, мистер Реннер, — приказал Род. — Наружные камеры так и так сгорят. Отойдем от Каледа, там разберемся.

— Оценка повреждений, капитан.

— Докладывайте, Каргилл.

— Мы зажали пришельца створами шлюза, и он сидит там довольно надежно. Я думаю, при нормальном ускорении уже не вывалится. Полной информации у меня нет, но, похоже, мы здорово изуродовали ангарную палубу, сэр.

— Что-нибудь важное повреждено?

— Нет, сэр. Я могу зачитать вам целый список, но это все мелочи: здесь что-то отвалилось, там не выдержало удара... В целом вывод такой: если нам не придется вести бой, мы в полном порядке.

— Отлично. Теперь попробуйте узнать что-нибудь о десантниках. С Келли нет связи.

— Слушаюсь, сэр.

Кому-то придется отправиться туда при шести g, иначе приказ не выполнить. Бог даст, это можно будет сделать в самодвижущемся кресле. При таком ускорении человек способен разве что ползти, но после от него уже толку не будет. Стоит оно того? Возможно, там все спокойно. А если нет?..

— Разрешите обратиться, сэр. Докладывает капрал Петров. — Густой акцент; десантник наверняка родом со Св. Екатерины. — Пришелец никак себя не проявляет, сэр.

И тут же еще один голос:

— Докладывает Каргилл, капитан.

— Слушаю.

— Вам нужен сам Келли? Мистер Поттер сумел дотянуть линию до Петрова, не покидая своего скутера, но дальше пробираться будет сложнее.

— Нет, Петрова мне достаточно... Отличная работа, Поттер... Капрал, вы видите мистера Келли? С ним все в порядке?

— Он только что помахал мне рукой, сэр. Его пост у шлюза номер два.

— Хорошо. Если с пришельцем хоть что-нибудь будет происходить, докладывайте немедленно.

Блейн отключил интерком, и в ту же секунду коротко взвыли сирены. Перегрузка немного снизилась; ощущение было такое, словно кто-то убрал с груди килограммов пятьдесят наваленного груза. «Не так-то это просто, — подумал Род, — когда приходится балансировать: либо ты подойдешь слишком близко к Каледу и поджаришь экипаж, либо будешь выдерживать ускорение и прикончишь всех перегрузкой...»

Один из штурманов на посту в носу корабля откинулся на спинку противоперегрузочного кресла. Второй придвинул к нему голову. Они коснулись шлемами и на несколько секунд отключили микрофоны.

— Знаешь, — нервно хихикая, сказал помощник старшины, рядовой первого класса Оронтес своему приятелю, — мой брат хотел, чтобы я остался помогать ему на болотной ферме, на Афродите, а я, идиот, решил, что это слишком опасно, и пошел в Космофлот.

— Командор Синклер, у нас хватит энергии, чтобы связаться с командованием?

— Да, капитан, энергоустановка в полном порядке. Эта чертовщина не так уж массивна, как нам казалось, так что водород еще есть.

— Хорошо.

Блейн соединился со связистами и распорядился, чтобы отправили его сообщение. Пришелец на борту. Цилиндр, соотношение размеров — четыре к одному. По виду, корпус целиком из металла, но пока не снизится ускорение, более точные данные получить невозможно. «Лермонтову» следует попытаться подобрать парус: без зонда он должен быстро потерять скорость. Ожидаемое время прибытия на Новую Шотландию такое-то. Предлагаем поместить «Макартур» на орбите вокруг необитаемой луны Новой Шотландии. Пришелец не проявляет никакой активности, но...

Очень большое «но», подумал Род. Что это вообще за корабль? Намеренно ли они обстреляли «Макартур»? Что там внутри — команда живых существ или роботы? Столько лет терпеливо вести корабль к цели в нормальном пространстве... И что они — или он, или оно — подумают о нас после того, как мы отрезали их от паруса и грубо втиснули на ангарную палубу крейсера? Чертовски неприятный финал для путешествия длиной в тридцать пять световых лет...

И ничего сейчас не узнаешь. Ничего. Положение «Макартура» было не настолько критическим — Реннер отлично управлялся с кораблем, — но ни Блейн, ни Каргилл не могли покинуть свои посты. А посылать туда младшего офицера...

— Все закончилось? — простонала в интерком Салли. — Корабль в порядке?

— Да. — Род невольно вздрогнул, представив вдруг, чем мог закончиться их полет. — Да, эта штуковина на борту, но, кроме размеров, мы пока ничего о ней не знаем. На сигналы они не отвечают.

Странно. Его почему-то даже обрадовало, что ей придется ждать ответов так же, как и всем им.

«Макартур» тем временем несся вперед, огибая Калед так близко, что приборы отмечали вполне заметное тормозящее действие солнечной короны. Однако Реннер отлично рассчитал курс, а Поле Лэнгстона работало безукоризненно. Оставалось только ждать.

При двух g Род смог наконец покинуть мостик. Сделав над собой усилие, он встал, перебрался в скутер и двинулся к корме. Чтобы добраться «вниз», пришлось воспользоваться лифтом, и, останавливаясь на каждой палубе, он видел, что весь экипаж по-прежнему занимает посты в соответствии с боевым расписанием, хотя тянется это уже слишком, слишком долго. Пожалуй, «Макартур» и в самом деле лучший крейсер в Космофлоте. Надо постараться, чтобы он таким и остался...

Когда Род добрался до поста Келли, там все оставалось без изменений.

— Видите, сэр, там есть люки или что-то похожее. — Келли показал лучом фонарика куда смотреть, и Род успел заметить раздавленные о стальные переборки посадочные шлюпы.

— И ничего?

— Ничего, капитан. Влезла эта чертовщина, уперлась в переборку — и все. Меня чуть в стену не впечатало: она не то чтобы быстро влезла, но уж больно сильно тряхнуло. А после — тишина. Ни я, ни мои парни, ни гардемарины — никто ничего не видел, капитан.

— Ну и слава богу, — пробормотал Род, затем достал свой собственный фонарик и осветил огромный цилиндр, дальняя часть которого исчезала в однородной черноте Поля Лэнгстона.

Луч света выхватил из темноты несколько конических шишек на хвосте чужого корабля — каждая в метр диаметром и метра три высотой. Род посветил еще, но больше ничего не заметил — ни вантов, которые должны были тянуться из этих шишек, ни даже отверстий в них. Ничего.

— Ладно. Продолжайте наблюдение, Келли. Мне нужно, чтобы за чужаком следили постоянно.

Капитан Блейн вернулся на мостик, узнав не больше, чем знал до того, и уселся перед своими экранами. Рука сама потянулась к переносице.

И что же за чертовщину он все-таки поймал?..

8. Чужак

Блейн стоял по стойке «смирно» напротив стола. Адмирал флота Хауленд Кранстон, Верховный главнокомандующий силами его величества за пределами Угольного Мешка, сердито разглядывал его, уперев локти в стол из розового тика с изящной резьбой — будь у Рода возможность разглядеть резьбу повнимательнее, он наверняка оценил бы ее по достоинству. Адмирал ткнул пальцем в толстую стопку бумаг.

— Знаете, что это такое, капитан?

— Нет, сэр.

— Люди требуют, чтобы я выгнал вас из Космофлота. Половина сотрудников Имперского университета. Два священника, епископ. Секретарь Лиги Человечества. Короче, все мечтают увидеть вас без скальпа.

— Да, сэр. — Говорить было нечего. Род стоял, не шевелясь, и просто ждал, когда все это закончится. Вот только что подумает его отец? И поймет ли его вообще кто-нибудь?

Кранстон снова нахмурился, но глаза его не выражали никаких чувств. Повседневный мундир висел на нем мешком, а миниатюры на доброй дюжине наград убедительно подтверждали историю военачальника, который, невзирая ни на что, всегда шел вперед и вел за собой своих подчиненных, даже когда, казалось, нет никакой надежды выжить.

— Надо же, человек, который атаковал первого посланца чужого разума, встретившегося человечеству! — холодным тоном произнес он. — Человек, который изувечил их корабль!.. Вы в курсе, что мы обнаружили там только одного пассажира, мертвого? Скорее всего, вышла из строя система жизнеобеспечения. — Кранстон снова прикоснулся к стопке обращений, затем резко оттолкнул ее в сторону. — Черт бы побрал этих штатских! Вечно пытаются оказать на Космофлот давление! У меня нет никакого выбора. И поэтому, капитан Блейн, как адмирал флота этого сектора я утверждаю ваше капитанское звание и поручаю вам командование крейсером его величества «Макартур». Теперь садитесь.

Род ошарашенно поискал глазами стул. Адмирал все не унимался.

— Я им покажу, ублюдкам! Учить меня вздумали, как командовать флотом, а? Блейн, вы счастливейший офицер в секторе. Совет в любом случае утвердил бы ваше новое звание, но не случись здесь *этого*, вам никогда не оставили бы крейсер.

— Да, сэр.

Что правда, то правда, и тем не менее в голосе Рода прорвалась нотка гордости. «Макартур» теперь его корабль...

— Сэр? О зонде что-нибудь уже известно? С тех пор как мы оставили его на орбите, я был занят на Верфи переоснасткой «Макартура».

— Мы вскрыли его, капитан, и обнаружили множество странных вещей. Например, это. — Он выложил на стол увеличенную фотографию.

Существо лежало на лабораторном столе. Длинная линейка рядом показывала его рост — 1,24 метра от головы до... сначала Род подумал, что это обувь, но потом понял, что у пришельца такие ступни. Пальцев на ногах не было, но передний край ступней закрывало нечто похожее на роговую пластину.

Все остальное — кошмарное видение. Две тонкие правые руки с маленькими ладонями, на каждой по четыре длинных пальца и по два отстоящих больших. Слева — только одна рука, но огромная, явно массивнее чем две правые вместе — настоящий молот. На левой руке было три пальца, сжимающихся, словно губки зажимного патрона.

Калека? Или мутант? Ниже пояса тело существа имело симметричное строение, выше — вообще что-то невообразимое.

Бугорчатый торс. Сложное переплетение мышц — гораздо сложнее, чем у человека. О скелете можно было только догадываться.

Руки — еще ладно. Дико, но определенный смысл тут есть. Локтевые суставы правых рук в согнутом состоянии совпадали идеально, вкладывались друг в друга как пластиковые ложки — ясное дело, результат эволюционного развития. Нет, конечно же, это не калека.

Но голова...

Шеи просто не было. Массивные мышцы левого плеча плавным изгибом доходили до самой макушки. Левая сторона черепа буквально сливалась с левым плечом в одно целое и казалась больше правой. Левого уха тоже не было. Собственно, для него даже не было удобного места. Зато правую сторону украшало огромное перепончатое ухо — словно у гоблина. Под ним — узкое плечо, очень похожее на человеческое, если бы только не второе такое же ниже и чуть позади.

Лицо производило жуткое впечатление. Собственно, на такой голове это даже трудно было назвать лицом. Но все же — два симметрично расположенных раскосых глаза, широко открытых да так и застывших в момент смерти; почти человеческие глаза, немного восточные. Невыразительный рот; губы чуть разошлись, открывая два ряда острых зубов.

— И как он вам?

— Мне жаль, что он мертв, — ответил Род. — Мы могли бы задать ему множество вопросов... Он там был совсем один?

— Да, в корабле один. Но посмотрите на это...

Кранстон прикоснулся к скрытому пульту на краю стола. Занавес на стене слева от Рода разошелся в стороны, свет в кабинете померк. Включился экран.

От края экрана к центру пронеслись какие-то тени и, уменьшаясь, скрылись вдали — все за считанные секунды.

— Это записали ваши носовые камеры, те, что не сгорели, когда пришелец вас атаковал. А теперь я пущу запись помедленнее.

С полдюжины теней, кувыркаясь, полетели к центру экрана. Адмирал остановил пленку.

— Что скажете?

— Они очень похожи на этого...

— Рад, что вы тоже так считаете. Смотрите дальше.

Снова пошла запись. Странные тени, уменьшаясь, сошлись в центре экрана и исчезли — но не вдали, а словно бы испарились.

— Похоже, пассажиров выбросили из зонда и сожгли отраженным от солнечного паруса лучом. Вы что-нибудь понимаете?

— Увы. Но вы можете получить десятки объяснений в университете. Да и изображение не очень четкое. Заметили, какие тут искажения? Разные размеры, разные формы. Трудно даже сказать, живые это существа или нет. Один из университетских антропологов считает, что это статуи богов, которые пришелец выбросил из корабля, чтобы спасти от осквернения. По-моему, он уже убедил чуть не всех остальных — за исключением тех, разумеется, кто считает эти кадры дефектами пленки, наводками от Поля Лэнгстона или фальсификацией.

— Ясно, сэр. — Комментарии были излишни, и он не стал ничего говорить, вернулся к столу и снова взглянул на фотографию. Миллион ответов на миллион вопросов... если бы только пилот остался жив...

Спустя какое-то время адмирал ворчливо продолжил:

— Так. Вот ваш экземпляр отчета о том, что удалось обнаружить на зонде. Возьмите с собой и внимательно изучите. Завтра в полдень вам назначена аудиенция у вице-короля, и вы должны быть в курсе. Отчет помогал писать ваш антрополог, так что, если захотите, можете поговорить с ней. А ближе к вечеру сходите и взгляните на зонд сами: мы его скоро доставим. — Заметив удивленный взгляд Рода, Кранстон усмехнулся. — Не понимаете, почему на вас все это свалилось? Поймете. У его высочества созрел план, и вас он тоже касается. Если что, мы вам сообщим.

Род отсалютовал и в полном недоумении вышел, держа под мышкой папку с грифом «Совершенно секретно».

Вопросов в отчете оказалось больше, чем ответов.

Почти все оборудование внутри зонда, как выяснилось, было выведено из строя: ученые обнаружили множество оплавленных пластиковых блоков с остатками интегральных схем, неизвестно зачем соединенных кусков проводящих и полупроводниковых мате-

риалов и прочий хлам. Никаких следов вантов и никаких механизмов, чтобы втягивать их и выпускать на тридцати двух конических шишках на корме тоже не обнаружили. Если ванты представляли собой мономолекулярные нити, можно, конечно, объяснить, куда они исчезли: когда их перерезали лазерным лучом, нити просто изменили химическую структуру и распались. Но как тогда чужаки управляли парусом? Может быть, нити могли растягиваться и сокращаться, подобно мышцам?

Странная идея, но кое-что из сохранившегося оборудования выглядело не менее странно. Ни одной стандартной детали во всем зонде. Две какие-нибудь штуковины, предназначенные в общем-то для одного и того же, могли быть похожими друг на друга или не похожими вовсе. Крепеж и станины тяжелого оборудования словно вырезали вручную, отчего зонд походил и на машину, и на скульптуру одновременно.

Дочитав до этого места, Род покачал головой и позвонил Салли. Вскоре она явилась.

— Да, это я писала, — подтвердила Салли. — Тут все верно. Каждый болт, каждую гайку в этом зонде проектировали отдельно. Впрочем, если рассматривать зонд как религиозный объект, тут, может быть, и нет ничего удивительного. Но это далеко не все. Вы знаете, что такое дублирование?

— В технике? Это когда два каких-нибудь узла выполняют одну и ту же функцию. На случай, если один выйдет из строя.

— Да. Но у мошкитов это еще сложнее.

— Мошкитов?

Салли пожала плечами.

— Надо же их как-то называть. Так вот, их инженеры тоже делают две какие-нибудь штуковины для одной и той же работы, но вторая штуковина может при этом выполнять еще две функции. Некоторые из станин на зонде служат, например, биметаллическими термостатами и одновременно термоэлектрическими генераторами... Род, мне, честно говоря, терминологии не хватает. Модули, кажется? Наши инженеры проектируют, как правило, модульные компоновки, да?

— Да, у нас все оборудование состоит из модулей.

— А у них нет. Там все сделано как бы одним куском, и каждый элемент выполняет несколько функций. Не исключено, Род, что мошкиты просто умнее нас.

Род присвистнул.

— Это настораживает. Но подождите-ка... У них что, нет Движителя Олдерсона?

— Не знаю. Но зато у них есть много такого, чего нет у нас. Например, биотемпературные сверхпроводники, — название Салли произнесла так, словно старательно его заучивала, — которые они

могут наносить на любую поверхность, как краску. Или вот... — Она протянула руку и перелистнула несколько страниц. — Видите, здесь, на снимке? Все эти маленькие выщерблины от мелких метеоритов...

— От микрометеоритов. Это понятно.

— Да, но сквозь их метеоритную защиту не мог проникнуть ни один объект больше четырех тысяч микрон. Только никто не нашел этой защиты. У них нет Поля Лэнгстона или чего-то подобного.

— Но...

— Видимо, от метеоритов зонд защищал сам парус. Понимаете, что это означает? Автопилот атаковал нас, приняв «Макартур» за метеор.

— А пилот? Он-то почему...

— Насколько мы поняли, пилот находился в состоянии анабиоза. А система жизнеобеспечения вышла из строя, когда мы взяли зонд на борт. Мы его убили.

— Это точно?

Салли кивнула.

— Дьявол! Столько лететь и... Вот, значит, почему Лига Человечества жаждет заполучить мою голову с яблоком во рту. О Боже... — Род застонал.

— Ну перестаньте, — мягко произнесла Салли.

— Простите. И что дальше?

— Дальше — вскрытие. Результаты занимают всю вторую половину отчета.

Она перелистнула еще несколько страниц, и Род невольно поморщился. Нервы у Салли были явно крепче, чем у большинства придворных дам.

Бледно-розовая плоть, кровь — тоже розовая, словно смесь древесного сока и человеческой крови. Анатомы вскрыли пришельца со спины, обнажив кости от основания черепа до... у человека в этом месте был бы копчик.

— Ничего не понимаю. А где позвоночник?

— Его просто нет. Видимо, на их планете эволюция обошлась без позвоночника.

В спине располагались три кости, каждая толщиной с берцовую у человека. Самая верхняя росла прямо из черепа — словно череп был насажен на двадцатисантиметровую рукоятку. Сустав внизу находился на уровне плеч: существо могло кивать, но не вертеть головой.

Главная спинная кость была длиннее и толще. У поясницы она заканчивалась массивным сложным суставом. Нижняя спинная кость расширялась в бедрах и служила основанием для суставов ног.

Спинной мозг у мошкитов, как и у людей, тянулся через все тело, но не внутри костей, а снаружи, со стороны живота.

— Они не могут поворачивать голову, — громко сказал Род, — и должны поворачиваться в поясе. Видимо, поэтому центральный сустав такой сложный, да?

— Верно. Я видела, как этот сустав проверяли. Мошкиты могут поворачивать верхнюю часть туловища на сто восемьдесят градусов. Впечатляет?

Род кивнул и перевернул страницу. Следующий снимок сделали, когда вскрыли череп мошкита. Неудивительно, что головы у них такие перекошенные. Мало того, что левое полушарие мозга было больше — чтобы управлять чувствительными и подвижными правыми руками, — так на левой стороне черепа еще и крепились толстые сухожилия от левого плеча; так рука могла развивать большое усилие.

— У них руки — главная часть тела, — сказала Салли. — Если предположить, что они действительно хорошие мастера, все становится понятно. Правые руки — для тонкой работы вроде сборки часов, а левая — поднимать и удерживать тяжести. Я думаю, мошкит может запросто поднять левой рукой, например, аэрокар, а правыми залезть в двигатель и что-нибудь починить. А этот идиот Горовиц считает, что мы имеем дело с мутантом. — Она открыла следующую страницу. — Вот, смотрите...

— Да, я и сам заметил. Руки расположены очень удобно.

Снимки показывали правые руки в разных положениях, но всякий раз они друг другу не мешали. Руки имели примерно одинаковую длину, но у нижней плечевая кость была короче, а у верхней обе кости — почти одинаковые. Если опустить руки вдоль тела, кончики пальцев верхней доставали только до запястья нижней.

Род продолжал читать. Биохимические процессы в организме мошкитов несколько отличались от человеческих, но отнюдь не настолько, насколько можно было бы ожидать, учитывая весь опыт экзобиологии. Все известные людям формы жизни на других планетах оказались в достаточной степени схожими, и для некоторых теоретиков это служило весомым доводом в пользу гипотезы о спорах, рассеянных некогда в галактическом пространстве и ставших причиной возникновения жизни в галактике. Не то чтобы эту гипотезу поддерживали многие, но она неплохо сочеталась с фактами. Впрочем, пришелец не мог ни подтвердить ее, ни опровергнуть.

После того как Салли ушла, Род еще долго изучал отчет, и когда закончил, у него оформились три четких вывода:

Мошкит — представитель расы с высокоразвитыми техническими способностями.

Он преодолел тридцать пять светолет в нормальном пространстве, чтобы отыскать братьев по разуму.

И Род Блейн его убил.

9. Его высочество принимает решение

Дворец вице-короля был виден из любой точки этого единственного на Новой Шотландии крупного города. Салли восхищенно разглядывала огромный комплекс и, забываясь, указывала рукой на радужные, меняющиеся по мере движения флаера размывы цвета.

— Как они добились такого эффекта? — спросила она. — Словно маслянистая пленка.

— Дворец выстроили из местного камня, — ответил Синклер. — Такого больше нигде нет. До прихода Первой Империи на планете не было жизни. Жидкую магму когда-то выдавило из недр на поверхность, и дворец сделали из цельного камня, сохранив естественные переливы цвета.

— Невероятно красиво, — сказала Салли.

Дворец был единственным зданием в городе, вокруг которого оставалось свободное пространство. Сам город Новая Шотландия будто прижимался к этому центру, и с воздуха хорошо были видны зоны, похожие на кольца деревьев и отмечавшие ввод в действие все более и более мощных генераторов защитного поля.

— А не проще теперь использовать прямоугольную планировку?

— Пожалуй, проще, — ответил Синклер. — Но мы пережили два столетия войны, милая леди, и мало кто захочет жить вне защитного поля. Не то чтобы мы не верили в силу Империи и Космофлота, — поспешно добавил он, — но старые привычки отмирают долго. Мы предпочитаем жить в тесноте, зная, что можем в случае чего постоять за себя.

Флаер сделал круг над дворцом и опустился на исчерченную многочисленными посадками крышу. Узкие улицы внизу выглядели как пестрый ковер — суета, толкотня и сплошные клетчатые пледы. Салли с удивлением отметила, как на самом деле мала столица этого сектора Империи.

Род оставил Салли со своими офицерами в уютной приемной с креслами и диванами, а сам проследовал за встретившими его десантниками в жестко накрахмаленных мундирах. Убранство зала заседаний Совета соединяло в себе простоту и великолепие — роскошные ковры и гобелены на стенах из голого камня, а над ними, под самым потолком, боевые знамена Империи.

Рода проводили к его креслу. Сразу перед ним, на возвышении, располагались места для членов Совета и их помощников, еще выше стоял трон вице-короля, а над ним — огромное трехмерное изображение его императорского величества Леонидаса IX, милостью Божьей императора человечества. Когда из столицы Империи поступали сообщения, изображение оживало, но сейчас оно было неподвижно. С портрета смотрел человек лет сорока в черном мундире адмирала флота без медалей и украшений — казалось, взгляд его

темных глаз обращен на каждого в зале и каждого он видит насквозь.

Зал быстро заполнялся членами Парламента, офицерами Космофлота и наземных войск, штатскими в окружении суетливых помощников. Род не знал, чего ожидать, но сразу заметил ревнивые взгляды сидящих позади него. В первом ряду моложе него никого не было. Адмирал Кранстон сел через два кресла слева от Блейна, заметил его, кивнул.

Прозвучал гонг. Дворцовый мажордом с угольно-черным лицом и с церемониальным кнутом за поясом белого мундира вышел на возвышение и ударил в пол своим длинным жезлом. В зал вошла группа людей, которые неторопливо заняли свои места на подиуме, и Род подумал, что внешне имперские советники производят совсем не такое сильное впечатление, как их громкие титулы. Многие из них, казалось, чем-то озабочены, но некоторые производили такое же впечатление, что и портрет императора, — будто они способны видеть нечто недоступное собравшимся. Члены Совета бесстрастно разглядывали зал, пока не прозвучал второй гонг.

Мажордом встал в позу и трижды ударил в пол жезлом.

— ЕГО ВЫСОЧЕСТВО РИЧАРД СТИФЕН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕРРИЛЛ, ВИЦЕ-КОРОЛЬ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА В СЕКТОРЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ УГОЛЬНОГО МЕШКА! ДА СНИСПОШЛЕТ ГОСПОДЬ МУДРОСТИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ И ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ!

Все торопливо поднялись со своих мест. Стоя в ожидании вице-короля, Род оценивал свои впечатления от происходящего. Не так уж трудно относиться ко всему этому с цинизмом. В конце концов, Мерриллвсего лишь человек. И его величество — такой же человек. Они так же, как и простые смертные, натягивают брюки на каждую ногу по очереди. Однако на них лежит огромная ответственность за судьбу всего человечества. Совет может давать рекомендации. Сенат может спорить. Ассамблея может возмущаться и требовать. Но когда все требования выслушаны и все рекомендации оценены, кто-то должен действовать от имени человеческой цивилизации... Нет, церемония появления суверена отнюдь не излишне торжественна. Людям, которые обладают такой властью, нужно постоянно о ней напоминать.

Наконец появился его высочество вице-король Мерриллвысокий худой мужчина с пушистыми бровями в парадном мундире Космофлота со звездами и кометами на груди — награды, полученные за долгие годы службы Империи. Подойдя к трону, он повернулся к портрету императора и поклонился. Мажордом произнес слова клятвы на верность короне, после чего Мерриллопустился на трон и кивнул Совету.

Герцог Бонин, пожилой лорд-президент Совета, встал у своего места в центре длинного стола.

— Лорды и джентльмены. По распоряжению его высочества Совет собрался сегодня, чтобы обсудить вопросы, возникшие в связи с появлением космического зонда из системы Мошки. Возможно, заседание продлится долго, — добавил он без всякого сарказма. — Каждый из вас получил экземпляр отчета о работе специальной комиссии по изучению зонда. Я бы подвел итог следующим образом: у чужаков нет ни Поля Лэнгстона, ни Движителя Олдерсона. С другой стороны, в отдельных областях они достигли уровня технологии, значительно превышающего все, чем располагает или располагала Империя — при этом я имею в виду и Первую Империю Человека.

По залу прокатился сдержанный ропот. Большинство имперских губернаторов и их подчиненных относились к Первой Империи с почти мистическим почтением. Бонин понимающе кивнул.

— Сейчас нам предстоит обсудить, что надлежит делать. Слово предоставляется его превосходительству министру внешних контактов сектора сэру Траффину Гиари.

Ростом сэр Траффин походил на вице-короля, но на этом сходство заканчивалось. В отличие от атлетически сложенного монарха сэр Траффин напоминал бочку.

— Ваше высочество, лорды и джентльмены. Прежде всего хочу сообщить вам, что мы уже отправили на Спарту курьера и до конца недели пошлем еще одного. Захваченный нами зонд двигался с досветовой скоростью и добирался сюда более ста лет. Думаю, нам нет нужды торопиться — во всяком случае, несколько месяцев. Я предлагаю начать подготовку к экспедиции в систему Мошки и ждать распоряжений его величества. — Гиари выпятил нижнюю губу и обвел взглядом зал. — Подозреваю, что многих, кто знаком с моим темпераментом, это предложение удивит, но в данном случае будет лучше тщательно взвесить все аспекты проблемы. Наше решение может сказаться на судьбе всего человечества.

В зале одобрительно зашептались. Лорд-президент кивнул сидящему слева человеку.

— Лорд Ричард Макдональд Армстронг, военный министр сектора.

После огромного сэра Траффина военный министр выглядел чуть не мальчишкой. Черты его лица полностью соответствовали размерам и ничем особым не выделялись, отчего министр казался мягким, даже кротким человеком. Только глаза смотрели жестко, а силой взгляд не уступал императорскому на портрете.

— Я прекрасно понимаю позицию сэра Траффина, — начал Армстронг. — Но не разделяю его выводов об ответственности перед человечеством. Приятно и легко осознавать, что величайшие умы на Спарте уберегут нас от ошибок и промахов...

Почти без новошотландского акцента говорит, отметил Род. Лишь чуть-чуть чувствуется, хотя министр наверняка родился здесь. Видимо, когда надо, они все умеют говорить нормальным языком.

— ...Но очень может статься, у нас просто нет времени на ожидание, — продолжал Армстронг мягко. — Судите сами. Сто тринадцать лет назад, как свидетельствуют наши наиболее надежные архивные записи, Мошка светилась даже ярче самого Глаза Мурчисона. А затем вдруг погасла. Без сомнения, это произошло, когда зонд достиг точки разворота и начал торможение для подхода к нашей звездной системе. Лазеры, что запустили зонд, заработали задолго до того, как мы увидели это свечение. Так что у их создателей было по крайней мере сто пятьдесят лет на развитие новых технологий. Задумайтесь об этом, господа. За сто пятьдесят лет на Земле люди прошли путь от парусников до высадки на Луну. От пороха до термоядерного синтеза. Другими словами, до уровня технологии, вполне пригодного для создания подобного зонда. А еще через сто пятьдесят лет у нас уже появились и Движитель Олдерсона, и Поле Лэнгстона, и десять звездных поселений, и СоВладение. Пятьдесят лет спустя Флот покинул Землю и основал Первую Империю. Вот что могут означать сто пятьдесят лет для развивающейся цивилизации, господа. А именно такую цивилизацию мы встретили, иначе они давно уже были бы здесь. Итак, я утверждаю, что мы не можем позволить себе ждать! — Теперь его голос гремел, заполняя весь зал. — Ждать указаний от Спарты? Но — при всем моем уважении к советникам его величества — что они могут сообщить нам такого, чего мы не знаем лучше их? К тому времени, когда придет ответ, мы отправим им новые отчеты. Может быть, ситуация здесь изменится, и первоначальные инструкции просто потеряют смысл. Уж лучше мы будем сами совершать свои ошибки.

— Ваши предложения? — сухо спросил лорд-президент.

— Я уже приказал адмиралу Кранстону собрать все боевые корабли, которые могут быть в настоящее время выделены из числа занятых в военных операциях и патрулировании сектора. Кроме того, я направил его величеству срочный запрос на переброску в систему Новой Каледонии дополнительных сил. Сейчас я предлагаю отправить к Мошке военную экспедицию и узнать, что там происходит, а Верфи тем временем будут заняты переоснасткой гражданских судов с тем, чтобы мы в случае необходимости имели возможность быстро и решительно уничтожить планету чужаков.

В зале заохали. Один из членов Совета торопливо поднялся, чтобы ему разрешили выступить.

— Доктор Энтони Хорват, министр естественных наук, — объявил лорд-президент.

— Ваше высочество, милостивые лорды, у меня просто нет слов, — начал Хорват.

— Если бы... — пробормотал Кранстон слева от Рода.

Пожилой, в безукоризненном костюме, Хорват отличался предельно точной манерой речи и жестикуляцией; каждая его фраза

звучала так, словно он вкладывал в нее только одно-единственное значение — и ничего сверх того. Говорил он тихо, но его слова разносились по всему залу.

— Милостивые лорды, хочу сразу заявить, что этот зонд нам ни в коей мере не угрожает. В нем находился только один пассажир, и он ничего не успел сообщить тем, кто его послал. — Хорват бросил на адмирала Кранстона многозначительный взгляд. — Мы не видели решительно никаких признаков того, что чужаки располагают технологией, необходимой для передвижения со сверхсветовыми скоростями, и ни малейшего намека на то, что они могут быть опасны. Тем не менее лорд Армстронг уже собирает флот. Он ведет себя так, будто над человечеством нависла смертельная угроза, хотя на самом деле к нам прибыл один мертвый пришелец в корабле под солнечным парусом. И я хочу спросить вас, разумно ли это?

— Что вы предлагаете, доктор Хорват? — спросил лорд-президент.

— Я согласен с министром Армстронгом, экспедицию нужно посылать немедленно. Бессмысленно рассчитывать на то, что из Столицы, расположенной на таком удалении, поступят подробные инструкции. Если всем будет так спокойнее, давайте пошлем военный корабль. Но укомплектовать его надо учеными, дипломатами, представителями торгового сословия. Как и они, мы должны прийти с миром, а не угрожать им военной мощью, будто это какие-то пираты из окраинных районов Империи. Другой такой возможности у нас не будет: это первый контакт человечества с другими мыслящими существами. О, мы, безусловно, встретим когда-нибудь разумные расы, но это будет уже не в первый раз. Наши действия сейчас навсегда останутся на страницах истории. Мы не имеем права совершить ошибку и оставить на этой странице кляксу!

— Спасибо, доктор Хорват, — сказал лорд-президент. — Есть еще желающие выступить?

Желающих оказалось достаточно. Все заговорили разом, и порядок удалось восстановить лишь спустя какое-то время.

— Джентльмены, мы должны принять решение, — подытожил герцог Бонин. — Каковы будут наши рекомендации его высочеству? Посылаем мы экспедицию в систему Мошки или нет?

Этот вопрос решился быстро. Военных и ученых было явно больше, чем сторонников сэра Траффина. Корабли будут отправлены как можно скорее.

— Отлично, — кивнул герцог. — Теперь, может быть, мы определимся с характером экспедиции? Военная или гражданская?

Тут мажордом ударил жезлом в пол, и все обернулись к высокому трону, где, безучастно наблюдая за дебатами, все это время сидел Меррилл.

— Я благодарю всех собравшихся, но характер этой экспедиции я определил без помощи Совета, — произнес вице-король. — Поскольку дело касается безопасности Империи, вопрос может решаться на уровне интересов сектора... — Меррилл несколько смазал эффект своего величественного обращения к Совету, когда поднял руку и в задумчивости провел пятерней по волосам, но он тут же опомнился, опустил руку, и на губах его появилась слабая улыбка. — Впрочем, я подозреваю, рекомендация Совета в данном случае могла бы полностью совпасть с моим решением. Сэр Траффин, ваша группировка стоит за чисто научную экспедицию?

— Нет, ваше высочество.

— Что ж, мнение военного министра нам уже известно, так что сторонники доктора Хорвата в любом случае окажутся в меньшинстве. Поскольку планирование подобной экспедиции не требует присутствия всего Совета, я хочу видеть у себя доктора Хорвата, сэра Траффина, лорда Армстронга и адмирала Кранстона. Прямо сейчас. Адмирал, тот офицер, о котором вы говорили, здесь?

— Да, ваше высочество.

— Возьмите его с собой.

Меррилл встал и так быстро покинул подиум, что мажордом даже не успел исполнить свои церемониальные обязанности. Он с опозданием ударил в пол жезлом и повернулся к портрету императора.

— ВОЛЕЙ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА СОВЕТ ЗАКОНЧИЛ РАБОТУ. ДА НИСПОШЛЕТ ГОСПОДЬ МУДРОСТИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ! БОЖЕ, ХРАНИ ИМПЕРАТОРА!

Когда собравшиеся потекли к выходу, Кранстон взял Рода за локоть и вывел через маленькую дверь сбоку от подиума.

— И что вы обо всем этом думаете? — спросил он.

— Довольно пристойно прошло. Мне случалось бывать на заседаниях Совета на Спарте, когда казалось, что еще немного — и там все передерутся. Старик Бонин знает свое дело.

— Да уж. Вы, я смотрю, неплохо разбираетесь в этой политической чехарде. Во всяком случае, лучше меня. Похоже, я сделал правильный выбор.

— Выбор для чего, сэр?

— А вы до сих пор не догадались, капитан? Мы с Главным еще вчера ночью решили. Вы поведете «Макартур» к Мошке.

10. Палач

У вице-короля было два кабинета. Один — огромный, с изящной резной мебелью, весь уставленный подарками и подношениями с множества различных планет. Над столом из самуалитского тика с

инкрустацией из кости и золота висел объемный, в полстены, портрет императора. Пол закрывали цветущие ковры из живых трав со Столешницы — мягко, и заодно воздух освежает. Скрытые в каменных стенах стереокамеры — для удобства прессы, освещающей официальные события, — давали отличный обзор.

Однако Роду даже не удалось толком разглядеть все это великолепие. Они с Кранстоном быстро миновали первый кабинет и оказались в следующем, гораздо меньше и скромнее — простотой обстановки второй кабинет напоминал скорее монашескую келью. Вице-король сидел за огромным дюрапластовым столом. Волосы его спутались, ворот мундира был расстегнут, а сапоги стояли у стены.

— А, входите, адмирал. Я вижу, вы привели молодого Блейна. Приветствую вас, молодой человек. Вы меня, конечно, не помните. Мы встречались один-единственный раз, и вам тогда было то ли два года, то ли три. Черт, забыл... Как здоровье маркиза?

— В порядке, ваше высочество. Я не сомневаюсь, что он просил бы передать...

— Разумеется-разумеется. Хороший человек, ваш отец. Бар вот там... — Меррилл взял со стола стопку бумаг и принялся листать их, да так быстро, что страницы казались лепестками веера. — М-да, так я примерно и думал...

Он поставил подпись на последней странице и переложил бумаги в приемник пневмопочты. Приемник чихнул, и бумаги исчезли.

— Может быть, мне следует представить капитана Блейна... — начал было Кранстон.

— Да, конечно же. Забыл. Доктор Хорват, министр Армстронг, сэр Траффин, капитан Блейн с крейсера «Макартур». Сын маркиза Круциса, кстати.

— А-а, «Макартур»! — брезгливо произнес доктор Хорват. — Вот оно что. Надеюсь, ваше высочество меня простит, но я не понимаю, зачем он-то здесь нужен.

— Не понимаете? — спросил Меррилл. — А вы подумайте, доктор. Вам ведь известно, ради чего мы здесь собрались.

— Боюсь, вывод, который подсказывает логика, не очень-то мне по душе, ваше высочество. И я все равно не понимаю, зачем этот... этот фанатик-милитарист приглашен планировать экспедицию такой огромной важности.

— У вас что, есть какие-то жалобы на одного из моих офицеров, сэр? — с вызовом спросил Кранстон. — Если да, то я хотел бы...

— Достаточно! — оборвал их Меррилл, швырнул еще одну толстую папку в приемник и проводил ее задумчивым взглядом. — Доктор Хорват, думаю, вам лучше сразу высказать все свои возражения.

На губах Меррилла появилась едва заметная улыбка, но трудно было понять, кому она предназначена.

— Мои возражения вполне очевидны. Этот молодой человек фактически начал военные действия с первой же встреченной нами расой разумных существ. Адмиралтейство не сочло нужным наказать его, но я решительно возражаю против какого бы то ни было участия капитана Блейна в контактах с чужаками. Неужели вы не понимаете, сэр, насколько чудовищно то, что он совершил?

— Нет, сэр, я придерживаюсь другого мнения, — вмешался военный министр Армстронг.

— Но этот корабль преодолел тридцать пять светолет в нормальном пространстве! Сто пятьдесят лет в пути! Даже Первой Империи такое было не по силам. И все ради чего? Чтобы корабль атаковали, изувечили по прибытии в нашу систему, затолкали на ангарную палубу крейсера и оттащили... — Министр естественных наук аж задохнулся от возмущения.

— Блейн, вы стреляли по зонду? — спросил Меррилл.

— Нет, ваше высочество. Наоборот. Мне было приказано перехватить и обследовать. Но после того как зонд чужаков атаковал мой корабль, я отрезал его от солнечного паруса, который использовался зондом в качестве оружия.

— И вам не оставалось ничего другого, кроме как взять его на борт. Иначе бы он просто сгорел, — добавил сэр Траффин. — Вы отлично справились с задачей.

— Но этого не пришлось бы делать вовсе, если бы вы не покалечили зонд, — не унимался Хорват. — Ну хорошо, он вас атаковал. Вы что, не могли спрятаться позади паруса и следовать за зондом? Воспользоваться им как щитом? Убивать пришельца не было никакой необходимости!

— Эта чертовщина атаковала имперский боевой корабль! — взорвался Кранстон. — И вы хотите, чтобы один из моих офицеров...

Меррилл поднял руку.

— Интересно, капитан, почему вы не сделали, как предлагает доктор Хорват?

— Я... — Блейн на мгновение застыл, пытаясь собраться с мыслями. — Дело в том, сэр, что у нас оставалось мало горючего и мы находились слишком близко к Каледу. Если бы я сохранял прежний курс, параллельный траектории зонда, «Макартур» потерял бы управление и мы вообще не смогли бы держаться рядом — даже если при этом двигатели «Макартура» не сожгли бы парус. Чтобы выбраться из гравитационной ямы Каледа, нам нужно было иметь запас скорости... и кроме того, мне приказали перехватить зонд... — Блейн умолк, поглаживая пальцем сломанную переносицу.

Меррилл кивнул.

— Еще один только вопрос, Блейн. Что вы почувствовали, когда получили приказ обследовать корабль чужаков?

— Я был взволнован... потому что это первый контакт, сэр.

— На мой взгляд, джентльмены, молодой человек совсем не похож на твердолобого ксенофоба. Но когда его корабль атаковали, ему пришлось защищаться. Доктор Хорват, если бы он открыл огонь по зонду — что было бы, кстати, самым верным способом устранить угрозу, — я бы лично проследил, чтобы его уволили за полную непригодность к службе его величеству в любом качестве. Вместо этого он аккуратно отделил зонд от его оружия и с риском для собственного корабля взял его на борт. Мне нравится такое решение, джентльмены. — Меррилл повернулся к Армстронгу: — Дикки, будь добр, расскажи джентльменам, что мы решили насчет экспедиции.

— Слушаюсь, ваше высочество. — Военный министр прочистил горло. — В систему Мошки пойдут два корабля. Имперский линкор «Ленин» и крейсер «Макартур». «Макартур» будет переоснащен в соответствии с требованиями доктора Хорвата, и на нем же отправятся все гражданские лица из числа участников экспедиции. Сюда входят ученые, торговцы, дипломаты и миссионеры, на участии которых настаивает его преподобие. Все контакты с чужаками будет осуществлять только «Макартур».

Меррилл кивнул.

— Ни при каких обстоятельствах «Ленин» не будет принимать чужаков на борт и ни в коем случае не допустит, чтобы корабль попал в их руки. Я должен быть уверен, что мы в любом случае получим от этой экспедиции какую-то информацию.

— Не слишком ли это жесткие условия, сэр? — спросил Хорват.

— Отнюдь, — сказал сэр Траффин безапелляционным тоном. — Ричард беспокоится главным образом о том, чтобы чужаки не заполучили Поле Лэнгстона и Движитель Олдерсона, и здесь я полностью с ним согласен.

— Но допустим, они захватят «Макартур»? — предположил Хорват.

Адмирал Кранстон затянулся трубкой и выпустил струю густого голубого дыма.

— Тогда «Ленин» немедленно разнесет его на куски.

Блейн кивнул. Об этой части плана он уже и сам догадался.

— Чтобы принять такое решение, нужен надежный человек, — заметил сэр Траффин. — Кого вы думаете послать на «Ленине»?

— Адмирала Лаврентия Кутузова. Еще вчера мы отправили к нему курьера.

— Что? Палача?! — Хорват с громким стуком поставил свой бокал на стол и резко повернулся к вице-королю. — Ваше высочество, я протестую! Хуже этого человека во всей Империи не подобрать! Вам, должно быть, известно, что именно Кутузов... попросту стерилизовал планету Иштван. Это же настоящий параноик! Сэр, я умоляю вас пересмотреть свое решение. Такой человек способен

на... Да неужели вы не понимаете? Они же разумные существа! Возможно, это самый важный этап в истории человечества, а вы хотите поставить во главе экспедиции недочеловека, который и мыслит-то лишь на уровне рефлексов! Это безумие!

— Еще большим безумием было бы поставить во главе экспедиции человека вроде вас, — заявил Армстронг. — Ради бога, не обижайтесь, но для вас, доктор, пришельцы — друзья, которые могут открыть человечеству новые возможности. Вы не способны видеть опасность. Не исключено, что мои коллеги и я сам видели их слишком много, но пусть уж лучше ошибемся мы.

— Но Совет... — возразил было Хорват.

— Совет это не решает, — твердо сказал Меррилл. — Дело касается безопасности Империи. Может быть, Имперский Парламент на Спарте выскажет иное мнение, но, как представитель его величества в этом секторе, я уже принял решение.

— Понятно. — Несколько секунд Хорват сидел, уронив голову, затем вдруг на его лице появилась надежда. — Вы сказали, что «Макартур» будет переоборудован для нужд ученых. Значит, это будет полностью научное судно?

Меррилл кивнул:

— Да. И я искренне надеюсь, Кутузову не придется прибегать к крайним мерам. Впрочем, это зависит от ваших людей. Он будет там лишь на всякий случай.

Блейн нерешительно прочистил горло, стремясь обратить на себя внимание.

— Давай, парень, говори, — подбодрил его Армстронг.

— Я не уверен, что делать с пассажирами, сэр.

— Да. Конечно же, — согласился Меррилл. — Племянница сенатора Фаулера и этот торговец. Полагаете, они захотят отправиться с вами?

— Я уверен, что Салли — в смысле, мисс Фаулер — захочет, — сказал Род. — Она уже дважды отказалась от возможности долететь до Спарты и чуть не каждый день бывает в Адмиралтействе.

— Антрополог... — пробормотал Меррилл. — Что ж, если она захочет лететь, пусть летит. Нам не повредит, если Лига Человечества будет считать, что мы посылаем мирную экспедицию. Вряд ли можно придумать что-нибудь лучше. Правильная, так сказать, политика. А что с этим Бери?

— Не знаю, сэр.

— Узнайте, хочет ли он лететь, — сказал Меррилл. — Адмирал, надо полагать, у вас нет сейчас подходящего корабля, который направлялся бы в Столицу, так?

— Во всяком случае, такого, на котором его можно было бы отправить без опасений. Вы же видели рапорт Плеханова.

— Да. Что ж, доктор Хорват хотел взять с собой и торговцев. Я думаю, его превосходительство не откажется от такой возможности. Главное — намекнуть ему, что мы можем пригласить и кого-то из его конкурентов. Тут уж его проймет. Надо еще поискать торгаша, который откажется спуститься в ад, если таким образом он сможет обставить конкурентов.

— Когда мы отбываем, сэр? — спросил Род.

Меррилл пожал плечами.

— Все зависит от людей Хорвата. Там, видимо, немало работы предстоит. «Ленин» будет здесь через месяц. Кутузова они захватят по пути. После прибытия «Ленина», как только «Макартур» будет готов, так сразу и отправляйтесь.

11. Церковь Его Имени

Монорельсовый поезд мчался со скоростью сто пятьдесят километров в час, но в вагоне был слышен лишь приглушенный свист. Суббота, выходной день. Пассажиры вели себя тихо и, похоже, просто наслаждались покоем. В одном конце вагона кто-то пустил фляжку по кругу, но даже эта компания не шумела; они только улыбались больше других. Кое-где места у окон занимали дети, на удивление спокойные и послушные; как им и положено, дети вертели головами, стараясь разглядеть все, что проносилось мимо, показывали пальцами и дергали родителей вопросами на совершенно невразумительном диалекте.

Впрочем, Кевин Реннер вел себя примерно так же. Он прилип к чистому пластиковому окну, чтобы лучше видеть новую для него планету, и с его худого лица почти не сходила простоватая улыбка.

Стейли сидел у прохода — неподвижно, будто ему скомандовали «смирно». Поттер расположился между ними.

Все трое сменились недавно с дежурства и решились на небольшую поездку по планете: все отличие от увольнения заключалось в том, что их в любую минуту могли вызвать через карманный компьютер. Умельцы с Верфей Новой Шотландии отскребали раздавленные шлюпы от стен ангарной палубы «Макартура» и под руководством Синклера начинали другие, более сложные работы. Поттер поехал с ними в качестве гида, хотя его-то в случае чего Синклер мог вызвать первым. Может быть, Стейли беспокоился, что они останутся без гида, но в такой скованной позе он сидел вовсе не из-за этого. Просто он всегда так сидел и сейчас радовался поездке не меньше других.

Говорил в основном Поттер:

— Видите вон те два вулкана, мистер Реннер? И у каждого почти на самой вершине такие коробчатые строения? Это для коррек-

тировки состава атмосферы. Когда вулканы начинают дымить, оттуда распыляют в восходящем потоке воздуха специальные микроорганизмы. Без них наша атмосфера загадилась бы очень быстро.

— Хм. Но во время Сепаратистских войн эти установки, наверное, не работали? Как же вы в те годы жили?

— Скверно жили.

Пейзаж, поделенный линиями на участки, производил странное впечатление. Обработанные зеленые поля, расчерченные, словно шотландские юбки, для посадки различных культур, то и дело сменялись безжизненными пустырями, напоминающими лунные ландшафты, лишь слегка смягченные эрозией. Удивительно было видеть, например, широкую реку, равнодушно несущую свои воды то среди полей, то вдруг в пустыне. Нигде ни одного сорняка, да и вообще, само по себе здесь ничего не росло. Даже лесные посадки, проносящиеся за окнами, имели четкие границы, а сами деревья стояли ровными ухоженными рядами — словно широкие цветочные клумбы, которые поезд миновал незадолго до этого.

— Вы прожили на Новой Шотландии уже триста лет, — сказал Реннер. — Почему тут все до сих пор вот так? За это время вполне мог сформироваться плодородный почвенный слой, да и семена должно было разнести по всей планете. Тут давно уже могла появиться дикая растительность.

— А часто вы видели, чтобы обработанные земли на колонизируемых планетах возвращались в дикое состояние? На протяжении всей нашей истории население росло быстрее, чем появлялись плодородные почвы. — Поттер вдруг выпрямился. — Смотрите вперед. Мы подъезжаем к Квентинс-Пэтч.

Поезд мягко затормозил. Откинулись вверх двери, и на платформу высыпала горстка пассажиров. Реннер и Стейли двинулись следом за Поттером. Тот разве что не подпрыгивал: как-никак родной город.

Реннер вдруг остановился.

— Смотрите! Глаз Мурчисона видно даже днем!

И верно. На востоке, на фоне голубого неба мерцала красная искра.

— Жалко, Лик Господа не видно.

Несколько человек обернулись, и Поттер тихо сказал:

— Мистер Реннер, в этих местах лучше не говорить «Лик Господа».

— А? Почему?

— Егоисты говорят про туманность просто «Его Лик». Никто никогда не упоминает своего Бога впрямую. Хороший прихожанин считает, что это всего лишь Угольный Мешок.

— Но по всей Империи говорят «Лик Господа» — и хорошие прихожане, и не очень.

— По всей Империи нет егоистов... Если мы пройдем сюда, то еще до темноты успеем в Церковь Его Имени.

Квентинс-Пэтч — даже не городок, а скорее поселок — со всех сторон окружали пшеничные поля. Дорога представляла собой широкую, похожую на застывший поток лавы, полосу базальта с рябой поверхностью. Реннер сразу догадался, что давным-давно, когда здесь и домов еще не было, над самой землей прошелся на столбе огня космический корабль — и получилась дорога. Кое-где поверхность уже покрылась частыми трещинами, но теперь по обе стороны дороги стояли двух- и трехэтажные дома, так что починить ее тем же способом вряд ли удастся.

— А как появились егоисты? — спросил Реннер.

— Есть на этот счет одна легенда, — ответил Поттер и остановился. — А может, и не совсем легенда. Егоисты утверждают, что однажды Лик Господа проснулся.

— В смысле?

— Он открыл свой единственный глаз.

— Неудивительно, если мошкиты использовали для запуска своего зонда лазерную пушку. А дата известна?

— Приблизительная. — Поттер задумался. — Это случилось еще во времена Сепаратистских войн. Нам тогда несладко пришлось, сами знаете. Новая Шотландия сохранила верность Империи, а Новая Ирландия — нет. Но силы были примерно равны, и лет пятьдесят мы молотили друг друга, а потом ни у нас, ни у них уже не осталось кораблей. И никакой связи с другими звездами. Только в 2870-м в нашу систему залетел корабль — «Кратер Лей», торговое судно, переделанное в военное — с работающим Полем Лэнгстона и полным комплектом торпед. Это разбитое корыто оказалось самым мощным кораблем во всей системе Новой Каледонии — настолько низко мы пали, — но с его помощью нам удалось разбить новоирландских предателей.

— Это ведь когда, лет сто пятьдесят назад случилось? Вы так говорите, словно сами пережили эти события.

Поттер улыбнулся.

— У нас здесь все принимают историю очень близко к сердцу.

— Понятно, — сказал Стейли.

— Вы спрашивали о датах... — продолжил Поттер. — В университетских архивах на этот счет ничего нет. А из компьютерных банков данных многие были уничтожены во время войны. Да, с Глазом действительно что-то произошло, но, видимо, ближе к концу войны, и мало на кого это произвело сильное впечатление, сами понимаете.

— Почему же? Лик Господа... я имею в виду, Глаз Мурчисона ведь самая яркая звезда на здешнем небе.

Поттер печально улыбнулся.

— Во время войны все было по-другому. Я читал дневники тех лет. Люди укрывались под университетским Полем Лэнгстона, а когда вышли, все небо выглядело как поле битвы — вспышки, радиоактивное свечение от взорванных кораблей и прочее. Только после войны люди стали вновь вглядываться в небо. Вот тогда-то астрономы и заинтересовались, что же случилось с Глазом Мурчисона. Но примерно в то же время Ховард Гроут Литлмид объявил, что ему было Божье видение.

— Он решил, что Лик Господа это и в самом деле... лик Бога?

— Да. И он многих убедил... Мы уже пришли, джентльмены.

Церковь Его Имени выглядела величественно и удручающе одновременно. Ее строили из привозного камня, на века, и она выстояла. Но поверхность каменных плит посекло песчаными бурями, карнизы и рамы потрескались, а на стенах было полно выжженных лазерами или выцарапанных инициалов и непристойностей.

Высокий упитанный священник производил впечатление человека мягкого, уступчивого, но он наотрез отказался впустить их в храм и не изменил своего решения, даже когда Поттер сказал, что родился в этом городке. Видимо, Церковь Его Имени и ее священнослужители немало натерпелись и от горожан в том числе.

— Но послушайте, — обратился к нему Реннер. — Не думаете же вы в самом деле, что мы какие-нибудь осквернители?

— Вы — неверующие. Что вам тогда здесь нужно?

— Мы хотим только взглянуть на изображение Уг... на Лик Господа во всем его великолепии. Увидим — и уйдем. Если вы не пустите нас сами, мы, возможно, заставим вас через какие-нибудь официальные инстанции. Не исключено, что храм располагает важной для Космофлота информацией.

Священник презрительно скривился.

— Тут вам не какая-нибудь примитивная колония, где нет иной власти, кроме еретиков-десантников, а планета Новая Шотландия! Чтобы ворваться сюда силой, вам потребуется не меньше как распоряжение самого вице-короля. А вы всего лишь туристы.

— А про инопланетный зонд вы слышали?

Спеси у священника несколько поубавилось.

— Ну, слышал.

— Мы считаем, что его запустили лазерной пушкой из системы Мошки.

Священник поначалу смешался, потом вдруг громко захохотал и все никак не мог остановиться. Так, хохоча, он их и пропустил. Затем умолк, провел, не говоря ни слова, по выщербленному кафельному полу просторного холла в главное святилище и встал немного в стороне, наблюдая за выражением их лиц.

Огромная голограмма с Ликом Господа занимала полстены. Звезды по краям получились немного размытыми — старинные голограммы всегда так выглядят, — но все равно казалось, что смотришь куда-то в бесконечность.

И на этом Лике Глаз горел ярко-зеленым ослепительным огнем. Зеленое пятно с маленькой красной точкой у края.

— Боже! — выдохнул Стейли и поспешно добавил: — Я ничего не имел в виду... Но... какая сила! Такая яркость на расстоянии в тридцать пять светолет... Это под силу разве что очень развитой планете.

— Почему-то мне запомнилось, что он еще больше, — прошептал Поттер.

— Ну что, увидели? — каркнул священник. — И вы все еще считаете, что то рукотворное явление?.. Ладно... Насмотрелись?

— Да, — ответил Реннер, и они вышли из храма.

Снаружи все трое остановились. Солнце уже садилось. Реннер потряс головой.

— Литлмида можно понять, — сказал он. — Странно еще, что он не обратил в свою веру всю планету.

— Мы — довольно упрямый народ, — ответил Поттер. — А этот, что прищурился в ночном небе, слишком уж очевиден, слишком...

— Как для идиотов. Вот он, мол, я, — подсказал Реннер.

— Ну да. А люди здесь не любят, когда их считают недоумками, даже если это Его мнение.

Снова представив себе ветшающее здание с его обшарпанным интерьером, Реннер заметил:

— Похоже, для Церкви Его Имени настали тяжелые времена.

— Да. В 2902-м свет Мошки погас. Сто пятнадцать лет назад. Событие хорошо задокументировано, но на этом астрономия на нашей планете кончилась. До тех пор, пока не вернулась Империя. Не до того было.

— Мошка погасла сразу?

— Никто не знает. Видимо, это случилось, когда планета была повернута другой стороной. Вы, верно, заметили, мистер Реннер, что тут цивилизации-то одна заплатка. Когда в ту ночь на небе появился Угольный Мешок, Господь словно ослеп. Егоисты, наверное, решили, что их Бог опять уснул.

— Переживали?

— Литлмид принял большую дозу снотворного. Егоисты говорят, что, мол, отправился к своему Господу.

— Наверное, требовать объяснений, — сказал Реннер. — А вы что-то притихли, мистер Стейли.

Хорст с мрачным видом посмотрел на небо.

— Они умеют строить лазерные пушки, которые заливают светом полнеба, а мы собираемся лететь туда с военной экспедицией.

12. Спуск в ад

Собравшиеся едва смогли разместиться на ангарной палубе. Закрытые шлюзовые створы — их, конечно, отремонтировали, но следы ремонта сразу бросались в глаза — оказались единственной свободной площадкой на «Макартуре», где можно было разместить и экипаж, и научный персонал, и гостей, но и там люди стояли чуть не вплотную. Саму ангарную палубу под своды заполняло экспедиционное снаряжение: запасные посадочные шлюпы, большой баркас, катер, контейнеры с научным оборудованием, с корабельными припасами и бог знает с чем еще — Род порой даже не знал, что там упаковано. Люди доктора Хорвата грузили все, что вдруг да понадобится, а экипаж даже не мог с ними спорить, потому что подобных экспедиций никто никогда не организовывал.

Вскоре на внутренней поверхности шлюзовых створов стало не протолкнуться. Вице-король Меррилл, министр Армстронг, адмирал Кранстон, кардинал Рэндольф и множество других официальных лиц рангом пониже стояли тут же в толпе собравшихся, а Род все беспокоился, успели ли его офицеры закончить подготовку к отлету. Последние дни на планете пронеслись бесконечной чередой обязательных приемов и встреч — в основном светского характера, — которые практически не оставляли ему времени на более важные дела по подготовке «Макартура» к экспедиции. И теперь, дожидаясь окончания церемонии, Род очень жалел, что не сбежал из столицы, чтобы укрыться на корабле от всей этой светской суеты. Год или около того ему предстоит работать под началом адмирала Кутузова, и у него складывалось впечатление, что адмирал не особенно доволен капитаном подчиненного ему крейсера. Сам Кутузов, кстати, на церемонию не явился, что многие заметили.

Заметили, но никто в общем-то не расстроился. Крупный, плотного сложения адмирал отличался довольно тяжеловесным чувством юмора. Выглядел он так, словно сошел со страницы учебника по истории России, и говорил примерно в таком же духе. Отчасти это объяснялось тем, что он вырос на Св. Екатерине, но главную роль тут играл его собственный выбор. Кутузов тратил долгие часы, изучая древние русские обычаи, и многие из них использовал, чтобы придать больше достоверности созданному для себя образу. Мостик его флагманского корабля украшали иконы, в каюте стоял самовар, а своих десантников он заставлял разучивать пляски, довольно точно — в его понимании — имитирующие старинные казацкие.

В Космофлоте его считали в высшей степени компетентным и преданным офицером, готовым выполнить любой приказ, но при этом настолько лишенным человеческого сострадания, что в его присутствии люди порой чувствовали себя очень неуютно. Поскольку и Космофлот, и Парламент официально одобрили его приказ

уничтожить мятежную планету — Имперский Совет пришел тогда к выводу, что эти суровые меры предотвратили восстание всего сектора, — Кутузова по-прежнему приглашали на светские приемы, но никто не расстраивался, когда он отклонял приглашение.

— Главной проблемой для нас будут все эти его русские штучки, — высказал предположение Синклер, когда офицеры «Макартура» обсуждали своего нового адмирала.

— Ну, я скажу, они ничуть не хуже шотландских штучек, — заметил старший помощник Каргилл. — По крайней мере, он не заставляет нас учить русский язык и отлично говорит на англиканском.

— Означают ли твои слова, что мы, шотландцы, говорим на каком-то другом языке? — начал заводиться Синклер.

— Это уж ты сам догадайся, — ответил Каргилл, но тут же опомнился: — Ну, разумеется, нет, Сэнди. Иногда, когда ты слишком взволнован, я тебя не совсем понимаю, но... Знаешь, давай-ка лучше выпьем.

Это надо было видеть: Каргилл подмазывается к Синклеру! Хотя причина ясна. Пока корабль ремонтировали на Верфях Новой Шотландии люди Макферсона, Каргилл изо всех сил старался не раздражать старшего механика, а то еще выяснится потом, что старшему помощнику в связи с переделками на корабле теперь нет каюты, или еще что-нибудь похуже...

Вице-король Меррилл обращался к Роду. Прогнав воспоминание, он попытался понять, о чем речь.

— ...я и говорю, капитан, что не вижу в этом никакого смысла. С таким же успехом мы могли провести церемонию на планете. Разве что само благословение, ваше преосвященство...

— Корабли, случалось, покидали Новую Шотландию и без моего благословения, — задумчиво произнес кардинал, — но ни разу не приходилось им выполнять задачу, которая ставит Святую Церковь в столь трудное положение. Впрочем, это теперь забота молодого Харди.

Кардинал указал рукой на экспедиционного капеллана. Дэвид Харди был чуть не в два раза старше Рода и — номинально — имел такое же звание, так что «молодой» — понятие относительное.

— Итак, вы готовы?

— Да, ваше преосвященство, — ответил Род и кивнул Келли.

— Экипаж, СМИ-ИРНА!

Гомон стих, но не сразу, а лишь спустя несколько секунд: сказывалось присутствие на борту штатских.

Кардинал достал из кармана узкую епитрахиль, поцеловал кайму и накинул на шею. Капеллан Харди вручил ему серебряное ведерко и аспергер, жезл с полым шаром на конце. Кардинал Рэндольф макнул жезл в ведерко и окропил водой собравшихся офицеров и команду.

— Окропи меня, и буду чист; омой меня, и буду белее снега... Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу...

— ...и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь, — автоматически отозвался Род. Что это, действительно вера? Или просто пример дисциплины? Он не мог решить, но так или иначе был рад, что кардинал прилетел. Кто знает, что будет с «Макартуром»? Вдруг поможет...

Когда гости заняли свои места на флаере, зазвучали сирены. Команда «Макартура» бросилась прочь с ангарной палубы, а Род шагнул в шлюзовую камеру. Взвыли насосы, откачивающие воздух из помещения ангарной палубы, а затем распахнулись огромные створы. «Макартур» тем временем остановил вращение, и центральные маховики загудели еще громче. Если бы на флаере улетали только военные, его можно было бы запустить и не тормозя «Макартур» — по изогнутой эффектом Кориолиса траектории. Но с вице-королем и кардиналом на борту такой вариант исключался. Посадочный шлюп поднялся и со скоростью всего полтора метра в секунду вылетел между раскрытыми шлюзовыми створами.

— Закрыть и опечатать, — коротко приказал Род. — Приготовиться к ускорению.

Он повернулся и поплыл в невесомости к мостику. За его спиной через все свободное пространство ангарной палубы потянулись раздвижные стяжки, распорки, тросы. Ангарные палубы на военных кораблях вообще устроены очень сложно: разведывательный шлюп, случается, запускают в несколько минут, и ему нужно свободное пространство, но в то же время огромное пустое помещение не должно нарушать жесткости конструкции: мало ли что может произойти в боевых условиях. Теперь же, с дополнительными шлюпами научной группы, со своими собственными и со всеми контейнерами ангарная палуба напоминала запутанный лабиринт.

В жилых и рабочих отсеках корабля тоже царила неразбериха. Четкие действия экипажа, который всегда знал, что делать после стартового предупреждения, сводились на нет бестолковой суетой в коридорах, где разместились штатские. Одни, перепутав стартовый сигнал с боевой тревогой, кинулись натягивать армированные скафандры, другие просто путались под ногами в переходах, не зная, куда себя деть. Старшины выходили из себя: орать на штатских вроде бы не положено, но надо же что-то с ними делать.

Род добрался наконец до мостика, решив на этот раз не вмешиваться. Спустя какое-то время офицеры и боцманы разобрались со штатскими и один за другим, несколько сконфуженные, стали докладывать о готовности к началу ускорения. Трудно их винить за то, что не могут приучить исследовательский персонал к порядку, подумал Род, но так оставлять это тоже нельзя. Более того, если сейчас им спустить, штатские вообще от рук отобьются. Министру естественных наук и его людям он, конечно, пригрозить наказанием не

может, но, если со своими обойтись построже, глядишь, и ученых проймет, догадаются, в чем дело... Стоит, во всяком случае, попробовать... Взглянув на экран, где под потолком кают-компании барахтались в невесомости двое десантников и четверо лаборантов, Род выругался про себя и решил, что попробует непременно. Что-то нужно с этим делать.

— Сигнал с флагмана, сэр. Приказано держать курс за «Редпайнсом».

— Принято, мистер Поттер. Мистер Реннер, принимайте управление и следуйте строго за танкером номер три.

— Слушаюсь, сэр. — Реннер улыбнулся. — Отбыли наконец. Жаль, по уставу не положено по такому случаю шампанского.

— Я думаю, у вас других забот хватит. Адмирал Кутузов приказал, чтобы мы соблюдали в пути, как он говорит, надлежащий строй.

— Слушаюсь, сэр. Я еще вчера обсудил все вопросы с навигатором «Ленина».

— Хорошо.

Род откинулся на спинку кресла. Нелегкий будет полет, подумалось ему. Все эти ученые на борту... Доктор Хорват настоял на своем участии, и, видимо, от него всякого можно ожидать. На «Макартуре» появилось так много штатских, что большинству офицеров пришлось селиться по двое в и без того маленьких каютах; младшие лейтенанты развесили свои гамаки в кают-компании вместе с гардемаринами; десантники разместились в тренировочном зале, а в их кубриках сложили научное оборудование. Род уже начал жалеть, что Хорвату не удалось убедить Кранстона включить в состав экспедиции десантный транспорт, где большую часть корабля занимают именно кубрики.

Однако Адмиралтейство поставило на этой идее крест: в состав экспедиции, мол, войдут только корабли, способные себя защитить. Танкеры будут сопровождать «Ленин» и «Макартур» до Глаза Мурчисона, но к Мошке отправляются лишь два боевых корабля.

Принимая во внимание, что научный персонал не привык к высоким перегрузкам, Кутузов приказал ограничиться ускорением в 1,2 g. Роду приходилось участвовать в бесконечных обедах, что устраивали ученые, разбирать конфликты между экипажем и штатскими, а также отбивать настойчивые попытки доктора Бакмана, астрофизика экспедиции, монополизировать все свободное время Салли Фаулер.

Первый прыжок прошел как обычно. Точка перехода к Глазу Мурчисона располагалась на редкость удачно. За долю секунды до Прыжка в иллюминаторы «Макартура» светила яркая белая точка

Новой Каледонии, сразу после ее место занял ярко-красный диск размером с баскетбольный мяч на расстоянии вытянутой руки.

Флотилия двинулась в глубь системы.

Гэвин Поттер договорился с Хорстом Стейли поменяться гамаками. За это ему пришлось целую неделю стирать за двоих, но оно того стоило: гамак Стейли висел рядом с иллюминатором.

Вернее, когда сила тяжести создавалась вращением, он висел не рядом, а над иллюминатором, врезанным в цилиндрический «пол» кают-компании. Поттер ложился лицом вниз и с наивной улыбкой на вытянутом лице подолгу разглядывал сквозь сетку гамака проплывающие по кругу звезды...

Уитбрид лежал в своем гамаке в диаметрально противоположном конце кают-компании. Он уже несколько минут наблюдал за Поттером и наконец заговорил:

— Мистер Поттер...

Гардемарин-новобранец лишь повернул голову.

— Да, мистер Уитбрид.

Заложив руки за голову, Уитбрид задумчиво продолжал наблюдать за ним. Он прекрасно понимал, что чувства, которые вызывает у Поттера завораживающе огромный диск Глаза Мурчисона, лучше не трогать, но не мог удержаться. Тем не менее, несмотря на все подколки, Поттер оставался неизменно вежлив. Сколько он, интересно, будет еще терпеть?

Время от времени офицеры устраивали на борту «Макартура» званые вечера, обеды и прочие увеселения, но теперь там и без гардемаринов хватало участников. Гардемаринам приходилось развлекать себя самим.

— Поттер, как я помню, вас перевели на «Макартур» с Дагды, перед тем как мы отправились на перехват зонда...

Что-то в голосе Уитбрида заставило Хорста Стейли, тоже свободного от дежурства, перевернуться в гамаке — бывшем гамаке Поттера — и прислушаться. Уитбрид заметил это, но не подал виду. Поттер наконец повернулся к ним и моргнул.

— Да, мистер Уитбрид, верно.

— Знаете, кто-то все-таки должен вам сказать... Никто ведь до сих пор об этом не подумал... Во время вашего первого же полета на борту «Макартура» мы чуть не нырнули в звезду типа F8. Надеюсь, это не испортило вам впечатлений от службы.

— Отнюдь. Я до сих пор не могу этого забыть, — вежливо ответил Поттер.

— Я, собственно, вот к чему это говорю: на самом деле мы далеко не в каждом рейсе падаем на звезды. Скорее даже редко. Я подумал, что надо вам все-таки объяснить...

— Но, мистер Уитбрид, разве мы сейчас не собираемся повторить этот маневр?

— В смысле? — Такого поворота Уитбрид не ожидал.

— Ни одному кораблю Первой Империи не удалось найти точку перехода от Глаза Мурчисона к Мошке. Видимо, они и не очень старались, но можно предположить, что какие-то попытки делались, — серьезным тоном произнес Поттер. — Я совсем недавно в космосе, но это не означает, что я какой-нибудь неуч, мистер Уитбрид. Глаз Мурчисона относится к классу красных супергигантов, это очень рыхлая звезда размерами с орбиту Сатурна в Солнечной системе. И вполне вероятно, что точка перехода к Мошке — если она вообще существует — находится внутри звезды. Вы согласны?

Хорст Стейли приподнялся на локте.

— Похоже, он прав. По крайней мере это объясняет, почему она до сих пор не отмечена на картах. Все знали, где ее следует искать...

— Но никто не захотел этим заниматься. Разумеется, он прав, — без энтузиазма согласился Уитбрид. — И мы как раз туда направляемся. Боже! Опять...

— Вот именно, — сказал Поттер, улыбнувшись, и снова отвернулся к иллюминатору.

— Ну надо же, какое совпадение! — проворчал Уитбрид. — Можете мне не верить, но, честное слово, в Космофлоте это случается не чаще, чем в двух рейсах из трех... — Он на секунду умолк. — И даже так получается слишком уж часто.

Флотилия остановилась у размытой короны Глаза Мурчисона. На таком расстоянии от центра звезды ее тяготение почти не ощущалось, и можно было не думать об орбите: пройдут долгие годы, прежде чем корабль действительно упадет на звезду.

Танкеры состыковались с боевыми кораблями и начали перекачивать горючее.

Между Горацием Бери и астрофизиком Бакманом возникла странная и какая-то... зыбкая, что ли, дружба. Бери время от времени задумывался, чего же Бакману на самом деле от него нужно...

Глядя на Бакмана — худого, угловатого, костлявого, — можно было подумать, что он попросту забывает есть, причем по нескольку дней кряду. Никто и ничто из того, что Бери считал реальным миром, его в общем-то не интересовало. Люди, время, власть, деньги — для Бакмана все это служило лишь средствами, которые можно использовать для изучения внутренней, тайной жизни звезд. Зачем такому человеку компания торговца?

Бакман любил поговорить, а времени слушать у Бери было хоть отбавляй. Последние дни «Макартур» напоминал потревоженный улей — дикая суета, и все сидят друг у друга на головах. Может быть, ему нравится эта просторная каюта, где можно даже пройтись из угла в угол?

«А может, — цинично рассуждал Бери, — ему нравится мой кофе». Бери взял с собой более десятка сортов кофейных зерен, собственную кофемолку, собственные фильтры и прекрасно понимал, насколько его кофе отличается от корабельного, который заваривается в огромных перколаторах, что стоят в кают-компаниях...

Набил поставил перед ними чашки, но они продолжали смотреть на экран. Танкер, заправлявший «Макартур», в поле зрения камеры не попадал, зато «Ленин» и второй танкер были отлично видны: на размытом алом фоне зависли в центре экрана два вытянутых черных эллипсоида, связанных серебряной пуповиной.

— На самом деле это вовсе не так опасно, мистер Бери, — говорил доктор Бакман. — Вас, видимо, беспокоит, что мы погружаемся в солнце? Вообще-то так оно и есть. Но по массе Глаз Мурчисона ненамного больше Каледа или любой другой желтой звезды-карлика. Это просто раскаленный докрасна вакуум. Разумеется, кроме ядра звезды; оно, вероятно, очень маленькое и очень плотное. По пути мы наверняка узнаем много нового...

Устремленный куда-то в бесконечность взгляд Бакмана горел огнем. Бери искоса поглядывал на него и не переставал удивляться. Ему и раньше доводилось встречать людей с таким вот взглядом, но не часто. Этих никакими деньгами не соблазнишь.

Бери в общем-то нуждался в компании Бакмана не больше, чем тот в его, но с ним он чувствовал себя на удивление спокойно, и это ощущение ему нравилось.

— Я-то думал, вам уже все про Глаз известно, — сказал он.

— Вы имеете в виду исследования самого Мурчисона? Слишком много с тех пор утеряно архивов, а тем сведениям, что сохранились, не всегда можно верить. Сразу после Прыжка я включил свою аппаратуру, и знаете, тут невероятно высокая доля тяжелых частиц в солнечном ветре. А гелия — просто чудовищное количество! Корабли Мурчисона, как мы знаем, никогда не входили в корону Глаза, но как раз там нас и ждут самые удивительные открытия. — Бакман вдруг нахмурился. — Надеюсь только, наши датчики выдержат. Приходится ведь размещать их за пределами Поля Лэнгстона, а мы в этом раскаленном тумане еще долго проторчим. А если Поле вдруг отключится, то погибнет вообще вся аппаратура...

Бери уставился на него в недоумении, затем расхохотался.

— Да уж, доктор, это наверняка.

До Бакмана даже не сразу дошло, в чем дело.

— А-а! Я понял! Вы имеете в виду, что и мы тогда тоже погибнем? Об этом я как-то не подумал.

Прозвучал сигнал готовности к ускорению. «Макартур» направлялся в глубь звезды.

Из интеркома донесся неразборчивый голос Синклера:

— Рапорт о состоянии техчасти, капитан. Все системы работают нормально. Поле держит прекрасно: снаружи оказалось не так жарко, как мы думали.

— Отлично. Спасибо, Сэнди, — ответил Род, наблюдая, как удаляются к звездам танкеры... С каждой секундой они становились все меньше, и вот уже сами превратились в крохотные яркие точки, которые можно разглядеть разве что в телескоп.

На соседнем экране лишь яркое белое пятно в пылающем тумане — «Ленин», ведущий экспедицию вперед, в разгорающееся красное марево. Именно экипажу «Ленина» было поручено отыскать точку Олдерсона — если, конечно, она тут вообще есть.

— ...однако рано или поздно Поле, без сомнения, начнет стравливать энергию внутрь, — продолжал говорить Синклер. — Здесь некуда ее излучать, и она будет накапливаться. В сражении все иначе, но даже так мы протянем по крайней мере семьдесят два часа. Что будет после, трудно сказать; нет данных. До нас никто на этот безумный трюк не решался.

— Да.

— А может, и решались, — радостным тоном заявил Реннер: он следил за разговором, сидя за своей консолью. «Макартур» шел с ровным ускорением, но на всякий случай навигатор оставался на своем посту: тонкая фотосфера Глаза оказывала гораздо более сильное сопротивление, чем они ожидали. — Я думаю, Мурчисон мог на такое решиться. Да и корабли у Первой Империи были получше.

— Что ж, может быть, Мурчисон нас опередил, — рассеянно произнес Род. «Ленин» на экране уходил вперед, прокладывая дорогу «Макартуру», и Род чувствовал беспричинное раздражение: ему казалось, что первым должен был идти «Макартур»...

Старшие офицеры спали прямо у своих консолей: если Поле накопит слишком много энергии, все равно никто уже не сможет ничего сделать. Оставаясь в кресле, Род чувствовал себя гораздо спокойнее, но в конце концов и он пришел к выводу, что торчать на мостике решительно незачем.

Поступил сигнал с «Ленина», и «Макартур» заглушил двигатели. Зазвучали сирены, корабль начал вращаться. Затем снова сирены — на этот раз они возвещали, что переориентация силы тяжести закончена. Экипаж и пассажиры стали выбираться из своих противоперегрузочных коек и ремней безопасности.

— Снимите вахту на кормовом мостике, — приказал Род.

Реннер встал и от души потянулся.

— Вот и все, капитан. Конечно, нам придется сбросить скорость, когда фотосфера станет плотнее, но это не проблема. Нас и так трением притормозит. — Он склонился над экранами и забегал пальцами по клавиатуре. — До плотности, скажем, атмосферы тут далеко, но среда уже гораздо плотнее солнечного ветра.

Это Блейн и сам понимал. «Ленин» по-прежнему двигался на расстоянии четырех тысяч километров впереди, почти на границе зоны видимости приборов, но теперь двигатели были отключены, и он снова превратился на экране в черную черточку с размытыми раскаленным туманом очертаниями.

А Глаз Мурчисона тем временем обволакивал их все плотнее и плотнее.

Род оставался на мостике еще около часа, но потом решил, что напрасно держит людей на постах.

— Мистер Реннер.

— Да, сэр.

— Можете сдать дежурство. Пусть вас заменит мистер Кроуфорд.

— Слушаюсь, сэр.

Реннер отправился в свою каюту. Он-то понял, что на мостике делать нечего, еще пятьдесят восемь минут назад. Теперь горячий душ и спать. В нормальной постели вместо этого чертова кресла...

На трапе, ведущем к его каюте, как всегда, оказалось много народу. Кевин Реннер целеустремленно протискивался сквозь толпу, но тут кто-то оступился и, падая, чуть не сбил его с ног.

— Черт! — рявкнул он. — Впрочем, извините.

Незадачливый пассажир вцепился в его лацканы и поднялся с пола.

— Доктор Хорват, верно?

— Приношу свои извинения. — Министр естественных наук отступил на шаг назад, безуспешно пытаясь отряхнуться. — До сих пор никак не привыкну к этому вращению. Да и не один я. Проклятая сила Кориолиса...

— Нет. Во всем виноваты локти, — ответил Реннер, вновь со своей привычной улыбочкой. — Локтей на этом корабле ровно в шесть раз больше, чем людей, доктор. Я считал.

— Забавное наблюдение, мистер... Реннер, если я не ошибаюсь? Навигатор Реннер. Так вот, мистер Реннер, смею вас уверить, эта скученность мешает моим людям не меньше, чем вам. Если бы мы могли не путаться у вас под ногами, мы бы... Но тут ничего не поде-

лаешь. Данные о Глазе Мурчисона собрать просто необходимо. Неизвестно, когда еще нам представится такая возможность.

— Я понимаю, доктор, и совершенно с вами согласен. А сейчас, если позволите...

Хорват снова вцепился в его лацканы. Реннер уже начал думать, что никогда не доберется до горячего душа и чистой постели.

— Одну минуту, я вас очень прошу... — Хорват на миг умолк, словно не мог решиться сказать что-то важное. — Мистер Реннер, вы ведь были на борту, когда «Макартур» захватил зонд?

— А как же!

— Мне необходимо с вами поговорить.

— Сейчас? Доктор, я могу понадобиться капитану в любую секунду...

— Это очень важный разговор.

— Но, как вы, очевидно, заметили, мы проходим сквозь фотосферу звезды, — возразил Реннер, успев подумать: «И я не был в душе три дня, как вы, очевидно, тоже заметили».

Хорват глядел на него умоляющим взглядом, и Реннер сдался.

— Ну хорошо, доктор. Только давайте отойдем с прохода.

В каюте Хорвата оказалось так же тесно, как и на всем корабле, но по крайней мере там были обычные стены, а не переборки. Более половины экипажа «Макартура» сочли бы это ничем не заслуженной роскошью, но Хорват, судя по его недовольному виду и невнятным извинениям, когда они вошли в каюту, не понимал, как ему повезло.

Он поднял кровать к одной стене и опустил на противоположной два сиденья.

— Садитесь, мистер Реннер. Есть несколько моментов, касающихся той операции по захвату зонда, которые до сих пор меня беспокоят, и ваши беспристрастные оценки могли бы мне очень помочь. Вы ведь, как я понимаю, не кадровый военный...

Навигатор не стал отрицать. Раньше он служил помощником капитана в торговом флоте и, набравшись опыта на военном корабле, планировал как можно скорее вернуться туда же, только уже капитаном.

— Э-э-э... — начал Хорват, садясь на краешек откидного сиденья, — как по-вашему, мистер Реннер, так ли на самом деле было необходимо атаковать зонд?

Реннер рассмеялся.

Хорват стерпел, но выглядел он при этом так, словно проглотил устрицу целиком.

— Ладно, — сказал наконец Реннер. — Мне не следовало смеяться. Вас ведь с нами там не было. Вы в курсе, что зонд падал прямо на Калед, чтобы добиться максимального торможения парусом?

— Да, конечно, и я понимаю, что вам пришлось делать то же самое. Но это что, действительно так опасно?

— Доктор Хорват, за этот рейс капитан удивил меня дважды. До глубины души удивил. Когда зонд атаковал нас, я, чтобы мы не сгорели, собирался выводить «Макартур» из светового конуса в обход паруса. Может быть, я и успел бы, может, нет. А капитан приказал вести корабль *сквозь* парус. Блестящая мысль, и, строго говоря, мне следовало додуматься до этого самому. В общем, он просто гений. Правда, еще и маньяк-самоубийца.

— Как это?

На лице Реннера промелькнул, казалось, уже забытый страх.

— Ему ни в коем случае не следовало даже пытаться взять зонд на борт. Мы и так потеряли слишком много времени. Еще немного — и мы просто врезались бы в солнце. И я бы ни за что не поверил, что нам удастся поймать эту штуковину так быстро...

— Блейн сам это сделал?

— Нет. Он поручил работу Каргиллу. Которому нет на борту равных, когда дело касается маневров с высокими ускорениями. Это очень важно, доктор. Капитан выбрал самого лучшего спеца и не стал ему мешать делать дело.

— А вы бы, будь ваша воля, дали ходу?

— Мгновенно и без всяких угрызений совести.

— Но Блейну все-таки удалось забрать зонд. Что ж. — Хорват скривился, словно на язык ему попало что-то кислое. — Однако перед этим он приказал атаковать его. Важнейшее...

— Они атаковали первыми.

— Но это сработала метеоритная защита!

— Ну и что?

Хорват плотно сжал губы.

— Я вам так скажу, доктор... Предположим, вы оставили свою машину на склоне холма и забыли зафиксировать тормоз или хотя бы повернуть колеса, чтобы она не скатывалась. Машина скатилась и задавила четырех человек. Что вы по этому поводу думаете?

— Ужасно. Но к чему вы клоните?

— Эти мошкиты ничуть не глупее нас с вами, согласны? Отлично. Так если уж они разрабатывают метеоритную защиту, должен кто-то подумать о том, чтобы она не стреляла по космическим судам, а?

Хорват долго сидел не шевелясь, а Реннер с тоской думал о том, что горячей воды в офицерской душевой может и не хватить. Кислое выражение лица, он заметил, было для Хорвата совершенно естественным: морщины на его лице словно ждали, когда министр опять скривится. Наконец Хорват оторвался от своих мыслей и сказал:

— Благодарю вас, мистер Реннер.

— Всегда пожалуйста, — ответил Реннер, вставая.

И тут завыли сирены.

— О Боже, это меня, — успел сказать Реннер и бросился на мостик.

Они зашли уже довольно далеко — настолько далеко, что газообразный кисель вокруг пожелтел. Индикаторы Поля Лэнгстона тоже светились желтым и даже начинали зеленеть.

Все это Реннер заметил с ходу, стоило только взглянуть на экраны мостика. Затем он посмотрел на расчетные траектории на своих экранах: линкора нигде не было.

— «Ленин» уже прыгнул?

— Да, сэр. Мы следующие, — ответил рыжеволосый Уитбрид, улыбаясь от уха до уха.

Блейн влетел на мостик, даже не касаясь перил.

— Принимайте управление, мистер Реннер. На вашем месте сейчас должен быть штурман.

— Слушаюсь, сэр. — Реннер повернулся к Уитбриду: — Вы свободны.

Его пальцы забегали по клавиатуре и тут же, едва на экране появились данные, нажали одну за другой несколько кнопок. Завыли сирены.

— ПРЫЖКОВЫЕ ПОСТЫ — ПРИГОТОВИТЬСЯ! ЗАНЯТЬ БОЕВЫЕ ПОСТЫ! ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВЫСОКОМУ УСКОРЕНИЮ!

«Макартур» уходил навстречу неведомому.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ТОЧКА БЕЗУМНОГО ЭДДИ

13. Взгляд вокруг

Она первой обнаружила пришельцев.

Она изучала бесформенную массу каменного астероида, который оказался состоящим в основном из пустых помещений. Некоторые ранние цивилизации высекали комнаты, укромные уголки, емкости и складские помещения, затем объединяли их в комнаты и помещения больших размеров, пока астероид не превращался в каменный улей. Все это происходило очень давно и не представляло для нее интереса.

В более поздние века астероиды имели дюжины углублений в своих конструкциях. Толстые стены постепенно утончались, чтобы химическим путем получать из камня воздух. Но сейчас здесь не

было воздуха, как нигде не было металла. Высохшие мумии и камень... камень... Еще немного — и не осталось бы ничего для Инженера.

Она вышла через отверстие в стене астероида: все воздушные шлюзы были закрыты и заварены вакуумной сваркой, а спустя некоторое время после этого кто-то забрал их металлические рабочие части.

Оказавшись снаружи, она увидела их, очень далеко, как крошечную мерцающую искру света напротив Угольного Мешка. Это было ценное наблюдение. Все было ценным наблюдением.

Инженер вернулась к своему кораблю.

Поначалу ей показалось, что телескоп и спектрометр вышли из строя. Там были две золотистые черточки и какая-то масса внутри каждой из них, но что-то закрывало от ее взгляда эту массу внутри. Инженер принялась терпеливо работать со своими приборами, перенастраивая и переградуируя их; ее руки трудились с неуловимой скоростью, ведомые инстинктами тысячи Циклов.

Нужно было проникнуть сквозь силовое поле — теперь у нее был прибор, способный сделать это.

Нечетко, но все же она видела крупные объекты.

Не веря себе, она посмотрела еще раз.

Металл. Огромное количество металла.

Она снялась немедленно. Нужно было осмотреть сокровище. Инженер была не очень-то свободна в своих поступках.

Сквозь красный туман, стараясь вернуть себе власть над своим предательским телом после выхода в обычное пространство, Род увидел торопливую деятельность. Связь с «Лениным» была устойчивой, и Род вздохнул свободнее. Ничего угрожающего не было, и он мог насладиться зрелищем.

Первое, что он увидел, был Глаз. Глаз Мурчисона был чудовищно красным, ярче, чем сотня полных лун, и по-прежнему одиноким на черном бархате Угольного Мешка.

На другой стороне неба ярчайшей из океана звезд была Мошка. Все системы показывали одно и то же: множество звезд и одно далекое солнце. С правого борта виднелось яркое пятно: это был «Ленин», чье Поле Лэнгстона излучало энергию, набранную в Глазе.

Адмирал Кутузов провел последнюю проверку и снова вызвал Блейна. Пока имелась вероятность опасности, ученые на борту «Макартура» были под его опекой. Род приказал подать кофе и стал ждать информации.

Поначалу было чрезвычайно мало такого, чего бы он уже не знал. Мошка была всего в тридцати пяти световых годах от Новой Каледонии, и имелось множество наблюдений, часть из которых

подписал сам Джаспер Мурчисон. Звезда типа G2, менее энергетичная, чем Солнце, более холодная, меньшего диаметра и чуть менее массивная. Сейчас она не проявляла почти никакой активности, и астрофизики считали ее скучной.

Род знал о газовом гиганте еще до того, как они стартовали. Астрономы прошлого пришли к выводу о его существовании на основании возмущений орбиты Мошки вокруг Глаза. Зная о нем, они сейчас нашли этот гигант там, где и ожидали. Он был тяжелее Юпитера, но меньше, более плотный, с ядром из вырожденной материи. Пока ученые работали, военные проложили курс к этому газовому гиганту — на случай, если какому-нибудь кораблю потребуется дозаправка. Черпать водород из атмосферы газового гиганта, двигаясь по гиперболической орбите, было тяжелым испытанием и для корабля, и для команды, но все же это было лучше, чем сесть на мель в чужой системе.

— Сейчас мы изучаем троянские точки, капитан, — сказал Бакман Роду через два часа после перехода.

— Никаких признаков планеты Мошки?

— Пока нет. — И Бакман отключился.

Почему Бакмана заинтересовали троянские точки? В шестидесяти градусах впереди газового гиганта находились две точки устойчивого равновесия, называемые троянскими по троянским астероидам, располагающимся в подобных точках на орбите Юпитера. Миллионы лет они собирали пылевые облака и скопления астероидов. Но почему именно они интересовали Бакмана?

Астрофизик позвонил снова, когда нашел троянцев.

— Они полны! — воскликнул он. — Каждая из них представляет собой систему из беспорядочно расположенных астероидов, причем в одной хлама гораздо больше, чем в другой. Удивительно, почему они не сформировались в пару лун...

— Вы уже нашли обитаемую планету?

— Пока нет, — ответил Бакман, и экран погас.

Прошло три часа после перехода.

Вновь он вышел на связь спустя полчаса.

— У этих астероидов в троянских точках *очень* высокое альбедо, капитан. Они должны быть покрыты пылью. Это может объяснить, как могли быть захвачены такие большие обломки. Облака пыли тормозили их, потом ровно отшлифовали...

— Доктор Бакман! В этой системе есть обитаемая планета, и нам жизненно важно найти ее. Это первая разумная раса...

— Будь я проклят, капитан, мы ведем наблюдение! Мы ведем наблюдение! — Бакман взглянул в одну сторону, потом в другую. Экран на мгновение потемнел, показывая только техника на заднем плане, а затем Блейн увидел перед собой министра по науке Хорвата, который сказал:

— Прошу прощения за вмешательство, капитан. Насколько я понял, вы недовольны методами наших исследований?

— Доктор Хорват, я не хочу вмешиваться в ваши дела. Но вы забрали все мои инструменты и рассказываете мне только об астероидах. Разве вы наблюдаете за одним и тем же?

Хорват ответил очень спокойно:

— Это не сражение, капитан. — Он помолчал. — В бою вы знаете свою цель. Вам, вероятно, известна эфемерность планет любой системы...

— Черт побери! Наблюдение моей команды всегда быстро обнаруживает планеты!

— Прямо сразу же, капитан?

— Нет.

— Давайте посмотрим фактам в лицо. До тех пор пока мы не обнаружили газовый гигант и троянские астероиды, мы не представляли точного плана системы. По приборам, найденным в зонде, мы пришли к выводу, какая температура нравится мошкитам, а из этого сделали заключение, как далеко от солнца может находиться их планета. И все-таки нам нужно изучить тороид с радиусами в сто и двести километров. Вы следите за моей мыслью?

Блейн кивнул.

— Мы занимаемся изучением всего этого региона. Нам известно, что планета не прячется за солнцем, потому что мы находимся над плоскостью системы. Но когда мы закончим фотографирование, нам придется проверить это огромное звездное поле в поисках одной световой точки, которая нужна нам.

— Возможно, я жду от вас слишком многого.

— Возможно. Мы все работаем так быстро, как только можем. — Он улыбнулся — спазм, который поднял все его лицо на долю секунды, — и исчез.

Через шесть часов после перехода Хорват позвонил снова.

— Нет, капитан, мы не нашли обитаемой планеты, но многочасовые наблюдения доктора Бакмана позволили обнаружить цивилизацию мошкитов. В троянских точках.

— Они обитаемы?

— Определенно да. Обе троянские точки буквально лучатся микроволновым излучением. Можно предположить их обитаемость и по высокому альбедо крупных болидов. Блестящая поверхность — естественный продукт цивилизации... Боюсь, что люди доктора Бакмана слишком много думали о понятиях мертвой Вселенной.

— Спасибо, доктор. Есть какие-нибудь послания, предназначенные для нас?

— Не думаю, капитан. Однако ближайшая троянская точка находится под нами в плоскости системы... примерно в трех миллионах километров. Я предлагаю идти к ней. Ввиду большой плотности

цивилизации в троянских точках может оказаться, что обитаемая планета не является действительным центром цивилизации мошкитов. Возможно, она подобна Земле. Или еще хуже.

Род был шокирован. Его самого Земля потрясла, хотя и было это не так давно. Нью-Аннаполис сохранялся как Дом Людей, и имперские офицеры знали, насколько насущной была важнейшая задача Империи.

И если бы люди не получили Движитель Олдерсона перед последними земными сражениями, а ближайшая звезда находилась бы в тридцати пяти световых годах вместо четырех... «Страшно даже подумать об этом!»

— Согласен. Это также только предположение, капитан. Но в любом случае имеется соседняя жизнеспособная цивилизация, и я думаю, что мы должны идти к ней.

— Я только на минутку. — На четвертом экране появился старший дежурный по связи Лад Шаттак, возбужденно жестикулируя.

— Мы использовали приемо-передающий сферический локатор, шкипер, — закричал Шаттак на весь мостик. — Смотрите, сэр!

Экран показал черное пространство с булавочными точками звезд и голубовато-зеленую точку, кружащуюся по индикаторному световому кольцу. Потом точка мигнула. Дважды.

— Мы нашли обитаемую планету, — удовлетворенно сказал Род и не в силах сдержаться добавил: — Все же мы обошли вас, доктор!

После долгого ожидания события пошли одно за другим.

Мир, похожий на Землю, вполне мог скрываться позади источника света и при этом находиться в пространстве, которое изучали люди Хорвата. Свет маскировал все, что находилось за ним, но это не привело в замешательство связистов. Выискивание сигналов было их работой.

Команды Каргилла и Хорвата работали вместе, отвечая пульсациями. Один, два, три, четыре — мигал свет, и Каргилл, используя передние батареи, отвечал — пять, шесть, семь. Спустя двенадцать минут свет просигналил: три один восемь четыре одиннадцать, потом повторил еще раз, и корабельный компьютер дал ответ: p в двенадцатой степени. Используя компьютер, Каргилл нашел «е» (основание натурального логарифма) в той же степени и ответил им.

Однако это была только внешняя сторона. Настоящее послание звучало так: МЫ ХОТИМ ГОВОРИТЬ С ВАМИ, а ответ «Макартура» был: ОТЛИЧНО. Оставалось только ждать уточнений.

Тем временем был готов уже второй вывод.

— Это свет ядерного синтеза, — сказал навигатор Реннер, наклонившись ближе к своему экрану. Его пальцы наигрывали на контрольном пульте странную беззвучную музыку. — Это не Поле Лэн-

гстона. Ну конечно... они окружают оболочкой водород, инициируют его и отбрасывают назад. Обычная плазменная бутылка. Это не так горячо, как наши двигатели, имеющие меньшую эффективность. Если я все понял правильно, выхлоп направлен от нас.

— Вы думаете, корабль направляется на встречу с нами?

— Да, сэр. Он невелик. Дайте мне несколько минут, и я назову вам его ускорение. Пока же его можно принять за одно g... — пальцы Реннера пробежались по кнопкам еще раз, — ...а массу оценить примерно в тридцать тонн. Потом можно будет уточнить цифры.

— Слишком большой, чтобы быть ракетой, — задумчиво сказал Блейн. — Может быть, встретим его на полпути, мистер Реннер?

Реннер нахмурился.

— Это вопрос. Он нацелен туда, где мы находимся сейчас. Мы не знаем, сколько у него топлива и насколько сообразителен его пилот.

— И все-таки спросим. Дайте мне адмирала Кутузова.

Адмирал был на своем мостике. Экран показывал бурную деятельность за его спиной.

— Я видел это, капитан, — сказал Кутузов. — Что вы собираетесь делать?

— Я хочу встретить этот корабль. Но в случае, если он не изменит свой курс, а мы не сможем перехватить его, он придет сюда. «Ленин» мог бы подождать его.

— Для чего, капитан? У меня четкие инструкции. «Ленин» не должен иметь никаких дел с чужаками.

— Но вы можете послать шлюпку, сэр. Гичку с вашим человеком, которую мы перехватим. Сэр.

— Сколько, по-вашему, у меня шлюпок, Блейн? Я повторю вам инструкции. «Ленин» здесь, чтобы охранять тайну Движителя Олдерсона и Поля Лэнгстона. Выполняя задачу, мы не только не должны связываться с чужаками, но не можем переговариваться и с вами, если разговор могут перехватить.

— Да, сэр. — Блейн смотрел на плотного мужчину на своем экране. Неужели у него совершенно нет любопытства? Неужели можно быть настолько машиной? — Мы идем к чужому кораблю, сэр. Доктор Хорват хочет этого во что бы то ни стало.

— Очень хорошо, капитан. Выполняйте.

— Да, сэр. — Род с облегчением выключил экран, затем повернулся к Реннеру: — Нам разрешили первый контакт с чужаками, мистер Реннер.

— А я думал, что ради этого мы сюда и прилетели, — сказал Реннер и тревожно взглянул на экран, чтобы убедиться, что адмирал исчез.

Гораций Бери только что покинул свою каюту — теоретически он не должен был никуда выходить, — когда на трапе появился Бакман.

Бери тут же изменил свои намерения.

— Доктор Бакман! Могу я предложить вам кофе?

Выпуклые глаза повернулись к нему, моргнули, сфокусировались:

— Что? О да, спасибо вам, Бери. Это должно разбудить меня. Нужно так много сделать... я могу заглянуть к вам всего на минуту...

Бакман опустился в гостевое кресло Бери, слабый, как скелет на экране дисплея. Глаза его были красны, веки наполовину опущены. Дыхание его было слишком громким, руки безвольно свисали. Бери невольно задумался, что покажет вскрытие, если Бакман умрет в эту минуту: истощение, недоедание или и то и другое?

Бери сделал трудный выбор.

— Набил, кофе. Для мистера Бакмана со сливками, сахаром и бренди.

— Бери, мне очень жаль, но в рабочее время... Впрочем, хорошо. Спасибо, Набил. — Бакман сделал маленький глоток, затем жадно отхлебнул из чашки. — Здорово! Спасибо, Бери, это должно разбудить меня.

— Похоже, вы нуждаетесь в этом. Обычно я никогда не мешаю хороший кофе с чистым спиртом. Доктор Бакман, вы ели?

— Не помню.

— Значит, нет. Набил, поесть нашему гостю. И быстрее.

— Бери, мы так заняты, что у меня действительно нет времени. Нужно изучить всю эту систему, не говоря уже о работе для Флота... прослеживание излучения нейтрино и этого проклятого света...

— Доктор, если бы вы сейчас умерли, большую часть ваших записей никогда не удалось бы прочесть, верно?

Бакман улыбнулся.

— Как это театрально, Бери. Но, полагаю, у меня есть несколько минут. Все, что мы делаем сейчас, — это ждем, когда этот световой сигнал кончится.

— Сигнал с планеты Мошки?

— Да, с нее. По крайней мере он идет с нужного места. Но мы не можем увидеть планету, пока они не отвернут лазер, а они этого не делают. Они говорят и говорят, а о чем? Что они могут сказать нам, если мы говорим на разных языках?

— Как они могут что-то сказать нам, пока не научили нас своему языку? Мне кажется, именно это они сейчас и делают. Кто-нибудь работает над этим?

Бакман издал дикое рычание.

— У Хорвата есть все приборы, поставляющие информацию Харди и лингвистам. До сих пор не было приличных наблюдений Угольного Мешка, и никто даже не приближался к нему! — Взгляд его смягчился. — Но мы можем изучать троянские астероиды. — Взгляд Бакмана устремился куда-то в бесконечность. — Там их слишком много. А пыли мало. Впрочем, я неверно выразился, Бери:

там мало пыли, чтобы захватить так много камней или отшлифовать их все. Мошкиты, вероятно, шлифуют их, они все должны находиться внутри этих камней... Излучение нейтрино прямо фантастическое! Но как они набрали такое количество скальных обломков?

— Излучение нейтрино? Это означает технологию ядерного синтеза.

Бакман улыбнулся.

— Думаете о возможностях торговли?

— Конечно. Иначе зачем бы я здесь оказался? — «Я был бы здесь, даже если Флот не дал мне понять, что альтернативой является официальный арест... Но Бакман этого не знает. Знает только Блейн». — Чем выше цивилизация, тем больше у нее вещей на продажу. — «И тем она жуликоватее. Но Бакмана не должны интересовать такие вещи».

— Мы могли бы работать гораздо быстрее, если бы военные не пользовались нашими телескопами. И Хорват разрешает им! О, отлично...

Вошел Набил, неся поднос.

Бакман ел как проголодавшаяся крыса, говоря между глотками:

— Конечно, не все военные проекты неинтересны. Чужой корабль...

— Корабль?

— Нам навстречу идет корабль. Вы не знали этого?

— Нет.

— Он вылетел с большого каменного астероида, расположенного в стороне от основного скопления. Очень яркого астероида. У него очень странная форма, как будто газ выходил сквозь скалу, которая...

Бери рассмеялся.

— Доктор, несомненно, чужой корабль более интересный объект, чем каменный астероид!

Бакман удивленно уставился на него.

— Почему вы так решили?

Черточки стали красными, потом черными. Явно эти штуки остывали: но как они сумели так разогреться вначале? Инженер остановилась, удивленная этим, когда одна из черточек направилась к ней. Внутри металлического корпуса был мощный источник энергии.

И они двигались самостоятельно. Кто же они такие? Инженеры, Мастера или бесчувственные машины? А может, это Посредник в каком-то непонятном деле? Она была обижена на Посредников, которые так легко и так безрассудно вмешивались в важную работу.

Возможно, черточки были Часовщиками, но скорее всего они принадлежали Мастерам. Инженер подумала о бегстве, но прибли-

жающиеся тела были слишком мощными. Их ускорение составляло 1,14 g — почти предел для ее корабля. Делать нечего — нужно встречать их.

Кроме того... весь этот металл! И в полезном виде, насколько она могла судить. Скопления были полны металлических артефактов, но в виде сплавов, слишком тяжелых для переработки.

Весь этот металл...

Эта штука должна была встретиться с ней, и разминуться было невозможно. У нее не было ни топлива, ни нужного ускорения. Инженер мысленно прикинула точки поворота. Впрочем, они могли сделать то же самое. К счастью, решение было единственным в своем роде, принимая во внимание постоянное ускорение. Это могло пригодиться для связи.

А в связи Инженеры были не очень-то сильны.

14. Инженер

Чужой корабль был компактной массой неправильной формы тускло-серого цвета, подобно куску модельной глины в руках гончара. Во все стороны без видимого порядка торчали разные отростки: кольцо крюков вокруг того, что Уитбрид называл кормой, яркая серебряная нить, подпоясывающая его среднюю часть, прозрачные выпуклости на носу и корме, чудовищно изогнутые антенны, а на корме — что-то вроде жала: шип во много раз длиннее корпуса, прямой и тонкий.

Уитбрид медленно двигался к кораблю. Он сидел в ракете «космос — космос», в кабине из поляризованного пластика, короткий корпус которой был покрыт толкательными пучками — множеством позиционных дюз. Уитбрид был обучен передвижению в космосе на таком экипаже. Он был по-детски легок в управлении, имел огромное поле зрения, был дешев, безоружен и не приспособлен для посадок на планеты.

И чужак мог видеть его, сидящего внутри. МЫ ПРИШЛИ С МИРОМ И НИЧЕГО НЕ СКРЫВАЕМ — именно об этом должен был сказать чужому вид Уитбрида, сидящего за прозрачным пластиком.

— Этот шип генерирует плазменное поле для движения, — сказал его коммуникатор. Экрана перед ним не было, но голос был Каргилла. — Мы следили за ним во время торможения. Втулкообразное возвышение под шипом, вероятно, впрыскивает водород в поле.

— Пожалуй, мне лучше держаться подальше от него, — сказал Уитбрид.

— Верно. Энергия Поля может разрушить все твои приборы. И заодно воздействовать на твою нервную систему.

Чужой корабль был сейчас очень близко. Тормозя, Уитбрид на мгновение включил двигатели. Позиционные струи производили звук, похожий на хлопки жарящейся кукурузы.

— Видно что-нибудь, похожее на воздушный шлюз?

— Нет, сэр.

— Открой свой собственный шлюз. Может, это подскажет ему ту же идею.

— Слушаюсь, сэр. — Уитбрид видел чужака сквозь переднее стекло его корабля. Он был неподвижен, наблюдал за ним и выглядел очень похоже на фотографии мертвеца из зонда. Джонатон Уитбрид видел кривобокую голову без шеи, гладкий коричневый мех, тяжелую левую руку, сжимающую что-то, и две гибкие правые руки, двигавшиеся очень быстро и делавшие что-то, чего он не видел.

Уитбрид открыл свой воздушный шлюз и стал ждать.

Во всяком случае, мошкит пока не пытался стрелять.

Инженер была очарована и не сразу заметила крошечный кораблик рядом с собой. В нем не было воплощено никаких новых принципов. Но зато большой корабль!

Вокруг него было какое-то странное поле, нечто такое, о чем она никогда не думала, что это возможно. Поле регистрировали полдюжины приборов Инженера. Для других силовая оболочка была почти прозрачна. Инженер знала о военном корабле достаточно для того, чтобы капитан Блейн пришел в ужас, узнав об этом, но для нее самой этого было мало.

Все эти приспособления! И металл...

Изогнутые двери маленького корабля вдруг открылись, и время от времени он ярко вспыхивал. Оба корабля излучали какие-то сложные электромагнитные поля, но сигналы, подаваемые ими, ничего не значили для Инженера.

Все ее внимание привлекали корабельные приспособления. Само поле, его интригующие и странные свойства, принципы, лежащие в основе его работы, — все служило пищей для догадок. Она бы согласилась провести остаток своей жизни, занимаясь этим делом. За один взгляд на генератор она бы согласилась умереть. Силы, движущие большой корабль, отличались от любой реакции синтеза, о которой когда-либо слышала Инженер, и, похоже, использовали свойства этой таинственной силовой оболочки.

Как же попасть на борт? Как пройти сквозь эту оболочку?

Интуиция, посетившая ее, была редким чувством для Инженера. Этот маленький корабль... было ли это попыткой поговорить с ней? Он пришел с большого корабля... значит...

Маленький корабль был связующим звеном с большим кораблем, с силовой оболочкой и ее технологией, и с тайной их внезапного появления.

Она забыла об опасности, забыла обо всем, кроме настоятельной необходимости узнать побольше об этом поле. Инженер открыла дверь своего воздушного шлюза и стала ждать, что произойдет.

— Мистер Уитбрид, ваш чужак пытался зондировать «Макартур», — сказал капитан Блейн. — Командор Каргилл говорит, что блокировал эти попытки. Он не испытывал какого-нибудь зондирования на вас?

— Нет, сэр.

Род нахмурился и потер переносицу.

— Вы уверены?

— Я слежу за приборами, сэр.

— Это хорошо. Вы меньше, но вы ближе. Вы думаете, что он...

— Воздушный шлюз! — крикнул Уитбрид. — Сэр, мошкит открыл воздушный шлюз!

— Я вижу. Рот, открывшийся в корпусе, — это вы имели в виду?

— Да, сэр. Оттуда никто не вышел. Через это отверстие я вижу всю кабину. Мошкит находится внутри. Разрешите войти, сэр?

— Гм-м... Хорошо. Только будьте осторожны. Оставайтесь на связи и... удачи вам, Уитбрид.

Джонатон на мгновение замер. Он почти надеялся, что капитан запретит это дело, как слишком опасное. Но, конечно, что такое гардемарин...

Уитбрид протиснулся в отверстие воздушного шлюза. Чужой корабль был очень близко. На глазах у всего своего корабля он оттолкнулся и вылетел в космос.

Часть корпуса чужого корабля растянулась, как кожа, образовав что-то вроде воронки. Странный способ делать воздушный шлюз, подумал Уитбрид. Пользуясь спинным реактивным двигателем, он притормозил, двигаясь прямо к воронке, прямо к мошкиту, стоявшему в ожидании встречи.

Чужак был покрыт мягким коричневым мехом и четырьмя широкими плетенками из черного волоса — по одной под каждой подмышкой и одна на паху.

— Никаких признаков того, что удерживает воздух внутри, — сказал Уитбрид в микрофон, — но, несомненно, он там есть. — Мгновением позже он понял, в чем там дело, попав в невидимые сети.

Воздушный шлюз закрылся у него за спиной.

Его чуть не охватила паника. Поймали, как муху в янтарь, — ни вперед, ни назад. Он находился в камере высотой 130 сантиметров —

по росту чужака, а тот стоял перед ним по другую сторону невидимой стены и с непроницаемым лицом смотрел на него.

Мошкит. Он был ниже того, погибшего в зонде, и цвет их был разным: у этого не было белых полос в коричневом меху. Имелись и другие, более тонкие, ускользающие различия... Возможно, между живым и мертвым или что-то еще.

Мошкит вовсе не был пугающим. Его гладкий мех походил на мех одного из доберманов-пинчеров, которых держала мать Уитбрида, но в отличие от собаки в нем не было ничего злобного. Уитбриду захотелось потрогать этот мех.

Лицо его было не более чем наброском, без выражения, за исключением безгубого рта, мягко изогнутого вверх в сардонической полуулыбке. Маленький, плоскостопный, с гладким мехом и почти ничего не выражающим лицом... Он выглядит как карикатура, подумал Уитбрид. Как можно бояться карикатуры?

Однако Джонатон Уитбрид был согнут в три погибели в пространстве слишком маленьком для него, а чужак ничего не делал, чтобы поправить положение.

Кабина была переполнена панелями и темными углублениями, и из теней на Уитбрида смотрели крошечные лица. Паразиты! Корабль кишел паразитами! Крысы? Запасы пищи? Мошкит нисколько не забеспокоился, когда один из них нырнул в отверстие, затем второй, третий зашевелились, перебираясь из угла в угол, подкрадываясь поближе, чтобы взглянуть на пришельца.

Это были большие существа. Гораздо более крупные, чем крысы, но значительно меньше человека. Они таращились из углов, любопытные, но робкие. Наконец одно подобралось поближе, и Уитбрид смог разглядеть его. То, что он увидел, заставило его задохнуться от удивления. Это был крошечный мошкит!

Это было трудное время для Инженера. Приход пришельца должен был ответить на вопросы, но вместо этого их стало еще больше.

Что он такое? Крупный, большеголовый, симметричный, как животное, но имеющий свой собственный корабль, подобно Инженеру или Мастеру. Никогда не было класса, подобного этому. Повинуется он или командует? Неужели его руки действительно так неуклюжи, как кажутся? Мутант? Монстр? Для чего он создан?

Его рот что-то говорил сейчас, видимо, в коммуникационный прибор, но это ничего не объясняло. Даже Посыльные могут говорить.

Инженеры не были приспособлены для принятия таких решений, но они могли ждать, пока появятся новые данные.

У Инженеров было бесконечное терпение.

* * *

— Здесь есть воздух, — доложил Уитбрид, глядя на датчики, видимые в зеркало, укрепленное на уровне его глаз. — Я не говорил об этом? Мне бы не хотелось попробовать вдохнуть его. Давление нормальное, кислорода около восемнадцати процентов, около двух процентов углекислоты, гелия достаточно для обнаружения, а...

— Гелия? Это странно. А как его много?

Уитбрид переключился на более чувствительную шкалу и подождал, пока анализатор заработает.

— Около одного процента.

— Что-нибудь еще?

— Есть и яды. SO_2, окись углерода, окиси азота, кетоны, алкоголь и некоторые другие вещества, которые прибор не различает. Цвет индикатора — мерцающий желтый.

— Значит, это не убьет вас мгновенно. Вы можете вдохнуть его и еще вовремя получить помощь, чтобы спасти свои легкие.

— Так я и думал, — сказал Уитбрид и начал ослаблять винты, крепящие лицевую пластину его шлема.

— Что это значит, Уитбрид?

— Ничего, сэр. — Уитбрид слишком долго находился в полусогнутом состоянии. Каждый сустав, каждый мускул его тела буквально вопили о прекращении этой пытки. А этот трижды проклятый мошкит по-прежнему стоял в своих сандалиях, слабо улыбался и смотрел, смотрел...

— Уитбрид?

Уитбрид сделал глубокий вдох и задержал дыхание. Затем, преодолевая слабое давление, поднял лицевую пластину, взглянул чужаку в глаза и заорал что было сил:

— Ради всего святого, убери наконец это проклятое силовое поле! — прокричав это, он вновь опустил пластину.

Чужак повернулся к контрольной панели и что-то сделал. Мягкий барьер перед Уитбридом исчез.

Уитбрид сделал два шага вперед и выпрямился, чувствуя боль в затекших суставах. Он провел в согнутом виде в этом замкнутом пространстве часа полтора, разглядывая полдюжины кривляющихся домовых и одного вежливого и терпеливого чужака, и был обижен на него.

Под лицевой пластиной остался воздух кабины чужака. Зловоние было такое, что он перестал дышать, затем полубессознательно фыркнул и сделал вдох: в любом случае нужно было определить, что это такое.

Он почувствовал запахи животных и машин, озона и бензина, горячего масла, дурной запах изо рта, запах потных носков, клея и

чего-то такого, чего никогда не чувствовал прежде. Запахов было невероятно много — и его вакуумный костюм, слава богу, уже очищал воздух.

— Вы слышали мой крик? — спросил он.

— Да, как и все на корабле, — ответил голос Каргилла. — Не думаю, чтобы на корабле был хоть один человек, не следящий за вами, если не считать Бакмана. Есть результат?

— Он убрал силовое поле. Немедленно. Как будто ждал, пока я напомню ему. Сейчас я нахожусь в кабине. Здесь все сделано вручную, даже контрольная панель. Но все сделано хорошо, чтобы мошкит чувствовал себя удобно. Я же слишком велик и боюсь пошевелиться. Все меньшие существа попрятались... хотя нет, одно выглядывает из угла. А большой ждет, глядя, что я буду делать. Я хочу, чтобы он прекратил это.

— Постарайтесь, чтобы он вернулся на корабль вместе с вами.

— Я попытаюсь, сэр.

Чужак понял его минуту назад — или это просто показалось? — но не понимал сейчас. Уитбрид напряженно думал. Язык жестов? Взгляд его остановился на чем-то, что было вакуумным скафандром мошкита.

Он потянул его с подставки, отметив его легкость: на нем не было ни оружия, ни брони. Уитбрид передал это чужаку, затем указал на «Макартур», видневшийся через стекло.

Чужак тут же начал одеваться. В считанные секунды он полностью облачился в этот скафандр, выглядевший, как десять мячей, склеенных вместе. Только рукавицы были более сложны, чем просто надутая сфера.

Затем он снял со стены прозрачный пластиковый мешок и резким движением поймал одно из миниатюрных существ. Мошкит сунул его в мешок головой вперед, не обращая внимания на сопротивление, повернулся к Уитбриду и молниеносно двинулся к гардемарину. Он был у него за спиной и уже начал движение назад, когда Уитбрид среагировал.

— Уитбрид! Что случилось? Отвечайте! — резко спросил другой голос. — Десант наготове.

— Ничего, командор Каргилл. Все в порядке. Я хочу сказать, что атаки не было. Я думал, что чужак хочет... но все было не так. Он сунул двух паразитов в пластиковый мешок и надул его с помощью воздушного вентиля. Одна из маленьких тварей сидела у меня на спине, а я даже не чувствовал этого.

— А сейчас чужак что-то делает, хотя я не понимаю что. Он *знает*, что мы отправляемся на «Макартур», — он надел скафандр.

— Что он делает?

— Снял крышку с контрольной панели... что-то отсоединяет... Секунду назад это была тонкая серебряная зубная паста, вытянув-

шаяся вдоль печатной схемы. Разумеется, я описываю только то, на что это похоже. А-а-а-а!

— Уитбрид?

Гардемарин оказался вдруг в центре урагана. Руки и ноги его задергались, когда он попытался ухватиться за что-нибудь прозрачное. Его тащило в сторону воздушного шлюза, а он никак не мог найти, за что ухватиться. А затем его окружила ночь, а вокруг завертелись звезды.

— Мошкит открыл воздушный шлюз, — доложил он. — Без предупреждения. Я снаружи, в пространстве. — Он раскинул в стороны руки, чтобы прекратить вращение. — Думаю, он выпустил наружу весь воздух. Вокруг меня дымка из ледяных кристаллов и... О Боже, это мошкиты! Хотя нет, они без скафандров. Это кто-то другой.

— Это, должно быть, маленькие существа, — сказал Каргилл.

— Верно. Он убил всех паразитов. Вероятно, он делал так не раз, освобождаясь от них. Он не знал, сколько времени пробудет на борту «Макартура», и не хотел, чтобы они размножались. Поэтому опорожнил корабль.

— Он должен был предупредить вас.

— Чертовски верное замечание! Прошу прощения, сэр.

— Все в порядке, Уитбрид? — Новый голос — капитана.

— Да, сэр. Я рядом с чужим кораблем. Ага! А вот и мошкит. Он прыгнул к ракете. — Уитбрид остановил свое вращение и повернулся, следя за мошкитом. Чужак плыл в пространстве, подобно грозди пляжных шаров, но гораздо изящнее. Внутри прозрачного пузыря виднелись две маленькие, яростно жестикулирующие паучьи фигурки. Чужак не обращал на них внимания.

— Точный прыжок, — буркнул Уитбрид. — Если не... О Боже! — Чужак затормозил и проплыл сквозь двери ракеты, не коснувшись их краев. — Он, должно быть, весьма уверен в своем чувстве равновесия.

— Уитбрид, значит, чужак внутри вашего корабля? Без вас?

Уитбрид вздрогнул, почувствовав язвительность голоса капитана.

— Да, сэр. Я следую за ним.

Чужак был уже на месте пилота, напряженно изучая переключатели. Вдруг он протянул руки и начал расстегивать застежки на краю пульта. Уитбрид вскрикнул и бросился вперед, схватив чужака за плечо. Тот не обратил на него внимания.

Тогда Уитбрид прижал свой шлем к шлему чужака.

— Черт возьми, оставь это в покое! — крикнул он, а затем указал на пассажирское место.

Чужак медленно поднялся, повернулся и уселся. Уитбрид взялся за рычаги и начал маневрировать, направляя машину к «Макартуру».

Он остановил корабль, только пройдя через отверстие, сделанное Синклером в Поле «Макартура». Чужой корабль скрылся из ви-

ду, оставшись по другую сторону корпуса военного корабля. Ангарная палуба была внизу, и гардемарину захотелось завести туда катер, чтобы показать наблюдающему чужаку свое умение, но он сдержался. Здесь его уже ждали.

С ангарной палубы показались люди в скафандрах, следом за ними тянулись кабели. Один из людей махнул Уитбриду, тот ответил, а спустя несколько секунд Синклер включил лебедку, и катер втянули на борт «Макартура». Как только он миновал двери ангара, новые кабели устремились к носу кораблика, таща его вовнутрь. Огромные двери закрылись.

Мошкит продолжал наблюдать. Все его тело вертелось из стороны в сторону, напоминая Уитбриду сову, которую он однажды видел в зоопарке Спарты. Самым удивительным было то, что крошечные существа в мешке чужака тоже наблюдали, подражая более крупному чужаку. В конце концов все они успокоились, и Уитбрид жестом указал на воздушный шлюз. Через толстое стекло видно было канонира Келли и дюжину десантников.

Перед Родом Блейном располагались двенадцать экранов, необходимых для контроля во время сражения, и поэтому каждый ученый на борту «Макартура» хотел сидеть рядом с ним. В качестве единственного возможного решения Род приказал очистить боевые корабельные посты и мостик от гражданского персонала. Сейчас он следил, как Уитбрид забирается в катер.

С помощью камеры, укрепленной на шлеме Уитбрида, Род видел чужака, сидевшего в пилотском кресле: его изображение увеличивалось по мере того, как гардемарин двигался к нему. Блейн повернулся к Реннеру.

— Вы видели, что он делал?

— Чужак пытался... Капитан, я готов поклясться, что он хотел нарушить управление катером.

— Мне тоже так показалось. — Встревоженно они смотрели, как Уитбрид ведет катер к «Макартуру». Блейн не винил парня за то, что тот не поглядывал на своего пассажира, пока управлял катером, но... Они ждали, пока кабели поймали катер в захват и лебедки втянули его в «Макартур».

— Капитан! — Это был Стейли, вахтенный гардемарин, но Род и сам видел все. Несколько экранов и пара вспомогательных батарей были наведены на катер, но все остальные силы следили за чужим кораблем. А тот вдруг ожил.

Вымпел голубого огня вспыхнул вдруг за кормой чужого корабля. Огонь стекал параллельно гибкому серебряному шипу, торчавшему сзади, а потом за кораблем появилась яркая белая линия.

— Корабль уходит, капитан, — доложил Синклер.

— Черт возьми! — Его собственные экраны показали то же самое: корабельные батареи отслеживали чужой корабль.

— Разрешите открыть огонь? — спросил офицер-артиллерист.

— Нет!

«Но что же произошло? — недоумевал Род. — Прошло уже какое-то время с тех пор, как Уитбрид прибыл обратно. Чужой корабль не мог уйти, как не мог сделать этого чужак...»

— Келли!

— Да, сэр?

— Отделение к воздушному шлюзу. Доставить Уитбрида и этого... в комнату для отдыха. Но вежливо, канонир. Вежливо, но так, чтобы он не ушел куда-нибудь.

— Слушаюсь, капитан.

— Номер Первый, — позвал Блейн.

— Да, сэр, — ответил Каргилл.

— Вы вели наблюдение через камеру на шлеме Уитбрида все время, пока он был на этом корабле?

— Да, сэр.

— Есть возможность того, что на борту имелся еще один чужак?

— Нет, сэр. Там не было места. Верно, Сэнди?

— Да, капитан, — ответил Синклер. — Кроме того, мы не видели дверей.

— Там не было никакой двери воздушного шлюза, пока она не открылась, — напомнил Блейн. — Было там что-нибудь вроде ванной?

— С правой стороны от воздушного шлюза было нечто вроде клозета.

— Что ж, значит, у этой штуки есть автопилот. Вы согласны? Но мы не видели, чтобы он программировал его.

— Мы видели, что он фактически перенастроил управление, капитан, — сказал Каргилл. — *Боже мой!* Вы думаете, что так они управляют...

— Но у этих бестий нет ничего, что могло бы быть программируемым автопилотом, — пробормотал Синклер. — И его торопливость при этом... Капитан, вы думаете, что он *сделал* автопилот?

— А голубая вспышка в воздушном шлюзе чужого корабля? Для чего это было нужно?

— Убить тех паразитов, — предположил Синклер.

— Вряд ли. Это мог сделать вакуум, — ответил Каргилл.

Уитбрид вошел на мостик и стал по стойке «смирно» перед креслом Блейна.

— Прибыл по вашему приказанию, сэр.

— Хорошо сработано, мистер Уитбрид, — сказал Род. — Что вы думаете о тех двух паразитах, которых он принес на борт «Макартура»? Зачем они здесь?

— Не знаю, сэр. Может... из вежливости? Мы могли бы анатомировать их.

— Возможно. Если бы знать, что они такое... А сейчас взгляните сюда. — Блейн указал на свои экраны.

Чужой корабль развернулся, и белое пламя его двигателей прочертило дугу по небу. Похоже было, что он направляется обратно к троянским точкам.

И Джонатон Уитбрид был единственным живым человеком, побывавшим внутри него. Когда Блейн распустил экипаж с боевых постов, рыжеволосый гардемарин, вероятно, подумал, что тяжелое испытание позади.

15. Работа

У Инженера был широкий и безгубый рот с поднятыми вверх уголками. Это походило на счастливую полуулыбку, хотя и не было ею. Это было постоянное выражение ее карикатурного лица.

И все же Инженер была счастлива.

Счастье ее становилось все больше и больше. Проход через Поле Лэнгстона оказался новым ощущением, похожим на изучение черного пузыря замедленного времени. Даже без приборов это кое-что сказало ей о Поле, и теперь ей хотелось взглянуть на генератор.

Корабль внутри пузыря выглядел излишне грубо, однако был богат, очень богат! На ангарной палубе находились части, казалось, не прикрепленные к чему-то другому, механизмы настолько обильные, что их невозможно было использовать. Было и много такого, чего она не могла понять с первого взгляда.

Кое-что должно было быть структурными приспособлениями Поля или таинственного привода, работавшего в связи с Полем, но также были и явно новые изобретения для выполнения знакомых функций. По крайней мере новыми для наивного разума Инженера. Она узнала оружие: оружие на большом корабле, оружие на шлюпках, стоявших на ангарной палубе, личное оружие, которое носили чужаки, столпившиеся по ту сторону воздушного шлюза.

Это не было для нее сюрпризом. Она уже поняла, что этот новый класс отдает приказы, а не получает их. Естественно, у них должно быть оружие. У них должны быть даже воины.

Двойная дверь воздушного шлюза была слишком сложной, слишком легкой для сжатия, и на нее пошло слишком много металлов и материалов. Инженер знала, что нужна здесь, она видела это. Новому классу требовался Инженер, а на борту явно не было ни одного, раз они пользовались такими вещами, как эта. Она принялась разбирать механизм, но пришелец дернул ее за руку, и эту мысль пришлось оставить. У нее не было никаких инструментов, и она не

знала, что можно использовать, чтобы сделать их. Впрочем, для всего этого еще будет время...

Большинство пришельцев, таких похожих на первого, толпились вокруг нее. Они носили странные одеяния, похожие друг на друга, и были вооружены, но приказов не отдавали. Один из них попробовал заговорить с ней.

Неужели они не видят, что она не Посредник? Они были не очень-то сообразительны, эти примитивные представители нового класса. Но они отдавали приказы. Первый из них выкрикнул явно команду.

И они не могли говорить на Языке.

Положение не требовало от нее принятия решений. Инженеру нужно было только идти, куда поведут, исправлять и переделывать, когда представится удобный случай, и ждать Посредника. Или Мастера. А здесь так много нужно сделать, так много...

Комнату отдыха для старшин превратили в приемную для посетителей-чужаков, а старшины заняли одну из кают-компаний космодесанта. Были пущены в ход все приемы регулировки, чтобы разместить толпу гражданского персонала.

Для того чтобы быть лабораторией, комнате отдыха явно чего-то не хватало, но она была спокойной, имела множество проточной воды, краны в стенах, горячие плиты, а также возможность доставки закусок и напитков. Во всяком случае, там не было ничего вроде стола для анатомирования.

После недолгого совещания было решено не пытаться создать мебель, подходящую для чужаков. Все, что они могли сделать, было бы приспособлено для пассажира зонда, а это казалось абсурдом.

В комнате установили множество телекамер, поэтому, хотя там находилось лишь несколько ученых, почти каждый, бывший на борту, мог следить за происходящим в гостиной. Салли Фаулер ждала вместе с учеными и намеревалась завоевать доверие мошкита. Ее не заботило, что за ней наблюдают.

Когда все собрались, оказалось, что завоевать доверие мошкита очень легко. Он был доверчив, как ребенок. Первое, что он сделал, выйдя из воздушного шлюза, это разорвал пластиковый мешок, в котором сидели малыши, и передала их в первые руки, которые потянулись за ними. Больше он о них не беспокоился.

Он шел, куда его вели, двигаясь между космодесантниками, потом Салли взяла его за руку и ввела в двери приемной. По дороге он оглядывался по сторонам, вращаясь всем телом, подобно совиной голове. Когда Салли выпустила его руку, мошкит просто стоял, ожидая дальнейших инструкций, глядя по сторонам все с той же мягкой улыбкой.

Похоже было, что он не понимает жестов. Салли, Хорват и другие пытались заговорить с ним, но безрезультатно. Доктор Харди, священник-лингвист, начертил математические графики, но ничего не произошло. Мошкит не понимал их, и это его не интересовало.

Впрочем, его интересовали механизмы. Едва оказавшись внутри, он потянулся за оружием канонира Келли. После приказа доктора Хорвата десантник неохотно разрядил оружие и разрешил осмотреть один из патронов, а потом передал и сам пистолет. Мошкит разобрал его на части, к досаде Келли и развлечению остальных, затем собрал снова, несказанно изумив этим Келли. Потом он осмотрел руку десантника, сгибая пальцы до предела и изучая суставы, пользуясь своими пальцами, прозондировал мышцы и сложные кости запястья. Потом для сравнения проделал то же самое с рукой Салли Фаулер.

Вынув из своего пояса инструменты, мошкит принялся трудиться над рукоятью пистолета, делая ее из пластика, выдавливаемого из тюбика.

— Маленькие существа — самки, — объявил один из биологов. — Так же, как и большое.

— Женщина — астероидный шахтер, — сказала Салли, глядя куда-то вдаль. — Если они используют женщин для рискованных работ вроде этой, их культура весьма отличается от культуры Империи. — Она посмотрела на мошкиту, которая продолжала улыбаться.

— Лучше бы нам заняться изучением того, что они едят, — буркнул Хорват. — Не похоже, чтобы она принесла продукты с собой, а капитан Блейн сообщил мне, что ее корабль ушел в неизвестность. — Он взглянул на миниатюрных мошкитов, которые бродили по большому столу, обычно используемому для спетбола. — Конечно, если не они являются этими продуктами.

— Пожалуй, лучше не пытаться поджарить их, — заметил от двери только что вошедший Реннер. — Они могут быть детьми. Незрелыми мошкитами.

Салли от неожиданности резко повернулась, и прошло некоторое время, прежде чем к ней вернулась способность рассуждать здраво. Конечно, она не собиралась есть что-либо, не разобравшись, что это такое.

— Мистер Реннер, — сказал Хорват, — почему навигатор «Макартура» принимает участие в исследованиях внеземной биологии?

— Корабль не движется, и я свободен от дежурства, — сказал Реннер. Он явно решил не упоминать об отданном капитаном приказе, чтобы экипаж не мешал ученым. — Вы приказываете мне уйти?

Хорват задумался. Род Блейн на мостике так и сделал, но он не очень-то любил Хорвата. Министр по науке покачал головой.

— Нет. Но я считаю, что ваше предположение о маленьких чужаках было легкомысленным.

— Нисколько. Они могут потерять вторую левую руку точно так же, как мы теряем молочные зубы. — Один из биологов согласно кивнул. — А какие еще отличия у них есть? Размер?

— Онтогенез, приведший к женоподобию, — заметил кто-то, на что тут же последовал совет:

— Заткнулся бы ты, что ли!

Чужак отдала Келли его оружие и огляделась по сторонам. Реннер был единственным флотским офицером в комнате, поэтому чужак обратилась к нему и потянулась за его пистолетом. Реннер разрядил оружие и передал ей, а затем подчинился тому же тщательному изучению своей ладони. На этот раз мошкита работала гораздо быстрее, ее руки двигались с почти неуловимой быстротой.

— Я думаю, что это обезьяны, — сказал Реннер. — Предки разумных мошкитов. Это может означать, что вы тоже правы. На дюжине планет есть люди, которые едят мясо обезьян. Но мы едва ли можем осмелиться на это.

Мошкита работала с оружием Реннера, затем положила его на стол. Реннер поднял пистолет и нахмурился, потому что плоский приклад стал изогнутой формы, которая была тверда, как настоящий пластик, даже спусковой крючок был переделан. Реннер сжал рукоять в ладони и внезапно понял ее совершенство. Оружие стало как бы частью его руки и, казалось, целилось само.

Мгновение он наслаждался этим чувством, потом заметил, что Келли уже перезарядил и сунул в кобуру свое оружие. Пистолет был совершенен, и Реннер не хотел бы потерять его. Неудивительно, что десантник не сказал ни слова. Навигатор передал оружие Хорвату.

Пожилой министр по науке взял его.

— Наш гость, похоже, знаком с инструментами, — сказал он. — Конечно, я не знаток оружия, но оно выглядит сделанным точно по человеческой руке.

Реннер забрал пистолет обратно. Что-то не понравилось ему в комментарии Хорвата. Ему явно не хватало энтузиазма. Нет, пистолет подходит к его руке лучше, чем к руке Хорвата?

Мошкита оглядела комнату, вращаясь всем торсом, разглядывая каждого ученого и оборудование, и ждала, ждала...

Одно из миниатюрных существ село, скрестив ноги, перед Реннером, тоже глядя и ожидая. Оно вовсе не казалось испуганным. Реннер потянулся почесать его за ухом. За *правым* ухом. Как и у большого мошкита, левого уха у него не было; плечевые мышцы левой верхней руки крепились к верхушке головы. Похоже, существу нравилось почесывание. Реннер избегал касаться самого уха, такого большого и хрупкого.

Салли смотрела на него, думая, что делать дальше, и не понимая, что беспокоит ее в действиях Реннера. Не нелепость вида офицера, чешущего за ухом существо, которое, вероятно, было обезьяной, а что-то другое, что-то относительно самого уха...

16. Ученый-идиот

Доктор Бакман дежурил в обсерватории, когда мерцающий лазерный сигнал изнутри системы погас.

Действительно, там имелась планета размером с Землю, с искажающей бахромой прозрачной атмосферы. Он удовлетворенно кивнул: с такого расстояния можно было разглядеть множество подробностей. У военных было хорошее оборудование, и они хорошо использовали его. Некоторые из младших офицеров могли бы стать хорошими ассистентами астрономов, но, к сожалению, прозябали здесь...

Расположенная справа астрономическая секция продолжала работу, анализируя данные наблюдения за планетой, и Бакман вызвал капитана Блейна.

— Я бы хотел, чтобы вы вернули некоторых моих людей, — попросил он. — Они все толпятся вокруг комнаты отдыха, разглядывая мошкитов.

Блейн пожал плечами. Вряд ли он мог приказать ученым разойтись. Руководство Бакмана своим отделом было его собственным делом.

— Это лучше сделать вам, доктор. Всех интересует чужак. Даже моего навигатора, которому совершенно нечего делать внизу. А что можете сообщить вы? Эта планета землеподобна?

— Да. В первом приближении она меньше Земли, с водно-кислородной атмосферой. Но в ее спектре есть линии, которые заинтересовали меня. Линия гелия очень сильна, просто очень сильна. Я склонен не верить этим данным.

— Сильна линия гелия? Один процент или около того?

— Возможно, если расшифровка верна, но, честно говоря... А почему вы спросили об этом?

— В воздухе корабля мошкита был один процент гелия и какие-то странные редкие компоненты. Думаю, ваша расшифровка сделана правильно.

— Но, капитан, планета земного типа *не может* удержать такое количество гелия! Это, должно быть, подделано. Но еще хуже некоторые другие линии.

— Кетоны? Углеводородные соединения?

— Да!

— Доктор Бакман, думаю, вам лучше взглянуть на рапорт мистера Уитбрида об атмосфере корабля мошкита. Вы найдете его в компьютере. И снимите показания о количестве нейтрино.

— Это будет трудно сделать, капитан.

— И все же снимите их, — упрямо сказал Род костистому лицу, видневшемуся на экране интеркома. — Мы должны знать состояние их индустрии.

— Вы хотите воевать с ними? — фыркнул Бакман.

— Пока нет, — ответил Род и добавил: — Когда поднимете свои приборы, замерьте количество нейтрино на астероиде, с которого прибыл корабль мошкита. Он находится на краю скопления троянской точки, поэтому фоновое излучение вам не помешает.

— Капитан, это помешает моей работе!

— Я пошлю вам на помощь офицера. — Род на мгновение задумался. — Поттер! Я даю вам в помощники мистера Поттера. — Ему это должно понравиться. — Это необходимо сделать, доктор Бакман. Чем больше мы узнаем о них, тем легче нам будет разговаривать. Чем скорее мы сможем говорить с ними, тем скорее сможем интерпретировать свои собственные астрономические наблюдения. — Это должно на него подействовать.

Бакман нахмурился.

— Пожалуй, это правда. Я просто не подумал об этом.

— Отлично, доктор. — И Род щелкнул выключателем, прежде чем Бакман успел придумать новое возражение. Затем он повернулся к гардемарину Уитбриду, стоявшему в дверях: — Входите и садитесь, мистер Уитбрид.

— Спасибо, сэр. — Уитбрид сел. Стулья в наблюдательной кабине капитана были стальными каркасами с сетчатыми сиденьями, очень легкими и удобными. Уитбрид сел на самый край одного из них. Каргилл передал ему чашку кофе, которую тот принял обеими руками. Выглядел он болезненно напряженным.

— Расслабься, парень, — сказал Каргилл.

Никакого результата.

— Уитбрид, — произнес Род, — позвольте мне сказать вам кое-что. Каждый человек на этом корабле жаждет завладеть вашим мозгом, и не когда-то, а прямо *сейчас*. Я делаю это первым, потому что я капитан. Когда мы закончим, я передам вас Хорвату и его людям. Когда закончат они — если закончат, — вы будете освобождены от вахты. Вы, конечно, думаете, что сможете пойти спать, но это не так. Кают-компания ждет вашей истории. Они будут на какое-то время уходить с вахты, и вам придется повторить все полдюжины раз. Вы представляете эту картину?

Уитбрид был напуган — что и требовалось сделать.

— Вот и хорошо. Поставьте свой кофе в эту нишу. Отлично. Теперь откиньтесь назад, пока ваш позвоночник не коснется спинки стула. А теперь расслабьтесь, черт побери! Закройте глаза.

Удивленный Уитбрид сделал это и через секунду счастливо улыбнулся.

— Я выключил запись, — сказал Блейн — и это было правдой. — Официальное донесение вы сделаете потом. А сейчас мне нужны факты, впечатления, все, что вы захотите рассказать. Мне нужно решить, следует ли останавливать корабль мошкита?

— Мы еще можем это? Сэр?

Блейн взглянул на Каргилла. Старший помощник кивнул.

— Он улетел всего полчаса назад. Мы можем остановить его в любой момент из ближайших двух суток. У него нет защитного поля, помните? И корпус его показался нам довольно хрупким. Две минуты работы носовых батарей, и от него не останется даже пара.

— Или же, — сказал Блейн, — мы можем перехватить его, выключить двигатель и взять на буксир. Старший механик отдаст годовое жалованье, чтобы разобрать на части эту электромагнитную систему. Или, скажем, Имперская Торговая Ассоциация: эта штука отлично подойдет для разработки астероидов.

— Я против этого, — сказал Уитбрид, сидя с закрытыми глазами. — Если, конечно, у нас демократия, сэр.

— Ее нет, и адмирал склонен захватить этот корабль мошкита. Так думают и некоторые из ученых, но Хорват против этого. А почему против вы?

— Это будет первым враждебным актом, сэр. Я бы старался избегать этого, пока мошкиты не попытаются уничтожить «Макартур». — Уитбрид открыл глаза. — Но и в этом случае, чего нам бояться с нашим Полем? Мы находимся в их родной системе, капитан, и пришли взглянуть, сможем ли ужиться с ними. Я, во всяком случае, думаю, что сможем, сэр.

Каргилл хихикнул.

— Это похоже на высказывания Хорвата, верно, шкипер?

— Кроме того, сэр, чем этот корабль может помешать нам?

— Он идет домой один, вероятно с сообщением.

— Не думаю, чтобы там было послание, сэр. Он не сделал ничего, что могло бы быть записью, и вообще не говорил.

— Она, — уточнил Блейн. — Биологи говорят, что мошкит — женщина. Оба маленьких существа — тоже, и одна из них беременна.

— Беременна... Я должен был заметить это, сэр?

Блейн усмехнулся.

— Как вы могли заметить? И где? Вы даже не обратили внимания, что у всех маленьких существ по четыре руки.

— По четыре?..

— Не думайте об этом, мистер Уитбрид. Вы не видели послания, но вы просто не знаете, что мошкита запрограммировала — или собрала — автопилот, прежде чем корабль ушел. Да и сам пустой корабль может быть посланием. Мы готовы к гостям, Джек?

Каргилл кивнул.

— А если не мы, то можно держать пари, что готов «Ленин».

— Не рассчитывайте на слишком большую помощь от «Ленина», Номер Первый. Кутузов считает, что интересно посмотреть, сможет ли «Макартур» выстоять против мошкитов. Он не должен делать ничего, только наблюдать, а затем отправиться домой.

— Это... это не похоже на адмирала, сэр, — запротестовал Каргилл.

— Вы не сомневались бы в этом, если бы слышали его разговор с доктором Хорватом. Наш министр по науке уговаривал адмирала держаться в стороне, и Кутузов дал ему свое слово. — Блейн повернулся к гардемарину. — Уитбрид, вовсе не обязательно говорить об этом в кают-компании.

— Да, сэр.

— А сейчас, поскольку у нас есть время, посмотрим, что вы запомнили о корабле мошкиты. — Блейн коснулся переключателя, и несколько изображений чужого корабля появились на его стенных экранах. — Это то, что пока известно компьютеру, — объяснил Род. — Мы уже воссоздали внутренний вид корабля. Он не защищался от нашего зондирования и ничего не прятал, но это не значит, что все там легко можно понять.

Блейн взял световую указку.

— Здесь находится жидкий водород, а здесь — тяжелые машины. Вы видели что-нибудь из этого?

— Нет, сэр. Но эта задняя панель выглядела так, словно могла поворачиваться.

— Хорошо. — Блейн кивнул, и Каргилл набросал на экране эскиз.

— Так? — спросил старший помощник. — Отлично. — Он коснулся кнопки записи. — Теперь нам известно, что там было довольно много водородного топлива, скрытого в убежище. Двигатель корабля ионизирует его, разогревает и обогащает горячими парами углерода. Этим занимается большая часть машин. Где это было?

— Сэр, а разве не следовало бы быть здесь старшему механику?

— Он *должен* быть здесь, мистер Уитбрид, но, к несчастью, на корабле одновременно случаются десятки происшествий, и командор Синклер нужен везде. Он еще получит возможность встретиться с вами... Джек, не забудь об основах философии мошкитов. Мы создаем особые механизмы для каждой работы, а в том зонде все выполняло четыре или пять перекрывающих функций сразу. Может, поэтому мы видим так мало механизмов.

— Да, сэр... Но... капитан, этот корабль создан для выполнения минимального количества функций. *СОЗДАН*. А мы не можем подобрать оборудования для выполнения половины их.

— Да, с нашей технологией это невозможно, — задумчиво сказал Блейн. Затем усмехнулся широкой и дерзкой улыбкой молодого человека. — Мы, должно быть, выглядим как комбинация микро-

волновой печи, ионизатора топлива и сауны. Ну ладно, теперь сам чужак. Ваши впечатления, мистер Уитбрид. Она разумна?

— Она не поняла ничего из того, что я говорил. За исключением того случая, когда я заорал: «Убери силовое поле!» Это она поняла мгновенно. Но больше ничего.

— Ты слегка отредактировал это, парень, — сказал Каргилл, — но забудем об этом. И что ты думаешь? Что чужак понимает английский? Или что она прикидывается?

— Я не знаю. Она не понимала даже моих жестов, за исключением одного, когда я передал ей ее собственный скафандр... Это был хорошо понятый намек, сэр.

— Она может быть просто глупой, — сказал Род.

— Она — астероидный шахтер, капитан, — медленно сказал Каргилл. — Это можно сказать с достаточной уверенностью. По крайней мере это корабль астероидного шахтера. Крючья и зажимы на корме могут служить для подвешивания руды или содержащих воздух камней.

— И что? — вопросительно сказал Блейн.

— Я знал нескольких астероидных шахтеров, капитан. Они упрямы, независимы, уверены в себе и молчаливы. Они доверяют друг другу свои жизни, но не своих женщин или имущество. И они забывают, как говорят в других местах, во всяком случае, так это выглядит.

Оба с надеждой взглянули на Уитбрида, который сказал:

— Я не знаю, сэр. Просто не знаю. Она не глупа. Вы, должно быть, видели ее руки, копающиеся внутри панели, что-то переделывающие, создающие новые схемы, переградуирующие несколько приборов одновременно. Так это выглядело. Возможно... Может быть, наш язык жестов просто не сработал. А почему — я не знаю.

Род нажал пальцем на свой нос.

— Было бы удивительно, если бы он сработал, — задумчиво сказал он. — Это единственный экземпляр совершенно чужой расы. Если бы мы были чужаками и захватили астероидного шахтера, какие выводы мы могли бы сделать об Империи? — Блейн налил кофе в свою чашку, затем в чашку Уитбрида. — Ну что же, команда Хорвата более подходит для этих дел, чем мы. Пусть они и работают с мошкитами.

Салли Фаулер смотрела на мошкиту с чувством глубокого расстройства.

— Я не могу решить, кто из нас глуп — она или я. Вы видели, что произошло, когда я начертила ей доказательство теоремы Пифагора?

— Угу. — Реннер усмехнулся. — Она разобрала ваш карманный компьютер на части и снова собрала его. Она не нарисовала ничего. Все-таки кое в чем она глупа, — сказал он очень серьезно. — Я не

хочу оскорбить вас — вы заслуживаете всяческого доверия, — но она чертовски доверчива. Возможно, она руководствуется инстинктом самосохранения.

Салли кивнула, следя за работой мошкиты.

— Она гений в создании вещей, — сказал Реннер. — Но она не понимает языка, жестов и рисунков. Разве можно быть гением и слабоумным одновременно?

— Ученый-идиот, — буркнула Салли. — Это бывает у людей, но довольно редко. Дети-дебилы, которые могут извлекать кубические корни и решать в уме логарифмы. Математические гении, которые не умеют шнуровать свои ботинки.

— Это различие в восприятии, — заметил Хорват, занимавшийся изучением малых мошкитов. — Она поняла, что картина — это картина. Ваши рисунки... Боже правый, что там происходит?

Кто-то пронзительно кричал на трапе.

Каргилл вызвался проводить Уитбрида к ученым. Конечно, он не сомневался, что Уитбрид и сам найдет дорогу к комнате отдыха, куда поместили мошкитов, пока техники делали клетку для малышей, но Джека Каргилла мучило любопытство.

Где-то с середины трапа он впервые увидел чужака. Та разбирала кофейник кают-компании — злобный поступок, еще более дьявольский в сочетании с наивностью ее улыбки.

После крика Каргилла мошкита подалась назад, и старший помощник увидел, что уже слишком поздно. Крошечные винты и части были разбросаны по всему столу. Чужак разобрала трубу кофейника, вероятно, чтобы изучить технологию спайки. Обломки избирательного механизма были разложены в изящный узор. Мошкита сняла цилиндрическую оболочку, открыв находящийся под ней сварной шов.

Затем Каргилл заметил, что министр по науке машет на него рукой.

— Вы испугали чужака, — сказал Хорват низким голосом. — Выйдите, пожалуйста.

— Доктор, будьте добры, объясните мне...

— В другом месте. — Хорват направил его в другой конец комнаты. Каргилл мельком заметил миниатюрных чужаков, сидящих на корточках на игровом столе, окруженном членами научной группы и образцами продуктов: зерна, хлеба, моркови и сельдерея, размороженного сырого и жареного мяса.

— А теперь объясните, — сказал Хорват, — что означает ваше вторжение в...

— Этот монстр разобрал кофейник кают-компании!

— Нам еще повезло, — сказал не совсем к месту гардемарин Уитбрид. — Она пыталась разобрать на части четвертый воздушный шлюз, пока я не остановил ее.

— Все, что ее интересует, — это приборы и механизмы, — резко заметил Хорват, игнорируя возбуждение Каргилла. — В этом я в виде исключения согласен с адмиралом Кутузовым: чужаку нельзя разрешать смотреть на Движитель Олдерсона или генератор Поля. Похоже, она может понять, что это за вещь и как она действует, даже не касаясь ее.

— Никто и не думает об этом! — сказал Каргилл. — Но неужели вы не могли дать мошките что-нибудь другое? Этот кофейник уже наполовину отремонтирован. Никто не мог понять, как это сделать, пока Сэнди Синклер не закончил работу. А теперь мошкита разрушила некоторые части.

— Если их было так легко разрушить, следовало их укрепить, — разумно заметил Хорват. — Смотрите, мы можем дать вам один из кофейников из нашей лаборатории или один из наших кипятильников... Мисс Фаулер, чужак уже успокоилась? Э... Мистер... Уитбрид? Мы рады, что вы заглянули сюда, мы ждали вас, как единственного человека, общавшегося с чужаком. Командор Каргилл, пожалуйста, отойдите от мошкиты...

Но Каргилл был уже на полпути. Чужак слегка отступила, но Каргилл остановился за пределами ее досягаемости и время от времени сердито поглядывал в ее сторону, изучая свой разобранный кофейник.

Мошкита отодвинулась от Салли Фаулер. Она нашла конический пластиковый контейнер, наполнила его водой из крана и, пользуясь им, залила воду в кофейник. Один из стюардов кают-компании хихикнул.

Мошкита налила воду в две емкости, вставила сетки и стала ждать.

Изумленный стюард взглянул на Каргилла. Тот кивнул. Пользуясь мерной ложкой, парень очистил посудину от кофейной гущи и включил кофейник. Чужак внимательно следила за всем происходящим. То же самое делала и одна из малышей, несмотря на отвлекающие действия биологов, тыкавших ей в лицо морковь.

— Она делала это и прежде, глядя, как мы завариваем кофе, сэр, — сказал стюард. — Думаю, ей хочется кофе, но ученые вообще не предлагали его.

— Через минуту, Энни, — сказал Каргилл, — здесь может быть большой беспорядок. Будь готов убрать все. — Он повернулся к Салли: — Насколько хорошо этот монстр снова собирает вещи?

— Вполне хорошо, — ответила Салли. — Она собрала мой карманный компьютер.

Кофейник забурлил, и вода в индикаторной трубке стала коричневой. Каргилл нерешительно наполнил чашку и попробовал.

— Нормальный кофе, — сказал он и передал чашку мошките.

Она попробовала черное горькое варево, пронзительно вскрикнула и швырнула чашку в перегородку.

* * *

Салли увела Уитбрида в кладовую гостиной.

— Вы сделали так, что мошкита поняла вас. Как это было?

— Это было всего один раз, — сказал Уитбрид. — Может, она решила дать мне больше свободного места после того, как я открыл шлем и закричал?

Салли нахмурилась.

— Она просто *стояла* там. Похоже, она даже не знала, что вы пытаетесь говорить с ней, как не пыталась и ответить... — Она понизила голос, бормоча главным образом для себя: — Основная характеристика разумных видов в том, что они пытаются общаться. Уитбрид, как ваше имя?

Уитбрид был поражен.

— Джонатон, леди.

— Отлично, Джонатон, а я — Салли. Как мужчина женщине, скажите, что я, черт побери, делаю не так? Почему она не пытается заговорить со мной?

— Хорошо, Салли, — с готовностью отозвался Уитбрид. Ему нравилось произносить ее имя. К тому же она была старше его не более чем на два года. — Я могу придумать полдюжины причин для этого. Может быть, она читает мысли.

— И что она делает с...

— Она не знает нашего языка, не так ли? Может, она читает наши мысли только тогда, когда мы безумно кричим, как, скажем, я?

— Или командор Каргилл, — задумчиво сказала Салли. — Она отскочила от кофейника. Но ненадолго. Нет, я не верю в это.

— Я тоже. Я думаю, что она лжет.

— Лжет?

— Играет немого. Она не знает, что сказать нам, поэтому не говорит ничего. Тянет время. Ее интересуют наши машины, и это дает ей время изучать их.

Салли медленно кивнула:

— Один из биологов высказывал эту же идею. Что она ждет инструкций и изучает все, что может, пока они не пришли. Джонатон, как ее можно поймать на этом?

— Не думаю, что это возможно, — медленно сказал Уитбрид. — Как можно разоблачить разумную крысу, разыгрывающую немого, если вы до этого никогда не видели крыс?

— Дьявольщина! Что ж, нам остается только продолжать попытки. — Она нахмурилась, думая о представлении, устроенном мошкитой с кофейником, затем окинула Уитбрида долгим задумчивым взглядом. — Вы очень устали. Ступайте поспите, ведь нет ничего такого, о чем нужно было бы сказать нам немедленно.

— Нет. — Уитбрид зевнул. За его спиной послышался шорох чьего-то тихого передвижения, и оба быстро повернулись, но там никого не было. — Говорят, это мыши, — сказал Уитбрид.

— Как они могут жить на стальном корабле? — спросила Салли.

Уитбрид пожал плечами.

— Они попадают на борт с продовольствием, даже в личных вещах. Изредка мы освобождаем секции корабля, выводим экипаж наружу и открываем корабль. Но даже этим мы никогда не избавлялись от них полностью. А в этом полете, со всей этой толпой на борту, мы не сможем сделать даже этого.

— Интересно, — кивнула Салли. — Мыши могут жить почти везде, где может жить человек. Вы знаете, в Галактике мышей, наверное, так же много, как и людей. Мы приносим их почти на каждую планету. Джонатон, а может, малыши — мыши?

Уитбрид пожал плечами.

— Она явно не заботится о них и убила всех, кроме двух. Но зачем она привела их на корабль? И выбрала именно этих двух?

Салли снова кивнула.

— Мы видели, как она ловила их. — Она вдруг рассмеялась. — Вот удивится мистер Реннер, если они окажутся детьми мошкитов! Идите спать, Джонатон. Увидимся часов через десять или около того.

17. Выселение мистера Кроуфорда

Гардемарин Уитбрид добрался до своего гамака быстрее, чем ожидал. Он блаженно повалился на сетку, закрыл глаза... и тут же открыл один из них, почувствовав на себе чей-то взгляд.

— Да, мистер Поттер, — сказал он.

— Мистер Уитбрид, я буду вам очень обязан, если вы поговорите с мистером Стейли.

Это было совсем не тем, чего он ожидал. Уитбрид открыл второй глаз.

— Что?

— С ним что-то неладно. Вы знаете, каков он — скорее умрет, чем пожалуется. В последнее время он ходит как робот и почти не разговаривает, только вежливо отвечает на вопросы. И ест он в одиночку... Вы знаете его дольше меня, и я подумал, что вы могли бы выяснить причину.

— Хорошо, Поттер, я попробую. Когда проснусь. — Он закрыл глаза. Поттер был еще здесь. — В восемь часов, Поттер. Это не может быть *настолько* важно.

* * *

В другой части «Макартура» навигатор Реннер сидел в каюте, немного большей, чем его койка. Это была каюта третьего помощника, но двое ученых заняли каюту Реннера, и третий перебрался к офицеру из космодесанта.

Реннер сидел в темноте, и разум его судорожно искал что-то, что могло быть сном. Потом он включил свет и нащупал незнакомую панель интеркома. Рядовой, ответивший ему, проявил чудеса самоконтроля: он не выругался и не сделал еще чего-нибудь подобного.

— Дайте мне мисс Салли Фаулер, — сказал Реннер.

Рядовой сделал это безо всяких комментариев. «Робот он, что ли?» — подумал Реннер. Он примерно представлял себе, как сейчас выглядит.

Салли не спала. Вместе с доктором Хорватом они только что закончили устраивать мошкитов в каюте офицера-артиллериста. Ее лицо и голос, когда она произнесла: «Да, мистер Реннер?» — сказали навигатору, что он выглядит как помесь человека и крота — настоящий подвиг немногословного общения.

Реннер вскочил.

— Я кое-что вспомнил. Ваш карманный компьютер с вами?

— Конечно. — Она вынула его и показала.

— Пожалуйста, проверьте его для меня.

Лицо ее было маской удивления, когда Салли написала что-то на табло плоской коробки, стерла, небрежно изобразила простенькую задачу, затем более сложную, которая требовала помощи корабельного компьютера. После этого она вызвала из памяти корабля произвольные личные данные.

— Все работает нормально.

— Или я спятил, или вы видели, как мошкита разобрала эту вещь на части, а затем собрала снова.

— Ну да. Она сделала то же самое и с вашим оружием.

— Но с *карманным компьютером?* — Реннер изумленно таращился на нее. — Вам известно, что это невозможно?

Она решила, что он шутит.

— Нет, не известно.

— Так знайте, что это так. Спросите у доктора Хорвата. — Реннер отключился и снова лег.

Салли поймала доктора Хорвата, когда он возвращался в свою каюту, и спросила его о компьютере.

— Эти вещи — одна большая интегральная схема. Мы даже не пытаемся чинить их... — Хорват пробормотал что-то еще себе под нос.

Пока Реннер спал, Хорват и Салли разбудили ученых-физиков, и никто из них в эту ночь больше не ложился.

* * *

«Утро» на военном корабле — вещь относительная. Утренняя вахта длится от 4:00 до 8:00 — время, когда род человеческий обычно спит, но космос ничего не знает об этом. Независимо от времени суток на мостике и в машинном отделении должны находиться все необходимые люди. Как вахтенный офицер, Уитбрид стоял одну вахту из трех, но четкий список вахт «Макартура» был нарушен после ремонта. Джонатона освободили от утренней и предполуденной вахт, дав ему восемь великолепных часов сна, и все же, когда он проснулся, часы показывали девять.

— Ничего со мной не случилось, — запротестовал Хорст Стейли. — Не знаю, откуда у тебя взялась эта идея. Забудь о ней.

— О'кей, — мягко сказал Уитбрид. Он взял сок и овсянку и поставил их на свой поднос. Он стоял сразу же за Стейли в очереди в кафе.

— Впрочем, я ценю твой интерес, — сказал ему Стейли, и в голосе его не было ни следа эмоций.

Уитбрид согласно кивнул. Он поднял поднос и пошел следом за неестественно прямой спиной Стейли. Как и следовало ожидать, Хорст выбрал пустой стол. Уитбрид присоединился к нему.

В Империи имелись многочисленные миры, где доминирующей расой были белые кавказцы. На таких мирах плакаты, изображающие добровольцев Военного Космического Флота, очень походили на Хорста Стейли. Квадратный подбородок, холодно-голубые глаза, идеально симметричное лицо и не выражало никаких чувств, спина была прямой, плечи — широкими, живот — плоским и твердым, с рельефно выступающими мышцами. Внешне он разительно отличался от Уитбрида, которому предстояло всю жизнь бороться с лишним весом.

Они ели в молчании. Наконец, как будто случайно, чтобы что-то спросить, Стейли сказал:

— Как прошла твоя миссия?

Уитбрид был готов к этому.

— С переменным успехом. Худшие полтора часа мошкита провела, таращась на меня. Смотри. — Уитбрид встал, согнул колени и опустил плечи, как будто забираясь в невидимый гроб высотой 130 сантиметров. — Полтора часа в такой позе. — Он снова сел. — Пытка, скажу я тебе. Я ведь надеялся, что они выберут тебя.

Стейли покраснел.

— Я тоже был добровольцем.

— Это меня потрясло. Ты был тем, кто принял капитуляцию «Дерзкого».

— И позволил этому маньяку украсть мою бомбу!

Уитбрид опустил вилку.

— Ого?

— Ты не знал?

— Конечно, нет. Думаешь, Блейн рассказал об этом всему экипажу? Ты вернулся слегка потрясенный после этой миссии, и всем было интересно почему.

— Теперь ты знаешь. Какой-то болван пытался отказаться от своего слова, но капитан «Дерзкого» не позволил ему, хотя и мог. — Стейли изо всех сил потер руки. — Он вырвал у меня бомбу! И я позволил ему! Я бы отдал все за возможность... — Стейли внезапно встал, но Уитбрид быстро схватил его за руку.

— Сядь, — сказал он. — Я могу объяснить, почему тебя не выбрали.

— Ты можешь читать мысли капитана? — По молчаливому соглашению оба они говорили вполголоса. Внутренние перегородки «Макартура» были звукопоглощающими, и голоса звучали очень четко, если говорить тихо.

— «Угадай-ка» — хорошая практика для гардемарина, — сказал Уитбрид.

— И почему же? Из-за этой бомбы?

— Косвенно. Ты стремился проверить себя, но даже и без этого в тебе слишком много от героя, Хорст. Совершенная физическая форма, здоровые легкие — и никакого чувства юмора.

— У меня есть чувство юмора.

— Нет, это не так.

— Ты хочешь сказать, что его нет?

— Ни следа. Эта ситуация не требовала героя, Хорст. Нужен был человек, который не будет думать, что выглядит нелепо в какой-либо ситуации.

— Ты смеешься надо мной. Проклятие, я никогда не могу понять, когда ты говоришь серьезно, а когда нет!

— Сейчас не самое подходящее время. Я не шучу, Хорст. Слушай, я не могу объяснить этого. Ты видел все, верно? Салли говорит, что я был на всех экранах интеркомов, живой, в цвете и объемный.

— Да, это так. — Стейли коротко улыбнулся. — Мы видели твое лицо, особенно когда ты начал ругаться. Это было безо всякого предупреждения. Изображение немного скакнуло, потом ты заорал на чужака, и все сломалось.

— А что бы сделал ты?

— Не знаю. Но не это. Полагаю, выполнил бы приказ. — Ледяные глаза сузились. — Я не пытался бы кричать, если ты имеешь в виду именно это.

— Скажем, выстрел из лазера в пульт управления? Чтобы уничтожить защитное поле?

— Только после приказа.

— А как насчет языка жестов? Я провел некоторое время, жестикулируя и надеясь, что чужак поймет меня, но этого не произошло.

— Этого мы не видели.

— Вот я и говорю, — сказал Уитбрид, — что эта миссия требовала человека, готового выглядеть глупо в любой ситуации. Вспомни, сколько раз ты слышал смех, пока я вез мошкиту сюда.

Стейли кивнул.

— А теперь забудем об этом и подумай о мошкитах. Как у нее с чувством юмора? Понравится тебе смех мошкитов над тобой? Ты даже не можешь быть уверен, смеется она или нет: ты не знаешь, как это выглядит или звучит...

— Но ты выглядел нелепо.

— Всем известно, что ситуация требовала человека, способного узнать, смогут ли чужаки говорить с нами. Здесь не требовалось защищать честь Империи. Пройдет еще немало времени, прежде чем мы узнаем, с чем столкнулись. Еще будет место героям, Хорст. Как бывает всегда.

— Это успокаивает, — сказал Стейли. Он закончил завтрак, встал и быстро ушел, держась все так же прямо, оставив изумленного Уитбрида.

«Ну что ж, — подумал Уитбрид. — Я пытался. И, может быть...»

Комфорт военного корабля весьма относителен. Каюта офицера-артиллериста Кроуфорда была размером с его кровать. Когда кровать поднималась, у него была комната для переодевания и небольшая раковина, где можно было почистить зубы. Опуская кровать для сна, ему приходилось выходить в коридор, и, будучи человеком высоким, Кроуфорд научился спать, свернувшись клубком.

Кровать и дверь с замком на ней вместо гамака или ряда из многих коек — это комфорт. Кроуфорд пытался сохранить его, но все же его выселили. Сейчас он занимал катер «Макартура», а его помещение занял чужак.

— Она немногим более метра высотой, — рассудительно сказала Салли Фаулер. — Конечно, она поместится. И все же это только крошечная комната. Вы думаете, она может занять ее? Если нет, нам придется оставить ее в гостиной.

— Я видел каюту в ее корабле — она ничуть не больше. Она может занять ее, — сказал Уитбрид. Было слишком поздно пытаться спать в кают-компании, и он предпочел поговорить с учеными обо всем, что знал: по крайней мере будет объяснение, если Каргилл спросит, почему он надоедает Салли. — Полагаю, кто-то постоянно следит за ней по интеркому?

Салли кивнула. Уитбрид отправился за ней в гостиную ученых. Часть комнаты была перегорожена сеткой, за которой находились

обе малышки. Одна из них грызла кочан капусты, держа его перед собой всеми четырьмя руками, другая, беременная, с раздувшимся животом, играла карманным фонарем.

Очень похоже на обезьян, подумал Уитбрид. Он впервые получил возможность разглядеть этих крошек. Их мех был гуще и испещрен коричневыми и желтыми пятнами, тогда как у большого чужака был однородного коричневого цвета. Четыре руки были почти одинаковы: пять пальцев на левых и по шесть на правых, но руки и пальцы были одинаково гибки и имели одинаковое число суставов. Мышцы внешней левой руки были закреплены на верхушке черепа. Зачем, если не для увеличения усилий при подъеме тяжестей?

Когда он насмотрелся, Салли провела его к маленькому угловому столу, где биологи чесали свои затылки и громко спорили. Он взял кофе для них обоих и спросил у Салли о странной мускулатуре чужаков. Не то чтобы это очень интересовало его, но нужно было как-то начать...

— Мы считаем, что это рудимент, — сказала она. — Они явно не нуждаются в ней: их левые руки не приспособлены для тяжелой работы.

— Значит, маленькие существа не обезьяны! Они отпрыски большого.

— Или же кого-то еще. Джонатон, у нас уже есть по крайней мере две классификации. Смотрите. — Она повернулась к экрану интеркома, и на нем появилось изображение мошкиты.

— Она выглядит довольно счастливой, — сказал Уитбрид и усмехнулся при виде того, что сделала мошкита. — Мистеру Кроуфорду не понравится то, что она сделала с его койкой.

— Доктор Хорват не позволил остановить ее. Она может делать что угодно и с чем угодно, кроме интеркома.

Кровать Кроуфорда была укорочена и оконтурена. Контуры были чрезвычайно странными — не только из-за сложных суставов спины мошкиты, но и потому, что она, видимо, спала на правом боку. Матрас был разрезан и сшит, нижняя стальная рама изогнута и перекручена. Теперь там были два углубления для двух правых рук, яма для бедра и высокий гребень, служащий подушкой...

— Почему она может спать только на правом боку? — спросил Уитбрид.

— Возможно, она может защитить себя своей левой рукой, если ее потревожить во сне. Левая рука значительно сильнее.

— Может быть. Бедняга Кроуфорд. Возможно, она ждет, что он попытается ночью перерезать ей горло. — Он взглянул, как мошкита трудилась над верхней лампой. — У нее довольно односторонний разум, верно? Мы можем извлечь из этого большую пользу. Она может улучшить все, что угодно.

— Возможно. Джонатон, вы изучали эскизы анатомирования чужака?

Салли говорила, как школьная учительница. Она была достаточно взрослой для этого, но уж слишком хорошенькой, подумал Уитбрид, и сказал:

— Да, мадам.

— Вы видите какие-нибудь отличия?

— Цвет меха различен. Но это ничего не значит, ведь тот чужак был в анабиозе сотню лет.

— А еще?

— Второй, по-моему, выше. Впрочем, я бы не стал этого утверждать.

— Посмотрите на ее голову.

Уитбрид нахмурился.

— Я ничего не вижу.

Салли достала свой карманный компьютер. Тот слегка помедлил, сообщив, что данные находятся в памяти главного корабельного компьютера. Где-то в глубинах «Макартура» луч лазера двинулся по голографическим линиям. Корабельная память содержала все знания человечества о мошкитах, все, сколько их было. Найдя запрошенную Салли информацию, машина направила ее в карманный компьютер, и на экране появился рисунок.

Уитбрид изучил его, затем взглянул на экран и мошкиту.

— Ее лоб! Он покатый!

— Так же считаем и мы с доктором Хорватом.

— Это нелегко увидеть — голова у мошкиты такая кривобокая.

— Я знаю, но это есть. Мы считаем, что есть различия и в руках, но они слишком малы. — Салли нахмурилась, и три короткие морщины появились между карими глазами. Отправляясь в космос, она коротко подстригла свои волосы, и это, вместе с хмурым лицом, придавало ей очень ученый вид. Уитбриду это не нравилось. — Это дает нам три различных вида мошкитов, — сказала она. — И только четырех мошкитов. Это высокий темп мутаций, вам не кажется?

— Я... я не удивлен. — Уитбрид вспомнил лекции по истории священника Харди, которые тот читал гардемаринам во время полета. — Они в своей системе — как в ловушке, и, если у них была атомная война, им приходится жить с этим и дальше, верно? — Он подумал о Земле и содрогнулся.

— Мы не видим никаких признаков атомной войны.

— За исключением мутаций.

Салли рассмеялась.

— Ваши аргументы идут по кругу. И все же это не может остановить нас. Никто из этих трех типов не является калекой, Джонатон. Все они очень хорошо приспособлены, все здоровы, конечно за

исключением мертвеца, но его можно не считать. Вряд ли они послали бы на зонде калеку.

— Конечно, нет. Так в чем же вопрос?

— Вы видели их первым, Джонатон. Назовем существо в зонде — тип А. Какие были отношения между типами В и С?

— Не знаю.

— Но вы видели их вместе.

— Это не имеет смысла. Маленькие существа держались отдельно от большого, и оно ничего не имело против. Потом я дал понять большому, что хочу увести ее с собой на «Макартур». Она тотчас же поймала первых двух малюток, которые подвернулись под руку, обеспечила их безопасность и без предупреждения убила всех остальных!

Уитбрид сделал паузу, думая о вихре, который вышвырнул его из воздушного шлюза корабля мошкиты.

— А теперь скажите мне вы: кто такие эти маленькие существа? Любимцы? Дети? Но ведь она *убила* их. Паразиты? Тогда зачем спасла двух из них? Животные, употребляемые в пищу? Вы не пытались проделать это?

Салли скорчила гримасу. На ее хорошеньком лице отразились смешанные чувства.

— Проделать это? Поджарить одну из маленьких бестий и предложить большой? Будьте благоразумны.

Чужак в каюте Кроуфорда набрала пригоршню каких-то зерен и съела их.

— Жареная кукуруза, — сказала Салли. — Мы попробовали это сначала на маленьких. Может, для этого они и служат? Пробуют пищу?

— Возможно.

— Она ест и капусту тоже. Хорошо, что она не умрет от голода, но зато она может умереть от недостатка витаминов. Все, что мы можем, — это наблюдать и ждать... Надеюсь, что вскоре мы отправимся к родной планете чужаков. А пока, Джонатон, вы единственный человек, который видел изнутри корабль мошкитов. Было ли оконтурено сиденье пилота? Я видела его только мельком, через камеру на вашем шлеме.

— Оно было оконтурено. Фактически оно подходит для нее, как перчатка. И я заметил кое-что еще: пульт управления располагался справа от сиденья. Только для правых рук...

Оказывается, он заметил множество подробностей о чужом корабле, и это позволило ему находиться в приятном обществе Салли до заступления на вахту. Однако ничего из этого нельзя было использовать.

Уитбрид еще не успел занять свое место на мостике, когда доктор Бакман вызвал капитана.

— Корабль, Блейн, — сказал Бакман. — С обитаемого мира, с Мошки-1. Мы не обнаружили его до сих пор из-за того, что его скрывал этот чертов лазерный сигнал.

Блейн кивнул. Его собственные экраны показали корабль мошкитов девять минут назад. Команда Шаттака не хотела, чтобы гражданские хвастались, будто они внимательнее военных.

— Он подойдет к нам через восемьдесят один час, — сказал Бакман. — Его ускорение составляет 0,87 g, что является гравитацией на поверхности Мошки-1. Довольно странное совпадение. В целом он похож на первый корабль, только гораздо массивнее. Я дам вам знать, если мы получим еще какие-нибудь данные.

— Хорошо. Продолжайте наблюдение, доктор. — Блейн кивнул, и Уитбрид разъединил цепь. Капитан повернулся к своему помощнику.

— Сравните наши данные с полученными Бакманом, Номер Первый.

— Слушаюсь, сэр. — Каргилл несколько минут повозился с пультом управления компьютера. — Капитан?

— Да?

— Взгляните на время старта. Этот чужой корабль поднялся с планеты не более чем через час после нашего перехода.

Блейн присвистнул.

— Вы уверены? Скажем, двадцать минут, чтобы обнаружить нас, и сорок минут, чтобы подготовиться и стартовать. Джек, какой корабль может стартовать через сорок минут?

Каргилл нахмурился.

— Никогда не слышал о таком. Корабль Военного Космического Флота *может* сделать это, если весь экипаж на месте и в готовности.

— Точно. Я думаю, что к нам летит военный корабль, Номер Первый. Сообщите об этом адмиралу, затем Хорвату. Уитбрид, дайте мне Бакмана.

— Да? — Астрофизик выглядел встревоженным.

— Доктор, мне нужно все, что могут дать ваши люди об этом корабле. И немедленно. Кстати, что вы думаете о его странном ускорении?

— Это кажется достаточно очевидным. Они стартовали с Мошки-1 или с расположенного рядом спутника спустя сорок минут после нашего прибытия сюда. В чем заключается проблема?

— Если они взлетели так быстро, то это почти наверняка военный корабль. Иначе в это трудно поверить.

Бакман был тверд.

— Думайте что хотите, но математика неумолима, капитан. Или они стартовали через сорок минут, или... Сейчас корабль мошкитов примерно в двух миллионах километров по эту сторону Мошки-1... это может дать им больше времени... Но я не верю в это.

— Так же, как и я. И я хочу, чтобы вы поняли это, доктор Бакман. Что заставляет вас предположить, что у них было больше времени для старта?

— Дайте подумать... Вы же знаете, что я не могу думать в ракетных терминах. Моя область — скорее гравитационное ускорение. Гм... — Глаза Бакмана были удивительно пустыми. Одно мгновение он был похож на идиота. — Можно предположить движение по инерции и гораздо большее ускорение в стартовом устройстве. Гораздо большее.

— Как долго продолжалось движение по инерции?

— Несколько часов. Капитан, я не понимаю, что вас волнует. Почему они не могли бы запустить за сорок минут научно-исследовательский корабль? Почему обязательно военный? В конце концов «Макартур» и то, и другое, и это требует у вас чрезмерно большого времени для старта. Я был готов еще за несколько дней до него.

Блейн выключил экран. «Я еще сверну твою костлявую шею, — подумал он. — Меня будет судить Верховный суд, но я буду настаивать на необходимости убийства. Я отправлю повестку в суд каждому, кто знал его, и они будут вынуждены оправдать меня». Он коснулся переключателей.

— Номер Первый, что вы можете сказать?

— Они запустили этот корабль через сорок минут.

— Значит, это военный корабль.

— Так же думает и адмирал. Доктор Хорват не убежден в этом.

— Я тоже, но мы должны быть готовы ко всему. И мы должны знать о мошкитах больше, чем люди Хорвата могут узнать от нашего пассажира. Номер Первый, я хочу, чтобы вы взяли катер и отправились на астероид, с которого прибыла эта мошкита. Там нет никаких признаков активности, так что это должно быть вполне безопасно. Я хочу знать, что мошкита делала там. Это может дать нам ключ к разгадке.

18. Каменный Улей

Гораций Бери разглядывал маленького мошкита, играющего за проволочной загородкой.

— Они кусаются? — спросил он.

— Нет, — ответил Хорват. — Даже когда биологи брали у них пробы крови.

Бери удивленно уставился на него. Министр по науке Хорват считал себя хорошим знатоком людей — однажды он оставил науку и пошел в политику, которой научился очень быстро, — но он не мог измерить глубину мыслительных процессов Бери. Легкая улыбка торговца была только маской, скрываясь за которой он разглядывал мошкита, подобно Богу, судящему сомневающихся.

«До чего же они безобразны! — подумал Бери. — Какой стыд! Их нельзя держать, как маленьких любимцев, если...» — Он остановил течение своих мыслей и шагнул вперед, просунув руку в отверстие в заграждении, слишком маленькое, чтобы через него можно было выбраться.

— За ухом, — подсказал Хорват.

— Спасибо. — Бери было интересно, подойдет ли кто-нибудь из них изучить его руку. Подошел более худощавый, и Бери почесал его за ухом, делая это очень осторожно, поскольку ухо казалось весьма хрупким. Похоже было, что существу это нравится.

«Они будут ужасными любимцами, и продавать их можно за тысячи каждого, — подумал Бери. — В первое время. Пока не пройдет ощущение новизны. Лучше всего выбросить их всех на все планеты одновременно. Если их разводить в неволе и если мы сможем кормить их и продавать, пока люди не перестанут покупать...»

— О Аллах! Она забрала мои часы!

— Они любят разные механизмы. Видите тот карманный фонарь, который мы дали им?

— Это не важно, Хорват. Как мне получить обратно мои часы?

— Протяните руку и возьмите их. Или позвольте мне. — Хорват попытался сам, но ограждение было слишком велико, а мошкита не хотела отдавать часы. Хорват дрожал от возбуждения. — Я бы не хотел слишком сильно беспокоить их.

— Хорват, эти часы стоят восемьсот крон! Они не только показывают время и дату, но... — Бери сделал паузу. — Они еще и противоударные. Реклама утверждает, что удар, который сможет повредить их, убьет также и владельца. Вряд ли она сможет повредить их.

Мошкита изучала браслет часов внимательно и спокойно, и Бери удивился, как другие люди могли находить ее манеры очаровательными. Ни один домашний любимец не ведет себя так. Даже кошки.

— Вы снимаете их?

— Конечно, — ответил Хорват.

— Моя фирма может захотеть купить эти кадры. Для рекламных целей. — «Но это одна сторона», — подумал Бери. Сейчас к ним приближался корабль мошкитов, и Каргилл отправился куда-то на катере. Бери никогда не имел никаких дел с Каргиллом, но ведь был еще Бакман. В конце концов должна же быть какая-то отдача с того кофе, который выпил астрофизик.

Эта мысль наполнила его печалью.

Катер был крупнейшим экипажем на ангарной палубе корабля. Корпус его имел вверху плоскую площадку, которой катер прижимался к одной из стен ангара, и свои собственные входные туннели,

соединявшие воздушный шлюз катера с жилыми помещениями «Макартура», поскольку обычно в ангаре царил вакуум.

На борту катера не было генератора Поля Лэнгстона и Движителя Олдерсона, однако двигатель его был эффективным и мощным, а запас топлива довольно значительным даже без отделяющихся резервуаров. Защитное покрытие на его носу обеспечивало одно вхождение в земную атмосферу при скорости 20 километров в секунду или же множество, если они совершались на меньших скоростях. Катер был рассчитан на шесть человек, но мог нести и больше. Он мог передвигаться от планеты к планете, но не между звездами. Когда-то историю делали космические корабли меньших размеров, чем катер «Макартура».

Сейчас в нем спали полдюжины человек. Одного из них выселили, чтобы освободить место для Кроуфорда, которого самого выселили из отдельной каюты, предоставив ее трехрукому чужаку.

Каргилл улыбнулся, увидев это.

— Я возьму Кроуфорда с собой, — решил он. — Не вышвыривать же его еще раз. Лафферти пойдет штурманом. Трое космодесантников... — он быстро проглядел список команды, — и Стейли гардемарином — он будет рад возможности показать себя и будет хорошо повиноваться приказам.

Внутренность катера была вычищена и надраена, но и тут виднелись следы странных ремонтов Синклера — вдоль левого борта, где лазеры «Дерзкого» пробили защитный слой. Несмотря на значительное расстояние, на котором находился катер, повреждения были серьезными.

Каргилл разместил свои вещи в единственном огороженном углу кабины и изучил план предполагаемого перелета. Весь полет должен был проходить с ускорением в три g, хотя на практике это могло означать одно g по дороге туда и пять — на обратном пути. То, что у астероида не было ядерного реактора, вовсе не означало, что он необитаем.

Джек Каргилл вспомнил скорость, с которой мошкита собрала его кофейник, причем даже не зная, на что похож вкус кофе! Может, они уже миновали стадию ядерной энергии? Он отложил свои вещи и надел вакуумный скафандр — плотно облегающую одежду, которая была достаточно пористой, чтобы пропускать пот. В нем имелся саморегулирующийся температурный переключатель, и при помощи плотной ткани костюма кожа человека могла выдерживать холод космического пространства. Шлем плотно прикреплялся к воротнику. В бою костюм не мог противостоять тяжелому оружию, но был достаточно хорош для осмотров и проверок.

Снаружи катера не было видно никаких следов повреждений или ремонта. Часть жаропрочного покрытия катера висела под его носом подобно огромному лезвию лопаты, выставляя напоказ пу-

зырь рулевой рубки, иллюминаторы и рыло главного оружия катера — лазерной пушки.

В сражении главной задачей катера были наблюдение и разведка, но иногда ему удавалось подобраться к ослепленному вражескому кораблю на расстояние пуска торпеды. Против корабля мошкитов, у которого не было Поля, этой лазерной пушки было более чем достаточно.

Каргилл осмотрел оружие катера с большей, чем обычно, тщательностью. Он уже боялся мошкитов. Пока он был почти одинок в своем чувстве, но это не могло продолжаться долго.

Второй чужой корабль был больше первого, но оценки его массы были весьма ненадежны и зависели от ускорения (известного), потребления топлива (рассчитываемого по температуре привода), температуры работы (рассчитываемой по спектру излучения, которое находилось в мягкой области рентгеновских лучей) и эффективности (чисто предполагаемой). Когда все это свели вместе, масса оказалась гораздо более малой, чем ожидалось: примерно равной трехместному человеческому кораблю.

— Но они не люди, — заметил Реннер. — Четыре мошкита весят, как два человека, но им не требуется так много места. Мы не знаем, какое у них оборудование, вооружение и защита. Тонкие стены, похоже, не пугают их, и это позволяет им строить большие кабины...

— Ну, хорошо, — прервал его Род. — Если вы не знаете, так и скажите.

— Я не знаю.

— Спасибо, — терпеливо сказал Род. — А есть что-то такое, в чем вы уверены?

— Это довольно странно, сэр. Ускорение. Оно постоянно до трех значащих цифр с тех самых пор, как мы заметили корабль. И это непонятно, — сказал Реннер. — Обычно мы заставляем двигатель работать на пределе, вносим мелкие поправки в курс... а если оставить его без присмотра — вариации неизбежны. Поддерживая ускорение таким постоянным, они попусту теряют время.

Род потер переносицу.

— Это своего рода сигнал. Они точно указывают нам, куда направляются.

— Да, сэр. Прямо сюда. Они говорят, чтобы мы подождали их. — Реннер странно и свирепо усмехнулся. — Да, мы узнали кое-что еще, капитан. Профиль корабля уменьшился с тех пор, как мы заметили его. Вероятно, они сбросили топливные баки.

— Как вы обнаружили это? Разве для этого не нужно, чтобы цель прошла через солнце?

— Обычно да, сэр. Но здесь нам помогает Угольный Мешок. Свет, отраженный Угольным Мешком, дает нам хорошую возможность оценить площадь сечения корабля. Неужели вы не видите цветов в Угольном Мешке, капитан?

— Нет. — Блейн снова потер свой нос. — Военный корабль не стал бы сбрасывать топливные баки, верно? Но гарантии этого у нас нет. Все, что мы знаем наверняка, это то, что они летят к нам.

Стейли и Бакман заняли задние сиденья в треугольной кабине катера. Когда катер рванулся вперед на одном g, Стейли увидел Поле «Макартура», закрывшееся за ними. На фоне черноты Угольного Мешка военный корабль казался невидимым. Незаметным было все, кроме неба.

Половину этого неба занимал Угольный Мешок — беззвездный, за исключением яркой розовой точки в нескольких градусах от его края. Это выглядело так, словно Вселенная кончается здесь. Как стена, подумал Хорст.

— Взгляните на это, — сказал Бакман, и Хорст подпрыгнул. — На Новой Шотландии есть люди, называющие это Ликом Господа. Суеверные болваны!

— Верно, — сказал Хорст. Суеверие было глупостью.

— Отсюда это и вовсе не кажется похожим на человеческое лицо, и все-таки в десять раз величественнее! Хотел бы я, чтобы муж моей сестры увидел это. Он прихожанин Церкви Его Имени.

Хорст кивнул в полутьме.

С любого из человеческих миров Угольный Мешок был черной дырой в небе, и можно было ожидать, что и здесь он тоже будет черным. Однако сейчас глаза Хорста увидели красное свечение внутри Угольного Мешка: материал туманности выглядел как многослойный газовый занавес или же струи крови, растекающейся в воде. Чем дольше он смотрел, тем глубже мог заглянуть в него. Вихревые завитки и узоры течения демонстрировали световые годы разреженных до вакуума газа и пыли.

— Представьте себе, как мы спорили с моим зятем! — сказал Бакман. — Я пытался образумить глупца, но он и слушать не хотел.

— Не думаю, чтобы я когда-нибудь видел более прекрасное небо. Доктор Бакман, весь этот свет идет от Глаза Мурчисона?

— Это кажется невозможным, верно? Мы пытались найти другие источники излучения, ультрафиолетовые звезды в глубине пыли. Если бы там были большие массы, мы бы нашли их индикаторами массы. Стейли, это не так уж и невероятно. Глаз не слишком далеко от Угольного Мешка.

— Два световых года.

— И что с того? Свет движется быстрее всего, и путь для него свободен! — Зубы Бакмана сверкали в мягком разноцветном свете, шедшем от контрольного пульта. — Мурчисон упустил великолепную возможность изучить Угольный Мешок, когда имел шанс. Конечно, он был не с той стороны Глаза и, вероятно, не рискнул уйти слишком далеко от точки перехода... и в этом наше счастье, Стейли! Ни у кого не было такой возможности! Густая межзвездная масса и красный супергигант у ее края для иллюминации! Смотрите, смотрите вдоль моей руки, Стейли, туда, где поток влечет к этому завитку. Похоже на водоворот, верно? Если бы наш капитан перестал сдерживать меня во всем и пустил бы к корабельному компьютеру, я бы доказал, что этот завиток является протозвездой в процессе конденсации! Или что это не так.

Временно у Бакмана была должность выше, чем у Стейли, но он был гражданским. В любом случае он не должен был так говорить о капитане.

— Мы пользуемся компьютером для других целей, доктор Бакман.

Бакман выпустил руку Стейли. Глаза его были пусты, как будто его душа потерялась в этом огромном покрывале освещенной красным светом темноты.

— Впрочем, может, нам это и не понадобится. Мошкиты должны были наблюдать Угольный Мешок всю свою историю: сотни лет, может, даже тысячи. Особенно если у них развита такая псевдонаука, как астрология. Если мы сумеем поговорить с ними... — Он замолчал.

— Интересно, почему вы так хотели сопровождать нас? — спросил Стейли.

— Что? Вы думаете, что я отправился с вами, чтобы взглянуть на этот камень? Стейли, меня не волнует, что там делала мошкита. Я хочу знать, почему троянские точки так захламлены.

— Вы думаете найти там ключ к решению?

— Возможно, он в составе астероида. Можно только надеяться на это.

— Может быть, я смогу помочь вам, — медленно сказал Стейли. — Саурон — моя родина — имеет пояс астероидов и горную промышленность. Я научился разбираться в горных породах от своих дядей. Думаю, когда-нибудь я сам стану горняком. — Он вдруг замолчал, ожидая, что Бакман поднимет неприятную тему.

Но Бакман сказал:

— Интересно, что капитан надеется найти здесь?

— Он говорил мне это. Нам известно об этом астероиде только одно — им интересовалась мошкита. Узнав, почему, мы узнаем кое-что и о ней.

— Но не слишком много, — проворчал Бакман.

Стейли расслабился. Или Бакман не знает, почему Саурон пользовался плохой репутацией, или... Тактичность? У Бакмана? Едва ли.

* * *

Щенок мошкитов родился спустя пять часов после того, как катер «Макартура» ушел к астероиду. Рождение было весьма похоже на собачье, хотя мать не имела с собаками ничего общего, и родился всего один щенок размером с крысу.

Гостиная в тот день была весьма популярна у экипажа, офицеров и ученых, и даже капитан нашел причину заглянуть туда.

— Посмотрите, какая маленькая у него левая нижняя рука, — сказала Салли. — Мы были правы, Джонатон. Маленькие существа развились из больших мошкитов.

Кому-то пришло в голову привести большую мошкиту вниз, в гостиную. Похоже, ее вообще не заинтересовал новорожденный малыш, но она что-то сказала двум другим. Один из них достал из-под подушки часы Горация Бери и передал ей.

Род наблюдал за активностью вокруг щенка мошкитов, когда имел такую возможность. Тот выглядел очень развитым для новорожденного. Через час после своего рождения он уже грыз капусту и уже вполне мог ходить, хотя мать обычно носила его на руках. При этом двигалась она стремительно, и, казалось, малыш вовсе не мешает ей.

Тем временем корабль мошкитов подлетал все ближе и ближе, и если в его ускорении и происходили изменения, то слишком небольшие, чтобы «Макартур» заметил это.

— Они будут здесь через семьдесят часов, — сказал Род Каргиллу по лазерной связи. — Я хочу, чтобы вы вернулись через шестьдесят. Не позволяйте Бакману начинать что-то, чего нельзя закончить за это время. Если встретите чужаков, немедленно сообщите мне... И не пытайтесь разговаривать с ними, если это не будет необходимо.

— Слушаюсь, шкипер.

— Это не мой приказ, Джек, а Кутузова. Ему не понравилась эта экскурсия, поэтому только взгляните на астероид и возвращайтесь обратно.

Астероид находился в тридцати миллионах километров от «Макартура»: около двадцати пяти часов пути в каждую сторону при одном g. Четыре сокращали это время наполовину.

Вряд ли следует терпеть из-за этого четыре g, подумал Стейли.

— Ведь мы можем идти в 1,5 g, сэр, — предложил он Каргиллу. — При четырех не только путешествие пойдет быстрее, но и мы устанем скорее.

— Великолепно, — сказал Каргилл. — Великолепное предложение, мистер Стейли.

— Значит, мы сделаем так?

— Нет, этого не будет.

— Но... почему нет, сэр?

— Потому что я не люблю добавочные g. Потому что это требует топлива, а если мы израсходуем слишком много, «Макартуру» придется лезть в газовый гигант, чтобы доставить нас домой. Никогда не расходуйте топливо впустую, мистер Стейли, — однажды оно может вам понадобиться. Кроме того, это идея простофили.

— Да, сэр.

— Подобные идеи годятся для безвыходных положений, когда вам больше ничего не остается делать. Если они срабатывают, то попадают в «Книгу». В противном случае вы обращаетесь к «Книге», которая является огромной коллекцией идей, которые сработали. — Он улыбнулся, видя удивленный взгляд Стейли. — Давайте, я расскажу вам, как я попал в «Книгу»...

Для гардемарина служба была постоянной учебой. Стейли мог получить более высокое звание, чем другие, если проявит способности и если выживет.

Закончив историю, Каргилл взглянул на индикатор времени.

— Поспите немного, Стейли. На обратном пути управлять будете вы.

Издалека астероид казался темным, грубым и пористым. Один оборот он совершал за тридцать один час: странно медленно, подумал Бакман. На нем не было никаких признаков активности: ни движения, ни излучения, ни аномалий нейтрино. Хорст Стейли исследовал изменения температуры, но их не было.

— Думаю, можно подтверждать, — сказал он, — что это пустое место. Жизненным формам, которые развились на Мошке-1, нужно тепло, не так ли, сэр?

— Да.

Катер двинулся к астероиду. Сыпь, которая делала глыбу камней похожей на пористый обломок, превратилась в оспины, а затем в углубления различной величины. Явно следы метеоритов. Но так много?

— Я говорил вам, что троянские точки переполнены, — радостно сказал Бакман. — Вероятно, этот астероид регулярно проходит через троянские группы... Хотя, дайте-ка мне крупным планом эту яму, Каргилл.

Увеличение выросло вдвое, и половину экрана заполнила черная яма. Вокруг виднелись более мелкие.

— Никаких следов кратерного обода, — сказал Каргилл.

— Вы заметили это, верно? Проклятая глыба пустая изнутри. Вот почему ее плотность такая низкая. Да, сейчас это необитаемо, но когда-то здесь жили. Они даже взяли на себя труд придать астероиду удобное вращение. — Бакман повернулся. — Каргилл, мы собирались изучить эту штуку.

— Да, но этим займетесь не вы. На астероид высадятся люди Флота.

— Черт побери! Но это же моя область!

— Забота о вашей безопасности лежит на мне, доктор. Лафферти, взглянем на него сзади.

Обратная сторона астероида была одним огромным чашеобразным кратером.

— Он усеян маленькими кратерами... настоящими кратерами, а не ямами, — сказал Каргилл. — Доктор, что вы можете сказать об этом?

— Понятия не имею. Если это не естественное образование...

— Он двигался! — воскликнул Стейли.

— Странно, но я и сам подумал об этом, — сказал Каргилл. — Астероид двигался, используя термоядерные приспособления, взрывая в одном и том же кратере бомбы. Это было очень давно. Дайте мне данные о радиации, гардемарин.

— Слушаюсь, сэр. — Он вышел и через несколько минут вернулся. — Ничего, сэр. Камень холоден.

— Правда? — Каргилл отправился проверить это сам. Закончив, он взглянул на приборы и нахмурился. — Холоден, как сердце пирата. Если они пользовались бомбами, то они были дьявольски чистыми. Это удивительно.

Катер продолжал кружить вокруг летающей горы.

— Это похоже на воздушный шлюз. Вон там. — И Стейли указал на поднимающийся каменный колпак, окруженный узорами блекло-оранжевого цвета.

— Верно, но я сомневаюсь, что мы сможем его открыть. Мы войдем внутрь через одно из метеоритных отверстий. А пока посмотрим на него сверху. Лафферти, летим туда.

В своих донесениях они называли астероид Ульем. Каменная глыба была сплошь в многогранных помещениях без полов, соединенных проходами, слишком узкими для человека и заполненными высохшими асимметричными мумиями. Какие бы чудеса ни делали строители, искусственная гравитация к ним не относилась. Коридоры тянулись во всех направлениях: круглые комнаты и складские помещения были усеяны выступами, чтобы держаться за них руками, якорными точками для веревок, нишами.

Мумии были везде, тонкие и сухие, с раскрытыми ртами. Рост их варьировал от одного до полутора метров. Стейли выбрал несколько из них и отнес на катер.

Имелись там и машины, все непонятные для Стейли и его людей, все быстро замерзшие в вакууме. Стейли оторвал одну из небольших машин от стены, выбрав ее за странность, а не возможность использования: ни одна из машин не была цельной.

— Металла нет, — доложил Стейли. — Каменные маховики и то, что выглядит похоже на них, могут быть интегральными схемами — керамическими с разными примесями. Но металла очень мало, сэр.

Они двигались наугад и наконец, похоже, набрели на центральное помещение. Оно было огромно, и такой же огромной была машина, господствующая в нем. Кабели, которые могли быть сверхпроводниками энергии, выходили из развалин, убедив Стейли, что это был источник энергии астероида. Однако и здесь не было ни следа радиации.

Работая в узких проходах между непонятными каменными блоками, они нашли большой металлический ящик.

— Вскройте его, — приказал Стейли.

Лафферти воспользовался своим лазером. Они стояли вокруг, глядя на узкий зеленый луч, который ничего не мог сделать с серебристой обшивкой. Куда уходит энергия? — задумался Стейли. Может, они просто накачивают ее внутрь? Тепло, бившее ему в лицо, подсказало ему ответ.

Стейли измерил температуру ящика. Она была чуть меньше, чем у докрасна нагретого металла. Когда Лафферти выключил лазер, обшивка быстро стала холодной, но температура в каждой ее точке была одинаковой.

Сверхпроводник тепла. Стейли присвистнул в микрофон своего костюма и подумал, что неплохо бы найти маленький образец. Затем он попытался воспользоваться щипцами, и металл подался, как будто олово. В конце концов они оторвали от него полосу.

Закартографировать Улей с его многочисленными изогнутыми коридорами было невозможно. Трудно было даже сказать, где они находятся, но они помечали свой путь и использовали протонно-лучевые приборы для определения расстояния сквозь стены.

Стены коридоров имели толщину яичной скорлупы повсюду внутри астероида. Наружные были немного толще. Астероид Улей вряд ли был безопасным местом для жизни.

Однако стены под кратером были многометровой толщины.

Радиация, подумал Стейли. Здесь должна быть остаточная радиация. Иначе они срезали бы и эти стены, как поступили со всеми остальными, освобождая место для себя.

Вероятно, у них здесь произошел демографический взрыв.

А затем что-то убило их всех.

Но сейчас радиации не было вообще. Как давно это могло случиться?

Стейли взглянул на небольшой тяжелый предмет, который Лафферти и Сол тащили по коридору. Вакуумная цементация и движение частиц через границу раздела — это могло сказать ученым «Макартура», как давно был покинут астероид Улей. Впрочем, одно Стейли знал точно — он был очень стар.

19. Второй по популярности канал

Священник Дэвид Харди разглядывал малышей только по интеркому, потому что это не требовало участия в бесконечных спорах о том, чем они являются. Это был вопрос научных интересов доктора Хорвата и его людей, но ставкой священника Харди было нечто большее, чем интеллектуальное любопытство. Его задачей было установить, являются ли мошкиты людьми, тогда как ученых Хорвата интересовало, разумны ли они.

Разумеется, первый вопрос вытекал из второго. Было совершенно невероятно, чтобы Бог создал существ с душами и без разума, но вполне возможно, что он создал разумных существ без души или существ, способ спасения которых был совершенно отличен от такового для человечества. Они могли даже быть кем-то вроде ангелов, хотя трудно было бы представить себе более невероятно выглядевших ангелов. Харди улыбнулся этой мысли и снова принялся изучать малышей. Большая мошкита в это время спала.

Малыши не делали в этот момент ничего заслуживающего интереса, поэтому Харди нужно было следить за ними непрерывно. Конечно, все это записывалось, и, как лингвиста «Макартура», Харди должны были уведомить, если что-то произойдет. Сам он был почти уверен, что малыши не являются ни разумными существами, ни людьми.

Он глубоко вздохнул. «Что есть человек, о Господи, что ты постоянно заботишься о нем? И почему моя задача — узнать, какое место занимают мошкиты в твоих планах?» Что ж, по крайней мере это было честно. «Угадай-ка» была старой, очень старой игрой. Если судить по документам, то он был лучшим специалистом в этой области, и уж наверняка лучшим в Трансугольном секторе.

Харди пятнадцать лет пробыл священником и двенадцать лет прослужил на Флоте, но он только начинал думать об этом как о своей профессии. В возрасте тридцати пяти лет он был полноправным профессором Имперского университета Спарты, экспертом по древним и современным человеческим языкам и понятному лишь немногим искусству, называемому лингвистической археологией. Доктор Дэвид Харди был вполне счастлив, прослеживая происхождение недавно обнаруженных колоний, с которыми веками не было связи. Изучая их языки и их слова для обычных предметов, он мог указать часть космоса, из которой происходили колонисты. Обычно он мог определить точное расположение планеты и даже города.

Ему нравилось все, связанное с университетом, за исключением студентов. Он не был особенно религиозным до тех пор, пока его жена не погибла при посадке космического корабля. После этого — хотя он не был уверен в том, как это произошло, — его пришел навестить епископ. Харди долго разглядывал и изучал свою жизнь — и

поступил в семинарию. Его первым заданием после посвящения в сан было гибельное путешествие к студентам. Из этого ничего не вышло, и Харди понял, что не годится в приходские священники. В то время Флот нуждался в священниках, к тому же там всегда можно было заниматься лингвистикой...

Сейчас, в возрасте пятидесяти двух лет, он сидел перед экраном интеркома, глядя на четырехруких монстров, играющих кочаном капусты. На столе, возле его левой руки, лежал латинский кроссворд, и Харди лениво поглядывал в него — domine, non — sum...

«Конечно, dignis». — Харди усмехнулся сам себе. Именно это он сказал, когда кардинал поручил ему сопровождать экспедицию к Мошке.

— Господи, я недостоин...

— Так же, как все мы, Харди, — сказал кардинал. — Но тогда мы недостойны иметь приходы, а это более самонадеянно, чем отправляться взглянуть на чужаков.

— Да, мой господин. — Он снова взглянул на кроссворд. В данный момент это было более интересно, чем чужаки.

У капитана Рода Блейна было не так много возможностей наблюдать за играющими чужаками, как у священника. Конечно, у него была работа, которую следовало выполнять, но сейчас ею можно было пренебречь. Интерком в его каюте настойчиво зажужжал, и существа исчезли с экрана, сменившись круглым гладким лицом клерка.

— Доктор Хорват хочет поговорить с вами.

— Давайте его, — сказал Род.

Как обычно, Хорват был сама сердечность. Он не мог себе позволить грубо говорить с человеком, от которого зависел.

— Доброе утро, капитан. Мы получили первые снимки чужого корабля, и я подумал, что вам следует знать об этом.

— Спасибо, доктор. Данные закодированы?

— Пока нет. Они у меня с собой.

Изображение разделилось, и теперь на одной половине было лицо Хорвата, а на другой — размазанная тень. Она была длинной и узкой, с одним концом более широким, чем другой, и казалась полупрозрачной. Узкий конец заканчивался острым шипом.

— Мы сделали этот снимок, когда чужак делал поворот в центре пути. Увеличение и устранение помех дали нам вот это, и лучшего качества не добиться, пока он не окажется рядом.

Разумеется, подумал Род. Сейчас выхлоп дюз чужака был направлен на «Макартур».

— Шип, вероятно, служит мошкитам двигателем. — Узкий луч протянулся через весь снимок. — А эти образования на переднем плане... Позвольте показать вам плоскостную диаграмму.

Плоскостная диаграмма изображала похожую на карандаш тень, окруженную рядом гораздо более широких, почти невидимых тороидов.

— Видите? Жесткое внутреннее ядро используется для запуска. Можно предположить, что на нем имеется двигатель, воздух и водная регенерационная камера для экипажа. Мы полагаем, что именно эта секция была запущена линейным ускорителем резким толчком.

— А кольца?

— Мы думаем, что это надувные топливные баки. Как вы можете видеть, некоторые из них сейчас пусты. Они могут держать их как жизненное пространство. Остальные, несомненно, сброшены.

— Угу... — Род изучал силуэт, пока Хорват следил за ним с той стороны экрана. Наконец Род сказал: — Доктор, эти баки не могли быть на корабле, когда он стартовал.

— Верно. Их могли запустить для встречи внутренней секции. Без пассажиров им можно было сообщить более высокое ускорение.

— Линейным ускорителем? Эти баки не похожи на металлические.

— Действительно, они не выглядят металлическими.

— Топливо, должно быть, водород, верно? Тогда как же можно было бы запустить их?

— Мы... мы не знаем. — Хорват снова заколебался. — Может, у них была металлическая середина, тоже сброшенная?

— Гм-м. Ну хорошо, спасибо.

После недолгого размышления Род ввел снимок в интерком. Почти все делалось с помощью интеркома, который служил как библиотека, центр развлечений и связи в пределах «Макартура». В промежутках между боями один из каналов интеркома мог показывать что угодно: приемы в Каннах, шахматные турниры, матчи по спетболу между чемпионами каждой из вахт, игры, если у экипажа было время для них, — и они играли, причем ставкой служили дежурства.

Чужой корабль, разумеется, был главной темой разговоров в офицерской кают-компании.

— В этих маленьких пончиках видны тени, — заметил Синклер, — и они движутся.

— Пассажиры. Или мебель, — сказал Реннер. — Это значит, что по крайней мере первые четыре секции используются как жилые помещения. Там может быть множество мошкитов.

— Особенно, — сказал Род, входя, — если они теснятся так же, как в первом корабле. Садитесь, джентльмены. Продолжайте. — Он сделал стюарду знак принести кофе.

— По одной на каждого мужчину «Макартура», — сказал Реннер. — Может быть, мы все получим дополнительную площадь?

Блейн вздрогнул. Синклер выглядел так, словно следующим репортажем по интеркому будет схватка между старшим механиком и навигатором. Раундов на пятнадцать...

— Сэнди, что вы думаете об идее Хорвата? — спросил Реннер. — Я не придаю особого значения его теориям о запуске топливных баков с металлическим сердечником. Не лучше ли металлическая оболочка вокруг резервуара? Структурная поддержка лучше. Конечно, если не...

— Да? — вскинулся Синклер, но Реннер молчал.

— Что это значит, Реннер? — требовательно спросил Блейн.

— Ничего, сэр. Это была небесно-голубая мысль. Мне еще предстоит научить дисциплине свой разум.

— Так сделайте это, мистер Реннер.

Реннер был на Флоте недавно, но уже успел узнать этот тон.

— Да, сэр. Мне пришло в голову, что при определенных температуре и давлении водород становится похожим на металл. Если эти баки *действительно* были заполнены под давлением, водород должен был проводить ток... но для этого нужно давление, которое можно встретить на гигантских газовых планетах.

— Реннер, неужели вы всерьез считаете...

— Нет, конечно, нет, капитан. Это была только мысль.

Странная идея Реннера беспокоила Сэнди Синклера всю следующую вахту. Обычно офицеры-механики не стояли вахты на мостике, но техники Синклера как раз закончили ремонт систем жизнеобеспечения мостика, и Синклер решил проверить их. Чтобы избавить вахтенного офицера от облачения в боевое обмундирование, пока на мостике будет царить вакуум, Сэнди сам заступил на вахту.

Все работало превосходно, впрочем, как и всегда. Сейчас, сняв вакуумный костюм, Синклер расслабился в командном кресле, глядя на мошкитов. Программа с мошкитами имела огромную популярность по всему кораблю, причем внимание разделилось между большой мошкитой, находившейся в каюте Кроуфорда, и малышами. Большая мошкита как раз закончила переделывать лампу в своей каюте. Теперь та давала более красный и более рассеянный свет. Синклер восхищенно следил за работой мошкиты. Она была искусна и настолько уверена в себе, что Синклер никогда прежде ничего подобного не видел. Пусть ученые спорят, подумал Сэнди, но эти бестии разумны.

По второму каналу показывали играющих малышей. Люди смотрели на них даже больше, чем на играющего чужака, и Бери, наблюдавший за зрителями, улыбался про себя.

Второй канал привлек внимание Синклера, он повернулся к нему и вдруг сел прямо. Малыши занимались половым сношением.

— Выключить интерком! — приказал Синклер. Рядовой, сидевший рядом, болезненно поморщился, но переключил экран, отчего второй канал опустел. Немного погодя на мостик вошел Реннер.

— Что случилось с интеркомом, Сэнди? — спросил он.

— Ничего плохого, — чопорно ответил Синклер.

— Вот и у тебя тоже второй канал не работает.

— Да, мистер Реннер. Его отключили по моему приказу.

Реннер усмехнулся.

— А что ты думаешь о предмете этой... э... программы? — спросил он.

— Мы не будем показывать на борту этого корабля грязных сцен! С нами священник! Я уже не говорю о леди.

Упомянутая леди тоже смотрела второй канал, и, когда он погас, Салли Фаулер бросила вилку и выбежала из кают-компании. За ее порогом она почти побежала, не обращая внимания на удивленные взгляды. Добравшись до гостиной, где маленькие мошкиты попрежнему были in flagrante deficto, она совсем запыхалась. Почти минуту она стояла возле каюты, наблюдая за ними, потом сказала, не обращаясь ни к кому:

— Когда их видели в последний раз, обе они были самками.

Никто не ответил ей.

— Они изменили пол! — воскликнула Салли. — Держу пари, что сверху наша бывшая беременная. Доктор Хорват, что вы скажете?

— Это вполне вероятно, — медленно сказал Хорват. — Фактически... Я почти уверен, что тот, кто сверху, был матерью новорожденного. — Казалось, министр с трудом справляется с заиканием. При этом он явно покраснел.

— О небеса! — сказала Салли.

Ей только теперь пришло в голову, как выглядит она сама. Выскочила из кают-компании через секунду после того, как погас интерком, и, запыхавшись, прибежала сюда. А ведь трансугольные культуры, как правило, прививали своим членам излишнюю щепетильность...

И вот она, имперская леди, торопится, чтобы увидеть двух чужаков, занимающихся любовью...

Она хотела крикнуть, объяснить, ведь это так важно! Эта перемена пола, она, вероятно, свойственна всем мошкитам. Это было воздействие их образа жизни, их личности, их истории. Это показывало, что юные мошкиты становились почти независимыми, платя за это фантастически низкую цену... Был ли щенок уже отлучен от груди, или «мать» — а теперь самец — вырабатывала молоко даже после изменения пола? Это было воздействие всего окружения мошкитов, *ВСЕГО*. Это было важно. «И потому я так торопилась...»

Но вместо этого она просто повернулась и ушла.

20. Ночная вахта

В кают-компании было на удивление тихо, хотя обычно жившие там три младших лейтенанта и шесть гардемаринов устраивали в комнате хаос. Поттер облегченно вздохнул, увидев, что все, кроме Джонатона Уитбрида, спят. Несмотря на постоянное подшучивание, Уитбрид был одним из друзей Поттера на борту «Макартура».

— Как астрономия? — тихо спросил Уитбрид, растянувшись в своем гамаке. — Дай мне банку пива, Гэвин, хорошо?

Поттер взял одну и для себя.

— Там, внизу, настоящий сумасшедший дом, Джонатон. Я думал, что, когда они найдут Мошку-1, будет лучше, но ничего подобного.

— Гм-м. Закартографировать планету для военного Флота будет совсем нетрудно, — сказал Уитбрид.

— Может, для Флота это и просто, но это мой первый полет в глубокий космос. Они взвалили на меня большую часть работы, пока сами спорят о новых теориях, которых я не понимаю. Подозреваю, что ты назовешь это хорошей тренировкой.

— Это и есть хорошая тренировка.

— Спасибо. — Поттер сделал большой глоток.

— И что вы пока сделали?

— Довольно мало. У планеты есть одна луна, причем очень маленькая и на очень низкой орбите. На планете поверхностная гравитация около 870 сантиметров за секунду в квадрате.

— 0,87 стандартной. Такая же, как ускорение корабля мошкитов. Это меня не удивляет.

— Но у них есть атмосфера, — нетерпеливо сказал Поттер. — И мы нанесли на карту центры цивилизации. Нейтрино, мутные воздушные столбы над ядерными реакторами, электромагнетизм... Они находятся везде, на каждом континенте и даже в морях. Эта планета кишит жизнью. — В голосе Поттера звучал страх. — Мы сделаем эту карту. Когда я уходил, они как раз заканчивали глобус. Хочешь взглянуть на него?

— Конечно. — Уитбрид выбрался из паутины своего гамака. Они спустились на две палубы вниз во владения ученых. Большинство гражданских работали в зоне относительно высокой гравитации, возле внешней поверхности «Макартура», но спали они поближе к центру корабля.

120-сантиметровый глобус стоял в маленькой гостиной, занимаемой астрономической секцией. Во время боевых акций этот отсек должны были занимать группы контроля повреждений, но сейчас он был пуст. Колокол пробил три склянки последней вахты.

Планета была полностью закартографирована, за исключением Южного полюса, и глобусу придали ее точный осевой наклон. Светоусиливающие телескопы «Макартура» давали картину, похожую

на любую землеподобную планету: глубокая и разнообразная голубизна, испачканная белыми пятнами, красными пустынями и белыми вершинами гор. Снимки были сделаны в разное время и в разных диапазонах волн, так что облачный покров не сильно затемнял поверхность. Индустриальные центры золотыми пятнами усеивали планету.

Уитбрид внимательно изучал ее, пока Поттер наливал кофе из фляги доктора Бакмана. По какой-то причине у Бакмана всегда был лучший кофе на корабле — по крайней мере лучший из всех, которые гардемарины могли получить.

— Мистер Поттер, почему мне кажется, что это похоже на Марс?

— Не знаю, мистер Уитбрид. А что такое Марс?

— Четвертая планета Солнечной системы. Ты никогда не был в Нью-Аннаполисе?

— Не забывай, что я из Трансугольного сектора.

Уитбрид кивнул:

— Возможно, ты еще побываешь там. Но, кажется, обучение рекрутов, набранных в колониях, идет по сокращенному курсу. А жаль. Может, капитан сумеет устроить это для тебя. Забавная штука — эта последняя учебная миссия, когда тебя заставляют рассчитывать минимальное количество топлива для посадки на Марс, а потом предлагают сделать это с опечатанными баками. Ты должен использовать для торможения атмосферу, а поскольку ее там совсем мало, ты почти врезаешься в землю, не получая никакой пользы.

— Это звучит как анекдот, мистер Уитбрид. «К сожалению, мне нужно на прием к дантисту...»

Уитбрид продолжал разглядывать глобус, пока они мелкими глотками пили кофе.

— Мне это уже надоело, Гэвин. Так оно и было в действительности, можешь спросить у любого.

— Командор Каргилл еще на Улье. — Как старший помощник, Каргилл официально отвечал за обучение гардемаринов. Он был довольно терпим к юнцам в отличие от большинства прочих офицеров.

— Может, кто-нибудь еще не спит? — предположил Уитбрид, и они направились к мостику, а по дороге встретили Реннера со следами мыла на подбородке.

Уитбрид объяснил ему их проблему.

— Это выглядит похоже на Марс, мистер Реннер, но я не знаю почему.

— Бейте меня, — сказал Реннер, — но я никогда не был в Солнечной системе. — Для торговых кораблей не было никаких причин подходить к Солнцу ближе, чем орбита Нептуна, хотя, как родина человечества, Солнце было центральным пересадочным пунктом к

другим, более ценным системам. — К тому же я никогда не слышал ничего хорошего о Марсе. А почему это так важно?

— Не знаю. Может, и нет.

— Но вы, похоже, думаете, что это так.

Уитбрид промолчал.

— Впрочем, есть что-то странное с этой Мошкой-1. Она выглядит, как любой из миров Империи, за исключением... А может, это потому, что я знаю, что ее населяют чужие монстры? Вот что, через пять минут я должен заглянуть к капитану на бутылку вина. Сейчас я возьму тунику, мы пойдем и спросим у него.

Прежде чем Уитбрид и Поттер успели возразить, Реннер кинулся к своей каюте. Поттер обвиняюще посмотрел на Уитбрида. В какие неприятности они еще влезут?

Реннер повел их вверх по приставной лестнице в башню высокой гравитации, где находилась патрульная кабина капитана. Скучающий космодесантник сидел на палубе рядом с жилищем Блейна. Уитбрид узнал его — говорили, что перегонный куб сержанта Мэлони, расположенный где-то впереди в левой торпедной камере, давал лучший «Айриш Мист» на Флоте. Мэлони боролся за качество, а не за количество.

— Ну конечно, вы привели гардемаринов, — сказал Блейн. — Пока катер не вернется, дел почти нет. Входите, джентльмены. Вино, кофе или что-нибудь покрепче?

Уитбрид и Поттер решили взять шерри, хотя Поттер предпочитал виски. Он пил его с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать. Они сели в маленькие складные стулья, расставленные на полу кабины Блейна. Наблюдательные отверстия были открыты, и корабельное Поле не активировано, поэтому туша «Макартура» нависала над ними. Блейн заметил тревожные взгляды гардемаринов и улыбнулся. Поначалу так бывало с каждым.

— Так что за вопрос? — спросил Блейн.

Уитбрид объяснил.

— Понимаю, мистер Поттер. Не могли бы вы дать этот глобус на мой интерком? Спасибо. — Род изучил изображение на экране. — Гм-м. Нормально выглядящий мир. Ничего удивительного. Все виды сырья в атмосфере. Вам это знакомо, мистер Уитбрид?

— Да, сэр. — Джонатон сморщил нос. — Очень грязно.

— Верно. Но это гелий, заставивший Бакмана прыгать до переборки. Интересно, понял ли он это? У него было несколько дней... Черт побери, Уитбрид, это выглядит похоже на Марс. Но почему?

Уитбрид пожал плечами. Сейчас он был не рад, что поднял этот вопрос.

— Тяжело разглядеть контуры. Впрочем, это всегда так. — Род рассеянно понес свой кофе и «Айриш Мист» к экрану интеркома. Официально он не знал, откуда берется «Айриш Мист», хотя Келли

и его десантники говорили, что у капитана всегда есть запас. Сцилер любил сливовицу, и это довело изобретательность Мэлони до предела.

Блейн обвел контуры маленького моря.

— Вы не можете отличить сушу от моря, но облака всегда выглядят как постоянные образования. — Он снова обвел силуэт. — Это море почти круглое.

— Да, так же как и это. — Реннер указал на слабый круг из островов, гораздо более крупный, чем море, которое изучал Блейн. — И это... здесь видна только часть дуги. — Это была суша с дугой низких холмов.

— Они *все* круговые, — заметил Блейн, — совсем как на Марсе. Вот оно что. Марс был покрыт окружностями метеоритов из пояса астероидов Солнечной системы. Но в этой системе астероидов не так много, и все они в троянских точках.

— Сэр, а не слишком ли малы круги, чтобы быть кратерами? — спросил Поттер.

— Так оно и есть, мистер Поттер. Так оно и есть.

— Но что это значит? — громко спросил Уитбрид, обращаясь главным образом к самому себе.

— Еще одна загадка для Бакмана, — сказал Блейн. — Ему это понравится. А сейчас давайте проведем время более содержательно. Я очень рад, что вы привели этих молодых джентльменов, мистер Реннер. Полагаю, вы оба играете в бридж?

Они играли, пока Уитбрид, которому на этот раз не везло, не потерял почти полный дневной заработок.

Игру вынужденно завершило возвращение катера. Каргилл прямым ходом направился в каюту капитана доложить об экспедиции. Он доставил информацию, пару невероятных механизмов мошкитов, которые сейчас выгружались на ангарной палубе, и кусок золотистого вещества, который он принес лично, держа руками в рукавицах. Блейн поблагодарил Реннера и гардемаринов за игру, и они поняли слабо завуалированный намек, хотя Уитбриду очень хотелось остаться.

— Может быть, стоит... — задумчиво начал Поттер.

— Что именно? — вскинулся Уитбрид.

— Пойти взглянуть на мистера Кроуфорда, когда он увидит сейчас свою каюту? — озорно спросил Поттер.

Слабая улыбка озарила пухлое лицо Уитбрида.

— Действительно, мистер Поттер. Но поспешим!

Это было незабываемое зрелище. Гардемарины были не одиноки в комнате связи ангарной палубы, когда связист, побуждаемый Уитбридом, настроился на нужную каюту.

Кроуфорд не разочаровал их. Он наверняка бы совершил акт ксеноцида — первое подобное преступление в истории человечества, — если бы его не удержали друзья. При этом он бессвязно говорил такое, что, когда его услышал капитан, Кроуфорд из патруля прямым ходом отправился на вахту.

Бакман забрал Поттера и заторопился в астрономическую лабораторию, уверенный, что молодой гардемарин устроил там хаос. Он был приятно удивлен, увидев, что работа закончена, и обрадован, что его ждет кофе. Эта фляга *всегда* была полна, и Бакман шел сюда, надеясь на это. Он знал, что это было делом рук Горация Бери.

Спустя полчаса после прибытия катера Бери уже знал о полосе золотистого металла. Это было нечто странное и потенциально весьма ценное. Впрочем, выглядевшие древними механизмы мошкитов тоже могли пригодиться. Если бы только у него был доступ к компьютеру катера! Однако в возможности Набила это не входило.

В конечном счете можно было обойтись кофе и разговором с Бакманом, но это могло подождать. К тому же завтра должен был прибыть корабль мошкитов. Слов нет, это была очень ценная экспедиция, и эти флотские думали, что их запрещения удержат его вдали от их дел! Действительно, он пока ничего не мог сделать без личного наблюдения, но это было не самое страшное. Сейчас, с тем, что он сможет узнать здесь, «Империя Автонетикс» станет самой могучей фирмой в Имперской Торговой Ассоциации. Если Флот думает, что ИТА сейчас мешает им, подождем, пока она будет контролироваться Горацием Бери! Он лукаво улыбнулся сам себе, и Набил, видя улыбку хозяина, сжался в комок, стараясь стать как можно незаметнее.

Внизу, на ангарной палубе, Уитбрида подключили к работе вместе со всеми, слонявшимися там. Каргилл привез с Каменного Улья многочисленные предметы, и их требовалось распаковать. Уитбрид был достаточно сообразителен, чтобы вызвать помогать Салли, пока Каргилл не нашел ему другую работу.

Они разгружали скелеты и мумии для антропологической лаборатории. Там были малыши размером с куклу, очень хрупкие, которые походили на живых малюток, размещенных в гостиной младших офицеров. Другие скелеты, о которых Стейли сказал, что на Улье их очень много, походили на шахтера-мошкиту, живущего сейчас в каюте Кроуфорда.

— Ого! — воскликнула Салли, когда они распаковали очередную мумию.

— Что? — спросил Уитбрид.

— Это существо, Джонатон, похоже на того, который прилетел в зонде. Покатый лоб — это плохо, но, конечно, они выбрали самого

интеллигентного из всех, кого могли послать эмиссаром к Новой Каледонии. Для них это тоже первый контакт с чужаками.

Там были маленькие, с мелкими головами мумии, всего метр длиной, с большими хрупкими руками. Длинные пальцы на всех трех руках были сломаны. Там были и высохшие руки, которые Каргилл нашел летающими свободно и которые отличались от всех прочих найденных: кости у них были крепкие, прямые и толстые, суставы большие.

— Артрит? — недоумевала Салли. Они осторожно распаковали их и приступили к очередному ящику с останками ноги, которая тоже плавала по астероиду отдельно. У нее были большие острые шипы на пятке, а передняя часть ступни была твердой, как конское копыто, не походя ни на одну из других ног мошкитов.

— Мутации? — спросила Салли. Она повернулась к гардемарину Стейли, который делал эскиз удивительного груза. — Вы говорили, что радиации там нет?

— Он был мертвенно-холоден, э... Салли, — сказал Стейли. — Но когда-то там должен был быть настоящий радиоактивный ад.

Салли вздрогнула.

— Меня интересует, как много времени назад это было. Тысячи лет? Это может зависеть от того, насколько чисты были бомбы, которые они использовали, чтобы двигать астероид.

— Этого сказать нельзя, — ответил Стейли. — Но это старое место, Салли. Старое-старое. Самая старая вещь, которую я могу сравнить с ним, — это Великая Пирамида на Земле. Но это место все-таки старше.

— Гм-м, — сказала она. — Но у вас нет доказательств, Хорст.

— Нет. Но все равно это старое место. Я это знаю.

Анализ находок пришлось отложить. Разгрузка и складирование их затянулись далеко за начало первой вахты, и все устали. Было 1:30, три склянки первой вахты, когда Салли отправилась в свою каюту, а Стейли — в кают-компанию. Джонатон Уитбрид остался один.

Он выпил слишком много кофе в кабине у капитана и поэтому не устал. К тому же он мог поспать позже, когда корабль чужаков подойдет к «Макартуру», хотя до этого оставалось еще девять часов, но Уитбрид был молод.

Свет в коридорах «Макартура» горел вполовину слабее, чем днем. Они были почти пусты, а все двери отдельных кают закрыты. Голоса, которые звучали в каждом коридоре в течение корабельного дня и накладывались друг на друга так, что нельзя было ничего понять, теперь умолкли, и в коридорах повисло молчание.

Впрочем, напряжение дня осталось. «Макартур» не мог расслабляться, находясь в чужой системе. Поэтому его экраны работа-

ли, экипаж стоял двойные вахты, а где-то поблизости находилась цилиндрическая туша «Ленина». Уитбрид подумал об огромных лазерных пушках линейного крейсера, многие из которых были сейчас направлены на «Макартур».

Уитбриду нравились ночные вахты, во время которых можно побыть одному. Можно было найти и компанию: членов экипажа, стоящих на вахте, заработавшихся ученых... впрочем, на этот раз, казалось, все спали. Ну что же, он может взглянуть на малышей по интеркому, выпить последнюю порцию и идти спать. Достоинством первой вахты было то, что можно было найти свободные лаборатории, где можно было бы посидеть.

Когда он набрал номер каюты мошкитов, экран интеркома остался пустым. Уитбрид на мгновение нахмурился, затем усмехнулся и направился к гостиной младших офицеров.

Уитбрид надеялся застать мошкитов за занятием любовью. Что ни говори, а гардемаринам приходилось самим искать себе развлечения.

Он открыл дверь, и что-то шмыгнуло у него между ног вспышкой желтого и коричневого цвета. У семьи Уитбридов были собственные собаки, и общение с ними натренировало его рефлексы, поэтому он отпрыгнул назад, захлопнул дверь, чтобы не дать никому больше выскочить, а затем оглядел коридор.

За мгновение до того, как беглец исчез в районе камбуза экипажа, Уитбрид увидел его вполне отчетливо. Это была одна из маленьких мошкит, а на плечах у нее сидел щенок.

Второе взрослое существо, должно быть, оставалось еще в гостиной. На мгновение Уитбрид заколебался. Он мог бы сейчас же поймать собаку, убегающую от него. Это существо находилось в камбузе, которого оно не знало, не было приучено к его голосу и — черт побери! — *вообще не было собакой*. Уитбрид нахмурился. Это было уже не шуточное дело. Он вернулся к интеркому и вызвал вахтенного офицера.

— О Иисус! — сказал Кроуфорд. — Ну хорошо, вы говорите, что одна из этих тварей еще в гостиной? Вы уверены?

— Нет, сэр. Я не видел ее там, но в коридоре я заметил только одну.

— Не заглядывайте туда, — приказал Кроуфорд. — Оставайтесь у двери и не пускайте туда никого. Я вызову капитана. — Он нахмурился. Капитан не погладит его по голове, поднятый с постели только потому, что любимчик вышел прогуляться на свободу, но имевшиеся приказы требовали, чтобы о любых действиях чужаков докладывалось капитану немедленно.

Блейн был одним из тех счастливых людей, которые могли просыпаться сразу же. Он выслушал доклад Кроуфорда.

— Хорошо, Кроуфорд, возьмите двух космодесантников для смены Уитбрида и передайте гардемарину, пусть будет наготове. Я хочу послушать его рассказ. Потом берите еще отделение десантников и поднимайте поваров. Пусть осмотрят камбуз. — Он закрыл глаза и задумался. — Держите гостиную опечатанной, пока доктор Хорват не явится туда. — Он выключил интерком.

Нужно вызвать Хорвата, подумал Род.

И нужно было сообщить адмиралу. Впрочем, лучше сначала точно узнать, *что* случилось. Но это нельзя было откладывать надолго. Он накинул тунику и вызвал министра по науке.

— Они *освободились?* Как? — спросил Хорват.

Министр по науке не был из тех счастливых людей. Глаза его были красны, редкие волосы торчали во все стороны, и он постоянно жевал губами, явно не удовлетворенный их вкусом.

— Мы не знаем, — терпеливо объяснил Род. — Камера не работает. Один из моих офицеров отправился на разведку... — В любом случае этим придется заниматься ученым. — Доктор, мы сбережем время, если вы спуститесь в гостиную немедленно.

Коридор, ведущий к гостиной, был переполнен. Хорват в мятом шелковом халате, четверо десантников, Лейтон, младший вахтенный офицер, Уитбрид, Салли Фаулер, одетая в просторный халат, но накрашенная и в цветном платке. Двое поваров и с ними их старшина — все бормочущие что-то, гремя кастрюлями на камбузе, — искали мошкиту, пока остальные десантники беспомощно смотрели на них.

Уитбрид рассказывал:

— Я захлопнул дверь и посмотрел по коридору. В это время вторая могла сбежать в другую сторону...

— Но вы думаете, что она еще там?

— Да, сэр.

— Хорошо, посмотрим, если сумеем войти, не выпустив ее наружу.

— Э... они кусаются, капитан? — спросил капрал-десантник. — Мы можем дать людям рукавицы.

— В этом нет необходимости, — объяснил ему Хорват. — Они еще никого не укусили.

— Да, сэр, — сказал капрал.

Один из его людей пробормотал:

— Про ульевых крыс говорили то же самое, — но никто не обратил на него внимания.

Шестеро мужчин и женщина образовали полукруг вокруг Хорвата, который приготовился открыть дверь. Они были напряжены и мрачны, а вооруженные десантники были готовы ко всему. Поначалу Роду неудержимо хотелось рассмеяться, но он сдержался. Это глупое крошечное существо...

Хорват быстро проскользнул в дверь. Изнутри никто не выскочил.

Все ждали.

— Все в порядке, — сказал министр по науке. — Я его вижу. Входите, но по одному. Оно под столом.

Малыш смотрел, как они, один за другим, входят в комнату и окружают его. Возможности прорваться не было. Когда дверь закрылась и семеро мужчин и женщина окружили его убежище, существо сдалось. Салли подхватила его на руки.

— Бедная маленькая зверюшка, — баюкала она его, а мошкит оглядывался по сторонам, явно испуганный.

Уитбрид занялся неработающей камерой. По какой-то причине она закоротилась, в результате чего металл и пластик расплавились, капая вниз, оставив после себя зловоние, с которым не могли справиться растения, регенерирующие воздух «Макартура». Проволока сетки сразу же за камерой тоже расплавилась, образовав большую дыру. Блейн подошел взглянуть на обломки.

— Салли, — сказал он, — достаточно ли они разумны, чтобы спланировать такое?

— Нет! — сказали Салли и Хорват почти одновременно.

— У них слишком маленький мозг, — добавил доктор Хорват.

— Ага, — сказал сам себе Уитбрид. Однако он не забыл, что камера находилась внутри заграждения.

Двое военных техников принялись ставить заплату на сетку. Они наварили поверх нее новую, и Салли пустила существо обратно в его клетку. Техники принесли другую видеокамеру, но теперь поставили ее снаружи. Никто не прокомментировал это.

Поиски продолжались всю вахту, но никто не нашел ни самку, ни детеныша. Попытались привлечь на помощь большую мошкиту, но она явно не понимала, чего от нее хотят. В конце концов Блейн вернулся в свою кабину поспать пару часов. Когда он проснулся, беглецов еще не нашли.

— Мы можем послать за ними хорьков, — предложил Каргилл за завтраком в кают-компании. Старший торпедист держал пару этих хищников размером с кошку, используя их, чтобы очищать полубак от крыс и мышей. Хорьки были весьма эффективны для этих целей.

— Они убьют мошкитов, — запротестовала Салли. — Мошкиты вовсе не опасны. Во всяком случае, не больше, чем крысы. Мы не должны убивать их!

— Если мы не найдем их достаточно быстро, адмирал убьет меня, — буркнул Род, но все же уступил. Поиски продолжались, а Блейн отправился на мостик.

— Дайте мне адмирала, — сказал он Стейли.

— Слушаюсь, сэр.

Спустя несколько секунд на экране появилось бородатое лицо адмирала Кутузова. Адмирал был на своем мостике, потягивая чай.

Роду вдруг пришло в голову, что он никогда не видел Кутузова вне мостика. Когда же он спит? Блейн доложил о пропавших мошкитах.

— Вы еще не установили, что это за существа, капитан? — спросил Кутузов.

— Нет, сэр. Есть несколько теорий. Самая популярная из них говорит, что они относятся к мошкитам точно так же, как обезьяны к человеку.

— Это интересно, капитан. Я полагаю, эти теории объясняют, почему обезьяны оказались на космическом корабле? И почему шахтер принес двух из них на борт вашего военного судна? Я что-то не заметил, вы тоже таскаете с собой обезьян, капитан Блейн?

— Нет, сэр.

— Корабль мошкитов прибудет через три часа, — пробормотал Кутузов. — И малыши удрали прошлой ночью. Это совпадение во времени очень интересно, капитан. Полагаю, это шпионы.

— Шпионы, сэр?

— Да, шпионы. Вы говорите, что они неразумны. Возможно, это так, но могут ли они помнить? Это не кажется мне невозможным. Вы рассказали мне о механистических способностях большого чужака, который приказал малышам вернуть часы того торговца. Капитан, нельзя предоставить ему возможность установить контакт с малышами, удравшими из гостиной. Этого не должен сделать ни один большой чужак. Это понятно?

— Да, сэр...

— Вам нужны причины? — спросил адмирал. — Если есть хотя бы один шанс, что эти бестии могут узнать секреты Движителя Олдерсон и Поля, капитан...

— Да, сэр, я понял это.

— Посмотрим, что вы сделаете, капитан.

Блейн посидел немного, глядя на пустой экран, затем повернулся к Каргиллу.

— Джек, вы однажды летали на одном корабле с адмиралом, верно? Что в действительности кроется под его легендарным обликом?

Каргилл сел рядом с командирским креслом Блейна.

— Я был всего лишь гардемарином, когда он был капитаном, шкипер. У нас не было близких отношений. Единственное, что можно сказать, — все мы уважали его. Это самый упрямый человек на Службе, и он не прощает никого, особенно самого себя. Но если сражение должно быть жестоким, у вас будут лучшие шансы вернуться обратно, если командует Кутузов.

— Это я слышал. Он выиграл больше сражений, чем любой другой офицер Флота, но, боже мой, какой же это ублюдок!

— Да, сэр. — Каргилл в упор разглядывал капитана. Не так давно оба они были лейтенантами, и ему было легче говорить с Блей-

ном, чем с прежним командиром. — Вы никогда не были на Святой Екатерине, шкипер?

— Нет.

— У нас есть несколько человек оттуда. Конечно, на «Ленине» их больше. Вообще, на Флоте чудовищно велик процент людей с Екатерины, шкипер. И знаете почему?

— Очень смутно.

— Ее планеты были заселены русскими со старого Флота Со-Владения, — сказал Каргилл. — Когда флот СВ ушел из Солнечной системы, русские высадили своих женщин и детей на Екатерине. Во время Формационных войн им приходилось плохо, а затем начались Сепаратистские войны, когда Саурон без предупреждения нанес удар по Св. Екатерине. Они остались лояльными, но...

— Как Новая Шотландия, — сказал Род.

Каргилл с энтузиазмом кивнул.

— Да, сэр. Лояльные имперские фанатики. По причинам, обусловленным их историей. Единственный мир, который они признают, — это сильная и крепкая Империя.

Род рассудительно кивнул, потом повернулся к своим экранам. Был единственный способ сделать адмирала довольным.

— Стейли! — рявкнул Блейн. — Передайте канониру Келли приказ всему космодесанту искать сбежавших мошкитов и стрелять, как только увидят их. Конечно, если стрельбы можно избежать, то следует стремиться к этому. И путь выпустят в камбуз этих хорьков.

21. Послы

Когда корабль мошкитов наконец приблизился, все детали его конструкции оказались скрыты бушующим пламенем двигателя. «Макартур» следил за ним по экранам и ждал. В ста километрах от него «Ленин» ждал тоже.

— Боевая тревога, мистер Стейли, — тихо приказал Блейн.

Стейли ухватился за большой красный рычаг, который вводил Состояние Два, и передвинул его по часовой стрелке. Раздался звуковой сигнал, а затем запись сигнала «К оружию!», эхом разнесшегося по всем стальным коридорам.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ! ВНИМАНИЕ ВСЕМ! БОЕВАЯ ТРЕВОГА! БОЕВАЯ ТРЕВОГА! СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ-1.

Офицеры и рядовые бросились по боевым постам — канониры, дикторы, торпедисты, космодесант. Корабельные монтеры, повара и каптерщики становились группами контроля повреждений. Помощники хирургов укомплектовывали посты первой помощи по всему кораблю — все быстро, все молча. Род почувствовал гордость. Сцил-

лер передал ему отличный корабль, и, слава богу, он все еще остается отличным.

— ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПОСТ ОБЪЯВЛЯЕТ СОСТОЯНИЕ КРАСНЫЙ-1, — проговорил диктор с мостика. Помощник квартирмейстера третьего класса говорил слова, переданные ему другими, и люди по всему кораблю повиновались ему, хотя он сам вовсе не отдавал приказов. Он повторял слова, которые могли послать «Макартур» через бездну космоса, заставить его открыть огонь из лазерных пушек и запустить торпеды, атаковать или отступить, а затем докладывал результаты, о которых Блейн, вероятно, уже знал по показаниям своих экранов и приборов. Он никогда не проявлял инициативы, но благодаря ему корабль был управляем. Он был всемогущим бездушным роботом.

— АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ: СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ-1.

— КОСМОДЕСАНТ ДОКЛАДЫВАЕТ: СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ-1.

— Стейли, передайте десантникам, не стоящим на постах, пусть продолжают поиски пропавших чужаков, — приказал Блейн.

— Слушаюсь, сэр.

— КОНТРОЛЬ ПОВРЕЖДЕНИЙ ДОКЛАДЫВАЕТ: СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ-1.

Корабль мошкитов тормозил перед «Макартуром», и пламя его двигателей пылало на экранах линейного крейсера. Род нервно смотрел на него.

— Сэнди, сколько энергии этого двигателя мы сможем принять?

— Он не слишком горяч, капитан, — сказал Синклер по интеркому. — Поле может принимать всю его энергию минут двадцать или даже больше. И это не сфокусировано, шкипер. Там нет горячих пятен.

Блейн кивнул. Он пришел к тому же выводу, но разумнее было сдерживаться, когда это возможно. Сейчас он смотрел на медленно приближающийся корабль.

— Довольно мирный, — сказал Род Реннеру, — даже если это военный корабль.

— Я не уверен, что это так, капитан. — Реннер казался весьма спокойным. Даже если мошкиты атакуют, он будет более зрителем, чем участником. — По крайней мере они нацелили пламя своего двигателя мимо нас. Жест вежливости.

— Черта с два! Это пламя расширяется. Часть его бьет в наше Поле Лэнгстона, и они могут наблюдать, что при этом происходит.

— Не думаю.

— КОСМОДЕСАНТ ДОКЛАДЫВАЕТ О ПРИСУТСТВИИ ШТАТСКИХ В КОРИДОРАХ. ПАЛУБА Б, ПЕРЕБОРКА ДВАДЦАТЬ.

— Будь они прокляты! — воскликнул Блейн. — Это астрономы. Очистить коридоры!

— Наверняка это будет Бакман, — усмехнулся Реннер. — Им будет нелегко водворить его в каюту.

— Верно. Мистер Стейли, скажите десантникам, что они должны отправить Бакмана в каюту, даже если его придется нести за руки и ноги.

Уитбрид усмехнулся про себя. На «Макартуре» была невесомость, и вращения у него не было. Интересно, как в таких условиях десантники смогут нести Бакмана за руки и за ноги?

— ТОРПЕДИСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ: СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ-1. ТОРПЕДЫ СНАРЯЖЕНЫ И ГОТОВЫ.

— Один из старших поваров думает, что видел беглецов, — сказал Стейли. — Десантники отправились к нему.

Чужой корабль все приближался, его двигатель извергал рваное белое пламя. «Оно должно очень хорошо резать», — подумал Блейн. Торможение вовсе не было атакой — чужаки явно доверяли *всему*: двигателям, компьютерам, сенсорам...

— МАШИННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ДОКЛАДЫВАЕТ: СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ-1. ПОЛЕ НА ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ.

— Десантники закрыли доктора Бакмана в его каюте, — сказал Стейли. — Доктор Хорват у интеркома, он требует объяснений.

— Послушайте его, Стейли. Но не очень долго.

— АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ, ЧТО ВСЕ БАТАРЕИ НАПРАВЛЕНЫ НА ЧУЖОЙ КОРАБЛЬ. НАПРАВЛЕНЫ И СОПРОВОЖДАЮТ ЕГО.

«Макартур» был в полной готовности. По всему кораблю его экипаж находился на боевых постах. Все несущественное оборудование, расположенное на корпусе корабля, убрали вниз.

Башня с патрульной кабиной Блейна торчала из корпуса корабля подобно мысли, пришедшей слишком поздно. При вращении она находилась достаточно далеко от корпуса корабля, но в бою ее можно было быстро отстрелить. Кабина Блейна была сейчас лишь пустой оболочкой: ее столы и самые важные приборы уже давно были убраны в безопасные области нуль-гравитации.

Каждый незанятый отсек внутри корабля был сжат до минимума, а внешние палубы были пусты, чтобы обеспечить свободное передвижение групп контроля повреждений.

Корабль мошкитов быстро приближался. Он был еще не более чем яркой точкой, а реактивная струя уже веером била в Поле «Макартура».

— АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ, ЧТО ЧУЖОЙ КОРАБЛЬ ТОРМОЗИТ С УСКОРЕНИЕМ 0,87 g.

— Ничего удивительного, — вполголоса произнес Реннер.

Свет расширялся во все стороны, заполняя экран, а потом вдруг потускнел. В следующий момент корабль чужаков скользнул на место рядом с линейным крейсером, и его двигатели отключились.

Это было так, словно корабль вошел в невидимый док, заняв место, предназначенное для него еще шесть дней назад. Сейчас он был совершенно неподвижен относительно «Макартура». Род заметил тени, движущиеся внутри надувных полей на его носу.

Реннер зарычал, лицо его исказилось.

— Черт побери этих позеров!

— Мистер Реннер, следите за собой!

— Простите, сэр. Это самый удивительный астронавигационный подвиг, о котором я слышал. Если бы кто-нибудь попытался рассказать мне о подобном, я назвал бы его лжецом. Кем они себя считают? — Реннер был зол. — Любой астронавигатор, попробовавший такой фокус, может остаться без хвоста, если вообще выживет.

Блейн кивнул. Пилот мошкитов не оставил ни малейшего запаса на случай ошибки.

— Я был не прав. Скорее всего это не военный корабль. *Взгляните* на него.

— Да, он хрупок, как бабочка. Я мог бы раздавить его одной рукой.

Род на мгновение задумался, затем отдал приказ.

— Вызовите добровольцев для первого контакта с этим кораблем. Нужен один человек, который полетит на невооруженной ракете. И... состояние Красный-1 остается.

Добровольцев было очень много.

Разумеется, гардемарин Уитбрид был одним из них. И Уитбрид уже делал это прежде.

Сейчас он ждал, сидя в ракете и разглядывая двери ангара сквозь поляризованный пластик лицевой пластины.

Он уже делал это прежде, и мошкита-шахтер не убила его, не так ли? Чернота пошла рябью, и вдруг сквозь отверстие в Поле Лэнгстона показались звезды.

— Отверстие достаточно большое, — сказал в его правом ухе голос Каргилла. — Вы можете стартовать, мистер Уитбрид. Удачи вам.

Уитбрид нажал рычаг пускателя. Ракета поднялась и выплыла сквозь отверстие в звездный космос под свирепый взгляд Глаза Мурчисона. Позади него Поле Лэнгстона закрылось. Уитбрид был отрезан от всех.

«Макартур» выглядел как резко ограниченный участок сверхъестественной черноты. Для пробы Уитбрид обогнул его и направился к чужому кораблю.

Чужак медленно рос перед ним. Его середина была тонкой, как копье, вдоль которого виднелись функциональные приспособления: крышки люков, отверстия для приборов, антенны и еще что-то, для чего невозможно было подобрать слов. Одинокий черный прямоугольник киля поднимался возле центральной части корабля: вероятно, теплообменная поверхность.

Внутри широких полупрозрачных пончиков, окружавших передний конец, видны были движущиеся фигуры. Они были видны достаточно четко, чтобы вызвать ужас: смутные, невероятно изуродованные тени людей.

Четыре тороида и тени внутри каждого из них. Уитбрид доложил:

— Они используют все топливные баки как жизненное пространство. Без нашей помощи им домой не вернуться.

— Вы уверены? — спросил капитан.

— Да, сэр. Может, внутри у них есть еще бак, но он не может быть большим.

Ракета уже почти достигла чужого корабля. Уитбрид притормозил и остановился рядом с жилыми помещениями. Затем открыл воздушный шлюз.

Возле переднего конца металлического сердечника немедленно открылась дверь. В овальном отверстии стоял мошкит, одетый во что-то прозрачное. Чужак ждал.

— Разрешите покинуть... — начал Уитбрид.

— Разрешаю. Докладывайте при каждом удобном случае или пользуйтесь своим здравым смыслом. Космодесант наготове, поэтому не просите о помощи, пока это действительно не понадобится. Они прибудут быстро. А сейчас — удачи.

Когда умолк Каргилл, снова заговорил капитан:

— И не рискуйте, Уитбрид. Помните, что мы ждем вас обратно с докладом.

— Да, сэр.

Мошкит грациозно вышел наружу, когда Уитбрид приблизился к воздушному шлюзу. Большая левая рука чужака ухватилась за кольцо, выступавшее из корпуса.

— Похоже, этот материал можно проткнуть чем угодно, — сказал Уитбрид в микрофон. — Эта штука не могла стартовать с поверхности планеты через атмосферу.

Он остановился в овальном отверстии и кивнул мягко улыбающемуся чужаку. Голос его звучал лишь наполовину сардонически, когда он официально спросил:

— Вы позволите войти?

Чужак согнулся в талии — а может, это был преувеличенный поклон? Сустав на его спине находился ниже плеч. Двумя правыми руками он сделал жест в сторону корабля.

Воздушный шлюз был размером с мошкита. Уитбрид нашел три укрытые среди паутины серебряных вымпелов кнопки. Мошкит следил за его колебаниями, затем потянулся мимо него и нажал одну, а затем вторую.

И шлюз закрылся за ним.

Посредник стояла в пустоте, ожидая, пока шлюз закончит полный круг. Она с удивлением разглядывала странное строение пришельца, симметричность и удивительное сочленение его костей. Явно это существо не было связано с известной ей жизнью. А его родной корабль прибыл из места, которое Посредник называла Точкой Безумного Эдди.

Еще больше ее удивила его неудача в управлении шлюзом без посторонней помощи.

Тут и должны были проявиться способности Посредника. Существо должно было быть разумным. А может, нет? Может, они послали сначала животное? Нет, наверняка нет. Они не могут быть настолько чужими: у любой культуры это должно быть смертельным оскорблением.

Шлюз открылся. Она шагнула вовнутрь, и цикл начался. Пришелец ждал в коридоре, заполняя его, как пробка горлышко бутылки. Посредник принялась сдирать с себя защитную оболочку и вскоре осталась обнаженной. Чужак легко мог вообразить, что она является Воином, и нужно было убедить его, что она безоружна.

Затем она отправилась к жилым надувным секциям. Большое неуклюжее существо двинулось следом. Оно было плохо приспособлено к невесомости и то и дело останавливалось заглянуть через оконные панели в секции корабля и изучало механизмы, которые Коричневые установили в коридорах... Разве стало бы разумное существо поступать так?

Посредник, конечно, могла взять существо на буксир, но оно могло принять это за атаку. Этого следовало избегать любой ценой.

В данный момент она должна обращаться с ним как с Мастером.

В переполненной камере в три яруса громоздились двадцать шесть изогнутых коек, очень похожих на ту, которая получилась из койки Кроуфорда. И все же они были не совсем идентичны. Мошкит двигался перед ним, грациозный, как дельфин. Его шкура была украшена узором из изогнутых коричневых и белых полос с четырьмя пятнами ярко-белого цвета в паху и под мышками. Уитбриду это казалось прекрасным. Сейчас мошкит стоял, ожидая его. «Нетерпеливо», — подумал Уитбрид.

Он не пытался думать о том, в какую совершенную ловушку попал. Коридор был неосвещен и клаустрофобически узок. Уитбрид заглянул в цепочку баков, соединенных насосами, — вероятно, охлаждающую систему для водородного горючего. Это могло быть связано с тем черным плавником снаружи.

Вдруг мошкита осветил яркий свет из отверстия, достаточно большого для Уитбрида. За ним был приглушенный дневной свет, похожий на освещение во время грозы. Следом за мошкитом Уитбрид вошел в один из тороидов, и его немедленно окружили чужаки.

Все они были одинаковыми, и казавшийся случайным узор из коричневых и белых полос повторялся на каждом из них. По крайней мере дюжина кривых улыбающихся лиц окружила его на некотором расстоянии. Они что-то быстро щебетали друг другу писклявыми голосами.

Потом вдруг щебетание стихло. Один из мошкитов приблизился к Уитбриду и произнес несколько коротких фраз, которые могли быть на разных языках. Впрочем, Уитбриду все они показались бессмысленными.

Он театрально пожал плечами и вытянул руки вперед.

Мошкит тут же повторил жест с невероятной точностью. Уитбрид беспомощно вытянулся в невесомости, согнув руки вокруг талии, и закудахтал, подобно цыпленку.

Голос Блейна, прозвучавший в его ухе, был спокойным и металлическим:

— Ну ладно, Уитбрид, все уже хохочут. Вопрос в том...

— О нет, сэр! Я снова на интеркоме?

— Вопрос в том, что подумают о ваших действиях мошкиты.

— Да, сэр. Я пытался изобразить третью руку. — Уитбрид успокоился. — Сэр, пришло время раздеться и мне. Пожалуйста, уберите меня с экранов интеркомов...

Датчик на его подбородке, конечно, был желтым: медленно действующий яд. Но на этот раз он не собирался вдыхать его. Он глубоко вздохнул и снял шлем. Задержав дыхание, он вынул дыхательный аппарат для плавания под водой и сунул его мундштук между зубами. Затем сделал вдох: все работало отлично.

Не спеша, он начал раздеваться. Первым было мешковатое покрытие, содержащее электронику и прочие механизмы. Затем он убрал полосы материи, закрывавшие застежки-молнии, и расстегнул ткань собственно вакуумного костюма. Молнии тянулись вдоль каждой конечности и на груди, без них потребовались бы часы, чтобы надеть или снять костюм, который выглядел как чулок или колготки. Эластичная ткань повторяла все изгибы его мускулатуры, предохраняя его от воздействия вакуума. При его поддержке его собственная кожа чувствовала костюм, а потовые железы служили системой, регулирующей температуру.

Баки свободно кружились перед ним, пока он освобождался от костюма. Мошкиты медленно двигались, а один из них — коричневый, без полос, копия шахтера, находившегося на «Макартуре», — подплыл, чтобы помочь.

Он использовал универсальную присоску своего рабочего снаряжения, приложив шлем к полупрозрачной стене. Неожиданно это не сработало. Коричневый мошкит тут же понял, в чем заключается трудность. Он (она, оно) извлек откуда-то какую-то трубку и приложил ее к шлему Уитбрида. Теперь все прошло нормально. Джонатон повернул шлем камерой к себе и снял остальные части своего костюма.

Людям для удобства разговора нужно было бы сначала определить, где верх, а где низ, зато мошкиты были сейчас в самых разных позах. Они ждали и улыбались.

Уитбрид извивался до тех пор, пока на нем не осталось ничего.

И мошкиты принялись изучать его.

Коричневый был самым поразительным из всех. Он был ниже остальных, с более хрупкими руками и странно выглядящей головой. Насколько мог заметить Уитбрид, он был идентичен шахтеру. Все остальные выглядели подобно мошкиту, погибшему в зонде с солнечным парусом.

Коричневый изучал его костюм, причем, казалось, его интересует рабочее снаряжение, но все остальные пробовали мускулатуру Джонатона, ища сочленения его тела и места, где тычки могли вызвать рефлекторные сокращения.

Двое изучали его крепко сжатые зубы. Остальные прослеживали пальцами его кости: ребра, позвоночник, форму его головы, таз, кости ног. Они ощупывали его руки и водили по ним пальцами. Хотя они были достаточно осторожны, все это было довольно неприятно.

Щебетание усилилось до крещендо. Некоторые из звуков были такими пронзительными, что становились почти неслышными, но за ними следовали мелодичные тона средней высоты. Наконец все мошкиты собрались за спиной Уитбрида, показывая друг другу на его позвоночник. Очень он их возбудил. Один из мошкитов сделал ему знак следить за ним, а затем согнулся взад и вперед. Суставы торчали из его спины, как будто она была сломана в двух местах. Уитбрид испытал тошноту, глядя на это, но у него появилась идея. Он согнулся в три погибели, выпрямился, затем согнулся снова. Дюжина маленьких рук принялась ощупывать его спину.

Наконец они отступили от него, а один подошел ближе и, похоже, пригласил Уитбрида изучить его (ее) анатомию. Уитбрид покачал головой и неторопливо отвернулся. Это было делом ученых.

Забрав свой шлем, он заговорил в микрофон:

— Докладываю, сэр. Я не знаю, что делать дальше. Может, попробовать привести кого-нибудь из них с собой на «Макартур»?

Голос капитана Блейна звучал напряженно:

— Ни в коем случае. Вы можете выйти из их корабля?

— Да, сэр, если это нужно.

— Так сделайте это. Доложите по безопасной линии, Уитбрид.

— Э... да, сэр. — Джонатон сделал знак мошкитам, указывая на свой шлем, а затем на воздушный шлюз. Тот, что привел его сюда, кивнул. Уитбрид натянул свой костюм с помощью коричневого мошкита и закрепил шлем. Коричнево-белый проводил его до шлюза.

Снаружи не было удобного места для установления безопасной линии, но после быстрого взгляда на эскорт мошкитов, оставшийся на поверхности корабля, держась за крюки, Джонатон не долго мучился этим. Потом он нахмурился. Где было кольцо, за которое держался мошкит, когда Уитбрид только прибыл сюда? Его не было. Почему?

Ну да ладно. «Макартур» был близко. В высшей степени осторожно Уитбрид оттолкнулся от корабля мошкитов и повис в пустоте космоса. Пользуясь прицелом шлема, он выбрал такое положение, чтобы быть на одной линии с торчащей из черной поверхности «Макартура» антенной, затем нажал языком кнопку «БЕЗОПАСНОСТЬ».

Узкий луч света вырвался из его шлема. Еще один вышел с «Макартура», следуя к крошечному рецептору в его шлеме. Кольцо вокруг этого рецептора потемнело. Если бы имелось отклонение, следящая система «Макартура» скорректировала бы его, а если бы луча коснулась еще одна приемная антенна, связь прервалась бы.

— Безопасный канал, сэр, — доложил он. Голос его дрожал от замешательства. «После всего этого, — подумал он, — я имею право выражать свои чувства. Разве не так?»

Блейн ответил немедленно:

— Мистер Уитбрид, причина перехода на этот канал вовсе не в том, чтобы доставить вам неудобство. Сейчас мошкиты не понимают нашего языка, но они могут делать записи. А позднее они будут понимать английский. Вы следите за моей мыслью?

— Почему... Да, сэр. — «Боже мой, Старик действительно заглядывает вперед».

— Мистер Уитбрид, мы не можем позволить ни одному мошкиту попасть на борт «Макартура», пока не решена проблема малышей, так же как не можем позволить им знать об этой проблеме. Это понятно?

— Да, сэр.

— Отлично. Я посылаю шлюпку с учеными следом за вами, как говорится, по проторенному пути. Вы все сделали хорошо. Но прежде чем я пошлю других, что еще вы можете сказать?

— Да, сэр. Во-первых, на борту есть два ребенка. Я видел их, сидящих на спинах взрослых. Они крупнее малышей и окрашены как взрослые.

— Еще одно доказательство мирных намерений, — сказал Блейн. — Что еще?

— У меня не было возможности сосчитать их, но, похоже, здесь двадцать три коричнево-белых и двое коричневых, типа шахтера с астероида. Оба ребенка были с коричневыми. Интересно, почему?

— Возможно, мы сможем спросить об этом у них. Хорошо, Уитбрид, мы посылаем ученых. Они получат катер. Реннер, вы слушаете?

— Да, сэр.

— Рассчитайте курс. Я хочу, чтобы «Макартур» находился в пятидесяти километрах от чужого корабля. Не знаю, что сделают мошкиты, когда мы двинемся, но катер вылетит первым.

— Вы хотите передвинуть корабль, сэр? — недоверчиво переспросил Реннер.

— Да.

Долгое время никто не говорил ни слова.

— Ну хорошо, — сказал Блейн. — Я объясню. Адмирала очень беспокоят эти малыши. Он думает, что они могут переговариваться с кораблем. Нам приказано следить, чтобы у них не было возможности связаться со взрослыми мошкитами.

Теперь молчание длилось еще дольше.

— Это все, джентльмены. Спасибо, мистер Уитбрид, — сказал Род. — Мистер Стейли, сообщите доктору Хорвату, что он может грузиться в катер в любое время.

«Что ж, вот мы и здесь», — подумал священник Харди. Это был округлый человек с мечтательными глазами и рыжими волосами, только начавшими седеть. За исключением воскресных богослужений, он проводил в каюте большую часть времени.

Дэвид Харди вовсе не был недружелюбным человеком. Любой мог зайти в его каюту выпить кофе, что-нибудь покрепче, сыграть в шахматы или же просто поговорить. Просто-напросто ему не нравились большие скопления людей. Он не мог узнавать их в толпе.

Он также не выставлял напоказ свои профессиональные склонности, не обсуждая свою работу с любителями и не публикуя результатов, пока не наберет достаточного количества доказательств. Сейчас, сказал он сам себе, это невозможно. Но кем же были чужаки? Наверняка они были разумны. Наверняка. И значит, в божественной схеме мира должно быть место для них. Но какое?

Члены экипажа перенесли снаряжение Харди на катер. Ленточная библиотека, несколько пачек детских книг, работы для ссылок (впрочем, немного, поскольку компьютер катера мог соединяться с корабельной библиотекой, но доктору Харди нравились книги, хотя они и были непрактичны). Было и другое снаряжение: два дисплей-

ных экрана со звуковыми преобразователями, электронные фильтры, повышающие или понижающие частоту, изменяющие тембр и фазу. Он хотел укладывать приборы сам, но старший помощник Каргилл отговорил его от этого. Десантники были экспертами в этом вопросе, и опасения Харди, что они что-то повредят, не основывались ни на чем: сломав что-нибудь, им пришлось бы иметь дело с Келли.

Харди встретил Салли в воздушном шлюзе. Она также отправлялась в путешествие не налегке. Кроме себя самой, она хотела взять *все*, даже кости и мумии с Каменного Улья, но капитан дал добро только на голограммы, и даже они были спрятаны, пока она не установит, как относятся мошкиты к грабителям могил. По описанию Улья, сделанному Каргиллом, мошкиты не имели похоронных обрядов, но это было абсурдом. Похоронные обряды были у всех, даже у самых примитивных людей.

Она не могла забрать мошкиту-шахтера или оставшегося малыша, который снова стал самкой. И хорьки, и космодесант продолжали искать второго малыша со щенком (интересно, почему он удрал с другим малышом, а не со своей матерью?). Салли было очень интересно, помогла ли суматоха, поднятая ею вокруг приказа Рода космодесанту, получить ей место в катере. Она знала, что на самом деле вела себя не очень хорошо по отношению к Роду. Он сам получил приказ от адмирала. Но все-таки приказ был неправилен! Малыши ничего не могли повредить, и бояться их — значит быть параноиком.

Следом за священником Харди она вошла в каюту катера. Доктор Хорват был уже здесь. Они втроем должны были стать первыми учеными, попавшими на чужой корабль, и она испытывала возбуждение. Там так много нужно было изучить!

Антрополог — она думала сейчас о себе как о полноценном специалисте, и наверняка никто не стал бы этого оспаривать, — лингвист и Хорват, бывший хорошим физиком до того, как стать администратором. Хорват был единственным бесполезным человеком в группе, но его должность давала ему право лететь, если он хотел этого. Она не думала, что те же соображения были применимы к ней самой, хотя половина ученых на борту «Макартура» считали именно так.

Трое ученых, рулевой, двое космонавтов и Джонатон Уитбрид. Никакого космодесанта и никакого оружия на борту не было. Возбуждение достаточно хорошо скрывало страх, прорвавшийся вдруг в их души. Разумеется, они не были вооружены, но она чувствовала бы себя гораздо лучше (так же, как и все остальные), если бы Род Блейн был с ними. Но это было невозможно.

Позднее на катере могли перелетать и другие люди. Бакман с его миллионом вопросов, как только Харди решит проблему общения. Биологи, офицер Космофлота — вероятно, Каргилл, — чтобы изучить оружие мошкитов. Офицер-механик... Это могли быть лю-

бые люди, кроме капитана. Было невероятно, чтобы Кутузов мог позволить Роду Блейну покинуть свой корабль, независимо от того, насколько мирными были намерения мошкитов.

Салли вдруг почувствовала тоску по родине. На Спарте у нее был дом, Харинг Крос, а за несколько минут можно было попасть в столицу. Спарта была центром цивилизации — но в последнее время Салли жила в космических кораблях все уменьшающихся размеров, разнообразие было лишь в виде тюремного лагеря. Окончив университет, она приняла решение: стать личностью, а не украшением какой-нибудь мужской карьеры. Правда, сейчас уже многое говорило и о другой возможности, особенно если это будет настоящий мужчина. Хотя... Нет! Она будет принадлежать только себе.

В одном конце кабины находились искореженные приборы, а также столы — обеденный и игровые.

— Вы бывали на этом катере? — спросил Хорват.

— Простите?

— Я спросил: «Вы бывали на этом катере?» Они убрали отсюда все вооружение, но оставили достаточно, чтобы понять, что здесь было. То же самое и с торпедами. Их убрали, но пусковые аппараты на месте. Так какого же рода будет наше посольство?

Харди очнулся от своих грез.

— А что бы вы сделали на месте капитана?

— Использовал бы невооруженный катер.

— Таких здесь нет, — мягко заметил Харди. — Вы знали бы это, если бы навестили хоть раз ангарную палубу. — На этой палубе находилась часовня, и Хорват не посещал ее. Конечно, это было его дело, но нелишне иногда напомнить об этом.

— Но ведь у мошкитов совершенно явно не военный корабль!

Харди кивнул.

— Мошкиты рано или поздно откроют нашу ужасную тайну. Мы — род, любящий войну, это часть нашей натуры. Даже если мы прибываем на полностью разоруженном корабле. Вам не кажется, что это будет многозначительным фактом для мошкитов?

— Но ведь это очень важно для Империи!

Дэвид Харди согласно кивнул. Министр по науке был прав, но священник подозревал, что доказательства его были плохи.

Катер слегка накренился, и полет начался. Род следил за ним по экранам мостика, испытывая беспомощное раздражение. Через мгновение, когда катер подойдет к борту корабля мошкитов, одна из батарей Кроуфорда будет направлена на него. И Салли Фаулер будет на борту этого хрупкого безоружного суденышка.

Поначалу планировалось привести мошкитов на борт «Макартура», но пока малыши не найдены, это было невозможно. Род был рад, что его корабль неподвластен чужакам. «Я учусь думать как параноик, — сказал он сам себе. — Подобно адмиралу».

А тем временем не было никаких следов малышей, Салли не разговаривала с ним, и все были раздражены.

— Корабль готов к маневру, капитан, — сказал Реннер. — Я сменю вас, сэр.

— Хорошо. Продолжайте, навигатор.

Прозвучало предупреждение об ускорении, и «Макартур» мягко двинулся в сторону от чужого корабля. В сторону от катера и Салли.

22. Словесные игры

Душ — пластиковый мешок с мыльной водой и молодым человеком внутри, причем горло мешка было плотно завязано вокруг шеи мужчины. Уитбрид пользовался щеткой с длинной ручкой, чтобы почистить себя там, где чесалось, — то есть везде. Какое все-таки удовольствие напрягаться и расслаблять мышцы! Как мало было всего этого в корабле мошкитов, таком клаустрофобически стиснутом.

Вымывшись, он присоединился к остальным, сидевшим в гостиной.

Священник, Хорват и Салли Фаулер — все в комнатных туфлях с клейкими подошвами — выстроились в линию. Никогда прежде Уитбрид такого не видел.

— Министр по науке Хорват, — сказал он. — Я прибыл под ваше командование на время пребывания здесь.

— Очень хорошо, мистер Уитбрид. — Хорват казался встревоженным и озабоченным. Впрочем, как и все они.

Священник с усилием проговорил:

— Как видите, никто из нас не знает, что делать дальше. Никогда прежде мы не контактировали с чужаками.

— Они вполне дружелюбны и хотят говорить, — сказал Уитбрид.

— Хорошо, но это не удовлетворило моего любопытства, и я остался у вас на крючке. — Священник нервно рассмеялся. — На что это было похоже, Уитбрид?

Он попытался рассказать им. Стиснутый, пока добираешься до пластиковых тороидов... хрупкий... никаких результатов в попытках поговорить с мошкитами, за исключением того, что Коричневые чем-то отличаются от Коричнево-белых.

— Они не вооружены, — сказал он им. — Я провел там три часа, изучая этот корабль, и на нем не осталось места, где они могли бы спрятать крупное оружие.

— У вас не было чувства, что они провели вас мимо чего-то?

— Я... нет.

— Вы не очень-то уверены, — резко сказал Хорват.

— Это не так, сэр. Я только что вспомнил об экспериментальной комнате. Мы закончили обход в комнате, где были всевозможные инструменты — на стенах, на полу и на потолке. На двух стенах были простые вещи — ручные сверла, продольные пилы со странными рукоятями, винты и отвертки. Это были предметы, которые я мог узнать. Я видел когти и что-то, что, по-моему, было молотком с большой плоской головкой. Все вместе это выглядело как мастерская в каком-нибудь подвале. Но там были и действительно сложные предметы, назначения которых я вообще не мог определить.

Чужой корабль плыл совсем рядом, видимый в передний иллюминатор. Нечеловеческие тени двигались вокруг него. Салли тоже разглядывала их, но тут Хорват сказал:

— Вы сказали, что чужаки не присматривали за вами.

— Не думаю, чтобы они провели меня мимо чего-либо. Я уверен, что меня намеренно привели в эту мастерскую. Не знаю почему, но мне кажется, что это был тест на разумность. Если это так, то я провалился.

— Единственный мошкит, с которым мы разговаривали, — сказал священник Харди, — пока что не может понять даже простейших жестов. Теперь же вы говорите мне, что эти мошкиты устраивали вам тест на разумность...

— И понимали жесты. Удивительно быстро поняли их. Да, сэр. Они различны. Вы видели снимки.

Харди закрутил прядь своих редеющих рыжих волос вокруг шишковатого пальца и легонько дернул.

— Сделанные камерой вашего шлема? Да, Джонатон. Я думаю, что мы имеем дело с двумя видами мошкитов. Один из них — это ученый идиот, который не может говорить. Второй... по крайней мере говорит, — закончил он неубедительно. Заметив, что играет с волосами, он пригладил их и привел в порядок.

Все они испуганы этим, понял вдруг Уитбрид. Особенно Салли. И даже священник Харди, который никогда не давал повода думать, что... Всех испугало это первое движение.

— Еще какие-нибудь впечатления? — спросил Хорват.

— Я по-прежнему думаю, что корабль спроектирован для невесомости. Эти липкие полосы повсюду, надувная мебель... Кроме того, есть короткие проходы, соединяющие тороиды и имеющие ширину тех же тороидов. При ускорении они становятся открытыми дверями ловушек, а избежать их невозможно.

— Это странно, — буркнул Хорват. — Корабль двигался с ускорением всего четыре часа назад.

— Именно, сэр. Эти соединения должны быть новыми. — Эта мысль осенила Уитбрида внезапно. Соединения должны быть новыми...

— Это говорит нам даже больше, — тихо сказал священник Харди. — Вы сказали, что мебель находится во всех углах. Мы все

видели, что мошкиты не заботятся о том, как они ориентированы, когда говорят друг с другом. Как будто они идеально приспособлены к невесомости. Как будто они развивались здесь...

— Но это невозможно, — запротестовала Салли. — Невозможно, но... вы правы, доктор Харди! Люди всегда ориентируют себя. Даже старые десантники, проведшие в космосе всю свою жизнь! Но никто не может развиваться в невесомости.

— Достаточно старые расы могут, — сказал Харди. — И потом, эти несимметричные руки... Успех эволюции? Нужно будет упомянуть эту теорию, когда мы будем говорить с мошкитами. Если мы будем говорить с ними, — добавил он.

— Они обезумели, увидев мою спину, — сказал Уитбрид. — Как будто никогда не видели подобного. — Он помолчал. — Я раздевался для них, и теперь они знают, с кем имеют дело. Это хорошо. — Говоря, он старался не смотреть на Салли.

— Я не собираюсь смеяться, — сказала она. — Я и сама хочу сделать то же самое.

Уитбрид резко поднял голову.

— *Что?*

Салли заговорила, осторожно подбирая слова. «Помни о провинциальных нравах», — мысленно сказала она себе и продолжила, не поднимая взгляда:

— Что бы ни собирались скрыть от чужаков капитан Блейн и адмирал Кутузов, существование у человека двух полов не входит в это число. Мошкиты имеют право знать, как мы устроены, а я единственная женщина на борту «Макартура».

— Но вы племянница сенатора Фаулера!

Она улыбнулась.

— Не будем говорить об этом. — Салли встала. — Лафферти, мы отправляемся немедленно. — Она повернулась, как имперская леди, стараясь не подавать и виду, что находится в невесомости. — Священник, вы можете присоединиться ко мне, когда я вас позову. — И она вышла.

Спустя некоторое время Уитбрид сказал:

— Хотел бы я знать, что делает вас такими нервными.

Хорват, глядя прямо перед собой, ответил:

— Она сама настаивает на этом.

Салли связалась с катером, когда добралась до места. Тот же самый мошкит, который приветствовал Уитбрида, или идентичный ему, вежливо пригласил ее на борт. Камера ракеты зафиксировала это, заставив священника наклониться вперед.

— Этот полупоклон очень похож на ваш, Уитбрид. Он великолепный мим.

Салли вновь вызвала их через несколько минут. Она была в одном из тороидов.

— Все мошкиты вокруг меня. Большинство из них принесли какие-то приборы. Джонатон, вы...

— У большинства из них не было в руках ничего. На что похожи эти приборы?

— Один похож на наполовину разобранную камеру, у другого есть экран, как у осциллографа. — Пауза. — Ну что ж, пока. — Щелчок.

Следующие двадцать минут они ничего не знали о Салли Фаулер. Трое мужчин нервничали, их глаза были прикованы к пустому экрану интеркома. Когда она наконец заговорила, голос ее звучал живее:

— Все в порядке, джентльмены. Вы можете входить.

— Я иду. — Харди освободился от ремней и медленно поплыл к воздушному шлюзу катера. В голосе его звучало явное облегчение: ожидание кончилось.

На мостике вокруг Рода царила обычная суматошная деятельность: ученые смотрели на главные наблюдательные экраны, квартирмейстеры следили за соблюдением безопасного расстояния в пятьдесят километров между кораблями. Род с гардемарином Стейли разрабатывали нападение космодесанта на корабль мошкитов. Все это было, конечно, чисто теоретически, но спасало Рода от мыслей о том, что происходило на борту чужого корабля. Вызов Хорвата был долгожданным разнообразием, и Род ответил с искренней сердечностью:

— Хэлло, доктор! Как у вас дела?

Хорват почти улыбался.

— Спасибо, капитан, очень хорошо. Доктор Харди отправился присоединиться к Салли Фаулер. Я послал вашего парня Уитбрида следом.

— Хорошо. — Род почувствовал пульсирующую боль между и чуть выше лопаток. Итак, Салли прошла через это...

— Капитан, мистер Уитбрид упомянул о комнате с инструментами на борту чужого корабля. Он верит, что его протестировали на способность обращаться с ними. Это заставляет верить, что мошкиты будут проверять на эту способность всех нас.

— Возможно. Изготовление и использование инструментов — это основная...

— Да, да, капитан, но никто из нас не является специалистом в этой области! Мы просто лингвист, антрополог и администратор. Мы... и несколько солдат Военного Космического Флота. Вся соль в том, капитан, что мы провели много времени, обсуждая поведение

мошкитов, и никто из нас не счел их достигшими *нашего* уровня разумности.

Блейн обдумал это.

— Есть же сами эти корабли... Но вы правы, доктор. Я пришлю вам кого-нибудь. Мы найдем у себя кого-нибудь, кто хорошо справится с подобным тестом.

Когда Хорват исчез с экрана, Род снова коснулся контрольной панели.

— Келли, можете освободить с постов половину ваших людей.

— Слушаюсь, капитан. — Лицо Келли не выражало никаких эмоций, но Род знал, насколько неудобно сейчас носить боевое обмундирование. Весь космодесант «Макартура» в полной боевой готовности находился сейчас на ангарной палубе.

Затем Род вызвал Синклера.

— Есть небольшая проблема, Сэнди. Нужен человек, хорошо разбирающийся в инструментах и желающий отправиться на корабль мошкитов. Если вы укажете мне таких людей, я вызову добровольцев.

— Не беспокойтесь, капитан. Я пойду сам.

Блейн был шокирован.

— Вы, Сэнди?

— А почему бы и нет, капитан? Разве я не разбираюсь в инструментах? Или, может, я с чем-то не справился? Мои парни вполне разберутся, что работает не так на «Макартуре», — я хорошо натренировал их. Вы не ошибетесь во мне...

— Подождите минуту, Сэнди.

— Да, капитан?

— Любой, кто хорошо справится с тестом, будет знать и Поле, и Движитель. Возможно, адмирал не разрешит вам идти.

— На борту нет другого человека, который смог бы узнать все об этом корабле, капитан.

— Ну ладно, отправляйтесь на осмотр к хирургам. И дайте мне имя. Кого я могу послать, если вас не отпустят?

— Пошлите Джекса. Или Лейха Бетсона. Вообще, любого из моих людей, кроме Меньшикова.

— Меньшиков... Это не тот техник, который спас шестерых человек, закрытых в торпедной во время сражения с «Дерзким»?

— Да, капитан. Кроме того, он тот, кто установил вам душ за две недели до сражения.

— О-о... Хорошо, спасибо, Сэнди. — Он повернулся и осмотрел мостик. Дел для него было здесь совсем мало. Экраны показывали корабль мошкитов в центре прицела главной батареи «Макартура». Его корабль был в достаточной безопасности от всего, что мог сделать чужак, но сейчас Салли должна была соединиться с Харди и Уитбридом... Род повернулся к Стейли.

— Последний вариант был неплохим. А теперь разработайте план спасения, предполагая, что только половина десантников находится в состоянии боевой готовности.

Салли услышала суматоху, когда мошкиты вели по кораблю Харди и Уитбрида, но едва взглянула вокруг, когда они прибыли. Она потратила время, чтобы одеться, но это было необходимо, и сейчас в тусклом и профильтрованном свете Мошки ее руки изучали тело Коричнево-белого, сгибая ее (его) плечевые суставы и прослеживая мускулы. При этом она диктовала свои соображения в диктофон на горле:

— Я делаю вывод, что это другой подвид, но имеющий близкое отношение к Коричневым, возможно даже выведенный из них. Это должно быть определено генетическим кодированием, когда мы доставим образцы на Новую Шотландию, где есть нужное оборудование. Возможно, мошкиты знают это, но мы должны быть осторожны в разговорах с ними, пока не установим, какие табу существуют среди них.

У них явно нет половой дискриминации, такой, как существует в Империи; фактически имеется значительное превосходство женщин. Один Коричневый — мужчина и заботится обо всех детенышах. Они отлучены от груди или по крайней мере нет признаков кормления их женщинами — или самцом — на борту.

Моя гипотеза заключается в том, что, в отличие от человечества после Сепаратистских войн, здесь не было недостатка в матерях или родах и таким образом не было культурного механизма сверхзащиты, такого, какой сохранился в Империи. У меня нет никаких соображений, почему нет детенышей среди Коричнево-белых, хотя возможно, что незрелые мошкиты, которых я наблюдала, принадлежат Коричнево-белым, а Коричневые используются как учителя детей. Имеется явная тенденция использовать Коричневых для всякой технической работы.

Отличия этих двух типов ясны, если не драматичны. Руки крупнее и лучше развиты у Коричневых, а их лоб уходит назад более покато. Кроме того, Коричневые ниже ростом. Вопрос: кто из них лучше приспособлен для использования инструментов? У Коричнево-белых большие способности мозга, Коричневые лучше действуют руками. Пока что все Коричнево-белые, которых я видела, являются женщинами, а среди Коричневых есть по одному представителю каждого пола. Что это: случайность, ключ к разгадке их культуры или что-то биологическое? Конец сообщения. Приветствую вас на борту, джентльмены.

— Какие затруднения? — спросил Уитбрид.

Ее голова была в пластиковом колпаке, закрывавшем шею, подобно душевому мешку; она явно не пользовалась носовым респиратором. Мешок слегка заглушал ее голос.

— Никаких. Что сейчас?

— Уроки языка.

Для начала имелось одно слово: «финч'клик'». Когда священник указал на себя и сказал: «Дэвид», мошкита, на которую он смотрел, изогнула нижнюю правую руку в то же положение и сказала: «финч'клик'», прищелкнув при этом языком.

Вроде бы все хорошо, но Салли сказала:

— У моей мошкиты было то же самое имя.

— Вы имеете в виду, что я выбрал того же самого чужака?

— Нет, не думаю. Но этот «финч'клик'», — она сказала это осторожно, щелкнув напоследок языком, а потом испортив весь эффект хихиканьем, — не является словом для обозначения мошкитов. Я проверяла его.

Священник нахмурился.

— Возможно, все собственные имена звучат для нас похоже. Или это слово может означать *рука*, — серьезно сказал он. На эту тему имелась даже классическая история, настолько старая, что, возможно, она пришла из доатомного периода. Он повернулся к другой мошките, указал на себя и сказал: — Финч'клик'? — Его акцент был почти идеален, и он не хихикал.

Мошкита сказала:

— Нет.

— Это они уловили быстро, — сказала Салли.

Уитбрид попробовал тоже. Он плавал среди мошкитов, указывая на себя, и говорил:

— Финч'клик'?

Он получил четыре идеально артикулированных «нет», прежде чем одна мошкита постучала по его колену и сказала:

— Финч'клик'? Да.

Итак, имелись трое мошкит, которые могли говорить людям «финч'клик'». Каждая к определенному человеку, и только к нему.

— Это может означать нечто вроде «Я назначен к вам», — предположил Уитбрид.

— Еще одна гипотеза, — согласился Харди. «Вообще-то неплохая, но данных все же недостаточно. А может, парень все-таки прав?»

Мошкиты толпились вокруг них. Некоторые из приборов, которые они принесли, могли быть камерами или записывающими устройствами. Одни издавали шум, когда люди говорили, другие извергали ленту или чертили извивающиеся оранжевые линии на маленьких экранах. Мошкиты обратили внимание и на собственное оборудование Харди, особенно маленький коричневый немой, который разобрал осциллограф Харди и на глазах у него собрал его снова. После этого изображение на экране стало ярче, и вообще он заработал гораздо лучше. Интересно. И ведь только Коричневые могли делать подобные вещи.

Вскоре уроки языка стали групповыми. Теперь это было игрой — обучение мошкитов английскому. Нужно было указывать на что-то и произносить слова, и мошкиты обычно запоминали их.

Мошкиты продолжали работать со своими приборами, настраивая их, а порой передавая Коричневым с каким-то птичьим свистом. Диапазон их собственных голосов был удивительным и мог меняться от баса до сопрано. Харди предположил, что высота была частью кода.

Внезапно он понял, сколько времени прошло. Его живот, чьи жалобы он игнорировал с рассеянным презрением, был пустотой. Вокруг носа появились пятна, натертые прилаженным респиратором. Глаза болели от атмосферы мошкитов, попавшей под защитные очки, и он жалел, что отказался от шлема или пластикового мешка, как у Салли. Сами мошкиты были размазанными яркими пятнами, которые медленно двигались вдоль изогнутых полупрозрачных стен. Сухой воздух, которым он дышал, постепенно обезвоживал его.

Все это он чувствовал по мере прошествия времени, но не обращал внимания. Им овладело какое-то веселье. Дэвид Харди осуществлял свое призвание в жизни.

Несмотря на уникальность ситуации, Харди решил воспользоваться традиционной лингвистикой, и сразу же возникли беспрецедентные проблемы со словами *лицо, рука, уши, пальцы*. Это проявлялось в том, что дюжина пальцев на правых руках имела одно общее название, а три толстых пальца на левой — другое. Плоское ухо называлось так, а стоячее — иначе. Слова для *лица* вообще не было, поскольку они немедленно ухватились за английское слово и, похоже, подумали об этом стоящем нововведении.

Он думал, что его мышцы приспособились к невесомости, но сейчас они давали о себе знать. Харди не знал, куда исчезла Салли, но это не беспокоило его. В этом проявилось и его восприятие Салли и мошкитов как коллег, а также то, насколько он устал. Он считал себя просвещенным человеком, но то, что Салли назвала «сверхзащитой женщин», глубоко укоренилось в имперской культуре — особенно в монашеском Военном Космическом Флоте.

Только когда у него кончился воздух, остальным удалось убедить Харди вернуться обратно на катер.

Ужин был простым, и они торопились закончить его, чтобы обменяться впечатлениями. Все остальные милосердно оставили Харди одного, пока он ел, и Хорват шикал на каждого мешающего, хотя сам испытывал сильнейшее любопытство. Хотя посуда была создана для условий невесомости, никто не пользовался ею в периоды нулевой гравитации, и люди приобретали новые привычки, которые срабатывали только при большой сосредоточенности. Наконец Харди

позволил одному из членов команды забрать поднос с его колен и взглянул вверх. Три нетерпеливых лица телепатически посылали ему миллион вопросов.

— Они изучили английский достаточно хорошо, — сказал Дэвид. — Надеюсь, что могу сказать — с моей помощью.

— Это их работа, — заметил Уитбрид. — Когда вы даете им слово, они пользуются им снова и снова, применяют его в разных формах, пытаются приложить ко всему окружающему то, что вы показали им... Я никогда прежде не видел ничего подобного.

— Это потому, что вы не наблюдали за доктором Харди достаточно долго, — сказала Салли. — Мы изучали эту методу в школе, но я не сильна в ней.

— Молодежь редко знает ее хорошо. — Харди расслабленно вытянулся. Пустота, которой он был, заполнилась. Но, что удивительно, мошкиты были в его работе лучше, чем он сам. — У молодежи обычно нет терпения для лингвистики. Впрочем, в этом случае помогает ваше нетерпение, поскольку мошкиты направляют ваши усилия вполне профессионально. Джонатон, а куда ходили вы?

— Я вывел свою финч'клик' наружу и показал ей ракету. Мы истощили запас вещей, показанных мошкитами на своем корабле, и я не хотел приводить их сюда. Можно ли делать это?

— Конечно, — улыбнулся Хорват. — Я говорил с капитаном Блейном, и он оставил это на наше усмотрение. Он сказал, что на катере нет ничего секретного. Однако мне хотелось бы обставить это как-то по-особому, скажем, устроить какую-либо церемонию. В конце концов, за исключением шахтера с астероида, мошкиты никогда не посещали человеческий корабль.

Харди пожал плечами.

— Наших визитов к ним тоже было немного. Впрочем, вы должны помнить, что, если, конечно, не вся раса мошкитов является фантастически способной к языкам — гипотеза, которую я отверг, — они специально подбирали экипаж этого корабля перед тем, как покинуть планету. Они собрали на борту специалистов по языкам. Я не удивлюсь, если финч'клик' окажется эквивалентом нашего профессора.

Уитбрид покачал головой. Остальные посмотрели на него, и наконец он заговорил. Он был весьма горд, что разработал метод, позволяющий младшему офицеру прерывать старших.

— Сэр, этот корабль покинул планету мошкитов спустя час — может, даже меньше, чем через час, — после появления «Макартура» в этой системе. Откуда у них могло быть время для сбора специалистов?

— Этого я не знаю, — медленно сказал Харди. — Но это *должны быть* специалисты определенного рода. Откуда у всего населения могут быть такие фантастические способности к лингвистике?

Причем «фантастические» — это не самое подходящее слово. Теперь вопрос ко всем: мы смогли хоть немного удивить их?

— Инструментальная комната? — уточнила Салли. — Полагаю, это именно то, как вы назвали ее, хотя я не поняла бы этого, не подскажи мне Джонатон. Они отвели меня туда сразу после того, как я покинула вас, доктор Харди, и они вовсе не казались удивленными. Я заметила, что вы оставались там гораздо дольше меня.

— Что вы там делали? — спросил Дэвид.

— Ничего. Я просто разглядывала эти приспособления. Все это место было завалено каким-то хламом — по-моему, эти зажимы на стенах не были достаточно прочными для использования в условиях гравитации. Я уверена в этом. Они должны были построить эту комнату после того, как прибыли сюда. Но поскольку там не было ничего, что я смогла бы понять, то я не уделила этому месту большого внимания.

Харди сложил руки в позе молящегося, потом смущенно поднял взгляд. Он приобрел эту привычку задолго до того, как получил приход, и никак не мог отучить себя от нее. Впрочем, она означала сосредоточенность, а не почтение.

— Вы ничего не делали, и они не интересовались этим, — какое-то время он напряженно думал. — Я спрашивал название приборов и провел там довольно много времени, и моя финч'клик' казалась весьма удивленной. Может, я неверно толкую это чувство, но мне действительно кажется, что мой интерес к инструментам не устраивал их.

— Вы пытались воспользоваться каким-то приспособлением? — спросил Уитбрид.

— Нет. А вы?

— Да, я поиграл с некоторыми из вещей...

— Они были удивлены или заинтересованы этим?

Джонатон пожал плечами.

— Все они всё время наблюдали за мной. Я не заметил никакого различия.

— Да. — Харди снова сложил руки, но на этот раз не заметил, что сделал это. — Думаю, что есть что-то странное с этой комнатой, и их интересует наш интерес ко всему этому. Но сомневаюсь, что мы узнаем причину, пока капитан Блейн не пошлет туда своего эксперта. Вы знаете, кто это будет?

Харди кивнул.

— Он послал старшего механика Синклера.

— Гм-м... — Этот звук вырвался непроизвольно, и все посмотрели на Джонатона Уитбрида, который медленно улыбнулся. — Если мошкиты были удивлены *вами*, сэр, то попробуйте представить, что будет твориться в их головах, когда они услышат командора Синклера.

* * *

На военных кораблях Флота люди обычно не поддерживают среднего веса. За время долгих периодов безделья те, кто любит поесть, развлекаются едой и быстро полнеют. Люди же, посвятившие свои жизни делу, включая немалый процент тех, кто останется на Флоте, часто забывают о еде. Пища не может привлечь их внимания.

Сэнди Синклер смотрел прямо перед собой, напряженно сидя на краю исследовательского стола. Это было обычно для Синклера, который не мог смотреть человеку в глаза, пока был обнажен. Он был большим и тощим, а его волокнистые мышцы были гораздо сильнее, чем выглядели. Его можно было принять за человека, получившего скелет на три номера больше, чем требовалось.

Третью часть площади его тела покрывала розовая ткань рубцов. Острый металл, разлетевшийся после взрыва, оставил эти розовые шрамы на его ребрах, а большая часть остальной площади была обожжена языками пламени или каплями металла. Космические сражения оставляют ожоги, если человек вообще выживает.

Доктору было двадцать три, и он был весел.

— Двадцать четыре года на службе, да? И даже бывали в сражении?

— Вы тоже получите свою порцию шрамов, если пробудете на Флоте достаточно долго, — огрызнулся Синклер.

— Охотно верю. Что ж, командор, вы в великолепной форме для ваших сорока лет. Думаю, вы можете провести в невесомости месяц, но мы поиграем в безопасность и будем возвращать вас на «Макартур» дважды в неделю. Полагаю, не нужно говорить, чтобы вы занимались укрепляющими упражнениями?

В течение следующего дня Род Блейн вызывал катер несколько раз, но наступил вечер, прежде чем он смог застать кого-то, кроме пилота. Даже Хорват отправился на корабль мошкитов.

Священник Харди, с улыбкой во все лицо и огромными черными кругами под глазами, был утомлен, но доволен.

— Я воспринимаю это как урок смирения, капитан. Они гораздо лучше разбираются в моей профессии, чем я сам. Я решил, что скорейший путь выучить их язык — это учить их английскому. Ни одно человеческое горло не может говорить на их языке — языках? — без помощи компьютера.

— Согласен. Для этого нужен целый оркестр. Я слышал некоторые из ваших лент. Фактически сделано совсем мало.

Харди улыбнулся.

— Сожалею. Мы пытались делать более частые доклады. Кстати, доктор Хорват сейчас показывает части мошкитов катер. Осо-

бенно их заинтересовал двигатель. Коричневый хотел разобрать его на части, но пилот не позволил. А ведь вы говорили, что на катере нет секретов.

— Действительно, я говорил так, но, думаю, преждевременно позволять им валять дурака с вашим источником энергии. Что сказал об этом Синклер?

— Не знаю, капитан. — Харди выглядел удивленным. — Они держали его в инструментальной камере весь день. Он и сейчас там.

Блейн коснулся своего носа. Он получил информацию, которую хотел получить, но священник Харди явно не был тем, с кем он желал поговорить.

— Сколько сейчас мошкитов на борту катера?

— Четверо. По одному для каждого из нас: меня, доктора Хорвата, леди Салли и мистера Уитбрида. Похоже, они назначены нам в сопровождающие.

— Четверо... — Род попытался осмыслить эти данные. Катер не был полномочным судном, но он был одним из военных кораблей его величества, и иметь группу чужаков на его борту... Что ж, замечательно, Хорват понимал риск, на который пошел. — Только четыре? А у Синклера гида нет?

— Это довольно странно, но нет. Большинство из них следит за его работой в инструментальной комнате, но никто конкретно к нему не приставлен.

— И нет никого для пилота или космонавтов на катере?

— Нет. — Харди на мгновение задумался. — Это странно, не так ли? Как если бы они объединяли командора Синклера с незаметными членами команды.

— Может, они просто не любят Военный Космический Флот?

Дэвид Харди пожал плечами, потом сказал, подбирая слова:

— Капитан, рано или поздно нам придется пригласить их на борт «Макартура».

— Я боюсь даже думать об этом.

Харди вздохнул.

— Потому я и поднял его сейчас, чтобы мы могли сбросить с плеч тяжесть ноши. Они показали, что верят нам, капитан. В их посольском корабле нет ни одного кубического сантиметра, которого бы мы не видели или по крайней мере не изучили бы приборами. Уитбрид готов засвидетельствовать, что на борту нет ни следа оружия. Вполне возможно, что они недоумевают, какие секреты прячем мы на борту своего корабля.

— Скажите, поблизости от вас есть мошкиты?

— Нет. К тому же они плохо знают английский.

— Не забывайте, что они *учатся*, и не забывайте о записывающих приборах. А сейчас, священник, я подкину вам проблему — относительно мошкитов и Сотворения. Долгое время мы говорили о

Великих Галактических Чародеях, наблюдающих за нами и решающих, позволить ли людям объединиться. Верно? Здесь же все как раз наоборот, не так ли? Теперь мы решаем, позволить ли мошкитам выйти из их системы, и пока это не решено, не хотим показывать им ни генераторы Поля Лэнгстона, ни Движитель Олдерсона, ни наше оружие... Да что там говорить, даже того, сколько на «Макартуре» жизненного пространства! Это может слишком много сказать о наших способностях. Мы многое прячем и будем продолжать прятать.

— Вы относитесь к ним как к врагам, — мягко сказал Дэвид Харди.

— И это не зависит ни от моего, ни от вашего решения, доктор. Кроме того, я задаю вопросы и хочу получить ответы до того, как решу, что мошкиты всего лишь верные друзья. — Род смотрел мимо священника, и его взгляд был устремлен куда-то вдаль. «Я не жалею, что это не мое решение, — подумал он. — Но в конечном счете они придут спросить меня. Как будущего маркиза Круцис Корта, если ничего не случится».

Он знал, что этот вопрос будет возникать снова и снова, и был готов к этому.

— Во-первых, почему они послали к нам корабль с Мошки-1? Почему не из троянской точки? Ведь это гораздо ближе.

— Я спрошу об этом у них, когда смогу.

— Во-вторых, почему четыре мошкита? Может, это и не важно, но я хочу знать, почему они назначили по гиду к каждому нашему ученому и одного к Уитбриду, но не прикрепили никого к членам команды?

— И они правы, разве не так? Они дали гидов четырем людям, наиболее интересным для их обучения...

— Именно. Но как они узнали? Например, откуда они могли знать, что на борту будет доктор Хорват? И в-третьих, меня интересует, что они строят сейчас?

— Хорошо, капитан. — Харди смотрел грустно, но не гневно. Ему было и будет труднее отказать, чем Хорвату... отчасти потому, что Род был сейчас его прихожанином, а Хорват церковь не признавал. И вопрос этот будет поднят снова, Род не сомневался в этом.

23. Элиза, пересекающая льды

В течение следующих недель на «Макартуре» велась суматошная деятельность. После каждой передачи данных с катера все ученые работали сверхурочно, и каждый из них ждал *немедленной* помощи от Космофлота. Оставался открытым вопрос о сбежавших малышах, но теперь это превратилось в игру, в которой проигрышем мог оказаться «Макартур». В кают-компании даже заключались па-

ри, что оба они мертвы, но тел их найти не удавалось. Это вызывало у Рода Блейна беспокойство, но ничего поделать он не мог.

Он также разрешил космодесантникам нести караульную службу в обычных мундирах. Катеру никто не угрожал, и было нелепо постоянно держать дюжину мужчин в полном боевом облачении. Вместо этого он удвоил караулы, продолжая наблюдение за пространством вокруг «Макартура», но никто — или ничто — не пытался приблизиться, ударить или отправить сообщение. Тем временем биологи истово искали ключ к психологии и физиологии мошкитов, астрономическая секция продолжала картографирование Мошки-1, Бакман дрожал от страха, когда кто-нибудь другой пользовался астрономическим оборудованием, а Блейн пытался сохранить свой переполненный корабль в состоянии покоя. Его уважение к Хорвату росло каждый раз, как он размышлял о дискуссиях между учеными.

На борту катера активность была еще выше. Командор Синклер покинул корабль и был немедленно забран к чужакам. Прошло три дня, прежде чем Коричнево-белый начал следовать за Синклером по пятам, и это был странно тихий мошкит. Его, казалось, интересовали механизмы катера, в отличие от других, которые прикрепили себя к людям. Синклер и его финч'клик' проводили долгие часы на борту чужого корабля, залезая во все углы и все опробывая.

— Парень был прав относительно инструментальной комнаты, — сказал Синклер Блейну во время одного из ежедневных докладов. — Это напоминает тесты на интеллигентность, применяемые к новым рекрутам. Некоторые из этих инструментов испорчены, и моя задача — привести их в порядок.

— Испорчены сейчас?

Синклер хихикнул, вспоминая. Было довольно трудно объяснить эту шутку Блейну. Молоток с большой головкой каждый раз бил по пальцу. Его требовалось подровнять. Лазер нагревался слишком быстро... и это было очень хитро. Он излучал не ту длину волны. Синклер исправил его, удвоив длину волны — каким-то образом. Кроме того, он узнал о контактных лазерах много такого, чего не знал прежде. Были еще и другие тесты вроде этого.

— Они хорошие техники, капитан. Требуется немалая сообразительность, чтобы справиться с некоторыми приборами и заставить их делать больше, чем они делают. Но они не могут заставить меня при этом не изучать их корабль... Капитан, я уже знаю достаточно, чтобы сделать корабельные шлюпки более эффективными. Или получить миллионы крон, спроектировав шахтерский корабль.

— Значит, уйдете от нас, когда мы вернемся, Сэнди? — спросил Род, но Синклер широко улыбнулся, показав, что не намерен делать этого.

На вторую неделю Род Блейн тоже получил финч'клик'.

Это и испугало его, и польстило ему. Мошкита выглядела подобно всем остальным: коричневые и белые метки, мягкая улыбка на искривленном лице, поднимавшемся над столом достаточно, чтобы Род мог погладить ее по голове, — если кто-то окажется с мошкитой лицом к лицу, то будет довольно странно.

Каждый раз, когда он вызывал катер, она была там, всегда спеша увидеть Блейна и поговорить с ним. С каждым его вызовом ее английский становился лучше. Они могли обменяться несколькими словами, и это было все. У него не было времени для финч'клик' или потребности в ней. Обучение мошкитов языку не являлось его работой — как не было работой для кого-либо другого, — и он просто смотрел на нее через экран. Как можно использовать гида, с которым ты никогда не встречаешься?

— Похоже, они решили, что ты важная персона, — невозмутимо отвечал ему Харди.

Блейну было о чем подумать, пока он руководил этим сумасшедшим домом — своим кораблем. А чужаки вовсе не жаловались.

Месячная вспышка активности слабо подействовала на Горация Бери. Он не получал вообще никаких новостей с катера и никак не участвовал в научной работе на корабле. Внимательно собирая слухи, которые могли оказаться полезными, он ждал новостей, отфильтровывающихся сквозь напластования ложных данных. Связь с катером велась только с мостика, а кроме Бакмана у него не было настоящих друзей среди ученых. Кроме того, Блейн приказал не показывать ничего по интеркому. Впервые с тех пор, как они покинули Нью-Чикаго, Бери почувствовал себя пленником.

Это беспокоило его больше, чем должно было, хотя он вполне мог сказать почему. Всю свою жизнь он пытался контролировать свое окружение на расстоянии, которого мог достичь: вокруг планеты, сквозь световые годы пространства и десятилетия времени или по всему линейному крейсеру Военного Космического Флота. Команда относилась к нему как к гостю, но не как к хозяину, а если он не был хозяином, значит, был пленником.

Где-то в замкнутых помещениях «Макартура», за пределами досягаемости всех, кроме самых главных ученых, физики изучали золотистое вещество с Каменного Улья. Потребовались недели, чтобы до Бери дошел слух, что это сверхпроводник тепла.

Это вещество могло оказаться бесценным, и Бери знал, что должен получить образец. Он даже знал, как это можно сделать, но заставлял себя ничего не предпринимать. Пока нет! Время украсть этот образец придет только тогда, когда «Макартур» встанет в док на Новой Шотландии. А пока слушать, искать, узнавать, что еще прихватить, когда придет время покинуть «Макартур».

Он получил несколько сообщений о Каменном Улье, дополняющих друг друга, и даже попытался получить информацию от Бакмана, однако результаты были более удивительны, чем полезны.

— Ох, забудьте о Каменном Улье! — воскликнул Бакман. — Когда-то его передвинули сюда. Улей не добавил ничего к информации о скоплениях троянских точек, и мошкиты воодушевленно поработали над его внутренней структурой, так что мы ничего не можем сказать о происхождении этой скалы...

Ну что ж, мошкиты могли делать и делали сверхпроводники тепла. И там повсюду были маленькие мошкиты. Бери наслаждался, следя за поисками сбежавших малышей. Разумеется, большая часть персонала молчаливо болела за беглецов: исчезнувшего малыша с ребенком. Элиза, пересекающая льды. И малыши выигрывали. Пища исчезала из самых странных мест: отдельных кают, гостиных, отовсюду, кроме самой кухни. Хорьки не могли взять след. «Как малышам удалось установить с хорьками перемирие?» — недоумевал Бери. Конечно, чужаки были... чужаками, но все же у хорьков никогда не было сложностей с обнаружением следов.

Бери наслаждался охотой, но... Он получил урок: малышей было труднее поймать, чем сохранить. Если он надеется продавать их в качестве любимцев, нужно продавать их в клетках. Затем возникнет еще вопрос приобретения и разведения пар. Чем дольше малыши останутся на свободе, тем меньше шансов будет у Бери убедить Военный Космический Флот, что они просто безвредные, дружелюбные существа.

Пока же было просто забавно видеть Флот в глупом положении. Бери болел за обе стороны, призывая на помощь все свое терпение, — и так проходили недели.

Пока шестеро финч'клик' проводили время на борту катера, остальные мошкиты работали. Внутренность чужого корабля менялась, как во сне: она была иной каждый раз, когда кто-либо прибывал туда. Целью периодических путешествий Синклера и Уитбрида было наблюдение за тем, чтобы мошкиты не сделали оружия. Впрочем, неизвестно еще, узнали бы они его или нет.

Однажды Харди и Хорват после часа, проведенного в зале для упражнений «Макартура», заглянули в наблюдательную каюту капитана.

— К мошкитам прибывает топливный бак, — сказал Хорват Роду. — Его запустили почти одновременно с кораблем тем же линейным ускорителем, но по траектории, сберегающей топливо. Он прибудет через две недели.

— Так вот что это! — Блейна и его офицеров беспокоил этот молчаливый объект, не спеша приближающийся к ним.

— Вы знаете об этом? Нужно было сообщить и нам.

— Интересно, сможет ли одна из наших шлюпок доставить его сюда? — спросил Род. — Они позволят нам сделать это?

— Не вижу причин для отказа, — сказал Дэвид Харди. — И еще одно, капитан...

Род кое-что знал об этом трюке. Хорват заставлял Харди просить обо всем, в чем тот мог ему отказать.

— Мошкиты хотят построить воздушный мост между катером и посольским кораблем, — закончил Харди.

— Это всего лишь временная структура, и она нужна нам. — Хорват сделал паузу. — Вы понимаете, капитан, это только гипотезы, но мы сейчас думаем, что каждая структура для них только временная. Они прибыли сюда без горючего, чтобы добраться до дома, и почти наверняка переделали всю систему жизнеобеспечения для невесомости за те три часа после прибытия.

— И этот мост тоже будет убран, — добавил Харди. — Но эта мысль их вовсе не беспокоит. Кажется, это им даже нравится.

— В этом главное отличие их психологии от человеческой, — серьезно сказал Хорват. — Возможно, мошкиты вообще никогда не пытались создать что-то постоянное. У них не будет ни Сфинксов, ни Пирамид, ни Памятника Свободы, ни Мавзолея Ленина.

— Доктор, мне не нравится идея соединить два корабля.

— Но, капитан, нам необходимо что-нибудь вроде этого. Люди и мошкиты постоянно снуют взад и вперед, и им каждый раз приходится пользоваться ракетами. Кроме того, мошкиты уже начали работу...

— Если они соединят два корабля, вы и вообще все на борту с того времени будете зависеть от их доброй воли.

Хорват забеспокоился.

— Я уверен, что чужакам можно доверять, капитан. В общении с ними мы достигли большого прогресса.

— Кроме того, — спокойно добавил священник Харди, — мы *уже* их заложники. Нет никакой возможности избегнуть такой ситуации. Наша защита — это «Макартур» и «Ленин» — если нам вообще нужна защита. Если два военных корабля не испугают их... что ж, мы знали о такой возможности, когда отправлялись на катер.

Блейн стиснул зубы. Если катер можно было потерять, то его экипаж — ни в коем случае. Синклер, Салли Фаулер, доктор Хорват, священник — наиболее ценные люди «Макартура» жили на борту катера. И все же священник был совершенно прав. Все они в любой момент могли стать жертвами насилия, и спасала их от этого лишь возможность мести «Макартура».

— Пусть строят, — сказал Род. — Воздушный мост нисколько не увеличит опасность.

Строительство началось сразу после разрешения Блейна. Труба из гибко соединенного тонкого металла выросла из корпуса корабля

мошкитов и зазмеилась к ним, подобно живому существу. Мошкиты плавали вокруг нее в скафандрах, выглядевших весьма хрупко. Насколько это было видно через главный иллюминатор катера, их можно было принять за людей... почти...

У Салли слезились глаза, когда она наблюдала за ними. Освещение было странным — тусклый свет Мошки и космически-черные тени, случайные вспышки искусственного света и их отражения от изогнутой металлической поверхности. Перспектива была совсем плохой, и это вызвало у Салли головную боль.

— Я все удивляюсь, где они берут металл, — сказал Уитбрид. Он сидел рядом с ней, как делал обычно, когда они занимались совместной работой. — На борту корабля нет ничего лишнего — как не было тогда, когда я прибыл сюда впервые, так нет и сейчас. Они должны бы разрывать свой корабль на части.

— Может, так оно и есть, — сказал Хорват.

Они собрались вокруг главного иллюминатора после обеда, с «грушами» в руках, наполненными чаем или кофе. Мошкиты стали любителями чая и шоколада, но зато кофе их желудки не выносили. Человек, мошкита, человек, мошкита... они расселись вокруг иллюминатора на скамьях, похожих формой на лошадей: финч'клик' переняли манеру людей ориентироваться в одном направлении.

— Смотрите, как быстро они работают, — сказала Салли. — Мост, кажется, растет у нас на глазах. — И снова в глазах у нее зарябило. Это было так, как если бы множество мошкит работали одна за другой. — Та, с оранжевыми полосками, должна быть Коричневым. Похоже, она старшая, верно?

— Но она еще и делает большую часть работы, — сказал Синклер.

— Это кажется странным, — заметил Харди. — Но если она знает достаточно, чтобы отдавать приказы, она должна уметь делать эту работу лучше любого другого, не так ли? — Он потер глаза. — Кажется мне, или некоторые из этих мошкитов меньше, чем другие?

— Так оно и есть, — сказала Салли.

Уитбрид приглядeлся к строителям моста. Казалось, что большинство мошкитов работают далеко *за* кораблем чужаков — пока трое из них не оказались прямо перед людьми. Осторожно подбирая слова, он сказал:

— Кто-нибудь пытался разглядывать их в телескоп? Лафферти, настройте его для нас, хорошо?

На экране телескопа все выглядело шокирующе ясно. Некоторые из этих рабочих мошкитов были крошечными, достаточно маленькими, чтобы пролезть в любую щель. И у каждого было по четыре руки.

— И часто вы используете этих существ как рабочих? — спросила Салли свою финч'клик'.

— Да. Мы находим их очень полезными. А разве нет... таких... существ на вашем корабле? — Чужак казался удивленным. Салли уже заметила, что наиболее частым чувством, выражаемым мошкитами, было удивление людьми. — Вы думаете, что Род будет встревожен?

— Но кто они такие? — расспрашивала Салли, не обратив внимания на вопрос мошкиты.

— Они... рабочие, — ответила мошкита. — Полезные животные... Вас удивило, что они маленькие? Значит, ваши большие?

— О да, — рассеянно ответила Салли и посмотрела на остальных. — Думаю, что нужно пойти взглянуть на этих... животных... поближе. Кто-нибудь идет со мной?

Но Уитбрид уже залезал в свой скафандр, и то же самое делали остальные.

— Финч'клик', — сказал чужак.

— Боже всемогущий! — взорвался Род. — Они уже позволяют вам отвечать на вызов?

Чужак говорила медленно, заботясь о произношении. Ее грамматика была несовершенна, но знание идиом и происшедшие изменения поражали каждый раз, когда она говорила.

— Почему бы и нет? Я говорю достаточно хорошо. Я могу запомнить сообщение. Я могу пользоваться рекордером. У меня мало дел, когда вас нет.

— Этому я помочь не могу.

— Я знаю. — С некоторым самодовольством чужак добавила: — Я испугала рядового.

— О зубы Господа, вы испугали меня. Кто-нибудь есть рядом?

— Рулевой Лафферти. Все остальные люди отсутствуют. Они отправились взглянуть на... туннель. Когда он будет закончен, рядовым не придется ходить с ними, когда они захотят посетить другой корабль. Могу ли я передать сообщение?

— Нет, спасибо. Я вызову еще раз.

— Салли должна скоро вернуться, — сказала мошкита Блейна. — Как ваши дела? Как дела на корабле?

— Достаточно хорошо.

— Вы всегда так осторожно говорите о корабле. Может, я коснулась секретов Военного Космического Флота? Меня интересует не корабль, Род. Я ваша финч'клик'. Это значит гораздо больше, чем просто гид. — Мошкита сделала странный жест. Род видел раньше, что она делала его, когда ей мешали или досаждали.

— Кстати, что делает финч'клик'?

— Я назначена к вам. Вы являетесь программой, хозяином работы. Я изучаю все, что можно узнать о вас. Я становлюсь экспер-

том по вам, милорд Родерик Блейн, а вы становитесь полем деятельности для меня. Меня интересует не ваш огромный, грубый, плохо спроектированный корабль, а ваше отношение к этому кораблю и людям на его борту, степень вашего контроля над ним, ваша заинтересованность в его благополучии и так далее.

Как среагирует на это Кутузов? Прервет контакт? Дьявольщина...

— Никому не нравится, когда его изучают. Любой почувствует неудобство, если его будут так изучать.

— Мы предполагали, что вы так отнесетесь к этому. Но, Род, ведь вы здесь, чтобы изучать нас, не так ли? Значит, мы имеем право изучать вас.

— Да, вы имеете на это право. — Голос Рода звучал жестко, независимо от его желания. — Но если кто-то приходит в затруднение, когда вы говорите с ним, на это, вероятно, есть причина.

— Черт побери, — сказала мошкита Блейна, — вы первые разумные существа, которых мы когда-либо встретили и которые не являются нашими родственниками. Почему вы считаете, что с нами вам должно быть удобно? — Она потерла плоский центр своего лица верхней правой рукой, затем опустила ее, как будто в затруднении. Это был тот же жест, который она сделала недавно.

Потом из-за ее спины донесся шум, и мошкита Блейна сказала:

— Подождите минутку. О'кей, это Салли и Уитбрид. — Ее голос стал высоким. — Салли? На экране капитан. — Она соскользнула со стула, и на него села Салли Фаулер. Когда она заговорила, улыбка ее казалась натянутой.

— Хэлло, капитан. Что нового?

— Дела, как обычно. Когда это наконец кончится?

— Род, вы выглядите возбужденным. Это странное переживание, не так ли? Не беспокойтесь, она не может слышать нас сейчас.

— Хорошо. Я не уверен, что мне понравится чужак, читающий мои мысли. Впрочем, не думаю, чтобы она действительно это делала.

— Они говорят, что нет. И иногда они плохо угадывают. — Она провела рукой по волосам, которые были в беспорядке, вероятно, из-за того, что она только что сняла шлем скафандра. — Очень плохо. Финч'клик' командора Синклера поначалу не разговаривала с ним. Они думали, что он Коричневый; помните тип ученого-идиота? Как у вас дела с малышами?

Это был вопрос, которого оба они научились избегать, и Род удивился, почему она подняла его сейчас.

— Пропавшие все еще не найдены. Никаких следов. Может, они даже умерли, а мы все не можем их найти. Но у нас еще остался один. Салли, я думаю, вам нужно взглянуть на него, когда вы в следующий раз вернетесь. Может, он болен.

Салли кивнула.

— Я вернусь завтра. Род, вы не наблюдаете за рабочими отрядами чужаков?

— Не особенно. Воздушный мост выглядит уже почти законченным.

— Да... Род, они используют для работы дрессированных малышей.

Род тупо уставился на нее.

В глазах Салли вспыхнуло беспокойство.

— Дрессированные малыши. В космических скафандрах. Мы не знали, что они были у них на борту. Мне кажется, что они застенчивы и прячутся, когда на корабле есть люди. Но это только животные — мы спрашивали.

— Животные... — «О мой Бог. Что скажет Кутузов?» — Салли, это очень важно. Можете вы вернуться сегодня ночью и кратко рассказать мне все? Вы и все, кто что-либо знает об этом?

— Хорошо. Командор Синклер наблюдает за ними сейчас. Род, это действительно фантастично, насколько хорошо дрессированы эти животные. Они могут пролезть в места, где требуются соединительные инструменты и глаза шпионов.

— Представляю. Салли, скажите мне правду. Есть хотя бы малейший шанс, что эти малыши разумны?

— Нет. Они просто дрессированы.

— Просто дрессированы... — И если на борту «Макартура» есть хоть один живой, он изучит корабль от носа до кормы. — Салли, есть хотя бы малейший шанс, что кто-то из чужаков может сейчас слышать меня?

— Нет. Я пользуюсь ушными телефонами, кроме того, мы не позволяем им работать на нашем снаряжении.

— Потому что вы знаете. Сейчас слушайте внимательно, а потом я хочу поговорить лично с каждым человеком на катере, с глазу на глаз. Кто-нибудь из вас говорил что-то — все равно что — о малышах, затерявшихся на борту «Макартура»?

— Н-нет. Вы же предупреждали не делать этого, капитан, помните? Род, что в этом плохого?

Что в этом плохого...

— Ради всего святого, не говорите ничего об этих пропавших малышах. Я скажу это и другим, когда вызову их к себе. И я хочу видеть всех вас — за исключением, пожалуй, команды катера — сегодня ночью. На этот раз мы объединим свои знания о мошкитах, потому что завтра утром я должен докладывать адмиралу. — Он был бледен. — Полагаю, что смогу ждать до этого времени.

— Ну, конечно, можете, — сказала она и очаровательно улыбнулась, но это подействовало слабо. Никогда прежде она не видела Рода таким обеспокоенным, и это сбивало ее с толку. — Мы будем у вас в час. Сейчас я позову мистера Уитбрида, и, пожалуйста, Род, не беспокойтесь.

24. Домовые

Офицерская кают-компания «Макартура» была переполнена. Все места за главным столом были заняты офицерами и учеными, а остальные разместились за их спинами. Пока стюарды проталкивались сквозь толпу, связисты устанавливали на одной из переборок большой экран. Все, за исключением Салли, беззаботно переговаривались. Она помнила встревоженное лицо Рода Блейна и не могла радоваться вместе со всеми этой встрече.

Офицеры и рядовые встали, когда в кают-компанию вошел Род. Кое-кто из гражданских тоже встал, остальные сделали вид, что не замечают капитана, а несколько человек, взглянув на него, отвели глаза в сторону, пользуясь своим гражданским статусом. Заняв свое место во главе стола, Род буркнул: «Вольно», затем осторожно сел. Салли подумала, что выглядит он даже более встревоженным, чем вчера.

— Келли!

— Да, сэр?

— Эта комната безопасна?

— Настолько, насколько мы смогли добиться этого, сэр. Четыре поста снаружи, и я слежу за работающими каналами.

— Что это значит? — требовательно спросил Хорват. — Почему вы решили, что нужно принимать меры предосторожности?

— Не сейчас, доктор. — Род посмотрел на министра по науке взглядом, в котором были и приказ, и защита. — Должен сказать вам, что все, обсуждаемое здесь, классифицируется как «совершенно секретное». Все из вас читали имперские правила, раскрывающие классификацию информации?

Все утвердительно закивали. Веселое настроение вдруг исчезло.

— Ни одного не читавшего? Тогда позвольте мне записать это. Доктор Хорват, три часа назад мне сообщили, что малыши являются отлично дрессированными животными, способными выполнять под присмотром техническую работу. Это верно?

— Да. Конечно. Это было так неожиданно, скажу я вам! Значение этого огромно: насколько мы сумели изучить их, они могут невероятно увеличить наши способности.

Род рассеянно кивнул.

— Есть хотя бы один шанс, что мы могли узнать это раньше? Что кто-нибудь знал это? Кто-нибудь из вас?

Раздалось сконфуженное бормотание, но никто не ответил. Род продолжал:

— Позвольте записать, что такого не было.

— Что значит эта запись, о которой вы говорите? — спросил Хорват. — И почему вы так беспокоитесь об этом?

— Доктор Хорват, эта беседа будет записана и должным образом засвидетельствована, чтобы при необходимости служить доказа-

тельством в военном трибунале. Вполне возможно, что судить будут меня. Это вам понятно?

— Что... О небеса! — задохнулась Салли. — Судить военным трибуналом? Вас? Почему?

— Может быть предъявлено обвинение в измене, — сказал Род. — Как я вижу, большинство офицеров не удивлены. Миледи, джентльмены, мы получили строгие приказы от самого вице-короля не выдавать никакой военной технологии Империи, а особенно защищать от осмотра мошкитов Движитель Олдерсона и Поле Лэнгстона. За прошедшие недели животные, способные изучить эту технологию и, вполне возможно, передать другим мошкитам, свободно разгуливали по кораблю. Теперь вы понимаете?

— Понимаю. — Хорват не выказал никаких признаков беспокойства, но лицо его стало задумчивым. — И вы обезопасили эту комнату... Вы действительно верите, что малыши могут понимать, о чем мы говорим?

Род пожал плечами.

— Я думаю, что, возможно, они могут запоминать разговоры и повторять их. Но живы ли еще эти малыши? Келли?

— Сэр, за последние недели нет никаких их следов. Никаких рейдов за пищевыми запасами. Хорьки до сих пор не принесли ни одного, но мышей давят. Думаю, эти бестии погибли, капитан.

Блейн потер свой нос, затем быстро вскинул руку.

— Канонир, вы когда-нибудь слышали на борту этого корабля о Домовых?

Лицо Келли не выразило удивления. Оно вообще ничего не выражало.

— Домовые, капитан?

— Род, вы что, сошли с ума? — ляпнула Салли. Все посмотрели на нее, и некоторые взгляды были далеко не дружелюбными. «Ого, — подумала она, — куда это я лезу? Кое-кто из них знает, о чем он».

— Я сказал «Домовые», Келли. Вы когда-нибудь слышали о них?

— Неофициально, капитан. Я говорил с некоторыми космонавтами, которые за последнее время поверили в маленький народец. По-моему, вреда от этого нет. — Однако Келли выглядел смущенным. Он слышал об этом и не доложил, а сейчас капитан, *его* капитан, мог иметь из-за этого неприятности...

— Кто-нибудь еще? — спросил Род.

— Э... сэр...

Роду пришлось постараться, чтобы увидеть говорящего. Гардемарин Поттер находился у дальней стены, почти скрытый двумя биологами.

— Да, мистер Поттер?

— Некоторые из членов моей наблюдательной секции, капитан... они говорят, что если оставить немного пищи — зерна, крупы,

остатки еды, что угодно — в коридоре или под своей кроватью вместе с чем-то, что можно исправить, то это будет исправлено. — Поттеру явно было неудобно. Он явно думал, что рассказывает чепуху. — Один из моих людей называл их Домовыми. Я думал, что это шутка.

После Поттера заговорили сразу дюжина других, даже некоторые из ученых. Микроскопы, фокусировка у которых превосходила лучшие образцы кампании «Лейка Оптикал». Лампа ручной работы в биологической секции. Сапоги и туфли, подогнанные к ногам. Род осмотрел один из них.

— Келли, у скольких ваших людей оружие индивидуализировано, подобно вашему и мистера Реннера?

— Э... я не знаю, сэр.

— Я вижу одно из них здесь. Полизавский, как вы получили это оружие?

Десантник начал заикаться. Он явно не привык разговаривать с офицерами, тем более с капитаном, и особенно — с капитаном в плохом настроении.

— Я... э... я, сэр, оставил свое оружие и пакетик жареной кукурузы под своей койкой, а на следующее утро все было сделано, сэр. Точно так, как говорили другие.

— А вы не подумали, что это достаточно необычно, чтобы обратиться к канониру Келли?

— Э... сэр... э... мы с другими думали, что надо... э... но Старджон рассказал о галлюцинациях в космосе, и мы... э...

— Кроме того, доложи вы об этом, я мог бы прекратить все это дело, — закончил за него Род. Будь оно все проклято! Как он теперь будет объяснять все это? Он был занят, слишком занят, улаживая ссоры из-за пустяков между учеными... Однако факт налицо. Он запустил свои обязанности, и каков же результат?

— Не слишком ли серьезно вы воспринимаете это, капитан? — спросил Хорват. — В конце концов приказы вице-короля были получены, когда мы ничего не знали о мошкитах. Сейчас же мы видим, что они не опасны и вовсе не враждебны нам.

— Вы полагаете, доктор, что мы можем отменить имперскую директиву?

Хорват усмехнулся.

— О нет, — сказал он. — Такого у меня и в мыслях не было. Я только полагаю, что если — а точнее, «когда», потому что это неизбежно, — эта политика изменится, все это будет выглядеть глупыми пустяками, капитан Блейн. Детским лепетом.

— Будьте вы прокляты! — взорвался Синклер. — Так нельзя говорить с капитаном!

— Полегче, Сэнди, — воскликнул старший помощник Каргилл. — Доктор Хорват, полагаю, вы никогда не принадлежали к военной интеллигенции? Ну конечно, нет. Но, видите ли, в своей работе мы

опираемся на возможности, а не на цели. Если потенциальный враг *может* что-то сделать с вами, вы должны готовиться к этому, независимо от того, что вы думаете о его желаниях.

— Вот именно, — сказал Род. Он был рад этому вмешательству. Синклер все время злился на своем конце стола, и требовалось совсем немного, чтобы он снова взорвался. — Поэтому прежде всего мы хотим определить потенциальные возможности малышей. Из того, что я видел на сооружении воздушного шлюза, плюс сведения, собранные о Домовых, следует, что они довольно высоки.

— Но они же только животные, — напомнила Салли. Она смотрела на разъяренного Синклера, на сардонически улыбающегося Хорвата и на встревоженное лицо Рода. — Вы не понимаете... Эти занятия с инструментами... да, они делают это хорошо, но это не разум. Их головы слишком малы. Большая часть мозговой ткани у них используется для работы с инструментами, и на большее они не способны. У них практически нет ни обоняния, ни вкуса. Они очень близоруки, и их способности к языкам меньше даже, чем у шимпанзе. Они хорошо воспринимают космос и поддаются дрессировке, но они не изготавливают инструменты, они только исправляют или изменяют вещи.

А как они могут шпионить за нами? — продолжала Салли. — Этому их никто не мог научить. Их вывели случайно у себя на родине. — Она взглянула на окружающие ее лица, пытаясь определить, убедила ли их.

— Вы действительно верите, что сбежавшие малыши еще живы? — Голос был сердечный, слегка окрашенный акцентом Новой Шотландии. Род посмотрел на доктора Блевинса, колониального ветеринара, призванного в экспедицию. — Мой собственный малыш умер, капитан. И я ничего не смог сделать. Общее отравление, ухудшение деятельности желез — эти симптомы похожи на обыкновенную старость.

Блейн медленно покачал головой.

— Хотел бы я думать так, док, но по кораблю ходит слишком много историй о Домовых. Прежде чем собрать вас, я поговорил с некоторыми начальниками, и на всех палубах одно и то же. Никто не хотел докладывать об этом, поскольку, во-первых, мы решили бы, что они сошли с ума, а во-вторых, Домовые были слишком полезны, чтобы рисковать потерять их. Так вот, во всех историях из ирландского фольклора канонира Келли на военных кораблях никогда не было никакого маленького народца. Это и есть те самые малыши.

Воцарилась долгая тишина.

— И все-таки, какой вред они причиняют? — спросил Хорват. — Я думаю, что несколько Домовых — это ценное приобретение, капитан.

— Ха! — Это замечание Рода не нуждалось в комментариях. — Вред или польза, но сразу после этого собрания мы будем стерили-

зовать корабль. Синклер, вы подготовите к эвакуации ангарную палубу.

— Да, капитан.

— Тогда займитесь этим. Откройте ее в пространство и проверьте, чтобы были открыты все отсеки. Я хочу, чтобы ангарная палуба стала *безжизненной*. Командор Каргилл, проследите, чтобы вахтенные были в боевом обмундировании. Только в своем боевом обмундировании, Номер Первый! Остальные пусть думают, какое оборудование нельзя оставлять в вакууме. Когда с ангарной палубой будет закончено, десантники Келли помогут вам перенести все туда, а затем мы разгерметизируем остальную часть корабля. Мы должны покончить с Домовыми раз и навсегда.

— Но...

— Эй, это же глупо...

— Мои культуры погибнут...

— Проклятие, везде эти военные ублюдки...

— Он может сделать это?..

— Слушаюсь, капитан!

— Какого черта он думает, что он...

— Молчать! — Рев Келли перекрыл все разговоры.

— Капитан, вы действительно будете настолько безжалостны? — спросила Салли.

Он пожал плечами.

— Я думаю, что они достаточно умны. А что делать? Если я не прикажу сделать это, такой приказ отдаст адмирал. Кстати, все согласны, что малыши не являются шпионами?

— Это незачем и обсуждать, — сказал Реннер. — Однако, капитан, вам известно о случае с карманным компьютером?

— Нет.

— Большой мошкит разобрал карманный компьютер мисс Фаулер на части, а потом собрал его снова. И тот работает!

— Ага. — Лицо Рода было угрюмо. — Но это был большой коричневый мошкит.

— Который может говорить с маленькими. Именно он заставил малышей отдать часы мистеру Бери, — сказал Реннер.

— Я поднял экипаж по тревоге, капитан, — доложил Каргилл, стоя у интеркома кают-компании. — Я никому ничего не объяснял, и они думают, что это тренировка.

— Хорошо придумано, Джек. У кого есть какие-нибудь возражения против уничтожения этих паразитов? Большой мошкит делает то же самое, и если, как вы говорите, они только животные, их должно быть гораздо больше, чем Коричневых. Вряд ли мы хоть сколько расстроим его. Как вы считаете?

— Пожалуй, н-нет, — сказала Салли, — но...

Род решительно покачал головой.

— Есть множество причин, чтобы уничтожить, и я не услышал ни одного аргумента за их сохранение. Значит, мы можем принять это решение.

Хорват покачал головой.

— Но это так жестоко, капитан. Как, по-вашему, что мы защищаем?

— Разумеется, Движитель Олдерсона, а косвенно всю Империю. Однако главным образом Движитель Олдерсона, — серьезно сказал Каргилл. — И не спрашивайте меня, почему я считаю, что Империя нуждается в защите от мошкитов. Я не знаю, но я собираюсь делать это.

— Вы не можете защитить Движитель. Они уже получили его, — заявил вдруг Реннер, а когда все присутствующие в комнате повернулись к нему, криво улыбнулся.

— Что?! — воскликнул Род. — Как?

— Кто эти проклятые изменники? — требовательно спросил Синклер. — Имена этих подонков!

— Держи-хватай! Прекратите немедленно! — потребовал Реннер. — У них уже есть Движитель, капитан. Я узнал об этом час назад. Все это записано, и вы можете это увидеть.

Он встал и направился к большому экрану. По нему побежали изображения, пока Реннер не нашел место, которое искал. Затем он повернулся к смотревшим на него людям.

— Как приятно быть центром внимания, — сказал Реннер, как будто не замечая яростного взгляда Рода. — Это запись разговора между моей мошкитой и мной. Я постараюсь показать вам обе стороны, участвующие в разговоре. — Он коснулся переключателя, и экран ожил: Реннер на мостике «Макартура» и его финч'клик' в посольском корабле мошкитов. Реннер прокручивал это с большой скоростью, пока не нашел то место, которое искал.

— Вы могли прийти откуда угодно, — сказала мошкита Реннера. — Правда, наиболее вероятно, что вы пришли с ближайшей звезды, скажем... впрочем, я могу показать ее. — За спиной мошкиты по экрану побежали изображения звездного неба: экран на экране. Затем она вытянула вперед верхнюю правую руку. Звезда была Новой Каледонией. — Судя по тому, где вы появились, мы знаем, что у вас есть мгновенный двигатель.

Реннер на экране шагнул вперед.

— Где мы появились?

— Да. Вы появились в... — Казалось, что мошкита ищет подходящее слово, однако потом она отказалась от этого. — Реннер, я должна рассказать вам о существе из легенды.

— Так расскажите. — Реннер на экране маленькими глотками пил кофе.

— Если позволите, мы будем называть его Безумным Эдди. Он... иногда он бывает вроде меня, а иногда бывает, как Коричневый, ученый-идиот. И всегда он совершает плохие поступки, руководствуясь высшими целями. Он делает одно и то же снова и снова, и всегда это ведет к несчастью, но он никак не научится.

В офицерской кают-компании послышался шепот, а Реннер на экране сказал:

— Например?

Мошкита Реннера на мгновение задумалась, затем произнесла:

— Когда город переполнен так, что ему грозит опасность немедленного коллапса... когда пища и чистая вода поступают в город в количестве, достаточном лишь для того, чтобы накормить всех, и все должны постоянно работать, чтобы поддержать такое состояние... когда все коммуникации заняты перевозкой жизненно необходимых товаров, и никто не перевозит людей... это значит, что Безумный Эдди возглавил забастовку мусорщиков за лучшие условия работы.

В кают-компании послышался смех. Реннер на экране усмехнулся и сказал:

— Я думаю, что знаю этого джентльмена. Продолжайте.

— Это двигатель Безумного Эдди. Он заставляет корабли исчезать.

— Замечательно.

— Теоретически это должно быть двигателем мгновенного перемещения, ключом ко всей Вселенной, а на практике это заставляет корабли исчезать навсегда. Этот двигатель изобретали, строили и испытывали много раз, и всегда корабли исчезали навсегда со всеми, кто был на их борту, но только в том случае, если вы пользовались им как было надо. Корабль должен был находиться в нужном месте, которое довольно трудно обнаружить, а машины его должны были действовать в точном соответствии с теорией. Иначе не происходило вообще ничего.

Оба Реннера рассмеялись.

— Понимаю. И мы появились в этой точке, точке Безумного Эдди. Из этого вы сделали вывод, что мы раскрыли секрет двигателя Безумного Эдди.

— Вы сделали это.

Губы чужака раздвинулись в подобии человеческой улыбки... Реннер долго смотрел на него, прежде чем отвернуться.

Долго все молчали, потом Синклер заговорил:

— Что ж, это достаточно ясно, не так ли? У них есть Движитель Олдерсона, но нет Поля Лэнгстона.

— Почему вы так решили, командор Синклер? — спросил Хорват. Кто-то попытался объяснить ему, но этот голос перекрыл рев старшего механика.

— Корабли этих тварей исчезали, но только в строго определенном месте, верно? Значит, у них есть Движитель. Но они никогда не видели, чтобы корабли возвращались назад, потому что они выходили в обычное пространство вон в той красной звезде. Это совершенно ясно.

— О! — Хорват печально кивнул. — Безо всякой защиты... Они оказывались прямо внутри звезды, верно?

Салли содрогнулась.

— И ваша мошкита говорила, что они делали это часто. — Она снова вздрогнула, потом сказала: — Но, мистер Реннер, никто из других мошкитов не говорил об астронавигации или о чем-то подобном. Мне рассказывали о Безумном Эдди как о персонаже давно минувших времен.

— А мне говорили о Безумном Эдди как об инженере, использовавшем завтрашние знания для решения сегодняшних проблем, — буркнул Синклер.

— Что-нибудь еще? — спросил Род.

— Ну что ж. — Священник Харди, казалось, находился в затруднительном положении. Его полное лицо было красным, как свекла. — Моя мошкита говорила, что Безумный Эдди основал религию. Жуткую, очень логичную и невероятно неподходящую религию.

— Довольно, — сказал Род. — Похоже, я единственный, чья мошкита никогда не упоминала Безумного Эдди. — Он задумался. — В общем, полагаю, можно согласиться, что у мошкитов есть Движитель, но нет Поля?

Все кивнули. Хорват почесал свое ухо, потом сказал:

— Я вспомнил сейчас историю открытия Лэнгстона, и меня вовсе не удивляет, что у мошкитов нет Поля. Меня удивляет, что они имеют даже Движитель, хотя его принципы можно вывести из астрофизических наблюдений. А Поле было чисто случайным изобретением.

— Допустим, что они знают о его существовании. Что тогда? — спросил Род.

— Тогда... я не знаю, — сказал Хорват.

В комнате воцарилась тишина. Полная тишина. Потом послышался шепот, а Салли рассмеялась.

— Вы смотрите на это так смертельно серьезно, — сказала она. — Допустим, что у них есть и Движитель, и Поле. Здесь есть только одна планета, полная мошкитов. Они не враждебны к нам, да даже если бы и были, вы действительно думаете, что они могут угрожать Империи? Капитан, что может сделать «Ленин» с планетой мошкитов прямо сейчас и в одиночку, если прикажет адмирал Кутузов?

Напряжение спало, и все заулыбались. Конечно, она была права. У мошкитов даже не было военных кораблей. Они не имели По-

ля, да даже если бы и придумали его, как они могли научиться тактике ведения космической войны? Бедные мирные мошкиты, что они могли противопоставить Империи Человека?

Так думали все, за исключением Каргилла. Он вовсе не улыбался, когда вполне серьезно сказал:

— Этого я не знаю, миледи. А хотел бы знать.

Гораций Бери не был приглашен на это совещание, хотя и знал о нем. Когда оно еще продолжалось, к его каюте подошел космодесантник и вежливо, но очень решительно увел его с собой. Охранник не говорил, куда он ведет Бери, и было ясно, что он и сам этого не знает.

— Канонир сказал оставаться с вами и быть готовым забрать вас туда, где будут остальные, мистер Бери.

Бери внимательно изучал этого человека. Что может он сделать за сотню тысяч крон? Впрочем, пока в этом не было нужды. Не сейчас. Наверняка Блейн не собирался расстреливать его. На мгновение Бери испугался. Может, они заставили Стоуна заговорить, и теперь возвращаются на Нью-Чикаго?

О Аллах, никто не застрахован... Впрочем, это абсурд. Даже если Стоун рассказал все, не было и не могло быть никакого имперского сообщения для «Макартура». Они были отрезаны от Империи так же надежно, как и мошкиты.

— Значит, вы должны оставаться со мной? А ваш офицер говорил, куда я должен идти?

— Но это не сейчас, мистер Бери.

— Тогда отведите меня в лабораторию доктора Бакмана. — «А почему бы и нет? Там нам обоим будет более удобно».

Рядовой подумал и сказал:

— Хорошо, идемте.

Бери нашел своего друга в плохом настроении.

— Собираю все, что не может оставаться в глубоком вакууме, — буркнул Бакман. — Приказано подготовить все для переноса. Никаких объяснений, просто сделать это. — Он продолжал упаковывать приборы, а вдоль стен уже стояло множество ящиков и больших пластиковых мешков.

Тревога Бери прорвалась наружу. Бессмысленные приказы, охрана у дверей... он снова почувствовал себя пленником. Глядя на него, и Бакман растерял свое спокойствие. В конце концов астрофизик плюхнулся на стул и взял чашку кофе.

— Выглядите вы не очень хорошо, — сказал он. — Много дел?

— На этом корабле дел для меня практически нет. — Бери говорил спокойно, и это потребовало от него полнейшего самоконтроля. — Почему вы должны готовиться здесь к глубокому вакууму?

— Ха! Я не знаю. Я просто делаю это. Пытался вызвать капитана, но он на конференции. Пытался пожаловаться Хорвату, но и тот на конференции! Если их нет на месте, когда они нужны вам, зачем они вообще нужны?!

Из коридора донеслись какие-то звуки: похоже, тащили что-то тяжелое. Что же происходило на корабле? Время от времени они эвакуировали корабль, чтобы избавиться от крыс...

Так вот оно что! Они хотели уничтожить малышей! Слава Аллаху, он вовремя начал действовать. Бери облегченно улыбнулся. Он был более высокого мнения о ценности малышей после того, как однажды ночью оставил коробку бхаклавы у открытой лицевой пластины своего космического скафандра.

Повернувшись к Бакману, он сказал:

— Вы уже разобрались с троянскими точками?

Бакман удивленно взглянул на него, потом рассмеялся.

— Бери, я не думаю об этой проблеме уже месяц. Мы изучали Угольный Мешок.

— Да?

— Мы обнаружили в нем какую-то массу... возможно, протозвезду. И источник инфракрасного излучения. Узоры сечения в Угольном Мешке фантастичны. Как если бы газ и пыль были вискозой... разумеется, это дело магнитных полей. Мы получили удивительные данные о динамике пылевого облака. Когда я думаю о времени, потраченном на эти астероиды троянских точек... до чего же тривиальна эта проблема!

— Продолжайте, Бакман. Не оставляйте меня в неведении.

— Что? Тогда я покажу вам. — Бакман подошел к интеркому и набрал какой-то номер.

Ничего не произошло.

— Вот те раз! Какой-то идиот наложил на это ограничение. — Бакман закрыл глаза, вспоминая другой номер. На экране появились фотографии. — Ну вот, наконец-то!

Астероиды носились по экрану, снимки расплывались и дергались. Некоторые были перекошены, некоторые почти сферические, многие были испещрены кратерами.

— Прошу прощения за качество. Ближайшие Троянцы находятся довольно далеко... к тому же все это требует времени и доступа к телескопам «Макартура». Вы поняли, что мы обнаружили?

— Не совсем. Хотя... — На всех астероидах имелись кратеры. По крайней мере один. Три длинных, узких астероида в ряд... и на каждом глубокий кратер с одного конца. Один астероид имел форму, близкую к ореху кешью, и кратер был внутри его кривизны. Каждый астероид в этом ряду имел большой глубокий кратер, и всегда линия, проходящая через его центр, проходила и через центр тяжести астероида.

Бери почувствовал страх и, чтобы дать ему выход, рассмеялся.

— Да, я понял. Вы обнаружили, что все эти астероиды собраны в это место искусственно. Поэтому вы потеряли к ним интерес.

— Разумеется. Когда я думаю, что надеялся открыть какие-то новые количественные законы... — Бакман пожал плечами и отхлебнул кофе.

— Полагаю, вы никому не говорили этого?

— Я поговорил с доктором Хорватом. Как вы думаете, это он ограничил доступ к этому?

— Это вполне возможно. Бакман, сколько, по-вашему, нужно энергии, чтобы сдвинуть с места такую глыбу?

— Этого я не знаю. Вероятно, много. Фактически... — Его глаза вспыхнули. — Это интересная проблема. Я дам вам знать после того, как кончится этот идиотизм. — И он вновь вернулся к своим механизмам.

Бери сел, где стоял, глядя в никуда. Только теперь он начал дрожать.

25. Мошкита капитана

— Я ценю вашу заботу о безопасности Империи, адмирал, — сказал Хорват, кивая фигуре, видневшейся на экране мостика «Макартура». — И это действительно так. Однако фактом остается то, что мы либо принимаем предложение мошкитов, либо нам нужно отправляться домой. Ничего больше мы здесь не узнаем.

— А вы, Блейн? Вы согласны с этим? — Выражение лица адмирала Кутузова не изменилось.

Род пожал плечами.

— Сэр, я принимаю совет ученых, а они говорят, что мы получили все, что могли получить с такого расстояния.

— Значит, вы хотите вести «Макартур» на орбиту вокруг планеты Мошка? Это вы нам рекомендуете? Это мы должны записать?

— Да, сэр. Или это, или нам надо идти домой, а я не думаю, что мы узнали о мошкитах достаточно, чтобы просто уйти.

Кутузов глубоко вздохнул и сжал губы.

— Адмирал, — напомнил ему Хорват, — у вас есть ваша работа, а у меня моя. Конечно, это хорошо — защищать Империю от какой-то вообразимой угрозы со стороны мошкитов, но я должен получить все возможное от их науки и технологии. А это, уверяю вас, вовсе не тривиально. Они так далеко продвинулись в некоторых вопросах, что я... у меня просто нет слов для описания всего этого.

— Вот именно. — Кутузов подчеркивал свои слова, стуча стиснутым кулаком по подлокотнику командирского кресла. — Их технология опередила нашу. Они говорят на нашем языке, а по вашим

словам, мы никогда не будем говорить на их. Они знают об эффекте Олдерсона, а теперь знают и о существовании Поля Лэнгстона. Возможно, доктор Хорват, нам нужно идти домой. Прямо сейчас.

— Но... — начал Хорват.

— И еще, — продолжал Кутузов. — Мне не хочется воевать с этими мошкитами, почти ничего о них не зная. Как защищена их планета? Кто управляет ими? Я заметил, что за все время работы вы не смогли ответить на этот вопрос. Вы даже не знаете, кто командует их кораблем.

— Верно, — энергично кивнул Хорват. — Это очень странное положение. Иногда я искренне верю, что у них нет командира, но с другой стороны, похоже, они время от времени возвращаются на корабль за инструкциями... И потом еще этот вопрос с полом.

— Вы что, шутите со мной, доктор?

— Нет, нет, — раздраженно сказал Хорват. — Это абсолютно точно. Все Коричнево-белые в момент прибытия сюда были самками. Кроме того, коричневая самка забеременела и родила детеныша. Сейчас она самец.

— Я знаю об изменении пола у чужаков. Возможно, один Коричнево-белый был самцом незадолго до прибытия корабля сюда?

— Мы думали об этом. Однако более вероятным кажется, что Коричнево-белые не размножаются, поскольку популяция переполнена. Они все остаются самками... они могут даже быть мулами, поскольку Коричневый является матерью одного из них. Перекрестное спаривание между Коричневым и кем-то еще? Тогда это указывает на кого-то еще, находящегося на борту посольского корабля.

— Они привезли с собой адмирала, — уверенно сказал Кутузов. — Так, как делаем мы. Я знаю это. Что вы говорили им, когда они спрашивали обо мне?

Род услышал фырканье за своей спиной и подумал, что Кевин Реннер задыхается.

— По возможности мало, сэр, — ответил Род. — Только то, что мы подчиняемся приказам с «Ленина». Не думаю, чтобы они знали ваше имя или же об одном человеке идет речь или о целом совете.

— Вот именно. — Адмирал почти улыбался. — Точно то же вы знаете об их командире, верно? Смотрите, они доставили на своем корабле адмирала, и он решил, что нужно заманить вас ближе к планете. Сейчас передо мной стоит вопрос: больше ли я узнаю, отпустив вас туда, чем он, заполучив вас к себе?

Хорват отвернулся от экрана и послал умоляющий взгляд Небесам, Их Чудесам и Всем Святым. Ну как можно иметь дело с таким человеком? — спрашивал его взгляд.

— Никаких следов маленьких мошкитов? — спросил Кутузов. — Есть ли еще Домовые на борту линейного крейсера его императорского величества «Макартур»?

Род вздрогнул от сарказма этих слов.

— Нет, сэр. Мы освободили ангарную палубу и открыли все помещения в пространство. Затем я собрал всех пассажиров «Макартура» и его экипаж на ангарную палубу и открыл весь корабль. Мы окуривали комнаты цифогеном, продули окисью углерода все проходы, затем открыли их в космос, а после возвращения с ангарной палубы проделали обработку по второму разу. Малыши мертвы, адмирал. Мы нашли их тела. Их было двадцать четыре, хотя до вчерашнего дня мы не видели ни одного. Они достигают зрелости через три недели...

— Значит, от Домовых не осталось ни следа? А мыши?

— Нет, сэр. Крысы, мыши и мошкиты — все мертвы. И даже тот малыш, который оставался в клетке, тоже умер, сэр. Ветеринар полагает, что от старости.

Кутузов кивнул.

— Итак, эта проблема решена. А что со взрослым чужаком, находящимся у вас на борту?

— Он болен, — сказал Блейн. — Симптомы те же, что у малыша.

— Да, еще один вопрос, — быстро сказал Хорват. — Я хотел спросить у мошкитов, что можно сделать для больного шахтера, но Блейн не позволил мне этого без вашего разрешения.

Адмирал потянулся куда-то за экран. Когда его лицо вновь появилось перед ними, он держал стакан с чаем, на который принялся усердно дуть.

— Чужаки знают, что у вас на борту этот шахтер?

— Да, — сказал Хорват, а когда Кутузов взглянул на него, быстро продолжил: — Они, похоже, всегда знают все. Я уверен, что никто из нас не сообщал им об этом.

— Итак, они знают. Они интересовались шахтером? Может, видели его?

— Нет. — Хорват нахмурился, и голос его звучал скептически. — Нет, этого не было. Фактически они не проявили к шахтеру никакого интереса, не больше, чем интересовались своими «малышами»... Вы смотрели ту ленту, где мошкиты очищают свой корабль, адмирал? Они тоже уничтожали этих маленьких бестий. Видимо, те размножаются, как ульевые крысы. — Хорват сделал паузу, и брови его сошлись еще ближе. Потом он вдруг сказал: — Но все равно я хочу спросить чужаков, что делать с больным шахтером. Мы не можем позволить ей умереть.

— Возможно, это было бы лучше для всех, — буркнул Кутузов. — Ну что ж, хорошо, доктор, спросите у них. Вряд ли Империи повредит, если мы признаемся, что не знаем нужной диеты для мошкитов. Но если они захотят увидеться с этим шахтером, то вы, Блейн, откажете им в этом. Если понадобится, шахтер должен умереть. Трагически и внезапно, в результате несчастного случая — но

умереть. Это вам понятно? Ему не следует давать возможности поговорить с другими мошкитами ни сейчас, ни потом.

— Слушаюсь, сэр. — Род бесстрастно сидел в своем командирском кресле. «Неужели я согласен с этим? — подумал он. — Я должен бы быть потрясен, но...»

— С учетом этих обстоятельств, вы по-прежнему хотите задать этот вопрос, доктор? — спросил Кутузов.

— Да. От вас ничего другого я и не ждал. — Губы Хорвата были плотно сжаты. — Главным для нас сейчас является следующий вопрос... Мошкиты пригласили нас перебраться на орбиту вокруг их планеты. Почему они это сделали — не совсем ясно. Я полагаю, они искренне хотят развивать с нами торговлю и дипломатические отношения, и, рассуждая логически, мы должны на это пойти. В отношении действий другой точки зрения просто нет. У вас, конечно, есть собственные теории...

Кутузов рассмеялся. Это был глубокий, сердечный смех.

— Доктор, на самом-то деле я могу верить в то же, что и вы. Но это не имеет никакого отношения к моим поступкам. Моя задача — охрана безопасности Империи, а во что я при этом верю — не важно. — Адмирал холодно посмотрел на экраны. — Ну хорошо, капитан, в этой ситуации я даю вам свободу совершить это действие. Однако мишенью номер один для торпед моего корабля будете вы. Вы понимаете, что нельзя допустить попадания «Макартура» в руки мошкитов?

— Да, сэр.

— Отлично. Можете отправляться, капитан. Мы будем следовать за вами. Каждый час вы будете передавать собранную информацию, и помните, что если возникнет угроза вашему кораблю, я и не подумаю спасать вас, если для этого надо будет подвергать опасности «Ленина». Потому что основной мой долг — вернуться обратно с информацией, включающей, по необходимости, сведения о том, как вы погибли. — Адмирал повернулся и посмотрел прямо на Хорвата. — Доктор, вы по-прежнему хотите отправиться к Мошке-1?

— Конечно.

Кутузов пожал плечами.

— Действуйте, капитан Блейн. Действуйте.

Буксирные катера «Макартура» доставили похожий на барабан цилиндр диаметром в половину корабля мошкитов. Устроен он был очень просто: тонкая твердая оболочка из какого-то пенистого материала, заполненная жидким водородом и медленно вращающаяся. Выпускной клапан располагался на оси вращения. Цилиндр прикрепили к посольскому кораблю позади тороидальных жилых блоков. Тонкий сердечник явно служил проводником для плазмы, текущей

от реакторно-двигательной установки, которая тоже теперь изменилась, уйдя далеко в противоположную сторону от нового центра масс. Корабль, собственно, был теперь очень далек от своего первоначального вида и походил на вышедшую на прогулку низкорослую беременную женщину.

Мошкиты — Коричнево-белые, возглавляемые одним Коричневым, — работали, разбирая воздушный мост на части и превращая этот материал в круговые каркасные опоры для хрупких тороидов.

На борту катера не было сейчас ни одного мошкита — все были заняты на работе. Контакт, однако, поддерживался. Гардемарины, имевшие склонность к простой работе, требующей только крепких мускулов, приняли участие в работах на борту посольского корабля.

Уитбрид и Поттер работали в противоперегрузочной камере, сдвигая койки, чтобы освободить место еще для трех, меньших по размерам. Эта работа была простая, но требовавшая физической силы. Испарина каплями оседала на фильтрах их шлемов, под мышками было мокро.

— Интересно, — спросил Поттер, — на что похож запах человека для мошкитов? — И тут же добавил: — Можете не отвечать, если сочтете вопрос оскорбительным.

— Это довольно сложно описать, — ответила мошкита Поттера. — Моей обязанностью, мистер Поттер, является знать все о моем финч'клик'. Возможно, я слишком хорошо подхожу для этой роли. Запах чистого пота не оскорбит меня, даже если вы будете трудиться для своих личных целей. Что вас так рассмешило, мистер Уитбрид?

— Простите. Но этот акцент...

— Какой акцент? — удивился Поттер.

Уитбрид и его мошкита расхохотались.

— Да, это забавно, — сказала мошкита Уитбрида. — Это из-за того, что вы говорили с нами порознь.

— Есть в этом и еще кое-что, — сказал Джонатон Уитбрид. — Скажем, мошкита капитана Блейна. Только я расслаблюсь и выйду из состояния «Внимание», как она говорит что-то, и я снова автоматически принимаю его. Она отдает приказы, как будто она хозяин этого катера, и мы повинуемся, а затем она говорит: «Подождите минуточку, мистер», и приказывает нам забыть о ней. Это приводит в замешательство.

— И все-таки, — сказала мошкита Уитбрида, — иногда я думаю, действительно ли мы смогли понять вас? То, что я могу подражать вашей речи, не означает, что я действительно вас понимаю...

— Но это наша стандартная методика, столь же старая, как и некоторые горные цепи. И она действует. Что же мы еще можем делать, финч'клик' Джонатона Уитбрида?

— Сомневаюсь, что это все. Эти люди — они такие многосторонние. Мы не можем уследить за всеми вашими способностями,

Уитбрид. Вы с легкостью можете и командовать, и подчиняться — как у вас получается и то, и другое? Вы хорошо работаете с инструментами...

— Как и вы, — сказал Уитбрид, зная, что это — преуменьшение.

— Но мы легко устаем. Вы готовы сейчас продолжать работу?

— Угу.

— А мы — нет. И мы не слишком хороши в бою... Но хватит об этом. Каждый из нас играет здесь свою роль, получив приказ понимать вас, но каждый из вас играет, похоже, тысячи ролей. Это делает вас слишком сложными для честных трудолюбивых жукоглазых монстров...

— Это кто назвал вас жукоглазыми монстрами? — воскликнул Уитбрид.

— Мистер Реннер, кто же еще? Я воспринимаю это как комплимент — это значит, что он верит в мое чувство юмора.

— Доктор Хорват убьет его. Нам предписали быть очень осторожными в общении с чужаками. Не нарушать всякие табу, и все такое прочее.

— Кстати, о Хорвате, — сказал Поттер. — Я вспомнил, что доктор Хорват просил нас кое-что спросить у вас. Вы знаете, что у нас на борту есть Коричневый?

— Конечно. Шахтер. Ее корабль посетил «Макартур», а затем вернулся домой пустым. Было ясно, что она осталась у вас.

— Она больна, — сказал Поттер, — и ей становится все хуже. Доктор Блевинс говорит, что налицо все признаки неправильной диеты, и он не может помочь ей.

Уитбрид подумал, что понял, почему Хорват не спросил о Коричневом *свою* мошкиту: если бы они потребовали встречи с шахтером, нужно было бы отказать, ссылаясь на приказ самого адмирала. Доктор Хорват считал этот приказ глупым и не смог бы защищать его. Уитбрид же с Поттером и не подумали бы обсуждать его — приказ есть приказ.

Так как мошкиты не ответили сразу же, Джонатон добавил:

— Наши биологи пробовали множество различных вещей. Создание специальной пищи, анализ пищеварительных жидкостей Коричневого, рентгеновские исследования. Они даже изменили воздух в ее кабине, приблизив его к атмосфере Мошки-1. Ничего не помогает. Она несчастна. Жалобно стонет. Не может двигаться. Кроме того, она худеет и у нее выпадают волосы.

Мошкита Уитбрида заговорила голосом, звучавшим странно ровно:

— И вы понятия не имеете, в чем тут дело?

— Да, — сказал Уитбрид.

Было странно и неприятно находиться сейчас среди мошкит, смотревших на них. Обе они казались теперь одинаковыми —

скрючившиеся, уцепившиеся за что-то руками: идентичные позы, идентичные узоры меха, идентичные слабые улыбки. Их индивидуальные различия были сейчас незаметны. Возможно, все дело было в позе...

— Мы дадим вам немного пищи, — сказала вдруг мошкита Поттера. — Возможно, дело действительно в питании.

И обе мошкиты исчезли. Вскоре мошкита Уитбрида вернулась с герметичным пакетом, содержащим зерно, похожие на сливы фрукты и кусок красного мяса.

— Мясо сварите, фрукты дайте прямо так, зерно намочите, — сказала она. — И проверьте ионизацию воздуха в ее кабине. — Затем она вывела их наружу.

Парни сели в открытый скутер, чтобы вернуться на катер. Поттер сказал:

— Они вели себя очень странно. Я не могу отделаться от мысли, что минуту назад произошло что-то очень важное.

— Да.

— Но что же?

— Может, они решили, что мы дурно обращаемся с Коричневым. Может, недоумевают, почему мы не доставили ее сюда. А может, и что-то еще: скажем, их шокировало, что мы заботимся о каком-то Коричневом.

— А может, они просто устали, и нам все это просто привиделось.

Поттер запустил двигатель скутера, и они двинулись.

— Гэвин, посмотри назад.

— Не сейчас. Я должен заботиться о безопасности управления.

Только загнав скутер на место, Поттер посмотрел назад.

Снаружи корабля работало более дюжины мошкитов. Стяжки для тороидов явно были еще не закончены... но все мошкиты направлялись к воздушному шлюзу.

Посредник в спешке влетела в тороид, отталкиваясь от стен и торопясь освободить путь другим. По большинству из них было заметно, что они являются финч'клик' чужаков. Они стремились пользоваться своими нижними правыми руками и старались ориентировать себя так, чтобы головы их были направлены по отношению к телу всегда в одну и ту же сторону.

Мастер был белым. Пучки волос, росшие у него под мышками и в паху, были длинными и шелковистыми, как шерсть ангорского кота. Когда все собрались, Мастер повернулся к мошките Уитбрида и сказал:

— Говори.

Мошкита Уитбрида рассказала об инциденте с гардемаринами.

— Я уверена, что у них дурные намерения во всем, — закончила она.

Мастер обратился к мошките Поттера:

— Ты согласна?

— Да, во всем.

По помещению покатилась волна шепота, частью на английском, частью на языке мошкитов. Однако все стихло, когда заговорил Мастер:

— Что вы сказали им?

— Мы сказали, что возможно, что эта болезнь вызвана плохим питанием...

Это вызвало почти человеческий смех среди Посредников, и никакой реакции от тех из них, кто еще не был назначен финч'клик'.

— ...и дали им продукты для Инженера. Разумеется, это не поможет.

— Может, они шутили?

— Трудно сказать. Мы не очень хорошо распознаем ложь. Это не наша специальность, — сказала мошкита Поттера.

В тороиде вновь послышалось жужжание разговоров. Мастер позволил им поговорить, затем сказал:

— Что это может означать? Высказывайтесь.

— Они не могут быть настолько отличными от нас, — сказала одна. — Они имеют дело с войнами. Мы слышали намеки о целых планетах, превращенных в пустыни.

Затем вмешалась другая. Было что-то изящное, человеческижественное в том, как она говорила. Для Мастера это выглядело гротескно.

— Думаю, что знаю, по каким причинам люди воюют между собой. Большинство животных и на нашем, и на их мирах обладают рефлексом капитуляции, который спасает одного представителя вида от убийства его другим. Люди пользуются оружием не инстинктивно, и это делает рефлекс капитуляции слишком медленным.

— Но то же самое когда-то было и у нас, — сказала третья. — Появление в процессе эволюции Посредников положило этому конец. Так ты говоришь, что у людей нет Посредников?

— У них нет никого, кто вел бы переговоры между потенциальными врагами. Во всем, что они делают, они — дилетанты. Дилетанты ведут их переговоры, а когда те ни к чему не приводят, они сражаются.

— Они все — дилетанты, играющие Мастеров, — сказала первая, нервно потирая центр своего лица. — На своих военных кораблях они держат отряды космодесанта на случай, если кормовые отсеки вдруг захотят стать хозяевами корабля. Кроме того, когда говорит «Ленин», капитан Блейн повинуется, как Коричневый. Очень сложно, — продолжала она, — быть финч'клик' у существа, являющегося Мастером только часть дня.

— Согласна, — сказала мошкита Уитбрида. — Мой не является Мастером, но должен однажды им стать.

— Наша Инженер в их инструментах нашла много такого, что нуждается в улучшениях, — сказала другая, — это нельзя классифицировать иначе...

— Достаточно, — сказал Мастер, и голоса смолкли. — Наш интерес более специфичен. Что вы узнали об особенностях их спаривания?

— Об этом они с нами не говорили. Изучение этого вопроса будет очень трудным делом, потому что, похоже, у них на борту только одна женщина.

— *Одна женщина?!*

— Это все, что мы смогли узнать.

— А все остальные, или большинство из них, — среднего пола?

— По-видимому, нет. Но, несмотря на это, женщина не беременна и не была беременной за все время с их прибытия сюда.

— Об этом следует узнать больше, — сказал Мастер. — Но делать это нужно скрытно. Вопросы задавать небрежно. Спрашивать нужно очень осторожно, стараясь раскрывать по возможности меньше. Если наши подозрения верны... Они могут еще быть верны?

— Вся наша эволюция — против этого, — сказала одна. — Индивидуумы, выживающие при воспроизводстве, несут гены для следующего поколения. Как же тогда...

— Они чужаки. Помните, что они — чужаки, — сказала мошкита Уитбрида.

— Мы должны разгадать это. Выделить одного из нас, сформулировать правильно вопрос и выбрать человека, которого нужно спросить. Остальные должны избегать этого вопроса, если, конечно, чужаки сами не коснутся его.

— Я думаю, мы не должны ничего скрывать, — сказала мошкита, потирающая центр своего лица. — Они чужаки. От них мы можем получить нечто, чего даже и не ожидаем. Возможно, с их помощью мы сможем разрушить древнюю структуру Циклов.

Мастер выразил свое удивление.

— Мы будем скрывать подобные различия между человеком и мошкитами. Они не должны знать об этом.

— А я говорю, что мы не должны ничего скрывать! Выслушайте меня! Они идут своими путями — и решают проблемы, всегда...

Все остальные набросились на нее.

— Безумный Эдди, — задумчиво сказал Мастер. — Содержать ее со всеми удобствами. Нам еще понадобятся ее знания. Никто не должен назначаться ее финч'клик', пока рассудок ее деформирован.

* * *

Блейн приказал катеру вести «Макартур» к Мошке-1 с ускорением в 0,87 g. Он отчетливо понимал, что «Макартур» был военным кораблем, способным опустошить половину планеты мошкитов, и не хотел думать о том, какое оружие могли бы применить против него встревоженные мошкиты. Он хотел, чтобы посольский корабль прибыл первым: не очень-то рассчитывал, что это поможет, но все-таки...

Катер был сейчас почти пуст. Научный персонал жил и работал на борту «Макартура», готовя бесконечные вереницы данных для банков памяти компьютеров, проверяя и перепроверяя их, затем кодируя и сообщая о своих результатах капитану для доклада на «Ленин». Конечно, они могли бы докладывать и прямо, но следовало уважать привилегии ранга. Обеды на «Макартуре» и встречи за карточным столом все чаще превращались в общие дискуссии.

Весь экипаж интересовало состояние коричневого шахтера. Ей становилось все хуже, и пищу, полученную от мошкитов, она ела так же мало, как и продукты с самого «Макартура». Это было огорчительно, и доктор Блевинс снова и снова проводил тесты, не дававшие результатов. Малыши, пропавшие на «Макартуре», оказались жирными и плодовитыми, и Блевинс недоумевал, как они могли есть такие неожиданные вещи, как ракетное топливо или кабельная изоляция. Он предлагал разнообразные субстанции Коричневому, но глаза ее с каждым днем тускнели, мех выпадал клочьями, и она то и дело выла. Однажды она отказалась от еды, а на следующий день умерла.

Это событие привело Хорвата в ярость.

Блейн решил, что о случившемся нужно сообщить на посольский корабль. Мягко улыбающийся Коричнево-белый, который ответил ему, мог быть только мошкитом Хорвата, хотя Блейн даже под пыткой не смог бы сказать, как определил это.

— Могу ли я поговорить со своей финч'клик'? — спросил Блейн. Мошкита Хорвата действовала на него угнетающе.

— К сожалению, нет, капитан.

— Хорошо. Я вызвал вас, чтобы сообщить, что Коричневый, находившийся на нашем корабле, мертв. Не знаю, что это значит для вас, но мы делали все, что могли. Весь научный персонал «Макартура» пытался вылечить ее.

— Я в этом уверена, капитан. Но это не имеет значения. Можем мы получить тело?

Род на мгновение задумался.

— К сожалению, нет. — Он не думал, что мошкиты смогут что-нибудь узнать от трупа чужака, с которым никогда не связывались, пока он был жив, но, видимо, сказывались наставления Кутузова. Может, под мехом у него есть микротатуировка?.. И почему раньше

мошкиты не интересовались Коричневым? Однако спрашивать об этом он, конечно, не мог. — Передайте моей финч'клик' наилучшие пожелания.

— У меня для вас тоже новости, — сказала мошкита Хорвата. — Капитан, у вас больше нет финч'клик'. Она сошла с ума.

— Что? — Род был потрясен более, чем мог предполагать. — Сошла с ума? Почему? Как?

— Капитан, конечно, вы не могли знать, каким напряжением это было для нее. Есть мошкиты, которые отдают приказы, а есть такие, что делают и чинят приборы. Мы же ни те, ни другие: мы связники. Мы можем смириться с отдающими приказы, и это не будет так страшно, но *чужак*, отдающий приказы? Это было уже слишком. Она... как бы это объяснить? Взбунтовалась. Ваши слова оказались для нее мятежными. У нас такого нет. Сейчас она в безопасности и в заключении, и для нее же будет лучше, если больше она не будет говорить с чужаками.

— Спасибо, — сказал Род. Он смотрел, как мягко улыбающееся лицо исчезает с экрана, и пять минут после этого сидел неподвижно. Потом вздохнул и стал диктовать сообщение для «Ленина». Он работал один, чувствуя себя так, словно потерял часть самого себя и ждет, что она вернется обратно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ВСТРЕЧА С БЕЗУМНЫМ ЭДДИ

26. Мошка-1

МОШКА-1. Периферийный обитаемый мир в Трансугольном секторе. Основные данные: желтая двойная звезда G2 приблизительно в двадцати парсеках от столицы Трансугольного сектора Новой Каледонии. Обычно называется Мошкой в Глазе Мурчисона, или просто Мошкой. Масса 0,91 солнечной, светимость 0,78.

Мошка-1 обладает ядовитой атмосферой, пригодной для дыхания с помощью коммерческих или стандартных военных фильтров. Противопоказана для больных сердцем или людей с возможностью возникновения эмфиземы. Кислород — 16%, азот — 79,4%, CO_2 — 2,9%, гелий — 1%. Сложные углеводороды, включая кетоны, — 0,7%.

Сила тяжести — 0,87 стандартной. Радиус планеты составляет 0,84, а масса — 0,57 массы Земли. Плотность нормальная. Период обращения — 0,937 стандартных года, или 8 750 005

часов. Планета наклонена на 18 градусов, среднее удаление 0,93 а.е. (137 миллионов километров). Температуры прохладные, полюса необитаемы и покрыты льдом. Экваториальные и тропические районы имеют высокие температуры. Локальный день составляет 27,33 часа.

Имеется один спутник, маленький и близко расположенный. Это астероид по происхождению, и его обратная сторона имеет характерный зазубренный кратер, типичный для планетоидов системы Мошки. Расположенные на спутнике синтезгенератор и передающая энергетическая установка являются самыми мощными энергетическими источниками цивилизации Мошки-1.

Топография. 50% поверхности занимает океан, не считая обширных ледяных шапок. Суша в основном ровная. Горные цепи — низкие и сильно эрозированные. Имеется немного лесов. Пахотные земли интенсивно обрабатываются.

Наиболее заметной особенностью являются круговые структуры, которые видны повсюду. Более мелкие эрозированы до предела обнаружения, крупные можно заметить только с орбиты.

Хотя физические особенности Мошки-1 представляют интерес, особенно для экологов, изучающих воздействие разумной жизни на планетографию, основной интерес направлен на ее обитателей...

Два скутера сошлись у катера, и одетые в скафандр фигуры поднялись на борт. Когда оба человека и мошкиты проверили корабль, рядовые, которые привели его на орбиту, передали его гардемаринам и вернулись на «Макартур». Парни нетерпеливо заняли свои места у пульта управления и принялись изучать пейзаж внизу.

— Мы должны сказать вам, что все контакты с нами будут идти через этот корабль, — сказал Уитбрид своей мошките. — Сожалеем, но мы не можем пригласить вас на борт «Макартура».

Мошкита Уитбрида очень по-человечески пожала плечами, выражая свое мнение. Необходимость повиновения не давила ни на нее, ни на человека.

— А что вы сделаете с катером, когда будете уходить?

— Это подарок, — сказал Уитбрид. — Может, вы захотите взять его для музея. Есть вещи, которые, по мнению капитана, вы должны о нас знать.

— И вещи, которые он хочет скрыть. Разумеется.

С орбиты вся планета была покрыта кругами: моря, озера, дуги горных хребтов, линии рек, заливов... Один из кругов был эрозирован и замаскирован лесом, и его можно было бы не заме-

тить, не проходи он прямо через горный хребет, ломая позвоночник континента, как нога человека ломает хребет змеи. За ним виднелось море размером с Черное с плоским островом в самом центре.

— Должно быть, магма хлынула в том месте, где астероид пробил кору, — сказал Уитбрид. — Можете представить *звук*, которым это сопровождалось?

Мошкита Уитбрида кивнула.

— Неудивительно, что вы собрали все астероиды в троянские точки. Именно по этой причине, верно?

— Я не знаю. Наши записи с того периода далеко не полны. Полагаю, что эти астероиды легче разрабатывать, когда они собраны вместе, как там.

Уитбрид вспомнил, что Улей был холодным, без всяких следов радиации.

— Как давно это произошло?

— О, по крайней мере десять тысяч лет назад. Уитбрид, сколько лет вашим самым старым записям?

— Не знаю, но могу кого-нибудь спросить. — Гардемарин посмотрел вниз. Они пересекали терминатор, который был серией дуг. Ночная сторона сверкала галактикой городов. Так могла выглядеть Земля во времена СоВладения, но миры Империи никогда не были так густо заселены.

— Смотрите вперед. — Мошкита Уитбрида указала на пятно огня у края планеты. — Это трансферный корабль. Теперь мы можем показать вам наш мир.

— Я думаю, ваша цивилизация должна быть гораздо старше нашей, — сказал Уитбрид.

Все оборудование Салли и ее личные вещи были упакованы и готовы для погрузки на катер, и сейчас ее каюта выглядела пустой. Сама она стояла у обзорного иллюминатора и смотрела на серебряный наконечник стрелы, приближающейся к «Макартуру». Ее мошкита не стала смотреть.

— У меня есть один, пожалуй, неделикатный, вопрос, — сказала финч'клик' Салли.

Девушка повернулась от иллюминатора. Снаружи корабль мошкитов подошел вплотную к «Макартуру», и из него выскользнула небольшая шлюпка.

— Продолжайте.

— Что вы делаете, если еще не хотите ребенка?

— Ну, дорогая, — сказала Салли и рассмеялась.

Она была единственной женщиной среди почти тысячи мужчин из общества, ориентированного на мужчин. Она знала об этом до

того, как попала на корабль, но ошибалась, считая это женскими разговорами. Замужество и дети, домашнее хозяйство и скандалы — все это было частью цивилизованной жизни. Салли не знала, насколько большой частью, пока мятеж на Нью-Чикаго не захватил ее, а сейчас ошибалась в ее оценке даже еще больше. Иногда, в отчаянной попытке хоть чем-то заменить это, она заводила разговор о рецептах блюд с коками «Макартура», но единственным разумом с женской ориентацией в пределах многих световых лет была ее финч'клик'.

— Финч'клик', — напомнила та о себе. — Я не могу поднимать этот вопрос, но я считаю, что должна знать — у вас есть дети на борту «Макартура»?

— У меня? Нет! — Салли снова рассмеялась. — Я даже не замужем.

— Замужем?

Салли объяснила мошките, что это такое, пытаясь не перескочить через какие-то основные понятия. Порой было трудно помнить, что мошкита была чужаком.

— Это должно звучать немного жутковато, — закончила она наконец.

— «Приходи, и я ничего не скрою от тебя», как говорит мистер Реннер. — Подражание было идеальным, включая и жесты. — Я считаю ваши обычаи странными. Сомневаюсь, что мы переймем многие из них, дающие такое различие в психологии.

— Что ж, пожалуй...

— Вы выходите замуж, чтобы растить детей. А если кто растит детей без замужества?

— Это милосердие, — мрачно сказала Салли. Ее отвращение было невозможно скрыть.

— Надо понимать, что *вы* никогда... — Мошкита сделала деликатную паузу.

— Нет, конечно, нет!

— Как «нет»? Я имею в виду не *почему*, а *как?*

— Что ж, вам известно, что мужчина и женщина вступают в половые отношения, чтобы сделать ребенка, — так же, как и вы... Я изучила все довольно тщательно.

— Значит, если вы не замужем, то не должны соединяться?

— Верно. Конечно, есть таблетки, которые женщина может принимать, если любит мужчину, но не хочет никаких последствий.

— Таблетки? А как они действуют? Гормонально?

— Да. — Они обсудили эти гормоны. Психологи мошкитов тоже использовали химические средства, но эти химикалии были другими.

— Но настоящие женщины не пользуются ими? — предположила мошкита Салли.

— Нет.

— Когда вы выйдете замуж?

— Когда найду нужного мужчину. — Она на мгновение задумалась, заколебалась и добавила: — Возможно, я уже нашла его. — «А этот чертов глупец женился на своем корабле», — добавила она мысленно.

— Тогда почему вы не выйдете за него замуж?

Салли засмеялась.

— Я не хочу прыгать в никуда. «Жениться на скорую руку, да на долгую муку». Я могу выйти замуж в любое время. — Привычка к объективности заставила ее добавить: — В любое время в течение следующих пяти лет. Потом, если я не выйду замуж, то стану одной из старых дев.

— Старых дев?

— Женщин, считающих это ненужным. — Затем Салли сама задала вопрос: — А что, если мошкита не хочет детей?

— У нас нет половых отношений, — чопорно ответила ее мошкита.

Снаружи донеслось почти неслышное «клак», когда корабль «земля—орбита» состыковался с «Макартуром».

Посадочная шлюпка была стрелообразным суденышком, покрытым защитным материалом. Пилотская кабина имела круговой обзор, но больше нигде никаких иллюминаторов не было. Когда Салли и ее мошкита появились во входном отверстии, она испугалась, увидев прямо перед собой Горация Бери.

— Ваше превосходительство отправляется вниз, на Мошку? — спросила Салли.

— Да, леди.

Бери казался удивленным не менее Салли. Войдя в соединительную трубу, он сразу понял, что мошкиты применили старый флотский трюк — труба была герметизирована с понижением давления к принимающему концу, так что пассажиров буквально засасывало внутрь. Внутренность шлюпки была неожиданно большой — там хватало места всем: Реннеру, Салли Фаулер, священнику Харди — Бери задумался, смогут ли они каждое воскресенье отправлять его на «Макартур»? — доктору Хорвату, гардемаринам Уитбриду и Стейли, двум рядовым, которых Бери не знал, и чужакам для всех людей, кроме трех. Потом он увидел сиденья и уставился на них с изумлением: они стояли по четыре в ряд с сиденьем для мошкиты возле каждого сиденья для человека.

Доктор Хорват прошел вперед, в рулевую рубку, и занял место рядом с коричневым пилотом. Бери уселся в первом ряду, где было всего два сиденья, и соседнее с ним заняла мошкита. Страх сжал его

горло. Аллах милостив, подумал он, и нет иного Бога, кроме него... Спокойно! Бояться нечего, он не сделал ничего опасного.

И все же он был здесь. Рядом с ним был чужак, а позади, на «Макартуре», любая случайность могла привести к обнаружению того, что он сделал со своим скафандром.

Скафандр являлся наиболее охраняемым предметом, который мог иметь человек, работающий в космосе. Это гораздо более личная вещь, чем трубка или щетка, и все же кое-кто выставлял их напоказ, чтобы доказать существование невидимых Домовых. За время долгого пути к Мошке-1 Синклер изучил модификации, сделанные Домовыми, вернул скафандры их владельцам и начал переоборудовать скафандры офицеров по их образу и подобию.

Через Набила Бери узнал, что Домовые удваивают эффективность регенерирующих систем. Он не спешил отдавать свой скафандр Синклеру, поскольку один из его воздушных баллонов был сейчас фальшивым. В нем находилось пол-литра жидкого воздуха и два малыша в состоянии заторможенной жизнедеятельности. Риск был огромным. Его могли схватить, малыши могли умереть во время своего ледяного сна, и, кроме того, однажды ему мог понадобиться воздух, которого на месте не окажется. Однако Бери всегда рисковал, если это вело к достаточной прибыли.

Когда пришел вызов, он почти уверился, что его раскрыли. Рядовой, появившийся на экране его каюты, сказал: «Вас вызывают, мистер Бери», злорадно улыбнулся и переключился. Не успев удивиться, Бери оказался лицом к лицу с чужаком.

— Финч'клик', — сказал чужак, приподняв голову и плечи. — Вы кажетесь смущенным. Наверняка вам знаком этот термин.

Бери быстро взял себя в руки.

— Конечно, но я не предполагал, что кто-то из вас изучает меня. — Такие мысли ему вовсе не нравились.

— Нет, мистер Бери, я только что назначен к вам. Мистер Бери, вы планировали свое участие в путешествии на Мошку?

— Нет. Сомневаюсь, что мне позволят покинуть корабль.

— Капитан Блейн дал свое разрешение, если вы захотите. Мистер Бери, мы глубоко признательны за ваши комментарии относительно торговли между Мошкой и Империей. От этого выиграют обе стороны.

«Да! Клянусь Бородой Пророка, случай вроде этого...» Бери согласился быстро. Спрятанных Домовых может пока охранять Набил.

Однако сейчас, сидя на борту посадочной шлюпки, было трудно справиться со своим страхом. Он взглянул на чужака рядом с собой.

— Я финч'клик' доктора Хорвата, — сказала мошкита. — Вам нужно расслабиться. Эти шлюпки хорошо сконструированы.

— О! — сказал Бери и расслабился.

Худшие часы были позади. Набил переместил фальшивый баллон в главный воздушный шлюз «Макартура» к сотням других, и там он должен был быть в безопасности. Чужой корабль был, несомненно, лучше человеческих кораблей подобного типа, хотя бы потому, что мошкиты должны были полностью исключить риск для человеческих послов. Однако вовсе не путешествие вниз заставляло его испытывать страх, имевший резкий вкус нового паяльника...

Шлюпка слегка накренилась. Спуск начался.

Ко всеобщему удивлению, он оказался скучным. Иногда были случайные колебания тяжести, но болтанки не было. Они почти подсознательно почувствовали трехкратное «клак», как будто выпускались посадочные шасси, а затем возникло ощущение, что они катятся. Корабль прибыл.

Друг за другом они вышли в герметичную камеру. Воздух был хорош, но без всяких запахов. И не было ничего видно, кроме большой надувной структуры, окружавшей их. Они посмотрели назад, на корабль, и буквально остолбенели.

Сейчас он имел крылья и выглядел как глайдер. Края удивительной стрелы вытянулись в стороны, превратившись во множество крыльев и закрылков.

— Это была хорошая прогулка, — вежливо сказал Хорват, выйдя и присоединившись к ним. — Весь корабль изменил форму. На крыльях нет ни единого шарнира — они выдвинулись, словно живые! Реактивные сопла открывались и закрывались совсем как рты! Если бы вы только видели это! Если командор Синклер когда-нибудь спустится вниз, мы дадим ему место у окна, — ликовал ученый, не замечая свирепых взглядов, бросаемых на него.

В дальнем конце строения открылся надувной шлюз и вошли трое коричнево-белых мошкитов. Когда они разделились, страх вновь охватил Бери: по одному присоединились к рядовым, а третий направился прямо к нему.

— Финч'клик', — сказал он.

Во рту у Бери было сухо.

— Не бойтесь, — сказал мошкит, — я не могу читать ваши мысли.

Если мошкит хотел облегчить состояние Бери, то он явно выбрал неподходящие слова.

— Мне говорили, что это ваша профессия.

Мошкит рассмеялся.

— Это моя профессия, но я не могу *делать* этого. Все, что я могу узнать, это то, что вы подсознательно покажете мне. — Он говорил совсем не так, как сам Бери. Видимо, они изучали людей только в общем.

— Вы мужчина, — заметил он.

— Потому что я еще молод. Остальные стали женщинами ко времени, когда они достигли «Макартура». Мистер Бери, снаружи нас ждут машины, а недалеко выбрано место для вашей резиденции. Давайте посмотрим наш город, а потом поговорим о делах. — Он взял его под руку двумя маленькими правыми руками, и это прикосновение было весьма странно. Бери пошел следом за ним к воздушному шлюзу.

«*Не бойтесь, я не могу читать ваши мысли*», — сказал он, прочтя его мысли. На многих вновь открытых мирах Первой Империи ходили слухи о чтецах мыслей, но ни один из них — хвала милости Аллаха! — не был найден. Это существо заявило, что не может делать такого, и это было очень странно. Прикосновение не было отвратительным, хотя люди воспитания Бери ненавидели прикосновения. Он жил среди гораздо более странных обычаев и людей, чтобы беспокоиться о детских предрассудках. Но этот мошкит был успокаивающе странным, и Бери еще не слышал, чтобы чей-то финч'клик' действовал подобным образом. Может, он пытался *успокоить* его?

Ничто не могло привлечь его, кроме надежды на прибыль — прибыль без ограничения размеров. Даже изменение Империей Новой Каледонии не проявило индустриальной мощи, достаточной, чтобы двигать астероиды к троянским точкам Мошки-2.

— Хороший коммерческий продукт, — говорил мошкит, — не должен быть неуклюжим и массивным. Мы сумеем найти товары, редкие здесь и имеющиеся в изобилии в Империи, или наоборот. Я предвижу огромную прибыль от вашего визита...

Они присоединились к остальным в воздушном шлюзе. Сквозь огромные окна виднелся аэродром.

— Опасное хвастовство совершенством своей техники, — буркнул Реннер Бери, а когда торговец насмешливо взглянул на него, повел рукой: — Вокруг нас город, а этот космопорт не занимает ни одного метра лишней площади.

Бери кивнул. Вокруг крошечного поля возвышались небоскребы — высокие прямоугольные строения, стоявшие друг против друга, с единственной полосой земли, тянущейся через город на восток. Если здесь потерпит катастрофу самолет, это будет настоящим бедствием — вот только мошкиты вовсе не собирались допускать этого.

Их ждали три наземные машины — две для пассажиров и одна для багажа, и сиденья для людей занимали две трети площади в каждой. Как только все расселись, водители, которыми были Коричневые, рванули машины с места. Они двигались бесшумно, вызывая ощущение мощи, хотя тряски вообще не было. Двигатели располагались в центре высоких надувных шин, весьма напоминая этим машины миров Империи.

Высокие безобразные здания смутно вырисовывались на фоне неба. Черные улицы были широкими, но заполненными множеством экипажей, носившихся как безумные. Крошечные машинки двигались по запутанным дорожкам с сантиметровыми зазорами между собой. Уличное движение было не совсем тихое. Постоянно слышалось низкое ровное жужжание, которое могли вызывать сотни одновременно работающих двигателей. А иногда раздавалась быстрая и невнятная речь, которая вполне могла быть руганью.

Когда люди перестали вздрагивать от каждого несостоявшегося столкновения, они заметили, что все прочие водители были тоже Коричневыми. Большинство машин перевозило пассажиров, иногда Коричнево-белых, но чаще Белых. Эти Белые были крупнее, чем Коричнево-белые, и мех у них был очень чистый и шелковистый. Именно от них шли все те проклятия, тогда как водители хранили молчание.

Министр по науке Хорват повернулся к сидевшим у него за спиной.

— Я смотрел на здания, когда мы спускались вниз, — на крыше каждого разбиты сады. Мистер Реннер, вы довольны, что прилетели с нами? Мы ждали офицера, но, честно говоря, не вас.

— Наиболее разумно было послать именно меня, — сказал Кевин Реннер. — Я самый подходящий офицер на борту, которого капитан мог отправить. Я вовсе не нужен, чтобы прокладывать курс по картам.

— И потому они послали вас? — спросила Салли.

— Нет, думаю, капитана убедило то, что я кричал, визжал и угрожал перестать дышать. Постепенно он проникся мыслью, что я действительно хочу лететь. И вот я здесь.

То, как офицер-навигатор наклонился вперед на своем сиденье, напомнило Салли собаку, высовывающую голову в окно машины — на ветерок.

Они только теперь заметили пешеходные дорожки, тянувшиеся этажом выше вдоль зданий, от чего пешеходов было плохо видно. Там были Белые, Коричнево-белые и... другие.

Кто-то высокий и симметричный двигался среди Белых подобно великану. Он был не менее трех метров ростом, с маленькой головой без ушей, которая, казалось, тонула в мускулах его плеч. Под каждой из двух рук он нес массивно выглядевшие ящики. Двигался он как сокрушительная сила — прямо и безостановочно.

— Кто это? — спросил Реннер.

— Рабочий, — ответила мошкита Салли. — Носильщик. Не слишком разумный...

Затем Реннер углядел еще кого-то, чей мех был ржаво-красным, как будто его окунули в кровь. Он был ростом как его собственная

мошкита, но с меньшей головой, а когда поднимал и сгибал свои правые руки, становились видны пальцы, такие длинные и деликатные, что Реннер подумал об амазонских пауках. Он коснулся плеча своей финч'клик' и спросил:

— А это?

— Физик, — сказала мошкита Реннера. — Как вы могли сейчас заметить, у нас имеются различные виды. Они все — как бы это сказать — родственники...

— Да? А Белые?

— Отдающие приказы. Полагаю, вам было известно, что на борту нашего корабля была одна.

— Да, мы предполагали это. — Во всяком случае, Царь предполагал. В чем еще он окажется прав?

— Что вы думаете о нашей архитектуре?

— Безобразная. Индустриально-отвратительная, — сказал Реннер. — Я знаю, что ваши идеалы красоты должны отличаться от наших, но все же... У вас есть стандарт красоты?

— «Приходи, я ничего не скрою от тебя». Да, но он не похож на ваши. Не понимаю, что вы, люди, видите в арках и колоннах?

— Фрейдистский символизм, — жестко сказал Реннер. Салли фыркнула.

— Об этом постоянно говорит мошкита Хорвата, но я ни разу не слышала понятного объяснения, — сказала мошкита Реннера. — Кстати, что вы думаете о наших экипажах?

Лимузины радикально отличались от двухместных машин, проносившихся мимо них. Среди этих двухместных не было двух, похожих друг на друга, — наверное, мошкиты не дошли еще до понимания выгод стандартизации. Впрочем, все остальные машины, которые видели люди, были крошечными, вроде двойных мотоциклов, тогда как людей везли в низких, четко очерченных экипажах, сверкавших полировкой.

— Они прекрасны, — сказала Салли. — Вы создали их именно для нас?

— Да, — ответила ее мошкита. — Хорошо ли мы угадали?

— Отлично. Это весьма льстит нам, — сказала Салли. — Вы, должно быть, понесли значительные расходы для... этого... — Она вдруг замолчала. Реннер повернулся, чтобы взглянуть туда, куда она смотрит, и задохнулся от удивления.

Замки вроде этого располагались когда-то в Тирольских Альпах на Земле. Они и до сих пор стояли там, поскольку их никогда не бомбили, но Реннер видел только их копии на других мирах. Сейчас сказочный замок с высокими изящными шпилями стоял посреди прямоугольных зданий города мошкитов. Поднимавшийся с одного угла минарет опоясывал тонкий балкон.

— Что это за место? — спросил Реннер.

— Здесь будете жить вы, — сказала мошкита Салли. — Он герметизирован и полуогорожен. Для вашего удобства есть гараж и машины.

В последовавшей за этим паузой восхищения прозвучали слова Горация Бери:

— Вы самые изумительные хозяева.

Они сразу же назвали его Замком. Вне всякого сомнения, он был задуман и построен целиком для них. Здание было достаточно большое, чтобы вместить тридцать человек. Его красота и удобства были в традициях Спарты — с несколькими дисгармоничными отклонениями.

Мошкиты знали образ жизни Уитбрида, Стейли, Салли, докторов Харди и Хорвата, и поэтому они старались сдерживать свой смех, когда их финч'клик' показывали им отведенные для них комнаты. Космонавты Джексон и Вейсс были испуганы до немоты и только изредка говорили осторожно какую-нибудь глупость. Люди же типа Горация Бери имели жесткие традиции гостеприимства, и поэтому он считал странными все обычаи, кроме левантийских.

Однако люди вроде Реннера ценили прямоту и откровенность, и эта откровенность, как он обнаружил, делала жизнь для всех легче. Впрочем, это не относилось к Военному Космического Флоту. На Флоте он научился держать свой рот закрытым. К счастью, его финч'клик' придерживалась точно такой же точки зрения.

Реннер осмотрел апартаменты, выделенные ему. Двуспальная кровать, кухонный шкаф для посуды, кушетка и кофейный столик — все смутно напоминало ему лекции о путешествиях, которые он читал мошкитам. Комната была в пять раз больше его каюты на «Макартуре».

— Простор, — сказал он удовлетворенно, потом принюхался. Не было вообще никаких запахов. — Все сделано на широкую ногу и щедрую руку. Вы, должно быть, проделали огромную работу, чтобы профильтровать воздух планеты.

— Спасибо. Что касается широких ног и щедрых рук... — Мошкита Реннера посмотрела на свои плоскостопные ноги и пошевелила всеми локтями. — Можно было бы подумать, что нам нужно больше, чем вам, но это не так.

Панорамное окно тянулось от пола до потолка и от стены до стены. За ним возвышался город: большинство зданий, видимых отсюда, было выше Замка. Реннер заметил, что смотрит прямо вниз, на городскую улицу, уходящую к величественному закату, сиявшему всеми оттенками красного. По пешеходному уровню двигалась лавина спешащих разноцветных шариков, главным образом Красных

и Коричневых, но и Белых было довольно много. Некоторое время он смотрел, потом повернулся.

Рядом с изголовьем его кровати находилась ниша, и Реннер заглянул в нее. Там стоял кухонный шкаф и два предмета обстановки, которые Реннер тут же узнал. Они походили на то, что сделал Коричневый из кровати в каюте Кроуфорда.

— Двое? — спросил Реннер.

— Мы назначили еще Коричневого.

— Я научу вас новому слову. «Уединение». Оно относится к человеческим потребностям...

— Мы знаем об уединении. — Мошкита сделала двойной жест. — Неужели вы полагаете, что это допустимо между человеком и его финч'клик'?

Реннер торжественно кивнул.

— Но... но... Реннер, у вас нет никакого уважения к традициям?

— Каким?

— Черт побери! Хорошо, Реннер. Мы навесим здесь дверь. С замком?

— Да. Должен заметить, что остальные, вероятно, чувствуют то же самое, независимо от того, говорят об этом или нет.

Кровать, кушетка, стол — все это было знакомо мошкитам и прежде. Матрац был немного жестковат, ну и черт с ним. Реннер заглянул в ванную и расхохотался. Туалет был туалетом для невесомости, лишь в одном отличаясь от такового на катере: он имел золотую ручку для спуска воды, вырезанную в форме собачьей головы. Ванна была... странной.

— Я хочу опробовать эту ванну, — сказал Реннер.

— Я знаю, о чем вы думаете. Мы видели изображения некоторых ванн на ваших лекциях, но они выглядели нелепо, не соответствуя вашей анатомии.

— Верно. До сих пор никто не создал приличной ванны. Но на тех снимках не было ни одного туалета, не так ли?

— Это довольно странно, но не было.

— М-м-м... — И Реннер начал говорить. Когда он закончил, мошкита сказала:

— И как много воды для этого нужно?

— Довольно много. Слишком много для космического корабля.

— Хорошо. Мы посмотрим, что можно сделать.

— Да, и сделайте дверь между ванной и жилой комнатой.

— Снова уединение?

— Да.

Обед в ту ночь походил на званый прием в старом доме Салли на Спарте, но странно измененный. Слуги — молчаливые, внимательные, почтительные, руководимые хозяином, которым из уважения к его рангу стала мошкита доктора Хорвата, — были Рабочими

ростом в полтора метра. Продукты были доставлены из запасов «Макартура», за исключением приправ, которыми служили фрукты, похожие на дыню и подслащенные желтым соусом.

— Мы гарантируем, что это не ядовито, — сказала мошкита Реннера. — Мы нашли несколько продуктов, в которых уверены, и продолжаем поиски. Вы сами можете принять в них участие. — Соус уничтожал кислый вкус дынь и делал их восхитительными.

— Это можно использовать как предмет торговли, — сказал Бери. — Только нам удобнее перевозить семена, а не сами дыни. Их трудно выращивать?

— Совсем нет, но это требует обработки, — сказал мошкит Бери. — Мы дадим вам возможность изучить почву. Можете вы указать другие предметы, которыми стоит торговать?

Бери нахмурился и посмотрел вниз, на свою тарелку. Никто не обращал на них внимания, а ведь они были золотыми: тарелки, столовые приборы, даже бокалы для вина, хотя формой походили на хрусталь. И все же они не могли быть золотыми, потому что не проводили тепла. Это были просто копии пластиковой посуды, предназначенной для невесомости на борту катера «Макартура», даже с торговыми марками, оттиснутыми по краям.

Все ждали его ответа. Торговые возможности могли сильно повлиять на отношения между Мошкой и Империей.

— Во время поездки к Замку я выискивал у вас предметы роскоши, но не увидел ничего, кроме вещей, созданных специально для людей. Может, я просто не узнал их?

— Мне знакомо это слово, но у нас очень мало предметов роскоши. Мы — при этом я говорю, разумеется, за Отдающих приказы — делаем упор на силу, территорию, поддержание домашнего хозяйства и династии. Нас самих мало интересует выбор нашими детьми места в жизни.

Бери запомнил эту информацию: «*Мы говорим за Отдающих приказы*». Значит, он имел дело со слугами. Нет, с агентами. Нужно держать это в памяти и ждать, чем подкрепит свое обещание его финч'клик'. Улыбнувшись, он сказал:

— Как жалко! Предметы роскоши удобно перевозить. Вы поймете мои проблемы с выбором товаров для торговли, когда я скажу, что едва ли будет выгодно покупать у вас золото.

— Я тоже так думаю. Нужно искать, и, возможно, мы найдем что-нибудь более ценное.

— Скажем, произведения искусства?

— Искусства?

— Позвольте мне, — сказала мошкита Реннера. Она заговорила на высоком певучем языке и очень быстро говорила секунд двадцать, затем оглядела всех собравшихся. — Простите, но так было быстрее.

— Совершенно верно, — сказал мошкит Бери. — Я понял так, что вас интересуют оригиналы?

— Если возможно.

— Ну конечно. Для нас копии так же хороши, как и оригиналы. У нас много музеев, и я организую несколько экскурсий.

Как выяснилось, все хотели принять в них участие.

Когда они вернулись с обеда, Уитбрид едва не рассмеялся, увидев дверь в ванную. Заметив это, его мошкита сказала:

— Мистер Реннер объяснил нам об уединении. — И она резко толкнула дверь, которая теперь закрывала ее нишу.

— А вот это нельзя назвать необходимым, — сказал Уитбрид, который не любил спать один. Если он проснется среди ночи, с кем можно будет поговорить, прежде чем снова захочется спать?

Кто-то постучал в дверь. Это был космонавт Вейсс с Тейблтопа.

— Сэр, могу я поговорить с вами наедине?

— Хорошо, — сказала мошкита Уитбрида и удалилась в альков. Мошкиты быстро поняли сущность уединения. Уитбрид провел Вейсса в комнату.

— Сэр, у меня есть одна проблема, — сказал Вейсс. — То есть у меня и Джексона. Мы отправились вниз помогать... ну, там, отнести багаж, почистить что-то и тому подобное.

— Понял. Вам не нужно делать ничего подобного. Каждому из нас назначено по Инженеру.

— Да, сэр. Но есть еще кое-что. Нам с Джексоном тоже назначили по Коричневому. Я... и...

— По финч'клик'.

— Да.

— Что ж, есть некоторые вещи, о которых вы не должны говорить. — Оба рядовых работали на ангарной палубе и в любом случае не могли знать о технологии Поля слишком много.

— Да, сэр, мы знаем это. Никаких военных историй, ничего о корабельном оружии или двигателе.

— Отлично. За исключением этого, вы находитесь в отпуске. Вы путешествуете первым классом со слугой и местным гидом. Наслаждайтесь этим. Не говорите ничего, за что Царь мог бы вас повесить, и не беспокойтесь о расходах. Будьте хозяевами положения и надейтесь, что вас не отправят назад следующей шлюпкой.

— Слушаюсь, сэр. — Вейсс вдруг усмехнулся. — Вы знаете, именно поэтому я и попал в Военный Космический Флот. Странные миры — вот что нам обещают вербовщики.

— «Далекие забытые города...» Я тоже.

Позже Уитбрид стоял у панорамного окна. Город сверкал миллионами огней. Большинство крошечных машинок исчезло, но по улицам двигались огромные грузовики. Пешеходы умерили свое

рвение. Уитбрид заметил кого-то высокого и веретенообразного, который бежал среди Белых так, как если бы они стояли на месте. Увернувшись от огромного Носильщика, он исчез вдали.

27. Экскурсия

Реннер проснулся до рассвета. Пока он принимал замечательную ванну, мошкиты выбрали и предложили ему одежду. Реннер решил принять их выбор. Он был снисходительным к ним — они могли быть последними невоенными слугами, которых он когда-либо имел. Его оружие было осторожно выложено вместе с его одеждой, и, ненадолго задумавшись, Реннер пристегнул его под гражданскую куртку, сшитую из какой-то изумительной сияющей ткани. Ему не требовалось оружие, но устав был уставом...

Все остальные завтракали, разглядывая рассвет через большое панорамное окно. Он был похож на закат — тоже во всех оттенках красного. День на Мошке-1 был на несколько часов длиннее земного, соответственно ночь была дольше, и люди могли дольше спать утром и все равно вставать до рассвета.

На завтрак подали большие, очень похожие на яйца, вареные «предметы». Внутри они выглядели так, словно яичный белок и желток смешали, но все это имело вишневый цвет. Реннер сказал, что все эти вишневые штуки не стоят того, чтобы их есть, и не притронулся к ним.

— Музей в нескольких кварталах отсюда. — Мошкита доктора Хорвата быстро потерла свои правые руки. — Предлагаю идти пешком. Думаю, нам не понадобится теплая одежда.

У всех мошкитов была эта проблема: какую пару рук использовать для имитации человеческих жестов? Реннер подумал, что мошкита Джексона должна свихнуться. Джексон был левшой.

Они пошли пешком. Холодный ветер набрасывался на них из-за каждого угла. Солнце было большим и тусклым: в это раннее время дня можно было смотреть прямо на него. Крошечные машинки сновали в шести футах под ними. Запах воздуха Мошки-1 понемногу просачивался сквозь фильтры шлемов, так же как тихое гудение машин и быстрое бормотание мошкитов.

Группа людей двигалась среди толп мошкитов всех цветов — и на них не обращали внимания. Потом из-за угла вывернула группа чужаков с белым мехом и задержалась, изучая их. Они щебетали своими музыкальными голосами и с любопытством разглядывали людей.

Казалось, Бери чувствует себя очень неудобно — он изо всех сил старался оставаться внутри группы. Он не хочет, чтобы его разглядывали со всех сторон, подумал Реннер. Тут навигатор заметил, что его самого разглядывает беременная Белая, с выпуклостью выше

главного сустава ее спины. Реннер улыбнулся ей, присел на корточки и повернулся к ней спиной. Его финч'клик' что-то пропела в низких тонах, и Белая подошла ближе, а затем дюжина белых мошкитов вытянула дюжину белых рук к его позвоночнику.

— Хорошо! — сказал Реннер. — Немного ниже. Да, можно чесать именно здесь. — Когда Белые ушли, Реннер поднялся на свои длинные ноги, пригодившиеся в этой прогулке. Его мошкита рысью бежала рядом.

— Надеюсь, что не научусь вашей непочтительности, — сказала она.

— А почему нет? — серьезно спросил Реннер.

— Когда вы уйдете, нас будет ждать здесь другая работа. Нет, тревожиться незачем. Если вы можете довольствоваться Военным Космическим Флотом, то и мне не очень трудно сделать Отдающих приказы счастливыми.

«Она говорит почти грустно», — подумал Реннер. Впрочем, он не был уверен. Если у мошкитов и были выражения лица, Реннер не различал их.

Музей находился довольно далеко. Как и другие здания, он был прямоугольной формы, но со стеклянным фасадом или чем-то вроде этого.

— У нас много мест, подходящих под ваше слово «музей», — сказала мошкита Хорвата, — в этом и в других городах. Этот ближайший и специализируется он на живописи и скульптуре.

Мимо них прошел Носильщик ростом три метра, неся свой метровый груз на голове. Это была *она*, отметил Реннер, увидев длинную выпуклость беременности в верхней части ее живота. Глаза ее были кроткими глазами животного без признаков разума. Она прошла мимо, не останавливаясь.

— Похоже, ношение детей не замедляет мошкитов, — заметил Реннер.

Коричнево-белые плечи и головы повернулись к нему. Мошкита Реннера сказала:

— Ну, разумеется, нет. А почему это должно быть так?

Салли Фаулер взяла на себя труд разъясненной. Осторожно подбирая слова, она попыталась объяснить, как мало используют беременных женщин у людей.

— Это единственная причина, по которой мы стремимся к обществу, ориентированному на мужчин. И... — Она еще продолжала говорить о проблеме деторождения, когда они достигли Музея.

По высоте дверь доходила Реннеру до переносицы, правда, потолки были выше — он касался их волосами. Доктору Хорвату приходилось наклонять голову.

И освещение было слишком желтым.

И картины были повешены слишком низко.

Условия для осмотра были далеко не идеальными, а кроме того, цветов на самих картинах не было. Доктор Хорват и его мошкита с живостью принялись обсуждать его сенсационное заявление, что для человеческого глаза голубой плюс желтый равняется зеленому. Глаз мошкитов был устроен подобно глазу человека или осьминога, по той же схеме: глазное яблоко, приспосабливающийся хрусталик и нервные рецепторы. Однако рецепторы были другими.

И все-таки картины потрясали. В главном холле, который имел потолок высотой три метра и был заполнен крупными полотнами, экскурсия остановилась перед уличной сценой. Коричнево-белый садился в машину, по-видимому беседуя с кишевшими вокруг Коричневыми и Коричнево-белыми, тогда как за его спиной небо пылало красным. Эмоции выражались все той же плоской улыбкой, но Реннер почувствовал насилие и подошел ближе. Многие в толпе держали приборы, всегда в левых руках, и некоторые были сломаны. Кроме того, сам город был в огне.

— Это называется «Вернитесь к вашим задачам». Вы скоро заметите, что тема Безумного Эдди повторяется довольно часто, — сказала мошкита Салли и двинулась дальше, прежде чем кто-нибудь успел попросить более подробных объяснений.

Следующая картина в углу изображала квазимошкита, высокого и худого, с маленькой головкой и длинными ногами. Он бежал из леса на зрителя, и его дыхание тянулось за ним белым дымком.

— «Несущий послание», — назвала картину мошкита Хорвата.

Соседняя картина была еще одной сценой на свежем воздухе: два десятка Коричневых и Белых ели, сидя вокруг пылающего костра. Вокруг них светились красные звериные глаза. Весь пейзаж был темно-красным, а вверху на фоне Угольного Мешка горел Глаз Мурчисона.

— Глядя на это, вы не можете сказать, что они думают и чувствуют, верно? — сказала мошкита Хорвата. — Этого мы и боялись. Бессловесное общение. Эти знаки и жесты у нас различны.

— Я полагаю, — сказал Бери, — что все эти картины можно продать, но не особенно хорошо. Они всего лишь любопытны... хотя вполне ценны сами по себе, из-за ограниченного потенциального рынка и ограниченных источников. Но они ничего не сообщают, ничего не передают. Кто нарисовал их?

— Эта довольно старая. Как видите, она была нарисована прямо на стене здания и...

— Но каким мошкитом? Коричнево-белым?

Все мошкиты невежливо рассмеялись, а мошкит Бери сказал:

— Вы никогда не увидите произведения искусства, созданного не Коричнево-белым. Общение — это наша специальность, а искусство — это общение.

— Значит, Белым нечего сказать?

— Конечно. У них есть Посредники, говорящие за них. Мы переводим, мы общаемся. Многие из этих картин являются доказательствами, наглядно выражающими это.

Вейсс, ничего не говоря, шел за всеми следом. Заметив это, Реннер понизил голос и спросил:

— Какие-то замечания?

Вейсс почесал челюсть.

— Сэр, я не был в музее со школы... но неужели здесь нет картин, сделанных достаточно хорошо?

Во всем холле нашлось только два портрета. Оба изображали Коричнево-белых, и оба были нарисованы от пояса и выше. Чувства этих мошкитов должен был выражать язык тела, а не лица. Портреты были странно освещены, а руки их были странно искривлены. Реннер решил, что они отражают зло.

— Зло? Нет! — сказала мошкита Реннера. — Этот, например, заставил построить зонд Безумного Эдди. А этот был создателем универсального языка и жил очень давно.

— Им еще пользуются?

— Вообще-то, да. Но, разумеется, он разбит на куски. Скажем, Синклер, Поттер и Бери говорят не на том языке, на котором говорите вы. Иногда звуки похожи, но бессловесные сигналы весьма различны.

Реннер подошел к Вейссу, когда они были у входа в зал скульптур.

— Вы были правы. В Империи есть картины, которые можно назвать хорошими, здесь — нет. Вы заметили различие? Ни одного пейзажа без мошкитов, что-то делающих на нем. Почти нет портретов, а эти два слишком тенденциозны. Практически *все* они тенденциозны. — Он повернулся и обратился к своей мошките: — Верно? Эти картины сделаны до того, как ваша цивилизация изобрела камеру. Они не могут быть правильными представителями.

— Реннер, вы знаете, скольких трудов требует живопись?

— Я никогда не пробовал. Но могу представить.

— Тогда представьте трудности занимающегося этим, если ему нечего сказать.

— А как насчет темы «Горы прекрасны»? — спросил Вейсс.

Мошкита Реннера пожала плечами.

Статуи оказались лучше, чем картины. Различия в пигментации и освещении не сказывались на восприятии. Большинство изображали мошкитов, но это были более чем портреты. Скажем, цепочка из мошкитов уменьшающихся размеров: Носильщик, трое Белых, девять Коричневых и двадцать семь малышей. Все они были сделаны

из белого мрамора и заключали в себе часть решимости своих создателей. Бери безо всякого выражения потрогал их и сказал:

— Мне пришло в голову, что я должен буду объяснить любую из них, прежде чем смогу продать кому-либо. Или хотя бы отдать в подарок.

— Неизбежно, — сказал мошкит Бери. — Например, эта иллюстрирует религию прошлых веков. Отделившаяся душа родителя превращается в ребенка, снова обзаводится детьми и так далее до бесконечности.

Другая, сделанная из красного песчаника, изображала множество мошкитов. У них были длинные тонкие пальцы, которых было слишком много на левой руке, и эта левая рука была сравнительно мала. Может, физики? Всех их убивала нить зеленого стекла, гулявшая среди них, как коса: это явно было лазерное оружие, которое держал кто-то невидимый. Мошкиты не захотели говорить об этом.

— Неприятное историческое событие, — сказал мошкит Бери, и это было все.

Следующая изображала сражение между несколькими мраморными мошкитами и двумя десятками существ незнакомого типа, сделанными из красного песчаника. Красные существа были тощими и угрожающими, вооруженными множеством зубов и когтей. Центральное место среди этой свалки занимала какая-то странная машина.

— А это одна из самых интересных, — сказала мошкита Реннера. — По традиции Посредник — один из нашего собственного вида — может официально потребовать у любого создателя любой вид транспорта, который ему нужен. Очень давно, пользуясь этим правом, Посредник приказала построить машину времени. Я могу показать вам эту машину, если вы захотите съездить к ней: она находится по другую сторону этого континента.

— Работающая машина времени?

— Не работающая, Джонатон. Она так и не была закончена. Ее Мастер потерял все свое влияние, пытаясь закончить ее.

— Ну-у-у... — разочарованно протянул Уитбрид.

— Она никогда не опробовалась, — сказала мошкита. — Базовая теория могла оказаться с изъяном.

Машина выглядела как маленький циклотрон с кабиной внутри... Она почти имела смысл, подобно генератору Поля Лэнгстона.

— Значит, вы можете в любое время официально потребовать любое транспортное средство? — спросил Реннер у своей мошкиты.

— Именно так. Наш талант — это общение, но наша главная задача — предотвращение стычек. Салли познакомила нас с вашими, если так можно выразиться, расовыми проблемами, включая оружие и рефлекс капитуляции. Мы — Посредники — развиваем это. Мы можем объяснить одному существу точку зрения другого. Некомму-

никабельность может порой принимать опасные пропорции — обычно так бывает перед войной, когда статистические случайности заставляют вас поверить в совпадение. Если каждый из нас всегда может взять любое транспортное средство — или, скажем, телефон, или радио, — войны становятся маловероятными.

Это произвело на людей пугающее впечатление.

— Очень хорошо, — сказал Реннер, затем продолжал: — Интересно, а можете ли вы потребовать «Макартур»?

— Согласно закону и традиции — да. На практике — мы не настолько глупы.

— О'кей. А эти существа, сражающиеся вокруг машины времени...

— Легендарные демоны, — объяснил мошкит Бери. — Они защищают структуру реальности.

Реннер вспомнил древние испанские картины, датированные временами «черной чумы» в Европе, картины, на которых живых мужчин и женщин атаковали ожившие и злобные мертвецы. Рядом с белыми мошкитами эти странные существа казались невероятно тощими и костлявыми, и злоба их была почти осязаема.

— А зачем была нужна эта машина времени?

— Посредник почувствовал, что некое событие истории произошло из-за недостатка общения. Он решил исправить это. — Мошкита Реннера пожала плечами, точнее, сделала похожий жест руками, поскольку мошкиты не могли поднимать плеч. — Безумный Эдди. Зонд Безумного Эдди был чем-то подобным. Возможно, он требовал намного меньше работы. Наблюдатель неба — Метеоролог — обнаружил существование жизни на мире, вращающемся вокруг ближайшей звезды. Сейчас же этот Посредник Безумный Эдди захотел связаться с ними. Он собрал огромный капитал и промышленную мощь, достаточную, чтобы воздействовать на большую часть цивилизации. Этот его зонд был построен, усилен солнечным парусом и батареей лазерных пушек для...

— Это звучит весьма знакомо.

— Верно. Зонд Безумного Эдди был действительно запущен к Новой Каледонии, но много позже и с другим экипажем. Мы полагали, что вы явитесь туда, откуда он был запущен.

— Что мы и сделали. К несчастью, экипаж погиб, но зонд достиг нас. Но почему вы по-прежнему называете это зондом Безумного Эдди? Впрочем, это пустяки, — сказал Реннер. Его мошкита хихикнула.

Два лимузина ожидали их перед Музеем, и вниз, до уровня улицы, были опущены ступеньки. Крошечные двухместные машинки объезжали препятствие, не замедляясь, но и не сталкиваясь с ним.

Стейли спустился вниз.

— Мистер Реннер! Смотрите!

Реннер взглянул туда. Одна из машин остановилась рядом с большим зданием, перед которым не было обочины. Коричневый шофер и его белый пассажир вылезли, и Белый быстро повернул за угол. Коричневый освободил два укрытых внутри рычага, а затем сделал резкое движение. Машина сложилась, как гармошка, во что-то шириной в полметра. Коричневый повернулся и последовал за Белым.

— Они складываются! — воскликнул Стейли.

— Конечно, — сказала мошкита Реннера. — Представьте себе давку на улицах, если бы этого не было! Но давайте садиться в машины.

Когда они расселись, Реннер сказал:

— Я бы не поехал в этой маленькой смертельной ловушке даже за все деньги мистера Бери.

— О, они вполне безопасны, — сказала мошкита Реннера. — То есть не *машина* безопасна, а *шофер*. Коричневые постоянно возятся со своими машинами, так что поломок быть не должно.

Лимузины тронулись. Как только они отъехали, появились Коричневые и принялись демонтировать ступени.

Здания вокруг них всегда стояли прямоугольными блоками, а улицы образовывали решетку. Для Хорвата этот город был явно сделанным, а не чем-то, выросшим естественным образом. Кто-то спланировал его и приказал построить. Все ли города были похожи на этот?

Да, решил он, все. Но не по сути своей, а в таких деталях, как освещение улиц. Местами это были широкие люминесцентные полосы вдоль зданий, а местами — предметы, похожие на плавающие в воздухе пузыри, которые ветер не уносил прочь. Еще где-то вдоль улиц, по их центру, тянулись трубы, а местами не было вообще ничего, заметного в это время дня.

И эти похожие на ящики машины — каждая была немного другой в размещении фар или способе парковки машины складыванием внутрь самой себя.

Лимузины остановились.

— Мы на месте, — объявила мошкита Хорвата. — Это зоопарк. Заповедник Жизненных Форм, если быть более точным. Вы увидите, что это сделано больше для удобства жителей, чем для посетителей.

Хорват и остальные удивленно оглядывались по сторонам. Повсюду их окружали высокие прямоугольные здания. Нигде не было открытого пространства.

— Он слева от вас. Это здание, джентльмены, здание! Разве есть закон, запрещающий размещать зоопарк в здании?

Зоопарк, как выяснилось, имел шесть этажей с потолками, несомненно слишком высокими для мошкитов. Трудно было даже ска-

зать, насколько высоки были эти потолки. Выглядели они, как небо. На первом этаже это было открытое голубое небо, с плывущими облаками и солнцем, перевалившим за полдень.

Группа шла через влажные джунгли, характер которых изменялся по мере того, как они двигались. Животные не могли достать их, но почему — это было трудно понять. Казалось, они не сознают, что оказались в загоне.

Здесь росло дерево, похожее на огромный хлыст, ручка которого глубоко ушла в землю, а собственно плеть выпустила пучки круглых листьев, которые обвивались вокруг ствола. Животное, похожее на гигантского мошкита, стояло под ним, таращась на Уитбрида. У него были острые когти на двух правых руках и клыки, торчащие между губами.

— Это был вариант типа Носильщика, — сказала мошкита Хорвата, — но его никак не удавалось приручить. Вы видите почему.

— Эта искусственная окружающая среда великолепна! — воскликнул Хорват. — Я никогда не видел лучше. Но почему бы не построить часть зоопарка на открытом воздухе? Зачем создавать окружающую среду, если натуральная уже имеется?

— Я не знаю, почему так сделано. Но это выглядит детально продуманным.

Второй этаж был пустыней сухого песка. Воздух был сух и ароматен, небо голубое, темнеющее до желто-коричневого на горизонте. Мясистые растения без колючек росли из песка. Некоторые из них по виду напоминали лилии. На многих имелись следы зубов. Затем люди заметили существ, оставивших эти следы. Существа походили на голых белых бобров с торчащими прямоугольными зубами. Они скучающе смотрели на них, когда люди проходили мимо.

На третьем этаже шел дождь и сверкали молнии, казалось бы, за много миль отсюда. Люди жались у входа, поскольку не имели никакой защиты от дождя. Мошкиты и сердились, и извиняли их. Им не пришло в голову, что дождь может беспокоить людей — сами они любили его.

— Мы изучили вас, — сказала мошкита Уитбрида, — но мы не знаем вас. Возможно, в другой раз, когда дождь кончится...

Четвертый этаж оказался вообще не диким. Там были даже маленькие круглые дома на далеких иллюзорных холмах. На маленьких, похожих на зонтики деревьях росли красные и лавандовые плоды, висевшие среди плоских зеленых дисков листвы. Пара протомошкитов стояла под одним из них. Оба были низенькие и толстые, а их правые руки, казалось, были заведены назад. Печально посмотрев на группу, одно из них протянуло руку вверх за лавандовым фруктом. Его левая рука была как раз нужной длины.

— Еще один негодный для работы представитель нашего вида, — сказала мошкита Хорвата. — Ныне вымерший за исключением За-

поведника Жизненных Форм. — Похоже было, что она хочет увести их отсюда.

Еще одну пару они обнаружили на клочке земли, где росли дыни — те самые дыни, которые люди ели на обед.

На широком травяном поле безмятежно паслось семейство существ с копытами и косматой шерстью, за исключением одного, которое стояло на страже и немедленно повернулось к посетителям.

Голос за спиной Уитбрида произнес:

— Вы разочарованы. Почему?

Уитбрид удивленно оглянулся.

— Разочарован? Нет! Это так увлекательно.

— Это моя ошибка, — сказала мошкита Уитбрида. — Я думала, что говорю с мистером Реннером.

Эта часть заповедника была довольно протяженной. Здесь не было опасности заблудиться, и все они наслаждались ощущением травы под ногами: длинные, свернутые кольцом зеленые листья, более упругие, чем обычный газон, очень походили на живые ковры в домах аристократии и самых богатых торговцев.

Реннер повернулся, почувствовав, что кто-то смотрит на него.

— Да?

— Мистер Реннер, меня вдруг осенило, что вы немного разочарованы нашим зоопарком.

Уитбрид вздрогнул, а Реннер нахмурился.

— Да? Я сам пытаюсь понять свои чувства. Вообще-то я не чувствую ничего подобного. Это совершенно чужой мир, и все собрано для нашего удобства. Уитбрид, вы тоже чувствуете это?

Гардемарин неохотно кивнул.

— Вот так-то. Это чужой мир, и все собрано для нашего удобства, правильно? Много ли зоопарков вы видели прежде и на скольких мирах?

Уитбрид мысленно сосчитал.

— Шесть, включая Землю.

— И все они похожи на этот, за исключением того, что иллюзия здесь лучше. Мы ожидали увидеть нечто, разделенное в зависимости от важности животных, но здесь этого нет. Все-таки это чужой мир.

— В этом есть смысл, — сказала мошкита Уитбрида. Голос ее был слегка грустен, и люди вспомнили, что мошкиты никогда не видели чужих миров.

Следующий этаж поразил их.

Доктор Хорват вышел из лифта первым и тут же остановился: он находился на городской улице.

— Я думаю, мы выбрали не ту дверь... — И он попятился. На мгновение ему показалось, что его покидает рассудок.

Город был пустынен. На улицах стояло несколько машин, но они были разбиты, а на некоторых виднелись следы огня. Некоторые зда-

ния разрушились, засыпав улицу грудами обломков. Какая-то черная движущаяся масса выпустила по направлению к нему что-то вроде щупалец и тут же метнулась обратно, в темную дыру в груде битого кирпича. У Хорвата по спине побежали мурашки. Когда чужая рука коснулась его локтя, он подпрыгнул, широко раскрыв рот.

— Что случилось, доктор? Наверняка у вас есть животные, приспособленные к городам.

— Нет, — сказал Хорват.

— Крысы, — подсказала Салли Фаулер. — И еще вши, которые живут только на людях. Но, я думаю, это и все.

— У нас их гораздо больше, — сказала мошкита Хорвата. — Возможно, мы сможем показать вам нескольких, хотя они очень робкие.

Вдалеке виднелись маленькие черные существа, неотличимые от крыс. Харди сделал снимок стаи, которая дралась за укрытие. Позднее он надеялся увеличить его. Были еще крупные плоскостопные существа, почти невидимые, пока не окажешься прямо перед ними. Они имели тот же цвет и рисунок, что и кирпичи, к которым прижимались.

— Как хамелеон, — сказала Салли и тут же объяснила, кто это такой.

— Здесь все иначе, — сказала мошкита Салли и указала на животное цвета бетона, которое прижималось к серой стене. — Не пробуйте беспокоить его. У него есть зубы.

— А где они находят пищу?

— В садах на крышах. Впрочем, они могут есть мясо. А эти насекомоядные... — Она подвела их к «крыше», находившейся в двух метрах над уровнем улицы. Там были зерновые и плодовые деревья, росшие в полном беспорядке, и маленькие безрукие двуногие животные, выбрасывающие свернутый в кольцо язык на метр в длину. Они выглядели так, словно имели полный рот орехов.

На шестом этаже их встретил лютый холод. Небо было свинцово-серое, а над бесконечной ледяной тундрой ветер гнал тучи снега. Харди захотел остаться здесь, чтобы изучить жизнь этого ледяного ада: кусты и крошечные деревья, росшие сквозь лед, крупных спокойных существ, которые игнорировали их, пушистых скачущих кроликов с похожими на тарелки ушами и без передних лап. Пришлось уводить его почти силой, иначе он просто замерз бы здесь.

В Замке их уже ждал обед: корабельные запасы и тонкие ломтики плоского зеленого кактуса семидесяти пяти сантиметров в длину и трех в ширину. Красное желе внутри него имело почти мясной вкус. Реннеру это понравилось, но остальные вообще не смогли есть его. Зато все прочее они съели, оживленно переговариваясь.

— Мы представляем, — сказала мошкита Реннера, — что хотят увидеть в незнакомом городе туристы. По крайней мере, мы знаем, что вы показывали в своих фильмах о путешествиях. Музеи. Правительственные здания. Памятники. Архитектурные уникумы. Возможно, магазины и ночные клубы. Кроме того, образ жизни местных жителей. — Она возбужденно жестикулировала. — Мы вынуждены опустить кое-что из этого. У нас нет никаких ночных клубов. У вас будет возможность услышать нашу музыку, но, честно говоря, она вам не понравится.

Правительством являются Посредники, собирающиеся для разговора. Это может быть где угодно. Принимающие решения живут там, где им нравится, и обычно считают себя связанными соглашениями со своими Посредниками. Вы увидите некоторые из наших памятников. Что же касается нашего образа жизни, то через некоторое время вы сможете изучить его.

— А как насчет образа жизни Белых? — спросил Харди и зевнул так, что хрустнули кости.

— Он прав, — вмешалась мошкита Харди. — Мы сможем увидеть семейные резиденции Отдающих приказы. То есть мы сможем получить разрешение... — Она сбилась на невнятное бормотание.

Они посовещались, и мошкита Салли сказала:

— Это возможно. Мы увидим их.

Изменение продолжительности дня сильно действовало на людей. Доктора Харди и Хорват, зевая, извинились перед всеми и ушли. Однако Бери был еще вполне бодр. «Интересно, каков период обращения его планеты?» — подумал Реннер. Самого его космические путешествия научили приспосабливаться к любым распорядкам дня.

Обед закончился. Салли пожелала всем доброй ночи и ушла вверх по лестнице, заметно покачиваясь. Реннер предложил попеть народные песни, но, не получив поддержки, ушел.

Спиральная лестница вела наверх, в башню. Реннер вышел в коридор и, ведомый любопытством, пошел по нему. Добравшись до воздушного шлюза, он понял, что тот должен выходить на балкон, окружавший башню. Реннер не стал выходить на воздух Мошки-1. Он бы не удивился, если бы оказалось, что балкон вовсе не предназначался для использования. Потом он представил себе кольцо, окружавшее тонкую башню, и подумал, не играют ли мошкиты во фрейдистский символизм.

Вероятно, так оно и было. Реннер развернулся и направился к своей комнате.

В первое мгновение ему показалось, что он вошел не туда. Цветовая гамма ошеломляла: черная с оранжевым, она совершенно отличалась от скромной бледно-коричневой, которая была утром. Од-

нако вакуумный костюм на стене принадлежал ему — на груди у него виднелись его знаки различия. Реннер осмотрел комнату, пытаясь решить, нравится ли ему эта перемена.

Это была единственная перемена... впрочем, в комнате стало теплее. Прошлой ночью здесь было слишком холодно. Движимый интуицией, он пересек комнату и заглянул в спальную нишу мошкиты. Да, там было прохладно.

Мошкита Реннера выглянула из-за дверного косяка, наблюдая за ним со своей обычной слабой улыбкой. Реннер сконфуженно усмехнулся и продолжил осмотр.

Сначала ванная... потом туалет... Он изменился так, как Реннер описывал его. Впрочем, в худшую сторону — воды в нем не было совершенно. И слива тоже не было.

Черт побери, был только один способ проверить туалет.

Он заглянул в сливное углубление — его чаша сверкала чистотой. Вылив в него стакан воды, Реннер увидел, что она скатилась вниз, не оставив ни капли. Поверхность углубления не имела трения.

«Нужно будет сказать об этом Бери», — подумал Реннер. Существовали базы на лишенных атмосферы лунах и миры, где вода и энергия для ее регенерации имелись в малых количествах. Но это завтра. Сейчас он слишком хочет спать.

Период обращения Леванта составлял 28 часов 40,2 минуты. Бери достаточно хорошо приспособился к стандартному дню «Макартура», но всегда легче приспособиться к более длинному дню, чем к более короткому.

Он ждал, пока его финч'клик' послал Коричневого за кофе. Его делал ему отсутствующий сейчас Набил... и будет удивительно, если мошкиты обладают большинством способностей Набила. Впрочем, он уже один раз серьезно недооценил возможности Коричнево-белых. По-видимому, его мошкит мог распоряжаться любым экипажем Мошки-1, независимо от того, есть он или еще не построен. И при этом он был агентом кого-то, кого Бери никогда не видел. Ситуация была сложной.

Коричневый вернулся с кофе и еще с одним сосудом, в котором была налита светло-коричневая жидкость.

— Ядовито? Вполне возможно, — сказал его финч'клик'. — Вещество, дающее цвет, или же бактерии могут повредить вам. Это вода снаружи.

Не в обычаях Бери было переходить к делам слишком быстро. Он знал, что слишком торопливого бизнесмена легко одурачить. Бери не сознавал тысячелетних традиций, стоящих за его мнением. Сначала ему и его мошкиту нужно поговорить о многих вещах... «О ботинках, кораблях и сургуче, о капусте, королях и...» — проци-

тировал он и, заметив интерес мошкита, описал ему все упомянутое. Особенно интересовали мошкита различные формы управления у людей.

— Я не думаю, что смогу читать Льюиса Кэрролла, — сказал он, — пока не узнаю человеческую культуру значительно лучше.

Наконец Бери снова вернулся к разговору о предметах роскоши.

— Предметы роскоши... Да, в принципе я согласен, — сказал мошкит Бери. — Если они перевозятся хорошо, это может окупиться, хотя бы уменьшением стоимости горючего. Это должно быть истинно даже с вашим двигателем Безумного Эдди. Но на практике есть и ограничения.

Бери уже думал об этом. Сейчас он сказал:

— Расскажите мне об этом.

— Кофе. Чай. Вина. Полагаю, вы торгуете и винами?

— Моя религия запрещает вина. — Бери косвенно участвовал в перевозке вин с одного мира на другой, но не верил, что мошкиты захотят покупать вина.

— Это не имеет значения. Мы не можем переносить алкоголь, и нам не нравится вкус кофе. То же самое может оказаться и с другими вашими деликатесами, хотя кое-кто может решить попробовать.

— А сами вы не торгуете предметами роскоши?

— Нет. Власть над другими, безопасность и долговечность обычаев и династий... как обычно, я говорю от имени Отдающих приказы. Мы торгуем только ради их выгоды, но мы также торгуем дипломатией. Мы торгуем товарами длительного пользования и предметами первой необходимости... Кстати, что вы думаете о наших произведениях искусства?

— Их можно продавать за хорошую цену, пока они не станут обычными. Но я думаю, что наша торговля будет вестись в основном идеями и проектами.

— Да?

— Например, туалет без трения, и принципы, на которых он основан. Различные сверхпроводники, которые вы производите более эффективно, чем мы. Мы нашли образец на одном астероиде. Вы можете снять с него копию?

— Я уверен, что Коричневые найдут способ. — Мошкит вяло махнул рукой. — С этим проблем не будет. Вы, вероятно, можете предложить многое. Например, землю. Нам будет нужна земля для наших посольств.

«Вероятно, это можно будет предложить бесплатно», — подумал Бери. Однако для этой расы земля должна быть буквально бесценной: без людей они никогда не будут иметь ее больше, чем в данный момент. И они могут захотеть землю под поселения. Этот мир был переполнен. Бери видел с орбиты огни городов, поля света, окруженные океанами темноты.

— Земля, — согласился он, — и зерно. Есть злаки, которые растут под солнцами вроде вашего. Мы знаем, что вы можете есть некоторые из них. Может, они будут расти здесь лучше, чем ваши собственные? Перевозка громоздких продуктов никогда не будет приносить прибыль, но с семенами можно попробовать.

— У вас тоже есть идеи, которые вы могли бы продать нам.

— Сомневаюсь. Ваша изобретательность огромна и удивительна.

Мошкит махнул рукой.

— Спасибо. Кое-чего у нас нет. Например, мы имеем свой собственный двигатель Безумного Эдди, но генератор силового поля, которое защищает...

— Если меня расстреляют, вы лишитесь единственного торговца в этой системе.

— О Аллах, неужели ваши власти действительно так решительно защищают свои секреты?

— Возможно, они изменят свое мнение, когда узнают вас получше. Кроме того, я не физик, — сказал Бери.

— Бери, мы не исчерпали вопроса с искусством. У наших людей искусства свободные руки, постоянный доступ к материалам и небольшой надзор. В принципе обмен произведениями искусства между Мошкой и Империей может облегчить общение. Мы еще никогда не пытались адресовать свое искусство чужому разуму.

— Книга и ленты доктора Харди содержат множество таких произведений искусства.

— Мы должны изучить их. — Мошкит Бери начал потягивать свою грязную воду. — Мы говорили о кофе и винах. Мои товарищи заметили сильный интерес к вину среди ваших ученых и офицеров Флота.

— Да. Место производства, даты, ярлыки, способность к перевозке в невесомости, какие вина с какими продуктами можно перевозить... — Бери скорчил гримасу. — Я слышал, но ничего не знаю об этом. Я нахожу весьма досадным и дорогим, что некоторые мои корабли вынуждены двигаться с постоянным ускорением, чтобы защитить бутылки от выпадения осадка. Почему бы их просто не пропустить через центрифугу после прибытия на место?

— А кофе? Все они пьют кофе. Кофе изменяется в зависимости от его генетики, почвы, климата, способа жарки. Я знаю, что это так. Я видел ваши запасы.

— На борту «Макартура» у меня гораздо больше разновидностей. К тому же есть различия и между пьющими кофе. Культурные различия. На мирах, восходящих к Америке — вроде Тэйблтопа, — могут даже не прикоснуться к маслянистому напитку, предпочитаемому на Новом Париже, а там считают напиток Леванта слишком крепким и сладким.

— Вот как?

— Вы слышали о Голубой Горе Ямайки? Этот сорт растет на самой Земле, на большом острове. Этот остров никогда не бомбили, и мутации исчезли за века, последовавшие за развалом СоВладения. Его невозможно купить. Военные корабли перевозят его в Имперский дворец на Спарте.

— И каков его вкус?

— Я же сказал, что его хранят для императора... — Бери заколебался. — Ну ладно. Вы знаете меня слишком хорошо. Я не смогу заплатить такую цену еще раз, но я не жалею об этом.

— Флот недооценивает вас, потому что вам не хватает знания вин. — Мошкит Бери вовсе не выглядел улыбающимся. Его бесстрастное лицо было лицом торговца — это выражение он перенял от самого Бери. — Конечно, это довольно глупо с их стороны. Если бы они знали, как много можно узнать о кофе...

— Что вы предлагаете?

— У вас на борту есть запасы. Научите их пить кофе. Используйте для этой цели свои собственные запасы.

— Для офицеров линейного крейсера моих запасов не хватит и на неделю!

— Вы должны показать им сходство между вашей и их культурами. Или вам не нравится эта идея? Нет, Бери, я не читаю ваши мысли. Вам не нравится Военный Космический Флот, и вы стремитесь преувеличивать различия между ними и вами. Может, они думают так же?

«Я не читаю ваши мысли». Бери сдерживал ярость, растущую в нем, — и в этот момент он понял. Теперь он знал, почему чужак повторял эту фразу. Она поддерживала его в неустойчивом состоянии в торговых делах.

Бери широко улыбнулся.

— Добрая воля недельной продолжительности. Хорошо, я воспользуюсь вашим предложением, когда вернусь на орбиту и буду обедать на «Макартуре». Аллах знает, как много они смогут узнать о кофе. Возможно, я даже сумею научить их правильно пользоваться кофейником.

28. Kaffee Klatsch

Род и Салли сидели вдвоем в патрульной кабине капитана. Экраны интеркома были выключены, и контрольная таблица над столом Рода демонстрировала лаконичный рисунок зеленых огоньков. Род вытянул свои длинные ноги и потягивал напиток.

— Вы знаете, с тех пор как мы покинули Новую Каледонию, это первый раз, когда мы остались вдвоем... И это прекрасно.

Салли неуверенно улыбнулась.

— Но это ненадолго... Мошкиты ждут нашего возвращения, и мне предписано... Род, сколько мы еще будем в системе Мошки?

— Спросите у адмирала. Вице-король Меррилл ждет нас обратно по возможности скорее, но доктор Хорват хочет побольше изучить. Что я и делаю. Салли, у нас еще нет ничего значительного для доклада! Мы не знаем, представляют ли мошкиты угрозу для Империи или нет.

— Род Блейн, когда вы перестанете поступать как кадровый офицер Флота и станете самим собой? Нет ни малейшего следа доказательств того, что мошкиты враждебны нам. Мы не видели никаких признаков оружия, войн или чего-нибудь подобного...

— Я знаю, — мрачно сказал Род. — И это меня беспокоит. Салли, вы когда-нибудь слышали о человеческой цивилизации, которая не имела бы солдат?

— Нет. Но мошкиты — не люди.

— Муравьи тоже не люди, но солдаты у них есть... Может, вы и правы, и я перенял это от Кутузова. Он требует более частых докладов. Вы знаете, что каждый обрывок информации передается прямо на «Ленин» в течение часа? Мы также посылаем туда образцы продукции мошкитов и некоторые из модификаций, сделанных Коричневыми...

Салли засмеялась. На мгновение Род скривился, потом присоединился к ней.

— Простите, Род. Я знаю, что вам было очень трудно сказать Царю, что у нас на борту были Домовые... но это было так *забавно!*

— Ну да, забавно. В любом случае мы посылаем все, что можем, на «Ленин». Вы думаете, что я параноик? Кутузов осматривает каждую вещь в пространстве, затем запаковывает в контейнеры, наполненные цифогеном, и складирует *вне* корабля! Думаю, он боится заражения. — Зажужжал интерком. — Проклятие! — Род повернулся к экрану. — Капитан слушает.

— Священник Харди хочет видеть вас, капитан, — объявил часовой-космодесантник. — С мистером Реннером и учеными.

Род вздохнул и беспомощно взглянул на Салли.

— Пришлите их сюда вместе с моим стюардом. Полагаю, все они захотят выпить.

Они захотели. Когда все расселись, кабина оказалась переполнена. Род приветствовал членов экспедиции на Мошку лично, затем взял со стола пачку бумаг.

— Первый вопрос: нужны ли вам служащие Флота? Как я понял, им нечего делать.

— Ну, в общем-то, никакого вреда от их пребывания там нет, — сказал доктор Хорват, — но они занимают место, которое могли бы занимать ученые.

— Другими словами, нет, — сказал Род. — Отлично. Оставляю на ваше усмотрение, кто из ваших людей заменит их, доктор Хорват. Следующий пункт: нужны ли вам десантники?

— О небеса, конечно, нет, — запротестовала Салли. Она быстро взглянула на Хорвата, и тот кивнул. — Капитан, эти мошкиты далеки от враждебных намерений, они построили для нас Замок. Он просто великолепен! Почему бы вам не спуститься вниз и не посмотреть его?

Род горько рассмеялся.

— Приказ адмирала. Он гласит, что я не могу послать вниз ни одного офицера, знающего, как сделать Поле Лэнгстона. — Он кивнул сам себе. — Адмирал и я согласны в одном: если вам нужна помощь, двое десантников не будут никуда задействованы... это должно дать мошкитам понять, что финч'клик' для пары солдат вовсе не такая уж хорошая мысль. И это подводит нас к следующему вопросу. Доктор Хорват, мистер Реннер удовлетворяет вас? Если хотите, я попрошу его выйти из комнаты, пока вы будете отвечать.

— Ерунда. Мистер Реннер очень помог нам. Скажите, капитан, касаются ли ваши ограничения моих людей? Запрещено ли мне брать на Мошку-1 физиков?

— Да.

— Но доктор Бакман считает, что должен ехать. Мошкиты изучали Глаз Мурчисона и Угольный Мешок уже очень долго... Сколько, мистер Поттер?

Гардемарин как-то съежился перед тем как ответить.

— Тысячи лет, сэр, — сказал он наконец. — Только...

— Только что? — тут же спросил Род. Поттер был чересчур застенчив, и с этим следовало бороться. — Говорите громко и четко.

— Да, сэр. У них есть расхождения в их наблюдениях, капитан. Мошкиты никогда не упоминали этого факта, но доктор Бакман говорит, что это очевидно. Я сказал, что иногда они теряли интерес к астрономии, но доктор Бакман не смог этого понять.

— И не поймет, — рассмеялся Род. — А насколько важны эти наблюдения, мистер Поттер?

— Для астрофизиков они, возможно, очень важны, капитан. Они наблюдают этот супергигант всю свою историю, пока он идет через Угольный Мешок. Он должен стать сверхновой, а потом превратиться в черную дыру, и мошкиты говорят, что знают, когда это произойдет.

Гардемарин Уитбрид рассмеялся, и все повернулись к нему. Уитбрид с трудом взял себя в руки.

— Простите, сэр, но я был там, когда Гэвин говорил об этом Бакману. Глаз должен взорваться в 2 774 020 году н.э., 27 апреля, между четырьмя и четырьмя тридцатью утра, говорят они. Сначала мне показалось, что доктор Бакман задушит сам себя. Затем

он решил провести проверку лично. Это заняло у него тридцать часов...

Салли усмехнулась.

— Он почти прикончил финч'клик', делавшую это, — добавила она. — Мошкита доктора Хорвата объяснила ему, когда распадется их собственное солнце.

— Да, и он обнаружил, что они были правы, — сказал Уитбрид. Гардемарин откашлялся и изобразил сухой голос Бакмана. — Чертовски скоро, мистер Поттер. Я получил математические данные, доказывающие это.

— Вы развиваете свой талант актера, мистер Уитбрид, — сказал старший помощник Каргилл. — К сожалению, в астронавигации вы не демонстрируете подобного улучшения. Капитан, мне кажется, доктор Бакман может получить все, необходимое ему, здесь. Поэтому нет причин отправлять его на планету.

— Согласен. Доктор Хорват, ответ отрицательный. Кроме того... вы *действительно* хотите провести неделю в обществе Бакмана? Можете не отвечать, — быстро добавил он. — Так кого же вы возьмете?

Хорват на мгновение задумался.

— Скажем, Де Вандалью.

— Да, пожалуй, — быстро сказала Салли. — Нам нужен геолог. Я пыталась копать, чтобы получить образцы горных пород, но не поняла природы Мошки-1. Там нет ничего, кроме руин, состоящих из еще более древних руин.

— Вы хотите сказать, что у них нет коренных пород? — спросил Каргилл.

— У них есть коренные породы, командор, — ответила Салли. — Граниты и базальты. Но нет мест, где бы то, что образует планету, выходило наверх. Они все были использованы для стен, черепицы, крыш. Я не нашла ответа в музее и не смогла получить его от них.

— Подождите минуточку, — сказал Род. — Вы хотите сказать, что выходили и начинали копать наугад, и где бы вы это ни делали, вы находили останки города? Даже на полях фермеров?

— У меня было не так много времени для раскопок, но где бы я ни копала, под землей всегда что-нибудь было. Я понятия не имею, где это кончается! Капитан, под глинобитными хижинами там был город, похожий на Нью-Йорк 2000 года н.э. Думаю, у них была цивилизация, разрушенная примерно две тысячи лет назад.

— Это может объяснить ошибки наблюдений, — сказал Род. — Но... они кажутся слишком сообразительными для этого. Почему они допустили падение цивилизации?

— У меня есть идея, — сказала Салли. — Заражение воздуха... Не было ли здесь загрязнителя вроде двигателя внутреннего сгорания Земли времен СоВладения? Допустим, у мошкитов была циви-

лизация, основанная на ископаемом топливе, и оно кончилось? Разве не должны были они вернуться в Железный Век, прежде чем сумели развить ядерный синтез и физику плазмы? Похоже, у них крайне мало радиоактивных руд.

Род пожал плечами.

— Значит, геолог во многом может помочь... и он гораздо более необходим на этом месте, нежели доктор Бакман. Полагаю, это решено, доктор Хорват?

Министр по науке мрачно кивнул.

— Но все равно мне не по душе вмешательство Военного Космического Флота в нашу работу. Скажите ему, доктор Харди. Это необходимо прекратить.

Священник-лингвист, казалось, был удивлен. Он сидел в самом конце комнаты, ничего не говоря, но внимательно слушая.

— Что ж, Энтони, я согласен, что геолог более пригодится на поверхности планеты, чем астрофизик. И... капитан, я оказался в уникальном положении. Как ученый, я не могу одобрить всех этих ограничений, налагаемых на наши контакты с мошкитами. Как представитель Церкви, я имею невыполнимую задачу, а как офицер Военного Космического Флота... думаю, что должен согласиться с адмиралом.

Все удивленно повернулись к священнику.

— Я изумлен, доктор Харди, — сказал Хорват. — Вы видели хотя бы малейшие доказательства военной деятельности на Мошке-1?

Харди крепко сжал перед собой руки и заговорил, глядя поверх кончиков пальцев:

— Нет. И это, Энтони, беспокоит меня. Мы знаем, что у мошкитов есть войны: класс Посредников был создан — вероятно, создан сознательно, — чтобы прекратить их. Не думаю, что они всегда добиваются успеха. Но тогда почему мошкиты прячут от нас свое оружие? Напрашивается ответ, что по той же причине, что и мы, но подумайте: мы не скрываем факта обладания оружием и даже того, какова его природа. Тогда почему это делают они?

— Вероятно, стыдятся перед нами, — ответила Салли. Увидев лицо Рода, она вздрогнула. — Я сказала это не в буквальном смысле... Но они цивилизованы дольше нас, и могут стыдиться своего бурного прошлого.

— Возможно, — признал Харди и понюхал свой коньяк. — А возможно, и нет, Салли. У меня такое чувство, что мошкиты прячут что-то важное... и прячут это, так сказать, перед самым нашим носом.

Долгое молчание нарушило фырканье Хорвата.

— А как они могут делать это, доктор Харди? Их управление слагается из неофициальных переговоров представителей класса Отдающих приказы. Каждый город выглядит почти автономным. На Мошке-1 едва ли есть планетарное правительство, и вы думаете, что

они способны сговориться против нас? Это не очень-то правдоподобно.

Харди снова пожал плечами.

— Судя по тому, что мы видели, доктор Хорват, вы, конечно, правы. И все-таки я не могу избавиться от чувства, что они что-то прячут.

— Они показали нам все, — не сдавался Хорват. — Даже хозяйства Отдающих приказы, где обычно они не принимают посетителей.

— Салли уже говорила об этом перед вашим приходом, — быстро сказал Род. — Скажите, как живет правящий класс мошкитов? Подобно имперской аристократии?

— Это лучшее сравнение, чем вы можете думать, — буркнул Хорват. Два сухих мартини заметно опьянили его. — Имеется много общего... хотя у мошкитов совершенно отличная от нашей концепция предметов роскоши. Впрочем, некоторые вещи общие... Земля... слуги... и тому подобное. — Хорват взял еще один бокал и стал греть его содержимое.

— Мы действительно посетили двух хозяев. Один живет в небоскребе около Замка и, похоже, контролирует все здание: магазины, освещение, сотни Коричневых, Красных, Рабочих и... дюжины других классов. Другой, кстати, Фермер, очень похож на сельского барона. Рабочие живут в длинных рядах домов, а между рядами находятся поля. Этот «барон» живет в самом центре всего.

Род подумал о своем родном доме.

— Круцис Корт тоже окружен деревнями и полями, но, конечно, все деревни были укреплены после Сепаратистских войн.

— Странно, что вы сказали это, — буркнул Хорват. — Там тоже было место, укрепленное по образцу этого «баронства». Большой атриум в самом центре. Вообще, что касается этого вопроса, во всех жилых небоскребах нет окон на нижних этажах, и есть большие сады на крышах. Полное самообеспечение. Это выглядит весьма воинственно. Мы не сообщили об этом наблюдении адмиралу: он наверняка обнаружит в нем милитаристские тенденции.

— А вы уверены, что он ошибется? — спросил Каргилл. — Из того, что я слышал, у каждого из этих Отдающих приказы есть самообеспечивающаяся крепость. Сады на крышах... Домовые, ремонтирующие все машины... Жаль, что мы не приручили нескольких из них в помощь Синклеру. — Каргилл заметил, что капитан мрачно смотрит на него, и торопливо добавил: — В любом случае у Фермера должно быть больше шансов в сражении, но по описаниям оба эти места выглядят как крепости. Насколько я понял, так выглядят и остальные жилые дворцы.

Доктор Хорват пытался сдерживать себя, тогда как Салли Фаулер безуспешно пыталась скрыть свое веселье. Наконец она рассмеялась.

— Командор Каргилл, эти мошкиты совершают космические путешествия и обладают ядерным синтезом уже *веками*. Если их здания до сих пор выглядят как крепости, это должно быть традицией. В этом нет никакой цели! Как военный эксперт, скажите, каким должен быть ваш дом, чтобы он мог защитить вас от современного оружия?

Каргилл молчал, но, судя по его внешнему виду, убежден не был.

— Вы говорите, что они стараются делать свои дома самообеспечивающимися? — спросил Род. — Даже в городе? Но это же *глупо*. Им еще нужна и вода.

— Ее вполне достаточно от дождей, — сказал Реннер. — Они идут три дня из каждых шести.

Род взглянул на навигатора. Серьезно ли он говорит?

— А вы знаете, что есть мошкиты-левши? — продолжал Реннер. — У них все наоборот. Две шестипалые левые руки, одна массивная правая и нарост на черепе тоже справа.

— Мне потребовалось полчаса, чтобы заметить это, — засмеялся Уитбрид. — Этот новый мошкит ведет себя точно так же, как тот, что был у Джонсона. Видимо, его проинструктировали.

— Левша, — сказал Род. — А почему бы и нет? — По крайней мере они сменили тему. Стюард принес ленч. Когда они кончили есть, пришло время возвращаться на Мошку-1.

— Мне надо поговорить с вами, мистер Реннер, — сказал Род, когда навигатор хотел выйти. Он подождал, пока все, кроме Каргилла, ушли. — Мне нужен свой человек внизу, а вы единственный старший офицер, не попадающий под ограничение адмирала. Хотя у вас нет оружия, кроме личного, но это военная экспедиция, и, если дело дойдет до столкновения, командовать будете вы.

— Да, сэр, — сказал Реннер, несколько сбитый с толку.

— Если потребуется стрелять в человека или мошкита, сможете вы сделать это?

— Да, сэр.

— Вы ответили слишком быстро, мистер Реннер.

— Я обдумал этот вопрос еще тогда, когда решил поступить на Флот. Если бы я решил, что не способен выстрелить в кого-либо, капитан наверняка узнал бы об этом.

Блейн кивнул:

— Следующий вопрос. Можете вы определить все необходимое для военных действий, занимаясь одновременно чем-то другим? Даже если то, что вы делаете, никогда не пригодится?

— Думаю, что да. Капитан, могу я спросить кое о чем? Я хочу вернуться обратно и...

— Говорите, мистер Реннер.

— Капитан, ваша финч'клик' сошла с ума.

— Я знаю об этом, — холодно сказал капитан Блейн.

— Думаю, что гипотетический финч'клик' Царя должен сойти с ума гораздо быстрее. Тот, кто вам нужен, — единственный офицер на борту корабля, меньше всего склонный к военному образу мышления.

— Отправляйтесь, мистер Реннер. И удачи вам.

— Слушаюсь, сэр. — Покидая кабину, Реннер даже не пытался скрыть свою кривую усмешку.

— Он сделает, капитан, — сказал Каргилл.

— Надеюсь, Номер Первый. Джек, вы думаете, что эта наша воинственность довела мою мошкиту до безумия?

— Нет, сэр. — Каргилл выглядел вполне уверенным.

— Тогда что?

— Этого я не знаю, капитан. Я не знаю многих вещей об этих жукоглазых монстрах. Есть только одно, в чем я уверен: они узнали о нас больше, чем мы о них.

— Вы делаете успехи, Номер Первый. Они показали нашим людям то, о чем те просили, ничего не пряча. Вот вас, например, мошкиты всегда отпугивали, верно? Как, по-вашему, почему?

— Не знаю, капитан. — Каргилл в упор взглянул на Блейна и подумал, что босс не собирается обвинять его в трусости. — Мне просто не нравится чувствовать это. — Он посмотрел на карманный компьютер, чтобы проверить время. — Я должен идти, шкипер. Нужно помочь мистеру Бери с его кофейным бизнесом.

— Бери... Джек, я хотел поговорить с вами о нем. Его мошкит живет сейчас на посольском корабле. Бери отправился на катер. О чем они говорят?

— Предположительно, о торговых делах...

— Верно, но Бери многое знает об Империи. Экономика, промышленность, размеры Флота, со скольким количеством внешних мы имеем дело.

Каргилл усмехнулся.

— Он не позволит своей правой руке узнать, сколько пальцев у него на левой, капитан. Кроме того, я кое-что предпринял, чтобы он не узнал ничего такого, чего бы мы не одобрили.

— И как вы сделали это?

— Я сказал ему, что мы напичкали «клопами» каждый дюйм катера, сэр. — Усмешка Каргилла стала шире. — Конечно, он понимает, что мы не можем прослушивать каждый из этих «клопов» все время, но...

Род вернул ему улыбку.

— Надеюсь, что это сработает. О'кей, а теперь вам лучше отправиться в Kaffe Klatsch. Вы действительно не имеете ничего против помощи?

— Черт побери, шкипер, это была моя идея. Если Бери может показать кокам, как делать лучший кофе во время боевых тревог, я

могу даже изменить свое мнение о нем. Однако он в любом случае будет оставаться пленником на этом корабле?

— Пленником? Командор Каргилл...

— Шкипер, вся команда знает, что с пребыванием этого человека на борту что-то неладно. По слухам, он как-то замешан в мятеже на Нью-Чикаго и вы держите его здесь по приказу Адмиралтейства. Это правда, не так ли?

— Кто-то здесь слишком много говорит, Джек. Как бы то ни было, я ничего не могу вам сказать.

— Конечно. У вас свои приказы, шкипер. Но я заметил, что вы не пытаетесь отказываться от этого. Что ж, это можно понять. Ваш старик богаче, чем Бери... Интересно, как часто служащие Флота продаются? Это довольно опасно — держать пленником чучело, которое может купить целую планету.

И Каргилл быстро отправился на главную кухню.

Накануне вечером, во время обеда, разговор как-то перешел на кофе, и Бери, отбросив свой обычный скучный расчет, обстоятельно заговорил об этом предмете. Он рассказал им историю гибрида Моха-Ява, еще растущего в местах вроде Макассара, и об удачном сочетании чистой Явы с груа, очищенной в мире принца Самуэля. Он знал историю Голубой Горы Ямайки, хотя сказал, что не пробовал этот сорт. Когда покончили с десертом, Бери предложил устроить «дегустацию кофе» по образу и подобию дегустации вин.

Это было превосходное завершение превосходного обеда. Бери и Набил двигались как фокусники среди конических фильтров, кипящей воды и нарисованных вручную этикеток. Все гости были в восторге, и это сделало Бери каким-то другим человеком: трудно было представить его знатоком чего бы то ни было.

— Но главное условие — это держать оборудование совершенно чистым, — сказал он. — Горькие масла из вчерашнего кофе при работе накапливаются, особенно в кофейнике.

Закончилось все предложением Бери осмотреть на следующий день оборудование «Макартура» для приготовления кофе. Каргилл, считавший кофе таким же жизненно важным для сражающегося корабля, как торпеды, сразу согласился. Сейчас он смотрел, как бородатый торговец изучает большой кофейник и в высшей степени осторожно зачерпывает чашку.

— Машина, безусловно, в хорошем состоянии, — сказал он. — В очень хорошем состоянии. Абсолютно чистая, и напиток разогревали не слишком часто. Для стандартного кофе это великолепно, командор.

Сбитый с толку Джек Каргилл зачерпнул чашку и попробовал.

— Почему это лучше, чем то, что мы пьем в кают-компании?

Повара обменялись косыми взглядами, и Каргилл заметил это. Заметил он и еще кое-что. Проведя пальцем изнутри по стенке кофейника, он вынул его с коричневым масляным пятном.

Бери повторил этот жест, понюхал свой палец и коснулся его кончиком языка. Каргилл тоже попробовал это масло. Оно имело вкус самого плохого кофе, который он когда-либо глотал из страха уснуть на дежурстве. Он снова заглянул в кофейник.

— Опять малыши! — рявкнул Каргилл. — Разберите эту проклятую штуковину на части.

Они освободили машину и разобрали ее — насколько это было возможно. Части, которые должны были отвинчиваться, сейчас были приварены друг к другу. Однако секрет магического кофейника, похоже, заключался в избирательной проницаемости металлической оболочки.

— Моя компания с удовольствием купит этот секрет у Военного Космического Флота, — сказал Бери.

— Мы будем рады продать его. О'кей, Зиффрен, как долго это продолжалось?

Старшина поваров задумался.

— Не знаю, сэр. Может быть, месяца два.

— Это было до того, как мы стерилизовали корабль и убили всех малышей? — требовательно спросил Каргилл.

— Э... да, сэр, — сказал кок, но сказал это неуверенно, и Каргилл покинул кают-компанию, хмуря брови.

29. Часовщики

Каргилл направился прямо в кабину Рода.

— Думаю, мы снова заполучили Домовых, шкипер. — И он объяснил, почему так думает.

— Вы говорили с Синклером? — спросил Род. — О Боже, Номер Первый, адмирал совсем спятит. Вы уверены?

— Нет, сэр. Но я намерен убедиться. Шкипер, я уверен, что мы осмотрели все, когда чистили корабль. Где они могли спрятаться?

— Об этом вы будете думать, когда убедитесь, что они у нас есть. Берите старшего механика и пройдите по кораблю снова, Джек. И на этот раз убедитесь, черт побери!

— Слушаюсь, шкипер.

Блейн повернулся к экранам интеркома и ударил по клавише. По экрану потянулись все сведения, собранные о малышах. Этого было не слишком много.

Экспедиция на Мошку-1 видела тысячи этих малышей по всему Городу Замка. Мошкита Реннера называла их «Часовщики», и они действовали как ассистенты Коричневых Инженеров. Большие

мошкиты утверждали, что Часовщики были неразумны, но наследовали умение обращаться с приборами и механизмами так же хорошо, как обычные мошкиты наследовали инстинкт подчинения высшим кастам. Они требовали обучения, но заботу об этом брали на себя взрослые Часовщики. Подобно прочим рабочим кастам, они были формой богатства, и способность содержать большое количество Часовщиков, Инженеров и других низших форм была единственной мерой значимости Мастера. Это последнее было заключением священника Харди и не было подтверждено со всей определенностью.

Прошел час, прежде чем Каргилл отозвался.

— Мы получили их, шкипер, — мрачно сказал старший помощник. — Палуба Б, воздушный поглотитель-преобразователь... помните ту полурасплавленную штуковину, которую ремонтировал Сэнди?

— Да.

— Так вот, Сэнди говорит, что она, вероятно, не сможет работать, и сейчас копается в ней, но для меня этого достаточно. Мы получили их.

— Поднимайте космодесант, Номер Первый. Я иду на мостик.

— Слушаюсь, сэр. — Каргилл повернулся к агрегату. Синклер снял с него чехол и бормотал что-то себе под нос, изучая обнажившиеся внутренности машины.

А внутренности эти изменились: рама изменила свою форму, второй фильтр, поставленный Синклером, исчез, а оставшийся вызывал серьезные опасения.

— Да, — буркнул Синклер. — А вот и второй типичный признак, командор. Винтовые соединения сплавлены в одно целое. Отсутствующие части и все остальное...

— Значит, это Домовые.

— Да, — кивнул Синклер. — Мы думали, что убили их много месяцев назад, и мои записи, показывающие это, были проверены на прошлой неделе. Тогда все было нормально.

— Но где они прячутся? — спросил Каргилл. Старший механик молчал. — Что теперь, Сэнди?

Синклер пожал плечами.

— Я бы посоветовал заглянуть на ангарную палубу, сэр. Это место корабля используется меньше всего.

— Верно. — Каргилл снова включил интерком. — Шкипер, мы собираемся проверить ангарную палубу, но боюсь, что вопрос и так ясен. На борту корабля есть живые Домовые.

— Сделайте это, Джек. А я отправлю сообщение на «Ленин». — Род глубоко вздохнул и с такой силой сжал руками свое командирское кресло, как будто собирался вступить в бой. — Дайте мне адмирала.

Расплывчатые черты лица Кутузова появились на экране. Род торопливо доложил.

— Я не знаю, сколько их, сэр, — закончил он. — Мои офицеры ищут дополнительные признаки присутствия малышей.

Кутузов кивнул. Последовало долгое молчание, во время которого адмирал смотрел в точку над левым плечом Блейна.

— Капитан, вы выполняете мои распоряжения о безопасности связи? — сказал он наконец.

— Да, сэр. Постоянный перехват всех излучений от «Макартура» и к нему. Ничего не было.

— Насколько нам известно — ничего, — уточнил адмирал. — Не следует ничего предполагать, но возможно, что эти существа имеют связь с другими мошкитами. Если это так, на борту «Макартура» нет больше никаких секретов. Если же нет... Капитан, вам предписывается немедленно вернуть экспедицию на «Макартур» и быть готовыми к движению к Новой Каледонии, как только они окажутся на борту. Это понятно?

— Да, сэр, — буркнул Блейн.

— Вы не согласны?

Род на мгновение задумался. Ему не хотелось думать о крике, который поднимут Хорват и остальные, когда они будут разговаривать, и неожиданно для себя самого он согласился.

— Согласен, сэр. Я не могу придумать лучшего направления действий. Но, надеюсь, я могу уничтожить паразитов?

— Может, вы знаете, как это сделать, капитан? — спросил Кутузов. — Я этого знать не могу. Покинув эту систему, мы можем разобрать «Макартур» на кусочки, не боясь, что они свяжутся с другими. Пока же мы здесь, это является постоянной угрозой, и это риск, на который я не готов пойти.

— Что мне сказать мошкитам, сэр? — спросил Род.

— Скажите, что на борту вашего корабля внезапно вспыхнула эпидемия. И что вам приказано вернуться в Империю. Вы можете сказать, что ваш командир приказал сделать это и что у вас нет другого объяснения. Если потом объяснения понадобятся, у Министерства иностранных дел будет время подготовить их. А теперь выполняйте.

— Да, сэр. — Изображение адмирала исчезло, Род повернулся к вахтенному офицеру: — Мистер Кроуфорд, через несколько часов этот корабль должен направиться домой. Вызовите по тревоге начальников отделов, а потом дайте мне Реннера на Мошке-1.

Тихий вызов прозвучал в Замке. Кевин Реннер сонно взглянул вверх и увидел свою мошкиту на экране интеркома, вделанного в одну из декоративных картин на стене.

— Капитан хочет с вами говорить, — сказала мошкита.

Реннер взглянул на свой карманный компьютер. На «Макартуре» был почти полдень, в Замке же — почти полночь. Он сонно

встал на ноги и направился к экрану. Выражение лица Блейна мгновенно разбудило его.

— Да, шкипер?

— У нас на борту небольшая неприятность, мистер Реннер. Попросите мошкитов отправить наверх всех наших людей. Вам тоже нужно вернуться.

— Доктор Хорват не захочет возвращаться, сэр, — сказал Реннер. Его мозг напряженно работал. Наверняка там случилось что-то плохое, и если он понял это, то смогут понять и мошкиты.

Изображение Блейна кивнуло.

— Это не имеет значения, мистер Реннер.

— Да, сэр. А что с нашими мошкитами?

— О, они могут подняться на катере вместе с вами, — сказал Блейн. — Все это не настолько серьезно. Просто положение ОС.

Потребовалась секунда, чтобы Реннер осознал это. ОС — особая срочность. За это время он сумел взять себя в руки. Во всяком случае, надеялся, что взял.

— Слушаюсь, капитан. Мы уже собираемся.

Он вернулся обратно к своей койке и осторожно сел на край. Натягивая ботинки, он пытался обдумать положение. Разумеется, мошкиты не могли знать кодовых сокращений Военного Космического Флота, но ОС означало высшую степень первоочередности... и Блейн был слишком уж небрежен, говоря это.

«О'кей, — подумал он. — Мошкиты поймут, что я делаю. На корабле критическая ситуация, и я должен увести с этой планеты заложников, ничего не говоря мошкитам. Это подразумевает, что мошкиты не знают о критическом положении, и значит, все это не имеет никакого смысла».

— Финч'клик', — напомнила ему его мошкита. — В чем дело?

— Не знаю, — ответил Реннер вполне искренне.

— И не хотите знать, — сказала мошкита. — У вас неприятности?

— Этого я тоже не знаю, — сказал Реннер. — Вы слышали капитана. Как мне теперь поднимать людей в середине ночи?

— Предоставьте это мне, — сказала мошкита.

Обычно на ангарной палубе поддерживался вакуум, поскольку из-за огромных дверей утечка воздуха была неизбежна. Позднее Каргиллу придется заняться вопросом поддержания давления, но сейчас они с Синклером проводили осмотр в вакууме.

Все казалось в порядке, ничто не сдвинулось с места, когда они вошли.

— Слушай, — произнес Каргилл, — а что бы ты сделал, если бы был малышом?

— Я положил бы шлюпки на корпус и использовал ангарную палубу как топливный бак.

— Да, такие корабли есть. Потребуется большая работа, чтобы избавиться от Домовых. — Каргилл принялся прохаживаться по ангарным дверям. Позднее он не смог объяснить, почему посмотрел вниз, себе под ноги. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что что-то не так.

Щели, которая разделяла две огромные прямоугольные створки дверей...

...не было.

Каргилл изумленно уставился на это место. Там ничего не было. Двери ангара стали частью корпуса. Шарнирные двигатели, весившие каждый по нескольку тонн, исчезли.

— Сэнди?

— Да?

— Где двери?

— Почему, стоя на них, ты... Нет, не верю...

— Они запечатали нас внутри. Зачем? Как? Как они сумели работать в вакууме?

Синклер бросился обратно к воздушному шлюзу. Дверь шлюза действовала...

— Приборы дают зеленый свет, — сказал Синклер. — Насколько *им* известно, все отлично. Если Домовые могут дурачить приборы, то они могут держать и ангарную палубу под давлением, пока не появляемся мы.

— Попробую двери. — Каргилл начал качаться на одной из втягиваемых стяжек.

— Приборы показывают, что двери открыты. Полностью открыты... — Синклер огляделся. Ничего. Широкое пространство испятнанного белым, пол был таким же прочным, как любая другая часть корпуса.

Потом он услышал ругательство Каргилла, увидел, что тот сорвался с огромной втягиваемой стяжки и упал на то, что было дверью ангара. В следующее мгновение Каргилл прошел сквозь пол, словно это была поверхность воды.

Им пришлось вылавливать Каргилла из Поля Лэнгстона. Он по грудь погрузился в бесформенный черный плывун и продолжал погружаться дальше. Ноги его были холодны, сердце билось очень медленно. Поле поглощало любое движение.

— Я должен был погрузить в это свою голову, — сказал он, когда пришел в себя. — Об этом говорят все учебники. Дать мозгу заснуть, прежде чем остановится сердце. Но, зубы Господа! Как я мог предположить такое?

— Что случилось? — спросил Синклер.

Рот Каргилла открылся, закрылся и открылся снова. Потом он ухитрился сесть на постели.

— Для этого нет слов. Это было как чудо. Можно сравнить с тем, что я прогуливался по воде, и вдруг вся моя святость исчезла. Сэнди, это действительно было чертовски странно.

— Так это и выглядело.

— Ты видел, что они сделали, верно? Эти маленькие ублюдки переделали «Макартур»! Двери по-прежнему на месте, но сейчас корабли могут проходить сквозь них. В критическом положении даже не понадобится эвакуировать ангарную палубу.

— Я расскажу об этом капитану, — сказал Синклер и повернулся к интеркому.

— Где, черт побери, они прячутся? — задумчиво произнес Каргилл. Рядовые, которые вытаскивали его, вытаращили глаза. То же самое сделал и Синклер. — Где? Куда мы не заглянули?

Его ноги все еще были холодными, и он принялся массировать их. На экране виднелось мрачное лицо Рода Блейна. Каргилл попытался встать, и, когда ему это удалось, по кораблю прокатился рев сирен.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ. УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ. ВСЕМУ ВОЕННОМУ ПЕРСОНАЛУ НАДЕТЬ БОЕВОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ. КОСМОДЕСАНТНИКАМ СОБРАТЬСЯ НА АНГАРНОЙ ПАЛУБЕ С ОРУЖИЕМ И В БОЕВОМ ОБМУНДИРОВАНИИ.

— Орудия! — воскликнул Каргилл.

— Что-что? — переспросил Синклер. Изображение Блейна повернулось к старшему помощнику.

— Орудия, шкипер! Мы не заглядывали в орудия. Черт возьми, как же я, проклятый дурак, не подумал об орудиях?!

— Это может быть, — согласился Синклер. — Капитан, прошу вас послать за хорьками.

— Слишком поздно, шеф, — сказал Блейн. — В их клетке дыра. Я уже проверял.

— Божье проклятие, — благоговейно сказал Каргилл. — Господь проклял их. — Он повернулся к вооруженным космодесантникам, прибывавшим на ангарную палубу. — Следуйте за мной. — С самого начала он относился к сбежавшим малышам как к любимчикам или паразитам. Сейчас они превратились во враждебных нахлебников.

Они направились к ближайшей орудийной башне. Испуганный рядовой сбежал со своего поста, когда старший помощник, старший механик и отделение космодесанта в боевом обмундировании ввалились в его контрольную комнату.

Каргилл взглянул на приборную доску. Все выглядело нормальным. На мгновение он заколебался, затем решительно открыл смотровой люк.

Линзы и фокусирующие кольца из батареи № 3 были убраны. Пространство внутри нее кишело Домовыми. Каргилл в ужасе отскочил, и тут же огненная нить лазерной пульсации хлестнула по его бронеткани. Он выругался, выхватил у ближайшего десантника баллон с цифогеном и запихнул его в отверстие. Открывать запорный кран не пришлось — вспыхнул еще один лазерный луч и прошил баллон насквозь. Когда шипение стихло, Каргилла окружал желтый туман.

Пространство внутри Третьей батареи заполняли мертвые малыши и множество костей. Скелеты крыс, части электронных устройств, старые ботинки и... мертвые малыши.

— Они держали здесь стадо крыс! — воскликнул Каргилл. — Потом, видимо, размножились слишком сильно, съели их всех и начали есть друг друга...

— А другие батареи? — недоуменно спросил Синклер. — Нам лучше поспешить.

Из коридора вдруг донесся пронзительный крик. Рядовой, которого сняли с поста, упал на палубу, на бедре у него расплывалось красное пятно.

— В вентиляторе! — крикнул он.

Капрал космодесанта рванул решетку. В ту же секунду бронеткань его обмундирования задымилась, и он отскочил назад.

— Бог ущипнул меня! — воскликнул капрал, недоверчиво глядя на аккуратное отверстие в своем плече. Трое десантников принялись стрелять из лазеров по быстро исчезающей фигуре. Где-то на корабле завыла сирена.

Каргилл бросился к интеркому.

— Шкипер...

— Я знаю, — быстро сказал Блейн. — Ваши действия всполошили их всех, и сейчас идет уже дюжина огненных схваток.

— Мой Бог, сэр, что нам делать?

— Ведите свою группу к батарее № 2 и очистите ее, — приказал Блейн. — Потом проведите контроль повреждений. — Он повернулся к другому экрану. — Других инструкций нет, адмирал?

На мостике царила суматошная деятельность. Один из вооруженных рулевых вскочил со своего кресла и бешено закрутился на месте.

— Над нами тоже! — крикнул он.

— Вы не контролируете свой корабль, — категорично сказал Кутузов.

— Так точно, сэр. — Это была самая трудная фраза из когда-либо произнесенных Блейном.

— ПОТЕРИ В ДВАДЦАТОМ КОРИДОРЕ, — объявил диктор.

— Территория ученых, — сказал Род. — Отправьте туда всех свободных десантников, и пусть они помогут всем гражданским

надеть скафандры. Может быть, если мы пустим газ по всему кораблю...

— Капитан Блейн, наша главная задача — вернуться в Империю с максимумом информации.

— Да, сэр...

— Это означает, что гражданский персонал, находящийся на борту вашего корабля, более важен, чем линейный крейсер. — Кутузов был спокоен, но губы его были плотно сжаты. — Во-вторых, на «Ленин» еще не переправлены артефакты мошкитов. Короче говоря, капитан, вы прикажете всем гражданским лицам покинуть ваш корабль. Шлюпки «Ленина» будут снаружи вашего защитного поля. Выделите двух надежных офицеров для сопровождения гражданских. Затем обезопасьте все артефакты мошкитов, которые, по вашему мнению, стоит погрузить на «Ленин». Вы можете продолжать попытки вновь установить контроль над своим кораблем, но лишь в части, согласующейся с этими приказами. И действуйте быстро, капитан, потому что при первых признаках передачи, идущей помимо безопасного канала, настроенного на меня, я уничтожу «Макартур».

Блейн холодно кивнул:

— Слушаюсь, сэр.

— Значит, мы поняли друг друга. — Выражение лица адмирала не изменилось. — И Бог в помощь, капитан Блейн!

— А что с моим катером? — спросил Блейн. — Сэр, я должен поговорить с ними...

— Я сам сообщу о тревоге экипажу катера, капитан. С вашего корабля не должно быть никаких передач.

— Слушаюсь, сэр. — Блейн оглядел свой мостик. Все с надеждой смотрели на него. Оружие десантников было наготове, а один из квартирмейстеров хлопотал над упавшим товарищем.

«О Боже, как я могу верить интеркому?» — подумал Род, отдавая трем бегающим и размахивающим руками космодесантникам приказ сопровождать людей.

— Вызов от мистера Реннера, сэр, — объявил диктор.

— Подтверждения не давать! — рявкнул Род.

— Слушаюсь, сэр. Подтверждения не давать.

Сражение за «Макартур» разгоралось.

30. Кошмар

На борту катера находилась дюжина людей и двое Коричнево-белых. Большая часть наземной группы мошкитов отправилась прямо на посольский корабль, но финч'клик' Уитбрида и Стейли остались здесь.

— Никакого смысла, — сказала мошкита Уитбрида. — Мы видим это у Принимающих решения каждый день.

Возможно, смысл все-таки был. Катер был переполнен, а ракета с «Макартура» все не прибывала.

— Что же задерживает их? — сказал Реннер. — Лафферти, пошлите вызов.

Лафферти, пилот катера, изрядно побездельничал в эти дни. Сейчас он воспользовался связующим лучом.

— Ответа нет, сэр, — сказал он наконец. Голос его звучал удивленно.

— Вы уверены, что аппаратура работает?

— Час назад работала, — сказал Лафферти. — Есть сигнал, сэр! С «Ленина».

На экране появилось лицо капитана Михайлова.

— Пожалуйста, попросите чужаков покинуть корабль, — сказал он.

Каким-то образом мошкиты выразили одновременно удивление, недоверие и легкую обиду. Уходя, они то и дело оглядывались назад, задавая немой вопрос. Уитбрид пожал плечами, Стейли был неподвижен. Когда мошкиты оказались в воздушном шлюзе, Стейли закрыл за ними дверь.

На экране появился Кутузов.

— Мистер Реннер, вы должны отправить весь свой персонал на «Ленин». Они наденут скафандры, и одна из моих шлюпок прибудет забрать их. Гражданские будут переходить по очереди, а затем должны выполнять приказы пилота шлюпки. Они должны иметь с собой достаточно воздуха для пребывания в пространстве один час. Тем временем вы не должны пытаться связаться с «Макартуром». Это понятно?

Реннер сглотнул слюну.

— Да, сэр.

— И не должны впускать чужаков, пока этот приказ не будет отменен.

— Но что я скажу им, сэр? — спросил Реннер.

— Скажите им, что адмирал Кутузов параноидальный дурак, мистер Реннер. А сейчас выполняйте приказы.

— Слушаюсь, сэр. — Экран потемнел. Бледный Реннер прошептал: — Теперь *этот* читает мысли...

— Кевин, что здесь происходит? — требовательно спросила Салли. — Нас подняли в середине ночи, забросили сюда... А теперь Род не отвечает нам, а адмирал хочет, чтобы мы рискнули своими жизнями и оскорбили мошкитов. — Сейчас она говорила как племянница сенатора Фаулера: имперская леди, которая пыталась сотрудничать с Военным Космическим Флотом, и теперь ей это надоело.

Негодование доктора Хорвата было еще сильнее.

— Я не буду участвовать в этом, мистер Реннер. Я не собираюсь натягивать скафандр.

— «Ленин» идет к «Макартуру», — небрежно сказал Уитбрид, глядя в обзорный иллюминатор. — Адмирал окружил его своими шлюпками... Похоже, его люди натягивают сейчас канаты...

Все повернулись к обзорному иллюминатору. Лафферти сфокусировал телескоп катера и вывел результат на экран корабля.

Одна за другой фигуры в космических скафандрах двинулись вдоль канатов к шлюпкам «Ленина», затем исчезали, уступая место другим.

— Они покидают «Макартур», — удивленно сказал Стейли. Он поднял взгляд, и его угловатое лицо скривилось. — И все это возглавляет одна из шлюпок «Ленина». Леди, вам нужно торопиться. Не думаю, чтобы времени было много.

— Но я сказал, что не буду этого делать, — упорствовал доктор Хорват.

Стейли коснулся своего пистолета. Напряжение в кабине росло.

— Доктор, вы помните приказы вице-короля Меррилла, отданные адмиралу Кутузову? — спросил Реннер. — Если не ошибаюсь, он должен скорее уничтожить «Макартур», нежели позволить мошкитам получить какую-либо важную информацию. — Голос Реннера был спокоен, почти шутлив.

Хорват попытался сказать что-то еще, но, похоже, у него были сложности с контролем выражения своего лица. В конце концов он молча повернулся к шкафу со скафандрами. Секундой позже Салли последовала его примеру.

После кофейной демонстрации Гораций Бери отправился к себе в каюту. Ему нравилось работать поздней ночью и спать после ленча, и хотя в этот момент никакой работы не было, он придерживался этой привычки.

Разбудили его корабельные сирены. Кто-то объявил приказ космодесанту надеть боевое обмундирование. Бери ждал, но долгое время больше ничего не происходило. Потом появилось зловоние. Он едва не задохнулся — и не смог вспомнить ничего подобного этому. Квинтэссенция машинных и человеческих запахов — и эта вонь всё усиливалась.

Затем вновь заревели сирены.

— ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПОЛНОМУ ВАКУУМУ. ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ НАДЕТЬ ВАКУУМНЫЕ СКАФАНДРЫ. ВСЕМ ВОЕННЫМ НАДЕТЬ БОЕВЫЕ ДОСПЕХИ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПОЛНОМУ ВАКУУМУ.

Набил уже причитал в панике.

— Болван! Надевай скафандр! — крикнул Бери и спешно стал напяливать свой. Только после того, как он вдохнул нормальный корабельный воздух, он снова услышал сирены.

Голоса звучали как-то неправильно. Они шли не из интеркома, а из... коридора.

— ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ ПОКИНУТЬ КОРАБЛЬ. ВСЕМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПЕРСОНАЛУ ПРИГОТОВИТЬСЯ ПОКИНУТЬ КОРАБЛЬ.

Надо же. Бери едва не засмеялся. Такое было впервые. Действительно ли это тренировка? Теперь доносилось все больше звуков суматохи. Отделение космодесанта в боевом обмундировании и с оружием на изготовку тяжело проследовало мимо. Улыбка исчезла, и Бери начал прикидывать, что из имущества удастся спасти.

Снова послышались крики. Какой-то офицер появился в коридоре и принялся излишне громко оповещать: гражданские лица должны покидать «Макартур» цепочкой по одному. Они могут взять по одному предмету багажа, чтобы одна рука оставалась свободна.

Борода Пророка! Да что случилось? Что они будут спасать — астероидное золото, высокотемпературный сверхпроводник? Конечно, спасать прекрасный самоочищающийся кофейник никто и не подумает. И что спасать ему, Бери?

Корабельная гравитация заметно уменьшалась. Специальные маховики пришли в движение, принимая на себя его вращение. Бери действовал быстро, собирая вещи, необходимые любому путешественнику. При этом он не обращал внимания на их цену. Предметы роскоши он сможет купить снова, но...

Малыши! Он должен забрать воздушный баллон из шлюза Д. А что, если он приписан к другому шлюзу?

Он торопливо собрал два небольших чемодана — один понесет Набил. Получив распоряжения, тот теперь двигался достаточно быстро. Снаружи доносились крики, и несколько раз мимо двери каюты проплывали отделения космодесанта и экипажа корабля. Все они были в обмундировании из бронеткани и держали в руках оружие.

Скафандр Бери начал раздуваться — корабль терял воздух, — и вместе с ним исчезали последние надежды, что тревога учебная. Некоторое научное оборудование не переносит глубокого вакуума, и к тому же никто не заглянул в каюту Горация, чтобы проверить его скафандр, — а во время учебной тревоги Флот не рискует жизнями гражданских лиц.

В коридоре вновь появился офицер, и Бери услышал жесткий голос, говоривший с подчеркнутым спокойствием. Набил стоял, не зная, что делать, и Бери жестом приказал включить коммуникаторы скафандра.

— ВЕСЬ ГРАЖДАНСКИЙ ПЕРСОНАЛ НАПРАВЛЯЕТСЯ К БЛИЖАЙШИМ ВОЗДУШНЫМ ШЛЮЗАМ С ЛЕВОЙ СТОРОНЫ

КОРАБЛЯ, — сказал бесстрастный голос. Люди Флота всегда говорят так, когда положение бывает действительно критическим. Это окончательно убедило Бери. — ЭВАКУАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ШЛЮЗЫ ЛЕВОГО БОРТА. ЕСЛИ ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, КУДА ИДТИ, СПРОСИТЕ ЛЮБОГО ОФИЦЕРА ИЛИ РЯДОВОГО. ПОЖАЛУЙСТА, БЕЗ СПЕШКИ. ВРЕМЕНИ ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ЭВАКУАЦИИ ВСЕГО ПЕРСОНАЛА. — Офицер проплыл мимо их двери и свернул в другой коридор.

Левый борт? Хорошо. Сообразительный Набил спрятал воздушный баллон в ближайшем шлюзе. Слава величию Аллаха, что это был левый борт. Бери махнул рукой своему слуге и начал двигаться вдоль захватов, укрепленных в стене. Набил передвигался грациозно: у него была большая практика, после того как их заперли.

В коридорах было полно перепуганного народу, а вдалеке Бери увидел отделение космодесантников, вывернувших из-за угла. Они то и дело оглядывались и стреляли в направлении, откуда пришли. Оттуда им отвечали огнем, и в воздухе плавали мелкие шарики крови, похоже, приплывшие откуда-то из стальных коридоров корабля. Лампы над головой мерцали.

В проходе за спиной у Бери и Набила появился младший офицер.

— Не останавливайтесь, не останавливайтесь, — бормотал он. — Да поможет Господь пехоте...

— В кого они стреляют? — спросил Бери.

— В малышей, — буркнул офицер. — Они могут занять этот коридор, так что скорее уходите, мистер Бери. У этих маленьких ублюдков есть оружие.

— Домовые? — недоверчиво спросил Бери. — У Домовых?

— Да, сэр. Корабль кишит этими мелкими уродцами. Они перенастроили систему подачи воздуха, чтобы он подходил для них... Скорее, сэр. Пожалуйста. Этих тварей долго не удержать.

Бери резко потянул к себе очередной захват и поплыл в конец коридора, где его ловко поймал какой-то космонавт и перенаправил под углом к очереди на выход.

«Домовые? Но ведь корабль был очищен от них...»

У воздушного шлюза собралась толпа. Большинство здесь составляли гражданские, и прибывшие вскоре нестроевые служащие Флота еще более усилили давку. Бери толкался и пинался, прокладывая себе путь к шкафу с воздушными баллонами. Уф, нужный все еще был здесь. Он схватил фальшивый баллон и передал его Набилу, который тут же пристегнул баллон к скафандру Бери.

— Это не потребуется, сэр, — сказал какой-то офицер, и Бери понял, что слышит его через атмосферу. Здесь был воздух... Но ведь они не проходили ни через одну удерживающую его дверь! Это Домовые! Они создали невидимые барьеры для удержания воздуха, как на корабле у шахтера!

— На всякий случай, — буркнул Бери офицеру. Тот пожал плечами и жестом отправил в цикличный механизм шлюза следующую пару. Затем была очередь Бери. Офицер космодесанта сделал ему знак следовать вперед.

Шлюз открылся наружу. Бери коснулся плеча Набила и указал ему на выход. Двигаясь вдоль каната, Набил вышел во внешнюю черноту. Впереди все было черным — никаких звезд, вообще ничего. Что там с ними будет? Бери вдруг осознал, что задерживает дыхание. Нет Бога, кроме Аллаха... На его плечах висел фальшивый баллон, в котором находились два малыша в состоянии заторможенной деятельности. Несметное богатство! Технология, превосходящая все, что имела когда-либо даже Первая Империя! Бесконечный поток новых изобретений и усовершенствований. Только... не собирается ли он выпустить из бутылки джинна?

Они прошли через специально устроенное и сохраняемое отверстие в Поле «Макартура». Снаружи был лишь мрак космоса и еще темный на темном силуэт впереди. Другие канаты тянулись туда же через отверстия в Поле, и вдоль них двигались похожие на пауков фигуры. За Бери следовала очередная фигура в вакуумном скафандре, а за ней еще одна. Впереди был Набил и другие...

Глаза Бери быстро приспособились к темноте, и он уже видел темно-красные оттенки Угольного Мешка, а пятно впереди должно было быть Полем «Ленина». Неужели ему придется тащиться через всю эту пропасть? Но нет, здесь висели шлюпки, и космические пауки ползли к ним.

Шлюпка подошла ближе, и Бери повернулся, чтобы бросить последний взгляд на «Макартур». За свою долгую жизнь он прощался со множеством временных жилищ, и «Макартур» был не самым лучшим из них. Он подумал о технологии, которая теперь будет уничтожена. Усовершенствованные Домовыми машины, магический кофейник... Однако это было лишь мгновенное сожаление. Экипаж «Макартура» был искренне благодарен ему за его помощь с кофе, а его церемонии для офицеров пользовались популярностью. Все так хорошо шло. Возможно, на «Ленине»...

Воздушный шлюз казался сейчас совсем крошечным. Вдоль троса следом за Бери ползла вереница эвакуируемых, но катера, где находился его мошкит, Бери не видел. Увидит ли он его еще раз?

Затем он взглянул на фигуру в вакуумном скафандре, следовавшую за ним. У этого типа не было багажа, и он догонял Бери, потому что перебирал по тросу обеими руками. Свет с «Ленина» упал на его шлем. Пока Бери смотрел, голова фигуры немного сдвинулась, и свет ударил прямо в лицевую пластину...

По меньшей мере три пары глаз смотрели из-под нее на Бери.

Позднее Бери пришел к выводу, что никогда в жизни не соображал так быстро. Какое-то мгновение он таращился на то, что приближалось к нему, и мысли его неслись ураганом, а потом...

Человек, услышавший его крик, утверждал потом, что это был крик безумца или человека, с которого заживо сдирают кожу.

...потом Бери швырнул в *это* свой чемоданчик.

Следующий его крик был уже со словами:

— Они в скафандре! Они внутри него! — Изогнувшись, он сорвал со спины баллон с воздухом, двумя руками вскинул его над головой и нанес удар.

Скафандр неуклюже увернулся от его чемоданчика. Пара малышей в рукавах пыталась пошевелить пальцами, чтобы отпустить захват для рук и откинуться назад, но тут баллон Бери угодил скафандру прямо в щиток шлема и разнес его вдребезги

В следующую секунду пространство наполнилось крошечными дергающимися фигурками, молотящими всеми шестью конечностями, пока выходящий из скафандра воздух относил их в сторону. Вместе с ними выплыло нечто напоминающее футбольный мяч, нечто такое, что Бери почти сразу узнал. Вот как им удалось обмануть офицера у шлюза. Отрезанная человеческая голова.

Бери вдруг обнаружил, что плавает в трех метрах от каната, и глубоко, с содроганием, вздохнул. Все хорошо, он швырнул настоящий баллон с воздухом. Аллах милостив...

Он дождался, пока от челнока с «Ленина» отделится фигурка и, увлекаемая тягой ранцевого двигателя, возьмет его на буксир. От прикосновения чужих рук Бери вздрогнул. Наверное, парня удивило то, как внимательно Бери вглядывался в щиток его шлема. А может, и нет.

31. Поражение

«Макартур» резко накренился. Ухватившись за интерком, Род закричал:

— Синклер, что вы делаете?

Ответ был едва слышен.

— Это не я, капитан. Я не могу контролировать положения двигателей и очень мало воздействую на остальное.

— О Боже, — сказал Блейн. Изображение Синклера исчезло с экрана. Погасли и все остальные экраны. Мостик как будто умер. Род попробовал переключиться, но это ничего не дало.

— Компьютер отключен, — доложил Кроуфорд. — Я ничего не могу сделать.

— Попробуйте проводную связь и дайте мне Каргилла, — сказал Род.

— Он на проводе, капитан.

— Джек, как ваше положение?

— Плохо, шкипер. Я осажден здесь и не имею связи, за исключением проводной... Не все из них... — «Макартур» вдруг накренился, и на корме что-то произошло. — Капитан! — возбужденно доложил Каргилл. — Лейтенант! Пайпер доложил, что Домовые сражаются друг с другом в главной кухне корабля! Настоящее генеральное сражение!

— О Боже, Номер Первый, сколько же этих монстров у нас на борту?

— Я не знаю, шкипер! Может быть, сотни. Они, должно быть, заняли все корабельные орудия, да и в других местах тоже поселились. Они... — Голос Каргилла смолк.

— Джек! — закричал Род. — Эй, кто-нибудь! Можем мы протянуть дополнительную линию к старшему помощнику?

Прежде чем помощник квартирмейстера отозвался, Каргилл заговорил снова:

— Двое вооруженных малышей выбрались из вспомогательного огневого компьютера. Мы убили их.

Блейн торопливо думал. Он потерял все свои командные цепи и не знал, сколько людей отправлено. Компьютер не действовал. Даже если они восстановят контроль над «Макартуром», вероятность того, что он окажется непригодным для космоса, была велика.

— Все еще слушаете, Номер Первый?

— Да, сэр.

— Я иду вниз, в воздушный шлюз, поговорить с адмиралом. Если я не вызову вас через пятнадцать минут, уходите с корабля. Пятнадцать минут, Джек!

— Слушаюсь, сэр!

— Можете начинать собирать экипаж прямо сейчас. Идите к левому борту, Джек... конечно, если корабль останется в прежнем положении. Офицеры у шлюзов получили приказ закрыть проходы в Поле, если корабль повернется.

Род махнул рукой людям на мостике и направился к воздушным шлюзам. В коридорах все было вверх дном. Местами виднелись желтые облака дыма — цифоген. Род надеялся покончить с угрозой мошкитов газом, но это не сработало, и он не знал почему.

— Гражданские ушли? — спросил Род офицера, ответственного за шлюз.

— Да, сэр, насколько нам известно. Шкипер, я уже один раз провел людей через эту территорию и я не хочу рисковать еще. В районе кают гражданского персонала полно Домовых... Похоже, они жили там или что-то вроде этого...

— Может, и так, Пайпер, — сказал Блейн. Он двинулся к воздушному шлюзу и сориентировал свой скафандр на «Ленин». Миг-

нул связующий лазер, и Род повис в пространстве, удерживая себя в нужном положении.

— Как ситуация? — требовательно спросил Кутузов.

Неохотно, зная, что это означает, Род объяснил ему.

— Рекомендуемые действия?

— По-моему, сэр, «Макартур» уже не будет пригоден к полетам в космосе. Я думаю, что надо уходить с него, как только будут спасены оставшиеся в ловушке члены команды.

— И где будете вы?

— Возглавлю спасательный отряд, сэр.

— Нет. — Голос адмирала звучал спокойно. — Я принимаю ваши рекомендации, капитан, но приказываю вам покинуть корабль. Внесите этот приказ в вахтенный журнал, командор Борман, — добавил он, обращаясь к кому-то на мостике. — Во исполнение приказа передайте командование своему старшему помощнику и явитесь на борт второго катера «Ленина». Немедленно.

— Сэр... сэр, я прошу разрешить мне остаться с моим кораблем, пока экипаж не будет в безопасности.

— Нет, капитан, — безжалостно ответил голос Кутузова. — Я отлично знаю, что вы храбры, капитан. Может, вам не хочется жить после утраты командования?

— Сэр... — Чтоб его черти взяли! Род повернулся к «Макартуру», разрывая безопасную цепь. В воздушном шлюзе шло сражение. Несколько малышей прожгли переборку напротив баррикады десантников и теперь стреляли в отверстие. Блейн скрипнул зубами и вновь повернулся к «Ленину». — Адмирал, вы не можете приказать мне бросить команду и бежать!

— Не могу? Вы думаете, вам будет трудно жить, капитан? Вы решили, что люди будут шептаться о вас всю вашу оставшуюся жизнь и боитесь этого? И вы говорите это *мне?* Выполняйте приказ, капитан лорд Блейн!

— Нет, сэр!

— Вы отказываетесь выполнить приказ, капитан?

— Я не могу принять этот приказ, сэр. Это все еще мой корабль.

Последовала долгая пауза.

— Ваша преданность традициям Флота, капитан, достойна восхищения, но глупа. Возможно, что вы единственный офицер в Империи, который может придумать защиту от этой угрозы. Вы знаете о чужаках больше, чем кто-либо другой на Флоте. Эти знания стоят больше, чем ваш корабль. Сейчас, когда гражданские эвакуированы, это стоит больше, чем все прочие люди у вас на борту. Я не могу позволить вам умереть, капитан. Вы покинете этот корабль, даже если для этого потребуется послать туда нового командира.

— Он никогда не найдет меня, адмирал. Простите, сэр, но у меня много дел.

— Стойте. — Снова долгая пауза. — Очень хорошо, капитан. Я согласен с вами. Если вы будете на связи со мной, я разрешу вам остаться на борту «Макартура», пока вы не надумаете уходить. Когда это произойдет, вы прервете связь со мной и с этого момента больше не будете командовать «Макартуром». Так посылать к вам командора Бормана?

«Как ни печально, — подумал Род, — но он прав. «Макартур» обречен. Каргилл может вывести экипаж ничуть не хуже, чем я сам. Может, я действительно знаю что-то важное? *Но это же мой корабль!*»

— Я принимаю ваше предложение, сэр. Все равно лучше управлять операцией отсюда. С мостиком связи нет.

— Очень хорошо. Значит, вы дали мне слово.

И связь прервалась.

Род повернулся к воздушному шлюзу. Космодесант победил в перестрелке, и Пайпер махнул ему рукой. Род вернулся на корабль.

— Говорит командор Каргилл, — сказал интерком. — Шкипер?

— Да, Джек?

— Мы пробиваемся к левому борту, шкипер. Синклер собрал своих людей, и они готовы к отходу. Он говорит, что не удержит машинного отделения без подкреплений. Кроме того, мне сообщили, что несколько гражданских осталось в ловушке в комнате отдыха младших офицеров правого борта. С ними там отделение космодесанта.

— Нам приказано уходить с корабля и спасаться, Номер Первый.

— Да, сэр.

— Нужно освободить этих гражданских. Сможете вы пройти вперед через сто шестидесятую переборку?

— Думаю, что сможем, сэр. Но, капитан, я не могу попасть в помещение генератора Поля! Как же мы будем уходить?

— Об этом я позабочусь. Отправляйтесь, Номер Первый.

— Слушаюсь, шкипер.

Бегство... Слово это звучало как-то нереально. Род глубоко вздохнул. Воздух в скафандре имел резкий металлический вкус. Впрочем, возможно, в этом был виноват не воздух.

Прошел почти час, прежде чем одна из шлюпок «Ленина» подошла к борту катера. Они следили за ее подходом молча.

— Передача с «Макартура» через «Ленин», сэр, — сказал рулевой. Экран осветился.

Лицо на экране имело черты Рода Блейна, но это было не его лицо. Салли не узнала его. Он выглядел старше, а глаза его были... мертвыми. Он смотрел на них, а они смотрели на него. Наконец Салли сказала:

— Род, что происходит?

Блейн посмотрел ей в глаза, затем отвел взгляд в сторону. Выражение его лица не изменилось. Он напомнил Салли один из заспиртованных в бутылках экспонатов Имперского музея.

— Мистер Реннер, — сказал Блейн. — Отправьте весь персонал вдоль троса на шлюпку с «Ленина» и очистите катер. Все вы будете получать приказы — возможно, странные — от пилота шлюпки — выполняйте их немедленно. У вас не будет второй возможности, поэтому не спорьте и делайте все, что вам скажут.

— Подождите минуту, — промычал Хорват. — Я...

Род прервал его.

— Доктор, по причинам, которые вы поймете позднее, мы не собираемся объяснять вам все. Просто делайте так, как вам скажут. — Он перевел взгляд на Салли. Глаза его изменились — самую малость. Возможно, в них появилось беспокойство. Что-то вроде крошечной искры жизни мелькнуло в них. Она попыталась улыбнуться, но не смогла. — Пожалуйста, Салли, делайте именно так, как скажет вам пилот шлюпки. Все хорошо. Конец. Пока.

Какое-то время они стояли неподвижно, потом Салли глубоко вздохнула и повернулась к воздушному шлюзу.

— Идемте, — сказала она и снова попыталась улыбнуться, но это только подчеркнуло ее нервозность.

Воздушный шлюз правого борта был снова соединен с посольским кораблем, поэтому они вышли через шлюз левого борта. Экипаж шлюпки «Ленина» уже протянул тросы от вспомогательного судна к катеру. Шлюпка была почти близнецом катера «Макартура» — плосконосый конус с похожим на лопату защитным экраном, висевшим под носом.

Салли перебралась вдоль троса к шлюпке «Ленина», затем осторожно прошла сквозь люк. В воздушном шлюзе ей пришлось ненадолго задержаться. Наконец механизм сработал, и она снова почувствовала давление воздуха.

Ее костюм был сшит из ткани, которую можно было назвать второй кожей. Сверху его покрывала мешковатая защитная одежда, и единственным местом костюма, которое она не прикрывала, был шлем, соединенный с плотно облегающим тело костюмом через шейную перемычку.

— Нам необходимо осмотреть вас, леди, — гортанным голосом сказал офицер. Салли огляделась: в воздушном шлюзе стояли двое десантников. Их оружие было направлено на нее... точнее, не совсем на нее. Однако они стояли настороженно, и видно было, что они боятся.

— Что это значит? — требовательно спросила она.

— Все в свое время, леди, — сказал офицер, помогая ей снять ранец с воздушными баллонами. Все это поместили в прозрачный

пластиковый контейнер. Офицер снял с нее шлем, заглянул в него, затем сунул в тот же контейнер вместе с наружным покрытием.

— Спасибо, — буркнул он. — Сейчас, пожалуйста, пройдите на корму. Остальные присоединятся к вам там.

С Реннером и прочими военными обращались несколько иначе.

— Раздевайтесь, — сказал офицер. — Полностью.

Десантники даже не потрудились отвести свое оружие хотя бы чуть в сторону. Когда они сняли с себя все — Реннер даже бросил в пластиковый контейнер свое кольцо, — их отправили вперед. Другой офицер космодесанта показал им боевое обмундирование, и двое солдат помогли надеть его. Теперь оружия на виду не было.

— Это самый чудовищный стриптиз, который я когда-либо видел, — сказал Реннер пилоту. Тот кивнул. — Что бы все это значило?

— Вам объяснит это ваш капитан, сэр, — сказал рулевой.

— Снова Домовые! — воскликнул Реннер.

— Думаете, это они, мистер Реннер? — спросил из-за его спины Уитбрид. Гардемарин, как было приказано, натягивал на себя боевое обмундирование.

Реннер пожал плечами. Ситуация была какой-то нереальной. Катер был набит космодесантом и броней, причем многие десантники были с «Макартура». Канонир Келли бесстрастно стоял на посту возле воздушного шлюза, держа оружие направленным на его дверь.

— Это все из-за них, — сказал чей-то голос.

— Где священник Харди? — спросил Реннер.

— С гражданскими, сэр, — ответил рулевой. — Минуточку, — продолжал он, возясь с коммутатором. На экране появилось лицо Блейна. — Безопасный канал, сэр, — объявил рулевой.

— Спасибо. Стейли?

— Да, капитан? — ответил старший гардемарин.

— Мистер Стейли, этот катер вскоре направится к «Ленину». Гражданские лица и экипаж катера, за исключением рулевого Лафферти, перейдут на линкор, где ими займется персонал безопасности. После их ухода вы примете команду над первым катером «Ленина» и отправитесь к «Макартуру». Вы войдете на борт корабля со стороны правого борта, сразу же за комнатой отдыха младших офицеров. Вашей целью будет отвлечение внимания и вступление в бой с любыми живыми врагами для того, чтобы помочь выбраться группе гражданских и космодесантников, запертых в этой комнате отдыха. Вы отправите Келли и его десантников в комнату отдыха со скафандрами и боевым обмундированием для двадцати пяти человек. Снаряжение уже на борту. Ведите этот отряд вперед. Командор Каргилл гарантирует проход через переборку один шесть ноль.

— Слушаюсь, сэр. — Голос Стейли звучал неуверенно. Несмотря на отсутствие гравитации в катере, он стоял почти смирно.

Блейн слабо улыбнулся — по крайней мере губы его слегка изогнулись.

— Враг, Стейли, — это несколько сотен маленьких мошкитов. Они вооружены ручным оружием, у некоторых есть газовые маски. Организованы они не слишком хорошо, но все равно достаточно смертоносны. Вы должны убедиться, что в средних отсеках правого борта «Макартура» нет других пассажиров или членов экипажа. После выполнения этого задания вы поведете отряд в среднюю кают-компанию экипажа и заберете кофейник. Но сначала, мистер Стейли, хорошенько убедитесь, что он *пуст*.

— Кофейник? — с сомнением переспросил Реннер. За его спиной Уитбрид покачал головой и что-то буркнул Поттеру.

— Кофейник, мистер Реннер. Он был изменен чужаками, и технология, использованная в нем, представляет большую ценность для Империи. Вы можете увидеть и другие странные предметы, мистер Стейли, — подумайте, нельзя ли доставить их сюда. Однако ни при каких обстоятельствах вы не должны приносить ничего, в чем могут находиться живые чужаки. И присматривайтесь к членам команды. Малыши убили нескольких людей, воспользовались их головами как приманкой и набились в их боевое обмундирование. Проверьте, чтобы человек в одежде из бронеткани был действительно человеком, мистер Стейли. Мы еще не видели, чтобы они проделывали этот трюк с облегающими костюмами, но будьте осторожны.

— Да, сэр, — сказал Стейли. — Можем ли мы вернуть контроль над кораблем, сэр?

— Нет. — Заметно было, что Блейн с трудом держит себя в руках. — У вас будет немного времени, Стейли. Через сорок минут после входа в «Макартур» активируйте все системы разрушения, затем включайте таймер на торпедах, которые есть на борту. Когда все будет сделано, явитесь ко мне к главному шлюзу левого борта. В любом случае через пятьдесят минут после вашего вступления на борт «Ленин» начнет расстреливать корабль. Вы поняли?

— Да, сэр, — спокойно сказал Хорст Стейли и посмотрел на остальных. Поттер и Уитбрид ответили ему неуверенными взглядами.

— Капитан, — сказал Реннер. — Сэр, я хочу напомнить вам, что старший офицер здесь — я.

— Я знаю это, Реннер. У меня есть миссия и для вас. Вы переправите священника Харди обратно на катер «Макартура» и поможете ему забрать любое снаряжение или запасы, которые могут потребоваться. За всем этим придет шлюпка с «Ленина», и вы проследите, чтобы весь груз был упакован в опечатанные контейнеры.

— Но... сэр, я мог бы возглавить отряд, идущий на борт!

— Вы не строевой офицер, Реннер. Повторить, что вы сказали мне вчера после ленча?

— Я знаю это, как знаю и то, что вы, вероятно, самый непредсказуемый офицер из тех, кто у меня есть.

— Священнику нужно сказать только, что на борту «Макартура» эпидемия чумы и что мы должны возвращаться в Империю, прежде чем это распространится на всех. Это будет официальная версия для мошкитов. Они могут не поверить этому, но у Харди больше шансов убедить их, если он сам будет верить в это. Однако я хочу, чтобы с ним был кто-то, знающий истинное положение дел.

— Один из гардемаринов...

— Мистер Реннер, отправляйтесь на катер «Макартура». Стейли, вы получили свой приказ.

— Да, сэр.

Реннер, кипя от злости, отступил.

Трое гардемаринов и дюжина космодесантников висели в аварийных сетях в главной кабине катера «Ленин». Гражданские и члены команды ушли, и шлюпка медленно отплывала от черной туши «Ленина».

— Хорошо, Лафферти, — сказал Стейли. — Подведите катер к «Макартуру» справа. Если нас не атакуют, мы пойдем на таран, целясь в резервуар за переборкой.

— Слушаюсь, сэр. — Глядя на Лафферти, невозможно было понять его реакцию. Это был ширококостный мужчина, житель равнин с Тейблтопа. Его волосы были пепельно-белыми и очень короткими, а все лицо состояло из плоскостей и углов.

Аварийные сети предназначались для сильных столкновений. Гардемарины висели в них, как мухи в некой чудовищной паутине. Стейли быстро взглянул на Уитбрида, тот на Поттера, затем оба оглянулись на десантников за их спинами.

— О'кей, пошли, — приказал Стейли.

Двигатель взревел.

Настоящим защитным корпусом любого военного корабля является Поле Лэнгстона. Ни одно материальное тело не может выдержать палящий жар ядерной бомбы или высокомощного лазера. Если что-то из этого сможет пройти сквозь Поле, корабельная огневая защита испарится, поэтому корпус военного корабля делается относительно тонким. Однако только относительно. Корабль должен быть достаточно прочным, чтобы выдержать высокое ускорение и вибрацию.

Некоторые отсеки и резервуары были достаточно большими, и теоретически их можно было разрушить сильным ударом. На практике же... Насколько мог вспомнить Стейли, еще никогда военный отряд не попадал на борт корабля таким путем. Впрочем, это было в

«Книге». Вы можете войти на борт искалеченного корабля с помощью таранящего удара. Стейли очень хотелось узнать, какой дурак первым попробовал сделать это.

Далекий черный шарик, закрывавший «Макартур», стал плотной черной стеной без видимого движения. Лопатообразное лезвие защитного экрана поднялось, и Хорст, глядя поверх плеча Лафферти, всматривался в черноту, приближающуюся к ним.

Катер качнуло назад. Мгновенный холод, когда они проходили через Поле, затем скрежет металла. Катер остановился.

Стейли расстегнул свою сеть.

— Выходим, — приказал он. — Келли, прорезайте дорогу через этот бак.

— Да, сэр. — Десантники проскочили мимо него. Двое направили большой лазер на изогнутый металл, который был внутренней стенкой цистерны водорода. От двигателя катера к оружию протянули толстый кабель.

Стена цистерны лопнула, и целая секция отскочила в сторону, едва не задев десантников. Большая часть воздуха вышла наружу, и вместе с ним, как осенние листья, вылетели маленькие мертвые мошкиты.

Стен коридоров не было. На месте большинства отсеков валялись груды развалин, разрезанных переборок, сюрреалистических деталей машин и — кое-где — мертвых малышей. Похоже, никто из них не имел скафандров.

— Боже всемогущий, — пробормотал Стейли. — О'кей, Келли, отправляйтесь с этими костюмами. Идемте. — Он двинулся через руины к следующей герметической двери отсека. — Проверьте давление по ту сторону, — сказал он. Дотянувшись до коммуникационного щитка на переборке, он воткнул туда выход микрофона своего костюма. — Есть там кто-нибудь?

— Капрал Хаснер, сэр, — быстро ответил чей-то голос. — Будьте осторожны, этот район кишит малышами.

— Уже нет, — сказал Стейли. — Сколько вас там?

— Здесь девять гражданских без скафандров, сэр, и трое оставшихся в живых космодесантников. Мы не знаем, как вывести отсюда этих ученых, что без скафандров.

— Мы принесли их, — мрачно сказал Стейли. — Можете вы защитить гражданских, пока мы проходим через дверь? У нас здесь вакуум.

— О Боже, да, сэр. Подождите минуту.

Что-то зажужжало. Приборы показывали, что давление за переборкой падает. Наконец задрайки повернулись, и дверь открылась, обнаружив фигуру в боевом обмундировании. За Хаснером стояли двое других десантников, направив оружие на Стейли. А еще дальше... Стейли задохнулся от изумления.

Гражданские находились в другом конце отсека. Одеты они были в обычные белые комбинезоны научного персонала. Стейли узнал доктора Блевинса, ветеринара. Они спокойно переговаривались между собой.

— Но ведь здесь нет воздуха! — закричал Стейли.

— Здесь действительно нет, сэр, — сказал Хаснер и показал рукой. — Там есть какой-то ящик, который создает нечто вроде занавеса, мистер Стейли. Воздух не может пройти через него, а мы можем.

Келли проворчал что-то и ввел свое отделение в комнату. Костюмы передали гражданским.

Стейли удивленно покачал головой.

— Келли, остаетесь здесь старшим. Ведите всех вперед... и возьмите этот ящик с собой, если его можно двигать!

— Его можно двигать, — сказал Блевинс. Он говорил в микрофон шлема Келли, переданный ему, но не надевал шлем. — Это может действовать и с перерывами. Капрал Хаснер убил нескольких малышей, которые делали это.

— Отлично, мы забираем его, — решил Стейли. — Уводите их, Келли!

— Сэр! — Канонир осторожно провел рукой сквозь невидимый барьер, потом нажал на него. — Это похоже... похоже на какое-то поле, мистер Стейли. Только не такое плотное.

Стейли что-то пробормотал и сделал знак остальным гардемаринам.

— Кофейник, — сказал он. Это прозвучало так, словно он сам себе не верит. — Лафферти, Круппман, Яновиц — вы пойдете с нами. — И он двинулся обратно по трапу к руинам за ним.

В другом конце была двойная герметическая дверь, и Стейли знаком приказал Уитбриду открыть ее. Задрайки повернулись легко, и они столпились в маленьком воздушном шлюзе, глядя сквозь толстое стекло в главный соединительный коридор правого борта.

— Выглядит вполне нормально, — прошептал Уитбрид.

Похоже, так оно и было. Они в два приема прошли через воздушный шлюз и, цепляясь за ручные захваты, двинулись вдоль стен коридора к главной кают-компании для экипажа.

Заглянув сквозь толстое стекло в помещение кают-компании, Стейли воскликнул:

— О зубы Господа!

— Что это, Хорст? — спросил Уитбрид, прижав свой шлем к шлему Стейли.

В помещении находились дюжины малышей. Большинство было вооружено ручными лазерами, и они стреляли друг в друга. В сражении не было никакого порядка: казалось, что каждый малыш стреляет во всех остальных, хотя это могло быть только первым

впечатлением. Отсек был заполнен розовым туманом: кровью мошкитов. Мертвые и раненые мошкиты кружились в безумном танце, а комнату то и дело пересекали зеленовато-голубые лучи света.

— Туда не войти, — прошептал Стейли, потом вспомнил, что говорит по радио, и повысил голос: — Нам не пройти через это живыми. Забудем о кофейнике.

Они двинулись по коридору, выискивая других уцелевших людей, однако никого не было, и Стейли повел их обратно к каюткомпании.

— Круппман! — окликнул он. — Берите Яновица и устройте в этом коридоре вакуум. Прожигайте переборки, пользуйтесь гранатами, но здесь должен быть вакуум. А потом устроим ад на корабле.

— Слушаюсь, сэр.

Когда десантники повернули за угол стального коридора, гардемарины потеряли с ними контакт. Передатчики скафандров могли действовать только в пределах видимости. Впрочем, они еще кое-что слышали. Звуков было множество: высокие крики, скрежет раздираемого металла, гудение и жужжание. Ни один из них не был знакомым.

— Корабль никогда больше не будет нашим, — пробормотал Поттер.

Раздалось пронзительное шипение, и в коридоре воцарился вакуум. Стейли бросил термитную гранату под переборку каюткомпании и отступил за угол. Сверкнула яркая вспышка, и Стейли вышел обратно, стреляя из своего лазера в еще светящееся пятно на переборке. Остальные стреляли вместе с ним.

Стена начала вспучиваться, затем лопнула. Воздух вырвался в коридор, вынося множество маленьких трупов. Стейли повернул задрайки на двери, но ничего не произошло. Тогда они продолжили прожигать переборку, пока дыра не увеличилась настолько, что в нее можно было пролезть.

От живых малышей не осталось и следа.

— Почему бы нам не сделать это со всем кораблем? — спросил Уитбрид. — Мы можем снова взять его в свои руки...

— Возможно, — ответил Стейли. — Лафферти, забирайте кофейник и несите к левому борту. Идите, мы прикроем вас.

Рулевой кивнул и поплыл по коридору в том направлении, где исчезли десантники.

— Может, нам лучше отправиться за ним? — предложил Поттер.

— Торпеды, — сказал Стейли. — Мы должны взорвать торпеды.

— Но, Хорст, — запротестовал Уитбрид, — неужели нельзя снова овладеть кораблем? Я не видел ни одного малыша в вакуумном костюме...

— Они могут сделать свои магические занавесы, — напомнил им Стейли. — Кроме того, мы получили приказ. — Он указал в сто-

рону корабля, и они двинулись вперед. Сейчас, когда «Макартур» покинули все люди, они спешили, прожигая герметичные отсеки и взрывая коридоры за ними. Поттер и Уитбрид содрогались от повреждений, наносимых ими кораблю. Их оружие не было предназначено для использования на борту действующего космического судна.

Торпеды были на месте: Стейли и Уитбрид сами входили в команду, которая приваривала их с каждой стороны от Генератора Поля. Вот только... самого генератора не было. На том месте, где он находился, осталась лишь пустая оболочка.

Поттер потянулся к таймерам, которые должны были взорвать торпеды.

— Подождите, — сказал Стейли. Он нашел отдушину проводного интеркома и подключил к нему свой скафандр.

— Всем, кто меня слышит. Говорит гардемарин Хорст Стейли из отсека Генератора Поля. Есть кто-нибудь на связи?

— Да, мистер Стейли, — ответил чей-то голос. — Минуточку, сэр, соединяю вас с капитаном. — И к линии подключился капитан Блейн.

Стейли обрисовал ему ситуацию.

— Генератор Поля исчез, сэр, но само Поле выглядит по-прежнему непроницаемым...

Последовала долгая пауза, затем Блейн зло выругался, но тут же оборвал себя.

— Вы просрочили время, мистер Стейли. Получен приказ закрыть отверстия в Поле и через пять минут перейти на шлюпки «Ленина». Вы не успеете выйти до того, как «Ленин» откроет огонь.

— Да, сэр. Что же нам делать?

Блейн на мгновение заколебался.

— Я обращусь с этим к адмиралу. Оставайтесь на месте.

Внезапный ревущий ураган заставил их броситься в укрытие. Когда все стихло, Поттер сказал:

— Мы снова в атмосфере. Видимо, Домовые починили одну или несколько дверей.

— Значит, скоро они будут здесь. — Уитбрид выругался. — Будь они прокляты! Интересно, что делает сейчас капитан?

Получить ответ на этот вопрос было невозможно, и они напряженно ждали с оружием наготове, пока вокруг них «Макартур» возвращался к жизни. Его новые хозяева приближались.

— Я не уйду без этих гардемаринов, — сказал Род адмиралу.

— Вы уверены, что они не могут добраться до какого-нибудь шлюза левого борта? — спросил Кутузов.

— Не за десять минут, адмирал. Домовые контролируют эту часть корабля. Парням придется сражаться всю дорогу.

— Что же вы предлагаете?

— Разрешите им воспользоваться спасательными шлюпками, сэр, — с надеждой сказал Род.

Спасательные шлюпки располагались в различных частях корабля, и дюжина их находилась метрах в двадцати от помещения Генератора Поля. Оснащенные в основном твердотопливными двигателями, с надувными кабинами, они предназначались для спасения уцелевших всего на несколько часов, в случае если корабль был поврежден и ремонт был невозможен или перед угрозой взрыва. И то, и другое вполне подходило к нынешнему положению «Макартура».

— Малыши могли сделать записывающие устройства и передатчики в спасательных шлюпках, — сказал адмирал. — Неплохой способ передать большим мошкитам все секреты «Макартура». — Потом он сказал в сторону: — Как, по-вашему, это возможно, священник?

Блейн услышал, как откуда-то издалека адмиралу ответил Харди:

— Нет, сэр. Эти малыши — животные. Я всегда думал так, то же утверждают взрослые мошкиты, и все данные подтверждают эту гипотезу. Они могут сделать это, только если им прямо приказать. К тому же, адмирал, если они хотели связаться с мошкитами, можете не сомневаться, что они это уже сделали.

— Да, — буркнул Кутузов. — Нет оснований жертвовать своими офицерами за просто так. Капитан Блейн, передайте им, чтобы воспользовались спасательными шлюпками, но́ предупредите, что ни один малыш не должен уйти с корабля вместе с ними. Когда они уйдут, немедленно переходите на «Ленин».

— Слушаюсь, сэр. — Род с облегчением вздохнул и вызвал по линии интеркома помещение генератора. — Стейли, адмирал сказал, что вы можете воспользоваться спасательными шлюпками. Будьте осторожны, чтобы в них не было ни одного малыша, и помните, что вас осмотрят, прежде чем пустить на борт катера. Активируйте торпеды и уходите. Ясно?

— Да, сэр. — Стейли повернулся к остальным. — Спасательные шлюпки, — сказал он. — Иде...

Зеленый луч сверкнул над ними.

— Забрала вниз! — крикнул Уитбрид.

Они укрылись за торпедами, пока луч метался по помещению. Он хлестал по переборкам, прожигая в них дыры, потом прошел через стену отсека, а затем и через сам корпус. Воздух тут же улетучился, и луч перестал дергаться, но не погас, продолжая излучать энергию в Поле, окружавшее корабль.

Стейли поднял свое солнечное забрало, затемненное напыленным на него серебром. Пригнувшись, он прополз под лучом и взглянул на его источник.

Это был тяжелый переносной лазер. Потребовалось полдюжины малышей, чтобы нести его. Мертвые и высушенные, они цеплялись за ручные захваты.

— Можно идти, — сказал Стейли и вставил ключ в замок на панели торпеды. Рядом с ним Поттер сделал то же самое. Они повернули ключи — и им осталось десять минут жизни. Стейли дотянулся до интеркома.

— Миссия закончена, сэр.

Они прошли через открытую герметическую дверь в главный коридор и двинулись к корме, переплывая от одного захвата к другому. Соревнования в скорости при нулевой гравитации были излюбленной, хотя и нерегулярной игрой среди гардемаринов, и они были рады случаю попрактиковаться. За их спинами таймеры продолжали отсчет времени...

— Это должно быть здесь, — сказал Стейли. Он заклинил герметичную дверь, затем прожег в корпусе корабля отверстие в форме человека. Воздух вышел наружу — малыши каким-то образом снова поместили их в вонючую атмосферу Мошки-1. Туман из ледяных кристаллов повис в вакууме.

Поттер нашел контрольную панель спасательных шлюпок и разбил закрывавшее ее стекло рукоятью пистолета. Они отошли в сторону и стали ждать, когда спасательные шлюпки наполнятся воздухом.

Вместо этого пол поднялся вверх, и открылись стоявшие под палубой конусы, каждый два метра в основании и около восьми метров длиной.

— Полуночные Домовые ударили снова, — сказал Уитбрид.

Все конусы были идентичны и сделаны наспех. Малыши должны были работать под палубой неделями, разрезая спасательные шлюпки и другое оборудование, чтобы заменить их... вот этими штуками. Каждый конус имел кресло на своем большом конце и ракетное сопло на другом.

— Осмотрите эти чертовы штуки, Поттер, — приказал Стейли. — Проверьте, не прячутся ли там Домовые.

Похоже, что там их нет. За исключением прочного конического корпуса, все было открытой конструкцией. Поттер обстукал их и заглянул внутрь, пока друзья охраняли его.

Он заглядывал в отверстие в одном из конусов, когда краем глаза заметил какое-то движение. Быстро выхватив из-за пояса гранату, он повернулся. Космический скафандр выплывал из глубины коридора. Обеими руками он держал тяжелый лазер.

Нервозность Стейли отчетливо показал его голос.

— Эй, вы! Назовите себя!

Фигура подняла оружие, и Поттер швырнул гранату.

Яркий зеленый луч хлестнул через облако разрыва, жутко осветив коридор и рассекая при этом одну из конических спасательных шлюпок.

— Это был человек? — крикнул Поттер. — Или нет? Его руки плохо сгибались, а ноги оставались прямыми. Кто это был?

— Враг, — сказал Стейли. — Думаю, нам лучше убираться отсюда. Садитесь на шлюпки, пока они у нас еще есть.

Он взобрался на полусидячее кресло одного из конусов. Остальные последовали его примеру.

Хорст нашел панель управления и повернул ее так, чтобы она была прямо перед ним. Нигде не было никаких надписей. Разумные или неразумные, все мошкиты, похоже, работали с машинами на глазок.

— Я нажму на большую прямоугольную кнопку, — твердо сказал Стейли. Голос его звучал странно глухо.

Он нажал на кнопку.

Секция корпуса под ним скользнула в сторону, и он вылетел в космос. Ракеты ярко вспыхнули. Мгновение холода и черноты — и он уже за пределами Поля.

Два других конуса появились из черной поверхности. Хорст торопливо направил радиопередатчик своего скафандра на неясно вырисовывающийся впереди черный корпус «Ленина».

— Говорит гардемарин Стейли! Спасательные шлюпки изменены. Нас здесь трое, и мы одни на борту...

Из черноты позади появился четвертый конус. Стейли повернулся на сиденье. Это походило на человека...

Три ручных лазера выстрелили одновременно. Четвертый конус вспыхнул и развалился, но они стреляли еще некоторое время.

— Один из... э... — Стейли не знал, как доложить. Эта линия связи могла быть незащищенной.

— Мы видим вас на экранах, гардемарин, — сказал голос с сильным акцентом. — Уходите от «Макартура» и ждите, пока вас подберут. Вы закончили свою миссию?

— Да, сэр. — Стейли взглянул на часы. Четыре минуты уже прошли.

— Тогда двигайтесь быстрее, — приказал голос.

Но как? — задумался Стейли. Переключатели не имели явных функций. Пока он размышлял, его ракета заработала. Но почему?.. Ведь он ничего не касался.

— Моя ракета тоже включилась, — сказал голос Уитбрида. Он звучал спокойно, гораздо спокойнее, чем чувствовал себя Стейли.

— Да, и моя, — добавил Поттер. — Никогда не заглядывай талантливой лошади в зубы. Главное, что мы движемся прочь от этого корабля.

Грохот продолжался. Их ускорение составило почти g, и с одной стороны виднелся широкий зеленый полумесяц Мошки-1, а с другой была глубокая чернота Угольного Мешка и еще более черная масса «Ленина». Шлюпки ускорялись долго и продолжали ускоряться.

32. «Ленин»

Молодой русский гардемарин был преисполнен гордости. Его боевое обмундирование блистало чистотой, а все снаряжение было отлично подогнано согласно «Книге».

— Адмирал просит вас пройти на мостик, — прощебетал он на безупречном английском языке.

Род Блейн вяло последовал за ним. Под шквал приветствий космодесанта Кутузова они проплыли через воздушный шлюз второй ангарной палубы «Ленина». Почетная встреча прибывающего капитана еще более усилила его горе. Он отдал свой последний приказ и был последним человеком, ушедшим со своего корабля. Сейчас он был наблюдателем и, вероятно, в последний раз принимал оказываемые ему почести.

Все на борту линкора казалось слишком большим, хотя он и знал, что это только иллюзия. За несколькими исключениями, отсеки и коридоры столичных кораблей были стандартизированы, так что с таким же успехом он мог находиться сейчас на борту «Макартура». «Ленин» был в состоянии боевой готовности, и все его герметичные двери были закрыты и задраены. Десантники занимали самые важные посты вдоль проходов, поэтому они никого не увидели, и Род был рад этому. Сейчас он не мог оказаться лицом к лицу с кем-нибудь из своей команды или пассажиров.

Мостик «Ленина» был огромен. Корабль был экипирован как флагманский и в дополнение к экранам и командным постам собственно корабля имел еще дюжину диванов для штаба адмирала. Род одеревенело ответил на приветствие адмирала и опустился в кресло флаг-капитана. Он даже не поинтересовался, где находится командор Борман, флаг-лейтенант Кутузова и начальник его штаба. Они были с адмиралом один на один на всем командном посту.

«Макартур» виднелся в полудюжине экранов, располагавшихся перед ними. Последние шлюпки «Ленина» отходили от него. «Стейли должен уже закончить свою миссию, — подумал Род, — и сейчас кораблю оставалось всего несколько минут жизни. Когда он погибнет, я буду окончательно уничтожен. Новоназначенный капитан, потерявший корабль во время первого же задания... Даже влияние маркиза не поможет». Слепая ненависть к Мошке и всем ее обитателям переполняла его.

— Черт побери, мы должны были попробовать отнять его у этого стада... проклятых Богом *животных!* — воскликнул он.

Кутузов поднял удивленный взгляд. Его брови сошлись на переносице, затем постепенно расслабились.

— Да. Если это все, чем они являются. Но, допустим, они больше, чем животные? Впрочем, в любом случае уже поздно.

— Да, сэр. Они активировали торпеды.

Две водородные бомбы... Генератор Поля испарится в миллисекунду, а «Макартур»... Род сжался от боли при этой мысли. Когда экраны вспыхнут, все будет кончено. Он вдруг поднял голову.

— А где мои гардемарины, адмирал?

Кутузов что-то проворчал.

— Они затормозились на более низкой орбите и сейчас за горизонтом. Я пошлю за ними шлюпку, когда все кончится.

Странно, подумал Род. По приказу адмирала они не могли идти прямо к «Ленину», а шлюпки не могли представлять реальной защиты, когда «Макартур» взорвется. То, что они сделали, было ненужной предосторожностью, поскольку торпеды переводили лишь малую часть своей энергии в рентгеновское излучение и нейтроны, но это была понятная предосторожность.

Стрелки таймеров бесшумно подошли к нулю. Кутузов мрачно подождал минуту, потом другую.

— Торпеды не взорвались, — обвиняюще сказал он наконец.

— Да, сэр. — Страдания Рода еще более усилились. — А теперь...

— Капитан Михайлов, подготовьте, пожалуйста, главную батарею к стрельбе по «Макартуру». — Кутузов перевел мрачный взгляд на Рода. — Мне это не нравится, капитан. Не так сильно, как вам, но все равно не нравится. Не хотите ли отдать приказ лично? Капитан Михайлов, вы разрешаете?

— Да, адмирал.

— Спасибо, сэр. — Род глубоко вздохнул. Человек должен сам убивать свою собаку... — *Открыть огонь!*

Космические сражения выглядят со стороны довольно красиво. Корабли, похожие на гладкие черные яйца, сближаются, их двигатели излучают ослепительный свет. Вспышки на черном фоне показывают взрывы торпед, которые избежали уничтожения ударами вспомогательных лазеров. Главные батареи излучают энергию в Поля друг друга, и зеленые и красные линии высвечивают межпланетную пыль.

Постепенно Поля начинают пылать. Тускло-красный, ярко-желтый, ослепительно зеленый — цвета меняются по мере того, как Поля получают энергию. Цветные яйца соединяют зеленые и красные линии, идущие от батарей, и цвета изменяются.

Сейчас три зеленые нити соединяли «Ленин» и «Макартур». Больше не происходило ничего. Линейный крейсер не двигался и не отвечал на огонь. Его Поле стало тускло краснеть, желтея там, где лучи сходились в одной точке. Когда оно станет белым, Поле будет перегружено, и энергия, запасенная в нем, должна будет высвободиться — внутрь и наружу. Кутузов смотрел за этим с растущим замешательством.

— Капитан Михайлов, отведите нас, пожалуйста, назад. — Линии бровей адмирала вновь сошлись, когда «Ленин» стал удаляться от «Макартура».

Поле «Макартура» стало зеленым со слабыми синеватыми пятнами. Изображение на экранах начало удаляться, и горячие пятна исчезли, когда лучи лазеров слегка разошлись. В тысяче километров корабль остановился.

— Капитан, мы неподвижны относительно «Макартура»? — спросил Кутузов.

— Да, адмирал.

— Кажется, он подходит ближе.

— Да, адмирал. Его Поле расширяется.

— Расширяется? — Кутузов повернулся к Роду: — Вы можете объяснить это?

— Нет, сэр. — Больше всего ему хотелось сейчас забыться. Разговор был болью, сознание — агонией. Но все же он пытался думать. — Должно быть, Домовые переделали генератор, а они всегда улучшают то, с чем работают.

— Жалко уничтожать это, — буркнул Кутузов.

— Расширяясь подобным образом, с такой большой излучающей поверхностью, «Макартур» мог бы потягаться с любым кораблем Военного Космического Флота...

Сейчас Поле «Макартура» стало фиолетовым и огромным. Оно заполняло экраны, и Кутузов уменьшил увеличение в десять раз. «Макартур» был огромным фиолетовым пузырем, привязанным к «Ленину» зелеными нитями. Зачарованные, все ждали, и так прошло десять минут. Потом пятнадцать...

— Ни один корабль не может так долго выдерживать фиолетовое Поле, — пробормотал Кутузов. — Вы по-прежнему убеждены, капитан Блейн, что мы имеем дело только с *животными?*

— В этом убедились ученые, сэр, — сказал Род. — И убедили меня, — добавил он. — Я бы хотел, чтобы доктор Хорват был сейчас здесь.

Кутузов хрюкнул, как будто его ударили в живот.

— Этот глупец-пацифист! Он не смог бы понять того, что видит.

Молча они ждали еще одну минуту.

Зажужжал интерком.

— Адмирал, вызов с посольского корабля, — объявил офицер-связист.

Кутузов нахмурился.

— Капитан Блейн, этот вызов примете вы.

— Простите, сэр?

— Ответьте на вызов мошкитов. Я не буду говорить ни с одним чужаком непосредственно.

— Слушаюсь, сэр.

Лицо на экране походило на любое другое лицо мошкитов, но она сидела так неудобно прямо, что Род не удивился, когда услышал:

— Я финч'клик' доктора Хорвата. У меня огорчительные новости для вас, капитан Блейн. Кстати, мы оценили предупреждение, сделанное нам. Мы не понимаем, почему вы хотите уничтожить ваш корабль, но если бы мы были рядом...

Блейн потер переносицу.

— Мы боремся с чумой. Возможно, уничтожение «Макартура» остановит ее. Мы надеемся на это. Слушайте, мы сейчас слишком заняты. Что у вас за сообщение?

— Да, конечно. Капитан, три маленьких корабля, которые бежали с «Макартура», пытались войти в атмосферу Мошки-1. Мне очень жаль, но никто не уцелел.

Роду показалось, что мостик «Ленина» закрыл туман.

— Войти в атмосферу на спасательных шлюпках?! Но это очевидная нелепость. Они не могли...

— Нет, нет, они пытались приземлиться. Мы проследили часть их траектории... Капитан, у нас есть записи этого. Они сгорели, полностью...

— Черт побери! Они были в безопасности!

— Нам очень жаль.

Лицо Кутузова было неподвижной маской, на котором шевелились только губы:

— Записи...

Род кивнул. Он чувствовал, что слишком устал.

— Мы должны взглянуть на эти записи. Вы уверены, что ни один из моих юных офицеров не выжил?

— Вполне уверены, капитан. Мы очень огорчены этим. Разумеется, мы понятия не имели, что они попробуют сделать такое, и в этих обстоятельствах абсолютно ничем не могли помочь.

— Разумеется, нет. Спасибо. — Род отвернулся от экрана и посмотрел на сражение, разыгрывающееся перед ним.

— Итак, нет ни тел, ни обломков, — буркнул Кутузов. — Очень удобно. — Он коснулся кнопки на подлокотнике своего командного кресла и сказал: — Капитан Михайлов, отправьте, пожалуйста, катер за гардемаринами. — Он повернулся к Роду: — Конечно, мы там ничего не найдем.

— Вы не верите мошкитам, сэр? — спросил Род.

— А вы, капитан?

— Я... я не знаю, сэр. Я не знаю, что мы можем сделать с этим.

— Я тоже, капитан. Катер будет искать и не найдет ничего. Мы не знаем, где они пытались войти в атмосферу. Планета большая. Даже если они выжили и свободны, мы можем искать их днями и не найти. А если они в плену... их и подавно никогда не найдут. — Он хмыкнул и сказал по командной линии: — Капитан Михайлов, про-

следите, чтобы катер провел поиск хорошенько. И, пожалуйста, воспользуйтесь торпедами для уничтожения корабля.

— Да, сэр, — спокойно ответил капитан «Ленина» со своего поста по другую сторону большого мостика.

Два десятка торпед устремились к «Макартуру». Они не могли пройти сквозь Поле, запасенная в нем энергия должна была взорвать их немедленно. Они взорвались все одновременно, и крупная рябь разноцветных огней покрыла пылающую фиолетовым цветом поверхность «Макартура». Ярко-белые пятна появились и исчезли.

— Прорыв в девяти местах, — доложил офицер-артиллерист.

— Прорыв во что? — спросил Род. Это был его корабль, и он доблестно сражался за свою жизнь...

Адмирал фыркнул. Корабль находился в пятистах метрах от этой дьявольской фиолетовой поверхности, и яркие вспышки могли даже задеть его.

— Орудиям продолжать огонь. Готовность ко второй торпедной атаке, — приказал Кутузов.

Еще одна флотилия огненных дротиков прочертила пылающие дуги. Все они взорвались по ту сторону мерцающей фиолетовой поверхности. Появилось множество белых пятен, и по фиолетовому пламени снова пробежала рябь.

И все же «Макартур» оставался таким же — огненно-фиолетовым пузырем диаметром в километр, соединенным с «Лениным» нитями зеленого цвета.

Стюард кают-компании подал Роду чашку кофе. Рассеянно тот сделал маленький глоток. Вкус был ужасный.

— Огонь! — скомандовал Кутузов с ненавистью в голосе. — *Огонь!*

И тут это произошло. Поле «Макартура» чудовищно расширилось, стало голубым, желтым и... исчезло. Зажужжали автоматические сканеры, и увеличение экранов возросло. Корабль был на месте.

Он горел красным цветом и был частично оплавлен. Впрочем, его вообще не должно было там быть: когда Поле разрушалось, все внутри него испарялось.

— Они должны были поджариться там, — механически сказал Род.

— Да. Огонь!

Зеленые лучи снова ударили. «Макартур» изменился, вздулся и расширился, выпуская в пространство воздух. Еще одна торпеда подошла к нему и взорвалась. Лазерные батареи продолжали стрелять. Когда Кутузов приказал прекратить огонь, на том месте не было ничего, кроме пара.

Род и адмирал долго смотрели на пустой экран. Наконец адмирал отвернулся от него.

— Вызывайте шлюпки, капитан Михайлов. Мы идем домой.

33. Падение на планету

Три маленьких конуса падали, и в каждом, подобно яйцу на подставке, сидел человек.

Хорст Стейли летел первым. За исключением вакуумного костюма, ничто не отделяло его от космического пространства. Очень осторожно он повернулся, чтобы взглянуть на следующие за ним два других конуса. Где-то там, далеко за горизонтом, находились «Макартур» и «Ленин». Не было ни одного шанса, что радио его костюма будет действовать на таком расстоянии, но все же он перешел на вызывающую частоту и послал вызов. Ответа не было.

Все произошло слишком быстро. Конусы включили посадочные ракеты и к тому времени, когда он вызывал «Ленин», было уже слишком поздно. Возможно, связисты были заняты чем-то другим, или он был слишком низко... Хорст вдруг почувствовал себя одиноким.

Падение продолжалось, а потом ракеты вдруг смолкли.

— Хорст! — Это был голос Уитбрида.

Стейли ответил.

— Хорст, эти штуки собираются войти в атмосферу!

— Да. Воткнуться в нее. А что мы можем сделать?

Впрочем, это был риторический вопрос. В полной тишине три маленьких конуса падали к ярко-зеленой планете под ними. Потом они вошли в атмосферу.

Для каждого из них такое случилось не впервые. Они знали цвета плазменного поля, появляющегося перед носом корабля, цвета, различающиеся в зависимости от химического состава защитного экрана. Но на этот раз они были практически обнажены. Будет ли сейчас излучение? Или жара?

Голос Уитбрида прорвался к Стейли сквозь помехи.

— Я пытаюсь думать, как Домовые, и это не так-то легко. Они знали о наших костюмах, знали, какую часть излучения они задерживают. Сколько, по их мнению, мы можем выдержать? И еще жара...

— А я передумал, — сказал Поттер. — Я не полечу вниз.

Стейли старался не обращать внимания на их смех. Он отвечал за их жизни и относился к этому серьезно. Он попробовал расслабить мышцы и ждал жары, турбулентных потоков, радиации, падения конуса и смерти.

Сквозь плазменные искажения виднелся проносящийся мимо пейзаж. Круглые моря и дуги рек. Обширные пространства городов. Горы, покрытые льдами, и снова город, раскинувшийся у подножия и на склонах снежных пиков. Огромный океан (может ли этот чертов конус плавать?), потом снова суша. Конусы снижались, и детали делались крупнее. Воздух свистел вокруг. Лодки на озере, крошечные пятнышки, целые тучи их. Пространство зеленого леса, резко ограниченное и рассеченное дорогами...

Обод конуса Стейли раскрылся, и кольцо парашюта рванулось назад. Стейли глубже вжался в облегающее кресло. С минуту он видел только голубое небо, а потом последовал сильный удар. Стейли мысленно выругался. Конус закачался и завалился набок.

В ушах Стейли возник голос Поттера.

— Я нашел рычаг управления полетом! Если эти бестии сделали все одинаково, в центре должна быть круглая рукоять. Это рычаг управления тягой, а двигая всю контрольную панель, можно удерживать конус от крена.

«Как жалко, что он не обнаружил этого раньше!» — подумал Стейли и сказал:

— Подлетайте ближе к земле и парите над ней — пусть топливо выгорит. Вы нашли способ освобождения парашюта, Поттер?

— Нет. Он пока подо мной, и ракетное пламя тут же сожжет его. Где вы?

— Внизу. Дайте мне только освободиться... — Стейли раскрыл аварийную сеть и опрокинулся на спину. Сиденье было на тридцать сантиметров ниже края конуса. Он вытащил оружие и прожег отверстие, чтобы проверить пространство под собой. Оно было заполнено сжимающейся пеной. — Когда приземлитесь, убедитесь, что на борту спасательной шлюпки нет ни одного Домового, — приказал он.

— Черт побери! Меня едва не вышвырнуло! — донесся голос Уитбрида. — До чего же мудреные штуковины...

— Я вижу тебя, Джонатон! — воскликнул Поттер. — Пожалуй, я смогу подлететь к тебе.

— Тогда ищите мой парашют, — приказал Стейли.

— Я тебя не вижу. Мы можем быть километрах в двадцати друг от друга. Твой сигнал не очень-то силен, — сказал Уитбрид.

Стейли поднялся на ноги и внимательно осмотрел спасательную шлюпку. В ней не было места, где малыш мог бы спрятаться и пережить полет через атмосферу, но он осмотрел ее еще раз, чтобы иметь полную уверенность. Потом он переключился на вызывающую частоту и попытался вызвать «Ленин» — не надеясь на ответ и не получив его. Передатчики костюмов действовали только в пределах видимости, и их сознательно не делали очень мощными, иначе все пространство было бы полно разговоров одетых в костюмы людей. В переделанных спасательных шлюпках не было ничего, похожего на радио. Интересно, как Домовые собирались обеспечить вызов помощи выжившим?

Стейли почувствовал себя не очень уверенно, еще не привыкнув к силе тяжести. Вокруг него расстилались возделанные поля с рядами пурпурных, похожих на баклажаны кустов с кронами темных листьев, доходивших человеку до груди, и более низкими кустами с зернами. Ряды уходили вдаль во всех направлениях.

— Тебя по-прежнему не видно, Хорст, — доложил Уитбрид. — Хорст, ты видишь большое низкое здание, сверкающее, как зеркало? Это единственное здание в пределах видимости.

Стейли огляделся и увидел металлически поблескивающее сооружение у самого горизонта. Оно находилось очень далеко, но это был единственный ориентир в пределах видимости.

— Да, вижу.

— Мы полетим туда и будем ждать тебя там.

— Хорошо. Ждите меня.

— Держи курс на него, Гэвин, — сказал голос Уитбрида.

— Хорошо, — донесся ответ.

Потом они говорили еще о чем-то, но Хорст Стейли чувствовал себя очень одиноким.

— Оп! Мои ракеты смолкли! — воскликнул Поттер, и Уитбрид увидел, что конус Поттера помчался к земле, ударился острым концом, заколебался и рухнул в кусты.

— Гэвин! — воскликнул Уитбрид. — С тобой все в порядке?

Что-то зашелестело, потом пришел ответ:

— Иногда в плохую погоду у меня болит правый локоть... старая футбольная рана. Держись, пока сможешь, Уитбрид. Я встречу вас обоих у купола.

— Понятно. — Маневрируя ракетой, Уитбрид направил конус к строению.

А оно было огромным. Рядом с ним не было ничего такого, по чему можно было бы определить его размеры, но лететь предстояло минут десять или больше.

Это был купол с гладкими стенами, изгибающийся в низкую округлую крышу. Не было ни окон, ни каких-либо других деталей, за исключением прямоугольного отверстия, которое могло быть дверью, хотя и казалось смехотворно маленьким в этой огромной конструкции. Отблески солнечного света на крыше были более чем металлическими, они были зеркально-яркими.

Уитбрид полетел вниз, впрочем довольно медленно. Было что-то пугающее в здании, стоящем посреди бесконечных полей, и именно это, а не страх за то, что двигатель в любую минуту может смолкнуть, удержало его от броска к этой конструкции.

Ракета по-прежнему держала его. Вероятно, малыши изменили химикалии в твердотопливном двигателе: среди предметов, сделанных мошкитами, не было двух совершенно одинаковых. Уитбрид приземлился прямо перед прямоугольной дверью. Эта закрытая дверь была карликовой по сравнению со зданием.

— Я на месте, — почти прошептал он, затем рассмеялся над собой. — Здесь есть дверь. Она большая и закрытая. Довольно странно, что нет никаких дорог, ведущих сюда, и растения доходят до самого края купола.

— Может быть, самолеты садятся на крышу? — предположил Стейли.

— Не думаю, Хорст. Крыша *закруглена*. Не похоже, чтобы здесь было много посетителей. Это должно быть что-то вроде склада. Или, может быть, внутри находится машина, которая работает сама.

— Будьте осторожны с этим. Гэвин, с тобой все в порядке?

— Да, Хорст. Я буду у здания через полчаса. Увидимся там.

Стейли готовился к долгому маршу. Как выяснилось, на спасательной шлюпке не было запаса продуктов. Подумав немного, он снял свое боевое обмундирование и вакуумный костюм, бывший под ним. В них не было ничего секретного. Сняв шлем, он прикрепил его к шейной перемычке, чтобы использовать как воздушный фильтр. Затем снял со скафандра радио и повесил себе на пояс, предварительно в последний раз попытавшись связаться с «Лениным». Ответа не было. Что еще? Радио, мешок с водой, ручное оружие — все это он уже взял.

Стейли внимательно осмотрел горизонт. Здание было только одно, и можно было не бояться, что уйдешь не туда. Он двинулся к зданию, радуясь низкой гравитации и слегка раскачиваясь при ходьбе.

Спустя полчаса он увидел первого мошкита, причем подошел практически вплотную и только тогда заметил. Это существо отличалось от всех, которых он видел прежде, и ростом было с окружавшие его растения. Оно работало между рядами, разравнивая руками почву, выдергивая сорняки и укладывая их между заботливо сделанными бороздками. Оно следило за его приближением, а когда он оказался рядом, продолжило свою работу.

Этот мошкит был не совсем коричневым. Мех у него был гуще, и мех покрывал все три руки и ноги. Левая рука была почти такой же, как у Коричневых, но на каждой из правых было по пять пальцев плюс что-то вроде бутона, и пальцы были прямыми и короткими. Ноги были толстыми, а ступни большими и плоскими. Голова была головой Коричневого с резко уходящим назад лбом.

Если Салли Фаулер была права, это означало, что теменной области почти не было.

— Привет, — сказал Хорст.

Мошкит на секунду взглянул на него, затем выдернул сорняк.

Позднее Стейли увидел еще многих. Они следили за ним достаточно долго, чтобы убедиться, что он не уничтожает растений, а затем теряли к нему интерес. Хорст продолжал путь к сверкающему в солнечных лучах зданию. Оно было гораздо дальше, чем он думал.

* * *

Гардемарин Джонатон Уитбрид ждал. С тех пор как он поступил на Флот, ему часто приходилось заниматься этим, но ему было всего семнадцать стандартных лет, а в этом возрасте ждать нелегко.

Он сидел возле купола, голова его едва возвышалась над растениями. В городе здания мешали ему видеть этот мир, здесь же он мог видеть весь горизонт. Небо было коричневым, приобретая голубоватые тона только прямо над головой. На востоке клубились тучи, а над ним проплывало несколько грязно-белых дождевых облаков.

Солнце тоже было над головой. Уитбрид решил, что должен находиться вблизи экватора, и вспомнил, что Город Замка был гораздо дальше к северу, что размер солнечного диска больше, он заметить не мог, потому что не мог смотреть на него прямо, но оно выглядело более уютно, чем маленькое солнце Новой Шотландии.

Он чувствовал, что его окружает чужой мир, но ничего не видел. Взгляд его продолжал блуждать по зеркальной поверхности здания, потом он встал, чтобы исследовать дверь.

Она была добрых десяти метров высотой. Несомненно, будучи слишком высокой для Уитбрида, она была просто гигантской для мошкитов. Но производил ли размер впечатление на мошкитов? Нет, подумал Уитбрид. Дверь должна быть функциональной... Тогда что значат эти десять метров высоты? Тяжелые машины? Однако когда он приложил к гладкой поверхности свой микрофон, изнутри не донеслось ни звука.

С одной стороны ниши, в которой находилась дверь, размещалась панель, удерживаемая сильной пружиной. За панелью было что-то похожее на наборный диск. Пожалуй, это и был он, разве что мошкиты ожидали друг от друга решения таких головоломок с первого взгляда. Кодовый замок мог означать: «Вход воспрещен».

Вероятно, это требовалось охранять — но от кого? От Коричневых? Белых? Рабочих и не имеющих разума классов? Вероятно, от всех них. Наборный диск мог быть задуман как форма общения.

Тяжело дыша, подошел Поттер, его шлем покрывала испарина, мешок с водой висел на поясе. Повернув микрофон, чтобы включить маленький динамик, он отключил передатчик.

— Я попробовал воздух Мошки-1, — сказал он. — Теперь я знаю. Ну так что ты нашел?

Уитбрид показал ему. Он также приспособил свой микрофон к новым ўсловиям. Не имело смысла передавать по радио все, что они скажут.

— Хотел бы я, чтобы здесь был доктор Бакман. Это цифры мошкитов... да, а это солнечная система Мошки, с диском на месте планеты. Дай-ка взглянуть...

Уитбрид с интересом следил, как Поттер разглядывает диск. Новошотландец скривил губы, потом сказал:

— Да. Этот газовый гигант в три запятая семь два раза дальше от Мошки, чем Мошка-1. Гм-м... — Он залез в карман рубашки и вынул компьютер. — Гм-м... три запятая восемь восемь, основание двенадцать. Как движется диск сейчас?

— С другой стороны, — сказал Уитбрид, — это может быть, скажем, чей-то день рождения. — Он был рад видеть Гэвина Поттера. Он был бы рад видеть здесь любого человека, однако возня новошотландца с дисками была... беспокоящей. Влево, вправо, влево, вправо — поворачивал диски Гэвин Поттер.

— Насколько я помню, Хорст дал нам приказ остерегаться этого здания, — встревоженно сказал Уитбрид.

— Будьте осторожны с ним — вот что он сказал. Едва ли это можно назвать приказом. Мы можем узнать что-нибудь о мошкитах, разве нет?

— Ну хорошо... — Это была интересная головоломка. — Попробуй снова влево, — подсказал Уитбрид. — Держи это. — И он нажал на символ, означающий Мошку-1. Тот со щелчком сдвинулся. — Теперь снова влево.

— Да. Астрономические карты мошкитов показывают, что планеты движутся против часовой стрелки.

На третьей цифре дверь начала подниматься вверх.

— Сработало! — воскликнул Уитбрид.

Дверь поднялась на высоту полутора метров. Поттер взглянул на Уитбрида и сказал:

— И что теперь?

— Ты что, смеешься?

— У нас есть приказ, — медленно сказал Поттер.

Они сели между растениями и посмотрели друг на друга. Потом взглянули на купол. Внутри горел свет, и они могли легко заглянуть под дверь. Внутри стояли здания...

Стейли шел уже три часа, когда увидел самолет. Он был высоко и двигался быстро, и Стейли замахал ему руками, надеясь, что его заметят. Этого не произошло, и он пошел дальше.

Потом он снова увидел самолет. Тот был позади него и летел гораздо ниже. Самолет опустился еще ниже и исчез за низкими, округлыми холмами, где, видимо, сел. Стейли пожал плечами. Наверняка они нашли его парашют и спасательную шлюпку и сейчас ищут его следы, уходящие с места приземления. Направление сомнений не вызывало. Больше здесь идти было некуда.

Через несколько минут самолет поднялся и направился прямо к нему. Сейчас он двигался медленно, явно осматривая местность.

Стейли снова замахал руками, хотя первым его импульсом, разумеется глупым, было спрятаться. Ему требовалось, чтобы его нашли, хотя было не понятно, что он должен был сказать мошкитам.

Самолет пролетел мимо него и завис. Реактивные сопла изогнулись взад и вперед, и самолет опасно быстро сел среди растений. Внутри находились три мошкита, и один Коричнево-белый быстро выскочил из машины.

— Хорст! — сказала она голосом Уитбрида. — А где остальные?

Стейли указал на круглый купол. До него было еще не менее часа ходьбы.

Мошкита Уитбрида как будто поникла.

— Нужно спешить туда. Хорст, они еще там?

— Конечно. Они ждут меня там уже около трех часов.

— О мой Бог! Может, они не смогут войти внутрь. Уитбрид не должен войти внутрь. Поднимайтесь, Хорст. — Она указала на самолет. — Вам придется как-то сжаться.

Внутри находился второй Коричнево-белый, а пилот был Коричневым. Мошкита Уитбрида пропела что-то в пяти октавах, пользуясь по меньшей мере девятью тонами. Второй Коричнево-белый замахал руками. Они освободили место для Стейли между облегченными сиденьями, и Коричневый повернул какие-то рычаги. Самолет поднялся и помчался к зданию впереди.

— Может, они не вошли туда, — повторила Мошкита Уитбрида. — Может быть...

Хорст неудобно скорчился в мчащемся реактивном самолете и недоуменно качал головой. Все это ему не нравилось.

— Что-то не так? — спросил он.

Мошкита Уитбрида как-то странно взглянула на него.

— Может, и ничего.

Остальные мошкиты вообще ничего не сказали.

34. Правонарушители

Уитбрид с Поттером стояли в куполе и удивленно таращили глаза.

Купол был просто футляром. Единственный источник света, очень похожий на послеполуденное солнце, сиял на половине расстояния до крыши. Мошкиты использовали этот способ освещения во многих зданиях, которые видел Уитбрид.

То, что находилось под куполом, походило на маленький город. Впрочем, не совсем. В домах никого не было. Вокруг не было ни звуков, ни движения, ни света хотя бы в одном окне. Да и здания...

В этом городе не было согласованности. Здания чудовищно не увязывались друг с другом. Уитбрид содрогнулся при виде двух прямолинейных многоэтажных колонн, обрамлявших нечто, что могло

быть увеличенным средневековым собором, тысячи карнизов которого охранялись теми, кого мошкит Бери назвал демонами мошкитов.

Здесь были сотни архитектурных стилей и по меньшей мере дюжина уровней технологии. Эти формы невозможно было построить без использования напряженного бетона или чего-то более утонченного, а здание возле ворот было из высушенного солнцем кирпича. Здесь крепкий прямоугольник имел стены из серебристого стекла, а там стены были из серого камня, и крошечные окна в них не имели стекол, а только ставни, защищающие их от стихий.

— Дождевые ставни. Это должно было быть здесь еще до купола, — сказал Поттер.

— Это любому ясно. Купол почти новый. Этот... собор в центре — или что это такое — настолько стар, что почти рассыпается.

— Взгляни сюда, на эту параболически-гиперболическую конструкцию, выступающую из стены... Ты только посмотри на эту стену!

— Да, это должно быть частью другого здания. Бог знает, насколько все это старо. — Стена была толщиной более метра и зазубрена по краям и на вершине. Она была сделана из разукрашенных каменных блоков, весивших не менее пятисот килограммов каждый. Какие-то растения, похожие на виноград, окружали их, прорастая насквозь, и, должно быть, именно это удерживало стену целой.

Уитбрид наклонился ниже и внимательно пригляделся к этим растениям.

— Никакого цемента, Гэвин. Именно они держат блоки вместе. Кроме того, это поддерживает остальную часть здания, сделанного из бетона. Это строилось последним.

— Ты помнишь, что говорил Хорст о Каменном Улье?

— Он сказал, что чувствует его возраст. Как это верно...

— В этом месте должны быть все времена. Думаю, мы нашли музей... Музей архитектуры? И они все добавляли к нему экспонаты, столетие за столетием, пока не поставили сверху этот купол для защиты от стихий.

— Да...

— Ты, кажется, сомневаешься?

— Этот купол имеет два метра толщины и сделан из металла. Какого рода стихии...

— Например, падение астероида. Впрочем, нет, это ерунда. Астероиды давным-давно собрали вместе.

— Я думаю, нужно взглянуть на этот собор. Похоже, это старейшее здание здесь.

Собор сам по себе оказался музеем. Любой цивилизованный гражданин Империи мог бы определить это — все музеи похожи друг на друга.

Там были ящики из стекла, а внутри старые вещи, снабженные табличками с датами и сведениями о них.

— Я могу прочесть даты, — сказал Поттер. — Смотри, они из четырех или пяти цифр. Насколько они стары, Гэвин?

— Так... их год короче... Пять цифр. Датировка идет от какого-нибудь события... и этот знак минус перед каждым числом... Нужно подумать... — Он вынул свой компьютер и стал быстро писать на табло. — Это число должно быть семьдесят четыре тысячи и сколько-то еще. Джонатон, таблички почти новые.

— Языки изменяются, и им приходится часто переводить каждую табличку.

— Да... да, я знаю этот знак. «Приблизительно». — Поттер быстро переходил от одного экспоната к другому. — Здесь он снова. Здесь нет... а тут есть. Джонатон, взгляни на это.

Это была очень старая машина. Чисто железная, она сейчас насквозь проржавела, превратившись в эскиз того, что представляла собой когда-то. Это была гаубица.

— Здесь есть табличка. Этот двойной знак приблизительности означает догадки, предположения. Интересно, сколько раз переводилась эта надпись?

Комната сменялась комнатой. Потом они нашли широкую лестницу, ведущую вверх, с низкими, но достаточно широкими для человеческих ног ступенями. Там были новые комнаты и новые экспонаты. Потолки у помещений были низкие, освещались они рядами грушевидных предметов с раскаленными нитями внутри, которые зажигались, когда они входили, и гасли, когда выходили. Эти светящиеся предметы находились на такой высоте, чтобы не испортить потолок. Музей сам был экспонатом.

Таблички на всем были очень похожи, но все витрины были разными. Уитбриду это не казалось странным. Не существовало двух вещей, сделанных мошкитами, которые были бы идеально похожи. Но один раз он почти засмеялся...

Стеклянный баллон нескольких метров длиной и два метра шириной покоился на основании неопределенной формы, сделанном из металла почти персикового цвета. И то и другое выглядело совершенно новым. На основании имелась табличка, а внутри баллона находился витиевато украшенный резьбой ящик из дерева размером с гроб, совершенно выгоревший от времени, и с крышкой, похожей на ржавую проволочную решетку. Он тоже имел табличку. Под ржавой проволокой находилась глиняная посуда со стенками толщиной с яичную скорлупу: частично разбитая, частично целая. Каждый обломок имел отдельную табличку с датой.

— Это похоже на гнездо экспонатов, — сказал Уитбрид.

Поттер не засмеялся.

— Это то, что это есть. Видишь здесь? Этому баллону около двух тысяч лет... Это не может быть правдой, не так ли?

— Нет, если... — Уитбрид провел своим классификационным кольцом по стеклянной поверхности. — Они оба царапаются. Это искусственный сапфир. — Он сделал то же самое с металлом. Теперь металл поцарапал камень. — Я согласен с двумя тысячелетиями.

— Но этому ящику около двадцати четырех веков, а посуде внутри более трех тысячелетий. Видишь, как меняются стили? Это изображения подъема и падения различных школ изготовления глиняной посуды.

— Ты думаешь, что деревянный ящик доставлен из другого музея?

— Да.

Вот тут Уитбрид и рассмеялся. Они двинулись дальше, потом Джонатон показал рукой и сказал:

— Здесь тот же самый металл, верно?

На маленьком оружии с двумя ручками — должно быть, это было ружье — виднелась та же дата, что и на сапфировом баллоне.

Дальше, возле стены большого купола, размещалась удивительная конструкция. Она состояла из вертикального кружева шестиугольников, стороны которых были длиной два метра. В некоторых из шестиугольников имелись пластиковые рамы, в других — разрушенные остатки их.

Поттер указал на мягко изгибающуюся конструкцию.

— Это другой купол. Сферический, с геодезическими креплениями. От него мало что осталось, да и не мог он накрывать всего этого.

— Ты прав. И он разрушен не погодой. Видишь, как изогнуты его ребра возле края? Может, торнадо? Эта часть планеты довольно плоская.

Эти слова заставили Поттера на мгновение задуматься: на Новой Шотландии не бывало торнадо. Вспомнив уроки по метеорологии, он кивнул:

— Да. Может быть, может быть...

За фрагментом раннего купола Поттер нашел конструкцию из распадающегося металла, которую покрывала пластиковая оболочка. Сам пластик тоже выглядел потертым и изжеванным. На табличке стояли две даты, каждая из пяти цифр. Следующая табличка была прикреплена к узкой наземной машине с тремя сиденьями в ряд, которая выглядела очень примитивной. Капот ее был поднят.

— Внутреннее сгорание, — сказал Поттер. — Мне кажется, что у Мошки-1 было очень мало ископаемого топлива.

— Салли тоже пришла к этой мысли. Якобы их цивилизация пришла в упадок, когда они использовали все ископаемое топливо. Я сомневаюсь в этом.

Однако главная находка находилась за огромным панорамным окном в одной из стен. Они уставились на эту «колокольню», не обращая внимания на древнюю, витиевато вырезанную из бронзы табличку, которая сама имела более мелкую табличку.

Внутри «колокольни» находился ракетный корабль. Несмотря на дыры в бортах и пятна коррозии, он еще сохранял свою форму: длинный цилиндрический резервуар, очень тонкостенный, с кабиной, видневшейся на постепенно истончающемся носу.

Они направились к ступеням. На первом этаже должны быть другие окна...

Так оно и оказалось, и гардемарины встали на колени, чтобы заглянуть в двигатель.

— Я не совсем... — начал Поттер.

— Атомный, — почти прошептал Уитбрид. — Очень ранний тип. Пропускал инертное топливо через ядро из урана, плутония или чего-то подобного. Батарея расщепления, доатомная...

— Ты уверен?

Прежде чем ответить, Уитбрид посмотрел снова, затем кивнул:

— Да, уверен.

Расщепление следовало после внутреннего сгорания, но в Империи до сих пор были места, где пользовались двигателями внутреннего сгорания. Энергия расщепления была почти мифом, и, пока они смотрели, годы, прошедшие над этим местом, казалось, падали со стен, неслышно окутывая их, как плащом.

Самолет приземлился около оранжевых обрывков парашюта и обломков конуса. Открытая дверь походила на обвиняющий рот.

Мошкита Уитбрида выскочила из самолета и бросилась к конусу. Она что-то прощебетала, и пилот тоже выскочил, чтобы присоединиться к ней.

— Они открыли ее, — сказала мошкита Уитбрида. — Никогда бы не подумала, что Джонатон решит эту проблему. Должно быть, это Поттер. Хорст, есть хотя бы один шанс за то, что они не вошли внутрь?

Стейли покачал головой.

Мошкита снова что-то прощебетала Коричневому.

— Смотрите за машиной, Хорст, — сказала она, потом заговорила с другим Коричнево-белым, который вылез из аэроплана и смотрел на небо.

Коричневый поднял пустой вакуумный костюм Уитбрида и его боевое обмундирование. Он работал быстро, создавая что-то вроде недостающего шлема и ставя его на место. Потом он принялся за воздушный регенератор, копаясь в его внутренностях инструментами из мешка на поясе. Костюм надулся и стал вертикально. Наконец

Коричневый закрыл панель, и теперь костюм стал туго натянутым, как человек в вакууме. Коричневый обмотал его длинным шнуром, чтобы стянуть плечи, и пробил каждое запястье.

Пустой костюм поднял руки, из пробитых запястий которых со свистом уходил воздух. Потом давление упало, и руки опустились. Еще один цикл свиста — и руки снова поднялись.

— Мы поступим с вашим костюмом точно так же и поднимем температуру до нормальной у вас. Если повезет, они сожгут это, не проверяя, есть вы там внутри или нет.

— *Сожгут?*

— Впрочем, на это наверняка не следует рассчитывать. Хотелось бы мне, чтобы был способ отвести огонь от самолета...

Стейли коснулся плеча мошкиты. Коричневый стоял, глядя на них со слабой полуулыбкой, что означало, что он ничего не думает. Экваториальное солнце было высоко над головой.

— Почему кто-то хочет убить нас? — требовательно спросил Стейли.

— Вам всем вынесен смертный приговор, Хорст.

— Но почему? Из-за купола? Он — табу?

— Купол — да, табу — нет. Вы что, считаете нас примитивными? Вы знаете слишком много, вот и все. Мертвые свидетели ничего не рассказывают. А теперь войдем: нам нужно найти их и вывести отсюда.

Мошкита Уитбрида нагнулась под дверью. Это было излишним: Уитбрид никогда так не нагибался. Второй Коричнево-белый последовал за ней, оставив постоянно улыбающегося Коричневого стоять снаружи.

35. Беги, кролик, беги

Они нашли гардемаринов возле собора. Услышав глухой перестук ботинок Хорста Стейли, Уитбрид поднял голову, заметил идущих мошкитов и сказал:

— Финч'клик'?

— Финч'клик'.

— Мы изучаем ваши...

— Джонатон, у нас нет времени, — сказала мошкита.

Второй Коричнево-белый посматривал на них с нетерпением.

— Нам всем грозит смерть за нарушение чужого владения, — сказал Стейли, — и я не знаю почему.

Воцарилось молчание, потом Уитбрид сказал:

— Но я ничего не сделал! Это же просто музей...

— Да, — сказала мошкита Уитбрида. — Вы *должны* были сесть здесь. Это не просто невезение. Ваши немые малыши должны были

запрограммировать спасательные конусы так, чтобы они не свалились в воду, на город или горную вершину. Вы должны были сесть среди сельскохозяйственных угодий. А это именно то место, где находятся наши музеи.

— Здесь? Но почему? — сказал Поттер, потом добавил таким тоном, словно уже все понял: — Здесь нет людей...

— Поэтому их не будут бомбить.

Тишина была частью возраста этого места. Мошкита сказала:

— Гэвин, а вы не кажетесь особо удивленным.

Поттер попробовал потереть челюсть, но этому помешал шлем.

— Полагаю, нет ни малейшего шанса убедить вас, что мы ничего не поняли?

— Действительно. Вы пробыли здесь три часа.

— Всего два, — вмешался Уитбрид. — Хорст, это место фантастично! Музеи внутри музея, которые уводят глубоко в прошлое. Может, это и есть тот секрет? Что здешняя цивилизация очень стара? Но я не понимаю, зачем вам скрывать это?

— У вас было много войн, — медленно сказал Поттер.

Мошкита втянула голову в плечи.

— Да.

— Больших войн.

— Верно. А также малых.

— Сколько их было?

— Бога ради, Поттер! Кто сосчитает? Тысячи циклов. Тысячи разрушительных возвращений к варварству. Безумный Эдди постоянно пытался остановить это. По-моему, вся каста Принимающих решения состоит из Безумных Эдди. Они считают, что нарушат круговорот циклов, выйдя в космос и заселив другие солнечные системы.

Голос Хорста Стейли был спокоен. Говоря, он внимательно оглядывал купол, и рука его лежала на рукояти пистолета.

— Они так считают? А в чем заключается то, о чем мы узнали слишком много?

— Это я как раз и пытаюсь объяснить вам. Затем я попробую доставить вас обратно на корабль. Живыми... — Она указала на другую мошкиту, которая бесстрастно стояла во время этого разговора, потом что-то просвистела и прогудела. — Можете звать ее Чарли, — сказала она. — Вам не воспроизвести ее настоящее имя. Чарли представляет Отдающего приказы, который хочет помочь вам — может быть... В любом случае, это ваш единственный шанс...

— Что же нам делать сейчас? — спросил Стейли.

— Мы попытаемся добраться до босса Чарли. Там вы будете под защитой (свист, щелчок, свист). Зовите его... э... Король Петр. У нас нет королей, но он сейчас мужчина. Это один из наиболее могущественных Отдающих приказы, и, поговорив с вами, он, вероятно, захочет доставить вас домой.

— Вероятно, — медленно сказал Хорст. — И все же что это за секрет, за который вы так боитесь?

— Потом. Нам нужно уходить.

Хорст Стейли вытащил пистолет.

— Нет, прямо сейчас. Поттер, есть в этом музее что-нибудь, чтобы мы могли связаться с «Лениным»? Поищите.

— Да, да... Вы считаете, вам понадобится этот пистолет?

— Найдите нам радио!

— Хорст, послушайте, — настаивала мошкита Уитбрида. — Принимающий решения *знает*, что вы приземлились где-то здесь. Если вы попытаетесь выйти отсюда на связь, вам помешают, а если вы все-таки отправите сообщение, они уничтожат «Ленина». — Стейли хотел что-то сказать, но мошкита настойчиво продолжала: — Да, они могут сделать это, хотя это будет нелегко. Ваше Поле довольно сильно, но вы видели, что могут наши инженеры, и никогда не видели, что могут наши *воины*. Мы видели уничтожение одного из лучших ваших военных кораблей и знаем, как это можно сделать. Вы полагаете, один маленький линкор устоит против флотов, летящих отсюда и со станций на астероидах?

— О боже, Хорст, она может быть права, — сказал Уитбрид.

— Мы должны дать знать адмиралу. — Стейли выглядел неуверенным, но пистолет в его руке был неподвижен. — Поттер, выполняйте приказ.

— Вы получите возможность вызвать «Ленина», как только окажетесь в безопасности, — настаивала мошкита Уитбрида. На мгновение голос ее поднялся почти до крика, затем резко упал. — Хорст, поверьте мне, это единственный путь. Кроме того, вы никогда не сможете сами управиться с коммутатором. Вам потребуется наша помощь, а мы не собираемся помогать делать глупости. Нам нужно уходить отсюда!

Вторая мошкита что-то прощебетала. Мошкита Уитбрида ответила, и некоторое время они переговаривались друг с другом. Затем мошкита Уитбрида перевела:

— Если сюда не придут войска моего собственного Мастера, то явятся Воины Хранители музея. Я не знаю, где Хранитель держит их. Чарли тоже не знает. Хранители стерильны, и у них нет честолюбия, но они очень ревниво относятся к тому, что уже имеют.

— Они будут бомбить нас? — спросил Уитбрид.

— Нет, пока мы находимся здесь. Это может повредить музею, а музеи — *очень важны*. И Хранитель пошлет войска... если мой собственный Мастер не появится здесь первым.

— Тогда почему их еще нет? — требовательно спросил Стейли. — Я ничего не слышу.

— Ради бога! Они могут быть уже на подходе! Понимаете, мой Мастер... мой старый Мастер... получил юрисдикцию на изучение

людей. Она не хочет отказываться от этого, поэтому не вовлекает в это дело никого другого. Она будет стараться держать местных жителей в стороне, а поскольку ее владения находятся вокруг замка, то и все Воины будут там. А это около двух тысяч километров отсюда.

— Этот ваш самолет довольно быстр, — сказал Стейли.

— Это машина, которой пользуются в случае опасности Посредники. Мастера запрещают всем остальным пользоваться ею. Ваше появление в нашей системе почти начало войну, и посылка Воинов в одном из самолетов несомненно приведет к этому...

— Разве у ваших Принимающих решения нет никаких военных планов? — спросил Уитбрид.

— Есть, но они очень медлительны. Впрочем, в любом случае они должны защитить вас. Под этим зданием есть туннель...

— Туннель? — переспросил Стейли. Все происходило слишком быстро. Он командовал здесь, но не знал, что делать.

— Конечно. Музеи иногда посещаются. И он будет использован, чтобы добраться сюда из Замка. Кто знает, что будет делать в это время Хранитель? Он может даже запретить моему Мастеру вмешательство. Но если он сделает это, вы можете быть уверены, что он убьет вас, удерживая всех Мастеров от вступления в сражение.

— Нашел что-нибудь, Гэвин? — крикнул Стейли.

— Ничего, что можно было бы назвать коммуникатором. И это самые новейшие экспонаты, Хорст. Все, что есть в более старых зданиях, насквозь проржавело.

— Хорст, нам нужно уходить отсюда! — снова напомнила мошкита Уитбрида. — Нет времени для разговоров.

— Эти Воины могут долететь на самолетах до ближайшей станции, а оттуда доехать по туннелю сюда, — заметил Уитбрид. — Нужно что-то делать, Хорст!

Стейли медленно кивнул.

— Хорошо. Как будем уходить? На вашем самолете?

— Он не поднимет нас всех, — сказала мошкита Уитбрида. — Но мы можем отправить двоих с Чарли, а я...

— Нет, — решительно отказался Стейли. — Мы будем вместе. Можете вы вызвать более крупный самолет?

— У меня нет уверенности, что сможет уйти хотя бы один. Вероятно, вы правы — надо держаться вместе. Нам не остается другого пути, кроме туннеля.

— Который уже сейчас может быть полон врагов. — Стейли на мгновение задумался. Купол был защитой от бомб, а зеркало хорошо отражало лазерные лучи. Они могли остаться здесь — но надолго ли? Он уже начинал испытывать вынужденную паранойю солдата, находящегося на вражеской территории.

— Куда мы должны уйти, чтобы послать сообщение «Ленину»? — спросил он. Разумеется, это было сейчас самым важным.

— На территорию Короля Петра. Она в тысяче километров, но это единственное место, где можно найти оборудование для послания, которое невозможно будет перехватить. Даже оно может не помочь, но все-таки надежда есть.

— И мы не можем улететь на самолете... О'кей. Где этот туннель? Мы устроим там засаду.

— Засаду? — Мошкита согласно кивнула. — Конечно, Хорст, я не разбираюсь в тактике — Посредники не участвуют в сражениях. Я только пытаюсь доставить вас к Мастеру Чарли. Вам самим придется разделываться с теми, кто будет пытаться убить вас на этом пути. Насколько хорошо ваше оружие?

— Это обычное ручное оружие. Не слишком мощное.

— Здесь в музее есть другое. Под него отведена часть этого музея. Но я не знаю, какое из них действует.

— Думаю, стоит попробовать. Уитбрид, Поттер, поищите там оружие. Так все-таки где этот туннель?

Мошкиты огляделись по сторонам. Чарли, несомненно, поняла все, что говорилось, хотя даже не пыталась произнести ни слова по-английски. Несколько секунд они пересвистывались, затем мошкита Уитбрида указала рукой на здание, похожее на собор:

— Здесь.

После небольшой паузы она показала на статуи «демонов» вдоль карнизов.

— Все, что вы видели, безвредны, за исключением этих. Это класс воинов, солдат, телохранителей, полиции. Они убивают и делают это *хорошо*. Если вы увидите их где-нибудь, бегите.

— Бегите сами, черт побери! — буркнул Стейли и крепче стиснул свой пистолет. — Ищите нас внизу! — крикнул он остальным и повернулся к мошките: — А что с вашим Коричневым?

— Я позову ее, — сказала мошкита Уитбрида и издала птичью трель.

Коричневый вошел внутрь, неся несколько предметов, которые передал Чарли. Мошкиты внимательно осмотрели их, и мошкита Уитбрида сказала:

— Это понадобится нам. Воздушные фильтры. Вы можете снять свои шлемы и надеть эти маски.

— Наши радиопередатчики... — запротестовал Хорст.

— Снимите их. Позднее Коричневый сможет поработать с ними. Вы действительно хотите, чтобы ваши уши находились внутри этих шлемов? Все равно баллонов с воздухом и фильтров хватит ненадолго.

— Спасибо, — сказал Хорст, взял фильтр и закрепил его на лице. Мягкая чашка закрывала нос, а трубка вела к небольшому баллончику, который он повесил на пояс. Было большим облегчением снять шлем, но теперь он не знал, что с ним делать. В конце концов

он привязал его к поясу, где тот и болтался из стороны в сторону, причиняя немалые неудобства.

— Ну вот, можно двигаться. — Без шлема говорить стало легче, но нужно было постоянно следить за собой, чтобы не вдохнуть через рот.

Наклонная дорожка спиралью уходила вниз. Далеко вниз. Ничто не двигалось в бестеневом освещении, но Стейли представлял себя мишенью для кого-то, затаившегося внизу. Как было бы здорово иметь под рукой гранаты и отряд космодесанта! Но вместо этого здесь были только он сам и два его собрата-гардемарина. И мошкиты. Посредники. «Посредники не участвуют в сражениях», — сказала мошкита Уитбрида, и он запомнил это. Она вела себя так похоже на Джонатона Уитбрида, что Стейли приходилось считать руки, чтобы удостовериться, кто говорит. Но она не сражалась. Коричневые тоже не сражались.

Он двигался осторожно, ведя чужаков вниз по спиральной дорожке и держа пистолет наготове. Наконец дорожка кончилась у двери, и на мгновение Стейли заколебался. За дверью было тихо. Черт с ним, подумал он и переступил порог.

Он был один в широком цилиндрическом туннеле с рельсами, проложенными по его дну, и небольшим уклоном с одной стороны. Слева от него туннель кончался каменной стеной, а справа, казалось, уходил в бесконечную темноту. В стенах туннеля виднелись углубления, похожие на ребра гигантского кита.

Мошкита подошла к нему сзади и увидела, куда он смотрит.

— Когда-то здесь стоял линейный ускоритель, но потом одна из вырождающихся цивилизаций использовала металл, из которого он был сделан.

— Я не вижу никаких машин. Как мы сможем получить одну?

— Я могу вызвать ее. Любой Посредник может это сделать.

— Пусть это сделает Чарли, — сказал Хорст. — Или, может, они знают, что она тоже в подполье?

— Хорст, если мы будем ждать машину, она прибудет, набитая Воинами. Хранитель *знает*, что вы открыли это здание. Не понимаю, почему его людей еще нет здесь. Вероятно, идет сражение за юрисдикцию между ним и моим Мастером. Юрисдикция — это очень важная вещь для Принимающих решения...

— Значит, мы не можем бежать на самолете, не можем уйти пешком через поля и не можем вызвать машину, — сказал Стейли. — Ну хорошо, изобрази для меня эту машину.

Она нарисовала ее на экране карманного компьютера Стейли. Это был ящик на колесах, универсальный экипаж, который должен везти как можно больше и при этом занимать поменьше места.

— Двигатели здесь, на колесах. Управление может быть автоматическим...

— Только не на военной машине.

— Тогда оно здесь, впереди. И Коричневые, и Воины могут делать любые изменения. Им это нравится...

— Теперь вооружение. Бронированные стекла и борта, носовые орудия... — Все три мошкиты замерли, и Стейли прислушался, но ничего не услышал.

— Шаги, — сказала мошкита. — Уитбрид и Поттер.

— Возможно. — Стейли кошачьей походкой направился ко входу.

— Спокойнее, Хорст, я узнаю этот ритм.

Они нашли оружие.

— Вот наша добыча, — сказал Уитбрид, подняв вверх трубу с линзой на одном конце и прикладом, явно приспособленным для плеча мошкита, на другом. — Не знаю, насколько хватит заряда, но это спокойно режет каменную стену. Невидимый луч.

Стейли взял ее.

— Это то, что нам нужно. Об остальном расскажете потом. А сейчас станьте за дверь и стойте там.

Сам Стейли разместился там, где кончалась площадка для пассажиров, у самого входа в туннель. Не выйдя из туннеля, никто не мог увидеть его. Интересно, насколько хороши «доспехи» мошкитов? Могут ли они остановить луч рентгеновского лазера? Из туннеля не доносилось ни звука, и можно было только ждать.

Все это глупо, убеждал он себя, но что еще они могут сделать? Допустим, Воины прилетят на самолетах и сядут возле купола. Нужно закрыть дверь и оставить кого-нибудь наверху. Время для этого еще есть.

Он начал поворачиваться к остальным, стоящим позади, и в этот момент услышал низкое гудение, шедшее от рельсов глубоко внизу. Этот звук наконец помог ему успокоиться. Выбирать больше было не из чего. Хорст осторожно шевельнулся и получше ухватил незнакомое оружие. Машина быстро приближалась.

Она оказалась гораздо меньше, чем ожидал Стейли: игрушечная машинка с улицы, просвистевшая мимо него. Лица его коснулся легкий ветерок. Машина резко остановилась, и Стейли принялся водить оружием, как волшебной палочкой, — взад и вперед. Проходило ли что-нибудь на другую сторону? Да, ружье действовало как надо. Луч был невидим, но полосы докрасна разогретого металла крест-накрест перечеркнули экипаж. Стейли ударил лучом по окнам, за которыми ничего не было видно, и по крыше, затем шагнул к туннелю и выстрелил вдоль него.

Из темноты появилась вторая машина. Стейли нырнул обратно в укрытие, закрывавшее большую часть его тела, но продолжал стрелять, целясь в подъезжающую машину. Откуда ему было знать, когда батареи — или что там было источником энергии — разрядятся? Все-таки музейный экспонат! Вторая машина промчалась мимо, пересеченная вишнево-красными линиями. Стейли сделал напосле-

док еще один взмах, затем отступил назад, снова стреляя в туннель. Однако там было пусто.

Третьей машины не было. Очень хорошо, подумал Стейли и систематически расстрелял вторую. Что-то остановило ее сразу за первой — какая-то система предотвращения столкновений? Этого он не знал.

Он бросился к машинам. Уитбрид и Поттер присоединились к нему.

— Я сказал вам стоять там!

— Извини, Хорст, — сказал Уитбрид.

— Мы на военном положении, мистер Уитбрид. Вы можете называть меня Хорст, когда в нас не стреляют.

— Да, сэр. Я только хотел заметить, что, кроме вас, никто не стрелял.

От машины тянуло запахом горелого металла. Мошкиты вышли из своего укрытия. Стейли осторожно приблизился к машинам и заглянул внутрь.

— Демоны, — сказал он.

Они с интересом осмотрели тела. Если не считать статуй, они никогда прежде не видели существ этого типа. По сравнению с Посредниками или Инженерами они казались проволочно-тощими и подвижными, совсем как борзые рядом с мопсами. Правые руки были длинными с короткими толстыми пальцами и всего одним большим пальцем; край левой ладони покрывала гладкая мозоль. Левая рука была длиннее, с пальцами, похожими на сосиски. Под левой рукой было еще что-то.

Кроме того, у демонов были зубы, длинные и острые, как у настоящих чудовищ из детских книг и полузабытых легенд.

Чарли что-то прощебетала мошките Уитбрида, не получив ответа, защебетала снова, громче, затем махнула рукой Коричневому. Инженер подошла к двери и принялась изучать ее вблизи. Мошкита Уитбрида стояла, оцепенев, глядя на мертвых воинов.

— Берегись мин-ловушек! — крикнул Стейли. Инженер не обратила на него внимания и начала осторожно изучать дверь вблизи. — Берегись!

— Там должны быть ловушки, но Коричневый найдет их, — очень медленно сказала Чарли. — Я сказала, чтобы она была осторожной. — Слова она произносила аккуратно, без всякого акцента.

— Вы можете говорить по-английски? — удивился Стейли.

— Плохо. Мне трудно думать на вашем языке.

— Что-то неладное с моей финч'клик'? — вмешался Уитбрид.

Вместо ответа Чарли снова защебетала. Тона звуков резко возросли. Мошкита Уитбрида дернулась и повернулась к ним.

— Простите, — сказала она. — Это Воины... моего Мастера. Боже, боже, что я делаю?

— Нам нужно попасть туда, — нервно сказал Стейли и поднял свое оружие, чтобы разрезать борт машины. Коричневый по-прежнему разглядывал дверь, очень осторожно, как будто боялся ее.

— Позвольте мне, сэр. — Уитбрид держал в руке короткий меч с толстой ручкой.

Хорст удивленно следил, как он режет в металлическом борту машины отверстие одним непрерывным медленным движением лезвия.

— Думаю, это вибратор, — сказал он.

Часть запаха прошла сквозь их воздушные фильтры. Для мошкитов это должно было быть гораздо хуже, но они не подавали виду. Наконец они проникли и во вторую машину.

— Осмотрите их повнимательнее, — сказала мошкита Уитбрида. Сейчас она говорила гораздо лучше. — Познакомьтесь со своими врагами. — Она что-то прощебетала Коричневому, тот подошел к рычагам управления машиной, внимательно осмотрел их и сел на водительское сиденье, предварительно сбросив с него мертвого Воина.

— Загляните им под левую руку, — сказала мошкита Уитбрида. — Это вторая левая рука, рудиментарная у большинства видов мошкитов. У них от нее остался только один коготь, похожий... — она на мгновение задумалась, — ...на копыто. Это нож-потрошитель. И, конечно, достаточно сильные мышцы, чтобы двигать им.

Уитбрид и Поттер скорчили гримасы. По указанию Стейли они принялись выносить тела демонов через отверстия в борту машины. Воины были похожи друг на друга, отличаясь только местами, обожженными лучом рентгеновского лазера. Ноги были вооружены острыми шипами, торчавшими на большом пальце и пятке. Один пинок — назад или вперед — и с врагом будет покончено. Головы были маленькие.

— Они разумны? — спросил Уитбрид.

— По вашим стандартам — да, но не очень-то находчивы, — ответила мошкита Уитбрида. Она говорила, как сам Уитбрид, цитирующий лекцию старшего помощника; голос ее звучал очень точно, но без выразительности. — Они могут исправить любое оружие, но не могут изобрести своего собственного. О, а это доктор, гибрид между настоящим Доктором и Воином. Полуразумный. Как вы понимаете, они довольно похожи. Кстати, вам лучше отдать Коричневому на проверку все оружие, которое у вас есть...

Безо всякого предупреждения машина начала двигаться.

— Куда мы едем? — спросил Стейли.

Мошкита Уитбрида защебетала. Это звучало немного похоже на свист пересмешника.

— К ближайшему городу на линии...

— Они блокируют там дорогу или поставят вооруженные части, ждущие нас, — сказал Стейли. — Как далеко до него?

— Э... пятьдесят километров.

— Проедем половину и остановимся, — приказал Стейли.

— Да, сэр. — Мошкита произнесла эту фразу неотличимо от Уитбрида. — Они недооценивали вас, Хорст. Это единственное объяснение случившегося. Я никогда не слышала, чтобы Воины убивали кого-то, кроме другого Воина. Или иногда Мастера... не очень часто. Мы сражаемся друг с другом с помощью Воинов, поддерживая тем самым их численность.

— Угу, — буркнул Уитбрид. — А почему бы просто... просто не перестать разводить их?

Мошкита рассмеялась. Это был удивительно горький смех, очень человеческий и очень смущающий.

— Неужели никто из вас не понял, что убило Инженера, бывшего на борту вашего корабля?

— Да, — почти хором ответили все трое. Чарли что-то прощебетала.

— Пусть они тоже знают, — сказала мошкита Уитбрида. — Она умерла потому, что не было никого, кто мог бы сделать ее беременной.

Воцарилось долгое молчание.

— Вот вам и весь секрет. *Такого* вы не предполагали? Каждая особь наших видов должна забеременеть после того, как на время становится женщиной. Ребенок, мужчина, женщина, беременность, мужчина, женщина, беременность — круг за кругом. Если она не забеременеет вовремя, она умирает. И так с каждым. А мы — Посредники — не можем помочь в этом. Мы — мулы, стерильные гибриды.

— Но... — Уитбрид говорил как мальчик, которому только что рассказали правду о Санта Клаусе. — Сколько же лет вы живете?

— Около двадцати пяти ваших лет. Пятнадцать лет после достижения зрелости. Но Инженеры, Фермеры и Мастера — особенно Мастера! — должны забеременеть в течение двух наших лет. Эта Инженер, которую вы подобрали, должна была уже близко подойти к своей последней черте.

Некоторое время они ехали молча.

— Но... мой Бог! — сказал наконец Поттер. — Это ужасно!

— Ужасно... Конечно, ужасно. Салли и ее...

— То, что она принимает? — спросил Уитбрид.

— Таблетки, контролирующие рождаемость. Мы спрашивали Салли Фаулер, что делает человеческая женщина, если пока не хочет ребенка. Она принимает таблетки, контролирующие рождаемость. Но хорошие девушки не пользуются ими, они просто не занимаются сексом, — жестко закончила она.

Машина быстро мчалась по рельсам. Хорст сидел сейчас на корме, которая стала носом, и вглядывался вперед, держа оружие

наготове. Потом он полуобернулся. Обе мошкиты смотрели на людей, их губы слегка разошлись, обнажая в улыбке зубы, но горечь слов и тона опровергали дружелюбие взглядов.

— Они просто не занимаются сексом! — снова сказала мошкита Уитбрида. — Фью-юф-ву-ф-фл (свист)! Теперь вы знаете, почему мы воюем. Всегда воюем...

— Демографический взрыв, — сказал Поттер.

— Да. Развитие любой цивилизации, поднявшейся из варварства, останавливает смерть от голода. Вы, люди, не знаете, что такое — давление популяции. Мы можем сдержать рост численности, уменьшив разведение, но что могут сделать Отдающие приказы со своей собственной численностью? Ближе всего к таблеткам, контролирующим рождаемость, пожалуй, только детоубийство!

— Тогда вы начинаете войны, — сказал Поттер, — и вскоре все сражающиеся за пищу исчезают.

— Разумеется. — Теперь голос мошкиты Уитбрида стал спокойнее. — Чем выше уровень развития цивилизации, тем дольше период варварства. И всегда в это вмешивается Безумный Эдди, пытаясь разрушить круговорот циклов и делая все еще хуже. Если вы не заметили сами, джентльмены, скажу, что сейчас мы очень близки к падению. Когда вы появились, здесь шло жуткое сражение за юрисдикцию. Мой Мастер победил...

Чарли что-то просвистела и прогудела.

— Да. Король Петр пытался сделать это, но не получил достаточной поддержки. Впрочем, вряд ли он сумел бы выиграть сражение с моим Мастером. Пожалуй, то, что мы делаем сейчас, приведет к войне, но это не важно. Все равно она скоро началась бы.

— Вас так много, что вы выращиваете растения даже на крышах, — сказал Уитбрид.

— О, это обычное явление. Так же, как поля, пересекающие города. Кое-кто живет всегда, посматривая на Циклы свысока.

— Должно быть, непросто создавать цивилизацию без радиоактивных руд, — сказал Уитбрид. — Вы каждый раз приходите к водородному синтезу?

— Конечно, у вас должно быть так же.

— Не уверен.

— Что ж, всю описанную историю мы шли этим путем, очень долго по вашим понятиям. Исключение составляет период, когда нашли радиоактивные руды на троянских астероидах. Там остались несколько уцелевших, и они принесли цивилизацию сюда. Руды были тщательно обработаны какой-то древней цивилизацией, но кое-что все-таки осталось.

— О Божьи глаза! — сказал Уитбрид. — Но...

— Прошу остановить машину, — приказал Стейли. Мошкита Уитбрида прощебетала, и машина начала тормозить, пока не остано-

вилась совсем. — Меня очень нервирует то, к чему мы мчимся, — объяснил Стейли. — Они *должны* ждать нас. Эти солдаты, которых мы убили, не отправили донесения... к тому же, если эти принадлежали вашему Мастеру, то где же Воины Хранителя? Как бы там ни было, я хочу испытать их оружие.

— Пусть сначала их осмотрит Коричневый, — сказала мошкита Уитбрида. — Они могут быть с сюрпризами.

Оно выглядело смертоносным, это оружие. И, как обычно, не было двух идентичных образцов. Самым обычным типом оказалось что-то вроде пулемета, но были также ручные лазеры и гранаты. Приклад каждого орудия был индивидуализирован. Одни образцы прикладывались только к верхнему правому плечу, другие к обоим. Кроме того, имелись две модели для левшей, и Стейли смутно припомнил, что они выносили тела с двумя левыми и одной правой руками.

Имелся там и ракетомет со стволом диаметром пятнадцать сантиметров.

— Пусть она осмотрит его, — сказал Стейли.

Мошкита Уитбрида передала оружие Коричневому, взяв пулемет, который положила под сиденье.

— Это с ловушкой, — сказала она. Коричневый взглянул на ракетомет и что-то прощебетал. — В порядке, — сказала мошкита Уитбрида.

— А как насчет зарядов? — Стейли прошел мимо них. Там было несколько разных видов и ни одной пары идентичной. Коричневый снова защебетал.

— Эта круглая ракета должна взорваться, если вы попытаетесь зарядить ее, — сказала мошкита Уитбрида. — Наверняка здесь много еще и других ловушек. Мне казалось, что Мастера считают вас кем-то вроде глупых Посредников. Поначалу так думали и мы. Но эти ловушки означают, что они считали вас способными убить Воинов.

— По-моему, они скорее считали нас глупцами. Без этого музейного оружия мы были бы уже мертвы. А кстати, почему в музеях хранится готовое к действию оружие?

— Вы не поняли цели музея, Хорст. Он служит для подъема в следующем Цикле. Дикари, собравшись вместе, положат начало новой цивилизации. Чем скорее они смогут сделать это, тем больше времени пройдет, пока наступит очередной коллапс, потому что способности их будут расти быстрее, чем численность. Понимаете? Дикари получат для выбора большинство достижений предыдущих цивилизаций, и это оружие можно будет снова пустить в дело. Вы справились с замком?

— Нет.

— Это сделал я, — сказал Поттер. — Для этого необходимы знания астрономии. Полагаю, это удержит дикарей от получения вещей, пока они не будут к этому готовы.

— Верно. — Коричневый что-то прощебетал и передал большую тупоносую ракету. — Она исправлена. Теперь это безопасно. Что вы собираетесь делать с ней, Хорст?

— Подберите мне еще несколько штук. Поттер, а вы возьмите этот рентгеновский лазер. Как близко мы сейчас от поверхности?

— Э... гм... — Птичий пересвист. — Конечная станция всего в одном лестничном марше от поверхности. Почва в этом районе довольно ровная... Я бы сказала, что мы в тридцати метрах под землей.

— А далеко ли до других транспортных средств?

— Час ходьбы до... — Птичий пересвист. — Хорст, вы хотите повредить туннель? Вы знаете, сколько времени он используется?

— Нет. — Хорст перебрался через борт машины, прошел метров двадцать в том направлении, откуда они приехали, затем удвоил это расстояние. В оружии еще могли таиться мины-ловушки.

Прямо перед ним тянулся бесконечный туннель. Вероятно, его подправляли лазером, который проходил сквозь все, как нож сквозь масло. Голос мошкиты Уитбрида догнал его.

— Одиннадцать тысяч лет!

Стейли выстрелил.

Снаряд коснулся потолка туннеля далеко впереди, и Хорст согнулся в три погибели, чтобы устоять перед воздушной волной. Когда он выпрямился, то увидел впереди груду земли.

Он выбрал другой снаряд и выстрелил еще раз.

На этот раз вдалеке сверкнул красноватый дневной свет, и Стейли пошел туда, чтобы взглянуть на разрушения. Да, они смогут выбраться по этому откосу.

Одиннадцать тысяч лет...

36. Рассудительность

— Отправьте машину без нас, — сказал Хорст. Мошкита Уитбрида защебетала, и Коричневый вскрыл пульт управления. Работа шла с головокружительной быстротой. Уитбрид вспомнил о шахтере с астероида, которая жила и умерла целую вечность назад, когда «Макартур» был домом, а мошкиты — дружелюбными и совершенно неизвестными.

Наконец Коричневый перебрался через борт. Машина секунду постояла и стала набирать скорость. Путники повернулись к уклону, сделанному Хорстом, и молча начали подъем.

Когда они выбрались наверх, весь мир был в красных тонах. Бесконечные ряды растений складывали свои листья в ожидании ночи. Вокруг отверстия в земле растения пьяно клонились в разные стороны.

И среди них что-то двигалось. Три ружья поднялись вверх. Существо направилось к ним и... Стейли сказал:

— Спокойно. Это Фермер.

Мошкита Уитбрида вылезла наружу сразу за гардемаринами и всеми руками стряхнула грязь со своего меха.

— Здесь их должно быть больше. Они могут даже попытаться заровнять дыру. Фермеры не слишком сообразительны, да им это и не нужно. Что сейчас, Хорст?

— Мы будем идти, пока сможем. Если вы увидите самолеты... гм-м...

— Инфракрасные детекторы, — сказала мошкита.

— У вас есть тракторы на этих полях? — спросил Стейли. — Можем мы захватить один?

— Сейчас они должны быть в сарае. Обычно они не работают в темноте... хотя Фермеры могут пригнать один, чтобы заровнять эту дыру.

Стейли на мгновение задумался.

— Значит, это отпадает. Слишком заметно. Будем надеяться, что на инфракрасных экранах мы выглядим, как Фермеры.

Они двинулись, а позади них Фермеры начали выравнивать растения и разглаживать почву вокруг их корней. Они пересвистывались между собой, но мошкита Уитбрида не переводила. Стейли лениво размышлял, действительно ли Фермеры говорят что-то или же просто ругаются, но спрашивать об этом не стал.

Небо потемнело, и прямо над головой зажглась красная точка: Глаз Мурчисона. Впереди виднелось желтое зарево города... Птичий пересвист. Они шли молча, гардемарины отдельной группой с оружием наготове, а мошкиты следом, то и дело вращая торсами.

Наконец Стейли обратился к мошките:

— Я никак не пойму, что в этом есть для вас?

— Боль. Усилие. Унижение. Смерть.

— В том-то и дело. Я не пойму, почему вы пришли.

— Нет, Хорст, вы не можете понять, почему этого не сделала ваша финч'клик'.

Хорст взглянул на нее. Его действительно удивляло *это*. Что делала его двойник, пока демоны охотились за ее финч'клик' по всему свету? Эта мысль причиняла тупую боль...

— Мы обе обязаны повиноваться, Хорст, ваша финч'клик' и я. Но долг вашей финч'клик' принадлежит, если так можно выразиться, ее старшему офицеру. Гэвин...

— Да?

— Я пыталась убедить вашу финч'клик' идти с нами, но она одержима идеей Безумного Эдди, что мы сможем покончить с Циклами, отправив излишек нашего населения к другим звездам. Что ж, по крайней мере, никто не будет помогать другим искать нас.

— А они могут это сделать?

— Хорст, ваша мошкита должна точно знать, где вы находитесь, и она будет это знать, когда найдет мертвых Воинов.

— В следующий раз нам лучше бросать монету перед тем, как сделать выбор. Этого она предсказать не сможет.

— Она не будет помогать. Никто и не надеется, что Посредник будет помогать в охоте на своего финч'клик'.

— Но разве вы не должны повиноваться приказам своего Мастера? — спросил Стейли.

Мошкита резко повернула свое тело. Это был жест, которого они прежде не видели, он явно не был скопирован у кого-либо из людей.

— Посредники были выведены, чтобы прекратить войны, — сказала она. — Мы представляем Принимающих решения. Мы говорим за них. Но, выполняя свою работу, мы имеем *сколько-то* не зависящей ни от кого рассудительности. Генетические эксперименты привели к установлению равновесия. Если независимости будет слишком много, мы не будем представлять Мастеров, как надо. Мы откажемся от них, и начнутся войны.

— Верно, — вмешался Поттер. — А слишком мало независимости заставит вас непреклонно следовать их желаниям, и войны все равно начнутся... — Некоторое время Поттер брел молча. — Но если покорность является особенностью вида, значит, вы просто не сможете помочь нам. Вы отдадите нас другому Мастеру, потому что у вас не будет выбора.

Стейли крепче сжал гранатомет.

— Это правда?

— Частично, — признала мошкита Уитбрида. — Не все так, как вы думаете, но действительно, проще выбрать из многих приказов, чем не выполнить вообще ни одного.

— И что же собирается сделать Король Петр? — требовательно спросил Стейли. — Что нас ждет впереди?

Чарли что-то чирикнула, и мошкита Уитбрида ответила. Разговор продолжался много секунд, очень долго для мошкитов. Солнечный свет погас, и Глаз Мурчисона засверкал в сто раз ярче, чем полная земная Луна. Других звезд в Угольном Мешке не было. Окружающие их поля растений стали темно-красными с резкими, бесконечно глубокими черными тенями.

— Честность, — сказала наконец Чарли. — Мой Мастер считает, что мы должны быть честны с вами. Лучше жить по древнему образу Циклов, чем выбрать всеобщее уничтожение и гибель наших потомков.

— Но... — Поттер смущенно замолчал. — Но почему невозможно колонизировать другие звезды? В галактике хватит места всем. Ведь вы не собираетесь атаковать Империю?

— Нет, нет, — запротестовала мошкита Уитбрида. — Мой Мастер только хочет купить землю под базы на мирах Империи, а затем совсем покинуть ее. Возможно, мы бы колонизировали миры вдоль границ Империи. Между нами могла бы начаться торговля. Не думаю, чтобы мы стали делить одни и те же планеты.

— Тогда почему... — спросил Поттер.

— Сомневаюсь, что вы могли бы построить так много космических кораблей, — вставил Уитбрид.

— Мы можем построить их на колонизированных мирах и послать обратно, — ответила мошкита. — Или нанять торговые корабли у людей типа Бери. Мы можем заплатить за них больше, чем кто-либо другой. Однако подумайте о том, что неизбежно. Колонии начнут отделяться, с них начнут стартовать корабли в поисках новых колоний. И на каждом мире, который мы заселим, возникнет демографическая проблема. Можете вы себе представить, на что это будет похоже через триста лет?

Уитбрид попытался. Корабли, похожие на летающие города, миллионы кораблей... И Сепаратистские войны, вроде той, что разрушила Первую Империю. Все больше и больше мошкитов...

— Сотни миров мошкитов, и каждый пытается перевезти свое растущее население на другие миры! Миллиарды Мастеров, сражающихся за территорию и безопасность! Придет время использовать ваш двигатель Безумного Эдди. Появится возможность и топливо, чтобы осмотреть каждую систему в поисках других точек Безумного Эдди. Вполне вероятно, что внешняя граница сферы Мошкитов окажется вообще недостижима, и мы направимся внутрь, в Империю Человека.

— Угу, — сказал Уитбрид. Остальные просто смотрели на мошкитов, затем повернулись и направились к городу. Стейли держал большой ракетомет в руке так, словно его вес доставлял ему удовольствие. Время от времени он поднимал руку к кобуре и касался рукояти собственного оружия.

— Принять такое решение будет легко, — сказала мошкита Уитбрида. — Этому поможет зависть.

— К нам? К таблеткам, контролирующим рождаемость?

— Да.

Стейли фыркнул.

— И даже не это будет концом. Возможно, образуется огромная сфера занятых мошкитами систем. Центральные звездные системы не будут даже иметь возможности добраться до края и будут сражаться между собой. Бесконечная война, бесконечное разрушение цивилизаций. Я подозреваю, что стандартным образом борьбы станет обрушение астероида во вражеское солнце и повторное заселение планет, когда пламя опадет. И сфера будет продолжать расширяться, оставляя все больше систем в центре.

— Я не уверен, — сказал Стейли, — что вы можете повредить Империи.

— С нашими темпами разведения Воинов? Впрочем, не важно. Возможно, вам удастся избавиться от нас. Возможно, вы оставите нескольких из нас для зоопарков, уверенные, что нас нечего опасаться, ведь в неволе можно контролировать нашу рождаемость. Меня это мало волнует. Есть немало шансов на то, что вы уже вызвали наш коллапс, направив большую часть наших способностей на строительство космических кораблей.

— Если вы не планируете войну с Империей, — сказал Стейли, — то почему трое из нас под угрозой смертного приговора?

— Четверо. Мой Мастер жаждет моей головы так же, как и ваших... а может, и нет. Вы будете нужны для анатомирования.

Никто не выказал удивления.

— Вы под угрозой смертного приговора потому, что сейчас у вас достаточно информации, работающей против нас. Большинство других Мастеров придерживаются мнения, что вас нужно убить. Они боятся, что, если вы сейчас ускользнете, ваше правительство будет рассматривать нас как расширяющуюся инфекцию, стремящуюся захватить Галактику и, возможно, вытеснить Империю.

— А Король Петр? Он не хочет нас убить? — спросил Стейли. — А почему?

Мошкиты снова защебетали, а потом мошкита Уитбрида сказала:

— Я хочу быть с вами откровенной. Он может решить убить вас. Но он хочет загнать джинна обратно в бутылку... Если есть какая-нибудь возможность для людей и мошкитов вернуться к состоянию, которое было, пока вы не нашли наш зонд Безумного Эдди, он будет пытаться добиться этого. Циклы лучше, чем... целая Галактика Циклов!

— А вы? — спросил Уитбрид. — Как смотрите на ситуацию вы?

— Так же, как и вы, — осторожно сказала мошкита. — Я сужу свой вид беспристрастно. Я не предатель. — В чужом голосе появились оправдывающиеся нотки. — Я полагаю, что общение наших видов приведет лишь к взаимной ненависти: у нас — к вашим таблеткам, контролирующим рождаемость, у вас — к нашей более высокой интеллигенции. Вы что-то сказали?

— Нет.

— Я полагаю, что расселение моего вида по космосу повлечет за собой ненужный риск и вовсе не покончит с циклами. Это может сделать только каждый коллапс еще более ужасным. Мы будем размножаться быстрее, чем распространяться, пока разрушение не охватит сотни планет одну за другой...

— Но, — сказал Поттер, — вы пришли к этому беспристрастному суждению, усвоив нашу точку зрения... точнее, точку зрения Уитбрида. Вы действуете настолько похоже на Джонатона, что ос-

тальным из нас по-прежнему приходится считать ваши руки. А что произойдет, когда вы отбросите точку зрения людей? Может, эта ваша рассудительность... Ой!

Левая рука чужака вцепилась в форму Поттера и потянула вниз, пока его нос не оказался в дюйме от лица мошкиты.

— Никогда не говорите этого, — сказала она. — Никогда не думайте такого. Выживание нашей цивилизации, любой цивилизации всецело зависит от правосудия моего класса. Мы понимаем все точки зрения и улаживаем их между собой. Если другие Посредники пришли к выводам, отличающимся от моих, это их дело. Возможно, что их факты неполны или их цели иные. Я сужу по доказательствам.

Она наконец отпустила его, и Поттер отшатнулся назад. Пальцами правой руки мошкита отвела ствол оружия Стейли от своего уха.

— В этом не было необходимости, — сказал Поттер.

— Но это привлекло ваше внимание, верно? Идемте, мы теряем время.

— Минутку. — Стейли говорил негромко, но все услышали его в ночной тишине. — Мы идем, чтобы найти этого Короля Петра, который позволит или не позволит нам связаться с «Лениным». И это плохо. Мы должны передать капитану то, что узнали.

— А как вы хотите сделать это? — спросила мошкита Уитбрида. — Я сказала, что мы не будем помогать вам, а без нашей помощи вам не обойтись. Надеюсь, вы не задумали глупости вроде угрозы нам смертью? Если бы это меня пугало, разве была бы я здесь?

— Но...

— Хорст, вбейте себе в голову, что единственная причина, по которой «Ленин» еще цел, заключается в том, что мой Мастер и Король Петр согласились оставить его целым! Мой Мастер хочет, чтобы «Ленин» вернулся обратно с доктором Хорватом и мистером Бери на борту. Если мы правильно поняли вас, они будут весьма убедительны. Они будут ратовать за свободную торговлю и мирное сосуществование с нами...

— Да, — задумчиво сказал Поттер. — И без нашего сообщения там будет оппозиция... А почему Король Петр сам не вызовет «Ленин»?

Чарли и мошкита Уитбрида защебетали, и Чарли ответила:

— Он не уверен, что Империя не решит уничтожить мир мошкитов, как только узнает правду. И пока он не убедится...

— О Боже, как он может убедиться в чем-то подобном после разговора с нами? — воскликнул Стейли. — Я сам в этом не уверен. Если бы его величество прямо сейчас спросил бы меня, я не знал бы, что ему посоветовать... Ради всего святого, ведь мы просто три гардемарина с одного линейного крейсера. Мы не можем говорить за Империю.

— А можем ли мы сделать это? — спросил Уитбрид. — Я всерьез сомневаюсь, что Империя сможет уничтожить вас...

— О Боже, Уитбрид, — запротестовал Стейли.

— Я говорю серьезно. К тому времени, когда «Ленин» вернется назад и доложит на Спарту, у вас будет Поле. Верно?

Обе мошкиты пожали плечами. Жест очень походил на пожатие плечами Уитбрида.

— Сейчас, зная о его существовании, Инженеры будут работать над ним, — сказала мошкита Уитбрида. — Но даже без этого мы получили кое-какой опыт ведения войны в космосе. А теперь идемте. О зубы Господа, вы даже не представляете, насколько мы близки к войне! Если мой Мастер решит, что вы передали все это на «Ленин», она прикажет атаковать корабль. Если Короля Петра не убедить, что имеется способ, чтобы вы покинули нас живыми, он тоже скорее всего прикажет это.

— А если мы не поторопимся, адмирал может уже увести «Ленин» домой, к Новой Каледонии, — добавил Поттер. — Мистер Стейли, у нас вообще нет выбора. Мы должны найти Мастера Чарли прежде, чем другие Мастера найдут нас.

— Джонатон? — спросил Стейли.

— Вы хотите совет, сэр? — неодобрительно закудахтала мошкита Уитбрида.

Джонатон Уитбрид раздраженно взглянул на нее, затем усмехнулся.

— Да, сэр, я согласен с Гэвином. Что еще мы можем сделать? Мы не можем сражаться со всей этой проклятой Богом планетой, так же как не можем сделать экранированный передатчик из того, что находится вокруг нас.

Стейли опустил оружие.

— Верно. Тогда вперед. — Он оглядел свой маленький отряд. — Нам выпала незавидная судьба быть послами человеческой расы.

И они двинулись через темнеющие поля к ярко освещенному городу.

37. Урок истории

Вокруг города, название которого напоминало птичий пересвист, тянулась стена высотой в три метра, сделанная из камня или твердого пластика: структуру было трудно разглядеть в красном свете Глаза Мурчисона. За ней виднелись большие продолговатые здания с желтыми окнами.

— Ворота должны охраняться, — сказала мошкита Уитбрида.

— Наверняка, — буркнул Стейли. — Хранитель тоже живет здесь?

— Да. На конечной станции подземки. Хранители не дают свои земли под фермерские работы. Искушение использовать этот вид самообеспечения может быть слишком велико даже для стерильных мужчин.

— Но как вы становитесь Хранителями? — спросил Уитбрид. — Вы постоянно говорите о соревновании между Мастерами, но как они соревнуются?

— О глаза Господа, Уитбрид! — взорвался Стейли. — Подумайте лучше, что нам делать с этой стеной.

— Мы пройдем сквозь нее, — сказала мошкита Уитбрида, обменявшись несколькими птичьими трелями с Чарли. — Но поднимется тревога, и сюда прибудут Воины охраны.

— А почему бы нам не перелезть через нее?

— При этом мы попадем под лучи рентгеновского лазера, Хорст.

— О зубы Господа! Чего они так боятся?

— Продовольственных бунтов.

— Тогда мы пройдем через нее. Есть какое-нибудь место, где это сделать лучше всего?

Мошкита пожала плечами жестом Уитбрида.

— Может, в полукилометре отсюда. Там проходит скоростная дорога.

Отряд двинулся вдоль стены.

— И все-таки как они соревнуются? — снова спросил Уитбрид. — Все равно нам не о чем больше говорить.

Стейли что-то буркнул, но подошел поближе, чтобы послушать.

— А как соревнуетесь *вы?* — спросила мошкита Уитбрида. — Все определяет эффективность. Вы знаете, у нас есть коммерция. Мистер Бери был бы удивлен, узнав, насколько проницательны некоторые наши торговцы. Частично Мастера покупают себе обязанности, чтобы показать, что они могут руководить работой. Они привлекают к сотрудничеству других могущественных Отдающих приказы, а Посредники улаживают это. Заключенные контракты публикуются в печати. Как вы видите, некоторые Отдающие приказы работают на других, но никогда непосредственно. Они получают работу, о которой должны заботиться, и консультируются с Мастерами относительно политики, которой нужно придерживаться. Авторитет Мастера растет, если другие Отдающие приказы начинают спрашивать у него совета. И конечно, им помогают дочери.

— Это звучит достаточно сложно, — сказал Поттер. — Думаю, в земной истории не было ничего похожего.

— Это и есть сложно, — сказала мошкита Уитбрида. — Разве это может быть каким-то другим? Как может Принимающий решение зависеть от кого-либо? Именно этот вопрос свел с ума

финч'клик' капитана Блейна. Ваш капитан — Абсолютный Мастер на своем корабле, но стоит кому-то там с «Ленина» только квакнуть, и капитан Блейн начинает прыгать по мостику.

— Вы действительно говорили о капитане таким образом? — спросил Стейли Уитбрида.

— Я отказываюсь отвечать на основании того, что это приведет меня в преобразователь массы в энергию, — сказал Уитбрид. — Кроме того, мы уже дошли до изгиба стены.

— Мы на месте, мистер Стейли, — сказала мошкита Уитбрида. — Дорога проходит по ту сторону стены.

— Отойдите назад.

Хорст поднял ракетомет и выстрелил. После второго разрыва через пролом стал виден свет. По верху стены вспыхнули огни, и в полях тоже что-то зажглось, осветив растения, росшие у стены.

— О'кей, идемте быстрее, — приказал Стейли.

Они прошли через пролом и оказались на шоссе. Машины и грузовики со свистом проносились мимо скорчившихся у стены людей. Трое мошкитов смело вышли на дорогу.

Уитбрид вскрикнул и попытался схватить свою финч'клик'. Она нетерпеливо отмахнулась от него и зашагала через улицу. Машины проносились почти впритирку, ловко объезжая мошкитов и при этом даже не притормаживая.

Оказавшись на другой стороне, Коричнево-белые замахали левыми руками, вне всякого сомнения, показывая: *живее!*

Сквозь дыру в стене ударил луч света. Кто-то был там, на полях, откуда они только что пришли. Стейли махнул остальным, чтобы они шли через улицу, и выстрелил в пролом. Ракеты взорвались метрах в ста от стены, и свет погас.

Уитбрид и Поттер шли через шоссе. Стейли зарядил в ракетомет последний снаряд, но стрелять не стал. За стеной движения больше не было. Он шагнул на дорогу и пошел через нее. Ему очень хотелось побежать, но он заставил себя идти медленно, с постоянной скоростью. Мимо, как ураган, пронесся грузовик. Потом еще один. Кажется, прошла вечность, прежде чем он оказался на другой стороне. Живой.

Никаких тротуаров не было. Они по-прежнему находились на мостовой, прижимаясь к серой, похожей на бетонную, стене.

Мошкита Уитбрида вышла вперед и сделала странный жест всеми тремя руками. Длинный прямоугольный грузовик, скрипя тормозами, остановился. Она что-то прощебетала водителям, и Коричневые немедленно вылезли, подошли к заднему борту и принялись вынимать из грузового отсека ящики. Вокруг, нисколько не замедлившись, продолжалось обычное движение.

— Это необходимо сделать, — сказала мошкита Уитбрида. — Воины придут осмотреть дыру в стене...

Люди быстро взобрались внутрь. Коричневый, который терпеливо следовал за ними от самого музея, вскарабкался на правое водительское кресло. Мошкита Уитбрида хотела было занять правое место, но Чарли что-то прощебетала ей. Некоторое время они переговаривались, причем Чарли неистово жестикулировала. Наконец мошкита Уитбрида забралась в грузовой отсек и закрыла дверь. Когда она делала это, люди увидели настоящих водителей, которые медленно шли по улице, удаляясь от грузовика.

— Куда они идут? — спросил Уитбрид.

— Лучше скажите, о чем был спор? — потребовал Стейли.

— По очереди, джентльмены, — начала было мошкита Уитбрида, но тут грузовик тронулся. Его сильно трясло, а от моторов и колес шло сильное непрерывное гудение, заглушавшее звуки других машин.

Уитбрид был зажат между жесткими пластмассовыми ящиками, в пространстве, не превышающем своими размерами гроб. У других места было не больше, и Уитбриду стало интересно, придут ли они к той же аналогии. Его нос был всего в нескольких сантиметрах от крыши.

— Коричневые придут в транспортный парк и доложат, что их машину потребовал Посредник, — сказала мошкита Уитбрида. — А спор был о том, кто останется в кабине с Коричневым. Я проспорила.

— А почему возник такой спор? — спросил Стейли. — Вы не доверяете друг другу?

— Я верю Чарли, а она действительно не верит мне... Да и как может быть иначе? Ведь я ушла от своего Мастера. По ее понятиям я — Безумный Эдди, и лучше делать все самой.

— Но куда мы едем? — спросил Стейли.

— На территорию Короля Петра. Кратчайшим путем.

— Мы не можем долго оставаться в этой машине, — сказал Стейли. — Как только Коричневые доложат, ее начнут искать... у вас же должна быть полиция. Есть разные способы обнаружить угнанный грузовик. Вы совершили преступление, верно?

— Не в том смысле, как представляете это вы. Фактически здесь нет никаких законов, но есть Отдающие приказы, правосудие которых требует возвращения пропавшей собственности. Они будут искать грузовик за вознаграждение. Это даст моему Мастеру время для переговоров с ними. Прежде всего она должна показать, что я сошла с ума.

— Полагаю, здесь нет космопорта? — спросил Уитбрид.

— Все равно мы не сможем им воспользоваться, — мрачно заметил Стейли.

Некоторое время они слушали шум уличного движения, потом Поттер сказал:

— Я тоже думал об этом. Космический корабль слишком бросается в глаза. Если послание может вызвать атаку на «Ленин», нам самим, конечно, не позволят вернуться.

— Как же мы тогда попадем домой? — громко сказал Уитбрид. Он просто не мог не спросить этого.

— Это старая история, — печально ответил Поттер. — Мы узнали слишком много, и это более важно, чем наши жизни, верно, мистер Стейли?

— Да.

— Вы ничего не узнали, когда сдались, не так ли? — спросил из темноты голос Уитбрида, и прошло несколько минут, прежде чем они поняли, что это говорит чужак. — Король Петр может сохранить вам жизнь. Он может позволить вам вернуться на «Ленин». Если убедить его, что так будет лучше, он может согласиться с этим. Но у вас нет никакой возможности послать сообщение линкору без нашей помощи.

— Вы были искренни с нами, — сказал Стейли. — По крайней мере, так считаю я — поэтому я буду искренен с вами: если есть возможность отправить это послание, я постараюсь сделать это.

— А после этого — да сбудется Господня воля, — добавил Поттер.

И вновь они прислушались к шуму уличного движения.

— У вас не будет ни одного шанса, Хорст, — сказал голос Уитбрида. — Нет никакой угрозы, под страхом которой я или Чарли заставили бы Коричневого сделать оборудование, нужное вам. Вы не сможете использовать наши передатчики, даже если найдете один... Даже я не могу воспользоваться странными механизмами без помощи Коричневых. Главное же препятствие в том, что в данный момент может просто не существовать нужного устройства.

— Перестаньте, — сказал Стейли. — У вас есть космические передатчики, а в электромагнитном спектре одни и те же частоты.

— Верно. Но у нас ничто не стоит без дела. Если нам что-то нужно, Коричневые собирают это, а когда потребность исчезает, они делают что-то другое из тех же частей. А вам нужно нечто такое, чтобы связаться с «Лениным» и чтобы никто не знал, что вы сделали это.

— Думаю, мы получим такую возможность. Если мы передадим предупреждение адмиралу, он уведет корабль домой, — уверенно сказал Хорст. «Ленин» — это всего один корабль, но когда-то линкоры президентского класса побеждали целые флоты. Против мошкитов, не имеющих Поля, он будет непобедим. И почему он не подумал об этом раньше? Может, вернуться в музей, где есть части электронных схем, и все вместе они могли бы собрать какой-нибудь передатчик? Нет, сейчас слишком поздно. И почему только он послушался мошкитов?

Они ехали почти час, стиснутые со всех сторон ящиками, в полной темноте. Стейли чувствовал, что в горле у него пересохло, и старался больше не говорить. Голос мог выдать остальным его страх, а он не хотел, чтобы они знали, что он боится, как и они. Ему хотелось, чтобы что-то происходило: сражение, погоня, что угодно...

Внезапно машина резко дернулась и, вся дрожа, остановилась. Они ждали. Наконец скользящая дверь открылась, и появилась Чарли, освещенная ярким светом.

— Не двигайтесь, — сказала она. За ее спиной стояли Воины с оружием наготове. Их было четверо.

Хорст Стейли зарычал от ненависти. Предали! Он потянулся за пистолетом, но стиснутое положение помешало ему достать его.

— Не надо, Хорст! — воскликнула мошкита Уитбрида, потом что-то прощебетала. Чарли загудела в ответ. — Ничего не делайте, — сказала мошкита Уитбрида. — Чарли получила самолет. Эти Воины принадлежат ее Мастеру и не будут вмешиваться, если отсюда мы пойдем прямо к самолету.

— Но кто они такие? — требовательно спросил Стейли, не снимая руки с пистолета. Шансы были слишком неравны — Воины были начеку и выглядели достаточно убедительно.

— Я объясню вам, — сказала мошкита Уитбрида. — Это телохранители. Они есть у всех Мастеров, точнее, почти у всех. А сейчас выходите не спеша и держите руки подальше от оружия. Не делайте ничего, что они могут истолковать как попытку атаковать их Мастера. Если они решат так, мы погибли.

Стейли прикинул свои шансы — ничего хорошего. Если бы вместо Уитбрида и Поттера здесь был Келли и еще кто-нибудь из космодесанта...

— Ну хорошо, — сказал он. — Делаем так, как она говорит. — И он медленно вылез из фургона.

Они находились в багажном отделении. Воины стояли в спокойных позах, слегка наклонившись вперед на широко расставленных шипастых ногах. «Это похоже, — подумал Стейли, — на стойку карате». Краем глаза он уловил какое-то движение у стены — там, в укрытии, ждали по меньшей мере в два раза больше Воинов. Хорошо, что он не попытался прорваться...

Воины внимательно следили за ними, следуя за странной процессией из Посредников, троих людей и Коричневого. Оружие они держали наготове, правда, ни на кого не направляя, и старались не собираться тесной группой.

— Скажет ли этот Принимающий решения вашему Мастеру, когда мы улетим? — спросил Поттер.

Мошкиты обменялись несколькими фразами. Воины, казалось, не обращали на них внимания.

— Чарли говорит, что да. Она известит и моего Мастера, и Короля Петра. Но мы же получаем самолет, верно?

Личный самолет Принимающего решения был обтекаемой формы, клином, управляемым несколькими Коричневыми. Чарли просвистела им, и они принялись убирать сиденья, работая с молниеносной быстротой. Несколько малышей промчались через самолет. Заметив их, Стейли выругался, но тихо, надеясь, что мошкиты не знают почему. Они стояли, ожидая, у самолета, и Воины все это время следили за ними.

— Это выглядит почти невероятно, — сказал Уитбрид. — Он знает, что мы беглецы?

Мошкита Уитбрида кивнула.

— Но не от нас. Он просто разрешил воспользоваться багажной секцией аэропорта (*птичий пересвист*). Он не собирается присваивать прерогатив моего Мастера. Он также поговорил с управляющим аэропортом (*птичий пересвист*), и оба они согласились, что не хотят, чтобы мой Мастер и Король Петр сражались здесь. Поэтому лучше поскорее отправить нас отсюда.

— Вы самые странные существа, каких я когда-либо видел, — сказал Поттер. — Не пойму, почему такая анархия не кончается... — Он смущенно замолчал.

— Вы правы в нашей оценке, — сказала мошкита Уитбрида. — Однако промышленный феодализм работает лучше чего-либо другого.

Наконец Коричневые позвали их. Когда они вошли в самолет, на корме с правого борта имелась одна кушетка, приспособленная для мошкитов. Коричневый Чарли направился к ней. Впереди было два сиденья для людей, затем по одному для человека и мошкита. Чарли и второй Коричневый прошли через грузовой отсек в кабину пилотов. Поттер и Стейли, не сговариваясь, предоставили Уитбриду и его мошките возможность сесть рядом. Это напомнило гардемарину более приятное путешествие, совершенное не так давно.

Самолет выпустил в стороны невероятно большие крылья и медленно взлетел вертикально вверх. Город под ними уходил вниз, одновременно выгибаясь квадратными километрами огней к горизонту. Долгое время они летели над этими бесконечными огнями к темному пространству фермерских земель, видневшихся далеко впереди. Стейли выглянул в иллюминатор и решил, что видит слева границу города — за ней не было ничего, кроме равномерной темноты. Наверняка фермерские земли.

— Вы сказали, что у каждого Мастера есть Воины, — произнес Уитбрид. — Почему мы не видели никого из них прежде?

— В Городе Замка нет ни одного Воина, — с явной гордостью ответила мошкита.

— Вообще ни одного?

— Да. В любом другом месте любой владелец территории или крупный управляющий появляется вместе со своими телохранителями. Даже несовершеннолетние Принимающие решения охраняются отрядами своих матерей. Однако Воины слишком бросаются в глаза, поэтому мой Мастер и Принимающие решения, интересующиеся вами, выдвинули идею Безумного Эдди и заставили всех прочих жителей Города Замка согласиться с тем, что Воинов нужно убрать, чтобы вы не узнали, насколько мы склонны воевать.

Уитбрид рассмеялся.

— Я сейчас подумал о докторе Хорвате, — сказал он.

Мошкита хихикнула.

— У него была та же мысль, верно? Спрятать ваши несколько малых войн от миролюбивых мошкитов. Они могут их шокировать. Я говорила вам, что зонд Безумного Эдди привел к началу войны?

— Нет. Вы не говорили нам ни об одной из своих войн...

— Эта была худшая из всех. Вы сами можете назвать возникшую проблему. Кто должен стать ответственным за пусковые лазеры? Любой Мастер или коалиция их вполне могли использовать лазеры, чтобы захватить для своего клана территорию побольше. Если бы монтаж вели Посредники, кто-то из Принимающих решения забрал бы у них готовое устройство.

— И вы бы отдали его первому Мастеру, который потребовал это? — недоверчиво спросил Уитбрид.

— О Боже, Джонатон, конечно, нет! Да он бы и не стал требовать. Однако Посредники слабы в тактике. Мы не можем руководить батальонами Воинов.

— Но вы управляете планетой...

— Для Мастеров. Да, мы делаем это. Если Мастера встречаются для переговоров сами, это *всегда* кончается войной. Всегда. В конце концов получилось так, что коалиция Белых получила управление лазерами, а их детей взяли заложниками на Мошку-1. Все они были довольно старыми и имели необходимое число детей. Посредники обманули их относительно того, как долго необходимо разгонять зонд Безумного Эдди. Мастера считали, что Посредники уничтожили лазеры на пять лет раньше, чем это следовало сделать. Умно, верно? И все-таки...

— Что «все-таки»?

— Коалиция ухитрилась спасти пару лазеров. Они допустили к ним Коричневых, и те все сделали. Поттер, вы ведь из системы, на которую был нацелен зонд, верно? У ваших предков должны быть записи, показывающие, насколько мощными были эти лазеры.

— Они смогли затмить Глаз Мурчисона. После этого даже возникла новая религия. У нас были свои собственные войны, поэтому...

— Они оказались достаточно мощными и для того, чтобы прикончить цивилизацию. Из-за них коллапс произошел раньше време-

ни, и все мы погрузились в пучину варварства. Посредники должны были с самого начала предвидеть такой оборот.

— О зубы Господа, — буркнул Уитбрид. — Вы всегда действуете таким образом?

— Каким образом, Джонатон?

— В любую секунду ожидая падения всего? Учитывая этот факт?

— Так поступают разумные народы. Все, кроме Безумных Эдди. Полагаю, классическим случаем синдрома Безумного Эдди была та машина времени. Вы видели ее в одной из скульптур...

— Верно.

— Некий специалист по истории решил, что поворотный пункт истории имел место двести лет назад. Если бы он сумел вмешаться в этот момент, вся история мошкитов после этого времени была бы мирной и идиллической. Можете вы поверить в это? А он мог и попробовал доказать свою правоту. У него были данные: старые меморандумы, секретные договоры...

— Что это было за событие?

— Тогда жил некий... император — очень могущественный Мастер. Все ее родственники были убиты, и она унаследовала права на огромную территорию. Ее мать уговорила докторов и Посредников создать гормон, который действовал подобно вашим таблеткам, контролирующим рождаемость. Несколько уколов, и она превращалась в мужчину. Стерильного мужчину. Когда ее мать умерла, Посредники, имевшие эти гормоны, ввели их императору.

— Так, значит, у вас были способы контролировать рождаемость? — сказал Уитбрид. — Вы могли использовать их для ограничения населения...

— Это была мысль Безумного Эдди. Да, они использовали эти гормоны в течение трех поколений. И это стабилизировало численность населения. Однако там было не так уж много Мастеров, и все миролюбивые. Тем временем на других континентах произошел демографический взрыв, другие Мастера объединились и вторглись на территорию императора. Они имели множество Воинов... и множество Мастеров контролировали их. Империя пала. Так вот, наш строитель машины времени загорелся идеей сделать так, чтобы Империя контролировала всю Мошку-1. — Мошкита Уитбрида с отвращением фыркнула. — Это и не могло сработать. Как бы вы заставили Мастеров стать стерильными мужчинами? Конечно, однажды это все равно происходит, но кто захочет, чтобы это случилось до того, как он обзаведется детьми? Это был единственный раз, когда гормоны были пущены в дело.

— О!

— Да. Даже если бы император завоевал всю Мошку и стабилизировал ее население, планета подверглась бы атаке с астероидов.

— Но *человек* — это же *начало* всего! — воскликнул Уитбрид. — Должен же быть способ...

— Я не человек, и такого способа нет. И это вторая причина, по которой я не хочу контакта между нашими расами. Вы все — Безумные Эдди. Вы думаете, что у каждой проблемы есть решение.

— У всех человеческих проблем есть по меньшей мере одно решение — в окончательной инстанции, — мягко сказал Гэвин Поттер с сиденья впереди.

— У человеческих — возможно, — сказала мошкита. — Но есть ли души у мошкитов?

— Это не по моей части, — ответил Поттер, устраиваясь на сиденье поудобнее. — Я не представитель Бога.

— Ваш священник тоже не ответил. Как вы можете надеяться получить ответ на этот вопрос? Для этого необходимо Божественное вдохновение, а я сомневаюсь, что оно снизойдет на вас.

— Значит ли это, что у вас вообще нет религии? — недоверчиво спросил Гэвин.

— У нас их тысячи, Гэвин. Коричневые и прочие полуразумные классы не очень изменяют свои, но каждая новая цивилизация Мастеров придумывает что-то новое. В основном это вариации переселения душ с упором на выживание через своих детей. Вы понимаете почему.

— Вы не упомянули Посредников, — сказал Уитбрид.

— Я же говорила... у нас нет детей. Впрочем, есть Посредники, принимающие идею переселения. Перевоплощение в Мастеров. Судя по тому, что я слышала о земных религиях, ближе всего к нашей буддизм. Я говорила об этом со священником Харди. По его словам, буддисты верят, что однажды смогут покинуть то, что они называют Колесом Жизни. Это звучит ужасно похоже на Циклы. Не знаю, Джонатон... Я пыталась думать о перевоплощении, но... никто ведь не знает, есть ли оно.

— А у вас есть что-нибудь, подобное христианству? — спросил Поттер.

— Нет. У нас есть разновидность Спаситель, которая заканчивает Циклы, но у нас есть *все*, что нам надо, Гэвин. Вряд ли мы поверим, что есть еще один Спаситель.

Под ними все так же тянулся бесконечный город. Постепенно Поттер откинулся на спинку своего сиденья и начал тихо посапывать. Уитбрид изумленно уставился на него.

— Вам тоже нужно поспать, — сказала мошкита. — Вы слишком долго бодрствовали.

— Я слишком напуган. Вы устали не меньше меня, и вам нужен сон.

— Это *я* слишком напугана.

— Брат, вот теперь я действительно испугался. — «Что это я назвал его братом? — подумал он. — Нет, я назвал братом *ее*. Ну и черт с ним». — В вашем музее искусства было больше, чем мы смогли понять, верно?

— Да. Там было такое, о чем мы не хотели говорить подробно. Например, избиение Докторов. Очень старое происшествие, сейчас почти легендарное. Некий император решил истребить всех Докторов на планете. — Мошкита потянулась. — Как это хорошо — говорить с вами, когда не нужно лгать. Мы не любим лгать, Джонатон.

— А зачем убили этих врачей?

— Чтобы остановить рост населения, идиот! Разумеется, это ничего не дало. Некоторые Мастера в большой тайне сохранили их, и после очередного коллапса они...

— ...стали стоить на вес иридия.

— Они действительно положили начало коммерции. Подобно крупному рогатому скоту на Тэйблтопе.

Город наконец кончился, и сейчас самолет летел над океаном темноты, освещенный красным светом Глаза Мурчисона. Красная звезда садилась, гибельно пылая над горизонтом, а на востоке поднимались другие звезды, видимые под чернильным краем Угольного Мешка.

— Если они собираются сбить нас, здесь самое место, — сказал Стейли. — Крушение в этих местах не привлечет ничьего внимания. Вы уверены, что знаете, куда мы направляемся?

Мошкита Уитбрида пожала плечами.

— В сферу влияния Короля Петра. Если сможем попасть туда. — Она посмотрела на Поттера. Гардемарин свернулся в своем кресле, его рот был слегка приоткрыт, и он тихонько посапывал. Освещение в самолете было тусклым, и все выглядело мирным, за исключением ракетомета, который Стейли сжимал между колен. — Вам тоже нужно немного поспать.

— Да. — Хорст откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Однако руки его не ослабили хватки.

— Он даже спящий настороже, — сказал Уитбрид. — Или по крайней мере пытается. Полагаю, Хорст так же испуган, как и мы.

— Не понимаю, как что-то подобное могло привести к хорошим результатам, — сказала мошкита. — В любом случае мы сейчас чертовски близки к падению всей цивилизации. Кстати, вы знаете, в зоопарке вы не видели двух экспонатов. Это пищевые животные. Разновидность мошкитов, почти без рук, неспособная защитить себя от нас, но достаточно хорошо выживающая. Когда-то давно, в постыдные времена, этих наших родственников разводили ради мяса...

— Мой Бог. — Уитбрид глубоко вздохнул. — Но сейчас вы не делаете ничего подобного?

— О нет.

— Тогда зачем разводить их?

— Это статистический вопрос, совпадение, которое вы можете счесть интересным. Нет на планете зоопарка, в котором не разводили бы Мясных, и стада их все растут...

— О зубы Господа! Вы не перестаете думать о следующем коллапсе?

— Да.

Глаз Мурчисона давно исчез. Сейчас восток был кроваво-красным от лучей рассвета, который до сих пор поражал Уитбрида. Красный рассвет был редок на обитаемых мирах.

Они пролетели над цепью островов. Впереди, где было еще темно, горели огни. Там раскинулся город, похожий на тысячу Спарт, соединенных край к краю, рассеченный кое-где полосками возделанной земли. На человеческих мирах они были бы парками, а здесь это были запретные территории, охраняемые демонами.

Уитбрид зевнул и посмотрел на чужака рядом с собой.

— Прошлой ночью я назвал вас братом.

— Я знаю. Вы имели в виду сестру. Пол важен и для нас тоже. Это вопрос жизни и смерти.

— Не уверен, что имел в виду именно это. Скорее я хотел сказать «друг», — с некоторой неловкостью объяснил Уитбрид.

— Финч'клик' — это более близкие отношения, но я рада быть вашим другом, — сказала мошкита. — У меня не было возможности узнать вас.

Молчание стало невыносимым.

— Пожалуй, я разбужу остальных, — сказал Уитбрид.

Самолет вдруг вздрогнул и повернул на север. Мошкита Уитбрида посмотрела на город внизу, потом выглянула с другого борта, чтобы убедиться в положении солнца, затем вновь перевела взгляд вниз. Через мгновение она встала, прошла вперед, в кабину пилотов, и защебетала. Чарли ответила, и теперь они защебетали вместе.

— Хорст, — сказал Уитбрид. — Мистер Стейли, проснитесь.

Хорст Стейли заставил себя проснуться. Он был по-прежнему напряжен, как статуя, ракетомет стоял между коленями, и руки крепко сжимали его.

— Да?

— Я не знаю, что происходит. Мы изменили курс, а сейчас... послушайте, — сказал Уитбрид.

Мошкиты все пересвистывались, и голоса их становились громче.

38. Окончательное решение

Мошкита Уитбрида вернулась на свое сиденье.

— Началось, — сказала она, и голос ее больше не был голосом Уитбрида. Сейчас это был голос чужака. — Война.

— Между кем? — спросил Стейли.

— Между моим Мастером и Королем Петром. Остальные еще не присоединились к ним, но сделают это...

— Война из-за нас? — недоверчиво спросил Уитбрид. Он едва не кричал. Трансформация финч'клик' слишком сильно подействовала на него.

— Из-за обладания вами, — уточнила мошкита. Она вздрогнула, расслабилась, и вдруг голос Уитбрида вновь заговорил с ними из полуулыбающихся губ чужака: — Пока все еще не так плохо. Пока это только Воины и набеги. Каждый хочет показать противнику, что он *может* делать, не разрушая при этом ничего действительно ценного. Другие Принимающие решения будут стремиться сохранить такое положение вещей. Им вовсе не хочется стать радиоактивными осадками.

— О зубы Господа, — сказал Уитбрид и сглотнул слюну. — Но... тогда нужно поворачивать обратно, брат...

— Что же теперь нам делать? — спросил Стейли. — Куда мы отправляемся сейчас?

— В нейтральное место — Замок.

— Замок? — воскликнул Хорст. — Но ведь это территория вашего Мастера! — Рука его вновь была очень близко от рукояти пистолета.

— Нет. Вы думаете, другие дадут моему Мастеру *такой* контроль над вами? Все Посредники, которых мы встречали, принадлежали к моему клану, но сам Замок принадлежит стерильному мужчине. Хранителю.

Стейли, похоже, не слишком поверил объяснению.

— И что мы будем делать, оказавшись там?

Мошкита пожала плечами.

— Ждать и смотреть, кто победит. Если победит Король Петр, он сделает так, чтобы отправить вас на «Ленин». Может быть, эта война убедит Империю, что лучше оставить нас в покое. Может, вы даже сможете помочь нам. — Мошкита с отвращением махнула рукой. — Помочь нам... Видимо, он тоже Безумный Эдди, и никогда не будет конца Циклам.

— Ждать? — буркнул Стейли. — Только не я, черт побери! Где этот ваш Мастер?

— *Нет!* — воскликнула мошкита. — Хорст, я не могу помочь вам ни в чем подобном. Кроме того, вам не пройти сквозь барьер Воинов. Они хороши в своем деле, Хорст, лучше ваших десантни-

ков. А кто вы такие? Трое младших офицеров с чертовски небольшим опытом и оружием, взятым из старого музея.

Стейли посмотрел вниз. Впереди виднелся Город Замка. Он видел Космопорт — одно из свободных от зданий мест, но серое, а не зеленое. За ним виднелся Замок — шпиль, окруженный балконом. Слишком маленький, он резко выделялся из промышленно-безобразного бесконечного городского ландшафта.

Там, в их багаже, должны быть передатчики. Когда Реннер и остальные уходили отсюда, навигатор оставил в Замке все, кроме своих записей. Он не сказал почему, но теперь они знали: он хотел, чтобы мошкиты думали, что он вернется.

Там должно быть достаточно частей, чтобы сделать сильный передатчик. Такой, чтобы можно было связаться с «Лениным».

— Можем мы приземлиться на улице? — спросил Стейли.

— На улице? — Мошкита удивленно заморгала. — А почему нет? Если Чарли согласится. Это ее самолет. — Мошкита Уитбрида защебетала, и из кабины пилотов раздалось ответное гудение и щелканье.

— Вы уверены, что Замок в безопасности? — спросил Стейли. — Уитбрид, вы верите мошкитам?

— Я верю этой мошките. Хотя, возможно, я несколько предвзят, Хор... мистер Стейли. У вас будет возможность определить это самому.

— Чарли говорит, что Замок пуст, а запрет на Воинов в Городе Замка еще сохраняется, — сказала мошкита Уитбрида. — Она также говорит, что Король Петр побеждает, но она слушает только сообщения его сил.

— Она будет садиться возле Замка? — спросил Стейли.

— А почему нет? Только сначала нужно пролететь над улицей, чтобы Коричневые взглянули вверх. — Мошкита снова защебетала.

Рокот мотора утих до шепота. Крылья вновь разошлись в стороны, и самолет рывком опустился ниже. Он пронесся мимо Замка, показав им его балкон. Под ними ездили машины, и Стейли увидел Белого, идущего по пешеходной дорожке из Замка. Мастер торопливо нырнул в здание.

— Демонов нет, — сказал Стейли. — Кто-нибудь еще видит Воинов?

— Нет.

— Нет.

— И у меня ни одного.

Самолет резко дернулся и снова упал ниже. Уитбрид широко раскрытыми глазами смотрел на прочные бетонные стены, проносившиеся мимо. Они высматривали Белых и Воинов, но никого не было.

Самолет снизил скорость и теперь был всего в двух метрах от земли. Они скользили к Замку, подобно чайке над волнами. Стейли

покрепче ухватился за иллюминатор и ждал. Машины разъезжались в стороны, чтобы избежать столкновения.

Они собираются ударить в Замок, вдруг понял он. Неужели Коричневый хочет протаранить его? В следующую секунду самолет содрогнулся от рывка приведенных в действие тормозов и реверсиров. Они были прямо под стеной Замка.

— Давайте поменяемся, Поттер, — сказал Стейли, забирая рентгеновский лазер. — А теперь выходим. — Однако дверь не подчинилась их усилиям, и пришлось звать мошкиту.

Она широко распахнула дверь. Между кончиками крыльев и стеной было пространство в два метра, и крылья каким-то образом складывались. Мошкита выскочила на улицу.

Люди рванулись за ней, и Уитбрид взял в левую руку свой магический меч. Дверь должна быть закрыта, но против *этого* ей не устоять.

Дверь была закрыта. Уитбрид поднял меч, чтобы рассечь ее, но мошкита знаком приказала ему отойти. Она изучила два диска, размещенных на двери, взялась за них правыми руками и, повернув, левой рукой дернула за рычаг. Дверь медленно открылась.

— Это значит, что людей здесь нет, — сказала она.

Холл был пуст.

— Есть тут что-нибудь, чтобы забаррикадировать эту проклятую дверь? — спросил Стейли. Голос его звучал глухо, потому что он видел — из комнаты убрали всю мебель. Не получив ответа, Стейли передал Поттеру рентгеновский лазер. — Оставайтесь здесь. Мошкиты скажут вам, если появятся враги. Идемте, Уитбрид. — Он повернулся и побежал по ступеням.

Уитбрид неохотно последовал за ним. Хорст поднимался стремительно и, когда они добрались до этажа, где находились их комнаты, Уитбрид совсем запыхался.

— Вы что-то имеете против лифтов? — спросил он. — Сэр?

Стейли не ответил. Дверь комнаты Реннера была открыта, и Хорст влетел туда.

— Проклятие!

— Что случилось? — тяжело дыша, спросил Уитбрид, входя следом.

Комната была пуста. Убрали даже кровати. Не было ни следа оборудования, оставленного здесь Реннером.

— Я надеялся найти здесь что-нибудь, чтобы связаться с «Лениным», — проворчал Стейли. — Помогите мне осмотреть все. Может, они где-то собрали все это.

Они осмотрели все, но не нашли ничего. На каждом этаже повторялось одно и то же: портьеры, кровати, мебель — все было убрано. Замок был пустой оболочкой. Они вернулись на лестницу ко входу.

— Мы одни? — спросил Гэвин Поттер.

— Да, — ответил Стейли. — И чертовски скоро начнем голодать, если не произойдет ничего похуже. Это место как будто разграблено.

Обе мошкиты пожали плечами.

— Меня это не удивляет, — сказала мошкита Уитбрида и обменялась несколькими птичьими трелями с Чарли. — Она тоже не знает, почему так. Это похоже на место, которое больше не будет использоваться...

— Что ж, они чертовски хорошо знают, где мы находимся, — проворчал Стейли. Он снял с пояса шлем и присоединил провода к своему передатчику. Затем надел шлем. — «Ленин», говорит Стейли. «Ленин», «Ленин», «Ленин», говорит гардемарин Стейли. Прием.

— Мистер Стейли, где вы, черт побери, находитесь? — спросил капитан Блейн.

— Капитан! Слава богу! Капитан, мы находимся... Подождите минутку, сэр. — Мошкиты переговаривались между собой, а потом мошкита Уитбрида что-то сказала ему, но Стейли не слушал ее. То, что он слышал, было явно мошкитой, говорящей голосом Уитбрида... — Сэр, откуда вы получали свой «Айриш Мист»? Прием.

— Стейли, перестаньте играть комедию и докладывайте! Прием.

— Простите, сэр, я действительно должен это знать. Вы поймете, почему я спрашиваю. Откуда вы получали ваш «Айриш Мист»? Прием.

— Стейли, мне надоели эти дурацкие шутки!

Хорст снял шлем.

— Это не капитан, — сказал он. — Это мошкита с голосом капитана. Одна из ваших? — спросил он у мошкиты Уитбрида.

— Вероятно. Это был глупый трюк. Ваша финч'клик' должна была знать, что это не пройдет. Это значит, что она не сотрудничает с моим Мастером.

— Мы не сможем защитить это место, — сказал Стейли, осматривая холл. Он имел площадь около трехсот квадратных метров, и на всем этом пространстве не было никакой мебели. Драпировки и картины, украшавшие стены, исчезли. — Вверх, — сказал Хорст. — Там у нас будет больше шансов. — Он повел их наверх, в жилую часть здания, и они заняли позицию в конце холла, откуда могли следить за лестницей и лифтом.

— И что теперь? — спросил Уитбрид.

— Теперь будем ждать, — в унисон сказали обе мошкиты.

Так прошел долгий час.

Звуки движений, доносящиеся с улицы, постепенно стихали. Потребовалось какое-то время, чтобы это стало очевидно. Снаружи ничто не двигалось.

— Нужно взглянуть, — сказал Стейли. Он вошел в комнату и осторожно выглянул в окно, стоя так, чтобы его не смогли заметить снаружи.

По улице внизу шли демоны. Они двигались вперед удивительно быстро, потом вдруг подняли свои ружья и выстрелили вдоль улицы. Хорст повернулся и увидел вторую группу Воинов, покидавшую укрытие, оставляя три трупа. Звуки боя доносились приглушенно через толстое стекло.

— Что это, Хорст? — окликнул Уитбрид. — Это звучит как выстрелы.

— Это и есть выстрелы. Сражаются две группы Воинов. Из-за нас?

— Несомненно, — ответила мошкита Уитбрида. — Вы понимаете, что это значит, не так ли? — Она говорила как-то уж очень смиренно. Когда никто не ответил, она продолжала: — Это значит, что ваши люди уже не вернутся сюда. Они покинули систему...

— Я не верю в это! — закричал Стейли. — Адмирал не оставит нас! Он перевернет всю эту чертову планету...

— Нет, этого он не сделает, Хорст, — сказал Уитбрид. — Вам известны его приказы.

Хорст покачал головой, но он знал, что Уитбрид прав.

— Мошкита Уитбрида! — позвал он. — Идите сюда и покажите мне, с какой стороны кто.

— Нет.

Хорст оглянулся.

— Что значит «нет»? Мне нужно знать, в кого стрелять!

— Я не хочу, чтобы стреляли в меня.

Мошкита Уитбрида была трусом!

— А разве в меня не будут стрелять? Просто не нужно высовываться.

— Хорст, если на глаза им покажетесь вы, — сказал голос Уитбрида, — Воины не будут стрелять. Никто не хочет, чтобы вы умерли сейчас. Вы заметили, что они не применяют артиллерии, верно? Но они будут стрелять в *меня*.

— Ну хорошо. Чарли! Идите сюда и...

— Я не сделаю этого.

Хорст даже не выругался. Не трусы, а просто Коричнево-белые. Придет ли его собственная мошкита?

Все Воины нашли себе укрытия: брошенные или припаркованные машины, дверные проемы, ниши вдоль стен одного из зданий. Они передвигались от укрытия к укрытию с молниеносной скоростью домашних мух. И все же то и дело один Воин стрелял, а другой падал мертвым. Особой стрельбы не было, и все-таки две трети Воинов в поле зрения были мертвы. Мошкита Уитбрида была права, говоря об их умении. Они были нечеловечески точны.

Почти под окном, из которого смотрел Хорст, лежал мертвый Воин, раскинув правые руки. Еще один дождался затишья, резко бросился к ближайшему укрытию — и тут мертвый ожил. Все происходило слишком быстро: двое Воинов столкнулись, как пара жужжащих пил, затем разлетелись в стороны, как сломанные куклы, еще дергая ногами и истекая кровью.

Что-то громыхнуло внизу, и раздался шум у основания лестницы. Потом по мраморным ступеням застучали копыта. Мошкиты защебетали, потом Чарли громко засвистела. Снизу пришел ответ, а затем голос Дэвида Харди заговорил на чистом английском:

— Немедленно сдавайтесь. С вами будут хорошо обращаться.

— Мы проиграли, — сказала Чарли.

— Это войска моего Мастера. Что вы делаете, Хорст?

Вместо ответа Стейли скорчился в углу, направив ствол рентгеновского лазера на лестницу и делая гардемаринам знаки спрятаться.

Коричнево-белый мошкит вышел из-за угла и стал в коридоре. У него был голос священника Харди, но ничего из его манер. Только чистый английский язык и резонирующий голос. Посредник был без оружия.

— Будьте же благоразумны. Ваш корабль ушел. Ваши офицеры поверили, что вы погибли. У нас нет причин причинять вам вред. Не дайте вашим друзьям никого убить, выходите и примите нашу дружбу.

— Убирайтесь к черту!

— Чего вы этим добьетесь? — спросил мошкит. — Мы только хотим, чтобы вы хорошо...

Снизу донеслись звуки стрельбы, и эхо прокатилось по пустым комнатам и коридорам Замка. Посредник с голосом Харди засвистел и защелкал, обращаясь к другим мошкитам.

— Что она говорит? — спросил Стейли. Он огляделся вокруг: мошкита Уитбрида скорчилась у стены. — О Боже, и что теперь?

— Оставьте ее в покое! — крикнул Уитбрид. Он покинул свое место, стал рядом с мошкитой и положил руку ей на плечо. — Что нам делать?

Звуки сражения все приближались, и внезапно в коридоре появились два Воина. Стейли прицелился и выстрелил, свалив одного из них. Он уже начал двигать луч к другому, но демон выстрелил, и Стейли отшвырнуло к дальней стене коридора. Новые демоны ворвались в коридор, и вспышки их выстрелов на секунду задержали Стейли на ногах. Затем его тело, растерзанное, как будто зубами дракона, упало и замерло.

Поттер выстрелил из ракетомета, и снаряд взорвался в конце коридора. Часть стен рухнула, усеяв пол обломками и полусожженными трупами Посредника и Воинов.

— Мне кажется, что, независимо от того, кто выиграет это сражение внизу, — медленно сказал Поттер, — мы слишком много знаем о Поле Лэнгстона, чтобы быть в безопасности. Как вы думаете, мистер Уитбрид? Вы теперь командир.

Джонатон молчал. Его мошкита не двигалась. Не двигалась...

Поттер вытащил пистолет и ждал. Из коридора доносились какие-то скребущиеся звуки. Шум сражения утих вдали.

— Ваш друг прав, брат, — сказала мошкита Уитбрида. Она взглянула на неподвижное тело финч'клик' Харди. — Он тоже был братом...

Поттер вдруг вскрикнул, и Уитбрид резко повернулся.

Выронив пистолет, Поттер недоверчиво смотрел на свою руку, разможженную от запястья до локтя. Потом взглянул на Уитбрида глазами, в которых только начала появляться боль, и сказал:

— Один из «мертвецов» бросил камень.

В холле появилась еще одна группа Воинов и другой Посредник. Они медленно приближались.

Уитбрид вытащил магический меч, который мог резать камень и металл. Подняв его вверх, он чиркнул лезвием по шее Поттера... Поттера, чья религия запрещала самоубийство. Впрочем, как и его собственная религия. Когда он поднес лезвие к своей шее, что-то вспыхнуло у него перед глазами, и на плечи его обрушился могучий удар. Джонатон Уитбрид упал и больше не двигался.

Поначалу они не трогали его, только сняли оружие у него с пояса. Они ждали Доктора, пока остальные сдерживали атакующие силы Короля Петра. Посредник быстро поговорила с Чарли и — поскольку не оставалось ничего, за что стоило бы сражаться — предложила ей коммуникатор. Мошкита Уитбрида осталась со своим финч'клик'.

Доктор осмотрела плечи Уитбрида. Хотя она никогда не анатомировала людей, она знала все, что знал любой мошкит о человеческой психологии, а руки ее были идеально приспособлены к использованию тысячецикловых инстинктов. Пальцы ее мягко касались раздробленных плечевых суставов, глаза замечали все, несмотря на хлещущую кровь. Руки коснулись позвоночника, этого удивительного органа, который она знала только по моделям.

Хрупкие шейные позвонки были разбиты.

— Очень сильные повреждения, — прогудела она ожидающему Посреднику. — Удар уничтожил спинную струну. Это существо мертво.

Доктор и двое Коричневых спешили изо всех сил, монтируя кровяной насос, чтобы спасти мозг, но все тщетно. Общение между Инженерами и Доктором было слишком медленным, тело было

слишком странным и слишком мало нужного оборудования оказалось под руками.

Они забрали тело и мошкиту Уитбрида в космопорт, контролируемый их Мастером. Теперь, когда война закончилась, Чарли должна была вернуться к Королю Петру. Требовалось вознаградить, кого следовало, заняться устранением последствий сражения и подумать об удовлетворении всех Мастеров, понесших ущерб. Когда люди прибудут в следующий раз, среди мошкитов должно быть единство.

Мастер так никогда и не узнала правды, так же, как даже не подозревали о ней ее белые дочери. Но среди других дочерей — коричнево-белых Посредников, которые служили ей, — шепотком передавали, что одна из их сестер совершила такое, чего никогда не делал ни один Посредник за все прошедшие циклы. Когда Воины устремились к этому странному существу, мошкита Уитбрида коснулась его, но не слабыми правыми руками, а мощной левой.

Она была наказана за непослушание и умерла в одиночестве. Ее сестры не ненавидели ее, просто не могли заставить себя заговорить с той, которая убила своего финч'клик'...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
РЕШЕНИЕ БЕЗУМНОГО ЭДДИ

39. Отступление

— Адмирал, со шлюпок докладывают, что никаких следов гардемаринов не обнаружено. — В голосе капитана Михайлова звучали нотки извинения: несколько офицеров хотели доложить Кутузову о неудаче. Сам адмирал бесстрастно сидел в своем командном кресле на мостике «Ленина». Подняв стакан с чаем, он сделал небольшой глоток и что-то проворчал, давая понять, что принял сообщение.

Затем Кутузов повернулся к остальным, располагавшимся вокруг него на своих местах. Род Блейн по-прежнему занимал кресло флаг-лейтенанта: он был старше по званию командора Бормана, а Кутузов был щепетилен в таких вопросах.

— Восемь ученых, — сказал Кутузов. — Восемь ученых, пятеро офицеров, четырнадцать членов экипажа и космодесантников. Все убиты мошкитами.

— Мошкиты! — Доктор Хорват повернул свое кресло к Кутузову. — Адмирал, почти все эти люди были на борту «Макартура», когда вы уничтожили его. Некоторые могли быть еще живы. Что же касается этих гардемаринов, которые были достаточно глупы, чтобы войти в атмосферу на спасательных шлюпках... — Его голос пре-

рвался, когда Род устремил на него взгляд своих мертвых глаз. — Простите, капитан. Я не хотел говорить так. Мне очень жаль, что так вышло. Мне тоже нравились эти ребята, но нельзя же обвинять мошкитов во всем, что случилось! Мошкиты пытались помочь нам и могли многое сделать для нас... Адмирал, когда мы сможем вернуться на посольский корабль?

Взрывной звук, изданный Кутузовым, должен был обозначать смех.

— Ха! Доктор, как только все шлюпки соберутся, мы отправляемся домой. Я полагал, что выразился достаточно ясно.

Министр по науке поджал губы.

— Я надеялся, что к вам вернется ваш здравый смысл. — Голос его был холоден и скорее походил на рычание. — Адмирал, вы разрушаете лучшие надежды, когда-либо имевшиеся у человечества. Технология, которую мы могли бы купить — которую они отдали бы нам! — на порядки превосходит все, чего мы могли бы достигнуть за века. Мошкиты понесли огромные расходы, принимая нас. Если бы вы не запретили нам рассказывать им о сбежавших малышах, я уверен, они помогли бы нам. Но вы хранили свои чертовы секреты, и из-за вашей глупой ксенофобии мы потеряли наблюдательный корабль и большинство своих приборов. Вы поступаете по отношению к ним враждебно, отправляясь домой, когда они планируют новые встречи... Мой Бог, да будь они воинственными, ничто не могло спровоцировать их больше, чем то, что мы делаем!

— Вы кончили? — презрительно спросил Кутузов.

— Пока кончил. Но мне будет что сказать, когда мы вернемся!

Кутузов коснулся кнопки на подлокотнике своего кресла.

— Капитан Михайлов, пожалуйста, подготовьте возвращение к входной точке Олдерсона. Ускорение полтора g, капитан.

— Слушаюсь, сэр.

— Все-таки вы решили совершить эту глупость, — сказал Хорват. — Блейн, не могли бы вы воздействовать на него?

— Я решил выполнить полученный приказ, доктор, — тяжело сказал Кутузов. Если угроза Хорвата и произвела на него впечатление, он не показал этого. Адмирал повернулся к Роду. — Капитан, я с радостью приму ваш совет, но не сделаю ничего, идущего вразрез с безопасностью этого корабля, и не позволю персоналу продолжать контакты с мошкитами. У вас есть какие-то предложения, капитан Блейн?

Род слушал разговор без особого интереса, его мысли путались. «Что я могу сделать?» — без конца спрашивал он себя. Больше его ничто не интересовало. Адмирал мог спрашивать его совета, но это была простая вежливость. Род больше не был командиром и не имел никаких обязанностей. Его корабль погиб, карьера была окончена... Впрочем, не следовало позволить жалости к самому себе овладеть им.

— Я думаю, сэр, что мы должны постараться сохранить дружбу мошкитов. Мы не можем принимать решения за правительство...

— Вы полагаете, я делаю это? — спросил Кутузов.

— Нет, сэр. Однако вполне вероятно, что Империя захочет торговать с Мошкой. Как сказал доктор Хорват, они не сделали ничего враждебного.

— А как же ваши гардемарины?

Род с трудом глотнул.

— Я не знаю, сэр. Возможно, Поттер или Уитбрид не справились с управлением своих шлюпок, а Стейли попытался спасти их. Это на него похоже...

Кутузов нахмурился.

— Три спасательные шлюпки, капитан. Все три входят в атмосферу, и все три сгорают. — Он взглянул на экраны вокруг себя. Шлюпки затаскивали лебедками на ангарную палубу «Ленина», где космодесантники продували их ядовитым газом. Ни один чужак не должен был проникнуть на *его* флагманский корабль! — О чем бы вы хотели поговорить с мошкитами, доктор?

— Я не скажу им того, что *хотел* бы сказать, адмирал, — резко ответил Хорват. — Я расскажу им вашу историю о чуме. Ведь это почти правда, не так ли? Чума малышей. Но, адмирал, мы должны оставить возможность возвращения экспедиции.

— Они поймут, что вы лжете им, — жестко заметил Кутузов. — Блейн, как по-вашему? Лучше ли, чтобы мошкиты услышали объяснения, которым не поверят?

«Черт побери, неужели он не понимает, что я не хочу думать о мошкитах?! Или о чем-либо еще? Что хорошего может быть в моем совете — совете человека, потерявшего свой корабль...»

— Адмирал, я не вижу, чем нам может повредить разрешение министру Хорвату поговорить с мошкитами. — Род подчеркнул слово «министр», поскольку Хорват был не только членом Совета, но и имел прочные связи с Лигой Человечества и влияние в Имперской Торговой Ассоциации. Этот союз был почти так же могуч, как Военный Космический Флот. — Кто-то должен поговорить с ними, и не имеет особого значения, кто это будет. На борту нет человека, который мог бы солгать своей финч'клик'.

— Очень хорошо. Капитан Михайлов, пожалуйста, вызовите посольский корабль Мошки. Доктор Хорват будет говорить с ними.

Экраны засветились, показав коричнево-белое улыбающееся лицо. Род скорчил гримасу, затем быстро перевел взгляд вверх и констатировал, что перед ним микрофона нет.

Мошкита посмотрела на Хорвата.

— Финч'клик'.

— О... Я надеялся поговорить с вами. Мы должны покинуть вас. Немедленно.

Выражение лица мошкиты не изменилось.

— Это очевидно, Энтони, но все равно мы очень огорчены. Нам нужно было так много обсудить: торговые соглашения, аренда баз в вашей Империи...

— Да, да, однако у нас нет полномочий подписывать договоры или торговые соглашения, — запротестовал Хорват. — Мы многое успели сделать, но теперь должны уйти. На «Макартуре» была обнаружена чума, что-то новое для наших докторов, и мы не знаем — уничтожен ли центр инфекции, или она распространяется. Поскольку этот корабль — наша единственная возможность вернуться домой, адми... наш Принимающий решения считает, что лучше уйти, пока весь экипаж на ногах. Но мы вернемся!

— Лично вы тоже придете? — спросила мошкита.

— Если это будет возможно. Мне бы хотелось этого. — Для него не составило труда произнести это вполне искренне.

— Мы с радостью примем вас. Примем всех людей. У нас большие надежды на торговлю между нашими расами, Энтони. Есть многое, чему мы можем научиться друг от друга. Кстати, о наших подарках, — может, вам не забирать их на свой корабль?

— Почему... спасибо... я... — Хорват посмотрел на Кутузова. Адмирал был близок к взрыву. Он внушительно покачал головой.

— Это было бы разумно, — печально сказал Хорват. — Пока мы не выяснили, что вызывает чуму, лучше не добавлять ничего к тому, что уже подвергалось опасности. Мне очень жаль.

— Мне тоже, Энтони. Но мы заметили, что ваши инженеры — как бы это выразиться поделикатнее? — во многих областях продвинулись не так далеко, как наши. Возможно, из-за недоспециализации. Мы думали частично восполнить этот недостаток своими подарками.

— Я... подождите минутку, — сказал Хорват. Отодвинув микрофон в сторону, он повернулся к Кутузову. — Адмирал, вы не должны упускать такую возможность! Это может быть самым значительным событием в истории Империи!

Адмирал медленно кивнул. Его темные глаза сузились.

— Это так же верно, как то, что мошкиты, обладающие Полем Лэнгстона и Движителем Олдерсона, могут быть самой опасной угрозой человеческой расе, министр Хорват.

— Я понимаю это, — фыркнул Хорват и вновь повернул к себе микрофон. — Боюсь, что...

Мошкита прервала его.

— Энтони, вы можете не проверять наши подарки. Вы можете сделать с них снимки и изучить их для того, чтобы позднее сделать дубликаты. Надеюсь, что нет никакой опасности для людей, побывавших на нашей планете?

Хорват напряженно думал. Он *должен* получить их! Микрофон вновь пошел в сторону, и Хорват улыбнулся адмиралу.

— А вы знаете, она права. Нельзя ли нам впихнуть их в катер?

Кутузов скривился, как будто попробовал кислого молока, затем кивнул. Хорват облегченно повернулся к мошките.

— Спасибо. Если вы разместите подарки в катере, мы изучим их по дороге, а через две с половиной недели в точке Безумного Эдди вы сможете забрать обратно и подарки, и катер — наш подарок вам.

— Отлично, — тепло сказала мошкита. — Но вам не требуется катер. Один из наших подарков — это космический корабль с управлением, приспособленным для человеческих рук и разума. Все остальное будет на его борту.

Удивленный Кутузов быстро кивнул. Хорват отметил это и мысленно улыбнулся.

— Чудесно. Мы привезем вам подарки, когда вернемся. Нам очень хочется отплатить вам за гостеприимство...

Адмирал Кутузов что-то сказал, и Хорват наклонился в сторону от экрана, чтобы послушать.

— Спросите о гардемаринах, — приказал адмирал.

Хорват глотнул и сказал:

— Есть какие-нибудь новости о наших гардемаринах?

В голосе мошкиты прозвучала болезненная нотка:

— Откуда им быть, Энтони? Они погибли, пытаясь войти в атмосферу, а их корабли полностью сгорели. Мы отправляли вам снимки — разве вы не получили их?

— Э... я их не видел, — ответил Хорват, и это было правдой. Проклятый адмирал не верил ничему! Неужели он думает, что парней захватили в плен и теперь пытают, чтобы получить информацию? — Простите, но мне приказали спросить.

— Мы понимаем. Люди очень заботятся о своих молодых Принимающих решения. Впрочем, как и мошкиты. У наших рас очень много общих черт. Приятно было снова поговорить с вами, Энтони. Мы надеемся, что вы скоро вернетесь.

Внезапно прозвучал тревожный сигнал. Адмирал Кутузов нахмурился и стал внимательно слушать что-то, чего Хорват слышать не мог. Одновременно с этим диктор объявил о докладе квартирмейстера.

— Корабельные шлюпки закреплены, сэр. Мы готовы к отправлению.

Мошкита явно услышала это и сказала:

— Подаренный корабль вполне сможет догнать вас, если ваше ускорение не превысит... — последовала пауза, за время которой мошкита к чему-то прислушивалась, — ...три ваших g.

Хорват вопросительно взглянул на адмирала, который напряженно думал о чем-то. Потом он кивнул Хорвату.

— Наше ускорение в этом полете составит полтора g, — сказал Хорват.

— Тогда наши подарки будут у вас через пять часов, — ответила мошкита.

Экраны вспыхнули, и микрофон Хорвата отключился. Голос адмирала Кутузова проскрипел:

— Мне сообщили, что какой-то корабль покинул Мошку-1 и направился к точке Олдерсона с ускорением 1,74 наших g. Это два g Мошки. Будьте любезны, попросите у них объяснений. — Голос звучал достаточно спокойно, но интонация была повелительной.

Хорват повернулся к мошките, и его экран снова ожил. Старательно подбирая слова, чтобы случайно не обидеть собеседника, он выполнил приказ и закончил вопросом:

— Вам об этом известно?

— Конечно, — ответила мошкита. — Мастера отправили наших послов в Империю для встречи с вами. Их всего трое, и мы просим, чтобы вы доставили их в столицу Империи, где они будут представлять нашу расу. У них есть все полномочия вести переговоры за нас.

Кутузов глубоко вздохнул. Лицо его было багровым от усилий держать себя в руках, и казалось, что сейчас он закричит, но он только сказал так тихо, что мошкита не могла его слышать:

— Скажите им, что мы должны обсудить это. Капитан Михайлов, ускорение по готовности.

— Слушаюсь, сэр.

— Мы должны уже уходить, — сказал Хорват мошките. — Я... мы... должны обсудить вопрос о послах. Это для нас неожиданность... Я надеялся, что вы пойдете сами. И вообще, послана ли в качестве посла хоть одна из наших финч'клик'?

— Времени хватит для любых необходимых обсуждений, — заверила его мошкита. — Что касается вашего вопроса, то ни один посол мошкитов не отождествляется с каким-либо определенным человеком, ведь они должны представлять нашу расу. Надеюсь, вы понимаете это? Эти трое были выбраны, чтобы представлять все взгляды, и им единогласно дано право заключать для мошкитов любые соглашения. Что касается угрозы чумы, то они подождут, пока вы убедитесь, что они не представляют опасности для вашего здоровья... — По «Ленину» разнесся громкий звук сирены. — Прощайте, Энтони. Передайте это всем. И возвращайтесь скорее.

Прозвучал сигнал последнего предупреждения, и «Ленин» двинулся вперед. Еще какое-то время Хорват смотрел на пустой экран, а за его спиной остальные удивленно перешептывались.

40. Прощание

Линкор его императорского величества «Ленин» был загружен под завязку и забит командой «Макартура» и учеными, которые все оказались теперь на его борту. Члены его команды довольствовались одним гамаком на двух-трех человек, десантники спали в коридорах, а офицеры набивались по трое в каюты, предназначенные для одного. Кроме того, на ангарной палубе находились артефакты мошкитов, спасенные с «Макартура», которые Кутузов требовал держать в вакууме, под постоянной охраной и с периодическими осмотрами. На борту корабля совершенно не было места, где могла бы собраться вся его команда.

Корабль должен был оставаться в боевой готовности до тех пор, пока не покинет систему Мошки, даже во время похоронной службы, проведенной Дэвидом Харди и священником «Ленина» Джорджем Алексисом. Для каждого это была довольно необычная ситуация, хотя для экипажа корабля стало традиционным собираться, когда это возможно, а похоронные службы часто проводились на кораблях в состоянии боевой готовности. Надев черную епитрахиль и повернувшись к требнику, который один из рядовых держал открытым перед ним, Дэвид Харди думал, что, вероятно, проводил больше реквиемов, чем обычных собраний.

По кораблю пронесся трубный звук.

— Экипаж, вольно! — негромко скомандовал главный боцман.

— Дай им вечный покой, о Господи! — пропел Харди.

— И пусть свет вечно светит над ними, — отозвался Алексис. Все стихи и ответы на них были знакомы каждому, кто достаточно долго пробыл в Военном Космическом Флоте.

— Я — Воскресение и Жизнь, сказал Господь. Кто бы ни поверил в меня, даже если умрет, будет жить; кто бы ни жил, веря в меня, никогда не умрет.

Служба продолжалась. Члены команды отвечали со своих боевых постов, и по всему кораблю разносилось негромкое бормотание.

— И услышал я голос с Небес, сказавший мне: — Отныне благословляю мертвых, которые умерли во имя Господа. Пусть отдохнут они от трудов своих.

«Отдохнут, — подумал Род и содрогнулся. — Я видел множество погибших кораблей, и множество людей под моим командованием забиралось на сотни парсеков от дома. Почему же я думаю именно об этом?» Он глубоко вздохнул, но стеснение в груди не прошло.

Огни по всему кораблю потускнели, и записанные голоса хора Имперского военного оркестра запели гимн, к которому присоединились и члены экипажа. «Грядет день гнева и гибели, когда смешаются слова Дэвида и Сивиллы, а небеса и миры под ними обратятся в прах...»

«Сивилла? — подумал Род. — О Боже, что за древность?» Гимн продолжался и продолжался, закончившись гимном мужских голосов.

«Верю ли я в это? — задумался Род. — Харди верит, об этом ясно говорит его лицо. И Келли, готовый выбросить своих друзей через торпедный аппарат наружу, тоже верит. Почему я не могу верить, как они? Но я же верю, не так ли? Я всегда верил, что у этой Вселенной должна быть какая-то цель? Вот, например, Бери. Это даже не его религия, но все равно служба захватила его. Интересно, о чем он сейчас думает?»

Гораций Бери внимательно смотрел на торпедный аппарат. Четыре тела и голова! Голова десантника, которую Домовые использовали для своего троянского коня. Бери видел это только один раз, пробираясь через пространство в облаке тумана, битого стекла и дрыгающихся и умирающих Домовых. Он помнил квадратные челюсти, широкие вялые рты, блестящие мертвые глаза. Да будет милостив к ним Аллах, и пусть легионы *Его* опустятся на Мошку...

«Салли воспринимает это лучше, чем я, — подумал Род, — а она штатский человек. Мы оба любили этих парней... Почему меня не беспокоит судьба остальных? Пятеро космодесантников погибли, выводя с «Макартура» гражданских. Все было бы не так плохо, если бы гардемарины погибли в бою. Я был готов к потерям, когда послал катер со спасательным отрядом. Я не был уверен, что парни вообще смогут покинуть «Макартур». Но они сделали это и были уже в безопасности!»

— О Боже всемогущий, прими души наших ушедших братьев, а мы доверим их тела глубинам космоса, не сомневаясь в их воскрешении и вечной жизни у нашего Господа Иисуса Христа...

Келли нажал на ключ, и последовало мягкое *ху-уш-ш*, потом еще и еще — всего пять раз. Из двадцати семи погибших и пропавших без вести удалось найти только четыре тела и одну голову.

— Экипаж, внимание! Пли!

— Огонь!

«Интересно, как воспримут это мошкиты?» — подумал Род. Три бортовых залпа, направленных в никуда... за исключением третьего, испарившего тела, выброшенные секунду назад. На этом настоял адмирал, и никто не стал с ним спорить.

Трубные звуки замерли вдали, когда трубачи «Ленина» и «Макартура» закончили свой дуэт. На мгновение корабль замер.

— Экипаж, разойдись!

Офицеры молча выходили из торпедного отсека. Огни в коридорах вновь ярко вспыхнули, и люди заторопились обратно на свои места по боевому распорядку или к переполненным местам отдыха. «Продолжается обычная жизнь Космофлота, — подумал Род. — Похоронная служба — это тоже часть «Книги». Там есть правила для всего: рождения на борту корабля, регистрации брака, похорон — с

телами или без, а также и для капитана, потерявшего свой корабль. «Книга» требует для него военного трибунала».

— Род, подождите минутку, пожалуйста.

Он остановился на зов Салли. Они стояли в коридоре, а остальные офицеры и члены команды огибали их с двух сторон. Род хотел присоединиться к ним, вернуться к уединению своей каюты, где никто не спросит у него, что произошло на борту «Макартура». И все-таки это была Салли, и какая-то его часть хотела поговорить с ней или хотя бы подойти к ней...

— Род, доктор Хорват сказал, что мошкиты отправили послов нам навстречу в точку Безумного Эдди, но адмирал Кутузов не позволяет им подниматься на борт! Это правда?

«Проклятие!» — подумал он. Мошкиты, снова мошкиты...

— Да, это правда. — И он повернулся, чтобы уйти.

— Род, подождите! Нужно же что-то делать! Род, куда вы идете? — Она смотрела ему вслед, пока он быстро уходил прочь. «Что же мне теперь делать?» — терзала ее мысль.

Дверь каюты Блейна была закрыта, но индикатор показывал, что она не заблокирована. Кевин Реннер заколебался, затем постучал. Никакого ответа. Он подождал и постучал снова.

— Войдите.

Реннер открыл дверь. Было довольно странно входить прямо в каюту Блейна: никакого часового на посту, никакой таинственной атмосферы, которая окружает капитана.

— Капитан, вы не против, если я присоединюсь к вам?

— Нет. Я могу чем-то помочь вам? — Блейна явно не интересовал этот вопрос. Он не смотрел на Реннера, и Кевин задумался, что произошло бы, отнесись он к этому вежливому предложению серьезно. Например, он мог бы попросить выпить...

Впрочем, нет. Сейчас не время воздействовать на капитана — пока не время. Реннер сел и огляделся по сторонам.

Каюта Блейна была большой. На корабле только четверо мужчин и одна женщина имели каюты в полном своем распоряжении, и Блейн не использовал преимуществ драгоценного пространства. Похоже было, что он часами сидит в своем кресле — вероятно, с тех самых пор, как кончилась похоронная служба, — не меняя позы. Он позаимствовал у капитана Михайлова один из его мундиров, который явно ему не подходил.

Они сидели молча, и Блейн вглядывался в некое внутреннее пространство-время, недоступное его посетителю.

— Я перечитал работу Бакмана, — наугад сказал Реннер. Ему нужно было как-то начать разговор, а это, вероятно, не было связано с мошкитами.

— Да? Ну и как? — вежливо спросил Блейн.

— По-моему, чересчур. Он говорит, что может доказать, будто в Угольном Мешке формируется протозвезда. Через тысячи лет она будет светить своим светом. Правда, он не может доказать этого мне, потому что я не знаю математики.

— Угу.

— Как поживаете? — Реннер вовсе не выказывал желания уходить. — Наслаждаетесь освобождением от обязанностей?

Блейн наконец поднял голову.

— Кевин, почему эти парни попытались войти в атмосферу?

— О зубы Господа, капитан, это явная глупость. Они не могли сделать ничего подобного. — «А он, похоже, крепче, чем я думал».

— Тогда расскажите мне, что случилось.

Реннер удивленно уставился на него, но Блейн явно ждал рассказа.

— Капитан, корабль заполонили Домовые... Они были всюду, куда ни глянь, и наверняка проникли в хранилище спасательных шлюпок задолго до этих событий. Скажите, сэр, как бы вы переделали спасательные шлюпки, будь вы сами мошкитами?

— Великолепно! — Блейн даже улыбнулся. — Даже мертвый человек не мог бы отказаться от такой правильной линии.

— Вы меня изумляете, — улыбнулся Реннер, потом посерьезнел. — Однако я имел в виду, что они переделывают их для каждого удобного случая. В глубоком космосе шлюпка должна затормозиться и вызвать помощь. Возле газового гиганта — остаться на орбите. И все это автоматически, потому что пассажиры могут быть ранены или без сознания. А возле обитаемого мира шлюпка должна приземлиться.

— Что? — Блейн нахмурился. В его глазах появилась искра жизни. Реннер затаил дыхание.

— Все правильно, Реннер, но тогда что сработало плохо? Если Домовые переделали шлюпки, они переделали их *хорошо*. Кроме того, они же управляемые и не должны были входить в атмосферу.

Реннер пожал плечами.

— Можете вы с первого взгляда понять пульт управления мошкитов? Я не могу и не сомневаюсь, что парни тоже не сумели. Однако Домовые тоже рассчитывали на них. Капитан, может быть, шлюпки были не закончены или получили повреждения в ходе сражения?

— Может быть...

— Могло произойти множество вещей. Может быть, они были рассчитаны на Домовых, и, чтобы поместиться в них, парням пришлось вырвать оттуда дюжину пятнадцатисантиметровых сидений или что-то еще. У них было слишком мало времени с этими торпедами, которые должны были взорваться через три минуты.

— Эти проклятые торпеды! Наверняка корпуса были полны Домовых и крыс. Если бы туда кто-нибудь заглянул...

Реннер кивнул.

— Но кто мог знать, что нужно заглянуть?

— Я.

— Почему? — серьезно спросил Реннер. — Шкипер, там...

— Я не шкипер.

Ага! — подумал Реннер.

— Да, сэр. Во всем Флоте не нашлось бы человека, который догадался бы это сделать. Ни одного. Я тоже не подумал об этом. Даже Царя удовлетворила ваша процедура обеззараживания, разве нет? Да и не только его. Так зачем же теперь винить себя в ошибке, которую сделали все?

Блейн взглянул на Реннера и удивился. Лицо навигатора было красным. Почему это он так возбужден?

— Есть и другое дело, — сказал Род. — Допустим, спасательные шлюпки были переделаны, как надо. Допустим, что парни благополучно приземлились, и мошкиты лгут.

— Я думал об этом, — сказал Реннер. — Вы верите этому?

— Нет. Но я хотел бы быть уверенным.

— Вы были бы уверены, если бы знали мошкитов так же хорошо, как я. Убедите себя. Изучите данные. Их множество на борту этого корабля, и время у нас есть. В данный момент вы величайший эксперт Военного Космического Флота по мошкитам.

— Я? — Род рассмеялся. — Кевин, я не являюсь экспертом ни в каком вопросе. Первое, что мне придется делать, когда мы вернемся, это убеждать военный трибунал...

— К черту военный трибунал! — нетерпеливо сказал Реннер. — Капитан, неужели вы сидите здесь, размышляя над этой формальностью? О зубы Господа!

— А о чем, по-вашему, я должен думать, лейтенант Реннер?

Кевин усмехнулся. Лучше Блейн раздраженный, чем тот, каким он был только что.

— Скажем, о том, почему Салли такая мрачная сегодня... Полагаю, ей плохо потому, что вы рассердились на нее. Или о том, что вы скажете, когда Кутузов и Хорват будут гнать прочь послов мошкитов. О мятежах и гражданских войнах в колониях, или о цене на иридий, или же об инфляции кроны...

— Реннер, ради всего святого, замолчите!

Усмешка Кевина стала шире.

— ...а может, о том, как вышвырнуть меня из своей каюты. Капитан, взгляните на все с этой точки зрения. Допустим, суд признает вас виновным в небрежности — хуже, чем это, ничего просто быть не может. Вы не сдали корабль врагу и не сделали ничего вроде этого. Итак, допустим, они всерьез хотят вашего скальпа и пове-

сят вину на вас. Худшее, что они могут сделать, это отправить вас на землю, и вы подадите в отставку, по-прежнему оставаясь двенадцатым маркизом Круциса.

— Да. Ну и что?

— Ну и что? — Реннер вдруг разозлился. Его брови сошлись, кулаки сжались. — Ну и что? Видите ли, капитан, я всего лишь торговый шкипер. Вся моя семья занималась этим, и все мы хотели этого. И во Флот я пошел потому, что так делали все мы. Мы делаем свое дело, капитан, и надеемся, что вы со всеми вашими привилегиями будете делать ваше!

— Хорошо... — Блейна явно смутила вспышка Реннера. — И в чем же вы видите мое участие?

— Вы спрашиваете о том, что делать? Вы единственный аристократ в Империи, который столько знает о мошкитах, и вы еще спрашиваете меня, что делать? Капитан, я надеюсь, что вы сунете свой зад в эти шестерни. Империи нужна разумная политика относительно мошкитов, а влияние Военного Космического Флота очень велико... Нельзя позволить, чтобы Флот принял взгляды Кутузова! Подумайте об этих послах мошкитов, которых адмирал хочет оставить здесь сидящими на мели.

— Черт побери! А вы действительно собрали сведения обо всем!

Реннер усмехнулся.

— Есть немного. У вас еще есть время. Поговорите с Салли, перечитайте рапорта, которые мы посылали с Мошки-1. Изучите все это, чтобы, когда адмирал спросит вашего совета, у вас были основательные аргументы. Мы должны взять этих послов мошкитов с собой...

Род скривился. Мошкиты на борту второго корабля! О Боже...

— И перестаньте думать так, — сказал Реннер. — Они не могут распространиться и заполнить весь «Ленин». У них просто не хватит времени для этого. Поработайте головой, сэр. Адмирал выслушает вас. Он сделает это, чтобы убедить Хорвата, поскольку доктор предлагает Царю повернуть обратно, но он вас выслушает...

Род нетерпеливо покачал головой:

— Вы действуете так, словно мое суждение будет иметь какое-то значение. Однако все противоречит этому.

— Бог ты мой! Неужели вы действительно в такой депрессии? Знаете ли вы, что думают о вас ваши офицеры и члены экипажа? Неужели у вас нет никаких идей? Черт побери, капитан, из-за чучел вроде вас... — Кевин остановился, смущенный тем, что сказал больше, чем намеревался. — Так вот. Царь спросит ваше мнение. Он не примет совета ни от вас, ни от Хорвата, но спросит он вас обоих. Это есть в приказах экспедиции...

— Черт возьми, откуда вам это известно?

— Капитан, моя команда занималась спасением судовых журналов и книг приказов с «Макартура», помните? На них не было грифа «секретно».

— Не было?

— Ну, может быть, свет был плохим, и я его не заметил. Кроме того, мне нужно было убедиться, что это именно те книги, верно? Как бы то ни было, доктор Хорват знает все об этом распоряжении и собирается настаивать на военном совете, прежде чем Кутузов примет окончательное решение по вопросу послов.

— Понимаю. — Род потер пальцем переносицу. — Кевин, а кто отправил вас сюда? Хорват?

— Конечно, нет. Я сам додумался до этого. — Кевин заколебался. — Впрочем, у меня была некоторая поддержка, капитан. — Он помолчал, ожидая вопроса, но Блейн только смотрел на него. Реннер фыркнул. — Иногда меня удивляет, почему аристократия до сих пор не вымерла, раз большая часть ее кажется такой глупой. Почему бы вам не позвать Салли? Она сидит в своей каюте с мрачным видом и большинством записей и книг, которые совсем не интересуют ее сейчас... — Реннер вдруг встал. — Немного поддержки пойдет ей на пользу.

— Салли? Она беспокоится о...

— Боже ж ты мой, — буркнул Реннер, повернулся и, широко шагая, вышел.

41. Подаренный корабль

«Ленин» двигался к точке Безумного Эдди с ускорением в полтора g. Туда же следовал и подаренный корабль.

Корабль этот представлял собой цилиндр обтекаемой формы с утолщением на носу и походил на минарет, оседлавший пламя термоядерного синтеза. Салли Фаулер и священник Харди очень веселились, глядя на него, но остальные не замечали или делали вид, что не замечают сходства корабля с фаллосом.

Кутузов ненавидел подаренный корабль. Послы мошкитов, с которыми придется иметь дело, были простыми исполнителями приказов, но с кораблем все обстояло совсем по-другому. Он догнал «Ленина», занял позицию в трех километрах от него и принялся передавать бодрые сообщения, пока канониры «Ленина» следили за ним. Кутузов успокаивал себя тем, что на корабле не может быть оружия, достаточно мощного, чтобы пробиться сквозь Поле «Ленина».

Впрочем, была и другая причина ненавидеть этот корабль: он искушал Кутузова нарушить приказ. Добровольцы из команды «Макартура», осматривавшие его, приходили в восторг от всего, что видели там. Управление напоминало катер Космофлота, однако привод

был стандартным ядерным приводом мошкитов — с длинным направляющим жалом, вдоль которого текла плазма. Были и другие детали, все очень ценные, и адмирал Кутузов хотел взять этот корабль с собой.

И в то же время он боялся пускать туда свою команду.

После того как корабль проверили офицеры, на борт его поднялись ученые. Все эти перемещения серьезно подрывали и без того хилую версию о чуме на борту «Макартура», и Кутузов понимал это. Но, по крайней мере, ему не требовалось объяснять это ни одному мошкиту. Пусть Хорват зачитывает ему эксплуатационные приказы и требует военного совета — пока Кутузов жив, ни одного чужака не будет на борту «Ленина». Впрочем, этот корабль...

Адмирал взглянул на его изображение на экранах, пока научный персонал перебирался туда. Они собирались на «Ленин» для похоронной службы и теперь торопились вернуться для изучения этой новой игрушки.

Каждый рапорт показывал, что она полна чудес, представляющих огромную ценность для Империи, и все же как он мог осмелиться взять ее на борт? Тут мог бы помочь капитан Блейн, но он сломался, все более погружаясь в размышления о своем несчастье, став бесполезным именно тогда, когда требовался его совет. Хорват же был ослеплен верой в добрые намерения мошкитов во всем. Оставался только Бери с его не менее слепой ненавистью, несмотря на все доказательства того, что мошкиты дружественны и безвредны.

— Вероятно, так оно и есть, — вслух сказал Кутузов.

Гораций Бери удивленно посмотрел на него. Они с адмиралом сидели на мостике и пили чай, разглядывая подаренный корабль. Торговец вопросительно посмотрел на адмирала.

— Вероятно, мошкиты дружественны и безвредны, — повторил Кутузов.

— Как вы можете верить в это! — воскликнул Бери.

Кутузов пожал плечами.

— Как я уже говорил другим, во что я верю, не имеет значения. Моя задача — доставить для правительства максимум информации. При наличии одного корабля возможность его потери означает возможность потери всей информации. Но этот космический корабль мошкитов должен быть очень ценным, не так ли, ваше превосходительство? Сколько бы вы заплатили Военному Космическому Флоту за лицензию на производство кораблей с таким приводом?

— Я заплатил бы гораздо больше, чтобы увидеть, что с угрозой мошкитов навсегда покончено, — серьезно ответил Бери.

— Гм-м. — Адмирал был склонен согласиться с ним. В Трансугольном секторе и без того было достаточно проблем. Одному Богу

известно, сколько колоний бунтует и сколько присоединится к ним против Империи. Чужаки были новым осложнением, совершенно ненужным Военному Космическому Флоту. — И все-таки технология... торговые возможности... я думал, вы заинтересуетесь.

— Мы не можем доверять им, — сказал Бери, стараясь говорить спокойно. Адмирал не любил иметь дело с людьми, не умеющими контролировать свои эмоции. Бери понимал его очень хорошо — его отец поступал точно так же.

— Адмирал, они убили наших гардемаринов. Надеюсь, вы не поверили этой сказочке о вхождении в атмосферу? Кроме того, они освободили этих монстров на «Макартуре» и почти сумели протащить их на борт «Ленина». — Торговец содрогнулся: эти крошечные горящие глаза... — Конечно, вы не позволите этим чужакам проникнуть в Империю. Вы не позволите им пробраться на борт своего корабля. — Эти читающие мысли чудовища... Телепаты они или нет, но они читают мысли. Бери постарался скрыть свое отчаяние: если даже адмирал Кутузов склонялся к мысли поверить лжи чужаков, какое будущее ждет Империю? Новая технология возбудит Имперскую Торговую Ассоциацию как ничто другое, и только у Военного Космического Флота достаточное влияние, чтобы побороть требования, предъявляемые ИТА. Клянусь Бородой Пророка, нужно что-то делать! — Я начинаю подумывать, не оказывает ли на вас чрезмерное влияние доктор Хорват? — вежливо сказал Бери.

Адмирал нахмурился, и Гораций Бери мысленно улыбнулся. Хорват. Это был ключ — игра Хорвата против адмирала.

Энтони Хорват чувствовал себя в этот момент довольным и счастливым, несмотря на ускорение в полтора g. Подаренный корабль был просторным, и изучать его бесконечные чудеса было очень удобно. Здесь имелся душ с полудюжиной сменных насадок, устанавливаемых под разными углами, и молекулярное сито для воды. Имелись запасы замороженных завтраков, которые требовалось только сунуть в микроволновую печь, чтобы получить готовый продукт. Даже кулинарные неудачи были... интересными. Здесь был кофе, синтетический, но хороший, и шкаф с большим запасом вин.

И, в дополнение ко всему, «Ленин» и Кутузов были восхитительно далеко. На борту линкора все было забито подобно грузовому трюму торгового корабля, каюты были переполнены, и в коридорах спали люди, тогда как здесь Хорват мог развалиться в свое удовольствие. Он переставил микрофон поближе и, удовлетворенно вздохнув, начал диктовать.

— Большинство конструкций мошкитов имеет множественное назначение, — сказал он своему компьютеру. — Этот корабль является тестом на сообразительность вне зависимости от того, было ли

у мошкитов такое намерение или нет. Они многое поняли о наших способностях, наблюдая, как долго наши люди учились правильно управлять двигателем. Полагаю, их собственные Коричневые сделали бы эту работу в течение часа, но — будем честными — Коричневым не нужно сутками сосредоточенно следить за индикаторами. Люди, достаточно технически образованные для такого задания, находят его мучительно скучным, и это наш собственный обычай — оставлять на вахте членов экипажа, тогда как офицеры являются по вызову, чтобы справиться с возникающими проблемами. Таким образом, мы реагируем медленнее и требуем большего персонала для выполнения заданий, которые отдельный мошкит сочтет предельно простыми.

Кроме того, мошкиты многое рассказывали нам о себе. Например, мы используем людей для дублирования автоматических систем, хотя часто пренебрегаем автоматикой для того, чтобы дать постоянное занятие людям, необходимым в минуту опасности, а в остальное время излишним. Мошкиты же часто показывают недостаток знаний компьютерной технологии и часто автоматики вообще. Вместо этого они используют один или более подвидов как биологические компьютеры и, похоже, имеют достаточные их запасы. Едва ли это оставляет людям право выбора. — Он сделал паузу и оглядел помещение.

— Так, теперь об этих статуэтках. — Хорват поднял одну и улыбнулся. Он построил их на столе перед собой подобно игрушечным солдатикам: дюжина статуэток мошкитов из прозрачного пластика. Внутренние органы были показаны яркими цветами во всех подробностях. Он еще раз довольно осмотрел их, затем слегка скривился: их нужно было отправить обратно.

Вообще-то в этом не было особой необходимости. Пластик не представляет собой ничего особенного, и статуэтки были изучены во всех деталях. Любой штамповочный автомат мог производить их тысячами в час, и, вероятно, именно так они и были изготовлены мошкитами. Но они были *чужими* и дареными, и он хотел иметь их на своем столе или в Музее Новой Шотландии. Пусть Спарта довольствуется копиями!

Хорват мог опознать большинство форм с первого взгляда: огромный Носильщик, сверхмускулистый Инженер с широкими короткопалыми руками и большими плоскими ступнями — вероятно, Фермер. Крошечный Часовщик (проклятые Домовые! и дважды проклятый адмирал, не позволивший мошкитам помочь в их уничтожении). Здесь был и Физик с маленькой головой и длинными пальцами, и веретенообразный Бегун, состоявший, казалось, из одних ног... Хорват снова начал диктовать.

— Голова Бегуна невелика, но имеет отчетливо выдающийся вперед лоб. По-моему, Бегун не имеет разума, но обладает способ-

ностью запомнить и передать на словах послание. Вероятно, он может выполнять простые инструкции. По-видимому, Бегуны были выведены как специализированные посланцы еще до того, как цивилизация обзавелась телефонной связью, и сейчас сохраняются скорее по традиции, чем по необходимости. Из структуры мозга совершенно ясно, что Домовые, или Часовщики, не способны запомнить или передать послание. Их теменные доли слишком слабо развиты для этого.

Это для Кутузова.

— Статуэтки крайне детальны и разбираются, подобно головоломкам, открывая внутренние органы. Хотя мы еще не знаем назначения большинства внутренних органов, можно не сомневаться, что они существенно отличаются от подобных органов у людей, и вполне вероятно, что обычай сдваивать назначения взят мошкитами из своей собственной анатомии. Мы опознали сердце и легкие, последние, состоящие из двух долей равного размера.

Священник Харди замер в дверях, когда ускорение корабля уменьшилось, а затем возросло. После того как инженеры выровняли его, он вошел в гостиную и уселся, ничего не говоря. Хорват махнул ему рукой и продолжал диктовать.

— Единственным местом статуэток, остающимся неясным и недетализированным, являются органы воспроизведения. — Хорват улыбнулся и подмигнул священнику. Он действительно был доволен. — Мошкиты всегда были сдержанны относительно секса. Эти статуэтки могут быть образовательными игрушками для детей и тогда, конечно, производятся большими партиями. Если все дело в этом — а мы должны спросить об этом у мошкитов, если представится случай, — это означает, что культура мошкитов имеет некоторое сходство с человеческой. — Хорват нахмурился. Сексуальное воспитание молодежи было у человечества вещью периодической. Иногда оно было вполне определенным и широко распространенным, а в некоторые периоды истории его просто не существовало. В цивилизованных частях Империи все это было описано в книгах, но в то же время имелось множество новооткрытых планет, где вся эта тема была запретной для подростков.

Конечно, это может быть вызвано и соображениями рациональности, — продолжал Хорват. — Показ различий в половых органах потребует в три раза больше статуэток, чем их есть сейчас: комплект для мужчин, второй для женщин и третий для собственно фазы воспроизведения. Единственное, что я заметил, это развитые молочные железы у всех форм, и, полагаю, можно сказать, что все мошкиты могут кормить детей грудью. — Он замолчал и что-то нажал на своем компьютере. По экрану поползли слова. — Да. Единственный действующий сосок находится всегда справа или по крайней мере на стороне, противоположной единственной сильной руке.

Таким образом, детеныша держит крепкая левая рука, тогда как слабые правые ласкают — и это весьма логично, учитывая плотность нервных окончаний в правых руках.

Он прокашлялся и потянулся за бокалом бренди, знаком приглашая Харди последовать его примеру.

— Единственный сосок у высших форм неопровержимо доказывает, что у высших каст мошкитов рождение нескольких детенышей одновременно исключительно редко. Однако это явление должно быть обычным для Часовщиков. Можно не сомневаться, что неразвитые соски правого бока малышей в некоторый период их развития превращаются в рабочие органы, иначе невозможно объяснить такое резкое увеличение их числа на борту «Макартура». — Он поставил компьютер. — Как дела, Дэвид?

— Отлично. Эта игрушка мошкитов восхищает меня. Несомненно, это логическая игра, и к тому же одна из лучших. Один игрок, руководствуясь некими правилами, сортирует различные предметы по категориям, а второй пытается вывести эти правила и обосновать их. Очень интересно.

— Возможно, мистер Бери захочет продавать их.

Харди пожал плечами.

— Церкви не мешало бы купить несколько штук... чтобы обучать своих богословов. Сомневаюсь, чтобы это вызвало всеобщий интерес. Слишком сложно. — Он взглянул на статуэтки и нахмурился. — Вы заметили, что здесь нет по крайней мере одной формы?

Хорват кивнул:

— Не обладающего разумом животного, которого мы видели в зоопарке. Пока мы были там, мошкиты вообще не говорили о нем.

— Да и после этого тоже, — добавил Харди. — Я спрашивал свою финч'клик', но она тут же меняла тему.

— Еще одна тайна для будущих исследователей, — сказал Хорват. — Думаю, нужно избегать этого вопроса в присутствии мошкитов. Например, мы не должны расспрашивать их послов. — Он выжидательно замолчал.

Дэвид Харди улыбнулся, но ничего не ответил.

— Ну хорошо, — сказал Хорват. — Вы знаете, есть не так уж много вопросов, о которых мошкиты не хотели говорить, и я не пойму, почему они так обходили именно этот. Я совершенно уверен, что эти существа не были предками других форм мошкитов, — это не то же, что для нас обезьяны.

Харди хлебнул бренди. Он был очень хорошим, и священник задумался, где мошкиты достали образец для подражания. Этот, несомненно, был синтетическим, и Харди стало интересно, сумел бы он отличить его от настоящего.

— Очень разумно было поместить это на борту, — сказал он и сделал еще глоток.

— Плохо, что мы должны оставить все это, — сказал Хорват. — Впрочем, мы все это засняли и со всего сделали записи. Голограммы, рентген, изометрия, радоновое излучение. Все, что можно было разобрать, мы разобрали и сделали голограммы составных частей. Нам очень помог командор Синклер... иногда и военные могут оказаться полезными. Хотел бы я, чтобы так было всегда.

Харди пожал плечами.

— А вы не пытались взглянуть на проблему с точки зрения Военного Космического Флота? Если ошибетесь вы, то потеряете некую информацию, если же ошибутся они, опасности будет подвергнута вся раса.

— Глупости. Одна планета, населенная мошкитами? Независимо от того, насколько они развиты, здесь слишком мало мошкитов, чтобы угрожать Империи. И вам это известно, Дэвид.

— Да, Энтони, я не думаю, что мошкиты угрожают нам. Но с другой стороны, я не верю, что они такие простые и открытые, как мы о них думаем. У меня было больше времени для размышления над этим, чем у вас...

— Ну и?.. — спросил Хорват. Ему нравился священник Харди. У него всегда были интересные рассказы и мысли. Конечно, он умел говорить, ведь этого требовала его профессия, но он не был типичным священником, да и типичным военно-космическим тупицей тоже.

Харди улыбнулся.

— Вы знаете, я не могу выполнить ни одной работы. Лингвистическая археология? Так я даже не изучил языка мошкитов. Когда меня вызовет церковная комиссия, сомневаюсь, что найдется достаточно аргументов, чтобы решить что-либо. Должность корабельного священника поглощает не так уж много времени, что еще остается, как не думать о мошкитах? — Он снова усмехнулся. — И размышлять над проблемами миссионеров, которые явятся со следующей экспедицией...

— Вы полагаете, Церковь пошлет сюда миссию?

— А почему бы и нет? Никаких богословских возражений я придумать не могу. Да скорее всего это и бесполезно... — Харди хихикнул. — Я вспомнил историю миссионеров на Небесах. Они обсуждали свою прежнюю работу, один говорил о тысячах, которых обратил, другой хвастался целой планетой павших, которых вернул в лоно Церкви. Наконец они повернулись к маленькому человечку на конце стола и спросили его, сколько душ он спас. «Одну», — ответил тот. Сейчас эту историю считают иллюстрацией морального принципа, но не думаю, чтобы миссионерам на Мошке-1 удалось претворить его в... гм-м... реальной жизни.

— Дэвид, — сказал Хорват, и в голосе его прозвучала нотка крайней необходимости. — Церковь будет оказывать большое влияние на имперскую политику относительно мошкитов. И я уверен,

что Кардинал придаст большое значение вашему докладу, когда вы явитесь в Новый Рим. Понимаете ли вы, что ваш вывод о мошкитах будет иметь такое же влияние, как... Нет, черт побери, он будет более влиятельным, чем научные доклады, а может быть, даже более, чем военные.

— Это я понимаю, — серьезно сказал Харди. — Энтони, это влияние меня не интересует, но саму ситуацию я понимаю.

— Хорошо. — Хорват тоже не был напористым человеком или по крайней мере пытался не быть им, хотя иногда и забывал об этом. Впрочем, с тех пор как он занялся научным администрированием, он научился бороться за свой бюджет. Он глубоко вздохнул и изменил тактику. — Я хочу, чтобы вы помогли мне кое в чем прямо сейчас. Мне хотелось бы забрать эти статуэтки с собой.

— А почему не весь корабль? — спросил Харди. — Я бы взял его. — Он глотнул бренди и прокашлялся. Гораздо легче было говорить с мошкитами, чем об имперской политике. — Я заметил, что вы уделяете большое внимание пустым местам на статуэтках, — озорно сказал он.

Хорват нахмурился.

— Да? Что ж, возможно. Возможно...

— Должно быть, вы провели немало времени, думая об этом. Вас не удивляет странность этой второй области сдержанности мошкитов?

— Пожалуй, нет.

— А меня — да. Это меня весьма удивляет.

Хорват пожал плечами, затем наклонился вперед и налил им обоим бренди. Не имело смысла экономить то, что все равно придется оставить.

— Вероятно, они думают, что их сексуальная жизнь — не наше дело. Много ли подробностей дали им *мы?*

— Довольно много. У меня была долгая и счастливая супружеская жизнь, — сказал Харди. — Возможно, я не эксперт в том, что делает ее счастливой, но я знаю достаточно, чтобы научить мошкитов всему, что они захотели узнать. Я не скрывал ничего и приказывал поступать так же Салли Фаулер. В конце концов, они *чужаки*, и едва ли мы способны вызвать у них похотливые желания. — Он усмехнулся.

Хорват ответил улыбкой, потом задумчиво кивнул.

— Скажите, Дэвид, почему адмирал требовал сжигать тела после похорон?

— Что ж, я думал об этом... И ведь никто не протестовал. Мы не хотим, чтобы чужаки вскрывали тела наших товарищей.

— Именно. Мы ничего не собирались прятать, просто нам противна мысль о чужаках, вскрывающих мертвых людей. Это единственное, в чем я могу согласиться с Царем. А теперь подумайте, Дэ-

вид, может быть, мошкиты думают точно так же о своем способе воспроизведения?

Харди на мгновение задумался.

— Вы знаете, это не так уж невозможно. Множество человеческих обществ испытывают те же чувства, скажем, к фотографиям. — Он снова глотнул бренди. — И все же, Энтони, я в это не верю. Я не могу предложить ничего лучше, но поверить не могу. Что нам действительно нужно, так это долгий разговор с антропологом.

— Чертов адмирал не пускает ее на этот корабль, — проворчал Хорват, но гнев его быстро прошел. — Держу пари, что она еще сердится.

42. Мешок битого стекла

Однако Салли не сердилась — она исчерпала свой словарный запас еще раньше. Пока Харди, Хорват и остальные радостно изучали подаренный корабль, ей приходилось довольствоваться голограммами и устными рапортами.

Сейчас она никак не могла сосредоточиться. Обнаружив, что читает один и тот же абзац пятый раз, она швырнула доклад через каюту. Проклятый Род Блейн! Он был не прав, осаживая ее таким образом и заставляя думать о нем.

В дверь каюты постучали, и она торопливо открыла ее.

— Да... О, здравствуйте, мистер Реннер.

— Вы ждали кого-то другого? — лукаво спросил Реннер. — Ваше лицо вытянулось, когда вы меня увидели, и это не слишком лестно для меня.

— Простите. Нет, я не ждала никого другого. Вы что-то сказали?

— Нет.

— Мне показалось... Мистер Реннер, мне показалось, что вы сказали «отмирание».

— Вы над чем-то работаете? — спросил Реннер, окидывая взглядом каюту. Ее стол, обычно отличавшийся порядком, был завален бумагами, диаграммами и компьютерными распечатками. Один из докладов Хорвата лежал на полу возле переборки. Реннер сложил губы в нечто, что должно было означать полуулыбку.

Салли проследила за его взглядом и покраснела.

— Пожалуй, нет, — признала она. Реннер говорил ей, что собирается навестить Рода, и она ждала, когда он заговорит об этом. Ожидание затягивалось, и наконец она сдалась. — Ну хорошо. Я ничего не делаю, а как он?

— Он — это мешок с битым стеклом.

— О!.. — Это заявление застало ее врасплох.

— Он потерял свой корабль и, конечно, находится в плохой форме. Послушайте, не позволяйте никому говорить вам, что потеря корабля подобна потере жены. Это не так. Это больше похоже на зрелище сожженной планеты, на которой вы жили.

— Вы думаете, я могу что-то сделать?

Реннер уставился на нее.

— Отмирание, как я и сказал. Конечно, вы можете кое-что сделать. Например, пойти и взять его за руку или просто сесть с ним рядом. Если сидя рядом с вами он будет продолжать разглядывать переборку, значит, его явно ударило по голове.

— Ударило? Он ранен?

— Разумеется, нет. Я имел в виду, что он, должно быть... Давайте лучше сменим тему. Просто пойдите и постучите в его дверь, хорошо? — Кевин вывел ее в коридор и, нисколько не заботясь о ее чувствах, потащил в его конец. Когда она удивленно уставилась на него, он указал ей на дверь. — А я пойду чего-нибудь выпью.

«Ну вот, — подумала она. — Торговые капитаны говорят аристократам, как они должны вести себя друг с другом...» Однако не было смысла стоять в коридоре. Она постучала.

— Войдите.

Салли быстро вошла.

— Привет, — сказала она. Блейн выглядел ужасно. И этот мешковатый мундир... что-то с ним нужно было делать. — Не заняты?

— Нет. Я как раз думал о том, что сказал мистер Реннер. Вы знаете, что глубоко в душе Кевин Реннер действительно верит в Империю?

Она посмотрела вокруг в поисках стула. Ничто не указывало на то, что он предложит ей сесть. Тогда она сделала это сама.

— Он офицер Военного Космического Флота, разве не так?

— Да, конечно, он *поддерживает* Империю, иначе не прошел бы комиссии... но я имел в виду, что он действительно верит в то, что мы знаем, что делаем. Удивительно.

— А разве это не так? — неуверенно спросила она. — Если это не так, то все человечество в большой опасности.

— Об этом я и думал, — сказал Род. Все это выглядело довольно нелепо. Из множества тем, которые можно было обсудить с единственной девушкой на десять парсеков, он выбрал политику. — Вы хорошо выглядите. Как вам это удается? Ведь вы должны были все потерять.

— Нет, у меня остались дорожные вещи. А платье я получила от мошкитов, помните? — Не в силах сдержаться, она рассмеялась. — Род, если бы вы знали, как глупо выглядите в мундире капитана Михайлова! Вы в два раза меньше его по любому направлению. Нет уж, довольно! Пора браться за ум, Род Блейн! — И она скорчила строгую мину.

Это длилось мгновение, но она выиграла. Она поняла это, когда Род посмотрел вниз на огромные складки на тунике, сделанные им, чтобы она не очень походила на палатку. Он усмехнулся.

— Не думаю, чтобы мою кандидатуру можно было выставить на конкурс самых изысканно одетых мужчин Двора, верно?

— Конечно, нет.

Они сидели молча, и она изо всех сил пыталась придумать тему для разговора. Почему ей так трудно говорить с ним? «Дядя Бен говорил, что я слишком много говорю, а здесь я не могу придумать, о чем сказать».

— Так о чем же говорил мистер Реннер?

— Он напомнил мне о моем долге. Я и забыл, что он у меня еще есть. Полагаю, он был прав, и жизнь продолжается, даже для капитана, потерявшего свой корабль... — Последовала очередная пауза, во время которой воздух, казалось, сгустился и стал более тяжелым.

Что же сказать теперь?

— Вы... вы были с «Макартуром» долгое время?

— Три года. Два как помощник капитана и один как капитан. А теперь он погиб... Впрочем, лучше не начинать об этом. А чем занимаетесь сейчас вы?

— Вы уже спрашивали меня. Я изучаю данные с Мошки-1 и доклады с подаренного корабля... и думаю о том, что скажу, чтобы убедить адмирала взять послов мошкитов с собой. А мы должны убедить его, Род. Я хочу, чтобы было что-то еще, о чем мы могли бы сказать, и чтобы было много времени после того, как мы покинем систему Мошки. — «И чтобы мы провели его вместе, теперь, когда «Макартур» погиб. Впрочем, не знаю. Неужели я обрадовалась уничтожению моего соперника? Нет, нельзя позволить, чтобы он хотя бы заподозрил меня в этом...» — А сейчас, Род, у нас так мало времени, и у меня вообще нет никаких мыслей...

Блейн коснулся пальцами утолщения на носу. «Что касается времени, — подумал он, — пора уже перестать быть олицетворением печали и начать действовать как будущий двенадцатый маркиз».

— Хорошо, Салли. Посмотрим, с чем мы можем подойти к вопросу. Надеюсь, вы позволите Келли сервировать нам завтрак здесь?

Она широко улыбнулась.

— Милорд, вы можете быть обходительным.

43. Жалоба торговца

Гораций Бери был несчастным человеком.

Если команде «Макартура» было тяжело иметь с ним дело, то на «Ленине» все обстояло еще хуже. Экипаж его состоял из екатери-

нинцев, имперских фанатиков, состоящих под началом адмирала и капитана с их родного мира. Даже Спартанское Братство имело меньшее влияние.

Бери знал об этом заранее, но испытывал постоянную необходимость контролировать свое окружение при любых обстоятельствах и ничего не мог с собой поделать.

Его статус на борту стал еще более двусмысленным, чем прежде. Капитан Михайлов и адмирал знали, что он был передан под личный контроль Блейну, не обвиненный ни в каком преступлении, но с запретом предоставления ему свободы. Михайлов решил эту проблему, назначив Бери прислугу из космодесанта и поставив старшим над ними канонира Келли. Таким образом, когда бы Бери ни покинул свою каюту, за ним по всему кораблю следовал хвост.

Он пытался поговорить с членами экипажа «Ленина» — но его выслушали всего несколько человек. Возможно, до них дошли слухи о том, что он может предложить, и они боялись, что космодесантники «Макартура» доложат об их интересе, а может, подозревали его в измене и ненавидели за это.

Торговцу требовалось терпение, и Бери имел его больше чем достаточно. И все-таки тяжело контролировать самого себя, когда ты не можешь контролировать ничего больше, когда ничего нельзя сделать, а нужно просто сидеть и ждать. Временами его взрывной характер находил себе разрядку в гневных воплях и крушении мебели, но никогда это не происходило публично. За пределами своей каюты Бери был спокоен, расслаблен и умело вел разговоры, подлаживаясь даже к адмиралу Кутузову.

Это дало ему доступ к офицерам «Ленина», но они были крайне официальны, и каждый раз, когда он хотел поговорить, вспоминали о каком-нибудь срочном деле. Бери довольно скоро обнаружил, что есть всего три безопасные темы: карточные игры, мошкиты и чай. Если «Макартур» заправлялся кофе, то двигатель «Ленина» работал на чае. И поклонники чая знали о предмете гораздо больше, чем поклонники кофе. Корабли Бери торговали чаем точно так же, как и любыми другими товарами, которые покупали люди. Но сам Бери не возил его с собой и не пил.

Итак, Бери проводил бесконечные часы за столом на мостике, а офицеры и с «Ленина», и с «Макартура» предпочитали сидеть с ним в его каюте, заполненной гораздо меньше, чем офицерская кают-компания. Было довольно легко говорить с офицерами «Ленина» о мошкитах — хоть они и приходили группами, но были любопытны. После десяти месяцев, проведенных в системе Мошки, большинство из них никогда не видели мошкитов. Всем хотелось послушать о чужаках, и Бери был готов рассказывать.

Промежутки между робберами растягивались, когда Бери принимался оживленно говорить о мире мошкитов, о Посредниках, ко-

торые могли читать мысли, хотя и говорили, что это не так, о Зоопарке, о Замке, о поместьях баронов, выглядевших как укрепленные крепости — Бери, конечно же, отметил эту деталь. И каждый раз разговор переходил на опасности. Мошкиты не торговали оружием и даже не показывали его, потому что планировали нападение и старались сохранить свою сущность в тайне. Они заселили «Макартур» Домовыми — это было первое, что сделал первый же мошкит, которого они встретили, — и эти коварно полезные и милые зверьки захватили корабль и едва не удрали на нем со всеми военными секретами Империи. Только бдительность адмирала Кутузова предотвратила это несчастье.

И кроме того, мошкиты считали себя более разумными, нежели люди. Они смотрели на человечество как на зверей, которых можно приручить — если получится, лаской, — превратив в еще одну касту, прислуживающую почти невидимым Мастерам.

Он говорил о мошкитах и ненавидел их. Страшные сцены возникали у него в мозгу, иногда — когда он просто думал о мошкитах, и всегда — когда он пытался уснуть. Его преследовали кошмары о космических скафандрах и боевом обмундировании. Они приближались к нему, и три пары крошечных глаз выглядывали через лицевую пластину. Иногда сон кончался тучей паукообразных шестилапых чужаков, умирающих в вакууме и плавающих вокруг человеческой головы, — тогда Бери засыпал. Но иногда кошмар кончался тем, что Бери беззвучно кричал охране «Ленина», пока одетая в скафандр фигура приближалась к кораблю. После этого Бери просыпался в холодном поту. Нужно было предупредить екатерининцев.

Они выслушали его, но не поверили, Бери чувствовал это. Они слышали его крик до того, как он попал на борт, слышали вопли по ночам и считали, что он сумасшедший.

Уже не единожды Бери благодарил Аллаха за Бакмана. Астрофизик был странным человеком, но Бери мог говорить с ним. Первое время «почетный караул» космодесанта, стоящий у дверей каюты Бери, удивлял Бакмана, но вскоре ученый перестал замечать их, как не замечал наиболее необъяснимых поступков своего приятеля.

Бакман изучал работы мошкитов, касающиеся Глаза Мурчисона и Угольного Мешка.

— Отличная работа! Есть некоторые вещи, которые я хотел бы проверить лично, и, кроме того, меня не устраивают кое-какие их предположения... но этот чертов Кутузов не дает мне воспользоваться телескопом «Ленина».

— Бакман, возможно ли, чтобы мошкиты были более интеллигентны, чем мы?

— Видите ли, те, с которыми я имел дело, сообразительнее большинства людей, которых я знаю. Скажем, мой зять... Впрочем, вы, конечно, спрашиваете в целом, верно? — Бакман задумчиво по-

чесал челюсть. — Они работают быстрее, чем я, и делают работу чертовски хорошо, но они более ограниченны, чем думают. За весь свой миллион лет они имели возможность изучить только две звезды.

Как видим, представления Бакмана об интеллигенции тоже были достаточно ограниченны.

Вскоре Бери отказался от попыток предупредить Бакмана об угрозе со стороны мошкитов. По мнению Бери, он был безумен, впрочем, безумным Бакмана считали все.

Хвала Аллаху за Бакмана.

Прочие гражданские ученые были достаточно дружелюбны, но в отличие от Бакмана хотели от Бери только одного: анализа возможности торговли с мошкитами. Бери мог сделать его в девяти словах: *Покончить с ними, пока они не покончили с нами!* Даже Кутузов находил это суждение преждевременным.

Адмирал выслушал его достаточно вежливо, и Бери считал, что убедил его в том, что послы мошкитов должны быть оставлены здесь, что только идиоты вроде Хорвата могут взять врагов на борт единственного корабля, способного предупредить Империю о чужаках. Впрочем, полной уверенности у него не было.

Все это являлось превосходной возможностью для проверки на практике терпения Горация Бери. Если его терпение давало трещину, знал об этом только Набил, а Набил не удивлялся.

44. Военный совет

В офицерской кают-компании «Ленина» висел портрет императора. Изображение Леонидаса IX было окружено со всех сторон флагами Империи и боевыми знаменами и смотрело вниз на длинный стальной стол. Картины военных сражений из истории Первой и Второй Империй висели на всех переборках, а в одном углу перед иконой Св. Екатерины горела свеча. Имелась даже специальная вентиляционная система, чтобы поддерживать ее горение при нулевой силе тяжести.

Дэвид Харди не сумел сдержать улыбки при виде этой иконы. Мысль о подобной вещи на борту корабля с таким названием была довольно забавной; Харди полагал, что даже Кутузов ничего не знал об истории коммунизма — в конце концов, это было так давно, — или же просто верх взяли его русские национальные симпатии. Наиболее вероятным было первое предположение, поскольку для большинства имперцев Ленин был героем из далекого прошлого, человеком, известным по легенде, но не более. Подобных было много: Цезарь, Иван Грозный, Наполеон, Черчилль, Сталин, Вашингтон, Джефферсон, Троцкий, почти все они — современники друг для друга (для всех, кроме дотошных историков). Доатомная история

имела тенденцию к сжатию, если смотреть с такого большого расстояния.

Офицерская кают-компания начала заполняться, когда ученые и офицеры, входя, занимали свои места. Космодесантники зарезервировали два места — одно во главе стола, второе справа от него, хотя Хорват пытался занять его. Министр по науке пожал плечами, когда десантник возразил ему на быстром русском, и направился к другому концу, где вытеснил с места какого-то биолога, а затем попросил пересесть другого ученого, освободив место *справа от себя*, и предложил его Дэвиду Харди. Если адмиралу захотелось поиграть в престиж — пожалуйста, но Энтони Хорват тоже кое-что знал об этом вопросе.

Он смотрел, как собирались остальные. Каргилл, Синклер и Реннер вошли вместе. Затем появились Салли Фаулер и капитан Блейн... Странно, подумал Хорват, что Блейн входит теперь в переполненную комнату вообще без всяких церемоний. Десантник указал им места слева от адмиральского, но Род и Салли сели в середине. «Он может позволить себе это, — подумал Хорват. — Он был рожден для этой должности. Что ж, мой сын тоже будет таким. Моей работы в этой экспедиции будет достаточно, чтобы внести меня в очередной почетный список...»

— Внимание!

Офицеры встали, так же как и большинство ученых. Хорват на мгновение задумался, потом тоже встал. Он посмотрел на дверь, ожидая увидеть адмирала, но там был только капитан Михайлов. «Итак, нам придется пройти через это дважды», — подумал Хорват.

Однако адмирал одурачил его. Он появился, как только Михайлов добрался до своего места, и буркнул:

— Продолжайте, джентльмены, — так быстро, что у десантника не было никакой возможности объявить его приход. Если кое-кто и хотел осадить Кутузова, им нужно было ждать другого случая.

— Командор Борман, начинайте извлечение из экспедиционного задания, — холодно сказал Кутузов.

— Раздел двенадцать. Военный совет. Параграф первый. Вице-адмирал, командующий экспедицией, должен спрашивать совета у научного персонала или старших офицеров «Макартура», за исключением случаев, когда задержка с принятием решения может поставить под угрозу безопасность линкора «Ленин».

Параграф второй. Если старший ученый этой экспедиции не согласен с вице-адмиралом, он может потребовать официального военного совета. Старший ученый может...

— Этого достаточно, командор Борман, — сказал Кутузов. — В соответствии с этими распоряжениями и по официальному требованию министра по науке Хорвата этот военный совет созван для обсуждения вопроса о чужаках, попросивших доставить их в Импе-

рию. Вся процедура будет записана. Министр Хорват, если вы готовы, можете начинать.

Красота, подумала Салли. Атмосфера напоминает алтарь Святого Петра во время мессы в Новом Риме. Эти формальности должны запугать любого несогласного с Кутузовым.

— Благодарю вас, адмирал, — вежливо сказал Хорват. — Учитывая то, что заседание может быть долгим — в конце концов мы обсуждаем решение проблемы, которое может оказаться самым важным из принятых нами, — полагаю, нам не помешают закуски и напитки. Капитан Михайлов, могут ваши люди предложить нам кофе?

Кутузов нахмурился, но причин отказать в просьбе не было.

Кроме того, просьба разрядила обстановку в комнате. Со стюардами, суетящимися вокруг, запахами кофе и чая в воздухе, испарилась большая часть официальности, на что и рассчитывал Хорват.

— Спасибо, — поблагодарил Хорват. — Как нам известно, мошкиты попросили нас перевести троих их послов в Империю. Это посольство имеет все полномочия представлять цивилизацию мошкитов, подписывать договоры о дружбе и торговле, принимать решения о совместных научных разработках... думаю, можно не продолжать. Полагаю, преимущества от представления их вице-королю должны быть очевидны. Вы согласны?

Послышалось согласное бормотание. Кутузов сидел прямо, его темные глаза под кустистыми бровями сузились, лицо напоминало маску, вылепленную из красной глины.

— Да, — сказал Хорват. — Думаю, очевидно также и то, что при любой возможности мы должны проявлять по отношению к послам мошкитов всю возможную учтивость. Вы не согласны, адмирал Кутузов?

Попался в свою собственную ловушку, подумала Салли. Все это записано, и он должен понимать это.

— Мы потеряли «Макартур», — грубовато сказал Кутузов. — У нас есть только один этот корабль. Доктор Хорват, вы присутствовали на конференции, когда вице-король Меррилл планировал эту экспедицию?

— Да...

— Меня там не было, но мне рассказали об этом. Разве тогда не говорилось, что чужаки не должны попасть на борт этого корабля? Я имею в виду прямой приказ вице-короля.

— Ну... да, сэр. Но контекст делал понятным, что он имеет в виду. Ни один чужак не должен был попасть на борт «Ленина», поскольку было вполне вероятно, что они поведут себя враждебно. Таким образом, независимо от их действий, «Ленин» должен был оставаться в безопасности. Но сейчас-то мы знаем, что мошкиты *не враждебны*. В конце экспедиционного задания его высочество остав-

ляет это решение на ваше усмотрение — там нет запрещения, подобного тем, что имеются в книге приказов.

— И все-таки это оставлено на мое усмотрение, — триумфально сказал Кутузов. — Я не вижу, чем это отличается от устных инструкций. Капитан Блейн, вы были при этом разговоре. Скажите, разве не верно, что его высочество сказал: «Ни при каких обстоятельствах чужаки не должны попасть на борт «Ленина»?»

Блейн с трудом глотнул.

— Это так, сэр, но...

— Думаю, что вопрос исчерпан, — сказал адмирал.

— О нет, — вмешался Хорват. — Капитан Блейн, вы хотели что-то сказать. Сделайте это.

Кают-компания замерла. «Сделает ли он это? — подумала Салли. — А что может сделать ему Царь? Он может затруднить ему службу на Флоте, но...»

— Я только хотел сказать, адмирал, что его высочество не столько отдавал приказы, сколько планировал общую линию поведения. Думаю, что если бы он намеревался связать вас ими, то не оставлял бы вам свободу действий, сэр. Он внес бы это в книгу приказов.

«Слава богу!» — мысленно зааплодировала Салли.

Зрачки глаз Кутузова сузились еще больше. Он сделал стюарду знак подавать чай.

— Я думаю, в вашем решении есть недооценка доверия его высочества, — сказал Хорват. Это прозвучало неискренне, и он тут же понял это. Ему требовалась чья-нибудь поддержка — Харди или Блейна, — но оба были слишком независимы, и Хорват побоялся обрабатывать их перед этим собранием.

Адмирал улыбнулся.

— Спасибо. Возможно, он доверял мне больше, чем вы, доктор. Итак, вы продемонстрировали, что я действую против явно выраженных желаний вице-короля. Разумеется, я не поступлю так легкомысленно, и вы еще можете убедить меня в необходимости такого поступка. Следующая экспедиция может доставить послов еще раз.

— Но пошлют ли они кого-нибудь после такого оскорбления? — буркнула Салли, и все посмотрели на нее. — Адмирал, мошкиты просят не так уж много. И их просьба вполне разумна.

— Вы думаете, что они обидятся, если мы им откажем?

— Я... адмирал, я не знаю. Может быть, обидятся. И очень.

Кутузов кивнул, как если бы понимал это.

— Возможно, это меньший риск, леди, — оставить их здесь. Командор Каргилл, вы подготовили то, о чем я вас просил?

— Да, сэр, — бодро ответил Джек Каргилл. — Адмирал просил меня оценить военный потенциал мошкитов, предположив, что они владеют секретом Движителя и Поля. Я изобразил это на графи-

ке... — Он сделал знак младшему офицеру, и на экране интеркома офицерской кают-компании появился чертеж.

Поначалу кривые шли круто вверх, показывая превращение пассажирских и грузовых кораблей мошкитов в военные суда, затем сглаживались и снова начинали подниматься.

— Как видите, угроза достаточно высока, — сказал Каргилл. — В течение двух лет мошкиты могут собрать флот, способный бросить вызов всему Имперскому Военному Космическому Флоту.

— Это просто смешно! — запротестовал Хорват.

— О нет, сэр, — ответил Каргилл. — Я был вполне умерен в своей оценке их индустриальных возможностей. У нас имеются счетчики нейтрино и объективная оценка их энергетических ресурсов — количество ядерных реакторов, термальная производительность... причем эффективность я считал не выше нашей, хотя подозреваю, что она превосходит ее. Как известно, у них нет недостатка в опытных рабочих.

— А где они возьмут металлы? — спросил Де Вандалья. Геолог казался сбитым с толку. — Они выбрали все, что было на планете и, если верить их словам, на астероидах тоже.

— Переработка имеющегося материала. Предметы роскоши, излишние транспортные средства. Уже сейчас у каждого Мастера есть множество машин и грузовиков, которые можно объединить. Им придется обойтись без некоторых вещей, но не забывайте — *все* металлы со *всей* планетной системы Мошки уже извлечены. — Каргилл говорил очень бойко, как будто ждал подобных вопросов. — Флот потребует много металла, но это не так много в сравнении со всеми индустриальными ресурсами цивилизации.

— Ну хорошо, — фыркнул Хорват. — Поздравляю с чудесными способностями к оценке. Но какого дьявола вы называете эту оценку угрожающей? Мошкиты не являются угрозой.

Каргилл посмотрел на него, как на назойливую муху.

— Это технический термин. Слово «угроза» подразумевает способность...

— Но не намерение. Вы сами говорили мне об этом. Адмирал, все это означает, что если мы будем вежливы с их послами, им не придется бросать все силы на строительство военных кораблей.

— Это не моя компетенция, — сказал Кутузов. Сейчас он выглядел менее повелительным, его голос стал более мягким, то ли потому, что он хотел убедить остальных, то ли оттого, что почувствовал себя более уверенным. — По-моему, это означает, что мы должны принять все меры предосторожности и не допустить, чтобы мошкиты овладели секретом Поля Лэнгстона.

Последовало долгое молчание. Графики Каргилла были пугающими в своей простоте. Флот мошкитов был потенциально больше, чем все, что могли выставить мятежники в этом секторе.

— Род... он прав? — спросила Салли.

— Цифры верны, — мрачно буркнул Блейн. — Но... хорошо. — Он заговорил громче: — Адмирал, я не уверен, что, даже приняв все меры, мы защитим Поле.

Кутузов повернулся к нему и выжидающе посмотрел.

— Во-первых, сэр, — осторожно подбирая слова, продолжал Род, — есть риск, что мошкиты уже получили этот секрет. От Домовых. — Боль исказила лицо Рода, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не коснуться пальцем носа. — Я в это не верю, но это возможно. Во-вторых, они могли получить его от пропавших гардемаринов. И Уитбрид, и Стейли знали достаточно, чтобы обеспечить им хороший старт...

— А мистер Поттер знал еще больше, — поддержал его Синклер. — Он был очень способным парнем, сэр.

— Значит, и от Поттера тоже, — сказал Род. — Я не верю, что такое случилось, но это могло произойти.

— Нелепость...

— Такой же параноик, как и Царь...

— Они мертвы...

Несколько гражданских заговорили одновременно. Салли было интересно, что сделает Род, но она сидела тихо.

— И, наконец, мошкиты знают, что Поле существует. Все мы видели, что они могут делать — поверхности без трения, различная проницаемость, перестройка молекулярных структур. Вспомните, что сделали Домовые с генератором «Мака»! Адмирал, они знают, что Поле можно получить, и вопрос, когда их Инженеры создадут его, остается только вопросом времени. Таким образом, при всей важности защиты наших технологических секретов нельзя ограничиваться только этим суждением.

Вокруг стола послышался возбужденный шепот, но адмирал не слушал его. Он, казалось, обдумывал сказанное Родом.

Хорват хотел было заговорить, но сдержался. Блейну первому удалось произвести видимое впечатление на адмирала, к тому же Хорват был достаточным реалистом, чтобы понимать — все, что он предложит, будет автоматически отброшено. Он тронул локтем Харди.

— Дэвид, не могли бы вы сказать что-нибудь? — умоляюще спросил он.

— Мы можем предпринимать любые меры предосторожности, — заметила Салли. — Они приняли историю о чуме, независимо от того, поверили в нее или нет. По их словам, послы ожидают карантина, и, уж конечно, они не избегнут внимания вашей службы безопасности, адмирал. К тому же пребывание их на борту будет недолгим, ведь мы можем прыгнуть сразу, как они прибудут.

— Это верно, — задумчиво сказал Харди. — Конечно, мы можем разозлить мошкитов еще больше, приняв их послов... и никогда не вернув их.

— Мы не сделаем *такого!* — запротестовал Хорват.

— Это вполне возможно, Энтони. Будьте реалистом. Если его высочество решит, что мошкиты опасны, а Военный Космический Флот решит, что они знают слишком много, им никогда не позволят вернуться.

— Так, значит, риска вообще нет, — быстро сказала Салли. — Не может быть никакой угрозы «Ленину» от мошкитов, заключенных в карантине. Адмирал, я уверена, что меньший риск — это принять их. Таким образом, мы не будем рисковать оскорбить их, пока принц Мерриллл — или его величество — не примут решения о наших будущих отношениях.

— Гм-м. — Кутузов отхлебнул чаю. Глаза его выражали интерес. — Вы умеете убеждать, леди. И вы тоже, капитан Блейн. — Он сделал паузу. — Мистера Бери не приглашали на это совещание. Думаю, что пришло время послушать его. Боцман, приведите его превосходительство в кают-компанию.

— Есть, адмирал!

Они стали ждать. Молчание нарушала дюжина разговоров, шепотом ведущихся вокруг стола.

— Род, вы были *блестящи,* — поздравила Салли и пожала ему руку под столом. — Спасибо.

Вошел Бери, сопровождаемый неизбежными десантниками. Кутузов знаком отпустил их, и они вышли, оставив торговца в комнате. Каргилл встал и уступил ему место за столом.

Бери внимательно выслушал, как командор Борман суммировал все аргументы. Если его и удивило услышанное, он не показал виду, его лицо по-прежнему выражало вежливый интерес.

— Я прошу совета, ваше превосходительство, — сказал Кутузов, когда Борман закончил. — Признаться, я не хотел бы видеть этих существ на борту этого корабля, и все-таки, если они не угрожают безопасности «Ленина», нет оснований отказывать в просьбе министра по науке Хорвата.

Бери погладил бороду, пытаясь собраться с мыслями.

— Вы знаете, что, по-моему, мошкиты могут читать мысли?

— Это смешно! — фыркнул Хорват.

— Едва ли это смешно, доктор, — сказал Бери. Голос его звучал спокойно. — Возможно, это невероятно, и все-таки есть доказательства существования этого отсутствующего у людей качества. — Хорват начал что-то говорить, но Бери продолжал: — Разумеется, это не решающее доказательство, но все-таки. К тому же под чтением мыслей не обязательно подразумевается телепатия. Вспомните: мошкиты настолько преуспели в изучении отдельных людей, что

могли буквально играть роль человека, и играть так хорошо, что его друзья не могли заметить различия. Только появление в пределах видимости выдает их. Сколько раз вам приходилось видеть рядовых и десантников, автоматически повинующихся мошкитам, имитирующим офицеров?

— Это еще не доказательство, — сказал Хорват. Едва ли можно было спорить с *этим* — то, что говорил Бери, было известно всем.

— Таким образом, посредством ли телепатии или полным отождествлением себя с человеком, они читают мысли и, следовательно, умеют убеждать лучше всех существ, с которыми мы когда-либо встречались. Они точно знают, что движет нами, и подбирают аргументы, которые действуют наверняка.

— Ради всего святого! — взорвался Хорват. — По-вашему, они могут убедить нас отдать им «Ленин»?

— А вы уверены, что *не могут? Уверены*, доктор?

Дэвид Харди откашлялся. Все повернулись в его сторону, и священник смутился. Потом улыбнулся.

— Я всегда знал, что изучение классиков имеет свою ценность. Кто-нибудь из вас знаком с «Республикой» Платона? Ну конечно, нет. Так вот, на первой странице Сократу, уверенному, что он умеет убеждать лучше всех живущих, его друзья говорят, что либо он останется с ними на всю ночь, либо они заставят его сделать это силой. Сократ, конечно, спрашивает, нет ли какой-нибудь альтернативы — не может ли он убедить их отпустить его домой. Разумеется, ему не удалось этого сделать, потому что друзья не слушали его.

Последовала короткая пауза.

— О, *ну конечно!* — сказала Салли. — Если мошкиты никогда не встречали ни адмирала Кутузова, ни капитана Михайлова, ни вообще никого из экипажа «Ленина», как они могут убедить их в чем-либо? Надеюсь, мистер Бери не воображает, что они убеждали команду «Макартура» молча?

Бери пожал плечами.

— Миледи, при всем уважении к вам, представляете ли вы, что могут предложить мошкиты? Нечто более ценное, чем существующее в Империи. Люди продавались за гораздо менее...

«Ты сам и способствовал этому», — подумала Салли.

— Если они так хороши, то почему до сих пор не сделали этого? — Голос Кевина звучал насмешливо и непочтительно. В ожидании увольнения по возвращении на Новую Шотландию Реннер мог позволить себе любой поступок.

— Вероятно, пока им это не требовалось, — сказал Бери.

— Скорее, они просто не могли этого сделать, — парировал Реннер. — К тому же, если они могут читать мысли, то уже знают

все наши секреты. Они работали с Синклером, который знает, как починить все, имеющееся в Космофлоте, они назначили финч'клик' лорду Блейну, которому известны все политические секреты...

— Они никогда не были в прямом контакте с капитаном Блейном, — напомнил ему Бери.

— Зато они имели мисс Фаулер, — Реннер хихикнул над невольной шуткой, — которая знает об имперской политике больше большинства из нас. Мистер Бери, мошкиты хороши, но не настолько, чтобы убеждать или читать мысли.

— Я склонен согласиться с мистером Реннером, — добавил Харди. — Хотя, конечно, предосторожности, предложенные мисс Фаулер, должны быть приняты. Скажем, допустить до контактов с чужаками только нескольких лиц — например, меня. Сомневаюсь, чтобы им удалось подкупить меня, но даже если это произойдет, у меня нет власти. Затем мистера Бери, если он согласится. К ним не следует допускать доктора Хорвата, а также любого ученого, имеющего дело со сложным оборудованием. Кроме того, никаких рядовых команды и десантников, за исключением случаев, когда это происходит под надзором — и прямым, и по интеркому. Это может быть тяжело для мошкитов, но, думаю, так мы сведем опасность для «Ленина» к минимуму.

— Гм-м... Мистер Бери? — спросил Кутузов.

— Но... я же говорю вам, что они опасны! Их технологические способности таковы, что верить им нельзя! Кто знает, что они могут сконструировать из безвредных предметов? Оружие, коммуникаторы, что-либо для бегства... — Спокойствие Бери испарилось, и он изо всех сил старался сдерживать себя.

— Я снимаю предложение, чтобы мистеру Бери был позволен доступ к мошкитам, — сказал Харди. — Сомневаюсь, что они переживут этот эксперимент. Примите мои извинения, ваше превосходительство.

Бери что-то пробормотал по-арабски, слишком поздно вспомнив, что Харди — лингвист.

— О, безусловно, нет, — с улыбкой сказал Харди. — Я знаю своих предков гораздо лучше вас.

— Я вижу, адмирал, — сказал Бери, — что был недостаточно убедителен. Прошу прощения, хотя у меня не было других мотивов, кроме благополучия Империи. Если бы меня интересовала только выгода... Я не принижаю торгового потенциала мошкитов и ценности того, что можно получить от них, но я считаю их величайшей опасностью для человечества, с которой мы столкнулись.

— Да, — решительно сказал Кутузов. — С этим мы, пожалуй, можем согласиться, если добавить одно слово: потенциальной опасностью, ваше превосходительство. Мы здесь обсуждали, как сделать риск наименьшим, и, если опасности для «Ленина» нет, я убежден,

что меньший риск — это перевести послов, соблюдая условия, предложенные священником Харди. Доктор Хорват, вы согласны?

— Если это единственный способ взять их с собой, то да. Я считаю, что стыдно обращаться с ними таким образом... Да!

— Капитан Блейн, вы согласны?

Блейн погладил переносицу.

— Да, сэр. Взять их с собой будет меньшим риском. Если мошкиты и представляют угрозу, доказать это мы не сможем, но, может быть, узнаем что-нибудь от послов.

— Леди?

— Я согласна с доктором Хорватом...

— Благодарю. — Кутузов выглядел так, словно проглотил лимон. Лицо его сморщилось, как в агонии. — Капитан Михайлов, вы должны приготовиться к содержанию мошкитов в изоляции. Предлог — опасность чумы. Кроме того, вы должны следить, чтобы они не могли удрать. Капитан Блейн, вы сообщите мошкитам, что мы возьмем их послов на борт, но вполне возможно, что они не захотят отправить их, узнав условия, на которых мы настаиваем. Никаких инструментов. Никакого оружия. Багаж будет осмотрен, опечатан и недоступен для них в течение всего полета. Никаких малышей или других низших каст, только послы. Сообщите им об этом в какой угодно форме, но условия эти изменению не подлежат. — Кутузов резко встал.

— Адмирал, а что с подаренным кораблем? — спросил Хорват. — Нельзя ли нам взять... — Тут его голос потерялся в поднявшемся гомоне. Гордо шествуя, адмирал покинул кают-компанию.

45. Прыжок Безумного Эдди

Кутузов называл это место точкой Олдерсона, но беженцы с «Макартура» предпочитали название «Точка Безумного Эдди», и кое-кто из команды «Ленина» перенял у них эту привычку. Она находилась под плоскостью системы Мошки, и обычно найти ее было нелегко. Однако на этот раз не должно было возникнуть никаких проблем.

— Представьте себе траекторию корабля мошкитов, пересекающего прямую линию между Мошкой и Глазом Мурчисона, — сказал Реннер капитану Михайлову. — И это будет достаточно близко к цели, сэр.

— У них такая точная навигация? — недоверчиво спросил Михайлов.

— Да. Вас это может довести до безумия, но они могут это. Предлагаю постоянное ускорение.

— От Мошки в эту точку направляется еще один корабль, — сказал Кутузов. Он протянул руку мимо капитана Михайлова, под-

регулировал экраны мостика, и перед ним вспыхнули векторы направлений.

— Это корабль с топливом, — уверенно сказал Реннер. — Я готов держать пари на что угодно, что корабль с послами яркий, прозрачный и настолько явно безвредный, что никто не сможет его ни в чем заподозрить, сэр.

— Вы имеете в виду, что этого не сделаю даже я? — сказал Кутузов, и Реннер не заметил на его лице ни следа улыбки. — Спасибо, мистер Реннер. Продолжайте помогать капитану Михайлову.

Троянские астероиды остались позади. Все ученые на борту мечтали добраться до телескопов «Ленина», чтобы изучить эти астероиды, и адмирал не стал протестовать. Было не совсем ясно, сделал ли он это, потому что боялся неожиданной атаки с астероидов или же заразился стремлением гражданских узнать что-то новое о мошкитах, но у Бакмана и остальных появился шанс.

Впрочем, Бакман вскоре потерял к ним интерес. Астероиды были явно цивилизованы, и их орбиты были изменены, так что знания эти ничего не стоили. Остальные не разделяли его точки зрения. Они наблюдали за вспышками ядерных двигателей мошкитов, измеряли потоки нейтрино от энергетических станций, разглядывали пятна света, оттенявшие темные полосы вокруг зеленых хлорофилловых полос, и удивлялись. Единственным возможным выводом было то, что огромные плантации находятся под куполами. И на каждом астероиде, достаточно большом, чтобы его можно было заметить, имелся характерный одиночный кратер, убедительно доказывающий, что астероид перемещался.

Но однажды интерес вернулся к Бакману. Делая одолжение Хорвату, он изучал орбиты астероидов, когда глаза его вдруг вспыхнули. Он лихорадочно ввел в компьютер какие-то данные и подождал результата.

— Невероятно...

— Что невероятно? — терпеливо спросил Хорват.

— Каменный Улей был мертвенно холоден.

— Да? — У Хорвата уже имелся опыт вытягивания информации у Бакмана.

— Предположим, что остальные астероиды тоже. Я верю в это. Эти орбиты совершенны... можете продлевать их взад и вперед на сколько угодно, и они *никогда* не столкнутся. Эти камни должны быть здесь уже *долгое* время.

Хорват вышел, разговаривая сам с собой. Действительно, насколько стара эта астероидная цивилизация? Бакман думал в масштабах жизни звезд! Ничего удивительного, что Каменный Улей холоден: мошкиты не корректируют орбиты. Они просто выводят астероиды туда, где хотят их видеть.

«Ну что же, — подумал он, — пора возвращаться на подаренный корабль. Вскоре нам придется оставить его... Интересно, добился ли Блейн какого-нибудь успеха?»

Род и Салли в этот момент беседовали с адмиралом. Они собрались на мостике: насколько было известно Роду, никто, кроме адмирала и его стюарда, никогда не бывал в каюте Кутузова. Возможно, там не бывал и сам адмирал, поскольку казалось, что он постоянно находится на мостике, разглядывая экраны, подобно маньяку-наблюдателю, вечно выискивающему признаки измены.

— Очень жаль, — говорил Кутузов. — Этот корабль должен быть весьма ценным. Однако мы не можем рисковать и брать его на борт. Кто знает, для чего служат его механизмы? К тому же имея на борту мошкитов... — Кутузов пожал плечами.

— Да, сэр, — вежливо согласился Род. Он сомневался, что подаренный корабль несет угрозу, однако на нем имелись агрегаты, назначения которых не понимал даже Синклер. — Но я думал о некоторых других вещах. Небольших частях. Скажем, статуэтки, которые так нравятся священнику Харди. Мы можем залить все пластиком, поместить в запаянные стальные контейнеры и разместить на корпусе, внутри Поля. Если у мошкитов найдется что-либо, что повредит нам после всех этих предосторожностей, нам, пожалуй, лучше вообще не возвращаться домой.

— Гм-м. — Адмирал коснулся пальцем бороды. — Вы верите, что эти вещи ценны?

— Да, сэр. — Когда Кутузов говорил «ценный», он имел в виду нечто отличное от того, что подразумевали под этим словом Салли и Хорват. — Чем больше мы узнаем о технологии мошкитов, тем лучше мы с Каргиллом сможем оценить угрозу с их стороны.

— Да. Капитан, я хотел бы услышать ваше мнение. Что вы думаете о мошкитах?

Салли с трудом сдержала себя. Ей было интересно, что скажет Род. Он уже доказал, что является абсолютным гением в общении с адмиралом.

Род пожал плечами.

— Я согласен и с доктором Хорватом, и с вами, сэр. — Когда глаза Кутузова расширились от удивления, Род торопливо добавил: — Они могут быть и потенциальной опасностью, величайшей из всех, с которыми мы сталкивались, и величайшим счастливым случаем, подвернувшимся нам. А может, и тем, и другим. В любом случае, чем больше мы о них знаем, тем лучше — учитывая, конечно, принятые предосторожности.

— Угу. Капитан, я ценю ваше мнение. Если я дам разрешение, примете ли вы на себя персональную ответственность за нейтрализацию любой угрозы от артефактов мошкитов, взятых с этого ко-

рабля? Мне нужно не просто ваше повиновение, я хочу вашего сотрудничества и вашего слова, что вы не будете рисковать.

«Это не добавит мне популярности у Хорвата, — подумал Род. — Поначалу министр по науке будет рад, что может взять хоть что-то, но вскоре он захочет чего-нибудь такого, в чем я не буду уверен».

— Да, сэр. Я должен отправиться туда и увидеть все лично. И... мне необходима мисс Фаулер.

Глаза Кутузова сузились.

— Да? Вы будете отвечать за ее безопасность?

— Разумеется.

— Очень хорошо. Вы свободны.

Пока Род и Салли уходили с мостика, командор Борман удивленно посмотрел на своего адмирала. Он не мог понять, видел ли он улыбку. Нет, конечно же, нет. Это было просто невозможно.

Если бы в этот момент здесь присутствовал офицер более высокого ранга, чем Блейн, Кутузов мог бы объясниться, однако он не собирался обсуждать капитана — и будущего маркиза — с Борманом. То, что он мог сказать, звучало бы примерно так: «Чтобы поддержать активность Блейна, стоило рискнуть мисс Фаулер. Он хороший офицер, если не думает много». Пусть Кутузов никогда не покидал мостика, но следить за моральным состоянием подчиненных было его обязанностью, и, как ко всяким обязанностям, он относился к этому серьезно.

Разумеется, немедленно начались конфликты. Хорват хотел *все* и полагал, что Род просто не желает тревожить адмирала. Когда же он понял, что Род относится к своему обещанию серьезно, его медовый месяц кончился. Он испытывал что-то среднее между гневом и страхом, когда люди Блейна начали разбирать подаренный корабль, разрезая на части хрупкие агрегаты и пакуя их в пластиковые контейнеры.

Для Рода это было время возвращения к полезной деятельности, и на этот раз — в обществе Салли. Когда не было работы, они говорили часами. Они пили бренди и приглашали к себе священника Харди. Слушая споры Салли и Харди о теоретических тонкостях культурного развития, Род начал учиться кое-чему из области антропологии.

Когда они добрались до точки Безумного Эдди, Хорват почти впал в неистовство.

— Вы нисколько не лучше адмирала, Блейн, — сказал он, глядя, как техник подносит режущее пламя к агрегату, генерировавшему сложное поле, изменявшее молекулярную структуру еще одного магического кофейника. — У нас уже есть один такой на борту «Ленина». Чем может повредить еще один?

— Тот, что у нас на борту, мошкиты делали, не зная, что он окажется на борту линкора, — ответила Салли. — И этот отличается от того...

— Все, что делают мошкиты, отличается друг от друга, — фыркнул Хорват. — А вы еще более осторожны, чем Блейн. Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Салли сдержанно улыбнулась и подкинула монету.

— Пожалуй, разрежьте это и здесь тоже, — сказала она технику.

— Да, мисс. — Мужчина передвинул резак.

— О!.. — Подавленный Хорват отправился на поиски Харди. Священник взял на себя роль миротворца, и это было хорошо, поскольку без него связь с катером прервалась бы в течение часа.

Техник закончил срезать устройство и уложил его в подготовленный ящик. Залив его пластиком, он запечатал крышку.

— Снаружи находится стальной ящик, сэр. Я пойду заварю его.

— Хорошо, продолжайте, — сказал ему Блейн. — Я осмотрю все позднее. — Когда мужчина покинул помещение, он повернулся к Салли: — Знаете, я никогда не обращал внимания, но ведь Хорват прав. Вы действительно более осторожны, чем я. Почему?

Салли пожала плечами.

— Не тревожьтесь об этом.

— Что ж, не буду.

— Вот это и есть протозвезда Бакмана, — сказала она, погасила свет, взяла его за руку и подвела к иллюминатору. — Мне никогда не надоедает смотреть на нее.

Некоторое время, пока их глаза привыкали к темноте, Угольный Мешок казался бесконечной чернотой. Затем стала появляться краснота, и вот уже видны маленькие красные водовороты на черном фоне.

Они стояли очень близко. В последнее время так бывало часто, и Роду это нравилось. Он провел пальцами по ее спине, а потом мягко погладил под правым ухом.

— Скоро вам придется говорить с послами мошкитов, — сказала она. — Вы уже решили, что скажете им?

— Более или менее. Возможно, стоило бы предупредить их... хотя способ адмирала может быть безопаснее.

— Сомневаюсь, чтобы в этом была какая-то разница. А все-таки хорошо будет вернуться туда, где много звезд! Интересно... Род, как, по-вашему, на кого будут похожи послы мошкитов?

— Понятия не имею. Думаю, мы скоро это узнаем. Вам не кажется, что вы слишком много говорите?

— То же самое говорит мне дядя Бен.

После этого они долго стояли тихо.

* * *

— Внимание! Они прибывают!

— ОТКРЫТЬ ДВЕРИ АНГАРНОЙ ПАЛУБЫ! ВЫДВИНУТЬ ЛИНЕЙНЫЕ СТАПЕЛЯ!

— ПОДГОТОВИТЬ ЛЕБЕДКИ.

Шлюпка скользнула в утробу корабля. Вторая шлюпка — с багажом — ждала своей очереди: все, включая вакуумные скафандры мошкитов, было переправлено на нее. Пассажирская шлюпка, лязгнув, опустилась на стальную палубу.

— Экипаж, ВНИМАНИЕ!

— Космический десант, НА КАРАУЛ.

Воздушный шлюз открылся, и тут же грянул целый хор боцманских дудок. Появилось коричнево-белое лицо. Затем второе. Когда два Посредника были уже снаружи, появился третий мошкит.

Он был чисто-белый с шелковистыми пучками волос под мышками и серыми вокруг лица и торса.

— Старейший Мастер, — прошептал Блейн Салли. Она кивнула. Действие космических лучей на волосяные сумки мошкитов ничуть не отличалось от воздействия на волосы человека.

Хорват, стоящий в конце линии космодесантников, вышел вперед.

— Добро пожаловать на корабль, — сказал он. — Я очень рад видеть вас... Это исторический момент.

— Мы надеемся, что для обеих рас, — сказал первый Посредник.

— От имени Военного Космического Флота приветствую вас на борту, — сказал Род. — Я должен еще раз извиниться за карантинные предосторожности, но...

— Не беспокойтесь об этом, — сказала одна из мошкит. — Меня зовут Джок. А это Чарли. — Она указала на второго Посредника. — Эти имена достаточно удобны — вы не смогли бы произнести наших настоящих. — Она повернулась к белому Мастеру и прощебетала что-то, закончив словами «Капитан Родерик Блейн и министр Энтони Хорват», затем вновь повернулась к людям. — Милорд министр Хорват, я представляю посла. Он просит, чтобы его звали Иван.

Род поклонился. Он никогда не видел мошкитов лицом к лицу и сейчас испытывал неудержимое желание погладить его мех. Белый мужчина...

— Почетный караул проводит вас к вашим квартирам, — сказал Род. — Надеюсь, они окажутся достаточно большими. Это две смежные каюты.

...И четыре ругающихся офицера, которых выселили из них. Круги от этого перемещения расходились во все стороны до тех пор, пока один младший лейтенант не оказался в кают-компании гардемаринов «Ленина».

— Одной каюты должно быть достаточно, — спокойно сказала Чарли. — Нам не требуется уединение. Это не относится к числу требований наших видов. — В голосе Чарли было что-то знакомое, и это беспокоило Рода.

Мошкиты дружно поклонились, идеально копируя поведение придворных, и Род удивился, где они научились этому. Он вернул поклон, так же как Хорват и прочие, находившиеся на ангарной палубе, затем одно отделение космодесанта вышло вперед, возглавляя процессию, второе замыкало ее. Священник Харди должен был ждать их в одной из кают.

— Мужчина, — буркнула Салли.

— Интересно. Посредники называют его «посол», хотя мошкиты подразумевали равные права для всех троих. Нужно спросить, не собираются ли они и договоры подписывать одновременно все трое...

— Возможно, эти Посредники не являются *его* Посредниками, — сказала Салли. — Я спрошу у них... наверняка мне представится случай. Род, вы уверены, что мне нельзя идти с ними? Прямо сейчас?

Он улыбнулся.

— У вас еще будет возможность. А сейчас пусть ее получит Харди.

Ангарная палуба быстро опустела. Сейчас ни на ней, ни на шлюпках, встречавших корабль мошкитов, не было ни одного человека экипажа «Ленина». Грузовая шлюпка была втянута лебедками на место и опечатана.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ. ЗАНЯТЬ ПРЫЖКОВЫЕ МЕСТА. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВКЛЮЧЕНИЮ ДВИЖИТЕЛЯ ОЛДЕРСОНА. ЗАНЯТЬ ПРЫЖКОВЫЕ МЕСТА.

— А он не теряет время, верно? — сказала Салли.

— Точно. Нам лучше поторопиться. — Он взял ее за руку и повел к своей каюте, тогда как «Ленин» начал замедлять свое вращение до нулевой гравитации. — Полагаю, что мошкиты не нуждаются во вращении, — сказал он, когда они добрались до двери каюты. — Но таков уж адмирал. Если уж вы собрались что-то делать, то делайте это хорошо...

— ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВКЛЮЧЕНИЮ ДВИЖИТЕЛЯ ОЛДЕРСОНА. ЗАНЯТЬ ПРЫЖКОВЫЕ МЕСТА.

— Входите, — поторопил Род. — У нас еще есть время, чтобы вызвать каюту мошкитов по интеркому. — Он принялся щелкать переключателями, пока на экране не появилось жилище мошкитов.

Говорил священник Харди.

— Если вам что-то будет нужно, у вашей двери всегда будут дежурить дневальные, а эти кнопки и выключатель соединят вас непосредственно с моей каютой. Я ваш официальный хозяин в этом путешествии.

По кораблю прокатился трубный звук, и Харди нахмурился.

— Сейчас я должен идти в свою каюту... вероятно, вы предпочтете быть одни во время перемещения. Советую вам занять койки и не покидать их, пока перемещение не закончится. — Он заставил себя замолчать, чтобы не сказать что-нибудь еще. Его инструкции были предельно ясны: мошкиты не должны ничему научиться, пока они не выйдут из их родной системы.

— Долго ли это продлится? — спросила Джок.

Харди слабо улыбнулся.

— Нет. Итак, до свидания.

— Ауф видерзеен, — сказала Джок.

— Ауф видерзеен, — ответил Харди и вышел, совершенно сбитый с толку. Где они могли научиться *этому?*

Койки были плохо соразмерены, слишком жесткие и сделанные без учета индивидуальных различий между мошкитами. Джок повернула свой торс и махнула нижней правой рукой, выражая неудовольствие ситуацией, однако удивление этими вещами было не самым худшим.

— Это явно скопировано с чего-то для Коричневых. — В голосе ее звучала уверенность рассуждения, а не прямого наблюдения. — Хотела бы я иметь возможность привести сюда своего Коричневого.

Чарли:

— Я тоже. Но будь с нами Коричневые, нам бы не поверили. Я знаю это. — Она начала было новую мысль, но тут заговорил Мастер.

Иван:

— Был ли Мастер людей среди тех, кто встречал нас?

Джок:

— Нет. Проклятие! Сколько времени я пытаюсь изучить его, но до сих пор не то что не встречала, но даже не слышала его голоса. По-моему, он вполне может быть комитетом или одним Мастером, подвластным дисциплине людей. Держу пари на всю свою анатомию, что он человек.

Иван:

— Вы не должны пытаться связаться с Мастером «Ленина», а если мы встретим его, вы не станете его финч'клик'. Вы знаете, что случается с финч'клик' людей.

В ответе не было никакой необходимости. Мастер знал, что его услышали, а значит, выполнят приказание. Он отправился к своей койке и с отвращением посмотрел на нее.

Взревели сирены, и из громкоговорителя донесся человеческий голос:

— Подготовиться к движителю Безумного Эдди. Последнее предупреждение, — перевела одна из Посредников.

Они улеглись по койкам. Еще более громкий звук пронесся по всему кораблю.

А затем произошло что-то ужасное.

46. Лично и срочно

— Род! Род, взгляните на мошкитов!

— Что? — Блейн изо всех сил боролся с отказывающимся повиноваться телом. Прийти в себя было непросто; сосредоточиться — невозможно. Он взглянул на Салли, затем проследил ее взгляд, устремленный на экран интеркома.

Мошкиты беспорядочно дергались. Они выплыли из своих коек, и посол летал по всей каюте в полной дезориентации. Отскочив от одной переборки, он поплыл в другую сторону. Двое Посредников смотрели на него, неспособные сделать что-либо и занятые сами собой. Один осторожно потянулся за Мастером, но рука соскользнула с меха. Все трое беспомощно плавали по отсеку.

Джок была первой, ухватившейся за поручень. Она засвистела и зафыркала, после чего Чарли поплыла к Мастеру. Она ухватилась за его мех левой рукой, а Джок, держась за переборку обеими правыми, тянула левую, пока Чарли не вцепилась в нее. Затем они с трудом добрались до коек, Джок привязала Ивана, и они с Чарли тоже улеглись, свистя и щелкая.

— Не могли бы мы им помочь? — спросила Салли.

Род согнул свои конечности и мысленно извлек квадратный корень. Затем попытался взять два интеграла, и у него получилось правильно. Теперь его разум восстановился достаточно для того, чтобы обратить внимание на Салли и мошкитов.

— Нет. Мы ничего не можем сделать... И вообще, то, что мы наблюдаем, скоро проходит, за исключением нескольких сошедших с ума и никогда больше не обретших контактов с действительностью.

— С мошкитами такого не произойдет, — уверенно сказала Салли. — Они действуют целеустремленно, хотя и не слишком уверенно. Мы пришли в себя гораздо быстрее, чем они.

— Приятно сознавать, что хоть в чем-то мы лучше мошкитов. Скоро должен появиться Харди... впрочем, он старше, и у него это занимает больше времени, чем у нас.

— ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ОБ УСКОРЕНИИ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К СИЛЕ ТЯЖЕСТИ В ОДНО G. ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ОБ УСКОРЕНИИ.

Посредник что-то прощебетала, и Мастер ответил ей.

Салли некоторое время наблюдала за ними.

— Полагаю, что вы правы. Непохоже, чтобы они испытывали серьезные сложности, но Мастер еще подергивается.

Прозвучала сирена. «Ленин» содрогнулся, и тяжесть вернулась. Они возвращались домой. Род и Салли переглянулись и улыбнулись. Домой!

— И все-таки что бы мы могли сделать для Мастера? — спросил Род.

Салли беспомощно пожала плечами.

— Думаю, что ничего. Они такие *иные*. И потом... Род, что бы вы сделали, если бы были имперским послом к другой расе, и они заперли вас в маленькой каюте, где за вами постоянно следят два глаза?

— Я постарался бы разбить эти чертовы штуковины. Безусловно, они видят их, ведь мы не пытались ничего прятать. Если они что-нибудь скажут Харди, придется прекратить наблюдение.

— Сомневаюсь, что они сделают это. Они ведут себя так, словно их это вовсе не беспокоит. Уединение «не относится к числу требований наших видов», сказала Чарли. — Салли вздрогнула. — Они действительно иные.

Зажужжал сигнал, и Род автоматически повернулся к двери своей каюты, прежде чем понял, что звук донесся из интеркома. Одна из мошкитов осторожно прошла через каюту и открыла дверь. Вошел Харди.

— Все в порядке? — осторожно спросил он.

— Вы должны были предупредить нас об этом, — сказала Джок. В голосе ее не было обвинения — просто констатация факта. — Движитель Безумного Эдди действует и на людей так же?

— Как так же? — невинно спросил Харди.

— Дезориентация. Головокружение. Неспособность сосредоточиться. Потеря контроля над мышцами. Тошнота. Желание смерти.

Харди казался удивленным. Вероятно, так оно и есть, подумал Род. Священник не наблюдал за мошкитами исподтишка, даже когда полдюжины пар глаз каждую вахту следили за происходящим на экране.

— Да, это действует на людей, — сказал Харди, — но не так сильно, как вы описали. Движитель вызывает дезориентацию и неспособность сосредоточиться, но эти явления быстро проходят. Мы не знали, как это подействует на вас, но во всей нашей истории было всего лишь несколько случаев необратимого воздействия, и то оно было... э... психологическим.

— Понимаю, — сказала Чарли. — Доктор Харди, простите нас, но мы еще не готовы для разговора. Мы могли бы отложить разговор на несколько часов? И в следующий раз, когда вы снова запустите вашу машину Безумного Эдди, мы выполним ваш совет занять свои койки и привязаться.

— Тогда я ухожу, — сказал Харди. — Можем ли мы... вам что-то требуется? С послом все в порядке?

— Он чувствует себя достаточно хорошо. Спасибо за беспокойство.

Харди ушел, а мошкиты вернулись к своим койкам. Они продолжали щебетать и свистеть.

— И это все, — сказал Род. — Я рассчитывал на более интересные вещи, чем наблюдение за лежащими мошкитами, болтающими на языке, которого я не понимаю.

«А ведь сейчас очень удобное время для изучения мошкитов, — подумала Салли. — Как ни странно, среди нас нет никого, занимающегося этим прямо сейчас... поэтому мы делаем это в личном порядке».

— Тогда этим могу заняться я, — сдержанно сказала она.

Несмотря на кубические километры желтого пламени, окружающего корабль, на «Ленине» царило веселье. Кутузов ослабил свою бдительность и впервые после уничтожения «Макартура» позволил экипажу возобновить обычные вахты. Хотя корабль находился глубоко в пределах солнца, у него было топливо, и все его проблемы были записаны в «Книге». Жизнь входила в привычную колею. Даже ученые забыли свою досаду от возвращения из системы Мошки с нерешенными вопросами: они возвращались домой.

Единственная женщина на десять парсеков при любых обстоятельствах должна была стать предметом соперничества. Стычки могли начаться вокруг одного из двух вопросов: *Каковы мои/его шансы относительно нее?* и *Испорчена ли она?* Но Салли уже явно выбрала себе мужчину. Это облегчило жизнь и тем, кого беспокоили эти проблемы, и тем, в чьи обязанности было прекращать кулачные бои.

В первую ночь после прыжка Кутузов устроил званый обед. Он был официальным, и большинство гостей не слишком веселились: за столом адмирала разговоры ограничивались профессиональными вопросами. Однако он ушел рано, и тогда прием стал побойчее.

Род и Салли провели на нем три часа. Всем хотелось поговорить с мошкитами, и Род с удивлением отметил, что рассуждает о них всего лишь с намеком на тупую боль, прежде мучившую его каждый раз, когда он думал о чужаках. Энтузиазма Салли хватало на двоих. Кроме того, похоже, она беспокоилась за него так же, как за чужаков. Она даже потратила несколько часов, переделывая мундир Михайлова, так что теперь он был почти впору.

Когда они покинули прием, в течение нескольких часов, проведенных вместе, прежде чем разойтись по каютам, никто из них не упоминал ни Мошки, ни мошкитов.

Корабль двигался наружу. Постепенно желтизна за Полем сменилась оранжевым цветом, затем кирпично-красным, и зонды «Ленина» сообщили, что Поле горячее, чем фотосфера, окружающая их. Ученые и члены команды с одинаковым нетерпением смотрели на экран, и, когда на черно-красном фоне появились звезды, все выпили в честь этого события. Даже адмирал присоединился к ним, широко улыбаясь.

Вскоре после этого офицер связи установил контакт с ожидающим их танкером. Кроме того, там был и курьерский корабль, укомплектованный молодыми людьми в отличной физической форме. Кутузов продиктовал свое сообщение, передал его с двумя гардемаринами, и курьер с ускорением в три g отправился к точке Олдерсона, откуда должен был совершить прыжок в систему Новой Каледонии и доставить рапорт о первом контакте человечества с иной цивилизацией.

Танкер доставил почту и почти годичной давности новости. В секторе вспыхнуло еще несколько восстаний. Бывшие колонисты объединились с вооруженными внешними системами и открыто не повиновались Империи. Нью-Чикаго была оккупирована армией, и, хотя экономика снова пришла в норму, большинство населения было недовольно этой имперской заботой. Инфляция кроны была взята под контроль. У его императорского величества родился сын, Александр, и отныне кронпринц Лисандр не был больше единственным наследником правящей линии. Эти новости положили начало еще одному торжеству на борту «Ленина», и оно получилось таким большим, что Михайлову пришлось заменять своих людей членами экипажа «Макартура».

Вскоре вернулся курьер, доставив еще одну порцию новостей. Столица сектора кипела энтузиазмом, и вице-король планировал гала-прием для послов мошкитов. Военный министр Армстронг прислал лаконичное «хорошо сделано» и тысячу вопросов.

Было также послание и для Рода Блейна. Он изучал его, когда ординарец Кутузова передал ему вызов в каюту адмирала.

— Это, вероятно, оно, — сказал Род Салли. — Держать Блейна под арестом до тех пор, пока он не предстанет перед военным трибуналом.

— Не будьте таким глупым, — ободряюще улыбнулась Салли. — Я буду ждать вас здесь.

— Если мне позволят вернуться в свою каюту. — Он повернулся к десантнику. — Идемте, Иванов.

Войдя в каюту адмирала, Род испытал потрясение. Он ожидал увидеть убогую комнату, функциональную и холодную, а вместо этого увидел изумительное множество цветов, восточных ковров, гобеленов на стенах, неизбежную икону и портрет императора, только гораздо больших размеров. На полке над столом Кутузова

стояли даже переплетенные в кожу книги. Адмирал указал на стул, сделанный из розового тиса Спарты.

— Хотите чая? — спросил он.

— Да... спасибо, сэр.

— Два стакана чая, Кемун.

Стюард налил их из серебряного термоса, сделанного в виде старинного русского самовара, и подал в хрустальных чашках.

— Можете идти. Капитан Блейн, я получил приказ относительно вас.

— Да, сэр, — сказал Род. «Мог бы, по крайней мере, подождать, пока я допью чай».

— Вы должны покинуть этот корабль. Как только курьер приблизится, вы перейдете на него и вернетесь на Новую Каледонию с максимальным ускорением, которое сочтет возможным корабельный хирург.

— Да, сэр. Неужели они *так* спешат поставить меня перед военным трибуналом?

Кутузов удивленно посмотрел на него.

— Военный трибунал? Не думаю, капитан. Разумеется, должен состояться формальный разбор обстоятельств дела — это записано в уставе. Однако я буду удивлен, если на нем вас в чем-то обвинят.

Кутузов повернулся к своему резному столу. На его полированной деревянной поверхности лежала лента послания.

— А это для вас. Она имеет обозначение «ЛИЧНО И СРОЧНО» и, несомненно, все объяснит.

Род взял ленту и осмотрел ее.

— Разумеется, послание закодировано, — сказал адмирал. — Если хотите, мой флаг-секретарь поможет вам.

— Благодарю.

Адмирал вызвал по интеркому лейтенанта, который ввел ленту в шифровальную машину. Вскоре из нее выдвинулся узкий бланк.

— Это все, адмирал? — спросил лейтенант.

— Да. Капитан, я оставляю вас, чтобы вы могли прочесть сообщение. Доброго утра. — Адмирал с лейтенантом вышли из каюты. Шифровальная машина продолжала работать, выдавая расшифровку послания.

Род оторвал кусок и начал читать с растущим изумлением.

Второй раз он прочел его, возвращаясь в свою каюту. Салли встала, когда он вошел.

— Род, вы так странно выглядите!

— Я получил письмо, — сказал он.

— О... новости из дома?

— Что-то вроде.

Салли улыбнулась, но в голосе ее звучало удивление.

— И как там дела? Ваш отец здоров? — Род казался очень нервным и возбужденным, но в то же время был слишком весел для плохих новостей. Что же вывело его из себя? Похоже было, что он получил какое-то задание, которое хотел и которго одновременно боялся...

— С моей семьей все в порядке. Так же, как и с вашей... впрочем, вы скоро это узнаете. Сенатор Фаулер на Новой Шотландии.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Дядя Бен здесь? Но почему?

— Он говорит, что тревожится за вас. Некому о вас позаботиться, поэтому он...

Она показала ему язык и потянулась за бланком послания. Несмотря на ускорение в полтора g, Род ловко увернулся.

— Ну хорошо, — сказал он, как-то странно улыбаясь. — Его послал император. Как своего личного представителя, председателя Имперской Комиссии по переговорам с мошкитами. — Род сделал паузу. — Мы оба включены в эту комиссию.

Только через некоторое время в глазах ее появились признаки понимания.

— Поздравляю с назначением, — рассмеялся Род. Обеими ладонями он взял ее за запястья и держал на расстоянии вытянутой руки. — Лорд-председатель Чрезвычайной Комиссии его величества также спрашивает меня, когда мы поженимся. Я думаю, это вполне уместный вопрос.

— Но... Я... Род... Мы... — Она с трудом переводила дыхание.

— О Боже, я предоставил вам возможность говорить, а вы молчите. — Пользуясь удобным случаем, он поцеловал ее. Потом еще раз. Так прошло довольно много времени.

— Думаю, мне лучше прочесть это письмо, — сказала она, когда они разомкнули объятия, — если позволите.

— Вы еще не ответили на вопрос своего дяди, и я не дам вам читать письмо, пока вы этого не сделаете.

— *Вопрос дяди!* — Ее глаза вспыхнули. — Род Блейн, если я и выйду за кого-то замуж — запомните: *если!* — он спросит меня об этом сам!

— Хорошо. Леди Сандра Лидделл Леоновна Брайт Фаулер, выйдете ли вы за меня замуж? — Шутливых интонаций в его голосе больше не было, и, как он ни старался удержать на лице улыбку, она тоже исчезла. Сейчас он выглядел как четырехлетний мальчуган, впервые сидящий на коленях у Деда Мороза. — Когда мы вернемся на Новую Шотландию...

— Да, конечно, я выйду за вас... Новая Шотландия? Род, ваш отец наверняка захочет, чтобы мы поженились при дворе. Все наши друзья находятся на Спарте...

— Может, мы сначала прочтем послание, дорогая? Мы можем вообще не попасть на Спарту. — Он передал ей лист и сел на подлокотник кресла, в которое опустилась она. — Вот эту часть. — Он указал пальцем.

НЕСОМНЕННО ПЕРВОЙ РЕАКЦИЕЙ БЫЛО СДЕЛАТЬ ВАС ГЕРОЕМ ИЛИ ЗЛОДЕЕМ ТОЧКА ПОТЕРЯ МАКАРТУРА НЕ ВЫЗВАЛА ОСОБОЙ РАДОСТИ У АДМИРАЛТЕЙСТВА ТОЧКА КРАНСТОН ВЫШЕЛ ИЗ СЕБЯ ТОЧКА АРМСТРОНГ СКАЗАЛ КАВЫЧКИ ЧЕРТ ПОБЕРИ КАК МОЖНО ПОТЕРЯТЬ ЛИНЕЙНЫЙ КРЕЙСЕР ЗАКРЫТЬ КАВЫЧКИ ТОЧКА АБЗАЦ

ДОКЛАД КУТУЗОВА В ВАШУ ПОЛЬЗУ ТОЧКА ВСЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОТЕРЮ КУТУЗОВ ВЗЯЛ НА СЕБЯ ТОЧКА ПО ЕГО СЛОВАМ ВЫСШИЕ КАСТЫ МОШКИТОВ ВЕРОЯТНО МОГЛИ ОЧИСТИТЬ МАКАРТУР ОТ ПАРАЗИТОВ НО ОН РЕШИЛ ЧТО РИСК УТРАТЫ ИМПЕРСКИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СЕКРЕТОВ СЛИШКОМ ВЕЛИК ТОЧКА КУТУЗОВ ЕЩЕ НЕ ПРИШЕЛ К ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ ВЫВОДУ ОБ УГРОЗЕ СО СТОРОНЫ МОШКИТОВ НО ПРЕДЛОЖИЛ АДМИРАЛТЕЙСТВУ СОБРАТЬ КРУПНЫЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ ТОЧКА В ДОКЛАДЕ ХОРВАТА МОШКИТЫ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ВПОЛНЕ ДРУЖЕЛЮБНЫМИ НИКАКОЙ ФЛОТ НЕ НУЖЕН И МОШКИТЫ КАВЫЧКИ ВЕЛИЧАЙШИЙ СЛУЧАЙ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЗАКРЫТЬ КАВЫЧКИ ТОЧКА ВОПРОС В МОИХ РУКАХ ТОЧКА АБЗАЦ

— И в наших тоже, — сказал Род. — Пошли дальше.

СОГЛАСНО ПРИКАЗУ МОНАРХА Я СЕЙЧАС ЛОРД-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИМПЕРСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО ПЕРЕГОВОРАМ С ЧУЖАКАМИ ТОЧКА ПО ЛИЧНОМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ДЛЯ ЭТОГО ПОСТА ПРЕДНАЗНАЧАЛСЯ ЛОРД РОДЕРИК БЛЕЙН НО ВЫ ПОЧТИ ВСЕ ИСПОРТИЛИ ПОТЕРЯВ СВОЙ КОРАБЛЬ ТОЧКА СОВМЕСТНО С ЛЕДИ САНДРОЙ БРАЙТ ВЫ НАЗНАЧЕНЫ ЧЛЕНАМИ КОМИССИИ ТОЧКА КОМИССИЯ ИМЕЕТ ПРАВО ДЕЙСТВОВАТЬ ОТ ИМЕНИ МОНАРХА ТОЧКА ЧЛЕНЫ КОМИССИИ БУДУТ ОСТАВАТЬСЯ НА НОВОЙ КАЛЕДОНИИ ЕСЛИ НЕ ОКАЖЕТСЯ БОЛЕЕ РАЗУМНЫМ ПЕРЕПРАВИТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧУЖАКОВ НА СПАРТУ ТОЧКА АБЗАЦ

ЕСЛИ КОМИССИЯ ПРИДЕТ К ВЫВОДУ О ВОЗМОЖНОЙ УГРОЗЕ ЧУЖАКОВ ИМПЕРИИ ТО ДЕЙСТВУЯ С СОГЛАСИЯ ВИЦЕКОРОЛЯ ТРАНСУГОЛЬНОГО СЕКТОРА ДОЛЖНА ПРЕДПРИНЯТЬ ЛЮБЫЕ МЕРЫ КОТОРЫЕ СОЧТЕТ НЕОБХОДИМЫМИ ТОЧКА ЕСТЬ ЛИ У ВАС КАКИЕ-ТО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК АБЗАЦ

РОД ЕСЛИ ЭТИ МОШКИТЫ НЕ ПРОСТЫЕ ФЕРМЕРЫ А ИХ ЗОНД УБЕЖДАЕТ НАС ЧТО ЭТО НЕ ТАК ТО ВЫ С САЛЛИ НЕ

ВЫБЕРЕТЕСЬ ОТСЮДА ДОВОЛЬНО ДОЛГО ТОЧКА НАДЕЮСЬ ЧТО ВЫ СОХРАНИЛИ СВОЙ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ЗАНЯВШИСЬ САЛЛИ ТОЧКА КОГДА СВАДЬБА ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ВАШ ОТЕЦ ПОСЫЛАЕТ ВАМ БЛАГОСЛОВЕНИЕ ТОЧКА ТО ЖЕ ДЕЛАЮ Я ТОЧКА МАРКИЗ НАДЕЕТСЯ ЧТО КОГДА УВИДИТ ВАС В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ВЫ БУДЕТЕ МУЖЕМ И ЖЕНОЙ ТОЧКА ЕСЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ ЧТО МЫ С МАРКИЗОМ УЛАДИЛИ ЭТО ДЕЛО ТО ВЫ НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛИ ТОЧКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО НАЗНАЧИЛ НЕМЕДЛЕННУЮ СВАДЬБУ ТОЧКА ВАША МАТЬ И ИМПЕРАТРИЦА ПРИСЛАЛИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ТОЧКА

— А если бы я сказала «нет»? — спросила Салли. — Это самое высокомерное заявление, которое я когда-либо слышала!

— Но вы не сказали «нет». Вы сказали «да». — И он наклонился, чтобы поцеловать ее.

Она вырвалась, и он заметил, что она действительно разозлилась.

— Черт побери! — Голос ее звучал низко и чисто. — Черт побери! «Его величество назначил...» О зубы Господа! Если бы я отклонила ваше предложение, это было бы изменой!

— Но я же спросил вас, — напомнил он, — и вы ответили.

— Это ясно. Да не смотрите вы как маленький мальчик. Да, я хочу за вас замуж. Однако мне не нравится, когда мне *приказывают* делать даже то, что я хочу.

Он изучающе взглянул на нее.

— Вы были вне этого долгое время. Я не был никогда.

— Что?

— Это обязательства, которые накладывает титул. Сначала вы решили изучать примитивные культуры — это был ваш свободный выбор. Я же отправился в Академию, следуя зову долга. Затем вы оказались в тюремном лагере, но даже в этой чертовой дыре вы никому не подчинялись, и вас уважали. — Он подбирал слова с большой осторожностью. Салли была красна от гнева.

— Потом «Макартур». В качестве гостя. Значит, под моим командованием. И вы смирились с этим фактом...

— Да, а потом я спряталась, когда вы захватили зонд Безумного Эдди. Вы знаете почему.

— Верно. Затем Новая Шотландия, где вокруг не было практически никого выше вас рангом. Вы наслаждались этим, не так ли? Несколько человек, возвышавшихся над вами, не интересовались, чем вы занимаетесь. И на Мошке-1 вы делали именно то, что хотели делать. Поэтому я и сказал, что вы долгое время были вне этого. А теперь вас вновь сажают в ящик.

— Да, я чувствую нечто подобное.

Род слегка коснулся бумаги в ее руке.

— Согласен, это чертовски высокомерно. Меня это тоже раздражает, но не так, как вас. Я долгое время подчинялся приказам. Всю свою жизнь.

— Полагаю, это первый раз, когда вам приказывают жениться.

— Верно. Однако мы оба ждали чего-то подобного, не так ли? Практически, с точки зрения Империи, наша женитьба — слишком выгодный союз, чтобы отказываться от него. Мы получили привилегии, собственность, титулы — и вот пришел счет за все это. Судьбе было угодно, чтобы мы полюбили друг друга, и все же мы в долгу...

— Перед кем? — спросила она.

Род беспомощно улыбнулся. Эта мысль была невероятно забавна.

— Перед Кевином Реннером. Мы в долгу перед ним.

На лице Салли был написан благоговейный страх.

— Неужели это действительно так? О Боже, конечно! Ведь он приказал мне идти в вашу каюту!

— Что?! Он *что?*..

Она хихикнула.

— Фантастика! Нужно будет спросить у него и посмотреть, что он будет делать. А пока нужно дочитать это, Род.

Я ПОЛУЧИЛ СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ В НАЗНАЧЕНИИ ДРУГИХ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ТОЧКА НАДЕЮСЬ ВЫ ПОМОЖЕТЕ МНЕ ТОЧКА КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК В РАДИУСЕ ПЯТИДЕСЯТИ ПАРСЕКОВ ХОЧЕТ ОКАЗАТЬСЯ В НЕЙ ТОЧКА ВАШИМ ПЕРВЫМ ЗАДАНИЕМ БУДЕТ КОМПЛЕКТАЦИЯ КОМИССИИ ТОЧКА ВО-ВТОРЫХ НЕОБХОДИМО УПОРЯДОЧИТЬ СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ И СПИСОК СВИДЕТЕЛЕЙ ТОЧКА АБЗАЦ

АДМИРАЛУ КУТУЗОВУ ПРИКАЗАНО ПЕРЕПРАВИТЬ ВАС НА БОРТ КУРЬЕРА ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ С НАИБОЛЬШЕЙ ВОЗМОЖНОЙ СКОРОСТЬЮ НА НОВУЮ ШОТЛАНДИЮ ТОЧКА ВОЗЬМИТЕ С СОБОЙ САЛЛИ ЕСЛИ СЧИТАЕТЕ ЧТО ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ ТОЧКА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГОРАЦИЯ БЕРИ АДМИРАЛ БЕРЕТ НА СЕБЯ ТОЧКА ПОЦЕЛУЙТЕ ЗА МЕНЯ САЛЛИ ТОЧКА С УВАЖЕНИЕМ БЕНДЖАМИН БРАЙТ ФАУЛЕР ЗАПЯТАЯ СЕНАТОР ОТКРЫТЬ КРУГЛУЮ СКОБКУ ЛОРД-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИМПЕРСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ДЕЙСТВУЮЩИЙ ОТ ИМЕНИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ЛЕОНИДАСА IX ЗАКРЫТЬ КРУГЛУЮ СКОБКУ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

— Так отправлюсь я на курьерский корабль? — спросила она.

— Все зависит от вас. Хотите?

— Да... Есть множество дел, которые нужно уладить, прежде чем туда попадут мошкиты... Боже мой, нужно заниматься и мошкитами, и свадьбой... Род, вы понимаете, какое это важное дело — свадьба наследников Круцис Корта и Фаулера, проходящая в провинциальной столице? Мне будет нужно не менее трех помощни-

ков. Дядя Бен не собирается оказывать никакой помощи, а мы должны уладить все для приема мошкитов и... Ну да ладно. Куда мы идем?

47. Возвращение домой

Кутузов и Михайлов приняли самое живое участие в подготовке прощального приема Рода и Салли. Повара «Ленина» работали целый день, готовя традиционный екатерининский банкет: дюжины блюд, супов, кондитерских изделий, фаршированные мясом листья винограда с гидропонных плантаций, а между блюдами — маленькие рюмки водки. Во время еды говорить было невозможно: как только заканчивали одно блюдо, стюарды «Макартура» несли следующее, или же, давая передышку пищеварению, десантники «Ленина» показывали танцы, в которые превратилась русская чечетка на холмах Екатерины. Вот уже девятьсот лет они сохранялись фанатиками вроде Кутузова.

Но наконец оркестранты ушли, а стюарды убрали посуду, оставив гостям только чай и водку. Младший гардемарин «Ленина» предложил тост за императора, а капитан Михайлов предложил тост за царевича Александра.

— Смотрите, сам Царь собирается произнести тост, — прошептал Реннер Каргиллу. — Кто там еще остался?

Адмирал встал и поднял свою рюмку.

— Я ненадолго отложу свой тост, — сказал он. Возможно, бесчисленные рюмки водки и произвели на него свое воздействие, но никто не мог быть уверен в этом. — Капитан Блейн, когда мы встретимся в следующий раз, наши роли поменяются. Тогда вы должны будете сказать мне, что делать с мошкитами, и я не завидую вам в этом.

— Почему так нахмурился Хорват? — прошептал Каргилл. — Он выглядел так, словно кто-то сунул лягушку ему в постель.

— Верно. Не потому ли, что надеялся получить место в Комиссии? — спросил Синклер.

— Держу пари, что да, — вставил Реннер. — Сам я на это не рассчитывал...

— И все остальные тоже, — сказал Каргилл. — А теперь давайте послушаем.

— Мы должны со многим поздравить лорда Блейна, — сказал Кутузов, — и именно для этого я приберег свой тост. Священник Харди сделает объявление.

Дэвид Харди встал, широко и искренне улыбаясь.

— Леди Сандра оказала мне честь официально объявить о ее помолвке с лордом Блейном, — сказал Харди. — Позвольте первому поздравить вас с этим событием.

Все заговорили одновременно, но адмирал сделал знак, требуя тишины.

— А теперь мой тост, — сказал он. — За будущую маркизу Круцис.

Покрасневшая Салли сидела, а все вокруг нее встали и подняли рюмки. «Ну вот, теперь все официально, — подумала она. — Отступление невозможно, даже если бы я и захотела... Конечно, я не хочу, но теперь это так *неизбежно*...»

— А также за леди — члена Комиссии, — добавил Кутузов. Все снова выпили. — И за лорда — члена Комиссии. Долгой вам жизни и многих детей. Защищайте нашу Империю в переговорах с мошкитами.

— Большое спасибо, — сказал Род. — Я самый счастливый мужчина Империи.

— Может, ее милость хочет что-то сказать? — предположил Кутузов.

Салли встала, не зная, о чем говорить.

— Спасибо вам всем, — наконец произнесла она и села.

— Снова куда-то делись все слова? — озорно спросил Род. — И со всеми этими людьми вокруг... Пожалуй, я упустил редкий случай...

На этом формальности закончились, и все столпились вокруг них.

— Желаю всего счастья и мира, — сказал Каргилл, энергично встряхивая руку Рода. — Совершенно искренне, сэр. Империя не могла бы сделать лучшего выбора для этой Комиссии.

— Вы не поженитесь, пока мы не вернемся? — спросил Синклер. — Это будет нечестно — жениться в моем городе и без меня.

— Пока мы не знаем, когда это будет, — ответила ему Салли. — Но, разумеется, не до возвращения «Ленина». И, конечно, мы приглашаем всех вас на свадьбу. — «Так же, как и мошкитов, — мысленно добавила она. — Интересно, как они воспримут это?»

Прием превратился в калейдоскоп маленьких групп с Родом и Салли в центре. Стол офицерской кают-компании убрали на палубу, чтобы освободить побольше места, и стюарды забегали с чаем и кофе.

— Вы, конечно, позволите мне поздравить вас, — мягко сказал им Бери. — И, надеюсь, получив мой свадебный подарок, вы не подумаете, что я пытаюсь подкупить вас?

— А почему кто-то должен так думать? — невинно спросила Салли. — Спасибо, мистер Бери. — Хотя первая ее фраза прозвучала двусмысленно, улыбка была достаточно теплой, чтобы скрыть это. Салли не беспокоила репутация Бери, кроме того, он был достаточно приятным человеком за время их знакомства. Если бы только он избавился от своего безумного страха перед мошкитами!

Наконец Род сумел выбраться из центра всеобщего внимания. Он нашел доктора Хорвата в углу комнаты.

— Вы избегали меня всю ночь, доктор, — вежливо сказал Род. — Мне бы хотелось знать почему.

Хорват попробовал улыбнуться, но вовремя понял, что у него ничего не выйдет. Брови его на мгновение сошлись, потом вернулись на место.

— Буду искренен с вами, Блейн, я не хотел вашего участия в этой экспедиции — вы знаете почему. Да, ваш человек — Реннер — убедил меня, что в случае с зондом у вас не было другого выхода. Мы с вами разные люди, но все-таки я полностью согласен с тем, как вы руководили кораблем. При вашем звании и опыте было неизбежно, что именно вы получите место в Комиссии.

— Я не рассчитывал на это, — ответил Род. — Однако с точки зрения Спарты, вероятно, вы правы. И поэтому вы обижены на меня?

— Нет, — откровенно сказал Хорват. — Как я уже сказал, это было неизбежно, а законы природы не могут меня обидеть. Но я рассчитывал на место в этой Комиссии, Блейн. Я был старшим ученым экспедиции и сражался за каждый клочок информации, полученной нами. Бог мой, если уж они дают членам экспедиции два места, то одно заслужил я.

— А Салли — нет? — холодно спросил Род.

— Она была очень полезной, — сказал Хорват. — Она очаровательна и сообразительна и, конечно, вам трудно быть объективным относительно нее... но, скажите честно, Блейн, вы действительно сравниваете ее компетенцию с моей?

Хмурость Рода исчезла. Он широко улыбнулся. Профессиональная зависть Хорвата не была ни комичной, ни патетичной, она была просто неизбежна, так же неизбежна, как его вера в то, что должность определяет его компетенцию как ученого.

— Успокойтесь, доктор, — сказал Род. — Салли оказалась в Комиссии не из-за своих научных способностей. Императора интересовала не компетенция, а заинтересованность. — Он едва не сказал «преданность», но этого делать не следовало. — Кстати, то, что вы не были названы немедленно, — Род подчеркнул это слово, — является комплиментом.

Брови Хорвата поползли вверх.

— Простите?

— Вы ученый, доктор. Ваша жизненная философия — это объективность, верно?

— Более или менее, — согласился Хорват. — Хотя с тех пор, как я покинул лабораторию...

— Вы боролись за ассигнования. Даже будучи вовлеченным в политику, вы находили время, свободное от административных обязанностей, и помогали своим коллегам.

— Э... да. Спасибо. Немногие люди понимают это.

— Следовательно, ваше отношение к мошкитам должно быть таким же: объективным и далеким от политики. Но это не самый лучший курс для Империи. Ваши действия не отвечали бы требованию момента. С другой стороны, его величество знает, что Салли и я ставим Империю превыше всего. Нам внушали это с первого же дня после рождения. Мы не можем претендовать на научную объективность там, где затрагиваются интересы Империи. — Если это не пригладит его перья — черт с ним!

Однако это подействовало. Конечно, Хорват не развеселился и явно не отказался от попыток получить место в Комиссии, но он улыбнулся и пожелал Роду и Салли счастья. Род счел себя свободным и вернулся к Салли с чувством выполненного долга.

— Не могли бы мы сказать мошкитам хотя бы до свиданья? — умоляюще спросила Салли. — Род, не могли бы вы убедить его?

Род беспомощно взглянул на адмирала.

— Миледи, — сурово сказал Кутузов, — я не хочу обманывать вас. Когда мошкиты прибудут на Новую Шотландию, ими займетесь вы, а не я, и вы будете говорить мне, что нужно с ними делать. Но пока этого не случилось, мошкиты под моей ответственностью, и я не собираюсь менять условий их содержания. Доктор Харди может передать им любое послание.

«Что бы он сделал, если бы Род и я приказали ему пропустить нас к ним? — подумала она. — Как члены Комиссии. Нет, это вызвало бы скандал, а Род, кажется, считает адмирала полезным человеком. Случись это, они никогда бы не смогли работать вместе. Кроме того, Род может и не сделать этого, даже если я попрошу его».

— Дело в том, что эти мошкиты не такие уж и друзья, — напомнил ей Харди. — Они так мало контактировали с людьми, что я почти не знаю их. Уверен, что все изменится, когда мы прибудем на Новую Шотландию. — Харди улыбнулся и сменил тему. — Я уверен, что вы сдержите свое обещание и подождете с женитьбой до возвращения «Ленина».

— Но я хочу, чтобы нас обвенчали вы, — быстро сказала Салли. — Мы будем ждать вас!

— Спасибо.

Харди собирался сказать что-то еще, но тут кают-компанию пересек Келли и отсалютовал Роду.

— Капитан, я перенес ваши вещи и вещи леди Салли на «Гермес». Они просят поторопиться.

— Келли — это моя совесть, — улыбнулся Род. — И он прав, Салли. Нам пора. — Он глубоко вздохнул. — После такого обеда тяжело будет оказаться при трех g.

— Я тоже должен идти, — сказал Кутузов и неловко улыбнулся. — Прощайте, леди. И вы тоже, капитан. Желаю удачи. Вы были хорошим офицером.

— Почему... Спасибо, сэр. — Род обвел взглядом кают-компанию и заметил Бери, пересекавшего комнату. — Келли, адмирал принимает ответственность за его превосходительство...

— С вашего разрешения, канонир Келли продолжит командовать космодесантниками, несущими охрану, — сказал Кутузов.

— Конечно, сэр. Келли, будьте чертовски осторожны, когда вернетесь на Новую Шотландию. Он может попытаться бежать. Понятия не имею, что он задумал, но приказ достаточно ясен, и мы должны продолжать его охрану. Он может попытаться подкупить одного из ваших людей...

Келли фыркнул.

— Лучше бы ему не пробовать.

— Да. Что ж, до свидания, Келли. Не давайте Набилу всадить вам кинжал в бок. Я хочу, чтобы вы были со мной на Новой Шотландии.

— Да, сэр. И будьте осторожны, капитан. Маркиз убьет меня, если с вами что-то случится. Он сказал это, прежде чем мы покинули Круцис Корт.

Кутузов громко откашлялся.

— Наши гости должны срочно покинуть нас, — объявил он. — Поздравим их еще раз.

Род и Салли вышли из кают-компании, сопровождаемые криками, среди которых были и пьяные. Прием, похоже, заканчивался.

Курьерский корабль «Гермес» был очень мал. Жилого пространства было не больше, чем на катере «Макартура», хотя по размерам он был гораздо больше. За системами жизнеобеспечения находились баки с топливом, двигатели и узкие, но вполне проходимые лазы. С трудом преодолев их, они оказались внутри.

Занятий на крошечном суденышке было мало, к тому же высокое ускорение делало реальную работу практически невозможной. Помощник хирурга наблюдал за пассажирами в течение восьми часов, чтобы убедиться в их возможности переносить ускорение, а затем одобрил просьбу Рода увеличить его до 3,5 g. При таком весе самым лучшим было спать и ограничить умственную деятельность до минимально необходимых переговоров.

Когда они достигли точки Олдерсона, Глаз Мурчисона был огромной звездой позади, а мгновением позже превратился в яркую красную звезду на фоне Угольного Мешка. И в этом глазу была маленькая желтая мошка.

48. Штатский

Они перебрались на борт посадочной шлюпки сразу же после того, как «Гермес» вышел на орбиту вокруг Новой Шотландии. Салли едва успела попрощаться с экипажем курьера.

— ПОСТОРОННИМ ПОКИНУТЬ ПОСАДОЧНУЮ ШЛЮПКУ. ПАССАЖИРАМ ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВХОЖДЕНИЮ В АТМОСФЕРУ.

Воздушный шлюз, щелкнув, закрылся.

— Готовы, сэр? — спросил пилот.

— Да...

Двигатели заработали. Посадка была не слишком гладкой — пилот очень торопился. Когда они оказались над городом, скорость была еще слишком велика, и пилоту пришлось сделать два круга, прежде чем лодка затормозилась, зависла, а затем опустилась на посадочную площадку на крыше Адмиралтейства.

— Дядя Бен здесь! — воскликнула Салли, бросаясь вперед, чтобы оказаться в его объятиях.

Бенджамину Брайту Фаулеру было восемьдесят стандартных лет, и он выглядел на все эти годы. Во времена до введения регенерационной терапии ему можно было дать лет пятьдесят и предположить, что он находится в самом расцвете своего интеллекта. Последнее предположение было действительно верным.

Он имел рост 174 сантиметра и вес девяносто килограммов — полный невысокий человек, почти лысый, с бахромой темных седеющих волос вокруг сверкающего купола. Он никогда не надевал шляпу, за исключением холодной погоды, поскольку обычно забывал о ней.

Сенатор Фаулер был одет довольно странно: мешковатые брюки, опускающиеся на мягкие кожаные ботинки, и изрядно поношенное пальто из верблюжьей шерсти, до колен. Одежда его была очень дорогой, однако никогда не имела за собой должного ухода. Его мечтательные глаза, которые часто слезились, и взъерошенный вид не отнимали у его облика внушительности, и политические противники не однажды ошибались, делая вывод о его способностях по внешнему виду. Временами, когда случай был достаточно важным, он позволял своему камердинеру подобрать ему одежду, и тогда, по крайней мере несколько часов, выглядел соответственно: в конце концов, он был одним из могущественнейших людей Империи. Впрочем, как правило, он надевал первую вещь, которую находил в своем гардеробе, а с тех пор, как запретил слугам выкидывать то, что ему нравилось, часто носил старые вещи.

Он заключил Салли в медвежьи объятия, пока та целовала его в лоб. Салли была выше своего дяди, и ей постоянно хотелось вырасти, чтобы поцеловать его в самую макушку. Бенджамин Фаулер не

обращал внимания на свой внешний вид и злился, если кто-нибудь напоминал ему об этом, но обычно его мало беспокоила лысина. Он даже наотрез отказался делать с ней что-нибудь косметическими процедурами.

— Дядя Бен, как я рада видеть тебя! — Салли с трудом вырвалась из его рук. Потом с притворным гневом сказала: — Ты полностью перевернул мою жизнь! Ты знаешь, что радиограмма заставила Рода сделать мне предложение?

Сенатор Фаулер казался удивленным.

— Ты хочешь сказать, что он еще этого не делал? — Он внимательно оглядел Рода. — Он выглядит вполне нормально. Должно быть, это внутренние повреждения. Как поживаете, Род? Вы хорошо выглядите. — Он пожал Роду руку. Хватка у него была достаточно сильной, чтобы причинить боль. Левой рукой Фаулер извлек из складок своего старого пальто карманный компьютер. — Нужно торопиться, ребятки, мы опаздываем. Идемте, идемте... — Он повернулся и заспешил к лифту, предоставив им следовать за ним.

Они спустились на двенадцать этажей, и Фаулер повел их по извивающемуся коридору. У одной из дверей на посту стояли десантники.

— Сюда, сюда, — сказал сенатор. — Нельзя заставлять всех этих капитанов и адмиралов так долго ждать. Входите, Род!

Десантники отсалютовали, и Род рассеянно ответил. Потом он вошел и остановился, удивленный: большая комната, обшитая деревянными панелями, с огромным мраморным столом во всю ее длину. За столом сидели пять капитанов и два адмирала. Офицер-юрист сидел за меньшим столом, за ним же разместились клерки и стоял записывающий аппарат. Как только Род вошел, кто-то произнес:

— Открываем заседание следственной комиссии. Выйдите вперед и примите присягу. Назовите ваше имя.

— Что?

— Ваше имя, капитан, — резко повторил адмирал, сидевший в центре стола. Род не знал его; вообще он знал не более половины присутствующих. — Вы знаете свое имя, не так ли?

— Да, сэр... Адмирал, меня не предупредили, что я прибуду прямо в следственную комиссию.

— Теперь вы это знаете. *Пожалуйста, назовите ваше имя.*

— Родерик Гарольд, лорд Блейн, капитан, Имперский Военный Космический Флот, бывший капитан ИКК «Макартур».

— Благодарю.

А потом они забросали его вопросами.

— Капитан, когда вы впервые поняли, что малыши способны пользоваться инструментами и производить полезную работу?

— Капитан, пожалуйста, опишите процедуру стерилизации, предпринятой вами.

— Как по-вашему, капитан, знали ли чужаки вне корабля, что малыши широко распространились по нему?

Он отвечал так хорошо, как только мог. Временами один офицер задавал вопрос, но его тут же перебивал второй, говоря:

— Черт побери, все это есть в рапорте. Вы что, не прослушали ленты?

Следствие двигалось с молниеносной быстротой и вскоре закончилось.

— Вы можете ненадолго выйти, капитан, — сказал председательствующий адмирал.

Салли и сенатор Фаулер ждали его в холле. Рядом с ними стояла молодая женщина в килте и с портфелем.

— Мисс Макферсон, моя новая секретарша, — представили ее Салли.

— Приятно познакомиться с вами, лорд. Леди, мне, пожалуй, лучше...

— Да, конечно, благодарю вас.

Макферсон ушла, щелкая подковками по мраморному полу. У нее была прелестная походка.

— Род, — сказала Салли, — Род, вы знаете, на скольких приемах мы должны побывать?

— Приемах! Мой Бог, они там решают мою судьбу, а вы...

— Ерунда! — фыркнул сенатор Фаулер. — Это было решено несколько недель назад. Когда Меррилл, Кранстон, Армстронг и я прослушали рапорт Кутузова. Как я писал, ваше назначение было у меня в кармане, и тут вы теряете свой корабль! Это очень хорошо, что ваш адмирал — честный человек. Это чертовски хорошо...

Дверь открылась.

— Капитан Блейн? — позвал клерк.

Род вошел и встал перед столом. Адмирал взял лист бумаги и откашлялся.

— Особая следственная комиссия, созданная для изучения обстоятельств гибели линейного крейсера его императорского величества «Макартур», единогласно постановила. Первое. Комиссия установила, что корабль был потерян из-за случайного проникновения чужих форм жизни и уничтожен во избежание распространения их на другие суда. Второе. Комиссия полностью отклонила обвинение капитана Родерика Блейна, ИКФ, в небрежности. Третье. Комиссия приказывает уцелевшим офицерам «Макартура» подготовить детальный рапорт о том, как произошла потеря, во избежание подобного в будущем. Четвертое. Комиссия отмечает, что осмотру и стерилизации «Макартура» мешало присутствие на борту большого числа ученых и их оборудования и что министр Энтони Хорват, старший ученый, протестовал против стерилизации и требовал минимального вмешательства в эксперименты. Пятое. Комиссия отме-

чает, что капитан Блейн был весьма старательным в осмотре своего корабля, с учетом трудностей, отмеченных в пункте четвертом, и предлагает ограничиться выговором. Решение принято единогласно, и на этом комиссия распускается. Капитан, вы можете идти.

— Благодарю, сэр.

— Да. Это было довольно неряшливо, Блейн. Вам это известно, не так ли?

— Да, сэр. — «Интересно, сколько еще мне придется думать об этом?»

— Но я сомневаюсь, что кто-нибудь другой сделал бы это лучше. Со всеми этими штатскими на борту корабль должен был напоминать сумасшедший дом. Сенатор, он полностью ваш. В комнате 675 все готово.

— Хорошо. Спасибо, адмирал. — Фаулер вытолкал Блейна из комнаты, где проходило слушание, и повел по коридору к лифту, у открытой двери которого стоял младший офицер.

— И куда мы идем сейчас? — требовательно спросил Род. — Шестьсот семьдесят пять? Да это же отставка!

— Разумеется, — сказал сенатор. Они вошли в лифт. — Не думаете ли вы, что можно оставаться в Военном Космическом Флоте и одновременно состоять в этой Комиссии, а? Вот почему мы так торопились со следствием. Пока оно не было записано, вас не могли уволить в отставку.

— Но, сенатор...

— Бен. Зовите меня Бен.

— Да, сэр. Бен, я *не хочу* уходить! Военный Космический Флот — это моя карьера...

— Уже нет. — Лифт остановился, и Фаулер вытолкнул Рода наружу. — Вы все равно должны были уйти из него. Семья более важна. Не могут же пэры, пренебрегая управлением, всю жизнь гоняться за кем-то на этих кораблях! Вы знали, что все равно должны уйти.

— Да, сэр. После смерти моего брата вопрос был решен. Но еще не сейчас! Может, они дадут мне временный отпуск?

— Не будьте идиотом. Вопрос мошкитов займет у нас много времени. Спарта слишком далеко, чтобы руководить этим. А мы здесь. — Фаулер ввел его в дверь.

Бумаги о его отставке были уже готовы. «Родерик Гарольд, лорд Блейн, повышается в звании до контр-адмирала и увольняется в отставку по приказу его императорского величества».

— Куда пересылать пенсию, сэр?

— Простите?

— Вы имеете право на пенсию. Куда прикажете посылать ее, лорд? — Для клерка Род был уже штатским человеком.

— Могу я пожертвовать ее в фонд помощи Военному Космическому Флоту?

— Да, сэр.

— Тогда так и сделайте.

Клерк быстро записал что-то. Были еще и другие вопросы, все достаточно тривиальные. Документы были подготовлены и переданы Роду, а клерк держал наготове ручку.

— Подпишите здесь, лорд.

Ручка в его руке была холодной. Роду не хотелось даже прикасаться к ней.

— Пишите, пишите, вас ждет еще дюжина встреч, — сказал сенатор Фаулер. — Ну же, парень, пишите!

— Да, сэр.

Не было смысла медлить. Спорить было бесполезно. «Если сам император назначил меня в эту проклятую Комиссию...» Он быстро нацарапал свою подпись, а затем приложил к бумаге большой палец.

Такси везло их по узким улицам Новой Шотландии. Движение было большим, а на кебе не имелось официальных флажков, которые бы открывали перед ними дорогу. Для Рода было непривычно путешествовать таким образом: как правило, он пользовался флаером Космофлота, перелетавшим с одной крыши на другую, а в последний прилет на Новую Шотландию вообще имел собственную шлюпку с ждущим экипажем. Ничего этого больше не будет.

— Мне нужно купить флаер и нанять шофера, — сказал Род. — Как член Комиссии, я получу лицензию на воздушный транспорт?

— Конечно. Вы получите все, что захотите, — ответил сенатор Фаулер. — Фактически эта должность несет с собой номинальное баронство. Конечно, это не значит, что оно вам нужно, но это еще одна причина, по которой мы стали в последнее время такими популярными.

— И сколько же будет членов Комиссии?

— В этом у меня тоже полная свобода. Не слишком много. — Такси накренилось, когда водитель с трудом избежал наезда на пешехода. Фаулер вытащил свой карманный компьютер. — Снова опаздываем. Встречи во дворце. Вы остановитесь там, конечно. Комнаты для прислуги будут переполнены, но мы втиснем туда вашего человека... У вас кто-то есть, или вы хотите, чтобы мой секретарь уладил этот вопрос?

— Келли с «Ленина». Я бы хотел, чтобы он остался со мной. — Еще один хороший человек потерян для Флота.

— Келли? Как он, этот старый негодяй?

— Отлично.

— Рад слышать это. Я как раз вспомнил, что ваш отец просил узнать о нем. Вы знаете, что ему столько же лет, как и мне? Я пом-

ню его в мундире, когда ваш отец был лейтенантом, а это было *очень давно*.

— А где Салли? — Когда Род вышел из комнаты 675, она уже ушла. И он был рад этому: с бумагами об увольнении, оттопыривавшими карман его туники, ему не очень-то хотелось разговаривать.

— Побежала по магазинам, конечно. Вам этого делать не придется. Один из моих людей выписал ваши размеры из документов Военного Космического Флота и принес вам пару костюмов. Они во дворце.

— Бен... Вы движетесь слишком быстро, Бен, — осторожно сказал Род.

— Приходится. К тому времени, когда «Ленин» выйдет на орбиту, мы должны получить некоторые ответы. А пока вам нужно изучить политическую обстановку. Все это завязано воедино. ИТА хочет как можно скорее торговать. Лига Человечества хочет культурного обмена и тоже поскорее. Армстронг хочет, чтобы его флот занялся внешними системами, но его пугают мошкиты. Все это должно быть решено прежде, чем Меррилл сможет продолжить покорение Трансугольного сектора. Фондовые биржи отсюда до Спарты лихорадит — как повлияет технология мошкитов на экономику? Какие акционерные компании потерпят крах? Какие обогатятся? И все это в наших руках, парень. Мы *делаем* эту политику.

— О! — Весь смысл происходящего только теперь начал доходить до него. — А как насчет Салли? И остальных членов Комиссии?

— Не будьте глупцом. *ВЫ* и *Я* — это и есть Комиссия. Салли сделает то, что будет нужно.

— Точнее, вы хотите, чтобы она сделала. Но я не уверен в этом... У нее есть собственное мнение.

— Думаете, я не знаю этого? Я жил с ней достаточно долго. Черт побери, вы тоже независимы, и я надеюсь, что не смогу диктовать вам свои условия.

«Пока что вы делаете это довольно успешно», — подумал Род.

— Вас волнует вопрос о Комиссии, верно? — резко спросил Бен. — Парламент интересуют имперские прерогативы. Если существует опасность, единственная прерогатива — это защита от чужаков. Если же они настроены мирно, Парламент хочет сказать свое слово в торговых сделках. Император не хочет выносить вопрос о мошкитах в правительство, пока мы не убедимся, что они не противостоят нам. Однако он не может управлять этим со Спарты. Он не может лично покинуть ее — это вызовет множество проблем в столице. Парламент не возражает против передачи дела кронпринцу Лисандру, но парень слишком молод. Положение безвыходное. Его величество — это одно, но назначение агентов с властью императора — совсем другое. Черт побери, я не хотел бы давать имперской власти никому, кроме правящей фамилии. Один человек или семья

не могут иметь слишком много власти, независимо от того, какую власть они имеют теоретически, но позволить им назначить доверенных людей — это совсем другое дело.

— А как насчет Мерилла? Это его сектор.

— Как насчет него? Те же самые возражения, что и против любого другого. Более того. Обязанности вице-короля детально разработаны, и общения с чужаками в них нет. Мерриллу не дают слишком много власти, чтобы он не попытался основать своей собственной маленькой Империи. То же самое и с Комиссией. Парламент не одобряет давать такую власть одному человеку, даже мне. Меня сделали председателем, потому что я получил большинство голосов. Затем к этому подключили мою племянницу — мой брат был более популярен, чем я, но нам требовалась женщина, и, кроме того, Салли побывала на Мошке. Отлично. Но я не могу оставаться здесь слишком долго, Род. Поэтому нужно было найти мне замену. И это именно ты.

— Я так и понял. Но почему именно я?

— Ну, это естественно. Потребовалась поддержка вашего отца, чтобы Комиссия была создана. Маркиз весьма популярен — он проделал большую работу по объединению своего сектора. Кроме того, вы почти из королевской семьи. Вы входите в Тронную Линию...

— Да, двадцать восьмым. Сын моей сестры имеет больше права, чем я.

— Да, но это не распространяет прерогатив слишком далеко. Пэры верят вам. Баронству нравится ваш отец. Народу тоже, и никто не думает, что вы захотите стать королем здесь и потерять Круцис Корт. Поэтому сейчас проблема состоит в том, чтобы найти парочку местных болванов, которые получат свое баронство и будут работать с вами, пока меня не будет. Прежде чем отправиться домой, вам придется найти себе замену, но, думаю, вы сумеете это сделать. Я же сумел. — Фаулер улыбнулся.

Дворец смутно вырисовывался перед ними. Снаружи стояли гвардейцы в парадных мундирах и килтах, но офицер, сверивший их документы с имеющимся у него списком и махнувший рукой, чтобы их пропустили, был космодесантником.

— Нужно спешить, — сказал сенатор Фаулер, когда они поехали по круговой аллее к яркой красно-желтой каменной лестнице. — Род, если эти мошкиты представляют угрозу, сможете ли вы приказать Кутузову отправиться туда во главе военного флота?

— Сэр?

— Вы слышали меня. Чему вы улыбаетесь?

— Я говорил об этом с одним из моих офицеров, вернувшихся с Мошки-1. Только тогда я был на вашем месте. Да, сэр. Мне не хочется, но я смогу сделать это. Я отвечаю так быстро потому, что решил этот вопрос по пути домой, в противном случае я предложил бы

вам вынести это на Комиссию. — Он сделал паузу. — Салли, впрочем, не сможет.

— На нее рассчитывать нечего. Она не будет бороться за это. Любое доказательство, которое заставит меня или вас приказать нечто подобное, вынудит ее уйти в отставку. Знаете, я изучал ваши рапорты, пока не ослеп и не оглох, и я не нашел в них ничего плохого... впрочем, кое-что было. Например, ваши гардемарины. Мне с трудом удалось проглотить это.

— Мне тоже.

Кеб остановился у лестницы дворца, и водитель открыл для них двери. Род вытащил из кармана мелочь, чтобы заплатить по счету, и дал не слишком большие чаевые, потому что никогда прежде не ездил в кебе.

— Это все, милорд? — спросил официант.

Род взглянул на свой карманный компьютер.

— Да, спасибо. Мы опаздываем, Салли. — Однако он не пытался встать. — Ангус... принесите кофе. С бренди.

— Да, милорд.

— Род, мы действительно опоздаем. — Салли тоже не делала попыток встать. Они переглянулись и рассмеялись. — Когда в последний раз мы ели ленч вместе? — спросила она.

— Неделю назад? А может, две? Не помню. Салли, никогда в жизни я не был так занят. Боевые действия были бы для меня сейчас облегчением. — Он скривился. — Сегодня ночью еще один прием. Леди Риордан. Пойдем?

— Дядя Бен говорит, что барон Риордан очень влиятелен в Новой Ирландии, и нам может понадобиться его поддержка там.

— Тогда предлагаю пойти. — Появился Ангус с кофе. Род попробовал его и удовлетворенно вздохнул. — Ангус, это лучший кофе с бренди, который я когда-нибудь пил. Вы улучшили качество по сравнению с предыдущей неделей.

— Да, милорд. Это оставлено для вас.

— Для меня? Салли, это ваша...

— Нет. — Она была удивлена не менее его. — От кого вы получили это, Ангус?

— Некий торговый капитан лично принес это в Дом Правительства, леди. Он сказал, что это для лорда Блейна. Шеф-повар попробовал его и сказал, что это можно подавать.

— Так оно и есть, — с энтузиазмом согласился Род. — Кто этот капитан?

— Я узнаю, милорд.

— Какой-нибудь офицер-искатель, — задумчиво сказал Род, когда официант ушел. — Вы думаете, он позволит мне узнать... — Он

снова взглянул на свой компьютер. — Думаю, нужно идти. Нельзя заставлять вице-короля ждать так долго.

— Мы тоже сильны. Вы с дядей Беном не согласились с моим предложением и...

— Дорогая, давай оставим это до разговора.

Вице-король требовал немедленного решения Комиссии о том, что делать с мошкитами. И он был только одним из многих. Военный министр Армстронг хотел знать, насколько большой флот потребуется, чтобы справиться с мошкитами. Только в этом случае можно будет задействовать военный план адмирала Кранстона.

Имперская Торговая Ассоциация требовала, чтобы все, что узнал о возможностях торговли Бери, было доведено до всех ее членов. Глава Церкви Его Имени хотел получить доказательства того, что мошкиты — ангелы. Другая группа егоистов была уверена, что они — дьяволы, а Империя засекретила эту информацию. Кардинал Рэндольф, представитель Имперской церкви, желал, чтобы записи о жизни мошкитов были переданы по радио и тривизии, чтобы покончить с егоистами раз и навсегда.

И все в радиусе двух сотен парсеков жаждали получить место в Комиссии.

— По крайней мере мы сможем встречаться, — сказала Салли.

— Верно. — Их квартиры во дворце были в одном коридоре, но они не видели друг друга, разве что на приемах. За прошедшие недели Род и Салли редко бывали на одних и тех же совещаниях.

Ангус вернулся и поклонился.

— Капитан Андерсон, «Рагнарек», милорд.

— Понятно. Спасибо, Ангус. Салли, это корабль «Империал Автонетикс».

— Значит, мистер Бери послал кофе и бренди! Это очень мило с его стороны...

— Да. — Род вздохнул. — Нам *действительно* пора идти.

Они поднялись по лестнице от столовой до кабинета вице-короля Меррилла. Сенатор Фаулер, военный министр Армстронг и адмирал флота Кранстон с нетерпением ждали их.

— Это наш первый совместный ленч за две недели, — объяснил Род. — Приношу свои извинения.

— Когда вернется «Ленин», все будет не так плохо, — сказал сенатор Фаулер. — Ученые Хорвата могут взять на себя большую часть публичных выступлений. Они с удовольствием возьмутся за это.

— Допустим, вы разрешите им выступать, — сказал, растягивая слова, принц Меррилл. — Вы же не позволите им говорить слишком много.

— Простите, ваше высочество, — сказал адмирал Кранстон. — Я тороплюсь. Что мне делать с прибытием «Ленина»? Корабль выйдет на орбиту через шесть часов, и я должен отправить приказ Кутузову.

— Мы можем решить это, если вы примете мое предложение, дядя Бен, — сказала Салли. — Поселить их во дворце, назначить к ним прислугу и охрану, и пусть мошкиты *сами* решают, кого они хотят видеть.

— В этом есть смысл, Бенджи, — сказал Меррилл. — В конце концов, они представители суверенной власти. Трудно объяснить содержание их взаперти, не так ли? Будет большая вонь, а зачем нам это?

— Адмирал Кутузов убежден, что мошкиты представляют угрозу, — сказал военный министр. — По его словам, они очень хорошо умеют убеждать. Дайте им возможность говорить, с кем они захотят, и у нас могут возникнуть политические неприятности. А это, ваше высочество, нам ни к чему.

— Но согласитесь все-таки, что три мошкита не представляют военной угрозы, — настаивала Салли.

Бенджамин Фаулер тяжело вздохнул.

— Меня волнует не военная угроза! Если мы предоставим мошкитам свободу, они *займутся* сделками! Доклад Бери убеждает меня в этом. Может образоваться группа заинтересованных лиц, поддерживающая их. Начнутся переговоры о торговых соглашениях.

— Комиссия наложит вето на любые соглашения, дядя Бен.

— А если мошкиты именно такие, как представляет их Хорват — миролюбивые, желающие отдать или продать нам новые технологии, не стремящиеся к завоеванию жизненного пространства и — откуда, черт возьми, он может знать это? — не представляющие военной угрозы и не собирающиеся вступать в союз с внешними...

Адмирал Кранстон издал глухое рычание.

— Даже если они только это и не более, они по-прежнему останутся проблемой. Прежде всего их технология способна встряхнуть всю Империю. Мы не можем позволить ей широко распространиться без предварительного плана перестройки.

— Рабочие за такое решение, — сухо сказал Меррилл. — Президент ИФЛ был здесь менее часа назад, требуя, чтобы мы спрятали мошкитов до тех пор, пока его люди не изучат проблемы безработицы. Он не против новой технологии, но хочет, чтобы мы были осторожны. Я не могу винить его за это.

— ИТА тоже не более убедительна, — добавил Род. — Прошлой ночью у леди Малькольм двое торговцев сказали мне, что поддерживают такое мнение о мошкитах. — Род коснулся пальцами лацканов своей яркой вязаной туники. Гражданское платье шло ему больше и было более удобным, чем мундир Военного Космического

Флота, но оно не *выглядело* более удобным. — Черт побери, я не знаю, что сказать! Я был так занят этими бессмысленными речами, собраниями и чертовыми приемами, что не имел возможности придумать ничего конструктивного.

— Конечно, конечно, — успокоил его Меррилл. — И все же, милорд, приказ его величества достаточно ясен. Я должен получить совет от вашей Комиссии. И я все еще жду этого совета. Леди Сандра...

— Салли, пожалуйста. — Ей никогда не нравилось это имя, хотя почему — она объяснить не могла.

— Леди Салли по крайней мере что-то предложила нам. Сенатор, вам с Блейном нужно делать нечто большее, чем просто жаловаться, что вы мало знаете!

— Для моего флота это не имеет значения, — вставил Армстронг. — Я должен знать, могут ли линкоры Кранстона вернуться к преследованию внешних или должны оставаться в этом углу сектора? Восстаний будет еще больше, если мы не покажем свой флаг в самых отдаленных провинциях!

— Они чего-то требуют? — спросил Род.

— Да. Они хотят иметь собственные корабли. Кроме того, им нужна возможность вмешиваться в имперскую политику, но главное — это корабли! Этого достаточно, чтобы свихнуться! Они хотят управлять своими внутренними делами и не желают платить налоги больше, чем платим мы. Когда там заваривается каша, они зовут нас, и мы приходим. Но это не ваши заботы, милорд. Если нам действительно потребуются корабли для защиты человечества от инопланетных чудовищ, я найду их, даже если для этого мне самому придется работать на Верфях Макферсона!

— Выходит, нам почти выгодно, чтобы мошкиты оказались враждебными, — задумчиво сказал Меррилл. — Реальная угроза Империи должна объединить провинции... Интересно, как воспримут эту историю бароны?

— Ваше высочество! — запротестовала Салли.

— Это просто мысли вслух.

— Ослепить их беготней за материалом, — буркнул Фаулер, и все повернулись к нему. — Это очевидно. Когда прибудет «Ленин», мы устроим шоу, какого Новая Шотландия никогда не видела. Большой прием для мошкитов. Почетная встреча. Множество формальностей, парадов, обзоров, экскурсий. Встречи с людьми из Министерства иностранных дел. Никто не будет возражать, если публичные появления мошкитов, церемонии и Министерство иностранных дел монополизируют все время. А мы тем временем будем работать. Ваше высочество, вы получите совет, как только это будет возможно, но Леон... Его величество послал меня сюда не для того, чтобы принимать решение с налету. Пока я не узнаю больше, мы будем собирать сведения.

49. Парад

Посадочная шлюпка села на крышу дворца с высоким жалобным визгом реактивных струй, перешедшим в низкое гудение, а затем замершим совсем. Снаружи донесся барабанный бой. Затем в кабину проникли другие звуки, резко усилившиеся, когда люк был открыт.

Дэвид Харди, щурясь от яркого солнечного света, смотрел на разноцветные камни дворца. Он вдохнул свежий воздух, в котором не было запахов корабля и людей, и почувствовал теплоту Новой Каледонии. Его подошвы ощутили твердый камень. Дома!

— ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ, ВНИМАНИЕ!

«О Боже, — подумал Дэвид, — они выходят». Он расправил плечи и двинулся вниз по пандусу, глядя, как оператор направляет на него камеру. Остальные офицеры и штатские шли следом. Последним был доктор Хорват, и, когда он появился, Дэвид кивнул ответственному офицеру.

— НА КАРАУЛ! — Раз, два! Пятьдесят пар белых перчаток сделали одинаковые движения, хлопнув по своему оружию. Пятьдесят пар пурпурных рукавов, тяжелых от золотого шитья, замерли с геометрической точностью. Барабанная дробь стала громче и быстрее.

Мошкиты спустились по пандусу, щурясь от яркого солнца Новой Каледонии. Трубы протрубили приветствие, затем умолкли вместе с барабанами. Тишину нарушал только легкий звук уличного движения, доносившийся с проспекта в полукилометре отсюда. Даже репортеры на своей высокой платформе замерли. Мошкиты резко закрутили своими телами.

Любопытно! Наконец-то человеческий мир и люди, которые им управляют. И все же, что они делают? Впереди тянулись две линии по двадцать пять десантников в каждой, замерших в напряженных позах; оружие они держали в каком-то неудобном положении, все одинаково и явно никому не угрожая, но Иван машинально повернулся, ища своих Воинов.

Справа стояли еще десантники, но оружия у них не было, а только какие-то громкие инструменты, а некоторые держали приспущенные знамена. Затем трое вооруженных и четвертый, державший более крупное знамя — не приспущенное — с символами, которые они видели прежде: корона и космический корабль, орел, серп и молот.

Прямо впереди, за группой людей с «Ленина» и «Макартура», стояли люди в каких-то безумных одеждах. Они явно собирались говорить с мошкитами, но не говорили.

— Капитан Блейн и мисс Фаулер, — прощебетала Джок. — Их поза показывает, что двое впереди них заслуживают уважения.

* * *

Дэвид Харди повел мошкитов вперед. Чужаки все еще морщили носы и переговаривались между собой музыкальными голосами.

— Если воздух неприятен, — сказал Дэвид, — мы можем сделать фильтры. Хотя я не заметил, чтобы корабельный воздух доставлял вам неприятности. — Он снова набрал полные легкие драгоценного чистого воздуха.

— Нет, нет, он только немного резок, но безвкусен, — сказал Посредник. Отличить их друг от друга было невозможно. — И потом, здесь есть дополнительный кислород. Думаю, он нам понадобится.

— Гравитация?

— Да. — Мошкита искоса взглянула на солнце. — Нам также понадобятся темные очки.

— Конечно.

Они дошли до конца шеренги почетного караула. Харди поклонился Мерриллу, и оба Посредника сделали то же самое, с удивительной точностью повторив его движение. Белый на мгновение замер, затем поклонился, но не так низко, как остальные.

Доктор Хорват ждал их.

— Принц Стефан Меррилл, вице-король его императорского величества в Трансугольном секторе, — объявил он. — Ваше высочество, посол с Мошки-1. Его зовут Иван.

Меррилл официально поклонился, затем указал на Бенджамина Фаулера.

— Сенатор Бенджамин Брайт Фаулер, лорд-председатель Имперской чрезвычайной комиссии. Сенатор Фаулер уполномочен говорить с вами от имени императора и имеет к вам послание от его императорского величества.

Мошкиты снова поклонились.

На этот раз сенатор Фаулер позволил камердинеру одеть его как следует: по-видимому, все человечество просмотрит запись этой встречи. На нем была темная туника без украшений, но с маленьким золотым солнцем на левой стороне груди, новый шарф и идеально подогнанные брюки, заправленные в мягкие сверкающие ботинки. Сунув под мышку резную черную трость с золотой ручкой, он принял от Рода Блейна пергамент.

Фаулер начал читать голосом «для официальных выступлений»; в спорах он бывал груб, но его официальные выступления были высокопарны. И это не составляло исключения.

— Леонидас IX, милостью Божьей Император Человечества, приветствует и поздравляет представителей цивилизации Мошки. Тысячи лет человечество искало во Вселенной братьев. Мы мечтали о них всю нашу историю... — Послание было длинным и официаль-

ным, и мошкиты слушали его молча. Слева от них группа мужчин толкалась и перешептывалась, направляя на них какие-то инструменты, которые мошкиты определили, как плохо сделанные тривизийные камеры. Камер было много, а людей еще больше. Почему нужно так много людей для такой простой работы?

Наконец Фаулер закончил и, не поворачивая головы, проследил взглядом за мошкитами.

— Джентльмены из прессы, — буркнул он. — Мы постараемся, чтобы они не очень беспокоили вас. — Затем он поднял пергамент, показывая Имперскую печать, и передал его мошкитам.

— Они явно ждут ответа. Это одно из «официальных» событий, о которых предупреждал Харди. Я понятия не имею, что сказать. Может, вы?

Джок:

— Нет. Но мы должны что-то сказать.

— Что они сказали нам? — спросил Мастер.

— Я могу перевести, но это не имеет смысла. Они приветствуют нас от имени своего императора, который, кажется, является Сверхмастером. Этот маленький круглый человек — Посредник их императора.

— Ага. Наконец-то мы нашли того, с кем можно разговаривать. Скажите ей...

— Но он ничего не сказал!

— Тогда скажите ничего в ответ.

— Мы очень признательны за приветствие вашего императора. Мы верим, что эта первая встреча разумных рас явится историческим событием, возможно наиболее важным в наших историях. Нам бы хотелось начать торговлю, взаимовыгодную для мошкитов и человечества.

— Вы говорите как Хорват.

— Разумеется. Это его слова. Он часто пользовался ими до того, как люди уничтожили свой меньший корабль. Мы должны узнать, почему они сделали это.

— Нельзя спрашивать этого, пока мы не узнаем о людях побольше.

Молчание затягивалось. Мошкиты явно не собирались больше говорить.

— Несомненно, вы устали после путешествия, — сказал Меррилл, — и хотите отдохнуть в своих квартирах, прежде чем начнется парад. — Когда мошкиты не ответили, Меррилл слегка махнул рукой. Оркестр заиграл марш, и мошкитов повели к лифту.

— Мы избавим вас от этой чертовой прессы, — проворчал Фаулер. Он повернулся к камерам и улыбнулся. То же сделали остальные и стояли так, улыбаясь, пока двери лифта не закрылись перед репортерами, понявшими, что мошкитов увозят, и бросившимися вперед.

В комнатах не было явных камер, и двери имели внутренние замки. Комнат было много, и все с высокими потолками. В трех из них стояло то, что, по мнению людей, должно было служить мошкитам постелями, и к каждой из этих комнат примыкало помещение для удаления отходов и умывания. В другой комнате находился холодильник, огненная и микроволновая печи, большие запасы продуктов, включая запасы, привезенные мошкитами, столовые приборы и еще какое-то оборудование, назначение которого они не определили. В следующей комнате, самой большой из всех, стояли большой стол полированного дерева и стулья для людей и мошкитов.

Они были потрясены этим огромным пространством.

— Экран тривизии! — воскликнула Джок. Она повернула выключатель, и появилось изображение. Это была запись их самих, слушающих послание императора. На других каналах было либо то же самое, либо мужчина, говоривший о прибытии мошкитов, либо...

Огромный человек в свободной одежде, который что-то кричал. Его голос и жесты выражали гнев.

— Дьяволы! Их нужно уничтожить! Его Легионы должны выступить против Легионов Ада!

Затем крикуна убрали, и появился другой мужчина, тоже в просторной одежде, но не кричавший, а говоривший спокойно.

— Вы слышали человека, который называет себя Его голосом. От имени Церкви заверяю вас, что мошкиты не ангелы и не дьяволы, а просто разумные существа, во многом подобные нам. Если они и представляют угрозу для человечества, то вовсе не духовную, и слуг его величества вполне достаточно, чтобы справиться с ними.

— Кардинал Рэндольф, определила ли Церковь... э... статус мошкитов? Их место в теологии...

— Конечно, нет. Но я могу сказать, что едва ли это сверхъестественные существа.

Кардинал Рэндольф рассмеялся, и комментатор последовал его примеру. От человека, который гневно кричал, не было и следа.

— Идем, — сказал Мастер. — Для этого у нас будет время позднее. — Они вошли в большую комнату и сели за стол. Чарли принесла зерно из их пищевых запасов.

— Вы чувствуете этот воздух? — сказала Джок. — Никакой промышленности! Планета должна быть почти пуста! Здесь хватит места для миллиарда Мастеров со всеми подчиненными.

— Слишком сильный солнечный свет слепит нас, а гравитация сделает короче наши жизни. — Чарли глубоко вздохнула. — Но здесь есть место, пища и металл. Гравитация и солнечный свет будут проклятием. Мы возьмем это.

— Должно быть, я что-то неправильно поняла. — Джок жестом выразила свое удивление. — Не думаю, чтобы мы втроем смогли забрать ее силой.

— Эти люди подводят меня к мыслям о Безумном Эдди! Вы видели? Вы слышали? Посредник императора питает отвращение к операторам тривизийных камер, и все-таки улыбается им и намекает, что у него не так много власти, чтобы помешать им досаждать нам.

— Они передают нас по тривизии, — сказал Мастер.

— И совершенно ясно, что люди смотрят. Там были представители от многих Мастеров. Вы видели это. — Джок выразила свое удовольствие. — У меня будет много возможностей узнать, как люди управляют и как они живут.

— Они дали нам источник информации, который не контролируют, — сказал Мастер. — Что это значит?

Посредники молчали.

— Да, — сказал Иван. — Если мы не достигнем успеха в своей миссии, нам не разрешат вернуться. — Он выразил равнодушие. — Мы знали это до того, как отправились сюда. Сейчас для нас более важно как можно скорее начать с людьми торговлю или определить эти сношения с людьми нежелательными и найти способ предотвратить их. Мы должны действовать быстро.

Они знали это. Посредники, предложившие эту миссию, и Мастер, согласившийся на нее, знали, что время ограничено, еще до того, как покинули Мошку-1. Причин было две: жизненный цикл Посредников недолог, да и Мастер должен умереть примерно в то же время. Гормональный дисбаланс, который сделал их стерильными и навсегда мужчинами, должен был убить их. Но только мулы и стерильный Хранитель могли быть посланы, потому что Мастера не доверяли никому, кроме Хранителей, выполнявших свои задачи, а только Хранитель мог выжить, не размножаясь.

Второе ограничение времени было не таким предсказуемым, но от этого не менее верным: цивилизация Мошки вновь была обрече-

на. Кончался очередной Цикл, и, несмотря на попытки Безумных Эдди, ничто не могло остановить его. После коллапса люди должны были увидеть мошкитов, впавших в варварство. В то время раса будет почти или полностью беспомощна — что в этом случае сделают люди?

Никто не знал этого, и ни один Мастер не хотел рисковать.

— Люди обещали устроить обсуждение торговли. Я полагаю, их инструментом будет Посредник, а также, возможно, мистер Бери или кто-то вроде него. — Джок встала со стула и осмотрела покрытые панелями стены. Среди филиграни были укрыты кнопки, и она нажала одну из них. Панель скользнула в сторону, открыв еще один тривизор, и Джок занялась им.

— Что тут обсуждать? — спросил Мастер. — Нам нужна пища и земля или чтобы нас оставили одних с нашими Циклами. Мы должны скрывать насущную необходимость наших нужд и причины этого. Кроме идей, мы мало чем можем торговать — у нас нет ресурсов, которые можно добывать. Если людям нужны товары длительного пользования, им придется поставлять нам металл, чтобы получить их.

Любое выкачивание из Мошки ресурсов должно было продлить коллапс, а этого нельзя было допускать.

— Флот продолжает хранить молчание в этом вопросе, но я могу сказать вам, что они обладают технологией, превосходящей все, чем располагала Первая Империя, — сказал комментатор на экране. Он выглядел испуганным.

— Люди больше не владеют большинством из того, что имели, — сказала Джок. — Когда-то, во время периода, который они называют Первой Империей, у них была машина удивительной эффективности, превращающая все в пищу. Ей требовалась только энергия и органическая материя: мусор, трава, даже умершие животные и люди. Яды удалялись или перерабатывались.

— Вам известны ее принципы? Как широко она была распространена? Почему люди больше не имеют ее? — спросил Мастер.

— Нет. Никто из людей не говорит об этом.

— Я слышала, — добавила Чарли. — Это был рядовой по имени Дубчек, и он пытался скрыть очевидный факт, что у людей есть Циклы. Они все так делают.

— Мы знаем об их Циклах, — сказал Иван. — Это странно неравномерные Циклы.

— Мы знаем, что говорили нам гардемарины в последние часы своей жизни. Нам известно, что подразумевали другие. Мы знаем,

как их пугает могущество Первой Империи, но не восхищают их прежние цивилизации. Возможно, тривизия даст возможность понять это.

— Эта пищевая машина — могут другие знать о ней больше?

— Да. Если бы у нас был Коричневый и удалось найти людей, знающих принципы, возможно...

— Доставьте мне радость перед сном, — сказала Чарли, — перестаньте мечтать о Коричневых.

— Ничем не могу помочь. Когда я лежу на их ложах, сижу на их стульях, мысли мои почему-то обращаются...

— Коричневый неизбежно должен умереть. Двум Коричневым нужно непрерывно размножаться и размножаться, а если это невозможно, они умирают. Замолчите о Коричневых.

— Хорошо. Но одна такая пищевая машина могла бы отсрочить новый Цикл на семьдесят два года.

— Вы узнаете все, что возможно, об этой машине, — распорядился Иван. — А теперь хватит говорить о Коричневых. Мое ложе так же неудобно, как и ваши.

Трибуна располагалась перед воротами дворца и была полна людей. Другие временные сооружения тянулись вдоль дороги в обе стороны насколько могли видеть мошкиты со своего места в первом ряду. Люди сновали вокруг них.

Иван сидел невозмутимо. Цель происходящего была непонятна, но люди пытались соблюсти приличия. Когда мошкиты покинули свои комнаты, их сопровождали люди с оружием, но эти люди не разглядывали мошкитов — они непрерывно следили за толпой, окружавшей их. Эти десантники не производили особого впечатления, и в руках Воинов были бы не лучше Мясных, но по крайней мере Мастера людей позаботились о телохранителях. Они пытались быть вежливыми.

Посредники переговаривались, как делали это всегда, а Иван внимательно слушал. Можно было многое узнать из беседы Посредников.

Джок:

— Это Сверхмастера этой планеты и еще двенадцати или более планет. И все они говорят, что они должны сделать это. Почему?

Чарли:

— У меня есть теория. О структуре их уважения. Смотрите, как они подходят к своим местам: вице-король Меррилл помогает

Салли подниматься по ступеням. Титулы опускаются одними и всегда называются другими, а дикторы дают их излишне полно. «Джентльмены прессы», похоже, вообще не имеют статуса, и все же те, кого они останавливают, выражают удовольствие. Хотя им запрещено идти туда, куда они хотят, их не наказывают за попытки.

Джок:

— И какую структуру вы видите? Я не замечаю ничего.

Иван:

— Есть какие-нибудь выводы?

— Нет, только вопросы, — ответила Чарли.

Иван:

— Тогда позвольте мне сделать свои наблюдения.

Джок перешла на современный язык троянских астероидов:

— Какую структуру вы видите?

Чарли ответила на том же языке:

— Я вижу сложную сеть обязанностей, внутри которой имеется пирамида власти. Никто не является полностью независимым, но по мере приближения к вершине пирамиды власть резко возрастает. Впрочем, она редко используется полностью. Есть линии обязанностей, которые тянутся во всех направлениях: вверх, вниз, в стороны, совершенно чуждым для нас образом. Так или иначе, все люди работают друг для друга. Вице-король Меррилл отвечает на команды сверху и на обязанности снизу. Коричневые, Фермеры, Воины и Рабочие требуют и получают периодические отчеты о деятельности своих Мастеров.

Джок изумилась:

— Это слишком сложно. И все же мы должны узнать, можно ли предсказывать поведение людей.

Чарли:

— Эта структура изменяется. Кроме того, в ней есть позиция, называемая «Формальность»...

УДАР!

Джок:

— Да, я видела. Маленькая женщина пробежала перед машиной. Смотрите, люди в машине потрясены, может, даже получили повреждения. Машина остановилась очень резко. Какие прерогативы может иметь эта женщина?

Джок:

— Если ее уводят родители, значит, она прото-Инженер. За исключением этого, она просто маленькая женщина, и это машина Мастера остановилась, чтобы избежать столкновения с ней, нанеся ущерб Мастеру. Теперь я понимаю, почему их финч'клик' сходят с ума.

* * *

Трибуна была почти полной, и Харди вернулся на свое место рядом с ними. Чарли спросила:

— Можете вы еще раз объяснить, что здесь происходит? Мы не понимаем, а у вас мало времени.

Харди уже думал об этом. Любой ребенок знал, что такое парад, но никто и не собирался объяснять этого детям — их просто брали на него. Детям это нравилось, потому что там было много странных и удивительных вещей. Взрослые же... со взрослыми другое дело.

— Много мужчин пройдет мимо нас в правильных колоннах, — сказал он. — Некоторые будут играть на музыкальных инструментах. Потом проедут машины, показывая ручные изделия, продукцию сельского хозяйства и искусства. Затем пройдет еще больше мужчин, и их группы будут одинаково одеты.

— А с какой целью?

Харди рассмеялся.

— Чтобы оказать честь вам, друг другу и самим себе. Показать свое умение. — *А может быть, и свою мощь...* — Мы устраиваем парады с самого начала своей истории, и нет никаких причин отказываться от этого.

— Это одно из тех официальных событий, о которых вы говорили?

— Да, но одновременно это и забава. — Харди благосклонно улыбнулся своим питомцам. Они выглядели прелестно с их коричнево-белым мехом и выпуклыми черными очками, державшимися на ремешках, потому что у мошкитов не было носов, чтобы поддерживать обычные очки. Эти темные выпуклости придавали им неестественно торжественный вид.

Харди оглянулся на возню позади. Представители Адмиралтейства занимали свои места. Харди узнал адмирала Кутузова и адмирала флота Кранстона.

Мошкиты защебетали между собой, их голоса становились то выше, то ниже, руки мелькали...

— Это он! Это Мастер «Ленина»! — Джок встала и смотрела на него. Руки ее выражали удивление, радость, недоверие...

Чарли изучала поведение людей, когда они продвигались по трибуне. Кто кому уступает? Каким образом? Просто одетые люди реагировали предсказуемо, и покрой их одежды давал им точный статус. Блейн однажды надевал подобную одежду и, пока это продолжалось, занимал в теории место, предназначенное ему. Теперь он больше не носил ее, и схема для него изменилась. Даже Кутузов

поклонился ему. Закончив наблюдать реакции людей и выражения их лиц, Чарли сказала:

— Вы правы. Будьте осторожны.

— Вы уверены? — требовательно спросил Белый.

— Да! Он тот, кого я изучала так долго, с такого большого расстояния, исключительно по поведению тех, кто принимал его приказы. Видите широкую нашивку на его рукаве, круглый символ планеты на груди, уважение, оказываемое ему космодесантниками «Ленина»... конечно, это он! Я была права с самого начала — это одно существо и человек!

— Вы должны перестать изучать его. Повернитесь вперед.

— Нет! Мы должны знать этот тип людей! Это класс, который они выбрали командовать своими военными кораблями.

— Отвернитесь.

— Вы Мастер, но вы не мой Мастер.

— Повинуйтесь, — сказал Иван. Он был не слишком силен в споре.

Зато сильна была Чарли. Пока Джок дергалась, пытаясь справиться с внутренним противоречием, Чарли перешла на древний, полузабытый язык не столько для того, чтобы скрыть смысл слов, сколько чтобы напомнить Джок, как много они должны скрывать.

— Будь у нас много Посредников, можно было бы рискнуть, но если вы сейчас сойдете с ума, то политикой будем заниматься мы: Иван и я. Ваш Мастер не будет представлен.

— Но опасности, которые угрожают нашему миру...

— Вспомните о своих сестрах. Посредник Салли Фаулер пытается убедить Мастеров, что мир можно сделать совершенным, если они попытаются сдержать свое размножение. Посредника Горация Бери...

— Если мы сможем узнать...

— ...не могут найти. Он направил письма самым могущественным Мастерам, предлагая им свои услуги и указывая на ценность информации, которой он обладает. Посредник Джонатона Уитбрида предала своего Мастера и убила своего собственного финч'клик'! — Чарли коротко глянула на Ивана. Мастер наблюдал за ними, но не должен был ничего понимать.

Чарли перешла на обычный язык:

— Посредник капитана, лорда Родерика Блейна, стала Безумным Эдди. Вы при этом присутствовали. Посредник Гэвина Поттера — Безумный Эдди. Посредник Синклера полезна для общества, но тоже безумна.

— Это правда, — сказал Белый. — Мы возложили на нее ответственность за создание защитного поля, подобного тому, каким обладают люди. Она работает с Коричневыми и сама пользуется инструментами. Но со своим Мастером и сестрами-Посредниками она говорит так, словно ее теменные доли повреждены.

Иван вдруг сел, глядя вперед.

Чарли продолжала:

— Только Посредник Хорста Стейли осталась нормальной по всем стандартам. Вы не должны отождествлять себя ни с одним человеком.

Джок вновь перешла на современный троянский:

— Но мы одни здесь. Что же, я должна быть финч'клик' Ивана?

— Вы не должны становиться финч'клик' ни одного человека, — заявил Иван, заметивший переход на другой язык. Чарли не ответила.

«Что бы это ни было, — подумал Харди, — я рад, что оно кончилось». Разговор мошкитов продолжался всего с полминуты, но в нем содержалось много информации, и эмоциональное удовлетворение было высоко. Дэвид был уверен в этом, хотя до сих пор мог различить только несколько фраз на каком-то из языков мошкитов. Вообще, он только недавно понял, что этих языков несколько.

— Сюда идут вице-король и члены Комиссии, — сказал Харди. — И оркестры двинулись. Сейчас вы поймете, на что похож парад.

Роду казалось, что каждый камень дворца задрожал от этого звука. Сотни барабанщиков шли под грохот своих ударов, а за ними духовой оркестр грянул какой-то древний марш времен СоВладения. Ведущий поднял жезл, и группа направилась обратно, прежде чем на трибуне вежливо зааплодировали. Вскинутые жезлы девушек закружились в воздухе.

— Посол спрашивает, Воины ли это? — крикнула Чарли.

Род едва не рассмеялся, но вовремя взял себя в руки.

— Нет. Это оркестр Высшей школы Джона Мюира — младшая группа. Возможно, некоторые из них станут воинами, когда подрастут, а остальные будут фермерами, инженерами или...

— Спасибо, — прощебетала Джок.

«Не то чтобы у нас не было воинов, — подумал Род. Устраивая этот прием, который наверняка соберет максимальную в истории Империи тривизийную аудиторию, Меррилл не собирался упускать случай показать на мгновение бронированный кулак. Это должно заставить возможных мятежников дважды подумать. Однако здесь не будет показано много вооружения, и будет больше молодых девушек с цветами, чем космодесантников и солдат.

Парад казался бесконечным. Каждый провинциальный барон хотел пустить пыль в глаза, каждая гильдия, корпорация, город, школа, ложа — все хотели пройти, и Фаулер сказал, что разрешает это им всем.

За оркестром школы Джона Мюира проследовал полубатальон войск Союза Горцев в килтах, с барабанами и завывающими волынками. Эта дикая музыка действовала Роду на нервы, но он старался сдерживаться — хотя Союз располагался по другую сторону Угольного Мешка, горцы были популярны на Новой Шотландии, и все новошотландцы любили или делали вид, что любят эти трубы.

Горцы были вооружены мечами и пиками и носили кивера из оленьей шкуры почти метр длиной. Яркие пледы накрывали их плечи. Сейчас они были совсем не страшными, но репутация этих воинов была достаточно высока: армии любого из известных миров не понравилось бы иметь с ними дело, когда они снимают свои парадные украшения и надевают боевое обмундирование.

— Это воины? — спросила Чарли.

— Да. Это часть церемониальной гвардии вице-короля Меррилла, — ответил Род. Он стоял смирно, пока разноцветный отряд маршировал мимо, и с трудом сдерживался, чтобы не поднять в приветствии руку. Вместо этого он снял шляпу.

Парад продолжался: покрытая цветами платформа барона с Новой Ирландии; гильдии ремесленников; еще войска, на этот раз фридлендерцы, марширующие неуклюже, поскольку были артиллеристами и танкистами и не имели сейчас своих экипажей. Еще одно напоминание провинциям о том, кого его величество может послать против своих врагов.

— Как воспринимают все это мошкиты? — спросил уголком рта Меррилл, различая цвета еще одного барона.

— Трудно сказать, — ответил сенатор Фаулер.

— Более важно, как воспримут это провинции, — сказал Армстронг. — Этот показ во много раз ценнее визита линейного крейсера. И гораздо дешевле.

— Дешевле для правительства, — сказал Меррилл. — Мне неприятно даже думать, что придется посылать все это. К счастью, это не мое дело.

— Род, вы сейчас можете уйти, — сказал сенатор Фаулер. — Харди извинится за вас перед мошкитами.

— Хорошо. Спасибо. — Род скользнул в сторону. За его спиной раздавались звуки парада и приглушенный разговор его друзей.

— Я никогда в жизни не слышала так много барабанов, — сказала Салли.

— Глупости. На каждом Дне Рождения, — напомнил ей сенатор Фаулер.

— Да, но я-то не видела *всего* этого на Днях Рождения.

— День Рождения? — спросила Джок.

Род ушел, когда Салли пыталась объяснить сущность патриотических праздников, а мимо трибуны с гаэльским великолепием двигалась сотня трубачей.

50. Искусство ведения переговоров

Маленькая группа двигалась в гневном молчании. Враждебность Горовица была хорошо заметна, когда он вел их все глубже под землю. «Я самый компетентный ксенолог в Трансугольном секторе, — думал он. — Им бы пришлось направиться на Спарту, чтобы найти кого-нибудь лучше, и все-таки этот чертов молодой лорд и его полувоспитанная леди сомневаются в моем профессиональном слове.

И я должен мириться с этим».

Горовиц понимал: сомнений насчет этого быть не могло. Президент университета лично объяснил это ему.

— Ради бога, Зигги, сделайте, как они хотят! Эта Комиссия имеет большое влияние. Весь наш бюджет, не говоря уже о вашем отделе, может предстать в их докладе совсем не так, как на самом деле. Что, если они скажут, что мы не хотим сотрудничать, и запросят помощи со Спарты?

Ну что ж, по крайней мере эти молодые аристократы знают, что его время очень ценно. Пока они шли к лаборатории, он сказал им это полдюжины раз.

Они были глубоко под землей, в Старом Университете, ступая по каменным полам, источенным временем. Сам Мурчисон ходил по этим коридорам до того, как перестройка Новой Шотландии была закончена. И легенда гласила, что его призрак до сих пор можно видеть бродящим по каменным проходам: фигура в капюшоне с одним сияющим красным глазом.

И все-таки почему это так чертовски важно? Почему эта девица придает этому такое большое значение?

Лаборатория была помещением, высеченным в скале. Горовиц сделал властный жест, и двое ассистентов открыли морозильный контейнер. Из него выскользнул длинный стол.

Пилот зонда Безумного Эдди лежал на гладкой белой поверхности белого пластика. Его органы находились примерно на тех местах, где они были до вскрытия: светло-красные, темно-красные, серовато-зеленые самых невероятных форм — цветом и строением Посредник напоминал сейчас человека, подорвавшегося на гранате. Род почувствовал, как желудок его судорожно сжался.

Он содрогнулся, когда Салли нетерпеливо наклонилась вперед, чтобы лучше видеть. Ее лицо было застывшим и мрачным.

— Ну что? — торжествующе спросил Горовиц. Его костлявый палец ткнул в грязно-зеленые утолщения в брюшной полости размером с земляной орех. — Здесь. И здесь. Это должны быть яички. У прочих разновидностей мошкитов тоже есть внутренние яички.

— Да... — согласилась Салли.

— Этого мало? — презрительно спросил Горовиц.

— Мы не знаем. — Голос Салли по-прежнему был очень серьезен. — На статуэтках нет репродуктивных органов, а мошкиты, вскрытые экспедицией, были Коричневыми или малышами. Коричневый был женщиной.

— Я видел этих малышей, — самодовольно сказал Горовиц.

— Да... — согласилась Салли. — Яички у самцов малышей были достаточно велики, чтобы их увидеть...

— Гораздо больше, чем здесь. Но это не важно. Эти вот не могут производить сперму — я доказал это. Этот пилот был мулом. — Горовиц хлопнул руками. — Мулом!

Салли изучала вскрытого мошкита. «Она действительно огорчена», — подумал Род.

— Мошкиты стартовали мужчинами, затем превратились в женщин, — пробормотала она почти неслышно. — Может, этот был незрелый?

— Пилот?

— Да, конечно... — Салли вздохнула. — Вероятно, вы правы. У него рост взрослого Посредника. Может, это причуды природы?

— Ха. Вы смеялись надо *мной*, когда я предположил, что это может быть мутация. Да, это не так. Пока вы совершали свою увеселительную прогулку, мы здесь провернули массу работы. Я изучил его хромосомы и генную систему, отвечающую за половое развитие. Это существо было стерильным гибридом двух других форм, которые могли размножаться.

— Это подходит, — сказал Род. — Мошкиты говорили Реннеру, что Посредники являются гибридами...

— Взгляните, — потребовал Горовиц. Он включил экран и принялся нажимать на кнопки. По экрану поплыли изображения. Хромосомы мошкита были плотно упакованными дисками, соединенными в столбики. На дисках были какие-то ленты... и тут Салли и Горовиц заговорили на языке, которого Род не понимал. Он рассеянно слушал их, пока не заметил, что ассистент готовит кофе. Девушка мило предложила ему чашку, второй ассистент присоединился к ним, и Рода опять заставили рассказывать о мошкитах.

Спустя полчаса они покинули университет. Что бы там ни сказал Горовиц, Салли он убедил.

— Почему это так огорчило вас, дорогая? — спросил Род. — Горовиц прав. Для Посредников есть смысл быть мулами. — Род скривился, вспомнив. Горовиц многозначительно добавил, что, будучи мулами, Посредники не должны быть подвержены семейственности.

— Но моя финч'клик' говорила мне. Я уверена в этом. Мы разговаривали о сексе и воспроизведении, и она сказала...

— Что?

— Я не помню точно. — Салли вынула свой карманный компьютер и изобразила символы вызова информации. Устройство за-

жужжало, затем изменило тон, показывая, что нужно воспользоваться радио машины, чтобы связаться с банком данных дворца. — И я не помню, когда она говорила это... — Она написала что-то еще. — Регистрируя эту ленту, я воспользовалась системой перекрестных ссылок.

— Вы найдете ее. Здесь, во дворце... Кстати, после ленча у нас встреча с мошкитами. Почему бы не спросить об этом их самих?

Салли усмехнулась.

— Вы покраснели.

Салли хихикнула.

— Помните, когда маленькие мошкиты впервые совокуплялись? Это было первое определенное указание на отношение полов среди взрослых мошкитов, и я *помчалась* вниз, в гостиную... Доктор Хорват до сих пор считает меня сексуальной маньячкой!

— Хотите, чтобы спросил я?

— Если не спрошу я. Но, Род, моя финч'клик' не солгала мне. Она просто не *могла* так поступить.

Они поели в столовой, и Род распорядился подать еще кофе с бренди. Сделав глоток, он задумчиво сказал:

— С этим было послание...

— Да? Вы говорили с мистером Бери?

— Только поблагодарил его. Военный Космический Флот по-прежнему держит его своим гостем. Нет, само это послание было подарком. В нем говорилось, что он мог отправлять сообщения еще до того, как «Ленин» вышел на орбиту вокруг Новой Шотландии.

Салли удивилась.

— Вы правы... А почему мы не...

— Мы были слишком заняты. Каждый раз, когда я думал об этом, это казалось не таким важным, и я бросал это занятие. Вопрос вот в чем, Салли: что за другие послания он отправил и почему он хотел, чтобы я знал об этом?

Салли покачала головой.

— Я уж лучше буду анализировать мотивы действий чужаков, чем мистера Бери. Он очень странный человек.

— Верно. Но он не глуп. — Род встал и помог Салли подняться. — Пора идти на встречу.

Они собрались в хижине мошкитов во дворце. Это должна была быть рабочая встреча. Сенатор Фаулер был занят текущими политическими делами где-то в другом месте, поэтому Род и Салли могли задавать вопросы.

— Я рада, что вы кооптировали мистера Реннера в качестве советника, — сказала Салли Роду, когда они выходили из лифта. — У него... э... иная точка зрения на мошкитов.

— Иная... Да, это слово подходит. — Род также привлек к работе и других членов экспедиции: священника Харди, Синклера и нескольких ученых. Впрочем, доктора Хорвата они использовать не могли, пока сенатор Фаулер возражал против его просьбы стать членом Комиссии. Министр по науке мог отказаться подчиняться членам Комиссии.

Десантники, щелкнув каблуками, стали смирно, когда подошли Род и Салли.

— Вы слишком много тревожитесь, — сказал Род, ответив на приветствие. — Мошкиты не жалуются на охрану?

— Жалуются? Джок говорила мне, что Послу *нравится* иметь охрану, — ответила Салли. — Я полагаю, он немного боится нас.

Род пожал плечами.

— Они смотрят много тривизийных передач. Бог знает, что они думают сейчас о человеческой расе. — Они вошли, застав в комнате оживленный разговор.

— Конечно, я не рассчитывал на прямые доказательства, — говорил священник Харди, — но при этом был бы приятно удивлен, найдя что-то конкретное: священное писание, религию, вроде нашей — как-то так. Но надеяться? Нет!

— Я по-прежнему удивлена, что вы думали что-то найти, — сказала Чарли. — Будь передо мной задача доказать, что у людей есть душа, я бы не знала, с чего начать.

Харди пожал плечами.

— Я тоже. Но прежде всего я обратился к вашим верованиям... Вы считаете, что обладаете чем-то вроде бессмертной души.

— Одни считают, другие нет, — сказала Чарли. — Большинство Мастеров верит в это. Подобно людям, мошкиты не думают, что их жизни бессмертны. Или что они могут и должны закончиться. Хэлло, Салли, хэлло, Род. Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо. — Род кивнул, здороваясь с Джоком и Иваном. Посол, развалившийся на краю своего ложа, выглядел как сюрреалистическое изображение ангорского кота. Мастер легонько стукнул правой нижней рукой — жест, который, как успел понять Род, означал что-то вроде «Я вижу вас». Несомненно, были и другие приветствия, но они предназначались для других Мастеров, а не для существ, с которыми Посредники обсуждают дела.

Род включил свой карманный компьютер, чтобы ознакомиться с повесткой дня собрания. Табло напомнило ему о двух официальных пунктах обсуждения и о вопросе сенатора Фаулера, который хотел получить ответ, не дав мошкитам понять, что им задавали вопрос. Вопрос этот звучал так: почему мошкиты не спрашивают о судьбе

зонда Безумного Эдди? Напоминать об этом вопросе не было нужды — он интересовал Рода не меньше, чем сенатора. Правда, он не хотел, чтобы мошкиты задавали его, пока он не будет в состоянии объяснить, что он сделал с зондом.

— Прежде чем мы начнем... — сказал Род. — Министерство иностранных дел просит вас прибыть на прием сегодня вечером. Его устраивают бароны и несколько представителей Парламента.

Мошкиты защебетали, Иван ответил тем же.

— Благодарим за честь, — официально ответила Джок. В голосе ее не было никакого выражения.

— Хорошо, теперь вернемся к нашим вечным проблемам. Представляете ли вы угрозу для Империи, и как подействует ваша технология на нашу экономику.

— Довольно странно, — ответила Джок, — но те же самые вопросы интересуют и нас. Разумеется, в обратном направлении.

— Но мы никак не можем решить ни одного из них, — заметила Салли.

— А как это сделать? — резонно спросил Харди. — Отложим пока в сторону вопрос об угрозе, ибо, пока мы не узнаем, что продадут нам наши друзья, экономисты не смогут предсказать, как это подействует на нас... И у мошкитов должны быть те же трудности.

— Они не так интересуются ими, как мы, — нетерпеливо сказал Реннер. — Я согласен с Салли. Мы много говорим и мало делаем.

— Мы не сможем ничего сделать, если наконец не начнем, — сказал Род, глядя на экран компьютера. — Первый вопрос — это сверхпроводники. Физики достаточно счастливы, но секция экономики требует данных о цене. Я хочу спросить... — Он коснулся рычага, позволяя словам вопроса проплыть по крошечному экрану.

— Вы мулы? — неожиданно спросила Салли.

Воцарилось молчание. Глаза Харди слегка сузились, но больше он ничем не выдал своей реакции. Реннер поднял левую бровь. Все они уставились сначала на Салли, затем на мошкитов.

— Вы имели в виду Посредников? — спросила Джок. — Да. Конечно.

Снова пауза.

— Все вы? — спросил Реннер.

— Конечно. Мы гибридные формы. Похоже, никому из вас не понравился этот вопрос. Салли, что вас тревожит? Посредники были поздним проявлением эволюции, а эволюция групп и племен так же часта, как индивидуумов. Это верно и для людей, не так ли?

Харди кивнул:

— И не только для вас. Для большинства чужих форм жизни, которые мы встретили, тоже.

— Благодарю. Мы полагаем, что племена с Посредниками выживали лучше, чем без них. Мы никогда не видели Посредника,

способного к размножению, но, появись такой, она действовала бы в интересах своих детей, а не племени. — Мошкита пожала плечами. — Конечно, все это лишь рассуждения. Наша история не уходит так далеко назад. Что касается меня, то мне хотелось бы иметь детей, но я понимаю, что... — Мошкита снова пожала плечами. — И все-таки жаль. Сексуальный акт — это главное наслаждение. Мы знаем это. Мы слишком хорошо сопереживаем это с Мастерами.

Вновь воцарилось молчание. Харди прокашлялся, но ничего не сказал.

— Салли, раз уж мы заговорили о проблемах мошкитов, есть еще кое-что, что вы должны знать о нас.

«Уныние здесь уже можно резать ножом, — подумал Род. — Почему нас так угнетает, что...»

— По сравнению с вашими видами, наши — короткоживущие. Мы трое были выбраны за наш опыт и интеллигентность, а не за нашу молодость. Нам осталось значительно меньше десяти лет жизни.

— Но... *нет!* — Салли была явно потрясена. — Все вы?

— Да. Я бы не подняла такой болезненной темы, но мы все считаем нужным сказать вам. Ваши парады, все эти официальные приемы расстраивают нас больше, чем доставляют удовольствие. Мы предвкушаем наслаждение от разгадки тайны, почему вы делаете это. Но мы также должны установить с вами торговые и дипломатические отношения, и здесь у нас определенный лимит времени...

— Да, — сказала Салли. — Да, конечно. Даже меньше десяти лет!

Джок пожала плечами.

— В среднем Посредники живут двадцать пять лет. Одни больше, другие меньше. У вас, вероятно, есть свои собственные проблемы. — В голосе чужака появилась нотка мрачного удовлетворения. — Например, войны, терзающие вас из-за недостатка Посредников.

Мошкита оглядела комнату. Все молчали, смотря на нее.

— Я огорчила вас всех. Мне очень жаль, но это нужно было сказать... Позвольте нам продолжить встречу завтра, когда мы обсудим все это. — Она издала высокую чистую ноту, и Чарли с Иваном проследовали за ней в личные помещения мошкитов. Дверь мягко закрылась за ними.

Пока они шли к комнате Ивана, Чарли разговаривала с Мастером. Войдя, они закрыли дверь и, хотя были уверены, что в комнате нет камер и подслушивающих устройств, говорили со множеством поэтических намеков, чтобы люди не могли расшифровать этого.

Поза Мастера требовала объяснений.

— Не было времени для консультаций, — воскликнула Джок. — Я заговорила сразу, прежде чем они осознали важность этого вопроса.

— Вы сказали им «да», — сказал Иван. — Вы должны были сказать «нет». Или «может быть». Или «одни — да, а другие — нет»...

Чарли:

— Вы должны были сказать им, что мы не обсуждаем такие вещи. Вы знаете, что люди не любят открыто говорить о вопросах пола.

— Они делают это, когда хотят, — запротестовала Джок. — И их следующей просьбой должно было быть, чтобы мы позволили осмотреть себя их ксенологам. Мы уже имели дело с их физиками, как бы мы смогли отказаться теперь?

Иван:

— Их ксенологи не обнаружили бы ничего. Мужчина может показать, что не производит сперму, но вы — женщины.

Чарли пантомимой выразила ритуальную печаль.

— Обстоятельства заставляют меня не согласиться с вами, Мастер. Их первые осмотры не имели четкой цели. Можно ли сказать, что сейчас они будут менее дотошны? Что они не обнаружат, что все мы страдаем от гормонального дисбаланса? — Руки Чарли двигались, выражая извинение за то, что она напомнила Мастеру о его стерильности. — Того же самого дисбаланса, который они обнаружили у Коричневого шахтера. Дисбаланса, которого не было, когда они встретили шахтера, но который появился перед ее смертью на борту «Макартура».

Остальные молчали, и Чарли безжалостно продолжала:

— Они не глупы и могут хорошо увязать эти нарушения с сексуальным воздержанием. Что они открыли относительно Часовщиков? А у них была возможность изучать их: шахтер, конечно же, принесла их на борт.

— Проклятие! — Иван принял позу задумчивости. — Может, они посадили Часовщиков раздельно?

Оба Посредника высказались.

— Джок была права, ответив именно так, — сказала Чарли. — У них есть тело, которое находилось на борту зонда Безумного Эдди. Пилот должен был быть один и обязательно молодым Посредником с долгой жизнью, чтобы мог переговорить с теми, кого встретит здесь.

— Но наши записи говорят, что этот Посредник должен был умереть, — сказала Джок. — Так и должно было быть; люди ничего не узнали от него. Проклятие! Если бы записи были полными...

— Если бы записи были полными... Если бы у нас был Коричневый... Если бы люди сказали нам, что они сделали с зондом... Если бы люди сказали, почему они уничтожили «Макартур»... Прекратите произносить эти бессмысленные фразы! Вы должны узнать это у людей, — приказал Иван. — Поговорим о том, что люди могли узнать у пилота зонда.

Чарли:

— Они должны были вскрыть его. Их ученые-биологи более продвинулись, чем наши. Они говорят о технике генной инженерии, о чем у нас нет сведений ни в одном музее и, конечно, не открытой в этом цикле. Таким образом, можно предположить, что их ксенобиологи поймут, что пилот был стерилен. Финч'клик' Реннера говорила ему, что Посредники — это гибриды.

— Безумный Эдди. Уже тогда, — сказал Иван. — А теперь она постоянно спорит со своим Мастером. — Он помолчал, думая, потом сказал Джок: — Вы сделали хорошо. Они в любом случае обнаружили бы, что мы стерильны. Главное, чтобы они не поняли, насколько это важно. Скажет ли это людям, что финч'клик' могли лгать и лгали им?

Молчание. Наконец Джок сказала:

— Мы не знаем. Финч'клик' Салли говорила с ней о сексе, но разговор велся на борту корабля людей. У нас нет записи, а только то, что передавалось нам.

— Передавалось Безумным Эдди, — сказал Иван.

— Я сделала все возможное, чтобы отвлечь их, — сказала Джок.

— Но добились ли вы успеха?

— Да. Это было видно по их лицам.

Иван не мог читать по лицам людей, но понимал, как это делается: вокруг глаз и рта у людей имелись мышцы, с помощью которых выражались эмоции, подобно тому как мошкиты делали это руками. Посредники могли читать их.

— Продолжайте.

— Уважение к сексуальному акту замедлило их мысли. Затем факт о нашей продолжительности жизни, преподнесенный как наличие смертельной болезни. Теперь эти долгоживущие существа будут жалеть нас.

— Верно, — сказала Чарли.

— Они будут жалеть нас за все, что нам мешает. Они могут даже попытаться найти для нас лекарство.

Иван быстро повернулся к Джок.

— Вы верите, что они могут сделать это?

— Мастер, разве я Безумный Эдди?

Иван расслабился.

— Вы внимательно изучите этот вопрос. Вы обсудите данные, которыми располагают люди, и выводы, к которым они могут прийти. На борту посольского корабля, встретившего «Макартур», были два Инженера?

Джок:

— Да.

— Проклятие! А сколько было детей-Посредников, когда они вернулись?

— У меня было четыре сестры.

— Проклятие! — Иван хотел бы сказать больше, но заявление это навсегда бы лишило его верности Джок. Своей ненормальностью оно могло бы шокировать даже Чарли. Проклятие! Посредники отождествляют себя с Мастерами и воспринимают отношение Мастеров к детям.

Стерильный с ранних лет, Иван был невосприимчив к этим эмоциям. Однако он знал: детей должны были выбросить в пространство.

51. После бала

— Нет смысла сидеть здесь, — заметил Реннер.

— Да. — Род направился в офис Комиссии, размещенный во дворце. Салли молча следовала за ним.

— Келли, принесите нам чего-нибудь выпить, — сказал Род, когда они сели за стол. — Мне сделайте двойную порцию.

— Да, милорд. — Келли удивленно посмотрел на Рода. Неужели леди Салли уже доставляет ему неприятности? И это еще до женитьбы!

— Двадцать пять лет! — воскликнула Салли, и в голосе ее звучал горький гнев. — Двадцать пять лет? — повторила она, обращаясь к священнику Харди и ожидая от него объяснения существования Вселенной, в которой так много несправедливости.

— Возможно, это цена, которую они платят за большую, чем у людей, сообразительность, — сказал Реннер. — Это тяжело.

— Это компенсация, — задумчиво отозвался Харди. — Их техническая образованность и их любовь к жизни. Они говорят очень быстро и, вероятно, думают так же. Думаю, мошкиты многое успевают за свои немногие годы.

Воцарилось молчание. Вернулся Келли с подносом. Он поставил стаканы и вышел, всем видом выражая неодобрение.

Реннер взглянул на Рода, который сидел в позе Мыслителя: локоть на подлокотнике кресла, подбородок на сжатом кулаке, лицо задумчиво. Кевин поднял свой бокал.

— Сидим как на поминках, — сказал он.

Никто не ответил. Род оставил свой бокал нетронутым. «Человек может хорошо жить и имея жизнь в четверть века, — подумал он. — Разве столько жили люди в доатомное время? Но это не могло быть полным. Сейчас мне двадцать пять, а я еще не имею семьи, не жил с женщиной, которую люблю, и не начал политической карьеры...»

Он посмотрел на Салли, которая встала и принялась расхаживать по комнате. «О чем она думает сейчас? Может, пытается ре-

шить эту проблему за них? Но если не смогли они, что можем сделать мы?»

— Это никуда не приведет нас, — сказал Реннер. Он вновь поднял свой бокал. — Если Посредников не огорчает, что они короткоживущие мулы, то почему мы... — Он замолчал на середине фразы. — Мулы? Значит, дети-Посредники на посольском корабле... должны быть детьми двух Коричневых и скрывающегося Белого.

Все посмотрели на него. Салли прекратила расхаживать и вновь села.

— Когда мы вернулись на Мошку-1, у них было четверо детей, — сказала она. — Верно?

— Действительно, — сказал Харди, взболтнув бренди в своем бокале. — Это довольно высокий темп рождаемости.

— Но у них было так мало времени, — запротестовала Салли.

— И все-таки это было, — уверенно сказал Реннер. — Скажите, Харди, что вы думаете об этой этической ситуации? Вы собираетесь встретиться с незнакомой, хорошо вооруженной расой. Сами вы находитесь в хрупком, как игрушка, невооруженном корабле, и со всех сторон вас окружают дети...

— Я понял вас, — сказал Дэвид Харди. — Но мне нужно подумать. Возможно...

Его прервал удар кулаком по столу. Даже двумя кулаками. Воскликнув: «О зубы Господа», Салли схватила стило и изобразила какие-то символы на табло своего компьютера. Тот зажужжал и вспыхнул.

— Мы ждали корабль, чтобы высадиться на планету... Я уверена, что поняла все правильно. Я просто не могла ошибиться.

Харди удивленно взглянул на Салли. Реннер вопросительно посмотрел на Рода. Тот пожал плечами и повернулся к девушке.

— Ее мошкита никогда не говорила ей, что они являются мулами, — объяснил он остальным.

Компьютер вновь зажужжал. Салли кивнула и нажала несколько кнопок. Экран на задней стене осветился, показывая Салли Фаулер, разговаривающую с коричнево-белым чужаком. Голоса звучали жутко похоже.

Мошкита:

— Вы хотите замуж, чтобы растить детей. А если кто растит детей без замужества?

Салли:

— Это милосердие.

Мошкита:

— Надо понимать, что *вы* никогда...

Салли:

— Нет, конечно, нет.

Живая Салли покраснела, но лицо ее осталось мрачным.

Мошкита:

— Как нет? Я имею в виду не *почему*, а *как?*

Салли:

— Ну... вы знаете, что мужчина и женщина вступают в половые отношения, чтобы сделать ребенка, — так же, как и вы... Я изучила вас довольно тщательно...

— Видимо, недостаточно тщательно, — прокомментировал Харди.

— Видимо, нет, — сказала Салли. — Тс-с...

Мошкита:

— Таблетки? И как они действуют? Гормонально?

Салли:

— Да.

Мошкита:

— Но настоящие женщины не пользуются ими?

Салли:

— Нет.

Мошкита:

— Когда вы выйдете замуж?

Салли:

— Когда найду нужного мужчину... Возможно, я уже нашла его.

Кто-то хихикнул. Салли оглянулась и увидела, что Род кажется блаженно беспечным, Харди мягко улыбается, а Реннер смеется. Она гневно посмотрела на навигатора, но тот наотрез отказался превращаться в облако черного дыма.

Мошкита:

— Тогда почему вы не выйдете за него замуж?

Салли:

— Я не хочу прыгать в никуда. «Жениться на скорую руку, да на долгую муку». Я могу выйти замуж в любое время. В любое время в течение следующих пяти лет. Потом, если я не выйду замуж, то стану одной из старых дев.

Мошкита:

— Старых дев?

Салли:

— Женщин, считающих это ненужным. А что, если мошкита не хочет детей?

Мошкита:

— У нас нет половых отношений.

Послышались какие-то щелчки, и экран погас.

— Совершенно верно, — буркнула она. — «У нас нет половых отношений». У них их нет, но нет и альтернативы.

— В самом деле? — Дэвид Харди был удивлен. — Это заявление в контексте с вопросом вводит в заблуждение...

— Она больше не захотела говорить об этом, — заметила Салли. — И неудивительно. Я просто не так поняла все это.

— Я никогда не понимал свою мошкиту неправильно, — сказал Реннер. — Да и она порой хорошо понимала меня...

— Перестаньте.

— Это был день, когда мы отправились на Мошку-1. Вы знали друг друга уже несколько месяцев, — продолжал Реннер. — Священник, что вы думаете об этом?

— Если я понял вас правильно, то же самое, что и вы.

— На что вы намекаете, мистер Реннер? Я же сказала вам прекратить. — Леди Сандра была рассержена. Род приготовился к тому, что должно было произойти: ледяной холод или взрыв. А может, и то и другое.

— Я не намекаю на это, Салли, — сказал Реннер с внезапной решимостью. — Я говорю это. Ваша мошкита лгала вам. Сознательно и обдуманно.

— Ерунда. Она просто была в затруднении...

Харди легонько покачал головой. Это было слабое движение, но оно остановило Салли. Она взглянула на священника.

— Я могу вспомнить только один случай, когда мошкита была в затруднении, — сказал Дэвид. — Это было в Музее. Все они тогда действовали одинаково, и это нисколько не походило на поведение вашей финч'клик' сейчас, Салли. Боюсь, что Кевин совершенно прав.

— Но по какой причине? — настаивала Салли. — Почему моя... почти моя сестра... должна была лгать мне? Зачем?

Все молчали. Салли удовлетворенно кивнула. Она не могла огрызаться на священника Харди из уважения не столько к его занятию, сколько к нему самому. С Реннером было совсем другое дело.

— Скажите мне, если найдете ответ на этот вопрос, мистер Реннер.

— Да, конечно. — Выражение лица Реннера сделало его страшно похожим на Бакмана: мистер Бери узнал бы его немедленно. Он почти не слушал женщину.

Они покинули сверкающий зал, как только смогли это сделать. За ними оркестр играл вальсы, а мошкиты представлялись бесконечной линии гостей. Там были провинциальные бароны, лидеры Парламента, торговцы, люди, имевшие знакомых в дипломатическом корпусе, и множество пробравшихся сюда без приглашений. Всем хотелось увидеть мошкитов.

Род держал Салли под руку, пока они шли по пустынным коридорам дворца к своим квартирам. Издалека глухо доносились древние вальсы.

— Они живут так мало, а мы расходуем их время на... это, — пробормотала Салли. — Род, это непорядочно!

— Это часть их миссии, дорогая. Какая им польза от соглашений с нами, если нас не поддержит баронство? Даже с Троном за спиной нам безопаснее играть в эти политические игры. Точно так же и для них.

— Вероятно. — Она остановила его и прижалась к его плечу. Человек-в-Капюшоне уже полностью вышел из-за горизонта и сейчас разглядывал их через каменные арки. Во дворе внизу слышался плеск фонтана. Они долго стояли так в пустынном коридоре.

— Я люблю вас, — прошептала она. — Как вы меня терпите...

— Это довольно просто. — Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но, не получив ответа, выпрямился.

— Род, я в таком затруднении... Как бы мне извиниться перед Кевином?

— Перед *Кевином?* Вы шутите. Вы когда-нибудь видели, чтобы Реннер извинялся перед кем-либо? Просто забудьте об этом. Когда в следующий раз встретите его, заговорите с ним так, словно ничего не случилось.

— Но он был *прав!* Вы это знали, правда?

Он повел ее дальше. Их шаги эхом разносились по коридорам. Даже в тусклом свете каменные стены переливались разными цветами. Вскоре стены скрыли пылающий взгляд Человека-в-Капюшоне, и Род с Салли оказались у лестницы.

— Я подозревал это по докладам и коротким разговорам со *своей* мошкитой. Сегодня днем я кое-что проверил. Да, они лгали нам.

— Но почему, Род? Я не понимаю этого... — Следующий лестничный марш они прошли в молчании.

— Вам не понравится ответ, — сказал Род, когда они дошли до своего этажа. — Она была Посредником, а Посредники представляют Мастеров. Ей приказали лгать вам.

— Но почему? Зачем им было скрывать, что они мулы?

— Надеюсь узнать это. — «А может, уже знаю, — подумал он. — Но не стоит говорить этого Салли, пока не будет полной уверенности». — Не принимай это так близко к сердцу, дорогая. Мы тоже лгали им.

Они дошли до его двери, и он положил руку на идентификатор. Дверь скользнула в сторону, открыв Келли в расстегнутой тунике, развалившегося на легком кресле. Десантник быстро вскочил.

— Боже правый, Келли! Я же говорил вам не ждать меня. Отправляйтесь спать.

— Важное сообщение, милорд. Сенатор Фаулер скоро будет здесь. Он просил вас дождаться его и хотел быть уверен, что вы получите это сообщение.

— Да. — Голос Рода был кислым как лимон. — Я получил его. Спасибо.

— Я останусь прислуживать вам.

— Нет, это ни к чему. Нет смысла еще кому-то не спать всю ночь. Уходите. — Род смотрел, как десантник исчезает в коридоре. Салли громко рассмеялась. — Черт побери, я не вижу в этом ничего смешного! — фыркнул Род.

— Он защищал мою репутацию, — сказала Салли. — Что, если бы вы не получили сообщения, и дядя Бен пришел сюда, а мы...

— Верно. Хотите выпить?

— В ожидании дяди Бена, который может прийти в любую минуту? Нет, спасибо, я отправляюсь спать. — Она улыбнулась. — Не засиживайтесь долго.

— Девушка. — Он взял ее за плечи и поцеловал — раз, другой. — Я могу сделать так, что он не сможет войти...

— Спокойной ночи, Род.

Он смотрел, пока она не вошла в свой номер по другую сторону холла, затем вернулся к бару. Это был длинный, пасмурный вечер с единственной мыслью уйти с приема пораньше.

— Проклятие! — сказал он вслух и залпом выпил содержимое до краев наполненного бокала. — Будь оно все проклято!

Сенатор Фаулер и озабоченный Кевин Реннер появились после того, как Род налил себе вторую порцию.

— Простите за поздний визит, Род, — небрежно сказал Фаулер. — Кевин сказал мне, что сегодня произошло нечто интересное...

— Он так сказал? И предложил встретиться, верно? — Когда Бенджамин Фаулер кивнул, Род повернулся к своему бывшему навигатору. — Я вам этого не забуду... вы...

— У нас нет времени для развлечений, — сказал Фаулер. — Есть у вас еще виски?

— Да. — Род налил им обоим, залпом выпил свою порцию и налил себе снова. — Садитесь, Бен. Вы тоже, мистер Реннер. Я не буду извиняться, что отправил прислугу спать.

— О, это хорошо. — сказал Реннер. Поглощенный какими-то мыслями, он опустился в кресло, затем изумленно улыбнулся. Никогда прежде он не сидел в массажном кресле, и это ему явно нравилось.

— Отлично, — сказал сенатор Фаулер. — Расскажите мне, что вы думаете о происшедшем сегодня днем.

— Я покажу вам это. — Род вынул карманный компьютер, и на стене засветился экран. Изображение было не очень хорошим — запись делалась маленькой камерой, скрытой в украшении на тунике Рода, и поле зрения было невелико. Однако звук был великолепен.

Фаулер молча просмотрел ее, потом сказал:

— Давайте еще раз.

Род любезно показал ход встречи еще раз. Пока Фаулер и Реннер смотрели, он направился к бару, подумал, не выпить ли еще виски, потом налил кофе.

— Ну а теперь скажите, почему вы решили, что это так адски важно, — потребовал Фаулер.

— Это первое доказательство того, что они лгали нам. О чем еще они не хотят говорить?

— Черт побери, они многого не говорили нам, — сказал Фаулер. — Что же это — ложь?

— Да, — тихо сказал Род. — Во всяком случае, это подразумевает ее. И это не было непониманием, я проверял. У нас есть слишком много записей разговоров, в которых мошкиты говорят что-то не то, понимают это по нашим реакциям и тут же исправляются. Нет, эта мошкита сознательно старалась заставить Салли поверить, что это правда.

— Но, черт побери, что дает нам знание того, что Посредники не имеют детей? — спросил Фаулер.

— Это говорит о том, что двое Коричневых и Белый имели четырех детей, — медленно сказал Реннер. — На маленьком корабле. В космосе. В условиях непрерывной опасности. Не говоря уже о переполненности корабля.

— Верно. — Бен Фаулер встал и одернул свою тунику. Рубашка под ней была старой, выцветшей и старательно заштопанной в трех местах. — Род, а что думают мошкиты о своих детях? Может, они считают их никем, пока те не научатся говорить?

— Неверно, — сказал Реннер.

— Чтобы вежливо не согласиться с сенатором, — тихо произнес Род, — нужно сказать: «Это не совсем так».

Лицо Реннера вспыхнуло.

— Мне это нравится. Как бы там ни было, сенатор ошибается. Мошкиты думают о своих детях. Единственная религия, о которой они говорили мне, учит, что их души переходят в их детей. Они практически поклоняются этим маленьким баловням!

— Угу. — Фаулер протянул свой бокал, чтобы ему налили еще, и нетерпеливо нахмурился. — Может, это так нравится им, что они делают детей при любой возможности?

— Может быть, — сказал Род. — Но из этого ясно вытекает угроза...

— Вот именно, — сказал Фаулер. — Получается, что планета должна быть *переполнена*. А это значит, что мошкиты сталкиваются с проблемами перенаселенности, которых у нас никогда не было...

— Вероятно, они могут контролировать это, — заметил Род. — Будь это не так, они вскоре битком забили бы всю систему.

— А с какими результатами? — спросил Фаулер. — Что мы знаем об истории мошкитов?

— Не много, — сказал Реннер. — Они долго живут в цивилизации. Действительно долго. По крайней мере десять тысяч лет назад они собирали астероиды в группы. Я боюсь даже думать, какой долгой может быть их история. — Кевин заерзал в кресле, чтобы получить полное удовольствие от массажа. — У них было много времени, чтобы решить свои проблемы народонаселения. Со времени запуска зонда Безумного Эдди до сегодня они могли бы заполнить всю систему. Однако этого не произошло и, следовательно, они могут контролировать рождаемость...

— Но не хотят этого, — заметил Бен. — А что это значит? Если они попадут в Империю, то сколько пройдет времени, прежде чем они превзойдут нас численностью? — Сенатор Фаулер задумчиво гладил пятно на своей рубашке. — Может, они пытаются скрыть именно это. Высокие темпы рождаемости и нежелание делать с этим что-либо. — Он вдруг решительно встал. Задумчивости как не бывало. — Род, пусть ваши люди займутся этим. Я хочу иметь все, что мы знаем об истории мошкитов.

— Да, сэр, — невесело сказал Род.

— Вы говорите как обвинитель на процессе об убийстве, — сказал Реннер. — Боже правый, сенатор, у них была *долгая* история! Конечно, они нашли решение проблемы перенаселенности.

— Отлично. Каким образом? — фыркнул Фаулер.

— Не знаю. Спросите у них, — сказал Реннер.

— Это я и хочу сделать. Но с тех пор, как мы узнали, что они могли лгать и лгали нам... Кстати, почему это так удивляет политиков? — недоуменно спросил он. — Но все равно. Сейчас, когда мы знаем это, я хочу иметь на руках все козыри, прежде чем говорить с мошкитами.

— Возможности для торговли невероятные, — заметила Джок. Руки ее выражали волнение. — Эти люди неописуемо неэффективны в использовании своих ресурсов. У них нет интуиции для работы со сложными инструментами.

— Вообще? — спросил Иван.

— Насколько я заметил, вообще. — Джок указала на тривизор. — Они должны учить свою молодежь любому делу. Многие программы этого прибора служат этой цели.

— У них есть время для учебы, — сказала Чарли. — Они очень долго живут, дольше, чем любой Мастер.

— Да, но они расходуют время впустую. У них нет Коричневых и нет Часовщиков...

— Вы уверены, что у них нет Часовщиков? — прервал ее Иван.

— Да. Мы не видели никаких признаков ни на кораблях, ни по тривизору. У них нет индивидуализированных личных вещей...

— А я их видел. Охранники, которых приставили к нам на «Ленине», носили такую обувь.

— Сделанную нашими собственными Часовщиками...

— Верно, — сказал Иван. — Теперь мы знаем, почему они уничтожили «Макартур». И почему они боятся нас.

Посредники возбужденно затараторили, пока Иван вновь не оборвал их.

— Вы согласны? — спросил он тоном, требующим подтверждения информации.

— Да! — сказали они в унисон.

Затем Чарли торопливо заговорила, опередив Джок:

— Шахтер-Коричневый, которого они взяли на борт корабля, должно быть, принес пару Часовщиков. Люди ничего не знали о них и позволили им сбежать, допустив их свободное передвижение и дав им время приспособиться...

— Однако они говорили, что у них есть свои Часовщики, — сказал Иван.

Джок приняла позу, означавшую размышление. Потом сказала:

— Нет. Салли позволила нам думать, что они имеют их. Когда ее финч'клик' предположила, что Часовщики людей должны быть крупнее, Салли согласилась с этим.

— И гардемарины казались испуганными, когда мы говорили им о конструкции их спасательных шлюпок, — добавила Чарли. — Да, конечно, вы правы.

Воцарилось молчание. Иван подумал, потом сказал:

— Они знают, что у нас есть плодовитые подвиды. Вы должны подумать об этом.

— Они боятся, что мы сознательно пытались уничтожить «Макартур», — сказала Чарли. — Проклятие! Если бы только они сказали нам... Мы могли бы предупредить их об опасности, и людям нечего было бы бояться. Проклятие! Ну почему получилось так, что первый мошкит, которого они встретили, оказалась Коричневым?

— Они сказали, что «Макартур» поражен чумой, — буркнула Джок. — Так оно и было, хотя мы не поверили им. Чума Часовщиков. Однако, если они действительно верили, что мы сознательно уничтожили их корабль или позволили, чтобы он был уничтожен, почему они не сказали этого? Почему они не спросили нас?

— Они скрывали свою уязвимость, — сказала Чарли. — И они никогда не признают поражения. Даже в свои последние минуты гардемарины отказались сдаться.

Вновь стало тихо, потом заговорил Иван:

— Люди не хотели, чтобы мы знали о Часовщиках у них на корабле, пока они не уничтожат их. Они были уверены, что смогут

сделать это. А потом они не хотели, чтобы мы знали, что Часовщики смогли уничтожить их корабль.

— Глупости! — воскликнула Чарли. — Часовщики, получившие время для адаптации, могут уничтожить *любой* корабль. Они действуют на грани коллапса. Если бы они не были такими полезными, нам пришлось бы их уничтожить.

— Это уже делали, — сказала Джок. — С обычным результатом. Какой-нибудь Мастер сохранял их...

— Тихо, — потребовал Иван. — Они боятся нас. Говорите об этом.

— Вы знаете, что люди называют «вымыслом»? — спросила Чарли. — Сознательно созданные легенды. И те, кто слушает, и те, кто рассказывает их, знают, что это неправда.

Иван и Джок жестами показали, что знакомы с этими понятиями.

— Прошлым вечером была тривизийная программа-вымысел, каких много, под названием «Иштван умирает». Когда она кончилась, доктор говорил так, словно в основе этой истории были действительные события.

— Я не видела, — сказала Джок. — Вице-король Меррилл хотел, чтобы я встретилась с несколькими торговцами перед приемом для баронов. Проклятие! Эти бесконечные формальности поглощают наше время и не дают ничего нового.

— Я не говорила вам об этой программе, — сказала Чарли. — Главный актер изображал человека, который явно был адмиралом Кутузовым.

Джок выразила удивление и сожаление об упущенной возможности.

— Вы поняли суть? — спросил Иван.

— Да. Адмиралу приказывают делать то, что он делать не хочет. Там была война между людьми: Империей и этими внешними, которых они так сильно боятся.

— Нельзя ли нам договориться с этими внешними? — спросила Джок.

— Как? — сказал Иван. — Они контролируют все подступы к нам. Если они заподозрят, что мы можем сделать подобное, они постараются помешать нам. Нечего даже думать о таких вещах. Расскажите мне об этой программе.

— В этой войне произошло восстание на планете, а остальные планеты должны были восстать вскоре после этого. Случись так, маленькая война стала бы очень большой, с вовлечением многих планет. Адмирал придумал способ избежать этого и решил, что это его долг. С пятью кораблями, подобными «Ленину», он уничтожил все живое на планете, населенной десятью миллионами людей.

Долгое время все молчали.

— Они способны сделать это? — спросил Иван.

— Я верю в это, — ответила Чарли. — Я не Коричневый, чтобы не сомневаться, но...

— Вы должны обдумать это. Помните, что они боятся нас. Помните, что теперь они знают, что у нас есть плодовитые виды, что после изучения зонда они отправили этого человека во главе экспедиции в нашу систему. Бойтесь за своих Мастеров.

Иван направился в свою комнату. После долгого молчания Посредники начали говорить быстро, но очень тихо.

52. Право выбора

Тяжелые тучи плыли по небу Новой Шотландии. Потом они разошлись, позволив ярким лучам Новой Каледонии согреть облицованную панелями комнату для собраний. Светлые предметы как бы вспыхнули на мгновение, пока окна не поляризовались. Снаружи, у основания дворца, лежали глубокие тени, но солнечный свет был достаточно ярок, чтобы осветить узкие улицы. Толпы людей в килтах двигались по ним — бюрократия сектора торопилась домой к своим семьям, выпивке и тривизии.

Род Блейн уныло смотрел в окно. Внизу хорошенькая секретарша, выскочившая из дворца, так торопилась к автобусу, что едва не сбила старшего клерка. «Важное свидание, — подумал Род. — И у этого клерка будет семья... и у тех людей. Это мой долг, и это может быть чертовски плохо для мошкитов».

За его спиной началась какая-то суматоха.

— Вы договорились, как кормить мошкитов? — спрашивал Келли.

— Да, сэр, — ответил стюард. — Шеф хотел сделать что-нибудь с той чепухой, которую они едят, знаете — специи, то, другое... но потом просто вывалил мясо и зерно в котел и вскипятил это.

— Он покажет свой артистизм в другой раз. Члены Комиссии не хотят сегодня ночью ничего сверхъестественного. Просто будьте готовы накормить их всех, если захотят. — Келли взглянул на магический кофейник, чтобы убедиться, что он полон, затем уставился на пустое место рядом с ним. — Где этот чертов шоколад? — воскликнул он.

— Его несут, мистер Келли, — оправдывался стюард.

— Хорошо. Смотрите, чтобы он был здесь до того, как придут мошкиты. Это будет через час. — Келли взглянул на стенные часы. — Ну ладно, полагаю, мы готовы. Но проверьте этот шоколад.

Впервые попробовав его на борту «Ленина», мошкиты пристрастились к горячему шоколаду. Это был один из нескольких напитков людей, которые им нравились. Но как они пили его! Келли содрогнулся. Масло он еще мог понять — они сами добавляли в шоколад

масло на борту лимейских кораблей. Но капля машинного масла в каждую чашку?!

— Для нас все готово, Келли? — спросил Род.

— Да, милорд, — заверил его Келли. Он занял место у бара и нажал кнопку, давая сигнал, что конференцию можно начинать. «Что-то беспокоит босса, — решил он, — но не его девушка. Хорошо, что у меня нет его проблем».

Дверь открылась, и вошли члены Комиссии, сопровождаемые несколькими учеными Хорвата. Они заняли места вдоль одной стороны инкрустированного стола и положили свои карманные компьютеры перед собой. Послышалось мягкое гудение, когда они начали проверять их соединение с системой дворцового компьютера.

Хорват и сенатор Фаулер вошли, не прекращая спора.

— Доктор, нужно время, чтобы обработать эти вещи...

— Почему? — требовательно спросил Хорват. — Я знаю, что вас не проверяют со Спарты.

— Ну хорошо, значит, это *мне* нужно время, чтобы согласиться на это, — раздраженно сказал Фаулер. — Я буду знать, что смогу сделать для вас к следующему Дню Рождения. Вы подняли шум еще до того, как отправилась экспедиция к Мошке. Но, черт побери, доктор, я не уверен, что ваша темпераментность годится для должности... — Он замолчал, заметив, что головы повернулись к нему. — Закончим этот разговор позже.

— Хорошо. — Хорват оглядел комнату и направился к месту прямо напротив места Бена. Последовало быстрое движение, пока министр по науке собирал своих людей на свою сторону стола.

Вошли остальные — Кевин Реннер и священник Харди, оба в мундирах Флота, и секретарь. Затем появились стюарды, и возникло некоторое замешательство, когда Келли пустил по столу кофе.

Род нахмурился, заняв свое место, затем улыбнулся, заметив торопливо входящую Салли.

— Простите за опоздание, — сказала она, тяжело дыша. — Там...

— Мы еще не начали, — сказал Род, показывая на место рядом с собой.

— К чему все это? — тихо спросила она. В поведении Рода было что-то, тревожившее ее, и она внимательно разглядывала его. — Почему дядя Бен так заинтересовался историей Мошки? Что случилось прошлой ночью?

— Вы все поймете. Сенатор как раз начинает. — «Надеюсь, что все правильно, дорогая, но сомневаюсь в этом. Что случится с нами после этого? — Род мрачно повернулся к собранию. — Интересно, что делает сейчас моя финч'клик'? Вот было бы здорово послать к ней представителя и...»

— Позвольте начать, — отрывисто сказал сенатор Фаулер. — Собрание членов Чрезвычайной Комиссии, представляющих его

императорское величество перед жителями системы Мошки, объявляется открытым. Пожалуйста, запишите ваши имена и организации, которые вы представляете. — Тишину, установившуюся после его слов, нарушило мягкое гудение компьютерных соединений.

— Нам предстоит многое сделать, — продолжал сенатор. — Прошлой ночью стало очевидно, что мошкиты лгали нам в некоторых критических вопросах...

— Не более, чем мы им! — вставил доктор Хорват. «Нужно лучше держать себя в руках, — подумал он. — Цель должна быть достигнута, но если сенатор действительно разозлится...»

— Нас интересует, что они лгали нам, доктор, — сказал Фаулер. Он на мгновение замолчал и, казалось, вокруг него собралась какая-то сила. Коренастый пожилой человек в мешковатой одежде исчез, теперь говорил премьер-министр. — Говорю для всех: мне нравятся неофициальные беседы. Если вам есть что сказать, валяйте, но сначала дайте мне закончить. — Он коротко и холодно улыбнулся. — Можете прерывать кого-нибудь другого, если достаточно могущественны сами. Итак, доктор Хорват, что же мошкиты скрывают от нас?

Энтони Хорват провел пальцами по редеющим волосам.

— Мне нужно время, сенатор. До сегодняшнего утра мне и в голову не приходило, что мошкиты могут *что-либо* скрывать. — Он нервно посмотрел на священника Харди, но тот ничего не сказал.

— Это было сюрпризом для всех нас, — сказал Фаулер. — Кроме того, мы получили данные, что мошкиты размножаются с чудовищной быстротой. Вопрос в том, сможем ли мы заставить их поддерживать свою численность низкой, если они не хотят этого? Род, возможно ли, что мошкиты скрывали от нас оружие?

Род пожал плечами.

— В целой системе? Бен, они могли спрятать все, что угодно.

— Но они совершенно не воинственны, — запротестовал Хорват. — Сенатор, безопасность Империи интересует меня так же, как всех присутствующих в этой комнате. Уверяю вас, что как министр сектора я серьезно отношусь к своему долгу.

«Вы говорите это не для нас, а для записи, — подумал Келли. — Капитал Блейн тоже понимает это. Но что же беспокоит босса? Он выглядит как будто перед боем».

— ...нет никаких доказательств военной активности среди мошкитов, — закончил Хорват.

— Это не совсем так, — вставил Реннер. — Док, мошкиты нравятся мне так же, как и вам, но откуда-то взялись Посредники.

— Да, конечно, — спокойно сказал Хорват. — В своей древней истории они, должно быть, сражались как львы. Это вполне подходящая аналогия. Территориальный инстинкт сохранился до сих пор, например, в их архитектуре или социальной организации. Но сражения были очень давно.

— Насколько давно? — спросил сенатор Фаулер.

Хорват смутился.

— Возможно, миллион лет.

Воцарилось молчание. Салли печально покачала головой. Тесниться в одной крошечной системе миллион лет... миллион *цивилизованных* лет! Каким терпением они должны обладать!

— И ни одной войны с тех пор? — спросил Фаулер. — В самом деле?

— Да, черт побери, у них были войны, — ответил Хорват. — По крайней мере две того же типа, через которые прошла Земля перед образованием СоВладения. Но это было очень давно! — Ему пришлось повысить голос, чтобы перекрыть затрудненное дыхание Салли. Вокруг стола зашептались.

— И одной из них было достаточно, чтобы сделать Землю почти необитаемой, — медленно сказал сенатор Фаулер. — Как давно это было? Тоже миллион лет назад?

— По крайней мере сотни или тысячи лет, — сказал Хорват.

— Вероятно, тысячи, — вставил священник Харди. — Или меньше. Салли, вы пересмотрели свои оценки возраста примитивной цивилизации, которую раскопали?

Салли не ответила. Над столом повисло молчание.

— Для записи, отец Харди, — спросил сенатор Фаулер. — Вы здесь как член Комиссии?

— Нет, сэр. Кардинал Рэндольф просил меня представлять в Комиссии Церковь.

— Благодарю.

Снова тишина.

— Им некуда было идти, — сказал Энтони Хорват, нервно пожав плечами. Кто-то хихикнул, потом, когда Хорват продолжил, стало тихо. — Вполне очевидно, что их первые войны были очень давно, порядка миллиона лет. Это показывает их развитие. Доктор Горовиц изучил биологические находки экспедиции и... впрочем, расскажите сами, Зигмунд.

Горовиц торжествующе улыбнулся.

— Когда я изучал пилота зонда, я подумал, что это может быть мутация. И я был прав. Они мутировали, только произошло это очень давно. Первичные животные формы Мошки-1 двусторонне симметричны, как на Земле и почти повсюду. Первые несимметричные мошкиты явились продуктом резкой мутации. Почему они не вымерли? Я думаю, потому, что имелись сознательные усилия добиться несимметричности. И потому, что все остальное тоже мутировало. Соревнование за выживание было не слишком напряженным.

— Но это означает, что у них была цивилизация, когда развились современные формы, — сказала Салли. — Это возможно?

Горовиц снова улыбнулся.

— А как насчет Глаза? — спросила Салли. — Он должен был облучать систему Мошки, когда стал супергигантом.

— Это было слишком давно, — сказал Хорват. — Мы проверили. В конце концов данные наших исследовательских кораблей дают эквивалент пятисотлетних наблюдений Глаза и подтверждаются информацией мошкитов, полученной гардемарином Поттером. Глаз был супергигантом шесть миллионов лет назад или даже больше, а так давно у мошкитов не было ничего, похожего на нынешние формы.

— О! — сказала Салли. — Но тогда что явилось причиной...

— Войны, — объявил Горовиц. — Общее увеличение уровня радиоактивности в пределах всей планеты, а затем размножение с направленным генетическим отбором.

Салли неохотно кивнула.

— Хорошо... у них были ядерные войны. Так же как у нас. Если бы СоВладение не изобрело Движитель Олдерсона, мы уничтожили бы себя на Земле. — Впрочем, ей не нравился этот ответ. Его было тяжело принять. — А не было ли там другого доминирующего вида, который уничтожил себя, а мошкиты развились позднее?

— Нет, — сказал Хорват. — Вспомните вашу собственную работу, леди Салли: вы показали нам, как хорошо приспособлены формы мошкитов к использованию инструментов. Эта мутация могла быть начата пользующимися инструментами... или контролировалась ими. А может, и то и другое.

— Это только одна война, — сказал сенатор Фаулер. — Она создала мошкитов таких, как мы их видим. Но вы говорили о двух.

Хорват печально кивнул.

— Да, сэр. Развившиеся мошкиты вновь сражались ядерным оружием. Позднее был другой период, который разделил виды на все эти касты — и цивилизованные формы, и животных. Плюс промежуточные, вроде Часовщиков. — Хорват извиняясь посмотрел на Блейна, но лицо того не выражало никаких эмоций.

Зигмунд Горовиц откашлялся. Он явно наслаждался всем этим.

— Я думаю, что Коричневые были первичной формой. Когда Белые стали доминировать, они вывели другие подвиды для собственного использования. Как видите, вновь контролирование эволюции. Но некоторые формы развились сами.

— Значит, несимметричные животные не являются предками мошкитов? — с любопытством спросил сенатор Фаулер.

— Нет. — Горовиц потер руки и коснулся своего карманного компьютера. — Они — дегенеративные формы... Я могу показать вам генный механизм.

— В этом нет необходимости, — быстро сказал сенатор Фаулер. — Итак, две войны. Предположим, Посредники появились после второй...

— Лучше принять три войны, — вставил Реннер. — Даже если допустить, что они избежали радиоактивности во время второй.

— Почему? — потребовала объяснений Салли.

— Вы видели эту планету и их приспособленность к космосу, — сказал Реннер, выжидательно глядя на Хорвата и Горовица.

Торжествующая улыбка Горовица стала еще шире.

— Вновь ваша собственная работа, леди. Мошкиты так хорошо приспособлены к космосу, что вы хотели знать, не развиваются ли они там. Так оно и было. — Ксенобиолог выразительно кивнул. — Но не раньше, чем прошло долгое эволюционное развитие на самой планете. Хотите, мы покажем вам доказательства? Механизм приспособления к низкому давлению, невесомости, интуитивная навигация...

— Я верю вам, — тихо сказала Салли.

— Марс! — воскликнул Род Блейн. Все посмотрели на него. — Марс. Именно об этом вы думали, Кевин?

Реннер кивнул. Он, похоже, испытывал противоречивые чувства: его разум рвался вперед, но ему не нравилось, что там находилось.

— Наверняка, — сказал он. — По крайней мере одна война была с астероидами. Достаточно взглянуть на поверхность Мошки-1, всю покрытую перекрывающимися круговыми кратерами. Они, должно быть, чертовски близко подошли к уничтожению планеты. Это так испугало выживших, что они собрали все астероиды вместе, чтобы их нельзя было использовать для подобных целей...

— Но война уничтожила большую часть высших форм жизни, — закончил Горовиц, — и после долгого промежутка планету заселили мошкиты, приспособившиеся к космосу.

— Однако это было очень давно, — добавил Хорват. — Астероидные кратеры холодны, а орбиты оставшихся астероидов постоянны. Все это произошло очень давно.

Похоже было, что Хорвата не слишком радуют его выводы. Не очень-то хорошо, подумал Род. Однако... должно же быть какое-то объяснение...

— Но они могли еще сражаться с астероидами, — продолжал Хорват. — Если бы захотели этого. Это потребовало бы больше энергии, но пока они находятся в системе, их можно передвигать. У нас нет доказательств современных войн, и поиски их ничего не дадут. Когда-то они сражались между собой, затем вывели Посредников, чтобы прекратить войны, и это сработало. Сейчас они больше не сражаются.

— Возможно, да, — буркнул сенатор Фаулер. — А возможно, и нет.

— Они не сражались с *нами*, — настаивал Хорват.

— Но линейный крейсер был уничтожен, — сказал Фаулер. — Ну хорошо, избавьте меня от объяснений. Были еще гардемарины, и я слышал все истории, связанные с этим. Фактом остается, доктор Хорват, что если мошкиты сражаются друг с другом, они могут най-

ти себе союзников среди внешних и мятежников. Черт побери, они могут даже *поддержать* восстания, а нам это вовсе ни к чему! Есть и еще одно, что меня беспокоит... Есть ли у них планетарное правительство?

Последовало долгое молчание.

— Ну, Салли? — спросил сенатор. — Это твоя область.

— У них... у них есть что-то вроде этого — юрисдикция. Мастер или их группа захватывают юрисдикцию над чем-либо, а остальные их поддерживают.

Бен Фаулер нахмурился.

— Черт возьми, мы даже людям не позволяем бродить по Вселенной, пока у них нет планетарного правительства. А если какая-нибудь колония мошкитов решит помочь одной из фракций у себя дома, на Мошке-1? — Он оглядел сидевших за столом и снова нахмурился. — Проклятие, не смотрите на меня так, словно я хочу застрелить Деда Мороза! Я хочу торговать с мошкитами, но не позволю забывать Первую Директиву Империи.

— Нам нужно больше времени, — запротестовал Хорват. — Нельзя принимать решение прямо сейчас!

— У нас нет времени, — тихо сказал Род. — Вы должны понимать напряженность ситуации, доктор, ведь вы сами помогли создать ее. Каждая заинтересованная группа в этом секторе требует немедленных действий. — Род ежедневно получал призывы Лиги Человечества и был уверен, что док-министр Хорват снабжал эту группу информацией.

— Вас беспокоят высокие темпы их рождаемости, — сказал Хорват. — Я уверен, вы понимаете, что они *должны* уметь контролировать свою численность. Будь это иначе, они бы не выжили так долго.

— Но они могут и *не хотеть* этого, — сказал Фаулер. — Можем ли мы *заставить* их делать это? Род, ваш командор Каргилл пытался оценивать эту возможность?

— Он только уточнил свои первичные расчеты, сенатор. Сходимость весьма высока.

— Итак, потребуется операция крупного флота, чтобы заставить мошкитов... и это при их нынешних ресурсах. Какие же проблемы мы оставим нашим внукам, если дадим им основать колонии?

— Вы не сможете помешать им выбраться оттуда, — запротестовал Хорват. — Анализ капи... лорда Блейна доказал это. Они, вероятно, получили Поле Лэнгстона и выйдут наружу. Прежде чем это случится, мы *должны* установить с ними дружеские отношения. Я предлагаю начать торговлю с ними прямо сейчас и решать наши проблемы по мере возникновения. Мы не можем решить все одновременно.

— Это ваше предложение? — спросил Фаулер.

— Да, сэр. Мое, Лиги Человечества, имперских торговцев...

— Но не всех, — перебил его Род. — Их местный совет отделился. Значительное меньшинство не хочет иметь с мошкитами никаких дел.

— Потому что их промышленность будет уничтожена технологией мошкитов, — сказал Хорват, пожав плечами. — Мы можем справиться с этой проблемой. Сенатор, мошкиты неизбежно создадут что-нибудь такое, что позволит им вырваться из их системы. Прежде чем это случится, мы должны так привязать их к Империи, чтобы их интересы стали нашими.

— Или принять их в Империю и действовать вместе с ними, — буркнул Фаулер. — Я думал об этом прошлой ночью. Если они не могут контролировать свое население, мы можем сделать это за них...

— Но вы же знаете, что они могут, — запротестовал Хорват. — Мы доказали, что они долгое время были цивилизованны и жили в пределах одной системы. Они научились... — Он на мгновение замолчал, затем продолжал: — Вам не приходило в голову, что у них может быть определенное время для размножения? Возможно, мошкиты на корабле были поставлены перед выбором — или иметь детей сейчас, или не иметь их вообще. Поэтому на борту корабля и появились дети.

— Гм-м, — сказал сенатор Фаулер, перестав хмуриться. — Возможно, и так. Мы... Я спрошу у мошкитов, когда они придут. Доктор Харди, вы сейчас похожи на человека, подвешенного в низкой гравитации. Что вас тревожит?

— Крысы, — ответил священник.

Хорват быстро посмотрел по сторонам, затем покорно кивнул.

— Они и вас заинтересовали, Дэвид?

— Конечно. Вы сами найдете запись, или это сделать мне?

— Я найду ее, — вздохнул Хорват. Он набрал несколько цифр на пульте своего карманного компьютера. Тот зажужжал, и стенные экраны осветились...

...показав город мошкитов, разрушенный катастрофой. Перевернутые машины ржавели на усыпанных обломками улицах. Потерпевший аварию самолет врезался в руины обгоревшего здания. Из трещин в тротуаре торчали сорняки. В центре изображения виднелась наклонная насыпь из булыжника и сотня маленьких черных существ торопливо скрывалась за ней.

— Это не то, на что это похоже, а один из зоопарков мошкитов, — объяснил Хорват. Он коснулся переключателей, и изображение придвинулось, сфокусировавшись на одном черном существе, которое увеличивалось, пока его контуры не стали четко видны: удлиненная крысообразная мордочка со злобным оскалом. Но это была не крыса.

У существа было одно мембранное ухо и пять конечностей. Самая длинная конечность с правой стороны не была пятой лапой, это

была длинная и подвижная рука, заканчивающаяся когтями, похожими на крючковатые кинжалы.

— О! — воскликнул Горовиц и обвиняюще посмотрел на Хорвата. — Вы не показывали мне такого... Видимо, войн было больше, да? Одна из них должна была унести так много жизней, что возникли пустые экологические ниши. Но это... У вас есть образец?

— К сожалению, нет.

— Как возникла эта дегенеративная форма? — недоуменно спросил Горовиц. — Долгий путь от интеллигентного мошкита к... к *этому*. Есть ли у мошкитов касты, которых вы не показывали мне? Что-нибудь вроде этого?

— Нет, конечно, нет, — ответила Салли.

— Никто не мог выводить этих существ сознательно, — вслух рассуждал Горовиц. — Они должны были образоваться в результате естественного отбора. — Он удовлетворенно улыбнулся. — Еще одно доказательство, если требуется. Одна из их войн почти опустошила планету. И тоже очень давно.

— Да, — быстро сказал Реннер. — Пока эти твари заняли Мошку-1, цивилизованные мошкиты находились на астероидах. Они должны были жить там поколениями, все эти Белые, Коричневые, Часовщики и, возможно, какие-то другие касты, которых мы не видели, потому что мы не посетили астероидов.

— Но снова очень давно, — сказал Хорват. — Очень давно... Работы доктора Бакмана по изучению орбит астероидов... Да, возможно, Посредники были выведены в космосе, до того, как они снова заселили планету. Вы сами видите, что они были необходимы.

— А Белые остались такими же воинственными, как были, — заметил сенатор Фаулер.

— Но сейчас у них есть Посредники, дядя Бен, — напомнила Салли.

— Да. И может быть, они справились со своим приростом населения... Доктор, да уберите вы этих тварей с экрана! Они вызывают у меня нервную дрожь. Почему, черт возьми, кому-то потребовалось помещать в зоопарк разрушенный город?

Жуткое изображение исчезло, и все с облегчением вздохнули.

— Они объяснили это. — Хорват опять казался почти веселым. — Некоторые из их форм приспособились к городам, поэтому, чтобы зоопарк был полнее, их требовалось поместить туда.

— К *разрушенным* городам?

— Возможно, это напоминает им, что произошло, когда они не послушались Посредников, — тихо сказала Салли. — Страшный пример, чтобы сохранить в них страх к войне.

— И это действует, — сказал Реннер, слегка вздрогнув.

— Позвольте мне суммировать все это. Мошкиты должны быть через несколько минут, — сказал сенатор Фаулер. — Первое. Их

воспроизводительный потенциал огромен, и мошкиты готовы иметь детей в местах, которые мы находим неподходящими для этого. Второе. Мошкиты лгали нам, чтобы скрыть этот высокий воспроизводительный потенциал. Третье. У мошкитов были войны. По крайней мере три крупных, а может, и больше. Четвертое. Долгое время они были в изоляции. Действительно долгое. Это доказывает, что они контролируют численность своего населения. Мы не знаем, как они это делают, но это должно быть связано с тем, что они имеют детей в опасных экспедициях. Мы должны спросить их об этом. Пока нормально?

Послышался хор согласных голосов.

— Теперь о выборе. Во-первых, мы можем принять совет доктора Хорвата и заключить торговые соглашения. Мошкиты просили предоставить им постоянный статус и дать возможность осмотреть и заселить неколонизированные миры в пределах и за границами Империи. Они не настаивают на внутреннем пространстве, кроме того, им нравится то, чем мы не пользуемся, например, астероиды. В обмен они предлагают многое.

Он сделал паузу для комментариев, но все молчали, довольные тем, что сенатор взял на себя труд суммировать сказанное для записи.

— Эти действия будут означать широкое распространение мошкитов. Как только они получат базы, где мы не сможем контролировать доступ к ним, внешние и мятежники наверняка начнут с ними торговлю по мелочам. Нам придется превзойти их, и, возможно, проявив великодушие сейчас, мы получим благодарность позднее. Немедленное соглашение поддерживает член Комиссии Сандра Брайт Фаулер. Пока устраивает?

Снова согласные кивки и утвердительные ответы. Несколько ученых с любопытством поглядывали на Салли. Доктор Хорват подбадривающе улыбнулся ей.

— Вторая возможность. Мы включаем мошкитов в Империю и назначаем генерал-губернатора по крайней мере на одну колонию Мошки, скорее всего на саму Мошку-1. Это будет дорого стоить, кроме того, мы не знаем, что произойдет, если мошкиты попытаются сопротивляться. Их военный потенциал чертовски высок.

— Полагаю, это будет неразумно, — сказал Энтони Хорват. — Не думаю, чтобы мошкиты покорились легко, и...

— Верно. Но я просто излагаю вам разные возможности, доктор. Теперь, когда вы внесли свое возражение, хочу заметить, что этот план получил предварительное одобрение военного министерства и большинства сотрудников Министерства колоний. Никто из членов Комиссии не высказался пока за него, но я намерен преподнести его мошкитам как один из вариантов. Черт побери, они могут *захотеть* этого.

— Что ж, если они добровольно войдут в Империю, я поддержу это, — сказал Хорват.

— Я тоже, — добавила Салли.

— Что касается меня, — заметил сенатор, — не думаю, чтобы это сработало. Обычно мы управляем через местных жителей, но трудно представить вознаграждение, которое можно предложить за сотрудничество с ними против целой расы. Но мы спросим их.

Фаулер выпрямился в своем кресле. Задумчивая улыбка исчезла с его лица.

— И третья возможность. Способ борьбы с ящуром.

Хорват сначала сжал губы, затем глубоко вздохнул.

— Значит ли это то, о чем я думал, сенатор?

— Да. Там, где нет ни одного больного ящуром, их и не будет. Если не будет ни одного мошкита, не будет и проблемы мошкитов.

Голос Дэвида Харди был низким, но твердым:

— Церковь решительно воспротивится этому, сенатор. Любыми доступными нам способами.

— Я понимаю это, отец. Понимаю я и чувства Лиги Человечества. Впрочем, вопрос о неспровоцированном уничтожении не является реальной альтернативой. Не то чтобы мы не могли сделать этого физически, но политически — нет. Этого не произойдет, если мошкиты не будут представлять прямую и немедленную угрозу Империи.

— Этого нет и не будет, — уверенно заявил Хорват. — Они — удобный случай для человечества, и я надеюсь убедить вас в этом.

— Док, я понимаю это не хуже вас. Зачем гадать? Пока это просто варианты. Итак, готовы мы к приему мошкитов, или у кого-то есть вопросы?

Род глубоко вздохнул и посмотрел на Салли. Ей это не понравится...

— Сенатор, вы не забыли о раскопках Салли? О том, что она нашла примитивную цивилизацию не более чем тысячелетней давности? Откуда взялись примитивные мошкиты в это время?

Молчание.

— У них были войны, верно? — спросил Род.

— Нет, — сказала Салли. — Я думала об этом... У мошкитов есть зоопарки, помните? Может быть, я нашла... скажем, резервацию для примитивных существ? У нас они есть по всей Империи — культурные заповедники для людей, которые не хотят быть частью технологической цивилизации...

— Это после миллиона лет цивилизованной жизни? — спросил Реннер. — Леди Салли, вы действительно *верите* в это?

Она пожала плечами.

— Они чужаки.

— Я не забыл об этом, — сказал Бен Фаулер. — Хорошо, обсудим этот вопрос. Салли, твое замечание глупо. Ты знаешь, что они

двигали астероиды так давно, что кратеры успели остыть. Тогда получается, что примерно во время нашего СоВладения они вновь вступили в Каменный Век. Как это можно совместить с тем, что они научились не сражаться?

— Мы тогда сделали то же самое, — сказала Салли. — Или сделали бы, окажись мы запертыми в одной системе.

— Верно, — сказал Фаулер. — И если бы я был членом Комиссии мошкитов, то не позволил бы людям выходить в космос без провожатых. Кто-то еще хочет сказать?

— Да, сэр. — сказал Род. — Салли, мне это не нравится, но...

— Продолжайте, — проворчал Фаулер.

— Да, сэр. — «Неужели я потеряю ее из-за мошкитов? Но я не могу забыть этого». — Доктор Хорват, вы чувствовали себя очень неуютно после того, как мы согласились, что мошкиты были цивилизованными тысячелетия. Почему?

— Ну... в общем-то никаких причин... за исключением... Мне нужно кое-что проверить, вот и все.

— Как министр по науке, вы отвечаете за технологические предвидения, не так ли? — спросил Род.

— Да, — неохотно признал Хорват.

— Где мы находимся относительно Первой Империи?

— Мы еще не догнали ее. Но сделаем это в следующем веке.

— А где мы были бы, не начнись Сепаратистские войны? Если бы старая Империя развивалась без помех?

Хорват пожал плечами.

— Вероятно, вы правы, милорд. Да, это беспокоит и меня. Сенатор, член Комиссии Блейн имеет в виду, что мошкиты недостаточно развиты для миллиона цивилизованных лет. Или даже для десяти тысяч. А может, и тысячи...

— И все же нам известно, что они двигали эти астероиды по крайней мере десять тысяч лет назад, — воскликнул Реннер. В голосе его звучали волнение и удивление. — Они должны были вновь колонизировать Мошку примерно в то же время, когда на Земле открыли Движитель Олдерсона! Значит, мошкиты не намного старше нас!

— Есть и другое объяснение, — заметил отец Харди. — Они колонизировали ее гораздо раньше... но войны происходят у них каждое тысячелетие.

— Или еще чаще, — добавил сенатор Фаулер. — Если это так, то теперь мы знаем, как они контролируют свою численность, не так ли? Ну, доктор Хорват, что вы посоветуете теперь?

— Я... я не знаю, — заикаясь, проговорил министр по науке. Он принялся грызть ногти, поймал себя на этом и положил руки, словно это были маленькие раненые животные. — Я думаю, нам нужно убедиться.

— Что я и делаю, — сказал сенатор. — Но это не должно мешать... Род, завтра вы работаете с Адмиралтейством.

— Напоминаю вам, сенатор, что Церковь запретила своему члену принимать участие в уничтожении мошкитов, — сказал Харди.

— Это весьма близко к измене, отец.

— Возможно. Но это так.

— Как бы там ни было, я имел в виду не это. Возможно, нам нужно принять мошкитов в Империю независимо от того, нравится им это или нет. Может, они подчинятся без сопротивления, если мы приедем туда с достаточно большим флотом.

— А если нет?

Сенатор Фаулер не ответил.

Род взглянул на Салли, затем на сидящих за столом и, наконец, на покрытые панелями стены.

«Какая заурядная комната, — подумал он. — Да и в людях, находящихся здесь, нет ничего необычного. И прямо здесь, в этом глупом маленьком конференц-зале почти необитаемой планеты мы решаем судьбы расы, которая на миллионы лет старше нас!

Мошкиты не собираются сдаваться, а если они таковы, какими мы их себе представляем, победить их не удастся. Но ведь там всего одна планета и несколько астероидов... Если они исчезнут...»

— Келли, можно вести мошкитов, — сказал сенатор Фаулер.

Последние лучи заходящего солнца осветили комнату, а основание дворца погрузилось в пурпурную тень.

53. Джинны

Сопровождаемые эскортом, они шли по коридорам дворца. По дороге Джок сказала Послу:

— Что-то изменилось. Этот десантник, посланный за нами, смотрит на нас как-то иначе. Так мог бы смотреть Воин на другого Воина.

Они вошли в конференц-зал. Море человеческих лиц...

— Да, — сказала Джок. — Многое по-другому. Нам нужно быть настороже.

— Что они могут узнать? — спросил Иван.

Джок выразила отсутствие информации.

— Некоторые боятся нас. Другие жалеют. И все пытаются скрыть перемену своего эмоционального состояния.

Десантник провел их к плохо сделанным ложам у одного конца большого стола для переговоров.

— Люди любят такие столы, — прощебетала Чарли. — Иногда их форма имеет большое значение по причинам, которые я не способна понять.

Последовали бессмысленные приветствия, которые люди называли «формальностями»: неискренние вопросы о состоянии здоровья, туманные благословения и надежды на благополучие — все это было компенсацией за отсутствие у людей Посредников. Чарли занялась этим вопросом, тогда как Джок продолжала говорить, обращаясь к Мастеру:

— Люди на противоположном конце стола — малозначащие клерки. С нашей двухручной стороны в центре — глава. Посредник императора принял какое-то решение. Лорд Блейн неохотно поддерживает его. Салли не согласна, очень сильно, но спорить не может. Она хочет найти причины для возражения. Возможно, потребуется найти их для нее. Напротив Посредника императора сидят ученые, и они разделяют чувства Салли. Они не ощущают себя такими вовлеченными в это решение, как она. Остальные не важны, за исключением священника. Я еще не определила его важность, но она возросла с тех пор, как мы видели его в последний раз. Он может быть опасен для нас больше, чем все остальные...

— Может ли он понимать наш язык? — спросил Иван.

— Нет, если мы говорим быстро и не придерживаясь правил грамматики. Он улавливает элементарное эмоциональное содержание и понимает, что мы обмениваемся большим количеством информации за малое время.

— Определите, что беспокоит этих людей. — Иван удобнее устроился на своем ложе и с отвращением осмотрел комнату. Хранители порой разговаривали непосредственно с Посредниками сразу многих Мастеров, и всегда это было неприятное чувство. Все переговоры с людьми были болезненно медленными. Их мысли текли как жидкий гелий, и часто они не понимали своих собственных интересов.

Но он не может просто проинструктировать Посредников. Они непостоянны, поэтому их нужно контролировать непосредственно. А раса должна быть сохранена...

— Это собрание, возможно, будет более приятным, чем другие, — сказала Чарли.

Сенатор Фаулер, казалось, испугался.

— Почему вы так сказали?

— По выражениям ваших лиц мы решили, что на этом собрании приняты решения, — ответила Чарли. — Вы говорили нам, что это собрание будет долгим, и даже пропустили обед. Ваша тривизия сказала нам, что вы находитесь под сильным давлением: от вас требуют соглашения с нами. Мы постепенно изучаем ваши привычки и наслаждаемся этим, но целью нашего существования является достижение соглашения. Пока вы старательно избегали этого.

— Довольно резко, — буркнул Фаулер. «И направлено на то, чтобы заставить нас почувствовать себя неловко, не так ли, приятель?» — Для начала нам нужна информация о вашей истории.

— О... — Чарли заколебалась на секунду, затем заметила жесты Джок и движения пальца Мастера. — Вас интересуют наши войны?

— Чертовски верно, — согласился сенатор Фаулер. — Вы скрыли почти всю свою историю. Рассказывая, вы лгали нам.

Вокруг стола неодобрительно зашептались. Доктор Хорват с отвращением взглянул на Фаулера. Неужели этот человек ничего не знает о переговорах? Нет, конечно, он знает, и оттого его грубость еще более удивительна...

Чарли пожала плечами.

— Так же, как и вы нам, сенатор. Значит, наша история... Очень хорошо. Подобно вам, людям, у нас были периоды войн. Чаще всего религиозных. Наши последние крупные войны были несколько ваших веков назад... с тех пор нам удавалось контролировать себя. Но время от времени вспыхивают восстания. Мастера, похожие на ваших внешних, ставят независимость превыше блага расы, и тогда приходится сражаться с ними...

— Почему вы не признали этого сразу? — спросил Род.

Мошкита вновь пожала плечами.

— Что мы знали о вас? Пока вы не дали нам тривизор и позволили увидеть вас такими, как вы есть, что мы *могли* узнать? К тому же мы так же стыдимся своих конфликтов, как вы своих. Вы должны понимать, что почти все Посредники служат Мастерам, которые не имеют связи с войной. Мы получили инструкции заверить вас в наших мирных намерениях относительно вашей расы. Внутренние же наши конфликты не должны были вас интересовать.

— И поэтому вы спрятали ваше оружие? — спросил Род.

Чарли взглянула на Джок. Та ответила:

— Да, мы сделали это. Мы жители одной звездной системы, милорд. У нас не было расовых врагов, и на военные корабли пошла малая часть наших ресурсов. Наши военные силы в том виде, как они есть, более похожи на вашу полицию, чем на Военный Космический Флот и космический десант. — Мягкая улыбка мошкиты не говорила больше ничего, но каким-то образом она выразила еще одну мысль; нужно быть глупцами, чтобы позволить людям узнать, насколько велики или малы их силы.

Салли счастливо рассмеялась.

— Я говорила вам, дядя Бен...

Сенатор Фаулер кивнул.

— Еще один маленький вопрос, Чарли. Как часто размножаются ваши касты?

На это ответила Джок. Когда Чарли заколебалась, Дэвид Харди с интересом посмотрел на нее — нет ли у них языка жестов?

— Когда им позволяют это, — ответил чужак. — Разве у вас не так?

— Что?

— Вы контролируете свое население с помощью экономических стимулов и принудительной эмиграции. У нас такой альтернативы нет, и все-таки наши репродуктивные стимулы не менее строги, чем ваши. Наши Мастера размножаются, когда могут.

— Вы хотите сказать, что имеете легальные механизмы ограничения населения? — спросил Хорват.

— Разумеется, да.

— А почему вы не сказали этого раньше? — спросил сенатор Фаулер.

— Вы не спрашивали.

Теперь доктор Хорват усмехался, Салли тоже. В комнате почувствовалось облегчение, за исключением...

— Вы намеренно ввели в заблуждение леди Салли, — сказал священник Харди. — Пожалуйста, объясните почему.

— Этот Посредник служил Мастеру Джок, — ответила Чарли. — Пусть она расскажет вам об этом. И, пожалуйста, извините, но я должна пересказать Послу то, что было сказано. — И Чарли защебетала.

— Джок, вы должны быть очень внимательны. Мы должны завоевать их симпатии. Они хотят поверить нам. Эти люди почти так же выразительны, как Посредники, когда они в хорошем настроении, но они могут внезапно измениться.

— Я слышал все, — сказал Иван. — Сделайте все, что возможно, чтобы успокоить этих людей. Если мы когда-нибудь выйдем из-под их контроля, мы будем полезны всем им и будем экономически необходимы для могучих групп людей.

— Она чувствовала, что правда должна огорчить вас, — ответила Джок. — Я не уверена в том, что было сказано — со мной это не обсуждалось. Мы не часто обсуждаем вопросы пола и воспроизведения внутри наших семейных групп и почти никогда вне их. Этот вопрос является... У вас нет такого чувства. Это похоже на смущение, но не совсем. И потом, вы должны понимать, как близко отождествляет себя Посредник со своим финч'клик'. Леди Салли было нелегко обсуждать вопросы пола, и она не получала от этого удовольствия. Ее Посредник испытывала те же самые чувства и знала, что стерильность Посредников огорчит Салли, если та об этом узнает... как и всех вас, когда вы поняли это. Я говорю все это, не будучи уверенной: этот вопрос никогда не представлялся очень важным.

— Вот вам и ваши подозрения... — сказала Салли. — Просто меня хотели уберечь от... Я рада, что мы выяснили это.

Мошкита пожала плечами.

— Несмотря на наши способности, некоторое непонимание между чужими видами неизбежно. Помните двери туалета?

— Да. — Салли заметила, что Бен Фаулер собирается задать следующий вопрос, и торопливо сказала, чтобы опередить его: — Теперь, когда мы получили объяснение, скажите все же, что *делают* Мастера, когда они не хотят иметь детей? — Она почувствовала прилив крови и подумала, что щеки ее покраснели. Доктор Хорват с любопытством поглядывал на нее. Старый развратник, подумала она. Конечно, это было несправедливо по отношению к нему.

Мошкиты обменялись птичьими трелями.

— Обычно воздерживаются, — сказала Джок. — Кроме того, у нас есть химические и гормональные способы, подобные вашим. Хотите обсудить здесь эти механизмы?

— Меня более интересуют стимулы, — тяжело сказал сенатор Фаулер. — Что произойдет с Мастером, Коричневым или кем бы то ни было, если они начнут рожать детей каждые шесть месяцев?

— Расценили бы вы это, как предпочтение собственной независимости интересам расы? — спросила Джок.

— Да.

— То же делаем и мы.

— Значит, вот как начинаются у вас войны, — заключил доктор Хорват. — Сенатор, при всем уважении к вам, я полагаю, что мы получили ответы на наши вопросы. Мошкиты контролируют свое население. Когда отдельные индивидуумы отказываются подчиняться, возникают конфликты. Порой это приводит к войнам. Разве у людей иначе?

Бенджамин Фаулер рассмеялся.

— Доктор, вы стараетесь заставить меня принять вашу точку зрения, которая базируется на этике. Вы никогда не увидите яму, которой нет. Я вовсе не утверждал, что человеческая раса превосходит мошкитов — в этике, интеллигенции или чем-то еще. Я только говорил, что это моя раса, и я отвечаю за защиту интересов человечества. — Он снова повернулся к мошките. — Теперь, когда вы увидели нас в действии, — продолжал он, — что вы думаете об Империи?

Джок хихикнула.

— Сенатор, что вы надеетесь от меня услышать? Мы находимся в вашей власти — и мы трое, и весь наш народ. Ваши военные корабли контролируют точку Безумного Эдди, соединенную с нашей системой. Вероятно, вы можете уничтожить нас, и я слышала речи, призывающие к этому, по вашему тривизору...

— Эти люди не имеют веса, — запротестовал Энтони Хорват. — Обычные любители и люди с причудами...

— Конечно. Но это было сказано. Таким образом, любой ответ, данный мной на вопрос сенатора, будет всего лишь моим представлением о том, что он хочет услышать. Как же может быть иначе?

— Хорошо сказано, — прощебетал Иван. — Люди, кажется, уважают признание правды, противоречащей интересам. В этом случае они неизбежно что-то узнали. Будьте осторожны!

— Не сомневайтесь в моих способностях, Мастер. Видите, большинство расслабились. Только священник и офицер по имени Реннер не удовлетворены. Посредник императора сейчас в нерешительности, а когда мы вошли в комнату, был настроен против нас.

Чарли:

— Я боюсь. Не лучше ли сказать им все сейчас, когда они узнали так много? Как мы сумеем сохранить наши Циклы и секреты схемы нашего воспроизводства? Мой Мастер хотел сказать им все...

— Вы будете молчать и позволите Джок говорить с людьми. Адресуйте вопросы, которые тревожат вас, к ней.

— Я сделаю так, Мастер. Мне наказывали повиноваться вам. Но я по-прежнему считаю, что мой Мастер был прав.

— А если он неверно оценивает людей? — спросила Джок. — Если они смотрят на нас как на угрозу своим потомкам? Не уничтожат ли они нас сейчас, пока имеют возможность?

— Тихо. Говорите с людьми.

— Посол говорит, что поскольку Империя является самой могучей и самой близкой к нам группировкой людей, в наших интересах быть в союзе с вами, независимо от нашего мнения. Мы подчиняемся.

— И это факт, — согласилась Салли. — Дядя Бен, сколько это будет продолжаться? У нас есть проект соглашения, разработанный экономистами. Нельзя ли изложить его детали?

Фаулер не был удовлетворен — это было видно по неподвижности его тяжелых челюстей, по напряжению плеч. В Империи хватало забот и без мошкитов. Дать технологию мошкитов в руки внешних и мятежников — и может произойти что угодно.

— Это проект соглашения, — осторожно сказал сенатор. — Прежде чем предложить его вам, я хочу кое-что узнать. Какие вы преследуете интересы, присоединяясь к Империи? Например, войти на правах системы первого класса? Требуется ли вам представительство на Спарте и доступ на большинство имперских рынков?

— Мы должны изучить это. Нам нужно время, чтобы рассмотреть эти детали...

— Нет, — решительно сказал сенатор Фаулер. — Это единственное, чего мы не можем вам дать. Извините, но мы не собираемся

позволить вашим Инженерам создать Поле и построить военный флот. Первым условием должен быть немедленный доступ имперских наблюдателей в любую точку вашей системы.

— Разоружение и вера в ваши добрые намерения, — сказала Джок. — Должны ли мы подчиниться на таких условиях?

— Я не говорил этого, вы сказали сами.

— Я считаю, они сделают такое предложение, — прощебетала Чарли.

— Мы не можем принять его, — резко ответил Иван. — Мы станем беспомощными. Допустим, что люди искренни. Допустим, что Империя не уничтожит нас, когда наша истинная природа станет очевидной. Можно ли надеяться на то, что новые поколения отнесутся к нам так же благосклонно? Это риск, на который мы не можем пойти. Расе должно быть обеспечено выживание.

— Гарантии этого нет!

— Мы должны вырваться из нашей системы и выйти в космос. Когда мы твердо закрепимся во многих системах, люди не посмеют атаковать ни одну из них, — сказала Джок. Ее жесты выражали нетерпение.

— Вы убеждены, что мы не можем принять их предложение? — спросила Чарли.

Джок:

— Сначала нам нужно обсудить его. Люди будут последовательны. Они потребуют разоружить Воинов, но прежде чем это произойдет, Мастера начнут сражение. Начнется война, причем именно тогда, когда люди ждут ее. Они не глупы, и их военные офицеры боятся нас. С наблюдателями вернутся огромные силы. Если мы на самом деле лишь сделаем вид, что согласны, они сочтут себя вправе уничтожить нас: вспомните судьбу планет людей, поднявших восстание. Их предложение даже не даст нам времени.

— Тогда отвечайте, как мы условились, — приказал Иван.

— Посол сожалеет, что подобное соглашение превышает его полномочия. Мы можем говорить от имени всех мошкитов, но только в определенных пределах: зависимость нашей расы от вашей милости превосходит их.

— Вы не можете винить их за это, — сказал доктор Хорват. — Будьте благоразумны, сенатор.

— Я пытаюсь быть благоразумным, и я не виню их. Я просто сделал им предложение. — Он снова повернулся к чужакам. — Планеты присоединялись к Империи и против их воли, не получая ничего похожего на привилегии, которые я предложил вам...

Джок пожала плечами.

— Я не могу сказать, что сделают Мастера, если вы попытаетесь завоевать нашу систему. Полагаю, они будут сражаться.

— Вы проиграете, — резко сказал сенатор Фаулер.

— Нам не хотелось бы верить в это.

— И, проигрывая, можете поглотить так много наших сил, что *мы* потеряем большую часть этого сектора. Возможно, объединение отдалится на целый век. Завоевания дорого стоят. — Сенатор Фаулер не добавил, что стерилизации не будет, но эта невысказанная мысль тяжело повисла в ярко освещенной комнате.

— Можем ли мы сделать контрпредложение? — спросила Джок. — Позвольте нам разместить производственные центры на необитаемых мирах. Мы сделаем их пригодными для жизни: за каждый мир, который вы отдадите нам, мы переделаем другой для вас. Что касается экономических нарушений, то вы можете создать компании, которые будут обладать монополией на торговлю с нами. Часть товаров можно продавать открыто. Равновесие будет поддерживаться компенсациями компаниям и рабочим, вытесненным нашей конкуренцией. Я думаю, это уменьшит отрицательные последствия нашей новой технологии.

— Великолепно! — воскликнул Хорват. — Над этим мои люди могут начать работать прямо сейчас. Вы согласны на это? Торговля только с уполномоченными компаниями и имперским правительством?

— Конечно. Мы также будем платить Империи за защиту наших колоний... Нам бы не хотелось держать флоты в ваших частях пространства. Вы сможете осматривать колониальные верфи, чтобы убедиться в этом.

— А ваш родной мир? — спросил Фаулер.

— Контакт между Мошкой-1 и Империей должен быть минимальным. Ваши представители могут прибывать к нам, но мы не хотим видеть ваши военные корабли возле своего дома... Скажу вам, что мы были весьма обеспокоены этим линкором на орбите вокруг нашей планеты. Было совершенно ясно, что он обладает оружием, способным сделать Мошку-1 почти необитаемой. Однако мы смирились с этим и даже пригласили вас ближе, чтобы показать вам, что нам нечего скрывать. Мы не угрожаем вашей Империи, лорды. Это вы являетесь угрозой для нас и хорошо знаете это. И все же, думаю, мы можем договориться к обоюдной выгоде и обоюдной безопасности, без излишних заверений одной расы в ее благосклонности к другой.

— И вы переделаете одну планету для нас за каждую, которую мы отдадим вам? — спросил Хорват. Он думал о прибылях: они были несметны. Несколько звездных систем имеют более одного обитаемого мира. Межзвездная торговля отвратительно дорога по срав-

нению с межпланетными путешествиями, но операции по переделыванию планет были еще более дорогими.

— Неужели этого недостаточно? — спросила Джок. — Наверняка вы оцените нашу позицию. С одной стороны, — Джок воспроизвела при этом человеческую жестикуляцию, сделав движение своей левой рукой, — у нас есть только одна планета, несколько астероидов и газовый гигант, который превосходит даже наши способности делать планеты обитаемыми. Чтобы удвоить то, что имеем, нам потребуются непропорционально огромные капиталовложения. Я говорю это потому, что это очевидно, хотя отмечала, что ваша торговля обычно не содержит признания отрицательных последствий. С другой стороны... — Мошкита как-то странно посмотрела на свои две правые руки. Люди сделали то же самое, и в комнате зазвучал смех. — Ваши необитаемые планеты на подходящих орбитах едва ли представляют для вас ценность, иначе вы уже переделали бы их сами. Таким образом, вы получаете что-то ни за что, а мы получаем очень много ценой огромных усилий. Это выгодная сделка?

— Чертовски хорошая для Флота, — сказал Род. — Практически новый флот за счет мошкитов...

— Подождите, — сказал сенатор Фаулер. — Мы спорим о цене, еще не выяснив, кто вы такие.

Джок пожала плечами.

— Я просто сделала вам предложение, вот и все. — Ее имитация голоса сенатора и его манер вызвали смех. Бен Фаулер на мгновение нахмурился, затем засмеялся со всеми.

— Хорошо, — сказал Фаулер. — Не знаю, как остальные, но я проголодался. Келли, подайте нашим гостям шоколад и позвоните вниз, чтобы принесли обед. Поедим, прежде чем продолжим обсуждение.

54. Из бутылки

— Сенатор почти согласился, — доложила Джок. — Салли согласна.

— А Блейн? — спросил Иван.

— Он сделает так, как захочет сенатор, хотя скорее согласен с Салли. Мы нравимся ему, и он видит выгоды для Флота. Жаль, что его финч'клик' сошла с ума, она бы очень пригодилась сейчас.

— Поможет ли это? — спросила Чарли. — Джок, как это может помочь? Прежде чем возникнут новые колонии, они увидят нас такими, какие мы есть. Они посетят нашу систему и узнают. И что тогда?

— Они ничего не узнают, — сказала Джок. — Их собственный Военный Космический Флот помешает этому. Визиты будут совер-

шаться на невооруженных кораблях, но риска от них будет не больше, чем от военных. Неужели мы не обманем несколько кораблей, заполненных людьми? Они никогда не будут говорить на нашем языке. У нас будет время, чтобы подготовиться к их посещению. Мы никогда не позволим им увидеть Воинов — так откуда же они узнают о них? А тем временем колонии будут образованы. Люди не имеют понятия, как быстро мы можем основать колонии или построить корабли. Тогда мы окажемся в гораздо более выгодной позиции — в контакте со многими людьми — и сможем предложить им все, что они захотят. Мы приобретем союзников и распространимся достаточно далеко, чтобы даже Империя не могла уничтожить нас. Если они не будут уверены в успехе, то не будут даже пытаться. Люди думают именно так.

Десантник принес им человеческий напиток, называемый *шоколад*, и они с удовольствием выпили его. Подобно людям, мошкиты были всеядны, но в основном предпочитали безвкусное. Шоколад же, с его избытком гидрокарбонатов, напоминавший воду родного мира, был великолепен.

— Какие альтернативы у нас есть? — спросила Джок. — Что они сделают, если мы расскажем им все? Не отправят ли они флот, чтобы уничтожить нас и избавить своих потомков от нашей угрозы?

— Я поддерживаю это соглашение, — сказал Иван. — Ваш Мастер тоже одобрит его.

— Возможно, — сказала Чарли и задумалась, отключившись от мира вокруг нее. Она была Мастером... — Я согласна, — сказала она. — Это лучше, чем я ожидала. Но это опасно.

— Это было опасно все время с тех пор, как люди впервые появились в системе Мошки, — сказала Джок. — Но теперь меньше, чем прежде.

Иван внимательно наблюдал. Посредники возбуждены. Напряжение было огромно, и, несмотря на внешний контроль, они были близки к краю. Это не было частью их натуры — желать того, чего может не быть, но он надеялся, что усилия по выведению более стабильных Посредников увенчаются успехом: трудно было работать с существами, которые внезапно могли представить себе несуществующую Вселенную и делать выводы, основанные на ней. Схема всегда была одинакова. Сначала они хотели невозможного, потом стремились к этому, уже зная, что это невозможно, и, наконец, поступали так, словно этого невозможного можно достичь, позволив этой невозможности влиять на каждое свое действие. Это было более обычно для Посредников, чем для какого-либо другого класса, но иногда такое случалось и с Мастерами.

Эти Посредники были близки к краю, но они должны выдержать. Раса должна быть сохранена.

* * *

— Тысячу крон за то, чтобы узнать, о чем вы сейчас думаете, — сказала Салли. Ее глаза сияли от счастья и... облегчения.

Род отвернулся от окна, улыбаясь ей. Комната была большой, и остальные собрались возле бара, за исключением Харди, который сидел возле мошкитов, прислушиваясь к их щебету, как если бы мог понимать слово или два. Род и Салли были совершенно одни.

— Вы очень щедры, — сказал он.

— Я могу позволить себе это. Я заплачу сразу после свадьбы...

— С дохода Круцис Корта. Я еще не получаю его и не настолько нетерпелив, чтобы убивать из-за него отца. Мы можем жить годами, пользуясь его щедростью.

— Вы выглядите таким серьезным. Так о чем вы думаете?

— За что мне голосовать, если сенатор не согласится.

Она мрачно кивнула.

— Так я и думала...

— Я могу потерять вас из-за этого, не так ли?

— Не знаю, Род. Думаю, это будет зависеть от того, *почему* вы отклоните их предложение. И что вы предложите вместо него. Но вы же не собираетесь отклонять его, верно? Что плохого в этом предложении?

Род смотрел на бокал в своей руке. Келли принес какую-то разновидность безалкогольного коктейля — встреча была слишком важна для виски.

— Может, и ничего плохого. Это возможно, Салли. Смотрите. — Он указал на улицы Новой Шотландии.

В этот час там было всего несколько человек. Одни шли в театр или на обед, другие пришли взглянуть на дворец после наступления темноты. Гвардейцы в килтах и оленьих шкурах стояли на постовых тумбах у входа.

— Если мы ошибемся, их дети умрут.

— Если мы ошибемся, Военный Космический Флот возьмет это на себя, — медленно сказала Салли. — Род, а что, если мошкиты вырвутся наружу и через двадцать лет заселят дюжину планет? Построят корабли и будут угрожать Империи? Флот еще сумеет справиться с ними... Вы этого не хотите, но это может быть сделано.

— Вы в этом уверены? Я — нет. Я не уверен, что мы сможем победить их даже сейчас. Уничтожить — да, но победить? Через двадцать лет, говорите? И каков же будет список потерь? Новая Шотландия окажется в нем наверняка — она лежит на их пути. А еще какие меры?

— Что же вы предлагаете взамен? — спросила она. — Я... Род, я тоже беспокоюсь за наших детей. Но что мы можем сделать? Нельзя

же начинать войну с мошкитами только потому, что однажды они *могут* стать опасными!

— Нет, конечно, нет. Смотрите, принесли обед. Простите, что испортил вам хорошее настроение.

Прежде чем закончить обед, все уже хохотали. Мошкиты устроили представление: изображали наиболее известных персонажей тривизии Новой Шотландии. Через несколько минут все буквально валялись от смеха, с трудом переводя дыхание.

— Как вы делаете это? — спросил доктор Харди между приступами смеха.

— Мы изучаем ваше настроение, — ответила Чарли, — а затем слегка преувеличиваем характерные черты. Если наша теория верна, общий эффект должен быть поразительным — по-видимому, так оно и есть.

— Вы могли бы заработать этим состояние даже помимо своей торговли, — сказал Хорват.

— Это по крайней мере мало повлияет на вашу экономику. Однако нам потребуется ваша помощь в составлении очередности передачи вам нашей технологии.

Хорват серьезно кивнул.

— Я рад, что вы оценили эту проблему. Если мы просто вывалим все, что вы имеете, на рынок, начнется хаос...

— Поверьте, доктор, мы не хотим создавать для вас проблемы. Если вы рассматриваете нас как счастливый случай, представьте, как смотрим на вас мы! Освободиться от системы Мошки после всех этих веков! Вырваться из бутылки! Наша благодарность беспредельна.

— И все же, сколько вам лет? — спросил доктор Харди.

Мошкита пожала плечами.

— У нас есть фрагменты записей, которые датированы сотней тысяч лет назад, доктор Харди. В то время астероиды уже были на месте. Другие записи могут быть еще старше, но мы не можем прочесть их. Наша реальная история началась примерно десять тысяч лет назад.

— После этого у вас были коллапсы цивилизации? — спросил Харди.

— Конечно. Как могло быть иначе?

— У вас есть записи астероидной войны? — спросил Реннер.

Джок нахмурилась. Лицо ее не было приспособлено для этого, но жесты выражали отвращение.

— Только легенды. У нас есть... Это очень похоже на ваши песни или эпические поэмы. Лингвистические приемы делают запоминание проще. Сомневаюсь, что их можно перевести, но все же... —

Мошкита на мгновение задумалась. Это было так, словно она замерзла в том положении, в котором находилась, когда решила подумать. Затем...

Пришел холод, и кончилась пища,
Демоны бродят по земле.
Наши сестры умерли, и воды вскипели,
Когда демоны обрушили небо.

Мошкита сделала паузу.

— Боюсь, что это не очень хорошо, но это все, что я могу сделать.

— Это достаточно хорошо, — сказал Харди. — У нас тоже есть подобные стихи. Истории об исчезнувших цивилизациях, катастрофах в доисторическое время. Большинство из них прослеживается до извержения вулкана около четырех с половиной тысяч лет назад. Собственно говоря, это произошло, когда у людей возникла мысль, что Бог может вмешаться в их дела. Создавая циклы, сезоны и тому подобное.

— Интересная теория... Но не опрокинуло ли это ваши религиозные верования?

— А почему это должно было случиться? Разве Бог не может устроить природное явление с такой же легкостью, как и нарушить законы природы? На самом деле, что более удивительно: приливно-отливная волна или одно-единственное сверхъестественное событие? Впрочем, не думаю, что у нас есть время обсуждать теологию. — Сенатор Фаулер закончил свой обед. — Если позволите, я удалюсь на несколько минут, а затем мы продолжим...

Бен Фаулер увел Рода и Салли в небольшой кабинет за конференц-залом.

— Ну? — спросил он.

— Мое мнение записано, — сказала Салли.

— Верно. Род?

— Мы должны что-то сделать, сенатор. Напряжение вырывается из рук.

— Да, — сказал Бен. — Черт побери, мне нужно выпить. Род?

— Спасибо, я пас.

— Если я не могу мыслить трезво с доброй порцией виски в желудке, значит, Империя уже гибнет. — Он принялся шарить в столе, пока не нашел бутылку, усмехнулся при виде марки и налил дополна кофейную чашку. — Одно меня удивляет, — сказал он. — Почему не беспокоится ИТА? Я ожидал, что они будут сильно давить на нас, а они ведут себя тихо. Слава Богу за это одолжение. — Он одним глотком выпил половину содержимого чашки и вздохнул.

— Какой вред может принести немедленное соглашение? — спросила Салли. — Мы можем изменить свое мнение, если обнаружим что-то новое...

— Черт побери, котенок! — сказал Бен. — Иногда в этих словах есть нечто особенное. Эти ребята будут долго думать, прежде чем расстаться с кроной, но уж если они выложат монету... Я думал, ты лучше знакома с основами политики. Чему вас сегодня учат в университетах? Род, я по-прежнему жду вашего слова.

Род коснулся своего перебитого носа.

— Бен, мы не можем больше обманывать. Мошкиты должны узнать, что... может, они даже возьмут назад свое предложение, когда увидят, под каким давлением мы находимся. Я за то, чтобы позволить им это.

— Вы за это, ха! Как бы там ни было, вы сделаете свою жену счастливой.

— Он делает это не ради меня! — вмешалась Салли. — Перестаньте дразнить его.

— Ладно. — Сенатор почесал свою лысину, затем допил содержимое чашки и поставил ее на стол. — Нужно проверить еще одну или две вещи. Давайте продолжим.

Джок жестами выражала восторг и волнение.

— Они готовы согласиться! Мы спасены!

Иван холодно посмотрел на Посредника.

— Сдерживайте себя. Нужно еще много сделать.

— Я знаю. Но мы спасены. Чарли, разве не так?

Чарли разглядывала людей — их лица, позы...

— Да. Но сенатор еще не убежден, а Блейн боится и... Джок, взгляните на Реннера.

— Вы так холодны! Может, вы не рады? Мы спасены!

— Взгляните на Реннера.

— Да... Я знаю этот взгляд. Он смотрел так, когда играл в покер и получил неожиданную карту. Он нам не поможет. Но у него нет власти, Чарли! Это бродяга безо всякого чувства долга.

— Возможно. Мы жонглируем бесценными яйцами при меняющейся силе тяжести. Я боюсь. Я буду испытывать страх до самой смерти.

55. Козырь Реннера

Сенатор Фаулер тяжело сел и осмотрел присутствующих. Этого взгляда оказалось достаточно, чтобы прекратить разговоры и привлечь всеобщее внимание.

— Полагаю, в конце концов мы узнали, кто вы такие, — сказал он. — Пришло время поговорить о цене. Итак, каковы принципы? Первое и самое главное: вы соглашаетесь не вооружать колонии и позволить нам осматривать их, чтобы убедиться, что они не вооружаются?

— Да, — решительно сказала Джок, затем обменялась трелями с Мастером. — Посол согласен. Взамен предполагается, что Империя будет защищать наши колонии от наших врагов.

— Разумеется. Следующее. Вы согласны ограничить торговлю компаниями, получившими привилегии от Правительства?

— Да.

— Что ж, это главное, — заметил Фаулер. — Мы готовы за малым исключением. Кто первый?

— Могу ли я спросить, какого рода колонии они собираются основывать? — сказал Реннер.

— Что? Конечно.

— Спасибо. Будете ли вы перевозить представителей всех ваших классов?

— Да... — Джок заколебалась. — Все это зависит от условий, мистер Реннер. Едва ли мы возьмем Фермеров на непеределанные миры, пока Инженеры не возведут там купола.

— Хорошо. Еще меня удивляет вот это. — Он нашарил свой карманный компьютер, и экраны осветились, показав странно искаженную Новую Каледонию, яркую вспышку, затем темноту. — Немного не то. Это произошло, когда зонд выстрелил в корабль капитана Блейна.

— Что? — спросила Джок и защебетала остальным. Те ответили. — Нас интересовала судьба, постигшая зонд. Откровенно говоря, мы не сомневались, что вы уничтожили его, и потому не хотели спрашивать...

— Вы правы, — сказал Реннер. На экране вспыхнуло новое изображение. Солнечный парус, по которому шла рябь. — Это как раз перед тем, как он выстрелил в нас.

— Но зонд не мог стрелять в вас, — запротестовала Джок.

— Он выстрелил, — ответил Род. — Видимо, считая нас метеоритом. Как бы там ни было...

По экрану поплыли черные фигуры. Парус зарябил, сверкнула вспышка, и они исчезли. Реннер вернул ленту, пока силуэты не оказались прямо против света, затем остановил показ.

— Я должна предупредить вас, — сказала Джок. — Нам мало известно об этом зонде. Это не наша специальность, и у нас не было возможности изучить записи перед отлетом с Мошки-1.

Сенатор Фаулер нахмурился.

— Чего вы добиваетесь, мистер Реннер?

— Сэр, меня удивляет это место. — Реннер взял со стола световую указку. — Это различные классы мошкитов, не так ли?

Джок нерешительно молчала.

— Они похожи на них.

— Конечно, это они. Это Коричневый, верно? А это Доктор.

— Верно. — Световая указка передвинулась. — Бегун, — сказала Джок. — А это Мастер...

— И Часовщик. — Род едва не плюнул, не в силах скрыть отвращения. — Следующий похож на Фермера. Трудно сказать, но... — В его голосе внезапно зазвучало смущение. — Реннер, я не узнаю следующего.

Воцарилось молчание. Указка остановилась на непонятной фигуре, более длинной и худой, чем Коричневый, с чем-то, похожим на колючки, на коленях, пятках и локтях.

— Мы уже видели их однажды, — сказал Реннер. Его голос звучал сейчас почти автоматически. Так мог бы говорить человек, идущий на пари по кладбищу, или головной дозорный, поднимающийся по холму на вражескую территорию. Холодный, решительный, полностью контролируемый голос. Это было совсем не похоже на Реннера.

Экран разделился, и появилось второе изображение: скульптура машины времени из музея Города Замка. Она выглядела как скульптура, сделанная из бракованных электронных схем и окруженная вооруженными существами.

Впервые увидев Ивана, Род испытал удивительно сильное желание коснуться шелковистого меха Посла. Теперешний его импульс был не менее силен: ему захотелось принять стойку карате. Скульптуры изображали этих существ гораздо более детальнее. Отовсюду у них торчали кинжалы, они выглядели твердыми как сталь и стояли подобно свернутым пружинам. А что это у них под большой левой рукой, похожее на нож с широким лезвием?

— О! — сказала Джок. — Демон. Думаю, у них были куклы, представляющие все наши виды. Подобно статуэткам, сделанным раньше для Посредников, чтобы облегчить им рассказ о нас.

— Все это? — В голосе Рода звучало безграничное удивление. — Корабль, груженный манекенами в натуральную величину?

— Откуда нам знать, какой величины они были? — спросила Джок.

— Отлично. Допустим, что это манекены, — сказал Реннер и неумолимо продолжал: — Однако это модели живущих классов мошкитов. За исключением этого. Почему он оказался в общей группе? Почему вообще взяли с собой демона?

Ответа не было.

— Спасибо, Кевин, — медленно сказал Род, не решаясь взглянуть на Салли. — Джок, так является это классом мошкитов или нет?

— Более того, капитан, — сказал Реннер. — Приглядитесь поближе к Фермеру. Теперь мы знаем, на что нужно смотреть.

Изображение было не очень четким, похуже, чем силуэты крыс, но выпуклость определялась безошибочно.

— Она беременна! — воскликнула Салли. — Почему я не подумала об этом? Беременная статуя? Но... Джок, что все это значит?

— Вот именно, — холодно сказал Род.

Однако привлечь внимание Джок было невозможно.

— Стоп! Ни слова больше! — приказал Иван.

— Что мне говорить! — запричитала Джок. — Эти идиоты взяли Воина! Мы пропали, пропали, а ведь всего минуту назад в наших руках была вся Вселенная! — Сильная левая рука мошкиты сжала воздух.

— Тихо! Следите за собой. А теперь, Чарли, скажите мне, что вам известно о зонде. Как он был построен?

Чарли выразила презрение, сменившееся уважением.

— Это должно быть очевидно. Создатели зонда знали, что у этой звезды живут существа другого разумного вида. И больше ничего. Таким образом, они должны были предположить, что эти существа похожи на нас если не внешне, то по своей сущности.

— Циклы. Они должны были предположить циклы, — пробормотал Иван. — Тогда мы еще не знали, что не все расы обречены на них.

— Вот именно, — сказала Чарли. — Эти гипотетические существа выжили, значит, они были смышлены. Они должны были осуществлять не больше контроля за своим размножением, чем мы, поскольку такой контроль не является необходимым условием размножения. Одним словом, зонд был запущен с расчетом на то, что люди этой звезды будут в коллапсе, когда он прибудет к ним.

— Так... — Иван на мгновение задумался. — Безумные Эдди погрузили на борт зонда беременных женщин каждого вида. Идиоты!

— Воздадим им честь, — сказала Чарли. — Они сделали как могли лучше. Зонд должен был мгновенно вышвырнуть пассажиров в сторону солнца, как только их окликнет цивилизация, вышедшая в космос. Если гипотетические чужаки превосходили их, они должны были обнаружить не попытку захватить их планету с помощью солнечного паруса как оружия, а Посредника, посланного с мирными целями. — Чарли сделала паузу. — Случайно погибшего Посредника. Зонд должен был иметь устройство, назначение которого заключалось в том, чтобы убить Посредника и не дать чужакам узнать слишком много. — Вы сами Мастер: разве не сделали бы вы именно так?

— Я не Безумный Эдди, чтобы вообще запускать зонд. Эта стратегия не сработала. Теперь мы должны что-то сказать людям.

— Я за то, чтобы сказать им все, — сказала Чарли. — Что еще мы можем сделать? Мы запутались в собственной лжи.

— Подождите, — сказал Иван. Прошли всего секунды, но Джок уже снова была нормальной. Люди с любопытством смотрели на них. — Мы должны сказать что-нибудь важное. Харди знает, что мы возбуждены. Правда?

— Да, — жестом подтвердила Чарли.

— Какое открытие могло так возбудить вас?

— Позвольте мне, — быстро сказала Джок. — Мы еще можем спастись.

— Поклонники демонов! — продолжала она уже по-английски. — Мы говорили вам, что не имеем расовых врагов, и это правда, но есть религиозные группировки — тайные, — сделавшие богами демонов времени. Они злобны и очень опасны. Должно быть, они захватили зонд до того, как он покинул пояс астероидов. Конечно, тайно...

— Значит, пассажиры и экипаж были живы? — спросил Род.

Чарли пожала плечами.

— Думаю, да. Должно быть, они совершили самоубийство. Кто знает, почему? Может, решили, что мы получили возможность двигаться быстрее света и ждем их здесь? Что вы сделали, когда настигли их?

— Отправили послание на большинстве земных языков, — ответил Род. — Вы уверены, что они были живы?

— Откуда нам знать это? — спросила Джок. — Не стоит беспокоиться из-за *них*. — В голосе ее зазвучало презрение. — Они не были истинными представителями нашей расы. Их ритуалы включают жертвоприношения разумных видов.

— И как много этих почитателей демонов? — спросил Харди. — Я никогда не слышал о них.

— Мы не гордимся их существованием, — ответила Джок. — Разве вы рассказали нам о внешних? Или о крайностях системы Саурона? Разве вам приятно, что мы узнали, что люди способны на такие вещи?

В ответ послышалось смущенное бормотание.

— Проклятие, — тихо сказал Род. — Они были живы... — Мысль эта была неприятной.

— Вы расстроились, — сказала Джок. — Мы рады, что вы не поговорили с ними до того, как встретили нас. Ваша экспедиция имела бы совсем другой характер, если бы вы...

Она замолчала, с любопытством наблюдая за происходящим. Доктор Зигмунд Горовиц поднялся со своего места и наклонился к экрану, изучая изображение машины времени. Затем он коснулся переключателей, увеличив изображение одной из статуй демонов. Силуэты из зонда исчезли, оставив половину экрана пустой, но через

секунду появилось другое изображение, которое все росло и росло — крысоподобное существо, сидящее на корточках на куче щебня.

— Ага! — торжествующе воскликнул Горовиц. — Я никак не мог понять, что за предки были у этих крыс! А это дегенеративные формы этих... — Он повернулся к мошките. Похоже, им двигало только любопытство, он словно не обратил внимания на разговор перед этим. — Для чего вы используете эту касту? — спросил он. — Как солдат, верно? Для чего еще они могут годиться?

— Нет. Они просто миф.

— Вздор. Демоны с оружием? Отец Харди, можете вы представить себе дьяволов, вооруженных лучевыми ружьями? — Горовиц нажал переключатель, и вновь появились силуэты из зонда. — Борода Авраама! Это не статуи, это разновидность мошкитов. Почему вы спрятали ее? Очаровательно... Я никогда не видел никого, так хорошо приспособленного для... — Голос Горовица замер.

— Каста Воинов, — медленно сказал Бен Фаулер. — Неудивительно, что вы прятали их от нас. Доктор Горовиц, вы полагаете, что эти... существа... так же плодовиты, как остальные мошкиты?

— А как же иначе?

— Но я говорю вам, что эти демоны легендарны, — настаивала Джок. — Это поэма. Доктор Харди, вы помните поэму? Это те существа, которые обрушили небо...

— Этому я верю, — сказал Харди. — Однако сомневаюсь в их исчезновении. Вы держите их потомков в зоопарках. Энтони, я хочу задать вам один вопрос. Если у мошкитов есть действительно очень плодовитая каста, приспособленная к войне, если их Мастера защищают свою независимость как земные львы, если у них было несколько опустошительных войн, и они заперты в одной-единственной системе — каково их наиболее вероятное будущее?

Хорват пожал плечами. Остальные последовали его примеру.

— Это будет похоже... на «Макартур», — печально сказал Хорват. — Сотрудничество Мастеров должно сломаться, когда давление популяции станет слишком тяжелым... конечно, *если* это действительно существующая каста, Дэвид.

— Но я снова говорю вам, что это легендарные демоны, — запротестовала Джок.

— Боюсь, что мы не должны верить тому, что вы говорите нам, — сказал Харди, и в голосе его звучала печаль. — Это не значит, что я принимал все, что вы говорили. Священники слышат много лжи. Меня всегда удивляло, что вы скрываете от нас. Было бы лучше, если бы вы показали нам что-то вроде военных или полицейских сил, но вы этого не сделали. Это были... — он махнул рукой в сторону экрана, — ...они.

— Род, — сказал сенатор Фаулер, — вы здорово помрачнели.

— Да, сэр. Я представил, на что будет похоже сражение с расой, которая разводит Воинов десять тысяч лет. Эти существа должны быть приспособлены и к космической войне. Дайте мошкитам технологию Поля, и... Бен, не думаю, чтобы мы смогли победить их! Это будет похоже на сражение с миллионом сауронских киборгов! Черт побери, чтобы вести войну годами!

Салли беспомощно слушала.

— Но что, если Джок говорит правду? Разве это не может быть правдой? У них была каста Воинов, но теперь она вымерла, и стоящие вне закона мошкиты хотят снова возродить ее.

— Это довольно легко узнать, — буркнул Фаулер. — И лучше это сделать быстрее, прежде чем Коричневые мошкиты построят флот и остановят нас.

— Если они уже не сделали его, — буркнул Род. — Они работают так быстро! Они переделали посольский корабль, пока он летел от планеты до «Макартура». Полностью переделали, и всего с двумя Коричневыми и несколькими Часовщиками. Я думаю, сенатор, оценка командора Каргилла была слишком умеренной.

— Если это и не так, — сказал Реннер, — мы все равно можем представить себе корабль с экипажем из адмиралов Кутузовых.

— Верно. Ну что же, Джок, вы видите наше положение, — сказал сенатор.

— Вовсе нет. — Мошкита подалась вперед и выглядела очень чужой.

— Тогда я объясню вам. У нас нет возможности сражаться с миллионом существ, созданных для войны. Может, мы победим, а может, и нет. Если вы разводите этих существ, значит, нуждаетесь в них — ваша система слишком переполнена, чтобы держать бесполезные рты. Если они нужны вам, значит, вы ведете войны.

— Понимаю, — сказала Джок.

— Нет, не понимаете, — рявкнул сенатор. — Вам известно кое-что о системе Саурона, но не все. Джок, если мошкиты разводят касту Воинов, наши люди будут воспринимать вас как сауронцев, а я сомневаюсь, что вы представляете, насколько в Империи ненавидят их и их суперменские идеи.

— Что же вы сделаете? — спросила Джок.

— Взгляну на вашу систему. *Действительно* взгляну.

— А если вы найдете Воинов?

— Можно и не смотреть, верно? — спросил сенатор Фаулер. — Вы знаете, что мы найдем их. — Он тяжело вздохнул. Пауза на обдумывание была очень короткой — не более секунды. Затем он встал и направился к экрану интеркома, двигаясь медленно, но неудержимо...

* * *

— Что нам делать? Может, остановить его? — прохныкала Джок.

Иван оставался спокоен.

— Это было бы неплохо, но вам не сделать этого. Тот десантник не Воин, но он вооружен, и его рука лежит на оружии. Он боится нас.

— Но...

— Слушайте.

— Вызывает конференц-зал, — сказал Фаулер дворцовому оператору. — Мне нужны принц Меррилл и военный министр Армстронг. Лично и независимо от того, где они находятся. Я жду.

— Да, сенатор. — Девушка была молода, и ее испугала грубость манер Фаулера. Она потянулась к своим приборам, и некоторое время экран был пуст.

Министр Армстронг был в своем кабинете. Его туника была снята, рубашка расстегнута. Стол перед ним покрывали бумаги. Он раздраженно поднял голову, увидел, кто его вызывает, и буркнул:

— Да?

— Минуточку, — резко сказал Фаулер. — Я жду подключения вице-короля. — Потянулись минуты ожидания.

Наконец появился его высочество — экран показывал только его лицо. Похоже было, что он запыхался.

— Да, сенатор?

— Ваше высочество, видели ли вы мои полномочия, данные императором?

— Да.

— Вы согласны с моими полномочиями по всем вопросам, касающимся чужаков?

— Конечно.

— Как представитель его императорского величества, приказываю вам как можно быстрее собрать военный флот сектора. Командовать им вы назначите адмирала Кутузова и будете ждать моих приказов.

С обоих экранов не доносилось ни звука, а конференц-зал заполнило раздраженное бормотание. Бен властным жестом потребовал тишины, и все смолкли.

— Собственно говоря, сенатор, — осторожно сказал Меррилл, — мне нужно подтверждение этого приказа от еще одного члена Комиссии.

— Подтвердишь, Род?

«Вот оно, — подумал Род, не смея взглянуть на Салли. — Раса Воинов? Независимые Мастера? Мы не можем позволить им войти в пространство человека. Мы не можем терять целый век».

Мошкиты были как окаменевшие. «Они знают, что мы обнаружили. Бесконтрольное размножение и демоны. Любые кошмары, которые когда-либо бывали у детей... Но мне *нравятся* мошкиты! Впрочем, нет, мне нравятся Посредники, я никогда не видел никого другого. А Посредники не контролируют цивилизацию Мошки». Очень осторожно он посмотрел на Салли. Она была так же неподвижна, как мошкиты. Род глубоко вздохнул.

— Ваше высочество, я подтверждаю его.

56. Последняя надежда

Их жилище, казалось, стало меньше, несмотря на высокие потолки. Ничего не изменилось: в их кухне по-прежнему были все деликатесы Империи, одно нажатие кнопки вызывало дюжину слуг-людей, десантники в коридоре были вежливы и почтительны.

И все-таки они были в ловушке. Где-то на краю системы Новой Каледонии, на базе под названием Дагда собирались имперские военные корабли, и когда они прибудут туда...

— Они не смогут убить всех, — пробормотала Чарли.

— Они сделают это. — Голос Джок дрожал.

— Воины будут сражаться. *Военный флот* должен будет потерять корабли, а командовать им назначен *Кутузов*. Станет ли он рисковать кораблями, чтобы пощадить кого-нибудь из нас? Или превратит нашу планету в мерцающую пыль?

— Астероиды тоже? — захныкала Чарли. — Да... Не было ни одного Цикла, в котором бы гибло и то, и другое. Мастер, мы должны что-то делать! Мы не можем допустить этого! Если бы мы были честны с ними...

— Их флот должен был двинуться, как только получил приказ собраться, — презрительно сказала Джок. — Цель была так близка! — Она сжала три пальца щепотью. — Они почти согласились, а потом... потом... — Она заколебалась на грани безумия, но все-таки отшатнулась от края. — Должно быть что-то, что мы можем сделать.

— Сказать им все, — предложила Чарли. — Чем это может повредить? Сейчас они смотрят на нас, как на зло. По крайней мере мы можем объяснить, почему лгали мы.

— Думайте, что мы можем предложить им, — приказал Иван. — Изучите их интересы и думайте о том, как соблюсти их, не допуская уничтожения Расы.

— Помогать им? — спросила Джок.

— Конечно. Помогать им обезопасить себя от нас...

— Они боятся Воинов. Может, Мастера согласятся уничтожить Воинов? Тогда мы могли бы присоединиться к Империи.

— Безумный Эдди! — воскликнула Чарли. — А сколько Мастеров сохранят Воинов на всякий случай?

— Это уже попытались сделать прежде, — сказал Иван. — Думайте о чем-нибудь еще.

— Нельзя ли заставить их поверить, что мы не можем создать Поле? — спросила Чарли.

— Нет, они скоро узнают это. Они не будут входить в нашу систему, пока их флот не будет готов, и тогда войдут все вместе. Дюжина линкоров. Если этот флот войдет в систему, Воины начнут сражение, и раса погибнет. Они не должны послать его. *Не должны!*

Джок перешла на полузабытый язык, неизвестный Мастеру.

— Он почти болен.

— Как и мы. — Чарли заизвивалась в горьком беззвучном смехе мошкитов. — Бедный Мастер. Его страхи — это наши страхи плюс опасение, что мы сойдем с ума. Без нас он будет только молча смотреть, как собирается флот, не в силах сказать ни слова.

— Думать! — приказал Иван. — Они посылают Кутузова. Он уничтожил планету людей — какую же милость проявит он к чужакам? Думать! Думать, или раса обречена!

Когда Салли вошла в кабинет Рода, он разговаривал по фону и не видел ее. На мгновение она заколебалась, затем остановилась, прислушиваясь.

— Я согласен, Лаврентий. Цивилизация астероидов должна быть уничтожена в первую очередь. Она может быть их главной военной базой.

— Я не люблю разделять флот, — сказал тяжелый голос из фона. — Вы поручаете мне две миссии, лорд Блейн, две несовместимые миссии. Обрушиться на мошкитов и покончить с ними без предупреждения — да, это возможно. Но предложить им атаковать прежде, чем мы сможем среагировать... Это обойдется нам в потерянные корабли и жизни, которые мы не сумеем сберечь.

— Тем не менее вы будете планировать именно так.

— Да, милорд. Утром мои люди принесут вам предварительный план. Они принесут вам и расчет возможных потерь. Какого офицера я должен поставить командовать кораблем-приманкой, милорд? Вашего одноклассника? Постороннего человека? Я жду ваших предложений.

— Черт побери!

— Прошу прощения за дерзость, милорд. Ваши распоряжения будут выполнены.

Экран погас. Род сидел, глядя на его пустую поверхность, пока Салли не подошла и не села перед ним. Фигура Воина постоянно была у нее перед глазами.

— Вы слышали?

— Кое-что... Это действительно так плохо?

Род пожал плечами.

— Это зависит от того, с чем мы столкнемся. Одно дело — войти туда, прокладывая путь выстрелами, и превратить планету и астероиды в огненные костры. Но послать туда флот, предупредить об этом мошкитов и ждать, пока они атакуют нас? На первое же враждебное движение может последовать ответ из лазерной пушки, с помощью которой был запущен зонд!

Салли с жалостью смотрела на него.

— А зачем нам делать все это? Почему просто не оставить их одних?

— Чтобы однажды они выбрались оттуда и уничтожили наших внуков?

— И потому так должны поступить мы?

— Скажите, Салли, есть какие-нибудь сомнения? Относительно того, что представляют собой мошкиты?

— Они не чудовища!

— Нет. Просто наши враги.

Она печально покачала головой.

— Так что же должно произойти?

— Флот войдет туда, и мы потребуем, чтобы они подчинились Империи. Может, они согласятся, а может, нет. Если они сделают это, команда самоубийц направится наблюдать за разоружением. Если они предпочтут сражаться, флот атакует.

— А кто... Кто должен будет приземлиться на Мошке-1? Кто будет отвечать за?.. *Нет!* Род, я не разрешаю тебе делать это!

— А кто еще сможет это сделать? Я, Каргилл, Сэнди Синклер — старая компания с «Макартура». Может, они действительно сдадутся. Кто-то должен дать им этот шанс.

— Род, я...

— Может, нам сыграть свадьбу поскорее? Ни у одной из наших семей нет наследника.

— Какая ирония, — сказала Чарли. — Миллионы лет мы жили в бутылке, и это обстоятельство обусловило все наши беды. Теперь, когда мы нашли выход, через него вливается Военный Космический Флот, чтобы сжечь наши миры.

Джок усмехнулась.

— Как живо и поэтично ваше воображение!

— Как счастливы мы, наслаждаясь вашими деловыми советами! Вы... — Чарли вдруг замолчала. Походка Джок изменилась — как-то странно. Она ходила, неудобно изогнув руки перед собой, наклонив голову вперед и ставя ноги близко друг к другу, принимая рискованную позу людей.

Чарли узнала Кутузова и сделала повелительный жест, заставив Ивана воздержаться от комментария.

— Мне нужно человеческое слово, — сказала Джок. — Мы никогда не слышали его, но оно должно быть. Мы должны *ПОСТУПИТЬ НА СЛУЖБУ*, — произнесла она голосом Кутузова, и Чарли кинулась исполнять распоряжение.

Сенатор Фаулер сидел за небольшим столом в кабинете, примыкающем к конференц-залу. Большая бутылка «Нью-Эбердин Хайленд Крим» стояла на дубовом столе бара. Дверь открылась, вошел доктор Хорват и остановился в выжидательной позе.

— Выпьете? — спросил Фаулер.

— Нет, спасибо.

— Правильно. Ваша просьба о включении в члены Комиссии отклонена.

Хорват замер.

— Понимаю.

— Сомневаюсь. Садитесь. — Фаулер вынул из выдвижного ящика стола бокал и налил. — Все-таки держите. Сделайте вид, будто пьете со мной. Тони, я хорошо отношусь к вам.

— Не заметно.

— Не заметно? Тогда смотрите. Комиссия собирается уничтожить мошкитов. Представляете, что это значит для вас? *Хотите* вы участвовать в принятии этого решения?

— Уничтожить? Но я полагал, приказ касается их включения в Империю.

— Конечно. Иначе и нельзя было. Политическое давление слишком велико, чтобы просто войти туда и уничтожить их. Поэтому я позволяю мошкитам пролить много крови. Включая отца единственного наследника, которого я когда-либо буду иметь. — Он помолчал. — Они будут сражаться, док. Надеюсь, что предварительно они не сделают заявления о сдаче, и у Рода будет шанс. Вы действительно хотите быть замешанным в это?

— Понимаю... Теперь я действительно понял. Спасибо.

— Не за что. — Фаулер сунул руку в карман туники и вынул маленькую коробочку. Он открыл ее на секунду, заглянул внутрь, закрыл снова и подал через стол Хорвату. — Держите. Это ваше.

Доктор Хорват открыл ее и увидел кольцо с крупным тускло-серым камнем.

— К следующему Дню Рождения можете вырезать на нем баронский гребень, — сказал Фаулер. — Довольны?

— Да. Очень. Спасибо, сенатор.

— Не стоит благодарности. Вы хороший человек, Тони. А теперь идемте, посмотрим, чего хотят мошкиты.

Конференц-зал был почти полон. Члены Комиссии, ученые Хорвата, Харди, Реннер и... адмирал Кутузов.

Сенатор Фаулер занял свое место.

— Лорды-члены Комиссии, представляющей его императорское величество, собрались. Запишите свои имена и организации. — Он помолчал, чтобы дать им возможность сделать это. — Об этом собрании попросили мошкиты, не объяснив причины. Есть у кого-нибудь замечания или предложения, прежде чем они появятся? Нет? Хорошо. Келли, введите их.

Мошкиты вошли молча и заняли свои места на конце стола. Они выглядели очень чужими — человеческая мимикрия исчезла. На лицах их застыли вечные улыбки, мех был гладким и блестящим.

— Вам слово, — сказал сенатор. — Однако хочу предупредить, что едва ли мы поверим тому, что вы скажете.

— Лжи больше не будет, — сказала Чарли. Даже голос ее стал другим: Посредник говорил иначе, не похоже на все голоса мошкитов, которые они слышали до сих пор, но с отчетливым...

Род не сразу понял, в чем дело — не было никакого акцента. Это был почти совершенный, идеальный английский.

— Время лжи прошло. Мой Мастер считал так с самого начала, но Мастер Джок завладел юрисдикцией над переговорами с людьми. Подобно тому, как вы получили юрисдикцию от своего императора.

— Сторонник борьбы, а? — сказал Фаулер. — Жаль, что мы не встретились с вашим боссом. Сейчас уже немного поздно, не так ли?

— Возможно. Но сейчас я представляю его. Если хотите, можете называть его Король Петр — гардемарины называли его так.

— Что?! — Род вскочил со стула, и тот полетел назад, загремев по полу. — Когда?

— Перед тем, как были убиты Воинами, — сказала Чарли. — Наскакивание на меня не даст вам информации, милорд, к тому же их убили Воины не моего Мастера. Тем, кто это сделал, было приказано взять их живыми, но гардемарины не сдались.

Род осторожно вернул на место свой стул и сел.

— Да, — пробормотал он. — Хорст не мог этого сделать.

— Так же как Уитбрид и Поттер. Вы можете гордиться ими, лорд Блейн. Их последние минуты прошли в лучших традициях имперской службы. — В голосе чужака не было ни следа иронии.

— И все же, почему вы убили этих мальчиков? — спросила Салли. — Род, мне очень жаль... Я... я сожалею об этом.

— Твоей вины здесь нет. Чарли, леди задала вам вопрос.

— Они открыли правду о нас. Спасательные шлюпки доставили их в музей, но не такой, как тот, который мы показали вам. У этого

была более серьезная цель. — Чарли говорила низким голосом. Она описала музей, сражение в нем, полет через Мошку-1, начало войны между фракциями и приземление на улицу возле Замка. Закончила она последним сражением.

— Мои собственные Воины проиграли, — сказала она. — Если бы они победили, Король Петр отправил бы гардемаринов назад, к вам. Однако, когда они были уже мертвы, было решено, что лучше попробовать обмануть вас.

— Боже мой, — прошептал Род. — Так это и есть ваша тайна. Мы держали в руках все ключи к разгадке, но...

От стола донеслось чье-то бормотание — священник Харди.

— И какого же дьявола вы рассказали это нам? — спросил сенатор Фаулер. — Чем это может вам помочь?

Чарли пожала плечами.

— Если вы решите уничтожить нас, хотя бы знайте почему. Я пытаюсь объяснить вам, что Мастера не сдадутся. Король Петр может это сделать, но он не контролирует Мошку-1 и уж тем более цивилизацию астероидов. Кто-то все равно будет сражаться.

— Как я и предсказывал, лорды, — тяжело сказал Кутузов. — Люди и корабли, посланные предложить капитуляцию, будут обречены. Возможно, и флот тоже. Если мы войдем в систему Мошки, необходима немедленная атака.

— Ох, ребята, — пробормотал сенатор Фаулер, — я понял ваш план. Вы думаете, мы не сможем приказать начать неспровоцированную атаку и, может быть, не отправим корабли в самоубийственную миссию. Что ж, вы плохо знаете нас, Чарли. Все, чего вы добились, это того, что адмирал будет действовать именно так, даже если это будет стоить мне головы. Мне очень жаль, отец, но это единственный путь, который я вижу.

Голос сенатора разнесся по комнате.

— Адмирал Кутузов, вы будете держать свой флот в готовности, без моего личного одобрения не вступая в контакты ни с кем. Повторяю: *ни с кем*. Ясно?

— Да, сенатор. — Кутузов поднял коммуникатор к губам. — Михайлова, да. — Он заговорил быстрыми тягучими слогами. — Готово, сенатор.

— Я еще не закончила, — сказала Чарли. — У вас есть альтернатива.

— Какая? — спросил Фаулер.

— Блокада.

57. Искусство измены

Они долгое время стояли на балконе номера Рода, слушая слабые звуки ночного города. Человек-в-Капюшоне поднялся уже высоко на небо, и его гибельный красный глаз равнодушно смотрел на них: двоих влюбленных людей, собирающихся послать эскадры кораблей непосредственно в Глаз и держать их там, пока они не исчезнут...

— Она не кажется слишком большой, — пробормотала Салли, прислонив голову к плечу Рода и чувствуя, как его руки обнимают ее. — Просто желтое пятнышко в Глазе Мурчисона. Род, это сработает?

— Блокада? Конечно. Мы приняли план, предложенный Джоном Каргиллом: эскадра внутри самого Глаза будет пользоваться выгодами послепрыжкового шока. Мошкиты не знают об этом, и в лучшем случае их корабли будут неуправляемыми в течение нескольких минут. Если же они попытаются посылать их в Прыжок на автоматике, это будет еще хуже.

Она вздрогнула.

— Это не совсем то, что я имела в виду. Весь этот план... сработает ли он?

— А какой у нас выбор?

— Никакого. И я рада, что ты согласился. Я не смогла бы жить с тобой, если бы... не смогла бы и все!

— Да. — «И потому я благодарен мошкитам, предложившим этот план, ведь мы не можем позволить им вырваться. Галактическая чума... Есть только два лекарства против этой болезни: карантин или уничтожение. По крайней мере у нас был выбор».

— Они... — Салли замолчала и посмотрела на него. — Я боюсь говорить тебе об этом, Род. Я не смогу жить сама с собой, если мы сделаем это... если блокада не поможет.

Он ничего не ответил. Откуда-то снизу донесся смех.

— Они могут проскочить мимо этой эскадры в звезде, — сказала Салли. Голос ее был идеально спокоен.

— Конечно. И мимо мин, сделанных Сэнди Синклером, тоже. Но куда им идти, Салли? Есть только один выход из системы Глаза, они не знают, где он находится, а когда найдут его, их будут ждать военные корабли. И потом, не забывай, что они будут внутри звезды. Возможности избавиться от лишней энергии не будет и потому вероятны повреждения. Ты не сможешь придумать ничего такого, чего бы мы не предусмотрели. Это прочная блокада, иначе я не согласился бы на нее. — Она снова расслабилась и прижалась к его груди. Его руки обняли ее. Так они и стояли, глядя на Человека-в-Капюшоне и его глаз. — Они не должны выйти, — сказал Род.

— Они живут там уже миллион лет... Интересно, какими станем мы через миллион лет? — задумалась она. — Похожими на них? Есть что-то очень важное, чего мы не понимаем в мошкитах. Фатализм, которого я не могу даже представить. После нескольких неудач они могут даже... сдаться.

Он пожал плечами.

— В любом случае мы продолжим блокаду. Потом, лет через пятьдесят, мы войдем туда и посмотрим, как обстоят дела. Если коллапс будет настолько полон, как это предсказала Чарли, мы примем их в Империю.

— А что потом?

— Не знаю. Нужно будет что-то придумать.

— Да. — Она выскользнула из его объятий и возбужденно повернулась. — Я знаю! Род, нам нужно реально взглянуть на эту проблему. Мы можем помочь мошкитам.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Я полагаю, что лучшие умы Империи работают над этим.

— Да, но для Империи, а не для мошкитов. Нам нужен... Институт. Что-то, управляемое людьми, которые *знают* мошкитов, и далекое от политики... И мы можем сделать это. Мы достаточно богаты...

— Что?

— Мы можем потратить половину того, что имеем. — Она промчалась мимо него, выскочила в коридор и бросилась к себе в номер. Род последовал за ней и увидел, что она роется среди множества свадебных подарков, которые покрывали большой стол из розового тиса, стоявший в прихожей. Найдя свой карманный компьютер, она удовлетворенно хмыкнула.

«Должен ли я рассердиться сейчас? — подумал Род. — Пожалуй, я должен радоваться, когда она такая. Надеюсь, у меня будет время научиться этому».

— Мошкиты сами работают над этой проблемой, — напомнил он ей.

Она посмотрела на него с легким раздражением.

— Фу! Они не видят ее так, как мы. Фатализм, помнишь? И потом, у них нет никого, чтобы заставить их принять решение, к которому они придут. — Она вернулась к своим торопливым заметкам. — Разумеется, нам будет нужен Горовиц. Он говорил, что на Спарте есть подходящие люди — нужно будет послать за ними. Кроме того, доктор Харди.

Он смотрел на нее со страхом и удивлением.

— Когда тебе нужно идти, ты идешь. — «И лучше идти с тобой, если я хочу быть рядом всю жизнь. Интересно, на что похожа жизнь с ураганом?» — Если тебе нужен отец Харди, он у тебя будет. Кардинал поручил ему заниматься проблемой мошкитов, и, ду-

маю, у его преосвященства есть в запасе кое-что еще. Харди давно уже должен быть епископом, но у него нет права на митру. Не думаю, чтобы сейчас у него был большой выбор. Первый папский делегат к чужой расе или что-то вроде этого.

— Значит, в правлении будем мы с тобой, доктор Хорват, отец Харди и... Иван.

— Иван? — «А почему бы и нет? И пока мы делаем это, мы должны делать это правильно. Нам нужен хороший исполнительный директор. Салли нельзя использовать как администратора, а у меня нет времени. Может, Хорват?» — Салли, ты представляешь, против чего мы выступаем? Чего стоит одна биологическая проблема: как превратить женщину в мужчину без беременности или стерильности? Но даже если мы найдем способ, как заставить мошкитов пользоваться им?

Она почти не слушала его.

— Мы найдем способ. Мы достаточно хороши в управлении...

— Мы с трудом управляем империей людей!

— Но ведь управляем, не так ли? Хотя бы кое-как. — Она отодвинула в сторону кипу разноцветных свертков, чтобы освободить побольше места. Какая-то большая коробка едва не упала, и Род подхватил ее, пока Салли продолжала писать, вводя данные в банк памяти компьютера. — Как мне выйти на раздел *ученые Империи?* — спросила она. — На Мейджи есть крупный специалист в генной инженерии, а я не могу вспомнить его имя...

Род тяжело вздохнул.

— Я найду его для тебя. Но с одним условием.

— Каким? — Салли с любопытством взглянула на него.

— Ты займешься этим на следующей неделе, потому что если ты возьмешь свой компьютер в свадебное путешествие, я брошу эту чертову штуковину в масс-конвертор!

Она рассмеялась, но Род вовсе не чувствовал себя уверенным. Ну ничего. Компьютеры не слишком дороги. Он может купить ей новый, когда они вернутся обратно. В самом деле, может, ему придется иметь дело с Бери: им потребуется множество вещей, если они решат обзавестись семейством...

Гораций Бери шел по дворцу за десантником, демонстративно игнорируя тех, что следовали за ним по пятам. Его лицо было спокойно, и только близкое изучение его глаз могло выявить отчаяние, сверлившее его.

«На все воля Аллаха», — вздохнул он и удивился, что его больше не возмущает эта мысль. Возможно, есть своя прелесть и в повиновении. Впрочем, это мало утешало его. Космодесантники перевезли его слугу и весь его багаж вниз, а затем отделили его от На-

била. Но прежде чем это было сделано, Набил прошептал ему, что признание Джонаса Стоуна дошло до дворца.

Стоун был еще на Нью-Чикаго, но что бы он ни сказал военной разведке, это было достаточно важно, чтобы послать курьерский корабль. Информатор Набила не знал, о чем говорил предводитель мятежников, но Бери это было известно, как будто он уже прочел кодовые ленты. Послание должно быть коротким, но содержать смертный приговор Горацию Бери.

Итак, это конец всего. Против изменников Империя действует быстро: несколько дней или недель, не больше. Возможностей для побега не было. Десантники были вежливы, но очень бдительны. Они были предупреждены, и их было много, слишком много. Один мог бы принять взятку, но не тогда, когда на него смотрят товарищи.

«На все воля Аллаха. И все-таки жаль. Если бы я не был так обеспокоен чужаками, если бы не занимался работой с торговцами, то давно уже мог бы бежать. Левант велик... Но мне пришлось бы покинуть Новую Шотландию, а именно здесь принимаются решения. И какой смысл бежать, если чужаки могут уничтожить всех нас?»

Сержант космодесанта довел его до конференц-зала и держал дверь открытой, пока Бери не вошел внутрь. Затем, что было просто невероятно, охрана ушла. В комнате, кроме Бери, находилось всего два человека.

— Доброе утро, лорд, — сказал Бери Роду Блейну. Голос его звучал ровно и спокойно, хотя во рту пересохло, а когда он поклонился другому человеку, то в горле появился какой-то резкий привкус. — Я не был представлен сенатору Фаулеру, но, конечно, его лицо известно всем в Империи. Доброе утро, сенатор.

Фаулер кивнул, не вставая со своего места за большим столом.

— Доброе утро, ваше превосходительство. Садитесь. — Он указал на место напротив себя.

— Спасибо. — Бери занял указанное кресло и удивился еще больше, когда Блейн принес кофе. Бери осторожно понюхал его и убедился, что это именно тот, который он послал шеф-повару дворца для Блейна.

«Во имя Аллаха! Они играют со мной, но каков конец будет у этой игры?» Он почувствовал смесь гнева со страхом, но по-прежнему никакой надежды. И остановил дикий булькающий смех, зародившийся в его горле.

— Нам только что стало кое-что известно, ваше превосходительство, — сказал Фаулер. Он сделал знак, и Блейн включил стенной экран. Грузные очертания Джонаса Стоуна появились на нем. Лоб и скулы его покрывал пот, а голос Стоуна то гудел, то звучал умоляюще.

Бери бесстрастно слушал, губы его презрительно кривились. Сомнений не было: теперь у Флота имелось больше чем достаточно

доказательств, чтобы казнить его, как изменника. И все-таки улыбка не исчезла с лица Бери. Он не доставит им удовлетворения. Он не будет умолять.

Наконец лента кончилась. Фаулер снова махнул рукой, и изображение вождя мятежников исчезло.

— Об этом знаем только мы трое, ваше превосходительство, — осторожно сказал Фаулер.

«Только мы... Чего они хотят? Может, все-таки есть надежда?»

— Не думаю, чтобы это требовало обсуждения, — продолжал сенатор. — Давайте лучше поговорим о мошкитах.

— О! — сказал Бери. Крошечный звук кольнул его горло. «Хотите ли вы заключить сделку или просто напоследок посмеяться над моими страхами?» Прежде чем заговорить, он глотнул кофе, чтобы смочить язык. — Уверен, сенатору известна моя точка зрения. Я считаю мошкитов величайшей угрозой, с которой когда-либо сталкивалось человечество. — Он посмотрел на двух людей напротив, но на лицах их невозможно было ничего прочесть.

— Мы согласны, — сказал Блейн.

Пока в глазах Бери разгоралась искра надежды, Фаулер быстро добавил:

— Это не подлежит сомнению. Они находятся в постоянном состоянии демографического взрыва, за которым следует всеобщая война. Если они вырвутся из своей системы... Бери, у них есть разновидность солдат, которые заставят покраснеть от стыда сауронских суперменов. Черт побери, вы же видели их.

Блейн дал сигнал своему карманному компьютеру, и появилось другое изображение: скульптура машины времени.

— Это? Но мой мошкит говорил мне... — Бери замолчал, потом рассмеялся, как человек, которому больше нечего терять. «*Мой* мошкит».

— Вот именно, — слабо улыбнулся сенатор. — Не могу сказать, что можно верить вашему мошкиту. Бери, даже если широко распространятся только малыши, мы можем потерять все миры. Они размножаются как бактерии. Это просто не с чем сравнивать. Впрочем, вы знаете.

— Да. — Бери с трудом взял себя в руки. Лицо его было спокойно, но перед мысленным взглядом сверкало множество крошечных глаз. «И ведь я сам почти вынес их наружу! Хвала и слава Аллаху!»

— Черт побери, перестаньте трястись, — приказал Фаулер.

— Прошу прощения. Вы, несомненно, слышали о моей встрече с малышами. — Он взглянул на Блейна и позавидовал его внешнему спокойствию. Малыши должны были быть не менее неприятны капитану «Макартура». — Я рад слышать, что Империя поняла опасность.

— Да. Мы устраиваем блокаду мошкитов. Закупорим их в их собственной системе.

— А не лучше ли уничтожить их, пока это возможно? — тихо спросил Бери. Его голос был спокоен, но темные глаза горели.

— Как?

Бери кивнул.

— Конечно, возникнут политические осложнения. Но я могу найти людей для такой экспедиции на Мошку-1 и, получив нужные приказы...

Фаулер махнул рукой.

— Если потребуется, я могу отправить своих собственных агентов.

— Мои будут значительно менее ценными. — Бери посмотрел на Блейна.

— Да. — Фаулер сделал паузу, и Блейн заметно напрягся. Затем сенатор продолжал: — Лучше это или хуже, но мы решились на блокаду. Правительство слишком боится обвинения в ксеноциде. Кроме того, я не знаю, устроит ли меня идея неспровоцированного нападения на разумных существ. Мы будем делать так, как решили.

— Но угроза! — Бери наклонился вперед, не пытаясь скрыть фанатичного блеска в глазах. Он знал, что близок к безумию, но это его больше не заботило. — Вы думаете, что загнали джинна обратно, если пробка вставлена в бутылку? А если следующее поколение будет смотреть на мошкитов иначе? Если они вновь выпустят джинна на свободу? Представьте себе тучи их кораблей, обрушившихся на Империю, каждый под командой существа, подобного *этому* и думающего как адмирал Кутузов! Специализированные Воины, превосходящие сауронских «мертвоголовых». И вы позволите им жить? Я говорю, что они должны быть уничтожены...

Нет! Их не убедить так просто... Он постарался расслабиться.

— Я вижу, что вы приняли решение. Чем я могу вам помочь? — «Вообще, что вы хотите от меня?»

— Думаю, вы уже помогли, — сказал Блейн, поднял свою чашку и отхлебнул кофе. — И спасибо вам за подарок.

— Блокада — это самая дорогая военная операция, — буркнул Фаулер. — И никогда не бывшая популярной.

— А-а... — Бери почувствовал, что напряжение его уходит. Они держали его жизнь в руках, но он был им нужен. Возможно, ему удастся сохранить гораздо больше, чем жизнь. — Вас беспокоит Имперская Торговая Ассоциация.

— Вот именно.

Огромное облегчение... «За это я воздвигну мечеть. Кто знает, может, Аллах все-таки существует». Тот булькающий смех все еще стоял в его горле, и Бери знал, что если начнет смеяться, то остановиться не сможет.

— Я уже указал своим коллегам на всю невыгодность неограниченной торговли с мошкитами. По-моему, я добился кое-какого успеха, хотя слишком многие торговцы похожи на соседа, который последовал за Аладдином в волшебную пещеру. Несметное богатство сверкает гораздо ярче, чем опасности.

— Да, это так. Но сможете ли вы удержать их? Найти тех, кто собирается саботировать наши решения и спутать их планы?

Бери пожал плечами.

— Мне потребуется помощь. Это будет дорого стоить. Полагаю, придется использовать секретные фонды...

Фаулер зло усмехнулся.

— Род, что там еще говорил Стоун? Что-то о...

— Вовсе не обязательно обсуждать бред этого человека, — запротестовал Бери. — Надеюсь, я достаточно богат. — Он пожал плечами: что у него останется, когда дело будет сделано? Фаулера не тревожит, что Бери может разориться. — Но может оказаться, что потребуются ресурсы, превосходящие мои...

— Мы это обсудим, — сказал Фаулер. — Например, блокада должна поглотить массу ресурсов Меррилла, которые он предполагал пустить на объединение Трансугольного сектора. Мне представляется, что умный торговец мог бы завести несколько контактов с мятежниками. Может, даже убедить их принять нашу точку зрения. Конечно, я не знаю, как это можно сделать.

— Понимаю.

Фаулер кивнул.

— Надеюсь. Род, возьмите, пожалуйста, эту ленту и уберите ее в надежное место. Думаю, она нам больше не понадобится.

— Да, сэр. — Род дал команду своему карманному компьютеру. Машина загудела, знаменуя новый период в жизни Горация Бери.

«Возможности уклониться не будет, — подумал Бери. — Фаулер примет только результаты, а не извинения, и моя жизнь будет ставкой в этой игре. Должно быть, нелегко быть политическим агентом этого человека. А какой у меня выбор? На Леванте я могу только в страхе ждать, а здесь по крайней мере буду знать, как идут дела с мошкитами... а может, даже изменю их политику».

— И еще одно, — сказал сенатор. Он сделал знак, и Род открыл дверь кабинета. Вошел Кевин Реннер.

Все они впервые видели навигатора в гражданской одежде. Реннер выбрал яркие брюки и еще более яркую тунику. Его шарф был из какого-то похожего на шелк материала, который выглядел натуральным, но, вероятно, был синтетическим. Мягкие ботинки, драгоценности... — короче говоря, он выглядел как большинство преуспевающих торговых капитанов. Торговец и капитан удивленно уставились друг на друга.

— Да, сэр? — спросил Реннер.

— Несколько рановато, не так ли, Кевин? — заметил Род. — Ваша отставка с сегодняшнего дня недействительна.

Реннер ухмыльнулся.

— Не думаю, сэр, что могу согласиться с этим. Даже уверен в этом. Доброе утро, ваше превосходительство.

— Я вижу, вы знакомы с торговцем Бери, — сказал Фаулер. — Это хорошо, поскольку отныне вы будете часто видеть друг друга.

— Что? — насторожился Реннер.

— Сенатор имеет в виду, — объяснил Род, — что хочет просить вас об одолжении. Кевин, вы помните условия вашего служебного контракта?

— Конечно.

— Четыре года, или продолжительность критического положения первого класса, или продолжительность внешней войны, — сказал Род. — Так вот, сенатор объявил ситуацию с мошкитами критическим положением первого класса.

— Минуточку! — воскликнул Реннер. — Вы не можете сделать этого со мной!

— Могу, — сказал Фаулер.

Реннер упал в кресло.

— О мой Бог!

— Широко об этом еще не объявлено, — сказал сенатор Фаулер. — Мы не хотим никакой паники. Но вы официально извещены. — Фаулер прервался, чтобы сделать глоток. — Конечно, у вас есть альтернатива.

— Спасибо.

— Резко, не так ли? — сказал Род, улыбаясь. Реннер ненавидел его.

— Вы сделаете для нас очень большую работу, Реннер, — сказал Фаулер. — Империя будет вам благодарна. Я буду благодарен. Вы знаете, я привез с собой чистые бланки имперских патентов... Как вам понравится встретить следующий День Рождения бароном?

— О нет! Это не для меня! Это отнимет у меня все время!

— Но, конечно, вы найдете привилегии приятными, — сказал Род.

— Проклятие! Нет, сэр, вам не сделать из Кевина Реннера аристократа! Слишком много еще нужно изучить во Вселенной! У меня нет времени для всей этой работы...

— Это может нарушить вашу беззаботную жизнь, — сказал сенатор Фаулер. — Во всяком случае, будет масса разнообразия: зависть и все такое... Но вы слишком полезны, мистер Реннер, и это критическое положение первого класса...

— Но... но...

— Капитан гражданского корабля, — сказал Фаулер, — в рыцарском звании и понимающий проблему мошкитов. Да, вы именно тот, кто нам нужен.

— Нет у меня никакого рыцарского звания.

— Значит, будет. Это неизбежно. Мистер Бери требует, чтобы его личный пилот имел по крайней мере Св. Михаила или Св. Георгия. Не так ли, ваше превосходительство?

Бери вздрогнул. Было неизбежно, что Империя назначит человека следить за ним, причем человека, который сможет говорить с торговыми капитанами. Но этот арлекин? Борода Пророка, этот человек невыносим! Но по крайней мере это интеллигентный арлекин. Может, он даже окажется полезен.

— Я думаю, сэр Кевин — отличная кандидатура для пилота моего корабля, — спокойно сказал Бери. В голосе его был всего лишь намек на отвращение. — Добро пожаловать в «Империал Автонетикс», сэр Кевин.

— Но... — Реннер оглядел комнату в поисках помощи, но ее не было. Род Блейн держал в руках какую-то бумагу... что это может быть? Конечно, отставка! Пока Реннер смотрел, Блейн разорвал документ на куски.

— Черт возьми, хорошо! — Ждать милости было бесполезно. — Но как гражданский человек!

— О, конечно, — согласился Фаулер. — Вы получите полномочия от военной разведки, но это не для показа.

— О пуп Господа! — Эта фраза заставила Бери вздрогнуть. Реннер усмехнулся. — В чем дело, ваше превосходительство? Разве у Бога нет пупа?

— Я предсказываю интересные времена, — медленно сказал Бери. — Для нас обоих.

58. А может, лошадь запоет

Яркий солнечный свет освещал крышу дворца. Пушистые, невероятно белые облака неслись по небу, но на посадочной площадке дул всего лишь слабый ветерок. Солнце светило тепло и приятно.

Адмирал и два капитана стояли у люка посадочной шлюпки, глядя на маленькую группу гражданских, трех чужаков в выпуклых черных очках и четырех вооруженных десантников. Демонстративно не замечая мошкитов и их эскорт, адмирал поклонился гражданским.

— Простите, леди, и вы, лорд, что эти назначения не позволят мне присутствовать на свадьбе. Сожалею, что вынужден забрать ваших друзей так скоро. — Он указал на двух капитанов и поклонился еще раз. — Теперь я оставлю вас, чтобы вы могли попрощаться.

— Удачи вам, адмирал, — тихо сказал Род.

— Спасибо, милорд, — ответил Кутузов. Он повернулся и вошел в шлюпку.

— Я никогда не пойму этого человека, — сказала Салли.

— Вы правы, — заметила Джок.

Салли удивленно посмотрела на чужака, затем повернулась к офицерам и протянула руку.

— Удачи вам, Джон. И вам, Сэнди.

— Вам тоже, Салли. — Каргилл искоса глянул на нашивки на рукаве. Четыре кольца, означавшие должность капитана, были яркими и новыми. — Спасибо, что дали мне корабль, Род. Я думал, что навсегда останусь в оперативном отделе.

— Спасибо адмиралу, — ответил Род. — Я рекомендовал вас, но решал он. Сэнди единственный, кому придется попотеть. Он будет на флагманском корабле.

Синклер пожал плечами.

— Как судовой механик, я надеюсь проводить время на других кораблях, — сказал он. — Лучший наблюдательный пункт для разработки новых хитростей будет находиться внутри Глаза. Поэтому я буду с этим англичанином, а это не так уж плохо. Сомневаюсь, чтобы от этого его корабль рассыпался.

Каргилл проигнорировал его.

— Сожалею, что пропущу свадьбу, Салли. Впрочем, пользуясь правом приглашенного, хочу кое-что сказать. — Он наклонился и коснулся губами покрасневшей щеки Салли. — Если устанете от него, на флоте есть и другие капитаны.

— Точно, — подтвердил Синклер. — И мои полномочия подписаны на две минуты раньше, чем Каргилла. Не забывай этого, Джон.

— Как можно! Но и ты помни, что «Паттон» — *мой* корабль. Лучше нам держаться порознь, шкипер. До свидания, Джок, Чарли. — Каргилл заколебался, затем неуклюже отсалютовал.

— Прощайте, — ответила Чарли. Иван защебетал, и Джок добавила: — Посол желает вам удачи.

— Надеюсь, он подразумевает именно это, — сказал Каргилл.

— Конечно, мы подразумевали именно это, — сказала Чарли. — Мы хотим, чтобы вы чувствовали себя *в безопасности*.

Каргилл с задумчивым видом повернулся и поднялся на борт шлюпки. Синклер последовал за ним, и рядовые закрыли люк. Двигатели загудели, и люди с мошкитами отошли в укрытие. Молча смотрели они, как шлюпка снялась с крыши и исчезла в ярком небе.

— Это сработает, — сказала Джок.

— Вы читаете мысли, не так ли? — спросил Род, глядя в небо, но там не было видно ничего, кроме облаков.

— Конечно, это должно сработать, — сказала Салли. Голос ее звучал выразительно.

— Я думаю, что наконец поняла людей, — сказала ей Чарли. — Вы читали когда-нибудь вашу древнюю историю?

Род и Салли непонимающе уставились на мошкиту.

— Нет.

— Доктор Харди показывал нам некоторые выдержки, — сказала Чарли, ожидая, пока придет лифт. Двое десантников вошли туда, а когда люди и мошкиты были уже внутри, вошли остальные. Чарли продолжала свой рассказ, словно вооруженной охраны здесь не было. — Один из ваших древних писателей, историк по имени Геродот, рассказывает о некоем воре, которого должны были казнить. Он заключил сделку с императором: в течение года он обязался научить любимую лошадь императора петь гимны.

— Да? — сказала Салли, озабоченно глядя на Чарли. Она выглядела достаточно спокойно, но доктор Харди говорил, что тревожится за чужаков...

— Другие узники смотрели, как вор распевает для лошади, и смеялись над ним. «Ты ничего не добьешься, — сказали они ему. — Этого не может сделать никто». На это вор ответил: «У меня есть год, а кто знает, что случится за это время. Может, император умрет, может, умрет лошадь или я. А может, лошадь запоет».

Раздался вежливый смех.

— Я рассказала это не очень хорошо, — сказала Чарли. — Не подумайте, что я пытаюсь острить. Эта история помогла мне понять, насколько *иные* вы, люди.

Воцарилось смущенное молчание. Когда лифт остановился, Джок спросила:

— Как ваш Институт?

— Чудесно. Мы уже послали за несколькими главами отделов. — Она смущенно засмеялась. — Я должна работать быстро: Род не разрешит мне думать об Институте после свадьбы. Вы придете, не так ли?

Посредники одновременно пожали плечами и посмотрели на десантников.

— Мы будем очень рады, если вы позволите нам присутствовать, — сказала Джок. — Но у нас нет подарка для вас. Здесь нет Коричневого, чтобы сделать его.

— Обойдемся без него, — сказал Род.

Дверь лифта открылась, но они ждали, пока десантники осмотрят коридор.

— Спасибо, что разрешили мне встретиться с адмиралом Кутузовым, — сказала Джок. — Я хотела поговорить с ним с тех пор, как наш посольский корабль остановился рядом с «Макартуром».

Род удивленно посмотрел на чужаков. Разговор Джок с Кутузовым был очень короток и одним из самых важных вопросов, заданных мошкитой, был: «Любите ли вы чай с лимоном?»

«Они чертовски цивилизованны и милы, и потому будут вынуждены несколько лет жить под охраной, пока отдел информации бу-

дет поносить их и их расу. Мы даже наняли писателя — создать сценарий пьесы о последних часах жизни моих гардемаринов».

— Это было слишком мало, — сказал Род. — Мы...

— Да, вы не можете отпустить нас домой. — Голос Чарли изменился, став голосом молодого новошотландца. — Мы знаем о людях слишком много, чтобы быть в безопасности. — Она сделала жест десантникам.

Двое из них вышли в холл, и мошкиты последовали за ними. Остальные охранники шли сзади, и процессия двигалась по коридору, пока не достигла жилища мошкитов. Дверь лифта мягко закрылась.

Эпилог

«Дерзкий» почти неподвижно висел в пространстве у внешнего края системы Мурчисона. Остальные корабли группировались вокруг него в боевом строю, а справа находился «Ленин», похожий на раздувшееся черное яйцо. По меньшей мере половина основного флота была в постоянной готовности, а другие корабли ждали где-то внизу, в красном аду Глаза. «Дерзкий» только что закончил путешествие вместе с Эскадрой Безумного Эдди.

Этот термин стал почти официальным. Вообще, люди старались использовать много терминов мошкитов. Например, когда человек выигрывал в покер, он обычно восклицал: «Финч'клик'!» «Но при этом, — подумал капитан Герб Колвин, — большинство из нас никогда не видели мошкитов. Мы видим только их корабли: мишени, беспомощные после перехода».

Несколько их появилось из Глаза, но все они были так сильно повреждены, что едва ли годились для космического перелета. Всегда было достаточно времени, чтобы предупредить корабли, находившиеся снаружи, что очередной мошкит на подходе, — если Глаз не убивал их до этого.

Последние несколько кораблей появились из точки Безумного Эдди с начальной скоростью в тысячу километров в секунду. Каким образом мошкиты находили точку Прыжка при таких скоростях? Корабли внутри Глаза не смогли перехватить их. Впрочем, это и не требовалось, ведь экипажи мошкитов были беспомощны после Прыжка и не могли затормозить. Черные шары кораблей поднимались вверх и каждый раз взрывались. Если мошкиты использовали свое уникальное расширяющееся Поле, они взрывались скорее, с большей скоростью поглощая тепло из желтой фотосферы.

Герб Колвин составил очередной рапорт о технологии мошкитов. Большинство из них он писал сам и всегда указывал на ничтожные шансы мошкитов. Они не могли устоять против кораблей с Движителем Олдерсона, кораблей, ждущих их, еще не подозре-

вающих о послепрыжковой дезориентации. Ему было почти жалко мошкитов.

Колвин достал бутылку из шкафчика на переборке своей патрульной кабины и искусно налил из нее, несмотря на кориолисово ускорение. Взяв стакан, он дошел до кресла и уселся в него. На столе лежал пакет с почтой. Самое свежее письмо от жены было уже вскрыто, так что он мог быть уверен — плохих новостей из дома нет. Теперь можно было читать письма по порядку. Колвин поднес стакан к фотографии Грейс, стоявшей на столе.

Она мало слышала о положении на Нью-Чикаго, но, судя по последнему письму сестры, там все было хорошо. Почтовая служба Новой Шотландии была медленной. Дом, который она подыскала, находился вне защитной системы, но она не тревожилась, поскольку Колвин заверил ее, что мошкиты не смогут прорваться. Она взяла его в аренду на все три года, что они проведут здесь.

Герб согласно кивнул — это сбережет деньги. Три года этой блокады, а потом домой, где он будет коммодором Флота Нью-Чикаго. На «Дерзкий» поставят новый Движитель Олдерсона, и он станет флагманом. Несколько лет обслуживания блокады были малой ценой за уступки, на которые шла Империя.

«И все это сделали мошкиты, — подумал Колвин. — Без них мы бы еще сражались. Имелись еще миры вне Империи и всегда должны быть, но в Трансугольном секторе объединение проходило спокойно и было больше мордобития, нежели сражений. И все это сделали для нас мошкиты».

На глаза Гербу Колвину попалось имя: лорд Родерик Блейн, представитель Имперской чрезвычайной комиссии. Колвин глянул на переборку и увидел знакомое пятно пластыря, поставленного после сражения с «Макартуром». «Это сделала призовая команда Блейна, задав нам немало работы. Он знающий человек, — неохотно признал Колвин, — но наследственность — не лучший способ выбирать предводителя». Мятежная демократия Нью-Чикаго тоже действовала не слишком хорошо. Он снова вернулся к письму Грейс.

У лорда Блейна появился второй наследник, а Грейс помогала в Институте, основанном леди Блейн. Она часто говорила с леди Салли и даже была приглашена в их поместье взглянуть на детей...

Письмо продолжалось, и Колвин покорно читал его. Неужели ей никогда не надоест рассуждать об аристократии? «Мы никогда не сойдемся в политике, — подумал он и ласково посмотрел на ее снимок. — Боже мой, я теряю тебя...»

По кораблю пронесся звон колоколов, и Герб сунул письмо в стол. Нужно было заниматься работой: завтра командор Каргилл прибудет на борт для осмотра. Герб в предвкушении потер руки. На этот раз он покажет Империи, каким должен быть корабль. Победи-

тель смотра получит дополнительное время к очередному отпуску, и он хотел заполучить его для своей команды.

Когда он встал, в иллюминаторе мелькнуло маленькое желто-белое пятно. «Однажды мы войдем туда, — подумал Герб. — Со всеми талантами Империи, работающими над этой проблемой, мы найдем способ управлять мошкитами. И как мы тогда будем называть себя? Империя Человека и Мошкитов?» Он усмехнулся и отправился осматривать свой корабль.

Блейн Минор было большим поместьем, и деревья в саду защищали их глаза от яркого солнца. Их комнаты были очень удобны, и Посредники начали привыкать даже к присутствию десантников. Иван, как обычно, относился к ним как к своим собственным Воинам.

У них была работа. Они ежедневно встречались с учеными Института, и Посредниками при этом служили дети Блейна. Старший мог говорить несколько слов на Языке и читал жесты так же хорошо, как молодой Мастер.

Они жили с удобствами, но все-таки это было заключение, и по ночам они смотрели на ярко-красный Глаз и его крошечную Мошку. Угольный Мешок висел высоко в ночном небе, похожий на Мастера в капюшоне, закрывшем один глаз.

— Я боюсь, — сказала Джок, — за мою семью, мою цивилизацию, мой вид и мой мир.

— Хорошо думать большими мыслями, — сказала Чарли. — Почему же вы растрачиваете свои способности на мелкие? Смотрите... — Ее голос и поза изменились — она заговорила о серьезных вещах. — Мы сделали что могли. Этот Институт Салли — обычное фиаско, но мы продолжаем сотрудничать, показывая, насколько мы дружелюбны, безвредны и искренни. Тем временем блокада действует и будет действовать всегда. В ней нет ни одного отверстия.

— Есть, — сказала Джок. — Похоже, ни один человек не подумал о том, что Мастера могут достичь Империи через обычное пространство.

— В ней нет отверстий, — повторила Чарли, выразительно сложив руки. — Ни одной бреши до очередного коллапса. Проклятие! Кто сможет построить другой зонд Безумного Эдди, прежде чем начнется голод? И куда они могут послать его? Сюда, к этому флоту? — Она выразила презрение. — Или в Угольный Мешок, к сердцу Империи? Вы думаете, запускающие лазеры достаточно мощны, чтобы преодолеть пыль Угольного Мешка? Нет. Мы сделали, что могли, и Циклы начнутся снова.

— Тогда как нам предупредить их? — Правые руки Джок были изогнуты, левая вытянута и открыта: готовность к нападению и риторическая безжалостность. — Может, они безуспешно пытаются

постичь эту блокаду? Напрасные усилия, которые ускорят коллапс. Начнется длительный период, когда Империя может почти забыть о нашем существовании.

— Возникнут новые технологии, воинственные, как все развивающиеся технологии. Они должны знать о человечестве. Может даже, им удастся сохранить или заново изобрести Поле. Когда они достигнут вершины своей мощи, они выведут Воинов и двинутся вперед, завоевывая все: Мошку-1, астероиды, весь космос. И Империю.

Чарли искоса взглянула на Мастера. Иван бесстрастно лежал, слушая щебет Посредников, как часто делали Мастера, и невозможно было понять, о чем он думает.

— Завоевание, — сказала Джок. — Но чем большего прогресса они достигнут по сравнению с Империей, тем более ультимативным будет ее ответ. Они многочисленны. При всех их разговорах об ограничении популяции сами они многочисленны. Они заперли нас в бутылке, ожидая, когда мы слишком размножимся и произведем коллапс. А с очередным коллапсом — уничтожение!

Колени Чарли были прижаты к животу, правые руки — к груди, а левая защищала голову. Новорожденный, родившийся в этом жестоком мире. Голос ее звучал глухо.

— Если у вас есть более хорошие идеи, можете развивать их.

— Нет. У меня нет более хороших идей.

— Мы выиграли время — сотни лет времени. Салли и ее глупый Институт имеют сотни лет для изучения проблемы, которую мы поставили перед людьми. Кто знает, может, лошадь научится петь гимны.

— Вы уверены в этом?

Чарли взглянула на изгиб ее руки.

— При таких шансах? Конечно!

— Безумный Эдди!

— Да. Решение Безумного Эдди. А что еще осталось? Так или иначе, а Циклам конец. Безумный Эдди выиграл свою внутреннюю войну против Циклов.

Джок взглянула на Ивана и увидела, что тот пожал плечами. Чарли стала Безумным Эдди. Впрочем, это мало значило теперь, к тому же это было милое и безобидное безумие: вера, что на все вопросы есть ответы и ничто не лежит за пределами досягаемости сильной, хватательной левой руки.

Эти люди никогда не узнают результата: им не известно, что они должны найти, а их дети растут, зная мошкитов не только по легендам. И лишь два семейства из многих не питают ненависти к мошкитам.

Если кто-то и может научить лошадь петь гимны, то только Посредник.

ХВАТАТЕЛЬНАЯ РУКА

Мэрлин и Роберте, самым терпеливым из женщин...

«СИНДБАД»:

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ГОРАЦИЙ ХУСЕЙН БЕРИ, торговец и магнат, председатель правления компании «Империал Автонетикс», владелец яхты «Синдбад».

СЭР КЕВИН РЕННЕР, кавалер ордена Св. Михаила и Св. Георгия 2-ой степени, капитан, бывший навигатор-инструктор, резерв ИВКФ (Имперский Военный Космический Флот).

НАБИЛ АХМЕД КХАДУРРИ, слуга и личный секретарь Бери.

СИНТИЯ АНВАР, партнер Бери.

РЕУБЕН ФОКС, капитан космического корабля «НАУВУ ВИЖН», принадлежащего компании «Империал Автонетикс».

СЭР ЛОУРЕНС ДЖЕКСОН, губернатор земли Максрой.

АДЖАКС БОЙНТОН
ДЖЕЙМС СКОТТ
ДАРВИН СКОТТ
} охотники на снежного призрака

РОДЕРИК ГАРОЛЬД, лорд БЛЕЙН, кавалер креста «За боевые заслуги», кавалер ордена Св. Михаила и Св. Георгия 1-ой степени, граф Акрукский, командор ИВКФ (в отставке), бывший капитан линейного крейсера «Макартур».

ЛЕДИ САНДРА (САЛЛИ) ЛИДДЕЛЛ ЛЕОНОВНА БРАЙТ ФАУЛЕР, в прошлом кандидат в доктора антропологии, супруга лорда Блейна.

ДОСТОПОЧТЕННАЯ ГЛЕНДА РУФЬ ФАУЛЕР БЛЕЙН, дочь Родерика и Салли.

ДОКТОР ДЖЕКОБ БАКМАН, астрофизик.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО БЕНДЖАМИН СЕРГЕЙ САШ, президент Имперской Торговой Ассоциации, председатель «Юнион Экспресс».

БАРОН СЭР ЭНДРЮ КОЛВИН МЕРСЕР, недавно назначенный вице-король и губернатор Главных Королевств Его Величества, находящихся за пределами Угольного Мешка.

ЭРКЛИ КЕЛЛИ, бывший канонир Имперских десантных войск, слуга семейства Блейнов.

ДЖЕННИФЕР БАНДА, аспирантка факультета ксенобиологии Института Блейна.

ДЖОК
ЧАРЛИ
ИВАН
} сотрудники Посольства Мошки в Империи, представляющие Первую Семью Мошки, возглавляемую КОРОЛЕМ ПЕТРОМ.

КАПИТАН РАФАЭЛЬ КАННИНГЭМ — офицер разведки ИВКФ.

АЛИСИЯ ДЖОЙС МЕЙ-ЛИНГ ТРУХИЛЬО — эксклюзивный обозреватель Имперского синдиката «Пост-Трибьюн», эксклюзивный репортер радиостанции «Хошвейлер».

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ КЕВИН ХРИСТИАН БЛЕЙН, лейтенант ИВКФ.

ЧЛЕН КОМИССИИ ДЖОН КАРГИЛЛ, адмирал ИВКФ (в отставке).

ЧЛЕН КОМИССИИ ОТЕЦ ДЭВИД ХАРДИ, епископ Государственной Церкви, бывший капеллан-капитан, резерв ИВКФ.

ЛЕЙТЕНАНТ-КОМАНДЕР ВИЛЬЯМ ХИРАМ РАУЛИНГЗ, ИВКФ, капитан фрегата «Антропос».

КОММАНДЕР ГРЕГОРИ БАЛАСИНХЭМ, ИВКФ, капитан космического корабля «Агамемнон».

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ФРЕДЕРИК ТАУНСЕНД, владелец и капитан яхты «Геката».

ТЕРРИ КАКУМИ, бывший главный старшина, ИВКФ, бортинженер «Гекаты».

АДМИРАЛ СЭР ГАРРИ ВИГЛ, Верховный главнокомандующий флота БЕЗУМНОГО ЭДДИ.

МОШКИТЫ:

ТОРГОВАЯ ГРУППА ИЗ МЕДИНЫ:

ЕВДОКС, Посредник

МУСТАФА ПАША, Мастер Внутренней Базы Шесть.

КАЛИФ АЛЬМОХАД, глава Торгового представительства Медины.

ИСТ-ИНДСКАЯ ГРУППА:

ЛОРД КОРНВАЛЛИС, Заместитель Мастера Внутренней Базы Шесть.

ВОРДСВОРД, младший Посредник.

ОМАР, старший Посредник.

АЛИ БАБА, ученик Посредника.

КРЫМСКО-ТАТАРСКАЯ ГРУППА:

МЕРЛИН, младший Мастер.

ОЗМА, старший Мастер.

ВИКТОРИЯ, Посредник.

ДОКТОР ДУЛИТТЛ, Доктор.

ПОЛИАННА, ученик Посредника.

ХАНСКАЯ ГРУППА:

АРЛЕКИН, Посредник.

Я Господом клянусь,
Такой второю ночью не купил бы
Я мира целого счастливых дней, —
Так ужасов была она полна.

В. Шекспир.
Ричард III, акт 1, сцена 4

Глава 1
Уютное местечко

О боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.

В. Шекспир.
Гамлет, акт 2, сцена 2

Отрубленная голова кружилась по аспидно-черному небу. Она принадлежала десантнику: квадратная челюсть, коротко стриженные светлые волосы, блестящие мертвые глаза. Из расслабленного рта едва доносились слова, которые она пыталась произнести:

— Передайте им, — говорила голова. — Остановите их. — От полного отсутствия воздуха кожа на ней вздулась, а на толстой шее виднелись схваченные морозом кровавые пузыри. — Разбудите их. Разбудите их. Мистер Бери, сэр, проснитесь, — настойчиво, упрямо повторяла она. Небо кишело крохотными шестичленистыми силуэтами. В поисках равновесия они тщетно молотили всеми своими конечностями по безвоздушному пространству и плыли к нему, мимо него, по направлению к космическому линейному кораблю «Ленин». Вакуум поглощал пронзительный крик: — Раз-

будите их! — Слышно было лишь чириканье чужаков. — Прошу вас, ваше превосходительство, вы должны проснуться.

Его превосходительство Гораций Хусейн аль-Шамлан Бери, торговец и магнат, сперва резко дернулся, потом потянулся и сел. Совершенно прямо. Помотал головой и с трудом открыл глаза.

На почтительном расстоянии от него стоял низкорослый смуглый человек.

— Который час, Набил? — осведомился Бери.

— Два часа дня, ваше превосходительство. Мистер Реннер настойчиво добивается встречи с вами. Он просил вам передать: *Вседержащая рука*.

Бери поморщился и несколько раз моргнул.

— Он, что, пьян?

— Еще как! Я разбудил Синтию. Она готовит для него «эспрессо». Я заставил его принять витамины и выпить немного воды. На него напали около дома. Мы убили всех троих, ваше превосходительство.

— Какая небрежность! — недовольно промолвил Бери и подумал: «Итак, три трупа. По крайней мере, у Реннера есть кое-какое оправдание тому, что он меня разбудил...»

— Когда сработала сигнализация, мистер Реннер был пьян, а я спал, — извиняющимся тоном проговорил Набил. — Сэр, но у них было огнестрельное оружие.

— Прекрасно! Значит, снова хватательная рука? Реннер слишком насмотрелся голофильмов.

— Да, сэр. Ваше превосходительство, мне бы хотелось все уладить...

— Да, да, разумеется, трупы... Нам нужно будет все разузнать об этом. Хватательная рука, да? — Бери медленно слез со своей водяной постели. Сделал несколько движений головой, и все его суставы заскрипели в знак протеста. — Я буду внизу. Сделай мне кофе, только *настоящий*. Аллах милосерден к вам обоим, что вы разбудили меня не по пустякам, а из-за этого проклятого нападения.

* * *

Элегантная и совсем еще новая спартанская туника Реннера была еще влажной от крови. В его взгляде до сих пор ощущалась настороженность и тревога. Когда Бери взял у Синтии чашечку с турецким кофе и сел, Реннер уже начал рассказывать о случившемся:

— Они ожидали снаружи, — говорил он. — Я отослал такси и двинулся к двери. Бог знает, откуда вдруг появились те двое! Один схватил меня сзади за руку. Другой пшикнул мне прямо в лицо «Спокойным Сэмом». Я сразу понял, что это за штука, поэтому постарался задержать дыхание. Сжал зубы и выхватил из рукава пис-

толет. Выстрелил в него. Он упал прямо на меня. — Реннер усмехнулся. — И в том месте, куда угодила пуля, образовалась большущая дырка. А кровь как хлынет! А тому малому, что держал меня сзади, я засадил по ногам.

Набил стоял возле столика с компьютером, глядя на монитор и наблюдая, как один из агентов Бери начинает вскрытие первого из убитых налетчиков. Затем оторвал взгляд от монитора и сказал:

— Мистер Реннер позвонил и предупредил, что приедет, поэтому наши сотрудники его, разумеется, ждали. Когда мы услышали тревогу, они уже были готовы.

— Точно, готовы, — кивнул Реннер. — Набил, я не могу не поблагодарить тебя. Гораций, он заслужил премию. Вы слышите, Гораций?

Бери мелкими глоточками пил сладкий турецкий кофе из крошечной чашечки. Когда Набил передал кофе Реннеру, тот выпил его залпом — дьявольски крепкий черный «эспрессо» с плавающей поверху долькой лимона, четверная доза, налитая в большую кружку. Выпив, Реннер тотчас же выпучил глаза, а волосы его встали дыбом.

Бери содрогнулся от подобного зрелища, но все-таки не отвел взгляда от Реннера. Затем задумчиво произнес:

— Неужели хватательная рука?

— *Одна* рука, *вторая* рука, *хватательная* рука. Всю ночь я слышал об этом. Я не стал бы вытаскивать вас из постели, чтобы рассказать об этом чертовом нападении.

Он словно читал мысли Бери: «Пьян. Несет всякую чушь». Потом смысл все же достиг его сознания, когда кровь отлила от смуглого лица Бери.

— Эй! — воскликнул Реннер, быстро протягивая к магнату руку, чтобы поддержать его.

Бери резко отстранил его руку.

— Докладывай!

Реннер сел и выпрямил спину.

— Я вышел, чтобы прогуляться вокруг. Ну, оделся модно, с иголочки. Как хорошо оплачиваемый пилот торговца-миллиардера, имеющий с собой кучу денег и ищущий развлечений. Сначала...

— Ты именно это и сделал, Реннер.

— Это самая легкая часть моей работы. Обычно.

— Продолжай.

Его губы онемели и стали точно резиновые. Наконец он заставил их двигаться.

— На земле Максроя есть бордель под названием «Уютное местечко». Кажется, где-то неподалеку от заведения мадам Рессины. Я отправился туда. Мне не хотелось отыметь их лучшую девчонку, мне хотелось побаловаться с местной. Я вышел оттуда с дамой по имени Белинда...

* * *

Космос необъятен. Обычаи меняются, и каждая человеческая колония отличается одна от другой. Некоторые раболепно подражают манерам Имперского двора. Другие стараются походить на своих предков-землян или, что более вероятно, — походить на то, что им рассказывали об их предках-землянах.

Солнце опустилось где-то за туманной дымкой, когда они добрались до морской пещеры Шибано. Люди Максроя рано ложились и рано вставали.

Белинда, высокая соломенная блондинка с личиком в форме сердца, говорила с сильным акцентом, как и все представители земли Максроя.

— О, какая красотища! Я никогда еще не приходила сюда просто так! Слушай, не закажешь чего-нибудь выпить?

Реннер специально выбрал именно это место — мормонско-японский ресторан. Первые поселения на Максрое основали мормоны, и до сих пор они составляли большинство среди всего населения.

Белинда встревожилась, когда он попытался заказать грипсов.

— Ты хотя бы знаешь, что собираешься есть? — осторожно осведомилась она.

— Я читал об этом блюде.

— Ладно, — с легкой усмешкой сказала она. — Так и быть, я тебе помогу.

Хотя он имел сомнения насчет безалкогольного саке, однако нашел его весьма приятным на вкус. Он может как следует выпить позднее. Реннер часто задумывался о себе, как о шпионе-плейбое. Он считал, что надо прочувствовать обстановку, тогда как Бери пользовался собственными методами сбора информации.

И эти методы часто пугали Реннера.

Бери следил за течением денежных потоков по всей Империи. Он занимался только этим. Он оставался все тем же торговым принцем, каким был всегда, только с одной-единственной разницей: вот уже четверть века он пристально наблюдал за всеми коммерческими манипуляциями во внешней системе, постоянно информируя об этом ИВКФ.

Внешняя система — или попросту *внешние* — являла собой все планеты, находящиеся за пределами Империи Человека. Некоторые были совершенно безвредными, некоторые — наоборот. Пятнадцать лет назад пираты из внешних умыкнули кучу денег с земли Максроя и из системы. Собственно говоря, ожидалось, что часть денежного потока может уходить из системы. Только Бери мог определить, насколько это подрывало ее финансы. Он продавал цивилизованную жизнь, и земля Максроя уже купила большую ее часть.

Бери имел отношение к этому миру уже какое-то время... к тому же его компания «Империал Автонетикс» владела здесь тремя космическими кораблями...

Подавая Реннеру главное блюдо, официант с миндалевидными глазами изо всех сил старался скрыть усмешку. Блюдо и в самом деле выглядело довольно подозрительно: плоская миска около пяти дюймов в высоту и больше фута в диаметре. Когда официант поставил ее перед Реннером, посетители за соседними столиками, резко прервав разговоры, все как один уставились на него.

Существа, находящиеся в миске, вполне могли сойти за четырехногих крабов. Их бока пульсировали. Реннер вспомнил, что прочел о них: они водятся на земле. Только в очень редких случаях могут достичь кромки воды, прежде чем побегут обратно. Внезапно Реннер заметил, что голодные и решительные глазки крабов сосредоточились на нем. Не успел он и глазом моргнуть, как крабы поползли прямо к нему. Вид у них был угрожающий.

— Возьми специальную вилку, — прошептала Белинда. — С двумя зубцами. И еще воспользуйся большим и еще двумя пальцами!

Вилка лежала рядом с миской. Когда Реннер поднял ее, Белинда снова прошептала:

— Втыкай вилку во-он в то плоское место, что у них за головой. Вообще-то довольно трудно попасть в него зубцом. Слушай, может, ты выбросишь их, а?

Времени на сомнения явно не хватало, ибо крабы продолжали надвигаться. И нельзя было винить их в этом! До Реннера снова донесся голос Белинды:

— Соскреби вот этого с края тарелки. И не втыкай в него вилку очень сильно. Они кусаются.

Реннер сбросил одного с края и попытался сделать то же со вторым. Эти бестии двигались медленно, но все равно — он с трудом смог прицелиться в них вилкой. Наконец Реннер избрал свою жертву и вонзил в нее вилку.

— Отлично, — похвалила его девушка. — Подымай его. Левой рукой берись за хвост. Теперь тяни... сильнее!

Реннер повиновался. Продолжающий скелет хвост стал вытягиваться, затем отделился, обнажив пару дюймов бледного мяса.

Глаза всех посетителей ресторана вперились в Реннера, пристально наблюдая за его действиями, из-за чего он чувствовал себя круглым идиотом. Обнажившийся хвост извивался. Реннер чувствовал себя убийцей.

— Так-так-так, жалкий обитатель песков! — обратился он к своей жертве. — А теперь не расскажешь ли ты нам о дислокации своего войска?

* * *

— Действительно, это было так вкусно! Вам обязательно нужно попробовать эту штуку, — проговорил Реннер.

Бери лишь взглянул на него.

— Видишь ли, я их уже пробовал. Я тоже как-то заказал нечто подозрительное. Впрочем, это очень смахивало на блинчики «сюзет»[1].

— В общем, на меня смотрели как на какую-то диковину. Начались всякие разговоры. На этот раз я подозвал хозяина заведения. Он прочел мне целую лекцию. «Взгляните на этих грипсов. Вы видели, чтобы они вибрировали? С одной стороны, если они вибрируют, то, вполне вероятно, что они больны. С другой стороны, если они не вибрируют, их вообще нельзя есть. А если вспомнить о хватательней руке... м-да... Если они слишком молоды и здоровы, они просто-напросто убегут и попытаются слопать вас. Вам же не хочется этого, верно?» Я подпрыгнул аж на целый фут, когда он сунул руку в мою миску. Ему так нравится, черт подери! Одна из тварей каким-то образом вцепилась в мой искусственный палец! Это оказался вполне здоровый грипс. В других местах сразу распознают туриста и принесут ему чего ни попадя. Но только не в этом ресторане. Лекс Шибано не станет подавать ничего, кроме здоровой пищи. Если она предназначена для твоего желудка, то должна быть здоровой. Мне бы стоило...

— Реннер, ближе к делу!

— Да? Во всяком случае, как только подошел Шибано, никто не захотел приближаться к нам. Полагаю, эти грипсы — одна из опасностей тамошней еды. Когда он отошел, люди за соседним столиком потеряли ко мне всякий интерес. Поэтому мне удалось кое-что подслушать. Думаю, что справа от меня обедали двое банкиров.

— Полагаю, рано или поздно ты ухватил нить их разговора.

Реннер кивнул.

— Да, разумеется. Один сказал: «Мы могли бы продавать и зарабатывать неплохие деньги. Рынок снова переводится в Тэйблтоп. Мы могли бы временно приостановить торговлю, чтобы после заиметь немного настоящих деньжат». На что другой ответил: «Если вспомнить о хватательной руке, то на Тэйблтоп надвигается свирепая инфляция. Давай придумаем что-нибудь еще...»

Рассказывая, Реннер исподволь наблюдал за Бери, и ему показалось, что тот заметно постарел.

— Я поговорил с Белиндой. Девчонка, конечно, амбициозная, и, черт возьми, она — отнюдь не дура! Она... понимаете, если бы мне удалось все провернуть как надо... В какой-то момент она призна-

---

[1] Тонкие блинчики с апельсиновым вареньем и ликером.

лась: «Да, Кевин, я могла бы потратить свою жизнь на то, чтобы стать преданной женой и хорошей домохозяйкой. Фермерская жизнь не так уж и плоха, если можешь себе позволить держать машины и все такое прочее... но если мне повезет и я буду осторожна, то, может быть, смогу попасть в Спарту. И разбогатеть. А потом открыть свой ресторан или еще чего-нибудь. Какова вероятность, что я попаду в Спарту?» Мне не хотелось ей лгать, поэтому...

— Продолжай.

— Поэтому я просто промолчал. Она уставилась в свою тарелку и сказала: «Покуда существует хватательная рука, мне никогда не стать никем, кроме как максройской шлюхой. Да еще этот проклятый акцент, моя походка... как высоко я смогу взойти?»

Реннер провел языком по темной поверхности тройного «эспрессо» и наполовину разбавил его водой.

— Хватательная рука, — с нетерпением напомнил ему Бери.

— Мне захотелось выпить. И я повел ее в «Вершину мира». Это такой вертящийся бар с рестораном в самом дальнем углу космопорта. Люди за соседним столом выглядели как геологи-разведчики. «За опаловый сепиолит дают неплохие деньги, а нам они так нужны», — заметил первый, на что его товарищ ответил: «Я слышал, что такие большие куски породы, как у нас, стало намного труднее добывать. Поэтому цена обязательно поднимется». Тогда первый сказал: «Гораций Бери вчера приземлился в космопорте земли Максроя. Если кто и способен отыскать реальный источник финансирования, то это он. Но есть хватательная рука, поэтому лучше будет продать наши акции, пока не упали цены». — Реннер немного помолчал, затем немного раздраженно прибавил: — Бери, повсюду я слышал о вас, сэр!

— Еще?

— Я отвез Белинду обратно в «Уютный уголок». Она явно искала билет, чтобы выбраться отсюда, и решила, что этим билетом буду я. Поэтому я и подумал отвезти ее обратно. Как только наше такси двинулось с места, за нами увязалась какая-то машина. Я ничего такого не подумал... я просто решил отметить этот факт...

— Моя школа!

— Совершенно верно, сэр. Потом я немного прогулялся по району баров. Захотелось иметь общее представление, знаете ли... И в самом деле, я почувствовал себя так, будто находился в чем-то... сам не знаю! Вот тут-то мне и захотелось хлебнуть местного виски. Изготовленного...

— Хватательной рукой?

Реннер отпил немного «эспрессо».

— Ха! Они выглядели как охотники. И пахло от них, как от охотников. «О, я часто охотился на снежных призраков. Меха продаются очень даже неплохо, и если тебе хорошо известны их повад-

ки, то они не такие уж и опасные!» — говорил один. Потом он продолжил: «С другой стороны, месяц тому назад они разделались с Сержем Левоем. Думаешь, они чему-то там обучены? Или мутировали?» Второй расхохотался и ответил: «Я внезапно вспомнил о хватательной руке, и тотчас же понял: Пейдж, ты слишком ленивый для занятия чем-нибудь еще, чтобы заработать на жизнь».

Бери вздрогнул.

— Через Угольный Мешок. Мошка находится точно с другой стороны Угольного Мешка. Мошкитам придется пройти через Угольный Мешок на самых медленных и легких кораблях.

— Но только не тогда, когда мы находимся там, — сказал Реннер. — К тому же времени недостаточно. И перед тем, как... Бери, они не сумеют воспользоваться этим трюком с легкими космическими судами, чтобы пройти через Угольный Мешок. Да отсылка только одного корабля к Новой Каледонии сожрала столько ресурсов, что разрушило целую их цивилизацию.

— И опять мне вспоминается хватательная рука, — проговорил Бери. — Существуют три альтернативы, одна из них — доминирующая. Две слабых правых руки и очень мощная левая. Люди так не думают. А мошкиты — да! На этой планете слишком много денег. Мы разыскивали пиратов из внешней системы. А возможно, они вовсе не оттуда. Может быть, Реннер, это намного хуже представителей внешних.

— Что-то мне не верится.

— И мне очень не хотелось бы верить в это. — Бери болезненно поморщился. — Как жаль, что Набилу пришлось убить все троих, что на тебя напали. Сдается мне, что мы могли бы узнать у них что-нибудь интересное.

Реннер попытался выглядеть задумчиво, но отказался от своего намерения. Он допил воду.

— А в чем, собственно, дело? — спросил он.

— Ты понадобился им живым. Обычные грабители так не поступают. К тому же «Спокойный Сэм» — газ, используемый полицией, и его запрещено продавать гражданским лицам. Эти люди опытные, отчаянные и с большими деньгами, но если бы они действительно были профессионалами, то их акция закончилась бы успешно.

— Отчаянные и опытные любители, — скептическим тоном промолвил Реннер. — Кто они?

— Думаю, узнаем об этом утром.

— Ваше превосходительство?

Бери резко повернулся.

— Ты хочешь что-то сообщить мне, Набил?

— Офис, где хранятся архивные записи, закрыт, поэтому их компьютер сейчас для нас недоступен. Так что сегодня ночью мы не

сможем произвести идентификацию их сетчатки, однако Вилфред кое-чего уже установил. Ни у первого, ни у второго наемных убийц не обнаружено следов затемнения в легких от никотина, равно как следов алкоголя или наркотиков в крови.

— Пусть проверит их на кофеин.

Набил кивнул и что-то произнес в микрофон компьютера.

— Мормоны, — сказал Реннер, — они немного прижимистые, — усмехнулся он. — Гораций, еще немного — и я свалюсь от усталости.

— Тогда отправляйся в кровать.

* * *

Реннер сидел совершенно голый в сауне. Несмотря на воду с витаминами, которую он выпил ночью, его голова разламывалась от боли, а желудок сводило при любой мысли о еде. Когда струя холодного воздуха внезапно коснулась его тела, он заревел:

— Закрой дверь, черт подери!

На губах Набила появилась тонкая усмешка.

— Ночью мое появление вам понравилось больше, — заметил он.

— Просто я еще не протрезвел. Что там еще у тебя?

— Вас желает видеть его превосходительство. Мы идентифицировали убийц. Это люди из команды «Науву Вижн».

— Науву Вижн?

— Это — мормонское название. А корабль принадлежит «Империал Автонетикс».

Реннер присвистнул от удивления.

— Значит, он принадлежит Бери?! Так какого черта люди из команды корабля, принадлежащего Бери, пытались убить его пилота?

— Не убить, а похитить, — ответил Набил, аккуратно закрывая дверь сауны.

— «Науву Вижн», — проговорил Бери. — Капитан — Реубен Фокс. Он местный, с земли Максроя. Мормон, и нанят на работу в команду мормонов.

— Может быть, тут попахивает коррупцией? — осведомился Реннер.

Бери пожал плечами.

— Я совершенно не собираюсь копаться в этом деле. Намного выгоднее заниматься контрабандой опаловым сепиолитом, если его довольно много, однако на самом деле он встречается очень редко. Это единственный товар, при вывозе которого взимается пошлина.

— Что еще вам известно о капитане?

— Совсем немного. По-моему, я даже ни разу не встречался с ним. За него замолвил словечко коммодор [1] моего сектора. — Бери тихо говорил на арабском в микрофон своего карманного компьютера. — Наверное, полезно бы узнать, почему его рекомендовали, хотя причины в общем-то ясны. Фокс — очень полезный и выгодный капитан.

— Думаю, нам стоит потолковать с ним, — заметил Реннер. — Я свяжусь с разведывательной службой флота и передам им, чтобы с него не спускали глаз. И вообще, чтобы не зевали...

Бери поморщился.

— Полагаю, ты прав. Особенно в том, что в это дело, вероятно, были втянуты мошкиты.

— Кстати, надо об этом сообщить и губернатору.

— А мне бы не хотелось привлекать его внимания. Могу ли я доверять губернатору? Если кто-то на этой планете имеет дело с мошкитами...

— А вы пригласите его сегодня вечером на ужин. Не забывайте, Гораций, ночью за мной охотились.

Набил поднял взгляд от панели с компьютерами.

— Это правда. Совершеннейшая правда. Они следовали за вами по пятам, чтобы схватить вас одного или вместе с той женщиной. Доехав до «Вершины мира» на такси, вы оставили его у ресторана, чтобы оно вас дожидалось, так?

— Да...

— Мы отыскали водителя. Его машину остановили возле заведения мадам Рессины трое мужчин и стали рассказывать ему какие-то невероятные байки. А как только узнали, что вас в заведении нет, то сразу же потеряли к нему интерес.

— Значит, они действительно охотились на меня. Черт, башка до сих пор трещит!

— И будет трещать, если столько пить, — заметил Бери.

— Я принял средство для укрепления нервов. Бери, зачем я им понадобился?

— Я бы осмелился предположить, что им понадобились ключи, — сказал Набил, — или какие-нибудь инструкции о том, как попасть в дом. Еще у них обнаружили психотропные препараты. Серсонал побуждает принявшего его человека к сотрудничеству, или, по крайней мере, они, возможно, так считали.

— Но ведь это незаконно! — протестующе вскричал Реннер.

Бери рассмеялся.

— Серсонал не только запрещен, его приобретение строго контролируется. Даже мне составило бы заметный труд приобрести этот препарат. У наших врагов явно имеются деньги, и немалые.

---

[1] Низшее адмиральское звание — командующий соединением кораблей.

* * *

Капитан Реубен Фокс был темноволосым мужчиной около сорока лет от роду. При ходьбе он слегка подскакивал и сутулился, однако не казался нездоровым человеком. В отличие от команды ИВКФ, штатские лица могли пренебрегать упражнениями в состоянии невесомости, а постоянно поддерживать в форме мышцы спины было чертовски сложно.

Казалось, что Фокс все время куда-то спешит, хотя передвигался он не очень быстро.

— Гораций Бери! Ваше превосходительство, не ожидал, что мы когда-нибудь встретимся! Что побудило вас... я хотел сказать, что я могу для вас сделать? Я и мой корабль?

На лице Бери появилась ни к чему не обязывающая улыбка, предназначающаяся для публики. Пожилой бородатый человек с торчащим носом и мягкой улыбкой, с виду он ничем не отличался от обычного человека, однако эта видимая простота лишь подчеркивала лживость его репутации, как человека отзывчивого и справедливого.

— Я часто инспектирую корабли, которыми владею. Как же иначе я смогу узнать о каких-либо проблемах в моей организации?

— Ваше превосходительство, у меня нет никаких проблем!

— Знаю. У вас отличный послужной список, ни одного взыскания или чего-нибудь в этом роде. Расскажите-ка мне немного об обычной деятельности вверенного вам корабля.

— Тогда я присяду, с вашего позволения, — произнес Фокс, тяжело опускаясь на стул. Бери уже сидел. Он был старым человеком, и, по возможности, пользовался переносным стулом.

— Наш корабль предназначен для перевозки любого типа грузов, — сказал Фокс. — Такие часто называют «трамповыми кораблями». Это название появилось очень давно, еще до космических полетов. Мы принимаем заказы, и когда доставляем сюда значительное количество груза или пассажиров, то считаем такой перелет очень прибыльным. Часто мы отправляемся на Дарвин. Иногда мы идем до Ксанаду, однажды летали на Тэйблтоп, но обычно вылетаем только на Дарвин.

— И еще работаете в пределах этой системы, верно?

— Редко, — ответил Фокс. — Если у нас с собой груз в пределах системы земли Максроя, мы можем изменить курс, отправиться к «прыжковой» точке и воспользоваться флингером.

Бери рассматривал на мониторе компьютера изображение летящего «Науву Вижн». Корабль был универсальный, снабженный всем необходимым для посадки на воду и имеющий возможность для межзвездного перелета, но без Поля Лэнгстона. Он имел приспособления для расширения пассажирской кабины или грузового

отсека, но их возможно было использовать только тогда, когда корабль выходил на орбиту.

Флингер, от слова «выплевывать» (метальное приспособление, что-то типа катапульты), по сути представляет собой линейный ускоритель. По всей длине корабля располагался целый ряд сложнейшего оборудования, и на борту было установлено множество электромагнитных колец. Флингеры — стандартное оборудование для кораблей, отправляющихся в рейсовые полеты на густонаселенные планеты. Еще при помощи флингеров выпускались спасательные шлюпки. Выслушав пространный рассказ Фокса о корабле, Бери тем не менее спросил:

— Часто ли вам приходится пользоваться флингером? И эта штука действительно полезна для доставки чего-либо?

— Да, ваше превосходительство. На земле Максроя недостаток в металлах. И очень мало шахт. Что касается астероидов, то их тоже маловато, но хватит на ближайшие десять тысяч лет. А шахты постоянно надо поддерживать.

Очень внимательно рассматривая записи полетов «Науву», Бери отметил, что кольца и оборудование на флингере сменялись дважды за тринадцать лет. И именно сейчас оборудование достаточно износилось и ожидало замены. Платежи от шахт, высылаемые по требованию Фокса, проходили либо с трудом, либо с огромной задержкой.

— Ваша команда полностью укомплектована?

— Отсутствуют трое. Я предпочитаю нанимать уже зарекомендовавших себя членов Церкви, но иногда они отступают от правил. На корабле запрещен алкоголь, и большинство из нас никогда его не употребляет, но ведь нельзя заглянуть в душу каждому...

Капитан собрался было пуститься в объяснения, но Бери опередил его вопросом, ибо в словах капитана отметил одну вещь, о которой не преминул поинтересоваться:

— Вы были мормоном всю свою жизнь?

— Но не в том смысле, как вы себе это представляете, — сказал Фокс. — Религиозные воззрения моих предков существенно отличались от религии Земной Церкви. Они явились на землю Максроя, чтобы установить здесь истинную веру. Это случилось шестьсот лет тому назад. И мы в известной степени укрепились и обосновались здесь, когда СоВладение выслало к нам сто тысяч каторжников. Злобных мужчин и женщин с их злобными привычками. Они привезли с собой алкоголь и наркотики. Церковь попыталась установить государственный контроль, но каторжников было слишком много. Слишком много для наших миссионеров, пытавшихся обратить их в свою веру и изменить их. Некоторые из старейшин основывали Истинную Церковь в малонаселенных районах. — Фокс победоносно улыбнулся. — Когда начались Сепаратистские войны, в городах разрушили фальшивые храмы, но Истинный Храм оставал-

ся. Сегодня это главный Храм земли Максроя, наш Храм в Долине глетчеров.

Бери согласно кивнул.

— Это очень напоминает поведение истинных слуг Ислама. Они переезжают из города в город, из страны в страну, а часто — с планеты на планету. Вы слышали про Новую Юту?

— Ваше превосходительство, я много читал о Новой Юте в курсе истории. Она расположена на одной из планет внешней системы и основана Максроем в то же самое время, когда старейшины перебрались в Долину глетчеров. У них были очень близкие отношения с Новой Ютой, пока Олдерсон не разделил их границами, нарушенными во время Сепаратистских войн. Звездная геометрия изменяется медленно, но если иметь достаточно времени...

— Значит, все люди из вашей команды — мормоны? — перебил его Бери.

— Да, ваше превосходительство. А я — епископ нашей церкви. Моя команда — послушная и никогда не унывает. Разве отчеты не доказывают это?

— Доказывают, — ответил Бери. — И в этом нет ничего необычного. Что вы делаете, когда везете пассажиров, не относящихся к вашей конфессии?

— Я знаком со многими владельцами ресторанов, — произнес капитан Фокс. — И отыскиваю через них членов Церкви, привыкших обслуживать иноверцев, и которые не захотят впоследствии стать постоянными членами команды. Поэтому я нанимаю их на один полет. — Он улыбнулся. — Они охотно нанимаются ко мне. Еще бы! Кто знает, будет ли у работника ресторана еще возможность увидеть другое небо? Возможно, это необычная практика, однако она срабатывает.

* * *

— В сущности, ни в самом корабле, ни в его деятельности нет ничего необычного. Если эти трое не пытались похитить вас, то возможно, хотели прорваться в мою спальню, — произнес Бери. — У меня нет причин подозревать Реубена Фокса.

Синтия ходила вокруг Бери, словно портной, одевая его. Бери встал, чтобы надеть брюки, затем опять сел.

Реннер уже оделся, элегантно, но без обычного для него многоцветья красок. Он уселся на кровать.

— У-ух. Могли ли те трое быть просто ночными ворами? М-да... Обделать свои делишки, вернуться в порт, чуток повеселиться там, а потом кто-то предлагает им деньги, чтобы им прострелили коленную чашечку... Нет? Я знаю эту вашу улыбочку, Гораций.

— Я предпочитаю обращать внимание на цифры.

— Ну и?

— Маленькая-Маленькая Планета, Горные Путешественники, Глиняная Трубка на Скалах и другие — все это крупные астероиды рудодобывающих предприятий в системе Максроя. И все они старые. Горным Путешественникам более пяти сотен лет. Тогда пользовались самой новейшей техникой, развитой во времена раннего СоВладения, и очень осторожно относились к различным нововведениям и модернизациям. — Когда Бери говорил, его пальцы исполняли на столешнице причудливый танец. На экране монитора высветились данные и быстро исчезли, прежде чем Реннеру удалось объединить их в единое целое. — А что теперь? Рудники Ханнефина, «Дженерал Металс», «Юнион Планетоидз», «Таннео Металс»... и так далее и так далее... в общем, всего их семь. Что ты там видишь?

— Невообразимые названия.

— *Я* не принимаю подобного ответа.

— Все эти предприятия просуществовали недолго. Каждое — по несколько лет. Гм... а ведь они *ИДУТ ПОДРЯД*. Первое исчезает, прежде чем следующее зарегистрировалось. Между ними — примерно двадцать лет. Бери, что-то я не вижу, чтобы хоть одно из них обанкротилось.

— Вполне может статься, что здесь явное присвоение одного предприятия другим, не так ли? Обычное мошенничество. Много названий, а человек один. Но в течение ста десяти лет? И еще очевидно, что они вовремя платили по счетам. По крайней мере ими уплачены порядочные суммы «Науву Вижн» за доставку грузов через всю систему.

— А что с налогами?

— Все налоги ими уплачены.

— Все офисы располагались здесь, в Питчфорк Ривер Сити. Надо проверить адреса, — сказал Реннер, наблюдая за танцующими пальцами Бери. Иногда у старика тряслись руки, и знающий об этом слуга наполнял ему чашечку лишь наполовину, чтобы тот не расплескал кофе. Однако на компьютерной клавиатуре руки Бери вели себя на удивление четко и слаженно. — Что это значит?

— Такого адреса в настоящее время не существует... как и ни одного из остальных. Я поручу Набилу разыскать самые старые записи. Ведь все это значит, что мне платили ни за что.

— Гм?!

— Шучу. Судя по всему, флингер «Науву Вижн» использовался очень активно. Грузы запускались из него через систему, но они не были нацелены на астероидные шахты. То ест, они попадали *не на те* шахты. В таком случае — куда?

— В системе мошкитов существует обширная астероидная цивилизация. — Реннер заметил, как руки Бери начали дрожать и ска-

зал: — Но это только мысль. Нельзя сбрасывать со счетов и внешних. Снова начинаются мятежи.

— В любом случае, я не уверен в будущем человечества, Кевин, — произнес Бери и, откинувшись назад, глубоко вздохнул. — Что ж. Если мы начнем сейчас, то у нас есть немного времени на обед.

— Полагаю, здесь такой обычай.

— Да. Давай-ка посмотрим, что мы сможем узнать во дворце губернатора.

Глава 2. Прием

> Первый авантюрист был досадной неприятностью. Я убежден, что он действовал против своей матери, жены и суровых законов совета старейшин; однако он был тем, кто обнаружил место, где умирают мамонты, и где, несмотря на тысячи лет использования слоновой кости, ее осталось достаточно для того, чтобы вооружить этим оружием целое племя. Таково окончательное краткое описание авантюриста: как благодетеля общества, так и его паразита.
>
> *Вильям Болизо. Двенадцать против богов*

К счастью, очередь в приемной была короткой. Губернатор сэр Лоуренс Джексон, ранее служивший в ИВКФ, ушел в политику. Его супруга леди Марисса Джексон показалась Реннеру похожей на евразийку. Еще он заметил в очереди Норвелла Уайта Мюллера, президента местного филиала Имперской Торговой Ассоциации, а также с полдюжины других официальных лиц.

— Сэр Кевин Реннер, — провозгласил офицер, ведающий протоколом.

— Добро пожаловать на землю Максроя, сэр Кевин, — приветствовал Реннера губернатор.

— Вообще-то, я особо не пользуюсь этим титулом, господин губернатор. Благодарю вас, что уделили время, чтобы принять меня. Очень рад встрече с вами.

— По-моему, вы ведете себя очень скромно для человека, побывавшего на Мошке-1, — заметила леди Джексон.

В голосе губернатора слышалось что-то знакомое, но прежде чем Реннер успел как следует изучить его лицо, люди, стоящие за ним, двинулись вперед, и его буквально вымело из очереди в главный зал.

Зал для приемов был длинный и просторный. Между огромными окнами, выходящими в город и на реку Питчфорк, имелись еще

«окошки» — голограммы, изображающие виды каждого уголка планеты. С оранжевых утесов низвергалось шесть водопадов, представляющих весьма захватывающее и эффектное зрелище. Мощные потоки воды каскадами устремлялись в озера, на зеркальной поверхности которых прыгали и плясали причудливые серебряные фигуры.

Реннер увидел водного змея, преследующего маленькую стайку дельфинов; внезапно дельфины развернулись и напали на змея, вгрызаясь в него своими зловещими клыками. Змей попытался убежать от опасности и глубоко нырнул. Затем изображение на голограмме сменилось, и на этот раз Реннер увидел то, что творилось внизу... Затем изображение резко стало увеличиваться до тех пор, пока хвост змея, казалось, не прошелся по стене зала. Тут последовало новое изображение: змея втянули за хвост на палубу корабля и заковали в прочный ошейник.

Реннер заметил рядом с собой миловидную девушку в форме ИВКФ. Он подумал, что она слишком молода для звания капитана-лейтенанта.

— Какое захватывающее зрелище! — восторженно произнес он.

— Разумеется. Десять лет назад голограммы для дворцовых декораций были очень модны на Спарте, — заметила она. — Хэлло, сэр Кевин. Меня зовут Руфь Коэн.

Одно из «окон-голограмм» теперь показывало девственный лес, весь покрытый снегом. Какая-то тварь, смахивающая на змею с толстой шерстью, поднимала большую плоскую голову... нет, это оказалось не шеей! Существо, ковром растянувшееся на снегу, напоминало гигантского белого медведя. Вдруг огромная, сужающаяся кверху голова поднялась и стала поворачиваться, подозрительно вглядываясь прямо в зал выпуклыми черными пуговками глаз. Потом голова опустилась, и снова животное стало невидимым в толстом снежном покрове.

— Вы с какого корабля, коммандер? — поинтересовался Реннер.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Я из офиса губернатора. Поддерживаю связь с военной разведкой. — Она оглянулась и, убедившись, что они с Реннером одни, прибавила: — В любом случае мы с вами должны были встретиться. И довольно скоро. Кстати, за ужином я буду сидеть рядом с вами.

— Превосходно! — сказал Реннер и подумал: «Это лишь деловая встреча или?..» — У нас будет время... Господи!

Остроконечная голова молниеносно поднялась, короткие лапы медведя стремительно оттолкнулись, и он побежал. Все произошло за считанные доли секунды. Он скользил по снегу, пользуясь своим плоским туловищем, как самолетным крылом. Почти в тот же момент трое закутанных в меховые одежды охотников открыли по нему стрельбу; потом они развернулись и побежали к лесу, где разде-

лились и стали преследовать свою жертву, мелькающую среди деревьев. Наконец существо с размаху врезалось в молодое деревцо, отскочило от него и рухнуло. Деревце, не выдержавшее удара, тоже сломалось и упало.

— Ого! — воскликнул Реннер. — Что это?

— Снежный призрак, — ответила Руфь Коэн.

— Наверняка он очень опасен.

— О да. Но у него очень ценный мех. Летом они сбрасывают мех, но и тогда не менее опасны.

— А у вас нет Максройского акцента, — заметил Реннер.

Она тихо рассмеялась.

— Вы не поверите, чего стоило моим родителям, чтобы... — она криво усмехнулась. — Вообще-то, моя родная планета — Нью-Вашингтон. Мой отец там вышел в отставку. Это моя первая поездка на землю Максроя. Здесь я уже год.

— По-моему, тут довольно приятное местечко.

— Рада, что хоть кому-то оно нравится, — сказала Руфь.

— Кстати, в губернаторе Джексоне я заметил что-то знакомое, — проговорил Реннер.

— А разве вы не знали его раньше? Долгое время он находился в резерве ИВКФ. По-моему, он вышел в отставку в звании коммандера.

— Как же он стал губернатором?

— Это довольно занятная история, — сказала Руфь. — Принесите мне чего-нибудь выпить, и я вам ее расскажу.

— О, прошу прощения! — Реннер свистнул одному из слоняющихся по залу роботов. — Не выпить ли нам старомодного «Мартини» и чего-нибудь зеленого?

— Я буду только зеленое. Ликер «Водные крылья». Несколько приторный, зато приятен на вкус и очень ароматен.

Реннер взял два зеленых напитка и сделал небольшой глоток из своего стакана. Он почувствовал вкус имбиря и еще чего-то, что не смог определить.

— Недурно. Интересно, знает ли о нем Бери?

— Я бы очень удивилась, если бы он о нем не знал, — сказала коммандер Коэн. — Этот ликер очень хорошо идет на экспорт. Итак... Вам хотелось узнать о губернаторе. Он здесь вырос. Еще до того, как земля Максроя была возвращена Империи. Вступил в ИВКФ прямо из школы, и, когда увольнялся оттуда, привез с собой друга, еще одного отставного военного по имени Рэндалл Вейсс, и они занялись доставкой провианта и оборудования для астероидных шахт.

— Гм, разумное решение, — заметил Реннер. Это и было время, когда Джексон мог сделать свою карьеру: закончился срок его службы в резерве ИВКФ, затем он начал работать в гражданском судоходстве и, наконец, купил корабль.

— Только вот пираты из внешних постоянно совершали налеты на их корабль, — продолжала Руфь. — Они захватили два груза, и фирма Джексона была на грани краха.

— Где же был ИВКФ?

— Это случилось шестнадцать лет назад.

— Ах вот оно что... Тогда они все еще укрепляли Блокадный Флот, — проговорил Реннер, вновь вспоминая о Мошке.

— Совершенно верно, — кивнула Руфь, выпив немного ликера. — Но это действительно здорово, вам не кажется? В любом случае, сэр Лоуренс... тогда он, разумеется, еще не был сэром Лоуренсом... и Вейсс решили, что с этим надо что-то делать. Они как следует вооружили свой корабль, наняли шахтеров, местных и с астероидов, и еще кого-то и стали вылетать на поиски пиратов, или скорее стали давать пиратам обнаруживать их. То есть сами выступали в роли приманки. Думаю, что в конце концов счастье улыбнулась им, потому что они захватили в плен очень хорошо вооруженный вражеский корабль, который стали использовать для более усиленной охоты на пиратов из внешних.

— По-моему, я читал об этом, — сказал Реннер. — У меня в голове не укладывалось, как могло здесь такое случиться. Ведь им удалось уничтожить четыре корабля. Это настоящее сражение!

— Да. Рэндалл Вейсс был убит, но они хорошенько потрепали противника. Вейссу установили памятник. Сэра Лоуренса представили к рыцарскому званию, а местный совет послал его в столичный сектор представлять там землю Максроя. И очень скоро по приказу вице-короля он вернулся сюда уже губернатором.

— Прекрасная история, — сказал Реннер и сдвинул брови. — Но, бог ты мой, я *встречался* с ним, и никак не могу вспомнить — где.

В зале для приемов тихо прозвенел гонг.

— Ужин, — проговорила Руфь.

Реннер галантно предложил ей руку.

* * *

На первое было множество разновидностей сашими. Реннер поглядел на Руфь, ожидая от нее совета.

— Очень рекомендую вам вот это — из желтоперого тунца, — улыбнулась она. — Здесь отлично разводится тунец с Земли. А светло-серый — это пресноводная рыба, ее еще называют «пляшущим серебром». О!

— В чем дело?

— Вот это темно-красный сесил. Безумно дорогое блюдо. Не потому что она довольно редко встречается, а потому, что ловится не каждый день.

Реннер попробовал по кусочку от каждого блюда.

— А что такое сесил? — осведомился он.

— Огромный водный змей. По-моему, вы видели, как ее ловят. На голограммах. М-м-м, какая вкуснятина! А знаете, Кевин, мне кажется, что мы наблюдали за нашим ужином! Интересно, неужели это значит, что нам дадут отведать снежного призрака?

— Да, дорогая, — проговорила сидящая напротив леди Джексон, довольно полная женщина, явно любящая отменно поесть. — Вам это нравится?

— Я никогда его не пробовала, — ответила Руфь. — Впрочем, почему это никогда? Мы как раз сейчас отведали сесила. Кевин, вы бы попробовали обмакнуть его во-он в тот соус.

Реннер при помощи палочек для еды опустил темное мясо в соус, затем медленно прожевал.

— Арахисовый соус, — с глубокомысленным видом констатировал он.

— И еще туда добавили имбирь, — промолвила леди Джексон. — Это все влияние тайской кухни. Кухня земли Максроя всегда была очень незамысловатой. На этой планете обосновались мормоны, но восточное влияние всегда очень сильно. Постоянно придерживаться простоты почти во всем, как у мормонов и на востоке, — вот что было для нас хватательной рукой.

* * *

Кресло-каталка Бери, стоящее у изголовья стола, занимало столько же места, сколько два обычных стула. Оно давало ему ощущение уединенности, которое он очень любил, и в то же время позволяло участвовать в беседе.

Гарниром к мясу снежного призрака был жюльен с морковью, турнепсом и каким-то незнакомыми корешками. Блюдо было настолько острым, что могло бы поднять мертвого. Кроме того, мясо было жестким, и не удивительно, что его разрезали на аккуратные тонкие кусочки. Однако Бери без особого труда вгрызался в пищу, ибо теперешние его зубы были крепче и острее тех, с которыми он родился.

— Империя возвратила себе землю Максроя полвека тому назад? — спросил он.

— В действительности, это не вполне точная дата, — ответил губернатор Джексон. Он ел левой рукой, поэтому его серебряный прибор лежал с другой стороны его тарелки.

Бери медленно опустил голову.

— Однако мне рассказывали, что здесь по-прежнему весьма чувствительно относятся к тому делу, касающемуся внешней системы.

Губернатор Джексон выразительно развел руками. Похоже, он никогда не пожимал плечами.

— Происходит вовсе не то, что кажется на первый взгляд, — возразил он. — Наш народ — особенно на окраинах — предпочитает считать Новую Юту скорее Небесами, нежели обычной планетой. Населенной от полюса до полюса и покрытой зелеными растениями и дикими девственными лесами.

— Разве это не так? — осведомился Бери.

— Я читал старые записи и отчеты, — ответил Джексон. — Это вполне приличная планета. Там больше суши, чем на земле Максроя; здесь выше горы, и минералов, лежащих близко к поверхности, значительно меньше. Может быть, они дольше оставались в расплавленном состоянии. У нас очень суровый климат. Не угодно ли вам еще вина, ваше превосходительство?

— Нет, благодарю вас.

— Ах да, ведь мусульмане не пьют спиртное, — сказала миссис Мюллер. — И как это я забыла!

— Возможно, большинство мусульман не пьют, — сказал Бери. — Точно так же, как большинство евреев не едят свинины. — Он заметил, что губернатор с женой пили только содовую воду. — Губернатор, как вы думаете, могут ли быть у внешних веские причины захотеть торговать с землей Максроя?

— Вполне вероятно, ваше превосходительство, — ответил губернатор Джексон. — Новая Юта очень нуждается в некоторых видах полезных ископаемых и органических веществ. Например, там совсем нет селена. К тому же им требуется все больше продуктов.

— Несколько тонн в год, — уточнил Норвелл Уайт Мюллер, — ценою в пару кораблей, а прибыль от этих кораблей... — Он облизнулся. — Церковники Юты купили бы медикаменты, если это позволит Империя.

Губернатор Джексон рассмеялся.

— У ИВКФ нет для меня лишних кораблей, — проговорил он, — поэтому я не могу доставить Новую Юту в Империю силой...

— Вы не можете даже отправиться туда, — хихикнула миссис Мюллер.

— Ну уж вы скажете! Мы *можем*, но, согласен, с преогромным трудом. Два прыжка мимо двух жалких красных карликов, затем — через систему большой яркой звезды класса Е только с одной планетой, да и то — каменным шаром. Такая экспедиция уже состоялась за несколько лет до моего приезда сюда. — Джексон выглядел задумчивым. — У ИВКФ есть записи, показывающие, что это не так уж и трудно.

— По-моему, я тоже слышал об этом, — заметил Бери.

— Что бы там ни было, пока у меня нет кораблей ИВКФ, эмбарго распространяется только на торговлю оружием, которое я собрался бы доставить на Новую Юту. Все, что им нужно, — это объединиться, и тогда они могут торговать всем, чем захотят.

— Им не нужна хватательная рука, — заметил Реннер.

Джексон рассмеялся.

— Возможно. У них будет достаточно времени, чтобы передумать. Все это праздные разговоры, поскольку место для прямого прыжка исчезло сто тридцать лет назад, во время Сепаратистских войн. Двадцать лет назад я отправил к ним с торговым кораблем посла... одного из ваших людей, мистер Бери. И неудачно.

«Звездное странствие, — размышлял Бери. — Места для прыжка находятся в зависимости от изменений яркости звезд и их расположения на спектральной последовательности. При изменениях — они появляются и исчезают...» Почему-то от этих мыслей он почувствовал, как волосы на его шее приподнялись? Перед глазами, словно воочию, завертелись крохотные фигурки с шестью членами...

Через стол до него донесся тихий голос Реннера:

— Джексон и *Вейсс*?

— По-моему, имели место какие-то перевозки, но до тех времен, когда ИВКФ возвратился — лет сорок тому назад. Новой Юте пришлось дорого заплатить за удобрения. Но чем? И кроме того, такое путешествие слишком длительное...

Урчащий смех Реннера, точно он рассмеялся животом, прервал беседу. Когда в зале вновь воцарилась тишина, он произнес:

— Я старался вспомнить, где мы с вами встречались.

Губернатор рассмеялся в ответ, запрокинув голову назад. Его жена захихикала.

— Губернатор? Сэр? Я наблюдал за вашими руками, — сказал Реннер. — Примерно так? — Он отодвинул стул и встал, несмотря на то, что все уже приступили к десерту. Он поднял правую руку и сжал кулак: — С одной стороны, высокая цена за удобрения. — Правая рука упала к бедру. Реннер вновь сжал кулак. Бери кивнул. — С другой стороны, похоже, им совершенно нечем платить, — продолжил Реннер. Затем он выбросил левую руку, сложив пальцы парами, отчего у него получилась рука с тремя толстыми пальцами. — А что касается хватательной руки, то она находится слишком далеко. Я правильно все сделал?

— Разумеется, сэр Кевин. Моя супруга тщетно старалась избавить меня от этой привычки...

— Однако вся планета так делала. Вы научились этому здесь или на Мошке-1?

У Бери все поплыло перед глазами, и его зрение утратило четкость. Он выпустил из подлокотника кресла диагностический рукав и вставил в него руку, в надежде, что никто этого не заметит. Замигали оранжевые точки, и он почувствовал холодок от инъекции транквилизатора.

— Я был уверен, что никто не узнает меня, — произнес губернатор. — Эй, а вы не вспомните, где мы с вами встречались?.. Бери? С вами все в порядке?

— Да, но я ничего не понимаю.

— Вы были почетным пассажиром, сэр Кевин — штурманом корабля, а мы с Вейссом — всего лишь Бравыми Космонавтами. Я был уверен, что вы не узнаете меня. Но мы приземлились на Мошке-1 и оставались там до тех пор, пока капитан Блейн не решил, что мы больше не понадобимся, и не отправил нас назад. Вейсс заразился этой привычкой у чужаков, у мошкитов. Одна рука, другая рука, хватательная рука, и они только разводили руками, потому как плечи у них не двигались. Я научился этому у него. Довольно долго мы были на голосканах, когда сражались с внешними, а потом я находился на Спарте, пока не стал губернатором, и думаю, что... Вся планета, а?

— По крайней мере весь Питчфорк Ривер. От и до, от верха до низа, они подхватили эту трехстороннюю аристотелеву логику. Вы были не просто губернатором, вы были и голозвездой!

Губернатор казался обескураженным и смущенным, однако довольным.

— Да-а, такое случается на отдаленных планетах. Сэр Кевин, ваше превосходительство, я действительно *получил огромное удовольствие* встретиться с вами вновь после столь долгой разлуки.

Почему — он не сказал.

* * *

— Итак, вот как все это было, — произнес Реннер. Он удобно устроился в огромном массажном кресле в кабинете Бери и наслаждался массажем, одновременно попивая настоящий коньяк. — Джексон и Вейсс успешно стали тривизийными звездами. Местные парни оказались хорошими. Поэтому все стали им подражать. Блеск! Подражать и считать, что хорошо их узнали. — Внезапно он рассмеялся. — Финч'клик' Вейсса сошла бы с ума, пытаясь подражать ему. Поскольку все получалось наоборот.

— Наивно, — заметил Бери, осторожно опускаясь в кресло и дважды нажимая кнопочку, чтобы принесли кофе.

— Как это — наивно?! Вы слышали губернатора.

— Я слышал, как он объяснял появление некоей особенной привычки, — тихо произнес Бери. — Однако я не услышал ничего, что бы объясняло, почему на эту систему потратили такие огромные деньги.

— Да, это верно, — признал Реннер.

— Он побывал на Мошке-1, — продолжал Бери. — Сам губернатор. У них с Вейссом имелись деньги для покупки корабля и снаря-

жения. Если когда-нибудь и существовал человек, лучше подходящий для того, чтобы нанять пленных Часовщиков или Инженеров или...

Реннер засмеялся.

— Бери, это очень и очень странно! — Он откинулся в массажном кресле, и пока оно продолжало свою расслабляющую работу, вспоминал крохотных мошкитов: маленькие чужаки, не вполне разумные, однако способные управляться с технологиями, о существовании которых Реннер даже не имел понятия. — О, эти мошкиты — очень ценные существа, разумеется! И они же раздолбили в пух и прах линейный крейсер «Макартур».

В ответ — тишина.

— Гораций, у вас клинический случай паранойи, с тех пор, как мы познакомились. Причем больны вы очень долго. Блейн позволял Часовщикам свободно шататься по своему кораблю, но, Боже праведный, на «Ленине» для мошкитов это было невозможно! Морпехи никому не разрешили уйти, пока не проверили все до молекулы!

— Ошибаетесь. Я сам это сделал, — руки Бери поглаживали подлокотники кресла.

Реннер чуть не вскочил со своего места. Он резко выпрямился.

— Что?!

— И это должно было сработать, — промолвил Бери, наблюдая, как в комнату входит Набил с изукрашенным серебром кофейником и крошечными чашечками. — Кофе, Кевин?

— Да, благодарю вас. Вы занимались контрабандой с Мошки?

— Мы занимались контрабандой, не так ли, Набил?

Набил уныло усмехнулся.

— Ваше превосходительство, помимо того, что контрабанда — очень выгодное дело, мне нравилось то, чего в вашей коллекции никогда не было. — Так воспринимал свободу Набил, которому не довелось понимать ее в обычном смысле.

Бери лишь дрожал и пил свой кофе. Ему снова пришлось вдеть руку в диагностический рукав.

— Бери, какого черта?

— Неужели я шокировал тебя спустя четверть века? Считалось, что Часовщики — самая ценная штука из всего, что я когда-либо видел, — произнес Бери. — Они умеют фиксировать любые данные, ремонтировать, укреплять, реконструировать и изобретать. Я решил, что безумием будет не оставить себе парочку. В результате, мы это устроили: двух Часовщиков погрузили во временное бесчувствие и спрятали в воздушном баллоне. В воздушном баллоне моего скафандра.

— На вашей *спине*? — вскричал ошарашенный Реннер. Если Бери лгал, то лгал умело. Но Бери *умел* лгать. — Вы не привезли никаких Часовщиков, я знаю.

— Конечно, не привез, — отозвался Бери. — Тебе известна только часть истории. «Макартур» для нас был потерян. Часовщики

свободно носились по кораблю, перенастраивали приборы, убивали космодесантников, высматривая их в укрытиях. Мы пересеклись на оборонительных рубежах где-то между «Макартуром» и «Лениным». Огромная паутина из ниток с пассажирами, нанизанными на них, точно бусины. Вокруг нас — Вселенная, а внизу — гигантский шар Мошки-1, на котором хорошо видны гигантские кратеры. Они появились в результате их войн. И этот гигантский шар-корабль приближался. А я чувствовал на спине богатство и опасность одновременно. Впереди — космодесант и опасность в скором времени очутиться в открытом пространстве. И я пошел на этот риск. Потом...

— А потом вы оглянулись, как Орфей.

— Вдруг солнце засверкало прямо во фронтальное стекло скафандра существа за моей спиной.

— И вы увидели крохотные глазки...

— Да, забери тебя джинн, Кевин! В конце концов, это же мой кошмар! Из-под фронтального стекла на меня смотрели три пары крошечных глаз. Я с силой швырнул в них мой чемоданчик. Потом подобрался поближе, сорвал один из своих воздушных баллонов и бросил его вслед за портфелем. Скафандр тотчас же отбросило в противоположную сторону — и это вообще чудо, что им удалось после этого еще двигаться... Короче говоря, я оказался в отличной позиции, когда воздушный баллон разбил фронтальное стекло на скафандре того существа.

— Я сам дважды видел этот кошмар, а слышал о нем еще чаще. Бери, было бы очень неплохо, если бы вам удалось ухватить использованный баллон.

— Это — не самый худший из моих страхов. Когда щиток шлема разбился, Часовщики мошкитов вылетели в вакуум, а вместе с ними появилась изуродованная голова. Так они использовали головы убитых ими космодесантников. И после этого мне следовало пронести этот баллон мимо космодесантников «Ленина»?

— Может быть.

— И, наверное, я был не единственным. На Мошке-1 находились двое Бравых Космонавтов. Мы все видели, насколько полезны Часовщики, когда их правильно использовали Инженеры мошкитов. Мог ли один из них придумать еще какой-нибудь способ спрятать Часовщиков? Либо Инженеров, либо *Часовщиков*?

— Во всяком случае доказать обратное практически невозможно, Бери. Но в действительности у вас нет никаких причин так думать. Кстати, не рассказывайте никому эту историю.

Бери пристально посмотрел на Реннера.

— Я не рассказывал ее двадцать пять лет. Кевин, мы ведь приносим какую-то пользу. *Если* распространился этот «трехрукий» тип мышления, потому что вокруг мошкиты — или еще какой-нибудь класс существ, — *morga* мне известно, кто виноват. Губернатор ут-

верждает, что это распространили они с партнером. Скорее всего он лгал, скрывая что-то.

— А может быть, и нет. Похоже, он и в самом деле считает...

— Кевин...

— Или, возможно, это был Вейсс. Хорошо, хорошо. Нам по-прежнему ничего не известно о денежном потоке. Мы не знаем, куда отправлялись грузы, когда капитан Фокс использовал свой флингер. Необходимо это разузнать.

— Сперва ты должен доложить об этом в ИВКФ. А мы на время исчезнем.

— Правильно. И тогда я найду способ охотиться на внешних, а вы найдете способ охоты на мошкитов, а прежде я отправлюсь в Новую Шотландию. Сейчас же я пойду спать. Когда я был в сауне, то поклялся, что уйду спать трезвым.

— ...М-да...

Глава 3. «Магический червь»

Но это басни: люди время от времени умирали, а черви их поедали, но случалось все это без любви.

В. Шекспир.
Как вам это понравится, акт 4, сцена 1

Руфь Коэн спускалась в подвал губернаторского дома. В дальнем конце длинного коридора с ослепительно белыми стенами стояли двое морских пехотинцев. При виде ее один вытянулся по стойке «смирно», второй остался у операционного пульта с приборами.

— Коммандер, будьте добры, пройдите идентификацию. — Он подождал, пока специальный прибор считывал сетчатку ее глаз. Затем она положила руку на идентификационную панель.

— Руфь Коэн, капитан-лейтенант ИВКФ. Неограниченный доступ к системам безопасности, — пробубнил ящик.

— Теперь вы, сэр.

— Он меня не узнает, — предупредил Реннер.

— Сэр...

— Я знаю строевой устав, сержант, — произнес Реннер, глядя на ящик. В его глазах плясал красный свет.

— Образец зарегистрирован. Субъект неизвестен, — сообщил ящик.

Морпех пробежался пальцами по клавишам панели. Дверь распахнулась, и их взору открылась небольшая прихожая, больше похожая на переходный шлюз космического корабля. Когда Реннер и Коэн вошли в прихожую, космодесантник медленно произнес:

— Капитан-лейтенант Коэн и субъект, идентифицированный как Кевин Реннер, штатский, «Империал Автонетикс», вошли в помещение отдела безопасности...

Открылась внутренняя дверь, в то время как внешняя закрылась и автоматически заперлась. Реннер никак не мог избавиться от мысли об оружии морских пехотинцев, когда они с девушкой оказались взаперти в удобно обставленных апартаментах. Он увидел стол для переговоров, стулья и кушетку, ничем не отличающиеся от мебели отделов безопасности, в которых ему довелось побывать примерно на дюжине планет.

— Прямо как дома, — улыбнулся он.

С лица Руфи Коэн не сходило выражение серьезности. Поставив записывающее устройство на стол, она провела ладонями по юбке. Реннер понял, что девушка нервничала.

— С вами все в порядке?

— Наверное, я не очень часто интервьюирую капитанов, — отозвалась она.

Реннер усмехнулся.

— Неужели я так похож на капитана? Вам придется расплатиться со мной за это, вы же знаете.

— Как?

— Вы поужинаете со мной вечером.

— Капитан...

— А что они сделают, застрелят меня? — настойчиво осведомился Реннер. — Он состроил гримасу записывающему устройству, которое еще не было включено. — Да, да, застрелят. За вас. И не доложат до тех пор, пока коммандер Коэн не согласится выйти вместе со мной.

— Думаете, я откажусь?

Реннер пристально посмотрел ей в глаза.

— Без этого моего рапорта не будет.

— О! — воскликнула она, обворожительно улыбаясь. — В таком случае, я буду очень рада поужинать с вами!

— Черт подери! А что вы скажете насчет...

— Я не притронусь к грипсам. Почему каждому, кто увидит их, так хочется понаблюдать за тем, как их ест кто-то еще? Капитан, а вы не исключаете такой возможности, что нас с вами вообще сегодня не увидят вместе?

— Гм, вы правы, — пробормотал Реннер. — Черт возьми!

— Так я и думала. — Она уселась за стол. — Готовы? Отлично. Итак, я его включаю. — Она нажала на кнопочку и проговорила дату и время. — Рапорт Кевина Реннера, капитана службы безопасности ИВКФ. Офицер-делопроизводитель, капитан-лейтенант Руфь Коэн...

Реннер дождался, пока она не закончит надиктовывать вступление и название доклада, затем тоже сел, прислушиваясь к ее монотонному голосу.

— Капитан сэр Кевин Реннер, кавалер ордена Святого Михаила и Святого Георгия 2-ой степени, специально предписанный к службе военной разведки ИВКФ. Согласно заявленному в предыдущих докладах, мы доставили принадлежащую компании «Империал Автонетикс» яхту «Синдбад» на землю Максроя, из-за подозрений его превосходительства Горация Хусейна аль-Шамлан Бери, магната. Финансовый анализ, произведенный Бери, указал, что вероятны незаконные действия. «Империал Автонетикс» основал здесь завод и владеет тремя кораблями, поэтому вскрыть какие-либо нарушения не составляет особого труда. Спустя два дня после нашего прибытия меня попытались похитить...

Руфь Коэн невольно глубоко вздохнула.

— Не волнуйтесь, — усмехнулся Реннер. Он откинулся на спинку стула и несколько секунд глядел в потолок, затем снова начал говорить. Он рассказывал о нападении, потом о том, что этому предшествовало.

— ...здоровый грипс. Выглядит так, будто все время вибрирует. Коммандер, если вы хохочете уже на середине моего рассказа, то должен заметить, что я отнюдь не собирался вас смешить.

— Но это же неправда!

— В том-то и дело, что правда! — Реннер продолжил рассказ о своей ночи в столице. В соответствующих местах повествования он вставлял подробности о том, каким образом они разузнали о личностях нападающих, о капитане Реубене Фоксе и историю о «Науву Вижн».

— Мормоны, — сказала Руфь Коэн. — Трое мормонов. Трудно поверить, что они выступили в роли обычных грабителей.

— Совершенно верно, и я отметил это, — сказал Реннер. — Когда один мормон совершает нечто дурное, это несчастье. Когда же сразу трое — это уже заговор. Не говоря уже о том, что Бери убежден: капитан Фокс их покрывает.

— И это основные выводы Бери? — быстро спросила Руфь.

— Что до меня, то я так не думаю, но его превосходительство Гораций Бери считает, что мошкиты могли вырваться в систему Максроя. Я так не думаю. По-моему, вернулись внешние.

Руфь с унылым выражением лица кивнула.

— Я тоже не думаю, что это мошкиты, — проговорила она. — Однако правила достаточно четкие. Этот доклад как можно скорее отправится в сектор Главного Штаба. Есть какие-нибудь возражения?

— Бери — параноик, — сказал Реннер. — Ему *везде* видится угроза мошкитов. Тем не менее он может оказаться прав, и если это так, то губернатор замешан в заговоре против Империи.

— Капитан, этот рапорт отправится непосредственно в сектор Главного Штаба. Там могут не знать о вас и о его превосходительстве.

Реннер ухмыльнулся.

— Лады. Гораций родился богачом. Его отец сделал огромное состояние на межзвездной торговле, после того как Империя аннексировала Левант. Бери увеличил свое состояние. Ему сто шестнадцать лет, и он разбирается во всех моделях передвижения денежных потоков. Гораций Бери обладает в Империи могуществом и властью.

Реннер помолчал немного, затем продолжил:

— Он... гм... Он совершал поступки, нарушающие законы Империи. Подробности его незаконных действий, совершенных двадцать шесть лет назад, классифицированы и засекречены. Мы оба посетили Мошку-1. Это считалось частью официальной экспедиции. Я как раз уволился из ИВКФ и служил парусным мастером на ИКК «Макартур», который постигла скверная судьба.

— Да, это единственный корабль, когда-либо уничтоженный чужаками, — вспомнила девушка.

— Не считая тех, что пострадали в блокадных сражениях, — сказал Реннер. — Но в сущности — да. «Макартур» уничтожили Часовщики-мошкиты. Они относятся к классу мошкитов-животных. Они неразумные, и у них *четыре* руки, а не три. Это тема досужих рассуждений для многих людей, а также для мошкитов Института Блейна. Во всяком случае, я выбрался, а Бери лицом к лицу столкнулся с петлею палача. Он заключил сделку. В течение двадцати пяти лет он сдерживал восстание и прочие акции внешних по всей Империи, главным образом за свой счет, а я... а я — просто парень из ИВКФ, назначенный присматривать за ним и охранять его. Он тоже человек, преданный своему делу. Я ни разу не замечал, чтобы он совершил что-нибудь, что шло бы вразрез с его миссией.

«Если не считать одного раза», — вспомнил Реннер.

— Но почему внешние? Месть? Они, что, задрали его быка?

Реннер вздохнул.

— Горацию наплевать на внешних. Он не собирается тратить на них время и деньги. Все, что может раздробить Империю — это угроза человеческой расе и детям Аллаха. Один-единственный раз напугали Горация мошкиты. Никто не смог напугать его второй раз. Гораций хочет, чтобы они прекратили свое существование.

Руфь выглядела озадаченно. Она взглянула на записывающие устройства.

— Капитан, если мошкиты прорвутся сюда, это будет большая угроза?

— Не знаю, — ответил Реннер. — Вполне возможно. Не думаю, что их технологии намного лучше наших, но их умение изобретать высокие технологии — за пределами нашего понимания. Люди сильнее чувствуют себя в *науке*. Но как только раскрыты основные принципы, мошкиты — Коричневые Инженеры, или просто Инженеры — применяют эти принципы на практике намного лучше, чем

любой человек. Вот вам пример. Когда мы прибыли на Мошку-1, там никогда не слышали о Поле Лэнгстона, и, прежде чем мы покинули их систему, они сделали такие усовершенствования, о которых мы даже не задумывались! Еще один пример: мы отправили на «Макартур» волшебный кофейник. Сейчас эта технология известна по всей Империи, даже здесь. Уверен, что один из вариантов этого кофейника использовался при изъятии алкоголя из саке, который я пил ночь назад.

— Спасибо за сообщение. У вас есть еще какие-то сведения?

— Да. Мои собственные планы. Иногда паранойя Бери может оказаться даже полезной, но мне очень не нравится видеть его таким нервным. Он может что-нибудь натворить... что-нибудь опрометчивое. Во всяком случае, я верю, что он старается изо всех сил, чтобы узнать, что такое мошкиты на самом деле. Это оставляет мне свободу действий касательно моей слежки за внешними, если, конечно, *они* — это именно то, с чем мы столкнулись. Мне хочется *доказать* Бери, что мошкиты по-прежнему надежно «закупорены».

— Мы не можем доверять никому, кроме людей Бери, потому что у нас нет никаких других войск, — продолжал Реннер. — Мы не можем обратиться и к местным копам. Однако есть некоторые... м-м-м... средства... нет, скорее подходы. Куда капитан Фокс посылал свои грузовые гондолы? Есть ли на астероидах какая-нибудь база внешних? Что это за особенный денежный поток? «Империал Автонетикс» постоянно обкрадывался растратчиками. А обкрадывать корпорации — для некоторых — все равно что угонять автомобили. Здесь же что-то не похоже на то, будто кого-то обкрадывали.

— И это плохо? — с улыбкой спросила она.

— Ну... как вам сказать? Это *странно*. Что-то утаивается, но никого не обкрадывают.

— И что вы собираетесь делать?

— То, что и должен делать Реннер, — ответил он ей тоже с улыбкой. — Буду тратить деньги. Подкатывать к симпатичным девочкам, спрашивать у владельцев магазинов, не продают ли они чего-нибудь новенького, покупать людям выпивку, чтобы развязать у них язык. Может быть... ну... может быть, я сумею узнать, откуда приходит опаловый сепиолит.

Она, нахмурившись, посмотрела на него.

— И все в одиночку?

— Более или менее. Я буду постоянно держать в курсе дел Двор его величества Бери, и постараюсь делать это как можно лучше. Собственно говоря, это и есть мое непосредственное занятие.

— У вас есть еще что-нибудь для доклада?

Реннер отрицательно покачал головой, и Руфь выключила записывающие устройства.

— Меня всегда удивляли правила насчет мошкитов, — сказала она. — Чем мы займемся сейчас?

— Во-первых, вы отправите эту запись в Сектор. Вы хоть осознаете, что никто на этой планете еще не слышал этого?

— Предоставляете мне толику доверия...

— О, я всегда догадывался, что красота и разум шагают вместе. Вы же понимаете, во всем этом есть скрытый смысл.

— Очень даже понимаю, — ответила Руфь. — Кевин, вы до конца все продумали? Истинная Церковь Иисуса Христа святых последних дней обладает огромной властью. И *огромным* количеством членов. Если вы станете для них угрозой...

— У них еще огромная вооруженная охрана. Да, да. Безусловно, я все продумал. А теперь давайте-ка пораскинем мозгами, чем мы можем угрожать этой Церкви.

— Я уже подумала. Пока я никакой угрозы для них не обнаружила.

— Я тоже, — сказал Реннер. — Пойду-ка я немного прошвырнусь.

* * *

Торговые центры на земле Максроя никогда не были популярными. Крупные и маленькие магазины были разбросаны по городу среди домов, подобно неожиданному сюрпризу.

И вот: четыре гигантских каменных глыбы, склоненных вершинами друг к другу, со стеклянной витриной из узких треугольников в том месте, где скалы не соединялись. Бутик находился в квартале от реки Питчфорк, по соседству с некогда модным районом, а теперь снова становившимся модным. Кевин Реннер рассматривал витрину и наконец увидел обтесанную, напоминающую огромный ломоть, белую скалу, сверкающую опаловыми расцветками.

Он вошел внутрь. Над его головой зазвенели колокольчики.

Он не удостоил вниманием кухонную утварь, люстры, лампы, винтовки. После них шел длинный ряд блестящих белых трубок с янтарными мундштуками. Одна из них — из огненного опала — лежала отдельно на черной материи. Некоторые изумляли взор изысканной резьбою, изображавшей замысловатые узоры: лица, животных, а одна из трубок — плоская — имела форму имперского истребителя, скользящего по воздуху.

Из-за прилавка появился низкорослый, мускулистый мужчина с глянцевой лысиной. Его глаза изучающе-добродушно разглядывали Реннера.

— Трубки, — проговорил он.

— Совершенно верно. И сколько у вас стоят эти штуковины? Например, вон та, черная?

— Нет, сэр. Этой трубкой уже пользовались. Она моя. После закрытия я убираю ее с витрины. Это только для показа.

— Гм. И сколько же времени...

Старик снова зашел за прилавок и вытащил трубку с вырезанным на ней лицом, очень красивым женским лицом. Длинные волнистые волосы ниспадали на плечи.

— Я курил Жизель двадцать шесть лет. Но долго она уже не выдержит. Год, полтора, а потом матрица приятно темнеет. Но все равно, это очень долго для длинных трубок.

— Она проживет еще дольше, если курить не только ее. Сколько?..

— Вы убедитесь в том, сэр, что дома вы будете курить только эту трубку. Опаловый сепиолит не изнашивается после нескольких тысяч затяжек. А в путешествия лучше всего брать трубку из вереска.

Занятно. В путешествие ты берешь дешевые трубки, и, разумеется, небольшие. Длинные трубки менее удобны, но лучше курятся. Однако большинство из трубок на витрине были карманного размера.

— У вас есть где-нибудь еще трубки побольше?

— Нет, сэр, это все, что у нас имеется.

— Гм. И сколько стоит вот эта большая?

— Девять сотен крон. — Хозяин магазина двинулся к прилавку. Трубка имела вид головы животного, отдаленно напоминающего слона.

— Слишком дорого. Я видел более искусную резьбу, — сказал Реннер.

— На опаловом сепиолите?

— Что вы, нет. Скажите, а трудно делать резьбу?

Старик улыбнулся.

— Вообще-то — нет. Местные умельцы. Может быть, вы хотите купить необработанную трубку, как эта. — Реннер увидел очень большую трубку, с чашкой крупнее его кулака, с длинным чубуком и коротким мундштуком. — Возьмите ее на другую планету. Отдайте ее там хорошему резчику.

— И сколько?

— Тринадцать пятьдесят.

Для Кевина это были не деньги. Хотя через его пальцы проходило и не очень много денег. Несомненно, он получит пенсию в ИВКФ, и может быть занесен в завещание Бери... но ему приходилось вести тщательный учет своим текущим расходам. Поэтому Кевин покачал головой и сказал:

— Нет. А вот эта?

— На других планетах такая трубка стоит дороже. Намного дороже. А когда вы прокурите ее, цена только поднимется. — Старик поколебался, затем произнес: — Двенадцать сотен.

— А за тысячу не отдадите?

— Нет. Загляните в другие магазины. Вернетесь, если передумаете.

— Ладно, грабьте. Продайте мне ее. А табак у вас имеется? — Кевин вытащил карманный компьютер и дожидался, пока хозяин сверял денежный перевод, заворачивал трубку, протягивал через прилавок. И добавил жестянку с местным табаком. Бесплатно.

Кевин помнил, о чем ему еще хотелось спросить... и внезапно понял, что этого делать нельзя. Он лишь усмехнулся и промолчал, пока старик, возвратив ему ухмылку, не произнес:

— Никто не знает.

— Да ладно, и как же их доставляют?

— Частные корабли. Люди улетают, а потом возвращаются с камнем. Неужели вы думаете, что их можно заставить что-нибудь рассказать?

— Ну... а?..

— В Питчфорк Ривер много всяких криминальных типов. Они не контролируют опаловый сепиолит, и никогда этим не занимались. Мои поставщики говорят, что сами не знают, откуда его доставляют; они всегда приобретают его где-то в другом месте. Я слышал это так часто, что уже начинаю верить этому. Некогда я помогал деньгами некоторым геологам, когда был моложе. Они так ничего и не обнаружили. В общем, выбросил я тогда деньги коту под хвост.

— Да уж, скверное дело.

— Вы не отыщете ни одного магазина, торгующего только опаловым сепиолитом. На него можно наткнуться случайно, время от времени. Вот уже двадцать лет не обнаруживается нового источника, поэтому он такой дорогой. Кое-кто из нас считает, что он приходит с севера. Ведь север — более геологически активен, и корабли вылетают главным образом в том направлении.

* * *

— Однако они охотно поторговались бы, — сказал Реннер своему карманному компьютеру, предварительно поставив его на «ЗАПИСЬ». — Еще двое посредников предлагали мне сделку. Это уже трое из четверых. Полагаю, они вот-вот ожидают нового поступления. Цена сразу упадет. Это будет соответствовать отмеченным вами циклам: медленное повышение в цене, затем пик, потом — резкое падение, и так — примерно каждые двадцать лет.

Он выключил компьютер и спрятал его во внутренний карман. Затем поймал такси, проехал некоторое расстояние, расплатился и вышел. Реннер находился на узенькой клинообразной опушке небольшого ухоженного леска с аккуратно подстриженными деревьями. Это был Таннер Парк, рядом виднелся мост, с которого открывалась северная часть города.

Перейдя мост, Реннер увидел бар, располагающийся чуть ли не в трущобах; дома стояли очень близко друг к другу. Выбоины в тротуаре и выбитые лампочки в фонарях наводили на грустные мысли. Ясно, что здесь давным-давно не производилось никакого ремонта, а уровень преступности был очень высок. Реннер даже пожалел, что отпустил такси. И медленно побрел по улицам, выискивая то, что хотел увидеть.

Его взору предстала вывеска: «Магический червь». Ее присобачили к стене высокого бетонного здания, разрисованного кричащими и вызывающими граффити. Неужели здесь он надрался в стельку в позапрошлую ночь? Впрочем, какое это имеет значение? И Кевин вошел внутрь.

Середина дня. Народу совсем немного: четверо у стойки бара, двое — за большим столом. Ни одной женщины. По виду — работающие: удобная, прочная одежда. Реннер заказал «Водные крылья» и удобно откинулся на своем месте, чтобы впитать в себя атмосферу заведения.

Безусловно, здесь находились те, кто грабит туристов...

Однако никто не шевелился. Словно Реннер был человеком-невидимкой.

Он развернул свою покупку. Осторожно набил чашечку трубки табаком и прикурил.

Когда на тебя откровенно глазеют — это считается оскорблением. Однако никто даже не посмотрел в сторону Реннера. Тем не менее он почувствовал, что остальные посетители бара начали осознавать его присутствие. И тогда Реннер громко сказал:

— Старик оказался прав. Ужасная дрянь, а не табак!

Это было истинной правдой.

— Вот уж не знаю, — проговорил бармен, а дюжий парень, занимающий сразу два стула, сказал:

— Угу!

На нем было несколько слоев одежды, как у охотников, которых Реннер видел в позапрошлую ночь. Одетые так, чтобы защититься от холода, они носили все это на себе, поскольку это был самый простой способ носить с собой одежду.

Реннер выглядел несколько смущенно.

— Упс. Я забыл спросить...

— В «Магическом черве» курение разрешается, — произнес бармен, вознося большой палец к высокому потолку, где медленно вращались вентиляторы. — А если пройдете чуть вперед, то найдете там место классом повыше. Я бы предложил вам выпить скеллиш, на пробу. Или «B&B».

— Тогда плесните мне скеллиша, с газировкой в придачу. И всем остальным. И вам тоже.

— Благодарю от имени заведения, — произнес бармен.

— Отлично! — сказали шестеро посетителей, и в баре сразу стало оживленно.

Один из охотников поднял свой стакан в направлении Реннера.

— Вы заходили сюда... позапрошлой ночью?

— В среду, — уточнил бармен. — Здесь у нас изредка торгуют вещами с других планет. — Его голос звучал дружелюбно, но в нем чувствовался вопрос.

Реннер пожал плечами.

Охотник подошел к столику Реннера.

— Не возражаете?.. Благодарю. — Он сел и пристально посмотрел на трубку Реннера. — Хм, уверен, что она не сломана.

— Иногда все же везет, — усмехнулся Реннер. Старый словесный трюк, подразумевающий, что *кому-то* может улыбнуться удача. — Я пилот одного богача. Строю из себя туриста, когда прилетаю на какую-нибудь планету, в то время, когда Бери рвет изо всех сил задницу, чтобы зашибить побольше денег.

— Если вам нужен местный колорит, то вы не ошиблись, заглянув именно в это место. Меня зовут Аджакс Бойнтон.

— Кевин Реннер.

— Сэр Кевин, — сказал Бойнтон. — Я видел вас по тривизийному телевидению. Эй, парни, у нас здесь знаменитость!

— Подвинь-ка стул поближе, — усмехнулся Реннер. — Расскажи мне какую-нибудь захватывающую историю. — Он махнул рукой бармену, который находился на почтительном расстоянии от них. — Всем еще по одной!

К ним присоединились еще четверо. Двое заказали натуральный апельсиновый сок. Они представились как братья Скотт, Джеймс и Дарвин.

— Неужели до меня так медленно доходят эти штуки? — осведомился Реннер.

— Есть немного, — ответил Дарвин Скотт. Он повел широченными плечами. — Охота на снежного призрака — очень рискованное дело. Но стоит отловить одного — и, считай, деньги у тебя в кармане, но это бывает нечасто.

— А потом что?

— Потом дожидаешься того, кто снабдит тебя всем необходимым для охоты, — ответил Аджакс Бойнтон. — Хотите вложить немного денег?

Реннер выглядел задумчиво.

— Честно говоря, мне бы хотелось иметь собственную шкуру снежного призрака, и еще мне бы хотелось самому завалить его. Во сколько это мне обойдется?

— Четверть доли обходится в пять сотен, — ответил Бойнтон. — Пятьдесят процентов — в тысячу.

— Почему...

— Со снаряжением за тысячу крон у нас больше шансов добыть призрака.

— О! Это вполне правдоподобно.

— Ну как, все еще интересуетесь?

— Разумеется, раз уж я собираюсь пойти вместе с вами.

Бойнтон выглядел раздраженным.

— Охота на призраков — это работа не для пижонов. Мы иногда теряем людей.

— Вы постоянно так говорите. Про инфракрасное оборудование, про...

— И про сонар, и про самые лучшие акустические приборы, черт подери! — подхватил Джеймс Скотт. — И мы теряем людей, потому что до севера очень долгий путь. А полярное сияние сбивает электронные приборы к дьяволу! И...

— И призраки очень быстро передвигаются, — вмешался его брат. — Они зарываются в снег рядом с корнями деревьев, где их не может «достать» сонар. Они так глубоко закапываются в снег, что ни один прибор с инфракрасными лучами не способен их обнаружить. И еще они умеют плавать под снегом быстрее, чем вы ходите. Забудьте об этом, мистер.

— Посмотрим. Итак, я возвращаюсь к вам с оборудованием ценою в десять тысяч, которое затем оставлю вам, когда мой корабль взлетит. Хороший мех снежного призрака стоит... сколько? Непосредственно у вас, а не у торговца.

— Я бы отдал примерно за двадцать тысяч, — сказал Дарвин Скотт.

Источники Реннера оказались точными.

— Итак, объявляю еще двадцать тысяч, когда вернусь, и объявляю это поощрительным призом за то, что новичка — то есть меня — доставят обратно живым. Итого — тридцать тысяч. — Они изо всех сил старались удержать каменное выражение на лицах, но Реннер уже не сомневался, что заинтересовал их своим предложением. — Если все пройдет именно так, то вы сохраните ваши шестьдесят процентов, но я надеюсь, будете снисходительны к еще одной, если угодно, прихоти.

Трое мужчин вздохнули. Реннер продолжал:

— Понимаете, я не вижу никаких причин не пойти охотиться на снежных призраков туда, где я бы случайно мог наткнуться и на опаловый сепиолит.

Трое мужчин с трудом скрывали улыбки. Аджакс Бойнтон первым нарушил тишину:

— И я тоже не вижу никаких причин. Если вам известно такое место, то я скажу вам, есть ли там снежные призраки.

— Тогда давайте искать карту.

Глава 4. Снежный призрак

Не видишь ли, как твой Господь
Протягивает тень (и движет ею)?
А будь на то Его желанье,
Ее бы неподвижной сделал Он.
Потом Мы солнце сделали водителем ее.

Коран, Фуркан, 47

— Это разумно? — осведомился Бери, делая глоток кофе и изучающе глядя на карту, укрепленную на стене. — Безусловно, это будет некомфортабельно.

— Я люблю комфорт, — пожал плечами Реннер. — Но, послушайте, если я раздобуду мех снежного призрака, мне постоянно будет тепло.

— Носи синтетический мех, он намного дешевле. А что это за район между глетчерами?

— О, черт подери, Бери! Откуда вам известно, что Реубен Фокс что-то скрывает, хотя он не крал и не брал взяток? Мозги, инстинкт и хорошее техническое снаряжение. Его мне доставили после полудня. Я потолковал кое с кем. Братья Скотт переключились с апельсинового сока на чай... В «Магическом черве» есть разновидность магического кофейника. Гилби делает литр чая, а потом пропускает кофеин через стенки фильтра. На все уходит пять минут.

— Это скорее влияние мошкитов.

— Удравших прямо с ваших кораблей, Гораций! Господи... Я указывал на разные части карты, и все это находится в областях, где царит северное сияние, но регион достаточно велик. Снежные призраки? Да? Нет? Может быть, они никогда не обитали здесь, а охотятся на них там. Год назад там побывал мой брат.

— Мне бы хотелось, чтобы ваша сделка прошла очень быстро, Кевин.

— Немедленно, уверяю вас. Бойнтон сказал, будто слышал, что опаловый сепиолит приходит из-под глетчера Рука. Братья Скотт отрицали это, говорили, что его разыскивал их дядя или кто-то там еще, и, кроме того, в том месте охотились на снежных призраков двадцать лет назад. Тогда я продолжил показывать на карту, и отмечал на ней на другое место, и каждый раз братья Скотт соглашались, что там, вероятно, я найду снежного призрака.

— Ага...

— В глетчере Рука что-то есть, это точно! Мормонам об этом известно, а вот Бойнтону — нет. По правде говоря, там может *оказаться* опаловый сепиолит. Под глетчером. Нужно дождаться, пока глетчер сдвинется; вот почему на рынке эта штука появляется совершенно случайно.

— Если бы это давало что-то для геологических исследований, я бы не удивился, но тебе-то зачем эта штука?

Реннер развел руками.

— С одной стороны, там холодно и уныло. С другой стороны, источник опалового сепиолита находится под большим секретом, а мы ведь разыскиваем всякие секреты, не так ли? Тотчас же на ум приходит хватательная рука... — Реннер заметил, как по телу старика пробежала судорога. — Так вот, если вспомнить о хватательной руке, то эти секреты могут оказаться очень интересными. Что нужно Горацию Бери? Опаловый сепиолит? Или что-нибудь еще?

— И ты доверяешь тем компаньонам, с которыми познакомился в баре... — скептическим тоном произнес магнат.

— Я поручил Руфь как следует «прокачать» их по своим каналам. Так вот. Бойнтон и братья Скотт хорошо известны. Неприятностей с полицией у них не было, если не считать, что как-то после удачной охоты Бойнтон крепко нализался и его забрали в участок. Что касается «Магического червя» — это заведение, где часто толкутся охотники в поисках людей, которые спонсировали бы их охоту.

— И все же...

— Вы можете предложить какой-нибудь ход получше?

— Да, и не один. Кроме того, я знаю различные способы поисков. — Бери жестом указал на свое передвижное кресло. — Безусловно, ты лучше подходишь для этого дела, нежели я. Но, Кевин, в этом районе не будет никаких средств связи. Команда «Синдбада» могла бы попытаться проследить за тобой, но я не уверен, что они добьются успеха.

— Нет мужества — нет славы, — усмехнулся Реннер. — Кроме того, я поручил Бойнтону и братьям Скотт присмотреть за мной. Каждый получит еще по пять тысяч, если я возвращусь живой. Каждый получит по десять тысяч, если я раздобуду снежного призрака. Так что же здесь не так?

* * *

Острые края глетчера окаймляла голая каменистая почва. Эти унылые пустынные участки тянулись на расстояние от нескольких метров до нескольких километров, а потом исчезали в снегу. Охотники пролетели мимо небольшого скопления зданий, притулившихся на самом краю глетчера. Затем миновали два строения, одно — широкое и низкое, второе — высокое и массивное. С обнаженных неровных полян поднимались туман и пар, создавая над этими участками толстенное облако, так что город был почти не виден.

— Сион, — пояснил Аджакс Бойнтон.

— Выглядит занятно, — заметил Реннер и прикинул, что население городка — возможно, тысячи четыре человек, а то и меньше.

— Для вас, — сообщил Дарвин Скот. — Для нас здесь — один из Истинных Храмов. Но здесь поблизости не бывает ни снежных призраков, ни опалового сепиолита.

— Конечно, — согласился Бойнтон. — Но эта штука добывается где-то неподалеку.

— Почему ты так считаешь?

— Известно, что отсюда приходит нефрит.

— Известно, что так говорят люди, — произнес Джеймс Скотт. — Но я еще ни разу не встречал человека, который бы что-нибудь обнаружил.

— Встречал! — возразил Аджакс Бойнтон. — Ральф... Как же его?.. Ральф... черт подери, забыл! Он приходил в «Червь» и поил все заведение.

— Ага, а на следующий день он купил билет до Тэйблтопа, — сказал Джеймс Скотт. — Я просто о нем забыл. Что ж, значит, и нам может привалить удача!

— Никогда не предполагал такого, — заметил Бойнтон. — Ральф... Ральф Племмонз, вот как звали этого парня. Я не был с ним знаком, и мне даже в голову не приходило, что он вдруг возьмет и покинет представительство. — Он посмотрел на дисплей карты, находящийся на навигационном экране флайера. Та-ак. Еще пятнадцать градусов на юг, потом — двадцать на восток. Я знаю одно хорошее местечко.

Реннер рассматривал неровную, шероховатую местность, расстилающуюся внизу. Повсюду виднелись холмики, кочки, но в основном ее покрывал редкий лесок. Этим деревцам-зонтикам явно не хватало пространства. Местность, соседствующая с глетчером, была затянута дымкой тумана, но вдалеке воздух казался чистым. На редких полянках из снега торчали кусты и верхушки низкорослых деревьев.

— Да где же этот твой участок? — осведомился Реннер.

— Твой участок на озере, — парировал Дарвин Скотт. Он коснулся кончиком светящегося карандаша местности, на которую указал Бойнтон. Их летательный аппарат немного поднялся и сменил курс. — На *мелком* озере.

— Почему — мелком? — спросил Реннер.

— Снежные призраки — не единственные твари, которые пожирают людей, — пояснил Джеймс Скотт. — Бойнтон здесь потерял партнера. Им пообедал пресноводный сесил. Ты уверен, что это не то самое озеро?

— Черт подери, конечно нет! Я же говорил Брэду, что озеро было слишком глубоким, — сказал Бойнтон.

Спустя пятнадцать минут Джеймс Скотт перевел флайер на ручное управление. Он снизил скорость и повел его к круглой площадке, на которой не росло ни единого дерева.

Трое охотников при помощи биноклей изучали озеро. Снежный покров был совершенно ровным.

— Что ж, пока все нормально. Никаких следов или дыр, — произнес Бойнтон.

Скотт еще снизил скорость и посадил флайер на замерзшую поверхность озера. Он несколько раз проехался по периметру водоема, пока не вырулил на самую середину.

— Вам хотелось немножко поутромбовать снежок, — усмехнулся он. — Прошу вас, у вас целое поле. Так утрамбуйте его.

— Так чьего партнера сожрали в его спальном мешке? — поинтересовался Реннер.

Они просто посмотрели на него.

— *Никто* еще так тупо не шутил, — мрачно проговорил Бойнтон.

Тем временем братья Скотт разворачивали тент и надували его воздухом. Он оказался больше флайера.

— Аджакс, ты что, пытаешься разорить этого парня? — спросил Дарвин Скотт.

— Разумеется, я купил его, — вмешался Реннер. — Он выглядит очень комфортабельным.

Дарвин Скотт посмотрел на тент и расхохотался. От смеха его легкие наполнились холодным воздухом.

— Конечно, эта штука очень удобна. Реннер, вы даже *представить* себе не можете, насколько комфортабельна охота на снежных призраков!

* * *

Карманный компьютер Реннера тихо запищал, давая ему знать, что «Синдбад» находится где-то над ним. Он приложил компьютер к уху, но услышал только статические разряды. Реннер пожал плечами и проговорил в крошечный микрофон:

— Не думаю, что кто-то меня слышит. Сообщить нечего. Мы сидим среди сугробов в тридцати градусах от лагеря и ни черта не видим. Ни одной твари еще не показалось. Под самым краем глетчера имеется множество пещер. Их даже слишком много. Понадобится год, чтобы исследовать их.

Никого не волнует, если мы пойдем по направлению к Сиону, не считая Бойнтона, которому явно не нравится то, какая я сладкая задница, потому что мне хочется вернуться в город, а не охотиться на призраков. Я сказал ему, что если здесь есть опаловый сепиолит, то, значит, поблизости должны быть люди. Поэтому я бы исследовал город получше, чем это было сделано.

Когда мы прошли больше сорока километров южнее Сиона, братья Скотт задергались. Там же мы обнаружили весьма любопыт-

ную трещину в глетчере Рука. Хотя это вполне может оказаться игрою моего воображения.

Закончив диктовку, Реннер спрятал компьютер в карман своей парки и побежал через снежные заносы, чтобы догнать Дарвина Скотта. Пронизывающий ветер дул ему в лицо. Реннер натянул воротник парки до самого носа, поправил защитные очки и подумал о том, согреется ли он когда-нибудь, несмотря на миниатюрные электрообогреватели, встроенные в сапоги и рукавицы. Он чувствовал, что его подозрения глупые и необоснованные, но не понимал, почему ему кажется, что что-то не так. *Ошибка в выбранной позиции? А что, если это тупик? Продолжай улыбаться, притворяйся, что для тебя это веселое развлечение. Ты сам раздобудешь мех этой чертовой твари. Представь, что рядом с тобой коммандер Коэн.*

Еще пятнадцать минут они пробирались на юг, затем Скотт остановился. Когда Реннер очутился рядом с ним, Скотт вытащил снегоступы.

— Отсюда начнем медленно спускаться. И без разговоров. — Скотт указал на кромку леса, виднеющуюся примерно в километре от них. — Может быть — там. Страна снежных призраков.

— А они не услышат, как мы подойдем?

— Услышат, — ответил Скотт. — И будут наблюдать за нами. Большинство удерут при виде двух парней с винтовками. А при виде четверых удерут все.

— Они могут передать друг другу, что мы вооружены?

— Некоторые так говорят, — пожал плечами Скотт. — Я этому верю.

— Ты говорил, что удерут.

— Какой-нибудь голодный, может, и не станет. А теперь — без разговоров. Они их не любят. Не знаю, почему.

Несколько минут Реннеру понадобилось, чтобы разобраться со снегоступами, оказавшимися короче и шире, чем лыжи. Чтобы привыкнуть к новой «обуви», он немного подвигался на них, шаркая и отталкиваясь при помощи палок. Джеймс Скотт старался помочь ему и при этом еле сдерживал усмешку. Тяжелая винтовка за спиной у Реннера своим весом несколько облегчала ему путь, когда они миновали эту чертову поляну, усыпанную костями. Крупными, во всяком случае больше, чем кости коровы. Или человека.

Реннер с завистью думал об Аджаксе Бойнтоне, оставшемся под тентом с горячим чаем и бренди. Бойнтон не верил, что в этом районе водятся снежные призраки.

Они добрались до оконечности леса, и Скотт жестом указал Реннеру как можно быстрее уйти влево.

Реннер взглянул на хронометр и понял, что они со Скоттом очень быстро преодолели это расстояние. Для него это было сложной задачей: Джеймс и Дарвин больше не задерживались и не дела-

ли ему никаких уступок. Вполне возможно, что у него создалось неверное впечатление. Может быть, до этого они просто решили быть к новичку снисходительными. А возможно, просто-напросто ничего не скрывали.

Они углубились в лес. Место выглядело необычно. Время от времени попадались голые клены с Земли и деревья-зонтики. Реннер заметил торчащую из снега метров на двадцать какую-то высокую упругую штуковину с корой, густо покрытой пухом. Она то опускалась, почти касаясь своей верхушкой снега, то выпрямлялась снова. Когда они подъехали к ней ближе, Кевин отметил, что деревья в этом месте растут примерно в трех метрах друг от друга. Наверное это был подлесок, большей частью засыпанный снегом.

Снегоступы Реннера постоянно что-то задевали, и он спотыкался. «Так и ногу сломать недолго», — подумал он с раздражением.

Время от времени Дарвин Скотт останавливался и опускал в снег длинную палку. На ее конце имелся указатель метров и гнездо для наушников. Дарвин прислушался, затем махнул остальным рукой, чтобы они продолжали идти вперед.

Снег, покрывавший подлесок, вполне мог скрывать под собою призрака, подумал Реннер. Он уже видел голофильм о призраках, где было снято, как они действуют; к тому же Кевин знал, как они выглядят, ему была знакома форма их тела. И он даже видел силуэты, которые *могли быть* призраками... и уже было прицелился, а Джеймс отрицательно покачал головой и усмехнулся...

У этих тварей четыре сердца, а в каждом — по два желудочка. Разрывные пули могут попортить мех. Пуля, выпущенная в туловище, может убить. Можно попасть в одно из сердец, но тогда сама добыча станет представлять немалую угрозу. А самое сложное — это попасть ему в голову.

Джеймс остановился. Прицелился. Дарвин энергично кивнул.

Возвышение на снегу было еле заметным. Кевин Реннер пристально смотрел на него, пока еще не подняв ружья, однако силуэт не прорисовывался... ага, ты мог бы обнаружить там нечто симметричное, и если тварь скрывается под снегом, сложив лапы на туловище... а потом... Джеймс и Дарвин оба прицелились в холмик, но они чего-то ожидали. Что же будет? Кевин направил ружье вперед и дважды выстрелил в самый центр холмика.

Оттуда появилась голова, три лапы и толстая шея. Тварь зашаталась, затем повернулась, чтобы посмотреть на них. Уголком глаза Кевин увидел, как братья Скотт стремительно побежали. Когда Кевин отскочил в сторону, приготовившись выпустить еще один заряд, Дарвин дико заорал:

— Беги!

Животное встало на задние лапы. И неуклюже двинулось прямо на него. Оно передвигалось быстрее, чем это могло показаться с

первого взгляда, и тогда Кевин бросился бежать, но вдруг передние лапы зверя подогнулись и огромная туша заскользила по снегу. Животное пыталось подняться, и Реннер наугад выстрелил в него через плечо, угодив зверю в туловище. Затем выстрелил еще раз.

Снежный призрак остановился, по-прежнему подняв голову и раскачивая ею из стороны в сторону. Он пытался сфокусировать взгляд на противнике. А потом его голова рухнула на снег.

* * *

Они соорудили из толстых палок каркас, чтобы подвесить за него зверя. Джеймс и Дарвин аккуратно освежевывали его, а Реннер тем временем по своим же следам отправился к снегоходу. Он вернулся смертельно усталым. Братья сняли со зверя шкуру и вычистили его брюшную полость от кишок и прочего содержимого. Реннеру стало любопытно, из чего состоит чужеземный зверь, но острые ножи братьев довели его внутренности до полной неузнаваемости.

Кевин отдыхал, когда Скотты вернулись, чтобы сменить транспортные средства на другие.

В этот день Реннер отдыхал в последний раз. Потом он помогал сворачивать окровавленную с внутренней стороны шкуру, и заворачивать ее в специальную пластиковую пленку. Очистив каркас, они насадили на него мясо зверя и уложили все в два снегохода. Свернутый мех вызывающе торчал из мешка на спине у Реннера.

Дарвин похлопал Кевина по спине.

— Теперь мы можем возвращаться. Отличный выстрел, мужик. Похоже, тебе удалось разорвать одно из сердец, а остальное доделал шок от потери крови.

— Как я мечтаю долго-долго отдохнуть на курорте, — проговорил Реннер, чувствуя себя будто пьяным.

Дарвин выглядел встревоженно.

— Может, вам лучше проехаться? Мы оставим один снегоход, а потом вернемся за ним.

— Не стоит, со мной все в порядке, — успокоил его Реннер. Он понимал, что на снегоходе слишком мало места для двоих человек и останков зверя. Реннер ощущал гордость, что сумел справиться с усталостью. Они ведь не планировали завалить такого громадного призрака!

— Вы можете как следует передохнуть в Сионе, — сказал Дарвин. — Завтра.

— Эй, а почему так скоро? Завтра мы могли бы завалить еще одну зверюгу. К тому же меня все еще интересует, где находится опаловый сепиолит...

— Мистер Реннер, эту шкуру нужно как следует обработать, прежде чем начнется гниение. А мясо следовало бы продать, пока оно не протухло. Просто вы еще ни разу не имели дела с мясом снежного призрака или мясом еще какого-нибудь зверя из тех, что водятся только на земле Максроя. Его надо есть только свежим.

— Ах вот оно что!

Они преодолели около шести миль, прежде чем за ними вернулся снегоход. Реннер подумал, почему бы им просто не разбить лагерь, — но не спросил об этом. Прогулка пешком позволила ему как следует прочистить мозги, и теперь в его голове роилось несколько весьма интересных мыслей.

* * *

Бойнтон при виде туши выругался:

— Черт подери, ни за что бы не поверил! В этом месте охотились пять лет назад. Как вам удалось так быстро поднять такого здоровяка?

Братья лишь молча улыбались, продолжая трудиться. Безусловно, здесь хватало работы для четверых. Они разложили костер; накололи дров и изготовили специальную платформу, чтобы перевесить через нее тушу. Солнце уже начинало садиться, и в наступающих сумерках жареное мясо издавало восхитительный запах. Реннер подумал о том, что своим незнанием мог бы все испортить.

Он чувствовал гордость за себя. Ты ешь мясо убитого тобою призрака, о котором раньше только слышал. Если бы ты потерпел крах, то теперь бы открывал консервы.

— У меня такое ощущение, словно меня облапошили, и я не знаю, как и почему, — продиктовал он своему карманному компьютеру. Нельзя ничего узнать, не пройдя через это. — Наверняка там есть еще много чего. Но завтра мы возвратимся в Сион, а пока я буду выискивать какой-нибудь способ узнать обо всем побольше.

Реннер закрыл компьютер. Он был голоден как волк. Мясо будет готово как минимум через час. Интересно, будет ли оно таким же вкусным, как в губернаторском дворце?

Оно недостаточно высушено, недостаточно поджарено, но зато намного свежее. Так называемый «соус» тоже имелся: дикая усталость и голод. Четырех человек явно недостаточно, чтобы справиться с таким количеством мяса.

Так много мяса! Он щелчком открыл крышку компьютера. Черт подери, где-то на полпути к горизонту болтается корабль.

— Призрак — отличная еда! — продолжил он диктовку. — Почему же он не нападал, как тот, которого мы видели на голограмме во дворце? Я не разорвал ему сердце напрочь. Он еще слишком долго жил. Он вел себя... как будто наглотался наркоти-

ков. И, похоже, братья Скотт не очень-то утомились его искать. Если я не вижу миражи — значит, в это дело вовлечено много людей. Это важно.

* * *

Они разобрали тент и погрузили его вместе со шкурой, а также снегоходами в грузовой отсек флаера. Мясо снежного призрака укрепили на распорках, поддерживающих посадочные лыжи. Бойнтон взобрался на сиденье пилота.

— Эй, — окликнул его Дарвин Скотт.

— Черт подери, я улетаю, — отозвался Бойнтон. — Я ведь больше ничего не делал, чтобы оправдать свой заработок. Вот сукин сын, никогда не поверил бы, что в этих краях водился такой здоровенный призрак. Дальше на юг — сколько угодно, но только не здесь.

— А почему мы не приземлились дальше на юге? — сразу спросил Реннер.

— Слишком большие озера, — ответил Бойнтон. — Большинство их них образовались благодаря теплым течениям из вулканов. И многие даже не замерзают, притом они очень *глубокие*. Нужно отправиться туда, приземлиться и еще довольно долго шагать на снегоступах. — Он сплюнул через окошко. — Что я и планирую в следующий раз сделать. Сукин сын!

Джеймс рассмеялся.

— Реннер? Мне хотелось поглядеть, как вы поведете себя, когда мы окажемся перед лицом реальной угрозы. Честно говоря, не ожидал я там встретить снежного гостя.

Братья Скотт тоже взобрались в самолет. Джеймс занял сиденье справа от Бойнтона.

— Вообще-то я летчик, — заметил Реннер.

— В следующий раз, — произнес Джеймс Скотт. — Тут могут возникнуть сложности, тем более что самолет перегружен...

— Он прав, — согласился Бойнтон. — Вы хоть раз в жизни летали на таких штуках?.. Не думаю. Проверю вас, когда полетим в Сион. А сейчас мы должны поскорее доставить шкуру туда, где ее обработают как надо. Это очень большая шкура.

Реннер устроился позади Джеймса Скотта и дождался, пока Бойнтон запустит самолет.

— Эй, Аджакс, пролети над тем лесом, где я загасил призрака, — попросил Кевин.

— Ладно, — ухмыльнулся тот. — Хочешь сам взглянуть, точно?

— Вообще-то, мы должны поскорее добраться до места, — проговорил Дарвин Скотт.

— Черт, человек хочет посмотреть на то место, — возразил Джеймс. — Сам понимаешь. Отличный выстрел, мистер Реннер.

— Мы только сделаем круг и отправимся дальше, — сказал Дарвин Скотт. — Хорошая шкура, — прибавил он тихо.

— Точно, — кивнул Бойнтон.

Этой ночью шел легкий снежок, но Реннер все равно смог в некоторых местах кое-что различить. Местность, где они сели, явно было отмечена, на ней виднелись следы от снегоступов.

— Должно быть, поднимется ветер, — пробормотал Бойнтон.

Реннер нахмурился. Бойнтон оказался прав. На деревьях лежало совсем немного снега. В лесу, растянувшемся поблизости от того места, где они приземлились, снега было намного больше. Но здесь было меньше деревьев и больше открытых пространств. Гм?

— Давай-ка прямо вниз, — проговорил Джеймс Скотт. — Сюда, это займет минуту. — Самолет чуть поднялся и тугою спиралью пролетел над тем местом, где Реннер одержал победу над призраком.

Бойнтон находился в верхней части самолета. Он вытянул шею и посмотрел влево.

— Какого черта?..

— Что такое? — резко спросил Реннер и, подойдя к Бойнтону, проследил его взгляд.

— Следы?

Снег на южной стороне леса был весь истоптан и измят. Виднелись полоски от лыж снегоходов, следы человеческих ног, а чуть поодаль расплывчатый круг. Всем стало понятно, что в этом месте садился, а потом поднимался вертолет. «Не лес — а проходной двор», — подумал Реннер и сказал:

— Лады, тогда полетели...

Дарвин Скотт двинул локтем Реннера в живот. Реннер даже задохнулся от боли и неожиданности. Затем его легкие наполнил тошнотворно сладкий аромат. С глупым выражением лица Реннер откинулся назад.

«Спокойн... Сэм», — пробормотал он.

— Какого черта? — взревел Бойнтон.

— Мой языческий друг, ты ничего не видел, — проговорил Дарвин Скотт.

— Языческий? Какие-нибудь церковные дела?

— Он — не иноверец и не язычник, — сказал Джеймс Скотт. — Впав в грех, он отошел от Церкви, но рожден он был для нее.

— Мне следовало подумать об этом, — произнес Дарвин.

Какая-то часть разума Реннера подсказывала ему, что Бойнтон вел себя довольно странно, но он даже представить не мог, что так поведут себя Скотты. Когда самолет поднялся выше, голова его закружилась. Он с силой тряхнул ей, и тут заметил в руке Дарвина пистолет. Реннер глупо хихикнул.

— Если что, пользуйся спреем, — произнес Джеймс Скотт. — Я веду самолет.

— Эй, мне неохота стать хихикающим идиотом, — сказал Бойнтон. — Послушай, если это дело касается Церкви... черт... отдайте мне шкуру и мою долю экипировки — и вы больше обо мне не услышите. Я скажу, что мы поймали призрака, а этому чуваку захотелось поохотиться еще, поэтому мы и разделились. Вы повезли чувака на известное вам место и не хотели, чтобы я узнал — куда. В конце концов, это ваше дело, так ведь?

— Все должно выглядеть очень правдиво, — сказал Дарвин Скотт. — Нам надо подумать.

— Пока вы думаете, мы летим неизвестно куда, черт возьми! — заорал Бойнтон.

— В пригороде Сиона есть одно маленькое озерцо, — ответил Дарвин Скотт. — Приземлимся там.

Глава 5. Истинная Церковь

Идите же вперед, Святые,
Вы не боитесь тяжкого труда,
И ради Благодати дня
Оставьте мысли об опасности пустые...
Не лучше ль приложить усилья,
Заботы бесполезные покинут вас,
Сердца, избавившиеся от унынья,
Дождутся радости безмерной и восторга час!
Все будет хорошо, все будет хорошо!

Гимн Церкви Иисуса Христа
святых последних дней

В глазах Руфи Коэн заплясал свет крошечной красной лампочки, затем, не успела девушка коснуться звонка, массивная дверь отворилась. Дворецкий был одет традиционно. Руфь еще не видела ни одного человека в подобном одеянии, разве что во дворце губернатора и в тривизийных кино.

— Добро пожаловать, коммандер. Его превосходительство ожидает вас.

Руфь с мрачной усмешкой оглядела свое штатское платье.

Дворецкий принял у нее пальто и протянул его второму слуге.

— Его превосходительство в библиотеке, — доложил он и повел ее по залу.

Бери сидел к передвижном кресле, но не за письменным столом, а за игровым столиком с восхитительно красивой инкрустацией.

— Вы простите меня, если я не буду вставать? Благодарю вас. Не угодно ли чего-нибудь выпить? У меня есть изумительная маде-

ра. Правда, боюсь, что она не с Земли, а с Сантьяго, но это, судя по многим откликам, ничуть не хуже.

— Я бы предпочла кофе.

Бери улыбнулся.

— Турецкий или фильтрованный?.. Фильтрованный. Синтия, думаю, «'кона» будет отлично. Я обычно сам его пью. Спасибо. — Бери указал на кресло. — Прошу вас, присаживайтесь, коммандер. Благодарю вас.

— Ваше гостеприимство немного подавляет, — с улыбкой проговорила Руфь.

Выражение лица Бери не изменилось.

— Благодарю, но мне казалось, что дочь вице-адмирала заслуживает лучшего. Итак, чем могу помочь?

Руфь внимательно оглядела комнату с отделанными панелями стенами.

Бери угрюмо усмехнулся.

— Если кто-нибудь услышит меня без моего ведома или согласия, некоторые очень дорогостоящие специалисты об этом пожалеют.

— Не сомневаюсь. Ваше превосходительство, Кевин... сэр Кевин пригласил меня на ужин. Наверняка я не первая девушка, которая перед ним не смогла устоять, но дело было в его рапорте. И когда я позвонила сюда... Похоже, никто не знает, где он. — Она пожала плечами. — Вот я и пришла посмотреть.

Губы Бери изогнулись.

— Надеюсь, вы поставили в известность Имперский Флот на тот случай, если вы тоже исчезнете?

Руфь слегка зарделась.

— Реннер сказал, что вы умны, — произнес Бери и рассмеялся. — Честно говоря, коммандер, я сам собирался вам позвонить. Я тоже не знаю, где он.

— О!

— Вы так выразительно воскликнули. Вы, что, влюбились в моего... гм... ветреного пилота?

— Я не собираюсь разговаривать на эту тему.

— Действительно.

— Предполагается, что он обязан рапортовать вам...

— У меня есть его рапорты. Они записаны, — сказал Бери. — Реннер состряпал план по исследованию малонаселенных областей вместе с тремя охотниками на снежных призраков. Двоих он подозревает. Они вылетели туда три дня назад. С тех пор я не получал ни одного членораздельного послания.

— У вас же корабль на орбите.

— Совершенно верно, и карманный компьютер Реннера запрограммирован так, чтобы время от времени напоминать ему, когда «Синдбад» должен быть над районом их охоты. Как минимум, один

раз мы получили какие-то рассеянные и искаженные сигналы. Мы решили, что это сигналы от Реннера.

— И вы не собираетесь его искать?

Бери указал на свое кресло.

— Мне это, знаете ли, довольно сложно. Что я сделал — это пригласил на обед капитана Фокса.

— А вам известно еще что-нибудь о нашей... проблеме?

— Очень много, и ничего о Реннере, — ответил Бери.

* * *

Реннер обрадовался, что ему завязали глаза, ибо это значило, что его не собирались убить. С другой стороны, это могло означать, что им хотелось что-то от него узнать. А потом уже подумать, расправиться с ним или нет.

Они, конечно знали о хватательной руке. И не забывали о снежном призраке. Они делали неимоверные усилия, чтобы теперь оставить его в живых.

Его мозг был совершенно ясен: наркотик рассеялся. Но он не мог идти. Его крепко-накрепко связали ремнями и потащили от озера, где они приземлились, к закрытому фургону. Лишь один раз кто-то заговорил с ним, когда он попытался узнать, где он находится. Затем чей-то голос, которого он прежде не слышал, произнес:

— Известно, что после двух доз «Спокойного Сэма», принятых в течение нескольких часов, наступает ужасное похмелье. Поэтому тебе лучше не рыпаться.

Реннер решил, что это — неплохой совет, и сосредоточился на том, чтобы вспомнить обо всем, что произошло.

Снежный трактор ехал всего несколько минут, потом Реннера быстро вытащили наружу. Потом они куда-то вошли, затем спускались на лифте, и теперь Кевин ощущал, что они куда-то мчатся, причем то, на чем они ехали, плавно увеличивало скорость.

«Подземный поезд? А эти парни и в самом деле неплохо организованы». Реннер было решил, что ошибся, как вдруг почувствовал, что скорость резко снизилась; затем раздался звук открывающихся при помощи электричества дверей. Кто-то начал говорить, но его резко оборвали.

Они занесли его в следующий лифт, который очень долго спускался; потом его поволокли по длинному извилистому коридору с плавными поворотами, затем Реннер очутился еще в одном лифте, после чего его несколько раз развернули кругом, от чего он полностью потерял чувство ориентации.

— Так, — проговорил незнакомый голос. — Посмотрим-ка, что вы нам принесли. Снимите с него повязку и развяжите.

Реннер словно очнулся после беспокойного сна и заморгал. Он увидел большое и совершенно закрытое помещение с дверьми, но без окон. Он находился на конце длинного стола для совещаний. Ему указали на стул и помогли усесться. Ноги по-прежнему не слушались его.

На противоположном конце стола сидели четверо мужчин. Яркая лампа светила Реннеру прямо в лицо, поэтому он мог разглядеть только смутные очертания сидящих напротив людей.

Рядом с ним стояли братья Скотт. Один из них держал контейнер с уже знакомым Кевину спреем, второй — пистолет.

Они раздели его, вытащили все из его карманов и переодели в чью-то одежду. Испытывая беспокойство, Реннер крепко прикусил губу.

С другого конца стола послышался смешок, потом кто-то произнес:

— Если у тебя есть передатчик, чтобы послать отсюда свой рапорт, то я куплю его у тебя, и неважно, сколько он стоит.

— Сто тысяч крон, — сказал Реннер.

— Я всегда ценю юмор, но у нас слишком мало времени. Ты не хочешь сообщить нам нечто важное, прежде чем мы накачаем тебя серконалом?

— Не-ет, парни, вы из кожи вон вылезете, чтобы оставить меня в живых, — отозвался Реннер. — Вам пришлось отыскать здоровенного снежного призрака, затем гнать его по лесу на север, дождаться, пока он кого-нибудь съест, накачать его наркотиками, пролететь над деревьями на вертолете, расчистить как следует снег внизу, чтобы спрятать его там... Для этого вам понадобилось двадцать, а то и тридцать человек, дюжина снегоходов и вертолет. Действительно, мне выпала великая честь!

— Как вы думаете, что вы обнаружили, мистер Реннер?

— Лучше бы вы спросили так: «Что думает Гораций Бери по поводу того, что мы обнаружили?» Я же считаю это откровенным пиратством. И еще: у вас будет целая куча проблем, которые не оправдают ваших затрат. Религиозные мотивы... Кстати, у меня немного кружится голова.

— Я ожидал этого. Мистер Скотт...

Дарвин Скотт вытащил из рюкзака Реннера бутылку скотча и поставил ее на стол вместе со стаканом.

— Говорят, эта штука помогает.

Реннер накатил себе почти полный стакан и осушил половину.

— Благодарю. Впрочем, лучше бы вы принесли кофе. Кстати, с кем я говорю?

— А... с мистером Старшим.

Реннер попытался усмехнуться.

— Как я уже говорил, религиозные мотивы. Вы понимаете, что прошлой ночью я догадался об этом, после того как до меня дошло,

что призрака накачали наркотиками. Но я по-прежнему не понимаю всего этого. Лучше бы вам бросить эти штучки. И чем быстрее, тем лучше. Бери никогда не интересовал ваш опаловый сепиолит, потому что его никто не обкрадывает. В самом деле, черт возьми!

Силуэт мистера Старшего беспокойно заерзал на своем стуле.

— Все равно это проблема. Большинство моих людей ощущают, что не зарабатывают уважение на Небесах, если ничего не делают. А вы по-прежнему так и не сказали, что вы подозреваете.

— По-моему, время от времени вы добираетесь до «прыжковой» точки на Новую Юту.

Мужчины переглянулись.

— Сохранилось старое описание системы Новая Юта. Это — большая желтая звезда и нейтронная звезда-спутник на эксцентричной орбите. Наверное, Новой Юте понадобились миллиарды лет, чтобы создать кислородную атмосферу после вспышки сверхновой. Однако нейтронные звезды не бывают так долго пульсарами.

В голове Реннера еще больше прояснилось. Конечно, неплохо бы выпить кофе, но и выпивка помогла... к тому же ночью у него имелось время на размышления. И он сказал:

— Бóльшую часть двадцатиоднолетнего цикла нейтронная звезда находится за кометным облаком. Спокойная. Черная. Когда она подходит вниз все ближе и ближе к главному солнцу, то солнечный ветер и метеорные дожди начинают проходить сквозь ужасное гравитационное поле. И она «вспыхивает». А «прыжковые» точки зависят от гравитационных полей. Именно тогда вы и можете добраться до «прыжковой» точки, связь с которой длится, вероятно, не более чем два года. Вот когда вы и импортируете опаловый сепиолит среди всего прочего...

— Хватит! Меня беспокоит, что дело может получить огласку, Реннер, ведь это — очень древний секрет. Эта земля находится не непосредственно на Новой Юте. Истинная Церковь погибла бы без периодических грузов с удобрениями.

Реннер кивнул.

— Но ведь хватательная рука — это Бери. Он считает, что вы водите шашни с мошкитами. Если он и дальше будет думать так... Бери — свихнулся на них, учтите. Он сбросит на вас астероид, а объясняться с Космофлотом будет после.

— Астероид!

— Ага, он ведь боиться их до смерти. Может быть, решит, что с астероидом очень долго возиться и просто-напросто воспользуется водородной бомбой. Иными словами, что бы он ни сделал, это будет ужасно. Затем он без помех очистит Новую Юту, причем в ИВКФ об этом никогда не узнают.

— Он обманом заманил к себе капитана Фокса, — проговорил Старший.

— Если Фоксу известно, где, то Бери об этом узнает.

— Фокс не знает... Но...

— Но ему известно, где находится прибежище ваших «прыжковых» кораблей, — заметил Реннер. — У вас точно будут проблемы. Возможно, я смогу помочь.

— Как?

Реннер подчеркнуто многозначительно оглядел помещение.

— Как вы уже говорили, это — древний секрет. И я удивлен, что он так долго сохраняется в тайне.

— Чтобы его раскрыть, Горацию Бери понадобится совсем немного времени. С его-то деньгами!

— Деньгами, мозгами и паранойей, — добавил Реннер. — Даю вам гарантию, он не поверит ни одному моему слову, когда я буду рассказывать о том, что со мной случилось. Впрочем, неважно, кто ему об этом расскажет. Если я не вернусь, он решит, что в моем исчезновении замешаны мошкиты, и очень быстро узнает, где надо искать. Я так понимаю, что нахожусь под глетчером Рука? Здесь у вас космопорт. Секрет номер один, не так ли? Бери отыщет его.

— А есть ли вообще что-нибудь, чего вы не знаете?

— Бросьте, все сразу сходится, как только вы отправляете основную партию к Новой Юте. — Реннер заколебался. — И еще: честно говоря, я ведь точно не знаю, что вы не якшались с мошкитами. Если же вы это делали, то предали человеческую расу, а за это на вас все же следует сбросить ядерную бомбу.

— Как же мы можем вас убедить? — медленно спросил мистер Старший.

— Очень просто. Мы все выясним за пару часов. А потом я вам скажу. А пока давайте подумаем, что рассказать Бери, чтобы спутать его планы. И шевелите мозгами как можно скорее.

— А потом что?

— Потом мы побеседуем с губернатором. Послушайте, только не делайте сейчас ничего такого, отчего у вас будут крупные неприятности.

— Мы и так совершили достаточно, чтобы нас повесили за государственную измену.

— Формально — да, — согласился Реннер. — Но если повесить каждого, кто поддерживает торговые отношения с внешними, то не хватит веревки. Кстати, единственными убитыми людьми пока были ваши.

— Это безумие, — произнес чей-то хнычущий голос. — Старшие братья, этому человеку известно *все*. Мы не можем отпустить его!

— Мое знание — намного лучше, чем подозрения Бери, — сказал Реннер. — Точнее, знание чего-то. А его превосходительство будет *пытаться убедиться*, я имею в виду, что он обязательно захочет удостовериться, что никто не связан с мошкитами. Как только он

выяснит, что все в порядке, он успокоится, а ему необходимо успокоиться, иначе его будет очень трудно убедить поговорить с губернатором.

— Что может настроить губернатора против вас? — продолжал Кевин. — Небольшая торговля с внешними? Чепуха! Это несерьезно. Джексон только обрадуется возможности подтвердить, что Церковь не представляет для Империи реальной угрозы. Он давно ищет кого-нибудь для переговоров. И послушайте, если Новая Юта погибает из-за нехватки *удобрений*, они *вынуждены* будут присоединиться к Империи. Мы сделаем им соответствующее предложение, пока еще открыта прыжковая точка.

Главный Старший поднялся из-за стола.

— Это надо обсудить. Вам еще что-нибудь нужно?

— Да. Немного кофе из моего рюкзака, — ответил Реннер и тоже встал. Он попытался подвигать бедрами, затем несколько раз сделал обычное упражнение для спины. И не упал. — Похоже, я окончательно пришел в себя. А теперь советую вам осторожнее запускать свой корабль, пока Бери находится на земле Максроя. Ясно?

— Да.

— Отведите меня к нему. Покажите мне корабль, и без всяких споров, телефонных звонков и прочего. И отведите меня к нему *немедленно*. И вы пойдете со мною все.

* * *

— Я не дал им времени одурачить меня с кораблем. В любом случае, они не смогли бы больше ничего предпринять. Они отвели меня прямо к нему. Я осмотрел все, и снаружи и внутри. И не обнаружил никаких изделий Часовщиков. Гораций, я знаю характерные черты мошкитов! Как и их метки! Их руку ни с чем не спутаешь. Изготовляя какую-нибудь штуковину, они заодно выполняют две или три работы. Им неизвестно, что такое прямые углы, вы же помните!

Бери сидел молча, опустив голову, глаза его скрывались в тени.

— Я обнаружил две разновидности кофейников мошкитов. Один удаляет кофеин из чая. Другой, должно быть, появился в последний месяц — во всяком случае, все стыки совершенно новые. Этот «кофейник» предназначен для очистки водородного топлива. Под полем соприкосновения с плотным газом находился сверхпроводниковый слой. На всех троих логотип «Империал Автонетикс».

Руфь Коэн сидела на самом краю стула.

— Они доставили вас прямо оттуда?

— Мне пришлось чертовски постараться, чтобы заставить их сделать это. А до этого... — он махнул рукой и продолжал: — Три разных лифта, но я запомнил весь этот антураж. Они решили сотрудничать. Я уверен на все сто, что они никому не звонили. Когда

мы туда добирались, мистеру Старшему пришлось угрожать охранникам осуждением на вечные муки, и *только morga* те были вынуждены позвонить, чтобы затем меня пропустили на корабль. Я тем временем изучал обстановку снаружи. Но внутри мне удалось побывать всего пять минут. Бери?

Магнат едва приподнял голову.

— Да?

— Вы слушаете меня? Что-то я не уверен! Смотрите, если у вас есть доступ к Часовщикам и Инженерам, и вы...

— Я убил их. И тебе это известно, — произнес он без всякого напряжения. Он выглядел старым. Очень старым.

— Давайте допустим, но только допустим, что здесь — чужие. Так сделайте вид, что доверяете им. Вы же не хотите выпустить их на волю на корабле типа «земля-орбита»? Небольшое усовершенствование в шаттле может удвоить его грузовые возможности! А для контрабандиста такое усовершенствование золоту подобно! Но это был старый корабль; латанный-перелатанный, и все его технические устройства были полностью плодом человеческих рук, кстати, не очень умелых.

Молчание.

— Эти люди не контактируют с мошкитами, мистер Бери.

Бери даже не пошевелился.

Руфь Коэн светящимся карандашом делала пометки на мониторе своего карманного компьютера.

— Кевин, — наконец проговорила она. — Я вам верю, но нам по-прежнему необходимо в этом *убедиться*.

— Вы и позаботитесь об этом, — сказал Реннер. — Они доставили корабль на станцию к колеблющейся прыжковой точке. Пошлите туда небольшой корабль с группой космодесантников, чтобы они проверили их корабль. Полетите с ними сама. Когда они сигнализируют вам, что он «чист», мы тотчас же поговорим с губернатором.

— Это сработает, — промолвила Руфь. — Губернатор Джексон очень обрадуется, если ему удастся убедить Новую Юту присоединиться к Империи без боя, а ведь это можно сделать. Удобрения! Что ж, ведь это не первая планета, у которой проблемы с удобрениями.

— Вот и прекрасно! Учитывая установления касательно мошкитов и вашу репутацию, у нас не возникнет никаких осложнений вынудить капитана Торгесона выслать разведывательный корабль на прыжковую точку. Возьмите с собой одного человека из местной Церкви, тогда вообще не будет никакой драки.

— Охран, — продолжал Кевин. — Тот, кто назвался мистером Старшим — высокопоставленный епископ по имени Охран. Пошлите его. — Реннер налил себе бренди. — И все встанет на свои места. Мистер Бери... черт подери, Гораций!!!

Запавшие темные глаза Горация Бери едва шевельнулись. И тут Реннер заметил, что они горели.

— *Сейчас* их здесь нет. Они по-прежнему закупорены за Блокадой. Уже четверть века, как я оставил Космофлот сдерживать их там. Кевин, я очень многое запомнил. И всегда понимал, насколько они опасны. Думаю, я не смогу спокойно спать, пока не сделаю этого. Кевин, мы должны посетить Блокадный Флот.

— Что? В Глазу Мурчисона?

— Да. Мне необходимо *знать*, что Космофлот исполняет свой долг. Иначе я сойду с ума.

Тут вмешалась Руфь Коэн.

— Ваше превосходительство, в вашем досье указано... что военная разведка может наложить вето на ваши планы.

Бери усмехнулся.

— Тогда пусть они меня повесят. Нет, нет, я подразумевал не это, и, конечно же, вы правы. Мне придется представить несколько аргументов. Нам необходимо отправиться на Спарту.

— Спарта. — Руфь Коэн вздохнула. — Когда-то Спарта мне так нравилась.

— Так отправляйтесь с нами, — сказал Реннер.

— Что? Кевин, мое назначение здесь.

— Мы можем заставить кое-кого изменить приказ. Если возникает необходимость, я имею право сделать запрос на дополнительных людей.

— Что за необходимость? — с подозрением в голосе осведомилась девушка.

— Ну...

— Так я и думала.

— Вообще-то имеется одна очень веская причина, — сказал Бери. — Кевин, ты предлагаешь убедить губернатора, чтобы он простил кое-кому государственную измену. Я не сомневаюсь в твоих способностях подтвердить это на Спарте, но это необходимо сделать так, чтобы не навредить другому офицеру Космофлота, который будет подтверждать нашу историю. — Бери осушил свой кофе. — Итак. Коммандер, если вы будете проводить расследование на корабле в прыжковой точке, то Набил подготовит «Синдбад» к отлету.

— Это даст мне немного времени, — произнес Реннер. — Я собираюсь возвратиться к выпивке.

— Разумеется, у нас здесь лучшие вина и виски, — проговорил Бери, выразительно взирая на Руфь. — И самое прекрасное дружеское общение.

— О, бесспорно! — согласился Кевин. — Но у этого ничтожного слизняка Бойнтона все еще находится шкура моего снежного призрака. Я собираюсь заглянуть в «Магический червь» и забрать ее.

Измена никогда не станет процветать.
А почему? Как это разгадать?
Да потому, что процветание изменой
Никто бы не осмелился назвать.
Сэр Джон Харингтон

Глава 1. Столица

За правительственные кресла
Пусть дерутся дураки.
Ведь что б они ни сделали,
Все к лучшему; им все сойдет с руки.
Александр Поп.
Послание III, О природе и состоянии человека в отношении к обществу

3046 г.н.э. УНИВЕРСИТЕТ ИМПЕРИИ

Университет Империи был основан во времена СоВладения как Университет Спарты, и имел тесные связи с несколькими институтами Земли, включая Чикагский университет, Станфордский университет, Колумбийский университет, институт Вестингхауза и Кембриджский университет. В обмен на привилегию назначать регентов первые короли Спарты наделили Университет Спарты обширными землями на холмах к югу и востоку от столицы. Впоследствии большая часть этих земель сдавалась в аренду коммерческим институтам, поэтому Университет получал большие доходы без контроля со стороны политиков. Переименован в Университет Империи в первые годы существования Первой Империи.

Столица также была расширена, поглотив при этом земли, первоначально дарованные аристократам, некоторые из которых и теперь еще сохраняют поместья, окружаемые городскими зданиями.

* * *

Рабочий кабинет в поместье Блейнов выглядел так, словно дизайнер вообразил, что ему поручили оформлять кабинет преподавателя Оксфорда девятнадцатого века. Кожаная мебель, стены, отде-

ланные темным деревом. На стенах семиметровой высоты выстроились в ряд голограммы книг, а в углу стояла передвижная лестница на колесах. Лорд Родерик Блейн, граф Акрукский, кавалер «Креста за боевые заслуги» и кавалер ордена Святого Михаила и Святого Георгия 1-ой степени, капитан ИКК в отставке всегда хмурился, когда проходил мимо этих стен. Никто, кроме него, не пользовался кабинетом, если не считать служителя, перезаряжающего генераторы голограмм. Он, наверное, дюжину раз клялся перепланировать кабинет на что-нибудь более функциональное, но пока все, что приходило ему в голову, не устраивало Салли, и в кабинете по-прежнему находились лишь образы реально существующих книг его библиотеки. Как обычно, он пробежался взглядом по их названиям. «История» Маколея соседствовала с Гиббоном. «Путеводитель по СоВладению» Крофтона. Классический труд Сэвиджа «Лисандр Великий». *Надо обязательно прочитать его еще раз...*

Блейн пересек кабинет и вошел в крошечный офис, расположенный на одной из сторон огромного помещения.

— А я решил, что это хлопнула дверь, — произнес он немного удивленно.

Салли Блейн подняла глаза от клавиатуры компьютера.

— Это все Гленда Руфь.

— Опять поссорились?

— Просто нашей дочери не совсем нравятся правила поместья Блейнов.

— М-да, независимая она штучка. Очень напоминает мне кое-кого, к кому я давно уже привык.

— *Привык?* Что ж, спасибо.

Род усмехнулся и положил руку ей на плечо.

— И еще как. Ты знаешь, что я имею в виду.

— По-моему, ты вошел сюда не для того, чтобы обсуждать Гленду Руфь.

— Нет, но, возможно, мне придется потолковать с ней.

— Мне бы очень хотелось, но ведь ты никогда этого не сделаешь. Что случилось?

— Я получил послание. Ты догадываешься, кто собирается нанести нам визит?

Салли Блейн посмотрела на компьютерный монитор и нахмурилась.

— Огромное тебе спасибо. Я только что закончила составлять список гостей. Итак, кто же?

— Его превосходительство Гораций Хусейн аль-Шамлан Бери, магнат. И Кевин Реннер.

— Рада буду еще раз увидеться с мистером Реннером, — задумчиво проговорила Салли. — И... Бери, который придет с ним... кажется, я припоминаю. Он один из тех, кто следит за прохождением

финансовых потоков. Чтобы не было расточительства и все такое прочее. Полагаю...

— Мне бы не хотелось видеть Бери в нашем доме. Он был одним из зачинщиков мятежа на Нью-Чикаго.

Леди Блейн оцепенела.

Он сжал ее плечо.

— Извини.

— Со мной все в порядке, — сказала она и, похлопав, ладошкой по его руке, просунула кончики пальцев в просторный рукав его халата и погладила его руку — мягкую, сморщенную, совершенно лишенную волос. — У тебя настоящие шрамы.

— Ты провела несколько недель в концлагере и потеряла подругу, — проговорил он.

— Это было очень давно, Род. Теперь я даже не помню лицо Дороти. Род, я рада, что ты ничего не рассказывал мне тогда. Девять месяцев на «Макартуре» с Горацием Бери... Я бы с удовольствием плюнула ему в лицо.

— Нет, ты бы этого не сделала. И сейчас не сделаешь. Я тебя знаю. Думаю, нам надо повидаться с ним, но встреча должна быть очень короткой. По-моему, Бери делает какую-то серьезную работу для военной разведки.

— Дай мне подумать. В худшем случае, мы можем пригласить их на обед. В каком-нибудь нейтральном месте. Мне *очень* нужно повидаться... *С сэром Кевином?*

— Совсем забыл. Мне тоже необходимо с ним увидеться. — Блейн улыбнулся. — По правде говоря, мне надо встретиться и с Бруно Сциллером. Пусть он знает, что этот сумасшедший навигатор в городе. Скажу тебе вот что, любовь моя. Поскольку эти новости просочились в Институт, я приглашу их туда. Они могут пожалеть об этом. Сейчас каждый и его собака хотят потолковать с ними.

Когда Салли повернулась, на ее лице сияла улыбка.

— Да, да, этот Институт. У нас имеется сюрприз для его превосходительства, не так ли?

— Что... ах да! Он решит, что попал снова на «Макартур». Мы проверим его биосердце!

* * *

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Вы вошли в охраняемую зону столицы Империи.

Оставаться в этой звездной системе без специального разрешения строго воспрещается. Извещаем, что точки входа Олдерсона патрулируется кораблями ИВКФ. Следуйте инструкциям. Кораблям

ИВКФ официально разрешено использовать огонь на поражение при несанкционированном проникновении.

Отправляйте ваши идентификационные коды немедленно.

ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИХ ПОСЛАНИЙ ВЫ БОЛЬШЕ НЕ ПОЛУЧИТЕ

Перелет через систему Спарты мог сделать любого человека невротиком.

Небо было самым обычным, если принять во внимание, что все небеса разные. Звезды выстраивались в фигуры по новым образцам. Маленькая звезда класса К0 Агамемнон выглядела сначала как яркая белая вспышка, но постепенно превращалась в солнце. Звезда-спутник Менелай была маслянистой красной искрой. Под «Синдбадом» ярко вспыхивали попадающиеся на пути астероиды и крошечные полумесяцы, которые своими изогнутыми кольцами с огненной каемкой оттеняли газовые гиганты-протозвезды, виднеющиеся на экранах корабля.

Так проходило звездное путешествие. Двигаешься вовне, находишь прыжковую точку, с которой расстояние между звездами преодолевается в течение секунды. Потом надо лететь внутрь, через новую систему, новые планеты, по направлению к новому миру с совершенно другим климатом, обычаями, традициями...

Однако Спарта являлась столицей Империи Человека.

Черное небо было таким же спокойным, как и должно быть повсюду; но со всех сторон раздавались голоса. Сменить курс. Снизить скорость. Смотри за своим вектором, «Синдбад». Предупреждение. Идентификация. Эти газовые гиганты, так необычно и удобно соседствующие с орбитой Спарты, с их топливом для космических кораблей, сжатым во много миллионов атмосфер, и промышленными химикатами, были окружены всевозможными установками ИВКФ, охраняемыми несчетным количеством военных кораблей. Эти корабли охраняли прыжковые точки, ведущие во все концы Империи. Когда Реннер повел космическую яхту внутрь системы, за ней наблюдали тысячи глаз.

Реннер изо всех сил старался сохранять хладнокровие. Ведь он рисковал своей репутацией, являющейся своеобразной ставкой в этой «игре»... когда Руфь восхитительно проводила время, а Бери нуждался в тишине. Гораций Бери не любил, когда за ним наблюдали, особенно не без помощи оружия, способного разорвать на кусочки целый материк.

Спарта была бело-голубой; цвета, характерные для водной планеты. Уголком глаза Реннер ухватил округлый силуэт Змея — материка; остальная часть планеты являла собою грозный океан с несколькими пятнышками островов. Совсем рядом с планетой роилось

множество космических кораблей и всякого орбитального мусора, которого становилось все больше и больше на геостационарной орбите. Когда Реннер повел яхту внутрь системы, Таможенное управление заставило его изменить курс, чтобы избежать столкновения с каким-нибудь кораблем. Он не увидел многого на пути, и приблизился к гигантской колесообразной космической станции. Он догадывался, что большая ее часть принадлежит военным. Большинству прибывающих кораблей приходилось садиться на луне, но Таможенное управление хорошо знало Горация Бери.

Да, оно отлично знало его, но не как агента военной разведки. Они начали свою обычную проверку «Синдбада», а Реннер тем временем вывел из специального отсека шаттл и пошел на посадку.

Он, как и Руфь, впервые увидел Спарту. Они жадно наблюдали, как к ним приближалась эта планета.

Вода. Казалось, что Спарта сплошь состоит из одного океана, во всяком случае, именно его видел Реннер сквозь облака. Шаттл нырнул во тьму, и теперь был виден лишь плавный темный изгиб.

Затем их взорам предстали неровные края горизонта. Потом показались огни. Острова, мириады островов, и все крохотные, мерцающие и в совокупности образующие свернувшегося в кольца огненного змея. Спарта славилась своей тектонической активностью, но кипящая лава превалировала именно в этой части планеты. Змей, материк, очень похожий на Австралию, имел всего одну колоссальную гавань, выглядящую весьма ужасающе: ее поверхность представляла собой гористую шероховатую вытянутую спираль. Сверху горные хребты казались темными пятнами, залитыми загадочным свечением. Реннер увидел едва освещенные прямоугольные отрезки земли, пригодной для обработки. Их было довольно много. Городской пейзаж сверкал; по-видимому, город был тоже большой. Однако и вода освещалась маленькими двигающимися огнями.

Столица межзвездной Империи была способна принять огромную толпу народа.

Он направил шаттл к широкой части Змея, сделал круг над берегом и, наконец, сбавил скорость. Внезапно затрещала рация; Реннер с трудом сдержался, чтобы не сказать чего-нибудь веселое. Но он еще ни разу не встречал таможенного офицера с чувством юмора. Ни на одной планете.

Он снизился достаточно, чтобы увидеть фосфоресцирующие кильватерные линии, оставляемые сотнями космических кораблей. Увидел туристические суда на воде, а также дома и огромное количество жителей. Население — пятьсот миллионов, и большинство собрались на одном участке. Внезапно в голову Реннера пришла дикая мысль, что пока он увлеченно следит за всем этим, Бери, возможно, исходит яростью.

— Гораций? Как вы там?

— Прекрасно, Кевин, прекрасно. Ты — отличный пилот.

Бери любезничал с таможенниками, но как только те положили трубку, до Реннера донеслись замысловатые проклятья. Тогда он спросил:

— Что же вас так разволновало на таможне?

— Ничего. Ты знаешь, где приземлиться?

— Мне уже все объяснили. Там, где черная вода, прямо перед нами. Мы будем приземляться за гаванью и спустимся по спирали, как крупный корабль. Интересно, где они расслабляются после трудного дня?

Бери не проронил ни слова. Спустя некоторое время он произнес:

— На Спарте я — гражданин второго класса. Только здесь, но навсегда. Меня будут обслуживать клерки из магазина, а я ведь дал на лапу метрдотелю и нанял собственный автомобиль. Но часть Спарты я так и не увижу, а на скользких тротуарах...

— Надо быть сумасшедшим, чтобы осмелиться оскорбить вас. Ладно, чего мы ждем до последней минуты?

— Я уже бывал на Спарте. *О милосердный Аллах, почему сегодня меня не встретил Каннингэм?*

— Возможно, он решил, что вам стоило бы денек отдохнуть.

— Он заставил меня ждать, черт бы его подрал! Меня, его начальника! Я бесконечно благодарен, что вы не произнесли этого слова, Руфь, но мне известно, о чем вы подумали.

— Это чисто официальный термин, — без интонации произнесла девушка.

— Конечно.

Ровную землю на Змее заняли еще в незапамятные времена. Ее использовали для обработки в поместьях местных баронов. Новые здания, такие как отель «Империал Плаза», как правило, размещались на склонах холмов. С одной стороны «Плазы» было восемьдесят этажей, с другой — шестьдесят шесть.

Агент Бери заранее зарезервировал для высокого гостя номер-люкс, расположенный как можно ниже — на семьдесят первом этаже. Апартаменты были обставлены по-дурацки, обслуживающий персонал уже разошелся по домам; когда они прибыли, двое из обслуги только проснулись.

Через стену, сплошь состоящую из венецианского стекла, виднелось бесконечное море и острова, а между ними сотни лодок, яхт и кораблей. Огромное красное солнце Спарты делало воду светлее. Было пять часов утра двадцатичетырехчасового дня. По часам их корабля это соответствовало полудню.

— Я бы с огромным удовольствием позавтракал, — заметил Реннер. — Кофе, натуральные сливки, а не молоко из протокарба. Наверняка ресторан еще закрыт.

— Набил... — с улыбкой проговорил Бери.

Пришлось пробудиться и персоналу кухни. Завтрак появился через час, а тем временем они разбирали свои чемоданы и «дипломаты». Оказалось, у них полным-полно вещей. Ведь никто не знал, сколько они пробудут на Спарте. И насколько убедительным должен быть Бери.

Маньяк. Но ошибался ли он? Ведь может быть *жизненно важным*, что Главный торговец лично прибыл сюда, чтобы инспектировать Флот Безумного Эдди, находящийся в дозоре в Глазу Мурчисона. Но если военной разведке понадобится от него что-либо еще... что ж, у них кое-что имеется на Бери. Наверняка что-то, касающееся политики.

Они все узнают завтра.

— Все мальчишки и девчонки мечтают увидеть Спарту, — сказала Реннер девушке. — Думаю, у нас будет часа четыре, чтобы войти в курс дела. Надеюсь, мне удастся заглянуть в Торговую гильдию и создать им кое-какие проблемы. А вот и Набил.

Завтрак состоял из двух видов яиц, четырех разновидностей колбас и двух литров молока. Все фрукты выглядели знакомыми. Как и яйца: куриные и перепелиные. Жизнь на Спарте (во время завтрака Реннер вспоминал фильмы и книги об этой планете) никогда не завоевывала сушу. Здесь было так мало земли, что ее освоение обошлось бы очень дорого. Планета была засеяна различными типами земной флоры, что же касается ее экологии, то она установилась сама по себе, практически не повлияв на местную атмосферу.

— На Спарте едят дважды в день. Завтракают и обедают. Поэтому нам надо хорошенько поесть, — пояснил Бери.

— Молоко немного странное, — заметила Руфь.

— Просто разные коровы едят разные травы. Вот, посмотрите на марку подлинности. Молоко протокарба на вкус точно такое же. На любом корабле во Вселенной, — прибавил он.

— Если честно, Кевин, мне *нравится* молоко протокарба.

Бери взял высокий, пузатый кофейник и внимательно осмотрел его дно.

— «Вайдавейк Энтерпрайз», — проговорил он.

— В ваших словах я уловила уныние, — улыбнулась Руфь Коэн.

— Это мошкитская технология, — пояснил Реннер. — По-видимому, здесь это обычное дело.

— Даже весьма обычное, — подхватил Бери. — Набил, у нас здесь есть компьютер?

— Разумеется, ваше превосходительство. Его позывные — Хорвендейл.

— Хорвендейл, это Бери.

— Подтверждается, — послышалось с потолка высокое контральто.

— Хорвендейл, это его превосходительство Бери, — проговорил Набил.

— Принято. Добро пожаловать в «Империал Плаза», ваше превосходительство.

— Хорвендейл, позвоните Джекобу Бакману, астрофизику, имеющему отношение к Университету.

Пролетело несколько секунд. Затем несколько язвительный голос произнес:

— С вами говорит вспомогательный мозг Джекоба Бакмана. Доктор Бакман спит. Ваше превосходительство, он благодарит вас за подарки. Для вас очень важно, чтобы я его разбудил?

— Нет. Я в «Империал Плаза» и пробуду на Спарте неделю. Мне бы хотелось встретиться с ним, когда это будет удобно. В свободное от работы время.

— У доктора Бакмана назначены встречи в среду после полудня и вечером. Остальное время он свободен.

— Полагаю, его устроит встретиться в четверг в середине дня и отобедать со мной этим же вечером?

— Я передам ему. Не угодно оставить для него какое-нибудь сообщение?

— Да. Джекоб, мне бы хотелось повидаться с вами вместе с коекаким из нашего древнего полупроводникового и жидкокристаллического медицинского оборудования. Я назвал вашему аппарату четверг, но меня устроит любое время. Конец послания.

— Не угодно ли передать еще что-нибудь? — спросил голос Бакмана.

— Нет, благодарю.

— Я проинформирую Хорвендейл, когда подтвердится время вашей встречи. Желаю удачного дня.

— Хорвендейл.

— Да, ваше превосходительство?

— Встреча с доктором Бакманом состоится тогда, когда ему будет удобно. На самом высоком уровне.

— Принято.

— Спасибо, Хорвендейл. А теперь назначьте мне встречу с президентом Торговой гильдии.

— Президент Имперской Торговой Ассоциации — его превосходительство Бенджамин Сергей Саш, президент «Юнион Экспресс», — проговорило контральто. — Когда вы желаете с ним встретиться?

— Как можно скорее.

Пауза. Затем снова контральто:

— Его компьютер сообщает, что он свободен сегодняшним утром. Могу я узнать у него, сможет ли он принять вас немедленно?

— Да, Хорвендейл, — ответил Бери, отпивая глоток кофе. — А ты куда собираешься пойти? — обратился он к Реннеру.

Тот пожал плечами.

— Несомненно, нам надо кое о чем подумать. Вы уверены, что сможете встречаться с президентом ИТА, не подготовившись? И немедленно?

Губы магната растянулись в тонкой усмешке.

— Кевин, я контролирую семь постов в Совете директоров. Это — не большинство, однако этого более чем достаточно, чтобы отвести кандидатуру в президенты. Да, я уверен, что Бен Саш примет меня.

— Его превосходительство будет рад встретиться с вами в любое время, ваше превосходительство, — произнес голос с потолка. — Если угодно, он пришлет за вами лимузин.

— Пожалуйста, передайте ему, чтобы он его прислал. Спасибо, Хорвендейл.

* * *

Внешний фасад здания клуба ИТА являл собой смесь пышного показного великолепия со спокойной обдуманной элегантностью. Недавно его заново отделали белыми мраморными плитами. Просторный вестибюль имел строгие очертания, однако стоило Бери проникнуть через массивные двери в помещение для членов клуба, как его взору предстали знакомые стены, отделанные панелями из орехового дерева, на которых покоились полотна кисти знаменитых мастеров. Все это Бери помнил с последнего своего пребывания в этом месте.

Президент ожидал его в личном зале для заседаний. При виде Бери, вкатившегося на своем кресле в зал, он встал. Президент был крупным мужчиной, одетым в безупречный темный мундир и брюки точно такого же цвета. Желтый пояс нарушал монотонность его костюма.

— Ваше превосходительство, рад встрече с вами. Надеюсь, все в порядке?

— Да, благодарю вас, ваше превосходительство. А как вы?.. Прекрасно. — Бери указал на свое кресло. — Гравитация Спарты...

— Совершенно верно. Некогда мне бы и в голову не пришло передвигаться в кресле без посторонней помощи. Чем могу помочь, ваше превосходительство?

— Благодарю вас, мне ничего не нужно. Я заехал только для того, чтобы повидаться с моими коллегами и еще раз с удовольствием взглянуть на мой клуб.

— Рад, что вы нашли для этого время. Но если это все, что мы можем...

— Ну... возможно, вы могли бы оказать мне небольшую любезность.

— Только скажите мне, что сделать, ваше превосходительство.

— Насколько вам удается уживаться с правительством в этом году?

Саш пожал плечами.

— У нас нормальные отношения, как и всегда. Разумеется, там нас никогда не жаловали.

— Вероятно, вы сможете помочь мне. Я хочу посетить Блокадный Флот в Глазу Мурчисона.

Саш прищурился.

— В ИВКФ всегда нас недолюбливали.

Бери хмыкнул.

— Это слишком мягко сказано. Они нас ненавидят.

— И еще как.

— Я надеюсь найти с ними общий язык, — проговорил Бери. — Но я должен быть уверен в одном: когда мне понадобятся официальные документы, экспедиционная служба не станет мне чинить бюрократических препятствий.

Саш широко улыбнулся. Очевидно, он ожидал, что Бери попросит его разрешить более сложную проблему.

— Ах это... Никаких сложностей с этим не будет. Ваше превосходительство, думаю, вам надо встретиться с достопочтенным Джорджем Хоскинсом, нашим вице-президентом по общественным делам.

— Джордж Хоскинс? Из «Вайдавейк Энтерпрайз»?

— Совершенно верно, ваше превосходительство, — ответил Саш, задумчиво разглядывая гостя. — Его компания конкурирует с вашими, но этим же занимаются почти все! Так вы с ним встретитесь?

— Я не имею чести быть с ним знакомым.

— В таком случае, я вас представлю друг другу. Я пошлю за ним.

Бери дотронулся до клавиш стенографического шара, встроенного в его кресло-каталку. Спустя мгновение прямо в его ухе раздался тихий голос:

— «Вайдавейк Энтерпрайз». Основано в 3021 году Джорджем Хоскинсом (ныне достопочтенный Джордж Хоскинс, член Тайного Совета), в бывшем Нью-Винчестере. Сначала компания выпускала фильтровальные системы для кофе, основанные на технологиях мошкитов. «Империал Автонетикс» запросил судебный запрет на торговлю кофейниками компании «Вайдавейк» на основании того, что «ИА» имела эксклюзивную лицензию на использование технологий мошкитов, однако Имперский апелляционный суд отказал «ИА» на основании того, что ИВКФ имеет права на все технологии мошкитов, а любые сведения, не обозначенные грифом «секретно», в таких случаях являются общественным достоянием.

При расследовании, произведенном «ИА», обнаружилось, что у Хоскинса есть зять, служащий на борту ИКК «Хадли», и в то же са-

мое время с корабля стали исчезать системы для приготовления кофе, и что переконструирование кофейника намного проще его изготовления, чем и занимался первоначально Харви Лаврентий, женатый на дочери Хоскинса — Мириам.

Активный маркетинг вкупе с готовностью любого гражданина экономить деньги привел к беспрецедентным продажам кофейных систем «Вайдавейк» и...

Бери выключил голос. Остальное он помнил. Два года и миллион крон, чтобы овладеть секретом магического кофейника. Почти пятьдесят миллионов крон ушло на расширение и реструктуризацию фабрик. ИВКФ покупал кофейники быстрее, чем «Империал Автонетикс» успевал их изготовлять. Но они очень хорошо платили. Впрочем, настоящие деньги можно было заработать и продавая кофейники штатским лицам. Тогда на сцене появились Хоскинс и «Вайдавейк».

По сути дела, «Империал Автонетикс» сделало Хоскинсу бесплатную рекламу. За два года гражданские лица наслышались о магических кофейниках ИВКФ. И на теперешний день «ИА» стояла вторым номером в поставщиках этого товара.

— Я с огромным удовольствием предвкушаю встречу с достопочтенным мистером Хоскинсом, — проговорил Бери.

* * *

Достопочтенный Хоскинс оказался кругленьким бодрым человеком в баснословно дорогом костюме. С широкой улыбкой он долго тряс руку Бери. Саш, представив ему магната, с извинениями отошел в дальний угол зала.

Когда Хоскинс говорил, то создавал впечатление, что он что-то жевал.

— Вы легенда, и о вас знает вся Империя, ваше превосходительство. Хотите, я принесу вам кофе? — спросил он. На его широком открытом лице прочитывалась каждая мысль, и, казалось, этот человек не чувствовал за собой никакой вины. Человек, который никогда не помнит преступлений. Гораций Бери по крайней мере знал, что ему есть что скрывать!

— Благодарю, я сам налью себе кофе, — произнес магнат. — А вам не угодно выпить немного ликера «Водные крылья»?

— Здесь?! — изумился Хоскинс.

— Я захватил ящик, — с довольным видом сообщил Бери. Где бы ни приземлялся «Синдбад», Бери покупал несколько ящиков какого-нибудь редкого напитка. Поэтому ему легко было делать подарки.

Бывали времена, когда в ИТА даже не знали, что такое турецкий кофе, однако это было еще до того, как Бери стал контролировать семь мест в Совете директоров. Теперь в ИТА имелось несколько разновидностей турецкого кофе. Магнат выбрал кофейную

смесь Моша-Суматра и начал пить его крошечными глоточками, а тем временем Саш уселся на край массивного кресла.

— Я бы отдал половину своего состояния, чтобы побывать на Мошке-1, — произнес он издалека. — Кстати, а как там на самом деле?

Бери слишком часто приходилось отвечать на этот вопрос.

— Очень низкая гравитация. Там все время светло: в дневные часы светит красное солнце, а ночью все освещается Глазом Мурчисона. Воздух немного ядовит, но вполне достаточно надеть маску, и можно свободно дышать. Что касается архитектуры, то она прямо из какого-то кошмара, и среди всего этого двигаются кошмарные силуэты. Я все время боялся, и, как вам известно, там убили трех гардемаринов, которые, на свое несчастье, заблудились и случайно оказались на открытой территории.

— Я знаю об этом печальном инциденте. И все-таки, нам следовало бы вернуться. Чему они могли бы научить нас!

Хоскинс считался одним из самых рьяных сторонников той фракции Торговцев, которым хотелось вступить в открытый контакт с Мошкой. Маленькое чудо. И все же, может быть, он ходит вокруг да около?

— Вы и так сколотили себе целое состояние на технологии мошкитов, мистер Хоскинс. Вы решили, что фактически разорили меня. А вам никогда не приходило в голову, что кто-нибудь может завладеть новейшими технологиями мошкитов и сделать то же самое с вами? Например, какой-нибудь предприниматель из мошкитов?

Хоскинс противно хихикнул.

— О, ваше превосходительство, откуда у них... у *мошкитов* возьмутся предприниматели?

— Разве вы не читали о мошкитах-Посредниках? Им поручалось изучать важных гостей. Это изучение не было слишком серьезным. Они узнавали все, что могли, до тех пор пока не начинали *мыслить* так же, как объект их внимания. — Немного помолчав, магнат прибавил: — Один из Посредников был назначен ко мне.

Хоскинс, выслушав магната, выглядел весьма озадаченным. Затем выражение его лица стало тревожным.

— Значит, есть мошкиты, думающие так же, как вы?

— Вполне вероятно. Хуже того, они могут рассматривать различные вещи с вашей точки зрения. Они будут мыслить так же, как мыслил я в те времена, когда был моложе и агрессивнее, — проговорил он, но не добавил, что его финч'клик' теперь, безусловно, приказал долго жить.

— С вами довольно трудно состязаться, — сказал Хоскинс. — Мошкит, думающий подобно вам и обладающий мошкитской технологией... это было бы ужасно!

Бери удовлетворенно улыбнулся.

— Я надеялся, что вы сможете это понять. Но сейчас разговор идет о другом. Что это за волнующие слухи, касающиеся бюджета Блокадного Флота?

Хоскинс пожал плечами.

— Вероятно, большинство историй, которые мы слышали о растрате и неэффективности использования денежных средств, вовсе не слухи. Вы видели репортажи Алисии Мей-Линг Трухильо в «Кэпитал Апдейт»?

— Я видел их краткое резюме.

— Миссис Трухильо обнаружила коррупцию, неэффективное использование средств, растраты... и... в общем, этого более чем достаточно, чтобы оправдать расследование.

— Вы хотите урезать бюджет Блокадного Флота? — осведомился Бери.

— Безусловно. Когда еще мы выделяли бóльшие ассигнования для ИВКФ?

Когда мы летали к внешним. Когда нашим торговым кораблям угрожали пираты.

— Понятно. В таком случае, это очень серьезно.

— Достаточно серьезно. Даже послали нового вице-короля на Новую Каледонию, — сказал Хоскинс. — Барона сэра Колвина Мерсера. Вы с ним знакомы?

— Нет.

— Простите, конечно же, вы не могли быть с ним знакомы. Большую часть времени он провел в секторе Старой Земли. Хотите с ним познакомиться? Сегодня вечером вы приглашены на ужин в качестве нашего гостевого спикера. Я могу устроить так, что вас посадят во главу стола, если вам угодно.

Сегодня вечером? А в Университете ему надо быть после обеда. День, конечно, весь расписан, но это очень важно.

— Буду только польщен оказанной мне честью, — ответил Бери.

* * *

Бери поудобнее устроился в лимузине.

— В «Империал Плаза», — приказал он водителю. — Заберем сэра Кевина Реннера и отправимся в Институт Блейна.

— Слушаюсь, сэр.

В баре лимузина стояли местные напитки, ром и водка, а также термос с кофе, изготовленный по технологии мошкитов. Кофе приготовил Набил еще до отъезда Бери. Однако магнат выбрал сосуд с фруктовыми соками. Рядом с термосом покоилась бутылка с тонизирующим напитком, довольно неприятным на вкус. Бери налил себе полный стакан и, поморщившись, выпил, затем убил послевкусье при помощи фруктового сока.

Небольшая цена за свежую голову и хорошую память в моем возрасте. Он протянул руку к стенографическому шару и пробежался пальцами по клавишам. Он прекрасно умел общаться через компьютер, но часто предпочитал пользоваться клавиатурой. Клавиатуры делали приборы менее человекоподобными. Ему это нравилось.

— Сэр Эндрю Мерсер, барон Колвин, — проговорил компьютер ему в ухо. — В дальнем родстве с императорской фамилией по материнской линии. Вдовец. Двое детей. Капитан-лейтенант достопочтенный Эндрю Колвин Мерсер младший служит на борту ИКК «Дерзкий». Доктор Диана Колвин Рамирес — кандидат в профессора истории Университета Ундины в Танизе.

В 3014 году, после окончания Нью-гарвардского университета, назначен на должность младшего клерка в Управление делами Союза и продолжает быть на гражданской службе до настоящего времени. Призван на военную службу в звании коммандера по Имперскому приказу (3028 г.); кавалер ордена Святого Михаила и Святого Георгия (3033 г.). После смерти отца в 3038 году ему был пожалован гражданский титул барона.

Работал в ряде отделов кадров, пока в 3026 году не был назначен заместителем губернатора Франклина. Когда губернатора убили во время нападения внешних, Мерсер стал исполняющим обязанности губернатора, а в 3027 году был назначен на пост губернатора. Затем последовало быстрое продвижение по службе. Был шефом Миссии в ранге посла на переговорах, приведших к присоединению Нью-Вашингтона в 3037 году. После 3038 года — член Тайного Совета. С 3039 года по настоящее время — Штат-секретарь Трансугольного сектора. С 3040 года по настоящее время — член совета директоров Института Блейна.

Назначен вице-королем Трансугольного сектора, что стало результатом его прибытия на Новую Каледонию.

— Весьма впечатляет, — пробормотал Бери. — Побуждения и амбиции?

— Личное состояние среднее, — продолжал компьютер. — Предпочитает почести и награды. Написал две статьи, имея целью доказать, что его семья носила титул маркиза во времена Первой Империи. Надеется восстановить этот титул.

— Доказательства?

— Колвин стал клиентом «Генеалогической службы Халадея» и членом Общества Августа. Не делает секрета из своих амбиций. «Халадей» — дочерняя компания «Конфиденциальной службы, Инк.».

— Достаточно, — сказал Бери. Имея среднее личное состояние, он не смог бы стать вице-королем, минуя Новую Каледонию. И не стал бы просто так тратить деньги на подобное путешествие. Бери тонко рассмеялся.

Глава 2. Туристы

Ведь Мы, поистине, доставили вам Книгу,
Которую мы изложили
С (Господним) ведением (всякой сути),
Как милосердие и руководство,
Для тех, кто в Господа уверовал.

Коран, Сыны Израилевы, 91

Автобус должен был приземлиться на крышу отеля в 8 часов 30 минут. Кевин и Руфь добрались туда на пять минут раньше. Они увидели примерно дюжину человек, дожидающихся начала путешествия.

На крышу все еще падали тени от восточных гор, но на юге и западе гавань уже освещалась солнечными лучами. Даже в такую рань в почти пустой бухте виднелись кильватерные полосы от крупных кораблей и парусных судов. У берега собрался целый «муравейник» маленьких плавучих средств, парусных или на моторной тяге, большей частью многокорпусных, которые набились битком в районе причала, расположенного совсем рядом с отелем. Большинство судов казались яхтами, но Реннер заметил и продолговатые джонки, заполненные всяким трепьем и детьми.

На западе и севере вершины гор скрывались в облаках.

Реннер показал Руфи в ту сторону. Далеко на юге они увидели точку, где земля врезалась в крутые горы.

— Институт Блейна там, внизу, — проговорил Кевин. — Согласно карте, до океана больше сотни километров.

— У Империи есть одно преимущество, — заметила Руфь. Реннер вопросительно вскинул бровь. — Чистый воздух, — пояснила она. — А в новых провинциях по-прежнему жгут уголь.

— Вполне вероятно. Бери делает деньги, доставляя плавильные фабрики и спутники, вырабатывающие энергию. Это помогает, если вашим клиентам приходится покупать...

— Им не приходится ничего покупать у Бери. И даже если они и покупали... эй, это того стоит!

— Конечно, — согласился Реннер и глубоко вздохнул.

Автобус приземлился на крышу отеля точно в 8-30. Когда Кевин с Руфь вошли в салон, на них вопросительно посмотрел низенький человек с круглым лицом и красным носом.

— Сэр Кевин Реннер?

— Да, это я.

— Дарк Рилей. Я ваш гид, сэр. А вы, должно быть, коммандер Коэн, — обратился он к девушке.

— Разве мы заказывали гида?

— Набил, — только и сказал Реннер.

— Я зарезервировал вам места, сэр. — Рилей указал на три места, расположенные в передней части автобуса. — Мне всегда нравится сопровождать людей из ИВКФ. Я занимаюсь этим почти сорок лет. Примерно двадцать лет назад вышел в отставку в звании старшины шлюпки. Я бы остался на службе, но жена заставила меня уйти. Штатская жизнь — скверная штука, ну, вы знаете. Делать нечего. Ничего важного. Никакой ответственности. Впрочем, я совсем не то имел в виду.

— Мы понимаем, — улыбнулась Руфь.

— Благодарю вас, мэм. Обычно я так много о себе не рассказываю. Просто я действительно рад встретить людей из ИВКФ. Вы ведь из ИВКФ, сэр Кевин?

— В резерве. Навигатор-инструктор. Я ушел в резерв как раз тогда, когда вы вышли в отставку.

Кевин с Руфь заняли свои места и откинулись на спинки кресел. Рилей похлопал по фляжке у себя на бедре.

— По глоточку?

— Нет, спасибо, — ответил Кевин.

— Вы считаете, что для выпивки слишком рано? Это так, даже для Спарты, но здесь очень короткие дни, и поэтому мы иногда позволяем себе исключения из правил.

— Что ж, а почему бы и нет? — Реннер взял фляжку. — Отличная штука. Ирландский?

— В большинстве мест его называют ирландским. А мы называем этот напиток просто — виски. Советую вам покрепче пристегнуться.

Небе было запружено летательными аппаратами не меньше, чем бухта судами. Автобус поднимался, пролетая мимо легких самолетов, тяжелых грузовых кораблей и крылатых автобусов, затем внезапно сделал широкий разворот, уходя из области пустого пространства за какое-то мгновение до того, как мимо них со свистом пронесся какой-то космический корабль. Только потом они устремились на восток, в сторону гор. Автобус поднимался все выше и выше к облакам, мимо рядов строений и целых поместий. Они прорвались сквозь облако, и Реннер с Руфь увидели темные горные вершины, возвышающиеся много выше их транспортного средства.

— Какая красота, — сказала Руфь с восхищением. — Как у вас называются эти горы?

— Дракенбергз, — ответил Рилей. — Они раскинулись почти по всей длине Змея. Змей — это материк.

— Как здесь пустынно, — заметил Реннер.

Змей имел короткий извилистый хребет, состоящий из черных гор, лишенных признаков всякой жизни. На Спарте не разводили свои растения, чтобы хоть как-то приспособить эту голую землю, содержащую в себе слишком много тяжелых металлов для растений

земного происхождения. Когда они пролетали вдоль хребта материка, устроитель турне подробно рассказывал им об этом.

Автобус опустился ниже ровной скатерти облаков и продолжал облетать горы, а потом они стремительно опустились к океану, и теперь находились на высоте в полкилометра, направляясь над гаванью к югу.

— Слева — Старая Спарта, — пояснил Рилей. — Эта местность была освоена еще задолго до времен СоВладения. Видите вон ту зеленую полянку с высокими зданиями вокруг? Это — территория дворца.

— А мы сможем подлететь ближе? — спросила Руфь.

— Боюсь, что нет. Хотя есть экскурсии и во дворец.

Спокойные воды океана хаотично бороздили суда всех видов и размеров. Автобус продолжал лететь на юг. Внезапно вода в гигантской гавани сменила цвет с зеленого на голубой, и они смогли увидеть дно. На море по-прежнему было спокойно, а в этом месте, судя по всему, было мелко. Судов стало меньше, но они были длиннее остальных.

— Это ничего не доказывает, — задумчиво проговорила Руфь. — Верно, — согласился Реннер, догадываясь о том, что она имела в виду. — Отсюда управляют тысячами планет, но... Это похоже на зоопарк на Мошке-1. *Безусловно*, это иная планета, *безусловно*, ничего подобного нет во всей Вселенной, но вы к этому привыкнете, когда достаточно попутешествуете. Вы ищете *основные* различия. Но это неправильно, Руфь. Мы отыскиваем планеты, похожие на Землю, потому что на них мы сможем жить.

Реннер сперва не заметил, как пристально смотрит на них Рилей. Несколько пассажиров тоже повернулись к ним. *Зоопарк на Мошке-1*?

— Средства обороны, — проговорила Руфь. — В этом и есть — *различия*. Должно быть, Спарта — наиболее защищенная планета из всех.

— Да. И все это означает, что в эти места автобус не полетит. Поэтому даже нечего спрашивать об этом мистера Рилея. Он просто не ответит нам.

— Да, разумеется, — кивнул их гид.

Руфь улыбнулась.

— Это нельзя осматривать, не так ли? Я *понимаю*. Мы ведь на отдыхе.

— Совершенно верно.

— В любом случае, мне ничего не известно об оборонительных системах Спарты, — явно испытывая некоторое стеснение, произнес Рилей. — Мистер Реннер, вы участвовали в экспедиции на Мошку?

— Ага. Рилей, я не делаю из этого тайны, к тому же все это давным-давно рассекречено. Вы можете заказать мой отчет под на-

званием «Как я проводил летние каникулы», автор Кевин Реннер. Опубликовано в «Атенеуме» за 3021 год. Я получаю гонорар с каждого экземпляра.

На востоке начался шторм. Автобус устремился на запад, опустился еще ниже (началась небольшая тряска) и пролетел над огромным грузовым кораблем. Мощные стабилизаторы справлялись с высоченными бурунами волн, величиною с небольшие горы. Реннер и Руфь рассматривали красивые суда, изящные парусники, то взбирающиеся на волны, то низвергающиеся с них; их паруса постоянно поворачивались на мачтах.

Автобус проносился над крупным островом, разделенным на прямоугольники обрабатываемых земель.

— Это Дьявольский Краб, — сказал Рилей. — Здесь две плантации сахарного тростника и наверняка еще сотня независимых плантаций. Как бы мне хотелось стать фермером. Они не платят налоги.

— Почему? — чуть не подпрыгнул от удивления Реннер.

— Спарта очень плотно заселена. Стоимость земли на Змее... ну... — он махнул рукой, — я даже и не думаю о покупке хоть клочка этой земли. Если бы на нарушения фермеров не смотрели бы сквозь пальцы, они продали бы все свои земли строителям отелей. Тогда всю еду пришлось бы доставлять на кораблях откуда-нибудь издалека, и как тогда император сможет полакомиться свежими фруктами?

— Здорово! Не платить налоги, а?! А что с теми парнями, которые только что промелькнули под нами?

— Они тоже не платят налоги. Цены на перевозки очень высоки, и, когда продукты доходят до Спарты, они уже не очень свежие. Они серьезные конкуренты фермерам. И пусть так, я все равно хотел бы стать фермером! Арендовать островок в тысяче кликов от Змея и производить мясо. Но в этой части Спарты уже нет места для пастбищ. А значит, не быть мне производителем красного мяса.

Они обогнули еще один скалистый остров, который, казалось, был покрыт мозаикой из бетонных глыб и каких-то необычных куполообразных возвышений.

— Вот вам одно из оборонительных сооружений, — сказал Реннер. — Управляемые радары, мгновенно реагирующие на любой удар противника. Кстати, держу пари, что там есть довольно милые здоровенные лазеры.

— Неплохая догадка, но мне ничего не известно, — отозвался Рилей.

Теперь автобус повернул на северо-восток и двинулся по направлению к узкой, скрытой от посторонних глаз косе, окаймляемой гаванью с запада.

— Это исправительная тюрьма, основанная еще до времен Со-Владения, — сказал Рилей. — Если как следует приглядеться, то

можно увидеть, какие там древние стены. Она проходит через весь полуостров.

— А там? По-моему, это парки, — сказала Руфь. — Или...

— Розовые сады, — пояснил Рилей. — Когда Лисандр II разрушил стены старинной тюрьмы, он отдал всю эту местность народу. Каждый год здесь проводятся празднества. Всякие соревнования среди горожан и многое другое. Мы доставляем сюда туристов через день, если вам это интересно.

— А где Институт Блейна? — спросила Руфь.

— На западе. Справа отсюда. Видите вон ту гору, а на ней множество зданий?

— Да... это напоминает мне старую картину, которую я однажды видела.

— И *это* Институт Блейна? — изумился Реннер. — Капитан Блейн богаче, чем я предполагал. А я-то думал, что хорошо его знаю...

— Вы с ним знакомы? — Похоже, слова Реннера произвели на гида огромное впечатление. — Нет, это биологическая секция Имперского университета. Сам институт занимает меньшую площадь и находится рядом с университетом. Вот, взгляните. — Он протянул Реннеру свой бинокль. — А поместье Блейнов расположено на холме прямо на востоке от него. Вам хотелось бы съездить в Институт?

— Благодарю вас, но мы отправляемся туда после обеда, — сказала Руфь.

Автобус пронесся над узкой косой и остановился очень высоко над гаванью. Яркое солнце освещало огромное облако, нависшее над городом. На линии горизонта виднелось множество расплывчатых силуэтов: в центре и на юге торчали массивные небоскребы, тонкие башни, высоченные здания, соединяемые мостами, и вся эта ужасная неразбериха находилась в тысяче футов над улицами города. На севере Реннер заметил множество низких гранитных строений, выполненных в классическом стиле. В центре зеленели парки территории дворца.

Реннер выглядел несколько озадаченно.

— Руфь, подумайте-ка об этом. Там же *император*. Достаточно запулить большую ядерную бомбу в сторону дворца...

Он мгновенно замолчал, потому что все пассажиры повернулись к нему.

— Эй! Я офицер ИВКФ в резерве! — поспешно произнес Кевин. — Просто пытаюсь выяснить, как вы сумеете удержать кого-нибудь от подобного поступка. На Спарте столько народу, не считая гостей отовсюду, и наверняка среди них много психов!

— Каждый из нас несет свою долю ответственности, *сэр* Кевин, — проговорил Рилей, специально подчеркивая титул Реннера, чтобы все пассажиры смогли услышать его.

— Мы производим проверку людей, прибывающих на Спарту, — сказала Руфь тихо, но выразительно. — И вовсе не так уж просто купить атомную бомбу.

— Это наверняка останавливает дилетантов.

— О, все нормально! — продолжала Руфь. — Забудем об этом, а? Подобные мысли наводят тоску.

— Мы постоянно живем с такими мыслями, — промолвил Рилей. — Послушайте, у нас есть способы определять и выискивать сумасшедших. А профессионалам не стоит даже пытаться делать это, потому как ничего хорошего у них не получится. Всем известно, что императорская семья никогда не находится вся в одном месте. Принц Эней вообще не живет на этой планете. Стоит вам взорвать Змея, и весь Космофлот объявит вас сумасшедшим, черт возьми, но вам не удастся уничтожить Империю. Одного мы никогда не делаем, сэр: в наших автобусных экскурсиях, маршрут которых, кстати, заранее не объявляется, мы никогда никому не рассказываем об оборонительных сооружениях Спарты!

— Я тоже не делаю одной вещи, — понизив голос, произнес Реннер. — Не слежу за своим языком. Это предохранило бы меня от некоторых высказываний. Итак, прошу меня извинить.

— Хорошо, сэр, — буркнул Рилей. — Посмотрите туда. Это наши рыбоводческие хозяйства. — Он показал на целый ряд ярких разноцветных участков моря, отделенных друг от друга низенькими перегородками. — Это еще одно весьма выгодное занятие. Рыба, доставляемая с других планет, не такая свежая, как выловленная из морей Спарты. Если вы захотите отведать морского окуня или морского кота, то знайте, что они выловлены отсюда или из какого-нибудь места наподобие этого.

* * *

Лимузин ожидал их возле отеля. При встрече Бери не улыбнулся. Он казался мрачным. Когда они оказались на борту летательного аппарата, магнат угрюмо посмотрел на Руфь.

— Что на этот раз натворил Кевин?

— Что?!

— Военная разведка попросила меня подтвердить, что сэр Кевин Реннер действительно является моим пилотом. Спрашивали *меня!*

— Ах вот оно что! — воскликнула Руфь. — Ну... он прикидывал, что будет, если сбросить ядерную бомбу на дворец.

Бери отнюдь не развеселили ее слова.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы нас вышвырнули с этой планеты.

— Да, разумеется. К тому же, это не отразится на моей карьере наилучшим образом, — заметила Руфь. — Послушайте, может быть, мне лучше потолковать с ним?

— Вам нечего беспокоиться, — сказал Бери. — Как только они удостоверились в подлинности его личности, то тотчас же потеряли к нему интерес.

— Теперь я понимаю, почему мне так хотелось ознакомиться с вашим досье, Кевин, — строго проговорила Руфь.

Лимузин притормозил у самого конца центрального округа. Рядом с парками возвышались массивные гранитные здания.

Руфь осмотрела местность в бинокль.

— Департамент здравоохранения, — прочитала она вывеску. — Фондовая биржа. Ого, да это же Колониальный офис! Какой маленький.

— Как и этот, — произнес Бери. — Эти офисные здания могли бы заитересовать и обычных людей, и государственных служащих. Компьютерные центры и большинство офисов разбросаны по всему городу. Многие из них находятся под землей.

— Возможно, когда-нибудь построят новое здание и разместят все офисы в одном месте, — сказала Руфь.

Бери хихикнул.

— Это и *есть* новое здание. Вы и представить себе не сможете его стоимость; в основном оно оплачено из налогов на междзвездную торговлю.

— Оно не выглядит новым, — заметил Реннер.

— Новыми выглядят неправительственные здания, — проговорил магнат. — Они намеренно выстроены в классическом стиле. Что-то здесь говорит о влиянии России.

— Впрочем, я вижу очень много небоскребов, — сказал Реннер.

— Верно. Спарта — финансовый центр Империи, — сказал Бери. — Земля рядом с городом очень дорогая. Только правительство может позволить себе такую малоэффективную вещь, как классическая архитектура. Вот вам яркая иллюстрация... — Он ткнул пальцем куда-то вперед. — Институт Блейна.

Окна Института выходили на южные заливы океана. Целый комплекс высоких зданий громоздился на склоне довольно крутого утеса. Эту невероятную крутизну время от времени нарушали балконы, а на полпути к вершине горы выдавалась длинная плоская площадка, утыканная небольшими деревцами, под которыми стояли столики для отдыха.

Лимузин приземлился на крышу. Двое молодых мужчин с физиономиями типичных солдафонов отворили дверцы автомобиля и вывезли из него кресло с сидящим в нем Бери. Океанский бриз приятно обдувал плоскую крышу. Солнечные лучики танцевали на белых барашках волн внизу. Руфь сладко потянулась и набрала полные легкие воздуха, пропитанного соленой свежестью. Потом девушка повернулась к Реннеру, однако он смотрел отнюдь не на нее.

Реннер внимательно глядел на крупного пожилого мужчину в полицейской форме, направляющегося прямо к ним.

— Келли, — проговорил Реннер. — Канонир Келли.

— Да, это я, сэр Кевин. Ваше превосходительство?

— Черт подери, это вы! Руфь, это канонир Келли. Имперские десантные войска. Он был на «Макартуре». Келли, позвольте представить вам капитан-лейтенанта Руфь Коэн.

— Рад встрече с вами, мэм.

— Я решил, что это полицейская форма, — сказал Реннер.

— Ну, типа того, — отозвался Келли. — Я ведь начальник службы безопасности Института Блейна. Однако здесь нет особой нужды во мне, так что у меня куча времени, чтобы как следует встретить гостей. Граф очень обрадуется встрече с вами.

— Граф? — удивился Реннер. — Разве Блейн не маркиз Круциса?

— Нет, сэр, — ответил Келли. — Нет. Маркиз не так молод, каким он был когда-то, но он все еще заседает в Парламенте. — Он сделал незаметное движение рукой. Один из слуг, одетых в форму, открыл дверь, ведущую внутрь. Второй повез туда кресло с Бери.

Они миновали короткий коридор со стенами, украшенными сценами с Мошки-1. В конце коридора возвышалась полукруглая стойка, за которой восседала секретарша, ведающая приемом посетителей. Секретарша являла собой версию Келли, только в форменной юбке. Весь ее вид говорил, что она женщина очень деловая и исполнительная. Реннер заметил у нее кобуру. Спустя несколько секунд она протянула им поднос с довольно крупными значками, на которых уже имелись их имена и фотографии.

— Добро пожаловать, ваше превосходительство. Сэр Кевин. Коммандер Коэн, — проговорила она. — Только, пожалуйста, оставьте на значках отпечатки большого пальца...

Когда Реннер приложил большой палец к значку, он тотчас же загорелся мягким зеленым светом.

— Благодарю вас. Прошу вас, все время носите значки на себе. Желаю приятно провести время.

За приемной стойкой они увидели три лифта. Келли провел их мимо лифтов и указал на четвертый, расположенный за поворотом коридора. На нем висела табличка с надписью «личный». По количеству кнопок Реннер отметил, что лифт рассчитан на тридцать восемь этажей. Прежде чем нажать кнопку «34», Келли открыл лифт специальным ключом.

Когда они очутились внутри, Реннер сдвинул брови.

— По-моему, вы сказали, что особой нужды в безопасности нет.

— Вы неправильно меня поняли, сэр, — возразил Келли. — Я сказал, что нет особой нужды в начальнике службы безопасности. Так оно и есть, потому что у меня отличные подчиненные.

— И часто у вас случаются неприятности? — осведомился Бери.

— Не очень, ваше превосходительство. Но нам уже несколько раз угрожали. Есть люди, которым не нравятся мошкиты. Им не хочется, чтобы мы их изучали.

Стены и потолок тридцать четвертого этажа были отделаны панелями из темного дерева, а пол — устлан толстым ворсистым ковром. На стенах висели фотографии. Руфь привлекла одна из них, и девушка внимательно разглядывала ее.

— Кевин... Кевин, это же *вы!*

Реннер подошел к Руфь и тоже посмотрел на снимок.

— Ого, это же музей Мошки-1. А эта установка... это же машина времени.

— Что? — Руфь разобрал смех. Однако спустя некоторое время она перестала улыбаться и лицо ее стало серьезным.

— Она не работала, — произнес Реннер.

— Да. Почему эти твари напали на вас? Из-за... из-за машины времени?

— Вот дьявольщина! Почему они? Мошкиты сообщили нам, что это мифические демоны, защищающие структуру реальности. Позже мы обнаружили, что это оказались мошкиты класса Воинов. Вам же не хочется, чтобы *они* свободно разгуливали по Империи?

Келли проводил их до конца коридора, постучал в дверь из ореха и вошел.

— Миледи, милорд, к вам посетители.

* * *

Когда они вошли, Род Блейн стоял. Причем достаточно далеко от них, потому ему не пришлось обмениваться с гостями рукопожатиями.

— Добро пожаловать в Институт, ваше превосходительство. Рад встретиться с вами снова. Кевин, вы прекрасно выглядите. Должно быть, вам подходит гражданская жизнь.

Бери умудрился встать и поклониться.

— Миледи. Лорд Блейн. Могу я представить вам капитан-лейтенанта Руфь Коэн? Она путешествует вместе с нами.

Келли извинился и закрыл дверь.

— Миледи, — промолвила Руфь. Затем девушка поклонилась Роду.

Род взял ее руку и поднес ее к губам.

— Добро пожаловать в Институт, коммандер. — Уши девушки порозовели. *Как ее легко смутить*, подумал Род. Путешествие в обществе Кевина Реннера должно было исцелить ее от этого.

Бери осторожно уселся.

— С вашего позволения, извините...

— О, разумеется! — сказала Салли.

— Что вы, не волнуйтесь, ради бога, — подхватил Род и повернулся к Реннеру: — Как дела, Кевин?

— Не так уж плохо, как я ожидал. Кстати, Руфь известен наш страшный секрет. Во всяком случае, почти весь. — Реннер посмотрел на Салли. — Мы слышали о вашем дяде. Мне очень жаль. Он был прекрасным человеком, хотя именно он вынудил меня заняться шпионажем.

— Благодарю вас, — кивнула Салли. — Дядя Бен никогда не заботился о себе.

Руфь смотрела на них широко раскрытыми глазами.

— Дядя Бен? Он, случайно, не сенатор Бенджамин Фаулер? Кевин, неужели сам *премьер-министр* завербовал вас в службу военной разведки?

— Нет, — рассмеялся Кевин. — Это сделал лорд Блейн. Сенатор Фаулер просто заявил о чрезвычайных обстоятельствах, так что мое увольнение из флота завершилось не совсем приятно.

— Чем я могу вам помочь, ваше превосходительство? — осведомился Род.

— О, в самом деле, не стоит волноваться...

— Ваше превосходительство, сегодня у меня очень загруженный день, и когда я узнаю о некоем объекте, имеющем привычку совершать кругосветное плавание, прежде не упомянув об этом, то нам с леди Салли приходится совершать огромное количество работы, чтобы с этим разобраться.

— Ах! Благодарю вас, милорд, — произнес Бери. На этот раз его улыбка показалась Реннеру искренней. — Я надеюсь уговорить вас использовать ваше влияние на ИВКФ. Милорд, на сегодняшний день Блокаде уже четверть века. Мы так и не нашли общий язык с мошкитами. Вы видите удачные возможности там, где я вижу угрозу. Пока вы согласны закупорить их в собственной солнечной системе. Как и вы, миледи. Но также мы все согласимся с тем, что подобная ситуация не может продолжаться вечно.

— Да, мы, естественно, осознаем это, — проговорил Род. — Мы просто купили немного времени.

— Что вам от нас нужно? — спросила Салли. Она больше не старалась быть учтивой.

— Еще времени, — твердо проговорил Бери. — Миледи, я должен знать, что Блокада эффективна. Я желаю все проверить сам. Мне нужно побеседовать с людьми, наиболее близко знакомыми с этой проблемой. Я хочу изыскать возможность лично убедиться в том, что мы — Империя Человека — можем быть уверены, что мошкиты не освободятся и не распространятся по всей Империи.

— Вы очень многого хотите, ваше превосходительство, — заметил Род.

Бери не проронил ни слова.

— Горацию нужен допуск от ИВКФ, чтобы взглянуть на Эскадру Безумного Эдди, — пояснил Реннер.

Бери медленно закивал.

— Определенно, — тихо произнес он.

— Но не в нашей компетенции решать подобные вопросы, — быстро сказала Салли.

Бери твердо посмотрел на Рода Блейна.

Род развел руками.

— Как уже сказала леди Салли, не нам это решать. Много лет назад мы отказались от наших мест в Комиссии, потому что тогда наш Институт переезжал на Спарту. А теперь поразмыслите об одной вещи, ваше превосходительство. Как кто-то сможет *доказать*, что мошкиты надежно закупорены?

Бери не обратил на тон Блейна никакого внимания.

— Я должен это проверить. — В эти мгновения магнат выглядел страшно старым и страшно усталым. — Я защищал Империю. Я игнорировал реальную угрозу, когда удерживал себя от того, чтобы сорвать заговор и измену внешних. Я считал это неприятностями. Я продолжу поступать так же, но должен знать, что настоящая граница находится под защитой. Вы наверняка считаете, что я никогда не буду удовлетворен, и можете оказаться совершенно правы. Но мне надо увидеть все самому. В конце концов, я заслужил это право!

Род переглянулся с Салли.

— Я его заслужил, — продолжал Бери. — И сомневаюсь, что во всей Империи найдется более действенная разведгруппа, чем мы с Кевином Реннером. И еще раз говорю вам, лорд Блейн, я должен увидеть это!

— Вы уже обосновывали вашу точку зрения, — сказал Род. — Я прекрасно понимаю, что вы находите это весьма серьезной проблемой. — Он вновь взглянул на жену. — Кстати, мы здесь тоже не сидим сложа руки. У нас есть кое-какие разработки.

Салли прочистила горло и сказала:

— Род, у нас назначена встреча...

Род посмотрел на настенные часы.

— Прошу прощения, но я совершенно не заметил, как пролетело время. Ваше превосходительство, мы были очень рады увидеться с вами, но у нас назначена встреча в парламентском комитете. Не угодно ли вам посмотреть, чем мы здесь занимаемся?

— Разумеется, капитан, — сказал Реннер. — Не откажусь, милорд.

— Вот и прекрасно, — проговорил Блейн, хихикнув. — Мы так и думали. — Он посмотрел на потолок. — Финч'клик'.

— Сэр? — раздалось с потолка.

— Попроси зайти сюда Дженнифер. Я уверен, что всем вам понравится ваш гид. Она — аспирант ксеносоциологии, и ей до смерти хотелось познакомиться с другим народом, который живет на Мошке.

* * *

— Род...

Блейн дождался, когда за Реннером закроется дверь.

— Да?

— Я очень не хочу, чтобы этот человек отправился туда! На этом флоте служит наш сын!

— Я уже думал об этом.

— Он предатель, — процедила сквозь зубы Салли. — Да, мы используем его, но он абсолютно не лоялен в отношении Империи. Деньги! — фыркнула она презрительно. — Его волнуют только деньги. И за достаточную сумму он вполне продаст нас мошкитам.

Род с задумчивым видом кивнул.

— Надеюсь, что не будет никакого вреда, если я перемолвлюсь словечком с нашими друзьями из дворца, — с ухмылкой промолвил он.

— А этот его зловещий взгляд...

— Его превосходительство должен приводить подчиненных в ужас.

— Да... а ты уверен, что тебе захочется разговаривать с ним?

— Салли, мы объявим о решении через четыре дня. Бери узнает. При этом мы можем извлечь некоторую выгоду из разговора с ним. Черт, может быть, он уже знает!

— Не думаю.

— В любом случае... Салли, четверть века назад он пошел на измену, но на этот раз он прав. Блокада стоит времени, но это — не разрешение проблемы. Рано или поздно у нас в Империи будет либо два разумных вида существ, либо война на уничтожение. Салли, скоро в Империи будет множество людей, мыслящих так же, как Бери. По крайней мере, он здесь и, вероятно, сможет оказаться нам полезным.

— Я лучше бы обратила целое сборище подонков и ренегатов к Церкви, — сказала Салли. — Однако ты прав, рано или поздно он все разузнает, а он сам — живой прецедент. Мне бы хотелось увидеть его лицо. Тогда мы узнаем, насколько хороши его шпионы!

* * *

Дженнифер Банда, худая и смуглая, была примерно на дюйм выше Реннера ростом и с довольно длинными прямыми волосами, отчего Кевин решил, что кто-то из ее предков был белым. Когда они знакомились, Банда вежливо познакомилась с Руфь, безразлично кивнула Реннеру и чуть ли не раболепно приветствовала Горация Бери. Реннер подумал, что в ее жилах течет кровь ватуси.

— Что бы вам хотелось осмотреть? — осведомилась Дженнифер, и, поскольку никто из гостей не знал ответа, она продолжи-

ла: — Тогда давайте начнем с коллекции образцов. Примерно через час в аспирантском холле состоится что-то вроде встречи. Не угодно отправиться туда?

— С удовольствием, — быстро ответил Реннер.

— «Примерно», — повторила Руфь Коэн с таким же необычным произношением, как и их гид. — Ванкувер, Нью-Вашингтон.

Дженнифер испуганно повернулась к ней.

— Да...

— Я с Астории, — усмехнулась Руфь. — Радуйтесь, что вы не играли в баскетбол, когда нашим приходилось играть с Ванкувером.

Реннер наблюдал за Дженнифер, которая шла впереди них к лифтам. «Какая у нее изящная походка, а как она владеет каждым своим мускулом», — думал он, глядя ей вслед. А ведь гравитация на Нью-Вашингтоне — около 0,93 *g*. Эта девушка наверняка превосходная атлетка. Должно быть, ей пришлось потратить чертовски много времени, чтобы привыкнуть к силе притяжения Спарты, и ей, бесспорно, удалось это.

Когда двери лифта открылись, они увидели коридор с оборудованными длинными рядами мониторов стенами. Дженнифер провела своих спутников мимо них. Дойдя до самого конца корридора, она обернулась и увидела Реннера, бредущего медленно, как все туристы. Вдруг он резко остановился и стал внимательно разглядывать Май-тайский гриб, напоминающий зонт от солнца. Затем перевел взгляд на большеголовых плавучих змей, и озера с водой необычного цвета, и микроскопические экранчики, прикрепленные к... С глубоким вздохом он оторвал глаза от удивительно зрелища и быстро подошел к остальной группе.

Коридор заканчивался конференц-залом с прохладительными напитками, стоящими на продолговатом столе. На стенах зала мерцали голограммы.

— У нас есть образцы различных особей, доставленные с четырех тысяч планет Империи и тридцати планет внешней системы. Да, это слишком много. Нам уже не хватает места, чтобы продемонстрировать их поведение в жизни, поэтому в основном мы пользуемся голограммами. Ванора!

— Готово! — послышалось с потолка.

— Мою первую серию, пожалуйста.

— Конечно.

В противоположном конце зала тотчас же появилась серия голограмм.

— Эти особи обитают на водных планетах, — рассказывала Дженнифер. — Все они почти одинаковые. Четыре плавника, голова и хвост. Они похожи на наших.

Спустя некоторое время на стене появилась еще одна серия голограмм.

— Эти формы жизни развились на планетах, где почти нет воды. Теоретически, раньше они ползали. У них шесть или восемь конечностей. Есть кое-что и поинтереснее — например, Сумасшедшие лапки с Тейблтопа. И, что удивительно, все они строго симметричны.

— Эти ваши голограммы... сколько же их у вас? — спросил Бери.

— Ваше превосходительство, мы стараемся собрать *все*.

— А у вас есть Левантийский Горшок-для-меда?

— Гм-м-м. Ванора! Левантийский Горшок-для-меда.

Голографический дисплей продемонстрировал нечто, очень похожее на гигантскую бесформенную бочку с яркими цветами на верхушке. Вокруг него порхали крошечные птицеподобные существа. Внезапно с края «бочки» резко поднялись тонкие усики, схватили одну из «птичек», которая тотчас же исчезла из поля зрения экскурсантов.

— Что это? — спросила Руфь.

— Признаюсь, для меня это что-то новенькое, — удивленно проговорила Дженнифер. — На экране появился текст: «*Кайбо Сьетзус*. На местном языке англов называется «Левантийский Горшок-для-меда». Крупное сидячее плотоядное животное».

«Горшок-для-меда» — одна из самых крупных жизненных форм, обладающее радиальной, но не двусторонней (билатеральной) симметрией. Считалось, что биохимический состав этого организма уникален, пока в 3030 году Рикардо хаЛеви не описал жизненный цикл Тейблтопской Земляной Ведьмы, которая еще будучи в личиночной форме выделяет такие же ферменты».

— Отвратительная тварь, — заметил Реннер.

— Они не очень широко распространены, — сказал Бери. — «В убежище обитает не больше одной. Они вообще очень редко встречаются. Они очень медленно передвигаются, и их любят пожирать собаки», — быстро прочитал Бери. — Занятно. Когда я учился в школе, нам показывали Горшок-для-меда как пример того, что панспермия — это сущий вздор. Да, это совершенно уникальная штука. Я не слышал ни о чем подобном. Я так понимаю, что в Институте Блейна принимается теория панспермии?

— Большая ее часть, ваше превосходительство, — ответила Дженнифер.

Бери даже хихикнул от удивления.

— Выходит, торговцы не зря тратят время на изучение цен на товары широкого потребления.

— Совершенно верно.

— Панспермия? — переспросила Руфь Коэн.

— Это очень старая теория, появившаяся еще до времен СоВладения, — пояснила Дженнифер Банда. — Существует представление, что жизнь настолько важна, что она случается во Вселенной только один раз.

— *Omnia cellula e cellula,* — пробормотал Реннер себе под нос.

Руфь, нахмурившись, посмотрела на него.

— Извините. Эту фразу учат в школе. Все клетки получаются из клеток. То есть жизнь воспроизводится не стихийно. Это из древнейших научных открытий.

— Правильно, — сказала Дженнифер. — Поэтому теория гласит, что в конечном счете все успешные жизненные формы развиваются методом репродуцирования, причем на межзвездных расстояниях. Когда мы начали осваивать космос, то обнаружили повсюду органические вещества и жизненные формы, которые могли преодолеть межзвездные расстояния, совершая путешествия на хвостах комет. Когда-то довольно давно, думаю, это случилось в ранние времена Империи, ученый по имени сэр Фред Хойл теоретически допустил, что разумные существа намеренно передавали биохимические послания через галактику.

— Вы ведь не верите в это, не так ли? — спросила Руфь.

Дженнифер пожала плечами.

— Да, действительно, но, видите ли, несмотря на все это, люди всегда считали, что сэр Фред, должно быть, спятил, а мы никак не можем доказать обратное. Космос настолько *богат* всевозможными невероятными существами... — Она на какую-то долю секунды запнулась. И вдруг проговорила: — Полагаю, мошкиты в это верят.

Бери окинул девушку критическим взглядом.

— Вы-то откуда об этом знаете?

— О, прошу прощения. Я уже слишком долго пытаюсь мыслить, как мошкиты. Я хотела сказать, что, по-моему, мошкиты в это поверят.

Голограммы продолжались. Картины миров с аспидно-черными растениями.

— Эти жизненные формы основаны на селене, и потому организованы гораздо сложнее, чем на основе хлорофилла, — проговорила Дженнифер. — Однако нам снова удалось найти аналогии в межзвездных органических веществах. Если они уже успели пустить корни, то у хлорофилла нет никаких шансов, поскольку черные растения намного лучше пользуются желтым солнечным светом.

— На безводных планетах все иначе, — продолжала девушка. — Обычно у их обитателей больше органов. И все же они симметрично расположены. Они всегда симметричны. Здесь какая-то загадка. Если бы вам удалось привести хотя бы несколько семян с Мошки! Или еще чего-нибудь!

Реннер рассмеялся, тогда как выражение лица магната оставалось серьезным.

— Адмирал Кутузов уж очень постарался не допустить подобного. Дженнифер, мы давным-давно приняли теорию, что все асим-

метричные организмы были выведены классом Инженеров и что трехрукими они сделались уже после того, как стали разумными.

— Да, да, они в это тоже верят. Но, конечно же, они этого не помнят.

Бери быстро взглянул на нее, но девушка отвернулась к голографическим дисплеям.

Глава 3. Джок

И вот Мы ангелам сказали:
«Адаму низко поклонитесь!»
И те в поклоне перед ним склонились,
Кроме (надменного) Иблиса,
Кто был одним из джиннов
И не исполнил повеленье Бога своего,
Так неужели вы его, его потомство,
Возьмете в покровители себе, вместо Меня?
Они же вам — враги!
Как же порочна эта мена для неверных!

Коран, Та-ха, 115

— Прошу вас, сюда, — сказала Дженнифер Банда. Она сопроводила их на двадцать четвертый этаж, в застекленный просторный зал, занимающий почти весь этаж Института. За двадцатью столами сидело двенадцать человек. Некоторые из них наливали себе и пили кофе из кофейника с логотипом «Империал Автонетикс». Балконные двери одной из стен зала вели на открытую веранду, с которой открывался вид на далекий залив внизу. Свежий ветерок привносил с собой запах моря.

— Какой чудесный вид, — сказала Руфь.

Кевин Реннер рассеянно кивнул. Атмосфера в зале была весьма необычной. Двенадцать аспирантов. И всем им известно, что Реннер и Гораций Бери побывали на Мошке-1. Они переглядывались друг с другом или смотрели на панораму, расстилающуюся внизу, которую наверняка уже видели не один раз.

— Мак-Куоркодейл. «Философский журнал», примерно полгода тому назад, — произнес кто-то из присутствующих. — Изучение жужжащего дракона в движении.

— Но это же не моя область.

— Это все еще исследуется. Так что — кто знает?

Дженнифер провела гостей на балкон. Реннер подошел к перилам и осмотрелся, и только потом заметил, что Руфь так и осталась стоять у двери.

— Астрофобия? — спросил он.

— Наверное, есть немного, — ответила она и села за ближайший к стене столик. Спустя несколько секунд к ней присоединился Бери на своем кресле-каталке. Реннер слегка перегнулся через перила и, наслаждаясь видом, прислушивался к разговорам за его спиной.

Женский голос неистово доказывал что-то по поводу важности паразитов для экологии, в то время как собеседник-мужчина предпочитал молча слушать эти высказывания с нескрываемым интересом. Реннеру припомнились такие же разговоры, когда ему было столько же лет, сколько этим аспирантам, и он снисходительно-благодушно улыбнулся. Кевин испытывал симпатию к этим людям.

Двое аспирантов за соседним столиком пили чай.

— А я все-таки скажу, что это неправильно! Ради бога, я занимаюсь политическими науками! И вообще не желаю ничего знать об органической химии, тем более то, что не смогу отыскать в своем компьютере.

— Вот это ты и будешь доказывать на следующей неделе, — ответил кто-то с явной насмешкой. — Я ведь только предлагаю тебе помощь, Мириам Энн.

Реннер уселся между Руфью и Дженнифер Бандой.

— Приятное местечко, — проговорил он, вытягивая шею. — Лады, сдаюсь. — И он с улыбкой поднял руки.

Дженнифер вопросительно вскинула бровь.

— Здесь главный центр по изучению мошкитов в Институте Блейна. А мы — те, кто побывали на Мошке-1. И, как видите, нами никто не интересуется, — произнес Кевин.

— Это элементарная вежливость, — пояснила Банда. — Их предупредили не приставать к вам с вопросами.

— Ах вот оно что! — воскликнул Реннер, ибо ожидал именно такого объяснения. И все равно он чувствовал, что здесь что-то не так.

— Мы все как следует изучили ваш фильм, сэр Кевин. Равно как и все доклады «Империал Автонетикс», в которых упоминается Мошка.

— Что ж, похвально, — промолвил Бери. — И, конечно же, у вас в Институте есть мошкиты для изучения. Полагаю также, что все, что мы видели на голограммах, создано с их слов, не так ли?

Ответ Дженнифер приглушил громкий кашель. Девушка за соседним столиком подавилась кофе. Прокашлявшись, она допила его с явно преувеличенной осторожностью.

— Что вы узнали? — осведомился Бери.

— Ну... мы составили краткую общую историю Мошки, — ответила Дженнифер. — А сведения мы узнали от Джока и Чарли. Они сообщили нам все, что смогли вспомнить.

— Джок и Чарли? — переспросила Руфь.

— Джок, Чарли и Иван были послами с Мошки-1, — сказала Дженнифер. — Адмирал Кутузов не смог отказать им. Однако вам придется запомнить: они не представляли всю систему или даже планету. Только лишь местное правительство, а точнее, одну большую семью, состоящую из десятков тысяч, а возможно и более, организмов.

— Король Петр, — произнес магнат. — Конечно, на самом деле он никакой не король, а форма правления — вовсе не монархия, но это название они выбрали в надежде, что оно покажется нам знакомым. Они хорошо изучили нас, даже очень.

Дженнифер кивнула в знак согласия.

— Бесспорно, им известно о нас намного больше, нежели нам о них. Они послали трех послов, Мастера и двух Посредников. Руфь, вам известно о Мастерах и Посредниках? Мошкиты — специализированные особи, и у них великое множество различных классов. Мастера отдают приказы, а Посредники передают их. Что бы там ни было, они назвали Мастера Иван, вероятно потому, что возглавлял экспедицию адмирал Кутузов, и они решили, что в Империи Мастера — это русские. Посредникам же они дали имена Джок и Чарли. Иван умер первым, он никогда много не говорил, если не считать того, что передавал через Посредников. Поэтому от него мы почти ничего не узнали. Потом... во всяком случае, как заметили, ваше превосходительство, мы сделали голограммы, пользуясь только имеющимися у нас сведениями. Естественно, когда у вас есть сведения лишь о паре Циклов, вряд ли найдутся какие-либо подробности.

— Циклы, — задумчиво повторила Руфь. — Я об этом много слышала в школе. И это все, что я помню о мошкитах.

— Именно так, — подхватил Реннер. — Все, что известно о мошкитах, — это Циклы. Цивилизации развиваются и разрушаются.

— Иногда это происходит с невероятной скоростью, — сказала Дженнифер. — Они перепробовали все! Промышленный феодализм, коммунизм, капитализм и такие вещи, которые нам даже в голову не придут! У нас есть множество историй, которые мы называем народными сказаниями, но ведь это — совсем не *история*.

— Ее и не может быть, — сказала Руфь Коэн. — Чтобы создавать историю, необходима последовательность. Мне очень жаль мошкитов.

— Мне их тоже жалко, — сказал Бери. — А кому не жаль? Они умирают в агонии, если не смогут забеременеть и родить. Бесконечный рост населения, нескончаемые войны за весьма ограниченные природные богатства. Иногда я боялся, что только я способен осознать, какими опасными они делаются из-за этого. Дженнифер, мы побывали на Мошке-1. Эта планета перенаселена так, что это невозможно описать. На ней идет постоянная борьба за власть и престиж. Они нам сказали, что очень скоро их погубит это, и я им по-

верил. Еще мы видели признаки цивилизации на поясе астероидов. Джекоб Бакман сообщил мне, что большинство астероидов проявляло активность.

— Я даже удивился, как он это заметил, — вставил Реннер.

— Он потерял к ним всякий интерес после того, как это обнаружил, — сказал Бери.

Дженнифер засмеялась. Двое за соседним столиком мгновенно замолчали. Затем они подсели еще к двум аспирантам, также предпочитающим не слушать Дженнифер и ее спутников.

— Мы так и не узнали ничего существенного о цивилизации астероидов, — проговорил магнат. — Это всегда беспокоило меня. Возможно, вам известно больше, а?

— Совсем немного, — ответила Банда. — Мош... наши мошкиты ни разу не бывали на астероидах. Джок считал, что во время расцвета Империи существовали так называемые «троянские» точки устойчивого равновесия или просто «троянские» точки, но он никогда не был уверен в этом.

— Промышленный феодализм на Мошке-1 будет долгим, но затем все же рухнет, — проговорил магнат. — Возникнут другие системы. А возможно, не возникнет ничего, кроме первобытного строя.

— О, безусловно, нет, — сказала девушка за соседним столиком.

— Круги, — проговорил Реннер. — Вы никогда их не видели.

— Круги? — спросила Руфь.

Не успел Кевин ответить, как девушка, сидящая за соседним столиком, встала и слегка наклонила голову.

— Мириам Энн Вукчик. Историк политики. А это — Том Боярский. Позвольте нам присоединиться?

— Прошу вас, — ответил Бери.

— Круги? — снова спросила Руфь, а Реннер ответил:

— Круги — это первое, что я увидел с орбиты. Повсюду — кратеры, большие и маленькие, и все очень старые. И так — по всей Мошке-1. Моря и озера. Один из кратеров перекосило от землетрясения, другой находился прямо на горной гряде... Что вы думаете по этому поводу?

— Великая астероидная война. Наши мошкиты ничего о ней не помнят, — ответила Мириам.

— Они мыслят кругами. Циклами. Расцвет и падение. Население немыслимо растет, и вдруг — война. Они сохраняют свои музеи, чтобы помочь следующим цивилизациям подняться. Они даже больше не *пытаются* что-либо остановить. Они слишком древние. И это будет продолжаться неограниченно долго.

— Безумный Эдди... — начала Мириам.

— Да, Безумный Эдди пытался это прекратить.

— Я не считаю Безумного Эдди мифическим персонажем. У нас ходит множество преданий о приходе Мессии и о святом безумце,

однако ни одна человеческая культура никогда не возлагала все свои надежды на будущего спасителя, которому *придется* быть, к тому же, еще и сумасшедшим.

— А как же Дон Кихот? — усмехнулась Руфь.

— Хороший вопрос, — согласно кивнула Дженнифер.

— Люди пытаются совершить невозможное. Это — часть их натуры, — заметил Том Боярский. — А составная часть натуры мошкитов — подчинение неизбежному.

— Однако Джоку действительно нравится «Дон Кихот», — сказала Дженнифер Банда.

— Им *понравилась* персидская сказка об одном человеке, который сказал королю, что сможет научить петь коня, — проговорил Том. — Может быть, они и интеллектуально развиты. Но на уровне желудка. — Он рассмеялся. — Здорово, да?! Нам известно о них слишком много, а стоит копнуть поглубже, то выходит, что они для нас по-прежнему великая тайна.

— И всегда ею будут, — сказала Мириам.

— Нет, — произнес Том. — В следующий раз мы узнаем о них больше, чем смогли изучить сейчас. В следующий раз мы раскроем их тайну.

— В следующий раз, — повторил Бери. — Вы намечаете еще одну экспедицию на Мошку?

Сперва Том выглядел немного испуганно, точно его застали врасплох, но потом он громко рассмеялся и сказал:

— Я не смогу обеспечить ее финансирование. — В эти мгновения он наверняка подумывал кое о чем, однако не был настолько юн, чтобы надеяться на деньги Горация Бери. — И никто из нас не сможет это сделать, — продолжал Том. — Во всяком случае, не один я думаю об этом. Но рано или поздно мы кого-нибудь отыщем.

Карманный компьютер Дженнифер запищал. Она немного смутилась, однако поднялась из-за стола со словами:

— Извините. Но мне передали, чтобы я отвела вас в офис леди Блейн.

Бери включил двигатель своего кресла. Реннер встал.

— Вы просто не знаете, а ведь это правда, — проговорил он. — Считается, что Безумный Эдди *потерпел крах*.

* * *

В приемной, расположенной перед кабинетом леди Салли Блейн, кроме секретарши находилась еще одна женщина, несколько моложе. Это была блондинка в очень дорогой одежде. Реннер давно уже мысленно нарисовал себе образ Гленды Руфь Фаулер Блейн, однако не думал, что ему когда-либо представится возможность сравнить его с оригиналом. С точно такими же прекрасной лепки

чертами лица и умным, проницательным взглядом, как у матери, девушка выглядела восхитительно.

— Сэр Кевин. Ваше превосходительство, — произнесла она. В ее глазах заиграли озорные искорки. — А я решила, что успею представиться до того, как мои родители превратят это в скучную формальность. — Реннер невольно отметил, что у нее заразительная улыбка. — Кевин, очень рада познакомиться с вами! Ваше превосходительство, а вам известно, что моего брата назвали в честь вашего пилота?

— Нет, миледи...

— Да, да, это так, — промолвила она, кивая. — Кевин Христиан. Но мы привыкли называть его Хрисом. Маме очень не нравится, когда мы болтаем о нашей семье. Неужели вам никогда об этом не рассказывали, Кевин? Странно... Однако вы наверняка догадывались. Кевин, а я по-прежнему храню чашу, которую вы мне послали. Спасибо вам, и вам тоже спасибо, ваше превосходительство! Ведь ничего подобного здесь не продавалось многие годы.

— Она была изготовлена в наших лабораториях, миледи, — сказал магнат с искренней улыбкой на лице. — Очень рад, что вы помните о ней.

— Она все еще импользуется для самого вкусного на Спарте молока, — сказала Гленда, показывая на стену, где находился дисплей-циферблат, с темными и светлыми участками Спарты. — Там вас ожидают. О... я не хотела ничего рассказывать, но надеюсь, что вы уже готовы к сюрпризу. — И с этими словами она придержала уже открытую дверь, чтобы дать проехать креслу с сидящим на нем Бери.

Когда Гленда Руфь сопровождала их к кабинету леди Блейн, на лице Дженнифер Банды застыла загадочная странная улыбка. Девушки заговорщически улыбались, что довольно сильно действовало Реннеру на нервы.

В кабинете он застал еще одного посетителя.

Он медленно поднялся со своего передвижного кресла очень необычного изготовления и поклонился. Покрытый шерстью, ухмыляющийся горбатый карлик, не просто крошечного роста, но и гротескно бесформенный. Пока Реннер не смотрел прямо на него, он мог проследить за выражением своего лица, однако весь контроль был тотчас же утерян, когда незнакомец поклонился. Ибо его выпирающий позвоночник был сломан в двух местах.

Разум почти всегда неверно истолковывает первое впечатление от кого-либо.

Когда карлик встал, в нем оказалось четыре с половиной фута росту. Он весь был покрыт волосами. Реннер видел коричневые и белые отметины, хотя белые преобладали, затеняя собою коричневые. На правой стороне головы торчало одно ухо, а на левой просто

не было места для второго; могучие мускулы плеча поднимались прямо до выпуклого, похожего на шишку, сочленения на верху бесформенного черепа. Две правые руки существа были тонкие и хилые. Форма лица очень напоминала голову дельфина с его неизменной улыбкой.

Реннер набрал побольше воздуха в легкие. Он не мог оторвать от карлика глаз ни на секунду... и тут вспомнил про Бери.

Гораций Бери переменился в лице, а его щеки покрылись пятнами. Он попытался открыть специальный ящичек, встроенный в подлокотник кресла, но его руки ходили ходуном и никак не могли попасть в диагностический рукав. Реннер подскочил к магнату и быстро вставил его руки, куда полагалось. Немедленно система заработала, всаживая в Бери изрядную дозу транквилизатора. Какое-то время Реннер изучал показатели приборов на кресле магната, затем резко вскинул голову и посмотрел на хозяев дома.

— Капитан, это отвратительно! Да, да, я к вам обращаюсь, милорд! Милорд Блейн, вы же могли убить его, черт подери!

— Папа, я же говорила...

Граф Блейн прикусил губу.

— Я не думал, ваше превосходительство, что...

Однако магнат уже обрел над собой контроль и пришел в неописуемую ярость.

— Восхитительная шутка, милорд. Просто восхитительная! *Кто ты?*

— Я — Джок, ваше превосходительство, — ответил мошкит. — Рад видеть вас таким здоровым.

— ...М-да... Может быть, ты и прав... в сложившихся обстоятельствах. А я нахожу это *ошеломляющим* — встретить тебя таким здоровым. Значит, ты нам лгал? Ты сказал, что Посредники умирают примерно в двадцатипятилетнем возрасте. Все мошкиты умирают, если не могут забеременеть, а Посредники — как мулы. То есть, по твоим словам, они стерилизованы.

— Между ног, — вставил Реннер.

Бери выпучил глаза.

— Особь мужского пола? Аллах милосердный! Лорд Блейн... леди Блейн... это же умопомрачительное достижение! *Как?*

— Финч'клик' отдал нам Чарли 490, — ответила Салли Блейн.

И снова Реннер уставился на голографическую стену. Естественно, что поначалу Кевин не заметил ее. Теперь же он наблюдал, как ему показывали нечто, сильно смахивающее на темные силуэты после компьютерно-томографического сканирования. Он видел какие-то внутренности, но только не человеческие. Конечно же, они принадлежали мошкиту. Взять хотя бы бедра: одно замысловатое и массивное, оно присоединялось к позвоночному столбу, а кость была не тоньше кости ноги человека. Мошка-1 еще не изобрела позвонков.

Камера наехала на желудок. Светящаяся указка показывала на крошечных головастиков, присосавшихся к стенке желудка.

— Это C-L червь, — пояснила леди Сандра Фаулер Блейн. — Так мы создали генетически вшитый симбионт с пищеварительным трактом. Теперь он вырабатывает мужские гормоны. Он уже выделил очень много какого-то вещества, похожего на гормоны. Это не первая особь, над которой мы ставили опыты, но мы перепробовали все *виды* особей, и пока это не дало достаточного результата. Иван погиб до того, как мы подготовились к опытам. Мы считаем, что Чарли убил психологический выбор: кем ему стать — особью мужского или женского пола. К тому же он был слишком стар.

Бери, похоже, окончательно пришел в себя, и цвет его лица стал ровным.

— Вы нарушили цикл размножения мошкитов, — проговорил он.

— Напротив, мы восстановили этот цикл, ваше превосходительство, — холодно возразила леди Блейн. — Он нарушился у Посредников. Ребенок, особь мужского пола, особь женского пола, беременность, особь мужского пола, особь женского пола, беременность, вот как выглядит цикл особей класса мошкитов. Но Посредники — стерилизованные мулы, поэтому они лишь однажды бывают мужского пола, и умирают они молодыми.

Мы протестировали всего трех мошкитов, но так и не смогли ответить на все наши вопросы. Когда мошкит бывает особью мужского пола лишь на короткое время, его единственное яичко усыхает, и мошкит становится особью женского пола. Подавая яйцеклетки в родовые пути и делая тест за тестом, мы все равно получали тот же самый результат: только одна особь достигла нормального периода беременности.

— И эта особь доставила вам больше беспокойства, чем та, с вашими червяками, — заметил Реннер.

— Да, беспокойство, но проблема не в этом, — сказала Гленда Руфь. — Темперамент особи вырабатывает дополнительные гормоны. Вот вам старый, отлично обосновавшийся в мошките паразит. Фактически, он уже развился до симбиотической стадии. Он мог бы вырасти больше внутренностей своего хозяина. Но сам гормон сдерживает этот процесс, и червь давно уже развился в еще один механизм защиты своего хозяина.

Бери мельком взглянул на Реннера. Наверняка, они думали совершенно одинаково: *теперь не будет никаких проблем с транспортировкой симбиота.*

— И что дальше, миледи? — учтиво осведомился магнат.

— А вы не догадываетесь? — прикусив губку, спросила Салли. — Кевин? По-моему вам совершенно очевидно, что концепция Безумного Эдди намного лучше большинства наших понятий. А что если они *захотят* именно этого?

— Разумеется, захотят! — воскликнула Гленда Руфь.

Салли строго посмотрела на дочь, затем повернулась к Реннеру.

— Вы можете сделать их способными к размножению? — спросил Кевин.

— Нет. Во всяком случае — Посредников, — ответила Салли.

— Хранители, — задумчиво промолвил Реннер.

Бери согласно кивнул. Хранители — стерилизованные Мастера, намного менее амбициозные в территориальном отношении, чем большинство мошкитов-Мастеров. Это название пришло от Хранителей Музеев и других общественных объектов. Пытаясь найти их, погибли три гардемарина.

Внезапно Реннер усмехнулся.

— Посредники могли бы захотеть этого. Мастерам это понадобится для того, чтобы справиться с их врагами. Однако вы не знаете, сработает ли это на Мастерах.

— Не знаем. Но это срабатывает на Посредниках. И если нам удастся раздобыть для опыта Мастера...

— Кевин, — сказал Бери.

— Да? — откликнулся Реннер и, посмотрев на магната, увидел, что тот выглядит совершенно больным. Реннер взглянул на циферблат часов, встроенных в подлокотник кресла магната. Он горел тусклым оранжевым светом. — Ах да, вам же нужно подготовиться к званому ужину в Торговой гильдии. Милорд, миледи...

— Мы обязательно продолжим нашу беседу, — сказал Бери. Реннеру показалось, что он с трудом двигает губами. — Позднее. У вас... У вас есть чрезвычайно мощный... инструмент.

— Мы знаем, — произнес Род Блейн. — И мы не забудем о нашем разговоре. Сколько вы намереваетесь пробыть на Спарте, Кевин?

— Скажем, две недели. Может быть, три.

«Столько, сколько понадобится, — подумал Реннер. — Если мы не сделали этого прежде, то это необходимо сделать сейчас».

— Кевин, давайте поужинаем вместе, — предложила Гленда Руфь. — Полагаю, никто не сочтет предосудительным, увидев девушку, ужинающую с крестным отцом своего брата. — Она с нежной улыбкой посмотрела на мать. — Ведь так?

* * *

Реннер спал как невинное дитя, когда его разбудил писк открываемой двери.

— Хорвендейл, это Бери?

— Его превосходительство только что вошел.

— Кевин, что случилось? — зашевелилась Руфь.

— По-моему, мне следует отговорить Бери от этой затеи, — задумчиво проговорил Реннер.

Набил проводил его в небольшую гостиную.

— Как он? — спросил Реннер. — Он захочет поговорить, а?

— Он заказал горячий шоколад, — ответил слуга.

— Лады. Тогда пусть принесут два.

Кресло магната стояло в центре ворсистого ковра. Бери сидел в нем совершенно прямо и неподвижно, как набитая опилками кукла. Реннер выжидающе смотрел на магната. Наконец тот тихо произнес:

— Я был с ними любезен.

— Я просто поражен! Так что все-таки угодно его высочеству?

— Он не стал «его высочеством», пока его не назначили вице-королем, — промолвил Бери, медленно покачивая головой. — Мы сидели за одним и тем же столом, и нас разделяло несколько мест. Позднее, в клубных кулуарах, вокруг него собирались целые толпы народу. Он сумел создать впечатление большого ума и харизмы, что стало очевидно из его стремительной карьеры. На самом же деле не было ничего, чего бы я о нем не знал, но по крайней мере нас официально представили друг другу, и я не обнаружил никаких признаков неприязни с его стороны.

— А дальше что?

— Я уговорил его прийти в четверг на ужин. Это было единственное «окно» в его расписании. Он может выслушать меня и вспомнить о Джекобе.

— Вы могли бы сказать ему, что, если захочет, он может отправиться на Нью-Кал вместе с нами.

— Да. Хорвендейл, установите, какую еду и досуг предпочитает лорд Эндрю Мерсер Келвин. Кевин, нам *надо* идти. Эти счастливые лорды на самом деле совершенно не поняли проблемы, и теперь считают, что нашли ее разрешение!

— Вы должны признать, что кое-чего им удалось добиться.

— Хоскинс видит в Мошке одну только выгоду. Блейнам хочется поиграть с новой игрушкой. Аспирант Боярский мечтает отправиться туда в качестве туриста. Он был прав. Они безусловно соберут еще одну экспедицию, если раньше этого не прорвется Блокада.

— Знаю. В конечном итоге люди всегда поступают так, как они понимают задуманное. Яркий тому пример — Земля.

— Тут совершенно другое дело. Дочка Блейнов захочет отправиться на Мошку. А если учесть огромное влияние ее семьи...

— М-да... Она унаследует власть, даже глазом не моргнув. Гленда Руфь... Ей приятно вспоминать о нашем визите.

— Естественно, Кевин, ей это приятно, поскольку она прекрасно понимает, что произвела на тебя неизгладимое впечатление. Да и со мной она вела себя очаровательно, чуть ли не фамильярничала.

Реннеру не понадобилось много времени, чтобы осознать, что Бери имеет в виду.

— О Господи! — воскликнул он. — Воспитанная Посредником мошкитов! Из нее получится неплохой дипломат, черт подери!

Набил принес кружки с шоколадом. Бери взял одну из них и стал согревать ею руки.

— Эскадра Безумного Эдди. Если бы они знали, насколько *важна* их работа. Если состоится экспедиция на Мошку, то ей придется прорываться сквозь Блокаду.

— Забудьте об этом, Гораций. ИВКФ четко исполняет приказы.

— Да, они принесли присягу, — сказал Бери, барабаня пальцами по клавиатуре, встроенной в кресло. Стена внезапно осветилась.

— Торжественно клянусь поддерживать и защищать Империю Человека от всех внешних и внутренних врагов и распространять защиту Империи на всех людей; клянусь повиноваться законным приказам моих командиров и поддерживать и защищать как носителей верховной власти законных наследников, ведущих свое происхождение от Лисандра Великого; верой и правдой служить Человеческому сообществу в границах Империи.

— Ты видел? Эта присяга вынудит их остановить экспедицию, если я сумею доказать, что в ней таится угроза.

— Забудьте об этом, Гораций, — повторил Реннер. — Присяги — это одно, а военные трибуналы — совсем другое. Однако это можно рассмотреть и так. Если худшее все же произойдет... скажем, если экспедиция все-таки отправится и привезет с собой Мастера с его семьей... Либо если корабль мошкитов прорвется к прыжковым точкам *и* до Нью-Кал *и*... о Господи... до межзвездных средств массовой информации, где пройдут личные интервью. И тогда станет политически невозможным делом просто взять да уничтожить их. Вы ведь тоже об этом думали, не так ли?

— Разумеется. А если это будет семья мошкитов с Посредником, то могу поклясться, что они оставят дома своих воинов и... Часовщиков.

— Но теперь мы смогли бы стерилизовать их, не нанеся им вреда. Так *лучше*, Гораций. А сейчас, почему бы вам не поспать? Завтра военная разведка ожидает от вас ясного взора и небывалой энергии.

Он посмотрел на Бери, и ему показалось, что он видит перед собой статую скорби или даже страха.

Глава 4. Вето

> Я прожила жизнь благодаря Господу, который не внял ни одной моей молитве.
>
> *Джен Игелоу*

Появление Бери явно произвело неизгладимое впечатление на дежурную по связи первого класса. Бери догадывался, что прежде она не встречалась с имперским магнатом; и, очевидно, его титулы были ей незнакомы. Именно поэтому она очень долго пыталась в этом разобраться, и со времени назначенной встречи прошло уже десять минут.

— Капитан Каннингэм примет вас немедленно, ваше превосходительство, — наконец проговорила она. — Прошу прощения за задержку. У нас такая загруженная неделя, да я раньше и не видела ничего подобного. — Она встала и открыла дверь, ведущую в кабинет Каннингэма, куда Бери и направил свое движущееся кресло.

За последние двадцать пять лет у Бери было всего три дежурных помощника по связи. Его не волновало, узнает ли его капитан Рафаэль Каннингэм или нет. Они ни разу не встречались, но обменивались голографическими посланиями. Каннингэм выглядел совсем ребенком: голова, круглая, как шар для боулинга, покрытая светлым пушком волос, нос кнопочкой и поджатые губы. Бери читал все публикации о биографии Каннингэма и его карьере; вдобавок он знал все, что касалось детства этого помощника и связях его семьи, которые могли или, напротив, не могли испугать его заместителя-секретаря. По-видимому, в ИВКФ знали, что выбор Горация Бери был невелик.

Его расследования разочаровывали, если не удивляли. Рычагов, при помощи которых можно было воздействовать на Рафаэля Каннингэма, имелось очень мало. За свою сорокалетнюю карьеру в ИВКФ он не успел особенно отличиться, однако его репутация, безусловно, была безупречна. Агенты Бери заподозрили было капитана в супружеской неверности, но не сумели это доказать.

«Болваны», — подумал магнат. Эти вэкаэфовцы больше заботятся о показухе, нежели о деле.

Было сложно прилагать усилия в гравитации Спарты, но Бери умудрился сделать это, даже не поморщившись. Он слегка наклонился; за многие годы он научился дожидаться хоть какого-то жеста со стороны офицеров ИВКФ, прежде чем протянуть руку для приветствия.

Каннингэм встретил его с широкой улыбкой. Он вышел из-за письменного стола и подошел к магнату.

— Ваше превосходительство, очень рад познакомиться с вами через столько лет.

Его рукопожатие было коротким, но крепким.

«Итак, — подумал Бери, — я задержался на десять минут, но в этом виновата секретарша. Ему пришлось встречать меня на полпути. Очень корректный человек этот Каннингэм».

— Ваше превосходительство, признаюсь, что не ожидал когда-нибудь познакомиться с вами, — произнес капитан.

— К сожалению, работа не позволяет мне часто посещать Спарту.

— Я позволил себе заказать нам кофе. — Он коснулся продолговатой кнопки, встроенной в стол, и тотчас же вошел ординарец с подносом. Он поставил высокую кружку ИВКФ на стол Каннингэма и маленькую чашечку с турецким кофе возле локтя магната.

— Благодарю, — Бери поднял чашку и произнес: — За наше постоянное сотрудничество.

— Полностью к вам присоединяюсь, — отозвался Каннингэм.

Бери сделал глоток кофе.

— *Разумеется*, «сотрудничество» — это очень сильно сказано. Учитывая все расходы и вознаграждения...

Каннингэм немного нахмурился.

— Я полагаю, что не знаю о расходах, однако что касается вознаграждений, признаюсь, я несколько озадачен, ваше превосходительство. Мы ведь не имеем практически ничего, кроме званий. Ваша работа на земле Максроя заслуживает огромной похвалы, однако вы отказались практически от всех добавочных наград. Могу я спросить — почему?

Бери пожал плечами.

— Безусловно, я очень высоко ценю имперские награды, но, возможно, они менее... полезны... для меня. Огромное вам спасибо за предложения, но то, чего я хочу, намного важнее всего этого.

Каннингэм вопросительно поднял бровь.

— Капитан, вам давно известно, что я считаю Мошку-1 самой крупной угрозой для человечества с тех пор, как шестьдесят пять миллионов лет назад Динозавр-Убийца царствовал на Земле.

— Тут я с вами не согласен. Ваше превосходительство, мне нравится, что мы во Вселенной не одиноки. Другие разумы, с совершенно иным пониманием действительности, чем у нас. Была ли эта тварь на «Макартуре»? А крохотные создания, Часовщики, заполонили весь корабль, подобно чуме?

Бери напрягся. *Каннингэму нравятся мошкиты.* Поэтому он и изменил тему беседы. Наверняка это есть в приказе.

— Мои отчеты доказывают, что я — отнюдь не дурак, — проговорил магнат. — Я убежден, и это будет не более, чем простая констатация факта, если скажу, что у Империи еще не было более опытного офицера разведки, чем я.

— Не спорю, это так, — сказал Каннингэм. — Во всяком случае, не могу представить вам ни одного примера в опровержение ваших

слов. Это может показаться странным, но способ, которым вы можете... Я пришел к заключению, что вы берете за образец финансовые потоки. Ведь именно это — ваш метод, не так ли?

— Деньги, товары, социальные установки. Некоторые видят перемены в местных социальных установках, в изменениях мирового импорта или темпах инфляции. Я руководствовался этими принципами еще задолго до того, как стал сотрудничать с вашим учреждением, — сказал Бери. — Четверть века тому назад я был... убежден... что это помощь Империи. Я раскрывал заговоры, ереси и предательства внешних, чтобы Империя могла сосредоточиться на реальной угрозе. Мошкиты! Разумеется, вы читали мои доклады о земле Максроя.

— А-а... Хватательная рука, — улыбнулся Каннингэм. — Но в конце концов мошкитам так и не удалось вырваться на свободу, не так ли?

— Совершенно верно. Не в этот раз, капитан. Как же мне вас убедить? Я...

— Вы были ими напуганы.

Лицо Бери побагровело. Каннингэм поднял огромную трехпалую руку.

— Не обижайтесь. А как еще следовало на это отреагировать? Крохотные, опушенные мехом, нечеловеческие лица, глядящие из скафандров, пробирающиеся тебе за спину... Господи! Кто-нибудь другой, вероятно, точно бы угодил в психушку. Вы же... — Вдруг Каннингэм рассмеялся. — Вы же попали в военную разведку. Кстати, невелика разница.

— Прекрасно, — тихо произнес Бери. — Я снова напуган. Я боюсь за Империю Человека.

— Настолько, что не готовы выполнять вашу работу? Должен сказать, ваше превосходительство, что я не понимаю, зачем потребовалась ваша специальная экспертиза долговременной блокадной операции ИВКФ.

Каннингэм уже знал. Поэтому Бери ответил:

— Когда меня пригласили в военную разведку, у меня не было выбора. С тех пор ситуация в корне изменилась. Неужели вы считаете, что теперь сумеете заставить меня сделать все, что вам угодно?

Каннингэм весь напрягся.

— Ваше превосходительство, мы никогда не сможем *заставить* вас сделать что-либо. Вы вольны отправляться куда угодно.

Бери громко рассмеялся.

— К превеликому сожалению, сенатор Фаулер уже умер, поэтому он не может услышать ваши слова. Так или иначе, мой статус постепенно сделал из меня нечто вроде добровольца.

— Так было всегда, — пожал плечами Каннингэм.

— Совершенно верно. Вы согласны, что я представляю ценность для Империи?

— Несомненно.

— В сущности, бесценный и одновременно дешевый, — пробормотал Бери. — Так-так-так. Я продолжу выступать в той же роли. Однако теперь мне кое-что нужно.

— Незачем быть таким агрессивным. Вам нужен пропуск в Блокадный Флот, — тихо промолвил Каннингэм.

— Точно. Вы об этом узнали от Блейна или из Имперской Торговой Ассоциации?

— Торговцы с нами не разговаривают, — сказал Каннингэм насмешливо. — Кстати, а вы насчет этого серьезно, а?

— Капитан... — Бери сделал паузу и продолжил: — Капитан Каннингэм, один из ваших наиболее действенных агентов серьезно обеспокоен насчет потенциальной угрозы Империи. Я настолько же серьезен, как любой другой из ваших психов. Я не прошу субсидировать меня, потому как вполне способен обойтись собственными средствами. Я контролирую несколько мест в Совете директоров ИТА, и у меня есть... влияние... на нескольких членов Парламента.

Каннингэм тяжело вздохнул.

— Мы тоже беспокоимся за Блокаду.

— Да неужели? — усмехнулся магнат. Это уже *что-то*. Бери даже не пришлось пользоваться диагностическим рукавом, во всяком случае — пока.

— Да, существует угроза Блокаде. Разного рода. По-видимому, мы сможем поладить. Вы читали недавние свежие репортажи Алисии Джойс Мей-Линг Трухильо?

— Вы уже второй человек, задающий мне этот вопрос. Нет, не читал, но обязательно ознакомлюсь с ними, как только вернусь к себе в номер.

— Прекрасно. Ваше превосходительство, эта... эта репортерша, занимающаяся всякими громкими расследованиями, кормит нас какой-то чертовщиной. Не скажу, что ее материалы бессмысленны, но черт ее дери! Эскадра Безумного Эдди вышла туда навсегда. Миссия поддерживать блокаду — самое худшая из миссий для десантника. Постоянная вероятность угрозы, и в то же время — тоска. Представьте себе, ничего не происходит, ничего не происходит, и вдруг — на тебе!

— Вы там были?

— Пятнадцать лет назад. Самый худший год в моей жизни. Мне крупно повезло, что это было лишь учебное предписание. Несколько кораблей и их команд болтаются там годами! Но они должны там находиться... если мы слишком часто будем сменять их, то там не останется ни одного профессионала. Хотя оставлять людей на долгий и неопределенный срок... Черт возьми, ваше превосходительство, не удивительно, что эта Трухильо будоражит общество, считая, что это дело напрочь провалилось. Кто угодно не отказался бы от

такого искушения. Я удивляюсь, что она не представила все еще хуже, чем на самом деле. Но нас она выставила в самом черном свете.

Бери догадался, что Каннингэм прочитал статьи Мей-Линг этой ночью. Он был слишком взволнован и раздражен.

— Ее сообщения получены из Новой Шотландии, не так ли? — осведомился Бери. — Что же она раскопала? Взятничество, бездействие, тайный сговор насчет монопольно высоких цен на какую-либо продукцию? Непотизм? Устройство на выгодную службу по знакомству...

— Все из того набора, что вы перечислили. И нам ничего не оставалось, как выдать ей пропуск на посещение Эскадры. Знаете, а мне пришло в голову, что было бы очень неплохо, если бы вы захватили ее туда.

Несколько минут Бери размышлял над этим предложением.

— Чем больше ей известно, тем большую опасность она представляет.

— Она-то? Возможно. Она могла встречаться кое с кем из посвященных из ИВКФ, не согласных с линией против вероятной угрозы. А мне говорили, что у вас есть методы убеждения. Мы можем прислать вам самое подробное досье на эту молодую леди. И на ее семью и друзей.

На губах магната появилась тонкая улыбка. Он не сомневался, что это помещение секретное и что его движущееся кресло сможет излучать магнитные поля, способные стереть все записи их разговора; в сущности, ему даже не нужно стараться делать это. Он лишь сказал:

— За два или три месяца вовсе не останется никаких сообщений.

Каннингэм кивнул.

— К тому времени, как она снова появится в Новой Шотландии, мы устраним большую часть того, на что она жалуется.

— Хорошо, сделаю все, что от меня зависит, — сказал Бери. — Мы, конечно, с вами не встречались. Она, возможно, возненавидит меня, как только увидит.

Каннингэм улыбнулся.

— Если вам не удастся ее очаровать, то это вполне по зубам Кевину Реннеру. Итак, договорились? Тогда мне хотелось бы побеседовать с сэром Кевином. И пожелать вам удачи с остальными формальностями.

— Какими еще формальностями?

Каннингэм пожал плечами.

— Лорд Блейн попросил, чтобы его обо всем информировали. Безусловно, он не станет возражать, не так ли? Насколько я понимаю, вы знакомы с ним очень давно.

— Более четверти века, капитан, — проговорил Бери, ощущая пронизывающий холод в желудке.

* * *

Не вызывало удивления проведение одновременного дознания двух офицеров спецслужб, и неважно, насколько тесно они проработали вместе. Было проявлено достаточно такта, чтобы провести Реннера и Бери в кабинет через отдельные входы. Лишь краем глаза Реннер заметил кресло магната, катящееся через приемную. Затем его пригласили в кабинет Каннингэма.

Когда Реннер вошел, Каннингэм стоял.

— Приветствую вас, капитан. Полагаю, у вас все в порядке?

— Все прекрасно, — ответил Кевин, мрачно глядя на дорогой гражданский костюм хозяина кабинета. — Простите, но я не знаю вашего звания.

Каннингэм нахмурился.

— Забудьте об этом. — Он указал Реннеру на стул для посетителей. Тот сел и вытащил трубку.

— Не возражаете?

— Нет, курите на здоровье. — Каннингэм посмотрел на потолок. — Георгио, включи вентиляторы. — Он пробежался пальцами по клавишам внизу какого-то терминала, повернутого к Реннеру задней стенкой. «Георгио» впустил в кабинет свежий воздух. — Итак, капитан, проясните-ка мне, если сможете, парочку вопросов касательно земли Максроя...

— ...Не уверен, что вам стоит об этом беспокоиться, — произнес Реннер. — Мое официальное мнение зарегистрировано и записано. Губернатор Джексон не просто способен управлять ситуацией, ему удастся без единого выстрела убедить Новую Юту в ближайшие десять лет добровольно присоединиться к Империи.

Каннингэм что-то накарябал светящимся карандашом в своем блокноте-компьютере.

— Благодарю вас за великолепный отчет о прекрасно проделанной работе. Могу вам сообщить по секрету, что адмирал решил отметить ваш рапорт.

— Это должно осчастливить Джексона.

Каннингэм кивнул.

— Итак, продолжим. Что вы можете сказать о последнем инциденте, касающемся Бери?

Реннер развел руками.

— Во всем виноват я. Однажды под утро я притащился домой пьяный в дым и весь изгвазданный кровью. Своим видом я потряс старика, который тотчас же проснулся, когда я сказал ему: «Хватательная рука!» Черт подери, да вся планета говорит примерно так, как если бы у них три руки! Когда я закончил

свою болтовню, мы оба решили, что в системе Максроя есть мошкиты.

— Но ведь их там не оказалось.

— Совершенно верно! Но они могли оказаться где-нибудь еще. Вам же известно, что я с Бери. И мне хочется знать о работе Блокады.

— Она действует.

— Вы не можете проверить и подтвердить это.

— Капитан...

— Когда вы в последний раз посещали Блокаду? Прошло достаточно много времени, чтобы уже *следовало удостовериться* в ее проколостойкости. Кто отвечал за провиант и оружие, когда вы находились там? А вы видели отрывки из фильмов о мошкитах-воинах? — Реннер лишь махнул рукой. — Неважно, капитан. Дело в том, что Бери определился. Он окончательно решил отправиться туда. Я даже не пытался отговорить его от этого. Собственно говоря, я и не хотел.

— Иными словами, он отправится туда, хотим мы этого или нет?

— Давайте скажем так: он принял решение. Кроме того, разве это может нанести какой-либо вред? Есть много секретов, которые ему не известны, и из всех людей, которых я знаю, именно Бери уж точно не передаст ничего мошкитам. По правде говоря, если персонал, обслуживающий Блокаду, нуждается в ободряющих словах, то в этом отношении вам не найти никого лучше меня и Горация Бери... м-м-м... ну и, возможно, немного успокаивающих капель.

— Я так понимаю, что вы намереваетесь отправиться туда вместе? — Каннингэм посмотрел на данные, высветившиеся на экране, встроенном в его письменный стол. — Трижды вы запрашивали начальство об отставке, а потом передумали. Бог свидетель, ничего вас не останавливает.

Реннер хихикнул.

— А зачем мне в отставку? Мне нравится то, чем я занимаюсь, а к тому же есть кто-то, кто оплачивает счета. Конечно, я когда-нибудь уйду. Но сейчас мне бы хотелось вернуться на Мошку.

— Никто *этого* делать не собирается!

— Сейчас — может быть, но в один прекрасный день вам придется это сделать.

— Вы провели с Бери очень много времени. Он... с ним все в порядке?

— Он не выносит мошкитов. Он по запаху чует финансовые потоки, проносящиеся от звезды к звезде. Ваша контора никогда не сумеет заключить лучшей сделки.

— Я имел в виду его лояльность.

— Я знаю, что вы имеете в виду, — произнес Реннер. — И ответ — «да». Это не всегда было «да», но сейчас дело обстоит именно так. Вы спросите — почему? Большую часть своей жизни он отдал

укреплению Империи, поэтому не собирается бросить все к чертям и удалиться от дел.

— Хорошо, — сказал Каннингэм, поднимая голову. — Георгио. Будь добр, позвони адмиралу Огаркову.

Спустя несколько минут в кабинете загрохотал голос.

— Да?

— Я позвонил вам, как мы договаривались, сэр, — сказал Каннингэм. — Я рекомендую нам предоставить Бери допуск на посещение Блокадного Флота. Он может разрешить для нас проблему с Мей-Линг Трухильо, к тому же они с сэром Кевином сумеют вселить присутствие духа в Эскадру Безумного Эдди. Если разрешить ему эту попытку, полагаю, вреда никакого не будет.

— Отлично. Поговорите с Блейном.

— Адмирал...

— Он вас не укусит. Спасибо. До свидания.

На лице Каннингэма появилась болезненная гримаса.

— Разве вы не ладите с капитаном? — осведомился Реннер.

— С графом. От капитана в нем не осталось практически ничего, — ответил Каннингэм. — Он не служит в Космофлоте. Знаю, когда-то он служил в ИВКФ, но он пробыл там недолго. Георгио, будь добр, режим учтивости. Мне бы хотелось побеседовать с лордом Блейном. С графом, а не маркизом. И чем раньше, тем лучше. Но когда ему будет удобно. Полагаю, он ожидает этого звонка.

* * *

Как только Бери покинул кабинет Каннингэма, он тотчас же воспользовался диагностическим рукавом. При этом секретарша Каннингэма старалась не смотреть на магната. Он хотел предупредить ее, чтобы она не волновалась... Волноваться придется лишь ему.

А если Блейн вдруг скажет «нет»?

Он сделал несколько дыхательных упражнений, пока пульс не стал постоянным, затем дотронулся до стенографического шара.

«Алисия Джойс Мей-Линг Трухильо. В настоящее время ей двадцать семь стандартных лет. Эксклюзивный обозреватель Имперского синдиката «Пост-Трибьюн», эксклюзивный репортер радиостанции «Хошвейлер». Имеет очень высокий рейтинг.

Родилась на Новом Сингапуре. Родители: Ито Ванг Мей-Линг и Регина Трухильо. Один старший брат. Ито Ванг Мей-Линг — основатель «Силикон Воркс Мей-Линг» на Новом Сингапуре, ведет торговлю от имени государства, текущая цена акций тридцать один и одна восьмая».

Бери набрал на клавиатуре еще два вопроса.

«Шесть миллионов акций, из которых на его долю приходится сорок пять процентов. Использование фамилии матери на Новом Сингапуре считается нетрадиционным.

Алисия Джойс училась в частной средней школе Гамильтона на Ксанаду и закончила с отличием факультет журналистики Корниш Скул в Черчилле. Когда прибыла на Спарту, открыла счет в местном отделении Банка Нового Сингапура, представив аккредитив на триста тысяч крон. Работала добровольным научным ассистентом у Андреи Лундквист из «Хошвейлера» за номинальную оплату в пятьдесят крон в неделю, до тех пор пока ее серия аналитических новостей не стала спонсироваться предприятиями Ванга».

Когда магнат слушал, он время от времени кивал. Новые деньги. Восточная принцесса улетает спасать Империю с деньгами отца и с фамилией матери.

Бери опустил взор на контрольные устройства. Кровяное давление, пульс, уровень адреналина: все в норме. А почему бы и нет? Мей-Линг — репортер, занимающийся громкими расследованиями, и она ничем не отличается от кого-либо еще. Она считает, что ее защищает ее богатство, и, конечно же, она ни разу не задумывалась, что то же самое богатство делает ее весьма уязвимой. Ее семья стоила сто миллионов крон. *Всего лишь* сто миллионов крон.

Чего же она натворила, что так испугало ИВКФ? Сейчас у Бери не было времени читать все, когда-либо написанное девушкой, поэтому с этим придется подождать, но он мог бы начать прослушивать резюме.

— Дайджест. Серия репортажей с Новой Каледонии, представленных Алисией Джойс Мей-Линг Трухильо. Название серии: «Стена из золота».

Бери внимательно выслушал сказанное, но оно почти не удивило его. Повышение цен на техобслуживание и ремонт. Товары роскоши, отосланные в Блокадный Флот, в основном приобретенные без конкурсных заявок предложения цены. Кофейники «Империал Автонетикс», хе-хе...

Взятки. Она уже добилась ареста четверых человек. А некоторых с треском уволили с работы на верфях ИВКФ на Фоморе.

На Леванте бюрократы поддерживали друг друга посредством взяток, вымогательств и всяких одолжений. В общем, системы и методы бывают разные и отличаются друг от друга лишь тем, с какой точки зрения рассматривать все эти деяния. С этической точки зрения, ситуацию, сложившуюся с ИВКФ, нельзя было разделять по принципу «черное-белое».

Поэтому такого рода штучки никак не смогли бы разрушить Блокаду... что-что, а уж это касалось скорее левантийцев. Народ Бери обладал чувством пропорции.

И опять же, слишком большая взятка могла бы, образно выражаясь, замарать кровью военных, старающихся сохранить свой мундир ослепительно белым. Таким образом, любой враг мог бы предъявить для обвинения истекающий кровью труп, от которого осталась одна лишь тонкая оболочка. Согласно утверждениям Трухильо, взяточники были непосредственно связаны с поставками в Блокадный Флот! Тонны свежезамороженных продуктов, пополнение секретным оружием. Один только Дэвид Грант, крупная «шишка» из Государственного планетарного управления, положил себе в карман полмиллиарда крон, чтобы установить на блокадных кораблях высокотемпературные сверхпроводниковые платы, изготовленные по технологии мошкитов. Их схема существовала только в памяти компьютера. «Хвала Аллаху!» — подумал Бери. А на Блокаде не было никаких сверхпроводниковых плат... Да им и нечего делать на кораблях, которые должны регулярно опускаться в красную звезду-супергигант! Но что же можно было купить на эти украденные деньги, чтобы укрепить флот?

Что, если Трухильо была права?

Он *должен* поговорить с ней. Он отправится на Новую Шотландию, и неважно, что говорил граф Блейн; а затем они вылетят к Блокаде. Что бы там ни было, он обязательно должен узнать об этом, чтобы разведать пути *оттуда*. Надо отыскать способ управлять Мей-Линг Трухильо. За двести миллионов крон можно купить контрольный пакет акций компании ее отца. Кто владеет акциями, выпущенными в обращение? Бери постучал по клавишам. Возможно, он и это разузнает.

Компьютер внезапно выдал текст... а там: «Ито Ванг Мей-Линг пользуется услугами «Реубен Вестон Ассошиэйтед».

Ага! Большинство людей даже краем уха не слышали о Реубене Вестоне, однако те, кто знал его группу, считал ее одной из самых эффективных — и дорогих — пиаровских компаний в Империи. Они специализировались на установлении контактов с королевским двором. Электронная компания в Новом Сингапуре не нуждалась в подобного рода услугах, а вот мелкие провинциальные денежные воротилы со своими неимоверными амбициями изо всех сил старались упрочить свое положение в мире бизнеса.

И Бери мог помочь этому человеку... и не только потому, что теперь он узнал, что это отец Мей-Линг Трухильо. И он мог бы не делать ничего, пока бездельничал в этой приемной. *Почему так долго задерживается Реннер?*

Каннингэм повесил трубку.

— Блейн не даст своего разрешения, — сообщил он Реннеру.

— Черт подери! — выругался тот.

— М-да. В чем же дело? Они вместе побывали в экспедиции на Мошку-1...

— Нет. Тут явно дело в чем-то из прошлого. Слухи... — внезапно Реннер замолчал.

— Вы хотели сообщить что-то, о чем я должен знать?

— Пожалуй, нет. Что ж, Бери, конечно, будет разочарован, а что произойдет потом... не знаю, не знаю.

Но он, безусловно, так просто не откажется от своих намерений.

Глава 5. Пассажиры

Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре...

Александр Пушкин. Евгений Онегин

Слежение за новостями в течение многих лет научило Кевина тому, что мода на Спарте менялась как сумасшедшая. Он понял, что в его одежде что-то не так, поскольку секретарша Каннингэма направила его к портному своего начальника. После чего его проблемой стала идентификация своей личности у «метрдотеля». «Метрдотелю» пришлось воспользоваться дополнительной помощью.

Реннер наблюдал за другими клиентами.

Метрдотелем оказалась красивая и изящная, как статуэтка, блондинка в брючном костюме с бахромой на плечах, но четверо мужчин впереди Реннера не могли бесцеремонно пожирать ее глазами, и поэтому ограничивались косыми взглядами. Она быстро прошла к небольшому высокому столику. Пространство над столиком с места, где стоял Кевин, выглядело подобием радуги, но он все же рассмотрел монитор с данными и изображениями для идентификации.

Она проводила четверку клиентов на их места и вернулась к Реннеру.

— Доброе утро. Столик, сэр?

— Столик? Звучит весьма приятно. А главное — полезно, — проговорил он и представился. — Кевин Реннер. Я собираюсь обедать с Бруно Сциллером.

Ей не пришлось нажимать на клавиши, хватило лишь взгляда. Компьютер был запрограммирован на «прокачку» имен и фамилий.

— Добро пожаловать в «Три сезона», сэр Кевин. Мне очень жаль, но мы не можем устроить вас именно за этим столиком. Адмирал Сциллер еще не появился. Не угодно ли вам подождать в холле?

— Я подожду, спасибо, — ответил Реннер. Из холла ему были бы видны свободные столики. Он наблюдал, как девушка провела мимо него еще одну пару. Неужели они выше званием? Однако они не направились в зал. Они немного сбавили скорость, потом остановились и долго разглядывали лица. По их глазам Кевин понял, что это — удачливые охотники.

— Кевин? — раздалось рядом.

— Адмирал!

Сциллер крепко пожал ему руку, чуть не раздавив ее в своей лапище. Он выглядел старым, лицо его округлилось, а выражение его стало мягче, но рука по-прежнему была крепкой, как тиски. Когда Сциллер заговорил, Реннер отметил, что голос его собеседника был хриплым.

— Зови меня Бруно. Гм, ни разу еще не видел тебя в штатском. А я... а мне нравятся цвета!

— Это все...

— Нет, правда, выглядишь отлично. Эй, я ознакомился с твоим рапортом о Мошке-1, ну, с тем, у которого смешное название. Ты хоть когда-нибудь предполагал, что выступишь в роли туриста в стране чужаков?

— В общем-то, нет. Всему этому я обязан только тебе.

Метрдотель-статуэтка подвела их к столику, стоящему рядом с гигантским окном, простирающимся от пола до потолка, откуда открывался умопомрачительный вид на гавань. Реннер дождался, когда она отойдет, и сказал:

— Перед тем как усадить нас за этот столик, она прошла мимо нескольких других. Интересно, почему?

— Звание, — коротко ответил Сциллер.

— А-а-а, так я и решил, но...

— Тебя обслуживают по высшему разряду из-за рыцарского звания. Ты обязательно должен сидеть у окна. Эти места не предназначены для всяких там мистеров. На Спарте очень развито чувство звания, Кевин.

— Да, конечно... Компьютер сообщил, что ты женат.

— Да, я бы взял с собой Дженнифер, но... знаешь, ее чувство юмора оставляет желать... — он безнадежно махнул рукой.

— Неужели?

— Именно так.

— Лады, а я бы взял с собой некую Руфь Коэн, но там, где она работает, проводятся короткие тренировочные курсы. А иначе — как же поддерживать себя в форме?

— У меня создается впечатление, что мне уже недолго осталось, но... а, неважно.

— Бруно, ты, что, болен?

— Нет, не болен. Но в последний раз, когда я вылетал с планеты, мой врач наговорил мне всякой чертовщины, Ну и, разумеется,

Дженнифер. Не будь этой проклятой повышенной гравитации, было бы прекрасно, но когда выпадает долгий день, я изматываюсь до полусмерти. Вернувшись, я на ногах перенес воспаление легких. Я больше не могу летать. Когда я один в каюте, то испытываю страшную раздражительность и агрессивность. А ведь Спарта — маленькая планета, Кевин.

— Гм. Ты мог бы угодить и в местечко похуже. Ты получаешь все свежие новости, наверняка обошел все музеи...

— Не все. Расскажи мне о музее на Мошке-1.

— Не стоит, ведь на самом деле там все *по-другому*. Они возили нас туда на лимузинах, которые заказали специально для нас. Остальные машины — все крохотные и какие-то приплющенные. Даже лимузин может складываться так, что становится меньше. Музей там всегда закрыт. Это единственное большое здание, а внутри — искусственная окружающая среда. В одном из помещений лил дождь, словно из ведра. Во всяком случае, мошкитам пришло в голову сводить нас туда.

Сциллер рассмеялся.

— Мы видели слишком многое, чтобы все запомнить, — сказал Реннер. — Там была одна штука, о которой стоило бы упомянуть. Тебе, безусловно, известно о диком Носильщике. В ручных Носильщиках примерно двадцать пять сантиметров роста, и у них две руки. Они таскают вещи. А у той штуки было три руки, да еще клыки и когти. Она еще меньше Носильщика.

К столику подкатился пузатый, коротконогий робот и принес заказанную выпивку. Он быстро соорудил им коктейль из виски и апельсинового сока. После него подошел настоящий — живой — официант. В меню имелась какая-то местная морская тварь, и Реннер заказал ее. Все остальные блюда, доставленные с Земли, не вызвали у него интереса.

— Целый этаж представлял собой макет разрушенного города, — продолжал он. — По нему носились пятилапые крысы и какой-то хищник, способный к мимикрии. Иными словами, мы видели целую кучу каких-то тварей и всю живую окружающую среду, постепенно развивающуюся в разрушенных городах. Сразу мы не разобрались в скрытом смысле увиденного. Мы же совершенно их не знаем. Во всяком случае — пока... Не считая того, что изучается в Институте. Однако доктор Горовиц поклялся, что городские крысы имеют отношение к Воинам. Мы же еще не видели ни одного живого Воина, но на борту колониального корабля, отправленного на Новую Каледонию, у них стоял макет *машины времени* и силуэтное изображение Воина...

— Война. Постоянная война, — заметил Сциллер.

— Да. С их огромным населением это едва ли может удивить. Бруно, как ты думаешь, можно ли теперь дознаться о человеке, который изобрел презерватив? Он заслуживает памятника.

Бруно долго и заразительно хохотал.

— Господи, как мне тебя не хватало, Кевин!

Принесли еду. Пока они ели, Кевин прислушивался к разговорам вокруг, что давным-давно вошло у него в привычку, и именно поэтому сейчас ему приходилось сосредотачиваться на том, чтобы *не* слушать. Какой-то молоденький лорд, сидящий за соседним столиком, горько жаловался... на что? Дело в лицензии на рыбную ловлю в верховьях реки Питон. У его семьи имелись эксклюзивные права, а теперь их аннулировали. Это касалось цикла размножения лосося, и несколько бюрократов из низов вынесли решение, что семья Динсмарков не имеет права очень часто отлавливать лосося в верховьях реки во время путины.

Его собеседник, судя по выражению лица, совершенно не сочувствовал лордику. Курт Динсмарк еще очень долго не получит лицензии на рыбную ловлю, несмотря на то, что он младший сын...

Они разговаривают о привилегиях в обмен на долг, и даже не вспоминают о существовании хватательной руки, — подумал Реннер. — *Неужели это у них в порядке вещей?*

— Мы платим знати чертовски крупное вознаграждение за то, что они движут цивилизацией, — пробормотал он.

— Редко мне доводилось слышать это в подобном истолковании, — сказал Сциллер. — Что ты имеешь в виду?

— Ах, ты об этом? — улыбнулся Кевин. — Мне нравится быть в курсе всего, что бы ни происходило. В сущности, это часть *моей* работы, что очень приятно, поскольку мне все-таки удается ее выполнять. И вот теперь я слышу что-то о привилегиях.

— Да пусть говорят о чем угодно. В конце концов, они не на службе, — сказал Бруно и быстро вернулся в теме разговора: — Мне известно, что там был еще один музей.

— Да, — произнес Реннер, немного опустив голову. — Но этот музей основан на слухах, причем и на тех, что приходили от мошкитов. Мошкиты убили заблудившихся гардемаринов, что случайно забрели в него. Это весьма необычный музей. Идея его состояла в том, чтобы помочь выжившим заново построить цивилизацию.

— Гм, — хмыкнул Сциллер, осушая свой стакан. — Мне не пришлось по душе заново отстраивать Нью-Чикаго...

Реннер произнес несколько сочувственных слов, потом продолжал:

— Я прекрасно понимаю, что у тебя была масса работы. Но, послушай, я просто подумал... Мне самому через пару часов надо отправляться работать, но... неужели ты испытываешь ностальгию по космопортам? И космическим кораблям?

— Конечно. Новый порт находится в потухшем кратере, там, где, взорвался Промежуточный Купол, и когда-нибудь я отправлюсь прямо туда... О чем ты подумал?

Реннер отложил вилку и извлек крошечное передающее устройство.

— Соедините меня с Горацием Бери, — произнес он.

Он положил переговорное устройство на столешницу, когда покончил с едой.

— В чем дело, Реннер? — донесся до него голос магната.

— У меня есть идея, ваше превосходительство.

— Хвала Аллаху, мои дыхательные упражнения не прошли напрасно.

— Вечером мы пригласили на ужин Бакмана и Мерсера. Что вы скажете насчет еще одного гостя? Это — Бруно Сциллер, адмирал в отставке. Он был моим капитаном, перед тем как меня направили к Блейну. Кстати, именно он передал «Макартур» Блейну. Первый корабль графа. Я пытаюсь рассказать Бруно о Мошке-1, но почему бы ему не выслушать ваши воспоминания о Мошке, да и Бакмана тоже? Эта аудиенция могла бы сыграть неплохую роль.

Магнат помолчал немного. Бери с огромным пиететом относился к званиям.

— Хорошо. Будь добр, дай-ка мне его на минуточку.

Реннер передал коммутатор Сциллеру.

— Ваше превосходительство? — произнес тот.

— Адмирал, мы были бы очень рады, если вечером вы отужинаете с нами на борту «Синдбада». На ужине будет будущий вице-король транснационального Угольного Мешка. А также Джекоб Бакман — астрофизик, который побывал с нами на Мошке. В этом путешествии мы очень подружились с ним. Вы сможете узнать о Мошке намного больше, чем в Институте и за его пределами.

— Да, в этом, несомненно, есть смысл. Благодарю вас, ваше превосходительство, — ответил адмирал.

— С вами будет еще кто-нибудь?

— Благодарю вас, нет, ваше превосходительство. На вечер у миссис Сциллер уже назначена встреча.

— Адмирал, я передам вам через компьютер меню нашего ужина. Мы можем изменить его, если вам угодно.

Сциллер вопросительно поднял брови.

— У Бери — великолепный шеф-повар, — пояснил Реннер. — Вы сможете в этом убедиться. Проверьте его, если хотите.

Сциллер кивнул, возвращая при этом коммутатор Кевину.

— Кевин, вы никогда не были таким проницательным, — заметил он.

— Возможно, за четверть века работы у Бери я кое-чему у него научился. Мерсер будет безмерно счастлив, если на ужине будет присутствовать человек столь высокого звания. А Бери, возможно, расскажет вам, чем он занимался на Мошке-1. Причем поделится с вами тем, чего никогда не рассказывал мне.

— Неужели?

— Мошкиты пугают его. И скорее всего, он просто не вспоминает многого. Поэтому стоит попытаться выудить из него еще кое-какие сведения. Кроме того, мне придется отправиться в космопорт раньше его, чтобы подготовить шаттл. Так почему бы...

— Почему бы мне не пойти с вами в качестве наблюдателя, — договорил за Реннера адмирал.

— Точно. А теперь должен вам сказать, что у меня есть еще одна мысль.

— Выкладывайте.

— Месяц тому назад мы решили, что обнаружили мошкитов, вырвавшихся на свободу и теперь находящихся в Империи.

Официант принес дыню, и, пока они ее ели, Кевин рассказывал. Иногда от его слов адмирал сдавленно фыркал от смеха.

— Итак, Бери хочет посетить Блокаду, чтобы удостовериться, что в ней нет пробоины, — говорил Реннер. — Я тоже хочу полететь с ним, Бруно. Когда я побывал на земле Максроя, мне стало жутко. Там все чем-то напуганы.

— Ну и?

— Род Блейн отказал нам. Мне бы хотелось предоставить Бери возможность вынудить его передумать.

Бруно Сциллер пристально разглядывал собеседника, как лабораторный образец. А может быть, так смотрят на соперника по покеру.

— Я тот, кто уступил графу свой корабль и был его наставником, — проговорил Сциллер. — Также я навязал ему пленника. Ведь Гораций Бери путешествовал на «Макартуре» в качестве заключенного. Тебе известно — почему?

— Нет.

— И это спустя двадцать пять лет?!

— Наверное, мне просто не хотелось этого. Мне приходилось жить с ним, Бруно.

— Возникает вопрос — в чем должна выражаться моя роль?

— Я еще не решил, — ответил Реннер.

Принесли кофе.

— Настоящие сливки, — заметил он.

Сциллер еле заметно улыбнулся.

— В космосе меня ничуть не меньше обрадовало бы обычное молоко протокарба.

Реннер несколько секунд смотрел на кофе.

— Послушай, а что, если я скажу Бери, что ты уже отказал мне, чтобы тебе не пришлось отказываться дважды?

— Да, — согласился Бруно. И они сменили тему разговора.

* * *

— Плавно, — произнес Джекоб Бакман.

Гораций Бери в замешательстве поднял глаза и кивнул. Переход в состояние невесомости оказался совершенно плавным, однако магнат привык, когда шаттлом управлял искусный в этом деле Реннер. Он почувствовал небольшое ускорение, затем попискивание возвестило им, что они прибыли на «Синдбад». Соединительные люки медленно открылись. Один из членов команды быстро принес с «Синдбада» на шаттл буксирный трос.

— Все в порядке, ваше превосходительство, — доложил он.

Бери подождал несколько секунд, чтобы пропустить вперед Набила и своих помощников, затем отсоединился от своего кресла сам. Ему было очень приятно летать без своего кресла-каталки.

— Добро пожаловать, — проговорил он. — Кому-нибудь нужна помощь?

— Благодарю вас, ваше превосходительство, — ответил Эндрю Келвин Мерсер. Отстегнув ремень на своем месте, он поплыл к центру пассажирского отсека. Он ухватился за буксирный трос и при помощи него подтянулся к кораблю.

Бери последовал за ним. Как только он это сделал, открылся соединительный люк, ведущий в пилотный отсек, откуда появились Реннер со Сциллером.

— Мои поздравления, Кевин, — произнес магнат. — Доктор Бакман отметил, что наше путешествие прошло очень плавно.

— Это не моя заслуга, — скромно отозвался Реннер.

— Полагаю, я еще не растерял весь свой опыт, — самодовольно произнес Сциллер.

И в самом деле, немногим людям удавалось проделать такое без указаний компьютера. Или... Бери задумался: «Неужели Сциллер способен управлять полетом при помощи непосредственного контроля? И позволил бы ему это Реннер с двумя пассажирами на борту? *Да. Да, он разрешил бы ему*».

Когда «Синдбад» начал подниматься, они держались за специальные ручки. Потом Бери прошел внутрь, передвигаясь плавно, если не сказать — быстро, при шестидесяти процентах от обычного притяжения. *А-а-а-а-а*...

— Когда мне было двадцать шесть, — проговорил он, не обращаясь ни к кому в частности, — местные начальники из «Уай Бразил» не разрешили мне взять с собой нескольких моих полицейских. А затем они напали на меня в необитаемом районе Бимбл Тауна. Я отбился от них в Тауне, затем запутывал следы, петляя по каким-то дорожкам, пока не вернулся в пустыню, ведущую к моему шаттлу. И при этом опередил их всех. Порой я сильно переживаю, что уже стар. Мне так не хватает молодости...

— Здорово же вы их, — одобрительным тоном произнес Сциллер.

— Однажды мне пришлось опередить землетрясение, — сказал Бакман. — Я успел спуститься и покинуть обсерваторию, прежде чем она обрушилась. Думаю, и сейчас смог бы это сделать. Я ежедневно совершаю утреннюю пробежку. — Он остановился. — Боже, как здесь просторно! Я знал, что вы богач, Бери.

Просторный огромный холл «Синдбада» и вправду производил впечатление. К его центру спускались две убираемые лестницы, снабженные удобными перилами, по обеим сторонам помещения стояли кресла и диваны.

— Прошу вас, садитесь и будьте как дома, — сказал Бери. — Хейзел принесет вам выпивку, какую пожелаете.

Бери предпочитал нанимать на работу женщин невиданной красоты. Хотя это и не стояло у него на первом месте, однако могло способствовать тому, чтобы проводить деловые операции более гладко. Мерсер так и уставился на Хейзел, а потом произнес восхищенно:

— Бери, мне нравится ваш корабль!

— Благодарю вас. Кстати, он намного больше, чем кажется. Я могу присоединить к холлу отсек точно такого же размера, и тогда на полу откроется совершенно овальная площадь, которая и есть корпус корабля. Каюты не станут от этого просторнее, но вам не придется проводить в них все время.

— Интересно, а вы не занимались гостиничным бизнесом? — рассмеялся Мерсер.

— Выбор не всегда за нами, — ответил за магната Реннер. — А таможенники не всегда такие благоразумные, как сегодня.

— Ах вот оно что! Хейзел, что вы нам предложите?

— У нас превосходный винный погреб, милорд.

Лицо Мерсера озарила широченная улыбка.

— Вот чего мне так не хватало на Спарте. Итак, сухой херес?

— Мне тоже, — сказал Сциллер. — Кевин, вы всегда так живете? Я пил приличный херес пять лет назад. — Он с блаженным видом потянулся. — И вы держите на корабле длинноногих красавиц.

— Разве это плохо? — пожал плечами Реннер. — В конце концов, «Синдбад» — не боевой крейсер, и мы стараемся получить полное удовольствие от длительного путешествия. За каждой каютой есть бассейн, и это почти удваивает наши дельта-V.

— И, конечно же, генератор Поля Лэнгстона вы не взяли с собой в систему Спарты? — вставил Сциллер.

— Иногда ИВКФ дают лицензии на генераторы Поля для владельцев частных судов, — ответил Реннер. — Но только за пределами столицы. Нас будет встречать один из инженерных кораблей Бери.

— И это помимо всего прочего, — мягко промолвил магнат. — А сейчас мы потихоньку выпьем кофе «Суматра Линтонг».

Бери наблюдал за Мерсером и заметил в его глазах зависть.

— Вы скоро отправитесь на Новую Каледонию, милорд?

— Да, недели через три. На пассажирском корабле «Круизы Гамильтона», — ответил Мерсер. — Или я отправлюсь туда со сменной эскадрой ИВКФ через месяц. Еще точно не решено.

Бери с удовлетворенным видом опустил голову.

* * *

При силе тяжести в 6 g еда застывает на тарелках, а вино — в стаканах.

В 3037 году у Мерсера случился приступ язвы, а в 3039 — произошел рецидив. Современная медицина смогла бы справиться с его болезнью, но ни один врач не может лечить в условиях напряженного жизненного распорядка. Бери был очень стар, немолод и Бакман. Для них шеф-повар «Синдбада» приготовил неострого цыпленка с карри.

Сциллер заказал морского гренделя — дышащее воздухом Спарты морское существо, находящееся в списке вымирающих видов. Морских гренделей разводили на Змее в специальной бухточке. Разводили только для продажи, но по баснословным ценам. Реннер тоже ел гренделя. Он даже не заказывал его, поскольку его вкусы шеф-повару были известны: он ел все, даже то, название чего не смог бы выговорить.

— Прекрасно, — сказал он. — В самом деле прекрасно! Неужели они на грани вымирания?

Сциллер кончил жевать и, широко улыбаясь, положил вилку.

— Я не ел их с тех пор, как меня как-то пригласили во дворец. Нет, они исчезают не потому, что их чрезмерно истребили. На них научились охотиться касатки, но и это еще не все. Главным образом это происходит потому, что океан им всё меньше подходит для обитания. Когда в последней раз приближалась звезда-спутник Менелай, океан стал для гренделей слишком теплым. Теплолюбивые растения Западного моря в воде сильно разрослись, рыба, которой они питались, почти пропала — и внезапно морские гренделя оказались в большом дефиците. Могло бы быть и хуже, но ими заинтересовался старый барон Чалмондсли. Теперь в Университете эта проблема стоит чуть ли не на первом месте. Эй, Кевин, а чем вы питались на Мошке-1?

— Главным образом съестными запасами корабля и молоком протокарба, но мошкиты подобрали для нас еще кое-что. Там произрастает весьма интересная дыня. Конечно же, нам ничего не удалось привезти с собой. — Реннер отложил вилку. — Ничего, — повторил он. — Милорд, мы могли бы заполнить весь корпус «Ленина» сувенирами. А что хотели привезти вы с собой, Бери?

Тебе следовало удержать это «привезти с собой» за зубами, Кевин.

— Я имел желание захватить мошкитских Часовщиков. Мне казалось, это просто удивительные домашние животные. Во всяком случае, так было, прежде чем они уничтожили ИКК Его Величества «Макартур». А потом я пытался уговорить адмирала все сжечь.

— В моих досье указано, что вы провернули очень выгодное дельце со сверхпроводниками и фильтрами, — сказал Мерсер.

— Мне пришлось превратить их в пар.

— А что хотели бы вы привезти с собой оттуда, Джекоб? — поинтересовался Реннер.

— Информацию, — не задумываясь ответил астрофизик. — Это не было запрещено адмиралом.

Сциллер кивнул.

— Протозвезда Бакмана, — произнес он. — Кевин, а вы назвали какую-нибудь звезду своим именем?

— Нет.

— А что хотели привезти вы?

— Какое-нибудь произведение искусства. Я мечтал о макете *Машины времени* еще задолго до того, как нам стало известно о существовании этих демонов. Мне очень порнавилась одна картина... моя финч'клик' назвала ее «Несущий послание». Мы обратили внимание еще на одну вещь. Мы обнаружили разновидность мошкитов Бегуны, и они все еще сохранились там повсюду. Когда сменяются циклы и все изощренные коммуникации мошкитов выходят из строя, «Несущие послание» тем не менее остаются.

— Вы только что сказали про информацию, доктор Бакман, — проговорил Мерсер. — Мне известно, что мошкиты запрещали выносить любые устройства хранения их сложнейшей информации, однако у вас, безусловно, имеется собственное их собрание.

— То, что мне удалось раздобыть, — ответил астрофизик.

— Вне всякого сомнения, сами мошкиты являют собой весьма сложные устройства хранения информации, — заметил Реннер.

— Они не развивали информационную технологию по одной причине, — пояснил Бакман. — Приборы слишком легко ломаются.

— Не угодно еще вина, милорд? — осведомился Бери, и жестом велел Хейзел откупорить очередную бутылку.

На борту яхты имелись свежие фрукты, однако Бери хотелось похвалиться непревзойденной кухней «Синдбада». На десерт принесли поднос с множеством пирожных и свежим кофе «эспрессо». Бери с самодовольным выражением лица наблюдал за Мерсером. Вряд ли ему предлагали что-либо в этом роде в офицерской кают-компании. Наверное, с «Синдбадом» мог бы соперничать лишь самый изысканный стол пассажирского корабля «Круизы Гамильтона», потому что этот великолепный лайнер по

пути к Новой Каледонии заходил на четыре планеты, чтобы разнообразить меню.

— Конечно, если этот молокосос Арнофф сумел бы настоять на своем, протозвезду назвали бы его именем, — сказал Бакман. — Представьте себе — протозвезда Арнофф.

— Что? — рассмеялся Реннер. — Ну уж нет, она — ваше открытие. По-моему, и Джок мог бы убедить их, что она должна называться протозвездой Джока, но поскольку им даются названия в честь какого-нибудь человека, то...

— Простите? — вмешался Мерсер. — Я изучал отчеты об экспедиции на Мошку, но, наверное, что-то пропустил.

— И не удивительно, — отозвался Реннер. — Послушайте, с системы Мошки можно гораздо дальше всмотреться в Угольный Мешок. Пока все мы занимались внезапно открывшимся фактом существования цивилизации намного старше нас, доктор Бакман обнаружил в Угольном Мешке сгущение. Ему удалось доказать, что это — протозвезда. Сгущение межзвездного газа способно под своим же собственным весом привести звезду к коллапсу. А это уже — новое солнце, господа.

— Джекоб, в чем же все-таки дело? — спросил Бери.

— О, этот молодой болван решил, что я во всем ошибся, что эта протозвезда зажжется вот-вот, на днях.

— Но, безусловно, вы должны были знать об этом, — возразил Бери. — На «Макартуре» у вас были все приборы для наблюдения.

— Некоторые данные были утеряны, когда мы покидали корабль, — напомнил ему астрофизик. — Но не все.

Одна из причин приятственного отношения Бери к Бакману заключалась в том, что их интересы расходились практически во всем. Бери мог бы и не использовать этого человека вообще. Бери мог отдыхать, в то время как Бакман совал нос повсюду.

В сущности, больше внимания Бери обращал на Мерсера. Но вдруг он заметил, как Реннер вцепился в край стола и резко спросил:

— Что?!

— Некоторые файлы из обсерватории были переданы на «Ленин», — пояснил астрофизик. — Тогда по всему «Макартуру» бродили Часовщики, и полученную информацию свалили в одно место. Примерно год назад на «Ленине» производилась модернизация, и эти материалы внезапно выплыли из небытия. — Бакман пожал плечами. — Полагаю, ничего нового при этом не обнаружили, но этот парень Арнофф считает, что теперь у него достаточно сведений для создания новой теории.

Реннер мягко произнес:

— Джекоб, вам не хотелось бы увидеть, как эта штука становится звездой?

Бакман беспокойно заерзал на своем месте.

— Ну... я бы выглядел довольно глупо, однако... нет, нет, это совершенно невозможно! Иногда это кажется неправдоподобным. Мой финч'клик' считал, что термоядерная реакция вспыхнет не ранее чем через тысячу лет. С тех пор я просмотрел заново свои наблюдения и думаю, что он прав. Я очень близко подошел к этому.

— Посредник. Ваш финч'клик' на самом деле не астрофизик. Он мужского пола, не так ли? А особь мужского пола слишком молода, чтобы иметь практику во всем.

— Посредники учатся мыслить как их объекты. Мой Посредник был астрофизиком. По крайней мере тогда, когда нас отделили друг от друга, Кевин.

— Гм, гм... А в ИВКФ известно о теориях этого Арноффа? — спросил Реннер.

— Полагаю, что кто-нибудь из Бюро расследований постоянно следит за всеми новыми астрофизическими данными, — ответил Бакман. — А почему вы спросили об ИВКФ?

— Черт подери! Доктор, вы *должны* научиться смотреть вне пределов вашей специальности!

— Кевин? — настороженно произнес Бери.

— Если зажжется протозвезда, то мы получим новые прыжковые точки Олдерсона, — ответил Реннер.

— Этого не произойдет, — возразил Бакман.

— Минуточку, — поспешно вмешался Мерсер. — Сделайте одолжение, объясните нам это, сэр Кевин.

— Тогда мне придется прочесть целую лекцию.

— Будьте так добры.

— Ну что ж, я не против. Корабли путешествуют по маршрутам Олдерсона. Эти маршруты формируются между звезд по эквипотенциальным путям. Я не буду этого объяснить, поскольку этому учат в средней школе, однако это означает, что они не образовываются между всеми парами звезд. Не все эти маршруты пригодны для применения, потому что плотность потоков недостаточно высока и они не способны выдержать что-либо достаточно крупное, такое как корабль.

Мошка располагается довольно далеко и от Угольного Мешка, и от красного супергиганта Глаз Мурчисона. Глаз — очень большой и яркий. Настолько большой, что единственный пригодный для использования маршрут от Мошки не только ведет по направлению к Глазу, он заканчивается *внутри* этого супергиганта. Мошкитам весьма нелегко использовать этот маршрут. Расположенная там Блокада усиливает трудности.

Когда протозвезда Бакмана зажжется, сформируются новые маршруты.

— Куда? И кого я могу об этом спросить?

— Черт бы меня подрал, если я знаю, — сказал Реннер. — У доктора Бакмана, наверное. Ведь это зависит от того, какой она будет мощности после того, как зажжется.

— Мошкиты смогут сбежать, — сказал Бери, помещая руку в диагностический рукав. После этого он тотчас же стал совершенно спокоен и рассудителен. Как будто уже знал, что они удрали.

— Совершенно верно, — согласился Реннер.

Мерсер поймал на себе взгляд Хейзел и сказал:

— Будьте добры, принесите мне еще порцию этого восхитительного бренди. Благодарю вас, Бери. Я не пил лучшего бренди даже во дворце. Итак... Сэр Кевин, дайте-ка мне окончательно разобраться в этом. В течение четверти века Империя потратила миллиарды крон, чтобы содержать Блокаду, сдерживающую мошкитов, и это было альтернативой тому, чтобы послать туда боевой флот для их уничтожения. Теперь же вы утверждаете, что если теория доктора Бакмана неверна, то Блокада будет неэффективной. И все это так внезапно... Вы отдаете отчет в своем заявлении? Оно правильно?

— Именно этого я всегда и боялся, — проговорил Бери. Реннер с усмешкой кивнул.

— Чепуха, — сказал астрофизик. — Звезда не сколлапсирует в течение нашей жизни, и меня не волнует, насколько хороши ваши советники!

— Что ж, я нахожу это утешительным, — сказал Мерсер. — Ведь, поймите, что, как генерал-губернатор Трансугольного сектора, я автоматически стану председателем комиссии, разрабатывающей политику в отношении мошкитов? Я бы считал, что политика касательно мошкитов твердо установлена и неизменна. Политические вопросы относительно Новой Шотландии и Новой Ирландии для меня более важны, причем в достаточной мере, чтобы моя язва разыгралась вновь. — С этими словами он отпил бренди из высокого стакана, принесенного Хейзел.

— Джекоб, — старческим голосом произнес Бери. — Когда-то у вас было иное мнение о протозвезде.

— О, я так не считаю.

— Это было очень давно, а памяти присуще ошибаться, — продолжал Бери. Его рука блуждала по встроенному в кресло стенографическому шару, а пальцы бегали по клавишам, словно Бери набирал какие-то аккорды. Внутренняя стена холла стала полупрозрачной.

На ней появились два изображения. Все присутствующие увидели Бери и Бакмана на двадцать пять лет моложе, одетые в униформу, модную в те далекие времена.

— Бакман, вам обязательно надо поесть! — сказало изображение Бери. — Набил! Принеси сэндвичи.

— Парни из ИВКФ разрешили мне пользоваться телескопами только тогда, когда им это удобно, — произнес молодой Бакман. — И компьютерами тоже.

— Неужели и то и другое теперь стало для вас доступным?

— Нет. Конечно, вы правы. Благодарю. Только... Бери, это чертовски *важно*.

— Разумеется, важно! Расскажите мне об этом.

— Бери, а вы разбираетесь в астрофизике? — спросило изображение Бакмана и, не дождавшись ответа, продолжало: — Даже Хорват не считает, что знает больше. Но мошкиты... Бери, им удалось разработать новые теории. Несколько новых математических теорий, имеющих отношение к этому. К Глазу. Мы изучаем Глаз со времен Джаспера Мурчисона. Мы всегда знали, что однажды он может взорваться. А мошкитам известно — *когда*!

У изображения Бери был такой вид, словно он что-то прикидывает в уме.

— Надеюсь, это случится не скоро?

— Они полагают, что это произойдет 27 апреля 2 774 020 года нашей эры.

— Доктор...

— О, это выглядит комичной пародией на науку, но, черт подери, Бери, они намного ближе нас к Глазу, и они могут это доказать! Затем, здесь еще есть протозвезда.

Изображение Бери вопросительно вскинуло бровь.

— Протозвезда очень далеко, — сказал Бакман. — Она формируется в Угольном Мешке. Я могу это доказать. И она на грани коллапса. Вот-вот вспыхнет

Молодой Бери вежливо улыбнулся.

— Я плохо в этом разбираюсь, Джекоб. Что вы имеете в виду, говоря *вот-вот?* Этого времени хватит, чтобы перекусить?

— Ну-у... То, что *я* имел в виду, случится однажды в ближайшие полмиллиона лет. Но мошкиты долгое время наблюдают за этим. Мой... студент... как вы это называете?

— Финч'клик', — ответило изображение более молодого Бери. (Его сверкающий взгляд смотрел прямо на настоящего, живого магната. Смогло бы человеческое существо издать такой звук?)

— Да. Он говорит, что это займет тысячу лет, плюс-минус сорок.

На экране появился более молодой Набил с сэндвичами и с давно вышедшим из моды термосом.

Бери коснулся стенографического шара, и изображение погасло.

— Видите, Джекоб? Вы были на пути к вашей теории. И меня к ней подводили. Останься вы один, что бы вы решили?

— Что это не мошкиты, — нахмурился астрофизик. — Их математики...

— И доклады о данных, полученных из обсерватории, — вставил Реннер. — Это их мысли.

— Ну, не знаю... Да, да, конечно... Однако, Кевин, вы...

— Что?

— Вы предполагаете, что мой финч'клик' мне лгал?

— Гм, а ведь такое мне и в голову бы не пришло, — заметил Бери еле слышно. — Чтобы мой финч'клик' мне лгал?! Финч'клик' Кевина любил подшутить над ним, не без того. Финч'клик' леди Блейн, безусловно, врал ей. Это даже есть в записи.

— Да, — проговорил Бакман печально. — Выходит, Арнофф прав.

— Джекоб? Отправляйтесь вместе со мной к Глазу Мурчисона на «Синдбаде». Вы сможете получить новые данные. Либо вам удастся разрушить модель этого Арноффа, либо вы сумеете доработать ее, как следует очистить от всяких несуразностей, усовершенствовать ее и... в общем, заниматься ею до тех пор, пока половина цивилизации не посчитает ее вашей.

— Я отправляюсь с вами, — быстро сказал астрофизик.

— Смятение и неуверенность в себе — скверная привычка, Джекоб, — сказал Реннер.

— Я просто чертовски устал от бесконечного изучения устаревшей информации.

— А когда, по словам Арноффа, произойдет это... гм... событие? Меня интересует самое раннее время, — спросил Мерсер.

— В прошлом месяце, — ответил Бакман.

Мерсер выглядел озадаченно.

— Тогда это уже случилось, а мы так ничего и не узнали. По-моему, вы говорили, что ваша протозвезда находится в световом годе от любого наблюдателя, не так ли?

— О, — проговорил Сциллер. — Нет, милорд. Со времен СоВладения известно, что прыжковые точки Олдерсона образуются почти мгновенно, как ничто другое во всей Вселенной.

— Все это пустая пропаганда, — возразил Бакман. — Мы просто-напросто не знаем, что это на самом деле. Не можем определить, вот так. — В эти секунды астрофизик выглядел задумчиво. — Все действительно интересные события произойдут за последующие двенадцать лет.

— И все же они могут произойти и сейчас, — вмешался Реннер. — Вы хоть понимаете, что это означает? По-видимому, крайне важно, чтобы один корабль из эскадры Безумного Эдди неожиданно зашел в систему Мошки и пробыл там достаточное время, чтобы раздобыть информацию о протозвезде.

— Аллах милосердный, — произнес Бери. Он даже заметно вытянулся в своем кресле. — Что ж, милорд, я обещал вам развлекательный ужин, не так ли?

— Вы и выполняете ваше обещание, — сказал Мерсер.

— Что же я еще могу вам предложить? Я давно собирался отправиться на Новую Каледонию. И был бы более чем рад, если бы вы отправились со мной в это путешествие в качестве гостя.

— Как это щедро с вашей стороны, — произнес Мерсер. — Мне бы хотелось принять ваше приглашение.

— Так почему бы вам его не принять? — осведомился Бери.

Мерсер глубоко вздохнул.

— Ваше превосходительство, я — политик. Мне кажется, преуспевающий, но все-таки — политик. Не знаю, как это произошло, но вы заимели очень могущественного врага.

— Капитана Блейна, — тотчас же сказал Реннер.

— Графа Блейна. Совершенно верно. Надеюсь, мне нет нужды рассказывать всем присутствующим здесь, насколько влиятельна семья Блейнов. И, будучи главными членами Имперской комиссии, они устанавливают политику наших отношений с мошкитами. Старого маркиза постоянно приглашают во дворец. Честно говоря, я не могу позволить себе составить им оппозицию.

— Но ведь нет никаких доказательств, — заметил Сциллер.

Мерсер пожал плечами.

— Ваше превосходительство, я понимаю огромную пользу от вашей дружбы, а удобный круиз, вероятно, — самое малое из всего, что я могу извлечь из нее, но что я могу поделать?

— Давайте я все окончательно проясню, — сказал Сциллер. — Категорическое недоверие его превосходительства к... мошкитам хорошо известно всем. Моей последней должностью была работа в «БюПолДоке»... простите... в Бюро политики и доктрин ИВКФ... и, Бери, у вас тогда было полдюжины очень дорогих пиаровских пленок «Империал Автонетикс», при помощи которых каждого пытались убедить служить в ИВКФ.

— Да-а, похоже, выставил я себя тогда на посмешище, — проговорил Бери.

— Нет, едва ли, ваше превосходительство. Дело в том, что мы перестали давать вашим голофильмам самый высокий приоритет, когда в них стали упоминаться мошкиты. Кевин, я никогда не воспринимал мошкитов как угрозу. Ваш видеорапорт убеждает в том, что они никому не перешли дорогу.

Реннер кивнул:

— Я изумительно провел время во время экспедиции на Мошку, и, думаю, именно это я и указал в видеорапорте. Этот рапорт был предназначен для средств массовой информации. Я не готовил его для ИВКФ. Поэтому мне и пришлось порой успокаивать Бери.

Магнат нахмурился и сказал:

— Даже если все и так, то на земле Максроя я был единственным человеком, который бегал вокруг и орал, что есть мочи: «Мошкиты наступают!» Я не *слепой!* Скажу еще по пару слов, хорошо?

Мне нравятся Посредники. Особенно мой собственный финч'клик', и, по-моему, это происходит от моего природного нарциссизма. Мы все чувствуем себя точно так же. И мне часто приходится напоминать себе, что каждый, кто считает, что ему нравятся мошкиты, на самом деле любит мошкитов-Посредников. Они ведь делают все то, что им говорят. Принимают же решения — Мастера, а передать их они могут только через Посредников. Ясно?

— На эту мысль стоит обратить внимание, — заметил Сциллер. — Милорд, знаете ли вы, что детей Блейнов воспитывали мошкиты? Это вообще-то не афишируется.

— Ага! — сказал Реннер. — И второе. Мне нравится Бери. У нас разные вкусы, но мне вправду очень нравится Гораций Бери. Неужели вы не знали об этом, Бери?

— Ты никогда не говорил мне этого, — ответил магнат с пылающими щеками.

— Вот-вот. Но он — *опасен*. Можете еще раз просмотреть его фильм. Мошкиты также *опасны*, и теперь я не имею в виду Посредников, а говорю о дюжине-другой более специфических разновидностей, которые мыслят точно так же, как феодалы-разбойники, и строят как высококлассные инженеры, переносят на плечах тонны грузов, занимаются фермерством, с зелеными от рождения пальцами, и сражаются... один Бог знает — как. Мы ни разу не встречались с их Воинами. Но если они так же хороши в бою, как их инженеры — в разработке различных проектов, тогда это очень и очень скверно, господа.

— Нельзя забывать об их циклической смене пола, — заметил Бери.

— Да, конечно. Если они не смогут забеременеть, то умирают в кошмарных мучениях. Но ведь это уже проблема, касающаяся населения. Или как?

Сциллер взмахнул рукой.

— Не надо нам читать лекцию об *этом*. Всем это уже известно. Помимо всего прочего, нам известно, каким образом они разрешают эту проблему. Вот почему первым делом мы закупорили их. Войны, черт подери! По-моему, это... это... ужасно, думать о Посредниках, читающих лекции в Институте Блейна и воспитывающих маленьких Блейнов. Кажется, у них был и Мастер, но, как мне сказали, он очень рано умер.

— Да, они воспитывают детишек Блейнов. Мы познакомились с младшей из Блейнов, с Гленда Руфь. Она была очень благодарна мне за подарок.

Сциллер выглядел задумчивым.

— Милорд, вы сказали, что понимаете преимущества дружбы с его превосходительством.

— Ну...

— Извините, милорд. Я и не спорю. Я тоже вижу эти преимущества. — Теперь Сциллер помрачнел. — Послушайте, я — лоялен, как и любой из присутствующих здесь, но я не слепой. Империя больше не так могущественна, как тридцать лет назад. Когда впервые открыли существование мошкитов, вице-королем территории за Угольным Мешком был Меррилл. Старик очень много лет прослужил в ИВКФ. Он собрал весь боевой флот еще до того, как на Спарте что-либо услышали об этой проблеме. Сейчас вы этого сделать не сможете, милорд.

— Совершенно верно, адмирал, не смогу, — признал Мерсер.

— Вы даже не сможете добраться до Спарты, чтобы быстро отреагировать на какую-либо неприятность, — продолжал Сциллер. — Похоже, мы расслабились, разжирели и стали нескоры на подъем. Милорд, если мошкиты и в самом деле опасны, а эта чертова звезда вот-вот сколлапсирует и они вырвутся на свободу, то вам понадобятся все ваши ударные силы. Блейн и Бери ни за что не будут вместе.

— Не спорю, — кивнул Мерсер. — И не представляю, что мне делать. Не понимаю, почему граф настолько сильно отвергает Торговца Бери.

— И я не понимаю, — произнес Сциллер. — Черт возьми, я обещал Дженнифер, что не стану встревать в это дело. Ваше превосходительство, могу я воспользоваться вашим компьютером, чтобы позвонить? В поместье Блейнов.

— Неужели вы можете связаться с ним по телефону? — удивленно спросил Реннер.

— Иногда. Я не злоупотребляю этой привилегией, иначе они сменили бы код моего доступа к ним. — Он повернулся к Бери. — Ваше превосходительство, по-моему, для вас и Рода Блейна настало время поговорить о Нью-Чикаго.

По спине Бери пробежал холодок, и он посмотрел, как дернулись индикаторы на его медицинских приборах.

Глава 6. Семена измены

> Каждый человек обязан решить для себя одного, что правильно, а что — нет, какой путь — патриотический, а какой — нет. Вы не можете уклониться от этого и остаться при этом человеком.
>
> *Марк Твен*

Помещение клуба «Дракенберг», предназначенное для неформальных встреч, было отделано панелями из орехового дерева, а также украшено непонятными для Реннера картинами: изображе-

ниями людей в необычных униформах, несущих странные предметы. В одной руке нарисованный мужчина держал огромные перчатки, в другой — маленький белый шар.

Дворецкий подвел его к столу, за которым уже сидела Гленда Руфь Блейн, и с низким официальным поклоном учтиво произнес:

— Ваш гость, миледи.

— Спасибо, Вильм, — сказала девушка. — Вильям, это крестный отец моего брата сэр Кевин Реннер.

— Рад познакомиться с вами, сэр Кевин. Могу я прислать официанта, миледи?

— Будьте любезны. — Гленда Руфь дождалась ухода дворецкого, затем продемонстрировала гостю ряд ослепительных зубов. — Он строит свой день, как и мы. Вильм обожает общаться с аристократией.

Кевин Реннер сел. Он никак не мог отделаться от мысли, какая все-таки красавица эта Гленда Руфь. Причем не красавица с обложки модного журнала или витрины магазина дамской одежды. В ней было что-то еще, какая-то неуловимая изюминка, не говоря уже о ее заразительной улыбке. Конечно, она выглядела так, как и должна выглядеть семнадцатилетняя девушка, однако Кевину она показалась чуть старше. Влияние мошкитов? Ее матери исполнилось не больше двадцати пяти, когда она побывала на Мошке. Реннер пытался вспомнить, кого ему напоминает Салли Фаулер.

Он показал на полдюжины вилок, лежащих на столе перед ним.

— Не слишком ли много для ланча?

Гленда Руфь ему подмигнула и сказала:

— Скучное место, но оно единственное, о котором я уверена, что здесь вы не сможете перехватить у меня счет.

— Разве это так важно?

— Может быть. — Ее улыбка медленно угасала. — Папа не желает, чтобы мы принимали одолжения от Горация Бери. А мы предполагаем, что вы предъявляете ему счета за свои расходы.

— Да, но сейчас я не на работе. Или это не так?

— Может быть, — пожала плечами она. — Я разговаривала с адмиралом Сциллером. После того как он позвонил папе, я ему перезвонила.

— Да, я предполагал, что вы знакомы с адмиралом.

— Совершенно верно, — хихикнув, проговорила она. — До десятилетнего возраста я звала его дядей Бруно... А вот и официант. Мне коктейль с шампанским. А вам, Кевин?

— Слишком рано для спиртного. Пожалуй, я выпью кофе.

— Да, сэр.

Гленда снова усмехнулась.

— Вам не надо казаться таким взрослым.

— То есть? — удивился Реннер.

— Всем прекрасно известно, сколько мне лет. В моем коктейле из шампанского нет алкоголя. Конечно, некоторые подростки просто приносят водку во фляжке и потихоньку ее посасывают.

— И вы тоже?

— У меня даже *нет* фляжки.

— Влияние мошкитов?

— Нет, ни один из них даже не упоминал об этом.

«Гм-м-м... Значит, она *не* пьет. Однако...»

— М-да, — произнес он. — Они, наверное, не видят смысла в том, чтобы выпивать. Они едят, *дышат* промышленными ядами. Если ты недостаточно здоров, ты просто умираешь. Так что еще вы хотите?

— Пожалуй, вы правы, — кивнула она.

Кевин оглядел помещение. Типичное место, где завтракают аристократы. Дорогие женщины и очень деловые мужчины. На самом деле, он глядел, но не думал о них. Он смотрел так, чтобы все посчитали, что он разглядывает девушку, сидящую напротив, и, по правде говоря, ему очень хотелось смотреть на нее не сводя глаз. Бесспорно, она была самой привлекательной женщиной в зале. И, возможно, самой дорогой, думал Кевин, уголком глаза разглядывая ее одежду, выглядевшую довольно просто: темное шерстяное вечернее платье, плотно облегающее безупречную фигуру и ярко, но не откровенно сексуально подчеркивающее ее женственность. Юбка, несколько консервативного покроя для нынешней моды, доходила до колен, однако это еще сильнее подчеркивало красоту ее лодыжек и икр. Украшения на Гленде Руфь смотрелись весьма скромно, несмотря на сверкающие серьги с Ксанаду, стоимостью не меньше дома Реннера, оставшегося на его родной планете.

— С земли Максроя очень долгий путь, — заметил Реннер.

— Или с Новой Каледонии.

— Верно. Сколько времени вы провели там?

— Я очень смутно помню это, — ответила Гленда Руфь. — Папа тогда думал только о Кевине Христиане, а я должна была воспитываться на Спарте, вместо того чтобы жить в провинции. — Она пожала плечами. — Наверное, папа оказался прав, однако... меня очень беспокоят мошкиты теперь, когда папа с мамой не состоят в Комиссии.

— Они не состоят в Комиссии, но их влияние по-прежнему очень велико, — сказал Реннер. — Насколько мы с Бери смогли в этом убедиться.

— Ах да. Мне очень жаль, поверьте.

— Пустяки. Почему вы захотели встретиться со мной? — спросил Реннер.

— Безумный Эдди, — коротко ответила девушка.

— Что?

— Там, в Институте, вы сказали, что нам ничего не известно о судьбе Безумного Эдди. Считается, что он погиб?

— Да, кажется, я говорил это.

— Я знакома только с тремя мошкитами, — сказала она. — По-моему, мне известно о судьбе Безумного Эдди, но я еще до конца не уверена. Вы знали очень много мошкитов...

— Недолго. И не очень хорошо.

— Но достаточно хорошо, чтобы узнать о Безумном Эдди.

— Честно говоря, я не совсем понимаю, о чем вы.

— Вы понимаете, что я имела в виду, — возразила она. — Существуют дюжины историй о Безумном Эдди. Большинство из них записаны, и все эти записи у меня есть. К примеру, даже есть та история, которую рассказали вам.

Она достала карманный компьютер и несколько секунд что-то писала в нем. На скатерти внезапно возникло изображение.

Реннер увидел последовательные сцены прямо из записей «Макартура», доставленных на «Ленин» вместе с артефактами мошкитов. Искривленный силуэт мошкита-Посредника с бело-коричневой шерстью заговорил:

— Реннер, я должен рассказать тебе о легендарном существе. Допустим, назовем его Безумный Эдди. Он — это... иногда он такой, как я, а иногда он — Коричневый идиот-ученый, тупой ремесленник. И все он делает не так ради каких-то возвышенных причин. Он продолжает это делать, и это всегда приводит к беде, а он это так и не усваивает.

Изображение слегка дергалось. Реннер опубликовал это в своих «Летних каникулах».

— Когда город разрастается до неимоверных размеров, то возникает опасность внезапного коллапса... когда пища и чистая вода течет в город потоком с огромной скоростью, достаточной, чтобы накормить каждый рот, и каждый должен работать не покладая рук, чтобы таким образом сохранить это... когда все транспортные средства заняты тем, чтобы подвозить жизненно важные припасы продовольствия и товары, и ничего не остается, как срочно убирать людей из города... вот тогда и появляется Безумный Эдди, который выводит уборщиков мусора на забастовку за лучшие условия работы.

Гленда Руфь сидела, отвернувшись.

— Я помню все, — сказал Реннер. — Помню мое знакомство с Безумным Эдди. Когда мы понимали, чего требовать, то добивались многого. Мошкит Синклера Джок, когда понадобилась отвертка, предложил выплавить ее из лишних винтов. Посредник отца Харди говорил о религии, которая проповедовала воздержание от секса. Мы не знали, насколько все это было странно для мошкитов.

— Да, но вам же известно, что мы никогда как следует не изучали их, — проговорила Гленда Руфь. — Так почему же вы говори-

те, что Безумный Эдди потерпел крах? Ведь мошкиты восхищаются Безумным Эдди. Джок, бесспорно, восхищен им.

— Вы знаете больше меня. Да, по-моему, их восхищает любой *сумасшедший*, считающий, что все их проблемы можно разрешить. Хотя это вовсе не означает, что они надеются на объединение Вселенной.

— Нет, конечно же, нет! Но я по-прежнему восхищаюсь ими!

— Циклы, — произнес Реннер. — Вся их история состоит из циклов. Безумный Эдди считает, что может изменить все это. Разумеется, они восхищаются им. Но при этом им известно, что он сумасшедший, и что этого не произойдет.

— Но, возможно, сейчас у нас есть решение проблемы. Паразит.

— Да, меня это крайне заинтересовало, — сказал Реннер. Официант принес ему кофе, а Гленде Руфь — высокий стакан для шампанского с чем-то искрящимся и розовым. Дальнейший заказ Кевин делал рассеяно, ибо его мысли были далеки от пищи.

— Вы знали двух Посредников, — проговорил он. — Конечно, Ивана вы не успели узнать.

— Да. Он был... такой необщительный. Отчужденный. Мастера — они такие.

— А за них разговаривают Посредники, — сказал Реннер. — Но совершенно очевидно, что на Мошке они разговаривают больше, нежели делают это с вами. Однако кое-чего вам не следовало забывать. Вот, возьмем вашего паразита. На Мошке Джок не осмелился бы что-либо делать за спиной у Мастера.

— Да...

— Теперь возникает вопрос: как ваш паразит попадет на Мошку. Сомневаюсь, что ИВКФ разрешит отправиться туда какому-либо кораблю.

— Утром я разговаривала с дядей Бруно, — сказала Гленда Руфь.

— И что же?

— Протозвезда. Когда она возгорится, мошкиты сбегут. Нам надо сделать что-нибудь до того, как это произойдет. Я уверена, что адмирал Сциллер сейчас беседует со всеми своими коллегами и сокурсниками.

— Что-то скоро случится?

— Разумеется, нет. На Спарте так не бывает. Необходимо будет все обсудить в ИВКФ, затем во дворце, а потом зашевелятся политики.

— К счастью, коллапс произойдет не скоро. Или Джоку что-то известно?

Она отрицательно покачала головой.

— Он не знал, и не узнал бы. Вот Иван мог знать вещи, о которых нам знать не следовало, но Чарли и Джок ничего такого не знали. Иван не астрофизик, и никогда им не стал бы. Хранители обычно не любопытны.

Официант принес ланч. Гленда Руфь говорила все время, пока они ели, затем заставила говорить Реннера до тех пор, пока он не понял, что рассказал ей почти все, что когда-либо думал о Мошке.

Она чертовски хорошо умеет слушать. Ее волнует то, что ты говоришь. Конечно, она могла бы... трудно сказать, что она предпримет, а что — нет. Возможно, ни то и ни другое.

Она дождалась десерта и проговорила:

— Бруно сказал, что хотел бы отправиться с вами, если сможет. На Мошку.

— Мы не полетим на Мошку. Только в эскадру Безумного Эдди... а может, мы вообще никуда не полетим, если ваш отец приложит усилия для запрета. Вам же известно, что он препятствует этому полету. Вы можете с ним поговорить?

— Я-то могу. Но это не поможет. Они ко мне совсем не прислушиваются. Но я постараюсь... если мне удастся добиться от папы «да», смогу ли я отправиться с вами?

Реннеру все-таки удалось поставить чашечку на стол, не пролив ни капли кофе.

* * *

Гленда Руфь вызывающе смотрела на мать.

— А-атлично! Значит, вы не разрешите Кевину с Горацием Бери лететь. Прекрасно. Я не полечу с ними. Я полечу с Фредди.

— С Фредди!

— Конечно. У него есть корабль.

— И, кстати, очень неплохой, — проговорил Род Блейн. Салли взглядом заставила его замолчать, прежде чем он собрался продолжить разговор.

— Вы *не* пролетите даже до середины галактики с этим...

— С Фредди? — тряхнула головой Гленда. — Едва ли вы можете стенать по поводу его социального положения. Его семья такая же выдающаяся и влиятельная, как наша. И почти такая же богатая. Во время весенних каникул мы с ним на неделю улетали за луну. Тогда вы не сочли это каким-либо оскорблением...

— Не сочли... — Салли на мгновение запнулась, но снова взяла себя в руки. — Это совершенно разные вещи. Находиться на маленьком корабле несколько месяцев... это немыслимо!

— Если тебя волнует моя репутация, мы можем взять для меня дуэнью. Или одну из моих сокурсниц по институту. Дженнифер, например. С ее матерью.

— Это абсурд! Дженнифер не может себе этого позволить.

— А я могу, мама. Через две недели мне исполнится восемнадцать, и у меня будут собственные деньги. Еще дядя Бен оставил мне довольно много денег, ты же знаешь.

Род с Салли переглянулись.

— А что по этому поводу говорит отец Фредди? — требовательным тоном спросила Салли.

— Кстати, а ты уже просила об этом Фредди? — внезапно поинтересовался Род. — Я знаю, что Бери ты ни о чем не просила.

— Она считает, что ей нет необходимости делать это, — сказала Салли.

Гленда Руфь рассмеялась.

— Фредди будет рад взять меня куда угодно, и ты знаешь это. А его отца совершенно не волнует, чем он занимается. Только бы он не пошел служить в ИВКФ.

— Чего он и не сделает, — вставил Род.

— Потому что прекрасно понимает, что ничего хорошего там его не ждет, — сказала Гленда Руфь.

Салли покачала головой.

— Не понимаю, что ты нашла во Фредди Таунсенде...

— И никогда не поймешь, мамочка! Он ведь не герой, как ты. Или папа. А мне он нравится. Он веселый. И Джок его любит.

— Кстати, ты должна ему нравиться еще больше, если он охотно готов на несколько месяцев закупориться с тобой на своей яхте, — язвительно произнес Род. — Я не думаю, что ты отправишься в круиз на Святую Екатерину. Дело в том...

— Пожалуйста, не называй мне...

— Простите, принцесса.

— Давайте, продолжайте изгаляться, милорд, но вам придется считать меня взрослой. И очень скоро. Так что у вас есть две недели потренироваться, милорд Блейн!

Какое-то время лорд Блейн был потрясен резкими словами дочери, но он быстро пришел в себя и произнес:

— Гленда Руфь, мне известно, зачем Бери отправляется на Новую Каледонию. Он хочет инспектировать Блокадный Флот. Но зачем это тебе? Корабль Фредди не доберется до Блокады! Она находится внутри звезды, а когда я в последний раз видел его яхту, то не заметил на ней Поля Лэнгстона.

— Я хочу увидеться с братом, — ответила девушка. — И для этого мне не придется посещать Блокадный Флот. Дважды в год он приезжает в Новую Каледонию.

— Она хочет повидаться с братом! — недовольно пробурчала Салли. — Чего тебе хочется — так это побывать на Мошке.

— Хрису тоже, — прибавил Род. — Но ни один из вас туда не доберется.

— Она умеет убеждать, — заметила Салли. — И Хрис такой же. А вместе они...

— Вместе или раздельно, наши дети не будут разговаривать с представителями ИВКФ по *этому* поводу! — решительно произнес

Род. — Прин... Гленда Руфь, это просто глупо! Ты расстраиваешь свою мать. Ты не полетишь в Новую Каледонию.

— Нет, полечу! Мне не хочется устраивать крупный скандал, но, в сущности, как вы сможете меня остановить? Через две недели у меня будут собственные деньги. — Она усмехнулась. — Конечно, я могла бы выйти замуж за Фредди...

Лицо Салли сначала исказилось от ужаса, но внезапно она звонко рассмеялась.

— Туда тебе и дорога, если тебе так хочется!

— В любом случае, мне не придется...

— Тебя уже приняли в Университет, — сказала Салли.

— Да, и я полечу, но не сразу. — Гленда Руфь пожала плечами. — По окончания колледжа большинство молодежи проводят «*год путешествий*». Почему же и мне нельзя?

— Ладно. Давайте побеседуем серьезно, — произнес Род. — Итак — зачем тебе это?

— Меня беспокоят мошкиты, — ответила Гленда Руфь.

— С какой стати тебя должны волновать мошкиты? — спросила Салли.

— Дело в политике. Как-никак, я выросла в этом доме и видела совсем рядом очень много политиков. Когда Парламент начинает прения по поводу стоимости Блокадного Флота, может случиться все, что угодно! Все, что угодно! Им кажется, что они слишком много платят? И они не могут так просто взять, и оттянуть Флот обратно к Каледу. Вам известно, что они этого не сделают. Они... — и она заставила себя замолчать.

— И они — что? — осведомилась Салли.

В эти мгновения голос Гленды Руфь больше напоминал шепот:

— Они пошлют туда Кутузова.

Салли, сдвинув брови, посмотрела на мужа.

Тот пожал плечами.

— Адмирал давно уже вышел в отставку. Он достаточно стар. Полагаю, он примерно одного возраста с Бери. Последний раз, когда я с ним встречался на Святой Екатерине, он все еще был активным политиком, но он не прибудет сюда.

— Он организовывал «Первенство Человечества».

Род нахмурился.

— Я не слышал, чтобы он стоял за этой фракцией. Откуда такая уверенность?

— Об этом мне рассказал Фредди, и у меня нет оснований не верить ему. Сэр Радфорд Боулз говорил о «Первенстве Человечества» на симпозиуме в Университете Спарты. Фредди провел меня на доклад. После, за чаем, у меня была с ним дискуссия. И я очень внимательно слушала его и наблюдала за ним. Он критиковал некоторую манерность адмирала Кутузова.

Род с улыбкой покачал головой.

— Я разорвал на части первое расследование о мошкитах, потому что «Лига Человечества» потребовала мою шкуру. Теперь же партия «Первенство Человечества» хочет использовать исследования Института Блейна, чтобы уничтожить мошкитов! Выходит, я так и не сумел выиграть.

— Это не вы не сумели выиграть, — возразила Гленда Руфь. — Это значит, что проиграют мошкиты. А это уж и вовсе бессмысленно.

— Там нет никаких мошкитов, — сказал Род.

— Папа...

— По-видимому, я неправильно выразился. Верно, там очень много мошкитов. Целая планета. Большинство из них находятся на астероидных скоплениях троянской точки, на лунах-спутниках газового гиганта. Однако не существует единой цивилизации мошкитов, Гленда Руфь. Ее никогда не было и не будет. Каждый Мастер — независимый.

— Мне это известно.

— Порой ты меня изумляешь.

— Папа, мне известно о мошкитах побольше вашего! Я читала *всё*, включая ваши отчеты по возвращению с Мошки, *и* я выросла с мошкитами.

— Совершенно верно. Твои друзья и товарищи — *Посредники* мошкитов. Порой я задумываюсь, хорошая ли это была мысль. Твоей матери никогда это не нравилось.

— Согласна, — сказала Салли. — Гленда Руфь, ты думаешь, что знаешь о мошкитах столько же, сколько и мы. Может быть, ты и права. Но, возможно, ты и не права. Ведь ты знакома только с тремя из них. А хорошо — только с двумя. И ты хочешь играть жизнями всей человеческой расы...

— Ох, мама, оставь! Как это я смогу со всем этим играть? Я даже не могу добраться до Мошки-1. Папа знает.

— Да, это довольно сложно сделать, — кивнул Род. — Блокадный Флот не пропускает Имперских Торговцев так же, как и сдерживает мошкитов. И уж, вне всякого сомнения, тебе не удастся попасть на Мошку на яхте Фредди Таунсенда.

— В таком случае, я могу слетать на Новую Каледонию?

— По-моему, ты не оставила нам ни одного шанса.

— Папа, мама, я должна попросить у вас благословения на это!

— Зачем? — спросил Род Блейн.

— Если вся моя затея провалится, я смогла бы прибегнуть к вашей помощи. Что-то может случиться не так. Я ведь не сумасшедшая, чтобы прежде не подумать о том, что такое может произойти.

— Род... Род, этот корабль надежен? — спросила Салли.

Гленда Руфь усмехнулась.

* * *

Лимузин плавно опустился на крышу Института Блейна. Трое охранников вежливо помогли Бери с его креслом-каталкой и эскортировали к лифтам. Дежурного на месте не оказалось. Когда Бери въехал в лифт, один из охранников вытащил специальные значки и протянул их магнату и Реннеру.

Так. Официально корректно. Бери очень хотелось, чтобы на встречу явился адмирал Сциллер, ибо тот все понимал. Бери не мог сказать уверенно — почему, но это было совершенно ясно. Лорд и леди Блейн, как и Реннер, уважали Сциллера.

Двери лифта раскрылись. Двое охранников в униформе провели их к холлу, ведущему к офису Блейна. В коридоре Бери не заметил ни души.

Охранники без стука открыли двери.

Магнат увидел лорда и леди Блейн и почувствовал облегчение. «Это — невозможная задача, но если бы здесь не присутствовала леди Блейн, трудности удвоились бы. Что бы там ни было, теперь я могу заявить ему, что именно она наложила вето. Лишь один Аллах способен убедить того, кто не слушает, а Он не станет этого делать».

Леди Блейн разливала кофе. При виде Бери и Реннера она не проронила ни слова и не пожала им руки.

Чета Блейнов была одета в нечто, напоминающее кимоно, что весьма контрастировало со строгими мундирами Бери и Реннера. Бери уже видел похожие кимоно на улицах Спарты и даже в ресторанах. Подобное одеяние было вполне приемлемо для приема гостей, но они отнюдь не выглядели дружественно или официально. Вполне нейтральная одежда...

Бери еще ни разу не видел Родерика Блейна в одежде с короткими рукавами. Ровный, напрочь лишенный растительности шрам на его левой руке начинался от суставов пальцев и прятался в рукаве. Когда Бери осознал, зачем Блейн выставил этот шрам наружу, он понял, что проиграл.

Он попробовал кофе, оказавшийся восхитительным. «Голубые Горы Ямайки». Бери держал чашечку напротив лица, стараясь сосредоточиться.

— Очень вкусный кофе. Наверное, «Суматра», смешанный с местным черным? — поинтересовался он.

На Спарте урожаи кофе «Голубые Горы» специально хранили для дворца и знати уже полтысячи лет. Бери слышал об этом, но никак не мог предположить, что так и есть в действительности.

— Кевин, я так понимаю, что вы вместе с ним, — проговорил граф.

Реннер кивнул.

— Да, капитан. Я пришел с ним. И мне хочется увидеть Блокадный Флот в действии. Я желаю знать, готовы ли они к чему-нибудь тотальному, если вдруг стена обрушится. Капитан, мы кое-что обсуждали прошлым вечером, и кое-что выплыло. Вы беседовали с Джекобом Бакманом, астрофизиком?

— Нет, конечно нет. А это следовало сделать?

— Я считаю, что следовало, — тихо произнес Бери.

— Прошу прощения, ваше превосходительство.

Реннер рассмеялся.

— Две зеленых обезьяны. Вы словно все еще находитесь на действующем боевом корабле.

Бери побагровел. Реннер продолжал:

— Никто из нас не знал, что понадобилось Бери на борту. Полагаю, это было известно Джону Каргиллу, но он сообщил нам только то, что его превосходительство — гость, и ему нельзя покидать корабль. Я никогда точно не знал, что...

— Хорошо, — произнес Блейн. — Бакман рассказывал еще что-нибудь, заслуживающее внимания?

— Мы думаем — да, — ответил Реннер. — На «Ленине» всплыли довольно необычные данные, касающиеся протозвезды Бакмана. Помните о сгущении в Угольном Мешке, на расстоянии двадцати одного светового года и в один световой год в поперечнике?

Салли Блейн выглядела озадаченной. Лорд Блейн без энтузиазма кивнул.

«Давай ближе к делу», — захотелось закричать Бери, но он сидел с крепко сжатыми губами. Он был рад, что разрешил начать беседу именно Реннеру.

— Это протозвезда, неродившаяся звезда, — продолжал Реннер. — Мошкит Бакмана сказал, что она возгорится примерно через тысячу лет. Бакман подтвердил это. А теперь появился один молодой парень, считающий, что способен доказать, что это произойдет намного быстрее. Он сделал этот вывод, пользуясь наблюдениями с «Макартура».

— И что? Она так и останется протозвездой Бакмана.

— Это будет звезда, подобная Тау Кита, капитан. Очень яркая звезда. Другой вопрос — когда это случится. Бесспорно, хватательная рука существует, а готов ли Блокадный Флот иметь дело с несколькими новыми прыжковыми точками?

Блейн проговорил, еле шевеля губами:

— *Новые прыжковые точки*... О зубы Господа!

Чашечка с кофе зазвенела о блюдце в дрожащих руках Салли Блейн.

— Кевин Христиан...

— Да, — промолвил Блейн. — Хорошо, мне придется принести извинения Сциллеру. Однако насколько все это веско?

Тут в беседу вступил Бери:

— Милорд, это было поздней ночью. Я подвел итог работе Арноффа и проверил ее еще раз, уже вместе с Джекобом. Он указал на ее сходства с его работой и сравнил оба труда. Я ничего не понял, но знаю, в чем разница. Они пользовались одними и теми же данными наблюдения, но Джекоб использовал дополнительные данные, более старые, которые он взял у астрофизиков-мошкитов.

— Так все это может оказаться липой, — сказал Блейн, усаживаясь за письменный стол. — Что может означать, что они готовились к нашему прибытию с первых секунд, как только нас заметили. Они поняли, как можно воспользоваться протозвездой. И поняли это до нас.

— Они знали о Движителе Олдерсона, — проговорил Реннер. — Они назвали его Движителем Безумного Эдди. Он и заставлял исчезать корабли. И им уже известно, как его создать, и они не забудут это.

— Циклы, — сказала Салли Блейн. — Они вертятся в них. Не способны от них избавиться. Мы можем спросить Джока...

— Мы и спросим, — сказал Блейн. — Но мы знаем, каков будет ответ. Бакману предоставили фальсифицированные данные.

Бери пожал плечами.

— Мошкиты лгут своим финч'клик'. Кому же это лучше знать, как не нам?

Салли с хмурым видом кивнула.

— Им это не нравится... — проговорила она и заметила на губах Бери легкую усмешку.

Род Блейн покончил с кофе, затем вновь заговорил:

— Хорошо, Кевин. Вы предоставили свое доказательство. И очень веское. Правительству придется что-то с этим делать. Я позвоню во дворец прямо при вас. Однако все это по-прежнему не доказывает мне, почему должны лететь именно вы. Почему должен лететь Бери? И почему «Синдбад»?

— Дайте нам совсем немного времени, лады? — попросил Реннер. — Во-первых, вам придется послать Бакмана. Нам нужны новые наблюдения и человек, который смог бы их истолковать.

Он подумал, что сейчас его прервут, но этого не последовало. И Реннер продолжал:

— Во-вторых, система Каледа должна быть готова. Готова к тому, что мошкиты, несмотря ни на что, вырвались... а это уже включает в себя все, что они могут попытаться сделать, капитан, и это не зависит от того, будет ли протозвезда или нет, — им придется прорываться через Новую Каледонию. То есть там, куда ведут ключевые прыжковые точки. Оттуда, насколько я могу судить, идет первый кратчайший путь.

Мы встречались с Мерсером, новым генерал-губернатором. Он прибыл на борт «Синдбада» прошлым вечером. Он типичный поли-

тикан, капитан. Умный, но все же политикан. Он не принадлежит к людям из ИВКФ. Очень внимательный слушатель, но приходится все-таки говорить медленно и часто повторяться, при этом используя самые доходчивые слова. Ему надо разъяснять каждую деталь.

— И что же?

— У нас будет время поработать над ним, если он отправится с нами в Новую Каледонию. Как только мы окажемся там, то встретимся с очень говорливой журналисткой, некоей Мей-Линг Трухильо, которая из кожи вон лезет, чтобы урезать субсидии, предназначенные для Флота Безумного Эдди. Она повсюду сует свой нос, и Каннингэм уже готов отправить ее на Флот. Она обладает крупным влиянием и деньгами, и если захочет, то способна раскопать все, что угодно. По крайней мере, посещение Флота может на некоторое время закрыть ей рот. Это, так сказать, в-третьих.

И в-четвертых. Перед вами — Бери. Если вы еще не ознакомились с отчетом, я могу вам все рассказать. Гораций — один из самых чертовски эффективных агентов во всей Империи. Он даже лучше меня. А именно этот один из ваших лучших агентов видит угрозу Империи и хочет провести расследование. Кстати, я — тоже.

— Понятно, — сказал Блейн, посмотрев на Бери. Его лицо не выражало ничего, однако в голосе чувствовалось расположение. — Похоже, мы вынесли правильное решение касательно вас. Которого придерживались все время.

— И какое же, позвольте спросить?

— Я по-прежнему не доверяю вам.

— Вы и мне не доверяете, капитан? — удивленно воскликнул Реннер.

— Э-э...

— Поскольку мы перешли к этой теме, скажите на милость, кому же вам еще доверять?

— Разумеется, вам я доверяю, — сказал Блейн. — Но вы ведь считаете, что на вас работает все титулованное дворянство Спарты. Пусть так, я не возражаю насчет наблюдения. Возможно, это сильнее укрепит Империю. Однако... Ваше превосходительство, я не уверен, что вы хотите еще большего укрепления Империи.

Бери медленно проговорил в ответ:

— Если двадцать восемь лет службы... — и он замолчал. Если двадцать восемь лет постоянно держаться в тени — этого для них недостаточно, в таком случае... ему было нечего сказать.

— Видите? — быстро спросил Блейн, стараясь выглядеть в глазах собеседников как можно более разумным. — Нельзя посылать Бакмана, Кевин. Я сейчас объясню. Это делается на тот случай, если вы устроили все так, что он отправится только вместе с Бери.

— Нет, капитан, если что-то предпринимать, то только так. Он...

— Мы можем послать Арноффа. Или уйму других людей. Кевин, у меня есть очень веская причина не доверять Бери и чертовски мало оснований для того, чтобы ему доверять!

Реннер повысил голос:

— Капитан, за двадцать восемь тех проклятых лет, в течение которых мы прослужили на благо Империи...

— Кевин, в любом случае, вам не удастся убедить меня, что вам это очень нравилось, — заметила Салли.

— Что ж, прекрасно, тогда мне придется убеждать вас, — промолвил Реннер, отпивая глоток кофе. — Капитан, давайте-ка минуточку потолкуем о вашей руке.

Блейн выразительно посмотрел на всех троих. Потом сказал:

— Какого черта вам вдруг захотелось разговаривать о моей руке?

— Ну... сейчас вот вы носите короткие рукава. А я припоминаю, что когда вы возвращались в Нью-Чикаго на борту «Макартура», то были одеты в просторную подбитую войлоком длинную куртку. Как вы заработали эти шрамы? Неужели это имеет какое-то отношение к мятежу?

— А почему бы вам не воздержаться совать свой длинный нос в эти дела, Реннер? — процедил сквозь зубы Блейн.

Бери хотелось спросить о том же самом. Но Реннер уже задал вопрос, поэтому вмешиваться было совершенно безнадежным делом. К тому же уже очень давно Бери не пытался заткнуть Кевину глотку.

— Никто не надевает одежду с короткими рукавами на встречу с теми, кого недолюбливает, — проговорил Реннер. — По-моему, ваши шрамы имеют какое-то отношение к вашей позиции по данному вопросу. Это последствия ожогов? Вы не могли получить их ни в каком другом месте.

— Да. Это произошло в Нью-Чикаго. В Поле Лэнгстона попала торпеда, она прожгла дыру и прошла прямо через корпус корабля. Пламя охватило мою руку, не защищенную скафандром до плеча.

— А теперь на все космические корабли устанавливают сверхпроводники мошкитов.

— Д-да. Видите ли, это вовсе не означает, что нас больше нельзя убить. Нас нельзя *повредить*. Поле Лэнгстона подверглось перегреву, и весь корпус начал разогреваться. До тех пор, пока там не стало слишком жарко. Это лишь теперь мы оснащаем корабли мошкитскими сверхпроводниками...

— А рукава?

Граф потер переносицу. Это немного скрыло его выражение лица.

— Я... тогда я был настроен очень воинственно. Я не собирался напоминать этим о себе, но, будь я проклят, если позволил бы его превосходительству забыть об этом. Согласен, это довольно мелочно

с моей стороны. Кевин, я не позволю старым обидам помешать целям Империи. Полагаю, вы поняли. На «Макартуре» Бери был арестантом. Он подозревался в подстрекательстве к мятежу на Нью-Чикаго.

— А вы находились в одном из тюремных лагерей, — сказал Реннер Салли Блейн.

— Там со мной находилась одна из моих подруг, которая так и не вернулась домой, — проговорила Салли, прищурившись от гнева. — И виноват в этом он, черт подери! Он подтолкнул целую планету к мятежу только для того, чтобы заколотить побольше денег. Которых у него и без того было немеренно!

— О нет, — возразил Реннер.

— У нас есть доказательства, — произнес граф. — Мы предъявляли их ему. Мы воспользовались этим, чтобы заставить его на нас работать... Ну как?

Леди Блейн положила руку на изуродованное шрамами запястье мужа и сказала:

— Кевин, вы хотите сказать, что это не так?

— Я знаю его больше двадцати пяти лет. Бери нарушал законы, чтобы заработать побольше денег, но ведь денег всегда *недостаточно*. Такого просто не может быть. Нью-Чикаго не отличается богатством. И никогда не отличался, разве не так?

— Что ж, одного раза достаточно... прийти к мысли об этом...

— Капитан, мы *останавливали* мятежи. Вам известно, что их вызывает? Бери это известно. Когда нет урожая! Существует древняя традиция: когда нет урожая, народ свергает короля. Поверьте мне, уж если Нью-Чикаго был готов к мятежу, то для него не требовалось участия никаких финансовых махинаторов типа Горация Бери.

— Хорошо, Бери, — сказал Блейн. — Тогда почему вы там находились? Зачем? Мы еще ни разу не задавали этого вопроса.

— Я не обязан отвечать. И с какой стати я буду свидетельствовать против себя же?

Блейн пожал плечами.

— Вы будете слушать? — требовательно спросил магнат.

Блейн быстро посмотрел на него.

— Да, ваше превосходительство.

Бери бросил взгляд на свои диагностические приборы. Он установил их на полную активность; сейчас ему не хотелось выглядеть расслабленным. Но приборы пока никак не реагировали на его состояние. Отлично...

— Прошло тридцать пять лет, милорд. Вам, наверное, было этак годков двенадцать, когда я занялся политикой в Нью-Чикаго. Разумеется, я действовал не от своего имени.

— А от чьего же тогда? — вызывающим тоном осведомилась Салли.

— От имени Леванта, миледи. И от имени всех арабов, которых тогда представлял Левант.

— Так вы состояли в ООА? — спросил Блейн.

— Милорд, я был Заместителем Председателя Организации Освобождения Арабов.

— Понятно, — осторожно произнес Блейн.

— Так или иначе, моя жизнь мне не принадлежала, — продолжал Бери. — Если вы этого не знаете. — Он пожал плечами. — Членство в ООА уже само по себе подразумевает амнистию. Это я говорю на тот случай, если вы удивлены.

— Безусловно! — сказал Блейн. — Но какого дьявола ООА делала в Нью-Чикаго? Это же не арабская планета.

— Именно так, — согласился Бери. — Но некогда она была источником кораблей. Я немного ознакомлю вас с историей Нью-Чикаго.

— Только совсем немного, — вмешался Блейн. — На этой планете я только сражался, а у леди Блейн с ней связаны самые болезненные воспоминания.

Бери кивнул в знак согласия.

— Итак, позвольте мне рассказать вам одну историю, милорд. Нью-Чикаго была основана поздно, намного позднее основания Первой Империи. Она находилась очень далеко за пределами Угольного Мешка и считалась незначительной планетой, заселенной североамериканскими каторжниками, а ее административная часть находилась в сфере влияния русских. Это важно, русские предпочитают плановую экономику, и в данном случае планировалось, что Нью-Чикаго станет источником кораблей для будущего территориального захвата Империи.

— Да, это играет важнейшую роль, — сказал Реннер. — Какникак, самый край Границы.

— Какова же была ваша роль во всем этом? — осведомилась Салли Блейн.

— В источнике кораблей, — осторожно продолжал Бери. — Во времена Первой Империи планету буквально заполонили каторжники. А *не* опытные космонавты. Технологии изготовления скафандров и жилья приходили туда отнюдь не со скоростью космических кораблей, использующих Движитель Олдерсона и Поле Лэнгстона. Металлы на Нью-Чикаго добывались без особого труда. Можно было построить литейные цеха. Поселенцы неплохо переносили гравитацию и имели весьма недурные условия, почти как на Земле. Имелись целые районы обнаженных руд, на востоке — великолепные фермерские угодья, а крепкий восточный ветер уносил прочь промышленный смрад. Милорд, *никто* больше меня не знает о Нью-Чикаго.

— Локальные пояса астероидов.

— Совершенно верно. Скафандры и жилища усовершенствовались. Сыновья каторжников стали обучаться на космонавтов. *Конечно*, следующее поколение стало разрабатывать шахты на своих местных поясах астероидов. На Нью-Чикаго построили литейные цеха и верфи. Люди стали учиться и набираться опыта, а тем временем уже прочно обосновавшиеся солнечные системы строили на астероидах свои космические корабли. Нью-Чикаго готовился к небывалому промышленному росту, чего так и не произошло. А потом Первая Империя разделилась. Нью-Чикаго находился в стороне от Сепаратистских войн.

— О! — воскликнул лорд Блейн.

— Вам понятно, о чем я? Период промышленного бума Нью-Чикаго проходил во время первого кризиса. Тогда мой дед впервые связался с этим местом. Он был одним из основателей ООА.

— Я все еще не понимаю, в чем дело, — проговорила леди Блейн. — Что понадобилось ООА от Нью-Чикаго?

— Корабли.

— Зачем?

— Всем нужны корабли. И Левант вместе с остальными арабскими странами — не исключение. Потом, позднее, когда была провозглашена Вторая Империя, появилась еще одна причина. Дело в том, что Нью-Чикаго для Империи считалась новой планетой. И там производились корабли, которых не было в имперском списке.

Лорд Блейн выглядел озадаченно.

— То есть, их происхождение нельзя было проследить? — спросила Салли.

Бери кивнул.

— Планеты внешних имели желание получать корабли, не будучи стесненными таможенными ограничениями.

Салли посмотрела в потолок.

— Финч'клик'?

— Готов.

— К какому классу Империя причисляет Левант?

— К первому. Полное самоуправление, возможность межзвездных передвижений.

— На кораблях из Нью-Чикаго? — поинтересовался Блейн.

Бери пожал плечами.

— Как любая планета, где нет полноценно поддерживающей самой себя биосферы.

— Но ведь это происходило задолго до мятежа, — заметил Блейн.

— Конечно, милорд. Это происходило во времена моего отца. С тех пор пролетело тридцать пять лет. Это сегодня вы наблюдаете за процветанием Империи. Но попробуйте посмотреть на то, как мы жили тогда.

— То есть как это? — спросил Род Блейн. Он заметил, как Салли кивнула сама себе.

«Леди Салли изучала антропологию. Может ли это оказаться полезным?»

— Милорд. Ваша Вторая Империя только начинается. Ее провозгласил сам Христиан, и если вы не помните историю Крестовых походов, то мы, арабы, ее превосходно помним, уверяю вас! Вы уже присоединили к Империи Дайян и выдвигаете на высокие военные и морские посты евреев. Так почему же, именем Аллаха Милосердного, кто-то из нас должен вам доверять?

— Успокойтесь, — проговорил Реннер.

Бери поглядел на светящиеся столбцы показателей.

— Я чувствую себя *превосходно*. Итак, милорд, наконец-то вы знаете. Да, я принимал участие в подготовке мятежа в Нью-Чикаго, и вы наверняка считаете, что я делал это из самых черных побуждений. Ведь такое должно было бы случиться на планете внешних с экономикой, основанной на строительстве космических кораблей и алчности клиентов. Незарегистрированные корабли — на случай, если они потребуются Леванту. На случай неудачных переговоров с Империей или если Империя развалится под весом своего безудержного честолюбия. Вот уж действительно Империя Человека! Мы способны были бы объявить джихад даже не имея ни армии, ни флота — короче, ничего, кроме храбрости наших молодых людей.

— А сейчас? — спросил Блейн.

Бери снова пожал плечами.

— Империя процветает. Вы нас не любите. В социальном отношении мы представляем второй класс людей, хотя у нас есть те законные права, которые вы нам обещали. Наши планеты — самоуправляемые, ибо правительство на них — наш народ и наша религия. Сейчас угроза исходит от Мошки, а не от Спарты. Поэтому в Организации Освобождения Арабов больше нет нужды, и прошло уже немало лет с тех пор, как я проконтролировал ее ликвидацию.

— Выходит, вы были ее Председателем, Гораций? — удивленно спросил Реннер.

— И не только номинально.

— Конечно. Вы же являетесь неформальным президентом Имперской Торговой Ассоциации. Святая полосатая зубатка, — с улыбкой прибавил он.

— Кевин, *мы* занимались ликвидацией фракции Нассари. А он не мог оставить своих амбиций. Я стал причиной...

— А не могли вы дать *нам* на него побольше информации, выдать его имперской полиции? Всего лишь. Вам даже не пришлось бы объясняться перед ними: «Нассари больше не выполняет моих приказов». Что теперь скажете?

— Я делал то, что должен был делать, Кевин, — промолвил магнат и обратился к Блейну: — Понимаете? У нас есть способ раздобыть неопознанный космический корабль. Впрочем, Нью-Чикаго больше не считается местом для подобных махинаций, но, вполне вероятно, что найдется другая планета, или пояс астероидов, или облако Оорта близ какой-нибудь старой сверхновой. Если какому-то человеку понадобится корабль, или если *мошкиты* захотят иметь судно, изготовленное человеком, то... тогда обращайтесь к Горацию Бери, специалисту по шпионажу.

В кабинете повисло неловкое молчание, затем его нарушил граф Блейн:

— Ваше превосходительство, а какие у вас планы, конкретно?

— Планы или амбиции? — решил уточнить Бери.

— То есть?

— Я еще не разузнал достаточно, чтобы иметь какие-либо конкретные планы. Однако могу вас заверить, что я знаю об угрозе со стороны мошкитов больше, чем Мерсер. Или вы, милорд. У меня есть определенный опыт и деньги, и помимо Аллаха, моих докторов и этого кресла, у меня есть энергия. И я предполагаю употребить все это на службу Империи.

В кабинете снова воцарилось молчание. Магнат с безмятежным выражением лица ждал.

— Я снимаю свои возражения, — произнес Блейн, не обращая внимание на еле слышный возглас протеста со стороны жены. — Это все, что я могу сделать, и я это делаю, и надеюсь, что это поможет вам добраться до Блокадного Флота. Бог знает какую задачу вам придется выполнять там. И не тратьте времени понапрасну.

— Благодарю вас, милорд, — произнес Бери.

* * *

Салли подождала, когда дверь за посетителями закрылась. Затем яростно вопросила:

— Но почему?

— Ты все слышала.

— Но Род, что это изменило? Мятеж на Нью-Чикаго, кровавая баня, концлагеря — ведь все это из-за него! Он изнасиловал планету и убил Дороти!

— Возможно, *я* занимался тем же самым на службе Империи. *Я* мог бы находится среди команды «Ленина», когда Кутузов сперва стерилизовал, а потом выжег до основания планету Иштван. Бери не просто бандит-авантюрст и оппортунист. Он защищал свое отечество.

— *Левант.*

— М-м-м? Что ж... Но это же *его* планета. А ключ ко всему — лояльность. Не отрицаю, он был врагом, теперь же он — союзник. Он защищает Империю, чтобы защитить Левант. А враг моего врага — мой друг. Он рассматривает Империю как друзей и как единственную надежду против мошкитов.

— Он может снова переметнуться во вражеский стан.

— Ха! Да, разумеется. Но мы поставили Реннера наблюдать за ним, и Реннер занимается этим уже четверть века. Возможно, и возникнет нечто, что могло бы изменить лояльность Бери. Но только не на Блокаде. Он ничего не совершит там, занимаясь вселяющими в людей боевой дух беседами и кое-какими разговорами о политике, но он и не нанесет никакого вреда. Блокада стоит между Левантом и мошкитами.

— Если Бери сумел бы понять мошкитов, как это сделали мы... Род? Как ты понимаешь мошкитов?

Лорд Блейн промолчал.

— Они уничтожили твой корабль, и ты никогда не забудешь это. Мне кажется, что ты любил «Макартур» намного сильнее, чем даже меня. Но мы же отыскали разрешение этой проблемы!

— Неужели? Это срабатывает на Посредниках. Мы не знаем Мастеров. И мы ничего не узнаем, если Мастера примут наши условия — и даже если это сработает. Они просто назовут это ответом Безумного Эдди.

— Да, так и должно быть.

— Салли, мы зависим от этой Блокады. Еще несколько лет назад она лично нам вовсе не требовалась... или сто лет назад, или всего *один год*. Тебе известно, как долго на Спарте принимаются решения, если надо что-то *предпринять*. А Реннер и Бери...

— Действуют, а не попусту мелят языком, — проговорила она, опустив голову. Затем резко вскинула ее.

— Финч'клик'?

— Готов.

— Основные инструкции, списки всех глав отделов. Также список необходимого снаряжения и персонала для доставки его в Институт на Новой Каледонии.

— Принято.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КРЕПОСТНОЙ РОВ ВОКРУГ ГЛАЗА МУРЧИСОНА

На вопрос, что нам сделать, чтобы спастись в этом мире? — нет иного ответа, кроме следующего: «Взгляни на свой крепостной ров».

Джордж Севил, маркиз Галифакский

Глава 1. Новая Ирландия

И скажут неразумные среди людей:
«Что отвратило их от Кыблы,
Которой были они верны поначалу?»
Скажи: «Во власти Господа Восток и Запад,
И Он ведет по праведной стезе
Того, кого сочтет Себе угодным».

Коран, Корова, 136

Гиперпространство связано только особыми точками. Время, требуемое для того, чтобы добраться из одной прыжковой точки Олдерсона до другой, неизмеримо коротко, но как только прыжок совершен, кораблю приходится идти через обычное пространство до следующей точки. Это может занять от недели до месяца и зависит от расположения точек Олдерсона, скорости корабля и его материально-технического обеспечения.

«Синдбад» был быстрее многих пассажирских лайнеров, и Бери условился о встрече с остальными кораблями своего флота с провиантом и горючим так, чтобы «Синдбаду» удалось подойти к ним по возможности самым коротким маршрутом: двигаясь по прямой; но даже и в этом случае путешествие продлилось достаточно долго, чтобы довести всех до нервного состояния. Все вели себя вежливо и корректно, однако радовались, что размеры «Синдбада» позволяли каждому оставаться наедине с самим собой, чтобы не выказывать другим своего раздражения.

И все же Реннер отметил, что странная дружба между Бери и Бакманом оставалась крепкой как никогда; и если, с одной стороны, новый вице-король устал выслушивать бесконечные истории об имперской торговле, а с другой — о дурацкой политике Империи касательно науки, он не подавал даже признаков раздражения. После того официального ужина Реннеру страстно хотелось сразу извиниться перед ним.

И он весьма обрадовался, когда смог объявить о последнем прыжке.

— Прыжок произойдет около полуночи по корабельным часам, — сказал он. — Так что примите снотворное и можете спокойно спать. Вы даже не заметите, как это случится.

— А мне бы хотелось пережить это, — сказала Руфь Коэн. — Не думаю, что когда-нибудь мне выпадет возможность испытать «прыжковый» шок.

— Можете проспать все это время, но, если хотите, можете этого не делать, — отозвался Реннер. — Но, уверяю вас, ничего особенного вы не испытаете. Во всяком случае, прыжок займет очень мало времени.

— Одному из моих кораблей придется ждать, — сказал Бери.

— Да, сэр, — кивнул Реннер. — Они подождут немного. Мы получили донесение, что он проделал прыжок три недели назад.

— Дорого же нам обойдется это рандеву, — поморщился магнат. — А, ладно! Спасибо тебе, Кевин.

* * *

Тонкий пронзительный голос нарушил тишину корабля. Сперва он прозвучал на арабском, затем на «англике»: [1]

— Лучше молиться, нежели спать! Помолимся же! Я свидетельствую, что наш Господь — единый Бог. Я свидетельствую, что нет другого Бога, кроме Аллаха, а Мухаммед — это Пророк Аллаха. Помолимся же! Бог велик! Лучше молиться, нежели спать!

— Что такое?.. — удивилась Руфь Коэн, садясь совершенно прямо.

Корабль пребывал в свободном падении. Специальные одеяла, предназначенные для человека, находящегося в невесомости, убаюкивали девушку в ее кровати, и поскольку за последние несколько недель она привыкла к изменениям в гравитации и возникающим вместе с ними побочным эффектам во время вращения корабля, они ни в малейшей мере не мешали ей спать. «Как мягко все прошло», подумала она, сидя в полном одиночестве на постели. «А ведь я действительно проспала прыжок».

Когда пронзительный голос замолчал, из примыкающей каюты по воздуху быстро приплыл Кевин.

— Тс-с-с.

— Но...

— У Горация гости, — объяснил он шепотом. — Деловые партнеры или родственники, а может, и те и другие. Они прибыли на транспортнике из Леванта. Бери всегда приказывает Набилу играть роль муэдзина, когда ему хочется выглядеть ортодоксальным мусуль-

---

[1] Упрощенный вариант английского языка для международного общения.

манином. Прости, что не предупредил тебя, но о гостях мы узнали только когда пошли на стыковку, а теперь я очень занят.

— Но...

Реннер поморщился.

— Им бы не понравилось, что пилот «Синдбада» спит с любовницей.

— Я *не*...

— Да, да, я знаю, и ты знаешь об этом, но им-то ничего не известно. Ладно, оставим это. Они не будут потрясены тем, что у меня любовница. Может быть, они даже не затрясутся, узнав твое имя.

— Имя?

— Ты ведь с Дайяны.

— Я не с Даяйны. Я из Нью-Вашингтона.

— Знаю.

— К тому же я офицер космического флота и нахожусь на службе. — Она опустила глаза на свое полупрозрачное гаремное одеяние и выдавила улыбку. — Что ж, *именно сейчас* я не на службе... Кевин, это *не* смешно.

— Да, наверное. По крайней мере, не так уж сложно высчитать направление.

— Кевин...

— Дело в том, что если ты сейчас обратишься лицом к Земле, то будешь смотреть и в сторону Мекки, и в сторону Иерусалима. Иными словами, здесь нет никакой разницы. Одна и та же кыбла [1].

— Разве это имеет здесь какое-то значение?

— Некогда я специально изучал это, — сказал Реннер. — Когда Мохаммед впервые посетил Медину, он проповедовал, что евреи и правоверные — один народ, все произошли от Авраама и у всех один Мессия. Может быть, он сам, но это не укоренилось. Один Бог, Аллах, был тем же самым, что еврейский Иегова. Мохаммед почитал Тору. И молился в направлении Иерусалима.

— Иерусалима? Кевин, а зачем мы обсуждаем это?

— Чтобы ты не думала, что тебя оскорбят.

— Мне по-прежнему не нравится это.

— Разумеется. И Бери — тоже. Ты ведь — гостья. Если ты упорно придерживаешься тех же действий, что и он, Бери будет на твоей стороне. Хотя один Господь знает, во что это ему обойдется.

— О! — Руфь натянула одеяло на подбородок и завернулась в него, лежа на своем матрасе. — Хорошо. Расскажи мне еще. Неужели ты все это выдумываешь?

---

[1] Направление, куда обращает свое лицо мусульманин во время молитвы.

— Нет, — улыбнулся Реннер. — Нет. Мне рассказывали, что в Медине есть знаменитая мечеть, называемая мечетью Двух Кыбл...

— Кыбла. То есть направление?

— Да, направление. Куда выходит мечеть. Мохаммед посылал письма еврейским лидерам, приглашая их присоединиться к нему. Они не стали этого делать. Они сказали, что ты должен быть сыном Иакова, чтобы унаследовать царство и получить все благодеяния от пророчеств, и арабы не имеют на это право, ибо они всего лишь навсего — сыновья Авраама.

— И никого не волновал вопрос о дочерях.

— Нисколько. Однако в течение двух лет они молились, обратившись лицом к Иерусалиму. Но когда евреи отказались от предложения Мохаммеда, он задумался над этим. И как-то утром, когда Мохаммед оказался в центре своих молящихся, обратившихся лицами к Иерусалиму, он внезапно повернулся лицом к Мекке. Конечно же, все последовали его примеру. Вот почему арабы бесконечно воюют с евреями.

— Я никогда об этом не слышала.

— Тем не менее это так, — задумчиво проговорил Реннер. — Но это не так уж плохо. Ты даже не сможешь вообразить, что произошло бы с Европой, если евреи и мусульмане оказались бы на одной стороне. Вот тебе история о Двух Кыблах. А теперь о хорошем. — Он улыбнулся.

— О хорошем? — удивленно переспросила Руфь.

— Следующие две недели этот корабль полностью в нашем с тобой распоряжении. Бери встречал здесь не только транспортник. Он раздобыл еще и корабль-госпиталь, где из тупых молокососов из космического флота делают докторов. Примерно через три часа Гораций, вице-король и Бакман собираются перебраться на борт «Милости Аллаха», а мы тем временем отправимся в Новую Ирландию за новыми людьми.

— Здорово! Разве они не берут тебя с собой?

Реннер нахмурился.

— Что с тобой? Тебе что, не нравятся действия старика?

— Ну, мое мнение — в моем отчете, но, по-моему, едва ли это справедливо.

— А кто бы остался с тобой, ты подумала? Если честно, мне удалось восстановить силы перед самым отлетом на землю Максроя. У нас будет достаточно времени, чтобы заняться любовью, когда мы будем на орбите, а мне не придется пилотировать корабль. Ведь большую часть пути до Новой Ирландии мы будем одни.

— Думаю, это неплохо. Однако я не уверена, что мне бы хотелось находится рядом с еще более энергичным Кевином Реннером в иные, нежели эти, минуты.

* * *

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ. Звездная система за Угольным Мешком; главная звезда внесена в каталоги, как Мурчисон-А. Ее спутник, Мурчисон-Б, не относится к системе Новой Каледонии. Мурчисон-А имеет шесть планет на пяти орбитах, с четырьмя внутренними планетами, относительно широким промежутком, заполненным обломками несформировавшейся планеты, и двумя внешними. Четыре внутренние планеты в порядке их удаления от звезды называются соответственно: Конхобар, Новая Ирландия, Новая Шотландия и Фомор. Звезду в системе планет называют Калед, Старина Калед или просто Солнце. Средние две планеты заселены. Обе они были террафор-мированы специалистами Первой Империи, пришедшей вслед за Джаспером Мурчисоном, который, будучи в родстве с Александром IV, убедил совет, что система Новой Каледонии — самое подходящее место для размещения Имперского университета. Теперь известно, что Мурчисона интересовало главным образом наличие населенной планеты рядом с красным гигантом под названием Глаз Мурчисона и, когда его не удовлетворил климат Новой Ирландии, он потребовал заселить и Новую Шотландию.

Фомор — относительно небольшая планета почти без атмосферы, но с некоторыми интересными особенностями. На ней были обнаружены плесневые грибы, биологически родственные грибам, найденным в Трансугольном секторе, и вопрос об их появлении на Фоморе породил бесконечные статьи в «Имперском ксенобиологическом журнале», поскольку никаких других жизненных форм на Новой Каледонии не было.

Две внешние планеты занимают одну и ту же орбиту и называются Дагда и Мидер, в соответствии с принятой в системе традиции давать названия из кельтской мифологии. Дагда — это газовый гигант, и Империя содержит заправочные станции на двух лунах планеты, Ангусе и Бригите. Торговые суда предупреждаются, что Бригита — это военная база, и они не могут попасть туда без специального разрешения.

— Что нам вовсе не понадобится, благодаря транспортнику Бери, — произнес Реннер, выключая монитор. — Мы прекрасно доберемся до Новой Ирландии.

НОВАЯ ИРЛАНДИЯ. Вторая планета в системе Новая Каледония. Землеустройство Новой Ирландии произведено учеными Первой Империи под влиянием Джаспера Мурчисона. Там

же первоначально располагался филиал Имперского университета в Трансугольном секторе, до тех пор пока кампус не перенесли в Новую Шотландию.

Заселенные районы Новой Ирландии были сравнительно небольшими и ограничивались зонами умеренного климата, примыкающими к единственному основному морю. Климат в обитаемых зонах теплый и приятный. Почва удобрена и содержит некоторые виды насекомых и других живых существ. Урожаи высокие.

Новая Ирландия присоединилась к сепаратистам и вела продолжительную войну до тех пор, пока Новую Ирландию и Новую Шотландию не изолировали раздельно от их союзников.

После разрухи, вызванной Сепаратистскими войнами, была восстановлена некоторая промышленность. Первоначально это делалось, чтобы противостоять Новой Шотландии, но в настоящее время развитие промышленности вызвано решением парламента Новой Ирландии. Но пока что Новая Ирландия слабо развита, а основным источником твердой валюты является туризм.

Новая Ирландия, и в особенности район под названием Дерри, — излюбленное место команд ИВКФ для увольнения на берег.

Гостиная «Синдбада», обозначенная буквой «В», являла собой добавочный кокон в форме косточки лимы. Руфь Коэн задала стенам кокона полупрозрачный режим. Эндрю Мерсер застал ее за рассматриванием бесконечного звездного неба и Угольного Мешка, виднеющегося за ее спиной. В другой стороне царила кромешная тьма, при более тщательном рассмотрении оказавшаяся погруженной в ночь поверхностью Новой Ирландии.

Он то и дело наблюдал за Угольным Мешком. И даже тогда, когда «Синдбад» прибыл в систему Каледа. Он постоянно отгонял от себя мысль, что этот вид ему откровенно не нравится. Огромное, аспидно черное пятно, раскинувшееся по небу на тридцать градусов и сильно смахивающее на человека, накрывшего голову капюшоном и глядящего единственным красным глазом. В красном сверхгиганте, Глазе Мурчисона, светилось желтое пятнышко, напоминающее зрачок: Мошка. Руфь ощущала себя младенцем, лежащем на руках Человека-в-Капюшоне, а ее лицо в отсветах компьютерного экрана казалось жутковатым и неестественным.

Мерсер подошел к девушке сзади и посмотрел на монитор через ее плечо.

— Здравствуйте, ваше высочество, — сказала Руфь.

— Еще два часа, — отозвался он. — Я стану вице-королем только тогда, когда мы приземлимся.

— Но вы в системе Каледа уже три недели. И мне известно, что вы читали рапорты и отсылали указания.

Мерсер пожал плечами.

— Да, две недели в лапах джинна Бери. — Он потянулся. — Как по-вашему, я изменился?

— По правде говоря, да. Не очень, но изменились. Интересно, надолго ли Бери оставит здесь «Милость Аллаха»?

— Думаю, не надолго. Он намеревается нанести последние штрихи, так сказать. Не хотите искупаться в бассейне?

— Я уже купалась, как только мы устроились. Мне редко будет выпадать такая возможность. Завтра — трудный день. А почему Новая Ирландия вместо Новой Шотландии? — вдруг спросила она.

— На самом деле это предложил сэр Кевин. Я как следует подумал над его предложением, и мне оно показалось неплохой мыслью.

— То есть?

— Официально войти в эту должность на Новой Ирландии. Залатать старые раны. Наконец-то дать жителям Новой Ирландии знать, что их планету признали. Даже если я не смогу начать работать до тех пор, пока мы не доберемся до Новой Шотландии.

— Ну, Трухильо туда уже добралась.

— Не понял...

Руфь выгрузила на экран свежую газетную заметку. Мерсер начал читать, глядя через ее плечо.

Датировано: десятый месяц, 32, 3047. Дерри, Новая Ирландия. Мей-Линг Трухильо.

Его Величество прибывает завтра. Это уже не первый официальный визит вице-короля Империи в Новую Ирландию с тех пор, как закончились войны. Артур Келвин Мерсер будет официально утвержден на должность вице-короля владений Его Величества в Трансугольном секторе. Это произойдет в здании Парламента Новой Ирландии.

Правительство четко представляет важность этого мероприятия и готовится к приему официальных гостей, приглашенных стать свидетелями этого события. Три дня официально объявлены выходными. Филиал Имперской Торговой Ассоциации Новой Каледонии приготовил праздничный салют и оплатил банкет, который продлится все это время.

Среди лучших людей Новой Ирландии не возникает сомнений в том, что вступление в должность вице-короля будет самым грандиозным шоу с тех пор, как ИКК «Дерзкий» бомбардировал Дерри и положил конец новоирландскому сепаратизму восемнадцать лет тому назад.

На завтрашней церемонии Космический Флот будет представлен тремя кораблями и крупнейшим легким крейсером.

Похоже, что ни один из новошотландских космодромов не пригоден для запуска космических кораблей. Когда его высочество пройдет свою пышную церемонию и захочет приступить к работе, он мог бы начать с тщательного изучения отчета диспетчеров космодрома.

Между тем, для большинства жителей Новой Ирландии это обычное дело, — в этом, собственно, и заключается необычность.

В течение шестидесяти лет провинцию Дерри служащие ИВКФ посещали только в свой отпуск. Их не всегда принимали охотно, однако именно они всегда являлись источником денег, а деньги, как известно, излечивают многие раны. Сегодня Дерри знаменита тем, что встречает отдыхающих военных чуть ли не с почестями.

Шрамы от «посещения» «Дерзкого» будут еще долго заметны. Повсюду на планете все еще нарушено землеустройство, о котором так тщательно заботился Мурчисон. Таким образом, многие районы в настоящее время представляют собой громадные бесплодные пустоши. Однако с вершины романской скалы, куда ни кинешь взгляд, Дерри на многие мили выглядит как земля, пригодная для обработки. Город же напоминает бесформенную глыбу, поскольку простерся вдоль гребней гор, с пригодными для обработки землями внизу.

На улицах же все совершенно иначе.

Шлюхи имеют цветущий вид. Я разговаривала с несколькими. Задавала им вопросы, и всякий раз у меня создавалось впечатление, что они смеются надо мной. Неразвращенной, неиспорченной. Меня немного удивил тот факт, что я ни разу не повстречала дважды одну и ту же проститутку. Я спросила их об этом. «Днем мы немного прогуливаемся и, бывает, зарабатываем немного деньжат. Затем возвращаемся к работе со свиньями и на кукурузные поля», — ответила мне Дейдре.

Она знает, кто ее отец. Джайниссе не знает. Обе сочли подобный вопрос очень странным.

Если вы прогуляетесь по улицам Дерри, то не обнаружите ни одного борделя, зато увидите целые кварталы гостиниц, предоставляющих номера на ночь или на час. В большинстве этих отелей превосходный сервис.

Подсчитано, что среднестатистический Бравый Космонавт оставляет за одно посещение Дерри трехмесячный заработок. А если учитывать унтер-офицеров, то среднестатистический военный из ИВКФ тратит здесь восемнадцать тысяч крон. Люди из ИВКФ специально откладывают деньги на отпуск в Дерри. Известно, что здесь они также предаются азартным играм.

Отдыхающие из ИВКФ — мужчины. Я не обнаружила ни одной женщины из Космофлота, которая призналась бы, что

ей интересен отпуск в Дерри. А мужчины предпочитают тратить деньги безудержно, но не все деньги расходуются на вино. «Я всегда хожу во Дворец Грез, — признался мне один гардемарин, которого я назову Карлосом Мередитом. — Можно захватить с собой собственные игровые дискетты и, вставив их в компьютер, играть с местными. Все новое поступает из Спарты, и местным это нравится. Обычно я выигрываю в первый же день».

Затем он нашел девушку и отправился с ней спать, а когда вернулся на следующий день, то проиграл все, что у него оставалось. «Местные очень быстро осваивают новую игру».

Руфь посмотрела на Мерсера.

— Тут еще довольно много материала, но любопытны заключительные слова, Резюме, так сказать, — пояснила она и пролистала несколько «страниц», оставив Мерсеру самый конец файла.

В Доме Правительства ощущается сильное волнение. Однако на Космофлоте сейчас обсуждается только одна тема: закроет ли новый вице-король Дерри?

— Гм, — буркнул Мерсер.

— Сэр? — повернулась к нему Руфь.

— Она явно не это имеет в виду. Журналисты не настолько тупы, чтобы решить, что мои первые действия будут направлены на то, чтобы закрыть единственное место, делающее службу на Блокаде более или менее терпимой.

— О!

— Для вас здесь не так уж много работы, — продолжал Мерсер. — Здесь никогда не бывает внешних, и я не понимаю, как военной разведке удастся узнать еще больше о Мошке. Может быть, вы обнаружите заговор на Новой Ирландии.

— Это не так уж забавно, как вам кажется, — строго заметила Руфь. — Согласна, здесь давно уже нет былой активности, однако Мятежный альянс все же существует, и вам это прекрасно известно.

— Они бросили бомбу в губернатора Шмелева. Но это случилось двадцать лет назад. Полагаю, что самое худшее, о чем нам придется беспокоиться касательно Новой Ирландии, зайдет гораздо дальше наших предположений.

Звук интеркома уберег Руфь от ответа.

— Наконец-то вызвали, — проговорил голос Реннера. — Всему персоналу как следует пристегнуться. Руфь, ты первая. За безопасность не беспокойся — ты же тоже наверняка не знаешь, как украсть космический корабль до его приземления.

* * *

Церемония инаугурации началась в полдень и длилась шесть часов. Празднества шли своей чередой. Между своеобразными баррикадами по обеим сторонам Скид-стрит двигались специальные грузовики с провизией. Солнце светило вовсю.

Кевин с Руфью пробирались вдоль главной улицы. Здесь находился «Погибший Корабль» — отель, составленный из двухэтажных зданий, расположенных в шахматном порядке, с цветочными клумбами между ними. Крыши домов украшали воздушные фонарики. Кевин размышлял о том, как бы им снять номер с видом на Скид-стрит. Отель повыше мог бы иметь значительную прибыль в такой день... но в Новой Ирландии все здания были низкими. Даже дворец.

Грузовики раскрывались подобно цветам. Руфь с Кевином остановились посмотреть, как один из них раскладывается. За какие-то минуты, он превратился в хлебопекарню, и вокруг тотчас же столпились гуляки, чтобы купить себе свежеиспеченного хлеба. Кевин купил огромный каравай, разломил его надвое и протянул кусок Руфь.

Они начали есть.

— Как *хорошо*. Такого не сделаешь на борту корабля, — сказала Руфь. — Давай-ка поищем какие-нибудь фрукты.

— А может, салат из сырых овощей, а? — он отбросил то, что осталось от каравая, в сторону и повел девушку с овощному прилавку. Если грузовики выглядели все одинаково, то внезапно расцветающие прилавки оказались совершенно разными, а грузовики куда-то исчезли. Спустя некоторое время они шли, хрумкая морковью и гигантской редиской.

— Я чую запах мяса, — заговорщическим тоном произнес Кевин. — Сюда!

— Ага, здесь, оказывается, не только секс, — заметила Руфь.

Вдруг рынок наводнился женщинами, молодыми и средних лет, среди которых находились и миловидные, и просто писаные красавицы, но в основном — симпатичные. Мужчины в форме ИВКФ то и дело останавливались, чтобы поболтать с ними и найти какую-нибудь даму, готовую к более близким отношениям.

— Никогда не был в увольнении на Новой Ирландии, — сказал Кевин. — Мы все знали, что именно нам нужно. Домашняя еда, свежие продукты и здоровый секс. Трудно сказать, чего космонавту хочется больше после целого года поедания биопласта и сухих стейков из сублимированного мяса. Ну и... марихуаны. Даже немного борлоя. Мне рассказывали, что можно как следует нализаться, но хорошую выпивку придется поискать, а это... ну, как бы не входит в ритуал, если ты меня понимаешь. А баров нет.

— И вот ты, наконец, в Дерри, с женщиной, висящей у тебя на руке.

— Я буду невероятно крутым. А теперь, не пообедать ли нам? А это что еще за чертовщина?

Над огнем жарился бычий бок. Прямо здесь, на улице? Да, однако огонь горел на ребристой металлической поверхности, установленной на опущенном борту одного из грузовиков. Новые ирландцы если что и делали, то очень аккуратно. Дюжий владелец быка отрезал от туши жареные ломтики мяса и припечатывал их на пластик. Они подошли.

— Кстати, коль скоро мы заговорили о сексе, — сказал Реннер, — что ты подумала о Трухильо?

— По-моему, ее внешность никогда не выходит за рамки стилизованности.

— Что-что?

— Она не пользуется косметикой. Ты бы наверняка решил, что она легкомысленна. Похожа на мышь, но надевает тонкое платье и не носит нижнего белья. Это возбуждает мужчин. Скажи, а на тебя бы это подействовало, не так ли?

— Принято к сведению.

Руфь глубоко вздохнула.

— Такое действует только на молодых. Может быть, я рассмотрю предложение Бери. Смотри, фокусники!

— А тебе она понравилась?

— Кто, Трухильо? Я об этом даже не задумывалась. Она не дружит с людьми из ИВКФ. Честно говоря, у меня практически нет возможности поговорить с ней.

— У тебя будет такая возможность.

— Кевин?

— Несколько недель назад она настоятельно просила пропуск в эскадру Безумного Эдди. И мы все решили, что она могла бы отправиться туда на борту «Синдбада».

— О!

— Это идея Бери. Ему захотелось превратить ее в мошкитоненавистницу. — С трудом выговорив это слово, Реннер хихикнул. — Его превосходительству понадобились новые люди. Мерсеру так часто приходилось выслушивать жалостные истории Горация, что он теперь готов закричать при одном только упоминании о мошкитах. Бери уже послал ей пригласительное письмо.

— Гм. Ты ведь не скажешь, возбуждает она тебя или нет, — промолвила Руфь. — Я думаю прошвырнуться по магазинам. Или для тебя это будет обременительно?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду то, что нам обоим прекрасно известно. Наши отношения не продлятся вечно. Ты, наверное, уже устал от меня, верно?

— Пока нет. А ты этого хочешь?

— Пока нет, — с задумчивым видом кивнула она, потом рассмеялась. — Тогда пойдем во-он туда.

Реннер вытащил карманный компьютер.

— Согласно статье мисс Трухильо, в «Кирпичной Луне» готовят артишоки восемнадцатью различными способами. Подача напитков и еды прямо в номера. Это совсем рядом. Ну как?

— М-м-м. Черт, ты заставляешь меня думать так же, как и ты.

— Как это так?

— Мне бы хотелось понаблюдать, как будет реагировать клерк, когда поймет, что ты гуляешь перед соревнованием совсем на другой планете.

Глава 2. Высокая Комиссия

> Умение поместить нужного человека на нужное место — это первое в науке управления людьми; самое же трудное — это отыскать места для недовольных.
>
> *Талейран*

НОВАЯ ШОТЛАНДИЯ. Третья планета системы Новая Каледония. Первоначально жизни на ней не существовало из-за атмосферы, насыщенной исключительно метаном и водными парами. Была землеустроена посредством обширного внедрения генетически созданных микробов.

Первые колонисты жили под куполами...

Самым большим зданием главного города Новой Шотландии был дворец вице-короля. Он возвышался в центре серии последовательных концентрических колец. Столица сильно напоминала средневековый город Земли, а развитие Новой Шотландии определялось ростом защитных технологий города.

Реннер послал маленькую спасательную шлюпку по широкому кругу, чтобы таким образом снизить ее скорость.

— Я вижу кое-какие изменения, — произнес он, показывая на совсем небольшие строительные комплексы, расположенные за пределами последнего кольца. — Когда я прилетал сюда в последний раз, ничего этого еще не было. По-видимому, они решили, что наконец война закончилась, и стали строить за пределами защитного поля города.

— Мошкиты очень хорошо сработали, — заметила Руфь Коэн. — Мы мыслим, как они. Они добрались до Новой Шотландии и Новой Ирландии, заставив нас мыслить их категориями. Это как передача в футболе.

— Однако все сделано несколько шероховато, не так ли? И все равно это лучше, чем швырять друг на друга бомбы... да, в любом

случае так лучше, — сказал Реннер, а сам подумал: «Но мошкиты не построили бы ничего подобного. Они не стали бы строить того, что нельзя будет защитить».

Флайер завершал свой круг над городом. Реннер посадил его на специальную площадку, простирающуюся за Домом Правительства, выстроенным из черного гранита. Усталые охранники из космодесанта, заметив на Руфи форму ИВКФ, а на Реннере — дорогой деловой костюм, мельком взглянули на их идентификационные карточки, которые затем по очереди запихнули в считывающие устройства компьютера, посмотрели на монитор и взмахами руки указали во внутренний дворик. Оттуда Кевин с Руфь через незапертую застекленную створчатую дверь попали в целый лабиринт коридоров. Реннер пытался отыскать дорогу к совещательному залу Комиссии, но очень скоро заблудился. В конце концов он остановился и осмотрелся.

— Ага! Вот и охранник, — оживился он.

Их направили в противоположную часть здания. По пути Руфь Коэн посмеивалась.

— В последний раз я прилетал сюда на совещание, проходящее в Зале заседаний Совета, — сказал Реннер. — Огромный такой зал с высоченным куполом. Там можно было отыскать кого угодно. Откуда мне было знать, что они перевели Комиссию отсюда в дополнительный корпус?

В отличие от Зала заседаний Большого Совета, совещательная комната Комиссии была строго функциональной. Они не увидели здесь трона. Место, предназначенное для вице-короля, являло собой обычное кресло, стоящее в центре большого стола. Стол был воистину огромен и сделан наверняка из настоящего дерева, однако Кевин об этом не задумывался. За столом стояли стулья советников. Напротив них располагались места для аудитории, и их насчитывалось около пятидесяти. Стены почти полностью занимали видеоэкраны, пока совершенно чистые.

Некоторое время они бесцельно побродили по помещению, пока к ним не подошел высокий лысеющий мужчина, одетый в черный консервативный деловой костюм. Он протянул руку Реннеру.

— Кевин. Господи, ты отлично выглядишь! — Он замолчал на мгновение и прибавил: — И тоже в штатском.

Реннер на секунду сдвинул брови, после усмехнулся.

— Джон Каргилл. Рад встрече с вами! — Он повернулся к Руфи. — Коммандер... я полагаю, теперь ты «адмирал», не так ли? — снова обратился он к Каргиллу.

Тот кивнул.

— Руфь Коэн, позвольте познакомить вас с адмиралом Каргиллом, — проговорил Реннер. — А ты по-прежнему с эскадрой Безумного Эдди?

— Нет, теперь я член Высокой Комиссии.

— Вот те на! А ты, выходит, важная птица. Ты хоть вспоминаешь, как когда-то мы делили с тобой каюту?

— Ты знаком еще с одним членом комиссии, — сказал Каргилл. — С Дэвидом. — И он указал на грузного, коренастого, лысого человека в облачении священника.

— Отец Харди, — проговорил Реннер. — Очень рад снова встретиться с вами. — Тут, что, решили сформировать Комиссию из команды «Макартура»?

— Нет, Комиссия состоит не только из людей с «Макартура», — ответил Дэвид Харди. — Но я, например, сам не понимаю, в качестве кого в ней состою.

Реннер указал на крупный нагрудный крест, украшающий сутану Харди.

— Как я погляжу, вы продвинулись по службе, не так ли, преподобный отец Харди? Уже епископ, да? Могу я поцеловать ваше кольцо, милорд?

Харди усмехнулся.

— Что ж, вас рады здесь видеть, однако вы не относитесь к моей пастве.

— Сэр?

— Я епископ-миссионер на Мошке-1. Разумеется, нам нельзя никого обращать в нашу веру.

— Вы уверены? — осведомился Реннер.

— По правде говоря — нет, — ответил Харди. — Я так, собственно, и не понял, что случилось с моим финч'клик'. Не то чтобы он обратился, это уж точно. Так или иначе, я имею возможность представлять здесь Церковь или когда-нибудь отправлюсь на Мошку-1 в качестве специалиста по семантике. А! — он повернулся к двери, когда та открылась. — А вот и тот, с кем вам нужно повидаться еще раз. Убежден, что вы его узнали.

На пороге стоял высокий офицер в форме. Он был слишком молод для лейтенанта, зато отец Кевина Христиана Блейна, будучи на пару лет старше, уже носил звание капитан-лейтенанта, а еще год спустя стал капитаном «Макартура». Аристократы быстро продвигались по службе, но так же быстро и увольнялись, если не сумели укрепиться. «Либо привыкнуть к ней», — подумал Реннер.

— Полагаю, вы узнали вашего крестного сына, — промолвил Харди.

— Ну, я не могу пожаловаться, что меня в офисе заела текучка, — сказал Реннер. Рукопожатие Блейна-младшего было очень крепким. — Познакомься, это — Руфь Коэн. Как поживаешь, Кевин?

— Отлично, сэр. И я весьма благодарен вам за подарки, присланные на мой день рождения. А за старинные голофильмы — особое спасибо. Чувствуется, что вы и вправду побывали повсюду, сэр Кевин.

— Кевин Реннер, галактический турист, — произнес Реннер, сунул руку в нарукавный карман и извлек оттуда кубик с посланиями. — Коль мы заговорили об этом, то вот тебе послание от сестры. Если не знаешь, она очень самостоятельная, и, вероятно, вскоре окажется здесь.

— Я так и думал. От нее всего можно ожидать. Удивляюсь, что она не прилетела вместе с вами.

— Ну-у, на нашем корабле и без того прилетела небольшая толпа, — улыбнулся Реннер. — А у нее есть человек, который доставит ее куда угодно. Достопочтенный Фредерик Таунсенд решил посетить Новую Каледонию.

— Ах вот оно что!

— Наверняка он думает, что это — его идея, — проговорил Реннер.

— Вы встречались с Гленда Руфь, а не с Фреди, — заметил Кевин Блейн. Реннеру хватило мгновения, чтобы осознать, что не следует говорить, о чем его не спрашивали.

Зал начал наполняться людьми. Первыми появились шестеро офицеров ИВКФ, возглавляемые коммандером, на мундире которого красовался миниатюрный корабельный значок, говорящий о том, что в подчинении этого человека — средний крейсер. Они приветственно помахали Блейну, но остановились в противоположном конце зала. Стулья советников заняла группа людей в штатском. Они тотчас же выложили на подлокотники свои карманные компьютеры. Вошла еще одна группа офицеров Космофлота. Белые наплечные нашивки указывали на их административные должности. Они устроились неподалеку от боевых офицеров. Но не рядом с ними.

— Бухгалтеры и ревизоры, — сказал Каргилл. — Они явились, чтобы убедить всех, что ни один цент не был потрачен впустую.

— А им удастся это сделать, сэр? — поинтересовалась Руфь.

— Нет, — ответил Каргилл, как она и ожидала. — Понимайте это как угодно, но служба на Блокаде — это бесконечно долгое состояние неизбывной тоски. Конечно, порой эта тоска бывает приправлена внезапными мгновениями жуткого страха, однако это не компенсирует ее. Разумеется, людям хочется совершить что-то дурное. И офицеры — не исключение. Одно скажу: нам чертовски повезло, что у нас есть войска, которые занимаются этой проклятой Блокадой.

Массивные двойные двери в конце зала широко растворились, чтобы пропустить кресло с сидящим в нем Бери. Реннер поцокал языком от разочарования: врачи магната настаивали, чтобы он хотя бы иногда тратил время на физические упражнения в ходьбе. Бери сопровождали Джекоб Бакман и Джойс Мей-Линг Трухильо.

— Сегодня она надела нижнее белье, — заметил Реннер. В ответ Руфь скорчила ему гримасу. Если Блейн с Харди и услышали замечание Реннера, то сделали вид, что ничего не произошло.

На самом деле Джойс Мей-Линг Трухильо была превосходно одета. Ее изящную фигуру обтягивало тонкое вечернее платье из шелка, которое было на Спарте последним писком моды. Реннер заметил у нее карманный компьютер, который был настолько велик, что ей понадобилась для него сумка. Руфь Коэн фыркнула.

— Она не доверяет свои записи центральному компьютеру.

— Мне известно, что для журналистов это нормально, — сказал Кевин Христиан Блейн.

— Тебе известно это по собственному опыту? — спросил Реннер.

— Можно сказать и так. Людям из ИВКФ нравится со мной беседовать.

Бери, Бакман и Трухильо заняли места в первом ряду кресел для аудитории. Блейн мельком взглянул на часы.

— Пожалуй, лучше занять свое место.

— Мне тоже так кажется, — сказал Каргилл. — Поужинаем сегодня вечерком, Кевин?

— С удовольствием. Хочешь пригласить меня в какое-нибудь особенное местечко или мне попросить Бери пригласить тебя на «Синдбад»?

— Попроси пригласить меня на «Синдбад», если ухитришься.

Двойные дверь снова распахнулись, и вошел чиновник из дворца.

— Милорды, миледи, джентльмены, его высочество вице-король.

Все поднялись со своих мест. Хотя это не было продолжением церемонии инаугурации, Мерсер, занимая свое место в середине стола, выглядел немного смущенным. Он устроился между Каргиллом и Харди и еще двумя членами Комиссии, которых Реннер не знал. На карточках, стоящих перед ними на столе, были вытеснены их имена: доктор Артур Макдональд и сэр Ричард Гири, баронет. Реннер сел рядом с Бери и быстро ввел их номера в карманный компьютер.

> Артур Макдональд, доктор философии, профессор культурной биологии, Университет Новой Шотландии. Занимает должность ксенобиолога в институте Блейна.
>
> Ричард Гири, баронет, инвестор. Член правления Университета Новой Шотландии.

Это было уже много, но Реннер собрался было разузнать что-нибудь еще, однако Мерсер несколько раз стукнул молотком по столу.

— Объявляю собрание Имперской комиссии открытым и призываю всех к порядку. Пусть запись этого собрания будет считаться достоянием общественной гласности. Если нет возражений, мы зарегистрируем имена присутствующих...

Послышался тихий треск и стрекотание, словно в зал ворвались сотни сверчков, когда центральный компьютер дворца запросил у

всех карманных компьютеров предоставить данные на всех собравшихся. Компьютер Реннера дважды пискнул, а затем громко затрещал. Взгляды присутствующих обратились к Реннеру. Он ухмыльнулся.

Мерсер повернулся к секретарю Комиссии.

— Мистер Армстронг.

— Благодарю вас, ваше высочество, — произнес Армстронг. В его произношении отчетливо угадывался новокаледонский акцент. — Из уважения к нашим гостям его высочество изменил программу заседания, чтобы избежать явных формальностей и прочей рутины. Тем самым мы переходим прямо к Теме N4, к рапорту, полученному от Блокадной эскадры. Его высочество потребовал, чтобы флот подготовил краткий отчет, освещающий основные действия эскадры за эти годы, равно как самый подробный рапорт о его текущей деятельности. Рапорт будет представлен лейтенантом достопочтенным Кевином Христианом Блейном, старшим помощником командира корабля ИКК «Агамемнон».

Хрис Блейн остановился возле большого экрана, занимающего почти всю стену зала.

— Благодарю вас, мистер секретарь. Ваше высочество. Блокадные войска официально известны как одиннадцатый Космофлот, или боевой космофлот Глаза Мурчисона. Миссия боевого космофлота Глаза Мурчисона заключается в том, чтобы помешать одному или более кораблям проникнуть в Империю со стороны Мошки. В соответствии с предписаниями Комиссии по усилению Блокады. Блокадная служба — тяжелая, и офицеры и солдаты Блокадного Флота гордятся нашим отчетом о стопроцентном успехе. Мы добились этого успеха несмотря на множество действительных трудностей.

Мысли Реннера лихорадочно метались у него в голове.

«Интересно, кто писал это за него?

И все же эскадра Безумного Эдди когда-нибудь сведет меня с ума.

Хэу-у-у... — Он с трудом удержался, чтобы не высказать вслух следующую мысль. — Слова Хриса звучат чертовски неубедительно, не так ли? Почему? Неужели он — воспитан Посредниками?..

Ведь он сам не верит в то, что говорит».

Блейн сделал легкое движение рукой, и настенный экран осветился, чтобы продемонстрировать под широким углом зрелище примерно дюжины разноцветных шариков: от совершенно черных до приглушенно красных на ярко-красном сверкающем фоне.

— Прыжковая точка Олдерсона от Мошки располагается внутри звезды-сверхгиганта. Корабли не могут долго задерживаться на станции, поэтому они постоянно циркулируют от окрестностей звезды до расположения Блокады. Они остаются там до тех пор, пока не становится слишком жарко, затем уходят наружу для охлаждения.

Попытка массового прорыва мошкитов может произойти в любое время, и мы к этому готовы.

На экране внезапно появились еще четыре шарика, все — тускло-черные. Имперские корабли стали наносить удары энергетическими лучами, и раскаленный докрасна мрак расцветился вспышками. Экран демонстрировал всем начало космической битвы. Между кораблями запрыгали сверкающие бусины. Это были выпущены торпеды.

— Вы стреляете без предупреждения! — произнес кто-то.

Реннер осмотрелся вокруг и увидел Джойс Мей-Линг, с ошарашенным видом наблюдающую за экраном и явно не имевшую намерения заговорить вслух.

Блейн медленно и отчетливо произнес:

— Мы не собираемся позволить им узнать то, чего им знать не положено, мисс Трухильо. Самое удачное время для нанесения удара по кораблям мошкитов — это время послепрыжкового шока, когда их автоматические системы еще не действуют. Если мы станем дожидаться, когда они восстановят связь, то вообще не сможем засечь их. Это одобрено установленными правилами.

— Один вопрос, лейтенант.

— Слушаю, ваше высочество.

— Допустим, они захотят пойти на переговоры. О капитуляции.

— Они могут попытаться, — ответил Блейн. — Но как мы узнаем об этом? Они все равно не могут пройти к нашим кораблям через Поле. А без Поля звезда их просто поджарит. Но мы стараемся не терять их из виду, иначе кто-нибудь все же сможет сбежать. На первом совещании Комиссии это уже обсуждалось, тогда и были одобрены установленные правила. Они не менялись, поскольку изменить их нельзя, ваше высочество. Так что сдача в плен невозможна.

Мерсер с задумчивым видом кивнул.

— Продолжайте, лейтенант.

Реннер посмотрел на Бери. Магнат внимательно наблюдал за происходящим и, казалось, был чем-то зачарован, однако хранил совершенное спокойствие. Судя по глазам, накачан транквилизаторами.

— Попытки мошкитов прорваться происходят регулярно, от самых простых до гениальных, — произнес Блейн.

На экране был показан целый калейдоскоп всевозможных действий. Одинокие корабли; армады кораблей; группы кораблей, которые разлетались взрывообразно, подобно гранатам, и рассыпались во все стороны; корабли, вылетающие на огромной скорости; стремительные следы метеоров, пролетающих через раскаленный оранжевый газ...

— А теперь вы увидите кое-что красивое, — предупредил Хрис Блейн о том, чем, должно быть, сам восхищался. Все увидели вылетевший из незаметной прыжковой точки Олдерсона ледяной шар

диаметром в два километра. — Это было через четыре дня после того, как я прибыл в эскадру Безумного Эдди, в самое пекло... — Эскадра преследовала шар. Голова кометы таяла, превращаясь в ее хвост, по мере того как шар двигался сквозь разреженное вещество звезды. Он уменьшался, испарялся, очерчивая черные пузыри: корабли с Полем Лэнгстона выглядели как пузыри, беспорядочно рыщущие по сторонам, выискивая и уничтожая корабли вторгшейся эскадры.

Разумеется, мы не способны послать все наши корабли против одной-единственной попытки, — пояснил Блейн. — Всегда должен оставаться резерв. У нас давно не осталось ни одного осуществимого способа снова раздобыть информацию о Мошке. Полагаю, не будет неосмотрительным отметить, что иногда этот резерв бывает очень слаб. И это опасно, господа.

«Хрис заговорил яснее, увереннее. Выходит, эта часть вопроса ему известна», — размышлял Реннер. — «И это явное сокрытие преступления ему не по душе».

— А он довольно неплохо излагает, — сказал Реннер Руфи Коэн.

— Если учесть его подготовку, он просто обязан знать предмет, — сказала она.

Показ продолжался. Демонстрировались короткометражные фильмы, показывающие развлечения солдат между долгими вахтами. Затем снова последовали батальные сцены.

— Впоследствии мошкиты выкинули новый трюк, — проговорил Блейн. — Они начали посылать то, что мы окрестили как «мнимые корабли». Это беспилотные неукомплектованные корабли, а в действительности — всего лишь остов, на котором Движитель Олдерсона, два бака, термоядерный двигатель, и больше ничего. Один из них, шестой по счету, мы сохранили, чтобы проверить, способен ли он что-либо *сделать*.

Оказалось, что нет. Аудитория увидела нелепое сооружение, словно склеенное из палочек, долженствующее изображать корабль. Он неожиданно выплыл из тьмы на очень низкой скорости и немедленно начал таять.

Мерсер прокашлялся.

— Коммандер, у вас есть какие-либо предположения касательно того, зачем они присылают подобные штуки?

— Никак нет, Ваше высочество. Они послали все это сразу; Поля не было, и их было очень легко уничтожить. И ни одной попытки какого-либо послания. Если им понадобилось отвлечь наше внимание, то почему они послали все это не одновременно? Ведь получилось все наоборот, как будто они *хотели* привести нас в готовность по тревоге. Мы долго размышляли над этим вопросом и сперва пришли к выводу, что они пытаются как можно точнее определить местонахождение прыжковой точки Олдерсона — с их стороны, в системе Мошки...

— Ха! — неожиданно вырвалось у Реннера. Все повернулись к нему. — По-моему, я понял...

— Да, конечно, — подхватил доктор Бакман, вставая. — Сэр Кевин прав...

— Джекоб... — проговорил Бери на удивление строгим голосом.

— Да, гм... Да, конечно! Кел... Ваше высочество, я могу объяснить?

Мерсер с мрачным выражением лица кивнул. Не хватало ему здесь всяких сюрпризов, черт подери!

— Будьте добры, доктор Бакман.

— Они вовсе не пытались определить местонахождение прыжковой точки Олдерсона; они просто проверяли, существует ли она по-прежнему.

— Существует ли она по-прежнему?! — выпучив глаза, вскричал Джон Каргилл. — Простите, доктор Бакман, но какого черта ей не существовать?

— Потому что она уйдет, когда сколлапсирует протозвезда, — ответил астрофизик. — Реннер, вам не кажется, что вы лучше меня объясните это дилетантам? Прошу вас, расскажите им все попонятнее.

Когда Кевин Реннер начал говорить, в зале воцарилась тишина. Кевин заметил в их глазах замешательство, понимание, размышление... Он наблюдал за взглядом Кевина Христиана Блейна, пытаясь обнаружить в его взоре — чего именно, он сперва не понимал: удивление или неверие. Но глаза Блейна расширились, словно вот-вот и он закричит: «*Эврика!*» Давно известные сведения встали наконец на свои места. *О Боже, он верит в это!*

* * *

— Понятно, — проговорил епископ Харди. — По-моему, я понимаю. Но как члену Комиссии, менее всех разбирающемуся в различных технических тонкостях, вероятно, мне понадобится резюме сказанного здесь, а также специалисты должны будут объяснить мне все, что я упустил из виду.

— Пожалуйста, — сказал Мерсер.

— Только что нас убеждали, что мошкиты сознательно вводили нас в заблуждение относительно их звездных наблюдений, и особенно это касается протозвезды, — продолжал Харди. — Они убедили доктора Бакмана, что протозвезда не возгорится в течение от нескольких веков до тысячелетия. Однако, похоже, она может подвергнуться коллапсу в любое время. Возможно, что она уже это сделала, так?

— Совершенно верно, — мрачно ответил доктор Бакман. — Мне придется отдать должное молодому Арноффу. Он был прав.

— Когда она зажжется, — продолжал епископ, — одиннадцатый Флот будет охранять точку выхода, которой больше не существует, верно?

— Ну-у, *вероятно*, она исчезнет, — ответил Бакман. — Но скорее всего просто сдвинется на значительное расстояние. Я неплохо разбираюсь в геометрии, однако подозреваю, что определить точные данные будет очень трудно. Все зависит от силы коллапса и яркости новой звезды.

— Да, — кивнул Харди. — В любом случае, их вторжение начнется тогда, когда прыжковая точка Глаза Мурчисона сдвинется. Кроме того, мы ожидаем появления по меньшей мере еще одной неохраняемой прыжковой точки Олдерсона, ведущей от Мошки в обычное космическое пространство, а не внутрь звезды. А поскольку изменение геометрии Путей Олдерсона происходят почти моментально, все это случится задолго до того, как до нас дойдет свет от протозвезды — и даже до того, как он дойдет до Мошки. И поэтому вы заключили, что мошкиты периодически запускают эти не имеющие для них никакой ценности корабли, которые вы окрестили «*мнимыми*», чтобы проверить, не сдвинулась ли старая прыжковая точка.

— Совершенно верно, — отозвался Бакман.

Капитан «Агамемнона» долго и протяжно свистнул.

— Прошу прощения, ваше высочество.

— Не стоит, коммандер Баласинхэм, я сам чуть не сделал то же самое, — произнес Мерсер. — Ситуация и в самом деле становится серьезной. Но у Космофлота ведь есть способы определять местонахождение прыжковых точек Олдерсона, а следовательно, узнавать об их существовании, не посылая через них корабли. Ведь так?

— Да, Ваше высочество, — ответил коммандер Баласинхэм, нервно подергивая себя за пышный ус.

— Тогда зачем эти «мнимые» корабли?

— Может быть, для истощения наших ресурсов? — предположил Реннер. — Чтобы поддерживать нас в напряжении?

— Сэр Кевин?

— Раньше, когда я был навигатором, поиски прыжковой точки Олдерсона считались одной из самых мудреных штук, на которые мы были способны. Это всегда было нелегко, а во время пятнообразовательной деятельности солнца — вообще невозможно. Равно как и во время сражения, поскольку все боевые события возле точки Олдерсона сопровождались обильным излучением от термоядерных взрывов.

— Вы считаете, что в системе Мошки сейчас регулярно происходят термоядерные взрывы?

— Честно говоря, это отнюдь не удивило бы меня, сэр.

— И меня тоже, — проговорил епископ Харди.

Все это время Джойс Мей-Линг Трухильо сидела спокойно. Но теперь она встала.

— Могу я спросить...

— Пожалуйста, — кивнул Мерсер.

— Вы предполагаете, что мошкиты собираются сбежать?

— Точно, — ответил Реннер.

— Но это же... — Она посмотрела на Бери, который глядел куда-то вперед невидящим взором. Его грудная клетка мерно вздымалась под костюмом. — Разве мы не должны что-то предпринять?

Все заговорили одновременно. Реннер заметил, как Бери сверкнул на нее глазами. Гнев и отчаяние ощущалось в его взгляде, и вдруг они сменились безумной улыбкой.

Мерсер стукнул молотком по столу, призывая всех к порядку, затем произнес:

— Разумеется, мисс Трухильо права. Следует что-то предпринять. Вопрос — что? И я не уверен, что эту тему нужно обсуждать на общественном совещании.

— А почему бы и нет? Разве такое решение может принимать кто-то единолично? — требовательным тоном осведомилась Трухильо.

— Ну, это вы так считаете, — произнес член Комиссии Макдональд. — По-моему, мы вообще не нуждаемся здесь в представителях прессы. Ваше высочество, я бы завершил это общественное заседание и продолжил бы дебаты на специальном совещании.

— Я ожидала нечто в этом роде, — презрительно проговорила Джойс Мей-Линг Трухильо.

Член Комиссии Макдональд казался удивленным.

— Я не вижу другого выхода, — сказал он.

— Сокрытие всего! Коррупция на Космофлоте, а за этим скрывается еще что-то. Мистер Бери, ваша репутация опережает вас!

Бери побагровел. Мерсер произнес:

— Мадам, я прекрасно знал, что мошкиты водили нас за нос. Кстати, это дополнительная тема нашего совещания. Я... я бы сказал, что у нас еще есть время. Эти «мнимые»...

— Ваше высочество, я обнаружила достаточно доказательств коррупции на Спарте, которые весьма дурно пахнут. В известном смысле, я стала причиной этой комиссии, и уже на первой встрече вы хотите отложить ее и устроить специальное совещание! Насколько я понимаю, совет уклонился от темы коррупции во флоте Безумного Эдди. Неужели вы надеялись, что я поддержу вас, имея на руках столь *обширные* разоблачающие материалы, между прочим, срочно требующие внеочередного обсуждения?

Прежде чем присутствующие успели взорваться, Кевин Блейн поймал на себе взгляд Мерсера.

— Прошу прощения, милорд, однако она подняла очень важный вопрос, — произнес Хрис.

Блейн ощутил на себе гневные взгляды, а Макдональд сказал:

— И какого рода, лейтенант?

— Касательно срочности. Давайте посмотрим на это, как на игровую ситуацию. Какой у нас расклад? Что мы надеемся вернуть сюда? Кучу денег? Уверяю вас, шансы выиграть у нас невелики. Мошкиты убедили доктора Бакмана, что систему Мошки можно закупорить на срок от пятисот до двух тысяч лет. Если они сочли, что выгоднее лгать, то ожидаемая дата должна наступить подозрительно быстро. Во всяком случае, не больше, чем через сто лет, не так ли? А скрывать такой временной промежуток не имеет никакого смысла.

Скажем, от тридцати до семидесяти лет. Тридцать лет уже прошло. Остается еще тридцать, если учесть допустимую погрешность в расчетах. Так к чему вся эта спешка? — Он повернулся к Трухильо. — Верно?

— И нам известно, что это еще не случилось!

— Во всяком случае, не в прошлом месяце. Потребуется кое-какая задержка, прежде чем мы сможем узнать об этом от флота Безумного Эдди. Прыжковая точка от Глаза — *вот-вот* сдвинется. О близости этого свидетельствует появление мнимых кораблей. Оно показывает нам, что *именно теперь* мошкиты готовы. Разумеется, пределы погрешности могут по-прежнему оказаться большими, — сейчас Блейн обращался непосредственно к Трухильо, — но если действовать с такой маниакальной спешкой, *что-нибудь* нам удастся уладить. Даже *все, что угодно!* Рано или поздно мы уберем часть кораблей из эскадры Безумного Эдди, так что нашим людям не придется просиживать там задницы еще двадцать лет. Или сорок, пятьдесят...

— Или двадцать дней, — тихо проговорил Бери.

— А почему бы за этим нельзя наблюдать прессе? — упрямо спросила Мей-Линг. — Здесь ничего не говорилось о том, что можно присоединить к Империи мошкитов. Вы только скрываете все, что знаете, от общественности!

— А можно присоединить и внешних, — скептически заметил Макдональд. — И изменников, которые с удовольствием смотрели на вред, причиненный Империи в то время, пока почти все наши силы будут брошены против мошкитов. Немного прошло времени с тех пор, когда новоирландцы бросили бомбу в генерал-губернатора. Мадам, я не сомневаюсь в вашей лояльности, но, по-моему, вам доводится выслушивать более чем секретную информацию. Меня не будет сильно волновать, если я увижу что-либо из этого по тривизийному телевидению. Однако мне придется...

— Член Комиссии Макдональд прав, — сказал Мерсер. — Мисс Трухильо, убедительно прошу вас относиться ко всему услышанному здесь, как к строго конфиденциальной информации.

— Утаить такую прекрасную историю? — на ее губах появилась тонкая улыбка. — Интересно, сможете ли вы заставить меня это сделать?

Снова заговорил член Комиссии Макдональд:

— Ваше высочество, закон очень ясно истолковывает все, касающееся угрозе Империи. Разве сейчас как раз не чрезвычайные обстоятельства? По-моему, дело обстоит именно так, просто вы не объявили об этом.

— Даже чрезвычайные обстоятельства не помешают мне написать о коррупции и уклонении совета от разрешения этой проблемы, — сказала Трухильо. Она замолчала, чтобы дать присутствующим переварить сказанное. — Однако я охотно пойду на сотрудничество. Разумеется, с некоторым условием.

— Какое ваше условие? — осведомился Мерсер.

— Разрешите мне раскопать все остальное, касающееся этой истории.

— Что? — раздраженно воскликнул Макдональд.

— Позвольте мне закончить, — сказала Трухильо. — Я поклянусь любой клятвой, какую вы от меня потребуете... клятвой Тайного Совета, ведь такая существует, не так ли?.. и обещаю не публиковать ничего — включая то, что все только что услышали, до тех пор, пока вы не посчитаете, что это не представляет никакого секрета. Но я хочу *знать*. Я хочу быть в курсе всех дел, мошкитов, коррупции на Космофлоте — короче говоря, всего.

— Гм-м-м. — Мерсер осмотрел зал, затем осторожно опустил взгляд на экран, встроенный в стол напротив его места. — Похоже, что вы единственный человек, мисс Трухильо, с которым у нас возникли проблемы. Остальные уже давным-давно приняли на себя обязательства не разглашать секретов Империи.

— А он? — Трухильо указала на Горация Бери.

— Его превосходительство и вся его команда приняла условия Тайного Совета, поскольку я сопровождал его в путешествии на эту систему, — ответил Мерсер. — Без этого полет проходил бы весьма неудобно.

— Понятно. Хорошо. И все же я готова дать вам клятву.

— Коммандер Коэн? — обратился к Руфи Мерсер. — Я не сомневаюсь, что ИВКФ уже провели тщательное расследование касательно личности мисс Трухильо. У вашей службы нет каких-либо возражений?

— У нас-то нет. Однако... Джойс, вы хоть понимаете, на что идете? Вы добровольно подпадаете под все ограничения и запреты, установленные Актом о Государственных Секретах. Нарушение карается очень суровым наказанием, включающим пожизненную высылку на другую планету по выбору Его Величества.

— Да, мне известно об этом, — решительно ответила Трухильо. — Спасибо за предупреждение. Но ведь это — единственный способ

все разузнать, не так ли? И если мошкиты действительно ушли от нас, это будет самый эксклюзивный материал за все время моей работы в журналистике!

— Если мошкиты действительно ушли от нас, это будет означать войну, — проговорил Макдональд. — А вам, мисс Трухильо, придется забыть об эксклюзиве, поскольку вы подпадете под ограничения и запреты военного времени.

— Значит, вы возражаете насчет того, чтобы включить мисс Трухильо в нашу официальную группу советников? — спросил Мерсер.

— Нет, милорд. Вовсе нет.

— Прекрасно, — сказал Мерсер. — Итак, с этим вопросом все улажено. Мистер Армстронг, раз уж вам выпала такая честь...

Секретарь Комиссии пробежался пальцами по клавишам своего компьютера. Затем произнес:

— Мисс Трухильо, сейчас вы находитесь перед его величеством. Поднимите правую руку и прочтите вслух то, что написано на мониторе прямо перед вами.

* * *

— Итак, в первую очередь — самое важное, — проговорил Мерсер. — Адмирал Каргилл, полагаю, вы уже послали сигнал готовности на каждый корабль, находящийся в системе?.. Благодарю вас. Теперь... Какие у нас корабли?

— Очень скверный выбор времени, — посетовал Каргилл и продолжал: — Мы располагаем тремя фрегатами, которые находятся на пути эскадры Безумного Эдди к Новой Каледонии...

— Бог — велик, — пробормотал Бери. Остальные трое повернулись к нему и увидели на его лице ухмылку, напоминающую улыбающийся череп. — Значит, они прошли. Тогда прыжковая точка не сдвинулась... две недели назад.

— Да, но сами корабли нуждаются в ремонте. Их практически нельзя использовать. Так, что у нас еще? Линейный корабль королевского класса и три линейных крейсера обычного класса, а также корабли сопровождения, относящиеся к классу легких, которые вылетали к Глазу триста лет назад. Их нельзя призвать, не выслав за ними курьерского судна. Больше ничего, расположенного близко к эскадре Безумного Эдди, у нас нет. Доктор, у вас нет никаких соображений, куда нам послать второй космофлот?

— Только напрямик, и самым кратчайшим путем, — ответил Бакман.

— Дайте-ка нам координаты, — спустя несколько секунд произнес Каргилл.

Джекоб Бакман постучал по клавишам. На всех мониторах появились цепочки цифр.

— Туда. А может быть — туда.

— Ох! — вздохнул Реннер, глядя на экран. — Неплохо. Как видите, нам уже доступна прыжковая точка в MGC-R-31, по «Главному каталогу Мурчисона». Это несомненно. Малюсенькая звезда в одиннадцати световых годах от края фигуры Человека-в-Капюшоне. Одиннадцать световых лет от Мошки, — пояснил он. — Потом мы можем достичь точки MGC-R-60. Это самая яркая звезда, расположенная чуть поближе к Мошке, но она привела бы в Глаз Мурчисона. А за его пределами... Джекоб? У нас есть что-нибудь в самом Угольном Мешке?

— По-видимому, нет, но даже если бы и было, Глаз Мурчисона все равно доминирует.

— Так это же просто... красный карлик, — вмешался Мерсер. — Что ж, выходит мы можем туда *что-то* поместить, и я предпочел бы, чтобы это было сделано сейчас. Итак, что у нас есть?

— «Агамемнон» Баласингхэма, — ответил Каргилл. — Крейсер класса «Менелай». Отличный корабль. Полагаю, вы готовы, Баласингхэм?

— Адмирал, мы можем вылететь, как только я ступлю на борт, — ответил коммандер Баласингхэм. — Я послал приказ собраться всей команде и дозаправиться. И как можно скорее, насколько я понял из слов доктора Бакмана.

— Есть еще фрегат «Антропос», — сказал Каргилл.

— Сэр, я позволил себе приказать капитану «Антропоса» привести этот корабль в полную боевую готовность, — сказал Баласингхэм.

— Отлично, — произнес Каргилл. — К несчастью, ваше высочество, у нас больше ничего нет, если не считать нескольких курьерских и торговых судов. Линейный крейсер «Мальборо» находится на верфи, и если за месяц удастся привести его в порядок, то это можно будет расценить, как небольшое чудо.

— А быстрее нельзя?

— Нет, только за месяц, — ответил Каргилл. — Мы пошлем курьеров, чтобы они порыскали вокруг. Вдруг найдется еще что-нибудь, но...

— Итак, можно подвести итоги, — проговорил Мерсер. — Мы располагаем очень небольшими средствами для наблюдения за новой прыжковой точкой Олдерсона. Иными словами, двумя кораблями.

— Тремя, ваше высочество, — произнес Бери.

Мерсер быстро посмотрел на магната.

— Гораций, с вами все в порядке?

Бери еле сдержал смех. Затем произнес скорее мрачным, нежели веселым голосом:

— А почему вы не берете меня в расчет? Ваше высочество, худшего уже не случится. Мошкиты вырвались на свободу.

— Мы этого не знаем, — произнес кто-то.

— *Не знаете?* — сурово спросил Бери. — Конечно, мы *не знаем*. Однако легче всего рассуждать именно так. Ваше высочество, давайте не будем попусту тратить время. Разрешите нам отправиться куда бы то ни было, чтобы разузнать о новой прыжковой точке Олдерсона. Кевин, полагаю, вам с Джекобом известно, где она появится?

— Достаточно близко, чтобы этим занялось правительство. И это не точка, а арка, расположенная в четырех световых минутах отсюда, — ответил Реннер.

— В таком случае мы летим. «Агамемнон», «Антропос» и «Синдбад», — сказал Бери.

— Почему «Синдбад»? — раздраженно спросил коммандер Баласингхэм. — Он даже невооружен!

— Возможно, вас это удивляет, — заметил Мерсер. — Джекоб, вы отправляетесь с ними?

Бакман кивнул.

— Надеюсь, что да. И я бы скорее предпочел работать на «Синдбаде», чем на корабле ИВКФ. Я прекрасно помню, как пытался работать на борту «Макартура». Каждый считал, что имеет право мешать мне в работе, блокировать мои визирования, копаться в моем оборудовании, переносить его с места на место... Да что там говорить!

— Реннер, вы не имеете права отделяться от нас, — сурово заметил Баласингхэм.

Реннер пожал плечами.

— А мы не собираемся заходить слишком далеко. К тому же мы — пассажиры гражданского корабля. В худшем случае мы будем лишь свидетелями и всегда можем послать вам рапорт. А вот ваш провал будет широко обсуждаться в вечерних новостях.

Бери нахмурился.

— Полагаю, что эта женщина... Трухильо... да, конечно, Трухильо. Так о чем я? А! В конце концов, она отправится с нами к Глазу. С этой минуты мы действуем по нашему усмотрению. Вот так. Аллах милосерден. Мы можем оказаться там еще до мошкитов. Мы *должны* оказаться там прежде мошкитов!

Глава 3. Коммуникации

Во имя Аллаха, Всемилостивого, Милосердного!
Скажи: «Ищу спасенья я у Господа людей,
Властителя людей,
У Бога человеческого рода —
От зла недоброго смутьяна,
Что, наущая, исчезает,
Кто смуту вносит
В сердце человека —
И обитает среди джиннов и людей».

Коран, Люди, 2-6

В последнюю ночь, которую они проводили вместе, Кевин сказал Руфи:

— Я возьму тебя с собой, если мне удастся найти какой-нибудь предлог. Хороший или плохой.

— Правда?

— Да. Ты же знаешь, мы и без того чертовски стеснены. Мы уже расстались с частью кухни, мы везем с собой сбрасываемый бак... — Она не купилась на это, и он продолжал: — Любовь моя, когда мы вернемся в Империю, об этом растрезвонят все средства массовой информации. Ты свяжешься со мной потом? У тебя ведь есть мой рабочий номер.

— Я дала тебе свой, — проговорила она, рассматривая его рукава. Только что к ним пришили три кольца капитана 1-го ранга. — Правда, мы будем находиться в разных звездных системах.

Все это действительно выглядело как прощание.

Чтобы добраться от Новой Шотландии до прыжковой точки, понадобится около двух недель. «Агамемнон» и «Антропос» вылетали позднее, но их двигатели работали с двойным ускорением тяги; поэтому они достигнут прыжковой точки немногим раньше «Синдбада». «Синдбад» мог бы обогнать их, имея сбрасываемые баки с дополнительным горючим, но Кевин отказался от этой затеи, не желая подвергать Бери ускорению более одного *g*, и предпочел меньшее.

Этот полет отличался от путешествия со Спарты. «Синдбад» «чувствовал» себя совершенно другим кораблем. Все его установки были изменены.

Поскольку теперь на корабле не было Мерсера, в кухонном отсеке мог перевозиться груз, более подходящий для их миссии. Но это почти ничего не меняло. Кухня «Синдбада» была разработана для того, чтобы кормить Горация Бери: чтобы в ней можно было готовить небольшие питательные и обильно приправленные специями блюда для человека, чьи вкусовые ощущения почти сошли на нет из-за его более чем почтенного возраста. Теперь Реннеру приходилось

заниматься и меню. Сам Кевин мог в полете поддерживать строгий пост, когда свежей пищи не было и в помине. Блейн, хоть и сын лорда, все-таки служил в ИВКФ, так что тоже был не слишком привередлив в еде. Бакман никогда не обращал внимания на то, что ел, а что касалось Джойс Мей-Линг Трухильо...

— Мисс Трухильо, у вас достаточно крепкий желудок?

— Меня об этом уже спрашивал лейтенант Блейн. Я ела что придется и где придется, мистер Реннер. — Она улыбнулась и продолжала: — Разумеется, я не откажусь от великолепного стола, однако... кстати, вам когда-нибудь приходилось есть полосатую крысу? Между прочим, зовите меня Джойс, тем более что в конце концов вы все равно будете меня называть именно так. Договорились?

Вероятно, Бери получал некоторое удовлетворение от того, что Джойс не знала, что теряет. Ему не составляло больших усилий избегать ее; ведь он практически не передвигался. В ее присутствии магнат вел себя подчеркнуто вежливо, однако называл ее Трухильо.

Когда на корабле все обрело равновесие, Кевин Реннер стал наслаждаться свободой.

Свобода. Смешно! Он был окружен людьми, стенами, обязанностями... и ко всему прочему облечен определенной властью. Корабль принадлежал Бери; зато Реннер был старшим офицером Бери на службе в военной разведке. «Синдбад» полетит туда, куда он захочет... и если учесть, что ставкой в этой своеобразной игре была Империя Человека, он сделает все, что от него зависит, чтобы провести «Синдбад» прямо к точке MGC-R-31.

Более четверти века Кевин Реннер и Гораций Хусейн Бери занимались рутиной и поддерживали ритуалы. Один из них — кофе после обеда.

— А она довольно привлекательна, — заметил Бери. Он медленно попивал сладкий горячий напиток. — Мне известны планеты, на которых ее можно было бы продать за очень хорошие деньги. — Он тихо захихикал. — М-да-а, не так уж много осталось таких мест, благодаря нашим усилиям. Возможно, мы могли бы использовать ее в качестве приманки...

— Она только обрадуется этому. Чтобы слепить эксклюзивный репортаж, она добровольно пойдет на что угодно, — сказал Реннер.

Бери подергал себя за бороду и молча чего-то ожидал.

— Это всего лишь предположение, — проговорил Реннер. — На самом деле, я почти не уделяю ей времени.

— Я это уже заметил.

— Да. Что ж, отложим это до того, как начнутся сложности. Если они начнутся. Все время мы находились на планете, но теперь все может измениться. Или нет. Не знаю. Вполне вероятно, что нам придется провести утомительные полгода в совершенно пустой звезд-

ной системе, пока туда не войдет Имперский Космофлот и прогонит нас оттуда.

— Если это случится, то мисс Трухильо будет крайне удручена. Полное отсутствие развлечений... — сказал Бери. — Я-то рассчитывал, что кто-то охотно предоставит их.

— Гм. По правде говоря, Гораций, очень приятно чувствовать себя... свободным.

— Я чувствую снаружи дыхание дьявола, ибо его сердце свободно от забот.

— Что-то вроде этого, — усмехнулся Реннер. *А вдруг ей хочется чего-нибудь, что я не смогу предоставить?*

— Не могу сказать, что Аллах немилосерден к нам. Однако не стоит слишком полагаться на его милость, — произнес Бери.

— И это верно. Довольно скоро мы будем в точке I. Что там случится, я не знаю, но это вполне может сорвать нам всем досуг к чертям собачьим! — произнес Реннер.

* * *

— Я по-прежнему не понимаю, — произнес достопочтенный Фредерик Таунсенд. — И не думаю, что когда-нибудь пойму.

— Сожалею, — сказала Гленда Руфь. Она осмотрела салон корабля. *Я считала, что знаю здесь каждую заклепку и каждый шов.* «Геката» была немногим крупнее курьерского судна. Она была быстрой, но не очень удобной. Фредди Таунсенд приобрел ее для гонок, а не для длительных путешествий. Впоследствии к кораблю добавили отсек для провизии и помещение для единственного слуги, но все равно на корабле было тесновато. — Мне бы следовало отправиться с Кевином...

— Не надо начинать все снова, — сказал Фредди. — Я думаю, что ты могла бы полететь с ними, а почему бы и нет? И я очень рад оказать тебе любезность. Мне вообще нравится делать что-то для тебя. И ты должна это знать. Но... — В салон неожиданно вошла Дженнифер Банда, и Фредди раздраженно поднял глаза к потолку. — Обед через полчаса, — сказал он. — Пойду-ка, приму душ.

Фредерик Таунсенд настоял на том, чтобы все переодевались к ужину. Поначалу это могло показаться нелепым, но, по крайней мере, парадные костюмы и вечерние платья нарушали монотонность. Корабль был в основном автоматизированным, и на нем пристутствовал только один член команды: бортинженер Терри Какуми. Джордж — единственный слуга, старшина в отставке, выступал в роли кока, официанта, слуги, а иногда управлял кораблем. Ежедневно все собирались на почти официальный ужин. Поэтому в это время каждый был хоть чем-то занят.

Дженнифер дождалась ухода Фредди и спросила:

— Я сделала что-то не так?

Гленда Руфь пожала плечами.

— Да нет, почему? Все нормально. Рада вашему приходу.

— Вы сведете этого парня с ума, — проговорила Дженнифер. — Вы уверены, что хотите этого?

— Нет, не уверена.

— Хотите поговорить со мной об этом?

— Вообще-то — нет. *Да*. Я хочу вам сказать, что Фредди оказался достаточно учтив, чтобы сказать: «Ты спала со мной во время путешествия после окончания колледжа, так почему бы тебе не лечь со мной и теперь?»

— О, я не знала! Я хотела сказать, что решила, что это случилось после того, как мы покинули Спарту. Или что этого вообще не случалось. Гленда Руфь, теперь не удивительно, что он чуть не лопается от злости! Я хотела сказать... — Дженнифер запнулась.

— Я *понимаю*, что он имеет полное право надеяться на это.

— Хорошо, но почему? Плохо получилось в первый раз?

— Нет, — ответила Гленда Руфь. Голос у нее был низкий и очень тихий. — Все прошло нормально. — Она помолчала немного, затем прибавила: — Блейны изучали мошкитов.

Дженнифер улыбнулась.

— А меня воспитывала целая куча людей.

— Это хорошо. От мошкитов я нахваталась всевозможных установок. Представьте, что я могу *отказаться* от приятеля. От двенадцати до семнадцати лет я откровенно наслаждалась этим. А теперь представьте, что я могу *отказаться* забеременеть.

— От Фредди?

— Да. *Разумеется*. Я знаю его с пеленок. И мы целый месяц... занимались только тем, чтобы получше узнать наши тела. Это совсем не похоже на то, чему я научилась от мошкитов. Дженнифер, мне чертовски хочется рассказать *ему* обо всем этом.

Дженнифер сложилась в плетеном кресле, словно кукла-марионетка.

— Руфь, пока я не понимаю, в чем проблема.

— Иногда это происходит очень недолго, перед тем, как я ощущаю странную вибрацию. Какие-то смутные, слабые и неясные установки. Понимаете? — Гленда Руфь отвернулась, всматриваясь в бесконечную Вселенную, расстилающуюся перед нею за венецианским стеклом дисплея. — Мои родители не считают правильным, чтобы у меня был сексуальный партнер до замужества или по крайней мере до обручения, но они не уверены, что я могу сдержаться. А родители Фредди *уверены*, однако я все равно могу сдержаться.

Гленда Руфь повернулась к собеседнице.

— Но, возможно, Фредди наполовину уверен в правоте своих родителей, а я осознала это спустя два месяца после нашего путеше-

ствия, когда *танцевала* с ним. Тогда я окончательно поняла, что ЭТО — то же самое. Понимаете, о чем я? Во всяком случае, я действительно благодарна вам за то, что вы меня слушаете.

— Все нормально.

— И понимаете, верно? А ведь только специалист по мошкитам смог бы выслушать такое и не попытаться послать меня к исповеднику. Ладно. Если я и сплю с Фредди, то потому, что мы собираемся пожениться, или потому что я — шлюха. Я не уверена, что хочу выйти за него замуж, и не уверена, что — не хочу. В любом случае все было бы хорошо, но я зациклилась... запуталась... *так что*...

— Ни один мужчина не поймет подобных аргументов, советник, — немного шутливо, чтобы разрядить тягостную обстановку, промолвила Дженнифер.

— Фредди отнюдь не дурак. Он бы меня понял, если бы я смогла *рассказать* ему об этом, причем рассказать правильно. Вот я все время и думаю. Черт!

— Он женится на вас...

Гленда Руфь усмехнулась.

— И незамедлительно. Но... послушайте, вся моя жизнь...

— Все восемнадцать лет, вы хотите сказать.

— Что ж, это же и есть вся моя жизнь. — «Бедняга Чарли прожил немногим больше», — подумала Гленда Руфь. — Все свою жизнь у меня был кто-то, кто мог бы мне посоветовать, что делать. То есть — имел *право* мне советовать. Теперь у меня нет такого человека. Теперь у меня есть собственные деньги, и по закону я — взрослая. Свобода! Это восхитительно! И самое последнее, в чем я нуждаюсь, — это муж.

— Может быть, это и к лучшему. Вы уверены, что достопочтенный Фредди будет по-прежнему внимателен и заботлив к вам!

— О, черт, неужели это так заметно, а? *Он* не замечает этого, но...

— Все будет хорошо. Последняя прыжковая точка — сегодня ночью. Через три недели мы будем в Новой Шотландии. Фредди сможет найти другую девушку, — усмехнулась Дженнифер. — Не нравится! Милая, вы находитесь в невыгодной позиции, как это называется в ИВКФ.

* * *

Ее каюта была маленькой, как и все каюты на «Гекате». Единственную просторную каюту занимал Фредди. Разумеется, он надеялся, что она разделит ее с ним.

«Почему же я этого не делаю? — размышляла она. — А лежу без сна и думаю об этом. Плохо, что я не приняла свои пилюли или Фредди чем-нибудь не заболел. Плохо, что я ничего не предпринимаю... ведь все, что от меня требуется, это постучать в его дверь.

Может быть, я потеряю его. Разве его нельзя заменить? Я способна подцепить любого незнакомца из толпы и разобраться, насколько он здоровый, надежный, умный, сексапильный, понятливый. Когда я слышу, как женщины говорят, что они не понимают мужчин, мне хочется хохотать...»

Внезапно она почувствовала резкий рывок, и тотчас же почувствовала головокружение и замешательство. Где-то в закоулках ее мозга она понимала, что корабль проскочил прыжковую точку Олдерсона, а она оказалась на грани дезориентации, что всегда следовало за этим событием. Отец приводил ей примерно дюжину объяснений прыжкового шока, и все объяснения противоречили друг другу, несмотря на то, что ни одно из них нельзя было опровергнуть.

Постепенно она вновь обрела над собой контроль. Она подвигала пальцами, затем руками и ногами, и делала так до тех пор, пока не устала. Фредди всегда приходил в себя после прыжка быстрее нее. Ей это было обидно. *Так нечестно.*

И вот они очутились в системе Новой Каледонии. Возможно, Фредди высадит ее здесь, а сам отправится в Новую Ирландию... Она решила больше не думать об этом и устроилась поудобнее, чтобы попытаться уснуть, но тут зачирикал ее интерком.

— Гленда Руфь, — услышала девушка.

Конечно же, это Фредди. Какого черта ему нужно? Ага! А почему бы и нет? Ведь он оставил ее одну в таком состоянии! Что ж, чтобы все уладить, не понадобится много времени. И она нажала кнопку интеркома.

— Привет, — услышала она. — Слушай, мне очень не хотелось беспокоить тебя, но мы получили для тебя сообщение.

— Какое?

— Понимаешь, тут неподалеку торговый корабль «Новый Багдадский Лев».

— Ну и что?

— Он ожидает прыжковой точки. В общем, они передали, что у них на борту послание для достопочтенной Гленды Руфь Фаулер Блейн. Они запрашивают твой идентификационный код.

— Ах, это! Хорошо, я сейчас подойду. Ты на капитанском мостике?

— Ага.

— Оставайся там. И... спасибо, Фредди.

— Нет проблем. Не забудь захватить свой компьютер.

Судя по тону, Фредди поторапливал ее, но Гленда Руфь довольно долго задержалась у себя, чтобы переодеться в мешковатые брюки, сужающиеся на лодыжках, которые были обычной одеждой при низкой гравитации. Она потратила некоторое время, чтобы натянуть на себя ангорский свитер, привести в порядок волосы и легонько провести помадой по губам. Корабль шел при очень низком ускоре-

нии, вполне достаточном, чтобы удержать ее комнатные туфельки на ковре. Она отправилась в носовую часть. Фредди оказался на мостике один.

Он указал ей на кресло второго пилота.

— Они уже готовы принять от тебя код.

Она подключила свой компьютера к корабельной системе, и проговорила:

— Клементина.

На экране тотчас же появились слова:

«ДА, ДОРОГАЯ».

— Мы хотим сами провести идентификацию, — проговорила Гленда Руфь. — Это я. Теперь передай это им.

«ПАРОЛЬ».

«Черт, ты же знаешь, что это я! Все в порядке», — написала она на экране светящимся карандашом. Получилось коряво; не слова, а какая-то мультяшка.

«ПРАВИЛЬНО, ЭТО ТЫ».

Она знала, что компьютер беззвучно пересылал зашифрованное послание, которое могло быть расшифровано при помощи открытого ключа ее шифровального кода [1]. Открытая система шифрования/кодирования предназначалась как для просто идентификации, так и для целей военной разведки.

— Подтверждено, — послышалось из корабельных динамиков. Голос, произнесший это, говорил с явным левантийским акцентом. — Мы приветствуем мисс Гленду Руфь Фаулер Блейн. Пожалуйста, приготовьтесь записать зашифрованное сообщение от лейтенанта Кевина Христиана Блейна.

— О! — сказал Фредди. — Приготовиться. Готово. Получено. Благодарю вас, «Новый Багдадский Лев».

— Пожалуйста. Нас проинструктировали предложить вам топливо.

— Топливо? Разве мы нуждаемся в большем запасе топлива?

Невозмутимый голос левантийца ответил:

— Эфенди, его превосходительство приказал нам предложить вам топливо. Что мы и делаем. Чтобы переправить его вам, не понадобится много времени. Мы можем начинать?

Фредди посмотрел на Гленду Руфь.

— И что теперь?

Она пожала плечами.

— Они намного крупнее нас, и если бы они хотели причинить нам вред, то сделали бы это. Почему бы нам не дать им дозаправить твои баки?

---

[1] Код, ключ к раскодированию которого не является секретным, но закодировать сообщение может только тот, кто знает второй ключ, специальный для шифрования.

— Они и так более чем дозаправлены, — недоуменно произнес Фредди. — Ладно. «Новый Багдадский Лев», мы с благодарностью принимаем ваше предложение. — Он нажал кнопку интеркома. — Терри, это торговое судно собирается подкачать нам немного водорода. Предоставь им свободу действий, хорошо? Ты поведешь корабль.

— Да-да, я сменяю вас, — сказал инженер.

Фредди покачал головой.

— Не понимаю, зачем нам вся эта помощь?

— Может быть, нам объяснят, — ответила Гленда Руфь.

Послание было зашифровано посредством ее открытого шифровального кода. Она установила Клементину в режим расшифровки.

КЕВИН КРИСТИАН БЛЕЙН ПЕРЕДАЕТ ГЛЕНДЕ РУФЬ ФАУЛЕР БЛЕЙН. ОСТАЛЬНОЕ ТРЕБУЕТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ РАСШИФРОВКИ, — сообщил ей компьютер.

— Так. Используй специальный код Кевина.

«ВИЛЛКО», — ввела она в компьютер, нацепила наушники и стала ожидать. Ни для кого не секрет, что открытая частная шифровальная система защищена против всего на свете. «Наверное, у нас просто паранойя», — подумала Гленда Руфь.

— Сестренка, у нас проблема, — услышала она Кевина Блейна. — Мошкиты вырвались на свободу именно тогда, когда ты получила это сообщение.

Фредди напряженно наблюдал за девушкой.

— Руфь, что-то не так? — тревожно спросил он.

— Во всяком случае, никто не умер. Тс-с-с.

Дома от скуки и постоянных межличностных игр, которые длились многими неделями, она совершенно забыла о том, что мошкиты пугали ее. И вот теперь...

Тем временем голос брата продолжал:

— Мы подвели три корабля к зарождающейся прыжковой точке Олдерсона. Это точка I, MGC-R-31. Там сейчас два корабля ИВКФ и «Синдбад» Бери. Сейчас я на борту «Синдбада», как офицер связи. Кстати, там я — старший офицер ИВКФ. И, естественно, Реннер этим недоволен. Правда, он сдерживается, но от него исходят злобные флюиды. И если он захочет, то обязательно продемонстрирует, что он — выше меня по званию. Возможно, так оно и будет. Второй офицер ИВКФ, который вылетел туда с «Синдбадом», капитан-лейтенант военной разведки, решил, что «Синдбаду» нужно возвращаться на Новую Шотландию. Я совершенно не понимаю, что нам предпринять. Мошкиты готовились к этому четверть века, а мы только что осознали, что у нас проблема. И я не думаю, что три корабля станут для них неожиданностью. Расклад таков, что мы сейчас совершаем действия с опозданием от десяти до двадцати лет, а это очень серьезно. К тому же происходят очень странные вещи.

И очень скоро начнется нечто невообразимое, если этого уже не случилось.

— Сестренка, — продолжал Блейн-младший, — мне бы очень хотелось получить самые последние разработки Института. Мистер Бери тоже просит об этом. Если бы ты могла передать их нам, то это, возможно, изменило бы ситуацию. Сообщаю тебе наши предположительно наиболее точные координаты точки I. Мы думали тебя дождаться, но нам неизвестно, сколько мы еще продержимся до того, как что-то случится. Бери договорился с одним кораблем, чтобы они передали тебе наше послание и дозаправили вас. Так что дайте им вас дозаправить, если они уже не сделали этого. И попытайся добраться до точки I, прежде чем туда доберутся мошкиты.

— «Синдбад» переполнен людьми, — быстро говорил Кевин Христиан. — Бери категорически запретил Набилу и еще трем женщинам, включая Синтию, вступать в какие-либо контакты друг с другом. Еще на «Синдбаде» я, доктор Бакман и Джойс Мей-Линг Трухильо, журналистка. Она довольно интересная. Она умна и постоянно хочет доказать это, хотя ей, женщине, этого вовсе и не нужно. Сразу после того, как Трухильо пригласили на борт, командер Коэн решила, что ей надо остаться на Новой Шотландии, и это освободило Реннера от каких-либо обязательств по отношению к Коэн. В общем, здесь происходят занятные вещи. Ты можешь, добравшись до нас, обнаружить, что вовсе ничего не случилось. Несколько кораблей из Блокадного Флота, вероятно, уже находятся в пути, но пока они доберутся до нас, пройдет несколько месяцев. Если все будет длиться так долго, то, может быть, никаких проблем так и не возникнет, или, возможно, план Мамы Безумного Эдди сработает безупречно, и тогда мы сможем решить, как этим воспользоваться.

Он замолчал ненадолго, затем тихо сказал:

— Или, возможно, все кончится до того, как ты доберешься сюда. Если они выслали огромную флотилию с Воинами...

«Если они это сделали, ты будешь разговаривать с дежурным Мастером. Если мы применим симбионт, то, может быть, она выслушает нас. Если ты доживешь до этой беседы, — подумала Гленда Руфь. — Если».

И она вновь услышала голос брата:

— В любом случае вам стоит взглянуть на все это. Если вы доберетесь достаточно быстро, то это может помочь, но, прошу тебя, поступай, как считаешь нужным.

— Хрис, дорогой...

Она снова набрала текст и опять услышала послание.

— Фредди?

— Что, дорогая?

Пропустив эти слова, она проговорила:

— Фредди, мы принимаем топливо, чтобы отправиться прямо... — она указала на координаты, полученные вместе с посланием от Кевина Блейна, которые высвечивались на навигационном мониторе. — Чтобы отправиться прямо *сюда*. И мы не будем сначала заходить на Новую Шотландию.

Фредди внимательно смотрел на экран.

— Да это же какая-то дрянная система красного карлика! — воскликнул он. — Там же ни черта нет!

— А теперь будет.

— Гленда Руфь, ты хоть знаешь, что делаешь?

— Полагаю, да. И это очень серьезное дело.

— Хорошо, — произнес он, поворачиваясь к компьютеру. — М-да-а, это очень серьезно. И я не преувеличиваю. Вот так. Теперь от нас зависит... — он на секунду задумался и продолжил: — судьба Империи и судьба мошкитов. Я даже не стану донимать вопросами Дженнифер, хотя она занималась этим всю жизнь, но *ты*...

Он закончил вводить в компьютер данные изменения курса. Послышался предупредительный сигнал, затем они ощутили, как корабль быстро набирает скорость. Теперь «Геката» направлялась к точке MGC-R-31. Фредди поудобнее устроился в кресле и расслабился. Он слишком устал. И не смотрел на Гленду Руфь.

«Нельзя терять ни секунды. И даже думать о том, что всему придет конец. Просто доверься мне и двигайся вперед».

И тут Гленда Руфь осознала, что он сломлен. Точнее, еще не сломлен, но это обязательно с ним произойдет. Спустя годы он, конечно, излечится; но даже один только вид женщин, принадлежащих к его социальному классу, будет отмечен периодом жесточайшей фрустрации, в то время как всю свою жизнь он тянулся к единственной женщине с явными стремлениями к покровительству. И этой женщиной была она — Гленда Руфь...

Она заключила пари сама с собой, что все происходящее очень серьезно, и сказала:

— Если твое предложение остается в силе, то я, пожалуй, пойду к тебе в каюту.

Он резко вскинул голову и посмотрел куда-то вверх, словно выискивая среди вероятных ответов один-единственный — правильный, и в то же время изо всех сил старался скрыть свое удивление. На ее лице застыло выражение торжественности и легкого смущения. Фредди кивнул и с улыбкой взял ее за руку. Он молчал, поскольку боялся заговорить.

* * *

Хрис Блейн кого-то сильно напоминал Кевину. Разумеется — отца, капитана Родерика Блейна, но и еще кого-то... И когда Хрис остановился у окна, Реннер наконец вспомнил. Он словно наяву

увидел гардемарина Хорста Стейли, смотрящего на Глаз Мурчисона, сверкающий напротив Угольного Мешка, точно один-единственный глаз из раскаленного докрасна угля на лице монаха, скрывающего голову под капюшоном. Кевин тотчас же сообразил, что видел Хорста таким, каким тот был совсем незадолго до того, как «Макартур» отправился к Глазу Мурчисона.

Сейчас Хрис стоял у окна, закрывая собою Человека-в-Капюшоне, затем медленно двинулся по корме на завтрак, а Кевин попрежнему стоял и размышлял о станции.

Затем вновь он задумался о молодом человеке. Почему он так похож на Хорста? На Хорста Стейли, который узнал слишком много о Мошке-1 и трагически погиб в возрасте двадцати восьми лет. Ведь Хрис никогда не встречался с Хорстом. Безусловно, между ними не было родственных связей. Хрис Блейн очень походил на отца, то же квадратное лицо, пышные светлые волосы, маленький, чисто ирландский нос... который у Родерика был сломан; в то время как Хорст Стейли был очень красив, точно сошел с обложки журнала, со своим правильной лепки треугольным лицом, огромным ростом, могучими мускулами и широкими, покатыми плечами...

— А!..

— Что с тобой? — вскинул на него глаза Гораций Бери.

Хрис Блейн как раз приблизился к ним на такое расстояние, что Реннер смог бы услышать его голос.

— Так, просто размышляю, — ответил он Бери.

Когда они подходили к мостику, Реннер услышал голос Трухильо, веселый, бодрый, мелодичный и не очень громкий; в то время как мощный голос Блейна перекрывал собою гул корабельных систем.

— Если не хотите влипнуть в крупный скандал, не вздумайте развлекать ваше высокое начальство разглагольствованиями о «мнимых» кораблях, — говорил Блейн девушке. — Они выглядят настолько безвредно, что вас просто высмеют!

— А я и не буду. Какая мне польза от такого материала? А настоящий скандал я устрою потом, — отвечала Трухильо с усмешкой.

Оба закончили завтракать. Джойс Трухильо уселась в уединенном кресле напротив нескольких экранов. С ее места не было видно панели управления. Блейн опустился в кресло второго пилота. Реннер подождал несколько минут, затем спросил:

— Ну, как наши дела, Хрис?

— Семьдесят часов полета, причем с постоянно увеличивающейся скоростью, — ответил молодой человек. — Теперь я, пожалуй, сбавлю тягу. Потом мы можем сбросить дополнительный бак, и лететь по инерции до тех пор, пока не доберемся до прыжковой точки, ведущей к красному карлику. Это займет двести семьдесят часов, если прыжковая точка не сдвинулась. Если же это произошло, то считайте, что все полетит в тартарары.

— Полагаю, нам следует сохранить бак и заново заправить его. Лучше подстраховаться.

Блейн кивнул.

В течение следующих пяти минут тяга снизилась до обычной гравитации в 0,5 *g*, достаточной для того, чтобы жидкость не плавала в воздухе шариками. Реннер переждал немного, затем спросил:

— Не возражаете, лейтенант? — и двинулся по корме за кофе.

Он не удивился, обнаружив, что прямо за ним летит Бери. И спросил:

— Вам турецкий?

— Будь так добр. Кстати, ты оставил... оставил Блейна управлять моим кораблем. Считаешь это правильным?

— Мы находимся почти за пределами орбиты Дагды в системе Каледа, причем в состоянии свободного падения. Что может случиться? Внешние? Или в двигателе вспыхнет гелий? Вы же знаете, он обучался водить корабли в ИВКФ.

— Знаю.

— Я тоже.

— Я чувствую, что тебе надо мне что-то сообщить. И тебе не хочется, чтобы он об этом знал, так? Или эта женщина Трухильо?

— О... что-то меня гложет, не дает покоя. Да ладно, пустяки, Тем более что я догадался — что. Вы не можете помнить гардемарина Хорста Стейли. Так вот, это был один из лучших офицеров в ИВКФ, этакий импозантный красавец, прямо как с плаката. И если он что-то делал, то — идеально. Блейн ведет себя точно так же, но если у Стейли все получалось как само собой разумеющееся, то Блейн делает это сознательно, словно по какому-то сигналу.

— В конце концов, он воспитывался мошкитами. А что ты думаешь о Трухильо?

Реннер улыбнулся.

— Ее я давно раскусил. Только секс и любимое дело, но, как говорится, всему свое время. Она может заниматься этим попеременно. И всегда бывает на высоте. Я имею в виду — и в сексе и в деле. Так каковы правила этого полета, Гораций? Заниматься сексом или нет?

— Думаю, я на все закрываю глаза. Бедняга старина торговец Бери ничего не замечает. Но разве она здесь не ради дела?

— Разумеется, ради дела. У нее далеко идущие планы, Гораций. И довольно перспективные, *однако*. Мне и в самом деле это нравится. Нравится флиртовать. — Реннер заметил, что магнат даже не улыбнулся, и продолжал: — Дайте ей передохнуть, Гораций. Ее папа рассказывал ей о торговцах, о принцах-купцах, но ведь она так ничего и не знает. Она узнает о торговцах от вас.

— «Ваша репутация опережает вас», — процитировал Бери слова Трухильо на Комиссии.

— Сомневаюсь, что она имела в виду что-то неприглядное, — сказал Реннер и вздохнул. — Она собралась в развлекательное путешествие. А тогда... просто впервые в жизни ей выпала возможность вас задеть, а вы... вы *ненавидите* Блейна, и если мы окажемся на месте как и намечали, то мы будем там именно тогда, когда на нас вылетит целая армада мошкитов.

Наступила тишина, за время которой Реннер успел сварить две турки кофе. Бери взял свою чашку и спросил:

— Как ты можешь говорить, что я *ненавижу* Кевина Христиана Блейна? Он же твой крестный сын. И мой гость.

— Гораций, вы никогда не бываете открыто грубы, а я вас достаточно хорошо знаю. И послушайте, если мне придется... Айгор! Сегодня ночью мы создадим нечто совершенно другое, *совершенно*.

— Да, доктор Франкенштейн! Да, да!

— Сегодня ночью мы создадим неправоверного, которого меньше всего хотели бы видеть на борту крохотного корабля торговца Горация Бери. Мы зададим ему следующие характеристики... пуф-пуф-пуф!.. Англо-саксонец. Христианин. Человек из Имперского Космофлота. Родственник того самого *Родерика Блейна*, который некогда взял Бери под арест на борту военного судна ИВКФ. И наконец... пуф-пуф-пуф!.. Он будет воспитан Посредниками мошкитов!

Когда Гораций заговорил, у него даже исчез акцент:

— И, в довершение всего, он — манипулируемый сукин сын.

— Я бы сказал, что его натаскали мошкиты.

— Совершенно верно, Кевин, но он пытался манипулировать *мной*. Неужели он держит меня за дурака?

— Гм-м-м.

— И это не Джойс Трухильо раскрыла истинный смысл «мнимых» кораблей!

— Мне придется приспустить флаг. Гораций, он ухаживает за ней.

— Что?!

— Раньше я тоже этого не понимал. Она — деловая женщина, которая на шесть лет его старше! И все равно, так оно и есть. Он за ней ухаживает, поверьте. И он обязательно позволит ей наблюдать, как он манипулирует вами для ее пользы. Интересно, купится ли она на подобные штучки?

Реннер еще даже не решил, *нравится* ли он ей. В сущности, его никогда особо не волновали подобные проблемы. Возможно, где-то подсознательно он давным-давно считал Джойс Мей-Линг Трухильо своей, за неимением других кандидатур. Блейн для нее слишком молод. Бакман и Бери — наоборот — слишком стары. А Кевин Реннер был капитаном «Синдбада».

Проблема заключалась в том, что ей нужно. Ведь она не нуждалась в деньгах или в проникновении в высшие слои общества, хотя Реннер мог предоставить ей и то и другое. А вот что касалось секретов... она любила секреты, и секреты Кевина Реннера не принадлежали ему, чтобы он мог разбалтывать их направо и налево.

Блейн был слишком молод, и к тому же он являл собою классический образец человека из Космофлота... однако Кевин Христиан Блейн воспитывался Посредниками мошкитов. Так что нельзя это сбрасывать со счетов. И Реннер начал наблюдать за ним.

Когда «Синдбад» пребывал в свободном падении, очень трудно было обрести равновесие. Хрис Блейн привык к более крупным кораблям Космофлота. Поэтому первые пару суток он вел себя очень неуклюже. Как и Джойс, которая провела в космосе очень мало времени. Но спустя некоторое время они стали более или менее ориентироваться. Причем — одновременно. И постоянно старались держаться рядом.

Реннер решил сосредоточиться на том, насколько часто эта парочка находится в одном и том же месте. Они могли преодолеть любой из узких проходов на корабле так, чтобы не прижаться друг к другу. Джойс по-прежнему чувствовала себя не вполне привычно, но Хрис всегда галантно пропускал ее вперед, находясь достаточно близко к ней, чтобы ощутить исходящие от женщины манящие флюиды, но ни разу так и не прикоснулся к ней. Как в танце.

На следующее утро, перед тем как «Синдбад» начал сбавлять скорость, Джойс Трухильо и Хрис Блейн выглядели совсем по-другому. Похоже, оба были чем-то смущены, и теперь со стороны вовсе не казалось, что они избегают телесного контакта.

* * *

Два столетия назад Джаспер Мурчисон составил каталог большинства звезд с видимой стороны Угольного Мешка. Он вполне произвольно пронумеровал их для своего «Главного каталога Мурчисона», MGC, который он на досуге постоянно дополнял различными подробностями.

Половина этих звезд были красными карликами, такими как оранжево-белое пятнышко под названием MGC-R-31. Гораздо больше подробностей Мурчисон собрал о самых раскаленных желтых карликах, о тех, что вполне могли обладать обитаемыми планетами, как оно, главным образом, и было. На расстоянии в половину светового года от MGC-R-31 находился коричневый карлик; но даже Мурчисон почти ничего о нем не знал.

Кевин Реннер точно определил момент, когда он внедрился в систему. Он понял это из-за какой-то невидимой массы, находящей-

ся совсем поблизости, которая отодвинула его прыжковую точку на несколько миллионов миль.

Ее месторасположение должно быть определено, причем как можно быстрее. Ведь она могла сдвинуть и точку I! Бакман с Реннером немедленно приступили к работе.

Хорошо, что они достигли системы MGC-R-31. Хорошо, поскольку им было чем заняться, а это — прекрасный предлог запереть от всех дверь.

Целая неделя прошла в почти безуспешных стараниях Бери соблюдать хорошие манеры в отношении Блейна. Целую неделю Блейн и Трухильо соблюдали слишком официальный телесный контакт друг с другом. И в купе с поведением Бери это действовало всем на нервы... или, возможно, только на нервы Кевина Реннера. И вот наконец наступил момент, когда Реннер потребовался Бакману, что дало ему предлог для работы. На «Синдбаде» у Реннера была просторная каюта, разделенная на две части, одна из которой превратилась в лабораторию астрофизика.

Там было тесно одному Бакману, а Бакману и Реннеру — еще теснее, но зато теперь каюта Реннера стала недоступной для посетителей. Они предпочли использовать ее так, чтобы каждый из них мог быстро войти в маленький отсек капитанского мостика и так же быстро выйти оттуда. Остальные при этом не могли даже пытаться им помешать.

Итак, они занялись поисками коричневого карлика. Сперва они тщательно наблюдали за красным карликом и вскоре определили орбиту его вращения. Затем Бакман подсчитал ряд расстояний и масс, которые могли бы объяснить им причину перемещения прыжковой точки Олдерсона. Они постоянно сверяли местонахождение точек, потом опять вели наблюдение, снова подсчитывали массы и расстояния...

Откуда-то появлялся обед. Реннер смог бы игнорировать пищу, а Бакман даже не смотрел на еду. Лучше поесть, думал Реннер, и надо заставить поесть и астрофизика.

И вот принесли завтрак... но к тому времени они покончили с работой. Реннер вздохнул с облегчением. Он открыл дверь в салон и объявил:

— Все. Мы пришли первыми.

— Аллах милосерден, — произнес Бери.

— А вы уверены? — осведомилась Джойс Трухильо.

— Хороший вопрос, — заметил Хрис Блейн. — Вы не можете знать, куда отошла прыжковая точка Олдерсона.

— Зато мне известно, что в этом секторе нет новой прыжковой точки Олдерсона, — решительно проговорил Бакман. — Что же касается того, где *будет* зарождающаяся прыжковая точка, то мне пришлось сделать коррективы в своем предположении — из-за спутника. Ненамного. Коричневые карлики не способны создать мощ-

ную светимость. Где-то здесь, примерно в миллионе километров отсюда, по-прежнему находится дуга. Я сдвинул точку на пару световых минут. Так что она не там, где предполагалось.

Бакман установил курсор на дугу и потащил ее через экран, разворачивая ее все дальше и дальше от оранжево-белого сияния MGC-R-31 — по направлению к Угольному Мешку и к смещенному от центра красному «глазку» в Ад: к Глазу Мурчисона.

Реннер дотронулся до кнопки на приборной доске.

— «Агамемнон», говорит «Синдбад». Мы добились полного успеха. А вы? Конец связи.

«Агамемнон» выскочил из мрака за несколько минут до «Синдбада», и теперь корабли разделяло расстояние не больше чем от Земли до Луны, то есть несколько десятков тысяч миль, в то время, как «Антропос» двигался вперед к гипотетической точке I. «Агамемнон» ответил незамедлительно:

— «Синдбад», говорит «Агамемнон». Ваше послание подтверждаю. Повторяю: подтверждаю. В этой системе не видно даже признаков какого-либо корабля. Мы определенно пришли первыми. Лейтенант Блейн на месте?

— Здесь.

— Пожалуйста, пусть готовится принять обязанности капитана корабля.

— Хорошо.

— Вот так-то, — проговорила Джойс Трухильо. Сейчас, когда Блейн стал полноценным офицером, она в свою очередь полностью превратилась в деловую женщину.

— Это временно, — сказал Бери. — А они придут. Зато... теперь я уверен, что Аллах дает нам эту возможность. Мы могли лишиться ее, но она у нас есть.

— Господь милосерден, — сказала Джойс. — Бог не хочет совершить все, чтобы не лишать нас свободной воли и частицы славы, выпадающей на нашу долю.

— Это из Библии? — поинтересовался Реннер.

— Никколо Макиавелли, — ответила она и рассмеялась [1].

— Ух! Джойс, вы снова меня «сделали»!

Внезапно раздался тихий голос Бакмана.

— Гораций? Я заношу эту звезду в каталог под названием Инфразвезда Бери. Ваш корабль, ваша команда, ваше открытие.

Бери отреагировал на это заявление спустя несколько секунд. Он вымученно улыбнулся и почти шепотом произнес:

— Спасибо, Джекоб.

— Вызываем капитана, — прогрохотало коммуникативное устройство.

---

[1] «Государь», Глава XXVI.

— Блейна?

— Да, сэр.

— Слушаю вас.

— Кое-кто из моих офицеров считает, что это бессмысленное предприятие.

— Ничего лучшего я предложить вам не могу, коммандер, — отозвался Гораций Бери. — Однако я не думаю, что мы охотимся за химерами.

— По правде говоря — я тоже. Но нас интересует, что делать дальше. Признаюсь, я впервые сталкиваюсь с подобной ситуацией и не знаю, как поступают в таких случаях, — сказал Баласинхэм.

— Я не вижу здесь никаких сложностей, — сказал Бакман. — Реннеру известен наш курс на снижение вдоль арки, и примерно в течение следующих...

— Пятнадцати суток.

— Пятнадцати суток, правильно. На вашем корабле есть все наши данные.

В разговор вступил Хрис Блейн:

— Сэр, мы послали данные на «Антропос», поэтому он прибудет на станцию раньше нас. Точка I будет именно в этом секторе. Я предлагаю, чтобы «Агамемнон» оставался сзади, то есть между нами и обратным маршрутом на Новую Каледонию. Вероятно, они могут попытаться выйти на перехват. Что касается нас, мы будем совершать постоянные пролеты до тех пор, пока не появится точка I.

— Хорошо, — сказал Баласинхэм. — Во всяком случае, пока. Вице-король посылает к нам еще корабли. — Он немного помолчал, затем прибавил: — А что, если флот мошкитов прорвется сквозь линию обстрела?

— В таком случае мы сделаем все, что от нас зависит, — произнес Бери.

— И возможно, лошадь запоет, — пробормотал Реннер.

Бери пожал плечами. Он выглядел на удивление хладнокровно.

— У мошкитов нет контроля над протозвездой. Все случится так, как пожелает Аллах, а Аллах милосерден.

* * *

Когда Бакман отключал интерком, что случалось нередко, единственным способом разузнать, чем он занимается — было постучать ему в дверь, при этом рискуя выслушать весьма неприятные комментарии насчет того, что ему помешали работать.

Этим утром дверь в его отсек была открыта. Уже более тридцати часов Бакман постоянно находился в лаборатории или в смежном отсеке. Кевин Реннер и Хрис Блейн попеременно дежурили возле

двери астрофизика, и теперь настала очередь Блейна. Он просидел час, и ничего не произошло. Вдруг он услышал громкий возглас:

— Боже всемогущий!

Хрис подошел к двери отсека и заглянул внутрь, увидев Бакмана, склонившегося над приборной панелью. На его лице блуждала широкая ухмылка.

— В чем дело? — с тревогой осведомился Хрис.

— Это случилось.

Хрис даже не спросил, *что*.

— На каком расстоянии отсюда?

— Я только что зарегистрировал радиоактивный поток. Пока он не стабилен, но, я уверен, что стабилизируется. Это потрясающе! Господи! Блейн, это самая лучшая запись феномена новой прыжковой точки Олдерсона, которую кто-либо делал! Теперь нам удастся установить визуальное опознание!

— *На каком расстоянии отсюда она находится, доктор Бакман?*

Бакман неистово замотал головой.

— Она все время ходит ходуном! По-видимому, новая звезда пульсирует. Она то спускается, то поднимается по дуге, охватывающей примерно полмиллиона километров. Вероятно, мы сможем определить прыжковую точку, когда *она* будет проходить мимо нас. Но при условии, если все будет стабильно.

— Я передам это на остальные корабли.

— Она достаточно устойчива, ее могут засечь даже приборы ИВКФ, однако давайте, действуйте, — кивнул Бакман и вернулся к приборной доске.

Блейн воспользовался интеркомом салона.

— Это Кевин. Бакман утверждает, что это произошло. Я предупрежу «Агамемнон».

* * *

— «Агамемнон», говорит «Синдбад». Прыжковая точка Олдерсона обнаружена неподалеку от вас. К посланию прилагаю данные, полученные Бакманом. Предлагаю вам сосредоточить все внимание на предположительном месторасположении прыжковой точки Олдерсона. Также передаю послание на «Антропос». Блейн.

Они ожидали. Ответ пришел через две минуты.

— «Синдбад», говорит «Агамемнон». Мы идем при трех *g*, повторяю, идем при обычном ускорении в три *g*. Будем двигаться по направлению к вам, но останемся между точкой I и выходом на Калед.

— Что он там возится! — недовольно заметил Реннер. — Столько времени принимать решения!

«Он — почти в двадцати световых секундах позади нас, а все никак не добрался, — быстро напечатал он. — Он может воспользо-

ваться прыжковой точкой Каледа. Это займет примерно пять часов, если выйти прямо сейчас. А «Антропос» впереди нас. Не знаю лучшей тактики».

— Очень многое зависит от того, через что им придется прорываться, — твердо произнес Хрис Блейн.

— В чем дело? Что случилось? — из своей каюты выскользнула Джойс, на ходу приводя в порядок одежду. — Неужели мошкиты? Они прорвались?

— Пока нет, — ответил Блейн. — Но прорвутся.

— Ага, — поддакнул ему Реннер. — Доктор Бакман, все стабилизировалось?

— Начинает потихоньку, Кевин. Разве вы не видите, насколько *быстро* точка I направляется к нам вдоль арки, и как *медленно* она возвращается обратно? Надеюсь, что мы наблюдаем непостоянные импульсы протозвезды.

— Да. *Бум* — и она успокаивается, *бум* — и она успокаивается, *бум*... А когда протозвезда вспыхнет окончательно...

— Ну, это случится где-то в ближайшие сто тысяч лет.

— Тогда успокойтесь. Точка I будет впереди нас, верно? И ближе к «Антропосу», чем к нам, и она по-прежнему ходит ходуном.

— Это всего лишь предположение, Кевин. И первое во всех отношениях. Коллапс протозвезды Бакмана в звезду Бакмана.

— Все это, конечно, только предположения, тем не менее дайте «Антропосу» примерно четыре с половиной часа. При ускорении в одно *g* нам понадобится около восьми.

— А вы с Бакманом не думаете, что нам хватит и четырех? — сказал Блейн, на что Реннер ответил:

— Знаю, но мы не можем двигаться с ускорением больше одного *g*, не рискуя убить при этом Бери.

— За меня не беспокойся, — произнес магнат из-за спины Реннера. — Я лягу на свой водяной матрас. Сейчас Набил принесет его в салон.

— В таком случае — полтора *g*. Но не больше, — сказал Реннер. — Лады, как только мы достигнем...

— Она стабилизировалась! — заорал астрофизик.

— Откуда вы знаете?

— Только что там прошел корабль. А за ним — еще один. Между ними расстояние в одну или две световых секунды.

Реннер перенес изображения кораблей на свой монитор.

— Примерно на три световых секунды впереди нас. Три корабля... и они ближе к нам, чем «Антропос». — Пальцы Реннера заплясали по клавиатуре. Взвыл сигнал тревоги, и Реннер убавил звук. — *Следи за ускорением*. Четыре корабля. Пять.

Двигатель «Синдбада» раскалился добела. По салону летали предметы.

— Они разделились. Должно быть, звезда все еще загорается, а точка I по-прежнему перемещается.

— Хвала Аллаху, — прошептал Бери. — Набил, быстро принеси мне водяной матрас.

— Я должен надежно укрепить его на палубе, — спокойно произнес Набил. Этот маленький старый наемный убийца при ускорении в половину *g* двигался по палубе грациозно.

— Шесть. Семь, — считал Реннер. — Пока семь. Блейн, вам бы лучше связаться с «Антропосом».

— Роджер, выполняй, — приказал Хрис.

— Что случилось? — послышался из-за двери голос Джой Мей-Линг.

— Следите за ускорением, черт подери! — взревел Реннер. — Я обращаюсь ко всему экипажу! Следите за ускорением! Набил, дай мне знать, когда окончательно установите.

— Матрас готов. Если вы не станете резко менять ускорение, я смогу положить его на матрас прямо на ходу.

— Когда ты будешь его устраивать, я буду держаться на одном *g*. Ну как, все в порядке? Бакман, вы хоть держитесь за что-нибудь? Мы приступаем.

«Синдбад» снизил ускорение до одного *g*.

— Они рассеиваются, — проговорил Реннер, глядя на монитор.

— Наверное, они прорывались на разных скоростях, — сказал Блейн. — Ведь точка пока дрейфует.

— Точно.

— Они будут рассеиваться, — произнес Бери. — Конечно же, будут. Семь кораблей. Они готовились к этому годами. Кевин, мы сможем им помешать?

— Не думаю, что такое возможно. Мошкиты, как и мы, не выдерживают давления больше трех *g*, но с тремя кораблями нельзя гоняться за семью. Тем более не имея преимущества в самом начале.

— «Синдбад», говорит «Агамемнон». Что происходит, Блейн?

— Пока мы засекли семь кораблей мошкитов, — ответил Блейн. — Они позади нас и медленно летят в разных направлениях. Сейчас я сверюсь с нашими данными. — Он побарабанил по клавишам, и компьютер выдал то, что имел. Данные двадцати с лишним секундной давности все-таки лучше, чем вообще ничего.

Пролетело что-то около минуты.

— Блейн, им понадобится уйма времени, чтобы прийти в себя после прыжкового шока, но это случиться прежде, чем мы туда доберемся, — произнес голос Баласинхэма. — Могу вообразить, какое представление творится сейчас в точке Блокады. Вероятно, каждый из них изменяет ускорение по произвольному алгоритму, автомати-

чески, чтобы сложнее было за ними гнаться. Нам не удастся захватить больше четырех кораблей. Максимум — пять, и это если допустить, что мы подобьем их без особого боя. Но все это лишь «допустим». *Проклятие...*

Спустя некоторое время Баласинхэм продолжил:

— По-моему, настало время сменить тактику. Я приказываю «Антропосу» двигаться к точке I и приготовиться к преследованию кораблей мошкитов. Преследуя их, он приблизится к вам. Я же поведу «Агамемнон» обратно, чтобы заблокировать выход из этой системы. Наша входная прыжковая точка практически не изменится. Нам не удастся перехватить их всех, но, вероятно, мы сможем закупорить их здесь.

— Черт подери, это практически невозможно, — проговорил Блейн. — Но, полагаю, стоит попытаться.

— Капитан Реннер, — продолжал Баласинхэм. — Покидая Новую Шотландию, вы получили секретные приказы. Чтобы ознакомиться с ними по моему указанию. В этих приказах говорится, что вам делать, если ситуация будет находится вне досягаемости моего контроля. По-видимому, сейчас настал именно такой момент. Поэтому я приказываю вам ознакомиться с ними.

В них вы обнаружите, что Резервной комиссией вы вновь призваны на действительную службу в качестве капитана, и теперь на вас возлагается обязанность командования этой экспедиций в ранге коммодора. Не знаю, что вы делаете прямо сейчас, потому как уверен, что нельзя предвидеть все на свете. Я приказываю коммандеру «Антропоса» Раулингзу действовать согласно вашим указаниям.

— Сэр, в настоящее время я меняю курс, чтобы охранять прыжковую точку Олдерсона к Новой Каледонии, — донесся до Кевина голос Раулингза. — Если вам нужно мне что-то передать, сообщите мне об этом. «Агамемнон» пока не вышел на связь.

— О пуп Господа!

— Кевин, я не ослышался? — строго осведомился Бери.

— По-видимому, нет, — ответил Реннер. — Я ведь слышал то же самое.

* * *

— Мошкиты, — проговорила Джойс откуда-то с кормы. — Хрис...

— Потом.

— Да, но... Хрис, это же *мошкиты!*

— Джойс, все это, конечно, очень интересно, но у меня совершенно нет времени! — заорал Хрис. — Капитан, их первые два корабля набирают скорость. Возможно, они идут на автопилоте, ведь мошкиты могли еще не прийти в себя после прыжка.

— Интересно, что у них за компьютер, которому они доверили управление кораблями так быстро после прыжка? — пробормотал Бакман.

Хрис Блейн внимательно всматривался в монитор.

— Они продолжают идти в первоначальных направлениях. Полагаю, что они все и дальше так поступят.

— Они рассеиваются и мы теряем их, — задумчиво произнес Реннер. — По-прежнему только семь кораблей, во всяком случае, больше я не видел... нет, вообще-то один из них я потерял из виду. Сдается мне, они пришлют еще. И очень много.

— Мне так тоже кажется, — согласился Блейн. — А может быть, они все-таки не станут это делать?

— Космический корабль — дорогая вещь, — проговорил магнат. Судя по голосу, он чувствовал себя довольно прилично при гравитации в 1,5 *g*. — Он требует очень много ресурсов, причем совершенно разного вида. Иными словами, это очень сложная организация.

— И в голову сразу приходит мысль, что у них проблемы, — произнес Реннер. — Джекоб, где в системе Мошки заканчиваются «рельсы»?

— Довольно далеко. Они уходят очень далеко за орбиту их газового гиганта, Мошки-2.

— Нам так и не довелось увидеть цивилизацию троянских скоплений астероидов, — сказал Реннер. — Наверное, нам следует взглянуть на нее.

Спустя полчаса все достаточно прояснилось, и Хрис Блейн возвратился, чтобы рассказать об этом Бери и Джойс:

— Там семь кораблей мошкитов. Пять идут на полной скорости в пяти разных направлениях. Один из них потерялся, то есть потерялся для нас, «Агамемнона» и остальных. Может быть, мы отыщем его. А может, и нет.

— Хвала Аллаху, — произнес Бери еле слышно. — А что с седьмым кораблем?

— Седьмой направляется прямо к нам, ваше превосходительство.

Бери пригладил бороду.

— Видимо, они хотят поговорить с нами.

Джойс Мей-Линг пристально смотрела на экран. Внезапно она показала на корабль мошкитов. Пока все наблюдали за ним, время от времени то вспыхивал, то погасал лазерный луч.

— Да, вы оказались правы, ваше превосходительство. Прошу прощения... — Блейн поспешно возвратился на свой пост и обратился к Реннеру: — По-видимому, они хотят поговорить с нами.

— Так и сделаем, — отозвался Реннер. — Мы не будем захватывать ни один из их кораблей. Возможно, этим займется «Антропос», но не *мы*.

— Похоже, что один из них направляется к прыжковой точке к Каледу, — сказал Блейн. — Впрочем, там уже будет «Агамемнон».

— Между тем, этот корабль идет к нам, — проговорил Реннер. — Видите, они подают сигналы лучом. Давайте-ка посмотрим, есть ли в этих сигналах какой-нибудь смысл...

— Имперский корабль, это судно мошкитов «Фидиппидес», — послышалось из динамика.

— Я где-то такое слышала, — заметила Джойс Мей-Линг Трухильо.

— Мы идем с миром. Мы разыскиваем его превосходительство Горация Бери. Он на борту?

Фидиппидес был первым бегуном на марафонскую дистанцию. Он сообщил о победе и тотчас же умер [1].

Реннер с Блейном переглянулись, затем Бери лег на водяной матрас, так чтобы экран находился над его лицом. Он приготовился отвечать. Реннер взглянул на его сенсоры. Сердцебиение магната было стабильным, мозговые волны указывали на то, что Бери полностью осознает, что происходит. Все в порядке.

— Гораций? Это вас.

Глава 4. Точка I

> Чужеродные отношения похожи на человеческие. Они не могут прекратиться. Разрешение одной проблемы обычно приводит к следующей.
>
> *Джеймс Рестон*

Достопочтенный Фредди Таунсенд просыпался медленно, наслаждаясь каждым мгновением пробуждения своего отдохнувшего тела. Внезапно он ощутил на себе взгляд и повернулся:

— Привет.

— Привет.

На гоночные корабли никогда не берут больших постелей, поскольку недостаток свободного места может привести к несчастному случаю. Фредди же установил на «Гекате» двуспальную кровать, считая, что его путешествие с Глендой Руфь будет очень легким. И он оставил эту кровать на борту и для этого полета... а почему бы и нет? Она казалась ему такой пустынной. До сих пор.

— У нас есть шоколад? — спросила она.

— Если бы ты раньше сообщила мне о своем желании, я бы лично вырастил кофейные зерна, — заявил Фредди.

---

[1] На самом деле лучшего бегуна в армии Мильтиада звали не Филлипидес, а Федиников.

— Если отыщешь хоть немного шоколада, то как следует спрячь его. Вполне вероятно, что он нам понадобится.

Он удивленно уставился на девушку. Затем нерешительно дотронулся до нее. Гленда Руфь рассмеялась.

— Я никуда не денусь, ты же знаешь.

— Я с трудом тебя понимаю, зато ты всегда словно читаешь мои мысли. Это беспокоит меня. Если тебе так много известно о... людях... из того, чему тебя научили мошкиты, тогда что же *они* знают о *нас*? Наверное, все, даже то, чего мы не знаем сами о себе.

— Может быть, этого не так уж много, — возразила она.

— Но ты ведь не уверена в этом, не так ли?

— Я знала только трех мошкитов. И это наверняка были самые умные из всех мошкитов, которые у них тогда были. Я имею в виду... кого бы ты послал послом в другую расу? В Империю, которая угрожала всей твоей расе?

— Да, наверное, ты права. — На этот раз он уверенно взял ее за плечо и притянул к себе.

Им понадобится шесть дней, чтобы добраться до прыжковой точки к MGC-R-31.

Потом, одним прекрасным утром, Гленда Руфь сказала:

— Тебе надо попросить Какуми, чтобы он обучил тебя некоторым видам борьбы.

Фредди еще не проснулся окончательно. Он просыпался медленно и осторожно.

— Терри? А я не знал, что он владеет ими. Инуиты — очень мирный народ, который отлично разбирается в различных механизмах.

— Чего нельзя сказать о народе Таниза. Триста лет у них шли войны, и они сражались до последней капли крови. А Терри Какуми — наполовину танизец.

— М-да...

— И, вероятно в его венах течет пять процентов крови сауронских суперменов, Фредди. Поэтому он просто обязан владеть различными видами боевых искусств.

Фредди вскочил как ошпаренный.

— Трахать мою ящерицу! Какуми всегда был моим инженером... Гленда Руфь, откуда ты это знаешь? Ты же едва с ним знакома!

— Я стала наблюдать за ним, потому что мне не хотелось, чтобы он доставлял беспокойство Дженнифер. Понимаешь, кажется, они с Терри... гм... встречаются.

— Четыре года... нет, пять лет он содержал мой корабль в прекрасном состоянии.

— Фредди, он хороший человек, но я просто обращаю внимание на другие вещи. К примеру, я наблюдала, как он *передвигается*. Он хоть раз пытался что-нибудь для нас приготовить?

— Прости, мне следовало бы предупредить тебя. Дело в том, что в гонках участвуют только двое. Я и Какуми. Поэтому я всегда брал с собой заранее приготовленную пищу. Так лучше.

— Сауронцы — превосходные солдаты. Они могут совершить недельный марш-бросок, ни разу не остановившись для сна. Они выдерживают любой солнечный свет, любую гравитацию. Они способны дышать любой атмосферой, и им наплевать на любой смрад. Спят они где попало, просыпаются мгновенно. — Она замолчала, затем прибавила. — И едят все органическое. Все, что угодно.

— Что ж, полагаю, это меня устраивает. Значит, он частично сауронец. Ты же знаешь, сауронцы всегда были преданны своему делу. Какуми шесть лет прослужил в ИВКФ. Он почетно уволился на пенсию с сохранением звания унтер-офицера инженерных войск.

— Это не имеет значения.

— Кое-где имеет, — возразил Фредди. — Я рад, что о его происхождении не знали, когда мы участвовали в гонках в системе Святой Екатерины. Я рад, что и *я* ничего не знал об этом. Это бы действовало мне на нервы.

— Но ты же тогда победил.

— Да. Ты не знаешь... Ты совершенно *не разбираешься* в гонках. Черт подери, ты напугала меня!

— Подумаешь!

— Да, «подумаешь». Ладно, давай брать уроки вместе. — Через четыре дня они будут в системе Каледа, а затем еще шесть суток им понадобится, чтобы преодолеть прыжковую точку MGC-R-31. Шесть уроков, как стать солдатом Саурона?

— О, Фредди, это же... — она запнулась.

— Ты не хочешь говорить?..

— Нет, но не потому, что я — девушка, а ты — парень! *Посредники* не сражаются. Ладно, давай брать уроки вместе.

Терри Какуми, коренастый и круглый, ростом был намного ниже Гленды Руфь, но почти вдвое ее тяжелее. Когда «Геката» участвовала в гонках и все ненужное убиралось с корабля, Какуми спал в машинном отделении. Теперь же его каюта отделялась от машинного отделения переборками, однако Какуми почти не пользовался каютой.

— По-видимому, он в машинном отделении, — сказал Фредди Гленде Руфь. — Наверное, это имеет смысл... ты уверена насчет его происхождения?

— Хочешь спросить его?

— Нет, не думаю.

— Конечно, он может и не знать...

Фредди постучал в дверь машинного отделения. Она открылась.

— Здравствуйте, здравствуйте. — Какуми увидел, что Фредди пришел не один, пригласил внутрь Гленду Руфь и закрыл за собой дверь. — Хотите, чтобы я сменил Джорджа на вахте?

— Нет, мы сейчас идем намеченным курсом. Мне бы хотелось кое о чем спросить у вас, Терри. Вы ведь служили в ИВКФ и вас должны были научить, как сражаться?..

Какуми кивнул.

— Или вы уже умели это делать? Во всяком случае, вы знали, когда мы покидали Спарту, что мы отправимся на Мошку. А это ведь очень опасное предприятие, не так ли? Вот мы и хотели вас спросить, не дадите ли вы нам несколько уроков борьбы?

Кукуми посмотрел на Фредди, затем перевел взгляд на Гленду Руфь. И отрицательно покачал головой.

— Не думаю, что это хорошая мысль. За четыре или пять дней вы узнаете достаточно для того, чтобы попасть в беду. Если наступит беда, то вы ведите переговоры, а драться буду я. — Он усмехнулся, а в уголках его глаз собрались тоненькие морщинки. — Это лучше, чем если я буду говорить, а вы драться. И скажите об этом Дженнифер. Вы точно знаете, что мы летим на Мошку?

— Еще нет.

— Очень плохо.

— Что же, полагаю, вы правы, — произнес Фредди. — Насчет того, чтобы научиться достаточно для того, чтобы тебя могли убить. Все в порядке.

— Пойдем взглянем на карты, — сказала Гленда Руфь. Она взяла Фредди за руку и вывела из машинного отделения. Когда они дошли до капитанского мостика, она звонко рассмеялась.

— В чем дело? — удивился Фредди.

— Догадайся, почему он закрыл дверь?

— Почему? Ах да! Дженнифер.

— Странно, что он такой чувствительный, правда?

* * *

— Здравствуйте, ваше превосходительство! — пробубнила физиономия мошкита радостно — непонятно, отчего.

— Салям. Вижу, ты знаешь меня.

— Конечно.

Лицо являло собой новую концепцию мошкитов. Реннер хорошо помнил эту застывшую искаженную улыбку. Лица мошкитов не были предназначены для каких-либо физиогномических посланий. Это существо должно быть подавало сигналы посредством языка тела и

интонации: «Рад, рад встрече с вами! Как давно это было, как хорошо снова вернуться домой!»

Индикаторы состояния Бери нервно подскакивали, но не очень сильно.

— Моя финч'клик' наверняка давным-давно умерла.

— О да, но она обучила другую финч'клик', а та, в свою очередь, обучила меня. Так что я была вашей финч'клик' с самого моего рождения, несмотря на то, что мы встречаемся с вами впервые. Будьте так добры, расскажите мне, успешно ли прошло мероприятие по пробе кофе?

На какое-то мгновение Бери открыл рот от изумления. Затем ответил:

— Да, с большим успехом. Учитель твоего учителя оказался совершенно прав. В Космофлоте никогда не думали, что человек, не пьющий вина, тем не менее сможет научить их чему-нибудь другому.

— Восхитительно! Но, похоже, я говорю о давным-давно прошедших Темных Веках. Разрешите мне в первую очередь сказать, что моя задача сейчас — убедить вас и ваших людей не стрелять в нас. Мы пришли с миром. Мы не взяли с собой ни одного мошкита из класса Воинов.

Бери с удовлетворенным видом кивнул.

— Весьма хитро с твоей стороны говорить мне такое.

Реннер и Блейн переглянулись. Хрис Блейн слегка усмехнулся.

— Что? — зловещим шепотом спросила Джойс.

— Воины, — ответил Блейн. Когда же она вопросительно вскинула брови, он рубанул воздух ладонью. — Потом все объясню.

Мошкита продолжала создавать атмосферу доверия.

— Ваше превосходительство, наш первый корабль, под названием «Ганди», желает отправить посла на одну из ваших ближайших планет, населенных людьми. Разумеется, ее будет сопровождать Посредник, тот, который умеет вести беседу с вашими политиками. Тем временем все мы, находящиеся на борту «Фидиппедеса», хотим сопровождать вас и ваших людей в систему Мошки.

Пассажиры Бери уставились на их собеседника-чужака. Бакман брезгливо ухмыльнулся. Джойс что-то быстро записала в свой карманный компьютер. Реннер снова сверился с показателями магната: на экране камеры он видел только Бери.

— Бакман, уменьшите ускорение до половины g.

— Вы уверены?

— Мы больше не гоняемся за ними, а Горацию приходится говорить. Надо, чтобы он был в хорошей форме.

Бери полностью игнорировал намек. И опять обратился к мошките:

— Меня и моих людей?

— Мне приказано пригласить любой корабль, который я обнаружу здесь, проводить меня домой. Но нам бы особенно хотелось, чтобы это был корабль, на борту которого Гораций Хусейн Бери.

Пляшущие индикаторы Бери успокоились; по-видимому, магнат почувствовал, что держит ситуацию под контролем.

— А почему, собственно, мы должны отправиться с вами? — спросил он.

— А! Вам будет это очень полезно, поскольку вы увидите, что у нас все в корне изменилось. До сегодняшнего дня любой корабль, который мы посылали через прыжковую точку Безумного Эдди, считался приговоренным к смерти. Мы знаем, что никто не возвратился из чужого края. Сегодня же открылись новые пути между звездами. Ваши боевые корабли больше не смогут стоять между нашими системами. Поэтому почему бы нам не попытаться провести переговоры? Вместо того чтобы воевать? Переговоры и торговлю. — При упоминании о торговле существо не потерло руки от предвкушения доброго куша, однако, судя по всему, этот жест подразумевался.

— Вероятно, вам следовало бы поговорить с командующим соединением наших кораблей, — сказал Бери. Нажатие на кнопку, и камера повернулась монитором к...

К Кевину Реннеру.

— Привет, — поздоровался Кевин.

— О, Кевин, привет! Что-то я не припомню, чтобы ты был «командующим соединением кораблей». Неужели ты и вправду командир этого корабля? — В ее голосе чувствовалось благоговение, хотя она и старалась скрыть его. — Ты проделал долгий путь.

— Ага. Может быть, у вас есть еще один финч'клик' человека, а?

— Я не унаследовала обучение от твоего финч'клик', Кевин, но Посредник Бери наблюдал за другими человеческими существами. О тех, с кем имеешь дело, невозможно знать *слишком* много.

— Гм. От кого же тогда я научился *этому*?

— От кого? А как поживают исследователи Джексон и Вейсс, если вам такие известны, сэр?

Такой переход на личности привел Кевина в некоторое замешательство, и он произнес:

— Если тебе угодно, Джексон — губернатор земли Максроя, и ему просто нравилось все это.

— Вот и *хорошо*!

Вейсс был мертв, и обе стороны знали об этом, и никто из них больше не заговорил о нем.

Хрис Блейн, стоя вне видимости камеры, провел ребром ладони по горлу, давая понять, чтобы Реннер заканчивал разговор. Джойс с тревожным выражением лица подняла взор от своего записывающего устройства.

— Продолжайте говорить! — беззвучно произнесла она одними губами.

Реннер еще немного посмотрел на искаженное лицо мошкиты, прекрасно понимая, что это ему почти ничего не даст, в то время как Посредник за какие-то секунды досконально изучил выражение *его* лица. Реннеру ничего не оставалось, как сказать:

— Назови свое имя. Так мне будет легче с тобой говорить.

— Евдокс.

Бери еле заметно улыбнулся; Джойс прищурила, потом неожиданно расширила глаза. Когда Реннер вопросительно посмотрел на нее, Бери пояснил:

— Знаменитый торговец и исследователь. Он открыл арабский Золотой Ветер [1].

— Лады. Евдокс, сейчас я командую всеми кораблями Империи, находящимися в этой системе. Я слышал ваш разговор с Горацием Бери, и как ты говорила о его выгоде. Итак, вы выслали с Мошки семь кораблей. Некоторые из них мы захватили, некоторые все еще в полете. На борту одного из них находится посол, и вы хотите отправить его туда, где он может связаться с Империей. Верно?

— Мы хотим отравить к вам двух послов, Кевин. Ее и его. Самый старый Хранитель обучает молодого, молодой обучает того, кто еще моложе.

Хранители — значит, стерилизованные Мастера.

— Что ж, благоразумно и предусмотрительно, — проговорил Реннер. — Вы не посылаете никого из других классов?

— Разумеется, мы посылаем Посредников. И еще мошкитов из каст рабочих. Они будут находиться на борту корабля для техобслуживания и тому подобное до тех пор, пока не коллапсирует Свертыш. Потом мы выбросим их в космос. Мы опасаемся, что они могут напугать вас.

— Тем не менее, — продолжала мошкита, — у меня на борту Инженер-пилот, и он управляет «Ганди». — Существо быстро вскинуло руку. Наверное, что-то отразилось на лице Реннера. — Его тоже можно будет выбросить в космос, если ваш большой корабль возьмет наш на буксир.

— А Часовщики?

— Конечно. Они ведь представляют большую ценность.

Показатели Бери подскочили, затем снова успокоились.

— Через час мы снова вызовем вас на связь. А пока... — Реннер размышлял. — Не принимайте никаких решительных мер. Я нахожусь в свободном полете, не изменяя курса. Следуйте нашим кур-

---

[1] Имеется в виду Евдокс из Кизика, проплывший в Индию через открытое море и показавший практическое значение муссонов, открытых Гиппалом во 2 в. н.э.

сом, а потом сбавьте скорость. Держим дистанцию в десять тысяч кликов. Вы можете сделать так, чтобы ваши остальные корабли собрались здесь?

— Я могу вызвать их, но они не послушаются. У трех кораблей имеются указания скрыться внутри системы. — Мошкита пожала плечами. Плечи не двигались. — Я не рассказываю вам ничего неожиданного для вас. Позвольте мне повторить мое предложение. Идите с нами.

— Я свяжусь с вами, — ответил Реннер и дал отбой. Потом крепко зажмурился и глубоко вздохнул. — Поговорите со мной. Гораций?

Бери рассмеялся.

— Откуда Евдокс известно, что мы знаем об их Воинах? Ответ: она не знала. А мы могли об этом знать, и если она сказала: «У нас нет Воинов», то больше она ничего не скажет. Надо собрать все наши силы, чтобы уничтожить каждый их корабль и каждого мошкита-Воина. — Теперь он уже не смеялся, а говорил совершенно серьезно. — Это проверка на вшивость, поэтому есть одно правильное решение, которое следует воплотить в жизнь незамедлительно!

— Гм, гм... — пробормотал Реннер. — Я думал об этом.

— Как они могли так много о нас знать? УЖЕ? — с расширенными от изумления глазами спросила Джойс Мей-Линг. — Кевин... капитан Реннер, как она вас узнала?

— Что еще? — буркнул Реннер.

— Ей все еще не известно, как погиб «Макартур».

— Ага, а вы чуть не рассказали ей, перед тем как закончилась встреча за чашечкой кофе, не так ли? — ехидно проговорил Кевин и усмехнулся прямо в изумленное лицо Джойс. — Все в порядке, Джойс. Евдокс узнала меня, потому что у мошкитов есть снимки всех, с кем они когда-либо встречались. У них имеются самые подробные записи всего, что мы делали. Помнить все, что им известно о каждом человеке, побывавшем на Мошке, — это часть подготовки Евдокс.

— У них такая отличная память?

— По меньшей мере — хорошая. Что же касается встречи за чашечкой кофе, то Часовщики переделали кофейник «Макартура» еще за несколько месяцев до того, как мы решили, что их следует уничтожить. Они разбежались по палубам, по всему кораблю, а когда мы стали их оттуда выживать, они разбили нас в пух и прах. А когда *это* закончилось, «Макартур» был всеми покинут, и Гораций был готов истребить мошкитов. Но его финч'клик' ничего об этом не знала.

— Евдокс надеется манипулировать мною. Бедный Гораций Бери, — еле ворочая языком, проговорил магнат. — Он поставит на карту все, чтобы овладеть богатством мошкитских технологий.

— Гораций, теперь она знает об этом. Она заметила, как исказилось лицо Кевина при упоминании ею о Часовщиках. Наверное, мы ошиблись, оставив включенным передачу изображения. Гораций, я все думаю, насколько мошкиты осведомлены о ваших арабских национальных чувствах? И все-таки, что же нам предпринять?

— Посол. *Ганди!* Какая нелепость!

— Нам нельзя взорвать корабль мошкитов. Так ведь?

— Возможно, если бы нам удалось уничтожить все семь кораблей... но нам это не удастся, Кевин. А что если один из этих семи был обманкой, скажем, «мнимый» корабль, установленный на «голове» кометы? Бух — и конец. То есть — испарился. Ведь мы можем обнаружить только шесть кораблей, а седьмой уже потеряли. У трех — инструкции скрыться. Мы не так хорошо исследовали систему, как они. Кто знает, какие у них ресурсы? И можешь не сомневаться, что на *этих* кораблях находятся способные к размножению Мастера, и, возможно, беременные.

— М-да...

В разговор вмешалась Джойс Трухильо:

— Но в таком случае, если мы смогли бы обнаружить шесть... Ох!

Кевин заметил раздраженный взгляд Хриса, брошенный на Джойс. Но почему?..

У него не было времени разбираться в этом. И Кевин сказал:

— Совершенно верно. Шесть кораблей... А что если там был не ледяной шар? Разговоры или бой, а нам нельзя начинать обстрел, пока мы не обнаружим их всех, а ведь мы уже упустили как минимум одного. Итак, представим себе разговор. Они хотят, чтобы мы отправились с ними на Мошку. Возможно, это неплохая мысль. Вопрос заключается в том, удастся ли нам удержать их здесь? Удержать под охраной «Агамемнона» *все* корабли Мошки, пока сквозь Глаз не прибудут еще корабли из Блокадной эскадры?

— Удастся ли нам это? Давайте еще пораскинем мозгами, — предложил Бери. — Эти корабли не вооружены. Даже нет намека на угрозу, однако если хотя бы один из них не отрапортует своим о том, что...

— Угроза, безусловно, существует, сэр, — сказал Хрис Блейн. — Взгляните на запись. Первая пара кораблей эскадры Безумного Эдди занята теми представителями мошкитов, которые, вероятно, не вооружены. На остальных есть любое оружие, какое только вы можете себе представить. Ваше превосходительство, ей известно, что *вы почувствуете угрозу*. С посторонними она изъяснялась бы более определенно.

— Точно, — кивнул Реннер и продолжил: — Мы обязательно должны позволить им отрапортовать своим, и лишь тогда узнаем, стоит ли нам отправляться с ними. — Он заметил, как Бери тоже кивнул. — Итак, достаточно ли нам «Агамемнона» или нет, это —

все, что у нас есть, потому что я не представляю себе, как «Синдбад» отправится в систему Мошки, не имея реального способа отправить послание. А это означает, что мы берем с собою «Антропос». Вы согласны, Хрис?

— Так точно, сэр. Если кому и удастся отправить послание, то это будет либо сам «Антропос», либо эта яхта.

— Доктор Бакман, какие размеры у кораблей мошкитов? — спросил Бери. — Они маленькие или нет? Слишком маленькие, чтобы справиться с «Агамемноном», даже если они соберутся вместе. Да, и если учесть, что они не вооружены. Что ты думаешь по этому поводу, Кевин?

— Я думаю, что Евдокс могла бы рассказать нам больше о том, что ожидает нас с другой стороны. Тогда... мы смогли бы устроить рандеву с «Агамемноном», оставить вас и Джойс...

— Заткнитесь, *командующий* Реннер...

— Это *мой* корабль, и трахал я тебя в твою жирную металлическую задницу!

— Ладно, ладно, о'кей, мы имели в виду слуг, — поспешно проговорил Хрис.

Тут заговорил Бери:

— Все мои дамы очень красивы, несмотря на то, что им за сорок. Ты когда-нибудь задумывался, почему, а, Кевин? Я перепробовал их в разных позах. Но слабых и пугливых я отсылал заниматься другими делами. С такими подругами под боком мне опасаться нечего. Новые левантийцы никогда не заподозрили бы мой гарем.

— Прекрасно. Выходит, они способны драться. Я всегда немного побаивался Синтии.

— И не без основания.

— И все-таки мы не можем здесь оставаться. *Я* не могу оставаться, — сказал Реннер. — До тех пор, пока мы не узнаем, кто где. До тех пор, пока все не устаканится. — Бери отрицательно покачал головой. — *В чем дело*, Гораций? Похоже, Евдокс никуда не спешила.

— Кевин, во время переговоров только проигравшая сторона сообщает другой стороне, что ее поджимают сроки. Это именно так, потому что, по-моему, Евдокс постоянно уклонялась от темы, когда ты ее прерывал. Разумеется, трудно сказать, так это или нет. Но давай представим, что можно будет выпрыгнуть с точки I, если мы не позволим Евдокс отрапортовать своим.

— Да. Что ж, будем *ожидать*, что она нам скажет. А теперь мне надо связаться с «Антропосом». Доктор Бакман, таким образом, назначаю вас офицером связи.

— Человек из Космофлота всегда добивается своей цели, не так ли? — усмехнулся астрофизик. — Хорошо, командующий. Постараюсь. Между прочим, они находятся в девяти световых секундах от нас.

* * *

— Коммандер Раулингз слушает. Баласинхэм сообщил мне, что я подчиняюсь вашим приказам, капитан Реннер.

— Такова жизнь. Каково ваше положение?

— Преследуем самый крупный корабль мошкитов.

— Сколько вы их видите?

— Пять. Один из них мы преследуем. Он совершенно открыто идет к прыжковой точке к Каледу, причем — на полной скорости, но «Агамемнон» будет там первым. Один корабль мошкитов остановился неподалеку от вас. Еще два отправились в противоположном направлении, и мы потеряли из виду как минимум один, прежде чем засекли тот, который и преследуем в настоящее время.

— Выходит, вы упустили два корабля. Сколько нужно времени, чтобы захватить корабль мошкитов?

— Я буду от него на расстоянии выстрела примерно через десять минут. Мне стрелять?

Реннер посмотрел на остальных, находившихся рядом с ним на капитанском мостике.

— Ваше мнение, Блейн?

— Предупредительные выстрелы, сэр?

Реннер врубил микрофон.

— Настройте лазер на самую малую мощность, наведите на него луч и посмотрите, что они предпримут. Если не остановятся, разнесите их к чертовой матери!

— А если остановятся?

— Будьте готовы выстрелить в них, — проговорил Реннер. — Проклятье! Гораций, конечно же, они остановятся. И будут говорить, говорить, тянуть время.

— Мы уже потеряли следы двух кораблей. Судя по тону самого же Раулингза, ему все равно, что он сделает с преследуемым им кораблем. Однако он не сможет перехватить все оставшиеся корабли. Удалось убежать трем кораблям, Кевин. Трем!

— Только в этой системе. Большой крейсер запросто сможет пресечь все их попытки побега, — заметила Джойс. — Разве не так?

— Хотелось бы напомнить вам, что того корабля, которому удастся прорваться следующим, будет вполне достаточно, чтобы уничтожить «Синдбад». А потом и «Антропос». И возможно — «Агамемнон».

— У них будет уйма времени, чтобы прийти в себя после прыжкового шока, прежде чем они займутся нами, — сказал Блейн. — Мы видели корабли, приходившие через точку Безумного Эдди. Достаточно одного такого корабля, чтобы разделаться с «Агамемноном».

— «Синдбад», говорит «Антропос». Мы приближаемся к зоне видимости корабля мошкитов. Мы наводим на них луч.

— Они остановятся, — произнес Блейн.

— Убежден, что вы правы.

— Мы получили сигнал от Евдокс, — радостно сказал Бакман.

— Все происходит одновременно! — воскликнула Джойс.

— «Синдбад», это «Антропос». Как только мы показали, что способны уничтожить их корабль, они вырубили двигатель и теперь окликают нас на «англике»: «Мы пришли с миром. Это корабль мошкитов «Дар Короля Петра». Мы пришли с миром. У вас есть инструкции?» Сэр, у нас есть инструкции?

— О, пуп Господа!

— У нас есть предложение, — ответил Блейн.

— Так скажите мне!

— Пусть «Антропос» пошлет на тот корабль отобранную группу и отправит его на рандеву с «Агамемноном». Таким образом он сможет прикинуть, удастся ли ему охота на еще какой-нибудь корабль.

— Хорошо. Раулингз, пошлите на корабль мошкитов группу людей с бомбой, а потом отправьте тот корабль к «Агамемнону». Затем посмотрим, что вы сможете сделать с остальными кораблями мошкитов.

— Нам сигналит Евдокс, — бодро проговорил Бакман.

— Разумеется, Евдокс нам сигналит. Пусть подождет. Раулингз, меня интересуют места возможного приземления. Я пошлю вам чертежи технической спецификации «Синдбада». Гораций, извините, но мне они *нужны*. Раулингз, «Синдбад» может приземлиться на обитаемой планете, но нам потребуется топливо, чтобы потом взлететь. На «Антропосе» есть посадочные шлюпки?

— Целых три. Два катера и баркас. Все на ходу, но один нужен для работы. Я пошлю вам их технические спецификации. Баркас способен доставить достаточное количество топлива для катера, чтобы достичь орбиты с Мошки-1, но он не может вернуться обратно без дозаправки. «Антропос» может занырнуть в газовый гигант за топливом.

Что же я забыл? А, потом вспомню.

— Бакман, теперь врубайте Евдокс... Привет, Евдокс, извини, что заставил тебя ждать, но нам пришлось заниматься твоими кораблями.

— А я с удовольствием немного вздремнула, Кевин. Ну и когда же ты решишь насчет нашего приглашения?

С удовольствием вздремнула, черт бы тебя подрал!

— Скоро дам ответ, не волнуйся. А насчет вздремнуть... звучит восхитительно! Тем не менее нам придется повременить. Итак. У тебя есть хотя бы что-то из того, что нам нужно? Воздух, вода, еда? Не хотелось бы тащить с собой здоровенные тюки с багажом.

— Кевин... что ты?! У нас всего предостаточно, чтобы принять вас должным образом.

— Лады. А теперь расскажи мне *все*, чего нам следует ожидать от встречи с вами с другой стороны прыжковой точки.

— Д-д-да... Мой Хранитель — это часть цепочки групп о... конечно, это название непереводимо, поэтому я буду называть ее Торговцы из Медины. Мы представляем самую крупную торговую компанию в нашем регионе. Мы участвуем в играх за доминирующее положение с еще несколькими группами, и все связаны временными соглашениями различного свойства. Все зависит от группы. Мы намереваемся встретить вас в космосе и сопроводить на нашу территорию. При этом вам гарантирована совершеннейшая безопасность. Тем не менее, чем больше мы будем тянуть, тем больше вероятность неожиданного сюрприза от наших конкурентов.

— Игры за доминирующее положение, — вмешался Бери. — Война?

Реннер с посмотрел на магната, выискивая в его выражении лица сомнение, и увидел его.

— Не настолько серьезно, ваше превосходительство, но время от времени в эту игру вовлекаются Воины.

— Значит, все-таки войны. И за что боремся? За нас?

— За ресурсы. *Ваше* существование придется поддерживать нам самим.

— Так. Возможно, нам придется сражаться. И каково будет ваше положение, если вы возвратитесь одни?

Пожатие плечами.

— Я проиграю. Мой Хранитель и ее... начальник... вынесут на этой основе решения, а потом в игру вступят другие кланы.

— Я останавливаю тебя, — произнес Реннер.

Изображение осталось.

— Мы прервали сигнал, — сказал Бакман. — И что же?

— Хранители? — спросила Джойс. — Где же я слышала это понятие?

— Хранители — это стерилизованные Мастера мужского пола, — пояснил Блейн. — Они обладают собственническим инстинктом, но не очень агрессивны. Джойс, та группа, с которой мы имели дело на Мошке-1, возглавлялась Мастером, который называл себя Королем Петром — ты помнишь, один из тех кораблей, которые они послали к нам... Он называется «Дар Короля Петра»? Так вот, среди мошкитов у нас был Хранитель, посол по имени Иван... Капитан? Гм, как это нелепо звучит...

— Что? — поспешно спросил Реннер.

— «Дар Короля Петра». Это слишком убого, бессодержательно и неточно. Этот чертов корабль — не дар, а угроза. Евдокс говорит о разных фракциях, о разных кланах. Она говорит о Воинах, и неужели это был хитрый тактический ход? Сэр, нам придется допустить,

что они действительно не знают всего, что известно этой экспедиции, и, возможно, они — вовсе не часть клана Короля Петра.

— Занятно, — проговорил Бери. — Но при этом им известно все, что я говорил. Или они так считают.

— Настало время принять решение, — сказал Реннер. — Одному из кораблей мошкитов придется вернуться, но будет ли это «Фидиппидес»? Или Евдокс обучена слишком многому, чтобы наблюдать за нами? Что скажете, Блейн?

— Нет, сэр, поверьте мне. Вспомните, она начинала издалека. Она не знает всего в точности; до сих пор ей приходится постоянно поправлять вопиющие нестыковки. Самое худшее, о чем она может знать конкретно, это об уничтоженном «Макартуре». Разве есть какая-нибудь веская причина, почему бы ей не знать об этом?

— Не знаю. Давайте просто скажем ей, что мы будем сохранять все наши секреты до тех пор, пока у нас не будет причины раскрыть их.

— Неплохая мысль, сэр. И, разумеется, мы подтвердим, что нам известно о классе Воинов. Жаль, но, по крайней мере, больше не будет игры в «безвредных мошкитов», в которую они с таким увлечением играли с моим отцом.

— Да. Воины. Гораций, на всякий случай, когда останемся наедине, расскажи мне перед прыжком о защитных средствах «Синдбада». Я ведь ни черта о них не знаю.

— Хорошо. А Евдокс начинает нервничать, ты не заметил, Кевин?

— Конечно, заметил. Она волнуется потому, что все эти делишки начинаются распутываться с другого конца. Может быть, это обернется для нас скверно. Это значит, что мы можем просить об уступках, потому что у нее не будет времени торговаться. Давайте решим, что нам нужно от Евдокс?

Бери наполовину смежил веки.

— М-да... Если бы мы *знали*...

— Нас вызывает «Антропос», — сообщил Бакман. — Их группа добралась до второго корабля. Там на борту гардемарины с бомбой. Первая отобранная группа рапортует, что Инженер настроил систему подачи воздуха, чтобы они могли дышать. Все проделано очень слаженно и эффективно. Система обнаружения Раулингза засекла третий корабль, но он находится очень глубоко в поле астероидов, замедляя скорость. Раулингз считает, что уже слишком поздно.

— Передайте ему, чтобы оставил его в покое. Леди и джентльмены, ну как, мы идем? Джойс, вы согласны, я знаю. А вы, Блейн?

— Идем.

— Гораций?

— Разумеется, идем, но сперва надо кое-что сделать.

— Что именно?

— Нам необходимы товары для торговли. Особенно — магический червь, которого, как мы предполагаем, везет с собой Гленда Руфь.

— Бери, мы не можем ее дожидаться! — вскричал Реннер.

— Я и не собираюсь. Я просто говорю, что ты должен приказать ИВКФ не препятствовать мисс Блейн, когда она прибудет в эту систему. Если она решит, что лучше войти в систему Мошки... а она так решит, ведь иначе и быть не может, тем более после вашего послания ей, верно, лейтенант?

— Да, разумеется.

— В таком случае, пусть ИВКФ не препятствуют ей.

— Они сочтут это странным, — заметил Реннер. — Дочка лорда собирается войти в зону боевых действий. Хорошо, я отправлю эти приказы. Что-нибудь еще?.. Отлично. Бакман, мы идем?

— Конечно. Кстати, мне удалось зафиксировать второе наблюдение протозвезды в процессе коллапса! Может быть, мне разрешат оставить с собой приборы?

Кевин Реннер несколько секунд покусывал кончики пальцев.

— Было бы превосходно сперва подзаправиться... а, ну да ладно! Пропустим «Антропос».

— ...Сэр?

— Раулингз, мы проходим в систему Мошки. Вы идете первыми. Сколько топлива вы уже израсходовали?

— У меня осталось половина бака. Вполне достаточно, чтобы добраться куда угодно, если нам не придется вступить в бой. Сэр.

— Мы надеемся, что нас встретят друзья, но не вполне уверены в этом. Обращаюсь ко всем боевым кораблям. Готовьте ваши корабли ко *всему*. Сейчас я обращаюсь к вам *совершенно* серьезно. Сделав это, свяжитесь со мной. «Синдбад». Конец связи. — И, закрыв глаза, Реннер, прибавил: — Кто-нибудь, доложите, как у нас с обедом.

* * *

Уилл Раулингз повернулся к старпому.

— Всем построиться, Хэнк.

— Есть, сэр. — По всему «Антропосу» прозвенела сирена. — Как вы думаете, нам удастся их обнаружить?

— Бог его знает. Соедините меня с Баласинхэмом, пожалуйста. Может быть, у него есть какая-нибудь идея.

— Не думаю, — заметил Генри Парзеньо. — Что за черт! Он уже здесь!

Баласинхэм смог прийти под тремя *g* и уже смотрел на них.

— Продолжайте, Уилл.

— Сэр, капитан Реннер хочет, чтобы я сопровождал его в систему Мошки.

— М-да. Веселенькое дельце.

— Вы считаете, это хорошая мысль, сэр?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил Баласинхэм. — Его голос исходил из глубины грудной клетки, словно он изо всех сил боролся с напряжением, вызванным высокой силой тяжести. — Я знаю одно — теперь он босс.

— Да, сэр... резервист, пилот имперского торговца... — Тон Раулингза говорил сам за себя: люди из Космофлота не любили торговцев и никогда не полюбят. И...

— Уилл, капитан Реннер уже был на Мошке. Правда, очень давно, однако он там побывал, и это больше чем что-либо, что я могу сказать о ком-либо другом, кого мы знаем. А теперь выключите записывающее устройство и убедитесь, что нас никто не слышит. Сделали? Отлично. Бери с Реннером долгое время работают на военную разведку ИВКФ, и Бери отправился в эту систему по личной рекомендации лорда Родерика Блейна. Уилл, лучше них для этой работы не найти никого. Вам ясно?

— Д-д-да-а-а... хорошо, сэр. Я послал два мошкитских корабля с нашими отобранными группами на рандеву с вами у входной прыжковой точки. Сейчас они в пути, так что здесь меня ничего не задерживает. Я получу чертежи технической спецификации «Синдбада» и корабля мошкитов «Фидиппидеса», но смогу разобраться с ними, только когда мы будем уже в системе Мошки. И один Господь знает, что это даст.

— Хорошо. Помните, ваш первейший долг — это узнать Слово. Удачи вам и счастливого пути.

— Благодарю вас, сэр. Сэр, а мы можем их остановить?

— Один Бог знает, коммандер. Вы уже видели несколько кораблей, высланных от Мошки, и все, что нам известно — это то, что они готовились к этому десятилетиями. У них там может оказаться целый флот дредноутов, который только и ожидает приказа.

— Да. Конечно. Тогда нам пора. — Раулингз повернулся к группе людей на капитанском мостике. — Давайте сделаем это. Хэнк, веди нас в то место, откуда мы войдем в систему Мошки. «Фидиппидес», потом «Антропос», а затем — «Синдбад».

Глава 5. Борьба за Сестру Безумного Эдди

Испытывать удовольствие от войны — это заслуга для солдата, опасное качество для офицера и несомненное преступление для государственного деятеля.

Джордж Сантаяна

Перед самыми глазами маячил неясный темный силуэт; затем он, покачиваясь, ушел назад и, наконец, обрел очертания. Вернулся снова. Руки, пальцы; изучающие пальцы приближались к его плечу, а чей-то нос чуть ли не соприкоснулся с носом Реннера.

— Кевин. Капитан. Мы... — голос Джойс Трухильо на мгновение запнулся, потом она с трудом выговорила: — В нас стреляли. Вот так.

Камеры они втянули внутрь еще перед прыжком. С того места, где он находился, Реннер видел туманное красное свечение, которое постепенно становилось черным. Вражеские лазеры, должно быть, поливали своими лучами Поле Лэнгстона «Синдбада».

— Да... Лады. Поле сдерживает их. А вы... как быстро вы приходите в себя, Джойс, — пробормотал Реннер и огляделся. Ему казалось, что его голова отделилась от тела и вращается где-то очень далеко. До него донеслись проклятия Бакмана, пытающегося восстановить кровообращение в онемевших пальцах, чтобы выставить камеру за Поле. Руки Блейна тряслись и дергались, когда он подносил их к приборам. Гораций Бери пребывал в созерцательной нирване. Взгляд его был пуст и безмятежен, а на губах застыла странная улыбка.

Наконец, магната «прозвонили» его «доктора́» и выдали заключение. *Тахикардия, сердечная недостаточность, язвы, нарушение пищеварения, и...* Эх, нескоро ты справишься с этим! Невозможно бороться с прыжковым шоком.

— Давайте з-з-з... Зонд, — проговорил астрофизик. — Все, я врубил его. — На мониторе Реннера появилось изображение. Оно прыгало, дрожало, дергалось, словно искало что-то, потом стало ослепительно зеленым. — Ясно. Лазеры использует только один корабль, — кивнул Бакман. — Кто у нас отвечает за артиллерию?

— Я, — ответил Реннер, не доверяя обстрел Блейну. Конечно, Кевин Блейн обучался в ИВКФ, но его воспитывали Посредники. В любом случае сейчас нельзя было задействовать Блейна, равно как и Трухильо. К тому же на «Синдбаде» не было избытка огневой мощи. Сигнальный лазер — в несколько тысяч раз мощнее, чем нужно, достаточно пригоден для того, чтобы «припереть к стенке» вооруженное торговое судно, но о том, чтобы использовать его против настоящих боевых кораблей, не могло быть и речи.

Насколько серьезной мишенью был вражеский корабль? И вообще, стоит ли им стрелять в ответ? И где «Антропос»? «Синдбад» прошел прыжковую точку последним. Должно быть, Раулингз работает над тем, чтобы защитить «Синдбад».

Зеленое свечение заплясало, закачалось и расплылось. Потеря фокуса. Теперь пятно превратилось в зеленую точку, окаймленную красным ободком и с ослепительным желто-белым гало, оно расширилось, потом раздулось в фиолетовый шар, затем — пуф! — и исчезло.

Как только *этот* враг пропал, небо сразу стало чистым.

Реннер всматривался в небо, и ему показалось, что такое бывает на вечеринках в честь дня рождения. Перед ним расстилалось бесконечное звездное пространство, наполненное разноцветными шарами, привязанными друг к другу светящимися ниточками. «Синдбад» угодил в самое пекло сражения. Казалось, что корабли исчислялись сотнями. Не говоря уже о количестве сражающихся сторон, и о том, кто был кем. «Синдбад» отличался от остальных своим расплывчатым темно-красным Полем, изливающим накопленную энергию. Он больше не находился под атакой.

— Бакман, задействуйте антенну!

— Сделано. Теперь мы «достаем» корабли по всем направлениям. Кстати, не так уж много кораблей двигаются к Мошке... По-моему, я вижу «Антропос».

Оранжевое пятнышко, близкое, холодное... постепенно темнеющее и становящееся красным, но не сжимающееся. Определенно — это «Антропос». То, что мошкиты создали Поле Лэнгстона, круто изменяло военную стратегию Империи; но их Поле было большого диаметра, тогда как «Антропос» был построен для дежурства в Глазу, где расширение Поля приводило к увеличению поглощения жара, исходящего от звезды.

— У меня на связи «Антропос», — доложил Бакман.

— Отлично, — сказал Реннер. — Раулингз, как вы?

— Положение стабильное. Нас атаковали, как только мы преодолели прыжковую точку, капитан Реннер. Здесь две флотилии, одна обстреливает нас, вторая — эту флотилию. Когда корабль с послом мошкитов «Фидиппидес» проходил через точку, они обстреляли его. Я остановился напротив и обстрелял их в ответ. Как только я это сделал, все остальные вступили в бой.

— Что с «Фидиппидесом»?

— Сейчас он находится по другую сторону от нас, и его Поле расширяется. Оно совершенно желтое и с каждой минутой становится все хуже и хуже. В ответ меня не обстреляли. Теперь мы напротив вражеского корабля. Положение не критическое, если они не начнут торпедирование.

— Вы можете защитить «Фидиппидеса»?

— Да, сэр. Мы не можем связаться с другой флотилией, но они, похоже, сотрудничают с нами. Мы уничтожили один из вражеских кораблей, который оказался между нами, после того как вы прошли прыжковую точку. Сэр, мы еще не видим торпед, пока они используют только лазеры и пучки заряженных частиц. Мы идем на соединение с главной флотилией, но кроме вас и корабля мошкитов я не вижу ни одного объекта. Это значит, что все пушки и все корабли окружены Полями...

— «Синдбад», говорит «Фидиппидес». Вы целы?

Мошкит говорил голосом Горация Бери, немного гнусавя, возможно, еще не отойдя окончательно после прыжкового шока, несмотря на, что мошкиты совершили прыжок задолго до «Синдбада». Реннер поморщился и сказал:

— Продолжайте, коммандер Раулингз. Вы великолепно справляетесь со своей задачей. Попытаюсь раздобыть информацию.

Не требовалось разъяснять мошкитам, что эти слова означали, чтобы Раулингз вел себя как можно осторожней.

— Евдокс, это Реннер. Кто в нас стреляет?

Перед Кевином мгновенно возник статический искаженный силуэт мошкиты.

— Назову их... Чингис-хан и Монгольская Орда. Они — бандиты, и у них большая и прочно укоренившаяся группа. Когда прыжковая точка Безумного Эдди переместилась, на нас напало Ханство. Однако мы считаем, что они здесь ради нашей кометы.

— Ты сказала «комета», Евдокс? — переспросил Реннер изумленно.

— Ресурсы, Кевин. Мы пригнали комету из ближнего Пространства, чтобы снабжать промышленным сырьем наблюдательный флот Медины у новой прыжковой точки, которую мы дожидались. Черт подери, большинство их них *защищает* комету.

— Ну же, Евдокс. С кем мы сражаемся? У нас есть союзники? Если есть, то как нам их распознать? Ты в безопасности? Учти, *тебе* нельзя сражаться.

— Защита на подходе. И не пытайся сражаться, Кевин. Я уведу тебя к нашей базе, в безопасное место. Воины Медины идут к нам на защиту. Они обеспечат наш отход.

— Ты вовсе не с Мошки-1, — внезапно вырвалось у Реннера.

— Нет-нет-нет, — тотчас же отозвалась мошкита. — На Мошке-1 они истребляли друг друга и деградировали до каменного века. Мединская торговая группа в настоящее время обосновалась в Облаке Оорта вместе с союзниками на спутниках Мошки-2 и в других регионах. Ваше защитное Поле мы удачно использовали для сбора космических отходов, но комета — это самое главное наше приобретение.

Расположение кораблей вдали изменилось... и спустя некоторое время преобразилось полностью. В небе виднелись сверкаю-

щие точки и более крупные пятна; повсюду метались атакуемые и атакующие корабли. Их было несколько сотен, и все они сходились к точке, расположенной между «Синдбадом» и главным скоплением военных кораблей. Поле «Фидиппидеса» стало холодным и съежившимся, пока его союзники уничтожали атакующие его корабли.

Непросто было понять, что творилось в космосе, если помнить о том, что все происходило со скоростью света. Реннер не мог разглядеть даже ближайшие корабли, пролетевшие мимо в первые полминуты. Сражение могло длиться три или четыре световых минуты и развернуться на десятки миллионов километров. И все они... нет, только *ближайшие* к «Синдбаду» корабли отреагировали на внезапное появление трех кораблей в новой прыжковой точке. Некоторые корабли шли на защиту «Фидиппидеса» и для эскортировки имперских судов, некоторые — чтобы атаковать их. Но где-то очень далеко, Реннер заметил еще один ослепительно-белый икрящийся свет, ползущий за холодным белым свечением, исходящим от хвоста кометы.

Астероидные цивилизации вели войну, настоящее сражение за овладение точкой I — прыжковой точкой в пространство Империи. И Кевин Реннер оказался прямо посреди него. Астероидные цивилизации... а все приготовления делались для Мошки-1!!!

«Черт подери!» — выругался Реннер про себя. Он был зол на себя самого. Он даже не смог бы пожаловаться, что обманут, хотя, разумеется, это было именно так. И теперь ему придется действовать и отдавать приказы — не зная, кто есть кто. И как он мог возразить? Как и кому?

— Приготовиться, — приказал он. — Раулингз?

— Да, сэр?

— Вы намного лучше меня разбираетесь в сражениях. У нас есть какой-нибудь способ отправить послание «Агамемнону»?

— Нет, сэр. У баркаса нет ни одного шанса вернуться к точке I, и у «Антропоса» тоже. Ни у кого из нас, пока мы не скоординируемся с флотом мошкитов, который нас не обстреливает.

— Благодарю вас. Этого не случится. Лады, следуйте за нами и прикрывайте нас. Мы не полетим на Мошку-1. Мы направимся к комете, доставленной мошкитами к звезде. Когда я разработаю наш курс, пришлю его вам.

— Сэр...

— Раулингз, когда я узнаю больше, вы тоже об этом узнаете! А сейчас мне надо потолковать с мошкитами. Конец связи.

— Нет успокоения грешнику, — прошептала Джойс.

Реннер слегка усмехнулся и нажал на контрольную клавишу.

— Евдокс.

— Я здесь, Кевин.

Бери мягко улыбнулся, но не проронил ни слова.

— В течение следующих пятисот часов, возможно, пройдет еще один корабль, — сказал Реннер. — Очень ценный корабль. С... — он заметил, как Хрис немного сдвинул камеру в сторону, — Посредником женского рода на борту. Проследи, чтобы твои люди доставили этот корабль к нам, как только он подойдет.

— Постараемся.

— Обязательно постарайтесь. Сделайте все, что от вас зависит, чтобы он дошел. Этот корабль очень ценный, и везет двух имперских аристократов. Влиятельных. Очень влиятельных.

— А! Я передам о важности твоей просьбы.

— Хорошо. Итак, где вы готовы встретиться с нами?

— Торговая группа Медины находится среди ближайших комет, над уровнем планетарной системы Мошки. Там есть промежуточная база, совершенно закрытая и надежно защищенная. Если нам не помешают, мы отправимся прямо в Дом Медины, но только тем курсом, который позволит нам добраться до базы. Даю вам направление нашего курса...

Реннер изучил его.

— Примерно двадцать пять часов, чтобы уйти куда-нибудь в сторону на половине обычного *g*. Все с этим согласны?

— Это лучше, чем оставаться в самом пекле сражения, — отозвался Бери.

Реннер посмотрел на индикаторы состояния здоровья магната, затем поймал на себе взгляд Набила. Тот еле заметно кивнул.

— Более-менее нормально. Поехали, — решительно произнес Реннер.

Хрис, похоже, согласился, Алисия — тоже. Бери был чертовски встревожен и выглядел безумным. Ладно: Реннер всегда сможет воспользоваться мнениями остальных.

— Бакман, — сказал он, — мне нужен «Антропос», но и с «Фидиппидесом» будем поддерживать связь. Объявляю предупреждение об увеличении скорости.

Он повел «Синдбад», то и дело поворачивая и меняя курс, словно ведя корабль по невидимым извилистым коридорам, увеличив таким образом ускорение до одного *g*. Набил с Синтией суетились вокруг Бери, подобно рабочим муравьям, питающим свою матку. На медицинских показателях состояния магната появился целый лес сияющих иголок — и с чего бы им там не появиться? — Горацию Бери сделали укол, который не делали с тех пор, как...

Внешние возле Пьерро? Черт подери, как же давно это было?

Блейн с Трухильо перестали обмениваться обычными язвительными замечаниями и теперь молчали как рыбы. *Они не смогут ничем помочь, как я и думал.*

«Фидиппидес» легко шел на полутора *g*, что означало на Мошке почти двойную силу тяжести. Реннер прибавил скорость, чтобы не отставать от корабля мошкитов.

Спустя несколько секунд появился «Антропос» — сверкающая темно-зеленая точка. Корабль мошкитов казался крошечным по сравнению с имперским крейсером, но мошкиты расширяли поле, чего не делал «Антропос». Ничего хорошего — не так давно где-то за ними красная точка, подобно роскошному распускающемуся цветку, превратилась в фиолетовую звезду и исчезла. «Антропос» начал остывать. Раулингз быстро приготовил пушки.

Теперь сражение шло в основном позади них. Дружественные и враждебные корабли почти не отличались друг от друга: только через телескопы можно было увидеть, что каждый — единственный в своем роде; но одна эскадра явно развернулась, создав нечто вроде барьера, расположенного позади трех кораблей. Другая группа устремилась к кораблю, пытавшемуся преодолеть этот барьер.

Реннер глубоко вздохнул. Пока он не знал слишком многого, и потому не мог делать ничего, кроме как продвигаться вперед. Он мельком взглянул на Блейна. *Вы видите что-нибудь, чего не вижу я?*

Блейн отрицательно покачал головой и указал на экран, на котором разворачивалась битва.

— Раулингз прав, мы не сможем связаться с «Агамемноном» даже с помощью флота Медины, а без «Антропоса» мы попали бы в крупную передрягу. Если не считать этого, то у нас пока все в порядке. Раулингз прекрасно разбирается в военном деле, и кем бы ни оказались наши союзники, они в этом секут не хуже него. Они умело и охотно принимают удар на себя.

— Здесь наверняка Воины, — сказал Реннер. Гротескные, кошмарные фигуры, увиденные в мошкитской *Машине Времени* — измененные для жизни в условиях низкой гравитации. И теперь здесь с обеих сторон — Воины.

— Гораций?

— Я думаю о том же, о чем и ты. И чувствую так, словно обманул сам себя.

— Мы — тоже, — усмехнулся Бакман.

— А что такое Мошка-2? — спросила Трухильо.

— Мы назвали главную планету Мошка-1, — ответил Реннер. — А газовый гигант назвали Мошкой-2.

— Я почти не сомневаюсь, что это другая планета, — произнес Бакман. — Мошка-Гамма. Девяносто процентов из ста, что это газовый гигант. Также имеется два крупных скопления астероидов, носящихся по орбите Мошки-2. Почти все астероиды преднамеренно помещены на свое место.

— Преднамеренно помещены? — повторила Джойс. — Это же тяжеленная работа — двигать астероиды, не так ли?

— Безусловно, — ответил Реннер. — Это довольно трудно. Но мы такое тоже делали.

— *Alea jacta est*, — пробормотала Трухильо.

— Что-что?

— Жребий брошен, — перевел Бери. — Действительно, жребий брошен.

— Ясно, — сказал Реннер. — Так, микрофон снова ожил. Все в порядке, Евдокс. Продолжай объяснения. За каким чертом финч'клик' человека Бери оказался на астероидах Мошки?

* * *

Фредди Таунсенда разбудил отрывистый голос Какуми, донесшийся из интеркома. Он проснулся мгновенно, как случалось с ним всегда, когда Фредди засыпал прямо на приборной доске капитанского мостика.

— Фредди, пришло радиопослание. На главной коммуникационной частоте. Поговорите с ними, Фредди. Вы здесь?

Фредди нерешительно подошел к консоли. Таймер показывал, что прошло что-то около часа, когда он сменился с вахты. Его рука была твердой, а голова — ясной. Он небрежно стукнул по переключателю, чтобы переслать послание в громкоговорители.

ВНИМАНИЕ. ВЫ ВОШЛИ В ЗАПРЕТНУЮ ЗОНУ. ЭТА СИСТЕМА ОБЪЯВЛЕНА ЗАПРЕТНОЙ ПО ПРИКАЗУ ВИЦЕ-КОРОЛЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ТРАНСУГОЛЬНОГО СЕКТОРА. ЭТА СИСТЕМА ПАТРУЛИРУЕТСЯ ИМПЕРСКИМ КОСМОФЛОТОМ. ПЕРЕДАЙТЕ ВАШИ КООРДИНАТЫ И ДАННЫЕ О ВАШЕЙ ЛИЧНОСТИ ПО ЭТОЙ ЧАСТОТЕ И ЖДИТЕ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ. ЛЮБАЯ ПОПЫТКА НЕПОДЧИНЕНИЯ С ВАШЕЙ СТОРОНЫ МОЖЕТ СТАТЬ ПРИЧИНОЙ УНИЧТОЖЕНИЯ ВАШЕГО КОРАБЛЯ. ВНИМАНИЕ.

— Что ж, довольно откровенно сказано, — усмехнулся Фредди. Он быстро застучал по клавишам контрольной консоли. — Гленда Руфь, по-моему, тебе следует включить что-то в свой код, чтобы они удостоверились, что он именно твой. Это послание вовсе не дружелюбное.

— Хорошо, — сказала девушка. Она подключила свой компьютер к системе корабля и написала: — Клементина, закодируй этим мой личный шифр.

ДА, ДОРОГАЯ.

— Я все размышляю об этом, — проговорила Гленда Руфь. — В отличие от тебя, мне это послание показалось весьма определенным.

— Думаешь, что-то случилось?

— Не знаю, но могу поспорить, что ждать нам придется недолго.

Ответ пришел спустя четыре минуты:

«ГЕКАТА», ЭТО ИКК «АГАМЕМНОН». ПРОШУ НЕМЕДЛЕННОГО РАНДЕВУ С ВАМИ. КООРДИНАТЫ ПРИЛОЖЕНЫ. У НАС ПОСЛАНИЕ ДЛЯ ДОСТ. ГЛЕНДЫ РУФЬ ФАУЛЕР БЛЕЙН. БАЛАСИНХЭМ.

Пальцы Фредди снова заплясали по клавиатуре. Ни разу еще она не видела его таким напряженным. Его пальцы двигались все быстрее и быстрее, как во время игры «Сауронская угроза»... когда расплата за ошибки не такая высокая.

— Это недалеко, — проговорил он наконец. — Мы доберемся туда за десять минут. Гленда Руфь, я не могу найти защитные очки.

— Что ты не можешь найти?

— Обычно они ведут к точке встречи при помощи лазерного луча. Он будет очень близко, и примерно мощностью в сто магнето, а мне придется смотреть прямо на него... пока не врубится Поле Лэнгстона. Очень хорошо, что нас ожидали. И эта просьба. Хорошо. По крайней мере — пока.

— А по-моему, они хитрят, — сказала Гленда Руфь. — Что-то я не услышала ни слова ни о «Синдбаде», ни о моем брате. Фредди, думаю, это случилось. Мошкиты все-таки вырвались.

— О-ох! — вздохнул Фредди Таунсенд, включая приборы. — ВНИМАНИЕ. ИЗМЕНЕНИЕ УСКОРЕНИЯ. Приготовиться к половине обычной гравитации.

* * *

— Финч'клик' людей весьма разнообразны, — ответила Евдокс, — поэтому у них разные судьбы. Финч'клик' капитана Родерика Блейна сошла с ума. Финч'клик' Салли Фаулер осталась вполне здоровой, чтобы давать советы, но считалось, что они редко заслуживают доверия. С той, что принадлежит доктору Бакману, никаких проблем не происходило. Финч'клик' капеллана Харди играла в абстрактные интеллектуальные игры, и даже некоторые Мастера заинтересовались ей. Кевин, ваша финч'клик' побеждала в стольких спорах, что ее сделали учителем, впрочем, она всегда находилась под наблюдением.

— Я польщен, — сказал Реннер. — Вы встречались с ней?

— Нет, но мне известно об этом благодаря наблюдениям финч'клик' Горация Бери. Это личность... давайте будем называть ее Бери-1? Когда она изучала Горация Бери, она была молодой особью мужского пола.

После некоторого молчания Евдокс продолжила:

— После отлета «Макартура» ему довелось увидеть разрушительную войну, отчего начала формироваться его собственная личность. Он делал огромные усилия, чтобы предотвратить это; надо было создать любого рода убежище для знания, которое могло оказаться

утеряным. Когда эти попытки явно потерпели крах, Бери-1 покинул своего Мастера. Внутри нее сотрудничество переплеталось с обманами, что разрушало ее, и тогда она построила корабль, экипировала его, достигла астероидов, и уже там объявила, что продает свои услуги.

Евдокс терпеливо дождалась, когда Реннер закончит смеяться. Остальных тоже разобрал смех, и даже Бери улыбнулся от... гордости?

Тогда Реннер сказала:

— Я так пониманию, что твоя Мединская группа...

— Нет, Кевин, к тому времени Медина уже не обладала богатством и положением. Цивилизация, которую мы назовем Византией, выиграла торги среди тех, кто не мог отрываться на дистанции большого размера или испытывал недостаток в дельта-V.

Хрис Блейн тоже терпеливо слушал финч'клик', молча переваривая информацию. Джойс сгорбилась в углу капитанского мостика и что-то неистово нашептывала в свой диктофон. Бери улыбался, явно наслаждаясь полным разгромом Кевина. Бери уже играл в эту игру и прежде.

Ни один человек из команды Реннера не собирался прийти ему на помощь... не считая мучительного массажа, который проделает над Реннером Синтия когда-то в неопределенном будущем, чтобы снова привести его в себя.

Византия? Реннер изо всех сил растирал ноющие от нестерпимой боли виски. Он подумывал приказать «Антропосу» ликвидировать «Фидиппидеса» в небе. По крайней мере, потом он узнает, кем были его враги. И следующий чужак, который попытается вступить в переговоры, будет просто вынужден предоставить ему больше информации.

Хорошо обученный Посредник сможет получить кое-какую информацию даже через атмосферные помехи. До него донесся голос Евдокс:

— Кевин, будь так добр, дай мне попытаться вкратце обрисовать тебе общую картину наших внепланетарных цивилизаций.

— Попробуй.

— На Мошке-1 имеется тенденция к огромным, постоянно развивающимся конгломератам, — проговорила Евдокс. — Для этого создаются очень сложные взаимосвязи исполняемых обязанностей; самые крупные и наиболее развитые семьи контролируют самые обширные и лучшие территории. Это у них получается намного успешнее, нежели у нас. Нам нельзя близко подходить к Мошке-1. У них очень мощные и достаточно неподвижные границы, которые представляют для нас опасность. На астероидах и скоплениях спутников Мошки-2 и Мошки-Гамма...

— Гамма, — сказал Бакман. — Значит, она все же существует. Это газовый гигант?

— Да, расстояние от него до Мошки-2 примерно в два раза превышает расстояние до Мошки-1. У Мошки-Гамма обширная система спутников. На ней и на системе спутников Мошки-2 обитают небольшие и независимые семьи, которые не доверяют посторонним поставлять им необходимое сырье.

— Как ты думаешь, почему?

— Мы не можем создать карты этого региона. Также у нас нет способов определить территорию. Постоянно все меняет форму. Торговые маршруты зависят от расходов на топливо, от места проведения сделок и деловой активности, но и то и другое постоянно меняется. Ваше Поле Олдерсона еще больше усложнило дело, поскольку теперь даже в зонах космических отбросов можно собрать неплохой урожай.

— Я хотел спросить, кто они — эта Византия? Ладно, оставим это. Кто *ты?*

— Я — Торговая группа Медины. Византия — союзник.

— Ага.

— Причем очень важный союзник. Когда примерно двадцать семь лет назад «Макартур» вошел в нашу систему Мошки-1, торговцы из Медины были семьей из... как бы это сказать?.. да, из двадцати или тридцати Мастеров и соответствующих им по значимости подгрупп, состоящих, вероятно, из двух сотен классов, исключающих лишь Часовщиков. Наше преобладание на «троянских» точках Мошки-2 постепенно сходит на нет. Вызванные пространственной близостью взаимосвязи на астероидах претерпели некоторые необратимые изменения. Наши традиционные практические знания включали самые подробные сведения о неудачных исследованиях Движителя Безумного Эдди, а также о Свертыше, находящемся в Угольном Мешке. Мы распознавали ваши корабли только по их виду, начиная с вашего появления в прыжковой точке Безумного Эдди и кончая секретным устройством ваших Полей Лэнгстона.

— Думаю, тогда ты еще не родилась, — сказал Реннер.

Ведь любой Посредник, живший в то время, теперь мертв.

— О да! Я научилась этим штукам, потому что его превосходительство обязательно потребовал бы сведений о текущем состоянии нашей политики. Кевин, могу я поговорить с его превосходительством?

— В данный момент — нет, — ответил Реннер. Посреднику будет сложно прочитать мысли и эмоции Реннера. А за Бери она может наблюдать через монитор; конечно, Кевин всегда может прервать разговор, если увидит в этом нужду. И тем не менее...

Мошкита поспешно кивнула.

— Все изменило появление межзвездных чужаков. Мы тотчас же отступили с наших позиций на «троянских» точках. Медина лишилась очень важных ресурсов, однако нам удалось кое-что сохра-

нить, благодаря тому, что мы заранее ушли куда нужно. Семье-узурпатору, назовем их Персия, так же как и нам, страстно хотелось избежать грохота космических баталий, который мог привлечь внимание «Ленина». Можем называть это Первым Периодом, продлившимся от появления Империи до ухода «Ленина».

Мой Мастер обустроилась среди кометного гало. Это вдали от старой и ожидаемой новой прыжковых точек Безумного Эдди. Пока она не умерла, ее хватательная рука удерживала значительную территорию, громадную по своей величине, окаймляющую собой небольшую массу, рядом с которой не было ничего ценного. Но в течение тридцати лет мы уходили от прыжковой точки доступа в Империю, управляемую людьми. Ты следишь за моей мыслью? И тогда мы призвали Сестру Безумного Эдди. Когда коллапсировал Свертыш, появилась Сестра.

Там, где мы обосновались, почти не было источников сырья. В течение двадцати лет после ухода «Ленина» мы сумели ими обзавестись. Весьма небезуспешно. Назовем это Вторым Периодом. Нам удалось расширить Мединскую базу благодаря союзу с Византией, который мы образовали на спутнике в системе Мошки-2. Мы поделились с Византией нашими знаниями. Семья Византии — большая и могущественная, и она могла себе позволить то, что она нам присылала. И даже половина посланного ею сырья укрепила бы силы Мединской группы. Разумеется, им хотелось делить с нами и прибыли, как только откроется наш путь к планетам Империи.

Когда появилась финч'клик' Горация Бери, Византии удалось заблокировать остальных конкурентов и завладеть ею. Это отлично сработало в сторону нашей пользы. При помощи советов Бери-1, Византия чувствовала себя более уверенно в подобном партнерстве.

Бери с улыбкой кивал. Политика. Евдокс продолжала:

— Мединская торговая группа провела весь Второй Период, посылая корабли для проверки защитных сил Империи, установленных возле Глаза. И все хитроумные уловки и трюки за этот период — наша работа. Для нее мы пользовались ресурсами, посылаемыми нам из Византии.

— Из того, что я увидел, можно заключить, что ресурсы были громадны, — заметил Реннер.

— Да, очень, — согласилась Евдокс. — Огромное богатство утеряно навеки. — Чужак изобразил печаль и сожаление. — Да, это так. Мы пытались убедить мошкиту Бери работать на нас, и прошло слишком много лет, прежде чем Византия отпустила ее к нам. Точнее, первого ученика Бери-1. Разумеется, Бери-1 уже обучила второго, а первый сразу приступил к моему обучению. Назовем моего учителя Бери-2.

— Я пока не понимаю, где начинается борьба.

— Я, наверное, очень быстро все излагаю, не так ли, Кевин? Двести часов мы будем в пути. И намерены сохранять ускорение не больше, чем нам необходимо.

— Двести часов... лады. Как только мы прибудем на место, мне бы хотелось дозаправиться.

— Я передам твои слова. Мы сделаем для вас и другие вещи.

— Война...

— Да. Некоторые силовые структуры, находящиеся в скоплениях Мошки-Гамма... Ист-Индская компания, Гренада, Ханство... наблюдали за нами, когда мы строили корабли и отправляли их на «определенные» позиции, заставляя их исчезать навсегда. Так, мы даже оборудовали и запустили небольшую комету. Не потому ли какой-то древний шутник назвал это точкой Безумного Эдди? Эти пираты жаждали, чтобы мы были уничтожены тем, что, кажется, является неким видом потлача. Они считали, что, наверное, лучше используют такое огромное богатство.

— Потлач? — переспросил Реннер. — Это мошкитское слово?

— Человеческое, — прошептала Джойс. — Это слово придумали американские индейцы. Слишком обильное угощение с подарками. Избавление от своих врагов путем разрушения твоего же собственного богатства [1].

— Теперь о Мошке-Гамма, — кивнул Реннер. — Евдокс, мы не знали о Мошке-Гамма.

— Как я уже говорила, — ответила мошкита, на этот раз не спеша, — эта газообразная планета, имеющая массу в три раза больше Мошки-1. Расстояние от нее до Мошки-2 в два раза больше, чем до Мошки-1. Кстати, она меньше Мошки-2, тоже газового гиганта. Даже намного меньше. Вокруг нее обращаются два спутника и всякие крупные глыбы, но за миллионы лет рудниковых работ их сырьевые запасы полностью исчерпались. Я пошлю тебе данные об ее массе... — Внезапно изображение *с треском* потемнело.

— Что случилось, Бакман? — обеспокоенно спросил Реннер.

— Связь прервалась. Возможно, она не хочет отвечать, — ответил астрофизик.

— Нет, ее атаковали, — проговорил лейтенант Блейн, показывая на огромное количество звезд. Они постоянно вспыхивали зловещим светом. — Это — отличная мишень. Враг находится позади нас на расстоянии в четверть астрономической единицы [2]. «Синдбад» не сможет дать ответный залп, капитан.

— Разумеется, с такого-то расстояния... Нам нужен сверхмощный сигнальный лазер... — Он поглядел на Бери: может, у того есть

---

[1] Потлач — ритуальное празднество с подношением даров.

[2] Астрономическая единица равна расстоянию Земли от Солнца, или 149,6 млн. км.

что-нибудь «в заначке»? — И еще нам нужен флингер, и тогда их можно сбить с любого расстояния.

Вдали замаячил свет. Он не становился ярче. По-видимому, обстрел вела целая группа вражеских кораблей... а если лучи их лазеров свободно сойдутся на находящемся вдалеке «Фидиппидесе», тогда флот Медины больше не будет представлять никакого интереса.

Дрейфующая звездочка «Фидиппидеса» устремилась в сторону и зашла за «Антропос». В эти минуты «Антропос» становился сперва темно-красным, затем — вишневым, в то время, как «Фидиппидес» охлаждался.

— Вызывает «Фидиппидес», — проговорил Бакман.

— Хорошо. Евдокс, как ты там?

— Температура падает. Ваш военный корабль может справиться с таким мощным потоком энергии?

— Конечно. Масса «Антропоса» намного больше твоей, и более мощные аккумуляторы... короче, враг просто выйдет из боя. Но черт подери, разве у вас не остались какие-то военные силы на комете, а?

Евдокс пожала плечами и сказала:

— На комете! Как только появились вы, мы покинули коменту. А что нам там делать, когда нас защищает Сестра Безумного Эдди? Пусть Ханство ими и занимается! Раз уж одна отколовшаяся группа, раньше виртуально относившаяся к Ханству, уничтожила наш основной флот и теперь будет удерживать Сестру. Назовем их пока Крымскими Татарами. Для нас они совершенно новые. Крымские Татары удерживают новую прыжковую точку к красному карлику, и есть основание полагать, что они прекрасно понимают, что у них в руках. Их будет очень трудно выбить с позиции.

Лицо Блейна излучало страдание.

— Если они будут там, когда туда прибудет Гленда Руфь, мы пожалеем об этом, — печально произнес Реннер.

— Я свяжусь с мединскими Воинами. После чего я умываю руки. Дай-ка мне минутку.

Изображение снова погасло. Кевин Реннер выключил монитор и повернулся к своим.

— Гораций? Ну скажите же что-нибудь, а? Я даже не задаю никаких умных вопросов. Знаете, все это весьма неутешительно.

— Кевин, у меня самого тысяча вопросов, и ни одного неотложного. Обрати внимание на имена, подобранные для разных групп. Все — из классической истории, и все это так или иначе повлияло на арабскую цивилизацию, а такая группа, как Ханство, повлияла на нее просто разрушительно. М-да... умно придумано.

— Евдокс прекрасно понимает важность «Гекаты», — сказал Хрис Блейн. — И хочется напомнить: Посредники не воюют. Я не вполне понимаю, что они будут делать теперь, когда их флот потре-

пали. Вышлют группу послов, возможно, в ее составе будет кто-то, так же хорошо обученный, как Евдокс... гм...

— Что?

— Мне кажется вполне вероятным, что Татары захватят «Гекату», — ответил Блейн.

— Вам бы лучше даже не заикаться об этом, — сказала Джойс.

Блейн повел плечами.

— Джойс, это именно та проблема, на которой надо сосредоточиться. И это не похороны, черт возьми! Пока.

— Мы определенно ничего не сможем сделать, — сказал Реннер. — Мы уходим от Сестры при высоком ускорении, а у наших друзей не осталось ни одного корабля. Так в чем же дело?

Блейн снова повел плечами.

— В том, что Татары захватят «Гекату». Медина пришлет Посредников, один из которых, возможно, умеет изъясняться на «англике». Может быть, нам удастся передать Гленде Руфь послание. По крайней мере сказать «да». Капитан, предположим, что Татары не дадут друзьям Евдокс осведомить Гленду Руфь... Пусть Евдокс проинструктирует их говорящего на «англике» Посредника применить выражение «Трахать мою ящерицу!» Либо Гленда Руфь поймет Посредника, поскольку это выражение у нее на слуху, либо попросит объясниться.

— Что это еще за белиберда? — произнес Реннер.

— Дело в том, что это из недавнего сленга, и прежние поколения им не пользовались.

— Ах вот оно что, — промолвил Бери. — Мисс Блейн известно, что мошкиты не могли выучиться этому выражению по записям времен экспедиции «Ленина», следовательно, это послание от нас. Что ж, весьма проницательно с вашей стороны, лейтенант. Мои поздравления.

— Благодарю вас, — отозвался Блейн.

— Что еще? — спросил Реннер. — Как мы можем использовать Червя Безумного Эдди?

— Что это? — удивилась Джойс.

— Потом объясню, — ответил Хрис. — Не знаю, капитан. Гленда Руфь, возможно, что-то придумает. Она лучше меня разбирается в мошкитах, и она его *видела*.

— Аллах милосерден, — промолвил магнат. — Но Он ожидает от нас, что мы мудро воспользуемся его дарами. Лейтенант, откуда Евдокс известно о будущем протозвезды? Я убежден, что моя финч'клик' не знала об этом.

— В тот момент, когда вы знали ее, — да, — заметил Блейн. — Но позднее...

— Может быть, и так, — перебил его Бери. — Вероятно, даже еще позднее. Вероятно, до тех пор, пока не воспользовалась услуга-

ми Византии. Мне бы очень не хотелось говорить вам о всех сложностях, ожидающих нас здесь.

— Ага, вам наверняка нравятся сложности, — заметил Реннер.

* * *

Главная база торговой группы Медины располагалась в миллиарде километров от света и тепла Мошки и в десяти градусах от плоскости орбиты ее системы. Внутренний край холода и пустоты, лежащих за пределами самых отдаленных планет: внутренний край кометного облака. Мастеру Медины удавалось удерживать такую территорию благодаря тому, что она практически ничего не стоила. Однако Торговая группа Медины нуждалась в базе, расположенной как можно ближе к тому месту, где сформируется Сестра.

Но объекты, расположенные ближе к Мошке, двигаются по более быстрым орбитам.

За тридцать лет, прошедших с тех пор, как корабли Империи появились в системе Мошки, Мединская группа объявила шесть комет своими временными базами.

Для этого требовалось построить оборонительные сооружения и проделать ряд операций, связанных с разработкой рудников и шахт. Герметические купола стали повсюду превращаться в дома. Готовая продукция поступала с Главной базы Медины: еда, металлы, приборы для выработки водорода, генераторы энергетических защитных щитов в обмен на сфероиды очищенного водородного льда. Определенная доля поставок Византии в Медину направлялась на Внутреннюю Базу, и это включало передачу энергии в виде коллимированных (направленных по прямой линии) солнечных лучей. База становится домом для Часовщиков и Инженеров, многих кораблей, нескольких Воинов, огромного количества Мастеров и, как обычно, — по крайней мере для двух Посредников. Хорошо, если бы их было там побольше.

Ранее база дрейфовала очень далеко от еще неродившейся Сестры Безумного Эдди и не приносила почти никакой пользы, поскольку шахты на комете не давали почти ничего. Медине пришлось задействовать еще одну комету.

Десять лет назад Ист-Индская компания выиграла битву за прыжковую точку Безумного Эдди. Мастера Медины вынудили стать их партнером... но едва ли на равных условиях. Ист-Индская компания использовала свои собственные могучие возможности, чтобы исследовать точку Безумного Эдди и одновременно наблюдать за Сестрой, но при этом та находилась совсем не в том месте, где они думали. Однако они потребовали создания представительств на Внутренней Базе Пять и позднее — на Внутренней Базе Шесть. Эти нежеланные представительства были основаны на

средства Медины. Таким образом, семья оказалась в окружении шпионов.

И Внутренняя База Шесть стала мирным индустриальным сектором с дополнительным намерением: возможным контактом с Империей через Сестру Безумного Эдди. Дюжины космических кораблей всегда находились рядом. Совершенно безвредные транспортные и шахтные корабли, невооруженные и с большими просторными отсеками. Сестра могла появиться в любое время, и тогда этим кораблям придется доставить Посредников на встречу с Империей Человека. Мастер Базы Шесть все время держал Посредников наготове; точно так же поступало и представительство Ист-Индской компании.

Однако все возможные планы строились исходя из того, что Ист-Индской компании ничего не было известно об этом.

Глава 6. Неприятель сдает позиции

> Власть заключается в способности человека связать свою волю с целями остальных, а потом вести их за собой при помощи здравого смысла и таланта к сотрудничеству.
>
> *Вудро Вильсон*

Появилось огромное темное пятно. Должно быть, «Агамемнон». Он находился в двадцати кликах и очень медленно дрейфовал, приближаясь к ним. Рядом с ним продвигалась группа из трех кораблей. Фредди увеличил изображение.

— Чужаки, — проговорил он.

— Мошкиты, — сказала Дженнифер Банда. Ее красный рот широко улыбался, и ослепительно белые зубы на темном лице освещались только светом звезд, проникающим через иллюминатор. — Гленда Руфь, они похожи на корабли, которые видел ваш отец. По крайней мере, один из них. А другие...

Этот — похожий — имел очень странный вид. Большая его часть напоминала сферической формы резервуар. Впереди выступал маленький очень сложной конструкции контейнер (кабина?), ощетинившийся сенсорами; он смотрелся так, словно мог в любой момент отделиться от корабля. Корпус напоминал тороид, сильно смахивающий на жирный пончик, а основа — длинное, длинное жало — магнитный проводник всепожирающего термоядерного пламени.

Второй корабль имел похожий сферический резервуар и кабину поменьше, чем у первого, а вдобавок довольно длинную трубу, предназначенную скорее всего для хранения грузов. Третий полностью являл собой тор и выглядел так, точно его скрутило от сильной

гравитации. К нему присоединялся круглодонный конус... посадочный модуль?

— Какие они все разные, — задумчиво проговорила Гленда Руфь.

— Неужели Космофлот разрешит нам поговорить с ними? — спросила Дженнифер.

— А почему бы и нет? — отозвался Фредди.

— «ГЕКАТА», ЭТО «АГАМЕМНОН». КОНЕЦ СВЯЗИ.

— Говорит Фредерик Таунсенд. Концентрирую коммуникационный луч. Включаюсь. Конец связи.

— Включаюсь. Я — коммандер Грегори Баласинхэм, мистер Таунсенд.

— Я так понимаю, что мошкиты вырвались, — произнес Фредди.

— Я бы так не сказал. Появился новый маршрут Олдерсона, ведущий из этой системы к Мошке, однако корабли мошкитов здесь не проходили.

— Вы же понимаете, что это только пока, — заметила Гленда Руфь.

— Мэм?

— Я увидела три корабля совершенно разной формы, — пояснила Гленда Руфь. — Это четко говорит о том, что вы не можете предсказать, что будет прислано в следующий раз, коммандер. Например, легкий боевой корабль с командой, погруженной в анабиоз. Или еще что-нибудь. Все, что угодно. И, разумеется, вы не увидели *все* корабли, которые недавно прошли.

Баласинхэм долго не отвечал.

— Мисс Блейн, у нас для вас записанное послание.

— Благодарю вас.

— Приготовьтесь к записи.

— Готов, — ответил Фредди. — Получено. Спасибо.

— Коммандер, я могу поговорить с мошкитами? — спросила Гленда Руфь.

Снова длительная пауза.

— Да, но мне бы хотелось слышать ваш разговор.

— Очень хорошо, — сказала Гленда Руфь. — Возможно, вы услышите что-то, чего не услышу я. Между прочим, у нас очень мало времени.

— Я свяжусь с вами после того, как вы прочитаете ваше послание.

— Благодарю вас. Мы свяжемся с вами, — ответил Фредди. — Дайте нам полчаса. Кстати, который час?

— Семнадцать пятьдесят две по местному времени.

— Спасибо, мы сверим часы и поставим время по вашим, — сказал Фредди. На часах «Гекаты» было 14:30. С тех пор как покинули Спарту, они летели, придерживаясь двадцатичетырехчасового дня. — Коммандер, не угодно ли вам или вашим офицерам поужинать вместе с нами?

— Спасибо, мистер Таунсенд, но все подняты по тревоге. Поскольку всем нам известно, что флотилия боевых судов мошкитов устремляется прямо к нам.

— О, понимаю. Еще раз спасибо. Итак, через полчаса.

— Гм, маловероятно, — проговорила девушка. — Хрис говорит, что мошкиты прорвались. У них семь невооруженных кораблей. И один... ба!

— Ба?

— Один из них захотел увидеться с Горацием Бери. Это первое, о чем они заговорили.

Фредди хихикнул. Затем рассмеялся.

— Ничего себе! Гленда Руфь, я слышал твои рассказы, а Дженнифер все пытается убедить людей, насколько мошкиты умны и проницательны...

— Действительно, это было единственным, чем я занималась, — подтвердила Дженнифер. — А теперь я думаю только об этом. Послушайте, если они никого не ожидали здесь, но рассчитывали оказаться на территории Империи, и... что? Кто может обрадоваться их появлению? Торговцы! А Бери — единственный торговец, которого они знают.

— Все это замечательно, но мне хотелось бы увидеть его лицо, когда они просили его о встрече, — сказал Фредди. — Что у нас еще?

Гленда Руфь поколебалась, затем проговорила:

— Дженнифер, этого не может быть. Мне это очевидно. Они не запрашивали «Империал Автонетикс». Они просили о встрече с самым старым человеком, участвовавшим в экспедиции, имевшей место двадцать семь лет назад. А это — целая жизнь мошкита!

— Столько живет Посредник.

— Ну и что? Ты подумала о том, о ком они *не* спросили при встрече? О твоем папе. О маме. Об отце Харди. Адмирале Кутузове! О людях, которые могли бы их уничтожить или спасти от кого-нибудь еще. Ах, черт, у меня нет ответа. Хрис хочет, чтобы мы подумали об этом.

Дженнифер кивнула.

— М-да, головоломка. Э!.. Человеческие финч'клик' могли сойти с ума!

— Брось! А финч'клик' *Горация Бери* — единственный, кто остался здоров? Я просто... Давайте-ка все как следует пораскинем мозгами, о'кей?

— Хорошо. Итак, послание?

— Не то. Кевин Реннер возглавляет эту экспедицию. Я всегда думала...

— Да?

— Дайте договорить. Меня вовсе не удивило, что экспедицию возглавляет именно он. Реннер приказал Баласинхэму разрешить

нам пройти в систему Мошки, разве только у того не будет веской причины этого не допустить. Фредди, он не захочет нас пропускать.

— Посмотрим, — сказал Фредди. — Но я не могу с ним сражаться.

— Тогда давайте удерем, — предложила Дженнифер. — Баласинхэм должен остаться, чтобы сторожить мошкитов, и он не станет в нас стрелять.

— Не говори глупостей, — сказал Фредди. — У нас тут повернуться негде от груза, так что шлюпки с крейсера поймают нас даже если дадут нам хорошую фору. Гленда Руфь, ты уверена, что нам нужно идти к Мошке?

— *Я* уверена, — решительно проговорила Дженнифер.

— Мы нужны Хрису. Фредди, что нам делать, если придется вести с ними переговоры? Червь Безумного Эдди может существенно все изменить.

— А не оставить ли здесь установку для размножения?

— Бессмысленно, — ответила Гленда Руфь. — Пока корабль доберется до Каледа, пройдет слишком много времени. Все черви созданы в Институте моих родителей. А тем временем Бери с Реннером быстро смогут разыграть все козыри на переговорах и получить преимущество.

Фредди задумался над ее словами.

— Хорошо. Послушай, а нам очень надо спешить?

— Чем быстрее мы доберемся, тем лучше. А что?

— Тогда мы просто тратим время впустую. — Фредди нажал кнопку интеркома. — Какуми, настало время облегчить корабль. Отстегни дифферент для гонок. Оставь только все необходимое. Избавься от части корабельных запасов.

Дженнифер заметила, как он поморщился.

— В чем дело? — спросила она.

— Джордж. На это он добровольно не пойдет. Я оставлю его с людьми из Космофлота, если они разрешат. Надеюсь, что хоть один из нас умеет готовить!

* * *

На «Гекате» царил несусветный беспорядок. Фредди с Терри Какуми разбирали перегородки, приводили в порядок снаряжение, причем без какой-либо помощи со стороны Гленды Руфь и Дженнифер. Гленда Руфь наблюдала, как Фредди присоединяет к пенопластовой перегородке специальную кишку, чтобы высосать весь воздух за один раз. Послышался громкий звук, напоминающий *чвак*. Затем Фредди свернул кишку и, перенеся ее в капитанскую каюту, очистил при помощи нее спальню от множества лишних предметов. Какуми ходил с кишкой, присобачил ее к кровати, и снова — *чмок*.

«Пусть катится все в Аид, — думала девушка. — Пойду приму душ, пока он еще работает».

Ее переполняли эмоции. В ИВКФ не возражали, чтобы Гленда Руфь переговорила с мошкитами, однако мошкиты оттягивали время с ответом на приглашение. Почему? Посредники мошкитов всегда стремились к переговорам; их решение должно прийти от Мастера, мошкита по имени Марко Поло.

Исследователь и посол. В первой экспедиции на Мошку принимали участие два военных корабля, «Макартур» и «Ленин», причем «Ленину» категорически запретили вести переговоры с мошкитами, а «Макартур» был строго ограничен в количестве информации, с которой отправился на переговоры. От капеллана отца Харди мошкиты получили несколько книг об истории человечества, но ни в одной из них не упоминалось о недавних событиях, например, об изобретении Движителя Олдерсона. Таким образом, мошкиты получили весьма скудные сведения о человеческой культуре и небольшой список имен.

И они выбрали имя для Мастера: Марко Поло. Сэр Уолтер Рэйли стал у них главным Посредником. Довольно интересный выбор имен...

Гленда Руфь услышала голос Дженнифер, когда выбиралась из душа.

— Да, Генри Хадсон? [1] Да, конечно... Нет, я не могу обещать это, мистер Хадсон, но могу дать вам поговорить с моим начальником. — При этом Дженнифер отчаянно жестикулировала, описывая рукою огромные круги.

Гленда Руфь быстро проскользнула в сушилку и вскоре предстала прямо перед Дженнифер.

Генри Хадсон оказался молодым Посредником, покрытым бело-коричневой шерстью. Эта особь вовсе не соответствовала рассказам Гленды Руфь о Джоке и Чарли. Вероятно, он отличался метками своей семьи. Это создание казалось одновременно необычным и знакомым. Ему было не больше двенадцати мошкитских лет, но мошкиты взрослели намного быстрее людей.

А Посредники, находящиеся на борту второго корабля, наверняка наблюдают за всем происходящим. Гленда Руфь испытывала сценический шок... не говоря уже о том, что могла чувствовать Дженнифер.

— Добрый день, мисс посол, — поздоровалась мошкита. На Гленду пристально смотрели похожие на мужские карие глаза с переливающейся радужной оболочкой. — Дженнифер сказала мне, что вы — Гленда Руфь Блейн, а официально к вам обращаются досто-

---

[1] Генри Хадсон (ум. 1611?) — английский мореплаватель и исследователь.

почтенная мисс Блейн. А я — Генри Хадсон, и говорю за моего Мастера Марко Поло. Могу я узнать характер и степень вашей политической власти?

Гленда Руфь ощутила легкое недовольство и еле заметно пожала плечами.

— Я веду переговоры только благодаря связям моей семьи, а официально я не являюсь послом. Мы очень спешили, чтобы добраться сюда. Однако я уполномочена на некоторые политические решения только потому, что я нахожусь здесь, а другие — нет. К тому же моя семья... — Она резко замолчала. Ей казалась, что она разговаривает с кальмаром: это создание могло неверно истолковать ее слова.

Она слабо осознавала, что за ее спиной стоит Дженнифер и очень быстро говорит в микрофон. На втором экране виднелась фигура гардемарина, рядом с ним стояли офицер и сам Баласинхэм. *Что ж, превосходно!* Он не рискнет вмешаться.

Выслушав ее, мошкита проговорила:

— Невзирая ни на что, я очень рада побеседовать с вами. — У мошкиты явно был превосходный учебник по «англику». А ее руки... — Ваши предки посетили нас еще до моего рождения! И среди них был ваш отец?

— Отец и мать.

— А! И как повлияло на них это путешествие?

Руки, плечи и голова мошкиты быстро двигались, создавая полную иллюзию того, что они сломаны, и вдруг Гленда Руфь с ужасом осознала, что и ее руки, плечи и пальцы тоже двигаются, что она разговаривает на языке тела, и делает это бессознательно, на языке тела, которому она обучилась у Чарли и Джока. И внезапно она все поняла.

— Вы не финч'клик' человека!

— Нет, миледи, — ответила мошкита, совершая руками совершенно незнакомое девушке движение. — Я выучила ваш язык и некоторые ваши обычаи. Мне известно, что у вас нет опыта нашего воспроизводительного цикла и что ваши властные структуры отличаются от наших, но меня не приписывали для обучения ни к одному человеку.

— Пока нет.

— Как скажете. Но пока мы еще не встречались с теми, кто отдает приказы в вашей Империи. — Мошкита немного помолчала, затем продолжила: — Вы не разговариваете с Мастерами. Мне говорили, что я встречусь... с человеческими существами... которые не Посредник или Мастер, но я хочу признаться, что этот опыт — намного необычнее, чем я думала.

— Вы говорите от имени?..

— От имени Мединских Торговцев и определенных союзнических семей. Моя сестра Евдокс отправилась обратно на Мошку с вашими кораблями.

Гленда Руфь усмехнулась.

— Евдокс. Торговцы из Медины. Конечно же, это все с расчетом на мистера Бери.

— Совершенно верно. Все это ему знакомо.

— Но это название подразумевает, что вы не разговариваете от имени всех обитателей Мошки. Кто это — Мединские Торговцы? Кто собирается вести с нами переговоры?

— Мы представляем собой семью, дальновидную и обладающую правом находиться здесь после того, как Сестра Безумного Эдди открыла маршрут. Вне всякого сомнения, вам известно, что никто не может говорить от имени всех мошкитов. Это проблема, не так ли? И Империи это не нравится. — Несколько секунд Генри Хадсон внимательно изучал девушку. Поза не выражала ничего. — Вам известны обычаи мошкитов, точнее, одной из групп, но мне эта группа совершенно незнакома. — Он помолчал. — Мне надо посоветоваться с Послом. Извините. — Экран погас.

— Что случилось? — спросил Фредди.

— Не знаю. Капитан Баласинхэм, вы разговаривали с этими мошкитами?

— Всего лишь формально, миледи, — ответил капитан «Агамемнона» с экрана. — Мы инструктировали их установить здесь станцию. Они попросили о том, чтобы им позволили говорить с нашим руководством, и мы ответили им, что это произойдет в должное время. Больше ничего. Происходит что-то очень странное, не так ли?

— Да.

— Зачем ему понадобилось идти к своему начальству?

— Он не представляет Короля Петра. Или кого-нибудь, кто знаком с этой семьей.

— Короля Петра? — быстро спросил Баласинхэм.

— Король Петр отправлял своих мошкитов на переговоры с «Макартуром» и «Лениным». Именно он послал к нам нашу первую группу послов от мошкитов, тех, с которыми я воспитывалась. А эти мошкиты не представляют Короля Петра или какую-либо крупную мошкитскую семью. Он даже не знает... гм... определенных сигналов, языка тела, которым меня обучили Чарли и Джок. — При этих словах Гленды Руфь ее руки, туловище и плечи извивались в сложных, запутанных движениях, что означало: «Ирония, нервы, гнев под контролем, а задаешь слишком много вопросов, когда тебе надо поверить моим словам и полностью мне доверять». — Это универсальный и очень простой набор жестов, которым способен научиться даже человек.

Дженнифер Банда затаила дыхание. Ее глаза расширились, а взгляд был мутным, пока она старалась запомнить все, что показала ей Гленда Руфь.

— Боюсь, мне это ничего не говорит, миледи, — строго заметил Баласинхэм.

— Эта мошкита представляет группу, которая долгое время не вступала в контакт с группой Короля Петра, — пояснила Гленда Руфь. — Циклы. Прошло несколько циклов.

Когда Баласинхэм сдвинул брови в полном замешательстве, Дженнифер добавила:

— Но организация Короля Петра была очень могущественной. Она распространялась по всей планете.

— Да, действительно, это так. Им пришлось это сделать, — сказала Гленда Руфь.

— Поэтому любая группа, длительное время не вступавшая с ними в контакт... — Дженнифер почувствовала, что ей пора замолчать.

— Я по-прежнему не понимаю этого, но полагаю, что я вовсе не обязан это делать. Итак, о чем же они советуются? — требовательным тоном осведомился Баласинхэм.

— Я надеюсь, — ответила Гленда Руфь. — Надеюсь, что она просит у посла разрешения рассказать мне правду.

— Мне поручили пригласить вас в систему Мошки, — сказал Генри Хадсон. — Еще мне рекомендовали предложить вам любую помощь в этом путешествии, а потом уже завершить нашу беседу. Сожалею, что это необходимо.

— Надеюсь, что вы расскажете нам намного больше.

— Мы... мы все объясним, но только тем, кто уполномочен соответствующей властью, чтобы принимать решения. Видите ли, миледи, когда мы разговариваем с вами, мы рассказываем вам больше, чем нас учили, и все-таки, если мы убедим вас нам помочь, нам придется также убеждать и других.

— Поэтому вы так упорно скрываете вашу историю, — сказала Гленда Руфь.

— Вы имеете в виду подробности, которые могли бы помочь вашей позиции ведения переговоров? Да, вы правы. Но мы не скрываем главного. Вам ведь совершенно ясно, что мы способны воевать. Вы делаете выводы о наших возможностях исходя из образцов, которые мы вам послали, — сказал Генри Хадсон. — А вы в свою очередь утаиваете вашу недавнюю историю, ваш военный потенциал и ваши стратегии, какие они есть на самом деле. Весьма сомнительно, что вы раскроете их в подходящее время. Как и мы — наши. Миледи, мне очень приятно беседовать с вами, и я надеюсь, что мы встретимся с вами еще, после того как нам разрешат побеседовать с теми, кому вы повинуетесь. Буду рад получить от вас любое записанное послание, которое вы так любезно позаботитесь послать. До свидания.

* * *

Коммандер Баласинхэм сидел, крепко сжав губы, отчего его рот превратился в тонкую полоску.

— Энди, все это мне очень не нравится.

Антон Рудаков, навигатор «Агамемнона» согласно кивнул.

Баласинхэм вновь включил микрофон.

— Мистер Таунсенд, я еще не определил, следует ли мне разрешить вам продолжать полет с гораздо меньшим снаряжением и без соответствующего количества персонала.

— О, все в порядке, мошкиты предложили позаботиться о моем снаряжении, если у вас нет места, — ответил Фредди.

— Да, я уже это слышал.

— Мне бы хотелось, чтобы Джордж остался у вас: он старшина в отставке, и он вам не помешает. Кстати, он отличный кок, — благоразумно добавил достопочтенный Фредди Таунсенд.

Баласинхэм вздохнул.

— Мистер Таунсенд, вам нужно держаться подальше от системы Мошки. Ваш корабль не вооружен. А мы сражались с кораблями мошкитов еще до вашего рождения!

— Видите ли, мы приглашены, — отозвался Фредди. — Мошкитами Евдокс и Генри Хадсон. У нас есть опознавательные знаки, и они оба заверили нас, что в нас не станут стрелять.

— Это они так говорят. А вы направляетесь в совершенно неведомые зоны. Они даже не нанесены на карту. Если вы не вернетесь, Блейны снимут с меня голову, даже если этого не сделают ваши родители. Вы отдаете себе отчет, чем может закончиться ваша затея?

В стороне от камеры заговорил голос Гленды Руфь, и Фредди заметил, как она слегка подмигнула ему.

— Коммодор Реннер считает это очень важным. Мистер Бери счел, что очень важно послать один из своих кораблей на рандеву с нами, чтобы наполнить наши баки топливом. Повторяю, это очень важно, коммандер.

— Ладно, раз они считают это хорошей мыслью, то, допустим, я дам вам разрешение, однако, мэм, это очень опасная зона!

— «Геката» быстрее, чем можно подумать, — сказал Фредди. — Тем более теперь, когда мы избавились от всякой ненужной роскоши.

— И вы потеряетесь... — произнес Баласинхэм и отключил микрофон, заметив, что ему машет рукой навигатор. — Что, Энди?

— Капитан, — обратился к нему Антон Рудаков, — что бы с ними ни случилось, маловероятно, что они потеряются. Я прекрасно понимаю, что вы не настигнете гоночную яхту, но все равно вы должны услышать Фредди Таунсенда.

— Фредди Таун... Ах вот оно что! Он что-то придумал, не так ли?

— Можно сказать, придумал заново... На гонках у Чертовых Ворот он воспользовался помощью гравитации звезды, а затем развернул парус. Теперь все называют их спинакерами [1], но Фредерик Таунсенд был первым.

— А вы уверены, что это был он? Таунсенд выглядит совсем ребенком.

— Он начал участвовать в командных гонках на корабле своего кузена, когда ему было двенадцать, — ответил Рудаков. — А собственноручно управлять кораблем — в семнадцать лет. За прошедшие восемь лет он побеждал в гонках уйму раз, капитан. Хотя у Чертовых Ворот он потерялся. Свечение звезды оказалась слишком ярким, и его парус разодрало на клочья.

Баласинхэм снова врубил микрофон.

— Моя команда считает, что я должен знать, кто вы, мистер Таунсенд. И мне следовало бы спросить у вас о гонках у Чертовых Ворот.

— Ах это! Я проиграл эту гонку, — спокойно ответил Фредди.

— Предлагаю послать вместе с вами одного из моих офицеров. Что скажете?

— Спасибо — нет.

— А если вам придется вступить в бой?

Изображение на экране изменилось. Баласинхэм увидел очень серьезную юную леди, выглядевшую на этот раз на удивление взрослой.

— Коммандер, — сказала Гленда Руфь. — Мы благодарны вам за такое беспокойство о нас. Но мы не нуждаемся в помощи! Корабль Фредди будет только быстрее без лишних людей. У нас отличный инженер, а если нам придется сражаться или мы потеряемся, то неважно, сколько будет на борту ваших людей — один или полсотни.

— Мисс Блейн...

— Вы слышали о Воинах? — продолжала девушка. — Мошкиты вывели специальный подвид, предназначенный только для войны. Пока еще никто не видел их в плоти и крови. В наших записях есть только их статуэтки. Наш посол с Мошки попытался представить их нам как каких-то мифических демонов, и немудрено, поскольку они очень на них смахивают...

Повествование Гленды Руфь стало богатым и цветистым, когда она стала вдаваться в подробности. Фредди даже почувствовал, что сильно вспотел. Если принять во внимание то, что она знала, почему она так жадно стремится встретиться с подобными созданиями? Но Гленда Руфь никогда не избегала риска.

---

[1] Спинакер — добавочный треугольный парус на спортивных парусных судах.

— Совершенно верно, — подметил Баласинхэм, на этот раз очень спокойно. — Это очень опасно.

— Если на нас нападут, мы сдадимся, — сообщила она ему. — И поговорим.

— Почему вы считаете, что они станут вас слушать?

— У нас есть кое-что, в чем они нуждаются. Нам надо передать это коммодору Реннеру, так, чтобы у него имелось то, с чем в руках он мог бы вести переговоры.

— Что это, мисс Блейн?

— Боюсь, что этот секрет мне не принадлежит, коммандер. Его передал мне отец. Полагаю, через несколько недель вы обо всем узнаете. Проблема заключается в том, как сделать, чтобы за эти несколько недель почти ничего не случилось. Коммандер, вам придется рисковать вашим кораблем, вашей командой — ради всей Империи, чтобы не дать мошкитам пройти мимо вас.

— И не то, чтобы у меня не было выбора...

— И мы восхищаемся вами за это. Однако всем нам известно, что это может не сработать. Коммодор Реннер и его превосходительство пытаются заполучить нас, потому что им нужна наша помощь. Коммандер, кое-кто из аристократов, возможно, поступился бы своими привилегиями, но только не Блейны!

Затем, более спокойным и рассудительным тоном, в котором не чувствовалось даже намека на непослушание, Гленда Руфь сказала:

— У нас быстрый корабль. Фредди — превосходный пилот, его компьютер куда лучше ваших, и у нас первоклассный инженер, а я умею разговаривать с мошкитами лучше всех, не исключая моего брата. Мы искренне благодарим вас за заботу. Вперед, Фредди. Благодарю вас, коммандер.

И экран мгновенно погас.

— Она не осмелится, — пробормотал Баласинхэм.

На экране появилось изображение достопочтенного Фредерика Таунсенда.

— «Геката» просит разрешения причалить для заправки, — официальным тоном произнес молодой человек.

Баласинхэм услышал, как Рудаков хихикнул. Никакого взаимопонимания, черт возьми! Баласинхэм повернулся к экрану.

— Разрешаю причалить. Лишний багаж вы можете передать старшему офицеру Гальперину.

— Очень хорошо. Кстати, если на борту «Агамемнона» найдутся шоколад и апельсины, то они нам очень нужны.

Баласинхэм искренне удивился.

— Поищу, — пообещал он. — Удачи вам, «Геката».

— Благодарю вас.

* * *

— Точка I прямо впереди нас, — сказал Фредди. — Прыжок состоится через десять минут. Терри, следи за точкой Олдерсона. Леди, как следует пристегнитесь.

«Геката» напоминала пустую скорлупу. По всему помещению главного салона крест-накрест проходили немурлоновые сетки. Сложную конструкцию душа убрали. Из приспособлений для готовки пищи осталась только печка. Без перегородок, которые тоже убрали, огромный резервуар с водой казался особенно выпуклым.

Гленда Руфь с Дженнифер прикрепили к середине сетки привязные ремни, за которые пока и держались. Затем девушки как следует пристегнулись. Фредди быстро стучал по клавишам, печатая инструкции для корабля, а тем временем Терри Какуми переходил от системы к системе, вручную отключая каждый прибор, чтобы избежать его непредвиденного срабатывания после прыжка.

— Мы не столкнемся ни с какими проблемами, — проговорила Гленда Руфь. — Генри Хадсон сообщил, что Медина контролирует весь сектор вокруг прыжковой точки... Сестра Безумного Эдди. У меня есть опознавательный сигнал.

— По-моему, вы говорите все это не совсем уверенно, — заметила Дженнифер. — Почему?

— Нет посланий, — ответила Гленда Руфь. — Ни от Реннера, ни от моего брата, ни от Бери... Они обязательно попытались бы связаться с нами, а если бы им это не удалось, могли бы приказать передать их слова Раулингзу, капитану «Антропоса». Фредди, разве на «Антропосе» нет спасательной шлюпки, которая смогла бы это сделать?

— Есть. Там есть гичка и катер, и на обоих установлены Поле и Движитель.

— А что с топливом? — поинтересовалась Дженнифер.

— Его вполне достаточно, чтобы быстро проскочить через точку и выпулить послание, — ответил Фредди. — Мне совершенно ясно, что они *не смогли* это сделать. По-видимому, кто-то мешает им.

— А это означает, что мы готовимся к прыжку... куда? — проговорила Дженнифер. — Может быть, они сперва начнут стрелять! Как это делаем мы на Блокаде!

— Маловероятно, — сказал Фредди, отворачиваясь к приборной доске.

— Он прав, — проговорила Гленда Руфь. — Лучше послушайте. Они выслали невооруженный посольский флот. Что они смогут выиграть, заманивая в систему Мошки корабли и уничтожая их? По-моему, это бессмысленно.

— Ведь нам известно, что мошкиты не делают ничего непродуманного, — шутливым тоном промолвила Дженнифер. — Разве не так?

Гленда Руфь намек поняла.

— Хотите домой? — спросила она язвительно.

— Хм!

— Тогда вперед, — произнес Фредди. — Мы войдем в этот сектор на скорости девять километров в секунду, относительно Мошки. Этого вполне достаточно чтобы при выходе иметь орбитальную скорость. И надо будет постараться ни во что не вляпаться по пути. С другой стороны, если мы идем на такой скорости, любой корабль без труда сумеет догнать нас. Все в порядке, Гленда Руфь?

— Да, — кивнула девушка.

Фредди не подал виду, что почувствовал слабые нотки неуверенности в ее голосе. И Фредерик Таунсенд решительно произнес:

— Тогда приготовиться! Мы проходим точку!

* * *

Сестра Безумного Эдди находилась позади «Синдбада» в сотнях часов полета и на расстоянии более миллиона километров. Почти все спали. Только Бакман находился на вахте, а Джойс Трухильо проснулась намного раньше, чем ей хотелось. Поэтому она увидела все первой.

На дисплее, перед которым сидел астрофизик замигали индикаторы. Дисплей увеличивал зрелище в несколько раз, и перед глазами Трухильо открылась феерическая картина мерцающих огоньков и разноцветных шаров, которые время от времени вспыхивали подобно гигантскому салюту.

— Джекоб? Это не...

— Да, активность на точке I, — сказал астрофизик. Он говорил еле слышно от усталости. — Пора делать передачу. До точки I шесть световых минут, а я не знаю, насколько далеко от нее корабль-ретранслятор. *Кевин! Капитан!*

Все столпились в салоне. Кевин Реннер пристально смотрел на мониторы, а Бакман быстро говорил:

— Конечно же, это идет бой. Похоже, только что появился какой-то третий флот.

— Попробуйте, если удастся, связать меня с Евдокс, — произнес Реннер.

— Я вижу корабль! — воскликнула Джойс.

— У него нет Поля. Значит, это не корабль ИВКФ, — сказал Блейн.

Корабль лавировал, следуя изменяющимися каждую секундой дугами. Корабли мошкитов меняли курс. Некоторые поливали остальных смертоносным огнем. Тех, кто находился ближе всего к «нарушителю»...

— Бомбы, — сказал Бакман.

Новоприбывший кружился, кувыркался и снова кружился...

— Это «Геката», — сообщил Блейн.

— Откуда вы знаете? — нервно спросила Джойс.

— Откуда? — усмехнулся Хрис. — Я могу отличить *имперскую гоночную яхту* от чего-либо другого, Джойс.

Журналистка замолчала. Тут заговорил Реннер:

— Я никак не могу им помочь. Хрис, может быть, нам следует передать им, что на ней сокровище? Возможно, это побудит их прекратить пальбу...

Блейн задумался над словами Реннера. Его губы двигались, когда он говорил сам с собой. Потом он произнес:

— Нет, сэр. Разрешите мне поговорить с Евдокс. Я скажу им, что вы спите. Наша позиция будет лучше, если им пока будет неизвестно о Черве. Мы должны дать Гленде Руфь довести дело до конца.

— Если она еще жива.

* * *

Мастер Базы Шесть Мустафа-паша, как ее назвали, когда прибыли люди, кормила грудью. С младенцем на правых руках, она испытывала жадное стремление к сексуальному партнеру, и это стремление возрастало в ней с каждой минутой. Поэтому Мастер была не в соответствующем для кризиса настроении. Чрезвычайные происшествия всегда случаются в неподходящее время.

Мастеру очень сильно повезло: ист-индские Мастера-торговцы не желали составить компанию Мустафе в такое время. Большинство из них сидели в своих домах и поместьях, когда прибыл сигнал от Ист-Индской компании. Они должны были услышать его одновременно с Мустафой: прыжковая точка Безумного Эдди переместилась.

Если это окажется ложной тревогой, то торговцы из Медины лишатся большей части свой власти над переговорным процессом. А Мустафа-паша — вероятно, умрет, ибо ее приговорят к смерти от руки убийцы.

Такова была судьба, и такова была жизнь. Мустафа начала отдавать приказы. Они нуждались только в уточнениях, поскольку разработаны были много десятилетий назад.

Первое: на величественный купол Ист-Индской компании были выпущены шмелеобразные ракеты. Четыре угодили в цель. Большинство ист-индских Мастеров находились в разломанном куполе, а вместе с ними и треть их Воинов, их постоянная охрана.

Уцелевшие ист-индские Воины отреагировали немедленно; но Воины Мустафы уже успели атаковать. Бомбы и лазерные лучи превратили в руины ледяной шар Базы Шесть и ее хрупкие постройки. Облака из ледяных кристаллов рассыпались по пространству; разноцветные вспышки лазерных лучей выжигали и растопляли их изнутри. После атаки камикадзе был напрочь разрушен один из сель-

скохозяйственных куполов. Ист-индские Воины сражались с врагами с неистовой отвагой, не щадя своих жизней. Но все было бесполезно. Несмотря на их мужество и самопожертвование, им придется погибнуть в бою всем до одного.

Погибли и многие представители других классов. У Мустафы-паши работало множество Инженеров и Докторов, а также Фермеров, специализирующихся на сельхозработах в космосе, по настоянию которых и были возведены сельскохозяйственные купола.

Оставшиеся в живых Мастера Ист-Индской компании были пока в безопасности, но врагов было слишком много, чтобы взять их в окружение. И до тех пор, пока не установятся новые условия, они останутся в заложниках.

В конце концов, Ист-Индия и Медина не смогут возражать против основных установлений нового порядка. Им придется делиться определенными ресурсами и предоставить могущественным чужакам доступ в самый отдаленный сектор Сестры; но все это было не более чем азартной игрой, ведущейся посредством лазеров, гамма-лучей и реактивных снарядов, различных военных технологий, крапленых карт и измены.

Глава 7. Лабиринт лжи

И это те, с которыми скрепил ты договор,
Они же всякий раз его внезапно нарушают
И не испытывают страха перед Богом.
И если ты в войне преодолеешь их,
То, (проявив к ним должную суровость за измену),
Ты от себя прогонишь тех,
Кто может следовать по их стопам (измены),
Чтоб помнили они (и сдерживали страсти).
И если ты предательства боишься от людей,
Отбрось все обязательства свои (по договору)
перед ними,
Чтоб с ними быть на равном основанье.
Господь, поистине, предателей не любит.

Коран, Добыча, 58-60

После прыжка Фредди всегда приходил в себя первым.

И Фредди, сидя во мраке, молился про себя, а его пальцы тряслись над контрольной доской. Форсированные реактивные двигатели «Гекаты», предназначенные для скоростных гонок, дергали яхту в разные стороны, подобно воздушному шару. Гленда Руфь то вздымалась, то опускалась на эластичной сетке, ее взгляд блуждал по салону. Она никак не могла сконцентрировать его. Дженнифер что-то

шептала себе под нос, стараясь свернуться в клубок. Терри даже не старался сопротивляться турбулентности, а просто дожидался того момента, когда его тело вновь начнет ему повиноваться.

— Фхеди, ты, дуак, — с трудом пробормотала Гленда Руфь, точно ее язык заменили языком чужака. Наконец, собравшись с силами, она вскричала: — *Фредди!* Успокойся и расскажи мне, что происходит!

— Рассказать... — их снова качнуло, на этот раз намного мягче. — Мы окружены. И находимся в самом пекле. Целая армада крохотных боевых судов сражается с другой армадой. И все это движется в сторону Угольного Мешка. Повсюду *взрываются* ядерные бомбы. Радиация ужасная! Поэтому я пытаюсь... установить корабль так, чтобы между нами и ними оказался резервуар с водой. Если мне удастся *прекратить это верчение, трахать мою ящерицу!* — жалобно простонал он, словно маленький ребенок.

— Это получится?

— Да. Главное — вода... резервуар с водой. Во-первых, он защитит яхту от перегрева. От радиации... А потом не даст нам сгореть дотла, когда мы нырнем во-он туда, совсем рядом со звездой. И у нас все получится, черт подери! О, видишь, *вспышку*, еще одна бомба, да будто ты сама не знаешь. Думаю, нам удастся не получить радиацию и от нее. — Он нажал на клавишу. — Черт! — Тогда он снова нажал на клавишу и зафиксировал ее. — Вот. Теперь он будет постоянно работать, а я задам ему анализ нашей задачи, прежде чем взять ее под контроль... Так-так... Пока нет. Еще минутка. Во всяком случае, когда мы будем проходить рядом со звездой, пользуясь ее притяжением, мне бы очень не хотелось, чтобы звездная радиация просачивалась через «Гекату», поэтому я подниму этот чертов резервуар так, чтобы он закрывал салон яхты, как щит. И охлаждал его. Конечно, помогут и сверхпроводники на корпусе яхты, так что я смогу охлаждать корпус, перегоняя энергию в резервуар с водой. Мне придется использовать воздушные тормоза в полную силу, иначе мы ужасно близко подойдем к звезде. Это надо сделать, чтобы она не поджарила нас, когда в резервуаре выкипит вода, и даже если мне удастся провентилировать пар... — Фредди откинулся назад. — Думаю, радиация не поджарит нас, а вон те корабли могут запросто это сделать, если ты не потолкуешь с ними. Теперь компьютер работает надежно. Что ты делаешь?

— Как я говорю?

— Ясно и отчетливо.

— Я попытаюсь переговорить с ними. Хотя мне так неохота двигаться. Ты можешь соединить меня с ними?

— Конечно... погоди минутку. Терри?.. Не отвечает. Он дольше меня приходит в себя. Так, хорошо, сейчас ты на частоте, которую нам сообщил Генри Хадсон.

Она медленно стала говорить, отчетливо выговаривая каждый слог, и всем своим тоном показывая, что она — почетный гость Мединских Торговцев. В ответ — тишина. Тогда Гленда Руфь заговорила снова.

— Судя по всему, тебя кто-то услышал, — заметил Фредди. — Видишь, вон там два корабля, они изменили курс. А другие их обстреливают... Бух!

— Что происходит?

Гленда Руфь не видела жутковатый зеленый свет, льющийся на лицо Фредди от экрана.

— Кто-то только что пытался нас вскипятить! Пока никаких серьезных повреждений нет, но я очень надеюсь, что они не попробуют повторить с нами этот фокус, черт подери! Ага — посмотри-ка. Да ты смотри на экран. Теперь видишь?

Лицо чужака. Коричнево-белый, Посредник. Он говорил совершенно незнакомые слова. Гленда Руфь ничего не могла понять. Лицо опять заговорило...

— Они снова в нас шарахнули! — громко сказал Фредди. — Не очень сильно, но это уже что-то!

— Надо сказать, что мы сдаемся, — проговорила девушка.

— Так скажи! Мы не сможем больше выдержать такие удары!

— Хорошо. Фредди, мы должны открыть переходные шлюзы. Причем оба.

Он совершил какие-то манипуляции с рычагами управления кораблем.

— Как? Дженнифер с Терри запечатали их, да и твой тоже, чтобы обеспечить целостность корабля.

— Тогда оставь в одном из них свет. И больше нигде. Только в одном!

— Как романтично!

В ее голове вертелось множество ответов, но она лишь сказала:

— Да.

* * *

— Скажите прямо, вам нужно, чтобы я схитрил и сделал что-то, что вызвало бы помехи, чтобы все решили, что у нас вышла из строя система связи.

— Только в системе передатчика, — ответил Бери. — Это элементарная вежливость, Кевин. Мне очень хочется наблюдать за мошкитами в то время, когда они полагают, что за ними не наблюдает никто. Сделай так, чтобы они решили, что у нас помехи, а мы продолжим принимать их сигналы. Передай мне ручку настройки и не пользуйся ею, пока я не распоряжусь. Ты можешь это сделать?

— Разумеется. Это *могло бы* пройти разок-другой, но разве они не заподозрят неладное?

— Конечно, заподозрят. Благодарю, Кевин.

— Неужели вам нужно сделать это прямо сейчас?

— Ничего, это совершенно безвредно.

— Неподалеку от Сестры Безумного Эдди есть три флотилии, — сообщила Евдокс. — Новую фракцию мы назовем Ист-Индской торговой компанией, группой, обосновавшейся на Поясе астероидов с огромным количеством судов. Еще несколько часов назад Ист-Индия была нашим условным союзником.

— А что случилось? — требовательно спросил Реннер.

— Они снова станут нашими союзниками, когда мы внесем дополнительные изменения в статус переговоров. Я все объясню позднее. Так или иначе, Ист-Индия, похоже, для нас потеряна. Крымские Татары продолжают удерживать ваш третий корабль.

— Три флотилии. Причем, одна из них — ваша. У вас остались еще корабли?

— Один разведывательный корабль с Посредником на борту, который ретранслирует передачи. Остальные наши боевые суда в плачевном состоянии, и им приказано отступить. Возле Сестры Безумного Эдди не осталось ни одного боеспособного корабля.

— Проклятье! И что вы собираетесь предпринять?

— Я собираюсь сообщить о положении дел своему Мастеру. Запрошу у него средства, чтобы связаться с Крымскими Татарами. Узнаю, что смогу, об их положении и преимуществах и спрошу, какие товары я могу им предложить. Кевин, вы должны сообщить мне, о чем я должен их спрашивать, что нам нужно и чем мы можем их удержать?

— Гм... — Кевин провел ладонью по подбородку и с недовольством ощутил выступившую на нем щетину. — Вероятно, сам корабль «Геката» не стоит того, чтобы его спасать. Необходимо спасти находящихся на нем людей, а три из пяти должны возвратиться в отличном состоянии. Передайте им, что Империя придет в ярость, если с этими людьми что-нибудь случится.

— Пусть напомнят им кое о чем, — вмешалась Джойс. — Однажды Империя выслала сотню кораблей, чтобы отомстить за смерть принца Империи.

— Я не слышал этой истории, — признался Реннер. — Благодарю вас, Джойс.

— Эти люди настолько важны для вас? — осведомилась Евдокс.

— Не все, — ответил Реннер. — И вот еще что, Евдокс. У нас есть товары, включая те, что находятся на борту «Гекаты». Некоторые из них представляют огромную ценность. Остальные... если

сможете, посоветуйтесь с женщиной Посредником, находящейся на «Гекате». Ее зовут... — он покосился на Хриса Блейна. — Достопочтенная Гленда Руфь Блейн.

— Блейн. Как я понимаю, судя по вашему обычаю называть людей, она — дочь лорда Блейна. Нам известно о лорде Блейне.

— Да, это она, — подтвердил Реннер.

— Ее отец был капитаном «Макартура». Заместитель командующего первой вашей экспедиции к нам. Вы не преувеличиваете ее значимости.

— Совершенно верно. Поэтому узнайте мнение Гленды Руфь о том, что касается этих товаров.

— Мне надо узнать о характере этих товаров?

— Не знаю. Лично я надеюсь, что они доставили шоколад.

— Никогда не пробовала шоколад, — сказала Евдокс.

— У Татар может оказаться партия этого груза. Если нам удастся, раздобудем его для вас как можно больше. Кстати, он может отыскаться и на борту «Антропоса». Лады?

— Спасибо. Они ограничат контакты с их... гостями.

— Понятно. Приготовьтесь, я посмотрю, есть ли у нас еще какие-нибудь инструкции.

— С вашего разрешения я начну внушать Татарам всю важность того, что находится на борту «Гекаты». Заодно передам им ваши требования гарантии безопасности их жизни.

— Отлично. Благодарю вас, — сказал Реннер и выключил передатчик. — Что скажете, Гораций?

Бери молча наблюдал за происходящим. Он медленно попивал кофе, принесенный ему Набилом. Затем произнес:

— Один или два человека могут захотеть остаться на связи. Будьте готовы к этому, но потребуйте официального отчета обо всем. Полагаю, что будет лучше не упоминать о характере груза.

— О шоколаде? — удивленно спросила Джойс.

— Сигнал от Евдокс, — сообщил Бакман. — Срочное послание.

Хрис Блейн быстро открыл рот, чтобы сказать что-то, но промолчал.

— Все готовы? Я врубаю, — сказал Реннер, включая рацию.

— У тебя какие-нибудь известия, Евдокс?

— Да. Наш наблюдательный корабль сообщает, что только что два Татарских судна зажали «Гекату» по бокам. Само судно, похоже, не пострадало и посылало сообщения еще до захвата.

Хрис Блейн облегченно вздохнул. Попасть в плен — намного лучше, чем быть убитым.

— Одно послание было приветствием для Мединских Торговцев, — пояснила Евдокс. — Остальные посылались Крымским Татарам, но ни одно из них не удалось перехватить. Приготовьтесь... мы записали одно их послание.

На экране появился человек в полном космическом снаряжении, в закрытом шлеме и прикрепленный к сетке.

— Мы пришли с миром. *Фнаминч'снифф'!*

— Это самый последний опознавательный сигнал Медины, — сказала Евдокс. — Она могла узнать его только из разговора с посольским кораблем.

— Это должно помочь вашим переговорам, — заметил Бери.

— Что? Ах да, ваше превосходительство. Разумеется, только если они поверят нам и пойдут на эти переговоры. Спасибо.

— Совершенно верно, — проговорил Реннер. — Помните об этом. Простите, там кто-то еще? Хорошо. Евдокс, будьте добры, позовите вашего Мастера и уладьте все насчет переговоров с... Крымскими Татарами.

— Мы уже начали. Я очень скоро понадоблюсь.

— Прекрасно. Тогда сделайте для меня еще кое-что. Свяжитесь затем со мной еще раз. И постарайтесь мне рассказать, что это за люди, хорошо?

Евдокс кивнула головой и плечами, улыбнулась и исчезла.

* * *

Теперь «Геката» освещалась лишь разноцветными огоньками приборной панели. Четверо человек, находящихся на яхте, ожидали в кромешной тьме, прислушиваясь к клацанью и гулкому грохоту, издаваемому корпусом корабля. Если они переговаривались, то очень редко, и только шепотом.

Внезапно раздался оглушительный треск, напоминающий выстрел из ружья. Внутрь «Гекаты» влетел эллипсообразный конус и теперь своим острым концом угрожающе надвигался прямо на Гленду Руфь. Дженнифер пронзительно закричала. Фредди заорал «Берегись!» Гленда Руфь что есть силы вцепилась в оторвавшийся кусок сети и подпрыгнула. Ей удалось избежать столкновения с конусом. Почти. Огромная масса довольно сильно ударила девушку по ногам, которыми она молотила в воздухе, и с грохотом врезалась в корму. Затем, не меняя направления, огромный эллипс завертелся и отскочил назад, залетев прямо в сужающуюся часть салона. Давление в салоне резко упало, потом подскочило, затем изменилось вновь, и, наконец, стабилизировалось.

Гленда Руфь грубо, по-мужски, выругалась во внезапно воцарившейся тишине.

Она не увидела, как вошел мошкит. Его мощная хватательная рука нащупала опору и держалась за нее. Неправильной формы пистолет в правых руках мошкита был нацелен на Гленду Руфь. Она завизжала и закрыла лицо руками, затем быстро схватила опору и остановилась, широко раскрыв руки.

— Ты не пострадала? — тревожно крикнул Фредди.

— Отсек угодил мне прямо в лодыжку, — ответила девушка. — Так что крепче держитесь за сетку, друзья. А мошкит стрелял в меня, наверное, потому, что я двигалась. Надо просто подождать.

— Это Воин, — сказала Дженнифер.

— Я тоже так думаю. Я заметила, что у него есть большие пальцы на ногах, но... да.

В эти мгновения Воин хватался за опоры ногами, ощупывая их своими перчатками, снабженными цифровыми датчиками. Затем появилось второе оружие, утыканная острыми шипами дубинка. Воин стремительно вращал головой и плечами и повсюду целился из своего пистолета. Он одним прыжком преодолел салон, с грохотом постучал в стену, выглянул наружу, внимательно всмотрелся туда. По-видимому, удовлетворившись зрелищем, он издал громкий воинственный свист.

Тотчас же на «Гекате» появился еще один мошкит. Он был коренастый и намного ниже ростом первого, чем-то смахивающего на борзую собаку. Скафандр скрывал под собою шерсть, однако его можно было распознать по поведению: это был Коричневый, Инженер. Спустя несколько секунд появился второй Инженер, который втолкнул через отверстие в салоне прозрачный воздушный баллон. В салоне замелькали силуэты пришельцев.

Инженеры устремились к панели управления, быстро продвигаясь мимо пассажиров «Гекаты» и не обращая на них никакого внимания. Один из них начал проделывать какие-то манипуляции с приборами. Казалось, у Фредди перехватило дыхание, ибо, глядя на Инженера, бездумно нажимающего на кнопки, молодой человек ожидал катастрофы. Но ничего не случилось.

Вошла еще одна мошкита. Ее шерсть тоже скрывал скафандр; она была намного крупнее Инженеров. Посредник? Инженеры столпились вокруг нее, затем быстро отскочили к кормовой части. Один из них открыл прозрачный баллон и выпустил оттуда еще четверых мошкитов, причем каждый из них был ростом меньше полметра. Они начали свою работу в кормовой части салона «Гекаты».

— Домовые, — сказала Дженнифер.

Гленда Руфь пристально вглядывалась в крошечных пришельцев. Их маленькие тела покрывала шерсть шоколадно-коричневого цвета намного темнее шерсти Инженеров. У каждого было по четыре руки. Часовщики, или Домовые, — представители этого класса уничтожили «Макартур» и погибли вместе с ним. Погибли все до одного. И теперь четверо мошкитов осторожно ползли по стене к капитанскому мостику. Они были разного цвета, сливочного и бежевого и имели по три руки.

Вдруг один сорвался со стены и, бросившись прямо на Дженнифер, прицепился к ней. Он что-то прочирикал ей и ожидал ответа.

Гленда Руфь обратилась к крупной мошките:

— Привет. Можешь поговорить со мной?

Мошкита молча наблюдала за девушкой, и та продолжила:

— Мы пришли с миром от имени всего человечества и ради вас тоже. Ты понимаешь меня? Мы привезли с собой товары. У нас есть право заключать с вами обязывающие договоры.

Из отверстия появилась еще одна мошкита, не обращая никакого внимания на Гленду Руфь.

— Так у нас ничего не сдвинется с мертвой точки, — сказала девушка. — Я не могу говорить с ней, и не умею мыслить, как Посредник. Фредди, не трогай рычаги управления, пожалуйста!

— Так, держитесь, — посоветовал Терри.

Гленда Руфь едва успела спросить: «Зачем?» — как увидела Воина, прицепившегося к салону тремя членами из пяти. Спустя несколько секунд салон с грохотом задрожал.

— Так он его разорвет на части, — сказал Фредди и повернулся к девушке. — Гленда Руфь, ты...

Последовал резкий толчок. Затем в течение шести-семи секунд яхта мягко продвигалась вперед при гравитации 0,1 g и наконец остановилась.

— Показатели моего компьютера не связаны с остальным кораблем. Они отсоединили салон, — сказал Фредди.

Дженнифер рассмеялась.

— Может быть, они принесут остальное по отдельности и поставят на место.

— Спасибо тебе большое. Тем не менее боюсь, что дни «Гекаты» как гоночной яхты — сочтены. Ну, что вы думаете по этому поводу? Что с нами случилось?

— Окией, океэй, они видут наз в свую зоную, — еле ворочая языком проговорила Гленда Руфь.

— Что с тобой? Что ты говоришь?

— Генри Хадсон и торговцы из Медины доверили им контроль над нами, — отчетливо ответила девушка. — Ясно, что сами они не могли этого сделать.

— А что это?

— Не знаю. Но ведь все изменилось, не так ли? Империя не будет вести важных дел с кем-либо, кто не станет говорить за всех мошкитов.

— Ясно. Тогда что же случилось?

— Нас захватил военный корабль. Они не знают, что у них в руках, но понимают, что захватили что-то ценное, поэтому они будут дожидаться особых приказов. В конце концов они пришлют Посредника. Который, возможно, знает «англик». А может быть, и не знает, Фредди.

* * *

— Здесь есть воздух, — сказал Фредди. — Лучше откройте скафандры, чтобы сэкономить воздух в баллонах.

Дженнифер нерешительно открыла «забрало» скафандра с фронтальным стеклом.

— Пахнет нормально, да и дышится свободно! — воскликнула она. — Эй, посмотрите!

К ней подскочил Терри Какуми.

— Что это?

— Совсем еще маленький Посредник! Какой малыш! — сказала Дженнифер. — Да, это он. Смотрите, коричнево-белый, и немногим больше Часовщика. Конечно, это он. Гленда Руфь...

— Это меня устраивает! — отозвалась Гленда Руфь. — Как только они узнали, что им придется иметь дело с людьми, то вырастили Посредника. Дженнифер, думаю, у тебя появился дружок на всю жизнь.

Дженнифер и малыш-Посредник сочли друг друга восхитительными. Дженнифер положила его на руки и спрашивала, а тот отвечал. Сперва он издавал довольно странные и даже забавные звуки, но постепенно стал говорить почти как сама Дженнифер.

Когда девушка протянула его Терри, малыш с пронзительным криком вырвался и, оттолкнувшись от подбородка Терри, снова кинулся к Дженнифер. Он явно не принимал определенную часть людей.

Поэтому для остальных последовало тягостное ожидание. Гленда Руфь решила быстро просмотреть небольшой исторический ролик и всматривалась в мониторы. Неужели были и другие классы, Воинов и Инженеров, настолько особенные, которых они никогда не видели?

— Они забрались во все отверстия и ниши салона, — проговорил Фредди. — И, насколько я понимаю, сейчас в «Гекате» нормальный воздух.

— И температура — тоже, — добавила Дженнифер, нежно поглаживая Посредника за ушком.

— Очевидно, они сперва разгерметизировали салон, а потом запечатали его снова, чтобы возвратить кораблю нормальную атмосферу, нужную для того, чтобы мы дышали. Да, мы живы, но абсолютно беспомощны. У них есть время, чтобы воссоздать все наши механизмы, прежде чем все перестанет функционировать, — сказала Гленда Руфь. — Кстати, воздух не беспокоит меня так сильно, как...

— Что?

— Фреди, наверняка, у них огромное войско. Они превосходят нас силами во много раз.

— Хорошие новости отовсюду, — скептически проговорила Дженнифер. — Меня всегда интересовало, что чувствовала корона, когда за нее сражались лев с единорогом.

* * *

Когда Евдокс заговорила, то голос ее казался спокойным:

— Я связалась со своим Мастером и поставила ее в известность обо всем происходящем. Она пошлет еще Посредников, чтобы разрешить задачу, касающуюся ваших спутников. Наши наблюдательные приборы показали, что от «Гекаты» отделились жилые отсеки. Похоже, что система жизнедеятельности корабля — в полном порядке. Между тем, в этом секторе огромные трудности с передачей послания. Я буду снабжать вас информацией по мере ее поступления.

— Но по крайней мере ты можешь сказать мне, кто во всем этом участвует? — спросил Реннер.

— Я могу рассказать о том, что мы узнали о Крымских Татарах. Как и множество других представителей системы спутников Мошки-2, они представляли довольно влиятельную силу, до тех пор, пока не втянулись в очень сложное соперничество с главным кланом Мошки-2, который мы назовем Персией. Татарская группа существовала за счет торговли и предоставления услуг другим силам, пока их не поглотило Ханство. Теперь они стали намного меньше, и поскольку долгое время о них никто не слышал, у нас есть основания полагать, что, должно быть, они благополучно превратились в одну из семей Ханства. Но если учесть, что они захватили ваш корабль, мы пришли к выводу, что им удалось восстановить некоторую независимость. И идентифицироваться.

Реннер обдумывал скрытый смысл фразы «*теперь они стали намного меньше*». Эти слова звучали довольно жутко, когда речь шла о тех, кто умирал, если был не способен забеременеть.

— Понятно, — сказал Реннер. — Ист-Индия?

— Пожалуйста, дайте мне еще раз удостовериться, что нас слышит его превосходительство.

Гораций Бери вздохнул.

— Соедините меня с ней.

Кевин отвернулся от микрофона.

— Вы уверены?

— Мы все узнаем друг от друга, — сказал магнат. — Если мне не удастся поймать ее на лжи, то, вероятно... — он мотнул головой в сторону Хриса Блейна, — это сумеет он.

Кевин кивнул и повернул камеру к Бери.

— Приветствую тебя, Евдокс, — произнес магнат.

Мошкита отвесила низкий поклон; единственное ухо было аккуратно сложено. Спустя несколько секунд она выпрямилась.

— Ты назвала тот год, что мы провели на Мошке, Первым Периодом. Во время Второго Периода вы высылали корабли, чтобы прорвать Имперскую Блокаду в Глазу Мурчисона. Это так?

— Да, ваше превосходительство. Первый Период начался, когда «Макартур» перехватил шахтерский корабль, принадлежащий торговой группе Медины. В результате чего группа с Мошки-1 направила могущественного планетарного Мастера, который называл себя Королем Петром. Он должен был связаться с экспедицией людей.

— Имело ли место сражение? — спросил Реннер.

— Ты не на то обратил внимание.

— Не совсем тебя понимаю.

— Его превосходительство заметил изменения, — сказала Евдокс. — И я знаю почему...

— Да, разумеется, — вмешался Бери. — Я понял одно: группу с Мошки-1 вовсе не интересовало создание, находившееся у нас на борту... и хотя Инженер отправил себе домой послание, ничего из этого не вышло.

— Черт подери! — выругался Реннер. — Ни капитан, ни я даже не подумали об этом.

— Это и понятно, — сказала Евдокс. — Ведь только его превосходительство понимал истинную подоплеку ситуации. — Она с надеждой взглянула на Бери. — Итак. Первый Период завершился разгромом «Макартура» и уходом вашего военного корабля «Ленин» из системы Мошки. Сведения о корабле и его подробное описание были отправлены нам нашим Инженером, которой находился у вас на борту. Так Медина узнала способ создания энергетического поля... Поля Лэнгстона, верно? Оно названо в честь изобретателя?

— Совершенно верно, — кивнул Реннер.

Мошкиту это явно позабавило. *Назвать изобретение именем Инженера!*

— Очень скоро начались наши скитания, — сказала мошкита. — Наш Мастер понимал, что грядут большие перемены, и Мединские Торговцы не настолько могущественны, чтобы удержать нас там, где мы находились. Таким образом мы торговались с Персией о том, чего они от нас требовали: они займут нашу территорию, но передадут нам корабли. Потом мы начали уходить с троянских узлов Мошки-2. Наши Инженеры усовершенствовали Поле Лэнгстона и стали продавать его Персии, а они, в свою очередь, оказывали нам большую помощь при освоении комет.

— Это были скверные времена, — продолжала мошкита. — Если бы нас было больше и мы были бы сильнее, нам вообще не пришлось бы покидать нашу базу. Но, увы, чем обладали мы, не шло ни в какое сравнение с Персией, поэтому она стала управлять спутниками Мошки-2. Они не просто вооружали корабли вашим Полем. Они сгребали весь космический мусор с астероидного кольца Мош-

ки-2. За миллионы лет этих «горнодобывающих» работ здесь образовалось узкое кольцо космической пыли, а ведь это — миллионы мегатонн пыли! И тут является Персия и одним махом забирает себе все. Мы, конечно, могли бы забрать или сохранить все это, но мы находились слишком далеко и, наверное, поэтому не сумели это удержать. Но, так или иначе, у нас имелись далеко идущие планы.

Блейн поймал на себе взгляд Бери. Мужчины обменялись кивками. Голос Блейна дошел до Реннера через внутренний интерком, предназначенный для сообщений только для персонала корабля. Так что их никто не мог услышать.

— Медина очень быстро разрабатывает планы, — сказал Блейн. — И не менее скоро исполняет их. К тому же они послали в систему своих лучших Инженеров.

— Во время Второго Периода мы тщательно прозондировали вашу Блокаду, установленную на Глазу, — продолжала Евдокс. — Нам необходимо было это сделать, поскольку это понадобилось группе, в помощи которой мы нуждались. Буду называть эту группу Византией. Это очень крупная и могущественная коалиция, расположенная на спутниках Мошки-Гамма и находящаяся в пространстве очень далеко от Персии, гораздо дальше своего первоначального местопребывания на троянских узлах Мошки-2. Если вам угодно, могу в подробностях рассказать о переговорах с ними...

— Нет, лучше продолжайте вашу историю.

— Как хотите. Что ж, кое-какие криминальные группы уже заметили наши передвижения и наши действия. Одной из них была Ист-Индская компания. Я вам уже говорила об этой группировке, базирующейся на астероиде; у них очень много кораблей, и они номинально считались союзниками Медины. До недавнего времени. И станут ими опять, если все пойдет по плану.

— Вы еще слушаете меня? — осведомилась Евдокс и продолжила: — Период, во время которого ожидался вероятный коллапс Свертыша в Угольном Мешке, называется Третьим Периодом. Король Петр специально назвал ошибочный срок, чтобы у нас был запас времени, уверил вас, что Свертыш еще длительное время не будет звездой. Кстати, данные Короля Петра тоже оказались неверными. У него в семье никому даже в голову не приходило, что звезда может возгореться в течение ближайших пятидесяти лет по вашему летоисчислению. Мы же знали больше, и поэтому для нас информация, которую узнали от Империи, оказалась более ценной. Разумеется, мы не знали *точно*, когда сформируется звезда, и в действительности *мы* ожидали, что это случится на много лет раньше.

— Ничего себе! — еле слышно проговорила Джойс.

Реннер криво усмехнулся и мельком взглянул на записывающее устройство, дабы удостовериться, что их беседа регистрируется. *Превосходно*. Это предоставит им дополнительную копию записи

для страховки. К тому же он сможет как следует изучить запись и окончательно убедиться, что правильно понял сказанное Евдокс.

— Период Третий начинается примерно сто тысяч часов тому назад, — продолжила Евдокс. — Мы готовились использовать его в наших интересах. Мединские Торговцы начали посылать специальные «пробники» — единственно для того, чтобы определить, появилась ли прыжковая точка Сестры Безумного Эдди. Если судить с вашей точки зрения, то эти корабли по-прежнему появляются нерегулярно, время от времени, а мы придаем им такую форму, чтобы нарушать спокойствие Империи. Вы просто не замечаете разницы. Мы не смогли бы позволить себе ничего слишком выдающегося, как, например, флотилию из ледяных шаров... Кстати, это возымело какой-либо успех?

Хрис Блейн незаметно от остальных задвигал бровями.

— Признаться, это зрелище вызвало у нас восхищение, — ответил Бери. — И только.

— Наши последние проверки были куда дешевле, а наши ресурсы не соответствовали нашим далеко идущим задачам. Когда мы оценивали наши средства и находили их бóльшими, нежели у Короля Петра, тогда мы готовились ко всему заранее, если не сказать — слишком рано. А нахождение в состоянии полной готовности обходилось нам слишком дорого. Среди влиятельных семей Мошки-Гамма сменилась власть. Медина стала вести себя весьма подозрительно, наша служба безопасности стала намного слабее, чем, чем...

— Вы слишком быстро при этом размножались, — перебил Евдокс Бери.

Евдокс — Бери-3А — с явной неохотой кивнула.

— Почти все ресурсы, предназначаемые для усиления безопасности, пожирались все большим приростом населения. Восемьдесят тысяч часов назад Ист-Индская компания огромным потоком схлынула из переднего троянского узла Мошки-Гамма и завладела прыжковой точкой Безумного Эдди. Они дополнительно усилили свое и без того могучее войско, демонтировав два из наших пробных кораблей еще на пути к Глазу.

— А где же были ваши союзники Византийцы?

— Далеко-далеко на орбите, слишком далеко, чтобы сразу вмешаться; они были поглощены заботами о собственных проблемах, и поэтому оказались неспособными выслать крупный боевой флот. Им не повезло, и они проклинали нас за нашу беспечность и неосмотрительность. Но коллапс Свертыша подходил очень медленно, а ведь никто не горит желанием нести вахту на Блокаде.

«А все ради этой проклятой уверенности», — подумал Реннер, и поймал взглядом ответный кивок Блейна.

— И вот, оказавшись лишенными практически всего, мы делали все возможное, чтобы восстановить наши позиции. Мединские Тор-

говцы поделились частью своих секретов с Ист-Индской компанией. Таким образом, завладев бывшей прыжковой точкой Безумного Эдди, Ист-Индская компания тоже дала определенные обязательства. Византия отдала им третьего подмастерья второго ученика вашего финч'клик'.

— Именно поэтому я и запутался... — начал Кевин, но тотчас же замолчал.

— Бери-1 умер. Тогда у Мединских Торговцев появился Бери-3, то есть — я. У Византии по-прежнему есть Бери-2 и Бери-3B. Византийский Бери-3C перешел в Ист-Индскую компанию. Еще одна семья купила Бери-3D, когда они еще были богаты. Кстати, они, возможно, будут продавать нескольких Бери-Четвертых. Византийцы, должно быть, уже обучили других Бери.

Магнат в полном недоумении уставился на расплывчатый силуэт, маячивший на дисплее.

— Неужели я стал основой вашей экономики? — хрипло осведомился он.

— Ну... пока еще не полностью, ваше превосходительство, — ответила Евдокс. — Безусловно, я стала на несколько порядков ценнее с тех пор, как мне выпала честь побеседовать с вами лично.

— Восхитительно! — воскликнул магнат.

— Наша проблема заключается в том, что Ист-Индская компания высылала по возможности более дешевые «пробники». Вы должны были обратить на это внимание. Я все думала, с чего это вы так быстро прибыли сюда?.. Да? Однако, имея финч'клик' Горация Бери, Ист-Индская компания станет вести себя более уверенно, нежели ей следовало... собственно говоря, мы этого и добивались. Их Бери-ученик — не астрофизик. Мы передали им карту с неверными координатами для исследования новой прыжковой точки Безумного Эдди, и они это приняли!

— Они вполне могут разозлиться на вас. Они же атаковали тех нарушителей — Крымских Татар. Кстати, кого они высылали для атаки?

— Ваше превосходительство, наверняка вы отлично... Извините, — сказала Евдокс и монитор мгновенно потемнел.

— Блейн? — произнес Кевин.

— Еще девять лет назад корабли мошкитов очень просто можно было уничтожить. Это происходило до меня, но все зафиксировано в записях. В эскадре Безумного Эдди считают, что это было потому, что тогда мы были лучше и сильнее.

Бери согласно кивал, наслаждаясь собой.

— Слово «*Византия*» подходит для мошкитов просто идеально, — произнес он. — Ну что, Кевин?

— Мы *можем* сделать карты. Компьютерные карты, двигающиеся голограммы. Мы *должны* их сделать.

— Верно. А вы что скажете, Джекоб?

— Я их и делаю. Гораций, по-моему, наши с вами интересы наконец совпали. Взгляните-ка на это. — Вдруг все мониторы засветились, и на них обозначилось осевое изображение системы Мошки. Оно держалось несколько секунд, затем стало поворачиваться, словно ленивый водоворот.

— А теперь внимательно смотрите сюда, — сказал Бакман и провел светящейся указкой вдоль темного кольца комет. — В этом регионе Мошка-гамма представляет собой сырьевые запасы для кого угодно. Это источник получше, нежели ближайшие кометы, верно? А все потому, что кометы слишком далеко. К тому же они разрознены. Так вот, когда приходит Мошка-Гамма, там происходит экономический бум. Когда Мошка-Гамма уходит, наступает рецессия, экономический спад. По-моему, это разумные выводы, не так ли?

— Вполне вероятно. Этот бум распространяется, по-видимому, на двадцать процентов дуги, где цены на ресурсы становятся приемлемыми. Мошке-2 надо находиться очень близко к звезде, чтобы добиться подобного эффекта. А если... а что это у вас за отметки? Бывшая прыжковая точка к Глазу, новая точка...

— Совершенно верно.

Оба не шевелились. Вокруг и мимо них проплывали потоки материи.

— Прыжковые точки Безумного Эдди. И новая точка к красному карлику, Сестре Безумного Эдди. Тридцать градусов от Мошки-Гамма, затем десять градусов вверх вдоль оси Мошки. У Мединских Торговцев нет простого доступа к сырьевым запасам Мошки-Гамма.

Реннер наблюдал за медленно поворачивающейся на дисплее картой. Прыжковая точка Безумного Эдди, расположенная не очень далеко от орбиты Мошки-Гамма, в пространстве располагалась в нескольких сотнях тысяч кликов, когда протозвезда Бакмана (Свертыш) стала звездой Бакмана. Однако Сестра находилась на расстоянии *миллиардов* кликов над уровнем системы и достаточно далеко за пределами Мошки-Гаммы.

Снова на дисплее появилась Евдокс.

— Ваше превосходительство, капитан, мой Мастер собирается принять к себе ваших людей и товары. Наша позиция ведения переговоров ухудшается. «Геката» летит с эскортом Крымских Татар, состоящем из двенадцати кораблей разных размеров; они уходят от звезды и отклонились от позиции Ханства. У Сестры остается тридцать шесть татарских кораблей. Весь личный состав Ист-Индской компании сбежал.

Взгляд Бери встретился с глазами Кевина. Тот не проронил ни слова.

— В руках Крымских Татар ваш потерянный корабль будет в безопасности, — заверила их мошкита. — Ни один участник этой

игры не осмелится нанести вред чему-то очень ценному; даже такие головорезы, как пираты из Ханства, которые могут только догадываться о ценности «Гекаты» и почему она не должна попасть в руки остальных... Мы начнем переговоры, как только соберемся вместе.

Конечно, Посредник будет вести переговоры, подумал Кевин. Вряд ли она способна планировать военные действия, хотя если ей удастся оценить хотя бы примерно силы... однако если «Геката», возможно, будет спасена, то это должно быть сделано до прихода кораблей Империи.

— Итак, вы заставили Ист-Индцев наблюдать за совершенно не тем сектором космического пространства, — сказал Реннер. — И, узнав, как опростоволосились, они теперь в ярости?

— Именно так. Но теперь они не располагают тем богатством, которое имели, когда боролись с нами за прыжковую точку Безумного Эдди. Они высылали дешевенькие «мнимые» корабли к Глазу, но они не могут себе позволить выслать настоящую военную флотилию.

— Расскажи мне о Ханстве, Евдокс.

— Ах да, Ханство! Видите ли, главная база Мединских Торговцев расположена глубоко-глубоко среди комет, в весьма неудобной близости от Сестры. Крупные кометы служат внутренними базами, и сейчас они находятся в нескольких световых минутах от Сестры. Прямо сейчас мы на пути к Внутренней Базе Шесть, и большинство наших кораблей будут встречать вас именно там. Но в качестве источника различных летучих веществ, воды, железной руды и прочего мы время от времени пригоняли к ожидаемой Сестре голову небольшой кометы.

— Ханство, — продолжала Евдокс, — обосновалось на целой группе комет, несущихся как от Мединых, так и к ней. Они надеются разбогатеть своим обычным способом, когда Мошка-Гамма займет удобное место примерно через пятьдесят тысяч часов. А пока они выживают как могут: занимаются разбоем, бандитизмом, пиратством. Наверняка они не раз задумывались о совершенно безумном расположении нашей маленькой кометы, но при этом они просто жаждут раздобыть побольше сырья для существования. Однако Крымские Татары, похоже, понимают, *почему* мы хотим оставить свои сырьевые запасы на месте.

— Может быть, они работают на кого-нибудь еще? — спросил Бери.

— Объяснитесь, — произнесла мошкита.

— Это просто вопрос, Евдокс. Кто знал о Сестре? Медина, Византия и Ист-Индия, и кто-то еще, кто вполне мог установить истину, исходя из своих наблюдений. У Ист-Индии неверные координаты месторасположения Сестры, но тем не менее они и вправду готовятся заключать сделку с Византией?

— Конечно, — ответила Евдокс.

— Любая семья мошкитов способна узнать правду, исходя из наблюдений и путем логических умозаключений, — проговорил Бери. — Но Византии уже все было известно. По-видимому, Византия постоянно чувствовала неудовлетворенность от того, что Сестра попадет в распоряжение Мединской группы, да еще так далеко от владычества Византии. И тогда Византия могла отыскать союзников, которыми проще управлять.

— О!

— Я только размышляю. Продолжай свой рассказ, Евдокс, — сказал Бери.

Мошките понадобилось несколько секунд, чтобы отреагировать на его слова.

— Рассказ?.. Вам просто говорить. Мы моментально привели войска в боевую готовность, когда Ист-Индия просигнализировала, что «мнимому» кораблю, отправленному к прыжковой точке Безумного Эдди, не удалось прорваться к Глазу. Мы посылали «мнимые» корабли вдоль обеих сторон дуги, туда, где ожидалось появление Сестры. Затем была запущена экспедиция из десяти кораблей. Ее заранее снабдили необходимым провиантом, экипировкой и лучшими пилотами. Ей удалось благополучно избежать перестрелки с флотилией Ханства. Остаток мединского флота следовал за ней в арьергарде для охраны, покинув нашу маленькую комету и намереваясь завладеть Сестрой Безумного Эдди.

К тому времени датчики нейтрино и телескопы уже выдали это Ист-Индской компании. Как вы уже, наверное, отметили, у них имелись причины к недовольству. Они силой захватили нашу территорию. Потом жертвовали ресурсами для своеобразных опытов: десять лет или даже больше они отдали ради своих жалких «мнимых» кораблей. А теперь они, наконец, узнали, что Сестра находится не там, где им сказали, а мединский флот — на своем месте. Это *они* посылали корабли.

Вообще-то, это никого особенно не удивило. Но когда флот Крымских Татар последовал за нами, мы были захвачены врасплох. Медина надеялась, что весь ханский флот останется на комете. Когда наш первый корабль исчез, Татары наконец узнали верный курс. И они последовали им. Должно быть, они знали, что делают.

Бакман резко наклонился к самому уху Реннера.

— Причем лучше, чем Медина, — прошептал он.

Реннер повернулся к астрофизику.

— Расскажите мне об этом.

— Почему Ханство атаковало именно *сейчас*? Да потому, что *сейчас* Татары заняли самую правильную позицию, чтобы захватить Сестру. Похоже, среди этих Татар есть какой-то гений...

— Неужели он точно вычислил, когда коллапсирует Свертыш? Гм-гм. Евдокс, ты что думаешь?

— Это не в моей компетенции, капитан Реннер. Я буду выяснять. Иначе им, вероятно, будет все рассказано.

— Кем?

— Кем угодно! Неужели вы считаете, что я рассказала вам обо всех наших семьях?

— Лады. Продолжай.

— Татары уничтожили два из десяти кораблей, участвующих в экспедиции. Один прошел мимо Сестры. Остальные достигли оранжевого карлика. Наш флот пытался удержать Сестру до тех пор, пока не прибудет подмога Византии, но никто даже не надеялся, что они придут в скором времени. В общем, в этом сомневались. Ведь Мошка-2 — слишком далеко. Однако они держались достаточно долго, чтобы мы прорвались сквозь непрерывную битву.

— Но не слишком долго, чтобы защитить «Гекату».

— Да. Поэтому сейчас мы здесь. И в течение десяти часов мы доберемся до Базы Шесть.

Глава 8. Мединская База Шесть

Мятежный ангел хуже неверующего человека.
Блаженный Августин. Град Божий

База Шесть претерпела изменения. Сплетение взрывов разрушило большую часть пассивной массы того, что некогда было кометой, превратив ее в бесформенные осколки. Комья, состоящие из грязного снега, льда, аммиака и камня, все полезные руды направлялись сейчас к Сестре, чтобы помочь тем, кто вел сейчас возле нее яростный бой. Если эти обломки и не защищали Базу Шесть от орудийных ударов, то по меньшей мере ослепляли всех наблюдателей. Лишь Мастера Медины могли догадаться о том, что здесь произошло, да и то только потому, что они участвовали в землеустройстве Базы.

Оставшаяся неповрежденной белая сфера стала холоднее кометы. Ист-Индия знала об очистительных сооружениях, получающих водород, и кораблях, увозивших его с Базы, но Ист-Индцы никогда не знали о тепловых насосах. Водород использовался не только как топливо для кораблей, и большинство кораблей не погибло на своем пути к торговой группе Медины.

Мединская База Шесть превратилась теперь в компактный ледяной шар, облаченный в «скорлупу» из покрытого пеной замерзшего водорода. Сохраняемый таким образом и ежеминутно охлаждающийся собственным испарением, водород мог сохраняться так десятилетиями, а может быть, и веками. Генераторный щит, производивший энергию для всех шести внутренних баз, изготов-

ленный по чертежам Империи, был похоронен в глубине этого ледяного шара.

База Шесть находилась слишком близко к полю боя, и посему была очень уязвимой.

Три дюжины ее кораблей были почти разобраны. Так было всегда; они всегда явно нуждались в ремонте. Мастер, некогда посетивший Ист-Индию, пожаловался на это, однако ни разу не видел там даже признаков демонтированных ракетных двигателей.

Тогда Инженеры Медины установили сорок один термоядерный двигатель на самый край «кормы» этого снежного шара диаметром в полклика. Так в течение нескольких часов База Шесть превратилась в военный корабль. И она сразу стала набирать скорость, направляясь вовне — в сторону торговой группы Медины.

Большинство кораблей Базы Шесть, с водородом на борту, вылетели, как только Мустафа подумал о необычной формы черном пузыре, чтобы воспользоваться им как Складом. Необычная форма понадобилась для того, чтобы избежать радиолокационного обнаружения и иных способов «засветки». Внутри Склада хранилось огромное количество водорода и целая популяция Воинов, которая не увеличивалась благодаря рыцарским турнирам на выбывание, что позволяло сохранять их количество неизменным.

И вот это своеобычное транспортное судно, полное Воинов, шло на рандеву с Базой Шесть. Некоторые должны приземлиться, некоторые — останутся на орбите.

База Шесть являла собой одновременно вооруженное транспортное судно, склад горючего и боевой корабль; иными словами — сердце флотилии, способной защитить какое бы то ни было сокровище, появившееся из Сестры Безумного Эдди.

* * *

«Синдбад» шел с ускорением в 0,8 g, достаточно приемлемым для мошкитов и не слишком напрягающим Бери. За ними виднелась Мошка, казавшаяся не больше обычной звезды. Она представляла собой едва различимый диск и была слишком яркой для незащищенных человеческих глаз. За Мошкой мерцало тусклое красное пятно Глаза Мурчисона.

Впереди, с Евдокс во главе, шли четыре корабля мошкитов; за ними — «Синдбад», а на совсем небольшом расстоянии от него следовал «Антропос». Замыкали эту космическую «кавалькаду» еще четыре корабля мошкитов.

— Это все, что мне удалось определить, капитан Реннер, — сообщил коммандер Раулингз. — Однако у меня создается впечатле-

ние, что кораблей мошкитов намного больше, и все они находятся совсем неподалеку. Мы засекли случайную вспышку, но не смогли ее зафиксировать. Как будто... скажите, а эти... ну... «мнимые» корабли могли изменять форму?

— Благодарю вас за доклад, — ровно ответил Реннер.

— Сэр. Мы наблюдали за кораблями мошкитов во время боя. И они казались нам совершенно другими.

— У вас есть какие-нибудь предположения?

— Только то, что они отлично сработаны. Великолепный спектакль, доложу вам. Мы ничего не видели, ни пушек, ни торпед, только слышали шум сражения. Наверное, их корабли очень маленькие. Или могут уменьшаться. Безусловно, мы могли бы поразить четыре из тех, что видели очень далеко, за исключением крупных «сюрпризов».

— Мне бы *не* хотелось исключить возможность сюрпризов.

— Да, конечно, сэр, но я не уверен. Капитан, вы можете объяснить, что происходит?

— Гм, неужели на моем лице виден пафос? Ладно... Пока оставим это. Настало время для военного совета, поэтому проверим-ка нашу связь. — Реннер включил интерком. — Пожалуйста, передайте лейтенанту Блейну, чтобы он пришел. А также — его превосходительству. Он должен присутствовать при этой беседе.

Кевин повернулся к коммандеру.

— Раулингз, мы не летим на Мошку-1. Они заблуждаются. Видите ли, главные игроки в этом спектакле — все как один относятся к внепланетным цивилизациям, и их там *чертовски* много. Единственный, кто лучше всех подготовился к новой точке I, — это торговцы из Медины, которыми руководит Калиф Альмохад, и его главный посредник на переговорах — Евдокс, Посредник, за которым мы и следуем. Кстати, все имена выбраны ею. Пока все ясно?

— Да, сэр. А с кем мы сражаемся?

— Да тут целая орава всевозможных групп и фракций, — ответил Реннер, а его пальцы заплясали по клавиатуре. — Я всех их отметил. Вот.

— Поня-атно, — протянул Раулингз, и его сосредоточенный взгляд пробежался по дисплею. — О черт!

— А ведь это только самые важные лица, — многозначительно заметил Реннер.

— Ханство завладело кометой — и никого это не волнует... Татары удерживают новую прыжковую точку и корабль... о Господи!

— Вот-вот. Они удерживают «Гекату» — гражданский корабль, пилотируемый достопочтенным Фредериком Таунсендом, вместе с которым на борту в качестве пассажира находится сестра Хриса Блейна Гленда Руфь Фаулер Блейн.

— О Боже! Капитан, лорд Блейн весьма не обрадуется *этому!* Мы собираемся их спасать?

— А сможем ли?

Некоторое время Раулингз молчал. Затем произнес:

— Не знаю, но уверен, черт возьми, что не вернемся, не попытавшись это сделать!

— Я понимаю вас, однако, по мнению Евдокс, у нас недостаточно кораблей, даже если учесть ваш. В настоящее время лучшее доказательство надежности их положения то, что они в безопасности, и наши союзники-мошкиты пытаются вступить в переговоры с Татарами. Тем временем мы направляемся на базу Мединских Торговцев. До недавнего времени она была совместной базой с Ист-Индской торговой компанией, но, по-видимому, этот альянс требует некоторой реорганизации.

— Реорганизации?

— Это слово использовала Евдокс.

— Это что, опять означает сражение?

— Может быть.

На мостике появился Хрис Блейн, который тотчас же занял место рядом с Реннером.

— Неужели дела с этими мошкитами всегда настолько запутанны? — осведомился Раулингз. — Капитан, какова все же наша задача, черт подери?

— Хороший вопрос, — отозвался Реннер. — Во-первых — выжить. Во-вторых, возвратить Гленду Руфь. У нее есть груз, способный коренным образом изменить положение... вероятно, от него будет зависеть наша третья задача, что и приведет всю эту неразбериху в порядок.

— Груз?

— Лейтенант Блейн? — вместо ответа произнес Реннер.

— Слушаю, сэр. Как уже сказал капитан Реннер, у нас на рассмотрении еще одна задача. Мошкиты вырвались на свободу, и с этим тоже придется иметь дело — либо нам, либо боевому флоту.

— Только не боевой флот, — вздохнул Реннер. — О'кей, Хрис. Итак, груз. — Реннер поймал вопросительный взгляд Синтии и чуть заметно качнул головой; таким образом он договорился о кофе.

Блейн кивнул.

— Коммандер Раулингз, насколько вы осведомлены о мошкитах?

— Мне известно о них не очень много. Я бегло просмотрел несколько уроков об их обществе по дороге в Блокадную эскадру. Изучал их тактику, однако не видел никакой необходимости понимать их, поскольку всем внушили, что их просто надо убивать.

— Совершенно верно, сэр. Но наверняка в вашей команде может отыскаться человек, интересовавшийся ими. Найдите его. А тем временем я прочту вам небольшую лекцию.

Но первым заговорил Раулингз.

— Пока вы не начали, мне бы хотелось упомянуть о том, что нам всем известно. Мошкиты — строго дифференцированные особи. Единственные, с кем они считаются, — это класс Мастеров, в то время как все связи у них осуществляют Посредники. Посредники настолько располагают к себе, что порой нам хочется забыть, что они у мошкитов не главные, а лишь получают приказы от Мастеров.

— Но не всегда, — вставил Реннер и продолжил: — Теперь вспомним, что в Империю уже посылали троих мошкитов. Двое из них были Посредниками Короля Петра, а вместе с ними прибыл более старый Мастер, связанный с Королем родственными узами, однако до этого он не был прямым начальником Джока и Чарли. Это позволяло Джоку и Чарли несколько отклоняться от намеченного курса программы переговоров. Они повиновались не каждому приказу Ивана, хотя, как правило, делали это. Должно быть, у них слишком много правил и установлений, однако я никогда не знал их. Иван прожил всего шесть лет, а потом они оказались предоставлены самим себе.

— Однажды, — продолжал Реннер, — я спросил Джока, какие были последние приказы Ивана. На что Джок ответил: «Поступать так, чтобы уменьшить любого рода риск на долгое время. Постоянно поддерживать телесное и психическое здоровье друг друга. И всегда выглядеть хорошо». Я решил, что она упустила какую-то весьма существенную деталь. И Посредники обязательно солгут нам, если им это прикажут.

Итак, мы возвратились в систему Мошки, и все, что нам было известно, оказалось несколько искаженным. Мы имеем дело с космической цивилизацией, а не с отдельной планетой. Все классы здесь несколько другие, а некоторые — совсем другие, даже Мастера. Цивилизация мошкитов — *древняя*. Астероиды здесь населили свыше сотни тысяч лет тому назад, а это достаточное время для *эволюционных* изменений, и еще мы знали, что мошкиты применяли по отношению к себе радикальные программы воспроизводства потомства.

— Как сауронцы, — заметил Раулингз.

— Да, но не совсем так, — сказал Реннер. — Разные задачи подразумевают разные основания.

— Совершенно верно, сэр, — проговорил Раулингз, хотя, судя по тону его голоса, был не согласен с Кевином.

— *Может быть*, нам немного повезло, — сказал Блейн. — Очевидно, Посредник Горация Бери полностью оставила Короля Петра и продала свои услуги лицу, предложившему более высокую цену. А Посредники, обученные как Бери, похоже, циркулируют повсюду как деньги.

— Что не может не польстить его превосходительству, — проговорил Раулингз. — А по какой причине они дали себе арабские имена?

Хрис покачал указательным пальцем.

— Нет, нет! Капитан, эти имена выбраны Мединским Посредником, обученной под Бери, Евдокс, и, вероятно, из-за их эмоционального влияния на Горация Бери! Татары — враги арабов. Мединские Торговцы, напротив, очень хорошо отзывались об арабах. Настоящий Евдокс был родом из семьи знаменитого левантийского купца, который занимался торговлей за пределами Красного моря и первым открыл наиудобнейший торговый маршрут в Индию.

— Ох-ох-ох, — вздохнул Раулингз. — И Бери, конечно, об этом знал.

— Разумеется. Но это совершенно другое дело. Мастера мошкитов никогда не формируют общества, подобные нашим, и не пользуются для этого нашими методами. Подчиненные классы обычно повинуются Мастерам, а у Мастеров напрочь отсутствует инстинкт подчинения друг другу, а что касается обществ, создаваемых людьми, их Мастера не признают. Для них этого просто не существует. Мастера мошкитов будут кооперироваться, и один займет подчиненную позицию по отношению к другому, но насколько я понимаю, единственные родственные чувства у них передаются только по линии наследственности. Они не ощущают никакой лояльности в отношении любого абстрактного понятия, например, такого, как Империя или город. Это больше смахивает на арабскую цивилизацию, нежели на Империю, поэтому и пользуется популярностью у Посредников Бери. Мистер Бери, похоже, разбирается в этих вещах намного лучше каждого из нас.

— Даже не исключая вас, Блейн? — требовательным тоном осведомился Раулингз. — А как же доклад на совещании, в котором говорилось, что вы *воспитывались* мошкитами.

— Отчасти, — сказал Хрис Блейн. — Мы находились тогда на Новой Каледонии, и мой отец был членом Высокой Комиссии до тех пор, пока мне не исполнилось шесть. Это было тогда, когда мы вернулись на Спарту, и мои родители основали Институт, в котором я ежедневно виделся с мошкитами. К тому времени Иван уже умер, а Гленда Руфь только что появилась на свет. Она очень часто виделась с Джоком и Чарли, а Ивана не видела никогда.

— Гм. И что теперь станется с грузом «Гекаты»?

— Позвольте мне ответить, Хрис, — вмешался Реннер. — Вы ни разу в жизни не *видели* Червя Безумного Эдди. Вы были на Блокаде...

— *Подождите*, капитан! — рявкнул Хрис. — Коммандер Раулингз, этот Червь — что-то вроде крапленой карты в колоде! Сэр, а вы уверены, что хотите знать больше?

Хотя лейтенантам не принято так разговаривать с капитанами, Реннер попридержал свой язык. Раулингз же холодно произнес:

— А почему бы мне не узнать, лейтенант?

— Если вы уже знакомы с мошкитами и беседовали с ними, они моментально узнают об этом, — ответил Блейн. — Коммандер, пока вы активно общались с мошкитами, вам и в голову не могло прийти, насколько быстро они обучаются истолковывать *все* сказанное или сделанное вами.

— Похоже, у меня возникла одна мысль, — сказал Раулингз. — Вы провели на борту моего корабля год, и ни один человек из офицерской кают-компании не решался играть с вами в покер.

— Совершенно верно, сэр. Возможно, мошкиты уже узнали что-то от капитана Реннера, а возможно и нет. У него больший опыт общения с мошкитами. А от его превосходительства они не узнают ничего. Или от меня.

— Не узнают что?

Мужчины разом повернулись и увидели Джойс Мей-Линг, появившуюся в салоне «Синдбада».

— Все в порядке, — сказал Раулингз. — А я ловлю вас на слове, лейтенант Блейн, поскольку оно ценно, и принимаю, что лучше, чтобы я не знал о Черве Безумного Эдди. Капитан Реннер, если наша задача заключается в том, чтобы отвоевать мисс Блейн и ее груз, то как мы это будем делать?

— В том-то весь вопрос, — задумчиво ответил Реннер.

— Мы ведем переговоры, — произнес с экрана Бери, в эти мгновения очень похожий на телеведущего. — Простите, но я вынужден попросить вас выслушать меня. Коммандер Раулингз, что сейчас самое важное? — то, что мы, похоже, готовы сражаться, а мошкиты считают, что их силы во много крат превосходят силы Империи, которые придут для нашего спасения в очень недалеком будущем, так что для мошкитов будет лучше прийти к согласию с нами, причем именно сейчас, пока у них еще есть силы.

— Да. И еще, они точно не знают, насколько далеко от нас Блокадный Флот. А ведь он не так уж и далеко, сэр. Нам всего лишь надо нырнуть в прыжковую точку Безумного Эдди — и вернуться с эскадрой.

— Не считая той мелочи, что они сначала растреливают любого пришедшего, а затем расспрашивают. Поскольку нет надежного способа отличить корабль мошкитов от корабля Империи, — заметил Реннер.

— Черт! Конечно же, вы правы. И нам не удастся отправить послание «Агамемнону». Коммодор, я *действительно* рад, что вы возглавляете операцию, а не я, — произнес Раулингз и замолчал. Но спустя несколько секунд он заговорил снова: — Хотя есть одна штука. Блокадным Флотом командует адмирал Вейгл. Ему известно *кое-что* из случившегося. Прыжковая точка назад к Каледу сдвинулась, и он, черт подери, отлично знает об *этом*, поэтому он обязательно

свяжется с нами, чтобы получить указания, и сделает это скоро. Также он будет искать новую прыжковую точку к Мошке.

— И что же он сделает, если найдет ее? — поинтересовался Реннер.

Раулингз покачал головой.

— Полагаю, останется охранять ее. Но вы же знаете, сэр, Вейгл — человек действия. Он может выслать разведчика. Нам лучше будет проследить за этим. Итак, Блейн, чего еще мне неизвестно?

— Очень многое, однако мы тоже этого не знаем, — ответил Хрис Блейн. — Например. Эти космические цивилизации больше напоминают кочевников, нежели что-то оседлое. У них нет ни упорядоченных карт местности, ни постоянных жилищ. Есть, правда, небольшие группы, как те, которые обосновались на крупных планетарных спутниках, и они относительно постоянны, но в основном все это меняется и перемещается. Ценность для них заключается в... в воздухе, пище, энергии, оборудовании, во всем, что способно двигаться, и это зависит от расстояния и дельты-V. Это изменяется буквально каждую секунду. Значит, должен быть способ *продавать* дельту-V.

— Ага! — воскликнул Раулингз. — Как если бы древние Шелковые пути изменили протяженность. Это как в один прекрасный день, переходя через мост, ты добираешься до Дальнего Катая. Следующий месяц — и ты в тысячах милях оттуда.

— Да, это очень похоже! — громко сказала Джойс. — Когда все вокруг незыблемо, а правительства стабильны, то от Персии до Китая всего несколько недель пути, но когда вокруг и кочевники и бандиты перекрывают маршруты, то для перехода понадобятся месяцы, а то и годы. Или вообще нет сухопутных маршрутов. Ведь были же целые пиратские империи во Вьетнаме и на Суматре, и тогда небезопасны были даже морские пути.

— Интересное наблюдение, — заметил Бери. — И это дает нам больший повод по новому взглянуть на мошкитов и рассматривать их с совершенно иной точки зрения. Благодарю вас, Джойс. Кевин, по-видимому, нам придется рассматривать мошкитов скорее похожими на арабских бедуинов, нежели на вашу Империю.

— Удивительно! — сказал Реннер. — Единственные арабы, с которыми я знаком, это вы и Набил!

— Лицо, — задумчиво промолвила Джойс. — Арабов всегда волновало сохранить лицо, причем даже больше, чем китайцев. Внешний вид играет для них огромное значение. Может быть, и для мошкитов тоже?

— Я не замечал этого на Мошке-1, — сказал Реннер. — Но, возможно, я и не сумел бы этого заметить. Однако... Знаете ли, у них имелись истории обо всем. Живопись, скульптура... они сочиняли истории, чтобы скрыть свое прошлое, и при этом изо всех сил

старались придать всем вещам по возможности лучший вид. С другой стороны, мне казалось, что Хрис, Гленда Руфь и я — единственные, кто знали мошкитов с Мошки-1. А это означает, что ни один из нас на самом деле не знал о них практически ничего.

— Кроме его превосходительства, — проговорил Хрис Блейн. — Вы только посмотрите, насколько ценны Посредники Бери. Разумеется, они ожидают, что Империя будет больше похожа на то, как ее видит мистер Бери, а не мы с вами.

— Как я ее видел тридцать лет назад, лейтенант, — сказал магнат.

— Проклятие! — воскликнул Раулингз. — Коммодор, все это не укладывается у меня в голове. Единственное, в чем я не сомневаюсь, это то, что моей карьере наступит конец, если мы позволим чему-нибудь случиться с дочерью лорда Блейна. Что ж, по-моему, я знаю, что делать. Нам надо привести в боевую готовность пушки и торпеды и ожидать приказов. Коммодор, вы скажете мне, куда стрелять, и я буду стараться изо всех сил, чтобы не промахнуться, однако не уверен, что узнаю что-нибудь большее!

— Вы не один такой. Передача окончена, — с этими словами Реннер стукнул большим пальцем по выключателю.

Джойс повернулась к Хрису Блейну.

— А что это — Червь Безумного Эдди?

— Я не могу вам ответить на этот вопрос, — проговорил Хрис.

Тогда она повернулась к Реннеру.

— Что ж, немного, но кое-что я узнала. А теперь вы не хотите вернуться к этому разговору?

Хрис Блейн нахмурился.

— Джойс, вы что, хотите, чтобы вам запретили разговаривать с мошкитами?

— Нет, конечно же, нет! И вы не можете мне запретить!

— Мы не можем вам запретить это. Джойс, чтобы пролететь тридцать этажей, нужно чтобы кто-то спихнул вас с балкона! Существуют вещи, которые знать не следует. Если вы их узнаете, то не сможете разговаривать с мошкитами, потому что мошкиты узнают о них тоже.

Она не поверила ему, даже когда Кевин кивнул ей в знак подтверждения.

* * *

— Кевин!

Реннер едва осознавал, что он спит и кто-то пытается разбудить его, но его это совершенно не волновало.

— Давайте, давайте, Кевин. Просыпайтесь и одевайтесь скорее. И прошу внимания, капитан Реннер. Черт подери, Кевин!!!

— А? Что? Бакман? В чем дело?

— Послание ниоткуда, Кевин, точнее — неизвестно, откуда. Я только что его получил.

— Гм, послание ниоткуда. Это важно. Что это?

— Это было обычное радиопослание, но на очень широкой частоте. Наверняка затрачено огромное количество энергии. Кевин, это тайное послание, в котором содержится полная астрономическая библиотека за прошедшие сто тысяч лет! А по-моему, даже больше! Вы спали, поэтому, прежде чем разбудить вас, я сделал несколько тестов. Я отобрал образцы их наблюдений, чтобы проверить, соответствуют ли они базе данных Новой Каледонии за последние несколько сотен лет. Все сходится! Все, что я проверил! Кевин, мне кажется, вам надо что-то *предпринять* по этому поводу. О, и «Фидиппидес» хочет с нами говорить! И «Антропос» тоже.

— Да-да, конечно, — пробормотал Реннер, отыскивая форму и натягивая брюки. — Итак, подтверждение правильности, верно?

— Соответствие локаций малозаметных звезд. Проверку я начал с орбитального движения Глаза Мурчисона и Мошки. Затем пошел и поднял вас. Сейчас должно заканчиваться тестирование.

— Отлично, пойдемте-ка, — сказал Реннер и проскользнул через занавес. — Привет, Гораций. А вы неплохо выглядите. Синтия, я голоден как волк и хотел бы завтрак побольше, и, будь так добра, принеси его прямо к нам на вахту. — То есть на его койку, на которой он всегда переносил ускорение. — Джекоб, сперва покажите мне это послание. А потом вы соедините меня с «Антропосом».

— Вот этот файл.

Послание уже светилось на дисплее Кевина, однако создавалось впечатление, что оно написано в виде развертываемого списка.

> Приветствую тебя, о калиф издалека. Приветствую тебя от имени твоих самых новых слуг. Ты можешь считать, что мы из Александрийской библиотеки; наше местоположение описано этим вектором. Мы предоставляем тебе эту запись всей нашей истории наблюдений за этим сектором неба. Мы наблюдали небеса бесчисленное количество лет, и мы предлагаем все это тебе, чтобы ты возрадовался вместе с нами и узнал, насколько полезными мы можем быть. Помни же о нас, о калиф, когда ты явишься в наше королевство.

Сперва Реннер лишился дара речи. Он не находил слов. Чего нельзя было сказать о Бери.

— Это говорит нам о многом, — произнес магнат. — Во всяком случае, не меньше того, что известно ученику Посредника Бери.

— И что дальше?

— Они ничего о нас не знают. Они бессильны и бедны. У них нет способа вступить с нами в диалог, из чего можно сделать вывод,

что они боятся Медины, и они находятся в нескольких световых часах от нас.

— Я бы сказал, и то и другое, — заметил Блейн. — Но они безусловно находятся очень далеко от Мошки-Гамма. У них хорошая система обнаружения. Их радиосигнал преодолел более двух миллиардов километров. Даже если это и так, они, наверняка, очень бедны, иначе послали бы нам *еще что-нибудь*, а не только протранслировали узким лучом свои записи.

Бери словно бы дремал, его лицо выглядело спокойным и совершенно умиротворенным:

— Хм-м. Это еще как посмотреть. Они разглашают свои тайны всему небу. Они пожертвовали всем, что имели, ибо у них не было способа начать торговлю. Возможно, эти незнакомцы — вовсе не добродушные незнакомцы. Одно совершенно верно — у них совсем нет энергии.

— Спасибо...

— Скажу больше. Они считают нас могущественными или думают, что так будет. Это доказывает, что другие относятся к нам так же. Вопрос — почему? Безусловно, сейчас мы не знаем ответа.

— Спасибо, Гораций. Бакман, что еще вам удалось раздобыть?

— Программа проверки только что завершила работу. Их данные о движении Глаза и Мошки я сопоставил с тем, что у меня имелось, с минимальным допуском на ошибку.

— Сотни тысяч лет наблюдений?

— Да, две или три.

— О'кей, а теперь объясните мне...

— Подождите минутку, Кевин. Так, эта закончилась. Гм-м-м...

Реннер наблюдал, как Бакман застыл перед монитором, и вскоре произнес:

— Ну так, скажите же, что вы видите.

— Да, — ответил астрофизик. — Эта реитеративная программа предназначена для того, чтобы предсказать коллапс протозвезды Бакмана. Кевин, на первый взгляд она очень напоминает то, что должно быть у Мединских Торговцев. Она указывает правильную дату... год. Я хочу сказать, что это действительно очень ценные данные.

— Отлично! Соедините меня с «Антропосом».

* * *

— Да, сэр, мы тоже получили копию, — проговорил Раулингз. — Это пришло с астероида, который следует за бета-ведущими троянцами.

— Что-что?

— Бета-ведущими троянцами, сэр...

— Хорошо, я вас понял.

— Есть астероид, который неустанно следует за этой группой астероидов. Она расположена в шестидесяти градусах впереди Мошки-2.

— Понятно.

— А это пришло из места, расположенного, вероятно, в пятидесяти градусах от Беты.

— Нестабильно, вам не кажется? Должен быть какой-нибудь толчок, не так ли, Бакман? Или еще что-нибудь. А, Раулингз?

— Да. Мой навигатор — настоящий зубр в этой науке, и он не отступиться от этого дела, пока не докопается до сути.

* * *

Рыльце Евдокс выглядело бодро и чуть ли не вульгарно, если к нему вообще примеными подобные описания.

— «Александрийская библиотека», о да! Их призыв может оказаться весьма ценным. Сейчас они близки к краху. Правда, кое-что из их богатства десятилетней давности у них еще осталось.

— Вы судите об этом по тому, что они купили Посредника Бери? — предположил Реннер.

Если мошкита как-то отреагировала, то Кевин этого не заметил.

— Да, они купили себе финч'клик' Бери у Персии. Они всегда старались поддерживать свою древнюю традицию сбора и систематизации знаний. Вероятно, они по-прежнему продолжают это делать.

— Кстати, — продолжала Евдокс, — эта семья — самая древняя из всех, которые мы знаем. Они покупают и торгуют информацией обо всей нашей истории. Им приходилось сменять место пребывания бесчисленное количество раз. Они пребывали на бета-ведущих троянцах восемь тысяч лет назад, как раз когда произошло убийство Докторов.

— Мы слышали об этом, — сказал Реннер. Внезапно он ощутил какое-то странное замешательство и прибавил: — Я имел в виду, что всего лишь слышали. Нам ничего не известно.

— Как? Вы не знали об убийстве Докторов на Мошке-1? Впрочем, это меня не удивляет, — проговорила Евдокс. — Причина вполне очевидна. Ведь из-за Докторов проблемы с перенаселением становились только хуже. Не так ли?

— По-видимому, да, — неуверенно согласился Кевин.

— И там тоже это прошло успешно. Но Александрия отказалась убивать своих Докторов. Как и некоторые другие забытые цивилизации; и наверняка их уничтожили и разрушили победители. Только в Александрии сохранили Докторов. Впоследствии они вывели базовую чистую линию и стали продавать помеси, иными словами — метисов. Также они делали на заказ всевозможные мутации. Однако остальные культуры наложили секвестр на собственные искусст-

венно выращенные особи, на Докторов и другие редкие разновидности, и Александрия в те тяжелые времена оказалась в упадке.

— Стоит ли нам иметь с ними дело? — спросил Реннер. На экране он заметил лицо Бери, поглощенного вниманием.

— Вреда это не причинит, — ответила Евдокс. — Они разумные, уважаемые... правда, немного странные. Но угрозы они не представляли и не представляют и могут оказаться полезными.

Бери кивнул сам себе. Когда Реннер прервал связь с Евдокс, магнат произнес:

— Они интересные. Странные. Не представляют угрозы. Книжники. Кевин, эта группа очень бедная, но это позволяет им сохранять их ресурсы. — Он мягко улыбнулся. — Каким бы ни стало наше окончательное решение, нам стоит включить в него Александрию.

* * *

— О'кей, мы приближаемся к ней, — сообщил Бакман. Он увеличил изображение на экране: темный объект окружило яркое свечение. — Вот так. Теперь мы будем лучше видеть Евдокс.

Корабль мошкитов шел впереди и очень скоро оказался совсем рядом с базой мошкитов. На экранах появилось кольцо термоядерного огня в виде приглушенных вспышек, словно на догоревших свечах: это работали сорок с лишним термоядерных двигателей. Из-за яркости света сенсоры снизили чувствительность, и изображение стало размытым.

Все детали стали расплывчатыми, однако было ясно... двигатели установлены по ободу гигантского и совершенно правильного ледяного шара. Большую его часть пересекали разноцветные линии; они проходили тут и там рядом с куполами, соединенными друг с другом по поверхности этими яркими полосками. Некоторые из куполов были прозрачными. Во льду виднелись корабли, огромное количество кораблей. Они также летали и в космосе вокруг шара.

Приборы на борту «Антропоса» были намного совершеннее, чем на «Синдбаде». Человек на борту «Антропоса» передал данные по рации: «Масса: шестьдесят пять тысяч тонн. Один клик, помноженный на полклика и еще полклика. Альбедо: девяносто шесть процентов».

— Боже, до чего ж огромный! — изумился Реннер. — Конечно, не такой большой, как комета, но ведь это же и не комета, черт подери! Это — транспортное судно! Джойс, в Империи когда-нибудь строили...

Изображение изменилось, и теперь на экране виднелся черный шар с единственным выступающим двигателем, из сопла которого вырывался огненный столб. Обитатели шара закрыли Поле.

Появилась Евдокс.

— Это — Внутренняя База Шесть, — сообщила она. — При виде отсюда — маневрирует к хватательной стороне.

— Да, его поверхность состоит из замерзшей водородной пены, — послышалось с «Антропоса». — Мы считаем, что внутренность шара состоит из водородного льда; а его масса почти правильная. Двигатели работают на термоядерном водородном топливе с некоторыми специальными добавками.

— Зонд Безумного Эдди выглядел больше этой штуки, — заметил Реннер. — Причем, намного больше, но оказался всего лишь легким парусником. Помнится, как только мы его обнаружили, капитан Блейн беспокоился, не напичкан ли он десантниками.

— Сдается мне, что на этот раз точно напичкан, — промолвил Гораций Бери.

* * *

Через полчаса «Синдбад» подошел к ледяному шару настолько близко, что смог почувствовать его очень небольшую гравитацию.

— Идет сюда, — сказал Реннер.

— Да, сэр, — отозвался коммандер Раулингз. — Сэр, я согласен, что лучше, если бы «Синдбад» имел дополнительную защиту мощным Полем Лэнгстона, но мне будет очень сложно оказать помощь, если «Антропос» не сможет маневрировать. Капитан, у них же уйма кораблей и пушек. Если я буду там с вами, то не смогу найти способа поддержать вас, чтобы вы могли вырваться.

— Верно, — кивнул Реннер.

— Можно предположить, что команда «Гекаты» находится точно в таком же положении, — грустно заметил Блейн.

— Мошкиты с Мошки-1 очень любезно принимали нас, — проговорил Бери. — Мы думаем, что эти мошкиты даже еще больше похожи на арабов.

— Да, — произнес Реннер. — Что ж, у нас есть один способ проверить, относятся ли наши мошкиты к гостеприимству так же, как и арабы.

— На все воля Аллаха, Кевин, — молвил магнат. — Я готов.

* * *

Черный защитный щит исчез. «Синдбад» опускался по направлению к Базе Шесть. Впереди шел «Фидиппидес», постепенно изменяя курс, двигаясь к предназначенному для него месту стоянки.

— По-моему, это наши, — сказал Блейн и показал.

Реннер рассмеялся.

— Да. Боже, это же *мечеть!*

Мечеть выглядела величественно. Творение *человеческих рук*, она вызывала благоговение своею красотой. Она являла собой единственное строение внизу, которое не было построено из соображений практической полезности. Она не казалась чем-то чужим. Наполненная светом и воздухом, выложенная расписной кладкой, она плавала на ледяном поле. Ее структура не могла состоять из мрамора; скорее, она была вырезана во льдах. Она была более похожа на мечеть, чем замок Короля Петра, построенный на Мошке-1 его подданными. И она была значительно меньше. Мечеть, сообщающаяся с... вертикальным тоннелем, напоминающим канал или колодец, из которого прямо к «Синдбаду» тянулись, подобно змеям, специальные кабели.

Черное Поле закрыло темное небо; звезды исчезли. «Антропос», висящий в пространстве недалеко от Базы Шесть, теперь был вне пределов связи. Реннер всем сердцем ощущал уязвимость и беззащитность «Синдбада».

«Синдбад» при помощи специальной лебедки поднимался к колодцу мечети. Реннер отметил, что колодец словно специально вырублен для «Синдбада» — настолько он соответствовал размерам корабля. Это заметил и астрофизик.

— Почти точь-в-точь, — проговорил он. — После того, что нам довелось увидеть на Мошке-1, здесь не так уж много Инженеров, способных удивить меня... все это напоминает мне транспортировочные отсеки, соответствующие переходным шлюзам.

«Синдбад» неумолимо затягивали в швартовочный отсек. Эти транспортировочные отсеки казались нескончаемыми, а на самом деле были самыми обыкновенными отверстиями. И мошкитские Инженеры ожидали их внутри, готовые тут же подправить все, что угодно.

В «Синдбад» начал поступать поток топлива. Отлично: *это* обещание они сдержали.

Примерно через час мошкиты завершили присоединение «Синдбада» к специальной антенне, идущей наружу через восстановленное теперь Поле. К тому моменту Реннер уже горел от нетерпения. Он изо всех сил старался держать себя в руках... потому что если уж он сорвется — то что говорить о Раулингзе! Затем Кевин сказал:

— «Антропос», это «Синдбад». Проверка.

— «Антропос» слушает, сэр. Все в порядке. Сейчас... Слушаю, — произнес Раулингз.

— Прекрасно. Коммандер, не упускайте из вида, что все, произносимое здесь, фиксируется мошкитами. Мне бы хотелось, чтобы вы постоянно проверяли систему связи. Удостоверьтесь, что все наши системы связи в полном порядке.

— Слушаюсь, сэр. А что, если что-то будет не так?

— Постарайтесь восстановить ее, а в тот период времени, когда вы будете отрезаны от «Синдбада», я возлагаю командование на вас. Делайте все, что считаете лучшим. Вам придется выполнять послед-

ние приказы, полученные вами от Баласинхэма. Естественно, вы будете находиться в полной боевой готовности, пока я не отменю ее своим приказом.

— Слушаюсь, сэр. Вас понял. Вы ожидаете каких-то неприятностей, капитан Реннер?

— Не отсюда. Я полагаю, что здешние мошкиты окажутся гостеприимными хозяевами. Конечно, они сообщили нам, что им придется приводить в порядок их отношения с Ист-Индской компанией. Именно это мне и кажется опасным.

— Понятно, сэр.

— И постарайтесь разузнать, чем все это пахнет. Я оставлю связь в постоянной готовности к приему сообщений. — Реннер нажал на несколько рычажков. — Так, я это сделал. Гораций, по-моему настало время. Джойс, вы действительно хотите продолжить...

— Эта штука весит всего-навсего восемь килограмм, — сказала молодая женщина, взвешивая на руке гиростабилизированную съемочную камеру. Она свободно двигалась в своем защитном кожухе, словно что-то живое.

Реннер осторожно потрогал индикаторы: внутренний замок, внешний. Дверцы переходного шлюза «Синдбада» сперва закрылись, затем открылись... прямо в коридор, разукрашенный мавританскими абстрактными рисунками. Потом он вдохнул чистый воздух, слегка отдававший какими-то химикалиями.

* * *

Хрис Блейн с нетерпением ожидал, пока Евдокс объясняла Горацию Бери:

— У нас действительно нет места для ваших Воинов, чтобы они сопровождали нас, — говорила она. — Наверняка вы меньше меня ожидали, что вас будут эскортировать Воины. Они будут сопровождать Мастера, и все из-за важности вашего посещения. С моим Мастером будут его Воины, когда вы встретитесь.

— Это не имеет значения, — сказал Бери, взмахом руки указывая на Блейна, Синтию, Набила и Джойс. — Моим друзьям придется заменить их. А в будущем мы разработаем новые традиции для переговоров между людьми и мошкитами.

— Благодарю вас, — сказала Евдокс и остановилась. — Видите ли, есть еще одна небольшая деталь. Мы надеялись, что вам не понадобится ваше движущееся кресло, ваше превосходительство. Однако, если нужно, мы можем перестроить коридоры, чтобы вам было удобнее передвигаться.

— Вы очень любезны, — улыбнулся Бери. — Благодарю, но сейчас у Набила с собой переносной медицинский блок, а в нем — все для меня необходимое. Ну что, ведите нас.

— Все в порядке, Кевин?..

— Я лучше останусь на связи с «Антропосом», — сказал Реннер. Будучи капитаном, он не имел права покидать корабль.

В коридорах царила неутомимая деятельность. Повсюду носились Инженеры и Часовщики. Блейн взглянул через плечо Набила на показатели Бери. Все в норме. В полной норме. Бери был спокоен как никогда. Блейну это спокойствие магната показалось даже пугающим.

Они вошли в купол, представляющий собой правильную сферу. Они смотрели на поверхность через целый лес вьющихся виноградных лоз. И видели ослепительно белый снег, пастельного цвета строения с проступающими полосками их первоначальных цветов. И... Джойс оглянулась, затем решительно продолжила свой путь. Ее переносная камера смотрела между двумя рядами пышной, разросшейся темно-зеленой растительности.

Мечеть выглядела восхитительно. Джойс на мгновение задержалась, затем направила камеру на «Синдбад» и дала увеличение, чтобы запечатлеть его крупным планом на фоне единственного минарета мечети, что выглядело весьма живописно. Потом молодая женщина сказала:

— Нам бы хотелось выйти.

— Никаких проблем, — отозвалась Евдокс. — Ваши телезрители почувствовали бы себя не совсем удовлетворенными, если им не показать все это. Что вы остановились? У вас что-то не так с ощущениями?

Джойс лишь молча кивнула. А через несколько секунд буквально остолбенела — когда осознала, сколько она уже успела «рассказать» Евдокс о себе. Хрис, заметив ее замешательство, усмехнулся.

Теперь коридор шел глубоко подо льдом. Во все стороны ответвлялись какие-то неведомые пути и проходы. Тут и там виднелись разрозненные вертикальные трещины, словно кто-то вырезал во льду стрелки, указывающие дорогу к какому-то древнему убежищу. Чуть выше голов путников в коридор выходили попарно сужающиеся у концов трубы. Мошкиты пролетали через них, словно листья во время бури.

Чем дальше они спускались, тем глубже оказывались в недрах Базы Шесть.

Наконец коридор вывел их в просторный зал. Возле двери, находящейся с противоположной стороны, стояли две гротескные фигуры. Хрис заметил, как напряглась Евдокс, когда они проходили мимо. Он оглянулся на него, и совершенно не удивился испугу Евдокс, ибо сам ощутил пронзительный страх при виде этих двоих.

— Воины, — тихо сказала Джойс. — Они, конечно, вызывают ужас, но в них чувствуется какая-то необъяснимая красота. — И она взмахнула камерой.

У Набила с Синтией от испуга волосы стали дыбом.

Один из Воинов еле заметно пошевелился и отворил дверь. Их провели в другой просторный зал. В его самом дальнем конце Белый мошкит баюкал младенца. Слева от него стояли два Воина, а слева от них — еще один Белый и Коричнево-Белый.

Евдокс быстро заговорил с ними на каком-то непонятном людям языке. Второй Посредник мгновенно прервал Евдокс, всплеснул руками и что-то гневно выкрикнул. Его крик напоминал собачий рык.

— *Храш-ш-ш!* Наш Мастер говорит, что он будет вести переговоры на англике, — сообщил второй Посредник. Похоже, он не осознал, что привлек грозное внимание всех Воинов, находящихся в зале. — Тогда мы передаем те же самые мысли на торговом языке. Это печальная необходимость, но, учитывая недавнюю перемену в ситуации, мы этого требуем. К тому же Ист-Индская торговая компания не будет работать ни для вас, ни вместе с вами.

Когда все посмотрели на Евдокс, то создалось впечатление, что она низко поклонилась.

— Хорошо, — сказала она. — Мне выпала честь представить его превосходительство Горация Хусейна аль-Шамлан Бери, имперского магната, председателя Имперской Торговой Ассоциации. Ваше превосходительство, прошу вас познакомиться с моим Мастером — адмиралом Мустафа-паша. А это — наш Мастер-компаньон Ист-Индской компании, лорд Корнваллис. Молодого Посредника, которая будет говорить за лорда Корнваллиса, можно называть Вордсвордом. — Евдокс указала на своего Мастера.

Мустафа заговорил медленно и явно обдумывая каждое слово.

— Ваше превосходительство, добро пожаловать на Базу Шесть, — перевела Евдокс. — Еще мой Мастер передает вам приветствие от имени Калифа Альмохада. Будьте здесь, как дома.

— Благодарю вас, — сказал Бери. — Вы — очень любезный хозяин. — И он поклонился обоим Мастерам. Затем кивнул в сторону Хриса Блейна.

— Я буду говорить за его превосходительство, — произнес Блейн. — Нам очень хочется еще раз поблагодарить вас за оказанное гостеприимство, а также заверить вас, что мы отлично понимаем вашу спешку, вызванную нашим прибытием сюда, причины которого вам были не конца ясны.

Джойс сдвинулась немного в сторону, чтобы оглядеть всех присутствующих. Ее камера качнулась в руках и издала еле слышное жужжание. Один из Воинов тотчас сделал резкое движение, но был остановлен коротким рявкающим приказом адмирала Мустафы.

Хрис Блейн обратился ко второму Посреднику:

— Вордсворд, будьте добры, передайте лорду Корнваллису, что мы очень рады встрече с ним.

— С ней, — поправил Блейна Вордсворд. — Мединцы говорят, что люди обычно спешат. Это правда?

— Да, такое часто случается, — ответил Блейн.

— Тогда извините меня, но я должна сообщить вам сейчас нечто очень важное, — сказала Вордсворд. — Вам известно, что ваши хозяева совершили с нами? Мы прибыли к ним в гости, и нас предали. Половина из нас погибли, разодранные на мелкие части кусками металла, и развеяна по воздуху...

— Не мы приглашали вас в качестве гостей, — вмешалась Евдокс. — И об этом всем отлично известно. Вы сами вовлекли себя в альянс, а дальше даже и пальцем не пошевелили, чтобы что-нибудь сделать. И только ваша некомпетентность привела сюда Империю. Я докажу. — Евдокс повернулась к Блейну. — Расскажите нам, откуда вашей Империи стало известно о приходе Сестры Безумного Эдди. И когда?

— «Мнимые» корабли, — ровно ответил молодой человек. — Оказавшиеся на самом деле полыми скорлупками. Их могли запускать только для одной цели.

— Совершенно верно! — воскликнула Евдокс. — Если бы Ист-Индская компания высылала настоящие корабли, Империя бы ни о чем не догадалась, и теперь наши корабли спокойно бороздили бы имперское пространство.

— И где эти корабли сейчас? — осведомилась Вордсворд. — Я имею в виду наш посольский корабль, отправленный к людям. Его команда жива или погибла? Я хочу, чтобы на мой вопрос ответил человек.

— Корабли мошкитов в целости и сохранности, — сказал Блейн. — Один скрывается среди астероидов красного карлика. Остальные дожидаются вместе с имперским крейсером эскорта главного боевого флота.

— А что с представителем Ист-Индской компании?

— Извините, но до настоящего момента мы не знали, что на борту этих кораблей находится представитель Ист-Индии, — ответил Блейн.

Евдокс заговорила медленно на языке с ударениями на согласных звуках: создавалось впечатление, что с треском лопаются кукурузные хлопья. Ее Мастер, покрытый белой шерстью, внимательно выслушал, затем произнес на том же языке:

— Адмирал Мустафа утверждает, что оба ист-индских Посредника в безопасности. Что нет никакого смысла причинять им вред. Посредникам, находящимся на борту наших кораблей, приказано постоянно поддерживать связь с Империей, как минимум, до тех пор, пока им не удастся переговорить с кем-либо, облеченным высокими полномочиями. Только тогда ист-индские Посредники получат права, которые мы согласовали.

Вордсворд посмотрел на Хриса Блейна.

— Это правда? Неужели там, на дальней стороне Сестры, нет ни одного могущественного представителя имперской власти?

— Лицами, представляющими высочайшую власть, были капитан Реннер и его превосходительство.

— Благодарю вас. А теперь я должен спросить, о чем вы договорились с Мединой?

Блейн взглянул на Бери, затем отвел глаза.

— Мы условились следовать сюда с ними. Полагаю, ни для кого не секрет, что мы надеялись на то, что нас примут на Мошке-1. Прежде чем нам удалось найти здесь опору... — с его губ чуть не сорвались слова «под ногами», — один из наших кораблей и Сестра угодили к Крымским Татарам. То есть мы их временно потеряли. Мединцы согласились помочь нам в спасении команды и пассажиров «Гекаты». Это похоже на правду. Ведь наши потери стали результатом их двуличности.

— Вы имеете право говорить за Империю?

— Нет, но если все мы, находящиеся здесь, сумеем договориться, то это может оказать огромное влияние. Я — Кевин Христиан Блейн, сын лорда Родерика Блейна. Коммодор Реннер пользуется огромным влиянием в Космофлоте. Его превосходительство контролирует большую часть совета директоров Имперской Торговой Ассоциации. Джойс Мей-Линг Трухильо вещает для службы новостей по всей Империи. Так что то, о чем мы договоримся, станет известно во всех имперских инстанциях, вплоть до самых высших.

Вордсворд пристально посмотрела на молодого человека:

— Неужели мы стоим на одном уровне с Мединскими Торговцами? Неужели Медина с вами разговаривала? И, наконец, разве эта договоренность будет касаться нас, вас и Мединских Торговцев?

— Нет. Нам сообщили, что вы были партнерами с Мединой и ведутся переговоры о приведении в порядок этого статуса.

— Не понимаю вас.

— Я имел в виду, что вы с Мединой партнеры и сейчас ведете переговоры об изменениях в ваших соглашениях.

— Это очень деликатная тема, — проговорила Вордсворд. Она медленно повторила свои слова Мастеру и получила весьма многословный ответ. Затем вновь обратилась к Блейну. — Мы можем договориться о приведении в порядок нашей позиции в отношении Медины. Разумеется, мы прекрасно понимаем, что нас нельзя ставить на одну доску с Мединой, однако мы настаиваем, чтобы нас услышали на всех дискуссиях.

— Вы не в том положении, чтобы настаивать, — заметила Евдокс.

Вордсворд произвела своеобразное движение, что у мошкитов означало пожатие плечами.

— Для нас хуже уже не будет. Крымские Татары сбежали от своих бывших разбойничьих авторитетов. Они хотят многое знать. Им нужны друзья. А что, если они устремились к нам в поисках убежища? А что если они везут к нам людей и руку, ухватившую Сестру, для торговли? Тогда мы...

— Вы не сможете.

— Медина лишилась прыжковой точки Безумного Эдди из-за слишком большого количества Мастеров, очень небольшого богатства и еще потому, что двигалась по самым неудобным орбитам. — *Из-за скверного распределения ресурсов*, перевел для себя Хрис... впрочем, не совсем уверенно. — Была совершена серьезная ошибка. Ее нельзя допустить еще раз! Пока у Ист-Индцев средств примерно столько же, сколько и у вас, в целом. Крымские Татары не знают ценности того, что они везут. Ист-Индцы могут иметь дело и с Крымскими Татарами, с людьми и с Мединой. Так чего же хотите вы?

В зале воцарилась тишина, время от времени нарушаемая негромкими звуками: постоянно двигались Воины, Посредники и Мастера; раздавалось шарканье ног, потрескивание суставов пальцев рук и ног. Хрис выдержал паузу в несколько секунд; однако он не смог бы больше слушать такую тишину, поэтому и нарушил ее:

— А что, если это вас разделит? Вы понимаете, о чем я?

— Доступ в Империю и к звездам не для нас, — тотчас же произнесла Евдокс.

— Третий ученик ученика вашего финч'клик' сообщил нам, что для Империи имеет смысл договариваться только со *всеми* мошкитами, — сказала Вордсворд. — Со всеми без исключения. Что касается разновидностей... специфических видов... вы же хорошо на это посмотрите, ведь так? Ведь мы разговариваем, мы ведем переговоры, мы согласны управлять системой Мошки. Несколько семей мошкитов будут контролировать систему Мошки. Мы желаем стать частью этих семей.

— И, по возможности, самые высокие ставки в этой игре, — прибавила Евдокс. И прежде чем Хрис или еще кто-либо успел ответить — если он вообще *знал*, что ответить, — оба Посредника отвернулись и заговорили каждый со своим Мастером.

— По крайней мере они обсуждают *это*, — прошептала Джойс.

Блейн кивнул. Однако его больше интересовала реакция Горация Бери. Магнат уловил сомнение в его выражении лица (приподнятая бровь, легкий наклон головы) и произнес:

— Здесь есть причины для планомерных массовых убийств.

Вдруг Евдокс стремительно обхватила лицо Джойс Трухильо плечом и руками.

— Что вам известно о наших обычаях в воспроизводстве потомства?

Хрису пришло в голову резко оттолкнуть руки мошкиты от лица девушки. Но было поздно. Чертовски поздно... и это дало бы понять Посредникам, что *он* знал. Евдокс даже не ждала от нее ответа; она бросилась к ней, движимая лишь эмоциями.

— Так. Вы собирались договориться с мошкитами об объединении. Как же вы могли ожидать от нас такого? Ведь наша история говорит о том, что мы прежде пытались объединиться, но нам никогда это не удавалось.

— И эти задачи, равно как и все возможности, утеряны навсегда, — сказал Бери. — И что ни мошкиты, ни люди сами по себе не могут это сделать. А вот вместе, и мошкиты и люди, пожалуй, могли бы объединиться. Аллах милосерден.

— Послы Короля Петра наверняка рассказали вам слишком много, — проговорила Евдокс. — И что с ними сталось?

— С ними хорошо обходились, — ответила Джойс. — Насколько я помню, один из них еще был жив несколько лет назад. Он находился в Институте Блейна. Подробнее об этом вам мог бы рассказать лейтенант Блейн.

— Как сказал его превосходительство, все изменилось, — промолвил Блейн. — Когда возле Блокады была лишь одна прыжковая точка и ее было очень легко защищать, Блокада являла собой довольно действенный способ выиграть время. Теперь приходится блокировать два маршрута. Возможно, это даже лучше, лучше как для людей, так и для мошкитов. Если только не...

— Придет ваш флот, — завершила за него Евдокс. — Тогда в системе Мошки начнется война, и вы уничтожите нас. Руки всегда жаждут быть омытыми в крови, только бы не допустить нашего бегства во Вселенную. Именно этого вы боитесь. — Она говорила правду; и, должно быть, это отразилось на их лицах. И она заметила ужас на их лицах. — Наше количество возрастает неуклонно. Как и наши территории. В течение тысячи лет мы возьмем вас в кольцо. Да. Поэтому нам необходимо найти лучший ответ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЧЕРВЬ БЕЗУМНОГО ЭДДИ

Твой жребий — Бремя Белых!
Как в изгнанье, пошли
Своих сыновей на службу
Темным сынам земли.
. . . . . .
Дороги и причалы
Потомкам понастрой,
Жизнь положи на это —
И ляг в земле чужой.

Редьярд Киплинг.
Бремя белых, 1899

Глава 1. Татары

Знание представляет ценность только тогда, когда исходит от добродетели.

Блаженный Августин. Град Божий

Через иллюминаторы они могли видеть только обезглавленный корпус «Гекаты».

Жуткий дырявый «шрам» занимал половину длины корпуса корабля: там, где раньше находилась кабина, зияла огромная дыра. Остальную часть корпуса поместили вдоль серебряной «сосиски» — одного из кораблей захватчиков. Он летел строго придерживаясь расстояния в триста метров от второго вражеского судна. У корабля была изящная корма. Из сопла вырывался еле заметный фиолетово-белый огонь, который стелился как продолжение корпуса корабля.

Спустя некоторое время тяжелую кабину «Гекаты» переместили на боковую часть другой точно такой же «сосиски». Изнутри пленники почти ничего не видели; их взорам предстала только серебряная мембрана, выгибающаяся назад на несколько сантиметров от напирающего на нее жидкого флюида. Еще они видели впереди неподвижно закрепленную кабину «Гекаты».

Однако они довольно хорошо видели корабль, захвативший их судно. Фредди настроил оставшиеся телескопы таким образом, чтобы постоянно наблюдать за ним. «Сосиска» была перепоясана условно окрашенными полосками и кольцами узких лесенок и переходов, ощетинилась всевозможными рукоятками и скобами, хватаясь за которые, повсюду мелькали мошкиты. Вокруг «Гекаты» тоже ца-

рила такая же неразбериха, поскольку их корабль мошкиты уже опутали замысловатым лабиринтом металлических трапов и лесенок. И буквально каждый сантиметр борта «Гекаты» занимал мошкит в скафандре. Они заполонили корпус корабля, точно вши.

Мошкиты нашли спинакер Фредди. Несколько минут они разворачивали его, пока он не превратился в несколько акров серебряной пленки. Тогда они накачали его воздухом и установили впереди носа «Гекаты».

— Вряд ли от этого очень сильно увеличится скорость, — сказала Дженнифер. — Зачем же они это сделали?

— А почему бы и нет? — усмехнулся Терри Какуми. — Хлоп — и парус играет роль сигнального устройства, хлоп — и он уже тепловой экран. Как им все-таки *нравится* мошенничать!

— Он послужит тепловым экраном и для их кабины, — заметил Фредди.

Внезапно «Геката» стала поворачиваться прямо у них на глазах. Инженеры и крохотные Часовщики мгновенно выбрались из всех ее отсеков и перебрались на свой корабль. На носу, в кормовой части и в районе миделя [1] захватчики обнаружили автоматические камеры общепринятой стандартной модели и поэтому все одинаковые, что привело мошкитов в глубокое замешательство. Они принялись изучать бак с горючим и в скором времени оставили его нетронутым. Затем они забрались внутрь через обрубленный конец корабля, и Инженеры возились там до тех пор, пока им не удалось вытащить оттуда стеклянный резервуар, опоясанный трубками, словно гирляндами...

— Черт подери, — процедил Фредди сквозь зубы. — Эти недомерки лишили нас очистительной системы! Теперь мы умрем от голода.

— У нас есть шкафчик со сладостями, — сказала Дженнифер. — Там их на неделю хватит.

— Этого НЗ хватит всего на два раза. Но сможет ли эта чертова очистительная система поддерживать нас хотя бы до того времени, когда мы начнем тосковать по вкусу протокарба? Надо взять себя в руки. Крепитесь, друзья.

Мужчины стали раздражительными, разговаривали рассеянно. Однако Дженнифер оставалась спокойной и, похоже, даже счастливой. Она укачивала на руках шестикилограммового мошкита, который ухватился за нее всеми своими тремя руками, внимательно наблюдал за ее лицом, время от времени стараясь подражать ее словам. А Гленда Руфь... была напугана, когда думала об этом. Она чувствовала себя опустошенной и полностью сбитой с толку; и в то

[1] Буквально «середина» — вертикальная поперечная плоскость, делящая судно по длине на две части — носовую и кормовую.

же время — энергичной, как никогда, играя в игру, которой обучилась еще в колыбели.

Она помассировала Фредди спину, сильно проводя большими пальцами по его напряженным мышцам. Фредди невольно глухо заурчал от удовлетворения. И спросил:

— Как, по-твоему, они не уничтожат данные наших черных ящиков? Во время сражения получилось несколько отличных записей.

«Геката» постепенно уменьшалась. Мошкиты использовали добрую половину ее корпуса, чтобы соорудить из нее изогнутое зеркало, отражающее свет от серебряного спинакера. Фредди увидел на носовой части вражеского судна километры проводов. Внезапно неизвестно откуда появился маленький корабль. На его борт перенесли все, раньше находившееся на «Гекате»: проводку, четыре камеры и термоядерные двигатели; один из Инженеров-пилотов заменял изношенные детали на новые, а старые выбрасывал.

Наконец мошкиты добрались до двигателя «Гекаты»; они сняли его, перетащили в кормовую часть, затем врубили. Потом столпились вокруг него, и пристально изучали, настраивали, копались в нем. В эти минуты они выключили свой двигатель, оставив включенным двигатель «Гекаты».

— Это выглядит как комплимент нашему оборудованию, — усмехнулась Гленда Руфь. Фредди молча кивнул в ответ.

— Тебя это очень расстроило? — спросила Дженнифер. — Я имею в виду «Гекату»?

Фредди даже не пошевельнулся. Он лишь распрямил могучие плечи.

— Не то, чтобы очень, — ответил он. — Это же гоночная яхта, и мы привыкли менять *все* ее детали по малейшему поводу. Ведь главная мысль — *победить*. Поэтому я не испытываю тех чувств... — он повернулся к Гленде Руфь, — которые испытывал твой отец, когда терял свой первый боевой корабль вместе со своей первой командой.

— Если ты говоришь о «Макартуре», то при одном упоминании о нем папу передергивает от боли, — сказала Гленда Руфь, как следует разминая плечевые суставы Фредди.

До них донесся какой-то шум. На этот раз Инженеры с Часовщиками ходили по поверхности прозрачного купола их жилого отсека. Что еще там случилось?

— Опять! — злобно произнес Фредди. — «Геката» — место, где мы с тобой воссоединились, дорогая. О, как я их ненавижу...

— Кажется, постель они не тронули, — сказала девушка.

Мышцы Фредди немного обмякли. Ее слова явно успокоили его.

— Мы забрали ее с корабля Баласинхэма и смогли построить вокруг нее корабль, — улыбнулся он.

Малыш-Посредник посмотрела в глаза Дженнифер и, отчетливо выговаривая слова, сказала:

— Давайте поедим.

Дженнифер отпустила Посредника, и малышка, отскочив от девушки с такой силой, что ту развернуло на триста шестьдесят градусов, странными движениями устремилась прямо к Инженеру.

Салон кишел мошкитами. В центре оставался Воин. Несколько минут постояв неподвижно, он вдруг двинулся по салону, словно паук, накачанный амфетаминами, затем снова застыл на месте. Инженер, трое тощих полуметровых Часовщиков и еще какое-то изящное существо с заячьей губой и тонкими руками и ногами обрабатывали отверстие в салоне, чтобы подогнать его под размеры овального переходного шлюза. Инженер обнаружил рядом с конусообразной передней частью кабины сейф и стал подбирать шифр, но затем оставил сейф в покое. Теперь мошкиты соскакивали со стен кабины и проходили через шлюз и систему очистки воды. Порой они приносили с собой едва уловимый запах незнакомого людям химического вещества.

— Их слишком много, — проговорил Фредди. — Поэтому они обязательно установят преобразователи воздуха.

— По-моему, вон тот — с заячьей губой — Доктор, — сказала Дженнифер. — Посмотри на его пальцы. И у этого мошкита нос расположен прямо надо ртом. Чтобы лучше улавливать запах. И у него пальцы хирурга, это точно. Значит, на Мошке-1 есть класс Докторов.

— Наверное, даже несколько...

— Верно. И теперь Доктор с Инженером решают, как сохранить нас в живых. Не нравится мне все это...

В эти минуты трое Часовщиков шли по кабине, вычерчивая зеленые линии. Они выдавливали краску из специальных небольших контейнеров, которые в ИВКФ назывались *пищевые тюбики*. Их содержимого хватало как раз для того, чтобы расписать линиями и загогулинами стены. Фредди отметил, что все линии сходятся в одном месте — там, где находилась очистительная система.

— А почему бы и нет, а, Дженнифер? — с задумчивым видом спросил молодой человек. — Как вы и сказали с Гленда Руфь, мошкиты делают все возможное для сохранения здоровья людей.

— Но только *самое главное*. Они же не построили для нас замка на Мошке-1.

— Это боевой флот, а не город, — заметила Гленда Руфь.

— Ничтожный у них боевой флот, — рявкнул Терри Какуми. — Вызывает только жалость! Посмотри на них, Дженни. Крохотные кораблики, состоящие в основном из резервуара и с огромными кабинами, потому что этих чертовых недомерков слишком много. Их двигатели способны ускорять на метр за секунду, и это в самом лучшем случае! Что же у них остается для вооружения? Я, например, не вижу для него места. А вы?

— А что если это просто подобие боевого флота, а, Дженни? Трахать мою ящерицу, неужели именно *такое* мы смогли бы построить вместе с мошкитскими Инженерами на Верфи? Они же бедны, как церковная мышь! Нас захватили транспортники для перевозки каторжников! Они прицепили нашу тачку к себе, а систему жизнеобеспечения кое-как склеили одолженной жевательной резинкой и перевязали веревками!

Дженнифер захихикала.

— Представляю себе дамские сумочки, набитые одолженной жевательной резинкой. Мне это нравится!

Гленда Руфь не на шутку разозлилась, словно захватчиками оказались *ее* мошкиты. Однако она чувствовала: Терри прав.

— Что мы можем сделать?

— *Поговори* с ними, Гленда Руфь, — ответил Терри. — Скажи им, что мы стоим целое богатство по сравнению с их последними медяками. И еще передай, чтобы они вытащили горох из наших перин. У меня все тело — сплошной синяк. Объясни им про *выкуп*. Или они дадут нам задохнуться.

— Сейчас нам нельзя с ними разговаривать, — сказала девушка. — Мы должны ждать.

* * *

Новый Посредник от Ист-Индии была такой же старой, как и Евдокс, с серыми полосками на рыльце и по бокам. В зал ее сопровождали Воин и Посредник помоложе, которые, как только старый Посредник вошел, поспешно удалились.

Когда она представилась Горацию Бери, торговец вздрогнул. Хрис Блейн подошел ближе и увидел, что мошкита принесла с собой.

— Новорожденный? — спросил он и, посмотрев на магната, увидел, как тот постепенно расслабился. *Разумеется, Бери принял этого малыша за Часовщика.*

Пожилой Посредник пристально изучала людей, затем направилась к Бери, буквально излучая радость. Весь ее вид говорил о том, что она приятно удивлена.

— Ваше превосходительство! Я даже не смела надеяться познакомиться с вами лично, даже когда узнала, что вы снова у нас, в системе Мошки-1. Я очень долго думала об имени, которое возьму себе, и остановилась на Омаре. Полагаю, что Омар — звучит не слишком претенциозно, не так ли? Я бесконечно рада видеть вас, ваше превосходительство!

Бери слегка наклонил голову в знак приветствия.

— А я очень рад, что у меня такие прилежные и способные ученики.

— А вот мой новый ученик. Мы еще не выбрали ему имя, однако...

— Ты злоупотребляешь терпением его превосходительства, — вмешалась Евдокс. — У нас тоже есть новые ученики, и нам не терпится представить их его превосходительству.

— Конечно, конечно! — Омар повернулась к Вордсворду и начала говорить.

— *Храш-ш-ш!* — рявкнула Вордсворд.

Евдокс выглядела довольной.

— Мы условились, что беседа будет проходить на англике, — сообщила она. — Ведь вам это вполне подходит, не так ли?

Вордсворд хотела что-то сказать, но Омар сделала едва заметное движение рукой, и та не проронила ни слова.

— Я бы предпочла строгие правила. Не люблю беспорядков и прочей суматохи, — произнесла Омар. — Что ж, очень хорошо, я буду получать информацию из всего, что услышу. На чем мы остановились на данный момент?

— Дела идут ни шатко ни валко, — ответила Вордсворд. — Есть и хорошие вести, но есть и плохие. Мы сделали большой шаг вперед, условившись о том, что Ист-Индия займет достойное место, второе после Медины, но только — *после* Медины.

Посредник-младенец внимательно смотрел на Горация Бери. Магната это не раздражало. Напротив, его интересовал этот малыш...

— Да, прогресс налицо, — сказала Омар. — А как все это будет осуществляться?

На губах Хриса Блейна появилась тонкая улыбка.

— Еще не все детали как следует проработаны, — ответил он. — И все же мы согласны на этот шаг, поскольку для объединения мошкитов никогда еще не было лучшего времени. Мошка-1 больше не является движущим фактором для остальных мошкитов. У Империи много боевых кораблей. Вместе с Мединой, Ист-Индией и союзниками мы можем привести...

Омар пристально посмотрела на Бери. Посредник-малыш потянулся к магнату. Тот невольно вытянул руку, коснулся шерстки малыша, затем отдернул руку назад.

— Ваше превосходительство, — произнесла Омар. — Давайте поговорим серьезно. Если Медина объединится с Ист-Индией — то получится грозная и могучая сила, и все же очевидно, что даже объединенные мы намного слабее очень многих обитателей космоса.

— Король Петр не был самым могущественным Мастером на Мошке-1, — сказал Хрис Блейн.

На несколько секунд воцарилось молчание, которое нарушил тихий голос Бери:

— Медина и Ист-Индия первыми осознали скрытое значение протозвезды. Сейчас ваши корабли ведут переговоры с Империей. Почему бы вам не получить хоть какое-то вознаграждение за это верное предвидение? — Он механически почесал у малыша за ушком. — Могу я выбрать ему имя? По-моему, неплохо назвать его Али-Баба. — Бери улыбнулся. — Разумеется, если от нас потребуется небольшая услуга...

— Мы начали переговоры с Крымскими Татарами, — сказала Евдокс. — Пока они проходят очень медленно. Им известны лишь языки, вышедшие из употребления. Устаревшие.

— Устаревшие для вас, — заметила Омар. — А не для нас. Одна из моих сестер разговаривала с Татарами и сразу же поняла их, прежде чем я приземлилась здесь. Ваше превосходительство, Татары боятся. Они поняли, что каждая рука мошкита направлена против них, и они не знают, что им делать. Одно это уже очень важно и держит их в постоянном страхе. И они отовсюду ожидают опасности.

— Они в безвыходном положении, — проговорила Джойс.

* * *

О корпус корабля раздался *глухой металлический удар.*

Они сидели в кабине «Гекаты» и ждали.

Через только что установленный переходной шлюз к ним быстро ввалился Воин, пробежал через кабину и, наконец, остановился. Перекинувшись несколькими словами с уже находившимся на «Гекате» другим Воином, новоприбывший издал свист, напоминающий заливистую трель.

И тотчас же снова появились мошкиты: полутораметрового роста Мастер, покрытый толстой белой шерстью, и мошкит поменьше, с очень густой коричнево-белой растительностью на теле: Посредник.

— Ну что ж, похоже, скучать нам не придется, — сказала Гленда Руфь.

Вслед за Мастером и Посредником появились два Инженера, таща с собой стеклянный цилиндр. В нем плескалось что-то зеленое и клейкое. Это оказалась очистительная система «Гекаты». После того, как над ней поработали их шестипалые руки, она несколько изменилась, впрочем ненамного.

— Я просто польщен, — заметил Фредди. — Если учесть, во сколько она обошлась мне, я бы удивился, если бы они сделали ее заметно более действенной.

Гленда Руфь почувствовала, что Фредди испытал облегчение, и девушка разделила его вместе со своим другом. Похоже, теперь их жизнь станет длиннее на несколько недель. Ведь именно время сейчас было самым важным для них фактором.

— Мы благодарны вам за столь дорогой подарок, — обратилась она к мошкитам на языке, которому ее научили Джок и Чарли, — на языке Короля Петра с Мошки-1.

Судя по позе, Посредник принял ее слова, но пока не понимал их.

Черт подери! Ведь состояние невесомости вполне могло изменить язык тела мошкитов. (Ну конечно же, поза!) Либо ее слова воспринимались им неправильно, либо ее движения и жесты. Как мог разговаривать Посредник-калека, лишенный одной руки?

Двое мошкитов, прибывших вместе с Инженерами, не были Часовщиками; ими оказались Посредники-младенцы. Дженнифер помахала рукой. Малыш покрупнее одним прыжком преодолел десять метров, отделяющих его от девушки, и точно запрыгнул ей на руки. *Дженнифер* даже не ощутила неудобства от этого.

Пусть. Гленда Руфь ослабила ремни, удерживающие ее на сиденье, чтобы предоставить своему телу полную свободу движений, затем, освободив ноги от специальных опор, проговорила, выставив руки ладонями вперед, чтобы дать им понять, что она не вооружена.

— Наши жизни во многом улучшаться благодаря вашему благородному и щедрому... — начала она, но тотчас же замолчала, увидев, как все мошкиты сосредоточились на ней.

Девушке пришлось вспомнить, как восстановить дыхание. Она прекрасно понимала, что совсем рядом находятся опасные и очень раздражительные Воины. Они постоянно ходили с оружием по кабине между пленниками. Поэтому четверым людям пришлось сохранять совершеннейшее спокойствие, пока их ощупывали шестипалые руки.

Они догадывались, что сейчас, скорее всего, происходило. Мать Гленды Руфь, единственная женщина, бывшая на борту «Макартура», раздевалась, для того чтобы мошкиты могли изучить анатомию. Дженнифер предпочла бы избежать этой участи.

Но теперь это было уже не важно. Представитель касты, принятый Дженнифер за Доктора, передвигался по «Гекате» вместе с Инженером и снимал с людей одежду, точно банановую кожуру. От этого люди должны были ощутить себя полностью беззащитными. Доктор резко отскочил назад от непривычного для него запаха человеческих феромонов, затем с сознанием своего долга начал громко чихать и фыркать. Прошло слишком много времени с тех пор, когда на «Гекате» еще работал душ и люди им пользовались.

Дженнифер зарделась и вся вытянулась от щекочущих прикосновений. Фредди показалось это забавным, и он изо всех сил старался скрыть свое веселье. Терри совершенно не волновало, что его округлая фигура совершенно голая, но его чрезмерно настороженное отношение к оружию Воинов заставило Гленду Руфь как следует пошевелить мозгами. Она изо всех сил старалась не вздрагивать от прикосновений рук мошкитов. Сухих. Жестких. Она ощущала на

лице правые руки мошкитов, и ей казалось, будто ее ощупывают дюжины хворостинок. Она понимала, что мошкиты выискивали на ее лице мышцы, превращающие переднюю сторону головы человека в сигнальную систему. Левая рука мошкита сжимала ее руку, сдерживала ногу и туловище, и все ради того, чтобы как следует изучить их строение.

Наконец, все они повернулись к Доктору. Посредник с Мастером находились сзади, наблюдая за происходящим.

Их явно поразило строение позвоночного столба человека. Как и тридцать лет тому назад, когда команда «Макартура» впервые встретилась с мошкитами с Мошки-1. Эволюция на Мошке пошла явно другим, более простым путем. Позвоночники мошкитов являли собой крепкую и мощную кость, а остальные суставы представляли собой очень сложные сочленения.

Коричнево-белый мошкит-младенец прыгал с человека на человека, фыркал, принюхивался, ощупывал, сравнивал. Даже Мастер, чувствуя себя в полной безопасности, подошел к Гленде Руфь и правыми руками провел по ее позвоночнику. Дженнифер чуть не помирала со смеху от щекотки, и ее смех скорее напоминал всхлипывания. Воспоминания будто ударили ее пыльным мешком по голове, когда ей припомнился один великолепный материал из «Летних Каникул».

(За дверями музея на Мошке-1 двенадцать пальцев Мастера точно так же ощупывали и изучали спину Кевина Реннера. При этом Реннер урчал и покрякивал от наслаждения. «Правее! Немного ниже! Отлично! Вот так! Почеши-ка еще здесь, чуток правее! Ах-х!»).

В подобных обстоятельствах сама она не могла произнести ни слова. Гленда Руфь пыталась сделать это. Они *должны* обучить Посредника, должны предоставить ему слова для обучения... но то, что они творили с ней, ввергало ее в сильнейшее замешательство. И Гленда Руфь отказалась от своих попыток заговорить.

Доктор с Инженером начали разговор с Мастером. Они что-то показывали ему, объясняли, демонстрировали. Мошкит, покрытый белой густой шерстью, внимательно слушал все, что они говорили. Время от времени он задавал короткие вопросы (когда он странно выгнул тело один раз, это было *вопросом*, требующим вербальных ответов; когда он снова выгнулся, это стало *приказом* к действию), и мошкиты подвели краткий итог своим исследованиям. И тотчас же один из вопросов Мастера вынудил Инженера собрать всех Часовщиков, чтобы они занялись очистителем воздуха. Другому Инженеру пришлось сравнивать Фредди с Терри и Дженнифер с Гленда Руфь. Их руки. Волосы. Кончики ног. И еще раз — позвоночники. Наконец, гениталии (ты когда-нибудь *перестанешь* хихикать?!)

Посредник наблюдал.

В конце концов им разрешили одеться. Одеваясь, они испытывали неловкость, тем более глядя друг на друга. Мастер по-прежнему беседовал со своими помощниками.

— Мы должны были догадаться об этом, — сказала Гленда Руфь. — Видите, говорит Мастер. И его речь отличается от речи Посредника. Сейчас они объединяют данные, полученные от двенадцати различных каст... то есть, от представителей двенадцати профессий.

Им стало намного легче говорить, когда они оделись. После некоторого молчания, Дженнифер сказала:

— Мне кажется, у Доктора близорукость. Вероятно, для хирурга это даже хорошо.

Взрослый Посредник забрала второго Посредника-младенца у его родителя Инженера. Затем она перешла капитанский мостик и протянула маленького мошкита Фредди. По ее виду ему стало совершенно ясно: это предложение, а не приказ.

Фредди глядел на Гленду Руфь, глаза молодого человека выказывали удивления, а не отвращение, и еще в его взгляде чувствовалась легкая надежда.

— Возьми ее, — сказала Гленда Руфь. И подумала: «Почему Фредди?» Фредди немедленно с улыбкой протянул руки и принял малыша к себе в объятья.

«Почему Фредди? Почему не я?»

Малыш уцепился за Фредди пятью членами и полез по нему вверх, ощупал его голову, плечи и неприкрытые одеждой части тела. Затем он отстранился, чтобы получше разглядеть его лицо. Мошкиты обладали способностью схватывать все мгновенно, запоминая каждое движение живого человеческого лица.

«Почему не я... или Терри?»

Тут заговорил Мастер. Инженер повел Посредника к дверце сейфа. Посредник начал возиться с кодом.

— Черт! — вырвалось у Гленды Руфь. Остальные мгновенно посмотрели на нее.

Если бы она дала точно понять, что у нее на уме, Посредник рано или поздно обязательно узнал бы об этом. Могла бы она извлечь из этого хоть какую-нибудь пользу? Она указала на сейф и громко закричала:

— Черт подери, он показывает сигналы к бедствию! И это случится очень скоро!

Бедствие, все правильно. Фредди проглотил комок в горле, резко показал на сейф рукой и быстро провел второй рукой по своим отведенным от сейфа глазам, а потом заорал:

— Плачь! Стони!

Гленда Руфь с трудом проглотила смех. Посредник-младенец старался подражать Фредди, показывая правой ручонкой на сейф, а левой — проводя по глазам.

Неожиданно Терри схватил девушку за лодыжку.

— Воины, — глухо произнес он.

— Они... — Она посмотрела на Воинов. Они *будут*... — Фредди, любовь моя, прекрати.

— А в чем, собственно, дело?

Она покачала головой.

— В любом случае, ты достиг цели.

Один из Воинов ринулся вперед и обосновался рядом с сейфом; его оружие было нацелено на людей.

Дверца сейфа приоткрылась. Часовщик тотчас же проник внутрь. Он вытащил оттуда запечатанный лабораторный сосуд в защитном чехле, который был одного размера с ним; затем извлек из сейфа пластмассовую бутыль с темной пылью, стопку документов и цилиндр, состоящий из золотых монет.

Инженер внимательно изучил золото и что-то сказал Мастеру. Мастер ответил.

Инженер положил обратно в сейф бумаги и какао. Потом начал осматривать сосуд.

— Не трогай его! — пронзительно закричала Гленда Руфь. Ни один мошкит не понял бы ее, а Посредник вспомнил.

Инженер вскрыл печати.

Раздался *хлопок*. Воин резко опустил голову и тотчас же вдохнул тот же самый выхлоп газа, который достался Инженеру. Гленда Руфь подумала: «Почему нас не застрелили?»

Но Воины не стреляли без оснований. Инженер соскреб со стенки из сосуда мизерную долю какого-то грязного мутноватого осадка, запечатал сосуд и поставил его на место. Дверца сейфа осталась открытой. Потом Инженер что-то сказал и швырнул золото одному из Часовщиков, который схватил его и выпрыгнул через проходной шлюз.

Остальные Инженеры заново установили очистительную систему в том месте, где шесть нарисованных зеленых линий сходились, подобно солнечным лучам. Они продолжали работать. К системе они добавили какую-то изогнутую и сжатую на конце трубку. Воины неподвижно стояли на своих постах. Когда Гленда Руфь бросилась к сейфу, она могла бы почувствовать удары фантомных пуль. Воины пребывали в состоянии полной боевой готовности; Мастер не давал им сигнала, который она сумела бы распознать; но мошкиты не останавливали ее.

Благодаря экономному использованию мошкитами воздуха, пониженному давлению в салоне, примерно десять процентов содержимого сосуда, где в специальной среде хранились яйца Червя Безумного Эдди, распылилось, как аэрозоль, и яица оказались в воздухе. Таким образом большинство содержимого сосуда осталось целым и невредимым. В воздухе носился запах нефти, смешанный с другими

загрязнителями окружающей среды. Это было естественное состояние для воды на Мошке-1. Однако этот запах быстро исчез, когда начали работать воздушные фильтры. Но мошкитам явно больше не нравился запах людей. А этот новый запах не доставлял беспокойства на планетах, населенных мошкитами.

«Они размножаются и развиваются в космосе, — размышляла Гленда Руфь. — Космос, населенный мошкитами, не испытывающими отвращения к загрязнителям, от которых на самом деле можно погибнуть».

Гленда Руфь бережно протерла край сосуда и заново запечатала его. Потом посмотрела на Инженера. Ее взгляд так и говорил, что это может быть жизненно важно; что он должен сообщить своим собратьям о том, что мошкиты могут случайно заразиться.

Затем она сделала неловкую попытку изобразить судорогу, показывая, что сотни червячков вылупятся из яиц и умрут в ее легких.

Тридцать лет назад Инженер, работающий в астероидных рудниках, найденный Уайтбридом, оказался зараженным червем-паразитом. Биологи «Макартура» решили, что эта инфекция не способна передаваться людям, и назвали ее Формой Z. При вскрытии погибшего Инженера в его внутренностях обнаружили шесть живых паразитов. Ничтожно мало, но живых.

Джок, Чарли и Иван привезли их с собой еще большее количество, и они беспокоили людей больше, чем *E.coli*. Паразит Z не причинял вреда, если не проявлял излишнюю активность; именно поэтому биологи Института Блейна использовали их в качестве основы для своих экспериментов по генной инженерии.

Интересно бы узнать, чувствует ли нормально себя паразит в этих, живущих в космосе, мошкитах? Не то чтобы это имело большое значение: безусловно, паразит бы выжил, но этот червь был совершенно особенным. И он не выжил бы в человеческих легких, хотя ведь это только *мысль*...

Посредник внезапно заговорил за ее спиной, и Гленда Руфь вздрогнула от неожиданности.

— Говорят Посредники, — произнесла мошкита. — Говорит не финч'клик' Горация Бери, а мы.

— Хорошо, — кивнула Гленда Руфь. — Давайте поговорим. Пожалуйста, оставьте в покое наши товары. Они нам нужны для переговоров. Поэтому ни в коем случае нельзя допустить, чтобы они испортились.

А ведь сейчас Червь Безумного Эдди уже растет и развивается в Инженере, причем женского пола. А вдруг и Воин тоже — женского пола? И подействует ли это на Часовщиков?

Сколько на борту Мастеров? Разумеется, их слишком много, больше, чем на самом деле нужно их захватчикам, но... сколько же их? Трое? Четверо? И у них остались считанные часы.

* * *

— Ваша светлость, срочно требуется ваше присутствие, — произнес голос. — Милорд. Милорд, я должен настоятельно просить вас об этом. Род Блейн, просыпайтесь, черт возьми!

Род сел на кровати совершенно прямо.

— Все в порядке! — рявкнул он автоматически.

— Что случилось? — спросила Салли. Она сидела рядом с озабоченным выражением лица. — Что-нибудь с детьми?..

Род поднял к голову к потолку.

— Кто?

— Лорд Орковский. Он уверяет, что дело крайне срочное, — проговорил телефон.

Род Блейн свесил ноги с постели и нащупал пальцами комнатные туфли.

— Я поговорю с ним в кабинете. Пусть нам принесут кофе. — Он повернулся к Салли. — Нет, слава богу, с детьми все в порядке. Госсекретарь иностранных дел не стал бы нас будить среди ночи, если бы что-то случилось с детьми. — Он пересек холл, вошел в кабинет и уселся за письменный стол. — Я на месте. Никаких съемок. Все в порядке, Роджер, так в чем дело?

— Мошкиты вырвались на свободу.

— Как?

— Вообще-то, дела *не так уж* плохи, — ответил лорд Роджер Орковский, Государственный секретарь иностранных дел. Голос дипломата звучал так, словно он пребывал в состоянии тяжелого стресса. — Вспомните о проблеме, связанной со сроком коллапса протозвезды доктора Бакмана.

— Да-да, конечно, я помню.

— Так вот, это случилось, и мошкиты были к этому готовы.

В соответствии с одной удачной мыслью — Хрис упоминал об этом в своих донесениях — Мерсер послал все, что ему удалось наскрести, туда, где должна была образоваться новая прыжковая точка Олдерсона, так, чтобы мы тоже были готовы к этому. И мы уже готовы.

Подробности будут позже. Мы сразу получили целую кипу сообщений о параметрах нового объекта, звездной геометрии и все такое прочее. Вам придется все это прочесть. Особенно важно то, что несколько кораблей мошкитов с послами на борту теряют время зря под присмотром Космофлота, пока мы решаем, что с этим делать. А Мерсеру нужен боевой флот.

Род понимал, что Салли уже в кабинете и, стоя за его спиной, слушает их разговор.

— Роджер, — обратилась она к собеседнику мужа.

— Доброе утро, Салли. Извините, что я поднял вас в такую рань...

— С детьми все в порядке?

— Я как раз этим занимаюсь, — ответил Орковский. — Мы не знаем. Хрис добровольно стал представителем ИВКФ на корабле Бери — «Синдбаде», — чтобы осуществлять связь с остальными. Командует операцией коммодор Кевин Реннер.

— Коммодор?

— Да, все так запутано...

— Значит, они отправились в систему Мошки, — констатировал Род.

— Совершенно верно. «Синдбад», легкий крейсер «Антропос» под командованием коммандера Раулингза... и корабль мошкитов. Рапорт сообщает, что первый человек, с которым мошкиты выразили желание вести переговоры — Гораций Бери.

— Роджер, но это же не имеет смысла! — заметила Салли.

— Возможно, но это так. Послушайте, лучше я вам расскажу все остальное. В два часа во дворце состоится совещание. Мы хотим, чтобы вы на нем присутствовали. И вы, милорд, и ваша супруга. По правде говоря, нам бы очень хотелось, чтобы вы вернулись в Комиссию по мошкитам. В любом случае, вы собирались вернуться в Новую Каледонию, и теперь правительство оплатит вам дорогу туда и все расходы. Как раз к тому времени, когда вы прибудете во дворец, у ИВКФ уже будет готов корабль.

— Мы не можем вот так взять и все бросить за одну минуту! — свирепо произнес Род.

— Можем, — спокойно возразила Салли. — Благодарю вас, Роджер. Вы только что упомянули Хриса. А что с Гленда Руфь?

— Среди множества донесений и рапортов у нас есть последнее послание от вашей дочери, — ответил Орковский. — Салли, через сто часов после того, как «Синдбад» отправился в систему Мошки, Фредди Таунсенд проследовал туда же на своей яхте. Гленда Руфь находилась на ее борту.

— Мне нужно его имя, — решительно проговорила Салли.

— Чье?

— Мне все равно, кто это. Но очевидно, что этот человек занимает ответственный пост в ИВКФ, и он разрешает нашей дочери войти в систему Мошки на невооруженной яхте! Мне нужно его имя!

— Салли...

— Да, я прекрасно понимаю, он думал, что у него есть веская причина сделать это.

— Вероятно, так оно и было.

— Это совершенно неважно, не так ли? Когда в последний раз ты сумел победить меня в споре? Я все же узнаю его имя. Финч'клик'!

— Да, мадам.

— Наша машина готова?

— Да, мадам.

— Передайте Уилсону, что мы будем отсутствовать час. Да, и достань разрешения на вход в западное крыло дворца.

— Да, мадам.

— Итак, что мы с собой возьмем? — Салли задумалась. — Джока. Финч'клик', я желаю поговорить с Джоком. Разбуди его, но сперва посоветуйся с докторами.

— Хорошая мысль, — заметил Род. — Салли, нам нельзя брать его с собой.

— Разумеется, но мы заставим его что-нибудь записать, чтобы доказать, что он все еще жив, — ответила Салли.

— Что?! — воскликнул Род, сжимая футляр с факсимильными документами. — Вот что говорится в последнем рапорте. Цитирую: «Достопочтенной Гленда Руфь Блейн, на основании коротких бесед с представителями мошкитов, было сделано заключение, что, хотя эти мошкиты знают англик и имеют довольно близкое знакомство с Империей, они не являются частью какой-либо группы мошкитов, с которой мы встречались раньше». Я не думаю, что они ей поверят.

— Большинство дураков поверят.

— Мадам, — раздалось с потолка. — Джока разбудили. Вам угодно, чтобы был визуальный контакт?

— Да, спасибо.

Появилось существо с коричнево-белой шерстью с серыми полосками.

— Доброе утро, Салли. Если не возражаете, я выпью шоколад, пока мы будем говорить.

— Конечно, пожалуйста. Доброе утро. Джок, мошкиты вырвались на свободу.

— А?

— Ты знал о протозвезде.

— Я понимаю, почему вы рассказали мне о протозвезде. Вы говорили, что она коллапсирует в течение следующих ста лет. Я так понимаю, что произошла ошибка? Неужели это уже случилось?

— Да, ты все верно понял, — произнес Род. — Джок, у нас проблема. Мошкиты, с которыми отправилась Гленда Руфь, не являются частью группы Короля Петра, которой уже вовсе нет в системе Мошки. Похоже, пока они затаились где-то в тихой заводи красного карлика, и всем нам известно, что Империя не в состоянии держать две Блокады.

— И у вас с Салли возникла проблема, что делать с мошкитами? — осведомился Джок. — Кстати, вам еще не присвоили звание адмирала?

— Нет.

— Присвоят. И дадут вам флот. — Джок выразительно взмахнул рукой. — По крайней мере, хотя бы не Кутузов. Разумеется, они захотят, чтобы вы отбыли незамедлительно. Боюсь, я не смогу сопровождать вас.

— Конечно. Прыжковый шок тебя убьет.

— С вашими детьми все в порядке? Наверняка они сами втянули себя в какую-нибудь авантюру.

— Они отправились на Мошку, — сказала Салли.

— Не думал я, что вам удастся меня удивить, — произнес Джок. — Однако вы это сделали. Понятно. Дайте мне час времени. Я сделаю сообщения, которые смогу.

— На каком языке? — спросил Род.

— На нескольких. Мне понадобятся самые недавние снимки Хриса и Гленды Руфь. И мои тоже.

— У нас встреча.

— Ничего страшного. Мы обсудим с вами все, когда вы вернетесь. — Мошкит замолчал, и в его улыбке появилась еле уловимая тень триумфа. — И все же лошадь научилась петь.

* * *

— Чего-чего, а *этого* я никак не ожидала, — сказала Дженнифер. — Повсюду мошкиты! Фредди! Фредди... Они наводнили все вокруг! Я уже не считаю этот корабль «Гекатой»!

Фредди Таунсенд осмотрелся вокруг.

— М-да. Салон «Гекаты» водружен на корабль с каким-то непонятным названием. Что это еще за «*Бандит-Один*»? А мы теперь станем бездушными номерами остатка флотилии?

— Мы могли бы попросить... — начала Гленда Руфь.

Она едва успела отстраниться, прежде чем Фредди гневно выпалил:

— Я *не стану* ни о чем просить Викторию. Нас прилепили к кораблю мошкитов, словно мы какой-то груз для дополнительной тяги, черт подери!

Дженнифер задумчиво посмотрела на молодого человека и сказала:

— Два корабля, возглавляемые двумя капитанами. Мы еще ни разу не видели, чтобы Мастер отдавал приказы. «*Цербер*»?

Пять Часовщиков, два Воина и три Инженера, нянчивших Посредников-младенцев, старый Мастер, которого они теперь называли Викторией, еще один Мастер, Доктор и непонятное кривобокое, паукообразное существо, слоняющееся туда и обратно через недавно установленный переходной шлюз «Цербера», вероятно, доставляя донесения и приказы, — все они весьма удобно устроились в кабине.

Изменения происходили постепенно, пока они спали. Для Гленды Руфь, которая время от времени просыпалась, мошкиты и окружающее пространство словно бы беспрерывно меняли свои очертания, превращаясь в разнообразные формы, которым, казалось, несть числа. Так происходило двенадцать часов, пока она не пробудилась, давясь от кашля и слез. Доктор изучил их, после чего что-то промычал молодому Мастеру мужского пола по имени Мерлин, который громким чириканьем призвал Инженеров, а те, в свою очередь, настроили очиститель воздуха, чтобы вернуть на корабль привычную для людей атмосферу, — однако она крепко провоняла запахами мошкитов, и у людей продолжали краснеть и слезиться глаза.

Зеленые полосы, нарисованные на стенах, словно бы проросли, теперь на их местах была виноградная лоза, похожая на толстые, покрытые зеленой накипью трубы толщиною с ноги Гленды Руфь. Различные мошкиты наносили цветные полоски, чтобы отмечать что-то нужное им.

Они превратили первоначальный переходной шлюз «Цербера» в туалет со множеством приспособлений. Инженеры сварганили на «Цербере» еще один туалет. Теперь он отлично функционировал.

— Они установили там мониторы, — сказала Гленда Руфь. — В обоих туалетах, — пояснила она и прибавила: — Теперь мы *будем говорить*.

— Ты не могла бы передать им, чтобы они оставили нам хоть немного пространства?

— Разумеется, я попытаюсь еще раз, но ты наверняка догадываешься, каков будет ответ. Для них ведь вовсе не существует понятие совершенно личного пространства.

Появился Инженер с едой. Спустя несколько секунд собрались все мошкиты, кроме Воинов. Гленда Руфь обратилась к Дженнифер:

— Будь так добра, сходи и посмотри, что они едят.

Обед проходил довольно демократично: молодой Мастер по имени Мерлин наблюдал за распределением пищи и послал одного из Часовщиков, чтобы тот отнес еду Воинам, стоящим на посту. Когда Дженнифер приблизилась к мошкитам, Мерлин осмотрел ее с ног до головы. Виктория сказала, что Мерлин — молодой Мастер мужского пола, что было не совсем обычно, поскольку он помогал нянчить детенышей Посредников. Присутствие человека совершенно не встревожило его. Дженнифер осмотрелась, и сказала несколько слов Виктории.

Посредник плавно поплыл через салон к Гленде Руфь. Виктория изучила англик намного быстрее, чем Гленда Руфь обучилась новейшему языку Облака Оорта.

— Вы по поводу еды? — спросила Виктория. — Не думаете ли вы, что у нас есть привычная для вас пища?

— Мне просто хотелось узнать, есть ли в вашей еде что-нибудь похожее на нашу, — сказала Гленда Руфь.

— Спросите об этом Доктора и Инженера.

— Мне бы хотелось дать вам попробовать какао.

— Почему?

— На вашей планете очень любят какао. Если вам нравится какао, значит, у нас есть чем торговать.

— Вы же недавно утверждали, что ваши товары для торговли находятся в сейфе. Мы не станем без причин держать что-либо так, чтобы его нельзя было взять. Какао в сейфе?

— Да.

Виктория приблизила свое плоское лицо к девушке.

— Вы торгуете с нами космосом! За этой звездной дырой — планеты, и все сжимает ваша хватательная рука! Отдайте нам планеты, и тогда получите все, что хотите. Можете взять любые инструменты, которые видите, только скажите, какие инструменты или приборы вам нужны, и наши Инженеры их создадут. Можете взять любой наш класс, только скажите, какой формы или какого рода класс вам нужен. Если вам нужны наши дети, то вы их получите.

— Все не так просто, — возразила Гленда Руфь. — Нам известно, какие типы классов у вас есть.

В ответ — тишина. Затем Гленда Руфь сказала:

— Мы считаем, что ответ будет получен, но это действительно — непросто. Многим семьи мошкитов необходимо работать вместе. Но мошкиты так делают не всегда.

— Гленда Руфь, кто рассказал вам о Безумном Эдди?

Гленда Руфь удивилась, но ее изумление продлилось всего лишь мгновение.

— Мы узнали о Безумном Эдди от мошкитов, населяющих планеты. Возможно, он вам известен под другим именем.

— Может быть.

— Безумный Эдди — это не какой-нибудь индивидуум, он — нечто вроде описания персоны. Это некто, кто... кто пытается прекратить перемены, когда они становятся слишком большими, чтобы их можно было остановить.

— Мы рассказываем детям о Сфуфзе, который выбрасывает мусор, потому что он скверно пахнет.

— Да, что-то вроде этого. — Сфуфз? Шифуфз? Она даже не могла как следует произнести этот звук.

К ним присоединилась Дженнифер, и на этот раз у нее на руках покоился малыш постарше.

— Давным-давно у нас был очень могущественный Мастер, — проговорила она. — Иосиф Сталин. Он имел власть над жизнью и смертью всего своего народа, сотен миллионов человек. — Дженни-

фер посмотрела на Гленду Руфь: продолжать или прекратить рассказ? Гленда Руфь нерешительно кивнула ей.

И Дженнифер продолжила:

— Советники сказали Сталину, что в его владениях дефицит медной трубки. Сталин отдал приказ. И повсюду на десятой части земной поверхности, где находилась медь, ее расплавляли, чтобы делать трубки. Исчезли линии коммуникаций. Части для тракторов, другие инструменты и приборы. Повсюду нуждались в меди, а вместо этого изготовляли трубки.

— Сфуфз. Мы знаем о нем, — сказала Виктория. — Сфуфз обнаруживается повсюду, в каждом классе. Сфуфз выращивает Часовщиков для продажи другим группам. Им не нужны клетки, они могут позаботиться о себе сами.

Дженнифер радостно закивала.

— Да! Такая картина была в музее Мошки-1. — Она чуть не сообщила о неуместном нюансе, а Гленде Руфь не удавалось остановить ее. — Горящий город. Умирающие от голода мошкиты, устроившие мятеж. Посредник стоит на автомобиле, чтобы его лучше видели и слышали, и громко кричит: «Возвращайтесь к вашим делам!»

Виктория кивала плечами и головой.

— Когда закрыты перспективы на будущее, Безумный Эдди не виден.

Тут заговорила Гленда Руфь:

— Это случилось спустя пятьдесят лет во владениях Сталина. Тогда все переменилось. Разрослось количество коммуникаций, приборы и транспорт стали более совершенными. За все это долгое время их Воины сожрали половину их ресурсов, однако оружие, изготовленное ими, было не самым лучшим. Обедневшие владения начали отделяться. Несколько более старших Мастеров делали все возможное, чтобы захватить в свои руки владения и возвратить все обратно. Банда Безумных Эдди.

Откуда у нее взялись эти мысли? Многие годы наблюдения за Джоком с Чарли не могли ей помочь достаточно разобраться в подобных делах. Слишком много в языке тела Посредника было подозрительным; если не сказать — произвольным и случайным. И Гленда Руфь сказала:

— Когда открыты перспективы на будущее, Безумный Эдди не виден.

Посредник обдумала ее слова и проговорила:

— Сперва попробуем какао. Для безопасности.

Она хотела сказать: *не ядовито ли оно.*

Фредди приготовил какао на четверых.

— Сделай его погорячее, — прошептала Гленда Руфь.

Затем Фредди приготовил дополнительную порцию для анализа.

— Слишком горячее, — сказала Виктория, попробовав глоток. Она протянула какао Инженеру, который отнес его в закрытый отсек «Цербера».

Люди собрались вместе, голова к голове, и попивали какао, ощущая, как над ними столпились чужаки. Фредди включил на мониторе криминальную драму. Виктория наверняка могла наблюдать за ней, а Мерлин смотрел на монитор с перерывами. Люди вовсе не смотрели в ту сторону.

— Что ты делаешь? — спросил Фредди Гленду Руфь.

— Я танцую так быстро, как только могу, но у меня чертовски медленный шаг. Дженнифер, что они ели?

Дженнифер гладила ладошкой спинку младенца, словно это был котенок; но ее рука постоянно останавливалась, чтобы как следует изучить неестественное строение его тельца.

— Они ели только одно блюдо, — ответила Дженнифер. — Какую-то серую корку, политую серо-зеленой пастой. Она очень похожа на основу протокарба.

— Джен, а эта штука пахла? Она была горячей?

— Нет, не горячей. Что ты хочешь узнать?

Гленда Руфь не осмеливалась объяснять им слишком многое, но ей обязательно надо было узнать об этом.

— Они готовили еду?

— Гленда Руфь, воздух, проникший внутрь через новый проходной шлюз, оказался намного теплее, чем здесь, но там я не почувствовала запаха готовки.

— Отлично, — сказала Гленда Руфь и посмотрела на лица людей, находившихся рядом. Она увидела открытые, честные, доброжелательные лица, на которых лежала тень задумчивости. Неужели они поняли, что выражением своих лиц слишком много раскрывают мошкитам?

Инженер с Воином, безусловно, уже заразились. Яйца червя могли заразить каждого мошкита, находящегося в кабине «Цербера». Если инфекция еще не дошла до Мастера, то Инженер, возможно, передаст ее после. Но если вскоре не заразится Посредник... однако мы не можем сейчас обсудить это. Мастер превратится всего лишь в стерилизованную особь мужского пола, и остальные виды мошкитов начнут выказывать те же самые симптомы. И тогда станет совершенно ясно, кто виноват в происшедшем.

Глава 2. Город паразитов

> В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств передвижения, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна.
>
> *Томас Гоббс. Левиафан, глава XIII*

С самого начала Фредди Таунсенд тревожился за свое снаряжение.

— Я понимаю, что мы пленники, — сказал он Виктории, как только Посредник научился понимать его язык. — Но точно так же я понимаю, что могу взять все, что мне нужно.

— Если вы играете до победного конца, то не беспокойтесь о вещах, — ответила Виктория. — Сейчас вам из них понадобится лишь немногое.

— Хорошо. Вы думаете о будущем. Вы хотите, чтобы в будущем мы были счастливы?

— Лучше будет сказать, что мы не хотим возненавидеть вас в будущем, — отозвалась она.

— Хорошо, хорошо. Тогда прикажите им оставить в покое мой телескоп, черт возьми! Это ведь целый комплекс, причем очень сложный, и самый ценный из всего моего оборудования...

— Инженеры сделают его еще лучше.

— Да не надо мне лучше! Я хочу, чтобы его оставили таким, как есть, — отчетливо проговорил Фредди. Он уже имел «счастье» наблюдать, что случилось с «Гекатой». И он надеялся — как и Гленда Руфь, — что мошкиты открутят от телескопа все, что угодно для своих нужд, оставив трубку и две мощные линзы, чтобы усовершенствовать их, сколько их душе угодно.

Наверное, они убедили Викторию; Виктория же убедила одного из Мастеров. Спустя несколько дней телескоп и его компьютеризованный пеленгатор, а также системы, записывающие данные, попрежнему соответствовали экипировке имперского гоночного судна.

* * *

Гленда Руфь проснулась, почувствовав, как пальцы Фредди нежно щекочут ее за ухом.

По его спине взбирался Посредник-младенец, крошечная скошенная набок головка высовывалась из-за его левого плеча, на ли-

чике сияла улыбка, свойственная всем малышам, а сам Фредди выглядел весьма торжественно. Гленда Руфь проследила за его указательным пальцем, показывающим на экран, и... что? Что это, черт возьми: монитор или сломанный калейдоскоп? Судя по цифровому индикатору, она смотрела через телескоп Фредди по направлению к корме с увеличением в сто раз.

— Мы уменьшаем скорость. Весь флот. Мы приближаемся к ЭТОМУ, — произнес Фредди.

Разбитое вдребезги зеркало на усыпанном звездами аспидно-черном фоне... зеркала, мириады зеркал, окружностей, кривых, напоминающих ленточки, обломки, кусочки и один гигантский треугольник. Зеркала не крутились, но некоторые из них были освещены и сонаправлены. Из-за отраженного зеркалами солнечного света вся конструкция светилась, словно это был Град Божий.

— Шизофрения-сити, — пробормотала Дженнифер.

Гленда Руфь болезненно поморщилась и вздрогнула.

— Пандемониум, — произнесла она. — Чертог Сатаны Джона Мильтона. Если это и есть домашняя база флотилии захватчиков, то они действительно безумны.

Пандемониум большей частью выглядел совершенно черным, но в слабых отблесках света Гленда Руфь все-таки смогла заметить какие-то очертания. Тут и там виднелись темные кварталы, остроконечные вершины строений и какие-то неведомые трубы. В общем, довольно гармоничная структура, раскинувшаяся на многие тысячи миль. Она казалась в каком-то смысле живописной, и в то же время — не совсем.

— Города разрастаются таким образом, когда не существует плана улиц. Но чтобы такое было в космосе?! Это *опасно.*

— Опасно, — повторил ее младенец, делая ударение на каждом слоге. Малыш Фредди перегнулся через руки молодого человека и кивнул в знак согласия.

— Виктория? — позвала Гленда Руфь.

— Что-то случилось, — произнес Терри Какуми.

Повсюду ярко вспыхивали огни. От гигантской глыбы Пандемониума отломилось шесть или восемь процентов территории; затем этот кусок завертелся, используя свой участок зеркала в качестве щита, и — умчался прочь. Запоздало вспыхнул рубиновый огонь, чтобы осветить его...

— Может быть, здесь идет своя гражданская война. А возможно, от наших вышла спасательная шлюпка. Я не думаю, чтобы местные восприняли флот наших захватчиков, как своих друзей, — проговорил Какуми.

— Да, Терри. А может быть, так рождаются города мошкитов? *Виктория*? — Нет ответа. Тогда Гленда Руфь сказала: — Похоже, она спит. — Девушка знала, что мошкиты очень нуждаются во сне, во всяком случае — Посредники.

Тут вновь заговорил японец:

— Мы тормозили примерно два часа. Корабли подгоняли свои скорости друг к другу. Гленда Руфь, мы должны *увидеть* это... — Терри резко поднял руку, чтобы закрыть ей глаза. Рубиновый свет наполнял кабину. А спустя мгновение погасли все экраны.

— Это Поле Лэнгстона, — пояснил Терри. — Наше. Не думаю, что в этом месте есть Поле Лэнгстона. Извините. С вами все в порядке?

— Черт! Нас же атакуют! — вскричал Фредди.

— Но чем? — спросила Дженнифер.

— Хороший вопрос.

Когда Терри убедился, что больше ничего не случилось, он нарубил кирпичики протокарба им на завтрак. Они наблюдали за экраном, но тот по-прежнему оставался темным.

Виктория появилась из проходного шлюза. Посредник пробирался за ней, по пути цепляясь за одну из крупных виноградных лоз, собирая красные ягоды. Затем он, извиваясь всем телом, присоединился к ним.

— Вы едите на завтрак шоколад? — спросил он.

Не успел Терри Какуми произнести и слова, как Гленда Руфь ответила:

— Разумеется. Фредди? Приготовь им напиток попрохладнее, а потом сделай нам горячий. Виктория, ну как, ваш Инженер сообщил вам, что это безопасно?

— Да.

Терри не выдержал:

— Мы подошли очень близко к какой-то огромной структуре. Это ваш дом?

Немного помолчав, Виктория ответила:

— Нет. Как там с шоколадом?

Фредди не пошевелился, пока Гленда Руфь не открыла банку с какао и не передала ее Фредди прямо в руки. Нет, он не умел читать мысли, но Гленда Руфь пристально посмотрела ему в глаза и сосредоточилась на одной-единственной мысли: «Да, Фредди, Виктория пытается сбить нас с толку, да, она что-то скрывает, мой милый Фредди, но мы хотим этот шоколад, трахать мою ящерицу!»

Фредди занялся приготовлением напитка, тщательно отмеривая количество какао-порошка, размешивая его в кипящей воде, добавляя туда производное протокарба, которое было принято называть «молоком». Он разлил содержимое в специальные сосуды наподобие соковыжималок, и, наконец, протянул один, с теплым напитком, — Посреднику. Остальные он поставил в микроволновую печь, чтобы какао стало совсем горячим.

Виктория, никого не дожидаясь, отпила небольшой глоток. Прищурилась.

— Необычный вкус. Но хороший. — Она сделала еще глоток. — Очень вкусно.

— Это самое меньшее, что может предложить вам Империя. Самое подходящее на встрече столь непохожих умов.

— И в столь непохожих космических просторах, — прибавила Виктория.

Терпению Терри настал конец.

— А что все-таки с этим городом? — осведомился он.

— Это — ресурсы, Терри, — ответила Виктория. — Мы заберем их.

— Вот те на! А нам-то хотелось посмотреть на бой прямо на месте, — сказал Терри Какуми. — Если...

— Это не бой, Терри. Это — взятие под контроль. Там нет ни Мастера, ни Посредников, даже Инженеров.

— А кто же там есть? Они ведь в нас стреляли.

— Часовщики и... я не знаю, как это называется на вашем языке. Только животные. Вредные маленькие животные. Если их загнать в угол, они становятся очень опасными. И используют необходимые нам ресурсы.

— Паразиты, — сказала Гленда Руфь.

— Благодарю вас. Паразиты. Да, они стреляли, но мы способны защитить себя. Что вы хотите?

— Мне бы хотелось отправиться туда с вами и с камерой, — сказал Терри, взяв протянутую Глендой Руфь чашку с какао. Но пить не стал. Девушка же с удовольствием пила шоколад: слишком горячий, что было только на пользу. Ведь жара убьет то, что она добавила в какао-порошок, предварительно испачкав в этом кончики пальцев.

— Вы увидите наше оружие в действии, — сказала Виктория. — Я знаю ваш характер, Терри Какуми. Воин-Инженер. С вашими способностями вы скоро станете профессионалом. Помимо всего прочего, вы отлично умеете вести переговоры.

Фредди с трудом подавил улыбку, однако Терри продемонстрировал ряд белых крепких зубов.

— Вы не станете использовать ваше самое мощное оружие для уничтожения паразитов-вредителей, Виктория. И поскольку вы сейчас так сильно смущены, добавлю: это кое-что, что нам нужно знать. Узнай мы об этом позже, было бы хуже. Неприятные сюрпризы порождают другие неприятные сюрпризы.

Внезапно экран заветился. Пандемониум сверкал своими зеркалами. Часовщики с «Цербера» выставили зонд через Поле.

Виктория сделала очередной глоток какао, подумала, а затем промолвила:

— Я вызываю Озму.

* * *

Мерлин уютно устроился в передней части кабины. Он был молод, с чистой белой шерстью, которую так и хотелось погладить; но он никогда не был особью женского пола. Он потратил массу времени, наблюдая за людьми и... (если бы Гленда Руфь знала основной язык захватчиков, если бы она правильно истолковала язык его тела...) обсуждал их с Викторией, Доктором, Инженерами и Воинами. Мастера задавали вопросы и отдавали приказы. Казалось, людям совершенно не нужен был этот бесполезный разговор, даже с Мастерами. Но тем не менее они разговаривали с ними.

Озма, более старый и старший по отношению к Мерлину Мастер (его родитель?), жил где-то вне поля зрения нового проходного шлюза «Цербера». Туда и отправилась Виктория. Примерно через час паукообразный Посланник пробрался через шлюз и вызвал Мерлина, занимавшего свое место в передней части кабины.

Терри Какуми спал, свернувшись в клубок, на своей койке и очень напоминал яйцо на подставке. Гленда Руфь наблюдала за его круглым лицом и по его чертам старалась определить, что ему снилось, но на самом деле перед ней находился полностью расслабившийся мужчина, что было довольно необычно для человека, находившегося на пороге великой тайны.

— Спит как убитый, — заметил Фредди. — Словно ничего не происходит. Впервые вижу подобное. Он намного лучше всех моих знакомых. Почти каждый из них, если бы *знал*, что случится через какие-то двадцать минут, смотался бы отсюда со скоростью молнии. А ему ведь все известно, черт подери. Сдается мне, что именно про таких людей говорят: *старый служака*.

— Думаешь, сказывается его бойцовский опыт?

— Прежде мне и в голову такое не приходило. Саурон, да?

Хаотическое нагромождение промышленных объектов теперь стало значительно ближе. Формы этого чудовищного комплекса изменились, и все увидели широкий провал на месте отделившегося сектора, который по-прежнему находился в нескольких кликах от них и время от времени подвергался беспорядочным ударам. На поверхности стало заметно какое-то движение. В воцарившейся тишине каждый шорох казался в два раза громче. Поблескивали окна (которых было не очень много), по проволочным канатам скользили транспортные средства, похожие на кабинки фуникулера; зеркала покрывались рябью, когда очередной квартал пронзал лазерный луч, сопровождаемый целым веером... ракет? Или крохотных кораблей?

То и дело внутри «Цербера» мерцали рубиновые лучи, но не наносили никакого вреда. Только один-единственный раз парус-зеркало сфокусировал ослепительный луч, обладающий такой мощной энергией, что пришлось втянуть внутрь корабля все камеры.

Через несколько минут экран засверкал лишь от одного огнедышащего касания луча, сначала красного, а потом — раскалившегося добела. Еще через несколько минут вытянули зонд, и Пандемониум снова предстал перед людьми, почти не изменившийся.

— Они израсходовали свои мощности, — предположила Дженнифер. — Как вы думаете, что там происходит? Часовщики и *что?*

— Наверное, мы ничего об этом не узнаем, — ответила Гленда Руфь. — Часовщики вполне могли построить все это. Вы видели доклады Реннера: они попытались захватить «Макартур» и в конце концов превратили корабль в нечто неузнаваемое.

Возле самого центра структуры высунулась труба. Она вытягивалась все выше и выше, становясь все длиннее и длиннее. Как пушка.

— Какой-то захват, — сказала Дженнифер и протянула руку, чтобы потуже затянуть ремни, удерживающие спящего Терри. Он мгновенно открыл глаза; затем ловко высвободил руки и прижал Дженнифер к своей груди.

Экран снова потемнел. Из проходного шлюза послышался рявкающий голос Мерлина, отдававшего команды, и мошкиты всех видов и классов тотчас же схватились за опоры. «Цербер» начал вращаться. На экране появилось красное свечение... оранжевое... желтое... И так и осталось желтым.

Виктория подскочила к Мерлину; за ее спиной маячило еще несколько мошкитов. Все они крепко прижимались к своим опорам. Посланник тащил к себе один из скафандров.

— Терри, ты можешь пойти с нами, но без оружия, — сказала Виктория. — В любом случае, тебе понадобятся руки для твоей камеры. Мы довели ее до привычного для тебя состояния. И не пытайся отойти от своего сопровождения.

Терри взял у Инженера камеру. Тот и вправду привел все в полный порядок. На одном из экранов виднелось изображение Виктории крупным планом, сперва оно было расплывчатым, затем — стало резким.

— И сколько времени вы мне даете? — поинтересовался Терри.

— Сперва надень скафандр.

Поле было оранжевым и холодным.

Терри с Фредди изучали скафандр и при этом переговаривались шепотом. Все скафандры, принадлежавшие экипажу «Гекаты», конфисковали и сложили по другую сторону овального проходного шлюза. У команды Фредди скафандры были тяжелые, их прочные части свободно заходили одна за другую, а шлем напоминал аквариум. Теперь же у него был какой-то серо-зеленый грязный комок в отвислой пластиковой сумке. Этот так называемый скафандр двигался при помощи реактивного ранца, прикрепленного на спине. Стекло шлема позволяло видеть все в расширенной перспективе,

солнечный фильтр у шлема, похоже, вообще отсутствовал, сам же шлем имел весьма несимметричное строение.

— И ты доверишься этому хламу? — скептически спросил у Терри Фредди.

— У меня нет выбора, босс. К тому же, мне все *надоело*. — С этими словами Терри подошел к скафандру. Прежде чем он успел взяться за него, Инженер и трое Часовщиков уже напяливали скафандр на человека. Фредди с Дженнифер с улыбкой наблюдали за их действиями. Желудок Гленды Руфь в эти мгновения превратился в тугой узел.

— Ведь Терри может *умереть!*

Терри застегнул молнию, и тут вновь зазвенел сигнал тревоги. Какуми понимал одно: *Надежда — это все, что у него осталось для защиты!*

Когда экран осветился вновь, Пандемониум оказался совсем близко от них. Труба по-прежнему торчала возле центра комплекса, но теперь она косо указывала на «Цербер». Очень подозрительно, тем более что улетали зеркала... обломанные, они двигались куда-то за пределы очертания кометы.

— Кто-то дважды атаковал нас, — сказал Терри к «радости» своих компаньонов. — Лазерной пушкой нельзя маневрировать, поэтому вам придется взяться за зеркала, верно я говорю, Виктория?

Она лишь отмахнулась.

— Я не разбираюсь в сражениях.

В осколках зеркала виделось движение. Всполохи и вспышки: по-видимому, противники снова начали перестраиваться. Лазерная пушка то и дело дергалась, слишком медленно, чтобы попасть в «Цербер», дрейфующий вокруг края города. Остальные корабли из флота захватчиков занимали свои позиции.

— Пошли, — сказала Виктория. Она подскочила к проходному шлюзу, и Терри, словно пушинка, последовал за ней.

* * *

Похоже, мошкиты не беспокоились о том, что показали ему отсеки «Цербера», где расположились их соплеменники — показывали в первый раз и для записи. Терри водил камерой, где только мог. Он не старался запечатлеть подробности, а скорее выискивал нечто важное, что могло бы понадобиться после, для дальнейшего исследования.

Ему не удалось заснять слишком много. Он очутился в трубе, изгибающейся, как чьи-то гигантские кишки. По пути он видел темное отверстие, затем какую-то странную выпуклость, потом вооруженного Воина, крепко держащегося за опору. Наконец он добрался до отверстия, за которым виднелся свет. Затем он мельком взглянул на более старшего Мастера.

— Изучаешь меня, — произнес тот. — Но лучше не останавливайся. Как Виктория.

Труба закончилась крупным контейнером, наполненным Воинами в бронированных скафандрах.

Виктория поманила Терри за собой. Воины пристально наблюдали за ним. Причем — каждый.

— Сорок вооруженных Воинов, часть из которых в броне. И у них нет даже двух одинаковых предметов оружия, равно как двух одинаковых скафандров, и... вот этот беременный, и этот — тоже. — Выступающие на броне выпуклости располагались в том месте, где у человека находится сердце. Терри задержал объектив камеры на остальных четверых. — Уж не знаю, как такое делается...

Потом Терри увидел прямо перед собой койку, имеющую ортопедический вид и огромное количество ремней. Терри успел как следует запечатлеть ее, прежде чем его к ней пристегнули.

— Она выглядит так, будто Инженер и Доктор старались приспособить ее для человеческого позвоночника, — произнес Терри. — Что ж, посмотрим... Недурно. Очень немногие люди имеют такие отличные кресла.

Проходной шлюз запечатали, а Виктория исчезла.

— Три иллюминатора, один впереди и один — в кормовой части... какой бы из них ни... и это! Заботливые, ублюдки! — Окна в средней части судна располагались прямо перед его лицом. К Терри подошло одно из странных существ и протянуло ему большой сложенный зонтик, почти невесомый. — Они принимают меня за англичанина, черт подери!

Терри Какуми постоянно о чем-то рассуждал. И все время болтал. Потому что нервничал.

Традицией семьи Терри Какуми было никогда не следовать традициям. Добродетелью считалась приспособляемость. Приземляться всегда на одну ногу считалось верхом изящества. Поэтому и во время анархии, и во время войны, и во время мира в Империи, на Танизе и уйме других планет семья Какуми разрасталась. Однако и Терри, и его дальние и близкие родственники превосходно знали своих предков и свою родословную.

Какуми был из рода Бренды Куртис.

Бренда Куртис жила почти четыре сотни лет назад. У нее было шестеро собственных детей и более двухсот, выращенных ею в сиротском приюте, которые провели там не один год до наступления совершеннолетия. И многие из них вступали в браки между собой, потому что понимали друг друга.

Бренда Куртис была сауронским суперменом.

Нынешние байки о Сауронских центрах воспроизведения потомства были чистейшим вымыслом и игрой воображения. Терри понятия не имел, почему его предку пришлось бежать. Он знал

только голые факты о своем происхождении. И только то, что он — ее ребенок... а их отцы?.. Кто мог ему рассказать об этом? Теперь.

Но двадцать четыре создания генной инженерии, мошкиты-Воины, нисколько не беспокоились, способен ли ребенок Бренды Куртис сам постоять за себя. «Он не нужен был им для этого сражения», — напомнил себе Терри. Только от него самого зависело, выживет он или нет.

Контейнер колыхался. Кормовая часть определилась сама: иллюминатор обволакивало белое пламя. Кресло Терри завертелось; остальные — нет.

— Сдается мне, они меня балуют, — пробормотал Терри.

Его глаз и камера выхватили напротив звезды черное большое пятно. Рядом с Терри цилиндры с тупыми концами рассыпались, набирая скорость. Черное пятно двигалась через звезды. Огромной волной подбросило корабль, перевозящий войска. Раздался страшный грохот.

Корабль с войсками мощно развернулся. От толчка голос Терри стал прерывистым.

— Мы пробились сквозь зеркало. Это оказалось покруче, чем я ожидал. По-видимому, они укрепили его после атаки «Цербера». Так! Вижу здоровенную рваную черную дыру... о-оп! Вот дерьмо! — В кабине разорвалось несколько шариковых пуль.

У Терри даже не имелось возможности увернуться. Он выбрал момент, когда осознал, что жив и ничуть не пострадал. А остальное...

— Несколько Воинов тяжело ранены, но они не обращают на это внимания. — Терри повернул камеру, чтобы запечатлеть Воинов с заплатками на скафандрах. — Корабль резко сбавил скорость. Сильный град еще не кончился. Может быть, они слышат, куда попадают, но эти чертовы шарики пока не повредили систему жизнеобеспечения корабля. Мы тоже наносим удары. А, черт! Что-то тут... — Терри схватился за опору.

Корабль чмокнулся носом прямо в стену и отскочил от нее с глухим стуком.

Зрение Терри быстро обрело ясность. Одно из странных существ уже ворвалось в открытый настежь корпус корабля, а Воины гурьбой устремились внутрь. Терри выискивал механизм отцепления строп.

Четверо странных существ появились последними.

Терри наконец освободился и последовал за ними.

— Могу поспорить на что угодно, что один из вас — Воин-Доктор, — сказал он своей аудитории. — А те двое — офицеры: они лучше вооружены, и все эти бесполезные украшения на их форме больше похожи на системы связи, чем на оружие. — Офицеры поспешно разделились. Последний мошкит был шире в плечах и коренастее остальных, с более крупной головой и очень изящными ру-

ками. — А этот больше похож на помесь Воина с Инженером. Буду следить за ним.

Звездный пейзаж был кричаще ярким, однако зеркала были еще ярче. Терри открыл свой серебряный зонт... свой лазерный щит.

Пандемониум ослепительно сверкал, подсвечиваемый сзади зеркалами. Войска устремились вперед в какой-то сумасшедший лабиринт. Один за другим Воины вспыхивали красным цветом, затем превращались в клубы красного неонового газа. Ответный огонь превращался в химические вспышки, сверкающие среди кварталов и высоких строений. Отряды Воинов сбегались со всех сторон. Корабли флота захватчиков окружили Пандемониум.

Один раз Терри оглянулся. И тотчас же рапортовал:

— Корабли с войсками уничтожены, и, похоже, никто не уцелел. Наверное, они решили, что их Воин-Инженер построил им дорогу домой. Они будут охранять его с особой бдительностью. — Но Терри больше не был уверен в этом. Пандемониум находился совсем близко.

Они приближались к стене без окон. Лазеры, угрожающие им, не могли метиться в цель, расположенную слишком близко, и попадали только в отставших... таких, как Терри Какуми, согнувшийся под своим зонтом. На его поверхности плясала красная точка, и Терри сделал последний рывок. И теперь тоже оказался вне досягаемости лазеров. Он опустил свой зонтик-зеркало и увидел выпуклый кратер в стене. Войска захватчиков проходили прямо сквозь нее.

Слишком быстро. Терри врубил свой реактивный ранец, затем мрачно и отвратительно обругал свою аудиторию и все их потомство. Потом извинился.

— Простите. Меня легонько контузило. Должно быть, Часовщики засекли мой проклятый ранец. — Кратер появился перед ним слишком быстро, и Терри поспешно отвернул, чтобы не сверзиться вниз. — Наверное, решили, сволочи, что я его прозеваю, — злобно произнес Терри и, подойдя к самому краю, прижал камеру к груди. Затем направил объектив в зияющую черную бездну.

* * *

Члены команды некогда гоночной яхты были способны следить за тем, что происходит. Конечно, боевой корабль — совсем другое дело, к тому же, большая часть иллюминаторов «Гекаты» исчезли навсегда, но не все.

Поэтому люди на «Цербере» могли наблюдать за сражением с трех мест. Через телескоп Фредди, иллюминатор и камеру Терри. В основном они следили за тем, что передавала камера Какуми.

Тридцать четыре Воина в черных бронированных скафандрах прорвались через черную стену, а за ними там очутился и Терри со

своей камерой. Сзади пробивались отблески, отражаемые зеркалами, освещая сотообразную структуру строения, ячейки которого были слишком малы для людей или обычных мошкитов. Внутри то и дело вспыхивали рубиновые и зеленые огни. Когда стену сорвало мощным взрывом, их взору предстало огромное количество помещений. Потом они увидели, как среди высоких силуэтов Воинов заметались совсем маленькие фигурки в серебряной броне. Они посылали пулеобразные ракеты величиною с них самих, которые летели во все стороны на ужасных скоростях или просто прошивали насквозь стены, Воинов и вылетали в открытый космос, унося с собой мертвые тела.

— *По-моему, это Часовщики,* — произнес голос Терри.

— Правильно, — подтвердила Дженнифер. — Это так похоже на видеозаписи с «Макартура».

Снова раздался голос Терри:

— *Они используют реактивное оружие, как и Воины — пистолеты, распыляющие крошечные пульки.*

Дженнифер вцепилась в руку Фредди и указала на иллюминатор. Гленда Руфь даже не повернулась. Она словно оцепенела. Тогда Фредди коснулся ее плеча и сказал:

— Кто-то прибыл, еще какой-то корабль. С настоящими мошкитами, а не с... паразитами. Видишь, обшивка «Цербера» покрылась рябью. Наверное, твой брат что-то предпринял.

— Превосходно, — сказала Дженнифер. Она захотела что-то сказать Гленде Руфь, но, увидев сосредоточенное лицо девушки, сочла лучшим промолчать.

— Гленда Руфь! — окликнул ее Фредди. — С тобой...

— Нет, милый, со мной не все в порядке. Нет. Он так напуган!

— *По-моему, здесь есть следы первоначальной структуры. Я вижу площадку, где остались какие-то формы из железа и никеля. Это могло быть скорее ледяным астероидом, чем кометой, и он находился очень близко к звезде, прежде чем все эти зеркала изменили его орбиту...*

— Я никогда не видел тебя такой. Как...

— Разве ты не ощущаешь страх в его голосе? Он же может *погибнуть*. Вот почему Посредники не остановили сражение. Все они пытались уничтожить друг друга — и Воины, и эти чертовы маленькие бестии, и кто-то еще, кого мы не видели... *о Господи!* — Перед их глазами все прыгало и искажалось, и, помимо всего прочего, пропал голос Терри. Гленда Руфь крепко схватила Фредди за локоть.

Молодой человек не проронил ни слова. Гленда Руфь с силой сжала кулак, так, что ее ногти до крови впились в ладонь. Ее голос превратился в истерический стон:

— Его застрелили!

* * *

Эта штука выглядела очень прочной и напоминала огромную распорку. Терри скрывался за ней, когда рядом повсюду свистели пули. Как только он заметил эту стойку, он тотчас же подбежал к ней, пригнувшись. Инженеры и Часовщики как следует поработали над его скафандром, и теперь Какуми мог только надеяться... *вот она* — сумка с метеорными заплатами.

Он вытащил одну. Кончиками пальцев нащупал три крошечных отверстия на груди своего «панциря», между правым соском и плечом. Они были почти рядом. Терри услышал шипение, с каждой секундой становившееся все тише и тише. Заплата закрыла все три отверстия.

Однако шипение не прекращалось, и Терри задумался, как бы ему добраться до спины. Сильно саднило где-то над лопаткой, влажной от крови.

Воины шли и шли. Из-за перегородки показалась крупная голова мошкита (может быть, большой мошкит настроен к нему дружественно?); мошкит посмотрел на Терри сверху (офицер?). Спустя несколько секунд голова убралась обратно. Рядом с Терри проплыл еще какой-то силуэт, проникая сквозь туман, просачивающийся из множества отверстий. Он размахивал своим лазерным оружием совсем рядом с Какуми. Может быть, эти маленькие дьяволы благоразумно убирались отсюда после всего, что случилось? Силуэт принадлежал Воину-Инженеру.

— Вероятно, Доктора очень плохо соображают, — произнес Терри, совершенно забыв о своей аудитории; он разговаривал сам с собой. — Вероятно. Доктора лечат любой класс, кроме человеческого. Кто будет лечить меня? Эй! Мое правое легкое пробито пулями в трех местах!

Кончиками пальцев он ухватил вторую заплату и с трудом приложил ее к спине, превозмогая жуткую боль. Затем крепко прижался спиной к распорке. Шипение прекратилось.

И тут его разобрал мучительный кашель, причинивший Терри сильнейшую боль. Он долго харкал кровью, пока кашель не кончился. И между перерывами в кашле он обращался к своей аудитории:

— Эти пули летят на огромной скорости и пробивают броню. Они маленькие, но очень быстрые. Они летят, сохраняя направление и не теряя силы. Наверное, они предназначены для Часовщиков или еще для чего-то не очень большого. Здесь микробы не причиняют никакого вреда. В легкое Рональда Рейгана угодила пуля куда большая, чем эти, и случилось это на семидесятом году его жизни в эру медицины под руководством FDA, Администрации по контролю за продуктами питания и лекарствами, и он после этого пробыл еще два срока на посту Президента США.

А ведь Рональд Рейган не был потомком Бренды Куртис.

— Надо раздобыть пистолет, — произнес Терри и прыгнул. Развернувшись, он выхватил у Воина-Инженера лазерное ружье, затем впечатал ногу в стену, при этом не забывая о том, чтобы не повредить ни камеру, ни ружье. Стена задрожала, а камера тотчас же запечатлела шесть серебряных силуэтов, прорвавшихся через стену.

Терри тотчас же открыл стрельбу из ружья, поливая противников реактивными пулями. Однако ответного удара не последовало, а он лишь услышал бряцанье упавшего оружия. Его крохотные пульки превосходно «разобрались» с врагами, однако шестеро противников тотчас же превратились в двадцать, и все прыжками устремились за Какуми в погоню, когда он отскочил от стены, а реактивный ранец перенес его через отверстие кратера. Теперь враги сверкали в ослепительном свете от зеркал и звезд, и Терри нацелил камеру на эту толпу, чтобы запечатлеть столь редкое зрелище.

Где-то в Пандемониуме разорвался огненный шар, напоминающий шаровую молнию, развалив пополам угловую выпуклость. Но Терри это не волновало. Камера запечатлела всесокрушающую взрывную волну, прокатившуюся по всему городу.

Дыхание Терри стало прерывистым; он понимал, что очень скоро ему придется замолчать. И все же он произнес:

— Все их скафандры совершенно разные. Многим они настолько велики, что висят на них. Я видел скафандры для особей с шестью конечностями, скафандры для Часовщиков с одной привязанной рукой и... — Он закашлялся и замолчал. Пусть лучше говорит камера.

Они носили скафандры с чужого плеча, подвязав свою нижнюю левую руку. Половина из них использовала реактивные ранцы, и поэтому они очень ловко перепрыгивали с места на место. Животные! Другие просто улетели к свету; но трое повернулись и погнались за Терри. Он навел на них камеру, заснял, а затем выпустил в них из оружия V-образные дробинки.

Превосходно. Двое умерли сразу, а одного вышвырнул в открытый космос его же серебряный скафандр, нашпигованный пулями Терри. Перед ним не осталось ни одного Часовщика. «И все-таки есть в них что-то омерзительное», — подумал Терри раздраженно.

* * *

— Я никогда не видел... — Фредди пристально вглядывался в дисплей. — Виктория? Что, черт возьми... — Но Виктории рядом не оказалось. — Гленда Руфь? Я видел их прежде.

Ей не хотелось смотреть. Но она все-таки заставила себя сделать это и, когда взглянула в указанном Фредди направлении, сказала:

— Это Зоопарк с Мошки-1.

И девушка принялась наблюдать за ними, вспоминая...

Четвертый этаж: город мошкитов, разрушенный до основания. Повсюду беда, несчастье, хаос, разруха. На заваленных мусором улицах валяются перевернутые, изуродованные автомобили. В руинах подорванных зданий видны обломки летательных аппаратов. Сквозь трещины в мостовой пробиваются сорняки. И в самом центре этого жуткого зрелища возвышается скошенная набок гора булыжников, а по ней ползают маленькие черные существа.

Каждый студент Института Блейна изучил эту сцену самым доскональным образом. Циклы расцвета и краха у мошкитов были настолько стабильны, что растения и животные в разрушенных городах развивались особым образом!

У него было заостренное книзу лицо, напоминающее крысиную мордочку с опасными, острыми зубками. Но это существо не было крысой. У него виднелось одно перепончатое ухо и пять ножек. Передняя конечность на правом боку существа не являлась пятой лапой; это была длинная и очень подвижная рука, заканчивающаяся когтями, похожими на изогнутые кинжалы.

— Но эти же совершенно другие, — сказала Дженнифер. — Послушайте, у них есть *все* руки, и еще они крупнее и более кособокие. Фредди, разве ты не помнишь материал «*Как я провел мои летние каникулы?*» По-моему, у них и черепа намного больше!

— Они изменились, — ровно проговорила Гленда Руфь. — Они эволюционируют намного быстрее с каждым разом. Их поколения короче, а «помет» — больше. А почему бы и нет? Фредди, мне нужно встретиться с Викторией.

Раздался голос Терри Какуми. На этот раз он звучал очень слабо.

— *Я не знаю, как передать Воинам, что мне срочно нужна медицинская помощь. Фредди, если ты еще слышишь меня, ш-ш-ш-ш-ш...* — И кашель.

Фредди кивнул. Он очень медленно подлетел к проходному шлюзу, держа руки так, чтобы их видел Воин, стоящий на посту. Когда Фредди добирался до шлюза, дуло пистолета Воина смотрело прямо ему в ребра.

Фредди приложил голову к люку и закричал:

— Виктория! Немедленно иди сюда! Терри тяжело ранен! Ты меня слышишь?

Прямо перед ним появилось перекошенное лицо, покрытое белой шерстью. Фредди подумал, а не сам ли Озма перед ним? Мастер что-то сказал Воину, и тот опустил ружье. Мастер развернулся на сто восемьдесят градусов и издал шипящий свист.

Тотчас же появилась Виктория. Фредди быстро объяснил, что случилось, Виктория перевела; затем Мастер куда-то удалился вме-

сте с ней. К Фредди подошел Воин и грубо пихнул его в центр кабины, где находился центр управления кораблем.

Фредди смотрел на экран. Двое Воинов несли Терри обратно. Фредди мог наблюдать за ними только на самом краю экрана, и он с замиранием сердца следил, как Воины тащили его друга. Не говоря ни слова, Терри направил камеру, чтобы все увидели...

Целую гору мертвых боевых крыс, крупных, как охотничьи собаки, и маленьких, как щенки, вооруженных колющим оружием. У некоторых были пистолеты.

Затем показался завод, пустой, разрушенный, очень похожий на нефтеперерабатывающий. Или на плавильню. Даже на астероидных рудниках большинства звездных систем люди устанавливали все свои механизмы аккуратными рядами. Здесь же выпуклые механизмы, смахивающие на бойлеры, стояли криво, под разными углами, так что между ними почти не оставалось свободного пространства.

Когда Терри эскортировали в безопасное место, перестрелка внезапно прекратилась. Один из Воинов швырнул гранату, и в стене образовался проход. Боевые крысы пролетели мимо них навстречу звездам. Воины подняли с поверхности несколько украденных скафандров.

Вернулась Виктория.

— Озма переговорил с Шефом, но... — Она посмотрела на экран. — Так-то лучше. Твой друг теперь внутри за несколькими стенами. Озма также распорядился прислать гибрида, который может помочь твоему другу. Он — помесь Доктора с Мастером. У нас он только один.

Фредди кивнул и произнес слова благодарности. Гленда Руфь просто наблюдала за происходящим. Но камера больше не показывала ничего интересного.

Глава 3. Шоколад

> И будет сот-ня мил-ли-о-нов дру-гих, совер-шен-но похо-жих на вас, если они — утонченно кастрированные (или выпотрошенные) джентльмены (и леди).
>
> *э. э. каммингз*

Когда наконец прибыл Доктор-Мастер, Фредди уже догадывался, как он будет выглядеть. И уже успел проштудировать обширную коллекцию медицинских записей. Длиннопалый почти-Мастер изучал Фредди несколько минут, затем внимательно посмотрел еще на троих людей, после чего решил, что Фредди — существо мужского пола, еще раз пронзил его взглядом и начал сравнивать с тем, что показывал экран. Фредди произнес несколько слов на англике, а Виктория, склонившись к самому уху Доктора, смахивающему на

кожаную трубу, быстро переводила. Фредди заметил, что она часто сбивается. По-видимому, ее озадачивали вопросы Доктора.

Виктория сообщила людям, что Доктор — совсем еще молодой мошкит мужского пола.

— Доктор Дулиттл, — назвала его Гленда Руфь и тотчас же заметила на лице Дженнифер улыбку. Фредди оставался стоять с открытым ртом, чувствуя себя весьма неловко.

Гленда Руфь размышляла о том, почему флот захватчиков предпочитает такую специфическую пищу при очевидной нехватке ресурсов. Словно они точно знали, что к ним заявятся чужаки... причем знали это уже десять лет. *Где же Терри, черт подери?*

Когда примерно через два часа Терри принесли в салон, он был жив, но лишь формально. Бесформенный, неуклюжий Воин стал надавливать ему на грудную клетку, вдыхая в него воздух рот-в-рот. Гленда Руфь смотрела на все это и постепенно теряла остатки надежды.

Доктор Дулиттл быстро заговорил.

Воин разрезал на Терри переднюю часть скафандра и резко выдернул из него раненого. Гленда Руфь болезненно поморщилась от подобного обращения с больным. Двое Часовщиков приволокли черный, находящийся под давлением баллон, вскрыли его и извлекли оттуда прозрачные трубки и канистру. Маленький Доктор-Мастер, изогнувшись всем телом над головой и плечами Терри, приложил единственное ухо к его туловищу и прислушался. Затем резко откинул голову и сунул трубку ему в нос.

Терри вяло зашевелился. Вниз по трубке стекала красная жидкость. Мошкит наблюдал за этим несколько минут, затем заговорил. К Терри вновь подошел Воин и стал делать ему искусственное дыхание, изо всей силы надавливая ему на грудь. Это продолжалось бесконечно долго, ибо Воин совершал свои действия без устали. Тем временем Часовщики достали бутылочку-пульверизатор с какой-то светлой жидкостью.

Гленда Руфь отвернулась, больше не в силах наблюдать за этим жутким зрелищем.

Фредди не стал надевать еще что-либо, кроме шорт, решив, что он снова понадобится Доктору для сравнения с Терри. Когда девушка отворачивалась, Фредди поймал на себе ее взгляд. Она познавала еще один страшный момент в своей жизни.

— Гленда Руфь...

Она повернулась только тогда, когда необычный доктор что-то тихо проговорил Воинам.

Флот захватчиков трудился за иллюминаторами «Цербера». Все уже осознали, что больше нечего бояться ни Боевых Крыс, ни Часовщиков. Тем более что подошли более крупные корабли. Приведенные в

порядок транспортники с войсками и корабли поменьше уже бороздили пространство над Пандемониумом, образуя над разрушенным городом сплошное облако. Инженер вместе с командой Часовщиков ремонтировали один из поврежденных транспортных судов. Время от времени из руин выходили крупные мошкиты с... различными предметами. Со сломанными приборами. Баллонами. Пластиковыми мешками.

— Помните бой? — спросила Дженнифер. — Тот, что произошел прямо перед тем, как нас захватили? Использовались только лазеры, и ни одного реактивного оружия. В Пандемониуме Воины использовали пули, но только в стенах зданий. А крысы и Домовые стреляли со всех сторон.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что Виктория постоянно называет их животными. И особенно ей нравится слово *паразит*. Может быть, потому, что их не волнует, сколько испорчено вещей, даже если их можно починить. Этим сейчас и занимаются команды маленьких кораблей, разыскивая вещи, оставшиеся свободно валяться во время боя.

Гленда Руфь кивнула.

— Верно. Как там Терри?

— Уже может дышать без посторонней помощи. Но мне бы все равно хотелось, чтобы у нас был врач-человек.

— Ничего, Терри держится. Он — крутой парень.

Молчание.

— Я не могла смотреть на это.

— Я заметила, — отозвалась Дженнифер.

— Ты думаешь, он ничего не чувствует, и ты почти права. Он даже не вспомнит, как плохо ему было. Но я *чувствовала* его тело, его нервы, его *боль*, Дженнифер! Понимаешь?! О, черт, не оставляйте меня тоже!

— Тоже? — удивленно переспросила Дженнифер.

— Фредди все видел! Он видел, как я отвернулась от Терри. Я почувствовала тошноту. Ведь я бросила его, Дженнифер! Я думала, что уже потеряла его...

— Вот если бы он наблюдал, как ты спасаешь наши задницы, тогда другое дело. А ведь ты буквально жонглировала бесценными яйцами, причем при переменной гравитации. Вот так-то, девочка.

Гленда Руфь лишь кивнула. Она не могла ответить, что, во всяком случае, они действовали правильно.

* * *

— Надеюсь, вы не очень устали, сэр? — осведомился Хрис Блейн.

— Пока нет. Не при этой гравитации, — ответил Бери. Он посмотрел через салон на Омар, которая опять держала Али-Бабу. —

Вопреки всему, я нахожу очень привлекательным этого малы... Али-Бабу. Неожиданная радость, можно сказать. Но, боюсь, что мы лишились всех удобств «Синдбада» совершенно некстати. Овчинка выделки не стоит. Если не считать, конечно, того, что этим мы успокаиваем наших хозяев. — Ситуация и вправду сложилась неловкая, и с каждым часом становилась еще более невыносимой, ибо никому не хотелось об этом говорить. Единственное, о чем твердо условились Медина и Ист-Индия, это не беседовать с Горацием Бери сепаратно. — Они держат меня как талисман, — сказал магнат.

— Или как кредитную карточку, — заметил Блейн, и Бери побагровел.

Открылась внешняя дверь, и в помещении появилась худая паукообразная фигура. Этот мошкит пришел к Омар и терпеливо ждал, пока Омар с Евдокс подойдут к нему. После чего они взволнованно заговорили.

— Наверняка что-то важное, — сказал Блейн. Он включил микрофон на своем передатчике. — Капитан, только что прибыл посланник от Ист-Индии. Что бы он там ни говорил, оба Посредника слушают его очень внимательно.

— Может быть, он принес какую-нибудь весть о «Гекате»? — спросил голос Реннера.

— Я не...

— Готовность один, — неожиданно произнес Реннер.

— Что? — удивленно воскликнула Джойс. — Что случилось? — Она подошла поближе к мошкитам с тихо жужжащей переносной камерой на плече.

— Раулингз засек какой-то флот, — сказал Реннер. — Большой флот. Он выходит в систему. Траектория гиперболическая, ускорение очень большое, словно они обладают гигантскими мощностями.

— Боевые корабли, — сказал Блейн.

— Боюсь, что вы правы, — произнес Реннер. — Я не знаю, чьи они, но направляются они сюда.

— Ваше превосходительство, у нас новости, — проговорила Омар.

— Благодарю вас.

— Ваше превосходительство, эти люди в безопасности. Только один из них, бортинженер, получил ранение. Какое — я еще точно не знаю, но убежден, что это случилось не по вине Крымских Татар, которых мы сумели убедить в ценности их гостей. Один из моих учеников, очень молодой и пока неопытный, но бегло говорящий на англике, связывался с Татарами, и скоро ему разрешат поговорить с людьми. — Лицо Омар лучилось от радости. — Разумеется, он будет очень рад пригласить представителя наших союзников из Медины, как только тот прибудет.

— Очень приятные новости, — произнес Бери. — Мы перед вами в долгу. Интересно, сумеем ли мы превзойти Мединцев в гостеприимстве для еще большей пользы?

— Вы только спросите, полагаю, это вполне возможно, — ответила Евдокс.

— Послание, — произнес магнат. — Было бы лучше во всех отношениях, если бы лорда Блейна уведомили в том, что его дочь в безопасности.

Евдокс с Омар переглянулись. Внимание Али-Бабы по-прежнему было сосредоточено на Бери.

— Интересное замечание, — сказала Евдокс. — Однако это сопряжено со значительными техническими сложностями. Ни Ист-Индия, ни Медина не контролируют Сестру Безумного Эдди. И Крымские Татары — тоже. Сейчас эту точку удерживает Ханство, и оно продолжает собирать все больше боевых судов, чтобы еще больше закрепить свою власть над ней. Причем собирает не только свои корабли, но и корабли других. Мы опасаемся, что они создадут чудовищный альянс, который в очень скором времени может увеличиться.

— Совместных действий Медины и Ист-Индии может оказаться вполне достаточно, чтобы отправить один корабль к Сестре, — сказала Омар. — Но поскольку у Ист-Индии больше кораблей в этом секторе, наши потери могут быть огромными. И нам придется потребовать компенсации.

— А я смотрю на это намного проще, — проговорил Бери. — Надо всего лишь отправить послание через прыжковую точку Безумного Эдди к Глазу Мурчисона. Воспользуйтесь одним из ваших хваленых «мнимых» кораблей. Заверните передатчик в несколько слоев прочного абляционного материала, снабженного устройством, способным отправить его вперед. Затем задайте ему координаты. Кубик с посланием внутри может просуществовать достаточно долго, пока его не изымут.

— Простое механическое устройство, — промолвила Омар.

— Прыжковый шок, впечатление, которые мы прежде знали только по описанию, мне довелось испытать уже дважды, — сказала Евдокс. — Это чудовищно! Ваше превосходительство, едва ли мне нужно объяснять, что содержимое послания к вашему Блокадному Флоту будет представлять для нас огромный интерес. Вы собираетесь вызвать сюда этот флот?

— Думаю, нет, — ответил Бери. — Но я не сомневаюсь, что если в ваше распоряжение попадут значительные ресурсы, это, бесспорно, будет только к вашей выгоде, не так ли? — Он выразительно посмотрел на мошкитов-Воинов. — И, конечно же, мы продолжим наслаждаться вашим любезным гостеприимством во время переговоров.

Евдокс с Омар снова обменялись взглядами, после чего Евдокс начала говорить, медленно и осторожно. Она говорила чисто фонетическим языком, который мошкиты использовали только в разговоре с Мастерами. Оба Мастера отвечали, но каждый — своему Посреднику, а не непосредственному собеседнику. Отправили Посланников. Они возвратились, доставив с собой послания для каждого Посредника. Мастера говорили быстро и отрывисто, Посредники же, напротив, бесконечно растягивали слова. Дискуссия продолжалась долгое время, сопровождаемая жужжанием камеры Джойс Трухильо.

Бери сидел и ждал, храня на лице невозмутимое выражение спокойствия. Али-Баба с интересом смотрел на него. Блейн составил рапорт о событиях и передал его Реннеру.

Наконец заговорила Евдокс:

— Похоже, вы правы, ваше превосходительство. Возможно, мы будем очень нуждаться в вашем флоте. Наблюдения показывают, что на нас, вероятно, движутся пять флотилий. Одна из Византии. У нас есть донесение, что Мастера со спутника Мошки-1, группа, которую мы будем называть Персидской Империей, тоже собирает флот. Ханство призвало к себе на помощь союзников, чтобы удерживать Сестру. А со стороны звезды к нам двигается еще одна группа кораблей.

— Иными словами, в это дело замешаны все, у кого есть боевые корабли, — резюмировала Джойс Трухильо.

— Совершенно верно, — согласилась с ней Омар. — Поэтому наши Мастера согласны. Партнерство между Мединой и Ист-Индией должно возобновиться. Когда это случится, то неплохо было бы собрать все ресурсы, которые могла бы предоставить ваша Империя.

— До того, когда они нас всех поубивают, — скептически заметила Джойс.

— Совершенно верно, — опустила голову Омар.

* * *

Инженеры смонтировали и установили экран вокруг того места, где Доктор Дулиттл и его ассистенты трудились над Терри. Фредди провел там десять часов, и все это время Дженнифер и Гленда Руфь ожидали его прихода в полном одиночестве. Наконец он появился перед девушками.

— Скоро я должен вернуться туда, — предупредил он. — Им нужно мое заключение, как специалиста. — Он усмехнулся. — Честно говоря, я ничего толком не знаю, но могу обрабатывать для Доктора Дулиттла данные информационно-поисковой системы. А это, главным образом, на картах. Некоторые из них мне придется объяснять ему при помощи жестов. Впрочем, он очень быстро все усваи-

вает, он уже разбирается в числах. Есть немножко кофе, а? — жалобно спросил он.

Дженнифер протянула ему кружку.

— Его бы надо подогреть.

— Свари еще. А я пока выпью это.

— Ладно, — сказала Дженнифер и, поставив кружку в микроволновку, вскоре вытащила ее наружу. — Фредди, ты не знаешь, вернулась ли Виктория?

— Она ушла на несколько часов. Один из тех... ну... по-моему, это Инженер, который... усовершенствовал «Гекату», заявился и забрал ее с собой. Тогда я и видел ее в последний раз. Иногда я говорю в микрофон, а Доктор Дулиттл слушает то, что надо переводить, но мне неизвестно, кто находится на другом конце линии. — Фредди выпил остывший кофе. — Очень вкусно. Спасибо.

— Когда я смогу увидеться с Терри? — спросила Дженнифер чуть не плача.

Фредди посмотрел на Гленду Руфь.

Девушка опустила задумчивый взгляд и вздрогнула.

— По-моему, тебе еще надо подождать, — сказала она. — Происходит что-то странное.

— Я боюсь, — прошептала Дженнифер. — Мы говорили о... он ведь вырос на Танизе, ты знаешь. Фредди, с ним будет все в порядке?

— Если мошкиты справятся, то он обязательно выздоровеет, — сказал Фредди. — Они делают все, что могут. У них есть какой-то инструмент размером с бумажный шарик, который создает трехмерное изображение внутренностей Терри на нашем тривизийном экране. Во всяком случае, сейчас им удалось добиться того, что его состояние стабильно. У него уже несколько часов давление не скачет.

* * *

Когда «Синдбад» наконец вошел в док, то все не сразу заметили, что громада мечети, неясно вырисовывающаяся перед ними, представляет собой огромную глыбу водного льда, прорезанную тунелями. Но Инженеры работали не покладая рук, вырезая во льду комнаты, изолированные и весьма изысканно украшенные. Просторный салон для отдыха, оказавшийся сразу за проходным шлюзом «Синдбада», за время переговоров значительно увеличился. Теперь там имелась небольшая кухня, гардероб и наполовину оснащенный миниатюрный гимнастический зал. Вдобавок ко всему там имелась гостиная для бесед, где стояли кресла и кушетки для мошкитов и людей. Прежде чем Инженеры покончили с обустройством мечети, Хрис все время опасался, что зал будет размером с Серпенс-сити.

Евдокс что-то страстно и длинно говорила Мастеру по имени адмирал Мустафа-паша. Время от времени Омар обращалась к Мас-

теру из Ист-Индии. Хрис определил, что она разговаривала с ним на гортанном языке, на торговом койне [1] мошкитов. Али-Баба постоянно перебегал от Бери к Омар и обратно, однако его внимание постоянно было обращено к магнату.

То и дело приходили Посланники, похожие на крупноголовых, кривобоких паукообразных обезьян, очень изящных и красивых только в своей проворности. Посредники и Мастера часто брали перерывы на отдых и всегда возвращались вместе, иногда приводя с собой мошкитов-младенцев. После отдыха Посредники разговаривали очень быстро, словно это был последний разговор в их жизни.

Хрис наблюдал и слушал, и вскоре предложил Джойс заснять его интервью на камеру. Джойс попыталась найти предлог, чтобы отказаться, но почти тотчас же уступила.

— Благодарю вас, лейтенант Блейн, — проговорила она подчеркнуто любезно и расположила его в углу новой гостиной. Сама Трухильо расположилась с камерой напротив. Хрис посмотрел на девушку.

Итак: школярская поза — и даже ни намека на сексуальность. Она дала ему проявить себя с самой лучшей стороны. И Хрис решил блеснуть перед будущими зрителями своей эрудицией:

— Упрощенный гибридный язык, а это язык с искажением морфологического и фонетического облика слов, нужен в качестве своеобразного мостика для двух языков, со своими оттенками и нюансами, и здесь не срабатывают никакие вольные допущения даже при самом квалифицированном образовании. Однако язык мошкитов являет собой сплошные модуляции, а также язык тела и даже запаха, поэтому любой мошкит может изъясниться с другим мошкитов как по телефону, так и в скафандре или при помощи видео, даже при очень плохой связи. Весьма неестественно на первый взгляд смотрится то, с какой *легкостью* мошкиты используют свои коммуникационные возможности. И тут играет роль не только гибкость и приспособляемость языка торговцев. Ведь им зачастую приходится создавать язык прямо на месте. — Тут Хрис заметил на себе пристальный гоблинский взгляд и задумался о том, насколько они понимали его. Насколько *он* понимал его?

— Мы наблюдаем здесь некую параллель, — продолжал лейтенант. — Али-Баба, пребывающий пока в неразумном возрасте, уже отчетливо понимает концепцию под названием финч'клик', используемую в языке Мошки-1. Мы наблюдали, как он одновременно изучил и англик, и гибридный язык. Иными словами, за какие-то несколько часов он выучил столько, на что человеческому ребенку его возраста понадобились бы дни или недели. Разумеется, здесь иг-

[1] Общенародный язык, возникший на основе какого-либо господствующего диалекта или нескольких диалектов.

рают не последнюю роль биологические особенности. И конечно, мы заметим здесь примерно то же самое и в других специальностях. Мы узнали о мошкитах очень много, что весьма немаловажно.

— Не хотите ли еще что-нибудь рассказать по этому поводу, лейтенант? — спросила Джойс подчеркнуто профессиональным тоном.

— На этот раз у нас нет вариантов, — ответил Хрис. — Блокада уже бесполезна. Нам придется научиться ладить с мошкитами...

— Так или иначе, — проговорила Джойс, но не включив микрофон. — Лейтенант, — начала было она, но резко замолчала.

Снова появилась пара Посланников. Хрис смотрел, как они бегут вдоль разноцветной стены зала, то и дело прерывая шаг и круто поворачивая в туннели и расщелины в ледяной скале. Он наблюдал за ними уже несколько раз, и теперь совершенно не сомневался: их шерсть меняла окраску, чтобы соответствовать цвету стены. Делали ли они это при помощи вздыбливания шерсти, выпуская из-под одного слоя другой, соответствующего цвета, или еще как, но способность к мимикрии у них была, как у хамелеонов. Они подбегали к своим Мастерам, взбирались по их шерсти и что-то быстро шептали им на ухо.

Мастера обменялись одним-единственным взглядом с Посредниками, и тут все четыре Посредника подошли к группе людей.

— Ваше превосходительство, — произнесла Омар. — Рада сообщить вам, что Медина и Ист-Индия в принципе договорились касательно всех существенных деталей. — С этими словами она низко поклонилась; ее нога отделилась от стены и снова вернулась на место, когда она выпрямилась.

— Приятно слышать, — промолвил Бери.

Евдокс тоже поклонилась. Никто не смеялся.

— Мы договорились о наших статусах и владениях, но самое важное то, что мы договорились насчет вас. Мы не сообщаем вам ничего нового, когда говорим о том, что наши возможности ограничены, и самое большое благо для нас — ваша дружба.

Бери кивнул.

— Это очень приятно слышать, — повторил магнат. — Мы имеем честь быть вашими друзьями.

— Благодарю вас, — произнесла Омар. — Мы понимаем, что даже если мы и следим за посланием, которое вы собираетесь передать вашим коллегам в эскадре Безумного Эдди, мы все-таки полностью доверяем вам в отношении того, что вы сообщите нам о том, что оно означает. Прежде чем вы отправите это послание, вы, естественно, пожелаете поговорить с командой, находящейся на борту вашего корабля, и было бы бессмысленно откладывать это. Когда вы запишете ваше послание, Ист-Индия отправит его. Подходящее для этого судно уже готово.

На этот раз на лице Бери появилась теплая и искренняя улыбка.

— Благодарю вас. Ваше гостеприимство меня просто восхищает, но, возможно, моим друзьям было бы удобнее находиться на борту нашего собственного корабля.

— Мне бы хотелось сказать вам одну вещь, — произнесла Омар. — Дело в том, что мой коллега из флота Крымских Татар сообщил о своих наблюдениях, заключающихся в том, что все люди на борту «Гекаты» живы, и ранен только инженер-воин; но по причинам, которые Посредник Крымских Татар не будет ни объяснить, ни обсуждать, ему не позволено разговаривать с ними. Мы обещаем, что эта ситуация очень скоро изменится.

Бери кивнул в знак согласия.

«Чертовски странно все это», — подумал Хрис. Что-то все-таки изменилось, что-то случилось, и Татары очень не хотят, чтобы мы об этом знали.

Что именно? Но Евдокс с Омар понимали это не хуже Хриса.

— Сейчас вы хотите возвратиться на свой корабль? — осведомилась Евдокс.

— Это было бы весьма удобно, — кивнул Бери.

— Медина и Ист-Индия пришли к еще одному соглашению, ваше превосходительство, — произнесла Омар. — Однако оно требует вашего согласия. И вашего разрешения. Али-Баба станет вашим компаньоном. Учеником. Разумеется, некоторое время он проведет с вами, пока будет учиться вашему языку и обычаям.

Бери еле заметно кивнул.

— Я польщен. Я нахожу его весьма приятным компаньоном. Тем не менее надеюсь, что вы поймете меня, если я скажу, что иногда мне необходимо оставаться со своими друзьями наедине.

— Конечно, ваше превосходительство.

— Между тем это приятно. Сейчас мы уйдем, чтобы набросать черновик послания. И, разумеется, мы обязательно прочитаем его вам и объясним, что оно означает. Так будет с любыми нашими посланиями.

— Благодарю вас. Мы предоставим вам эскорт, — сказала Евдокс. — Джойс, ваших зрителей наверняка заинтересует эта база. Если вам угодно увидеть еще что-нибудь, то я с удовольствием буду сопровождать вас в этой экскурсии. Я провожу вас на «Синдбад», скажем... через два часа?

— Может быть, как-нибудь в другой раз, — сказал Хрис Блейн. Что у них на уме? Ведь все эти еле уловимые нюансы могут оказаться весьма зловещими.

Евдокс развела руками.

— Другого раза может и не быть, потому что вы оба будете заняты, но, конечно же, поступайте, как вам угодно.

— Нет, я хочу пойти, — решительно сказала Джойс. — Вы можете рассказать мне о послании позже, когда мы закончим ин-

тервью. Евдокс, мне бы очень хотелось осмотреть другие части базы.

— Отлично. Возвращайтесь к нам, когда сможете, Джойс, — любезно произнес Бери.

Хрис, будучи офицером ИВКФ, понимал, что он не может спорить с авторитетом магната. Если сам Бери не увидел способа остановить девушку, то что сможет сделать он, Хрис Блейн? Ему придется убеждать ее...

Да, его обыграли при помощи более искусной тактики. Джойс ушла в сопровождении Евдокс. Позади них шел Воин. Бери с Омар перешли на прогулочный шаг и о чем-то болтали. Бери нес на руках Али-Бабу. В арьергарде медленно ступали Хрис и Синтия.

* * *

Спустя пятнадцать часов пребывания в скрытых недрах «Цербера», Виктория стрелой ворвалась через проходной шлюз в салон. Ее движения были стремительными, как у Посланника. Гленда Руфь подпрыгнула от изумления.

— *Виктория?* Виктория, где ты...

— Нам надо поговорить. Прибыли послы.

— Послы откуда?

— Из королевства, которое стало союзником ваших кораблей под названием «Синдбад» и «Антропос», которое с этого момента называется Мединская Торговая Компания.

— Медина... — утвердительно улыбнулась Дженнифер.

— Об этом позднее, — продолжала Виктория. — Мединский корабль прибудет сюда на рандеву; Город паразитов — удобная мишень. Но первый посол уже на его борту. Он будет вести переговоры от имени бывших союзников Медины, Инд-Индской Торговой Компании. Эти две группы вступили в игру за господство. Так что нам пришлось улаживать кое-какие дела, прежде чем он смог с нами встретиться. Несколько дней мы вели словесную игру.

Гленда Руфь посмотрела на экран, скрывавший Терри и Доктора Дулиттла.

— Послушайте, мы можем позвать врача из людей?

— Он не в большей опасности, чем вы, — ответила Виктория. — Как получилось, что один из наших Инженеров стал особью мужского пола без процесса рождения им ребенка?

— Упс! — воскликнула Дженнифер.

— А также один из наших Воинов, — сказала Виктория, — и хотя за Часовщиками очень трудно проследить...

— Как ты себя чувствуешь?

— Мы должны разобраться с этим немедленно. Ты что, посеяла среди нас враждебную смерть? *Что* ты на это скажешь, Гленда Руфь?

— Как ты себя *чувствуешь*, Виктория?

Посредник попробовала этот вопрос, словно он был ароматным и очаровательным.

— Я чувствую себя хорошо. Мотивированно. Воздух сладкий, наша еда, похоже, тоже неплохая. Мой аппетит... — Внезапно Виктория опустила руки между ног. — Говори скорее, — сказала она. — Ради ваших жизней.

— У меня есть запись, которую тебе надо прослушать.

СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА БЛЕЙНА, ТОМ 26, НОМЕР 5.
КОД ИМПЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ACX-7743DL-235910:26:5

ДОСТИЖЕНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ МОШКИТОВ

Ишикара Мэри Анн, Дашенко Ахмед, Гродник Владимир И., Ламберт Джордж Дж., Риковский В. Л. и Тэлбот Флетчер Э.

«C-L Симбиот».

Исследования, запечатленные в этом документе, были субсидированы грантами Имперского Министерства обороны, Имперской селекционной комиссии для государственных связей с чужаками и Фондом Блейна.

РЕЗЮМЕ

Симбиот Блейна, или C-L (Контрацептив-Долголетие) червь, создан биоинженерным способом из мошкитского доброкачественного паразитического организма, похожего на пластинчатых глистов. Получившийся в результате C-L организм — это симбиот, который живет в теле мошкита и производит такие же гормоны, что и мужское яичко.

Первоначально симбиоты были обнаружены повсюду в кишечных трактах всех изучаемых мошкитов. Их первые образцы были обнаружены в кишечнике Инженера-мошкита, взятого на борт «Макартура», но ни один из образцов не выжил. Нынешний C-L симбиот выведен из линии, полученной от мошкита, известного под именем Иван. Это выжившая особь из класса Посредников, и нет причин предполагать, что симбиот не будет разрастаться во всех классах мошкитов.

У всех пока изученных классов мошкитов имелось одно яичко, и документы, привезенные послами мошкитов, как и сами мошкиты, этому не противоречат. Это яичко обычно усыхает. Хэпгуд и др. [1] построили теорию, что это усыхание вызывается частично феромонами, выделяемыми беременной особью женского пола, хотя известно, что (см. Иванов и Спектор [2]) этот процесс более сложный.

От усыхания единственного яичка мошкит превращается в особь женского пола. После этого вскоре должна последовать беременность, иначе мошкит заболевает или умирает с симптомами, похожими на нехватку витаминов. Подробности см. К. Реннер [3], С. Фаулер [4], и Блейн и Блейн [5], а также «*Отчет об экспедиции Макартура*» [6]. Процесс родов стимулирует клетки родового канала и большинство структур мужских яичек.

C-L симбиот обычно располагается сам во всех полостях тела и не усыхает. Настоящие данные указывают, что несколько C-L симбиотов вызывают не больше эффекта, чем один. Предполагается, что это происходит вследствие выведения из организма лишнего гормона через Кишку-Шесть, а предварительно через почку.

Мы не наблюдали признаков того, что C-L имеет тенденцию развиваться в мошките-хозяине (паразитическом организме), — несомненно, вследствие подавления самим гормоном. Из этого следует, что C-L может сохранять жизнеспособность снаружи в окружающей среде, которая предоставит достаточно влаги, чтобы способствовать выделению гормона.

ВИДЕОРЕПОРТАЖ (Рейтерз)

ИНСТИТУТ БЛЕЙНА ОБЪЯВЛЯЕТ О НОВЫХ РАЗРАБОТКАХ В СФЕРЕ БИОИНЖЕНЕРИИ

(Короткий фильм-клип: лорд и леди Блейн, достопочтенная Гленда Руфь Блейн, студенты Института Блейна, и его превосходительство посол с Мошки-1 объявляют о публикации результатов разработок в сфере биоинженерии.)

— Я не сомневаюсь, что эта запись могла быть сделана в любое время, — сказала Виктория.

— На ней я, — напомнила ей Гленда Руфь.

— Или очень хороший двойник, Гленда Руфь. Кто-то весьма заблаговременно предусмотрительно запланировал создание этой записи, чтобы ввести нас в заблуждение, заставив поверить, что Посредник способен прожить столь длительный срок. У вашей Империи имелись и способы, и мотивы для этого.

— Я тоже на этих кадрах, — заметила Дженнифер.

— Ну и что? Вы могли позволить себе двух двойников или две пластические операции. Разве подобные вещи вам недоступны?

Фредди перевел взгляд с экрана на Гленду Руфь... и покачал головой.

Виктория, внимательно наблюдая за молодым человеком, сказала:

— Фредди, вас удивило, что Джок выжил, когда вы узнали об этом от Дженнифер и Гленды Руфь. Разве Гленда Руфь не могла обмануть вас, с ее-то опытом и знаниями? А Дженнифер?

— Нет, и еще раз нет! Вы подумайте как следует, Виктория. Если эти женщины не Дженнифер и Гленда Руфь, значит, это две актрисы, которым пришлось пережить пластическую операцию, чтобы одурачить Посредников мошкитов. И они понимали, что делали!

«Превосходно, Фредди!» — подумала Гленда Руфь и сказала:

— Такие игры для нас совершенно невыгодны. Виктория, вы уже чувствуете себя намного лучше, чем чувствовали себя много лет! А ваши Инженер и Воин, разве они больны?

— Этот процесс обратимый для классов, способных к размножению? — требовательно спросила Виктория.

— Это возможно. Трудно, но возможно. А местный паразит способен вызвать эндемическое заболевание в космических цивилизациях?

— Если и может, то мне об этом ничего не известно. Подобные вопросы не в моей компетенции. А я могла бы заразиться паразитом и не узнать об этом?

— А почему бы и нет? У людей так часто случается, — ответил Фредди.

— Даже у тех, кто живет в полной изоляции от других? Я чувствую, что вы предполагаете и такое. — Она замолчала, и, как ни старалась Гленда Руфь изобразить на лице равнодушие, Виктория сумела прочитать все ее эмоции. — Мне надо подумать об этом, — сказала Виктория.

— Подожди. *Там*... — Гленда Руфь старалась промолчать, но эти слова вырвались с ее губ. И хотя она не договорила, уже было слишком поздно. Виктория резко повернулась к ней.

— В чем дело?

— У меня *нет* лучшего доказательство, чем *это*, — проговорила Гленда Руфь и указала на экран. — Взгляни-ка туда, Виктория.

Космический корабль флота захватчиков буквально сдирал с города полоски кожи. Пандемониум раскинулся внизу и был весь на виду; кое-где из ячеек, напоминающих соты, вспыхивали огни выстрелов с оборонительных укреплений. В чумном облаке черными точками летали трупы. Корабли содрали с поверхности города примерно квадратный километр прозрачной кожи, обнажив гигантскую рану. Тут же внутри нее началась работа. Ничего нельзя было упустить или потерять.

— Это — ваше прошлое. Миллионы лет вашего прошлого, а может быть, и больше. Они размножались и размножались, пока не превратились в целое скопище голодных каннибалов, а потом потопили в крови огромное количество твоих соплеменников. Город паразитов. А без нас — это ваше будущее, причем — навсегда. — Гленда Руфь махнула в сторону экрана. — Выбирай: этот Город паразитов — или Червь Безумного Эдди.

Глава 4. Послания

Трое могут сохранить секрет, если двое из них мертвы.

Бенджамин Франклин.
Альманах Бедного Ричарда

— Хрис, настало время рассказать мне о тебе и Джойс, — произнес Кевин Реннер.

Блейн перевел взгляд с Реннера на Горация Бери. Магнат молчал — выходит, никакой помощи от него не ожидалось. Салон «Синдбада» стал еще больше; он казался огромным и совсем пустым.

— Хорошо, капитан, мы вместе спали, так сказать... а потом перестали. Сейчас меня больше беспокоит, что мошкиты могут избавиться от нее.

— Меня тоже это беспокоит. Что ж, попробуй еще раз.

Хрис Блейн не видел смысла притворяться, что не понимает, чего от него хочет Реннер.

— Я старался узнать ее. Мне казалось, что она добивалась меня, что она искала во мне, мужчину... Ну, и когда у меня оставалось немного свободного времени, я... черт, я позволил ей увидеть это. Но когда мы достигли MGC-R-31 и когда появилась целая куча кораблей мошкитов... — Как бы все это выразить попонятнее?

— Ей хотелось, чтобы ты сдержал свои обещания, — произнес Реннер.

Хрис широко раскрыл рот от удивления.

— Да, но я никогда...

Но Реннер перебил его.

— Она хочет получить от мужчины знания и власть. Это-то ты и позволил ей в себе увидеть. Но когда появились мошкиты, ей захотелось во всем участвовать. Этого ты ей дать не смог бы. Ты не смог бы даже позволить ей постоянно вмешиваться, когда вы находились на дежурстве. Что еще ты не смог предоставить ей?

— Ах, черт! Капитан, ей хотелось узнать, что везет с собой моя сестра. А я-то не *понимал!* Я знал только, что *пытались создать* папа с мамой и Институт!

— И этого вполне достаточно, — сказал Реннер.

— Но... нет... Я скажу... Это была проблема. Я не мог рассказать ей все, что знал, потому что Посредники прочитали бы ее мысли. Они это и сделали бы, если ей было бы что-то известно. Но теперь она не расскажет ничего.

— Хрис, ты ведь *давал обещание*. Ты пользовался языком тела и прочими нюансами, которыми тебя обучили Джок и Чарли. Тебе следует быть более осторожным, когда ты используешь людей.

У Хриса запылали уши.

— Если ты что-то ей рассказал, если ей *известно* что-то такое, о чем не должны знать мошкиты, расскажи мне об этом. Немедленно.

— Капитан, она слышала, как *вы* рассказывали о Черве Безумного Эдди. Джойс не сомневалась, что я должен знать об этом все. И мне ничего не оставалось, как рассказать ей совершенно другое.

— Она — репортер. И ей доводилось встречаться с лжецами и похлеще.

— М-да... Я предполагаю, что это должен быть мамин C-L червь. Но я не рассказал ей об этом. Теперь она считает меня грязным лжецом! И она права, я лгал ей. Мне пришлось это сделать.

Капитан Реннер долго изучал молодого человека, затем тяжело вздохнул.

— Все в порядке, лейтенант. Но что *еще* за чертовщина происходит сейчас? Каковы ваши прогнозы по ситуации с Крымскими Татарами? — сухо-официально осведомился он.

— По-моему, Омар сбита с толку не меньше нас, — ответил Блейн. — Гленда Руфь должна была что-то предпринять, чтобы как следует расшевелить их.

— Мы вполне способны догадаться, что происходит, — заметил Бери. — Что она осталась в некоторой опасности.

— Так или иначе, этот червь служит в качестве рекламы, — сказал Хрис.

— Да, я уже думал об этом, — проговорил Реннер. — Но пока...

— Пока он не причинил им никакого вреда, — вмешался магнат. — Пока у нас есть время. Очень много времени. Империя, при всех ее разногласиях, остается почти единой силой. Мы не нуждаемся в переговорах об альянсах, чтобы добиться еще большей мощи. С мошкитами или без них!

— Гораций, что случится с мошкитами? — нахмурившись, спросил Реннер. — Что *должно* с ними случиться?

— Я действительно не знаю.

— Вы, конечно, извините меня, однако вы никогда не казались мне совершеннейшим фанатиком.

— Кевин, а кем я мог бы стать? Я вижу, какая трагедия разворачивается перед моими глазами. Как непохожий на нас народ с крошечными ресурсами борется сам против себя.

— Обнаружив место, целиком напичканное Посредниками Бери, вы, вероятно, изменили ваше мнение?

— Здесь нельзя не увидеть скрытый смысл, — заметил Хрис. — Они проглотили точку зрения его превосходительства и даже не подавились. Это очень многое говорит нам о них.

— Да, но достаточно ли нам этого? Гораций, мне что-то не верится, что вы во многом изменили свою точку зрения.

— Я поклоняюсь воле Аллаха. Кевин, у Империи едва хватает ресурсов, чтобы охранять одни ворота, да и те ведут в звезду. Будь у

нас сейчас два Блокадных Флота, смогли бы они сдерживать пространство обычного космоса? Может быть, но огромной ценой, и как долго? Кевин, мошкиты и сейчас опасны не меньше, чем когда-либо, однако наша способность сдерживать их не соответствует поставленной задаче.

— Что же нам теперь делать?

Бери посмотрел через венецианское окно мечети и поморщился. Где-то на ослепительно-белой поверхности Базы Шесть находилась Джойс Мей-Линг Трухильо, совершенно недосягаемая.

— Нам хватит одного дня работы, — произнес он. — Мы составляем послание, которое мошкиты попытаются отправить вместо нас. Что мы должны сказать?

— Полагаю, здесь нас никто не слышит? — спросил Реннер.

Бери пожал плечами.

— При всем своем опыте, Набилу не удалось обнаружить подслушивающих устройств. Я не думаю, что мошкиты настолько самоуверенны, чтобы установить такое устройство с полной *уверенностью*, что мы его не обнаружим. Поскольку, если мы его обнаружим, это очень сильно может повлиять на наши отношения. Давайте вести себя так, словно мошкиты нас не слушают, и в то же время не будем вести себя так, что мы уверены в этом.

— Коль мы заговорили об этом, то как насчет того, что с нами Али-Баба? — подозрительным тоном осведомился Реннер.

— Это значит, что мы — преданные союзники Ист-Индии, — ответил Бери. — Посредники мошкитов служат своим Мастерам.

Реннер кивнул.

— Блейн. Послание, — напомнил он молодому человеку.

— Итак, имеется краткое описание ситуации, со всеми данными конфигурации точки Олдерсона, которые у нас есть, — проговорил Блейн. — Включая все данные из Александрийской Библиотеки. Так будет намного проще привести сюда флот. Конечно, очень мало шансов, что это произойдет. Адмирал — достопочтенный сэр Гарри Вейгл. Послание отправляется вместе с первыми статьями Джойс Трухильо. Ему поручено покончить с коррупцией, а также восстановить дисциплину в эскадре Безумного Эдди. Он проделал большую работу, чтобы уладить эти дела, однако он отнюдь не поклонник неповиновения приказам.

— А ведь именно на его приказах держится Блокада, — заметил Реннер.

— Совершенно верно.

— Что мы можем сделать, чтобы убедить его?

Блейн задумался. Спустя некоторое время он ответил:

— Его придется убедить в том, что его долг намного выше, чем выполнение его приказов.

— Сумеете ли *вы* убедить его в этом?

Хрис снова задумался.

— Возможно. Но мои слова не смогут пронять его. А ваши — смогут. Поэтому давайте посмотрим, что ему известно. Прыжковая точка Олдерсона опять движется к Каледу. Также имеется прыжковая точка к Мошке, и он об этом узнает, но, вероятно, не обнаружит ее. Она болтается где-то внутри красного гиганта.

— Тридцать лет назад «Макартур» обнаружил ее без особого труда, — напомнил им Бери.

— Все дело в переменной конфигурации. Новообразовавшаяся звезда довольно часто «вздрагивает», искажая маршрут, — сказал Реннер. — Поэтому это не так уж легко, как раньше, черт подери! Поверьте мне.

Блейн кивнул.

— «Макартур» и «Ленин» были специально экипированы, у них на борту находились лучшие ученые Империи и самый опытный навигатор. И даже тогда им пришлось потратить некоторое время, чтобы обнаружить старую точку. Итак, мы собираемся помочь им отыскать новую прыжковую точку Безумного Эдди. Это и заставит его думать в правильном направлении. Мы предоставим ему информацию, которая поможет ему в его миссии.

Увидев кивок Реннера, Блейн с энтузиазмом в голосе продолжил:

— Вся хитрость заключается в том, чтобы дать ему быть уверенным, что мы не просим его нарушать приказы. Например, позволить кому-то или чему-то выйти к звезде или прорваться к Каледу.

— Поэтому мы попросим его сперва выслушать, а потом стрелять.

— Он вполне может сделать это, — сказал Блейн. — Так что нам стоит попытаться убедить его.

* * *

Евдокс вела ее из салона по наклону вниз. В сотне метрах от мечети находилась ниша с ожидающим в ней вакуумным механизмом. Выходит, Джойс вели обратно. Они еще не отошли от «Синдбада»!

Евдокс ждала. Эта раздражающая ухмылочка... ха! Джойс наговорила в свой диктофон: «Улыбка мошкита неподвижна, точно приклеена. И так всегда. Ты не *видишь* ее на лице Посредника, пока она не проявит это еще как-нибудь».

Джойс облачилась в облегающий скафандр (он выглядел забавно, хотя оказался удобным), нацепила на голову шлем-аквариум, затем — термальную накидку (оказавшуюся намного легче, чем она ожидала) и зеркало-плащ. Все вещи выглядели весьма архаично и чем-то напоминали экипировку Имперского Космофлота тридцатилетней давности, измененную по вкусу чужаков.

— Ну как, удобно?

— Да, — ответила она Евдокс. Теперь Джойс почувствовала облегчение. Она решила, что им придется возвратиться в мечеть. Шлем оставлял открытым ее лицо для работы с переносной камерой.

К ним присоединились двое маленьких Посланников. Группа возвращалась в туннель, выглядя пятеркой толстых серебряных кукол. Они миновали три двери массивного проходного шлюза и вышли на ледяную поверхность.

Замерзший водород, вспомнила Джойс: ненадежный, пористый, и ничем не отличающийся от морского льда. Возможно, покрытый коркой водяного льда. Как такое описать? Джойс даже не чувствовала холода.

— Старайтесь всегда держаться за что-нибудь, кроме зеленого и красного, — предупредила Евдокс. — Не выпускайте из рук, Джойс. База движется с ускорениями.

Джойс схватилась за желто-оранжевый провод.

— Зеленые и красные? — переспросила она.

— Зеленые — это кабели сверхпроводников. Красные — это топливо, — пояснила Евдокс. Она уже двигалась вперед, легко прыгая по поверхности, а кабель скользил между ее пальцев. — А вон те большие полупрозрачные трубы предназначены для транспорта.

Серый лед резко поворачивал. За поворотом показалась верхушка купола. В противоположной стороне от мечети покоился «Синдбад». Посмотрев через плечо, Джойс заметила яркую красную искру: Глаз. Посмотрев через другое плечо, она увидела фиолетовое горизонтальное свечение, которое, должно быть, испускали термоядерные двигатели, толкающие вперед Базу Шесть.

«Сказочное зрелище! Какие фантастические снимки можно сделать! А какую карьеру можно сделать на них!» Джойс усмехнулась про себя. Она вспомнила неистовый взгляд Хриса Блейна. «Как будто это он рассказал мне, с чего начинать! Как будто мошкиты могут читать мои мысли... или все понимать по выражению моего лица! И все-таки, что может понять Евдокс? Я — огромная серебряная подушка».

Но если Джойс удавалось понимать улыбку мошкиты... которая раздражала ее все меньше и меньше, то теперь, когда она осознала это... то, выходит, что Евдокс могла понимать и выражение *ее* лица!

Евдокс повела их прочь от двигателей: вперед. Джойс следовала за ней. За ее спиной шел Воин и два Посланника.

Кабели расходились в разные стороны, они последовали за желтым. Он проходил над небольшим куполом. Через стекло на Джойс с той стороны смотрели мошкиты. Ей показалось, что она увидела целый лес пестрого мха, оказавшийся тремя Белыми, Воином, Посланником и несколькими Часовщиками.

— Джойс, а что происходит с Горацием Бери? — спросила Евдокс.

— Что ты имеешь виду?

— Тридцать лет назад он считал систему Мошки дорогой к огромному богатству. Он не мог думать *ни о чем* другом. Теперь же он кажется более спокойным, не таким амбициозным. Он больше похож на Хранителя. Но...

Джойс была приятно удивлена этими словами.

— Он очень постарел и не может обходиться без серьезной медицинской помощи, — сказала она. — Ведь прошло целых тридцать лет.

— Выглядит так, словно прошло больше. Он вздрагивает при появлении Воина. Ладно, это вполне понятно. — Внезапно Джойс осознала, что Евдокс перестала говорить с акцентом. — Но он вздрагивает при виде Часовщиков. Вздрагивает даже при виде новорожденных, пока он не убеждается, что это не Часовщики.

— Они появляются так неожиданно. А его глаза уже не такие, как прежде...

— Нет, Джойс, дело не в их размере. Ему понравился Посредник-младенец, как только он понял, что тот из себя представляет.

В Империи ни для кого не было секретом отношение Бери к мошкитам. Скорее, наоборот.

— Он всегда вас боялся, — сказала Джойс. — Нет, вы ужасали его! С тех пор, как он вернулся из первой экспедиции на Мошку. Однако это изменилось. И я понимаю, почему.

— Почему?

Джойс задумалась. Конечно, отношение Бери к мошкитам не было секретом, а вот причина гибели «Макартура» считалась секретом в ИВКФ. Это, в соответствии с приказом Тайного Совета, следовало тщательно скрывать от мошкитов. Хотя это и вызывало многочисленные вопросы. Что же изменило Горация Бери? Наверное, это имеет отношение к алчности.

«Однако по-прежнему сколачивается огромное состояние. Власть и влияние, и все для Бери и его родственников», — подумала Джойс.

Три совершенно непохожих космических аппарата были углублены в лед и подпитывались красными кабелями. Каждый корабль выглядел крепким, как сейф. Корабли окаймляла прозрачная труба, внутри нее пролетали мошкиты разных размеров с канистрами в руках.

Евдокс не стала мешать Джойс, когда та начала обходить корабли кругом с включенной камерой. Другие — Хрис, капитан, доктор Бакман — разобрались бы во всем этом лучше нее. Она направила камеру вдоль трубы, наблюдая за летающими мошкитами. Воины, четыре Инженера, Посланник...

— Мы не должны двигаться так медленно, Джойс, — сказала Евдокс. — Эта труба быстрее нас, а нам еще очень много нужно осмотреть.

И никакого акцента, ни раздражающего ударения на согласных... *Мой голос!* Евдокс разговаривала голосом Джойс Трухильо, точно таким же, как он звучал на видеозаписи.

— Нет, это просто превосходно! — воскликнула Джойс. — Я сделаю превосходное кино!

Посредник снова двинулась вперед. В кормовой части свечение от выхлопа реактивных двигателей исчезало в черном небе.

Евдокс остановилась. Джойс с Воином догнали ее, Евдокс о чем-то быстро заговорила с Воином. Потом подняла правую верхнюю руку, и указала ею вверх прямо у себя над головой.

— Ну, Джойс, что ты видишь в небе?

Джойс проследила взглядом за поднятой верхней правой рукой своего необычного проводника.

— Только звезды, — ответила она.

— А Воин утверждает, что он засек местонахождение твоих друзей.

— Неужели у Воинов такое отличное зрение?

— Да.

Джойс тотчас же врубила камеру, установила ее в режим поиска и фиксации на самой ярком пятне в ее кадре, сузила его, и затем настроила ее на «наезд». Она подняла камеру при помощи специального кожуха и направила ее туда, куда указывала рука Евдокс.

Камера слегка дрожала внутри кожуха и тихо жужжала. На мониторе появилось широкое поле, усеянное звездами. Повсюду виднелись раздробленные блестки, чуть побольше точки, освещаемые тусклым звездным светом, отражающимся в них. Джойс настроила камеру на режим увеличения. Тотчас же показалась какая-то структура, разбитые вдребезги зеркала, разрушенный улей и фиолетовые блики, которые вполне могли оказаться выхлопами термоядерных двигателей космического корабля.

— Видишь это? Это — гнездо боевых крыс и Часовщиков. Крымские Татары сняли там богатый урожай. А теперь следи за моим пальцем — туда, к горизонту. Видишь раскиданные по небу синие точки?

Джойс отрицательно покачала головой. И снова заработала камерой.

— У меня не такое хорошее зрение, как у Воинов, — сказала она. — Военный флот атакует это гнездо, верно? Теперь вижу! — воскликнула она, заметив разрозненные синие точки, как и сказала ей Евдокс. И больше ничего.

— В основном, это корабли Ханства, — пояснила Евдокс. — Через четыре часа они прибудут в это крысиную нору, но через двадцать минут она уже будет в руках Татар. Затем начнутся переговоры. У них будет рандеву на Базе Шесть. Мы как раз придем, и ты встретишься со своими друзьями.

— Отлично! Мне надо поговорить с капитаном.

— Мы это и сделаем, — отозвалась Евдокс.

— Хорошо, — проговорила Джойс, с радостью подумав о том, что и Хрис будет здесь. И тут ее пронзила внезапная мысль. — А разве Татары стали вашими союзниками? — *Это значит, что и нашими...*

— Возможно. Сейчас они в смертельной опасности, и мы согласились оказать им помощь. А потом, в будущем... а что такое будущее, Джойс? Вопрос не в том, какое место займут Татары с Мединцами и Ист-Индией, а какое место займут во Вселенной мошкиты.

— Я не могу ответить на этот вопрос, — призналась Джойс.

— Нет, но ты должна поразмыслить над этим.

— Конечно. Очень много людей думают об этом, — сказала Джойс. — В Империи интерес к мошкитам то вспыхивал, то угасал, и так продолжалось снова и снова, а самые последние события опять вызвали жгучий интерес к мошкитам. Повсюду ведутся бурные дискуссии, как поступить с мошкитами. В Лиге Человечества. В Имперской Торговой Ассоциации. В редколлегии моего новостного синдиката. Великосветские старушки обсуждают дальнейшую судьбу мошкитов за чашечкой чая.

Джойс ощутила холод... или это просто тьма? Ее тело не было холодным, она даже вся вспотела от долгой ходьбы и работы с камерой, но черное небо и серый лед сбивали ее с толку. Они оставили позади купол и корабли.

Евдокс шла совсем рядом с ней, разговаривая по пути с Воином.

— Ты же понимаешь, мы вступили в крупную игру, — сказала она Джойс.

— Конечно.

— Если бы только мы поняли одну вещь, нам бы пришлось рисковать гораздо меньше. Ваши начальники, похоже, надеются на... что мы созовем на нашу встречу всех союзников?.. они надеются, что Мединский Консорциум останется стабильным, чтобы в конечном счете договорится со всей системой Мошки. Как же они могут надеяться на это?

— Не знаю. — Теперь мошкита была от нее слишком далеко, и Джойс не видела ее лица. Евдокс тоже не смогла бы увидеть лица собеседницы. Но все дискуссии по поводу мошкитов приводили к одному и тому же: центрального правительства у мошкитов не было, и казалось, что оно не появится никогда. Как же можно установить стабильные отношения с огромным количеством мошкитских семей? Даже некогда живший реальный Чингис-хан не смог сформировать нерушимую империю монголов.

Они дошли до кольца куполов, опоясанных кабелями всех цветов и размеров, с огромным кораблем, возвышающимся в центре. При очень маленькой гравитации Джойс направилась к вершине

купола, крепко держась за провод. Она с трудом сосредотачивалась на дороге, голова ее немного кружилась... но она понимала, что рядом с нею Воин и Евдокс. Она думала только об одном: а вдруг мошкиты устают быстрее, чем люди?

Евдокс разговаривала с Воином, который что-то редко отвечал ей, а потом перешла на англик:

— Корабль Мастера намного крупнее, чтобы вместить все его окружение, и он построен с умом. На нем установлена очень мощная защита и множество коммуникаций, так что угнать его невозможно. Если грянет бой, то Мастер должен остаться в живых для дальнейших переговоров.

— Угу, — пробормотала Джойс, снимая гигантский корабль с автоматически убирающимися антеннами и с каким-то продолговатым цилиндром, могущим вполне оказаться смертельным оружием: ствол-труба, запас ракет, лазер и тому подобное.

— Я слышала, что в вашей Империи предпочитают не мешать культуре ее членов, однако порой это бывает нужным. Такова и наша судьба?

— Я не знаю об этом, но уж лучше поступать так, как это делаете вы, — ответила Джойс, удивляясь своей горячности. «Сейчас я говорю как мой отец, а ведь я никогда не считала себя имперцем».

— Джойс, у нас есть еще очень много, что показать. Хочешь, воспользуемся трубой?

Усталость у Трухильо сменилась раздражением.

— Евдокс, она слишком узкая. И почему ты считаешь, что нам станет легче? Мы по-прежнему будем двигаться еле-еле!

— Нет. Нас будет двигать перепад давления воздуха. Чтобы забраться внутрь, нам нужно выкачать воздух из плащей. Пусть их понесут Посланники.

— Заметано.

* * *

Виктория вошла на территорию, предназначенную на «Цербере» для людей.

— Представители семей союзников Империи ожидают вас, — объявила она. — Собирайте ваши вещи. Особенно товары для торговли. Сюда вы больше не вернетесь, а мы не сможем спасти ваш корабль.

Люди изумленно уставились на нее.

— Что случилось? — недовольно спросила Гленда Руфь.

— Сюда прибывает Ханство. Мы вступили в союз с Мединскими Торговцами. Их представители ожидают вас. Они называют себя Ментор и лорд Байрон, и уверяю вас, что к вам будут относиться с должным почтением. Обещаю, что с этим проблем не будет.

— А это и не проблема, — произнес Фредди. — К тому же я могу себе позволить лишиться «Гекаты». Только объясните, что с нами будет?

Вместо ответа Виктория указала на изображение, появившееся на мониторе телескопа. Город паразитов продолжал изменяться; он стремительно уменьшался... и, как показалось Гленде Руфь, словно таял прямо на глазах, оставляя после себя гигантские пузыри. Внезапно из зияющего провала вылетел очень изящный корабль.

— По-моему, я его где-то видела, — прошептала Гленда Руфь.

— Так это же увеличенная копия «Гекаты»! — воскликнул Фредди и громко рассмеялся.

— Вы окажетесь на борту быстрее, чем они окажутся здесь. Мы улетаем отсюда. Воины задержат Ханство как можно дольше, остальные же попытаются спасти этот корабль и несколько других, но наш корабль должен быть способен идти со скоростью не меньшей, чем у ваших друзей, которые, похоже, находятся на борту вон той огромной летающей крепости.

— Когда же мы вылетаем? — спросила Дженнифер.

Виктория нахмурилась.

— Как можно скорее! — ответила она. — Нельзя терять ни минуты! Полетим при ускорении тройной силы тяжести... тройной по сравнению с Мошкой-1.

Гравитация Мошки-1 была невысокой. Поэтому Фредди сказал:

— Передайте, чтобы ускорение было два с половиной обычных *g*. Терри...

— Терри не сможет выдержать этого, — заметила Дженнифер.

— Да. Виктория, спасибо, однако...

— Вы не спасете вашего друга, если он попадет в плен к Ханству, — проговорила Виктория. — К тому же, они могут не понять выгоды от вашего какао. Боюсь, что выбор у вас невелик. Ваши друзья простят нам потерю одного человека, погибшего от ран во время битвы за всеобщее объединение. Но они не простят нас, если мы бросим всех вас в беде. Так что собирайтесь.

— Я остаюсь, — решительно сказала Дженнифер. — Гленда Руфь, вы с Фредди отправляйтесь. Виктория права, вы слишком важны для Империи, и там не станут разбираться, что произошло, поскольку Империя ни за что не простит Виктории вашу гибель. Но кто-то должен позаботиться о Терри, и вы скажете им, что я настояла на этом. Полианна...[1]

— Останется с Дженнифер, — приказала мошкита с произношением Дженнифер, но более низким голосом.

— Что бы вы ни собирались предпринять, это нужно делать как можно скорее, — предупредила Виктория. — На подходе целая бое-

[1] Героиня одноименной повести Э. Портер.

вая эскадра Ханства, а ваши друзья горят нетерпением увидеться и поговорить с вами.

— Боевая эскадра... — повторила Гленда Руфь задумчиво. — Насколько они разумны? С ними можно вступить в переговоры?

— Посредники всегда вступают в переговоры во время перерыва в сражении. Иногда — после боя. И, конечно же, совсем другое дело, если Посредник, находившийся в твоей экспедиции, умеет разговаривать на твоем языке. Тебе сможет помочь Полианна.

— Я помогу тебе в переговорах, — решительно произнесла Посредник-малыш. Дженнифер крепко сжала ее в своих объятьях. Посредник сказала: — Только не старайся убедить меня, чтобы я не оставалась с тобой.

— Я ожидала, что ты останешься, — проговорила Виктория. — Ваш Терри может выжить, пока Медина будет договариваться о выкупе его у Ханства. Без твоей помощи это невозможно.

— Мне это очень не нравится, — заметил Фредди. — А тебе, Гленда Руфь?

— Виктория, *как же* ты уйдешь от них?

Виктория быстро заговорила с Воином. Воин коротко отвечал ей. Затем Виктория сказала:

— Мы можем оставить вам «Цербер», убрав из него часть нашего жизнеобеспечения. Мы оставим вам пилота-Воина и двигатели, дающие ускорение в половину *g*... а на самом деле следовало бы снабдить «Гекату» двигателем чужеземного образца, чтобы дать понять о ваших отличительных чертах. Дженнифер, на тебя могут не обратить внимания, и если такое произойдет, то тебя разыщет Медина. Сожалею, что мы не можем позволить доктору Дулиттлу остаться с вами.

— Какие у них шансы сбежать? — настойчиво спросила Гленда Руфь.

— Очень небольшие, — ответил Фредди. — Уловка, конечно, прекрасная, однако «Церберу» необходимо поскорее убраться отсюда, и они это заметят.

Виктория пожала плечами.

— Это вполне вероятно. Если мы задержимся еще больше, то ничего не получится. Я также оставлю сообщения на торговом языке, информируя Ханство, что здесь на борту очень ценный товар, и что самые могущественные из Ханства хотят заполучить этот товар, но только в том случае, если он останется целым и невредимым.

— Ступай, Гленда Руфь, — сказала Дженнифер. — Это лучшее, что мы можем предпринять.

— Идите, — сказал Посредник. — Идите на встречу с представителями ваших друзей.

* * *

Впереди следовал Воин, указывая путь; за ним — Джойс, потом Евдокс; все — в облегающих скафандрах и шлемах. Мощным давлением воздуха их несло вниз по трубе. За ними двигались два маленьких Посланника с их порванными плащами.

— Финч'клик' Бери рассказывал истории о плавании, — сказала Евдокс. — Это примерно так?

— Да, немного похоже, — ответила Джойс. Сильный воздушный поток не давал ей отбить бока с обеих сторон. Она плыла, как морская водоросль, даже не помогая себе руками и ногами, точно покойник в реке.

Они миновали крупный промышленный комплекс, освещенный ослепительными огнями. Там, где труба поворачивала, Джойс замечала Часовщиков, следящих за ней. Их было огромное множество, но два Инженера полностью контролировали их.

— Безумный Эдди всегда неверно истолковывал перемену циклов, — рассказывала Евдокс. — Он пытался положить конец этим переменам, чтобы создать цивилизацию, которая бы существовала вечно. Джойс, что люди думают о Безумном Эдди?

— Полагаю, что мы считаем его сумасшедшим, — ответила Джойс. Неожиданно воцарившаяся тишина и молчание собеседницы вынудили ее быстро продолжить: — Впрочем, не совсем сумасшедшим. Наши исторические циклы двигаются взад и вперед, но обычно — вперед. По спирали. Мы не двигаемся кругами. Мы учимся.

— Поэтому ты используешь это слово без тени замешательства. Прыжковая точка Безумного Эдди... это наше понятие, но ты не вздрагиваешь от этого. Эскадра Безумного Эдди. Джойс, ты изучала эскадру Безумного Эдди?

— Моя точка зрения касательно этого вопроса есть в специальных записях, Евдокс, но тебе нельзя их получить. Таково распоряжение ИВКФ. — Откуда, черт подери, Евдокс узнала об этом? Неужели имела место какая-то утечка, а Хрису не удалось заткнуть эту «дырку»? Так сказать...

— Мы — союзники. По-моему, это нечестно, что нам нельзя узнать о том, о чем ты, как репортер, рассказываешь каждому случайному обитателю Империи.

— Согласна, это нечестно. Да, это так, но это по-прежнему не мое решение, Евдокс. Я давала клятву о неразглашении государственных секретов.

Мошкита поморщилась и сказала:

— Все понятно. Джойс, ведь никому не нравится нести службу на Блокаде. Эскадра разваливается на части, не так ли? Открытие Сестры — весьма неплохое событие, однако как ваши компаньоны собираются устанавливать здесь стабильность?

Хороший вопрос, и Джойс не знала на него ответа. Хотя... у Империи есть *нечто*. Нечто, имеющее отношение к Институту и Червю Безумного Эдди, размышляла Джойс. Ей было известно только название, и даже его она должна сохранять в секрете. *Почему?* Но сейчас Посредник находилась позади нее, и из-за своего крошечного роста видела только ноги Джойс, а не лицо.

— Мошка-1 направила к вам послов, — сказала Евдокс. — Хранителя и двух Посредников. У вас имелось тридцать лет на их изучение. Мы же изучали миллиарды нас в течение миллионов лет. Что же вы такое узнали, чего не удалось узнать нам?

— Евдокс, мне бы очень не хотелось говорить на эту тему.

— Имперское начальство рассказало тебе очень мало, не так ли, Джойс? Словно они не доверяют тебе. Словно они считают, что ты не способна хранить секреты.

— Совершенно верно. Так что давай поменьше останавливаться на этом, хорошо?

— А еще ты — специалист по связям с общественностью. Тебя слушает вся Империя.

Джойс, совершено очевидно, что ваша Империя объединилась, в то время как мошкиты никогда не смогут сделать этого, поскольку не все семьи отличаются послушанием. Есть ли у вашей Империи силы, чтобы уничтожить нас? Ведь таков ваш истинный план, не так ли?

— Нет, в наши планы не входило ничего подобного!

— Ты уверена? И у вас нет секретного оружия? Ах да, они же тебе ничего не рассказывают. Джойс, будь добра, посмотри вперед и вверх.

Самой крупной точкой среди звезд оказался шар, местами покрытый сверкающими блестками. От него исходили фиолетовые искры. Джойс приготовила камеру и стала наговаривать текст для репортажа:

— В небе находится космический корабль, отправившийся для встречи с нами. На нем находятся в заложниках люди, захваченные группой союзников наших мошкитов, называющиеся Крымские Татары. Люди, находящиеся на борту этого корабля — это Гленда Руфь Фаулер Блейн, достопочтенный Фредерик Таунсенд и Дженнифер Банда из Института Блейна. И еще член команды, бортинженер Терри Какуми... Евдокс, когда мы сможем поговорить с ними? С людьми, находящимися на этом корабле? И есть ли у них какие-нибудь кадры, на которых запечатлены боевые крысы? И что такое боевые крысы?

— Всему свое время. Я скажу, когда сюда прибудут ваши друзья. А сейчас... мы собираемся показать тебе двигатели.

Джойс посмотрела вверх. Скомканный шар садился, испуская сверкающие искры, а где-то там Джойс увидела бело-фиолетовые выхлопы двигателей Базы Шесть.

— Да, — сказала Джойс. — Пожалуйста.

Евдокс что-то проговорила себе в руку. Джойс вспомнила, что всеми транспортными средствами управляли Посредники. А иногда они выносили свое суждение... Ветер, толкающий их в спины, стал почти невыносимым; затем труба разветвилась, и их понесло влево.

— Нам известно, что Гленда Руфь Блейн — дочь Салли Фаулер и Родерика Блейна, а достопочтенный Фредерик Таунсенд — сын еще одного могущественного лица, но мы ничего не знаем об Институте Блейна, — сказала Евдокс.

— Это учебное заведение, но там проводятся исследования.

— А я-то думала, что такие организации у вас называются «университетами».

— Совершенно верно, Институт Блейна — это нечто похожее на университет, и его намеренно расположили рядом с университетом, но в университетах изучают все. Институт Блейна создан только с одной целью. Для изучения мошкитов.

— А... Значит, этот Институт несет ответственность за Блокаду, верно?

— Нет, такова была политика Империи. Хотя лорд и леди Блейны имели влияние на политику даже в то время, когда основывали Институт. Вместе с дядей леди Блейн. А Блокаду объявили еще до моего рождения. — Взамен карательной флотилии. Посредник все еще не видел ее лица: это хорошо. «Ты даже представить себе не можешь, какое влияние вы имели на Империю. Одним своим существованием», — подумала Джойс.

— У тебя есть дети? — спросила Евдокс.

— Пока нет.

— А тебе бы хотелось их иметь?

— Давай остановимся на «пока нет», ладно?

— У меня тоже нет детей. Но *я уже вижу* влияние мошкитов на Империю, что ты *воспитана* так, чтобы не забеременеть до тех пор, пока специально не захочешь этого!

Джойс ощутила, как у нее буквально запылали уши.

— Не обращай внимания, — сказала Евдокс. — Я могла догадаться о реакции Империи, зная, что мы разобрались в том, что стремление к войне в вас впитывается с молоком матери, а потом вы придумаете, как ввергнуть в войну и нас.

— Как вам удалось в этом разобраться? — изумилась Джойс.

— Посредники предотвращают все недоразумения, — ответила Евдокс. — Мошкиты будут сражаться за территорию, энергию и сырье для своих подданных, но если есть способ избежать войны, Посредники его найдут. Вы же воюете из-за неверно составленных посланий.

— О! Вы изобретаете свои собственные послания, да, конечно! Если вы не становитесь беременными, то умираете. А Посредники

не беременеют. — «Мне бы закрыть лицо и отдохнуть», — подумала Джойс.

— Ну и как, Институт добился успеха в своих исследованиях? — осведомилась Евдокс.

— В нем собрались лучшие умы Империи.

— Да. Однако подобные организации всегда замораживают, не так ли? Они устаревают и больше не могут эффективно функционировать, как Блокадный Флот.

— О... как правило, — сказала Джойс, хотя не слышала ничего подобного об Институте Блейна. — Тебе бы, наверное, хотелось, чтобы я употребила слово «закоснели».

— Поэтому они изучают мошкитов, и больше ничего, и они еще не закоснели, — сказала Евдокс. — Будут ли они изучать методы уничтожения мошкитов?

— Не говори глупостей! Ты встречалась с Хрисом Блейном. Институтом владеют его родители. Ну, что ты теперь думаешь?

— Я думаю, что ему известны кое-какие секреты, и некоторые из них ужасны, — ответила Евдокс.

Я тоже так думаю. Может быть, достаточно говорить на эту тему? Но... она не может видеть моего лица, так как же она прочла мои мысли?

Я же репортер, черт подери! И я отлично знаю, как следить за выражением лица, как это умеет делать любой политикан или игрок в покер. Но они засунули меня в этот серебряный баллон, сперва ведут себя со мной весьма любезно, а потом неожиданно ставят меня в неловкое положение своими вопросами. А ведь меня никто не учил контролировать мышцы ног, черт подери!

* * *

— Джойс, это очень важно. Что вы им рассказали? — спросил Реннер.

— Совершенно ничего, — ответила она со смехом. — Послушайте, вам не надо постоянно спрашивать меня. Я все записала на пленку. Вот, пожалуйста.

— Спасибо. Блейн, давайте-ка взглянем на это.

Голоса были идентичны: голос Джойс Трухильо, узнаваемый всей Империей. Единственным способом различить собеседников можно было только по контексту. Вот эти слова, например, произнес чужак: «*Ему известны кое-какие секреты, и некоторые из них ужасны*».

— Как вы думаете, что она имела в виду? — спросил Реннер.

Хрис Блейн сдвинул брови.

— Не знаю. Но, судя по контексту, сразу после этого Евдокс спросила, не разрабатываются ли в Институте методы уничтожения

мошкитов. Если я правильно ее понял... жаль, что Евдокс почти что нет на кинопленке...

— Но я не могла ее снимать...

— Да, конечно. А теперь, если я правильно понял эту запись, Евдокс убеждена, что Джойс не считает, что в Институте изучаются инстинкты мошкитов, однако это делает подозрительным все остальное.

— И все же, мы можем с этим что-нибудь сделать?

— Я думаю. У меня есть несколько обычных записей о работе Института; в основном это — своего рода рекламный материал, однако это может помочь. Мы отдадим эти записи Евдокс.

— Давайте-ка лучше сперва их просмотрим еще раз.

— Сэр, я уже их просмотрел. И очень внимательно. Там нет ничего касательно Империи, чего бы они уже не знали. Я просмотрел их на тот случай, если в чем-то ошибся, но теперь я убежден...

— Лады. Это разумно. У вас есть еще что-нибудь?

— Только послание к Вейглу. Оно будет отправлено тотчас же, как только Ист-Индия выразит желание его доставить.

* * *

— А теперь сделаем вот что, — произнес Хрис Блейн, взяв специальный куб для послания. — Тут все данные о прыжковой точке Олдерсона, которые мы смогли разыскать, включая материалы из Александрийской Библиотеки. Так что у адмирала не возникнет никаких проблем в обнаружении новой прыжковой точки Безумного Эдди. Теперь ваша очередь, капитан. Помните, напирайте на долг! И еще: это нельзя откладывать в долгий ящик.

Реннер взял куб.

— Благодарю вас. А сейчас мне надо побыть одному. Я скоро буду. — Он подождал, пока остальные уйдут, после чего вставил куб в записывающее устройство и приступил к диктовке.

— Такова ситуация, как мы ее видим, — заключил он. — Мошкиты окончательно созрели для альянса. Разумеется, это связано с определенным риском, но нам уже никогда не представится лучшей возможности.

— Мне не верится, что у нас есть сила, чтобы уничтожить мошкитов, — продолжал Реннер. — Их слишком много, и у них огромное количество независимых семей, разбросанных по астероидам, спутникам и кометам.

Он несколько секунд помолчал и начал диктовать вновь:

— Мы не можем уничтожить их, и мы никогда не рассчитывали, что придется поддерживать Блокаду навеки, а теперь мы нуждаемся в двух Блокадах. По моему мнению, нам лучше попытаться вступить с ними в альянс, используя Червя Безумного Эдди как

вспомогательное средство для контроля над рождаемостью мошкитов. Конечно, нам не известно, какова будет реакция мошкитов на червя, и мы не узнаем об этом в течение следующих сорока или пятидесяти часов. Не думаю, что это слишком большой срок. В эти минуты Мединская Торговая Компания и Ист-Индия объединились, чтобы отправить настоящее послание, поскольку у них есть способы доставить его по назначению. Бог знает, что произойдет за эти пятьдесят часов.

Кевин Реннер, капитан, военная разведка ИВКФ; действующий коммодор, Вторая Экспедиция на Мошку. Засвидетельствование подлинности документа следует. Подпись.

С засвидетельствованием подлинности документа возникло больше проблем, нежели с самим текстом послания. Реннер с трудом приставил ко лбу металлическую ленту, а затем подключил ее штекер к маленькому переносному компьютеру. Потом вставил в гнезда наушники и откинулся на спинку кресла, чтобы немного расслабиться.

— Привет, — раздалось из наушников приятное контральто. — Ваше имя?

— Кевин Джеймс Реннер.

— Вы едите живых улиток?

— Я ем все.

— Место вашего рождения?

— Дионис.

— Вы одиноки?

— Совершенно.

— Пароль?

— Штокрозы.

— Вы уверены?

— Конечно, уверен, чертова тупая машина!

— Попытаемся еще раз. Пароль?

— Штокрозы.

— В соответствии с инструкциями, мне следует убедиться, что вы спокойны и действуете без принуждения.

— Черт подери, *я спокоен и действую без принуждения.*

— Хорошо. Если вы приложите меня к записывающему кубу для посланий...

— Сделано.

— Приготовьтесь. Это может занять немного времени.

Реннер ожидал семь минут.

— Операция завершена. Вы можете отключиться.

Реннер вытащил куб для посланий. Теперь послание было закодировано так, что прочесть его сможет только адмирал или специальный сотрудник отдела главного штаба ИВКФ; код подлинности идентифицировал послание, что оно исходит от старшего офицера

военной разведки ИВКФ. Единственный способ добиться аутентичности было «убедить» шифровальное устройство в том, что вы действительно хотели это сделать. Любое отклонение от подлинности мгновенно вызвало бы целый ряд подтверждений достоверности, что значило бы, что отправитель действовал под принуждением или отправителем оказался другой человек.

Реннер нажал кнопку интеркома.

— О'кей, Блейн, все готово. Вы уверены, что мошкиты сумеют размножить копии этого послания? — Если мошкитам не удастся это сделать, этому кубу придется совершить довольно большое путешествие, если он вообще сумеет дойти до места назначения.

— Они не сомневаются в этом. Мы отправили детали системы куба для посланий в Ист-Индскую группу, которая находится в прыжковой точке Безумного Эдди. Они уже собрали записывающее устройство. Как только мы отправим зашифрованное послание, они запишут его в кубе и отправят в путь.

— Превосходно.

— А теперь что? — спросила Джойс.

— А теперь мы будем ждать, — ответил Реннер. — Татар.

Глава 5. Оружие мединской мечети

> Дипломатия — это искусство сказать: «Хорошая собачка», когда ты натыкаешься на камень.
>
> *Приписывается Талейрану*

Примерно через три дня Большой Зал из крепкого льда занимал, наверное, уже половину мечети. Он был щедро разукрашен затейливыми узорами, и Реннер узнал в них несколько измененные изображения из «Тысячи и одной ночи». На стенах виднелись гобелены с вышитыми сказочными джиннами, птицей Рух и видами Багдада, как он выглядел, вероятно, в двадцатом веке. Под ногами расстилались мягкие ковры с мавританскими узорами, которые нельзя спутать ни с какими-либо другими. И тут же Кевин заметил явные анахронизмы: широкий видеоэкран на одной из стен, в то время как противоположная — стеклянная — стена делала поворот, а за ней — лед.

Экран показывал другой сектор Базы Шесть, и корабль, прорывающийся вниз к ледяному шару через черное Поле Лэнгстона в небе.

Гораций Бери медленно передвигался взад и вперед и выглядел хорошо отдохнувшим, спокойным и расслабленным. Время от времени он подпрыгивал, как поплавок на воде. Это сказывалось воздействие низкой гравитации Базы Шесть. Бери не замечал, что на

него постоянно направлена камера Джойс Трухильо. Али-Баба прыгал рядом с магнатом, в совершенстве повторяя движения и мимику старика.

Это выглядело весьма забавно. Кевин Реннер, конечно, видел это, однако старался полностью контролировать свои эмоции: он понимал, что ему нельзя поддаваться веселью, и забавные сценки не должны отвлекать его от более насущных проблем, которых было очень много. Теперь на Кевине Реннере лежала огромная ответственность, причем — полностью на нем. «Наверное, так же чувствовал себя и капитан Блейн, там, на Мошке. Он чувствовал ответственность и свою вынужденную терпимость к тому хитрожопому парусному мастеру...»

— Здесь почти нейтральная территория, — сказала Евдокс. — Это наша база, но частично она и ваша. Это место, куда может прийти коммодор Реннер, по-прежнему сохраняя контроль над своим кораблем. Ваше превосходительство, это официальный прием. Вы уверены, что на него не должен быть приглашен никто из команды «Антропоса»? В качестве вашего окружения. Например, Воины.

— А это действительно так важно? — осведомился Реннер.

— Конечно, важно, — ответил Гораций Бери. — Но также важно и то, чтобы все группы мошкитов понимали нас, как мы начинаем понимать вас. Мошкитам и людям придется изменить своим обычаям во время встречи. Давайте же начнем это делать прямо сейчас.

— Как вам будет угодно, — произнесла Евдокс и поклонилась.

Хрис Блейн наблюдал за опускающимся кораблем.

— Он похож на гоночную яхту, — заметил молодой человек. — Только намного больше.

— Удивительно, какая странная у него конструкция, — сказала Евдокс. — Наверное, Крымским Татарам удалось обзавестись приличными ресурсами за счет Города паразитов.

«А ваши Инженеры изучат на этом корабле каждую гайку, — подумал Реннер. — Мошкиты не способны на такие усовершенствования и нововведения, ибо они, скорее, умеют приспосабливаться ко всему новому, нежели изобретать его».

Корабль, проделывая аккуратные алые концентрические круги, приземлился на платформу, которая сразу же опустилась. Когда платформа с кораблем исчезла из поля зрения, Евдокс повыслушала что-то в своем телефонном аппарате.

— Они сели. Не желаете посмотреть, как ваши друзья высаживаются на берег?

— Разумеется! — сказал Реннер. Бери с Али-Бабой одновременно повернулись к экрану.

Экран замигал, затем на нем появился открытый переходной шлюз. Из промежуточного шлюза, заполненного сжатым воздухом,

выскочил Воин, затем Посредник с каким-то необычным предметом со специальными отметками. Потом все увидели Гленду Руфь, прижимающую к груди запечатанный ящичек. За ней последовал молодой человек в космическом комбинезоне, держащий на руках Посредника-младенца. Затем вышли два Воина и молодой Мастер.

— Только двое, — сказал Бери резко; а Али-Баба вторил магнату. — Насколько нам известно, их должно быть четверо, верно?

— Совершенно верно, ваше превосходительство. Но мы только сейчас узнали подробности. Один из этой четверки настоял на том, чтобы заснять очистку Города паразитов. Он был очень серьезно ранен, и его жизнь находится под угрозой. Татары постоянно напоминают нам, сколько средств у них ушло на спасение его жизни. И когда они увидели, как их атаковал корабль Ханства, то всем стало ясно, что Терри Какуми не выдержит ускорения, необходимого для бегства. И его пришлось оставить на произвол судьбы. Его подруга категорически настояла на том, что останется с ним.

— Трагическая история, — произнес Реннер. Он взглянул на Блейна и, увидев, как тот еле заметно опустил голову, продолжил: — А что с ними случилось потом?

— Мне не сказали, — ответила Евдокс.

В телефонной трубке послышались какие-то неприятные скрежещущие звуки. Евдокс некоторое время вслушивалась в них.

— Похоже, ваши друзья несколько колеблются. Они высказали два намерения. Они желают увидеться с вами незамедлительно, но при этом их беспокоит, что их внешний вид может вызвать у вас подозрения, что с ними очень плохо обращались.

— Передайте им, что мы уже видели их на экране, — сказал Реннер. — Со всех сторон к нам идут боевые флотилии, и у нас нет времени ждать, чтобы они приняли душ и привели себя в порядок. Евдокс, сможет ли Медина выслать кого-нибудь для спасения остальных людей?

— Я узнаю.

— Ты сказала «оставили на произвол судьбы», — заметила Джойс.

— Не удалось подобрать более подходящего выражения, — пожала плечами Евдокс.

Тут заговорил Блейн:

— Бросить на произвол судьбы при низкой тяге, но при этом тайком установить на них «маячок», который бы реагировал на прямые сигналы. Таким образом мы смогли бы узнать их месторасположение. Верно?

— Я ничего не знала о подобном методе, но я согласна, — сказала Евдокс. — Мы сделаем все, чтобы их спасти, но, полагаю, намного проще было бы выкупить их у Ханства.

— Но как? — нахмурившись, спросила Джойс.

— Посредством переговоров, — ответила Евдокс. — Но не сейчас.

— Почему это не сейчас? — недовольно рявкнул Реннер.

— Кевин, Ханство и его Блок сами не знают, чего хотят. Так же, как и я, вы уже видели образец их действий. — Она махнула рукой в сторону экрана, который теперь показывал огромное количество светящихся точек, беспорядочно разбросанных во тьме. — Им нужен контроль над Сестрой. Они этого добились. Теперь они собирают силы, чтобы суметь отправить свой военный флот. Они собираются разбежаться по вашей Империи, как это сделали бы мы, если вы не решили бы встретиться с нами для переговоров. Но Ханство — совсем другое дело. Они никогда не вступят в переговоры первыми. И никогда не станут первыми торговаться. И это — их преимущество перед вами: им известно, что наши корабли проходили и выживали, чтобы вернуться обратно, чего никогда не случалось с их кораблями. Их корабли не возвращаются туда, откуда пришли. И они считают, что неожиданность — лучшее оружие, и победа — самый лучший инструмент для переговоров. Разве вам это не ясно?

— Достаточно ясно, — отозвался Блейн.

— Но это же чудовищно! — воскликнула Джойс. — Капитан Реннер, неужели вы будете сидеть сложа руки?

Реннер совершенно равнодушно посмотрел на Джойс и медленно повернулся к экрану. Потоком информации управляли Посредники; и это было лучше, чем то, что удалось бы сообщить им «Антропосу». Ханство собиралось вместе. И они могли увлечь за собой всех союзников, которых бы сумели убедить вырваться на свободу в необъятные просторы Вселенной. Места бы хватило на всех. Каждая семья находилась бы в миллиарде миль от соседей, исключая, разумеется, тех, кто вступил под знамена Медины. Все было готово для того, чтобы стремительно пронестись к точке MGC-R-31, где их ожидал Баласинхэм с «Агамемноном» и подкреплением, которому, возможно, удалось до него добраться. Так что если приверженцам Ханства удастся прорваться мимо «Агамемнона», то они свободно попадут в Империю и рассеются по ней повсеместно.

Ханский блок. Как они воспользуются им? Бесспорно, они очень скоро заставят Дженнифер Банду подробно описать «Агамемнон» и MGC-R-31, так, какими она их видела в последний раз. Они легко смогут использовать Терри Какуми, чтобы вынудить ее «расколоться». Несомненно, кто-нибудь из их союзников мог доставить им финч'клик' Бери, чтобы тот «читал» ее лицо. Дженнифер могла бы переводить, могла бы передать условия сдачи... и с той и с другой стороны.

Но что же делать коммодору Реннеру? Он должен поговорить с Глендой Руфь, и как можно скорее. Ему необходимо узнать, удерживает ли «Агамемнон» систему MGC-R-31 один или туда прибыли и другие корабли ИВКФ, когда «Геката» проходила мимо. Что она собирается делать с C-L червем?

— Евдокс... — проговорил Кевин.

— Конечно, мы будем сражаться, — ответила Евдокс. — Собираются все силы Ист-Индии и Медины. Мы отправили несколько посланий к Византии, и там тоже собрали свой боевой флот. Ханский блок пошлет своих Воинов на бой с любыми силами, которые они обнаружат с противоположной стороны Сестры, однако им придется оставить своих Мастеров на этой стороне, где они будут в безопасности. Мы можем атаковать те корабли, но нам надо знать, каков будет вклад людей в эту борьбу.

— Война за звезды, — с благоговением промолвила Джойс.

— Запомните, здесь ваши друзья, — сказала Евдокс. Внешняя дверь Большого Зала стала медленно открываться. Когда она открылась нараспашку, то в Зал одновременно смогли бы войти очень много посетителей.

Стремительно вошли Воины и тотчас же заняли свои места вдоль стен. За ними степенно проследовал Мастер Базы Шесть, адмирал Мустафа-паша. Вслед за этой группой появилась еще одна, состоящая из незнакомых мошкитов и двух человек; с ними вошли совершенно другие Посредники, небольшой отряд Воинов, которые столпились вокруг двух Мастеров. Затем Зал заполонили и другие классы мошкитов, включая Доктора.

Посмотрев на одного из людей, Реннер решил, что это, наверняка, Фредди Таунсенд, на плече которого сидел малыш-Посредник. Гленда Руфь в условиях низкой гравитации постоянно теряла равновесие из-за ящика, который крепко держала в руках. Наконец она поставила его и вышла вперед. Как только девушка увидела брата, ее лицо засияло от радости. Однако внимание лейтенанта Блейна полностью поглотили мошкиты.

Евдокс медленно заговорила на языке торговцев. Тон ее был сугубо официальным. Вошедший в зал Посредник отвечал ей.

— Виктория, — сказала Гленда Руфь и помахала ей рукой, но Виктория не заметила ее приветственного жеста. Затем заговорил представитель Ист-Индии. Блейн изо всех сил старался понять его слова; Гленда Руфь — тоже... а потом брат и сестра обменялись недовольными взглядами, поскольку Посредники говорили все быстрее и быстрее. Их искаженные тела извивались, приплясывали. От этого зрелища Реннер ощутил благоговейный трепет вкупе с некоторым страхом. Перед его глазами и объективом камеры Джойс Посредники превращали торговый койне, изображаемый телами, в обычный язык. Потом Посредники внезапно прервали разговор с Мастерами и подвели краткий итог своей кажущейся бестолковой скороговорке. Тогда заговорили Мастера, сначала один из новоприбывших, затем — адмирал Мустафа.

И все Воины разом подпрыгнули прямо в воздух.

— Нет, нет, это — *пистолет*, Виктория! — пронзительно закричала Гленда Руфь. — Ты целишься!

Воины расположились плотным кольцом на потолке, направляя свое оружие прямо на людей. Теперь они могли стрелять сверху, не попадая друг в друга. Двое Инженеров и дюжина Часовщиков пробирались вперед. Виктория стреляла в Мастеров и в других Посредников. Они что-то затараторили, а тем временем Часовщики окружили ящик Гленды Руфь и начали опрыскивать его пластиковой пеной. И каждый мошкит-Воин сжимал в руке оружие, и каждое оружие было нацелено на людей.

У Кевина не было пистолета, равно как у остальных. Его единственным реальным оружием был «Антропос». Если Мастера вывели из строя его связь, то «Антропос» должен находится в полной боевой готовности. *Сейчас.*

— Полагаю, этому довольно необычному поведению должно найтись объяснение, — пробормотал Бери.

— Оно есть. Это — ваш Червь Безумного Эдди, — ответила Евдокс. — Он — благо для Посредников! И сущий ужас для Мастеров. Вы знали об этом и ничего нам не сказали. Джойс тоже знала, но не должна была рассказывать нам о нем.

Джойс набрала полные легкие воздуха, но так и не смогла заговорить. Ее шея и щеки сперва порозовели, затем стали багровыми.

— Наше вполне понятное подозрение, — продолжала Евдокс, по-видимому, обращаясь ко всем присутствующим, — заключается в том, что вы изменили паразита, превратив его в средство для прекращения жизни мошкитов. Скажите, вы не считаете эту идею безумной, зная о том, что Виктория только что рассказала нам? Кевин, а вы не рассказали нам о Черве Безумного Эдди. Поверьте, это очень глупо с вашей стороны. Вы очень расстроились, узнав, что не полетите на Мошку-1, где ветра разнесли бы вашего паразита по всей планете, а попали в такое место, куда корабль может доставлять червя сколько угодно, поскольку здесь замкнутая среда... вот мое мнение. Итак, ваше превосходительство, боюсь, что между нами остаются кое-какие трения, до тех пор пока мы снова не добьемся взаимопонимания. И еще. В конце концов, для нас не так уж и поздно объединить свои силы с Ханством.

— Это же война без конца! — заметил Хрис Блейн.

— Но это предпочтительнее уничтожения. Гленда Руфь, что же вы имели в виду, когда...

— Но ведь это все для вас! — закричала девушка. — Как вы не понимаете?! Червь не станет размножаться кроме как в условиях строжайшего контроля. Вы можете *использовать* его, как оружие, э... Вы выигрываете битву, и при этом вам не приходится убивать ваших врагов. Вместо этого вы внедряете в них Червя Безумного Эдди, и теперь они становятся Хранителями...

Евдокс взмахнула рукой, чтобы Гленда Руфь замолчала. И быстро заговорила с Викторией. Они говорили все быстрее и быстрее.

Затем в их разговор включился Мастер. Потом Евдокс спросила Гленду Руфь:

— Вы хотите изменить что-либо из рассказанного вами Виктории?.. Ладно. Лейтенант Блейн, расскажите мне, что вам известно об этом. И, если можно, быстро.

— Его превосходительство знает об этом больше меня, — проговорил молодой человек.

— Его превосходительство? — Ее тон оставался вежливым, но Воины уже взобрались на потолок, не сводя с людей оружия.

Спокойно и не проронив ни слова, Бери медленно, чтобы зря не взволновать Воинов, подключился к своему переносному медицинскому центру, доставленному ему Набилом. Тотчас же ожили мониторы, а полоски индикаторов стали разной длины, образовав на дисплее нечто вроде расчески с разными зубчиками. Это означало, что Бери не так уж спокоен, как это казалось. Али-Баба с интересом разглядывал дисплеи.

— Я знал об этом, — проговорил магнат. — Один из Посредников Короля Петра был жив, когда я в последний раз приезжал на Спарту. Это случилось примерно через год после моего посещения Мошки. Он был жив. И мне объяснили, что он жив благодаря воздействию генетически измененного паразита.

— И вы этому поверили? — осведомилась Омар. — Неужели это так, ваше превосходительство?

— Абсолютно все, кто рассказывал мне об этом, верили. Да, и я поверил в это тоже.

— Вы боитесь мошкитов, — сказала Евдокс. — Бери, прилетавший на Мошку, не боялся, а вы — боитесь. Когда мы разговаривали с вами в первый раз, я очень удивилась, заметив ваш страх. Вы очень изменились и тогда, когда прибыли сюда. Что же произошло, что так изменило вас, причем не один раз, а дважды? Только говорите правду, ваше превосходительство.

— Во-первых, это секрет Космофлота, — ответил Бери.

«*Довольно*. Пора мне вмешаться», — подумал Кевин Реннер и решительно произнес:

— Часовщики разрушили боевой корабль «Макартур». Гражданских лиц пришлось эвакуировать через безвоздушное пространство на «Ленин» при помощи специальных тросов. Гораций почти добрался до «Ленина», когда вдруг понял, что человек, карабкающийся за ним, на самом деле был скафандрам, наполненным Часовщиками. Он отбился от них своим кейсом и кислородным баллоном. Верно я говорю, Гораций?

— Это больше уже не секрет. — Индикаторы состояния здоровья магната стремительно менялись. — Все было намного хуже. Я решил привести Часовщиков в Империю, чтобы при помощи их заработать себе целое состояние. Только потом я осознал всю опасность

своего предприятия. Война всех против всех, и я чуть не стал этому причиной.

— У нас есть записи, чтобы довершить все это, — сказала Гленда Руфь. — Подождите, вы еще увидите Город паразитов, ваше превосходительство!

— Удивительно! — воскликнул Бери, посмотрев на девушку. Затем вновь повернулся к Евдокс. — Вы должны понять, я получаю радость от общества Посредников. Даже совсем еще маленьких, верно, Али-Баба?

— Конечно, ваше превосходительство...

— А Часовщики могли оказаться фантастически полезными, и очень ценными на территории Империи. Чему не суждено было случиться. Ваше общество... оно больше похоже на общество арабов до прихода Пророка. Детоубийство. Геноцид. Ведь других способов контроля над нашим населением не было. А после прихода Пророка мы бросились на завоевания других земель, но не знали, как ужиться с другими культурами. — Бери пожал плечами и продолжал: — Равно как другие народы не знали, как уживаться с нами, и это все было истинной правдой, еще когда я в предыдущий раз посещал вашу звездную систему.

— Но теперь-то вы научились этому? — спросила Евдокс.

— Да. Мы научились, и Империя тоже научилась. Арабы нашли свое место в Империи. Пока еще нас не почитают так, как бы нам этого хотелось, но у нас есть место, что уже не так уж скверно. Мы свободны, чтобы управлять собой сами, и мы можем путешествовать среди имперских планет. Насколько вам известно, я так и поступаю.

— Выходит, вас терпят?

— Нет, Евдокс, нас признают. Не все, конечно, но достаточное количество народов, и это тоже скоро изменится.

— И в подобной роли вы видите нас?

— В том случае, если вы принимаете наши условия.

Евдокс повернулась и медленно заговорила на заново адаптированном торговом языке. Адмирал Мустафа говорил быстро. Евдокс опять повернулась. Воины не двигались.

— Ваши условия? — переспросила Евдокс.

Бери улыбнулся.

— Конечно, мы не можем говорить за Империю, но мне известно, что эти условия будут Империей признаны. Во-первых, будет создано единое правительство мошкитов. Это правительство будет следить, чтобы мошкиты не покидали систему Мошки без прививки им стабилизирующего рождаемость паразита. В пределах системы Мошки — что ж, думаю, что все это вполне можно уладить посредством переговоров. Кевин, ты в чем-то не согласен?

— Гм... да. Вообще-то, существует понятие, что следует держать свой дом в чистоте. В системе Мошки предполагается единое прави-

тельство, долженствующее следить за населением Мошки. Но нам мало повезло в этом вопросе, Евдокс. Мошка-1 — это восемьдесят или девяносто процентов вашего населения, верно? Однако они ни за что не примут условия, потому что Мединский Консорциум постоянно будет их закупоривать. А это вызывает следующий вопрос: удастся ли вам удержать остальную часть системы своей хватательной рукой?

Заговорил Мастер. Шестеро Часовщиков наконец покончили обрабатывать пеной ящик, к этому времени превратившийся в сферу диаметром в два метра. Мошкиты подводили итог своему быстрому разговору. Евдокс резко повернулся к Реннеру.

— Червь — это сердце вашей стратегии. Должны ли мы изучить его?

— У нас есть голограммы, — сказала Гленда Руфь. — У Виктории имеются записи. Почему бы не оставить это на потом? У вас ведь пока нет никого, кто смог бы этим воспользоваться.

— В разговоре с нами Виктория утверждает обратное, Гленда Руфь, и я весьма удивлена, как ты могла забыть об этом. Что касается Посредников, Червь Безумного Эдди удлиняет их жизнь как минимум на двадцать лет. Мы будем очень осторожными, чтобы не поколебаться в нашем здравом смысле.

— Здравый смысл, — произнес Бери. — И это ваша истинная цель, не так ли? Не просто повиновение, а скорее переговоры. Здравый смысл! В вашем рвении к справедливости подумайте лучше об обществе Мошки, в котором Посредники будут жить достаточно долго, чтобы как следует изучить себя.

— Мы уже подумали об этом, — проговорила Омар. — Ваше превосходительство, вы говорите о сдерживании системы Мошки. Империя нам в этом поможет?

— Разумеется, — ответил Реннер.

— Единство оборонительной системы — это же имперская политика, — сказала Джойс Трухильо. — Они уже содержат целый Блокадный Флот. Между прочим, очень дорогостоящий, и без всякой отдачи. Торговля с мошкитами будет настолько выгодной, что это окупит нашу помощь вам в поддержании порядка. Его превосходительство может подтвердить вам, что...

— Для того, чтобы уяснить себе все это, не требуется выдающегося ума, — проговорил магнат.

— Правильно, — кивнула Омар. — Ваше превосходительство, похоже, что ваш Червь Безумного Эдди и вправду своеобразный ключ к сотрудничеству людей и мошкитов.

Посредники снова затараторили, каждый со своим Мастером. Адмирал Мустафа-паша выслушал своего Посредника, потом быстро что-то произнес.

— Адмирал согласен, — сказала Евдокс. — Теперь возникает вопрос, как нам следует поступить с Ханством?

Кевин Реннер задумался.

— Гораций... мы ведь доверяем им, а, Гораций? — тихо спросил он магната.

— Это они нам доверяют, — ответил Бери и сделал плавное движение рукой, чтобы показать Реннеру на Воинов, которые теперь висели под потолком совершенно расслабившись. Их оружие было спрятано по кобурам. Союзники превратились во врагов, превратившихся затем в союзников, и ни одного из Воинов, это, похоже, не удивило.

— Что ж, хорошо. Гленда Руфь, какова была ситуация за пределами Сестры, когда вы улетали оттуда? — поинтересовался Реннер.

— Она немногим отличалась от той, когда мы туда прибыли. «Агамемнон» охранял прыжковую точку Олдерсона, ведущую к системе красного карлика. Вместе с «Агамемноном» там находились три корабля мошкитов. Ожидалось подкрепление из Новой Каледонии, но оно не пришло. Но это было сотни часов назад.

— Благодарю вас, — сказал Реннер. *Но у них не было ни одного корабля, который можно было отправить сюда. Это значит, что нам лучше предположить, что там и вправду нет ничего, стоящего внимания.* — Ханство должно прислать свой флот. Что случится, если мы атакуем Мастеров, которые не присоединились к нему? — спросил Реннер.

— Они пошлют за своими Воинами. И те вернутся.

— Что, целый флот?

Евдокс перебросилась несколькими словами с Мастером Базы Шесть. В их разговор вступил еще один Мастер, затем двое Воинов и Инженер. Наконец Евдокс ответила:

— Как я и предполагала, разделение войска — на редкость плохое решение. Так что они возвратятся всем своим флотом.

— Это же ничего не даст. И вообще, почему они пытаются все это предпринять?

— Мы думаем, что они не предполагали, что мы именно так используем Базу Шесть. Мы смонтировали на ней двигатели от нескольких сотен кораблей и создали огромный запас горючего. Они считают, что у них есть время очистить маршрут, идущий от Сестры. Мы можем отнять у них это время. И еще, Кевин...

— Прекрасно. Тогда нам надо выходить на позицию, дождаться, когда их боевой флот будет проходить к Сестре, и нанести удар.

— А когда их флот возвратится? — спросила Омар. — Все-таки это — несколько *тысяч* кораблей.

— Когда это наступит, мы перекроем этот «мост», — ответил Реннер.

— И надежду, что лошадь может запеть, — прибавила Гленда Руфь, но она сказала это так тихо, что никто, кроме Реннера, не услышал ее.

Глава 6. Здравый смысл

Сперва как следует подумай, а потом рискуй.
Хельмут фон Мольтке

— Нет, — сказал Кевин Реннер. — Мы собираемся воевать!

— Я здесь единственный репортер, — сказала Джойс. — Такой шанс выпадает раз в жизни, и вы не имеете права отказывать мне!

— Вы будете только тормозить наши действия.

— Не я, коммодор Реннер. В любом случае, с его превосходительством на борту, вы ограничены в маневренности.

— Гораций...

Бери, сильно хромая, пересек полную людей кабину «Синдбада». Он думал о последней возможности проверить свой изменившийся корабль.

— Конечно, мисс Трухильо права, — промолвил он. — И все-таки я должен отправиться с вами. Это мой корабль, мне надо отправлять и получать послания, которые предназначены лично мне. — Бери приблизился к новой панели управления. — «Синдбад» лучше защищен, чем раньше. И вообще, пора прекратить этот беспредметный разговор. Кевин, если мы не победим, погибнет вся Империя. А то, что мисс Трухильо останется на борту, ничего не изменит, равно как и не снизит наши шансы на победу.

— Итак, кого же мы не возьмем с собой?

— Думаю, Джекоба. Набила...

Старик зашипел от удивления.

— Пожалуйста, ваше превосходительство, я служил вам всю свою жизнь! — воскликнул верный слуга магната.

— Послужишь мне и теперь. Ты должен доставить в целости и невредимости этот куб с сообщением для хранения на борту Базы Шесть, — произнес Бери и продолжил: — Что касается Синтии...

— Полагаю, я должна остаться с вами, ваше превосходительство, — проговорила девушка.

— Тогда мы выразим свое согласие, поскольку я сам собирался это сказать.

— Это все, конечно, трогательно, однако у нас нет времени, — заметил Бакман. — Гораций, по-моему, это чистейшее безумие, но тем не менее желаю удачи. — Он взял руку Бери и довольно долго держал ее в своей. — Мы...

— До свидания, Джекоб.

— Гм. Да. — Астрофизик повернулся и присоединился к Евдокс и еще двоим, кто оставался с ним на Базе Шесть.

— Маме это очень не понравилось бы, — сказал Хрис Блейн и обнял сестру за плечи. — Коммандер Раулингз оказался прав. Один

из нас должен быть здесь, на «Синдбаде», а я бы принес больше пользы на «Антропосе».

— Если мы с этим не справимся, никто не останется в безопасности, — произнес Фредди Таунсенд. — И нигде. Даже на Спарте.

Реннер кивнул своему новому второму пилоту.

— Боюсь, вы правы, Фредди. Ладно, проверьте переходные шлюзы. Всем пристегнуться, — приказал он.

«Синдбад» был переполнен пассажирами. Мошкиты-Инженеры переоборудовали интерьер корабля и добавили бак с горючим, прикрепив его за бортом, где также находилась дополнительная каюта. На капитанском мостике установили две койки для людей. Вход на него ограничивался дверями, открывающимися в главный салон. Там они поставили специальные койки, приспособленные для высокого ускорения и изготовленные для двух Посредников и двух Инженеров, каждый из которых вез с собой Часовщика, и для людей. Иными словами, на «Синдбаде» царил страшный беспорядок, который еще больше подчеркивался совершенно непонятными устройствами, прикрепленными под неправильными углами на всех свободных местах, еще остававшихся на корабле.

Синтия с Бери пристегнулись к водяным матрасам. Бери наблюдал, как устаивались мошкиты.

— Они все получили по своей порции нашего червячка, — тихо заметил Кевин.

— Да. Интересно, как он подействует на этих маленьких проклятых Домовых? Мы ведь испытываем его здесь впервые!

— Наверное, нам нужно постоянно следить, чтобы они не покалечились, — проговорил Реннер. — Омар, вы не могли бы проследить, чтобы они не слонялись по кораблю? Не хотелось бы вдруг обнаружить какие-то новшества в системе контроля.

— Они не станут ничего делать без приказа, — заверила его Омар, занимая свое место рядом с Викторией из Крымских Татар. — Ваш «Макартур» был в безопасности до тех пор, пока не погиб Инженер. Инженер из Медины, Кевин. И знаете что? Даже при тех обстоятельствах, окажись там Инженер или Мастер из Медины, «Макартур» можно было бы спасти. Но...

— Но мы не позволили никому связаться с Инженером или Часовщиками, а Мединцы уже сбежали от Короля Петра, — закончил за него Реннер.

— Совершенно верно. Но все произошло не по вашей вине. После прибытия Короля Петра вам было бы очень сложно связаться с Мединой.

Реннер кивнул сам себе. Даже тогда, тридцать лет назад, мошкиты знали больше, чем подозревали люди. А что им известно теперь? Однако надо было работать.

— Раулингз? — проговорил он в микрофон. На экране появился коммандер «Антропоса». При виде хаоса, царившего на «Синдбаде», он слегка поморщился, с трудом скрывая свое неодобрение. — Прежде чем вы сдвинетесь с места и дозаправитесь, желаю вам удачного пути, — обратился к нему Реннер.

— Я тоже желаю вам удачи, коммодор, — отозвался Раулингз.

— Благодарю вас.

Им нужно только дозаправиться. Ни один мошкит даже не прикоснется к «Антропосу». «Может быть, у меня паранойя? И не пора ли покончить с ней, и это после тридцати лет, проведенных с Горацием Бери?»

— Все в порядке, мистер Таунсенд, — проговорил Кевин. — Мы вылетаем.

Через час после отлета «Синдбада» Раулингз засвидетельствовал выход корабля с Внутренней Базы Шесть с полными баками горючего.

На одном из дисплеев «Синдбада» Реннер видел «Антропос», казавшийся ему черным пятном с фиолетово-белым свечением сзади. На другом дисплее он видел не увеличенное изображение расплывчатых фиолетовых пятен, мерной волною обволакивающих «Синдбад». Еще один дисплей показывал ему коммандера Раулингза, раскинувшегося в своем кресле под возрастающим ускорением. Позади Раулингза в точно таком же кресле лежал Хрис Блейн. На лицах обоих мужчин сказывалось напряжение, вызванное ускорением в три *g*.

— Итак, во-первых, — проговорил Реннер. — Мошкиты сообщают, что наше послание к Флоту Безумного Эдди прошло, как и планировалось. Но мы никак не можем узнать, получил ли его адмирал.

— Но он должен его получить, — сказал Раулингз.

— Также мы не можем узнать, что он предпримет, — продолжал Реннер. — И тем не менее, в кои-то веки все происходит очень просто.

Раулингз вопросительно поднял бровь.

— Если так, то это происходит впервые, — заметил он.

— Да. Мы с Бери обсудили различные варианты сделок с мошкитами, на которые может пойти Ханство. И мы уже обговорили, как это будет происходить. У них есть два варианта. План «А»: они проходят к Сестре со всем, что у них есть, уничтожают всех, кто им повстречается, и, прорвавшись в пространство Империи, рассеиваются в разные стороны. Ханство привыкло жить мелким воровством, а если предоставить им какую-либо систему, то они вскоре начнут плодиться как сумасшедшие, если им удается пробиться на своих кораблях.

— Что может помешать им? — спросил Раулингз. — И что за план В?

— Ну, они не знают, смогут ли прорваться, — ответил Реннер. — Или с чем они столкнутся, если им это удастся сделать.

— Выходит, они поставили на карту все, — заметила Гленда Руфь. Девушка задумалась. И спустя некоторое время продолжила: — Значит, те колонии кораблей *принадлежат* Ханству. Это все, что у них есть, и им действительно неизвестно, с чем они столкнутся. А сейчас у них Терри и Дженнифер, поэтому они узнают, что двести часов тому назад «Агамемнон» был начеку.

— Жаль, что этот инженер просто-напросто не покончил с собой, — резко произнес Раулингз.

Фредди чуть не взорвался от возмущения, но сдержался, увидев, как Реннер очень спокойно сказал:

— Им неизвестно, что «Агамемнон» может призвать подкрепление. Они не узнают об этом никогда, поскольку об этом не знал ни один человек на «Гекате».

— Подкрепление может оказаться недостаточным, — сказал Раулингз. — Но кое-что, возможно, и прибудет. Несколько кораблей у нас на ремонте, и Синклеру с его бригадой на Верфи не впервой совершать чудо.

— Мы предполагали, что они смогут поговорить с Терри и Дженнифер, — сказал Фредди Таунсенд. — Однако первая группа Татар не сумела этого сделать.

— Ханство намного богаче Татар, — проговорила Гленда Руфь. — И сейчас они могли купить полуобученного финч'клик' Бери. Надеюсь, что они так и поступили.

— Почему? — спросил Раулингз.

— Дженнифер восхищена Бери, — ответила Гленда Руфь. — А Империя просто поразила ее. Она не сомневается, что вместе с «Агамемноном» прибудет большой флот, поскольку у нее весьма романтическое представление о наших возможностях. Если им удастся вступить с ней в переговоры, то все будет по-другому...

— Я не уверен, Гленда Руфь, что теперь...

— Мы можем надеяться, — сказал Реннер. — Возможно, так и случилось. Что бы Ханство ни узнало от Дженнифер Банды и Терри Какуми, они разыграют эту карту осторожно. Они выслали свой боевой флот, но пока оставили своих Мастеров, которые все еще находятся в системе Мошки под охраной только личной гвардии.

Реннер пробежался по контрольным клавишам дисплея и на экране появились оставшиеся корабли Ханства, большие, похожие на пассажирские лайнеры Империи, и все не похожие один на другой. Их сопровождало огромное количество кораблей поменьше.

— Две дюжины... это значит, двадцать четыре больших корабля, — задумчиво произнес Реннер. — Это мишень. Дело в том, что

семья Мастера и ее окружение — это *колония*. И все это скопище нуждается в том, чтобы выжить. Им необходимы растения, симбиоты, полезные классы — короче, все. Каждая семья — это маленькая колония.

— Мы отправляемся за ними. У Медины есть все координаты этих кораблей. Они имеются у Ист-Индцев и Татар. Нам согласилась помочь Византия. Сдается мне, что часиков через двадцать ханским Мастерам придется жарковато.

— Эта часть миссии мне понятна, — сказал Раулингз. — И меня она вполне устаивает. Даже как-то приятно.

Тут заговорил Блейн:

— Когда мы ударим по ним, это не будет внезапным нападением, но сейчас им неизвестно, когда мы появимся на их горизонте. Они не выдержат нападения Внутренней Базы Шесть. Мединский альянс намного крупнее, нежели они думают, и они скоро почувствуют это на своей шкуре. Итак... какие у них шансы? Либо им самим придется прорываться за поддержкой своего боевого флота, либо они пошлют кого-нибудь за помощью. Вполне вероятны оба варианта, то есть они начнут прорыв и одновременно возопят о помощи, а это означает, что им придется отозвать боевой флот. От этого «Агамемнон» должен выиграть некоторое время.

— Да, такое вполне возможно, — согласился Раулингз. Он выглядел задумчивым. — Если они так поступят, вероятно, мы сможем прийти на подмогу к Баласинхэму как раз вовремя. А это уже неплохо.

— Хорошая мысль, — заметил Реннер.

— А в чем заключается план В, коммодор?

— Мы предполагаем, что ханский план В — точно такой же, как у Медины. Если им не удастся прорваться мимо «Агамемнона», то они возвратятся сюда, чтобы собрать большой альянс, что может сорвать планы Медины. Они могут предложить вступить в переговоры с Империей.

— Значит, очень важно не допустить их прорыва мимо «Агамемнона». А иначе... кто должен позаботиться о победе? — спросил Раулингз.

Кевин Реннер ни разу даже не подумал об этом.

— Возможно, Империю это и не волнует, — сказал Бери. — Но мы должны об этом позаботиться.

Раулингз сдвинул брови.

— Это и будет во-вторых, — произнес Фредди Таунсенд.

Оба мужчины были гражданскими лицами. Раулингз не смог удержаться от покровительственного тона.

— Ну, молодой человек, мне известна ваша приязнь к мошкитам, однако имперская политика предпочитает не посвящать в свои внутренние дела кандидатов на вступление в систему Империи.

— Ни для кого из нас не секрет, что это уже случилось, — в тон ему ответил Фредди.

— Возможно, но это дело относится к разряду высокой политики, и никто из нас не имеет права решать подобные вопросы, — процедил сквозь зубы Раулингз. — Даже несмотря на то, что среди нас находятся наследники самих Блейнов.

— Раулингз... — начал было Реннер, но его опередила Гленда Руфь.

— Коммандер, — сказала девушка. — Мы можем только догадываться, как может поступить Ханство. Но фактически они даже не пытались вступать с нами в переговоры. Они захватили в плен двух граждан Империи и не стали с нами даже разговаривать об этом.

— Черт подери! Между прочим, они захватили ваших друзей! — выпалил Раулингз.

— И я из кожи вон буду лезть, чтобы проучить их. Они мне заплатят за это! — гневно проговорил Фредди.

Двое Посредников внимательно прислушивались к разговору, но все время молчали.

— Медина заслуживает нашего доверия, — сказал Бери. — Неужели мы не сделаем так, чтобы заслужить их доверие? И потом, здесь автоматически встает вопрос о праве собственности. Медина знала, что...

— О праве собственности? — изумленно переспросил Раулингз.

Ответ пришел со скоростью света:

— Совершенно верно, коммандер. Они знали, что коллапсирует протозвезда, равно как и откроется Сестра. Они купили эту информацию на свои скудные средства. В которые входит жизнь Инженера, которого мы позволили убить на борту «Макартура».

— Будь он проклят! — произнес Реннер.

— Да, — вымученно произнес магнат. — Сейчас ситуация совсем другая, нежели случившееся с мистером Таунсендом. Впрочем, кое-какое сходство здесь есть. И из этого крошечного запаса информации они сумели сделать выводы о том, что мы будем делать, и поставили свое выживание против существующего права. Я сам когда-то поступил точно так же. Неужели вас это не наводит на мысль о собственности? В известном смысле, Мединский Консорциум получает копирайт на Империю.

В салоне воцарилась мертвая тишина. Первым нарушил ее Раулингз.

— Благодарю вас, господин торговец. А вы что скажете, коммодор?

— Мы будем сражаться бок о бок с Мединой, — ответил Реннер. — Возьмем удар на себя. А вы, коммандер, будете выполнять приказы. Мы пойдем и уничтожим эту колонию кораблей. Мы придем за вами через тринадцать часов.

— Да, сэр, — отозвался Раулингз. Было слишком поздно ожидать от кого-либо помощи, и они оба прекрасно понимали это.

— Мошкиты вас не знают, — произнес Реннер. — Поэтому им неизвестно, на что способен ваш корабль. И поэтому я не могу представить, что произойдет, если они сосредоточатся на вас и попытаются от вас избавиться. Так что будьте готовы ко всему. Нам понадобится ваша защита, когда мы подойдем к вам совсем близко, поэтому постарайтесь остаться в живых.

На этот раз тишина продлилась много дольше.

— Постараемся, — наконец ответил Раулингз.

— У вас есть еще ко мне вопросы?.. Прекрасно. Тогда приступаем. Желаю удачи. — Реннер выключил микрофон и повернулся к магнату. Бери хихикал.

— В чем дело, Гораций?

— Да так, просто я подумал... — нерешительно ответил Бери. — Я представил себе судебное разбирательство, где в качестве наших защитников выступают родители мисс Блейн.

* * *

«Синдбад» шел с ускорением в 1,2 обычных *g*. Гленда Руфь Блейн использовала тесное пространство камбуза, чтобы делать медленные отжимания.

— У тебя когда-нибудь был домашний любимец? — спросила она Джойс.

— Папа подарил мне двух кисхондонов, — ответила девушка.

— И они, конечно же, умерли. Ты понимала, что они когда-нибудь умрут, и они умерли. — Не дождавшись ответа, Гленда Руфь продолжала: — Это как с Джоком и Чарли. Они рассказывали мне о себе. Чарли умер. У нас, у моей родни, тогда уже был вариант C-L червя, но для Чарли оказалось слишком поздно, или червь был не совсем такой, как надо. Нет, нет, Джойс, будь добра, положи камеру на место.

Джойс даже не шевельнулась.

— Ничего не могу поделать со своими мыслями, Гленда Руфь. Но, честно скажу, если бы меня даже собирались застрелить из-за того, что я слишком много знаю, я все равно сидела бы и слушала.

— Не думаю, что мне бы хотелось дать интервью для прессы. Ведь то, чем я занималась, — нехорошо, и мне непросто было смириться с этим. К тому же мне безумно сложно было бы описать все это. Чего я добивалась, так это того, чтобы C-L червь продлил жизнь моему старинному другу. Привет, Фредди.

Фредди быстро вышел из тесной кабины пилота.

— Привет. Даешь интервью?

— Да, что-то типа... только оно не записывается. Хочешь кофе?

— Благослови тебя Господь, — улыбнулся Фредди и повернулся к Бери. — У вас все в порядке с гравитацией, сэр?

Магнат посмотрел на молодого человека.

— Более или менее. Во всяком случае, она не хуже, чем на Спарте. Мне вполне удобно, спасибо. Намного труднее Али-Бабе и нашим друзьям.

Фредди увидел малыша-Посредника, устроившегося под мышкой Горация. Выражение маленького личика было несчастным.

— Я скоро вернусь, чтобы кое-что вам показать, — произнес Фредди. — Мы установили камеры по ту сторону Поля. — Он показал на продолговатые экраны. Все увидели яркие вспышки и приглушенное свечение: замысловатые яркие следы космического боя.

— Это группа «Антропоса»? — осведомилась Гленда Руфь.

— Они по-прежнему находятся в паре часов от Сестры. Это — флотилия Татар. Они все время приближаются. Виктория, боюсь, твоему народу придется несладко.

— Мы такого не ожидали, — заметила Виктория.

— Какие ужасные затраты ресурсов, — недовольно проговорила Омар. — У нас были годы на размышления, и вот перед вами первое поколение мошкитов, которое может рассматривать Вселенную как место для реальных возможностей. М-да... Как скоро мы придем туда?

— На это понадобится немногим меньше двух световых минут, — ответил Фредди. — Скажем, двадцать шесть часов, если перевести на обычное время.

— И тогда все кончится? — с надеждой спросила Гленда Руфь.

— По-видимому, нет, — ответила Виктория. — Космические сражения длятся, как правило, долго.

— Обычное космическое сражение, — сказала Омар. — Я уже видела несколько таких. Сражаются Мастера, что означает крах класса Посредников.

— Я не понимаю одного, — вмешалась Джойс. — Зачем нужны переговоры с Ханством?

На экранах появилось несколько ярких вспышек.

— Наверное, подошли еще корабли, — сказала Гленда Руфь. — Кому они принадлежат?

— Трудно сказать, — ответил Фредди. — Но поскольку они стреляют по Ханству, они на нашей стороне.

— Враги наших врагов, — сказал магнат. — А нам остается только терпеливо наблюдать. Аллах милосерден.

— Джойс, как раз в этом очень много ответов на твои вопросы, — проговорила Виктория. — Например, об их истории. Ханство редко добивалось успеха, когда речь шла об альянсах.

— Принимая во внимание их записи, это не удивительно, — сказала Омар.

— Однако это правда. Они относятся к своим союзникам с презрением. Они не соблюдали условий, о которых договаривались с нами. А теперь они увидят неограниченный военный потенциал, если только хотя бы *одна* из их колоний кораблей уцелеет, чтобы после скитаться по просторам Империи.

— Неограниченный, — задумчиво повторила Гленда Руфь. — Безумный Эдди. Целый клан.

— Мы тоже это понимаем, — сказала Виктория. — Как понимает Медина и Ист-Индия. Лучше назовем это целой культурой.

Капитанский мостик «Синдбада» был погружен во тьму, если не считать светящихся мониторов. Выйдя из салона, Фредди прошел на мостик, запер дверь, уселся в кресло пилота и врубил режим массажа.

Когда Фредди вернулся в салон, Гленда Руфь сразу заметила его общую расслабленность.

— Привет, — улыбнулась она.

— Привет.

— Я заметила на экранах слишком бурную деятельность.

— Бой опять разгорелся, — кивнул Фредди. — Я уже сообщил об этом коммодору. За четырнадцать последующих часов мы мало что сможем предпринять, так что не подавай виду, что ты что-то заметила. Чтобы не перепугать остальных.

«А ты ведь не скажешь, почему не позвал меня».

— Что будем делать, когда доберемся до места? — поинтересовалась она.

— Хороший вопрос, — ответил Фредди. — Если продолжать идти этим курсом, мы проскочим мимо сражения примерно на двухстах кликах в секунду.

— Немного же пользы от этого.

Фредди посмотрел на нее немного раздраженно.

— Если мы начнем притормаживать, чтобы соответствовать по скорости, то будем добираться туда вечно. Идея заключается в том, что под конец мы можем задействовать тягу, если, конечно, кому-нибудь понадобится наша огневая мощь. С другой стороны, намного безопаснее побыстрее проскочить, а потом сменить курс и отступить.

— Из всего, сказанного тобой, это самая хорошая новость, — заметила Гленда Руфь.

Главный экран замерцал голубым светом. Девушка пристально посмотрела на него.

— Фредди...

— Все в порядке. Не надо тебе смотреть...

Когда она заговорила, спустя три долгие секунды, голос ее звучал покровительственно:

— Фредди, любовь моя, я ведь ровным счетом ничего не понимаю. Я вижу только разноцветные вспышки. Почему бы тебе не рассказать мне, что происходит? Представь себе, что мы на гонках.

— На гонках. Ладно. — Быстрым прикосновением к какой-то кнопке он увеличил изображение. Перед ее взором развернулся запутанный лабиринт, состоящий из разноцветных линий. Лазерные лучи ударяли по черным и угольно-красным баллонам разных размеров. Один из баллонов был раздутым до неимоверной величины и светился зеленым, голубым и белым огнем, точно сверхновая. — Они начинали бой, имея двадцать шесть больших кораблей. Через двадцать часов боя у них осталось двадцать три корабля. Они двигались не быстро, но твой брат понял их дьявольский танец. Корабль «А» летит, спрятавшись за кораблем «В». Все удары попадают в Поле корабля «В». Но так не удастся сделать, если враг со всех сторон. В это время корабль «А» излучает избыточную энергию, а затем убирет Поле Ленгстона, выходит из тени другого корабля и палит во все стороны. И тут же снова врубает свое Поле... упс!

— И это срабатывает не всегда?

— Разумеется. Осталось двадцать два корабля.

— Здорово! Фредди, это же были двадцать шесть ханских кланов. Каждый корабль принадлежит какой-нибудь крупной семье. Как видишь, все корабли разной величины. Это зависит от размеров и богатства семьи. Кстати, стоит запомнить, что мошкиты не отступают даже во время их уничтожения.

Фредди посмотрел на девушку.

— Эй, Фредди, а что они делают сейчас? Фредди, туда идет еще один корабль!

— Вижу. Я же следил за твоим взглядом, — отозвался он и повернулся. — Он там, где облако?

— Да нет же, он только что исчез... Вон, смотри, еще один!

— Нет, дорогая, этот корабль не погиб. — Фредди треснул по клавишам интеркома. — Коммодор! Мистер Бери!

Тотчас же на экране появилось изображение магната.

— Вижу, — ровно проговорил он. — Кевин? Два корабля пробиваются к Сестре. Полагаю, они все еще летят. Там ведь прошел еще один корабль, верно, Фредди?

— Да, и еще один, который только что был уничтожен. Пять сбито, три пробиваются, а остальные направляются к Сестре.

— Х-хорошо, — устало пробормотал Реннер. Его изображение не появилось на экране. — «Антропосу» не придется вступать в бой. Фредди, пробиваться придется нам, но на это понадобится менее четырнадцати часов. У тебя есть хронометр, верно? Я был бы весьма благодарен, если бы ты взял на себя все навигационные проблемы. Это позволит всем нам немного поспать. — Наступила

тишина. Затем Реннер продолжил: — Гораций, нам надо побеседовать с мошкитами. Мы не можем преодолеть прыжковую точку одни.

— Я так и думал. Ступай-ка спать, Кевин. А я с ними потолкую.

Кевин Реннер установил койку полностью в горизонтальное положение, улегся и закрыл глаза. До него доносился голос Бери, энергичный, но с нотками усталости.

— Омар, нам понадобится столько кораблей, сколько удастся собрать. Это нужно для того, чтобы сопровождать «Антропос» с «Синдбадом» к Сестре...

Реннер прислушивался к монотонной речи магната, но утомление сделало свое дело. Спустя несколько секунд он погрузился в глубокий сон.

* * *

— Срочное послание, — объявил компьютер.

Реннер подсел к приборной доске.

— Передавайте.

На экране появилась Евдокс. На Реннера без пауз, не дожидаясь его реакции, посыпались вопросы: База Шесть находилась почти в четырех световых минутах от него.

— Кевин, византийские флотилии задерживаются. Они не доберутся до Сестры вовремя, чтобы вам помочь. Как вы думаете, не стоит ли нам отправить послания повсюду? К тому же мы «засекли» какие-то объекты, идущие курсом на перехват «Синдбада». Вот координаты трех неопознанных кораблей. — Тотчас же экран защебетал при передаче данных в двоичном коде. — Когда мы их получили, эти корабли должны были находиться в двадцати шести минутах от точки перехвата.

Реннер задумался над услышанным, затем начал отвечать:

— Полагаю, Византия — все еще наша союзница. Попросите их и остальных союзников присоединиться к вам на Базе Шесть. Помогите в защите Сестры. Мы проследим за неопознанными кораблями. Наши планы на данный момент изменились. Мы проследуем за группой «Антропоса» к Сестре. Желаю вам удачи в защите Сестры с этой стороны. — Кевин на секунду замолчал и повел плечами. «А почему бы и нет?» — Попутного вам ветра. — Реннер отключил связь и обратился к Фредди. — Мистер Таунсенд?

— В чем дело? — ответило изображение Фредди Таунсенда.

— Взгляните на второй экран.

Вместе они стали внимательно изучать экран. Черное, как смоль, космическое пространство и звезды. И три крохотных точки, приближающиеся снизу в тридцати градусах от левой стороны дуги и одним градусов ниже Плеяд.

— Радиолокационные устройства «Синдбада» еще не успели их засечь, — произнес Фредди. — Может быть, теперь, когда мы знаем, куда смотреть...

— Правильно, — договорил за него Реннер и быстро проговорил: — Обнаружены три мишени. Курс постоянный. Они приближаются. Скорость тридцать тысяч кликов. Они пока ничем нас не обстреляли, Фредди. — Он наблюдал за фиолетово-белыми огнями, обволакивающими его корабль. Затем произнес: — Наши союзники уже в полной боевой готовности, но все равно свяжитесь с ними и удостоверьтесь, что Раулингз тоже начеку.

— Разбудить еще кого-нибудь? — спросил молодой человек.

— Если вам нетрудно, позовите Джойс. — Кевин знал, что Бери быстро заснул. Его индикаторы еле заметно подрагивали. Значит, старик все-таки немного возбужден. Мошкиты тоже спали, и Кевин, подумав, решил: — Нам ведь не понадобится переводчик, верно?

— Пусть поспит, — сказал Фредди. — При виде смерти Гленда Руфь очень нервничает.

Таунсенд разбудил Джойс Трухильо. Кевин увидел, как засветился ее экран и сперва обратился к ее затылку:

— Привет, Джойс. Бой развивается вовсю. Фредди, вам удалось связаться с каким-нибудь из кораблей?

— Получен сигнал от Десятого, но я не могу его прочесть. Это Воины. Мне надо разбудить Омар.

— Превосходно.

Омар спала, свернувшись калачиком. Когда Фредди разбудил ее, она распрямилась и села. Затем последовал радиообмен между «Синдбадом» и одним из двадцати небольших кораблей его эскорта с Воинами-мошкитами на борту.

Затем Омар повернулась к молодому человеку.

— Все в порядке. Вас защитят.

Кевин произнес несколько раздраженно:

— А если я скажу, что я Воин-Посредник...

— Корабли с Шестого по Двадцатый развернулись между нами и Бандитской Группировкой Один. Корабли с Первого по Пятый находятся в резерве. Предполагаемая атака состоится на высокой скорости. Две группы бойцов — возле резервуаров с горючим. Они собираются разделиться. Вместе с ними идет корабль Мастера. Это несколько случайных союзников Ханства, они прибыли поздно, и им поручено защищать Сестру от захвата Ист-Индии и Медины.

— *Вот так-то лучше*, Омар. Как, по-вашему, они могут догадаться, что Ханство бросило их на произвол судьбы? И прошу вас как следует подумать, прежде чем ответить.

— Они не догадаются об этом, поскольку Ханству не нужно посвящать их в то, что из себя *представляет* Сестра. Корабль Один предполагает, что сейчас вы задействуете ваше Поле Лэнгстона.

Реннер так и поступил. Экраны потускнели, потом, когда он начал поднимать камеры, стали зажигаться один за другим.

Фиолетовые огни быстро уменьшались в направлении Плеяд.

— Омар, неужели *весь* наш эскорт будет участвовать в сражении? — спросил Реннер.

— Эскорт Омар будет, — ответил Фредди. — Я заметил, что четыре боевых корабля с Воинами по-прежнему с нами. Впрочем, они пока не заняли никакой особой позиции. Черт подери... — Он не успел договорить. Гленда Руфь сверкающими глазами смотрела с экрана Джойс.

Джойс что-то полушепотом сказала ей в темноте кабины. Гленда Руфь ответила. Ее слова явно не предназначались для Кевина.

— Как ты думаешь, мы будем сражаться? — говорила Джойс Трухильо.

— Сражаться или, как последние трусы, прятаться за спинами союзников? Гм-м-м... — В то время как Гленда Руфь считала, что Кевин не слышит ее, Реннер не верил своим ушам. — Джойс, мы пытались отправить все, что нам известно, в послании к Вейглу. На всякий случай, мы даже сделали копии записей.

— Ты сказала «даже»?

— Сумеет ли послание преодолеть все преграды или нет, все, что человечество знает о мошкитах, есть прямо здесь, на «Синдбаде».

Три вражеских корабля начали поливать их ослепительными лазерными лучами. Воины-истребители «Синдбада» заплясали в какой-то немыслимой пляске. Противник тоже начал танцевать. Увернуться от лазерных лучей возможно, только когда расстояние составляет хотя бы несколько световых секунд.

— Дело в том, что если «Синдбаду» придется сражаться, бой будет очень скверным знаком, — промолвила Гленда Руфь.

— Правда и то, что мои голограммы, вероятно, окажутся самой важной штукой, которую надо будет вывезти из системы Мошки. Любой ценой, Гленда Руфь.

— Все ясно.

— Я очень много читала о сражениях в космосе, — продолжала Джойс. — И везде говорилось одно и то же. Они заскучают, если их как следует не запугать. Честное слово, раньше мне и в голову такое не приходило!

Вздымающийся волнами свет от вражеских кораблей сошелся в одной расплывчатой, смазанной точке и там остановился. Реннер нахмурился. Что они еще придумали?

Корабли с Воинами, охраняющие Мастера, отступали. Окружение «Синдбада» оказалось слишком сильным для них.

* * *

Бандитская Группировка Два оказалась намного крупнее. Они прошли мимо со скоростью шестьсот кликов в секунду, выстрелив всего один раз. Лазерные лучи Группировки Один ударили в «Синдбад» в то же самое время, но атака легко растворилась в Полях Лэнгстона. Группировка Два снизила скорость, чтобы присоединиться к Первой.

В окружении Воинов Ист-Индской торговой компании и остатков флота Крымских Татар «Антропос» добрался до Сестры без приключений и занял там позицию. Члены эскорта Медины уже дожидались его, прибыв к Сестре первыми.

Приближалась Бандитская Группировка Три. Она добавила свои силы к Первой и Второй, и теперь заняла позицию в полмиллионе кликов от Сестры и далее нее.

Фредди Таунсенд записал эти сведения и позже вкратце доложил Реннеру. Затем нерешительно произнес:

— Сэр, они явно действуют по какой-то схеме, но я не могу ее понять.

— Омар, кто они? — спросил Реннер.

— Это три семьи, причем одна из них местная, но это совершенно неважно. Согласно Ханскому договору, если кто-то покидает систему Мошки, он должен оставить достаточно заметное богатство для нужд альянса.

— О'кей. Чувствуется, что их явно недостаточно, чтобы атаковать нас. Они надеялись, что Ханство бросится назад, чтобы пробиться к Сестре. Выходит, пока мы летели, эти парни блокировали нам дорогу.

— А что в этом направлении?

— Это не имеет никакого значения. Они же не стоят между нами или там, где бы нам хотелось быть. Сейчас они думают лишь об одном. Фредди, сколько времени нам добираться до Сестры?

— Три часа, но это в том случае, если мы пойдем со скоростью в двести кликов в секунду до тех пор, пока не увеличим тягу. Если же мы уклонимся от этого маршрута, нам понадобится еще три часа.

Бери спал. Его индикаторы, похоже, успокоились; по-видимому, старик хорошо отдохнул. «Надо дать ему поспать еще часок», — подумал Реннер.

— Отставить увеличение тяги, — приказал он. — Омар, нам нужно посовещаться с нашим эскортом и союзниками. Фредди, будьте добры, вызовите коммандера Раулингза.

— Дайте мне во всем разобраться, — произнес Раулингз. — Мы прошли к Сестре. Мы добрались до нее первыми, и теперь я изо всех сил постараюсь защитить большинство из вас. Но мне надо знать, от кого. Так от кого же?

— От того, кого Ханство оставило в качестве привратника, если можно так выразиться, — ответил Реннер. — Мнения разделились, и все упирается в то, сколько их может там оказаться.

— О'кей, — сказал Раулингз. — Необходим обычный эскорт сопровождения через прыжковую точку. Я могу его предоставить, но мошкитам придется объединиться. Так кто будет разрабатывать курс, мы или вы?

— Это ваша работа, — ответил Кевин. — Пока я нахожусь на некотором расстоянии от вас. Поэтому вам проще разработать курс. Мы находимся примерно в шести часах полета от вас, да и то, если Таунсенду удастся произвести маневр. Если же он не сможет это сделать, то нам понадобится часов тринадцать. Лучше не дожидайтесь нас. Мы последуем прямо за вами.

— Слушаюсь, сэр. Отлично, значит, я иду и держу под наблюдением сорок семь боевых кораблей альянса мошкитов, которые вы направляете. Потом, когда мы все пройдем, мы направляемся к «Агамемнону» на фланговой скорости.

— Постарайтесь, чтобы прошли все, — произнес Реннер. — Вы получили копию моего рапорта к «Агамемнону». Передайте ее, если это возможно. Самое важное — не дать Ханству прорваться в Империю. Или вы не согласны?

— Согласен, сэр. Все в порядке, сэр. Однако мне придется следить за слишком большим количеством кораблей. Боюсь, что для меня их слишком много. Поэтому мне придется рассредоточить некоторые из них и отправлять по рассеянной схеме. Я разработаю координаты курса и вышлю их в течение часа. Что касается «Синдбада», вы идете слишком быстро, и понадобится несколько часов, чтобы согласовать их скорость с вашей.

— Нам не понадобится много времени, — возразил Реннер. — Мы идем слишком медленно, поскольку у нас на борту мистер Бери.

— Отлично! Тогда мы будем вступать в бой со всеми, кого обнаружим, в то время как вы с вашим эскортом пройдете мимо. Для них это будет полной неожиданностью.

— И я так думаю, — заметил Реннер.

— Тогда мы все отправляемся. Коммодор, полагаю, вы составляете послание к Баласинхэму. Думаю, ему не понравится, когда он увидит идущее прямо к нему целое скопище мошкитов.

— Верно. Спасибо, — поблагодарил Раулингза Кевин. — Омар, сделайте так, чтобы ваши подчиненные все поняли. И убедитесь в этом. Коммандер Раулингз разработает на компьютере курс для каждого корабля. Очень важно, чтобы они следовали точным курсом.

— Ясно, — отозвалась Омар. — Благодарю вас.

— О'кей, коммандер, будем ожидать вашего сигнала. Спасибо. — Реннер повернулся к Фредди Таунсенду. — Итак. Вы по-прежнему

считаете, что мы сможем пройти к Сестре на двухстах кликах в секунду?

— Еще как! Пальчики оближешь!

— А что случилось? — спросила Джойс. — А, Фредди?

— Подождите минуточку, — ответил Фредди.

— Омар, — проговорил Реннер. — Когда вы сможете уделить мне время, скажите. Поскольку у нас есть работа для вашего Инженера. — Он неистово забарабанил по клавиатуре, и на экране появилась серия диаграмм. — Мне нужно привести все это в порядок.

— Как насчет флингера, Кевин? — раздался знакомый голос.

Бери.

— Да, Гораций, — откликнулся Реннер, глядя на медицинские показатели магната. Почти нормально. — Рад, что вы хорошо отдохнули. Мы собираемся прорываться к Сестре, но не знаем, что находится на противоположной стороне. Да, мне бы хотелось привести в готовность флингер.

— Разумеется, — со вздохом сказал Бери. — В таком случае... Синтия, думаю, тебе пора открыть запечатанный замок Восьмого отсека. Видимо, нам понадобится его содержимое.

Коричневая мошкита-Инженер изучала экран. Потом быстро заговорила с Омар.

— Какие-нибудь проблемы? — поинтересовался Реннер.

— Нет, она понимает этот механизм и его предназначение. Она со всем управится меньше чем за час. А вообще-то, она говорит, что может сделать значительные усовершенствования...

— Нет! — вскричал Бери. — Это мой корабль и, во имя Пророка, я не позволю никаких усовершенствований! Оставьте все как есть.

Реннер засмеялся, но, увидев показатели здоровья магната, тотчас же перестал.

— Омар, по-моему, будет лучше, если эта система будет работать в точности так, как я от нее ожидаю. А усовершенствования прибережем на другой раз. Хорошо?

— Конечно, — поспешно ответила Омар. Реннер увидел, как Инженер в сопровождении нескольких Часовщиков отправилась в кормовую часть за скафандрами.

— Пожалуйста, — взмолилась Джойс. — Хоть кто-нибудь расскажет мне, что все-таки происходит?

— Что происходит, или что, как мы думаем, происходит? — осведомилась Гленда Руфь.

— Мне надо знать и то и другое! — выпалила Джойс.

— Я бы на вашем месте никому не доверял интерпретацию информации, — заметил Бери.

Кевин навострил уши. Фредди — тоже, хотя у него была уйма своей работы.

— Это не для записи, поскольку я высказываю всего лишь свое мнение, — проговорила Гленда Руфь, показывая на экран с изображением системы Мошки. — Ханство отправило свой основной флот к Сестре, в то время как Мастера и колония их кораблей остались. Ист-Индия с Мединой задали им перца, и они с горем пополам убрались. Мы рассчитываем, что они направились к прыжковой точке к Каледу, но ведь сначала им придется ее обнаружить.

— Тем временем, — продолжала девушка, — наша группа направляется к Сестре. Там уже расположилась эскадра кораблей союзников, если предположить, что они уже добрались туда. «Антропос» идет вместе с ними. Если там не возникнет никаких проблем, они отправятся прямиком к «Агамемнону», находящемуся в точке выхода из системы. Мы последуем туда же на нашей собственной скорости.

— О! — воскликнула Джойс. — Ну конечно! Мы же знаем, где это.

— Поэтому мы должны добраться туда первыми... То есть «Антропос» и мединский флот. К тому же, поскольку Раулингз идет туда напрямик, Ханство не узнает, насколько мы сильны!

— Но мы все равно ожидаем неприятностей.

— Вполне вероятно, что Ханство оставило снайпера, или даже не одного, — сказала Гленда Руфь.

— Но им же известно, как много у нас кораблей? Разве не так?

— Откуда они могли знать, что мы возьмем с собой столько кораблей? Поэтому «Антропос» и следует первым. Он пройдет, а мы последуем за ним, причем, по возможности, — все. Некоторые корабли уютно устроились за «Антропосом», остальные идут как Бог на душу положит. Дело в том, что некоторые пробьются. Думаю, большинство.

— О!

— Есть еще кое-что, чего они никак не ожидают, — заметил Фредди. — Или, точнее, это *ожидает* их...

— Прыжковый шок, — произнесла Омар. — Они испытают его на себе. Евдокс утверждает, что это чудовищно... но вы переносите его лучше нас. Они не догадаются, что вы приходите в себя после шока очень быстро. Офицеры наших Воинов согласны. Это хороший план.

«Антропос» шел не самым первым. Перед ним пространство рассекал роскошный веер из двадцати боевых кораблей Ист-Индии. Они были не крупнее имперских корветов и направлялись к прыжковой точке на высоких, но совершенно разных скоростях. Их миссия заключалась в том, чтобы отвлечь и увести в сторону любого врага, подстерегающего «Антропос» с противоположной стороны Сестры Безумного Эдди.

Фредди Таунсенд с оценивающим видом наблюдал за этим зрелищем.

— Любой коммодор регаты гордился бы подобным представлением, — произнес он с жаром.

— Да что там говорить, любой адмирал флотилии! — прибавил Реннер. — Отлично, а вот и «Антропос».

Корабли союзников шли прямо за имперским крейсером, образуя то, что в добрые старые деньки существования морского флота назвали бы «кильватерным строем». Теперь же они исчезали один за другим, пока «Синдбад» стремительно несся к прыжковой точке.

Окружение «Синдбада», состоящее из кораблей Воинов, можно было бы увидеть, если бы не подняли Поле. Однако в эти мгновения они нуждались в самой надежной защите. Фредди Таунсенд решил использовать их для триангуляции.

Сестра находилась в тридцати секундах от них.

— Если у нас получится, это следует записать, — проговорил Фредди. — Мне разрешат записывать это?

— Фредди, не я это решаю, — ответил Кевин. — Кстати, если мы промахнемся, то совершим еще одну попытку, правда, для нее понадобится три часа, а я не знаю, насколько это окажется для нас критично. Вот так-то, Фредди. Ты уж постарайся, чтобы мы сделали это с первого раза.

— Рад стараться! — отрапортовал молодой человек.

Виктория и Омар сходились в одном: любому достойному Воину-пилоту удастся совершить это. А имея двадцать Воинов пилотов, которых можно было триангулировать, даже человек-пилот имел возможность показать себя во всей красе. И Фредди приготовился к решающему моменту.

Кевин даже не заметил, как Фредди переключил тумблер.

Глава 7. Прыжковый шок

Ведь одна из причин бедствий, постигающих тебя, если ты безоружен, — та, что тебя презирают.

Николо Макиавелли. Государь, глава XIX

Двое суток до того момента, как корабли Ханства обнаружили их, Дженнифер почти ничего не делала, а только наблюдала за Терри и разговаривала с Полианной. И еще она молилась. Бог человечества был для нее и Богом мошкитов. Она молилась о том, чтобы обе стороны приняли решение заключить мир навеки.

Когда Дженнифер заметила приближающиеся корабли Ханства, она запустила накопленные Фредди данные о C-L черве в режим постоянной цикличности. Когда они ворвались внутрь, они так и обнаружили данные, постоянно пробегающие по экрану.

Некоторое время они не обращали на это внимания. Два Инженера, четыре Часовщика и Воин сразу же бросились искать мины-ловушки, потом, когда прочесали весь корабль, они стали проявлять ленивый интерес ко всему остальному. Прибыли Посредник и Мастер. Они что-то обсуждали, изучали, прикидывали. Кабина «Цербера» вновь заполнилась мошкитами.

Посредник прослушивал записи, сделанные Викторией на торговом койне, что этот корабль был спасательным и что мединский альянс даст хороший выкуп за Дженнифер и Терри. Посредник тотчас же повернулся к Мастеру и заговорил с ним. Мастер коротко отвечал. И оба не обращали никакого внимания на людей.

Воин вышел. Посредник внимательно осмотрел спящую Полианну, не разбудив ее. Потом остановился напротив монитора, недавно включенного Инженером. Часовщики шарили повсюду, смахивая на крупных, работящих и любопытных пауков.

За последующие несколько часов после вторжения мошкитов «Цербер» вновь изменился. Жаль, что этого не мог увидеть Фредди. Представители Ханства отыскали двигатель «Гекаты», оставленный на судне как ненужный груз. Затем они накинули на него бейфут [1], и приладили двигатель, чтобы добиться еще большей тяги, добавив ко всему сетки из сфероидов, и «Цербер» стал выглядеть так, словно на нем выросли гигантские виноградины. Больше груза и... вооружения? Дженнифер пока не могла понять. Терри бы, конечно разобрался, что к чему, но Терри не разговаривал.

Большую часть времени Терри дремал. Порой что-то привлекало его внимание — когда Дженнифер ласкала его шею или ухо или по его спине пробегал Часовщик. Его глаза открывались; наверное, он пытался улыбнуться; иногда он мог попросить немного воды или бульона, произнести несколько слов и опять провалиться в беспокойный сон. Иными словами, он не следил за происходящим. Дженнифер постоянно приходилось обходиться своими силами.

Она не сомневалась, что помощь придет. И ждала.

Мошкиты возились внутри корабля. На этот раз они работали без остановки. Они проявили явный интерес к экранам, камерам, компьютерам, коммуникациям, но даже не прикоснулись к системе регенерации воздуха. По-видимому, Татары достаточно изменили ее.

Проснулась Полианна. Она заговорила с ханским Посредником. Беседуя, они наблюдали за монитором.

---

[1] Снасть, придерживающая у мачт, стеньг и т. д. рангоутные перекладины, несущие паруса.

Вернулся Мастер с Доктором и еще одним Инженером. Полианна сразу подскочила к Инженеру и стала ее обхаживать.

Ханский Доктор разительно отличался от Доктора Дулиттла: заметно выше ростом и худой как тростник. Она немного позанималась Терри, потом стала внимательно изучать Дженнифер.

Полианна, как следует подкрепившись, возвратилась на плечо Дженнифер и оставалась там все время, пока болтала с ханским Посредником. Она вцепилась в плечо Дженнифер крохотными коготками своих ножек и неистово жестикулировала ручками. Ответы взрослого Посредника отличались большей сдержанностью, и при этом они иногда резко выворачивали запястье и ударяли правыми локтями друг о друга. «Чему же соответствует этот жест у людей?» — подумала Дженнифер, пытаясь сосредоточиться на говорящих. Ага, Посредник-ребенок учился у взрослого говорить на англике! Запись подобной беседы была бы бесценной, потому что Дженнифер могла пропустить некоторые тонкости, нюансы... например, что означает этот кивок голова-плечо? А означал он «не совсем»...

Девушка услышала, как зашевелился Терри. Она посмотрела ему в глаза. Неужели он вновь обрел разум?

И вдруг все вокруг смазалось, стало расплывчатым и темным.

Дженнифер медленно приходила в себя. Внезапно ей пришло в голову, что будь она Терри Какуми и при этом — в полном здравии, то поубивала бы всех мошкитов и освободила бы корабль от врага. Но нехватка сна сыграла свою роль, и у Дженнифер почти не осталось сил, а мошкиты уже собрались. Она подняла сперва одну руку, затем другую, чтобы попытаться дотянуться до управления телескопами.

Конечно же, «Цербер» прошел прыжковую точку. И их корабль, теперь напоминающий чудовище Франкенштейна, находился теперь в окрестностях MGC-R-31. Мимо изуродованного жуткого гибрида под названием «Цербер» стремительно пролетали корабли, оставляя его далеко позади. «Цербер», выписывая неправильные дуги, точно пьяный; волочился за флотилией Воинов с ускорением примерно в одно мошкитское *g*. Впереди ярко полыхали огни термоядерных двигателей тысяч небольших судов.

И тут впервые за все время Посредник обратилась к Дженнифер:

— Вы Дженнифер Банда? — спросила она. — Можете называть меня Арлекин. Я служу Мастеру Фалькенбергу. — Наверняка, она заметила реакцию Дженнифер: «*Да неужели?*», но даже не попыталась скрыть своей самонадеянности. — Нам надо обсудить ваше будущее.

— Думаю, что и ваше тоже, — заметила Дженнифер.

— Да, и наше тоже. Если все пойдет хорошо, мы прорвемся в Империю на поиски наших собственных звезд. Вы с Терри Какуми отправитесь с нами. В конце концов, когда-то мы должны встретиться с Империей лицом к лицу, а вы и ваши дети будете говорить за нас.

Едва ли подобное будущее могло обрадовать Дженнифер. Что явно отразилось на ее лице. Тем не менее Посредник продолжала:

— Нас ожидает множество препятствий. Итак, где находится следующая прыжковая точка, ведущая в Империю? И что стоит у нас на пути?

— Империя Человека, — ответила Дженнифер. Терри улыбнулся, правда, очень слабо, но девушка заметила в его открытых глазах яркие искорки.

— Расскажите все подробно, — сказала Посредник. — Мы обнаружили один очень большой корабль и несколько судов поменьше.

— Их будет еще больше. И тогда мы нападем на вас. И каждый час из Новой Каледонии сюда выходят корабли. Один за другим. Вы просто не представляете, с чем вам придется столкнуться. Это же Империя.

Когда Дженнифер Банде исполнилось шесть лет, ИВКФ рассекретил некоторые голографические записи. И вся школа, в которой тогда училась девочка, собралась на их просмотр.

Спустя еще двенадцать лет Имперский Флот вылетел из Нью-Вашингтона на совещание перед последним прыжком к Нью-Чикаго, к планете, отколовшейся от Империи и теперь переименовавшей себя в Свободу. Планету силой вернули в Империю и восстановили ее первоначальное название. Происходили сражения, большие и малые, но на всю жизнь Дженнифер запомнилась чудовищная мощь Империи Человека, ее корабли размером с целые острова, бороздившие космос со скоростью метеоров и даже еще быстрее.

Посредник мошкитов не могла увидеть все это собственными глазами. И все же Арлекин, по-видимому, понимала, что ей нечем возразить тому, во что так неистово верила Дженнифер: что эта необъятная мощь, удерживающая в своей хватательной руке тысячи миров, свернет шею мятежному Ханству.

— Если нам удастся вовремя добраться до прыжковой точки... — начала Арлекин.

— То как раз с другой ее стороны вы наткнетесь на наши боевые корабли, — перебила ее Дженнифер. — В это время вы будете испытывать прыжковый шок. А они будут дожидаться вас.

— Я покажу вам, каков наш план.

Воин, Инженер и Посредник мгновенно сгрудились возле Арлекин. К ним быстро подбежала Полианна. На экранах «Цербера» появились окровавленное тело Инженера после вскрытия, а рядом

располагалось... нечто астрономическое. Цвета были нечеткие, бледные, однако все узнали сперва MGC-R-31, потом маленькую красную звезду, голубые искры термоядерных ранцев отступающих Воинов, находящихся точно впереди «Цербера», затем появилось что-то ромбовидное рядом с концентрическими окружностями: несомненно, это был «Агамемнон» и прыжковая точка к Каледу. Затем сзади быстро появилась другая цель: еще корабли, намного больше «Агамемнона».

— Как мы и планировали, Мастера идут впереди, — пояснила Арлекин. — Но это пустяки. Что ждет за... — она показала за пределы района цели... — этим?

— Секретное задание, — произнес Терри.

— О, как хорошо! — воскликнула Дженнифер. — Терри, как ты себя чувствуешь?

— Ничего, выживу. Сперва мне так не казалось. Спасибо тебе, что осталась со мной.

— Да что ты только говоришь! Как же я могла бросить тебя?!

— Не рассказывай им никаких подробностей. А теперь спать, — произнес Терри и закрыл глаза.

Дженнифер кивнула. Она надеялась, что он заговорит раньше.

— Итак, что за система находится за «мостом»? — продолжала допытываться Арлекин. — Должны быть и другие «мосты».

— Больше я не скажу ни слова, — ответила Дженнифер.

— Никаких проблем, — проговорила Арлекин и показала на группу больших кораблей сзади. — Я буду говорить *тебе*. Двадцать кораблей Мастеров уже прорвались. Наши Воины расчистят путь в Империю. Там должны быть «мосты» к другим звездам. Мы обязательно отыщем «мост» выхода из Империи. Поэтому лучше расскажи мне все, что тебе известно, Дженнифер. Ради наших с тобой жизней. И чтобы спасти жизни всех, кто повстречается на нашем пути.

— Вам не удастся убежать от Червя Безумного Эдди, — сказала Дженнифер. — Вы можете сдаться. Неужели ты не понимаешь, что вы не должны *умереть!*

Воин издал какой-то странный звук, и Арлекин повернулась к нему. На экране неожиданно появились другие корабли. И начали заходить в тыл кораблям Мастеров Ханства.

* * *

Что-то крупное ползло по груди Реннера. Обезьяна... или большой паук, искалеченный, с оторванными лапками.

— Али-Баба болен, — сказало существо. — Ваше превосходительство больны. И я болен. У меня кружится голова, контузия, мозги набекрень и двоится в глазах. А ты, Кевин, как себя чувствуешь?

— Все будет хорошо, — произнес Реннер, прижимая к себе крошечного Посредника. Он гладил его по голове, делая ему только хуже. У Али-Бабы только усиливалось головокружение, а к горлу подступала тошнота. — Подожди еще немного, и тебе станет лучше.

Бери лежал на спине, немного раздвинув ноги и раскинув руки ладонями кверху. В йоге такая поза называется «позой трупа». Магнат успокаивал себя единственным доступным сейчас способом.

Экраны поблекли. Откуда-то издалека, словно сквозь туман, доносился громкий голос капитана.

«Я слишком стар для этого», — думал Гораций Бери.

Реннер отстегнул ремни.

— Таунсенд! — позвал он.

У него нарушилось равновесие. Пошатываясь, он с трудом заставил себя пройти вперед, чтобы взглянуть на мониторы Бери. Медицинский комплект Бери уже начинал функционировать. В эти мгновения он производил самопроверку, и на экране мерцала яркая петля. Но к Бери быстро ползла на четвереньках Синтия. Она нагнулась над лежащим стариком и стала проверять его пульс, осматривать глаза и язык...

— Таунсенд! — снова крикнул Реннер.

— Я здесь.

— Что пр... — Реннер еле ворочал языком.

— На линии «Антропос», — ответил молодой человек. — Мы можем начать прием.

Однако передатчик еще не работал. Реннер застучал по клавишам. Экраны по-прежнему были темные, но внезапно послышался чей-то голос.

— «Синдбад», это «Антропос». «Синдбад», это «Антропос». Прием.

Реннер решил работать наугад. Методом тыка. Итак, *интеграл е в степени икс на dx равен е в степени икс...* Он обнаружил, что компьютеры пришли в себя быстрее него. *Следовало бы сохранять их в большей безопасности, чтобы теперь можно было провести проверку.* Он включил питание компьютеров, отвечающих за связь. Послышался треск статического электричества.

— «Антропос», это «Синдбад», — произнес Реннер.

— «Синдбад», минутку... Говорит Раулингз.

— Доложите о вашем состоянии, — прохрипел Реннер.

— Состояние критическое. Нас атаковала полдюжина кораблей. Один из них — громадный. Сэр?

В углу приборной панели Реннера загорелись зеленые огоньки.

— Фредди! — закричал он. — Эта штука заработала. Видите?

— Точно.

— Мы приходим в себя, — произнес Реннер. — Насколько у вас плохо? — обратился он к Раулингзу.

— Приборы достигли зеленой отметки. Я не смогу держаться вечно, к тому же я не могу отстреливаться. И нет никаких шансов отправить послание к «Агамемнону».

Реннер покачал головой. Плохо дело. Они не могут отстреливаться. Почему? Энергия. Энергетический контроль. А на его приборной панели появлялось все больше зеленых огоньков.

Внезапно заработали приборы Бери: индикаторы подскочили в режиме поиска, затем врубилась капельница, чтобы привести в порядок химический баланс магната. Посредники еле шевелились, дрыгая ручками и ножками.

Экран постепенно начал светлеть. Спустя некоторое время — другой.

— Раулингз, — сказал Реннер по-прежнему осипшим голосом. — Вы там держитесь. Мы собираемся пробиться к вам.

— Вот вам картина сражения, — отозвался Раулингз. — Я продержусь столько, сколько смогу.

Вражеский флот являл собой рассеянные по пространству черные точки, очень хорошо заметные на фоне оранжево-белого свечения MGC-R-31. Они явно отступали со скоростью «Синдбада». «Они заняли отличную позицию, — подумал Реннер. — Точно по направлению к Сестре. И сделали они это, чтобы обмануть системы наведения любого незваного гостя, который подойдет к ним достаточно близко, чтобы расстрелять их прямой наводкой».

«Антропос» полыхал ярче небольшой звезды. Реннер понимал, что ни один корабль поменьше не продержался бы столько времени, не прикрываясь «Антропосом» как щитом. За ним блуждали несколько кораблей Медины. Когда «Антропос» сдвинется с места, они выйдут сразу за ним.

Положение было весьма запутанным. От мошкитов на борту теперь не было никакой пользы. Компьютеры «Синдбада», очень качественные, как и все оборудование Космофлота, представляли собой три автономные системы, каждая из которых работала в синхронном режиме проверки. Так будет продолжаться до тех пор, пока они не выдадут одинаковые ответы... но это им никак не удавалось!

— Таунсенд!

— Да, сэр?

— Запускайте флингер! Надо уничтожить флот мошкитов. Особенно, тот здоровенный корабль.

— Будет сделано. Пусковая установка на самоконтроле. Так, все в порядке. Поднимаем. — На мгновение Поле замерцало, пока петли линейного ускорителя медленно пробивались через черную энергетическую оболочку. — Пусковая установка с наружной стороны Поля. Я получаю информацию непосредственно с камеры. Анализ траектории...

«Синдбад» стремительно мчался к полю боя. У них почти не осталось времени.

— Компьютеры сообщают об отклонении траектории! — закричал Фредди. — К черту! Будем запускать. Приготовиться!

«Синдбад» отбросило назад. Затем еще раз.

— Флингер сработал, — произнес Фредди. — Теперь всё зависит от автоматики.

Оттуда, где лежала Гленда Руфь, послышался слабый жалобный звук.

— Приготовиться! — сказал Фредди. — Есть. Идет в режиме рассеивания. Непрерывный огонь! Приготовиться!

Все экраны излучали потоки света, потом потемнели.

— Они попали в нас, — сказал Фредди. — Камеры повреждены. Капитан, флингер пуст. Нужно втянуть его и заново загрузить.

— Не до того.

Бери попытался одной рукой дотянуться до лодыжки Реннера.

— Вт'яни его. Кевин, втяни его. Это необходимо!

— Хорошо, я это сделаю. А вы лежите спокойно, Гораций.

Невидимые петли флингера втянулись через поле обратно в корпус корабля.

— Это же сверхпроводник, — проговорил Бери.

— А! — Флигер «Синдбада» был линейным ускорителем, изготовленным из сверхпроводника мошкитов. Так вот почему он не расплавился в лучах ханских лазеров. Если бы его не втянули обратно, то он бы мог провести энергию вражеского лазера прямо на «Синдбад».

— Мы все еще принимаем сообщения с «Антропоса», — сказал Реннер. Но задержка становилась все больше, по мере того как «Синдбад» удалялся от сражения. — И мне удалось выставить камеру.

Кто-то, человек или мошкит, издал шипящий звук. Будто он задыхался. Опять застонала Гленда Руфь. Непроглядная тьма за иллюминаторами постепенно превратилась в приглушенное красное свечение.

На экране Реннера появилось изображение: смесь радиопосланий и прямого наблюдения. Было видно, как корабли мошкитов отодвигаются, поскольку «Синдбад» удалялся от поля боя. Три маленьких вражеских корабля обстреливали «Синдбад» из лазерных пушек. Еще шесть кораблей постоянно пронзали «Антропос» лучами, словно жука. Один из кораблей мошкитов, атаковавший имперский крейсер, размерами почти не уступал «Антропосу».

— Голубое поле, — пробормотал Реннер. *Дайте ему еще пять минут. Torga он уйдет, и мы тоже.*

Что-то невыносимо яркое вспыхнуло позади самого большого корабля мошкитов. Корабль тотчас же превратился из зеленого в

ярко голубой. Последовала еще одна вспышка. Еще одна. Голубой цвет стал фиолетовым.

— Боже, Гораций! — воскликнул Реннер. — Пятьдесят мегатонн? Или больше? Сколько же времени у нас на борту была эта штука?

— Ты бы не... — Бери говорил очень тихо, но в его голосе отчетливо слышались триумфальные нотки. — Ты бы не одобрил этого. Я и сам не одобрил того, во сколько мне это обошлось.

— Но это сработало! — пронзительно закричала Джойс. — Они больше не атакуют «Антропос». Они...

Она резко замолчала. Двое из кораблей мошкитов вспыхнули фиолетовым светом и исчезли. Самый крупный корабль противника теперь окрасился в голубовато-белый цвет, а «Антропос» нещадно поливал его из лазеров.

— Он не выдержит, — проговорила Джойс.

Наконец огромный корабль вспыхнул и словно испарился. Теперь вокруг постепенно затухающего светящегося пятна беспорядочно летали яркие точки. «Антропос» на большом ускорении двигался прямо к остаткам Татарского флота.

— «Синдбад», это «Антропос».

— Продолжайте нападать, коммандер.

— Отличная работа, сэр. Мы выиграли эту схватку, — произнес Раулингз. — Теперь мошкиты смогут прочесать территорию и очистить ее от остатков вражеского Блокадного Флота. Сэр, мы никак не можем связаться с «Агамемноном». Полагаю, что это удастся сделать вам.

— Хорошо. А вы продолжайте зачистку, Раулингз. Таунсенд!

— Слушаю, сэр!

— Найдите «Агамемнон». И отправьте ему послание.

— Есть, сэр.

* * *

— Вы сражаетесь как паразиты, — презрительно сказала Арлекин.

Дженнифер передернуло от обиды, и только потом она осознала, что означали слова Посредника. Но Арлекин ушла в кормовую часть, так и не дав девушке ответить. Теперь мошкиты собрались в кучу и о чем-то щебетали. Дженнифер отвернулась к дисплею.

На экране разворачивалась битва. Погибали корабли. Все выглядело так, словно побеждали враги.

Арлекин вернулась. Прямо над ее головой парил Воин.

— Я извиняюсь, — сказала мошкита. — Теперь я понимаю. Вы разбрасываетесь ресурсами, как паразиты, но я не имела в виду, что вы сами как эти животные твари. Ваши ресурсы неисчерпаемы.

— Если бы вы добивались всего, чего хотели, то ваши подданные были бы такого же мнения, — сказала Дженнифер.

— Согласна. Наш боевой план изменился, Дженнифер. Мы больше не считаем, что нам удастся пройти к Каледу.

— Сдавайтесь, — проговорила Дженнифер. — Примите Червя Безумного Эдди. Ни одному мошкиту не надо умирать только потому, что вас слишком много.

Арлекин лишь отмахнулась.

— Мы это уже обдумали. Во Вселенной множество владений, за которые нужно сражаться, и мы еще сумеем победить.

И Посредник говорит за Мастера.

— Вы не можете победить. А Империя может... вы видели, сколько у нас ресурсов. А у вас... Да ведь у нас здесь всего лишь поспешная маленькая экспедиция. Оказалось достаточным одного *гражданского* корабля, чтобы он нанес непоправимый ущерб вашему боевому флоту и изменил все ваши планы. Вы даже не представляете, на что способна Империя! Арлекин, прошу вас, поговорите с вашими Мастерами!

— Я уже разговаривала с ними. И у вас здесь нет ни одного из ваших измененных паразитов. У нас просто не времени, чтобы это проверить, а ваши измененные паразиты наверняка хорошо продуманная фикция. — Арлекин наверняка не заметила реакции Дженнифер и продолжала: — В любом случае, ваши возможности не безграничны. Ваши представители заключили соглашение с нашими конкурентами и противниками. Полианна называет их Мединским Консорциумом. Что ж, отлично, нам остается всего лишь завоевать Медину и занять ее место. А потом мы наложим хватательную руку на весьма обширные ресурсы, предлагаемые вашей Империей.

Впервые за все время слова Арлекин показались Дженнифер смехотворными и нелепыми.

— Скажите, неужели все мошкиты на одно лицо?

— Мы вынуждены предполагать, что вы отправили послания, описывающие вашу ситуацию. Также в них содержатся обещания, данные Мединскому Консорциуму, и тактические планы сражений. Однако если мы заставим замолчать все человеческие голоса, и если мы уничтожим наших конкурентов, то кто расскажет вашим Мастерам о том, кто из нас был Мединским Консорциумом?

Дженнифер решила, что ее ответ будет воспринят очень серьезно; а это значило, что ей как следует надо подумать над ним.

— А что если вам это не удастся? — спросила она. — Ведь достаточно всего одного голоса, чтобы весь этот план провалился.

— Людей очень легко найти. Им требуются специальные системы жизнеобеспечения. Так что мы найдем вас.

— Что вы собираетесь делать?

— Это уже делается. Наши Воины проследят за кораблями, построенными людьми, и уничтожат их. Остальные могут оставаться на главном транспортном судне Медины, но мой Воин-Советчик называет его просто шаром из водородного снега. Он тоже очень заметен и, к тому же, медлителен. Так что захватить его не составит для нас никакого труда.

Да она чокнутая! Но все мошкиты выглядят по-разному. Хуже, если бы они были похожи, как две капли воды. «А что, это может сработать, — подумала Дженнифер. — И Арлекин знает, что, по-моему, это может сработать. Черт подери!»

— А что будет с нами? — спросила она.

— Вы нам можете понадобиться.

— Разумеется. — Если Ханство потерпит поражение, она или Терри смогут передать в Империю условия его сдачи. Итак, они собираются сражаться до последней капли крови. «Мне надо подумать. Ведь должен же найтись хоть какой-нибудь способ убедить их, что это — безумие!» — Безумный Эдди, — проговорила Дженнифер тихо.

Арлекин не владела искусством изображать пожатие плечами, но резкое изменение модуляции ее голоса передавало те же самые чувства.

— Как скажете. Настала пора Безумного Эдди. Однако времени очень мало, и если мы прибегаем к этому варианту, то должны сделать это сейчас. Поговорим позже.

* * *

— Сэр, я вижу еще несколько кораблей, — сказал Фредди Таунсенд. — Они вас интересуют?

— Нет. Ищите «Агамемнон».

— Тогда вам придется подождать.

— Надо приготовить кофе, — сказала Джойс и встала. — Вам как, покрепче и с горячим молоком?

— Если «Агамемнон» поднял свое Поле, то я не смогу его обнаружить какое-то время. А что, если мы отправим ваше послание на прыжковую точку при помощи сконцентрированного луча?

— *Отлично*, Фредди. Действуйте. А потом попробуйте еще раз найти «Агамемнон».

— Да, сэр.

Внезапно погасли все огни. Вся энергия «Синдбада» была поглощена одним выбросом сигнала.

— О Боже! — воскликнул Фредди.

— А теперь расскажите мне все, что вы видели, Таунсенд.

— Очень много кораблей, идущих с высоким ускорением. Это потому, что у них термоядерные двигатели. Я насчитал их шестна-

дцать штук в ближайших пяти миллионах кликов от нас, все — с красным смещением, и они не дрейфуют. Однако я не знаю, куда они направляются. Мне известно одно: они двигаются не к прыжковой точке к Каледу.

Реннер увеличил изображение.

— Кевин, что это? — с нетерпением спросила Джойс.

— У меня недостаточно данных.

— А их еще больше, — заметил Фредди. — Целое искрящееся *поле* двигающихся огней примерно в шестидесяти миллионах кликов, и все они между нами и «Агамемноном».

— Они отрезают нас, — сказала Джойс.

— Да, — задумчиво произнес Фредди. — Капитан, мне надо пять минут, чтобы свести их в единое целое. Они демонстрируют *убывающее* красное свечение и не дрейфуют.

— Тяга?

— Примерно три обычных *g*.

— Предел для Воинов.

— И все с красным свечением? — спросила Джойс. — Значит, они уходят от нас.

— С убывающим красным свечением, — сказал Фредди. — Они уходят, но их тянет к нам. Развернуться способен, например, самолет, но в безвоздушном пространстве это у вас не получится.

Реннер включил интерком.

— Омар, вы следуете за нами?

— Да, коммодор.

В голосе мошкиты одновременно чувствовались усталость, замешательство и решительность. «Ей никогда не приходилось командовать», — подумал Реннер.

— Наблюдайте. Эту группу я уже отметил. Это — основная часть ханского флота. По нашей последней оценке все их Воины вышли в сторону «Агамемнона» и прыжковой точке к Каледу, пока их Мастера прорывались к Сестре.

— Что ж, вполне разумно.

— Хорошо. Но *теперь* Мастера все как один уходят от Сестры, а Воины заметно снизили скорость. По-видимому, они возвращаются. Как вы думаете, что они затеяли?

— Воины отправились назад, чтобы защитить Мастеров от нас. У Мастеров масса вариантов. Их целью назначения может быть какое-нибудь убежище — возможно, это кометное облако коричневого карлика. Похоже, они отказались идти к прыжковой точке из системы. Что-то убедило их, что ваша оборона точки слишком сильна.

— Дженнифер, — произнес Фредди. — Должно быть, это она убедила их.

— И даже последние ужасы, которые ей довелось перенести, не ослабили ее аргументов, — заметила Омар. — Тем не менее, что бы

вы еще ни предприняли, вы уже продемонстрировали, что готовы потратить массу ресурсов.

— Что мы прожигаем ресурсы, причем в буквальном смысле слова, — сказала Джойс.

Вдруг все экраны стали пустыми, побежала строка. Реннер поспешно задействовал два алфавитных монитора. Экраны перешли на «ближний свет», на них беспорядочно мерцали зеленые огоньки лазеров. «Синдбад» атаковали.

— Что еще такое? — раздраженно пробормотал Реннер. — Омар, эта флотилия Воинов нацелилась прямо на нас. Или обратно на вход в систему Мошки?

— А почему бы им не делать и то и другое?

— Похоже, они так и поступают.

Омар быстро переговорила с Викторией. Потом сказала:

— Конечно же, ханские Мастера будут атаковать нас, если мы представляем для них угрозу. Но это надо еще обдумать. Если они отказались от намерения прорываться к «Агамемнону», то, вероятно, Мастера приказали своим Воинам отступить к Сестре, чтобы подготовить безопасный маршрут к системе Мошки.

— Неужели они отказались от этого? — впервые за все время сражения проговорила Гленда Руфь.

— Возможно, — пожала плечами Омар. — Или они собираются напасть на Медину, чтобы ослабить наши силы для дальнейших переговоров. Или у них на уме еще что-то. Это вопрос военной стратегии.

— Если они смогут, то будут убивать или брать в плен людей, — сказала Виктория. — Стоит вашей Империи лишь вступить в переговоры с Ханством, и любой договор будет в их пользу.

— Ты уверена?

Виктория отвечала на языке мошкитов. Гленда Руфь начала смеяться, а речь Виктории в это время становилась все быстрее и быстрее. Наконец девушка сказала:

— Дядя Кевин, они делают ставки! Они — потомки своих Мастеров! Виктория поставила четыре к одному, что...

— Потом, Гленда Руфь. Омар, похоже, что прямо на нас надвигается целый флот.

В кабине потемнело.

— Я обнаружил «Агамемнон», — сообщил Фредди. — И снова отправил ваше послание при помощи луча.

— Хорошо. Очень хорошо. Теперь нам надо убираться отсюда. Есть какие-нибудь предложения? — Ответом было молчание. — Фредди, разворачивайтесь. Следуйте обратным курсом к... черт подери!.. к Сестре.

— Есть — к Сестре. Но какого черта?

Реннер подождал несколько секунд, следя за работой компьютера.

— Они выпустили на нас чудовищное количество излучения. Если так будет продолжаться, нам придется уклоняться от него. Что же они пытаются сделать, черт подери?

— Может быть, уничтожить нас? — предположил Фредди.

— Допустим, это им удастся, а что потом? — пробормотал Реннер, внимательно изучая мониторы. Если флотилия мошкитов будет продолжать идти тем же курсом, то они доберутся до Сестры примерно за двадцать пять часов. Кевин задумался. Пока он точно не знал, что предпринять. Наконец он произнес: — Что ж, будем вести себя осмотрительно. Ведите нас с ускорением, скажем... 1,3 *g*. — Поле окрасилось в мягкий красный цвет. Неплохо, но пока они будут добираться до места назначения, им придется «купаться» в зеленом лазерном сиянии как минимум несколько часов. — Мне бы очень хотелось понять, что будут делать эти проклятые Воины.

— А что с нашими кораблями? — спросила Омар.

— «Антропос» я оставляю здесь, — ответил Реннер. — А все ваши корабли мошкитов пусть идут на поддержку Баласинхэма. Имейте в виду, Омар, он будет с ними очень осторожен. Ведь он по-прежнему не доверяет им.

— Мы уже обсудили этот вопрос, — отозвалась Омар. — Наши корабли сами выйдут на позицию, чтобы помочь вашему военному кораблю. И вы же знаете, они не собираются угрожать ему.

Когда заговорил Бери, его голос дрожал от изнеможения. Однако в нем чувствовались нотки триумфа.

— Слава Аллаху! Кевин, мы отправили наши послания в Империю, и Ханство повернуло обратно. Мы выполнили нашу миссию, несмотря ни на что. И теперь мы выживем, если так будет угодно Аллаху.

— Возможно, мы и выполнили нашу миссию, — промолвил Кевин. — Все зависит от флотилии Воинов Ханства. Мы не знаем, что они собираются делать, и пока они находятся в этой системе, они представляют опасность. Они все еще могут пробиться к Баласинхэму. — Реннер вновь посмотрел на экран. — Что ж, пока они преследуют нас, они туда не пробьются. Если же они возвратятся в систему Мошки, тогда точно не пробьются к нему. Может быть, нам удастся вывести их к Мошке.

— Отлично, — произнес Бери.

«Сумеешь ли ты выдержать еще один прыжок?» — подумал Реннер, но, естественно, не произнес этого вслух. Что, если ответ — «нет»?

— Я расскажу о наших планах Раулингзу, — проговорил Кевин.

— Наверное, мои зрители ничего не поймут, — сказала Джойс. — Я сама-то не вполне понимаю, что происходит. Сначала мы пробиваемся в систему красного карлика. Потом сражаемся. И мы побеж-

даем. А в последние четыре часа мы снижаем скорость и направляемся туда, откуда мы пришли. — Она посмотрела на экраны, заметила желтое сияние Поля. «Синдбад» находился под постоянной атакой противника.

— Все это часть одного и того же боя, — произнес Фредди Таунсенд.

— Очень важно то, что ханский флот двигается к Сестре, а не идет вслед за «Агамемноном», — сказала Гленда Руфь. — Нам придется постоянно удерживать их в нашем направлении.

— А что, если они пойдут за нами или вернутся в систему Мошки?

— Это не имеет значения, Джойс, — ответила Виктория. — В любом случае они будут вынуждены возвратиться в систему Мошки.

— Значит, мы — нечто вроде приманки, верно? — поинтересовалась Джойс. — Полагаю, что это — не так уж и плохо... однако выступать в роли ловушки, даже не зная, кто у тебя в хвосте!..

— Их флот пойдет за нами, — ровно произнес Фредди.

— Откуда вы знаете? — сердито спросила Джойс.

— Если это не так, то они зря растратили такую уйму энергии, — пояснил Фредди. — А они *не могут* напрасно расходовать топливо. Потому я полагаю, что все это именно так. Если им удастся уничтожить нас здесь, то они просто не отправятся обратно в свою систему, а если мы продолжим идти нашим курсом, им ничего не останется, как следовать за нами. Верно я говорю, Гленда Руфь?

— Да, дело верное, — отозвалась девушка.

— Там вы их и прижучите, — сказала Джойс.

— Ситуация не изменилась, коммодор, — сказал Раулингз. — Они не попытались помешать кораблям союзников, которые мы отправили на помощь Баласинхэму. А вот нас они беспокоят, поскольку их слишком много. Поэтому наш единственный шанс — это бегство. Думаю, лучше повысить ускорение. Чем меньше мы примем огня на себя, тем больше у нас будет шансов прорваться.

— Согласен. Увеличьте ускорение до 1,5 *g*.

— Есть 1,5 *g*, — произнес Раулингз, и его изображение на мгновение исчезло с экрана.

— Как только стабилизируемся в системе Мошки, ускорение — прямо по курсу, — приказал Реннер. Внезапно компьютер защебетал, выдавая данные. — Еще у меня есть запись нескольких приказов к мошкитам. Вы придете в себя после прыжка раньше нас. Поэтому, как только сможете, отправьте эти послания на Базу Шесть.

— Есть отправить послания на Базу Шесть, сэр.

— Постоянно будьте на связи, — прибавил Реннер. Он тяжело вздохнул и коснулся клавиш интеркома. — Приготовиться к увеличению гравитации до 1,5 *g*. — Он нажал еще на одну клавишу. — Гораций...

— Не волнуйся, Кевин, я выживу.

— Да. Если они не слишком долго будут долбить нас своим лучом.

— Кевин, делай то, что должен, — решительно произнес магнат.

Реннер приступил к работе. Навигатор-инструктор на борту «Макартура», личный пилот Бери в течение тридцати лет — то, что сейчас делал, он мог бы совершать даже во сне.

— Гораций, вы выдержите одиннадцать минут ускорение в 1,7 *g*?

— Конечно, Кевин.

«Конечно»... Опасность для Бери представляло не увеличение ускорения, а прыжковый шок.

— Таунсенд, приступайте.

Али-Баба ударился о его грудь всеми своими восьмью килограммами. Малыш громко плакал и пронзительно кричал:

— Нет, Кевин, нет! Не надо больше!

— Иди-ка сюда, Али-Баба, — ласково произнес Бери, и крохотный Посредник направился к нему, испуганный до смерти.

— Сделано, сэр, — отрапортовал Фредди. — Как у нас с допуском на ошибку?

— Корабль станет фиолетовым, когда мы будем проходить к Глазу.

Фредди вздрогнул.

Инженеры копошились, поспешно чего-то делали. Посредники наблюдали за происходящим. Кевин еле сдержал вопросы — и тут понял. Мошкиты разобрали койку Синтии и все вместе подтащили ее к водяному матрасу Бери. Гленде Руфь пришлось оказаться в тесноте, так как они от слабости смогли добраться только до ее койки.

— Коммодор? Я засек направление, куда идут корабли мошкитов. Это — коричневый карлик. По-видимому, они надеются найти укрытие на его кольце.

— Но только после того, как уничтожат нас, — произнес Реннер.

Синтия покончила со своими упражнениями в кубрике. Вид в иллюминаторе был веселого зеленого цвета, как у военной формы.

* * *

На увеличенном экране, который закончили устанавливать Часовщики, виднелась одна сверкающая точка, приближающаяся к Сестре, которая вскоре мгновенно исчезла без какой-либо вспышки.

Затем то же самое сталось со второй точкой. Дженнифер вздохнула от облегчения.

— Они прошли, — сказала она.

Терри изо всех сил сжал ее ногу. Она подошла к нему и похлопала по щеке.

— Как ты?

— Выкарабкиваюсь потихоньку. А ты?

— Жду. Арлекин ушла вперед, чтобы получить информацию о ходе сражения. Должна ли я молчать, или мне все-таки попытаться переговорить с ними?

— Поговори. Они же все равно прочитают все твои мысли.

Прошло больше часа, прежде чем Арлекин присоединилась к ним.

— Сестра временно отрезала ваши корабли, — сказала она. — Мы не предполагали, что они сумеют выдержать наш заградительный огонь.

— Вот тебе еще одно свидетельство о наших ресурсах, — язвительно промолвила Дженнифер. — Наши корабли крупнее, к тому же, они лучше защищены и намного мощнее ваших.

Арлекин рассмеялась от удивления и презрения одновременно. Ни дать ни взять — смех Фредди. Должно быть, Арлекин научилась ему от Полианны.

— А тебе — еще одно напоминание о нашей способности к воспроизводству. Наших кораблей намного больше. Гораздо больше! Дженнифер, меня совершенно не заботят ваши текущие намерения. Мы ведь планируем *стратегию*. Эти два корабля... Так, мне надо отвлечься...

Посредник сделала своей крупной левой ладонью знак *задержка на минуту*. И тогда заговорил Воин.

Когда Арлекин закончила беседу с Воином, то повернулась к девушке:

— Дженнифер, мы отправили большую часть наших кораблей уничтожить два имперских корабля. Эту команду мы получили от нашего младшего Мастера. Эти трижды траханные ящерицей Воины Мединь умудрились подбить корабль с нашим командиром, когда он остановился, однако корабли наших Воинов почти не пострадали. И они будут преследовать ваши имперские корабли через Сестру, и так — до самой системы Мошки. Им не удастся спрятаться, Дженнифер. Именно из-за их особых двигателей, изготовленных, как и они, в вашей самодовольной Империи!

И действительно, пока Арлекин говорила, голубые искорки, испускаемые двигателями кораблей Воинов, мгновенно исчезали. Дженнифер увидела другие, более крупные искры, пролетающие мимо: это корабли ханских Мастеров уверенно шли к звезде Горация Бери.

— Где спрячутся корабли ваших Мастеров? — спросила девушка.

— Среди астероидов. Разве это так важно? Мы решили отказаться от попытки пробиться в Империю через другие «мосты». Нам придется ждать до тех пор, пока наши Воины не доложат об успехе на Мошке.

— Вы собираетесь всех нас уничтожить?

— Да. Сначала у ваших кораблей будет преимущество, поскольку они первыми пройдут прыжковые точки и первыми придут в себя от шока. Однако ведь люди справляются с шоком хуже нас. Ведь так?

Дженнифер рассмеялась.

Арлекин нахмурилась.

— Нет? Учти, мы наблюдали за тобой. Ты очень медленно приходила в себя.

— Арлекин, я полумертва от усталости. Бедняга Терри чуть не умер от ран. Теперь же он...

Мгновением позже она прикусила себе язык. Но слишком поздно: Арлекин прыжками помчалась на корму.

Рука Терри поймала лодыжку мошкиты. Он со всей силы дернул ее назад.

— Убей ее, Терри, убей ее! — пронзительно закричала Дженнифер.

К ним стрелою устремился Воин.

Тем временем Терри обхватил голову и плечи мошкиты. Посредник извивался.

— Проклятие! — бормотала она, вырываясь из железных объятий Терри.

Выкрученная голова с хрустом повернулась, точно сломанная ветка. Подоспевший Воин обхватил Терри своими лапами-удавками, уткнув дуло пистолета Терри прямо в ухо.

Терри отпустил Арлекин. Та полетела в сторону, издавая слабые стоны.

Под прицелом пистолета Воина Дженнифер с Терри наблюдали, как Доктор изгибал и подтягивал голову мошкита на место. Арлекин продолжала выть от боли.

— Неудачно, — произнес Терри. — Я совершенно забыл, что у них нет позвоночника. Вместо него я нащупал какую-то штуку, соединяющую череп с плечами. Только я сдвинул ее с места, а снизу даже не оказалось спинного хребта. Кстати, о чем вы там так оживленно спорили?

— О прыжковом шоке. Что он причиняет им больше страданий, нежели нам. Они, глядя на нас, об этом не подозревали.

— Ага... Но, по-моему, последний корабль с Воинами уже проскочил. Я ведь прав, а, Дженни?

Она пристально посмотрела ему в глаза.

— Да, Терри. А те, другие огни — это крупные корабли Мастеров, и все они прошли к Сестре.

— Ха! А я довольно сильно прижучил этого Арлекина... — задумчиво произнес Терри. — Что ж, теперь в системе Мошки находится целая флотилия их Воинов, которая гоняется за «Синдбадом» и «Антропосом». И у них нет Мастера, чтобы сказать им делать что-то другое. Разве это не занятно, а? Интересно, что собираются предпринять парни из Космофлота?

— Если они что-то и сделают, мы имеем шанс не дожить до этого.

— Дженни, я все это прекрасно понимаю. Так что если они решат меня пристрелить, то, пожалуйста, не буди меня. Хорошо?

Глава 8. Яростная погоня

— Отступаем, черт подери! Нас только что атаковали с противоположной стороны!

Коммандер морской пехоты США,
Чхонджинское водохранилище, Корея

«Я чертовски стар для этого». Реннер постепенно начинал осознавать...

...Губы Синтии сами шептали молитву. Ее тело почти непристойно покрывало тело Бери; она целовала его... примкнула губами к его губам и делала ему искусственное дыхание, надавливала ему на грудную клетку и опять вдыхала воздух прямо ему в рот, и давила, давила ему на грудь, что есть силы...

— Вызывает «Антропос», — произнес Фредди.

— Давайте их... Привет, Раулингз.

— Коммодор, знаете, как смотрится ваш корабль? Как безупречный бриллиант на черном бархате. Бело-голубой воды.

— Я польщен. Так-так-так... Похоже, это цитата... из исторического романа «Взятие пика Змея». Неужели вы читали его прямо перед тем, как взорвался корабль? Вам что-нибудь еще угрожает?

— У нас чисто. Бандиты из Групп Один-Два-Три очень вовремя отступили от кораблей Медины. Ист-Индия по-прежнему удерживает для нас прыжковую точку Безумного Эдди, но у них недостаточно кораблей, чтобы разгромить те, что направляются сюда. Византия еще не подошла. Никто в нас пока не стреляет. Итак, что нам делать? Куда идти?

Реннер прищурил глаза. Он сосредоточился и произнес:

— Главный приказ. Двигайтесь к прыжковой точке Безумного Эдди. Постоянно держите связь с «Синдбадом». У нас есть какая-нибудь связь с мошкитским флотом?

— Да, сэр. Я с ними буду тоже постоянно на связи.

Бери попытался сесть. Синтия обняла старика.

Реннер не понял, что на экране мошкит. Молодой Посредник, по-видимому, мужского пола.

— Коммандер Раулингз сообщил нам о приближении большого флота Ханства, слишком большого для наших войск. Он придет сюда через Сестру примерно через час, — скороговоркой произнес мошкит. — Я готов передать ваши указания нашему Мастеру.

— Избегайте боя с главным флотом, — сказал Реннер. — Берегите ваши силы, потому что нам нужно, чтобы вы подбили любой командирский корабль, пробивающийся сюда. Мы ожидаем, что главный флот Ханства прибывает сюда, чтобы преследовать нас. Как только он это сделает, оставьте его в покое. Ваша задача: устраните только командирский корабль! Мы не хотим, чтобы их флот получал новые приказы.

— То же самое касается и прыжковой точки, — продолжал Реннер. — Надо сделать так, чтобы им пришлось попотеть во время возвращения через Сестру. Их главный флот способен сделать все, что им нужно, и вам не удастся их остановить, но вы сможете остановить их, когда они будут возвращаться назад к Мастерам, находящимся с противоположной стороны Сестры. И вы сделаете это при помощи небольшого боевого отряда. Пожалуйста, сделайте это.

— Указания приняты. Я готов передать их Мастеру.

«Что еще?» — подумал Реннер и сказал:

— Таунсенд, направляйтесь к прыжковой точке Безумного Эдди. Синтия, сколько он еще сможет выдержать? — повернулся Кевин к девушке.

— Пульс стабилен.

— Все в порядке, Кевин, — проговорил Бери. — Делай то, что должен, понял? Теперь все в руках Аллаха.

— Да. — *По-моему, я слишком стар для этого.* — Увеличьте ускорение до одного *g*, Таунсенд. Мне хочется попытаться исполнить этот чертов трюк!

Снова зажегся экран связи.

— Мы будем следовать вашим указаниям, — сообщил молодой Посредник. — И сделаем все, что сможем.

— Спасибо. Раулингз, вы остаетесь с нами.

— «Антропос» может выдержать большее ускорение, нежели вы.

— Я уже подумал об этом. Ответ — «нет». Вы нам нужны.

— Вы хоть представляете, что они выслали целый флот?

— Надеюсь, что да, — усмехнулся Реннер. — Боевые суда повсюду. — Он вспомнил о своем последнем наблюдении за системой красного карлика, когда корабли вражеских Мастеров направлялись к звезде Бери при очень низком ускорении. Было непохоже, что они вскоре собираются возвратиться в систему Мошки. А пока Воины преследовали «Синдбад»...

— Мы были приманкой, — произнес он, ни к кому не обращаясь.

После того как Раулингз дал отбой, Реннер осмотрел свой корабль. Гораций уже мог дышать сам; он лежал, открыв глаза. Челюсть его безвольно отвисла. От него исходил странный запах химикатов. Лекарства. Реннер не сомневался, что это — экстракт борлоя, ибо Коран не запрещает принимать борлой. Удивительно, что Бери вообще мог говорить.

Фредди пришел в себя от прыжкового шока с ошеломляющей быстротой. Гленда Руфь все еще выглядела так, словно ее избили дубинкой. Мошкитам было совсем скверно, и они тихо стенали от боли и страха. Будет плохо, если это продолжится долго. Реннер нуждался в их помощи.

Имперские корабли устремлялись вниз к прыжковой точке Безумного Эдди на нулевом ускорении. Это падение продолжалось сорок пять минут. Но Реннеру оно показалось бесконечностью. Синтия проделывала Горацию Бери специальный курс массажа. Джойс готовила небольшой завтрак. Никто даже не спросил, умела ли журналистка готовить. Оказалось, что умела.

Телескопы «Антропоса», а потом и «Синдбада», вели наблюдение за маленькими высокоскоростными кораблями, стремительно появляющимися из невидимой дыры. Они шли на огромном ускорении. Время от времени они становились тусклыми, словно в тумане, и всякий раз, когда «засекали» свои цели, они увеличивали тягу. Вскоре они вспыхивали, делались отчетливее и двигались на малом ускорении по направлению к месторасположению Бандитов Один, Два и Три.

— Сработало, — тихо произнес Фредди.

— Почему вы говорите шепотом? — спросил Реннер. — Вызовите «Антропос».

Фредди прочистил горло.

— Есть, сэр!

— У них нет времени на подзаправку, — сказал Реннер Раулингзу. — Они спалили топливо, которое им не следовало тратить. А это означает, что мы сможем разгромить их у прыжковой точки Безумного Эдди. Причем при любом ускорении ниже 1,1 *g*.

— Если они будут нас преследовать, — заметил молодой человек.

— Совершенно верно. Полагаю, что они будут нас преследовать, — решительно произнес Реннер.

— В таком случае, для них наилучший выход из положения — не усердствовать в своей погоне. Потому как яростная погоня — долгая погоня, — изрек Раулингз. — И в этой погоне им придется как можно меньше тратить топливо и не вступать ни в какие стычки. Разумеется, они не узнают, куда вы направляетесь. — После

непродолжительного молчания он прибавил: — Или если они все же вычислят ваш курс, то не поймут, почему вы направляетесь именно туда.

— Вот и отлично. Все, что нам нужно, — это поостеречься, чтобы они не подбили нас. Я хочу разбить их у прыжковой точки Безумного Эдди, и не более того, и мне бы очень хотелось убедиться, что у нас хватит горючего для проведения маневра, когда они нас нагонят. Тем временем, постоянно ведите наблюдение. Вы тоже, Фредди. Мне нужно знать немедленно, если вдруг появятся крупные корабли, растратившие горючее. Естественно, они будут идти при самом низком ускорении.

— Слушаюсь, сэр, — со вздохом произнес Раулингз.

«По крайней мере он не спросил, знаю ли я, что делаю», — подумал Реннер с облегчением.

Примерно через час Фредди заметил, как отреагировали Воины Ханства.

— Они нас нашли, — сообщил он. Уж не знаю, как...

Реннер широко ухмыльнулся.

— Они обнаружили нас и теперь начнут погоню. Великолепно! Приготовиться к увеличению ускорения! Гораций, как вам один обычный *g*? Мы будем набирать ускорение очень медленно.

— Божественно, — отозвался магнат.

— Приготовиться!

На корабль постепенно возвращался вес.

— Есть, — отозвался Фредди. — Можете отстегнуться. Теперь все будет достаточно стабильно.

За «Синдбадом» виднелись крохотные точки, изрыгающие термоядерное пламя. Их было чуть больше сотни. Однако больше ханских кораблей не появилось: они по-прежнему держали курс к своим могущественным союзникам — Бандитам Один-Два-Три. Внезапно появились еще какие-то огни... что же они делали? Сперва сошлись в одной точке, затем двинулись вперед один за другим.

Реннер повернулся к Омар.

— Омар, немедленно свяжитесь с вашими войсками рядом с Сестрой. Приказы остаются прежними: оставить в покое главный флот и наблюдать только за отставшими от него судами. Во что бы то ни стало помешайте им прорваться через Сестру, но постарайтесь остаться в живых.

— Надо сохранить флот, готовый к боевым действиям? — неожиданно сказала Виктория.

— Правильно... Постойте! Откуда вы знаете эту фразу?

— Из одной из книг, оставшихся на «Макартуре». Эти слова относились к военно-морским силам, но...

— Мамочки! — воскликнула Джойс. — Она читала перед тем, как отправиться в космическое путешествие!

— М-да... Виктория, мне нужна ваша помощь.

— Слушаю вас, Кевин.

— Мне необходимо, чтобы вы проделали кое-какую работу. Привлеките к ней Инженеров. Нам нужно внести некоторые изменения в Поле Лэнгстона «Синдбада». Таунсенд покажет вам, что нам нужно.

— Разумеется.

— Гораций, как вы себя чувствуете?

— Даже лучше, чем раньше, Кевин. Я изменил свою последнюю волю. Потом мне понадобится, чтобы ты засвидетельствовал, что это — моя воля, и я — в здравом уме.

— Странно. Прежде я этого не замечал, — заметил Реннер.

— Кевин, все же тебе придется убедиться в этом. Правда. А теперь повтори: «Гораций Бери в здравом уме». И не улыбайся при этом.

— Можно подать это и иначе. Сегодня вечером, Игорь, мы должны создать убедительного двойника Кевина Реннера.

— Может быть, хоть на этот раз проявим собачью преданность, а, Мастер? Мне бы хотелось собачью преданность в последний раз.

Гленда Руфь уставилась на них широко открытыми глазами. Нашлось что-то, способное изумить Гленду Руфь Блейн.

— Однако это может повредить его чувству юмора, Игорь!

— Да, Хозяин, да, да, да! Пожалуйста, давай нанесем вред его чувству юмора... У меня больше нет сил, Кевин.

— Да. Дайте мне контрольный тест на состояние психики, Гораций... Гленда Руфь, а вы слушайте. Вот что я решил...

Рука Джойс уже не дрожала, когда она наливала чай в кружку Синтии. Ускорение снизилось до полутора *g*, но Джойс не думала, что это продлится довольно долго. Ибо за последние десять часов ускорение менялось внезапно и беспорядочно, особенно когда «Синдбад» уклонялся от всевозможных атак со стороны сотен судов, несущихся за ним в погоню.

— Если кое-кто еще раз скажет мне, что «яростная погоня — это долгая погоня», я разревусь, — проговорила Джойс. Она выпила чай осторожными маленькими глоточками, затем посмотрела на Синтию, даже не пытаясь скрыть своего любопытства.

— Вы очень долго находитесь с Бери. И всегда с ним подобные приключения?

Синтия улыбнулась. Создавалось впечатление, что улыбку приклеили к ее устам.

— Нет, не совсем. Когда мой дядя Набил предложил мне служить его превосходительству, я знала, что нам придется сталкиваться со множеством врагов. И еще я знала, что у некоторых из них

есть боевые корабли. А так... В основном, мы имели отношение к убийствам политических деятелей.

— А что вы чувствуете, работая на человека, у которого так много врагов?

— У него столько врагов, потому что он — великий человек, — ответила Синтия. — И я чувствую гордость, что служу ему. Когда я закончила медицинскую школу...

Несмотря на свое умение сдерживать эмоции, Джойс вздрогнула от неожиданности.

— Так вы врач?

— Да. А что, разве непохоже?

— Ну... нет, но... да, непохоже. Я думала, что вы — телохранитель.

Улыбка Синтии смягчилась.

— Да, я выполняю и эту работу. Однако вы наверняка считаете, что я его любовница. Не будете ли любезны, я бы выпила еще чаю.

— Да, я думала, что вы конкубина Бери. Это так?

— Это лишь часть моих должностных обязанностей. Не более чем.

«Это может означать что угодно», — подумала Джойс.

— Должно быть, весьма необычная карьера для врача, — сказала она.

— Назовем это моей первой профессией. Когда я уволюсь со службы у его превосходительства, у меня будет много других занятий. Я думаю об историях, которые смогу рассказать своим детям! — Синтия еле слышно рассмеялась. — Разумеется, для начала мне придется найти для них отца.

Джойс расхохоталась.

— Глядя на вас, полагаю, это не составит особого труда.

Синтия пожала плечами.

— Мне несложно находить себе любовников. Тем более, когда наша культура и традиции в корне изменились. Теперь в Леванте все совершенно не так, как раньше.

— Несомненно, — проговорила Джойс, рассматривая салон «Синдбада», где находились вместе люди и мошкиты, магнат, аристократы и офицер Космофлота. И усмехнулась. — Да, это несомненно, черт подери!

Корабли Империи бороздили систему Мошки. Джойс понадобилось три дня, чтобы постараться выжать хоть какой-нибудь смысл из бесчисленного количества мелких подробностей.

«Синдбад» и «Антропос» ворвались в систему Мошки, затем, увеличив ускорение, устремились по направлению к внутренней системе и двигались так сорок пять минут. Затем они летели по

инерции. Спустя несколько минут из невидимой дыры вырвались корабли Воинов Ханства; они притормозили, остановились и ринулись в совершенно другом направлении. Они израсходовали горючего на целый час полета... но при очень низкой тяге... и только после этого они обнаружили «Синдбад» и «Антропос».

И с этого мгновения началась безумная гонка; но это уже были детали...

Койка Бери располагалась возле двери в кабину управления. При открытой двери это становилось очень удобным местом для всеобщего сбора. Когда Фредди вышел, чтобы рассказать Бери о том, что происходит в данный момент, Джойс присоединилась к ним, чтобы не пропустить ни слова. И еще она заметила, что Гленда Руфь не подходила к ним ни разу с того момента, как она подсела к Фредди и магнату.

— Мы сбили их с толку, заставив некоторое время лететь не в том направлении, — говорил Фредди. Есть вероятность, что они смогут понять, что мы истощены, что горючего у нас кот наплакал, поэтому нам ни в коем случае нельзя показывать им это. Может быть, они обнаружат «Антропос», с его старым Полем Лэнгстона. Но они непременно погонятся за нами.

— Я польщена, — проговорила со своего места Гленда Руфь.

Фредди промолчал.

— Итак, мы собираем всех наших врагов в одно стадо, — сказал магнат. — И это не впервые. Помнится, на Тейблтопе... но это было так давно...

— Да. Но это пока плохо срабатывает, — заметил Фредди. — У нас на хвосте висят что-то около ста двадцати кораблей из тысячи. Триста кораблей противника продолжают двигаться прежним курсом; и они почти добрались до Бандитов. Мы не знаем, что им там могло понадобиться, но *это* совершенно неважно. Я потерял из виду пять сотен этих сволочей!

— Они не исчезли, — проговорил Кевин Реннер. — Просто это означает, что у них нет тяги.

— Что же они делают? — спросила Гленда Руфь.

Фредди пожал плечами.

— Наверное, что-нибудь еще. Что-нибудь весьма занятное.

Внезапно заговорил Гораций Бери:

— Надо помнить одно — мы победили.

— Прошу прощения? — сказала Джойс.

— Ханский блок не пройдет мимо «Агамемнона». И они никогда не прорвутся в Империю. Им никогда не удастся еще раз воспользоваться этой возможностью. И сейчас их единственная надежда — это заново вступить в альянс с Мединой. А что это означает? Им придется восстановить все соглашения с Мединой и, мало того, исполнять их по мере своих возможностей. Им даже придется про-

явить сверхсотрудничество, чтобы сдержать обещания, которые, как ожидается, они должны будут вспомнить.

Джойс задумалась над словами Бери.

— Но для этого им необходимо всех нас уничтожить, — сказала она. — Нас и наших друзей.

— Да, им придется заставить замолчать все голоса. Но Империя Человека *теперь* в безопасности. Поскольку на Мошке все будет организовано согласно нашим желаниям и традициям. Повторяю, *сейчас* мы победили в этой войне, — проговорил Гораций Бери. — Мы защитили Империю Человека.

Кевин Реннер с трудом сдержал смех: *но как?*

В салоне воцарилась тишина. Все чего-то ожидали...

— Вам придется это сделать! — закричала Джойс. — Я, конечно, не профессионал в подобных вопросах, но... если они навалятся на нас всем скопом и зажмут в тиски, вы по-прежнему смогли бы поторговаться. У Империи, как и у Ханства, есть, что предложить друг другу взамен.

Все посмотрели на журналистку. Теперь Джойс глубоко сожалела о том, что сказала. Все молчали, пока Реннер не нарушил тишину:

— Да.

— Ведь так? Так же ведь лучше, чем погибнуть, верно?

— Нет.

Теперь все взгляды отвернулись от нее, и только Гленда Руфь вздохнула с облегчением. «*А почему бы и нет?*» — подумала Джойс и сказала:

— Пусть.

— Мы не хотим учиться плохим урокам, Джойс. Ибо предательство может войти в привычку.

Пять дней: то ускорение, то полет по инерции. Пять дней «Синдбад» с «Антропосом» вели вражеский флот через пространство мошкитов. Пять дней пристального наблюдения, но не за битвой, а за людьми.

Фредди Таунсенд был занят; слишком занят, чтобы разговаривать... и это казалось ему невыносимым.

Фредди избегал Гленды Руфь, впрочем, лишь отчасти. Джойс безумно хотелось узнать — почему, но она никак не могла придумать предлог, чтобы прозондировать почву. Она понимала, что Фредди сразу прекратит разговор, как только Джойс наденет свою «репортерскую» шляпу.

Но он разговаривал с обеими женщинами. Джойс понимала, что проявляет к нему слишком мало интереса, когда ловила себя на этом, а когда Гленда Руфь подходила к нему, Джойс тотчас же ретировалась; однако только так она могла бы развязать ему язык. Ей

необходимо было понять очень многое, а Фредди был ее лучшим источником информации.

— Но это же как раз часть того, что нас интересует, — проговорил Фредди, двигая курсор по экрану. Джойс тем временем смотрела через его плечо на монитор. — Вот, примерно четвертая часть флота развернулась, чтобы преследовать нас. Треть их флота ушла на встречу с Бандитами — это союзники Ханства, которые еще ни разу не прорывались. А что за ними? Почему они решили, что обнаружат «Синдбад» и «Антропос» именно в этом направлении?

— Топливо, — коротко пояснил Реннер, не поворачиваясь к собеседнику. — Теперь они, должно быть, отчаянно нуждаются в топливе. Из-за него они и пытаются выиграть время.

— Остальные вообще вырубили двигатели. И это уже продолжается довольно долго. Теперь пойдем *сюда*. — Фредди установил курсор на участок, весь наводненный голубовато-белыми точками, напоминающий городской пейзаж или работающие фонари на недостроенном заводе. — А это образование все время преследует нас и меняется, так сказать...

И снова Кевин произнес, не оборачиваясь:

— Мы думаем, что эти корабли соединены в единую структуру. То есть, они разломали несколько кораблей, чтобы создать то, что мы видим. Это заняло у них десять часов. А потом они все двинулись за нами по пятам.

— Если бы имперские корабли постарались, то они развалили бы их, как носовые платки под дождем, — сказал Фредди. — Даже если и так, они идут с ускорением всего в одну пятую *g*. За ними следуют сотни кораблей из Бандитской Группировки. Они идут, чтобы объединиться с ними.

— Это, конечно же, корабли с топливом, — сказал Реннер. — И держу пари, что по пути они будут избавляться от всего лишнего. Пустые корабли. Резервные войска. И они постоянно сохраняют некое окружение структуры, что делает ее жестче. Или я сошел с ума. Боже, Фредди, как же мне хочется справиться с этой проблемой.

— Это очень смахивает на Город Паразитов, подсвеченный сзади, — заметил Фредди. — Практически никакой схемы, и все меняется каждую минуту. Вот так, Джойс, Группа «А» по-прежнему идет во главе. Они доберутся до нас первыми, да? Нам придется *перегнать* их.

— Они доберутся до нас первыми, но с пустыми баками. Группа «А» не сможет производить маневры, — сказал Реннер. — К сожалению, это не вызовет у них особых проблем, потому что они догадались, куда мы идем. Группа «В», возможно, доберется до нас позднее, но имея с собой топливо, чтобы совершать маневры.

— Это всего лишь предположение, коммодор.

— Но это именно то, что предпримут мошкиты, — вмешалась Гленда Руфь. — Нас атакуют отнюдь не те корабли, которые стартовали до этого.

— Продолжайте наблюдение. А мне необходимо часок соснуть.

— Есть, сэр. Подождите! Коммодор?!

Огни от двигателей горели в том месте, где очутился курсор.

— Вижу, — сказал Реннер. — Все понятно. Постарайтесь добиться более четкого изображения, если сможете. А я принимаю вахту.

— В чем дело, Кевин? — раздался голос Бери.

— Вот уже час, как я сам пытаюсь понять, — отозвался Реннер.

Они стряпали на скорую руку ужин, когда услышали громкий возглас Фредди. Прежде чем пойти за Глендой Руфь, Джойс подрегулировала микроволновку.

Фредди ухмылялся.

— Вот вам и тест на здравый смысл. Мы с самого начала оказались правы. Итак, что вы видите?

Позади участка, наводненного голубыми огнями, которые являли собой ханскую Группу «В», оказался менее насыщенный различными объектами участок, выглядящий как целое скопище ярких выхлопов двигателей, расширяющийся с невероятной быстротой. Огни постоянно перемещались.

— Два из них только что пропали. Неужели их подбили наши парни?

Фредди пристально всмотрелся в экран.

— Наших союзников нигде поблизости не видно. Конечно, это всего лишь предположение... А их Воины чертовски поднаторели в убийствах... Даю увеличенное изображение на Экран Два.

— Так-так... Все правильно. Это ханские спасательные корабли, Фредди. Теперь они буксируют какой-то цилиндр. Спасение или эвакуация. А остальные-то по-прежнему прибывают... и составляют еще одну пару. Так... Они объединились. По-видимому, Группа «В», оставила багаж и людей прямо в космосе.

— Это же погубит их.

— Разумеется, если у наших союзников есть что сказать по этому поводу. Они теряют имущество, бойцов, огневую мощь, и все лишь для того, чтобы заправиться горючим и добраться до нас. Вы согласны? Корабли Воинов преследуют *нас*, имперские корабли.

— Да, сэр.

— Мне надо поговорить с «Антропосом».

Следующий час Джойс провела в сильнейшем замешательстве. Все сбивало ее с толку: у нее имелось новостное съемочное оборудование, но она так и не воспользовалась им, ибо недостаточно понимала происходящее, чтобы сообщить своим зрителям.

— Меня по-прежнему беспокоит одно, — донесся до нее голос Реннера, разговаривающего с «Антропосом». — Когда мы пройдем к прыжковой точке Безумного Эдди, нам необходима *уверенность*, что ни один корабль Мастера не передал новых приказов кораблям Воинов. В противном случае, мы оставим систему Мошки Ханству.

И эти слова имели смысл, но как, как преподнести их зрителям? *Если мы проиграем сражение, вы никогда не узнаете об этом. Может быть, даже мы не узнаем. Если бы мы вернулись к Каледу и к той маленькой оранжевой звезде, на что уйдет целый год, мы могли бы вести переговоры о замене; Евдокс ведь говорила о замене Медины. Все мошкиты похожи друг на друга, но эти — отличные ребята и?..*

— Может быть, позже, — сказала она Бери. — Может быть, позже я все пойму.

— А может быть, и нет, — отозвался старик.

— Если мы проиграем...

— Да, конечно, но даже если мы победим... Вот что мне случайно пришло в голову. — И он тотчас же пустился рассказывать историю о своем ужасающем прошлом, искаженную точку зрения на историю Империи, которую Джойс не купила бы ни за какие жемчужины и рубины.

Иногда случались происшествия. Время от времени ханский флот поливал их лазерными лучами, вынуждая «Синдбад» с «Антропосом» поочередно заслонять друг друга. Сперва Реннер с Таунсендом воспринимали это, как досадные инциденты.

— По-видимому, они пытаются увести нас в сторону, — заметил Фредди во время своего редкого отдыха, когда он не нес вахту. Коммодор Реннер постоянно нагружал Фредди делами. Когда же он получал перерыв, то зачастую использовал эту возможность для разговора с Горацием Бери; и вот, когда это произошло в очередной раз, к ним присоединилась Джойс. Она подошла к мужчинам без приглашения.

— Они рассредоточили свой флот, — проговорила Джойс. — Несколько их кораблей израсходовали все горючее и теперь не могут продолжать полет. Почему они так поступают, Фредди?

Фредди печально улыбнулся.

— Я могу ответить, что они делают, а вот почему они так поступают — это вне моей компетенции. Можно стать знаменитым, даже не понимая, почему.

Гораций Бери хихикнул.

— Я поручу моим брокерам инвестировать вашу телерадиокомпанию. Полагаю, у вас будет самые высокие рейтинги за всю историю Империи.

— Несколько недель назад меня бы возмутили ваши слова, — сказала Джойс. — Даже больше, если бы вы и в самом деле купили акции «Ай-Би-Си».

— А теперь? — с улыбкой осведомился магнат.

Джойс пожала плечами.

— Это ваш корабль, и мы все у вас в гостях.

— Кроме того, его брокеры уже сделали инвестиции, — проговорила Гленда Руфь.

— Совершенно верно. Но они делают это крайне осторожно. Они купят совсем немного акций, — сказал Бери. — В конце концов, мы же не были уверены на все сто процентов, что доставим мисс Трухильо на Мошку.

— Или что мы выберемся из этой переделки живыми, — заметила Джойс.

— Что ж, если мы погибнем, то не будет иметь никакого значения, что инвестиции неудачны, — сказал Фредди.

— О, Фредди, как это глупо! — воскликнула Гленда Руфь. — Его превосходительство...

— *Внимание. Приготовиться к ускорению. По местам!*

— О Господи, что теперь? — хрипло спросил Фредди.

— На высокой скорости к нам движется огромная груда какого-то мусора, — объявил Реннер.

Большинство ведущих ханских кораблей шли в режиме торможения на высокой тяге. Большинство. Тогда как некоторые корабли противника уже спалили свое горючее, идя на огромной скорости, или превратили его в энергию для лазерных лучей, ударяющих в «Синдбад»; из сияния таких вот лучей выплыла гигантская темная масса. И шла она к «Синдбаду» курсом на столкновение, что грозило неминуемой катастрофой.

— Нам придется уйти в сторону, — сказал Фредди. «Синдбад» начал поворачивать.

— Правильно. Гораций, Группа «А» шла на предельной скорости, а потом избавилась от части своих кораблей. Наверное, это были главным образом баки с горючим. Фредди поворачивает корабль.

— На это не уйдет слишком много топлива.

— Нет, но мне придется... нас вызывает «Антропос», это хорошо, — донесся до Джойс голос Реннера, рассчитывающего направление для другого корабля. «Синдбад» с «Антропосом» будут расходиться.

Примерно через четыре минуты — что определялось расстоянием и скоростью света — совокупность Группы «А» развалилась на две части. И обе были оснащены двигателями. Фредди грязно выругался, помянув свою любимую траханную ящерицу; Реннер же

срочно вызвал «Антропос» и приказал произвести обстрел противника из лазерных пушек.

Через четыре минуты гигантская груда металлолома вспыхнула от лазерных лучей, выпущенных с «Антропоса». Еще через мгновение она заполыхала в сотню раз ярче. Прежде чем Фредди успел завернуть «Синдбад» в Поле Лэнгстона, камера сгорела от перегрузки. Гленда Руфь поспешно закрыла глаза ладошками, а Джойс ожидала, когда исчезнут мерцающие огоньки. Она понимала, что лучше просто наблюдать, нежели мешать Фредди или Реннеру.

Внезапно Фредди произнес:

— У них было зеркало. Умно придумано, ничего не скажешь... они дождались нашего луча, уловили его и резко повернули зеркало на нас. Кошмар... Теперь отражение намного слабее, но они все еще поливают нас собранным солнечным светом. Пустяки, Гленда Руфь! Просто еще одна досадная атака, черт бы ее побрал!

Она понимала все больше и больше. Мединский альянс кораблей преследовал флотилию Ханства, опрометчиво транжиря на это огромное количество ресурсов, обстреливая противника ракетами и лазерными лучами. Потом, когда у них кончилось топливо, они отошли обратно и ушли с поля боя по инерции, чтобы спустя некоторое время их подобрали невооруженные корабли из других классов мошкитов.

— Еще один важный поворот событий, — диктовала Джойс. — Там находился большой флот, состоящий из двухсот с лишним кораблей, и этот флот преследовал боевую флотилию Ханства. Когда у них кончилось топливо, они были спасены другими кораблями. Корабли Ханства и корабли альянса похожи друг на друга, поскольку спасают суда, отбившиеся от основного флота. Мы думали, что это были союзники Ханства, но это не так. Те, кто спас корабли Мединцев, занимают нейтральную позицию.

Мы изменили политику Мошки, как никогда еще в истории! Сотни семей и классов объединились для сотрудничества, еще сотни собрали вместе свои военные силы, однако все не принимают на себя никаких обязательств.

Наши союзники-мошкиты отмечают, что это добрый знак.

Джойс Мей-Линг Трухильо, Имперский синдикат «Пост-Трибьюн».

— Мы находимся в девяноста минутах полета от прыжковой точки Олдерсона, известной всем как прыжковая точка Безумного Эдди. Мошкиты нервничают. Прыжковый шок очень плохо переносят все, но на наших друзей-мошкитов он наводит ужас. Мы очень

надеемся, что перспектива прыжкового шока приведет в смятение и ханских Воинов.

Ситуация такова: «Синдбад» и «Антропос» идут курсом на прыжковую точку и при этом постепенно снижают ускорение. Главные подразделения военного флота Византии, являющейся самым мощным из наших союзников, уже достигли прыжковой точки Безумного Эдди и ожидают приказов.

Тем временем на флотилии преследователей происходят различные события, — и Джойс увеличила изображение на экране крупным планом.

Структура, которую они окрестили Ханство-В, резко тормозила, уменьшая ускорение. Гигантская груда обломков теперь уже не представляла собой единое целое. Ослепительные искры термоядерных двигателей разбились на пары.

На другом экране виднелось расплывчатое изображение, передаваемое с «Антропоса»: два ханских корабля производили стыковку, и так продолжалось до тех пор, пока не получился один огромный сборный корабль, который начал резко снижать ускорение, оставляя за собой часть своей массы в виде металлического мусора и радиоактивных отходов.

— Мы не знаем, что все это значит, — продолжала надиктовывать Джойс. «*Репортерский прием. «Мы не знаем...» Потому что не знаю я*», — подумала Джойс с усмешкой. Кевин обсуждал это с Фредди, но Реннер находил время, чтобы поговорить и с Бери. Он понимал, что эти редкие беседы во время его короткого отдыха по крайней мере развлекут Горация, лежащего на водяном матрасе и испытывающего воздействие высокой гравитации в несколько *g*. Джойс повернула на них камеру; они же, увлеченные беседой, даже не заметили этого.

— Итак, чего же мы добились? — спрашивал Реннер. — Группа «В» прет на огромной скорости, потом идет по инерции, и уже при низком ускорении. Классический приемчик! Так они доберутся до прыжковой точки Безумного Эдди одновременно с нами, но мы можем опередить их и как следует закрепиться там.

Бери промолчал, поэтому Джойс громко воскликнула:

— Как?

Реннер повернулся и раздражением посмотрел на нее.

— Как? Сейчас мы будем тормозить на низкой тяге, затем — на высокой, и доберемся до места быстрее. Им нельзя играть в такие игры. Они идут на максимальной скорости, чтобы не тратить топливо.

— Но ведь на высокой скорости... — начала было Джойс.

— На все воля Аллаха, Джойс, — тихо промолвил магнат. — А что происходит с Группой «В», Кевин?

— У них кое-какие сложности, Гораций. Они ни разу не вырубали двигателей, вот в чем загвоздка. Они шли на низкой тяге все время, и все время шли к месту назначения, и буквально на каждом

«шагу» что-нибудь сбрасывали. Баки для горючего, Инженеров, эту хреновину с зеркалом, еще... В общем, одному Богу известно, что. Все выглядит так, что они доберутся до прыжковой точки Безумного Эдди сразу за Группой «А», и при этом у них будет очень много горючего. Если мы прозеваем нашу прыжковую точку, то... — Реннер на мгновение запнулся и закончил, — ...я бы сказал, что нам конец. Так что мы вынуждены прыгать.

— Если это так, Кевин, они сами же сделали себя весьма уязвимыми для Медины. Мединские войска встретятся лицом к лицу с семьюстами ханскими судами, выстроенными длинной линией. Разве такая стратегия может привести к победе? Им придется не только заставить замолчать всех людей. Им придется взять под контроль Сестру. Когда Империя придет в очередной раз, Ханству придется заговорить первым.

— Вы кое о чем забыли, — проговорила Гленда Руфь Блейн.

Странно, что именно она вмешалась в их разговор, подумалось Кевину. Однако он повернулся к девушке и спросил:

— О чем же?

— Не знаю, — ответила она и, дотянувшись до края водяного матраса, почесала за ушком Али-Бабу. — Но они же Воины. Они неукоснительно выполняют приказы Мастеров, но от этого не делаются глупее. Вспомните их задачу, и еще раз тщательно подумайте об этом.

Синтия знала толк в приготовлении кофе по-турецки. Бери с наслаждением отпил глоточек и произнес:

— Все дело здесь в горючем. А ханские корабли исчерпали его. Кстати, а мы? Конечно, за нами следует База Шесть, но тем не менее...

— Они будут здесь через сто десять часов. И смогут оказать помощь любому кораблю, у которого кончилось топливо, но База не поможет нам в сражении. И еще мы можем подзаправиться у мединского корабля. Но не думаю, что нам это понадобится. И мы пойдем к прыжковой точке Безумного Эдди на скорости триста кликов в секунду, как и шли все последнее время, а ист-индские корабли пойдут вместе с нами, чтобы определять для нас координаты маршрута методом триангуляции.

— *А-а!*

— Ваше превосходительство?! — тревожно воскликнула Синтия.

— Со мной все в порядке, Синтия. Кевин, я понял! Все дело в этом чертовом космическом мусоре. В той самой куче металлолома, оставленной ими, когда два корабля слились воедино и идут на скорости тысяча кликов в секунду. Пусть «Антропос» точно отследит курс этой кучи мусора. И вы убедитесь, что эта масса эквивалентна более чем сотне кораблей, и она идет курсом прямо на прыжковую точку Безумного Эдди. И она достигает ее именно тогда, когда *мы* хотим сделать это.

— Хорошо, вас понял, и уже выполняю, — решительно произнес Реннер. — А вы, Фредди?

— Вас понял, — отозвался молодой человек, работая за панелью управления. Загорелся экран: на нем появился Раулингз. Наладилась связь с «Антропосом».

«Почему именно сейчас мне не так страшно, как раньше? — размышлял Реннер. — Потому что мои люди получили правильные ответы на все вопросы?

Нет, не только поэтому. Потому что разум Горация Бери ясен и точен, как никогда».

Пока Фредди работал, Реннер обратился к Омар:

— Омар, мне нужно как-то помешать этому мусору. Единственные корабли, которые должны добраться до прыжковой точки Безумного Эдди, — это «Синдбад» и «Антропос». Вы сообщите об этом Мастерам Медины?

— Вас поняла, — ответила Омар.

Теперь ни у кого не было времени на объяснения, и все вопросы Джойс повисали в воздухе. Она могла лишь записывать все и надеяться, что потом это не окажется бесполезным.

— Мы слышали о «тумане войны», — надиктовывала Джойс. — Действительно, это существует. И это слишком реальное понятие. Я не понимаю, что происходит. И никто этого не понимает. Иногда в действиях приходится делать выбор и придерживаться единственно его.

Спустя двадцать минут Кевин отдал приказ пристегнуться. Огромная груда ханского мусора неслась на огромной скорости и была совсем недалеко от них.

— Я получил данные от «Антропоса», — сообщил Фредди. — На Экране Три.

Реннер посмотрел на экран, и увидел, как на черном фоне вспыхивали звездочки.

— Не понимаю... — произнес Кевин. Он с удивлением отметил, что одна звездочка намного синее остальных. Может быть, какое-нибудь новое звездное образование? — Фредди, похоже, корабль Мастера только что проскочил к прыжковой точке. А теперь проверь, не ошибаюсь ли я.

Внезапно они получили сигнал от Медины.

— Ситуация такова, — передали им. — Только что ханский корабль выскочил со стороны Сестры. Только один корабль. Они не попробовали связаться с нами, поэтому мы открыли по кораблю огонь. Он сообщает, что у корабля противника сверхмощное Поле.

— Один-единственный вшивый Мастер, — печально произнес Реннер. — Вот и все. Мы покойники.

— Почему, Кевин? — спросил Бери с улыбкой.

— Все наше дело развалится к чертям, если ханские Воины получат правильный приказ. И вот появляется Мастер, и очень даже вовремя! А нам слишком поздно сниматься с курса, черт подери!

Бери с трудом рассмеялся.

— Совершенно верно, Кевин, он может передать приказ своим Воинам, но, подумай как следует, что он им скажет? В чем он сможет разобраться вовремя — принимая во внимание задержку в сообщениях из-за расстояния в тридцать восемь световых минут?

Мединцы по-прежнему говорили что-то насчет заграждения. Реннер, пораженный словами магната, пропустил сообщение и повернулся к Фредди:

— Фредди, о чем он говорил?

— О том, что Воины справятся с их задачей. Они твердо придерживаются плана.

К сожалению, Омар не могла связаться с Мединцами. Задержка прохождения сообщений стала уже слишком велика, чтобы получать ответы. Она достигала восьми минут. «Все ли пристегнулись?» — с тревогой подумал Реннер.

— Джойс! Немедленно пристегнитесь!

— Хорошо, капитан, — ответила она, стоя на своем кресле, стараясь заснять их за работой. Услышав приказ, Джойс быстро упала в кресло и пристегнулась, держа на руках камеру, как младенца.

Корабль ханского Мастера на экране был отчетливо виден. Он неистово сверкал ярко-зеленым пламенем. Мединские корабли наверняка буквально заливали его энергией. Кораблю вражеского Мастера не удастся передать ни одного послания сквозь столь мощный энергетический заслон.

Ист-Индцы прислали на «Синдбад» великолепный триангуляционный расчет маршрута: он пройдет точно по центру прыжковой точки. Бери проделывал *савасаму*, но показатель его пульса был совсем не на месте. Электроэнцефалограмма тоже показывала явные отклонения от нормы. Значит, Бери чего-то сильно боялся. Не надо бы старику тратить свои нервы без необходимости... Вдруг непроглядная темнота позади «Синдбада» вспыхнула, а от звезд отделились темные точки. Что за чертовщина?

Прошло две минуты. Неестественный свет, обволакивающий эти точки, внезапно заискрился всеми цветами радуги.

Византийская флотилия! Они блокировали заграждение Ханства, принимая его удар на свои Поля Лэнгстона.

И теперь прыжковая точка Безумного Эдди уже казалась ощутимой — она была совсем рядом, невидимая, летящая к ним со скоростью триста кликов в секунду. Фредди надавил на кнопку, замыкающую контакт.

* * *

На экранах — только оранжевая мгла. Ошеломленный и шатающийся от усталости Реннер наслаждался зрелищем этого механического ада, в котором беспорядочно извивались и корчились в муках люди и чудовища. Однако его сознание уже включилось, и он хрипло позвал, точно пролаял:

— Таунсенд! Говорит капитан Реннер. Вы ведете нас позади «Антропоса»?

— Еще нет, но сделаю это, как только запущу двигатель.

«Синдбад» снова возвращался к жизни, правда, очень медленно. Теперь «Антропос» представлял собой темный овал на белом фоне, и находился в нескольких сотнях миль от них... почти у самой сердцевины Глаза Мурчисона, как показывали приборы «Синдбада».

Пролетело еще четверть часа. Пятнадцать минут, чтобы приготовиться, а потом ринуться в эту преисподнюю. Реннер понимал, что надо сделать очень много, а для этого им надо дождаться пробуждения Инженеров, которые все еще лежали без сил.

Надо связаться со своими.

— «Антропос», это «Синдбад». «Антропос», это «Синдбад», «Синдбад», «Синдбад»...

И только тогда Джойс Мей-Линг Трухильо осенило, что они находятся внутри звезды. Изумление вкупе с благоговейным страхом охватило ее, но она автоматически дотянулась до камеры. Гленда Руфь чувствовала себя так, словно ей отрубили руки и ноги, то есть немногим лучше, чем несчастные мошкиты.

— «Антропос», это «Синдбад»...

Остальные вяло зашевелились. Реннер с трудом повернул голову. Он заметил, что Бери лежит неподвижно.

— «Антропос», это «Синдбад»...

Бери по-прежнему не двигался.

— Синтия! — закричал Реннер.

Она уже успела отстегнуться и бросилась к магнату, приложив пальцы к его горлу.

— У него нет пульса...

— Сделайте же что-нибудь! Простите... Но ведь вы сможете, верно? — Индикаторы двигателя подмигивали зеленым светом. Реннер включил двигатель. — Вперед, Таунсенд!

— Есть, сэр. Внимание. Ускорение. Приготовьтесь.

— «Синдбад», это «Антропос».

— Блейн! Отлично! Что касается времени нашего «прыжка», ситуация остается без изменений.

— Принято, сэр. Ситуация касательно времени вашего «прыжка» остается без изменений.

— А теперь докладывайте.

— Есть, сэр. Мы постоянно шлем сообщение Космофлоту на частотах, позволяющих здесь вести связь. Пока в нас никто не стрелял. Полагаю, это хороший знак.

— Не стреляют, но и не отвечают. Так?

— Да, пока ответа мы не получили, коммодор.

Где же Вейгл и эскадра Безумного Эдди, черт их подери! Дурацкий вопрос. Вейгл теперь мог находиться где угодно.

— Продолжайте попытки связаться с адмиралом. Когда мы подберемся ближе, то укроемся за вами.

— Вас понял. Я оставлю канал связи открытым.

Реннер услышал шум у себя за спиной. Синтия снова прикрепила к телу Бери медицинскую аппаратуру. Он внезапно дернулся и вновь успокоился. Электрошок. Не помогло. Бери по-прежнему мертв. Из специального ящика высунулись металлические руки, имитирующие человеческие, и начали работать над Горацием Бери. На памяти Реннера такое случилось впервые.

Али-Баба завывал от страха.

— Виктория. Гленда Руфь. Ну кто-нибудь! — завопил Реннер.

— Да, Кевин? — внезапно услышал он и чуть не подскочил от радости. Это был голос Бери! Но это оказалась Омар.

Что ж, Омар ни в чем не виновата. Поэтому Реннер произнес:

— Когда Инженеры придут в себя, убедитесь, что флингер готов и загружен, а также постоянно контролируйте генератор Поля.

Они реконструировали генератор Поля, уменьшив диаметр сферы, чтобы меньше поглощать тепла от сверхраскаленной звездной материи, окружающей их со всех сторон. Теперь «Синдбад» по защищенности полностью соответствовал кораблям Эскадры Безумного Эдди, не исключая и «Антропоса».

— Сюда! — закричала Синтия. — Гленда Руфь, возьмите Али-Бабу! Сюда же! — Гораций Бери дернулся снова. Еще раз.

Гленда Руфь лишь протяжно стонала. Индикаторы на панели медицинского аппарата начали действовать, но не показывали никакой активности со стороны сердца и мозга. Или аппарат сломался или...

Вдруг Гленда Руфь закричала:

— Кевин, Синтия, Боже мой, остановитесь же! Перестаньте! Он мертв!

Ты ничего не знаешь...

Кевин хотел выкрикнуть это в ответ. Она поняла бы его...

Теперь они шли бок о бок с «Антропосом». Таунсенд приводил скорость «Синдбада» в соответствии с соседним кораблем.

— Оставайтесь в том же положении, — приказал Реннер. — Блейн.

— Да, сэр?

— Я изменил план. Если мы собираемся полностью задействовать флингер, то нам придется сделать это прежде, чем корабль рас-

калится, поэтому во время первого этапа сражения мы останемся рядом с вами.

— Да, сэр. Еще что-нибудь, сэр?

— Сохраняйте данные ретрансляции.

— Да, сэр, Данные ретрансляции установлены, — отозвался Блейн.

— Ясно. Вам удалось связаться с Космофлотом?

— Еще нет, сэр. Будут еще приказания, сэр?

Реннер снова обернулся и посмотрел в салон.

— Да. Я отменяю приказ избегать высокого ускорения. Используйте любое ускорение, которого потребует ситуация.

Теперь они наблюдали за происходящим через экраны «Антропоса». Выпрыгнула одна темная точка, потом еще, затем — еще две. От «Антропоса» к одному из кораблей противника протянулась зеленая нить. Поле вражеского корабля вспыхнуло и стало распространяться вокруг.

— Сработало, — сказал Реннер. — У ханских кораблей самораширяющиеся Поля Лэнгстона, что очень хорошо во время битвы, но не здесь, потому что когда оно расширяется, то поглощение жара звезды увеличивается.

— А они сумеют поступить так же, как вы? — спросила Джойс. — Поручить своим Инженерам реконструировать Поля?

— Что скажете, Омар?

— У меня нет никаких данных по этому поводу. Но я не думаю, что это им удастся.

И снова черные точки.

— Фредди, приготовьте флингер. Мы прицелимся в самый центр этой группы.

— Есть.

Черная точка увеличивалась, переливаясь разными цветами, потом исчезла. Зеленая нить «Антропоса» устремилась к другому кораблю противника.

— Вызываю «Антропос».

— Слушаю, коммодор.

Это не Блейн.

— Передайте вашему капитану, что мы откроем огонь, когда получим двадцать пять целей. Следите за данными сеанса связи точного времени.

— Вы откроете огонь, когда получите двадцать пять, то есть два десятка и пять целей. Есть следить за данными сеанса связи точного времени, сэр!

Камера Джойс неустанно работала. А почему бы и нет? Кого теперь волнует, если все узнают, что «Синдбад» вез на борту ядерное оружие?

— У нас есть еще нечто на крайний случай, — произнес Реннер. — «Империал Автонетикс» разработал специальное корабельное покрытие, которое становится сверхпроводником только при температуре сорок четыре сотни градусов по Кельвину. Это на двести градусов меньше той температуры, при которой корпус корабля может расплавиться. Я могу соединить сверхпроводник с водяным резервуаром «Синдбада», а затем выдувать образующийся пар.

— Короче говоря, мы сможем оставаться в живых очень долгое время.

— Наверное, именно это нам и нужно, — заметил Фредди и прибавил: — Двадцать четыре.

— Заправляйте флингер.

— Поднимаю флингер. Загружаю. Ого, здорово он *разогревается* вне корабля. Пуск! Втягиваю флингер в Поле.

На приборной консоли Реннера заработал таймер, отсчитывающий секунды. Двадцать девять секунд. Двадцать восемь...

Яркая звезда внутри звезды. Удивительное зрелище! Двадцать черных точек увеличивались, вытягивались, добавляя свой растраченный жар к ослепительно белому сиянию. Зеленые линии сосредоточились еще на одном корабле. Он вспыхнул и пропал.

И тут появилось еще тридцать кораблей.

— Приготовиться к еще одному запуску флингера, — приказал Реннер.

По сверкающему оранжевому небу беспорядочно носились от шестидесяти до семидесяти разноцветных светящихся шаров. Их размеры нельзя было определить на глаз, ибо все шары были совершенно разные. Преобладали красные. Чуть меньше было оранжевых, и они постепенно обесцвечивались до тех пор, пока не раскалялись до невозможности. По мере того как температура возрастала, зеленые и голубые шары раздувались, пока один за другим не взрывались, подобно новой звезде. Это фантастическое зрелище напоминало урок астрономии в детском саду, где каждая звезда имела условную окраску согласно своему положению на диаграмме Герцшпрунга-Рессела.

— ...Три. Два. Один. Поехали! — выпалил Фредди.

Еще одна ослепительная вспышка. Красные и желтые шары мгновенно вздувались, а за ними — зеленые, синие, голубые, *пшик-пшик-пшик*.

— Сколько же их там? — с нетерпением спросила Джойс.

— Вычеркивая те, что подбил «Антропос», больше сотни.

— Ну и как, наверное, нам стоит поаплодировать? Ради бога, извините, Гленда Руфь...

— Все в порядке. Это же всего лишь Воины. Для мошкитов они просто дорогая вещь, однако...

— Втягиваем флингер. Осталось еще семь зарядов, — сказал Фредди. — Пока что предварительные расчеты оправдываются, а значит, скоро нам станет слишком жарко, чтобы мы могли его использовать. Капитан, должен сказать, что это оказалось проще, чем я думал.

— Слишком просто, — проговорил Реннер. — «Антропос», прошу вас, свяжите меня с капитаном Раулингзом.

— Раулингз слушает.

— Это была Группа «А», верно?

— Да.

— Полагаю, настало время убираться отсюда до прибытия Группы «В».

— Согласен. Каким курсом?

— Думаю, нам надо отойти от звезды. Направляемся к прыжковой точке к Каледу. Я пойду впереди. И продолжайте вызывать Космофлот.

— Есть, к Каледу, сэр. Да мы все время вызываем их, черт подери! Какое ускорение?

— Как вам понравится два *g*?

— Вполне.

— Они идут! — прокричал чей-то голос с «Антропоса». — Их сотни! — Затем голос немного успокоился. — «Синдбад», это «Антропос». Вражеский флот проходит прыжковую точку Олдерсона. Примерно триста кораблей. Мы используем торпеды.

— Может быть, самое время воспользоваться нашими последними зарядами, — проговорил Таунсенд.

— Я всегда ненавидел тренировочную стрельбу наобум, — усмехнулся Реннер. — Однако... давайте, Фредди. — Реннер пробежался пальцами по клавишам. — «Антропос», прошу вас, дайте нам наводку на группу целей.

Экран замигал, затем появилась окружность, обозначающая сектор с группой кораблей, на очень высокой скорости уходящих от прыжковой точки. Каждую секунду на экране появлялись другие корабли.

— Черт подери! — воскликнул Фредди Таунсенд. — Ладно, я нашел решение... мы поднимем флингер по пути. Восемьдесят девять секунд. — Таймеры начали отсчет. — Конечно, вы понимаете, что нам не удастся уничтожить их всех.

— Разумеется, — ответил Реннер. — И я уверен, что нам не придется этого делать.

— Они не собираются отступать, — сказала Джойс. — Омар, Виктория, неужели они не понимают, что потерпели поражение? Теперь они уже не смогут нас разбить!

— У них приказ, — ответила Гленда Руфь. — Виктория, разве Воины когда-нибудь задают вопросы Мастерам по поводу их приказов? Джойс права, это не доведет их до добра. Что бы они ни сделали нам, они возвратятся на Мошку перегретые и без топлива. А там их будет дожидаться флот альянса. Они понимают это?

— Причем лучше нас, — ответила Виктория.

— Ну да, конечно, у них приказ, — пожала плечами Гленда Руфь.

— А я подумала вот еще о чем, — вмешалась Омар. — Если они возвратятся, то это произойдет впервые. Такого с кораблями с Мошки еще не бывало. И только по этой причине к ним присоединятся очень многие из тех, кто соблюдал нейтралитет. А если к ним присоединится внушительная группа...

— Массовое движение, — задумчиво проговорила Джойс. — Вы согласны со мной, Гленда Руфь?

— Полагаю, я вынуждена с вами согласиться.

— У меня есть для вас новая группа целей, — сообщили с «Антропоса».

— Что ж, очень приятно.

— Говорит Раулингз. Коммодор, мы так и не получили ответ от Космофлота, к тому же противник намного превышает нас числом.

— Какие у вас предложения?

— Продержаться, сколько можно. А потом на полном ходу возвращаться в систему Мошки, где у нас союзники.

— М-да, шансы невелики.

— Однако их больше, нежели у нас есть сейчас, — ответил Раулингз. — Сэр?

— Действительно, это неплохой план. Для вас, — прибавил он многозначительно и продолжал: — Но он не сработает для нас, потому что нам нельзя увеличить ускорение. Впрочем... Ага! Я этим займусь. Коммандер Раулингз, приказываю вам отправиться в командировку. Ваша миссия заключается в том, чтобы остаться в живых и доложить обо всем любой имперской флотилии.

— Минуточку...

— Нет, у нас совершенно нет времени. Я придерживаюсь первоначального курса. Вы же уходите, и как можно скорее. Раулингз, кто-то должен остаться в живых! Наши мошкиты проанализировали это так. Если наш противник вернется живым, то к Ханству присоединятся нейтральные группы. Мы не имеем права допустить этого! Раулингз, затем вы возвращаетесь в систему Мошки и сообщаете всем, что сюда идет Империя!

Возникла долгая пауза. Затем Раулингз произнес:

— Есть, сэр. Удачи вам, сэр.

— И вам тоже. Фредди, готовьте флингер.

— Последняя стоянка «Синдбада», — задумчиво проговорил молодой человек. Он кивнул в сторону Бери. — Я думаю, он заслуживает похорон, как у викингов. Не хватает лишь верного пса у его ног.

Камеры потемнели.

— Мы потеряли связь с «Антропосом», — поспешно продиктовала Джойс.

— Да, теперь даже тени его не видать, — согласился Реннер. — Температура нашего Поля увеличивается. Приготовиться. После того, как я посмотрю, вам придется вести огонь вслепую.

— А я засек предполагаемую группу целей. Дайте мне взглянуть, чтобы убедиться в этом. Верно. Запускаю. Вывожу в Поле. Капитан, по-моему, она как раз подходит для нашего флингера.

— Согласен, Фредди.

— Ненавижу что-то делать вслепую! — воскликнула Джойс.

— А кому это нравится? — усмехнулся Фредди.

— Когда еще не существовало сверхпроводников, нам приходилось очень жарко, — сказал Реннер. — Вспоминаю бой под Нью-Чикаго. У капитана Блейна — он был тогда коммандером — наполовину обгорела рука. Теперь же мы чувствуем себя намного спокойнее.

— Ого-го! И сколько у нас времени? — поинтересовалась Гленда Руфь.

— В любом случае час у нас имеется, — ответил Реннер.

— Инженеры переоборудовали камеры, — сообщила Виктория. — И еще мне доложили, что у них готова новая антенна, при помощи которой можно связаться с каким-нибудь из ваших кораблей.

— Слава богу, — произнес Реннер, вздыхая с облегчением. — Антенна, Фредди! Я больше не чувствую себя слепым.

— *Назовите себя.*

— Что за чертовщина? Бог ты мой! Имперский Флот, с вами говорит имперский резервный эсминец «Синдбад» под командованием коммодора Кевина Реннера.

После непродолжительной паузы загорелись экраны постоянной связи.

— Имперский флот, с вами говорит ИКК «Антропос» под командованием Уильяма Хирама Раулингза. Мы — подразделение оперативного соединения «Агамемнон», прикомандированного к коммодору Реннеру.

— *С вами идут еще какие-нибудь имперские корабли?*

— Нет. Только «Синдбад» и «Антропос», — закричал Реннер. — Передайте нам данные связи, и я докажу вам, кто мы такие.

— Полагаю, есть лучший способ доказать это. Дайте лейтенанта Блейна.

— Это «Антропос». Говорит лейтенант Блейн. Адмирал, если вы собираетесь нам помочь, то вам лучше поторопиться! У нас крупные неприятности!

— Мы прекрасно понимаем это. Блейн, ответьте, кто я?

— Капитан Дэмон Коллинз, — не задумываясь, ответил Блейн.

— Правильно. Блейн, скажите мне что-нибудь, о чем не известно мошкитам.

— Покер. Помните ту первую игру? Я догадываюсь, как вы у меня выиграли, капитан.

— Будьте добры, напомните мне.

Реннер, сперва убедившись, что его микрофон выключен, произнес:

— Надеюсь, это не очень длинная история.

Но Блейн уже быстро рассказывал.

— Я никогда прежде не разыгрывал «стрит». Верхняя-нижняя, шесть карт плюс замена. У нас были наши шесть. Я открыл две маленькие пары и две нижние карты. У вас было трое червей и еще что-то, кажется, трефа...

— Что-то припоминаю.

— ...и ничего крупнее девятки. Я сбросил маленькую карту. Вы — девятку червей. Вытянули валет червей. Мы объявили, обе высокие. И у вас получился флэш [1].

— Могу поклясться, что вы никогда бы не вычислили, как мне это удалось.

— Я это вычислил после следующей игры. И вот что произошло. У вас уже был флэш, но вы попытались сделать партию и на мизере. Я блефовал, как будто у меня был «полный дом»[2]. Вы мне поверили. Вы сбросили ваш флэш и снова взяли карты, но ваша партия на мизере была разрушена. «Трахать мою ящерицу!» — сказали вы про себя...

— И побил вас в самый последний момент.

— Финч'клик'.

— *Довольно!* — произнес другой голос. — Это Блейн?

— Так точно, адмирал!

— «Синдбаду» и «Антропосу». Держите курс на флагман. Мы выслали эскорт. Всем эскадрам! Вступить в боевое столкновение с противником!

---

[1] Пять карт одной масти.

[2] Три карты одного достоинства и две другого.

Эпилог
Эндшпиль, или Конец войне

Удачное путешествие намного приятнее прибытия,
а истинный успех — в совершении дела.
Роберт Льюис Стивенсон

Внутренняя База Шесть потеряла восемьдесят процентов своей массы. Ее поверхность сморщилась и покрылась складками. Несмотря на непрерывный адский труд Инженеров, трубы и линии связи сворачивались в кольца и петли, а купола медленно надвигались и наваливались друг на друга. Небо было буквально разодрано в клочья сиянием кораблей, ожидающих заправки.

Лед вокруг мечети образовал торосы из-за сотрясавших Базу рывков. Мечеть, похоже, почти не получила повреждений, а если и получила, то это можно было исправить.

Гигантское пространство Большого Зала на всех этажах ощетинилось полукруглыми балконами. Люди и мошкиты собирались на этих балконах в группки от трех до десяти, и с пронзительными криками перепрыгивали/перелетали с балкона на балкон. Именно здесь дипломатия продвигалась невероятно опасными шагами, то и дело приостанавливаясь, чтобы учесть интересы всех и в кои-то веки пойти навстречу разуму.

То, чем Джойс занималась сейчас, она не смогла бы делать в свое первое посещение мечети, как не смогла бы работать вообще без гиростабилизированной камеры.

Гравитация значительно уменьшилась, и Джойс Мей-Линг Трухильо перескакивала с балкона на балкон, останавливаясь, чтобы навести камеру на Набила и группу мошкитов, затем — на Гленду Руфь и ее брата, у которых она не преминула тотчас же взять короткое интервью. После чего Джойс поскакала дальше. В эти минуты она напоминала прекрасную богиню, перепархивающую с облака на облако, постепенно приближаясь к земле.

Она достигла пола, раскрасневшись от прыжков и бега, начала разговор с Кевином, а потом поспешно повернулась к гигантскому монитору.

Зрелище, представшее перед ее глазами, ошеломило молодую женщину. Большую часть экрана занимал светло-голубой глобус. Мимо материков, границы которых были обведены кругами, лениво проплывали газообразные скопления, похожие на облака.

— Это же Мошка-1! Верно, Кевин? — восторженно воскликнула она. — Я вижу кратеры! Я отправилась в путешествие, чтобы

увидеть Мошку-1, а мы провели здесь семь проклятых месяцев и даже ни разу к ней не приблизились!

Он вытянул руку, чтобы удержать ее, ибо при крошечной гравитации Джойс чуть не взлетела.

— Я вас огорчу, — проговорил Реннер. — В этой экспедиции мы не подойдем к ней еще ближе. А теперь хорошая новость. Похоже, у них по-прежнему нет никакого доступа в космос. Эти материалы были сняты с мединского корабля, постоянно летающего прямо над этими облаками, от полюса к полюсу. И ни разу никто не попытался сбить его.

— Ах, как мне хотелось бы увидеть зоопарк! — печально проговорила Джойс.

— Возможно, теперь его уже нет. У мошкитов ничего не сохраняется подолгу.

Джойс остановилась напротив Реннера и направила на него камеру.

— Значит, Блокада установлена снова, но обеспечивают ее мошкиты.

— Это зависит от одобрения свыше.

— Разумеется! — сказала Джойс, отводя камеру в сторону. — А теперь между нами, не для интервью, ладно, Кевин? Неужели у вас нет ни тени сомнений?

— У меня их множество. Как мы будем здесь использовать червя? Мы могли бы создать на Мошке-1 нечто вроде фракции... возможно, из семьи Короля Петра кто-то и выжил... а потом сделать так, чтобы она распространялась. Или нет. Еще нет. Червь Безумного Эдди пока еще пребывает в стадии эксперимента. Скажем...

— Что?

— Будьте же ко мне снисходительны, Джойс! Секундочку... *Виктор!* Черт подери, червь все-таки сделал это! Теперь Посредники и в самом деле очень похожи. *Виктор?* Просто все они вышли из подросткового возраста.

Посредник, раньше бывший у Татар Викторией, опускался к ним в медленном прыжке. Словно скользил вниз по невидимой дуге.

— Кевин?

— Да, я звал тебя. Виктор, рано или поздно ты войдешь в контакт с Мошкой-1. Нам нужно забрать у вас несколько тел, чтобы захоронить их, как требуют наши обычаи. Это три особи мужского пола. Гардемарины Поттер, Стейли и Уайтбрид. Их расчленили Бог знает как, но прошу тебя вернуть их нам при первой удобной возможности.

— Будет сделано. Если у группы, держащей их останки у себя, есть какой-нибудь преемник. Сами понимаете, на Мошке-1 все меняется очень быстро.

— Что-то остается неизменным. Поэтому постарайся.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Д-да. Джойс, вы догадываетесь, что охраняла Бандитская Группа?

— Какой-нибудь тайный склад оружия, которое находилось слишком далеко, чтобы его можно было использовать после.

— Нет. Это оказалась главная база Ханства, со всеми его богатствами. Они предложили все это в виде взятки нашим союзникам, и союзники отдали все это Медине. Виктор, разве ваши соплеменники не обнаружили какие-либо сюрпризы?

— Нет, это нас не касается. Мы сделаем голоснимки, Кевин. Их Инженеры просто гениальны: вы увидите некоторые весьма интересные усовершенствования в вооружении и компьютерной технике.

Джойс тем временем обдумывала всякие нюансы. И направила камеру на Виктора.

— Скажите, на этом все закончилось или нет? Ведь, насколько мне известно, Ханство просто так не сдается. О чем они и дали нам понять.

Кевин заметил, как ему призывно машет рукой Гленда Руфь Блейн. Она находилась на полпути к ним, спускаясь от округлого купола Большого Зала. На ее лице играла всезнающая улыбка. Кевин усмехнулся и помахал девушке в ответ. Он ничего не скрывал. Черт подери, Джойс наверняка заметила их приветствия.

— Мы контролируем все богатства Ханства, — ответил Виктор. — Семьи, возвратившиеся из убежища на звезде Бери, привезли в себе червя. Все до единой. Теперь я не знаю способа, как нам удалось бы причинить вред себе или вам. Их родословная закончится, если мы не сочтем необходимым поступить иначе... Однако ведь отнюдь не это рассеяло бы гнев Бери, не так ли?

Джойс очень осторожно ответила:

— Насколько я сумела узнать Бери, думаю, он больше не гневается на мошкитов. Это была его последняя корпоративная война. По-моему, он получал от нее только удовольствие.

Мошкит улыбнулся и покинул их. Кевин почувствовал острое жжение в глазах, но сдержал слезы и сказал:

— Удивительно сказано, Джойс.

— Благодарю вас. Мне действительно не хватает его, Кевин. Разумеется, не так, как вам. Как-никак, вы провели с ним почти тридцать лет.

— Да. Но что бы там ни было, он вышел победителем, и... мне кажется, теперь я не знаю, *как* мне жить дальше без этих игр за власть, которые постоянно вел старик. Когда его не стало, я даже не знаю, что будет со мной. Наверное, моя жизнь станет намного проще.

— Простите, конечно, может быть, она станет самодовольной?

— Самодовольной? — переспросил он и, заметив, как Джойс сдвинула брови, сказал: — Это секрет. Да, да, опять секреты и

тайны. Черт подери, Джойс, неужели каждая женщина будет стараться читать мои мысли о том, как я собираюсь провести остаток жизни?

— А вот это как раз не дипломатический секрет, Кевин. И даже не скандал, поскольку вы не настолько глупы... точнее, не поступите настолько глупо...

— Джойс, существует секрет, который вам не следовало бы знать. Как в тот раз, когда Евдокс читала ваши мысли по мышцам ног.

Джойс с трудом удалось сдержать ответ. Только спустя несколько секунд она проговорила:

— Возможно, но я должна узнать его.

— Хорошо, — и Кевин Реннер заговорил.

* * *

Внутренняя База Шесть следовала за имперскими кораблями. Теперь Реннер приятно проводил время, отпустив корабли Блокадного Флота вперед и ведя свой корабль на ускорении в половину *g*, пока он и его люди приходили в себя. На обратный путь ему понадобилось всего восемь дней.

На шестой день пополудни он увидел Гленду Руфь, которая уселась на подлокотник его кресла с подносом в руке. Покончив с ланчем, он улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, рассказывайте.

Похоже, девушка никак не решалась начать. Тогда заговорил Реннер.

— Фредди, — сказал он. — Он аристократ. Разумеется, по моим суровым стандартам, он несколько ленив. И не хотел вступать в ИВКФ. Теперь у него есть великолепный шанс. Они представят его к высоким наградам и назначат в Резервную комиссию.

— Прекрасная мотивировка, — заметила Гленда Руфь. — Назначить его на должность, где он может избежать войны, и так, что ему не придется работать.

— Когда вы поблизости, он весь напряжен. Чего он так боится? Неужели вы настолько восприимчивы? Или обидчивы?

— Я очень легко ранимая, — ответила она. — Кто бы ни причинил мне боль, ребенок или взрослый, кошка или мошкит, я очень сильно переживаю. Тем не менее, я делала все, чтобы уберечь нас. Как и вы. — Она замолчала и прибавила. — Даже больше. Кевин...

— Гленда Руфь...

— О, простите! — Она пересела в свободное кресло штурмана и почти свернулась в нем. Потом улыбнулась Реннеру.

— Я собирался вам сказать... о... — Он запнулся, увидев ее улыбку, широкую, немного рассеянную... — Вы поняли, ведь так?

Она прошептала:

— Прошу вас, перестаньте говорить столь сексуальным тоном. Я чувствую себя весьма неловко.

— Да, да, конечно... Но почему-то мне кажется, что вы не скажете мне этого опять, если мне понадобится вспомнить, к какому полу я принадлежу.

— А может быть, и нет. Кевин, прошу вас, перестаньте думать обо мне, как не совсем о человеке.

— Мы же не станем это проверять, верно? — *Черт возьми, о чем я говорю?! Соблазнить дочь лорда Блейна — это лишь малая доля того, чего следует избегать в этой жизни.* — Конечно же, вы человек. Может быть, вы великий человек! Каждый ребенок разыгрывает множество ролей. И у вас с Хрисом получилось бы это много лучше, чем у большинства. Какую роль вы играли с Фредди?

— Я не играла никакой роли! Дядя Кевин, я играла роль лишь перед Татарами, но от этого зависели наши жизни. И жизнь Империи тоже! А Фредди понимает, какая я. Я привередливая, легко ранимая. И когда все это слишком сильно проявляется во мне, я прячусь.

— Вы могли бы вернуть его обратно. Он же не бросал вас, он принял на себя обязательства, и если вы уделите ему хотя бы час, то он простит все и навсегда. Именно это и беспокоит вас, Гленда Руфь? *Так избавьтесь же от этого!*

Она беспокойно заерзала в кресле. Кровь прилила к голове Реннера. В его искаженном восприятии девушка металась из стороны в сторону, как воздушный шар.

— А что, если я отношусь ко всему слишком серьезно? — спросила она.

— Так станьте легкомысленной!

— Вы так *осторожны*, потому что разговариваете с дочерью лорда. Запомните, Кевин, я могу разговаривать с кем угодно и о чем угодно. Я могу совершать ошибки и приносить вред людям, и я это делала. Как и Хрис. Неужели вы считаете меня совершенной дурой? Неужели вы думаете, что я не знаю границ ни в чем? Ответьте, Кевин!

Реннер решил ретироваться к себе в каюту и запереться на замок. Но сперва он проговорил:

— Я не просто выбранный вами наугад грязный старикашка. Я тот самый младший офицер, который послал леди Салли Фаулер в каюту к капитану Родерику Блейну, когда счел это необходимым для их выживания. Поэтому я в ответе и за вас.

Она пристально посмотрела на него, затем разразилась звонким смехом. Вот так-то лучше. И он спросил:

— Что мне надо сделать, чтобы заставить вас передумать?

Она помолчала. Потом сказала:

— Мне очень жаль.

— Я человек. И мне не нужно вам это доказывать.

— Я побывала в постели у Фредди. Он бы сошел с ума... ну... по крайней мере, совершил бы что-нибудь жуткое, если я бы этого не сделала. Но я всего лишь добивалась относительной свободы. Мне показалось, что я оставляю Фредди свободу выбора насчет нашего с ним брака. А он решил, что я делаю нечто ему вопреки, и теперь я могу потерять его.

— Посмотрим. Он женится на вас...

— Потому что должен.

— Вам девятнадцать лет. И то, что вы сейчас в замешательстве, — это всего лишь часть игры. Но послушайте: он считает, что некоторое время ему следует избегать вас. Вы освобождаете его от всех обязательств, даете ему понять, что имеете в виду и что вы не сумасшедшая. Ему все равно придется многие годы регулярно встречаться с вами, леди! Вы — герои Завоевания Мошки! Когда вам захочется возвратить его, только взгляните на него! А не на меня!

— Хорошо, дядя.

— Думаю, вы захотите его. Отличные гены, высокое положение в обществе, думаю, ваши семьи только одобрят ваш брак. К тому же вам обоим удалось выжить в чрезвычайной ситуации. Я считаю, что такое ценится *очень* дорого.

— И по-прежнему будут рождаться новые Блейны, не так ли, дядя? — проговорила она и удалилась.

Реннер внезапно ощутил невыносимую усталость.

* * *

— Я решил немного поспать, поэтому и ушел. А через два часа ты очутилась у моей двери.

— Чертовски возбужденная.

— Тебе хотелось не только меня. Тебя обуяло любопытство. Точно? О, ты не дашь мне снова поспать, после того как...

— Мы так не договаривались.

— Нет.

— И никто глупо не ухмылялся, когда я шла к твоей каюте.

— Они слишком расслаблены. Два дополнительных «кубика» каждому на «Синдбаде». Такая роскошь, о которой ты не могла бы даже и мечтать. Но...

— По-моему, на меня еще это не подействовало, — сказала Джойс Мей-Линг. — Мне все еще кажется, что я схожу с ума по Хрису. Нет, он не лгал мне...

— *Конечно же*, он...

— Но это же не секрет, Кевин! Вам с Гленда Руфь что-то *известно*.

— Но ведь ты помнишь, о чем *я* спросил *тебя*?

Она сдвинула брови и ответила:

— Откуда я только что пришла? Я сидела в камбузе и пила чай. Где была Гленда Руфь? Она пила чай со мной. Тебе смешно? Потом я случайно увидела тебя, и мы начали разговаривать, черт возьми.

— Это она тебя послала. Она была благодарна мне, и решила послать мне подарок.

— Ах, пошла она к черту! Кевин, мы говорили о...

Он ждал, когда она закончит фразу. Немного погодя, произнес:

— Единственное, о чем я хотел спросить, это с кем ты разговаривала несколько минут назад?

— Ну, я только... пыталась сообразить. Ты — воплощение престижности. Загадочные и невидимые связи, богатство, героизм, и ты знаешь о текущих делах на Мошке больше всех в Империи Человека. А Гленда Руфь не знает... об этом мы и разговаривали, и только, черт возьми!

— Я и вправду не понимаю, захочешь ли ты встретиться со мною еще раз, Джойс. И если ты все-таки встретишься со мной, помни, что существуют секреты, о которых тебе знать не положено, и Богом клянусь, что сохраню и еще одну тайну.

* * *

Это были два кубика, каждый со специальной этикеткой и датой. Один был передан на хранение Набилу, находящемуся на борту Базы Шесть. Второй кубик содержал послание, надиктованное во время долгой погони через всю систему Мошки и законченное перед тем, как «Синдбад» совершил прыжок к Глазу Мурчисона.

— А мы можем ознакомиться с этим? — задумчиво проговорил Реннер. — Полагаю, нам следует дождаться адвокатов.

Обветренное, смуглое лицо Набила сейчас казалось маской.

— Коммодор, его превосходительство оставил на упаковке указание, чтобы вы просмотрели ее содержимое сразу при получении. — Он указал на арабскую вязь. — Это его подпись.

— Хорошо, — кивнул Реннер.

— Еще я получил указания пригласить свидетелей, а именно — Гленду Руфь Блейн и Фредерика Таунсенда, и двух Посредников — мошкитов из числа наших союзников. Свидетели должны собраться, как только им будет удобно, — проговорил Набил. — Остальное меня не интересует.

Они начали с кубика с посланием, надиктованным на борту «Синдбада». Сперва на экране появилось изображением лежащего на койке Бери. Его лицо осунулось, а голос был еле слышен. Достоверность кубика засвидетельствовали Джойс Мей-Линг Трухильо и Гленда Руфь Блейн.

— Я никогда не включу это в содержание новостей, — заверила всех Джойс.

— Я, Гораций Хусейн аль-Шамлан Бери, торговец, гражданин и магнат Империи Человека, а также паша и гражданин планетарного княжества аль-Ихван аль-Муслимин [1], обычно называемого Левантом.

Это — кодицилл [2] к моему завещанию, оставленный на хранение моему верному и преданному слуге Набилу Ахмеду Кадурри. Настоящим кодициллом подтверждается все, заявленное в предыдущем завещании, за исключением того, что непосредственно и явно опровергнуто в этом кодицилле. Я диктую этот документ, отчетливо осознавая, что ни этот кодицилл, ни этот корабль, вероятно, не уцелеют в нашей миллию; однако Аллах может допустить иное.

Таким образом, я назначаю моим душеприказчиком Кевина Реннера, коммодора ИВКФ, и предоставляю ему полную власть для исполнения моих желаний и передачи моей собственности в соответствии с моим первоначальным завещанием, но с поправками на этот кодицилл. Он аннулирует назначение ибн-Фарука, названного моим душеприказчиком в первоначальном завещании. Кевин, я предлагаю, а не требую, чтобы ты передал полномочия тщательного исполнения моей воли, и в особенности наблюдение за завещательным отказом моего родового имения в Леванте юридической фирме Фарука, Холстеда и Хараби, и рекомендую тебе ее старшего партнера ибн-Фарука как моего старинного друга и советника. Я думаю, что время от времени ты будешь вызывать его на встречу.

Я подтверждаю завещательный отказ моего дома, земель и всех имений на аль-Ихване аль-Муслимине, которые следует разделить между моими кровными родственниками по законам моей страны, за исключением моего старшего племянника Елие Адхами, которому я оставляю сумму в одну крону и то, что он у меня украл. Это меньше, чем ему причитается по закону, однако он сам сделал свой выбор.

Кроме того, я настоятельно рекомендую Империи назначить Кевина Реннера первым губернатором системы Мошки, и я горячо убежден, что Империя выполнит мое пожелание.

— Великий Боже! — невольно воскликнул Кевин.

---

[1] «Братья-мусульмане» — члены религиозно-политической организации Ассоциация братьев-мусульман, созданная в 1928 г. в Египте. Ее деятельность направлена на построение «справедливого исламского общества», основанного на принципах ислама (в их «первозданной чистоте») и т.д.

[2] Юридический термин, обозначающий дополнение к завещанию.

— Господи, Кевин, я думаю, тебя назначат, — заметила Джойс.

— Станет ли он губернатором или нет, я знаю, что Кевина Реннера одолеют демоны, если он не сможет наблюдать за грядущими событиями на Мошке. Признаюсь, мне хотелось бы самому стать там губернатором. Дабы помочь Кевину Реннеру в удовлетворении его маниакального любопытства, я завещаю ему мой персональный космический корабль под названием «Синдбад»; и поскольку я уверен, что он не украдет ни кроны из моих денег, а содержание моего корабля обойдется ему недешево, оставляю ему десять миллионов крон наличными, чтобы он расплатился после ликвидации различных задолженностей, а вовсе не «Империал Автонетикс», как это описано в основной части моего завещания, так что эта сумма вычитается из оставленного капитала; а также я оставляю Кевину Реннеру десять тысяч и одну акцию «Империал Автонетикс» с правом голоса. Кевин, это пять процентов плюс одна акция компании, и у меня есть причина пожелать, чтобы они были у тебя.

Финансовый баланс моих холдингов «Империал Автонетикс», составляющий дополнительные шестьдесят пять процентов от итогового капитала, следует распределить следующими образом.

Моему старшему из живущих внуков — тридцать девять тысяч девятьсот девяносто девять акций. Евдокс, как представителю семьи мошкитов, называемой Мединские Торговцы, — тридцать тысяч акций. Омар, как представителю семьи мошкитов, называемой Ист-Индская компания, — двадцать тысяч акций. Виктории, как представителю семьи мошкитов, называемой Крымские Татары — пять тысяч акций. Посреднику мошкитов по имени Али-Баба — тридцать тысяч акций.

Изображение Бери внезапно захихикало. «Что ж, теперь, наверное, он вполне может веселиться», — подумал Реннер.

— Оставшиеся акции остаются у партнеров, в банках, в деловых концернах и у других людей, разбросанных по всей Империи. Если ты потрудишься понаблюдать за предполагаемыми избирательными блоками, то обнаружишь весьма занятные комбинации. Кевин, Аллаху стало угодно, чтобы ты жил в интересное время, а я всего лишь исполняю Его волю.

И еще одно последнее завещание: Родерику, лорду Блейну, некогда капитану ИКК «Макартур», я завещаю личные секретные досье, на которых написано его имя. В них содержится информация об агентах, которые оказали Империи Человека неоценимую пользу, но которые теперь могут находиться в опасности. Убежден, что лорд Блейн с удовольствием примет на себя моральные обязательства, касающиеся этих сведений.

Что же касается остального, подробности ты найдешь в кубике, доверенном мною Набилу. Я щедро вознаграждаю тех, кто служил

мне верой и правдой. Думаю, я преданно выполнял свой долг по отношению к Аллаху, к моим соотечественникам и Империи; и какое бы будущее ни пожелал бы для меня Аллах, я глубоко удовлетворен, что мы сделали все, что смогли.

Свидетели сему — мой голос и моя подпись, Гораций Хусейн аль-Шамлан Бери, на борту корабля «Синдбад», где-то в системе Мошки.

Как мы писали «Мошку в зенице Господней»

Джерри Пурнелл предложил мне соавторство. Мне уже приходилось работать совместно с Дэвидом Джеролдом над «Летающими колдунами», и это было здорово.

Джерри не мог работать со мной над серией «Известный космос», поскольку не верил ни политикам, ни историкам. (Потом он, должно быть, изменил точку зрения. «Детский час», написанный Джерри Пурнеллом и С. М. Стирлингом, — прекрасная история, относящаяся к серии о войнах между людьми и кзинами.) Взамен он предложил свою тысячелетнюю историю будущего, где летают быстрее света благодаря двигателям, изобретенным нашим другом Олдерсоном.

Я посмотрел на его мир. Странно. Тысяча обитаемых планет, и ни одного разумного существа, кроме человека? (Об этом можно спорить, но тогда это казалось неестественным.) И я понял, что законы Движителя Олдерсона позволяют мне оказаться прямо посреди неизвестной инопланетной цивилизации.

Выглядело неплохо: похоже, у нас удастся книжка. Я бросил свой на две трети написанный роман, засучил рукава и возродил инопланетян. Мы провели сумасшедшую ночь, создавая на основе известного о мошките-Инженере дюжину других разновидностей, миллионы лет истории и три опустошительные всепланетные войны. Мы поклялись, что напишем роман, который мечтали прочитать, когда нам было двенадцать.

Всякий раз, когда казалось, будто мы вот-вот допишем нашу книгу, оказывалось, что не тут-то было.

Джерри отправил «законченную» рукопись другу, Роберту Хайнлайну. Роберт сказал: если мы кое-что изменим, он поместит на обложку потрясающую хвалебную рецензию.

Первые сто страниц менять не требовалось.

Мы сделали так, как он просил: представили всех персонажей, перенесли исторический фон из удаленного пролога в главах о Новой Шотландии ближе к началу и сделали повествование более отрывистым. «Эта сцена мне никогда не нравилась», — сказал я

Джерри, и наши взаимоотношения изменились. Тогда-то мы и научились не быть слишком вежливыми с соавтором: это портит книгу.

Мы снова отослали книгу Роберту, и тот полностью ее отредактировал. Я прославился как человек, чью книгу Роберту захотелось прочесть. Результат был ужасающий. Но в случае *Мошки* Роберт не ожидал, что мы примем его совет. Никто никогда его не слушал (сказал он нам). Однако если на обложке стоит «Возможно, лучший из прочитанных мной научно-фантастических романов», то, может быть, книга стоит того.

Мы писали эту книгу целую вечность. Мы получили от лос-анджелесского Общества НФ премию «Стики» «За лучший неизданный роман». Пролетели два года. Но эта книга стоила каждой минуты.

Соавторство — процесс неестественный. Писатель — божество ревнивое. Он любит создавать свою вселенную без чужого вмешательства, и мелочные придирки недоумков-критиков, а также капризы редакторов, требующих переделок, приводят его в негодование. Но стоит *паре* авторов взяться за создание *одной* вселенной, как их мучения удваиваются.

Однако наш совокупный опыт был таким, что на редкость удачно восполнялись пробелы, существующие у каждого из нас. Есть книги, которые ни один из нас не сумел бы написать самостоятельно. Вдвоем это было нам по плечу.

Поначалу мы держались излишне вежливо, чересчур остерегались критиковать работу соавтора. Наверное, это не позволило нам поубивать друг друга на раннем этапе, но в нашей работе остались огрехи, которые пришлось выкорчевывать из книги позже.

Нас ожидало строительство миров. На основе физиогномики мошкитов мы должны были создать их технологию, историю и стиль жизни. Нивену предстояло усвоить базовую историю тысячелетней межзвездной культуры Пурнелла.

На все про все ушло три года. В итоге получилась книга в 245 000 слов — чересчур длинная. Для пущего удобства читателя мы сократили книгу до 170 000 слов, вырезав в начале 50 000 слов, в том числе (одним куском) первые два месяца совместной работы: пролог, битву между несущимися в космосе военными космическими кораблями, сцены в концентрационном лагере. Всю необходимую информацию можно было добавить в следующие главы.

Этот пролог представлен здесь, в этой книге. Прежде чем мошкиты и Империя, их звездные системы, технологии и философия стали единым неразрывным целым, вот как это выглядело из системы Новой Каледонии. Мы назвали этот пролог «Свет Мошки».

* * *

Большинство писателей классического научно-фантастического жанра придерживаются стандартных правил построения миров. Мы пользуемся таблицами и формулами, чтобы рассчитать устойчивые орбиты, выбираем солнца необходимой яркости, определяем температуру и климат, выстраиваем приемлемую экологию. Созидание миров требует воображения, но основная работа совершается механически. Однако сразу по завершении технической части новый мир в силах предложить авторам сюжет или даже подсказать образ своих обитателей. В «Известном космосе» Ларри Нивена описан мир, в существенной степени определивший облик своих колонистов.

В основу сюжета может лечь и исключение из правил. Почему Мошка-1, изначально планета земного типа, так напоминает многим людям Марс? На какой ступени своей эволюции Мошка-1 обрела столь насыщенную гелием атмосферу? Эти вопросы выходят за пределы обычной механики.

В «Мошке в зените Господней» (изданной в 1974 г.) мы создали не только миры, но и культуры.

С самого начала «Мошка» была романом о первом контакте. Когда мы обсудили зачин, в нас взыграло честолюбие: «Мошка», если мы ее напишем, станет закрытием темы первого контакта. Мы решили исследовать все важнейшие проблемы, возникающие во время первого контакта с инопланетянами, — взглянув на эти проблемы с обеих точек зрения, и людей, и инопланетян.

Для этого пришлось создать более подробную картину культуры, чем требует большинство романов. По очень простой причине: ведь в произведении, перенасыщенном деталями, они, появляясь на страницах книги, создают блестящие противоречия. (Если цивилизация использует водородную термоядерную энергию в таком объеме, что уровень океанов понизился на два фута, вряд ли стоит вести речь о том, что люди спят в заброшенных домиках-трейлерах.) Во избежание таких противоречий нам пришлось изрядно потрудиться над технологиями как мошкитов (инопланетян), так и человеческой цивилизации.

Вышло так, что, закончив писать книгу, мы обнаружили у себя столько же незадействованного материала, сколько вошло в роман. Множество страниц с данными о биологии мошкитов и истории их эволюции, подробностями о науке и технике Империи, описаниями космических сражений, процессов терраформирования миров, построения световых парусов; все эти фоновые подробности, повлиявшие на роман и подсказавшие нам, о чем следует писать, в книгу так и не вошли.

Мы приняли несколько ограничивающих нас решений. Одно — использовать период Второй Империи из созданной Пурнеллом ис-

тории будущего. Второе — положить в основу бытия Империи несколько набросков, свободно выбранных из ее истории, большая часть которой уже увидела свет. «Мошка» должна была соответствовать ранее опубликованному материалу.

Еще одним параметром стало физическое описание инопланетян. Невероятно, но вот с чего все началось: с подробного описания прототипа мошкита, «инженера»; с попытки создать из того, что осталось от незавершенного рассказа Нивена, несимметричного инопланетянина. История, биология, эволюция, социология и культура мошкитов были экстраполированы из мошкита-инженера в ходе бесконечных разговоров за кофе и бренди.

Наш очередной вынужденный выбор был таков. Мошкиты обитали в самом центре Империи, но до поры не были открыты. Простейшим объяснением могло быть следующее: мошкиты — молодая цивилизация, только что вышедшая в космос, но эта теория противоречила истории мошкитов, экстраполированной из их внешности. Мы нашли другое объяснение, взяв за основу Движитель Олдерсона, о чем будет сказано ниже.

ТЕХНОЛОГИИ ИМПЕРИИ

Важнейшие технологии Империи описаны в ранее опубликованных произведениях: это Поле Лэнгстона и Движитель Олдерсона. И то и другое изобрел для Пурнелла Дэн Олдерсон, местный гений из лаборатории реактивных двигателей Калифорнийского технологического. С самого начала было ясно, что Движитель и Поле окажут сильнейшее влияние на цивилизацию, их использующую, но до тех пор, пока мы не взялись за «Мошку», мы и не представляли, насколько глубоким оно будет.

ДВИЖИТЕЛЬ ОЛДЕРСОНА

Любому писателю-фантасту рано или поздно приходится столкнуться с проблемой межзвездного транспорта. Есть несколько подходов. Первый — отвергнуть возможность полетов быстрее скорости света. Такой подход ставит крест на существовании межзвездной цивилизации.

Можно также пренебречь принципами общей и специальной теории относительности. Обычно читатели это не приемлют. Это вполне допускается лишь в произведениях, представляющих собой скорее аллегории, чем научную фантастику. Нас это не устраивало.

Еще один подход — углубиться в теоретические области гиперпространства. Гиперпространственные двигатели — вещь довольно

распространенная. Проблема в том, что, когда все разрешено, ничто не запрещено. Хорошие романы получаются там, где есть трудности, чтобы с ними бороться, а коль скоро для «гиперпространственных полетов» нет реальных ограничений, то нет ни трудностей, ни преград, которые пришлось бы преодолевать героям и злодеям. В отдельный роман по мере развития сюжета можно внедрять «трудности» и менять свойства двигателя, переписывая отдельные эпизоды; но в нашем случае это исключалось.

Нашей целью было подробнейшим образом разработать двигатель и далее существовать в рамках полученных в результате ограничений. При этом ограничения возможностей двигателя влияют на развязку романа, но не изобретаются ради определенного финала.

Движитель Олдерсона соответствует всему, что известно современной физике. Единственное искусственное допущение сводится к тому, что в течение тридцати лет в Калифорнийском технологическом (поклон Дэну Олдерсону) изобретут что-нибудь дополнительно. Ключевым открытием будет обнаружение «пятой силы».

В современной физике известно четыре силы: две субъядерные, отвечающие соответственно за бета- и альфа-распад; электромагнетизм (среди прочего свет); гравитация. Сила Олдерсона, таким образом, является «пятой» и возникает за счет термоядерной реакции.

Эта сила оказывает незначительное воздействие на Вселенную; по сути дела, зарегистрировать ее чрезвычайно трудно. Одновременно с открытием пятой силы мы постулируем открытие второй вселенной, до точки совпадающей с нашей собственной. Эта «континуум-вселенная» отличается от нашей отсутствием известного квантового эффекта.

В этой вселенной частицы могут лететь с любой скоростью, какую придает им ускорение; для создания ускорения существует пятая сила.

Дальше следовало бы привести примерно страницу дифференциальных уравнений, но основная идея такова.

Можно перемещаться из одной вселенной в другую. Любой конструкт нашей вселенной может быть воссоздан в виде «частицы-аналога» во вселенной-континууме. Для того чтобы ваш конструкт вошел во вселенную-континуум и вышел оттуда без изменения, необходим набор оборудования для удержания вашего «имущества» в исходной форме, иначе ваш корабль и команда распадутся на элементарные частицы.

Частицы-аналоги могут разгоняться до скоростей выше скорости света: по сути дела, до скоростей воистину бесконечных, будь у нас возможность их измерять. Естественно, частицы-аналоги не могут выходить в нашу вселенную на таких скоростях: для выхода в нашу вселенную им потребуется сбросить свою потенциальную энергию до нуля. Расскажем об этом подробнее.

Существуют очень жесткие условия входа во вселенную-континуум и выхода из нее. Выходить из вселенной-континуума необходимо, имея ту же потенциальную энергию (измеренную в единицах пятой силы, а не гравитации), с какой вы входили. Кроме того, ваша кинетическая энергия должна равняться нулю относительно сложной системы координат, которую мы тут обсуждать не будем.

Пятая сила создается термоядерной реакцией, в основном (и это понятно) внутри звезд. Вы можете перемещаться, используя пятую силу, но только вдоль точно определенных линий эквипотенциального потока: трек-путей, или трековых линий.

Представьте себе вселенную в виде тонкого листа резины, очень плоского. Теперь бросайте на него конические камешки разного веса. Камешки потревожат лист, на котором появятся конические (более или менее) впадины. Теперь бросьте пару камешков один возле другого — и впадины соединятся ложбиной. Пересечение образует «проход», область выше точек, в которых находятся камешки (звезды), но ниже основного уровня резинового листа.

Маршрут от одной звезды к другой вдоль такого «прохода» и есть трековая линия. Потенциальные трековые линии существуют между звездами, но не всегда, потому что, если добавить третью или четвертую звезду, в системе возникает взаимное влияние, и уникальной градиентной линии может не быть. Если наши объяснения вам не очень понятны, не стоит долго ломать над ними голову. Скоро мы перейдем к следствиям описанного явления.

Можно также представить звезды в виде холмов; сдвиньте звезды, и холмы сольются. И тем не менее от вершины к вершине будет существовать единственный маршрут с максимальной потенциальной энергией для данного уровня. Пустите стеклянный шарик со склона холма, и шарик скатится вниз, минует седловину и взберется на определенную высоту на склон второго холма. Это тоже объяснение эффекта трековой линии. Но в общем случае проще представлять систему в виде ложбин, чем в виде холмов, потому что в полете от звезды к звезде вам приходится преодолевать «пригорок» между ними. Пятая сила снабжает вас необходимой для этого энергией.

Вы покидаете квантовую вселенную. В ходе полета во вселенной-континууме вы постепенно теряете кинетическую энергию; энергия «утекает». В нашей вселенной след утечки определяется по фотонам. Этот эффект может иметь значение во время военных действий в космосе. Мы вырезали из «Мошки» такое сражение, но его описание существует, и, может статься, мы опубликуем его в виде отдельного рассказа.

Для перехода из квантовой вселенной во вселенную-континуум нужно затратить энергию, и тратить ее можно только в квантовой форме. Затрачивая энергию, вы превращаетесь в частицы-аналоги,

движетесь вдоль трековой линии и возникаете на другой стороне в точке, где ваша потенциальная энергия равна энергии входа плюс нулевая кинетическая энергия (в единицах пятой силы и комплекса относительных координат).

Тех, кому последний параграф показался слишком нудным, просим еще немного потерпеть: мы заканчиваем с техническими подробностями и переходим к разъяснениям.

Полет с использованием Движителя Олдерсона выглядит так: вы находите необходимую точку Олдерсона и включаете в ней двигатель. Расходуется энергия. Вы исчезаете и в необычайно короткое время появляетесь в точке Олдерсона в другой звездной системе, в нескольких световых годах от первой. Если вы сделали что-то неправильно или если вы находитесь не в точке Олдерсона, то, включив двигатель, вы истратите огромное количество энергии, но останетесь на прежнем месте. (По сути дела, путешествие вы совершите: исчезнете и в тот же миг возникнете в исходной точке.) Вот и все про двигатель — однако он определил структуру межзвездной цивилизации.

Начать с того, что на межзвездных расстояниях двигатель работает только от точки к точке. Для полетов внутри звездной системы приходится полагаться исключительно на обычные реактивные двигатели. Нет никакого волшебства в том, чтобы добраться от Земли до Сатурна: нужно двигаться с обычной космической скоростью. Это делает возможными космические сражения, от которых не сбежать, нырнув в гиперпространство, как обычно поступают в рассказах о будущем у Бима Пайпера и Гордона Диксона. Чтобы добраться до нужной планеты, приходится лететь по звездной системе от точки Олдерсона, в которой вы появились после межзвездного перелета. В каждой системе может быть пять или шесть возможных точек входа, а может быть всего одна.

Соответственно, звезды и планеты можно представить в виде материков и островов, а точки Олдерсона в виде узких морских проливов и каналов, таких как Суэцкий, Гибралтар, Панамский, Малайский и другие. Если развивать аналогию, то это телеграф, а не радио: от звезды к звезде сообщение может быть скорейшим образом доставлено кораблем, но внутри системы сообщения быстрее доставляются по радио, чем кораблями.

Гм. Эта история напоминает ранние годы эпохи пароходства. Парусов нет; судам требуются топливо и довольно сложные ремонтные базы. Корабли неохотно заходят в неосвоенные звездные системы и в случае аварии могут отремонтироваться своими силами, только если на борту имеется большой набор запасных частей. Заглянув в историю пароходства в период между Крымской и Первой мировой войнами, вы получите довольно четкую картину цивилизации в условиях использования Движителя Олдерсона.

Ограниченные возможности двигателя означают, что неприметельные звездные системы не будут исследованы. Звездных систем слишком много. Промежуточные могут быть использованы в качестве реперных точек, если эти звезды расположены удобно, однако возможно, что к некоторым звездам в стороне от полетных маршрутов никто никогда не прилетит. Полет к Мошке и обратно ужасно неудобное предприятие. Единственная трековая линия оттуда берет начало в трети светового года от звезды и ведет к системе Глаза Мурчисона, красного сверхгиганта, но заканчивается внутри его раскаленной докрасна внешней оболочки. Для инопланетян единственная возможность добраться до Империи — это пересечь тридцать пять световых лет межзвездного пространства, которое никогда еще не бороздил имперский корабль. Пространства между звездами так же неизведанны для Империи, как и для нас.

ПОЛЕ ЛЭНГСТОНА

Наш второй технологический кирпичик — Поле Лэнгстона, которое поглощает и накапливает энергию пропорционально четвертой степени энергии движения: это означает, что медленно движущиеся объекты способны пройти *сквозь* поле, но чем быстрее движется объект (или чем он горячее), тем быстрее и эффективнее поле его абсорбирует.

(По сути, здесь можно было бы привести дифференциальное уравнение четвертой степени; но не будем приводить тут уравнения для отпугивания наших читателей.)

Поле может быть использовано для защиты от лазеров, термоядерного и практически любого стрелкового оружия. Притом это не идеальная защита. Естественная форма Поля — округлая. Поле стремится сжаться и испепелить накопленной энергией все внутри себя. Для создания прохода в Поле нужно затратить энергию; энергия необходима также, чтобы воздействовать на состояние Поля и управлять им — например, заставить поле выборочно излучать вовне накопленную энергию. Невозможно получать что-то, не затратив ничего.

Следовательно, при перегрузке поля корабль внутри него просто испарится от жара. Кроме того, на короткое время способны перегружаться и отдельные участки поля: при воздействии мощного энергетического заряда на малый фрагмент поля оно в этом месте может разрушиться, и пучок энергии проникнет внутрь. Таким путем космический корабль можно повредить — но не уничтожить.

Нам пришлось изобрести термин. Удачное ли это слово — аналог «географии» в приложении к межзвездному пространству? Известно, что современные планетологи пользуются познаниями в «геологии» применительно к научному геофизическому исследованию всех планет, не только Земли; можно надеяться, что «география» будет применяться для описания физических признаков других планет... однако у нас речь пойдет о взаимном расположении звездных систем.

Посему мы предлагаем использовать термин «космография», хотя, возможно, это слишком широкое понятие. Возможно, это слово больше подходит для описания взаимодействия галактик, а для звездных систем уместнее «астрография»? Ведь принято же навигаторов межзвездных перелетов называть «астрогаторами».

Мы располагали фрагментами астрографии системы Мошки — данными, использованными в уже опубликованных произведениях. Например, уже были созданы система Новой Каледонии и красный сверхгигант, так называемый Глаз Мурчисона. Увидела свет история Новой Каледонии.

Нам требовался красный сверхгигант внутри Империи. Логика подсказывала, что разместить его можно лишь в одном месте, и в каком именно — определили уже изданные произведения: в Глазу Мурчисона, позади Угольного Мешка. Сверхгиганту пришлось расположиться от Солнца по другую сторону Мешка; в любой другой точке мы бы видели его и теперь.

И уж если мы используем Глаз Мурчисона, то используем и Новую Каледонию. Тут нет больших натяжек: Новая Шотландия и Новая Ирландия — любопытные миры. Это подвергшиеся терраформированию планеты, интересные своей культурой и своеобразные. Есть, однако, и проблема: обитатели Новой Шотландии тщательно и долго сберегали свою субкультуру и с гордостью ее отстаивают. Поскольку действие в основном происходит в Новой Шотландии, часть персонажей, в том числе и главные действующие лица, непременно должны быть новыми шотландцами. По конструктивным причинам выбирать пришлось между двумя кандидатурами: старший помощник или старший механик. Мы выбрали старшего механика в основном потому, что в современном мире всем известно: подавляющее большинство судовых механиков — шотландцы, и нам представлялось логичным перенести это положение дел в будущее.

Следует отметить, что некоторые критики обвиняли нас в том, что мы позаимствовали мистера Синклера из «Звездного пути». Мы ничего не крали. Мистер Синклер таков, каков он есть, по очевидным космо-историческим причинам.

В итоге астрография продиктовала нам название книги. Поскольку действие в основном происходит близ Угольного Мешка, нам нужно было знать, как выглядит Угольный Мешок с обратной стороны. Затем мы добавили туда вихри межпланетной пыли, и развивающиеся протозвезды, и всякие прочие чудеса; но все это случилсоь потом, когда мы подлетели ближе. Первая сложность была такова: определить, как выглядит Угольный Мешок с расстояния в десять парсеков.

Ларри Нивен нашел отличный образ человека в капюшоне, чей единственный глаз — это сверхгигант. У сверхгиганта есть малый спутник, желтый карлик, довольно схожий с нашим Солнцем. Тогда если сверхгигант — Глаз Мурчисона, то карлик, само собой, Мошка в этом Глазу.

И коль скоро отсталым и суеверным людям Человек-в-Капюшоне представляется Ликом Господним, то Мошка, само собой, превращается в «Мошку в зенице Господней», и противиться такому напрашивающемуся названию романа невозможно. (Хотя Ларри Нивен нашел в себе силы возражать и настаивал на «Мошке в Глазу Мурчисона» до тех пор, пока издатель не настоял на нынешнем названии.)

КОРАБЛИ

Когда-то давно мы купили пластиковую модель космического корабля под названием «Исследовательский корабль «Лейф Эрикссон»», весьма занимательную. Корабль отдаленно напоминал сплющенную пинтовую бутылку виски с удлиненным горлышком. «Лейфа Эрикссона» сгубило полное отсутствие у коллекционеров моделей интереса к космическим кораблям; по сию пору продается его призрак, раскрашенный омерзительными флуоресцентными красками под нечто из разряда летающих тарелок.

Нередко гораздо проще взять подробный конструкт и работать внутри его ограничений, чем в гибких границах вседозволенности. Забавы ради мы решили превратить «Лейфа Эрикссона» в модель имперского военного корабля. Опыт оказался поучительным. Во-первых, это была модель большого корабля, но его устройство не позволяло ему нести на борту меньший корабль. Во-вторых, его снабдили стабилизаторами, полезными только для полетов в атмосфере: для чего большому кораблю приспособления для полетов в атмосфере? Исходя из этого, мы решили, что это может быть крейсер или линкор первого класса. Военному кораблю или дредноуту ни к чему совершать посадки, такой корабль должен иметь цилиндрическую или сферическую форму (чтобы уменьшить площадь поверхности). Наш корабль был чересчур велик для эсминца — рас-

ходного корабля, который почти никогда не используется для самостоятельных миссий, только в составе флотилии. А вот крейсер и линкор первого класса можно отправить в самостоятельный поход. Так начал возникать «Макартур», линкор первого класса. Этот корабль мог входить в атмосферу, но происходило это редко, только в тех случаях, когда во время длительной одиночной миссии кораблю приходилось самостоятельно искать себе топливо. Запасать его крейсер мог двумя способами: заправиться на специальной станции или пролететь в богатой водородом атмосфере газового гиганта и зачерпнуть топливо. Кстати, у нашей пластмассовой модели такие ловушки наличествовали.

У линкора имелись большие шлюзовые ворота и просторное внутреннее помещение — определенно, ангарная палуба для вспомогательного судна. Ангарная палуба была единственным большим помещением на крейсере, и, естественно, вне боевых условий там происходили общие построения команды.

Башенка на модели казалась совершенно бесполезной, и мы поначалу ею пренебрегали, но потом нам пришло в голову, что при длительных перелетах без ускорения полезно иметь отсек с повышенной силой тяжести. Повышения гравитации в «горлышке» без усиленного вращения ожидать не приходилось — корабль был тонковат; нас это не устраивало, однако благодаря башенке в носовой части зону нормальной тяжести можно было устроить без излишней частоты вращения.

И так далее, и тому подобное. В романе «Ленин» был спроектирован с чистого листа; и, само собой, прежде чем «Лейф Эрикссон» получил право именоваться линкором «Макартур», мы внесли в конструкцию ряд усовершенствований; просто удивительно, сколько интересных деталей можно изобрести, имея в руках всего лишь простую модель.

СОЦИОЛОГИЯ

Движитель Олдерсона и Поле Лэнгстона определили тип возможной межзвездной организации социума. Были и другие варианты — но их сложнее было вместить в рамки, поставленные упомянутыми технологиями.

В «Мошке в зенице Господней» в качестве главной формы человеческого правления мы выбрали имперскую аристократию. И получили по заслугам: Дик Брасс из «Нью-Йорк пост» заключил, что ничего иного мы выбрать и не могли, другие критики рукоплескали нам за то, что мы сумели показать, каким может быть такое общество.

По счастью, в научной фантастике нет Священных Коров. Не избрать ли путь передачи власти через кровосмешение? Критики

содрогнутся! Неужели, спросят они, мы действительно верим, что возможно имперское правление? Что возможна монархия?

Ответ зависит от того, что подразумевать под «верим ли мы». Считаем ли мы, что подобное мироустройство желательно? Мы такого не говорили. Неизбежно? Конечно, нет. Возможно? Да, черт возьми.

Политическая наука в «Мошке» взята из «Эволюции политической мысли» С. Норскота Паркинсона. Сам Паркинсон ссылается на Аристотеля.

Сейчас в моде линейное развитие истории: все только улучшается, ухудшения ждать не приходится, и, само собой, мы никогда не вернемся к прежним дрянным временам (к примеру) индивидуального правления. Забавно, но некоторые критики, которые сетовали на аристократическую пирамиду власти в «Мошке» (одновременно отвергая нашу Империю как абсурд), не принимали жалобы на «имперское президентство» в США. Сколько читателей отказалось бы сделать Джона Кеннеди нашим пожизненным президентом?

Любая претензия на «научность» в истории — обман. В этом проблема марксизма, хотя Маркс изложил вполне разумный экономический взгляд на историю вплоть до своего времени и некоторые из его принципов верны.

Военная история — еще один приемлемый способ взглянуть на минувшие несколько тысяч лет, но никто в здравом уме не рискнет утверждать, что история человечества состоит исключительно из истории битв и стратегий. Можно писать историю с точки зрения научной медицины, с точки зрения крыс, вшей, чумы, сельскохозяйственного развития, как историю вождей и сильных личностей, и в каждом подходе будет своя правда.

Есть много способов смотреть на историю, и Аристотелевы циклы, возрожденные сегодня Паркинсоном, — один из лучших. Тем, кто не готов принять эти идеи, мы настоятельно советуем: прежде чем выносить вердикт и хлопать дверью, хотя бы почитайте Паркинсона.

Социальные отношения в «Мошке» окрашены влиянием технического прогресса и исторической эволюции. В будущем, согласно «Мошке», в последние десятилетия XX века Соединенные Штаты и Советский Союз образуют альянс и вместе будут править миром. Однако этот альянс не кладет конец соперничеству и не означает, что сильные мира сего или народы обеих стран обязательно питают любовь к своим союзникам.

Альянсу СоВладения нужны вооруженные силы. Военным — нечто или некто, кому они будут хранить верность; мало кто захочет рисковать собой во имя «высокого жизненного стандарта», и лишь безнадежный глупец согласится погибнуть за чьи-то «высокие уров-

ни достатка» — ну если только за «уровень достатка» конкретных людей. Разве поведение современной полиции или армии наводит на мысль о том, что объект их защиты — «демократия» или «народ»? По крайней мере в этом отношении вопрос остается открытым. В будущем «Мошки» во главе вооруженных сил СоВладения поставлен адмирал Лермонтов. И хотя сам он не сторонник образования династии, как глава Военного Флота он хранит верность лидерам, которые за нее ратуют.

Он возглавляет армию в эпоху великого кризиса. Во времена кризисов часто хранят верность одному вождю: Черчиллю, Рузвельту, Джорджу Вашингтону, Джону Ф. Кеннеди (во время Карибского кризиса) и т. д. (Через год после смерти Кеннеди Национальный партийный съезд стоя аплодировал сенатору Пастору, когда тот, обращаясь к съезду, сказал: «Здесь стоял Джон Кеннеди, ДЕСЯТИ ФУТОВ РОСТОМ!»)

Так развивалась Империя.

Взгляните на другую тенденцию: диктатуру личности. Сейчас, в тысяча девятьсот семьдесят пятом, во многих странах правят тираны, во многих установилась «демократия», но и демократии нередко отдают тиранией. Диктатура вряд ли станет главной темой будущего — но не разумно ли предположить возможность этого?

Диктатура часто возникает в период тяжкого кризиса: энергетического, экологического, сельскохозяйственного — да разве мало у нас всяких кризисов? Проблема диктатуры в том, что, когда старик начинает загибаться, возникает кризис передачи власти. В наше время подобный кризис переживает Португалия. Чили, Уганда, Бразилия — дальше приводите примеры сами; рискнет ли кто-нибудь утверждать, что эти страны не повернутся с облегчением к новому каудильо?

Как избежать кризиса передачи власти? Один из способов — бонапартистский: вручить бразды правления родственнику или наследнику диктатора. Возможно, он будет выполнять свою работу не лучшим образом, но после достаточно длинной череды кризисов людям часто бывает безразлично, хорошо ли правят их страной. Людям нужно одно: пусть течение жизни войдет в спокойное русло, дав им возможность заняться повседневными делами.

Предположим, что сын диктатора правил хорошо. Основывается новая династия, и у кормила власти оказывается новая августейшая семья. Про титул «король» определенно можно забыть. Наполеон избрал себе «императора Франции», Кромвель решил стать «лордом-протектором», а в США, по нашему мнению, еще долго будут править президенты, хотя природа президентства, то, как президенты получают свой кабинет, может измениться.

Вспомним, например, что в своих описаниях путешествий Светса по времени Нивен использовал «Генерального Секретаря».

В «Мошке» перед нами встал выбор: сохранить и титулы, и структуру аристократической империи или отказаться от титулов и оставить только структуру. Мы могли бы упразднить «императора» в пользу «президента», или «председателя», или «вождя», или «адмирала», или «поснича». Последнее, к примеру, — это имя настоящего президента, очень важного, чья слава не померкнет в веках: ведь его имя сумело стать синонимом титула «вождь».

Мы могли бы использовать другие титулы (поначалу тоже означавшие «вождь»): «герцог», или «граф» (компаньон короля), или «маркиз» («граф» в случае военных походов). Возможно, так и следовало поступить. Любой из перечисленных титулов мог бы послужить к разъяснению того, что происходит во времена, описанные в романе: благодаря традиционности этих титулов читатель получил бы возможность быстро оценить примерный статус и некоторые обязанности персонажа.

На страницах «Мошки» содержатся намеки на то, что структура правительства не просто скопирована с Британской или Римской империи или Англии времен, скажем, Вильгельма III. С другой стороны, в романе есть точные параллели, которые оказались в Империи благодаря принятой нами модели технологий.

Имперское правление не неизбежность. Это всего лишь возможность.

Залог альтернативной возможности таков: мы в своем тысяча девятьсот семьдесят пятом развиты настолько, что никогда уже не вернемся к прежним дрянным дням. Хотя мы можем назвать ряд сочинений, отстаивающих примерно те же позиции и написанных тысячу лет назад. Каждое столетие такие заметки появляются пачками.

Мы не первые, кто «простер в будущее» личное правление, личную преданность и нынешнее состояния религии. Может статься, и не последние. В любом случае, назначение «Мошки» — развлекать, а не быть докладом о влиянии науки на социальную организацию. (Мы стараемся изложить эти моменты здесь.)

Империя такова, какова она есть, благодаря Движителю Олдерсона и Полю Лэнгстона. Империи без Движителя не было бы вовсе. Межзвездная Империя, разумеется, была бы иной, если бы зависела от рассылки приказов и получения донесений со скоростью света. Карательные экспедиции были бы практически невозможны, невероятно дороги и, скорее всего, бессмысленны: наказание несли бы внуки поколения отделившихся от Империи или даже планета, самостоятельно расправившаяся с предателями после того, как сообщение было отправлено.

Спасательные экспедиции не поспевали бы на помощь терпящим бедствие колониям. Коалиции бюрократов получили бы возможность выделять средства для финансирования таких экспедиций,

подписывать бумаги, утверждающие, что корабли уже вылетели и находятся в пути, и прикарманивать денежки: вдруг через шестьдесят лет никто и не вспомнит, что случилось?

Поле Лэнгстона также крайне важно для Империи. Военные корабли, получив некоторые повреждения, могут продолжать бой. Они оснащены большими черными ящиками с запасными частями и укомплектованы многочисленным экипажем, которому в общем-то нечем заняться, пока не начнется сражение, где половину их перебьют. Что очень напоминает наш флот лет пятьдесят назад.

На торговых судах экипажи не превышают сорока человек. Военный корабль того же класса несет на борту в десять раз больше народу. Почти всем им на протяжении почти всего похода нечего делать; в бою на первый план выходит наличие значительного числа самопрограммирующихся компьютеров. В этом случае исход битвы может зависеть от того, у кого на борту более многочисленная и более обученная команда, — а призов за второе место в сражении обычно не вручают.

Большая команда, изнывающая от безделья, для организации своей деятельности требует специальной системы. Военный Флот давно разработал такую систему и уверенно за нее держится.

Без Поля, обеспечивающего защиту от лазеров и ядерного оружия, сражения свелись бы к единственной атаке. Такие баталии длились бы микросекунду, а не часы. Корабль гибнет или продолжает бой, но вряд ли может получить повреждения. Команда была бы малочисленной, типы кораблей — иными: нечто вроде сегодняшних авианосцев. Вот так технологии диктуют организацию военного флота.

Технологии диктуют и политику. Если вы не в состоянии поместить население или основную его часть под большое поле величиной с город, то для врага из космоса ваша планета обнажена. Поле Лэнгстона позволяет кораблю незаметно проскользнуть к планете, материализовавшись без предупреждения из гиперпространства, а значит, без поля не было бы Империи. Империи бы не было и потому, что, даже если вы подчиняетесь ей, это не гарантирует вам защиту. Планеты были бы населены беспомощными рабами и то и дело попадали бы под власть шаек космических пиратов. Повысить свой статус в обществе означало бы добыть собственный корабль и стать пиратом.

Но с Движителем и Полем Империя может существовать. Каков будет наиболее вероятный облик Империи? Конфедерация представителей? Это вряд ли вдохновит на верность армию и вряд ли будет способно вообще на что-либо. (Во время войны между Штатами главной проблемой Конфедерации оказалась лояльность войск исключительно родному штату, а не центральному правительству.)

Каждая звездная система сохраняет независимость. В этом есть смысл, но будет ли такая структура стабильной? Наверняка появятся силы, стремящиеся объединить по крайней мере часть межзвездного пространства.

Как подобного объединения достигали в прошлом? Неизменно посредством завоевательных войн, или колонизации, или и того, и другого. Каким образом уже завоеванное удерживали в виде единого целого? Всегда за счет преданности вождю, императору, династии, за счет подпор, возведенных на основе религии и системы иерархических ценностей. Даже свободные мыслители прошлого века не считали зазорным заявлять о своей верности Виндзорской Вдове.

Правление большими территориями требует душевной взаимосвязи. А также стабильности. Правление на основе структуры «50 % + 1 акция» не может проводить стабильную политику и в состоянии существовать, только пока меньшинство «50 % — 1 акция» согласно ему подчиняться. Считать ли наследование разумным методом избрания вождей? Тут есть рациональное зерно: такой вождь с младых ногтей знает, что правление назначено ему судьбой, и потому получает необходимое для подобной деятельности воспитание и образование. Выгодно ли давать образование, сразу имея в виду будущие занятия? Или в системе правления лучше проявляют себя официальные лица, выбранные на состязательной основе?

Что ж, можно одновременно использовать разные, противоположные способы. В принципе, это мы и намеревались сделать. Мы выбрали Империю на той стадии, когда ее аристократия еще молода и переживает динамическое развитие, а не застой и упадок; когда аристократы более заинтересованы в исполнении своих обязанностей, чем в добыче привилегий; но мы ничуть не сомневаемся: это не продлится вечно.

ОТДЕЛЬНЫЕ ДЕТАЛИ

Роберт Хайнлайн однажды написал: лучший способ придать описанию привкус будущего — это внезапно вставлять диковинные штрихи повседневности. И привел пример: «Диафрагма двери открылась».

В «Мошке» встречается целый ряд таких штрихов. Надеемся, что не испортили книгу, рассовав там и сям изобретенные нами реалии. Одна из самых ярких подробностей — использование персонального компьютера, который не только занимается вычислениями, но и дает владельцу доступ к любой ближайшей базе данных; в результате вы получаете ответ на любой свой вопрос (конечно, если такой ответ существует, а вы смогли правильно задасть вопрос).

Подобные детали — не просто бессмысленное перечисление на страницах «Мошки» возможных новшеств будущего. С наших героев станется о чем-то не догадаться или не состыковать должным образом обрывки информации, но они никогда не забудут ни о чем важном. Например, Салли Фаулер не может вспомнить, куда поместила запись переговоров, но довольно быстро находит нужный файл.

С другой стороны, в потоке информации люди зачастую тонут.

Есть и другие мелочи, благодаря которым развивается сюжет. Рациональный дизайн космических скафандров, выгодно отличающийся от неуклюжих костюмов, используемых в наши дни. Личное оружие. Хрусталь на банкете на борту «Макартура»: крепкий словно сталь, вырезанный из лобового стекла разбитого десантного челнока времен Первой Империи, напоминание о технологиях, утерянных в прошедшую войну. Одежда и мода, положение женщин; мириады подробностей повседневной жизни. Нельзя сказать, что все они разительно отличаются от современных нам реалий. Кое-что мы сохранили как есть, пронеся через века. Кое-что (скажем, традиции, связанные с винами и крепкими напитками) мы сделали освященным веками и незыблемым. Меняй мы все подряд, получилась бы попытка написать точный портрет нашего будущего на тысячу лет вперед, и роман погряз бы в деталях.

Возможно, «Мошка» — единственный роман, где во имя сохранения сюжетной линии изменили орбиту планеты.

Во вступительных эпизодах в первых набросках «Мошки» Нью-Чикаго предстает холодной планетой, обращающейся по далекой от своего солнца орбите. Наверное, прежде это роли не играло, и Ларри Нивен не обращал на это внимания.

Представляя читателю леди Сандру Лидделл Леоновну Брайт Фаулер, Нивен вел рассказ с точки зрения морского пехотинца, потеющего на жарком солнце. Морской пехотинец думает: «На ней ни капли пота. Ну прямо ледяная статуя, вырублена искуснейшим скульптором всех времен».

Отличные строки. К сожалению, это возможно только на жаркой планете. Чтобы сохранить линию повествования, пришлось подвинуть орбиту.

Джерри Пурнелл переместил орбиту, и Нью-Чикаго оказалось гораздо ближе к своему остывающему солнцу. Соответственно изменились продолжительность года, климат да и вся история планеты.

Что ж, игра стоила свеч. Порой проще создать новый мир, чем в энный раз выдумывать удачные строки.

* * *

Брандашмыг вдвое крупнее динозавра. Скелет у него гибкий, но суставов нет; единственные выросты на его гладкой белой шкуре — это кустики сенсорных щетинок по обеим сторонам конусообразной полой головы. Животное перемещается благодаря волнообразным движениям ноги-опоры на животе. Обитает Брандашмыг в низинах Джинкса, обходя залежи забродивших серых водорослей вдоль побережья. Вы можете считать это животное самым беззащитным в известном космосе... пока не увидите, как оно несется на вас, словно сорвавшаяся с места гора. Мне довелось видеть старый броневик, раздавленный о подножие скалы, и на нем сломанные кости какого-то огромного зверя, загнавшего машину.

СОДЕРЖАНИЕ

Хронология 5
Свет Мошки 7
Рефлекс 15

МОШКА В ЗЕНИЦЕ ГОСПОДНЕЙ

Действующие лица 33

Пролог 35

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗОНД БЕЗУМНОГО ЭДДИ 36
Глава 1. Приказ (3017 г. н.э.) 36
Глава 2. Пассажиры 46
Глава 3. Обед в кают-компании 58
Глава 4. Экстренное сообщение 64
Глава 5. Лик Господа 72
Глава 6. Солнечный парус 79
Глава 7. Зонд Безумного Эдди 92
Глава 8. Чужак 97
Глава 9. Его высочество принимает решение 103
Глава 10. Палач 108
Глава 11. Церковь Его Имени 113
Глава 12. Спуск в ад 118

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТОЧКА БЕЗУМНОГО ЭДДИ 129
Глава 13. Взгляд вокруг 129
Глава 14. Инженер 137
Глава 15. Работа 146
Глава 16. Ученый-идиот 150
Глава 17. Выселение мистера Кроуфорда 158
Глава 18. Каменный Улей 167
Глава 19. Второй по популярности канал 177
Глава 20. Ночная вахта 182
Глава 21. Послы 192
Глава 22. Словесные игры 204
Глава 23. Элиза, пересекающая льды 216
Глава 24. Домовые 225
Глава 25. Мошкита капитана 235

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВСТРЕЧА С БЕЗУМНЫМ ЭДДИ 245
Глава 26. Мошка-1 245
Глава 27. Экскурсия 259
Глава 28. Kaffee Klatsch 273
Глава 29. Часовщики 282
Глава 30. Кошмар 289
Глава 31. Поражение 295
Глава 32. «Ленин» 310
Глава 33. Падение на планету 315
Глава 34. Правонарушители 321
Глава 35. Беги, кролик, беги 326
Глава 36. Рассудительность 338
Глава 37. Урок истории 344
Глава 38. Окончательное решение 356

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. РЕШЕНИЕ БЕЗУМНОГО ЭДДИ 363
Глава 39. Отступление 363
Глава 40. Прощание 369
Глава 41. Подаренный корабль 375
Глава 42. Мешок битого стекла 383
Глава 43. Жалоба торговца 385
Глава 44. Военный совет 388
Глава 45. Прыжок Безумного Эдди 397
Глава 46. Лично и срочно 405
Глава 47. Возвращение домой 414
Глава 48. Штатский 419
Глава 49. Парад 430
Глава 50. Искусство ведения переговоров 442
Глава 51. После бала 450
Глава 52. Право выбора 460
Глава 53. Джинны 472
Глава 54. Из бутылки 480
Глава 55. Козырь Реннера 485
Глава 56. Последняя надежда 493
Глава 57. Искусство измены 499
Глава 58. А может, лошадь запоет 507
Эпилог 510

ХВАТАТЕЛЬНАЯ РУКА

Действующие лица 517

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СНЕЖНЫЙ ПРИЗРАК 519
Глава 1. Уютное местечко 519
Глава 2. Прием 533

Глава 3. «Магический червь» 543
Глава 4. Снежный призрак 554
Глава 5. Истинная Церковь 564

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СПАРТА 573
Глава 1. Столица 573
Глава 2. Туристы 587
Глава 3. Джок 602
Глава 4. Вето 613
Глава 5. Пассажиры 623
Глава 6. Семена измены 640

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КРЕПОСТНОЙ РОВ ВОКРУГ ГЛАЗА МУРЧИСОНА 660
Глава 1. Новая Ирландия 660
Глава 2. Высокая Комиссия 671
Глава 3. Коммуникации 687
Глава 4. Точка I 709
Глава 5. Борьба за Сестру Безумного Эдди 735
Глава 6. Неприятель сдает позиции 740
Глава 7. Лабиринт лжи 754
Глава 8. Мединская База Шесть 771

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЧЕРВЬ БЕЗУМНОГО ЭДДИ 793
Глава 1. Татары 793
Глава 2. Город паразитов 813
Глава 3. Шоколад 827
Глава 4. Послания 841
Глава 5. Оружие мединской мечети 858
Глава 6. Здравый смысл 868
Глава 7. Прыжковый шок 885
Глава 8. Яростная погоня 903

Эпилог. Эндшпиль, или Конец войне 928

Как мы писали "Мошку в зенице Господней" 938

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Нивен Ларри
Пурнелл Джерри
Мошка в зенице Господней
Хватательная рука

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Подписано в печать 03.05.07.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 60.
С.: Под Дозоры. Тираж 2000 экз. Заказ № 4724079

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано на ОАО " Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

«Мошка» вернула жанру космической оперы
его истинный, вполне серьезный смысл.

Джеймс Ганн

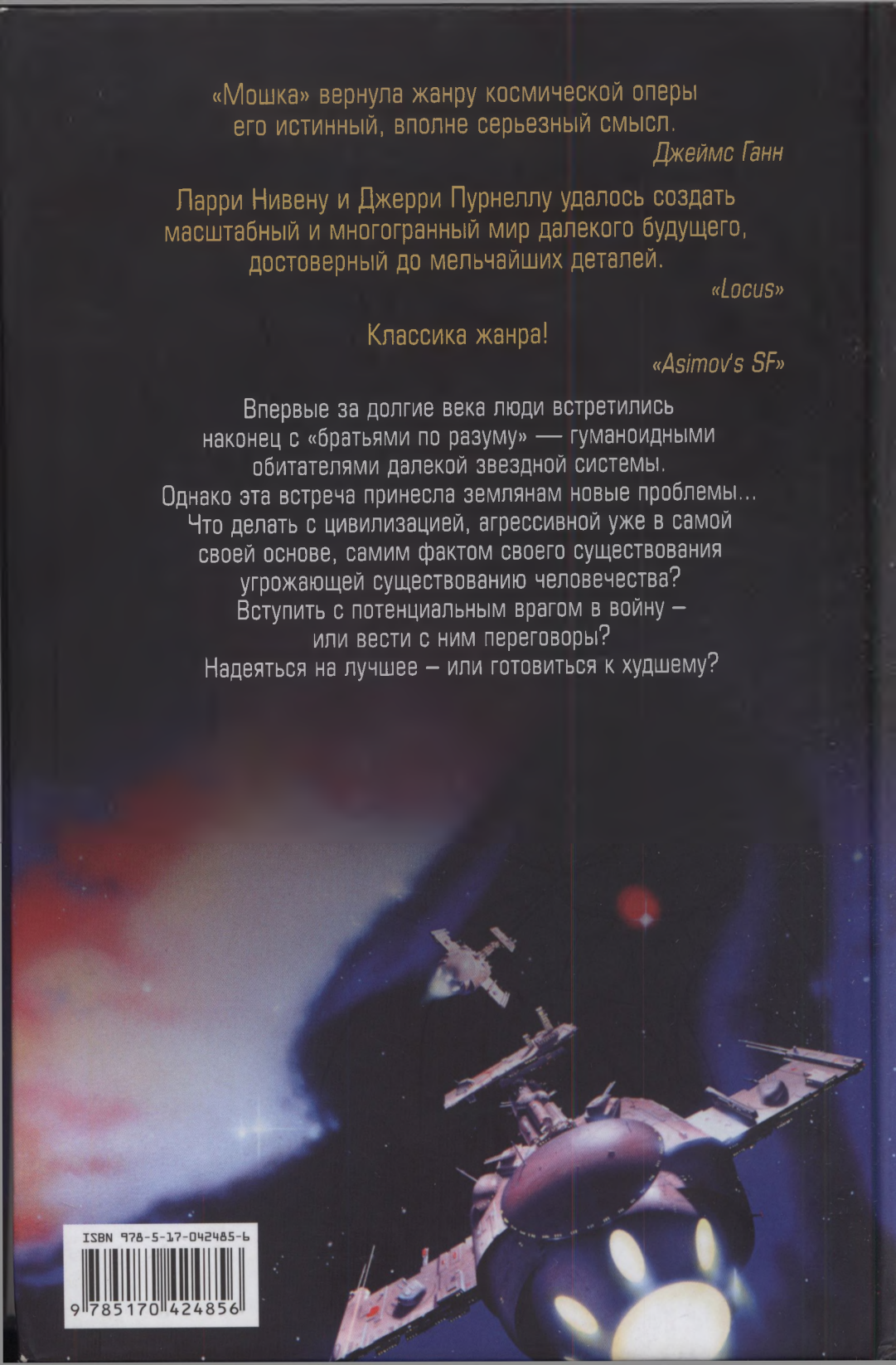
Ларри Нивену и Джерри Пурнеллу удалось создать
масштабный и многогранный мир далекого будущего,
достоверный до мельчайших деталей.

«Locus»

Классика жанра!

«Asimov's SF»

Впервые за долгие века люди встретились
наконец с «братьями по разуму» — гуманоидными
обитателями далекой звездной системы.
Однако эта встреча принесла землянам новые проблемы...
Что делать с цивилизацией, агрессивной уже в самой
своей основе, самим фактом своего существования
угрожающей существованию человечества?
Вступить с потенциальным врагом в войну –
или вести с ним переговоры?
Надеяться на лучшее – или готовиться к худшему?

ISBN 978-5-17-042485-6